

Миссионерское Обозрение
1900 год. Январь-Июнь. № 1

Январь

«Якоже посла Мя Отец и Аз посылаю вы». Ин.20:21.

«Идите паче ко овцам погибшим дому Израилева». Мф.10:6.

«Скорбь ми есть велия по братии моей». Рим.9:1–3.

**Новогодние размышления о застарелых заблуждениях
относительно внутренней миссии // Миссионерское
обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 4–18**

Христос Спаситель, призывая членов Своей Церкви к совершенству и святости, призвал их в то же время к неустанной деятельности. Содевайте спасение, – *Царствие Божие нудится... Вера без дел мертва...* Совершенство последователей Христовых, по заповеди Его, должно быть не плодом только личной веры, внутреннего устремления к бесконечному, но плодом веры, «любовью, споспешествуемой», плодом живого делания, живой, дружной, одушевлённой работы. Не трудясь, не употребляя своих сил на пользу ближних, нельзя прожить достойной христианина жизнью. В исполнении этой заповеди Господь вмести́л высшее благо человека, наилучшее счастье земного бытия нашего. Каждый год, каждый час дела, каждое проведённое в жизнь доброе движение сердца – дают христианину такую радость, такое удовлетворение и истинное счастье, каких никогда не найдёт человек, живущий только для себя лично без идейного, разумного, самоотверженного труда во славу имени Божия и на пользу ближнего. Христианин, смотрящий на жизнь свою как на борьбу со злом, может быть и счастлив только в том случае, если он действительно ведёт эту борьбу в союзе любви с своими братьями о Христе.

Но не все скоро находят себе среди шума житейской суеты надлежащий путь для деятельности спасительной любви. Часто, а наипаче в такие моменты, как новый год, – видя перед собой расстилающееся необозримое море жизни, многие останавливаются мыслью на том вопросе: что же им в новом лете благодати Божией предпринять? Куда направить свой путь, чему наипаче посвятить свои силы? И бывает так, что год приходит и уходит, а недоумевающий человек всё ещё ждёт, жаждет подвига, но не может найти его, не замечая, что всё у него под руками, что жизнь не только на каждый новый год, но и на каждую минуту – предъявляет ему свои неотложные запросы на неисчислимо́е количество святого, благого, честного, разумного и много-полезного дела.

Таким людям (а имя им легион!) нужны указатели – верстовые столбы жизни, нужны путеводные звёзды, в форме примеров уже совершаемого в жизни добра.

Итак, мы снова вошли во врата нового лета благодати Божией и стоим у порога нового века, а потому будет благовременно

поразмыслить, куда же идти ищущим благой и спасительной деятельности? К чьим трудам приложить труды свои? Где есть необходимость в нашей братской помощи, в нашем участии, сострадательной любви, в нашем сочувствии?

Прекрасна и почтенна деятельность на пользу физически страждущего человечества, достойны всякой хвалы, уважения и благодарности люди, пекущиеся о народе, его земную жизнь устрояющие, на его насущные нужды чутким сердцем своим откликающиеся. Они дают людям великий, достойный подражания пример разумного служения ближнему, – деятельности, основанной на христианской любви и самоотречении... Но не о них у нас на новогодних страницах органа миссии будет наша речь и не к подражанию и соревнованию им наш долг призывать ныне других.

Наша речь – о родных миссии деятелях, врачующих иные недуги и немощи, совершающих скромно иное неземное, святое, великое и важное дело, и, однако... и в канувшем в Лету прошлом и в наступившем настоящем, мало ободряемых, плохо понимаемых, часто пренебрегаемых, а иногда злословимых...

Мы говорим о миссионерах с их тяжёлой борьбой против заблуждений раскола и сектантства, с их проповедническими и апостольскими трудами по обращению заблудших.

Миссионерская деятельность, долженствующая скреплять, связывать и одушевлять живых членов Церкви Христовой между собой в их общей любви к своей матери – Церкви и её немощным чадам, нашим братьям, настолько отличается от трудов первого рода деятелей, насколько дух отличен от тела, насколько касается миссия не внешней, но внутреннейшей, направляющей жизнь, стороны человеческого существа, которая одна только и даёт человеку право на название его *человеком*. И, однако, повторяем, к этой-то священной деятельности прошлое всегда было мачехой, всегда недостаточно сочувственно: оно и таило, и открыто заявляло по адресу внутренней миссии много недоумений, которыми окружается институт миссионерский в сознании многих представителей нашего и верующего, и полу-верующего, интеллигентного общества.

Разберёмся в этих недоумениях, в уповании, авось реже придётся встретаться с ними в новом лете благодати Божией.

Для многих дело внутренней миссии представляется служением не важным и не необходимым. Такие люди полагают, что раскольнические и сектантские заблуждения – предмет недостаточно важный, чтобы ему посвящать много внимания и сил, что они проходят, якобы без вреда, не задевая ни частной, ни общественной, ни

государственной жизни людей, и что миссионеры ратуют о схоластических только мелочах, которые могут интересовать разве только духовную касту и ханжей из мирян, а отнюдь не просвещённых людей. Можно жить, веруя так и иначе; квакая вера лучшая – это один Бог ведает, – лучшей верой нашего нового века должно почитать – *свободу совести* и искренность убеждений; религиозные убеждения вовсе не так значительно влияют на жизнь и существо человека, как утверждают миссионеры и духовная каста. Притом же, миссионерская деятельность совсем не соответствует духу христианской любви и терпимости и потому-то она оказывается яко бы совершенно бесплодной.

Так рассуждают не какие-нибудь русские немцы или иноверцы, а числящиеся в православии русские люди.

Такие речи часто слышишь среди людей просвещённого класса. Однако эти слова характеризуют противников миссии как людей, очень мало вдумывающихся в такие серьёзные явления жизни, как раскол и секты, как мало знающих тот предмет, о котором они произносят свой строгий, суровый и несправедливый суд.

Едва ли другому чему более приличествует название *заблуждения*, как приведённому выше мнению о малой значимости для жизни религиозных убеждений (на чём, преимущественно, и основывают свои возражения против внутренней миссии её противники). До осязательности понятно это каждому из пастырей Церкви, по долгу звания своего, знающему внутреннего человека и имеющему возможность ежедневно наблюдать, как под влиянием истинной религии постепенно преобразовываются грешная воля, сердце и жизнь. Но и всякий, кто захотел бы посмотреть на жизнь не скользящим лишь по поверхности взглядом, а взором, доискивающимся внутренней основы жизненных явлений – понял бы скоро, насколько важно и жизненно – как для отдельного человека, так и для целого общества и государства – именно дело религии. Только религия, а не какие-нибудь материальные и экономические причины, является тем началом, которым определяется характер человека, направление его деятельности, способ его отношения к жизни. Какова вера, таков и человек, – разумеется, если вера проникает всю жизнь человека, если он искренно и честно поступает согласно с убеждениями совести и по требованиям религиозного идеала устраивает окружающую его действительность. А отсюда – никогда не должно быть безразлично, *во что и как* верует общество и отдельный человек, а тем более народ, и *что* исповедует. Религиозные убеждения непременно отразятся и на человеке, и на обществе, и на

складе нравственной жизни народа. Приведём один–два общеизвестных примера. Вот перед нами такая глубокая, по-видимому, религиозная система, как буддизм. Но не будучи истинной религией, он своей проповедью веры в безличного Бога, своим обещанием покоя нирваны исторически воспитал в своих последователях лишь дряблость воли и пессимистически-унылое настроение. Вот мусульманство с его могущественным Аллахом и чувственными представлениями рая. Оно создало ленивую, бездеятельную, фаталистическую и фанатическую массу, которой чужда мысль о деятельном Богоуподоблении и которая более всего в жизни дорожит лишь своим спокойствием и наслаждениями скоропреходящих благ мира сего. Вот позднейшее еврейство с его внешними талмудическими предписаниями, с его чуждыми духа толкованиями богооткровенного Моисеева закона. И оно дало миру лишь расу торгашей и эксплуататоров, под игом которых стонут угнетаемые ими, более разборчивые в нравственных средствах, народы. Но вот и христианство, принёсшее с собой на землю семя новой, истинно человеческой жизни. Не под влиянием ли его воспитались нации, стоящие ныне во главе человечества? Не оно ли вдохнуло жизнь в уже омертвевшие жизненные формы и не оно ли постоянно выставляет на поле жизни всё новых и новых бойцов за любовь и свободу? Да, христианство, как истинная, богооткровенная религия, является единственной средой, где вольно и свободно чувствует себя окрылённый божественными идеалами добра и истины дух человека, и где даны все условия для того, чтобы человек мог в полной мере развить все заложенные глубоко в природу его зачатки добра и правды. Не ясно ли отсюда, как грубо заблуждаются утверждающие, что будто бы безразлично для человека верить так или иначе, что религиозный произвол, именуемый свободой совести, есть лучшая вера. Нет, в интересах человечества, в интересах благоденственного земного нашего жития долг каждого верного сына своей Церкви и отечества заботливо охранять *истину христианства*, всемерно стараться о сохранении её в полной чистоте и неприкосновенности и об ограждении православия от посягательств со стороны врагов его.

Но если ложность нехристианских убеждений есть зло, вносящее расстройство в существо и жизнь человека, общества и государства, зло, – с которым для блага людей важно и должно бороться, то таким же, если не большим, злом является и извращение и несовершенное понимание самого христианства – удел всякого раскольнического и сектантского общества в их отделении от Церкви православной. И своеобразные раскольнические и сектантские воззрения,

опровергаемые и исправляемые миссией, вовсе не так безобидны и безразличны для жизни, как это кажется мнимым ревнителям свободы и близоруким противникам миссионерской деятельности. Ниже мы докажем это положением ссылок на непреложные жизненные факты. Но предварительно остановимся на следующих общих и представляющихся нам необходимыми для выяснения вопроса рассуждениях.

Когда Христос Спаситель на тайной вечери умыл ноги ученикам Своим, Он сказал им: «если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу. Ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам» (Ин.13:14–15). Этими словами Божественного Учителя начертан уже был основной закон, который должен управлять жизнью членов, созданной Им на земле Церкви. Любовь самоотверженная, любовь взаимо-подчиняющаяся – вот то бремя благое и лёгкое, которое возложил Он на рамена учеников Своих, Сам, дав им образ, да последуют стопам Его. Эта любовь требует отречения от своего, отсечения всего личного, горделиво-эгоистического во имя высшего, божественного, сверхчеловеческого. Оттого, верный последователь Христа никогда не может противопоставлять своего личного, ограниченного разума и воли общему церковному сознанию последователей Христовых. Тем он нарушил бы союз любви и обнаружил гордость и самопревозношение. Его долг – неизменная, николиже отпадающая – любовь и непрестанное самоограничение. И в награду *этой* любви Спаситель дал Свои обетования: «будете *сынами Отца* вашего (Мф.5:45)»; «если вы пребудете в слове Моём, то вы истинно Мои ученики, и *познаете истину*, и истина сделает вас *свободными*» (Ин.8:31–32); «мир оставляю вам, мир Мой даю вам» (Ин.15:27); «сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет, и радость ваша будет совершенна» (Ин.15:11). Отсюда – и познание Христовой истины и плоды её – свобода, радость, мир и истинное сыновство Богу – при правильном нравственном усвоении – являются, по слову Спасителя, достоянием лишь тех, кто сохранил неразрывным союз любви с своими по духу веры и Церкви братьями, кто во имя её отказался от гордости и кичливости, словом – тех, кто при всех испытаниях жизни остался верен святой Церкви Христовой, которую поставил Господь «столпом и утверждением истины» во всей роды века, – на сохранение залога вручённой ей веры в любви и смирении. А поэтому же, вне Церкви – только ограниченность близорукое человеческого мудрования, только постыдное рабство сотворённым нашим веком грешным кумирам, и несовершенство, и зло, и уныние, и страдание...

Всё это нетрудно показать и на живом примере исторических судеб, существующих перед нашими глазами расколо-сектантских обществ.

Они создались на почве церковной анархии, через противопоставление личных, ограниченных мнений человеческих вселенскому сознанию Церкви и, лишившись за это истины, лишились и всех благословений, и благодати Божественного Основателя Церкви. Сделавшиеся законом жизни их мнения неминуемо приводят их к извращению образа созданного по Богу человека, потому что в Церкви, имеющей разум сверх человеческий, всё разумно и совершенно, и ничто не может быть отринуту в ней без явного ущерба для жизни и нравственности.

Присмотритесь внимательнее к миру раскола-старообрядчества... перед вами развернётся скорбный свиток печали, на котором написано «и рыдание, и жалость, и горе» ...

Отделившись от Церкви из ложного убеждения в извращении веры, вследствие произведённого при патриархе Никоне исправления внешней церковной обрядности, раскол тотчас же и попал в позорное рабство букве обряда, в котором продолжает пребывать и доселе. Под гнётом этого рабства глохнут, не находя себе удовлетворения, высшие проявления духа, и создаётся для отщепенцев удушливая атмосфера, где нет уже места оживотворяющей человека благодати, а потому – ни миру, ни радости, ни спокойствию, ни совершенству. Грозный призрак антихриста, заслонивший собой светлый образ Христа у беспоповщины и некоторой части поповцев-противо-окружников, антихриста, якобы всё осквернившего и на всё наложившего мерзкую печать свою, – не может, конечно, вдохнуть в них энергии и бодрости, не может способствовать благоустроению жизни. Достаточно вспомнить лишь из истории беспоповщины необозримую массу самоубийственных смертей, или хотя бы только недавнее ужасное Тираспольское дело – плод все того же, возникающего под влиянием мысли об антихристе, «блаженного извола о Господе», – секты морильщиков и красно-смертов, – чтобы понять всё страшное жизненное значение этого ложного представления. Оно парализует духовные силы, оно давит жизнь своей стихийной тяжестью. Мало того. Оно лишило беспоповцев священства и таинств и оставило их почти совсем без утешений религии. «И вот, скажем словами Екклезиаста, видел я слёзы угнетённых, а утешителя нет у них» (Еккл.4:1).

Разве может служить утешением единственное наивное соображение этих мучеников ложной идеи: «уж как Спас знает... на Спасову милость полагаемся...»? И бегут люди в леса и пустыни,

спасаясь от рокового прикосновения зверя, не хотят знать ни паспортов, ни судов, ни властей, нарушая тем правильный порядок жизни общественной (странники). Другие, оставаясь и в обществе, волнуются непрестанно вопросом о браке, приходят к его отрицанию и дают видеть миру странные картины детоубийства, насилия, вытравливания плода, презрения родителей к детям и пр. и пр., и пр... Кто же скажет, что весь этот умственный, нравственный и житейский хаос, возросший на почве учений раскола, – не реальное зло не реальное человеческое страдание?..

Более твёрдости, спокойствия и уверенности имеет другая, поповщинская половина раскола, но и она чужда того мира, который Господь оставил Своей Церкви: «мир Мой даю вам». Попавши в зависимость от беглых и недостойных священников, она также принуждена мучиться голодом духа, не говоря уже о том, что скорбное сознание незаконности, неканоничности своего положения часто потрясает её до самых основ... Беглый священник, или беглый митрополит... они не преподадут благодати, «немогущая врачующей», не успокоят совести, не разрешат сомнения алчущего истины духа! И опять волнуются люди, опять запутываются в неразрешимых сомнениях и опять изнемогают под бременем тягостной мысли: «спасены ли мы? где же истина? весь мир погибает в грехе!..»

Всё же мировоззрение ведёт и их, как и беспоповцев, к отчуждению, к обособленности, к ненависти против никонианства, а часто – к жестокости, к насилию и к попранию всего не носящего характера их старины священной. Нужно ли говорить, что и это несовершенство, и это страдание, и это великое зло!?

Вот перед нами бурные потоки сектантства. И здесь в результате своевольного горделивого отчуждения от православия, из ложной уверенности в его несогласии с Библией, в довлеемости одного лишь собственного разума для понимания и толкования Слова Божия для спасения и благоустройства жизни, – видим мы тоже или постыдное рабство страстям, или же рабство букве Писания. Туманный мистицизм и холодный рационализм одинаково неизбежно влекут сектантов к нравственным безднам испорченности, к общественным и политическим беспорядкам. Одних мистицизм, в соединении с нецерковным толкованием евангельских текстов, приводит к уродству (скопцы). Других он подвергает искушению самообожания (хлысты), заставляя их воображать себя сосудами духа и принимать за вещания этого духа всякую гнусность, какая только может прийти в голову оболыщённому прелестью дьявола человеку. Третьих он же влечёт и на путь социальной анархии (духоборцы), запрещая им во имя Бога

повиноваться Богоустановленной власти, принуждая их с громадными жертвами переселяться в Америку, – как будто не везде одинаковы люди, и как будто возможно прожить в каком-нибудь обществе без, повинностей, без самоограничения! А всех их вместе мистицизм сектантский выделяет из среды окружающих, воздымая гордостью, презрением и самомнением, совершенно несовместимыми ни со словом Св. Писания, ни с идеалом истинного христианина, ни с условиями правильной общественной жизни.

Рационалистическое сектантство, развивающееся, преимущественно, на юге России, под благовидным предлогом нравственного совершенства и жизненного довольства, отторгая, в виде протеста, членов Церкви Христовой, также коверкает потом духовную, семейную и общественную жизнь их, внося в неё элементы всевозможного разложения. Та сравнительная чистота нравов и чуткость к нуждам *своих*, то экономическое довольство, которые иногда отличают этих сектантов, и на которые так любят ссылаться интеллигентные сектофилы наши, – и не долговечны, потому что пропадают вскоре же вслед за оскудением первоначального религиозного одушевления секты, и прикрывают, обыкновенно, собой грядущие и нравственные, и социальные беды. У сектантов никогда не бывает святых, хотя может быть и много житейски обязательных и к единоверцам своим добрых людей. Конечно за доброе не нам осуждать их. Само по себе оно вытекает только из небольшой, сохранённой ими, частицы беспредельной истины христианства. Но за то, на ряду с добром – сколько иного, грустного содержания таится в неправых их мнениях и в фарисейском поведении! Фанатически убеждённые в личной правоте и святости, подстерегая и злорадно отмечая всякий факт несогласованности жизни с верой в православной среде, они скоро уходят в одну лишь холодную критику и, отвергнув мудрую дисциплину Церкви, не замечают, как исконный враг человеческий мало-помалу сеет плевелы на ниве сердец их. Слишком известны высокомерие и самодовольство хотя бы штундизма, который, гордым самомнением о богословском всеведении толпы, о свободе и равенстве людей, критическим отношением к авторитету власти церковной и гражданской, извращает ум и сердце своих последователей и порождает в подобной среде церковно-религиозный нигилизм, анархию и общественный социализм. О других порождениях рационализма не будем много распространяться. Отметим одно, что в обществе рационалистического сектантства невыносима жизнь для не единоверных с ними, т. е. исконного православного населения, на каждом шагу оскорбляемого в самых дорогих чувствах своей св. веры.

Под мертвящим влиянием рационалистического критиканства теряются лучшие свойства души русского человека, его смирение и добродушие, пропадает у русских людей любовь к родине, переносимая то на немцев, то на евреев (штундисты и субботники), и подкапывается этой самоуверенной проповедью могучее здание русского государственного организма! А вместе с тем, опять слышим мы стон неудовлетворяемой, задыхающейся в сектантской атмосфере души, – опять голод духа, опять пессимизм и уныние, близкие к отчаянию, – свидетельствуемые непрестанно кровью сердца писанными рассказами тех, кого Господь по благости Своей уже вывел из этой пучины... После этого, хватит ли у кого силы сказать, что и это – не страдание? что и это не великое зло?

Итак – не безжизненны и не безвредны те раскольнические и сектантские заблуждения, с которыми ведут свою борьбу незаметные скромные деятели нашей внутренней миссии. Напротив, представляясь на поверхностный взгляд безобидными, они на самом деле крайне серьёзны, потому что, как тля и ржавщина, полны все-разъедающей и все-разлагающей силы. Только что сказанное о расколо-сектантстве, думаем, уже достаточно доказывает это. Нецерковные идеи, лишая людей единственно возможной для правильного нравственного развития церковной стихии, скоро искажают в них Божественный образ, заводят их в непроходимые дебри беспорядка и порока. Логика жизни жестоко мстит самим отщепенцам за поругание истины веры. Но из-за них страдаем и мы – православные, страдает Церковь, страдает государство. Отщепенцы ненавидят нас, они колеблют основы жизни нашей. Крест и испытание наше – это множество людей, живущих с нами, но совершенно чуждых нашему духу, презирающих нас, отшедших от нас в страну далече из-за своих часто странных и действующих тем опаснее, чем более неважными кажутся они, воззрений.

Поэтому, бороться с последними, очевидно, – дело великой государственной важности. В них – корень зла. А отсюда ясно, что, раскрывая зло, обличая заблуждения, распространяя истину, миссионеры несут даже не просто полезную, но, действительно, необычайно ответственную и важную службу Церкви и государству.

Остановимся на другом возражении противников миссионерства, которое зиждется на предположении в нем лишь *нетерпимости и фанатизма*. Станный упрёк людям, более всех чуждым и фанатизма, и нетерпимости! Миссионерство, по самому существу своему, исключает всякую возможность нетерпимости, насилия, являясь плодом сострадательной любви Церкви к духовно-немоощным своим

чадам. Но что такое терпимость? Неужели она должна переходить в индифферентизм в религиозное безразличие, в попустительство зла и тьмы! На ряду с уважением чужих мнений должно быть и уважение к своим мнениям, и сознание святости их, и скорбь за непринятие их. Если истина, вами содержащая, несёт людям мир и благословение, если ложь, запутывающая окружающих, заставляет больно страдать их, то не возьмёте ли вы на себя грех, не проповедуя им своей истины, и ещё больший грех, – не раскрывая ложности их убеждений? Да, это значило бы – покидать страждущих, оставлять без помощи в ней нуждающихся. Поэтому, миссионерство воистину есть *подвиг высокой Христовой любви*. Миссионеры говорят и проповедуют не потому, что ненавидят отщепенцев, но потому, что братски болеют о них и желают им спасения и благоденствия. Они призывают отпавших в тихую пристань – в ограду Церкви Христовой, так-как сама история и жизнь говорят, что в Церкви только и возможно истинно-человеческое совершенство; в ней только мятущиеся, страждущие и обременённые и находят ослабу и покой душам своим, в ней только, наконец, залог правильности, высоты и нравственной, и общественной жизни. Любовь заставляет подвижников миссии переносить великие труды и многие огорчения – и презрение, и ругательства, которых так много на тернистом пути миссионерства, любовь заставляет их и касаться тех важных «мелочей», о которых так высокомерно трактуют наши просвещённые порицатели миссионерства. Миссионеры по опыту знают, что это не мелочи, а полные силы жизненные факты. Пусть и не важен, по-видимому, вопрос о каком-нибудь сугубом аллилуиа, но из-за него гибнут люди, а где идёт речь о спасении человека, там мелочей не должно быть. Пусть незначителен также с первого взгляда вопрос о праздновании субботы, но, идя от него последовательно, люди приходят к свержению благого ига христианства и становятся жидовствующими паразитами. Пусть явно смешны и нелепы подчас бывают сектантские толкования Священного Писания (в роде напр. того, что в словах: «окропиши мя иссопом»¹ – видят указание на необходимость «сопеть» друг на друга, чтобы получить благодать, иди – слова: «блюдитесь от кваса фарисейска» понимают как прямое запрещение всякой квасной пищи), но об букву Писания здесь споткнулся наш брат о Христе, носящий в себе образ Небесного Отца нашего, искупленный честной Кровью Христа, и миссионеры исполняют лишь долг любви нашей, бросая лучи света в безотрадное царство этой умственной темноты. Где же тут фанатизм, где же насилие?

Правда, и слово негодующего укора, и слово резкого обличения слышится иногда из уст миссионеров, когда встречаются они с фактами возмутительного насилия, с мнениями, или ничего общего с религией не имеющими, или представляющими собой явный соблазн, явное беззаконие. Но упорное, закоренелое зло, ведь, и требует себе энергичного противодействия. Для исцеления застарелой язвы часто совершенно необходимы бывают именно наиболее сильные, а иногда и оперативные средства. Не нужно забывать, что в расколе и сектантстве много *очень* дурного и вредного, к чему нельзя остаться равнодушным, что под покровом религиозного невежества в нём часто действуют одни тёмные силы, лишь разоряющие народ и его растлевающие. Какие-нибудь «коммерсанты рая», продающие тёмному деревенскому люду за 5–10 рублей места первого и второго класса в раю, какие-нибудь щекотуны и хлыстовские пророки, обращающие религию в орудие для достижения своих гнусных целей, какие-нибудь продажные и корыстные вожаки слепого раскола – разве заслуживают снисхождения, разве заслуживают, по своей грубости, христианского тёплого приветствия и ласки? Поэтому, обличая их со всей силой накопившегося в душе негодования, предостерегая от них увлекаемых ими, неискушённых жизнью людей, миссионеры опять-таки исполняют лишь тот долг христианского братолюбия, который лежит на всех нас, и в отношении к православным, охраняемым миссией и к заблуждающимся немощным нашим братьям по вере. Здесь, как и в других случаях, миссия идёт притом на встречу и на помощь лучшим элементам из православной массы и самого сектантства, стонущим под гнетом слепых вождей или бесчестных эксплуататоров, под игом навязанных им заблуждений, но не могущим понять ни вреда их, ни своекорыстия своих вожakov.

Нам остаётся, наконец, сделать ещё одно замечание по поводу упомянутого выше нареkania о бесплодности миссионерской проповеди. В этом случае, обыкновенно, указывают на недостаточно большое количество обращающихся в лоно Церкви раскольников и сектантов. По не всё, ведь, можно взвесить и измерить той внешней меркой, которая прикладывается, обыкновенно, к трудам земных деятелей. Есть неосязаемая область человеческих настроений, где при измерении бессильно часто бывает человеческое искусство. Кто сумел бы точно выяснить, напр., значение взгляда, улыбки, сердечной, ласковой речи? И тяжёлый труд миссионера точно так же не должен быть измеряем только количеством обращённых, потому что он приносит свой плод прежде всего – именно в настроении. Пусть далеко не всегда результатом его бывает обращение заблудших в

Церковь Христову (хотя переживаемый при этом нравственный переворот, делающий человека и истинным христианином, и хорошим членом общества, один уже имеет бесконечную цену), но тем не менее, миссионерское слово не может не быть и живо, и действенно, и многоплодно. Обличая заблуждение, разливая свет истины, оно незаметно побеждает в сектантстве предрассудки, смягчает утвердившиеся предубеждения. Будучи словом любви, действуя на души заблуждающихся, оно вливает в них новые благодатные струи, вызывает к жизни их лучшие душевные силы и содействует тем нравственному обновлению человечества. Оно много способствует утверждению веры слабых и колеблющихся, крепости и непоколебимости верных чад православной Церкви, их утешению и назиданию. Наконец, оно распространяет правильные гражданские понятия, утверждает основы правильной общественной жизни, скрепляет могучею связью весь общественный организм, одушевляя людей одной православной истиной, заставляя всех преклониться перед ней, как святыней православной веры нашего отечества, как оплотом, зиждущей силой нашего государства. Думается, что если бы кто-нибудь из недоброжелателей миссионерства дал себе труд побывать хоть однажды где-либо на миссионерских беседах, если бы он собственными глазами увидел огромную, сплотившуюся воедино, толпу алчущих и жаждущих правды, в страшной тесноте и духоте жадно ловящих каждый звук речи миссионера, если бы он видел их внимание и одушевление, если бы узнал, что тоже самое бывает решительно всюду в великой России, где только появляются миссионеры-веро-проповедники и расколо-обличители, – то он понял бы всю несправедливость предубеждения против миссии, почувствовал бы и важность, и необходимость, и то незаменимое просветительное значение, какое имеет внутренняя миссия Церкви.

Мы рассмотрели несколько ходячих возражений противников миссионерской деятельности и старались, при этом, по возможности ясно и беспристрастно выяснить её важность, её плодотворность и её истинно-христианский характер. Как всякое живое дело, миссия требует себе сочувствия всех, кому дорого православие, Церковь, отчизна – требует нравственной и материальной поддержки. Чтобы быть вполне благоуспешной она должна опираться на братское, живое участие и сознание всех членов православной христианской семьи. Поэтому, деятели миссии, для которых миссионерский труд является основанием жизни, позволяют себе в наступившем новолетии питать надежду на лучшее будущее, на миссионерству – одинаково как со стороны тех, кто ещё только ищет себе в жизни доброго дела, так и со

стороны тех, кто уже давно выяснил свои жизненные христианские идеалы, На возможно широкое приобщение истинных сынов Церкви к святому миссионерскому делу, как во имя христианского долга, так и во имя собственной радости и живого сознания каждым, что мы здесь «странники и пришельцы», что в царствии Божием тот наречётся *велий*, иже *научит* и сотворит, – что «обративший грешника от ложного пути его – спасёт душу от смерти и покроет множество грехов»².

Фудель И., свящ. О значении церковной дисциплины в народной жизни // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 18–37

I.

Нравственный кризис, переживаемый нашей деревней, не подлежит сомнению. В этом вопросе; кажется, нет разногласия. Кажется, люди самых различных убеждений и воспитания, с самыми разнообразными до противоположности стремлениями – совершенно согласны между собой в том, что картина нравственного состояния современной деревни чрезвычайно непривлекательна. Мнения расходятся лишь по поводу причин этого зла и мер к его устранению. Но это уже другой вопрос.

«Народ ослаб» – так выражаются с грустью лучшие представители того же народа; старики, видевшие; конечно, лучшие дни. Это выражение, как нельзя лучше и точнее, характеризует нравственное состояние деревни. Не говорят: «народ спился» или «развратился», или как-нибудь иначе, а именно «ослаб». Это значит: ослабели те связи, которые сдерживают в должных границах все дурные инстинкты человека. Каковы бы эти связи ни были: религиозные ли, государственные или гражданско-бытовые; – они имеют громадное воспитательное значение в жизни народной. Они не позволяют дурным сторонам народного характера заслонять собой его хорошие стороны. Они поддерживают известный строй жизни и много способствуют выработке личности. Они представляют из себя тот цемент, который не позволяет зданию народной жизни расползаться. И вот теперь все согласно утверждают, что нравственные устои деревни ослабли и расшатались.

Прежде всего это выражается в падении авторитета во всех областях народной жизни, а главным образом – в семейной. Теперь уже большая редкость встретить в деревне многочисленную семью, дружно сплочённую в своей трудовой жизни около своего старца – патриарха. Эти вымирающие семьи были сплочены не страхом внешнего принуждения и не обычаем только, а страхом Божиим, взаимной любовью и почтительной покорностью старшему в семье. Нынешним семьям стало везде тесно жить. Не смотря на внешние препятствия, семейные разделы стали везде обычным явлением. Каждый женившийся член семьи только и мечтает о том, как бы, при удобном случае, отделиться, хотя этот желанный раздел ему же самому грозит хозяйственным банкротством. Но ослабление семейного

авторитета и почтения к старшим выражается в формах гораздо более уродливых и возмутительных для нравственного чувства. Страшно сказать – побои, наносимые отцу или матери взрослыми детьми, стали явлением в крестьянской жизни заурядным. И. что поразительнее всего, до такой гнусности спускаются не только пьяненькие отбросы деревни, но трезвые, православные мужики. Мало того. В уголовной хронике последнего времени всё чаще стали отмечаться случаи отцеубийства, тогда как преступление это так редко встречалось у нас ещё в прошлое столетии, что правительство затруднялось найти соответствующее ему наказание. Всё это указывает не только на ослабление начал семейной жизни, но и на зверское в некоторых случаях *одичание нравов*. На это же указывает ещё многое другое из той же уголовной хроники: умножение преступности среди малолетних, кровожадная изысканность некоторых преступлений, бессмысленность мотивов, руководивших преступной рукой и т. под. Нравственное разложение коснулось всех сторон народного быта. Трактирно-фабричная цивилизация сделала своё дело. Она, как мутный поток, захлестнула нашу простую серую деревенскую Русь и загрязнила всё, что попало ей на дороге. Она внесла заразу и соблазн трактирной обстановки в мирную жизнь семьи и растлила простоту семейных отношений; втянувши в свой омут женщин и девушек. Половая распущенность начинает понемногу завоёвывать себе видное положение в нравах деревни и грозит в будущем стать тем же застарелым, трудно излечимым недугом, как и наше пьянство. Народ *ослаб* в полном смысле этого слова.

Правда, некоторая *распущенность* присуща вообще характеру русского человека. Эта черта уже неискоренима, и с ней приходится серьёзно считаться при обсуждении мер нравственного подъёма деревни. Но природная распущенность характера может быть всегда *сдерживаема* в известных границах, при соблюдении некоторых условий. Для этого необходимы: или нравственная выработка каждой отдельной личности, или же существование какой-либо внешней силы, сдерживающей распространение нравственного зла. Но о нравственной выработке каждой личности мы можем пока только мечтать. Кому же неизвестно, что русский крестьянин никогда не отличался особой устойчивостью своих нравственных понятий? Можно много говорить о причинах этого грустного явления, но нас интересуют не причины, а факт. На борьбу с этим фактом, мы видим, уходит страшно много сил со стороны правительственной власти, общества и частных лиц. Признав невежество народное за основную причину всякого зла, общество в последнее десятилетие прилагает особенные

усилия к распространению в народе грамотности и различных знаний. Сколько средств тратится на школы, народные библиотеки, читальни, воскресные классы и т. под.! Сколько энергии потрачено на это дело неизвестными тружениками, бескорыстно служащими просветительным целям! Был бы, по крайней мере, видимый результат этих трудов, хоть небольшой, но положительный успех! Уголовная статистика говорит, что преступления подростков в последние годы увеличиваются. Именно, в последнее время и разложение деревни пошло гигантскими шагами. А сельские школьные учителя уже и в печати не скрывают своего горького разочарования в достигаемых школьным просвещением результатах. Видимо, не так-то легко перевоспитать русский народ.

Могучими средствами для нравственной выработки личности обладает одна лишь Церковь. Только её благодатное воздействие и живое руководство могут постепенно изменить русло народной жизни. И достигнуть этого можно не одним только школьным просвещением народа, а общим подъёмом церковно-приходской жизни во всех её проявлениях и одновременным применением всех средств церковного воспитания личности. Церковная школа, чтения и беседы, немолчная церковная проповедь, истовое богослужение, братские союзы в приходе для призрения нищих, для борьбы с пороком или с врагами Церкви, приходская миссия и т. под. – всё это не что иное, как звенья одной обширной цепи средств воспитания личности и подъёма нравственного уровня народа. И мы видим в последнее время необычайный подъём общецерковной жизни и пастырской деятельности. Но как бы ни было велико это оживление, не бездействуют в то же время и силы разрушительные, вносящие разложение в народную жизнь. Разве поэтому мы не в праве сказать, что мы можем пока ещё только мечтать о выработке сознательно-христианской личности в народе? Стремиться к этому, желать скорейшего достижения этой цели, мы обязаны, это наш пастырский долг и главная задача нашего времени. Но... когда загорелось строение, разве думают соседи о том, чтобы застраховать скорее своё имущество? Не употребляют ли они тогда все свои усилия, чтобы *сдержать* распространение огня в известных границах и тем спасти ближайшие строения?

Вот такое же значение *охранения* народной массы от распространения зла имеют в жизни народной очень многие факторы внутреннего или внешнего характера. Мы не говорим только об узко-полицейских мерах ограничения зла, по своему внешне-*формальному* характеру лишённых жизненной силы. В исторической жизни народа

мы видим множество высших, более жизненных, культурных факторов, имеющих большое дисциплинирующее влияние на народную мысль и уровень нравственной жизни. В числе этих факторов первое место занимает *Церковь* с её уставами и дисциплинарной властью, имеющими глубокое воспитательное значение. Затем – *государственная жизнь* с её требованием подчинения частных интересов общему. Далее, дисциплинирующее влияние на народ имеет *община* с её своеобразным укладом жизни, патриархальный *быт* с его непререкаемой властью обычаев и поверий, земледельческий *труд* с его чистой нравственной атмосферой и «властью земли», *сословный строй* с его ограничениями и ещё очень многое другое, имеющее временное или местное значение.

Под влиянием всех этих факторов и складывалась наша народная жизнь до последнего времени. До 60-х годов у нас был известный *строй жизни*, определённый, яркий, малоподвижный, сдерживавший в известных границах своеволие и нравственную слабость русского человека. С разрушением этого строя неизбежно должны были ослабнуть и *связи* нравственной жизни народа. Выйдя на волю, освобождённый от всякой опеки, предоставленный самому себе, народ стал лицом к лицу с новыми условиями жизни и новыми фактами, отнюдь не способствовавшими подъёму его нравственных чувств. Одновременное закрытие множества церковных приходов ослабило влияние Церкви на народ в одну из самых критических минут его жизни. В то же самое время быстрое распространение питейных домов всех названий, с продажей дешёвой водки, отдало крестьянскую массу в кабалу кулакам-кабатчикам. Изменившиеся условия экономической жизни страны способствовали заражению этой массы тем растлевающим ядом нравственной распущенности, который является неизбежным спутником фабричной жизни; а усиленный рост в последнее время у нас промышленных предприятий и кризис земледелия заставляет думать, что действие этого яда не ограничится несколькими местностями, а распространится по всему организму России, и что в жертву фабричному Молоху будут принесены лучшие силы страны. К этому необходима прибавить ещё веяние того духа общей распущенности, которым проникнуто современное образованное общество под влиянием модных, идущих с Запада, доктрин. А господствующее среди общества настроение отражается и прямо, и косвенно, в народе. Пример слишком заразителен, соблазн лёгкой жизни слишком велик. Мудрено ли, что «народ ослаб»?

Значение этого факта громадно. Нравственный кризис, переживаемый народом, отражается во всех областях национальной

жизни: религиозной, государственной и экономической. И прежде всего, на разрыхлённой, расшатанной нравственной почве легко посеваются семена различных ложных учений, с плодами коих приходится потом миссионерам вести тяжкую войну. Сектантское суемудрие любит эту почву, — с одной стороны, чтоб указывать православным на разногласие между словом и делом, между исповедуемой истиной и жизнью, с другой стороны, чтобы тем легче увлекать пошатнувшихся в «новую веру». В государственном же отношении расшатанность нравов представляет ещё большую опасность, ибо главной основой политической жизни страны служат твёрдые нравы населения; на этой почве только и возможна правильная закономерная жизнь государства. Если же устои нравственности расшатаны, то течение этой жизни расстраивается, как расстраивается ход часового механизма, в котором пружины ослабли. Всё это так ясно, так понятно для всех...

Ясность положения давно уже вызывает со стороны государственной власти попытки положить предел нравственной расшатанности деревни. В основание этих попыток положена мысль, что народу нужна близкая к нему, авторитетная власть, знающая все местные нужды и достаточно сильная, чтобы быстро пресекать распространение зла. С этой целью учреждены земские начальники. Такое же значение имеет попытка поддержать поместное дворянство и вернуть ему руководящую роль в народной жизни. Не станем рассуждать, достигнут ли все эти мероприятия своей цели? Если не достигнут, то конечно, не потому, что основание их не верно. Нет, правительство правильно определило источник зла — в отсутствии дисциплинирующего начала жизни и в ослаблении связей народного организма. Но где же это начало найти, когда старый строй жизни разрушен, а нового ещё нет? Где искать ту живую силу, которая способна спясть расшатанные органы не механически только, посредством устрашений, а собственным непререкаемым авторитетом, действующим на лучшую духовную сторону нашего существа?

Нам кажется, что в такой исторический момент, какой переживаем мы теперь, особенно благовременно и полезно было бы вспомнить о дисциплинарной власти Церкви и о том значении, какой она имела всегда и имеет в общецерковной жизни народа.

II.

Но что такое дисциплина Церкви и дисциплинарная власть?

Церковной дисциплиной называется, прежде всего, известный установленный *порядок* в различных областях церковной жизни, а затем, ещё все те средства и установления, коими этот порядок поддерживается. Порядок есть необходимое условие правильной,

закономерной жизни всякого общества и в том числе – общества верующих во Христа, или Церкви. Поэтому, с заповеди Апостола, что в Церкви «всё должно быть благообразно и по чину» (1Кор.14:40), получает своё начало дисциплина Церкви.

По словам одного исследователя этого вопроса, «церковным воззрением всегда было признание не только законности, но и необходимости в Церкви общеобязательного единообразного порядка, в противоположность сепаратизму, или индивидуализму, не признававшему для христианина никакой необходимости в общем, или единообразном, строе жизни. И потому, всякое уклонение от следования данному порядку, как свидетельствующее о разрушении начал истинной церковности, уклонение, прежде всего проявлявшееся вне Церкви, у еретиков. – уже Тертуллиан понимал, как еретическую *недисциплинированность*». Так, характеризуя состояние церковной жизни и порядков, Тертуллиан говорит, что у еретиков «всё делается без дисциплины: оглашенные не отделяются от верных, безразлично присутствуют при богослужении, вместе слушают писания и поучения, вместе молятся; женщины берут на себя обязанности, им несвойственные» ... «В Церкви же, наоборот, есть твёрдая дисциплина, от которой никому не позволено уклоняться, и эта твёрдая дисциплина служит у нас свидетельством истины»³. Действительно, памятники первых веков христианства дают ясную картину того, как регламентирована была жизнь членов Церкви. Достаточно для этого почитать так называемые «Постановления апостольские», в которых даны самые подробные правила, регулирующие очень несложную церковную жизнь того времени. Там мы читаем, например, что в церкви за богослужением каждый возраст и пол имеет своё определённое место, и «да наблюдает смотрящий за местами диакон, чтобы каждый из входящих приходил на своё место, а не садился у входа. Точно также диакон да смотрит за народом, чтобы никто не шептался, не дремал, не смеялся, не перемигивался: ибо в церкви должно стоять разумно, бодро и внимательно, имея слух, простёртый к слову Господа». Регулируя церковную благотворительность, те же «постановления» указывают, например, от каких лиц епископ должен принимать приношения, а от каких не должен; он должен остерегаться, чтоб не принять приношения от корчемника, блудника, обидчика вдов и сирот, идолоделателя, татя, мытаря и т. п.

С течением времени, под влиянием политических, бытовых и иных условий, церковная жизнь изменяла свои формы, усложнялась. С этим вместе изменялся и порядок этой жизни, т. е. дисциплина. Иные правила теряли своё значение, возникали новые. Но, достойно

внимания то обстоятельство, что с изменением дисциплинарных правил никогда не исчезала самая идея церковной дисциплины, и мнение о необходимости порядка в Церкви всегда имело господствующее значение.

Но каждый порядок предполагает непременно существование лиц, обязанных блюсти его, поддерживать, и имеющих *власть* это делать. Такими лицами были сперва апостолы, затем преемники их – пастыри Церкви, получившие на то полномочие от Самого Пастыреначальника своего: «Якоже посла Мя Отец, и Аз посылаю вы» (Ин.20:21). Пастыри, по выражению св. Златоуста, получили такую власть, какой не дал Бог ни ангелам, ни архангелам: «ибо не им сказано: елико аще свяжете на земли, будут связана на небеси; и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небеси» (Мф.18:18). Земные властители имеют власть связывать, но только тело, а эти узы связывают саму душу и проникают в небеса; что священники совершают на земле, то Бог довершает на небе, и мнение рабов утверждает Владыка. Не значит ли это, что Он дал им всю небесную власть?»⁴.

Характер этой власти соответствует внутреннему строению Церкви и тем целям, кои она преследует. Дисциплинарной власти Церкви более всего чуждо понятие внешнего принуждения или насилия, ибо область действия Церкви есть душа. «Царю, по словам Златоуста, вверено попечение о телах, а священнику о душах; царь принуждает, а священник – увещевает; у одного – необходимость, у другого – свободная воля; один располагает оружием вещественным, другой – оружием духовным» и т. д. Таким образом, меры и средства церковной дисциплины не выходят из круга действия духовного; сюда принадлежат, прежде всего, внушение и увещание, затем – епитимия и, наконец, самая крайняя мера – отлучение от Церкви. Впрочем, одно время в Восточной Церкви было довольно сильное течение мысли, признававшее и физическое принуждение за одно из средств церковной дисциплины. Выражение этого направления мы можем видеть, между прочим, в толковании 27-го апостольского правила Аристином и Вальсамоном. Но это мнение, а тем более практика, осуждены, как неправильные, многими отцами Церкви. А в правиле 9-м Двукратного собора мы читаем ясно: *«подобает священнику Божию вразумляти небагнравнаго наставлениями и увещаниями, иногда же и церковными епитимиями, а не устремляться на тела человеческие с бичами и ударами»*. Итак, небагнравие, небагнчиние, дурное поведение – должны исправляться наставлениями, увещаниями и церковными епитимиями.

Что же такое епитимия? В древности всякий тяжкий грех очищался публичным покаянием. Было несколько степеней покаяния, которые надо было пройти впадшему в грех, чтобы снова стать полноправным членом Церкви и быть допущенным до священной трапезы. Образ покаяния и продолжительность его назначались по тяжести греха, на основании установленных правил. Вот этот образ покаяния и назывался епитимией. Она имела всегда и имеет характер не наказания, а меры врачебной или воспитательной – с целью уврачевания в кающемся его духовных недугов и возможно большего пробуждения в нём и укрепления чувства раскаяния. Без епитимии прежде и не мыслилось примирение с Церковью. Целый ряд правил, определявших – какие грехи врачевались епитимией и в течение какого времени, правил, выработанных соборами и отцами Церкви, составлял особую область покаянной дисциплины. С течением времени, с ослаблением религиозного духа, эти правила изменялись, ослаблялись и совсем теряли практическое значение. Теперь, например, сборники епитимийных правил, в роде Номоканона при большом требнике, имеют лишь историческое значение, и мы с изумлением читаем в них о 15–20 летних епитимиях за такие грехи, которые нашему времени кажутся обычными. Тем не менее, законность и, так сказать, целесообразность епитимии, как дисциплинарного средства, никогда не отрицалась в Церкви.

И теперь, как тысячу лет тому назад, сохраняет всю свою силу правило Двукратного собора: «подобает священнику Божию вразумляти неблагонаправного наставлениями и увещаниями, иногда же и церковными епитимиями».

III.

Обратимся к практике нашей Церкви.

О значении церковной дисциплины в исторической жизни русского народа очень любопытное мнение, правда только мимоходом, высказано было недавно почившим автором замечательной книжки «над Евангелием». «Внешний авторитет Церкви, по этому мнению, в лице её представителей в России, не будучи чужим и неприятельски насильственным, или подавляющим по своей внешней культуре, не был так силен и влиятелен, чтобы дисциплинировать народные массы. Но сам народ, сознавая свою духовную слабость, всегда рвался установить этот авторитет и определить, ограничить им себя извне. Отсюда, с одной стороны, у нас слабость внешней церковной дисциплины, а с другой – привязанность народа ко внешним традициям и установлениям, к букве и обычаям церковным, даже вопреки центральной власти, как у старообрядцев»⁵.

Не будем останавливаться на оценке или проверке этого мнения. Хотелось бы только подчеркнуть удивительно верное замечание, что *сам народ всегда рвался установить внешний авторитет и ограничить им себя извне*. Это сущая правда, и к этому необходимо добавить лишь одно, что в настоящее время и эта последняя *внешняя* связь, т. е. привязанность народа к букве и обычаям церковным, начинает расшатываться. Как бы то ни было, но на заре русской гражданственности, когда государственная власть была ещё недостаточно сильна, церковная дисциплина была той творческой силой, которая, воспитывая народ, создала основы русской самобытной культуры. Мы разумеем дисциплину в обширном смысле этого слова, т. е. все установления церковные, все обычаи и порядок церковной жизни. Но и специально покаянная дисциплина, в формах, выработанных на Востоке и перенесённых к нам, имела не малое воспитательное значение для народа. Церковная власть не пренебрегала и суровыми мерами дисциплины для подъёма уровня христианской жизни. В этом отношении особенно замечательно, приводимое проф. В. Певницким⁶, послание митрополита Фотия Новгородцам (писанное в 1410 году) о соблюдении законоположений церковных. «Он обращает внимание пастырей Церкви на некоторые неприглядные явления в религиозно-нравственной жизни нашего народа, оскорбительные для чистого христианского чувства, убеждает пастырей учить своих духовных детей, чтобы они отстали от дурных обычаев, и повелевает им, чтобы они – в случае, если не будут слушаться их прихожане, не давали таковым ни благословения, ни целования крестного и подвергали ослушных другим, более тяжким церковным наказаниям. Одна из тех дурных привычек, к борьбе с которой возбуждает пастырей Фотий, к сожалению, и ныне весьма распространена в народе – это матерная брань. «Учите своих детей духовных (говорит Фотий пастырям), чтобы престали от скверных словес и неподобных, что лают отцовым и материным именем, занеже того в крестьянах нигде несть; такоже бы родители учили своих детей из-мала, чтобы не привыкали говорить лихих слов, а кои не имут слушати вас, затех також от Церкви отлучайте, ни святого Причастия не давайте, ни дары, ни Богородицына хлеба». С особенной силой вооружается Фотий против поединков, особенно строгой каре велит пастырям подвергать выступающих в поле для решения своих споров. «Еще же и сему наказую: аще который человек позевется на поле, да приидет к которому попу причаститься – ино ему святого Причастия нет, ни целования крестного, а который поп даст ему святое Причастие, тот поповства лишен; а кто... лезши на поле, погубит душу, по

Великого Василия слову, душегубец именуется, в Церковь не входит, ни дары не приемлет, ни Богородицына хлеба... а убитого не хороните, и который поп того похоронит, тот поповства лишен». Лишение христианского погребения и возношения молитв за умерших очень часто практиковалось в древней нашей Церкви. Не сподоблялись честного погребения, по древним правилам, не одни самоубийцы, но и люди, не исполняющие христианского долга исповеди и причащения и умершие без покаяния. Над такими (говорит Нифонт в ответах на вопросы Кирика) поп поёт без риз, чтобы другие, видя то, убоялись и покаялись»⁷.

Но наряду с этими каноническими мерами церковной дисциплины, в церковной практике прежнего времени применялись дисциплинарные взыскания, не соответствующие духу Церкви и осуждённые канонами, именно меры физического принуждения. Как например этого, можем указать на инструкцию патриарха Адриана поповским старостам (т. е. благочинным), в 29 § коей читаем: «которая вдова или девка приживёт с кем беззаконно и родит ребёнка, и тое роженицу... взять на Десятильнич Двор и допросить, с кем она того ребёнка прижила; и того, на кого скажет, сыскав допросить, и по розыску учинить ему наказание, *бить шелепами нещадно*⁸ и сослать под начал в монастырь на месяц и в монастыре велеть ему быти... в монастырских трудах... и после литургии на всякой день по сту поклонов класть земных. А роженице чинить указ против того ж, как ей минет четыредесять дней».

Указ этот опубликован был в 1697 году, а через 25 лет мы уже встречаемся с иной крайностью, с положительным ограничением власти духовника в разрешении и запрещении кающегося, стало быть и в наложении епитимии. Мы разумеем Духовный Регламент с прибавлением к нему правил причта церковного и чина монашеского. Как бы мы ни смотрели на этот новый источник церковного права в России, ясно одно, что духовные авторы Прибавления к Регламенту впали в крайность, главным образом потому, что духовенство того времени держалось иной крайности – *буквального* исполнения правил покаянной дисциплины. «Понеже многие в Писании неискусные священники держатся за требник как слепые и, отлучая кающихся на многия лета, кажут, что написано, а толку не знают, и в таком нерассудстве иных и при смерти Причастия не сподобляют, и извиняются тем, что без епитимии нельзя... того ради предлагается сие рассуждение» ... – и далее следует мотивированное запрещение священнику отлучать от Св. Причастия без разрешения на то епископа.

18-й век оказал самое неблагоприятное влияние на все области церковной жизни, в том числе и на дисциплину. С одной стороны, крепостное право, сословная замкнутость духовенства, его подчинённое и зависимое от помещиков материальное положение, с другой стороны, господство в высших слоях общества иноземных влияний, господство чуждых русской жизни и православию понятий и обычаев, отчуждённость общества от Церкви и проникновение даже в среду духовенства идей протестантских – всё это, вместе взятое, не могло не отразиться самым подавляющим образом на дисциплинарной деятельности Церкви. С этим наследием прошлого века и мы должны считаться. И хотя в наши дни положение духовенства стало гораздо лучше, чем это было даже недавно, хотя принимаются многие меры к тому, чтобы поднять внешний престиж пастыря Церкви, тем не менее, мы переживаем период такого состояния умов, когда даже необычно напоминать о дисциплинарной власти Церкви. По крайней мере, в сознании образованного общества совершенно затухало понятие о церковной дисциплине; и настолько оно затухало, что ежегодно совершаемый чин Православия в глазах многих, даже верующих мирян, является каким-то непонятным устарелым обрядом, совершенно несоответствующим духу времени.

IV.

Но оставим пока в покое образованное общество. Спустимся ниже, в область жизни приходской, ближе к народу, который, несмотря на свою нравственную слабость, всё ещё хранит в своей душе простоту веры и уважение к Церкви. В народе же хранится до сих пор и ясное понимание сущности церковной дисциплины, и полная готовность всегда добровольно подчиниться налагаемым церковной властью епитимиям. Это облегчает пастырю Церкви пасти вверенное ему стадо и в своей попечительности о каждой овце пользоваться всеми средствами, какие даны ему на то Церковью. Если же не всегда и не все из этих средств употребляются, то виной этому не народ, не паства, а пастырская беспечность или «бездействие власти».

Чего же мы хотим, спросят нас? Восстановить покаянную дисциплину в той силе и в том виде, в каком действовала она в период вселенских соборов? Но это невозможно. Подражать ли старообрядцам, которые в своём буквализме «держатся за тревник, как слепые», и не мыслят покаяния иначе, как с епитимией? Но это не желательно. Нам хотелось бы только указать, что *в приходской жизни возможно и должно пастырю Церкви употреблять дисциплинарные средства воспитания паствы*, в тех, конечно, пределах, в каких это

ему дано законом, и что *пользование этим орудием воспитания в наше время особенно благовременно и необходимо.*

Исходным пунктом наших рассуждений может послужить реальный пример. В Таврических Епарх. Ведом. напечатана биография недавно умершего священника о. *Александра Ильевича*. Жизнь этого достойнейшего пастыря сама по себе очень назидательна; но некоторые черты его пастырской деятельности особенно примечательны для нашего времени. О. Александр был прекрасный учитель, неустанный проповедник, миссионер, великий молитвенник; и он же считал возможным и необходимым пользоваться, в некоторых случаях, дисциплинарными средствами борьбы с пороком. Так, в одном своём донесении епархиальному Преосвященному он писал: «Два года назад в порученном мне приходе был такой случай: крестьянин С. Я., 37 лет, в трезвом виде нанёс жестокий удар 65-летнему отцу своему. Когда стало ясным, что поступок Я. прошёл для него безнаказанным, я расположил его к говению. На исповеди он сознал своё преступление и изъявил желание понести епитимию. Вследствие сего, на вечерне под воскресенье, в виду народа, крестьянин Я. стоял на солее перед иконой Спасителя на коленях. После отпуска, во время пения «под Твою милость прибегаем». Я., в сопровождении диакона, подошёл к своему отцу, упал к ногам его, просил прощения и, когда отец простил, поцеловал ему руку; таким же порядком Я. испросил прощение у матери своей. По выходе народа из церкви, Я. исповедался другой раз, и над ним – теперь только – произнесена разрешительная молитва». В том же донесении Преосвященному о. Александр писал ещё следующее: «Недели три назад опять повторился подобный случай: крестьянин А. Б., 30 лет, ударил в лицо 65-летнего отца своего. Его поступок также остаётся безнаказанным и, несмотря на увещания, Б. не приступает к покаянию; отец же простил его. Если Б. подобно Я. не придёт в раскаяние, то я намерен лишить его: антидора, лобзания креста, на исповеди – разрешительной молитвы и причастия Св. Таин, пока он не смирится и не принесёт публичного покаяния, так-как он при свидетелях ударил отца. Почтительнейше повергаю на благоусмотрение вашего Преосвященства моё действие по отношению Я. и имеющее последовать по отношению к Б., в надежде – если оно неправильно – получить вразумление». На этом донесении была положена Преосвященным такая резолюция: «Распоряжения ваши и предположения я одобряю».

Приведённый пример пастырской заботливости об исправлении пасомых представляет интерес во многих отношениях. Обратим,

прежде всего, внимание на двойственный характер применённых о. Александром дисциплинарных мер исправления. В первом случае он наложил епитимью на раскаявшегося в своём поступке, крестьянина Я. Это – епитимья в собственном смысле, как принято её понимать: она есть результат искреннего покаяния, или необходимый *видимый плод* её. Во втором же случае, по отношению к крестьянину Б., о. Александром приняты были меры дисциплинарного воздействия в тесном смысле этого слова: целью их служит – посредством временного лишения церковного общения пробудить совесть грешника и привлечь его к сознанию греха и к покаянию. И тот и другой вид церковной дисциплины освящены практикой церковной на основании канонов Церкви и святоотеческих писаний. Затем, в обоих рассказанных случаях о. Александр считал необходимым требовать публичного покаяния, имея в виду публичность (при свидетелях) совершенных крестьянами Я. и Б. поступков. Это тоже совершенно соответствует духу церковных правил. Вот что по этому поводу находим мы в книге «О должностях пресвитеров приходских»: «Согрешившим втайне, тайная и епитимия да определится; инако чрез явную епитимию пришел бы в явление греха. Но явные грешники... коих беззаконие всем или многим явно есть, если к сообщению Тела и Крови Христовой с прочими христианами без явной епитимии приемлются, сверх соблазнительного их явногрешие, новаго соблазна бывают причиною, понеже в таком случае нет различия между явно грешником, и между тем, который никем не обличен; и между честным христианином. Таковым убо за *явные их соблазны, да вдастся им епитимия явная*» и т. д.

Наконец, возвращаясь опять к приведённому примеру, мы видим, что в обоих случаях были приняты о. Александром суровые дисциплинарные меры по поводу однородного поступка, в высшей степени гнусного и в прежнее время необычайного – поднятия руки на отца. Это указывает на мудрую осторожность пастыря и предусмотрительность, чтобы чрезвычайно *опасный* в общественном отношении грех не распространился среди паствы через *соблазнительную безнаказанность*. Оттого-то крестьянин Б., хотя и был прощён своим отцом, но тем не менее подвергся публичной епитимии. Вообще, приведённые нами два случая из пастырской практики о. Ильчевича имеют отчасти принципиальный интерес, но главным образом – чисто-практический, как пример борьбы церковной власти с распространением зла дисциплинарными средствами.

Постановка вопроса на эту почву имеет не только церковное значение, но и гражданско-бытовое. Мы положительно убеждены, что

борьба в приходе с современной распущенностью всех видов может быть плодотворна только посредством церковно-дисциплинарных мер. Только этим путём можно сдержать распространение нравственного зла, неуловимого для всякой иной власти. В руках пастыря находятся для этого все средства. Он поставлен странам нравственной жизни всех своих прихожан. Он не только священнослужитель, не только проповедник или учитель, но и пастырь в прямом смысле этого слова, т. е. руководитель и ответственный воспитатель всей своей паствы. С осторожностью и внимательностью врача он должен распознать болезнь, которая может грозить через заражение многим; с любовью отца к своему больному детищу, с болью в сердце; но с твёрдой решимостью, он должен прижечь злокачественную язву и наложить пластырь на открывшуюся рану. И этим он спасёт не одного, но многих. Если же пастырь этого не делает, он добровольно отрекается от важной части своих полномочий, суживает сферу пастырской деятельности и наносит явный вред многим слабым и немощным членам своей паствы.

Св. Иоанн Златоуст говорит: «Есть такие между пасомыми, которые, если не видят наказания, равного их беззаконию, предаются нерадению, делаются гораздо хуже, чем какими были прежде, и более пускаются в прегрешения»⁹. Такова, вообще, общечеловеческая слабость, присущая всем народам во все времена, но, кажется, более всех других эта слабость присуща русскому человеку. Давно уже замечено, что русский человек решителен и быстр только на подвиги; а в обыденной жизни он ленив, беспечен и всегда ждёт *понуждения*. «Гром не грянет, мужик не перекрестится» – это он сам про себя говорит. Нужен непременно гром, нужна какая-либо встряска, чтобы он опомнился, одумался и свернул с ложной дороги. И как часто он бывает благодарен потом за это внешнее понуждение! Беспечность ли это характера или историческая привычка, но с этой чертой необходимо считаться. Мало того. Русский человек сам ищет, как бы связать себя внешними ограничениями или внутренним обетом. Вот, например, пьяница, сознающий вред водки и желающий отстать от пагубной привычки. В большинстве случаев – он не может, у него не хватает сил просто бросить пить с того дня, как решился на это. Нет, он идёт в церковь и даёт обет не пить вина. Обет его *связывает*, и он не пьёт. И так во многих других случаях жизни. И с этой чертой характера русского человека пастырю Церкви необходимо считаться. Ибо от небрежности может произойти великое зло.

Если грешник не кается, необходимо расположить его к покаянию; если он упорствует – *понудить*, т. е, настоять, обличить, а иногда и лишить церковных благословений; это последнее есть одно из самых действительных дисциплинарных средств, пробуждающих совесть и предохраняющих других от подражания и соблазна. А соблазн бывает велик, когда явный грех остаётся без обличения, «понеже в таком случае нет различия между явно грешником и между тем, который никем не обличён, и между честным христианином». Именно для честных христиан безнаказанность и как бы торжество греха является камнем преткновения и заманчивого соблазна. Грех всегда был и всегда будет. Но если относиться к нему с суровым осуждением, он не распространяется с такой ужасающей быстротой, как когда мы относимся к нему с снисходительным равнодушием. Народ должен видеть явное осуждение, со стороны пастыря явного греха или явной безнравственной профессии. И поэтому, публичное покаяние или публичное исполнение епитимии, в некоторых случаях, прямо необходимо для блага народа. Если бы поднявший руку на своего отца или мать знал, что он неизбежно будет обличён своим духовным отцом, и что для покаяния ему недостаточно будет только произнести обычную формулу «грешен, батюшка», а придётся доказать своё раскаяние публичной епитимией, быть может он удержал бы свою руку вовремя, а уж несомненно то, что другой удержался бы от соблазнительного примера.

Народ ищет связи, которой ему недостаёт, и которая может сдерживать распространение зла в известных границах. Эту связь может дать ему только Церковь в своей дисциплине. И если бы эта связь никогда не ослабевала, быть может, мы не были бы свидетелями современной распущенности во всех областях жизни и не задумывались бы над вопросом, как бороться с ней. Пусть не говорят, что употребление суровых мер в пастырской практике не вяжется с духом пастырской любви и снисходительности к пасомым. Наоборот, в некоторых случаях крайняя необходимость этих мер подсказывается пастырю его разумной любовью к пастве. «Скажи, говорит Златоустый, кто оказывает милость находящемуся в горячке или во безумии: тот ли, кто полагает его на одр, связывает, удерживает от вредной для него пищи и питья, – или тот, кто дозволяет ему напиться вина, оставляет его на воле, дозволяя делать всё, что делают здоровые. Не последний ли, под видом человеколюбия, растравляет болезнь, тогда как, напротив, первый врачует оную? Так же точно должна рассуждать и о нравственных болезнях» ...

Само собой разумеется, что образ этого «врачевания», образ применения дисциплинарных мер, не может быть одинаков в различных случаях. Пастырь не стеснён никакими рамками и не связан ничем, кроме ответственности пред Богом в своём служении. Целесообразность и успех его действий зависят всецело от его такта, осмотрительности и опытности с одной стороны, а с другой – от силы его любви к пастве и горячей ревности о славе Божией и чистоте Церкви. Общим же руководящим правилом или критерием в применении дисциплинарных средств может служить каждому пастырю 102 правило VII-го Вселенского собора. *«Не должно»* говорится в нём, *«ниже знати по стремнинам отчаяния, ниже опускании бразды к расслаблению жизни и к небрежению»* ... Вот, поистине, золотое правило! С одной стороны, не ожесточать грешника излишней суровостью, с другой – не потакать человеческой слабости беспредельной снисходительностью. Следуя этому правилу, каждый пастырь отнюдь не погрешит ни против своих обязанностей, ни против совести, ни против канонов Церкви.

Свящ. И. Фудель

Выдающиеся события в жизни раскола // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 37–41

(Из Всеподданнейшего отчёта г. Обер-Прокурора Св. Синода за 1896–97 гг.).

Из жизни раскола австрийской секты следует отметить в ряду выдающихся событий следующее: попытки Буковинских старообрядцев перевезти прах основателя белокриницкой иерархии, бывшего Боснийского митрополита, Амвросия из Триеста в Белую-Креницу и домогательства русских старообрядцев перед Константинопольской Церковью относительно канонической правоспособности названного митрополита.

Замысел перенесения праха митрополита Амвросия из Триеста в Белую-Креницу возник не у Буковинских старообрядцев, а у Московских Рогожских, причём, без сомнения, имелось в виду и открыть «мощи» Амвросия, и объявить его святым. Однако ходатайство раскольников по этому предмету Австрийским правительством не было уважено.

С другой стороны – не имело успеха, и повторенное обращение сибирских раскольников к Константинопольскому Патриарху по вопросу о канонической правоспособности первого раскольниковского митрополита Амвросия.

Есть некоторые новые факты в жизни раскола, позволяющие предполагать, что в русско-старообрядческом расколе, начинается как бы некоторое внутреннее перерождение. Двести слишком лет наш раскол силился оправдать свой разрыв с православной русской Церковью с точки зрения верности учению и преданиям древней вселенской Церкви. Но попытки эти не могли иметь успеха. Православные писатели-полемисты, в своих сочинениях, пастыри и миссионеры, в устных беседах, выяснили, что раскол, хвалящийся своей верностью учению, преданиям древней Церкви, в действительности изменил и извратил некоторые важнейшие догматы христианского учения, отступил от многих канонических постановлений православной Церкви, и что даже те самые, уважаемые раскольниками, старые книги, по поводу исправления которых они отделились от Церкви, обличают их в этом отделении, как и во многих других «винах». Не смотря на упорство раскольников, двухсотлетний опыт полемики начинает приводить их к убеждению, что тот путь, которому они доселе следовали в защите своего учения, путь неверный, не могущий вывести их из противоречий. Ныне замечается,

что раскол начинает оставлять старые способы защиты и прибегает всё чаще и чаще к новым. За последнее время он выдвинул из своих рядов значительное число апологетов новой формации, апологетов-рационалистов, которые – и в своих писаниях, и в беседах с православными миссионерами – высказывают иногда самые крайние рационалистические суждения, разрушающие самые основные истины христианского вероучения и, таким образом, подрывающие последние связи нашего старообрядчества со вселенской Церковью. Как сильно и глубоко наш раскол старообрядчества заражается опасным и разрушительным рационализмом, об этом могут свидетельствовать нижеуказанные сообщения преосвященных о новых толках в расколе.

В Нижегородской епархии на почве раскола развивается секта «немоляков»: она отличается крайней враждебностью по отношению к православию и, будучи иконоборческой, отвергает обряды, таинства и Священное Предание.

В числе раскольников Томской епархии также начинают появляться рационалисты, из которых одни отвергают посты, другие, во всём оставаясь истыми старообрядцами, не кланяются только иконам, хотя не отвергают крестного знамения, третьи совершенно отрицают крестное знамение. «Ныне отошло время молиться Богу», говорят эти последние, несправедливо указывая в доказательство на 105 слово Ефрема Сирина, где сказано, что во время антихриста не будет в алтарях службы Божией. Все эти рационалистические мнения, по словам Томского преосвященного, начинают объединяться в секте «немоляков» на Алтае, похожей на описанную секту Нижегородской епархии.

В Сарапульском уезде Вятской епархии также появились в отчётный период «немоляки», которые в воплощение Сына Божия не веруют, таинств и священства не имеют, в храм Божий не ходят и иконам не поклоняются. Разделяя мысль о воцарении антихриста, сектанты эти не занимаются хлебопашеством, чтобы не платить податей и не подчиняться власти антихристовой, потому что власть гражданская, а также церковная, суть слуги антихриста.

В Сарапульском же викариатстве Вятской епархии из беспоповщинской секты даниловского толка в 1897 году выделилось новое согласие под именем «колногоровцев», по фамилии некоего, уже умершего, часовых дел мастера Колногорова. Колногоровцы сливают лица Св. Троицы в одно лицо Иисуса Христа. Таинств не имеют, кроме крещения, и необходимость их отвергают. Священное Писание и Св. Предание, хотя и признают, но пользуются ими по-

своему. Икон не почитают, ангелам и святым не молятся. Службы церковные совершают с произвольными изменениями.

В Орловском уезде той же Вятской епархии из поморского толка также выделилось в особую секту несколько семей старообрядцев. Эти сектанты не признают ни одной строки буквального смысла во всём Священном Писании и старопечатных книгах, толкуя всё иносказательно. Всё буквальное, по их мнению, было буквальным на семь тысяч лет, а в восьмой тысяче нужно понимать всё в духовном смысле, каковой смысл понимают, однако, они одни.

В Ставропольском уезде Самарской епархии, в селе Красном Яре, усмотрен новый вид раскола рационалистического характера, так называемых, «белоризцев», получивших название от усвоенной ими белой одежды, долженствующей напоминать христианину, чтобы он не грешил, был чист душою. По их учению, православная Церковь отпала от благочестия. На вопрос, как могло это случиться, белоризцы отвечают учением об антихристе, который царствует, по их мнению, и теперь, и будет царствовать неопределённое время. Илия и Эпох – это все благочестивые люди, обличающие людскую неправду. Признавая необходимым для спасения таинства, белоризцы не разделяют, однако учения о таинствах православной Церкви. Про исповедь они выражаются, что исповедоваться можно прямо перед Богом, перед иконой или даже друг перед другом. Не видят, вероятно, они особой необходимости и в священстве, если говорят: «все мы цари и иерии Бога Вышнего». Не согласны белоризцы и с учением православной Церкви о таинстве крещения, в котором человек возрождается духовно. По их учению, не в крещении второе рождение бывает, а тогда, когда человек придёт в «чувство» и начнёт новую жизнь, согласную с евангельским учением. Белоризцы отвергают пользу поминовения усопших.

Как из вышеприведённых сообщений епархиальных преосвященных, так равно и из указываемых преосвященными нередких случаев уклонений раскольников в баптизм, молоканство и другие рационалистические секты, можно видеть, какие глубокие корни начинает пускать в расколе рационализм.

Такое крайне печальное направление в расколе начинает проявляться не исключительно в сфере религиозной, но и в воззрениях раскольников на церковно-общественные отношения. Об этом свидетельствуют во множестве распространяемые различные раскольнические апологетические сочинения. В особенности же яркую характеристику новых руководителей раскола и их воззрений представляет из себя издаваемый с 1896 года в Румынии, в Браилове,

раскольнический журнал под заглавием «Слово Правды». В этом журнале доказывается необходимость упразднения или реорганизации церковного управления в Российской Церкви, полного разъединения Церкви и государства, епархиальной, общинной, приходской свободы выбора епископов и священников, общинно-бытового управления делами Церкви; высказывается также множество и других подобных требований, клонящихся к перевороту всего существующего строя нашей общественной жизни и церковно-государственных отношений. За крайне возмутительный, дерзкий тон и, вообще, хулительное отношение к Церкви православной журнал «Слово Правды» запрещён к обращению в России. Не трудно понять, куда ведут тёмную раскольническую массу указанные представители и защитники современного раскола. Всё большее и большее отдаление раскольников от истинной Христовой Церкви, холодность к вере и даже полное неверие и, наконец, отрицательное отношение к правительственной власти, – вот те плоды, которые можно уже и теперь наблюдать там, где губительный и разрушительный рационализм успел заразить собой простую раскольническую массу.

Ивановский Н.И., проф. Тамбовские хлысты //
Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 41–54

(Из залы судебного заседания Тамбовского окружного суда).

11-го и 12-го минувшего декабря 1898 г. в г. Тамбове рассматривалось, с участием присяжных заседателей, дело о двух братьях, крестьянах Кирсановского уезда, села Перевоз, Колесниковых, обвиняемых по 203 и 196 ст. 3-й части уложения о наказаниях, т. е. в принадлежности к секте, соединённой с противонравственными гнусными действиями, и в покушении к распространению оной. Дело это характерно по его обстоятельствам: в нём мы встречаемся с особым типом хлыстовства, не менее интересным как и оренбургские хлысты, последователи Осипа Дурманова и следующих за ним двух братьев Утицких, о которых разбиралось дело в мае 1897 года¹⁰.

Потерпевшим лицом и обвинительницей по настоящему Тамбовскому делу оказалась приблизительно пятнадцатилетняя девушка-сирота, Наталья Кутукова. Три года назад она была взята на воспитание означенными братьями Колесниковыми, людьми очень состоятельными. Сначала девушке-сироте жилось хорошо: ей оказывали полное доверие, обещались воспитать, дать приданое и «повенчать», т. е. выдать замуж. Но скоро стали нахваливать при этом какую-то свою веру, веру «постников», воспрещали ходить в Церковь, переменили крест, который она носила на груди; православным молитвам её не учили, а заставляли заучивать разные стихи, которые она и воспроизводила на память судебному следователю при предварительном следствии и которые записаны в деле. Затем стали её посвящать и в свои сектантские секреты: – выносили фотографическую карточку умершей хлыстовской «богородицы», Анисьи Копыловой, окружённой изображениями каких-то мужчин, и заставляли Наталью молиться на эту карточку, класть земные поклоны; при том так, чтобы коленами не становиться на пол, а только слегка касаться пола, заставляли её также поститься, т. е. ничего не есть дня по два, в другие дни никогда не ели ни мяса, ни рыбы, ни картофеля, ни муки. Раз девушка присутствовала на собрании съехавшихся сектантов, единомысленных с Колесниковыми.

И вот что она видела и рассказывала: иконы, бывшие в комнате, вынесли, на стену повесили означенную фотографическую карточку Анисьи Копыловой; посредине комнаты поставили нечто в роде чана, в который села какая-то старуха, совершенно нагая, чан со старухой

окружили собравшиеся, все в коротеньких рубашках, – в какую одели и её Наталью, – и сидящая в чану старуха руками как бы выкидывала из чана воздух на собравшихся, которые и хватали его также руками; потом ходили вокруг чана, пели стихи, прихлопывали руками; в конце тушили огни и ложились спать.

Девушку какая-то больная старуха затащила под кровать, где она и провела всю ночь; ночью она слышала, как спящие в комнате возились; проснувшись она раньше других, выползла из-под кровати и увидела картину спящих, совсем уже неприличную. Кроме ознакомления с своими собраниями 12–13 летнюю девушку стали приучать к разврату; для этого Колесниковы клали вместе с нею спать одного своего родственника – мальчишку таких же лет...

Полтора года провела девушка-сирота у Колесниковых и, не вытерпев, наконец, разных стеснений и требований оставить свою веру, ушла от них к одной женщине и рассказала ей всё вышеизложенное; последняя заявила обо всём этом кому следует, и началось следствие о склонении Натальи Кутуковой братьями Колесниковыми в секту хлыстов, по 3 части 196 ст. улож. о наказ. Следствие продолжалось более года. В июле месяце прошедшего 1895 года был спрошен эксперт, который, основываясь на кассационном решении Сената по делу о Тарусских хлыстах («Журн. М. Юст.». 1896 г. янв.) и соображаясь с обстоятельствами настоящего дела, дал заключение, что обвинение должно быть предъявлено не только по 3 ч. 196 ст. но и по 203 ст. уложн. Прокурорский надзор согласился с этим заключением, и дело в таком виде явилось перед судом присяжных.

На суде, за неразысканием той женщины, которой девушка-малолеток заявила обо всём, что видела и испытала, и которая могла бы легче передать это суду, – единственной доказательницей явилась сама потерпевшая. Дело начато слушанием. Прочитан обвинительный акт. Обвиняемые не признали себя даже и сектантами, они – также православные, только живут воздержаннее других. Действительно, они не только не пьют вина и не едят мяса, но и не едят, как мы слышали от Натальи Кутуковой, рыбы, картофеля, муки и не пьют чая, при том постятся, т. е. ничего не едят по целым дням. Но из находящихся в деле бумаг видно, что Колесниковы несколько лет назад были уже заподозрены в принадлежности к хлыстовству. Об этом писал в своём отчёте известный миссионер, иеромонах Арсений, бывший в Тамбовской епархии. Вследствие его отчёта, как Колесниковы, так и умершая теперь Анисья Копылова жаловались в то время Обер-Прокурору Св. Синода, что миссионер их оболгал, что они вовсе не

хлысты, а строго православные, только постники, живут более воздержано. Эти их жалобы в копиях и приложены к делу.

Таким образом, первой задачей судебного следствия было то, чтобы установить принадлежность подсудимых к секте хлыстов, и второй – удостоверить со стороны фактической и объяснить с научной точки зрения те безобразия, о которых заявляла Наталья Кутукова.

Более трёх часов, с небольшим перерывом, продолжался допрос девушки, при котором она рассказывала бойко, совершенно свободно и детски-наивно о таких вещах, о которых взрослые и говорить стесняются. Правда, в некоторых частностях она путалась против показаний, на предварительном следствии данных, но в общем картина выходила поразительной. перед нами проходили и радения в коротеньких рубашках, и картина её лежания под кроватью, и что она слышала и видела непотребного в радельной комнате, и изумительное приучение полу-ребёнка ко греху. Спрашивали эту девочку Наташу и прокурор, и защитник не менее, как по часу, вызывали её несколько раз и очные ставки устраивали, и при всех обстоятельствах она давала на все вопросы развязные, бойкие ответы, о самых щекотливых предметах говорила как-то наивно – просто. Эксперту также потребовалось выяснить через допросы свидетельницы некоторые принципиальные недоумения, чтобы установить точное понятие о секте, и он беседовал с нею, при посредстве председателя, также не менее часа. Некоторые неточности предварительного следствия были устранены, и положение дела явилось совершенно ясным. Другие свидетели мало что прибавили к делу. Но примечательно, что одни из них только подтверждали показание потерпевшей, – другие же, вызванные защитой уже по окончании предварительного следствия, все жившие у Колесниковых работниками – только хвалили подсудимых за их благочестие и ничего более. Едва ли в каком хлыстовском деле так близко сталкивались показания о наружном подвижничестве и благочестии, а с другой стороны о поругании святыни с проявлением хлыстовского разврата. На присяжных заседателей была трудная задача разобраться в этом сплетении столь разнообразных показаний и произнести свой справедливый приговор.

Судебное следствие закончилось заключением эксперта. Заключение своё эксперт начал с выяснения разных наименований хлыстовской секты. Потерпевшая в своих показаниях несколько раз употребляла слово «хлысты», «хлыстовка», название это она слышала от соседей, которые дразнили её хлыстовкой, – о чём она и заявила на судебном следствии на вопрос эксперта. Эта народная кличка, по

словам эксперта, не была пустой молвой: она находит себе подтверждение в следующих обстоятельствах дела.

1. В самом названии «постники» скрывается также хлыстовство. Дело в том, что сектанты, о которых речь, носили и носят в общем и в частных обществах (кораблях) разные наименования. На самых первых порах, как только секта была обнаружена, в производившемся следственном деле, она названа квакерской ересью. Позже стали называть её хлыстовством, от слова хлыщу, так как одна из песен сектантов начиналась: «хлыщу, хлыщу, Христа ищу», а во время радений сектанты хлытали себя полотенцами. Затем, в науке она известна ещё под именем «людей Божиих». Кроме этих общепринятых названий существуют местные, – по некоторым внешним отличительным признакам. Так: около Кавказа последователи хлыстовства именуются шалопутами, в Самарской губернии – монтанами, в Казанской – кантовщиками и сладкоедцами. В данном деле мы имеем перед собой «постников», – название, усвоенное, видимо, потому, что требование воздержания от известного рода пищи, – а также чая и табака – получило здесь большее развитие, чем в общих заповедях хлыстовства; последними воспрещается только употребление хмельного и мяса. – Оставим, если угодно, это название за подсудимыми и их единомышленниками, – дело не в имени, – или лучше: будем называть их деликатным именем «людей Божиих», что и наукой принято, или употреблять такое или другое название безразлично. Во всяком случае одно, несомненно, это то, что перед нами сектанты, а не православно верующие члены Церкви.

2. В деле устанавливается связь подсудимых с Анисьей Копыловой, считавшейся прямо хлыстовской «богородицей». В 1868 году она судилась и была судом, по старому порядку, оставлена в подозрении, а затем, административным порядком сослана в г. Повенец Олонецкой губернии, где и проживала до 80-х годов. По возвращении её на прежнее место жительства, Тамбовскому преосвященному указом Синода было предписано озаботиться по отношению к ней принятием пастырских мер... Фамилия Капыловых хорошо известна в истории хлыстов или людей Божиих. В начале настоящего столетия в Кирсановском уезде, в селе Перевоз, т. е. в том самом селе, откуда и подсудимые, – жил хлыстовский пророк Аввакум Копылов, известный между сектантами Тем, что был вознесён на небо, где и получил повеление спасти душу по писанию, т. е. не отвергать Библии, которую отвергали хлысты до него, как предавал основатель хлыстовства. С этого времени все хлысты и стали пользоваться священными, церковными и отеческими книгами и прикрываться

священными именами и событиями. Все хлыстовские песни испещрены словами: «Саваоф», «Христос», «Богородица», «пророки», «ангелы и архангелы», «Мария», «Марфа»; но под этими именами понимаются совсем другие, а под священно-историческими событиями нечто совсем другое. Например, событие Рождества Христова хлысты поясняют так: «Бог тогда Христа рождает, когда всё в нём умирает» ... Нахождение фотографии Анисьи Копыловой не может быть объясняемо только каким-нибудь родственным чувством. В деле установлено, что фотографическую её карточку выносили во время собраний, вешали на стену и на неё заставляли молиться. Здесь уже виден религиозный культ и, вместе с тем, одна из местных особенностей Тамбовских сектантов. Дело в том, что хлысты, наряду с лицемерным употреблением икон и с своеобразным объяснением оных, кланяются с крестным знаменем так называемым «живым», т. е. своему пророку.

3. Стихи, какие заставляли заучивать Наталью Кутукову и которые она на память читала судебному следователю, а частью и на суде, тоже носят известный характер. В этих стихах упоминается и про «Бога – Саваофа», и про «жениха – Христа», и про «кормильца – батюшку», и про «Михаила – архангела», и про «белых голубушек», советуется в них и «на круг гулять», и «в обитель идти батюшки – родителя», упоминается и о том, что «злые тела разорвут люты звери». Все эти выражения и весь склад стихов носят несомненный характер сектантов, именуемых людьми Божиими или хлыстами.

4. По показаниям свидетелей на собраниях постников поют стихи, поют «по духу»; постники живут с чужими жёнами. Фактическую достоверность этих показаний определять не эксперту. Но если это – верно, то опять мы имеем дело с хлыстами.

После этих предварительных разъяснений эксперт удостоверил, что по совокупности имеющихся в деле, отмеченных им, признаков для него и сомнения не остаётся, что эти именуемые здесь постниками суть именно «люди Божии» или хлысты. Дав такое заключение, он перешёл к более обстоятельной характеристике этой секты, не опуская из виду своей главной цели, т. е. определения сектантства подсудимых.

Временем образования секты «людей Божиих» была вторая половина XVII столетия, местом образования – пределы нынешней Владимирской, губернии. Поводом к её образованию послужила народная распущенность, которую «умные люди» вздумали исправить призывом Бога на землю. Эти «умные люди подымать стали руки на небо, сзывать Бога с неба на землю». И действительно, в нынешнем

Ковровском уезде на гору Бородину сошёл сам Саваоф, приняв тело известного крестьянина Данилы Филиппова. Объявив себя воплотившимся «Саваофом», Данила Филиппов и дал своим последователям 12 заповедей, из коих первая читается так: «аз есмь Бог, пророками предсказанный, сошёл на землю для спасения душ человеческих». Самозванный бог, пробыв на земле несколько десятков лет и научив людей, – т. е. образовав секту, 1 января 1700 года вознёсся на небо; с этого дня стали начинать поэтому и новый год. Но ещё при жизни его явился на земле и «сын Божий», или «сыночек», в лице крестьянина Павловского уезда Нижегородской губернии Ивана Тимофеева Суслова. За ним следовал новый «Христос», Прокопий Лупкин, и его жена «богородица» Акулина Ивановна. После них пошёл ряд «пророков» и «пророчиц». Все эти «боги», «христы» и «пророки» суть «Богодухновенные сосуды духа», с вышечеловеческим авторитетом и с неотразимым влиянием на других, доходящим до гипноза, как обнаружилось по делу 1896–7 года об Оренбургских хлыстах. Это какие-то земные боги в точном смысле слова. Таким образом, у хлыстов утвердился догмат непрерывных воплощений Божества, выражающийся в человекообожании. И в настоящем деле мы видим «богородицу» Анисью Копылову и не раз слышали слово «пророк».

Хлыстовство – секта тайная. «Храните тайну, ни отцу, ни матери не открывайте», гласит одна из заповедей основателя секты. Секты хлыстовства покрыты густой завесой наружного благочестия и лицемерной преданностью православной вере и Церкви, ревностным, по-видимому, усердием к основанию её уставов и требований. От этого всегда было трудно отличить хлыста от православного. Правда, на первых порах сделать это было легче, так как Данила Филиппов отверг библию и другие священные и церковные книги (забрал их в куль и бросил в Волгу). Но когда, со времени Аввакума Копылова, хлысты стали употреблять библию и другие книги святоотеческие и особенно аскетического содержания, когда язык их стал испещряться священными терминами, – опознать хлыста стало слишком трудно: нужно подмечать постепенно и со всем вниманием положительные характерные свойства, которые они или тщательно скрывают, или обезличивают, придавая им не надлежащее значение. Поэтому, в глазах многих малоопытных – последователь хлыстовства – обыкновенный, наиболее благочестивый человек и только. Последствиями этого секрета и лицемерия являются двойственные до противоположности отношения сектантов к церковным таинствам и православному духовенству. Наружно хлысты чрезвычайно усердны к

церкви, по-видимому, глубоко чтут её таинства, уважительны к духовенству. Вот наставления хлыстовского пророка своим последователям: «братия мои, будьте усердны к святой церкви, веруйте, что всё, что в ней установлено, свято. Почитайте иереев по премногу и весь причет церковный любите, пороки их не смотрите, но сан и должность их великую. Они – служители Бога Вышнего... Когда человек чисто признаётся в своих грехах перед Богом и духовным отцом, тогда разрешением от священника от Бога освящается благодатно... Братия мои, почаще причащайтесь; велия польза – частое причащение святых тайн» (Радаев, см. у Добротворского «Люди Божии», стр. 93). Но с другой стороны, церковь православная есть только церковь внешняя, плотская, дарований Духа не имеющая, таинства её имеют значение только преобразовательное. Священники, – эти «служители Бога Вышнего» – суть еретики, идолопоклонники, чёрные враны, кровожадные звери, волки злые, безбожные иудеи и фарисеи. Что было прежде, то и теперь, хотя с большей откровенностью. «Хотя в церковь ходить можно, учил современный Самарский пророк, но церковных молитв не повторять» (Миссион. Обзор. 1896 г. кн. I, стр. 3 и 6). Оренбургские хлысты православную Церковь прямо называют вертепом разбойников, балаганом, театром. Будет время, говорят они, что не оставят от церкви камня на камне, а священников заставят воду возить. А один из хлыстов говорил, что он священникам вытеревил бы все волосы за их служение идолам и вытащил бы из храма. «Не знаю, зачем кричат певчие на клиросе». «Чем медь виновата, когда её бьют», (колокольный звон)? Поэтому, в церкви некоторые «корчат рожи, поднимают глаза кверху, притворяются спящими» (Головкин, стр. 106–107). Ардатовские хлысты Симбирской губернии ко Св. Причастью ходили пообедавши, причём говорили: «мы поели свежинки; теперь пойдём, медку попьем». Они часто исповедовались и причащались, но на самом деле не вкушали св. Таин, но удерживали их во рту, относили к своим пророкам и пророчицам, которые бросали их в нечистые места (Обв. акт Казан. суд. палаты 9-го сент. 1887 г.). Многими подмечено, что на исповеди, на вопрос священника – «не грешен ли», хлысты отвечали: «грешен *батюшка*», ударяя на последнее слово. И относительно почитания икон хлыстовство идёт вперёд, и последователи его ханжат менее прежнего, где в ханжестве не видится расчёта. В делах об Оренбургских хлыстах встречаются показания, что иконы они называли простыми досками, а про иконы из Иерусалима говорили: «это что, а вот вы бы лучше на живых святых посмотрели, которые живут в

деревне Девятовке» (Оренб. губ.)¹¹. «Не на доски нужно молиться, а на живого человека, духовного по плоти»¹².

И в настоящем деле не то же ли самое, или очень похожее, мы видим? С одной стороны, мы слышали похвалы благочестию и воздержной жизни подсудимых, даже из уст священника. Но наряду с этим узнаём рассуждения о какой-то «своей» вере, видим, можно сказать, как бы перед глазами и ночные собрания, слышали про запреты ходить в церковь, хотя и не безусловные, и не всегдашние, и учить обычные молитвы, которые заменялись выучкой стихов, и отсутствие поклонения иконам, по меньшей мере, во время собраний. Правда, из настоящего дела не видится поклонения «живым богам», а есть поклонение карточке. – тоже своего рода иконе. Но эта своеобразность может быть объяснена тем, что перед нами изображение «богородицы» из знаменитого в хлыстовстве рода Копыловых, «живых же богов» из этого рода мы уже не видим и не знаем.

Мы заметили и раскрыли уже, что отношение к православной Церкви у хлыстов современных становится откровеннее, и потому нет ничего удивительного, что Наталью Кутукову очень редко водили в церковь, видимо столь редко, что на предварительном следствии она совсем это отрицала. Тоже должно сказать и относительно употребления церковных молитв. У хлыстов, как мы видели, они очень употребительны по букве, хотя в букву вносится свой особый смысл, совершенно не соответствующий самой молитве. Посему, где можно не прикрываться фразой, не лучше ли и оставить это, прямо обратившись к научению своим стихам, особенно там, где дело идёт о будущей, быть может, «богородице». Это устройство сироты – Наташи, эти обещания сделать её наследницей и «повенчать», (в последнем выражении, может быть, свой нехороший смысл), наконец, приучение к разврату, всё это, – вместе взятое, даёт основание думать, что она была избранницей главарей сектантства, могущей впоследствии быть тем, чем была Анисья Копылова, на изображение которой и заставляли Наталью молиться, падая ниц. В некоторых обстоятельствах дела, о которых мы и вы здесь слышали и которые мы отметили, есть, конечно, нечто не вполне уяснённое, есть поэтому и заключения предположительные, но всё это в духе со временного хлыстовства. Наконец, не могу не упомянуть, что в последнее время стало замечаться явное привнесение в хлыстовство понятий молоканских, причём исчезли и исчезают и те уважительно наружные отношения к православной Церкви, какими окружало себя старое хлыстовство (а частью окружают и современные хлысты), и под

покровом которых оно жило и действовало. В пределах Самарской губернии, в уездах Николаевском и Бузулукском, свило себе гнездо сектантство под новой кличкой «мормонов», – так как оно проповедует мену жён. По расследованию оказалось, что это – те же хлысты с их «богами» и «богородицами», с их духовной любовью, с их радениями, после которых собравшиеся ходили вместе в баню; – только отношения их к прав. Церкви открыто резкие, фанатичные, а также – и отрицание почитания св. икон, свойственное не хлыстовству, а молоканству. Здесь, у местных постников, хотя прямо этого не обнаруживается, но дух молоканства, значительно и издавна распространённого в разных видах в Тамбовской епархии, видимо начинает уже проникать и в общество хлыстов. С этой точки зрения, в науке уже не безызвестной, являются ещё более правдоподобными все показания Натальи Кутуковой относительно запрещения ходить в церковь, перемены креста, полного незнания ею церковных молитв и т. п.

Богослужебный культ хлыстов хорошо известен. Он заключается в пении, круговых хождениях, в беганьях, верчениях и прыганьях до одурения. В общем, этот культ одинаков, но в частностях он до бесконечности разнообразится. В Оренбурге хлыстовские пророки, два брата Утицкие, на собраниях распинались, как Христос распялся, т. е. стояли с распростёртыми руками, а присутствовавшие женщины плакали, веря, что они за них распинаются. Всё это дикое сплетение проявлений извращённого религиозного чувства, соединённое с божескими почестями разным „богам“, „христам“, „пророкам“, „богородицам“ и т. п., не только чуждо учению истинной Церкви, но и не имеет ничего общего с христианством. И здесь, как нам известно, – пение на собраниях своеобразных стихов, сидение в чане какой-то старухи и разные кружения, хотя не видно, чтобы доходящие до безобразия. Причина может быть та, что собрания происходили в комнатах небольшой величины, где развернуться было нельзя... Во всяком случае, не по проявлению только постничества следует судить о характере сектантов, – постничество, казовая сторона, – а по тому, что происходило на их собраниях.

Последний вопрос – относительно нравственности хлыстов вообще, и в частности подсудимых. Начнём с того, что здесь слышали мы про нравственность последних, про ночное времяпрепровождение, про эксперименты, каким подвергалась девушка-малолеток. Подтверждать несомненность всего этого со стороны фактической, – дело не эксперта; судьи сами оценят достоверность показаний, какие здесь давались. Равным образом, и оценивать это со стороны

юридической – делать тоже не вижу необходимости: факты говорят сами за себя. Замечу только, что закон предусматривает их особой статьёй (203), на основании которой и наказует виновных за саму принадлежность к секте. Задача эксперта осветить факты, установив с научной точки зрения правдоподобность всего этого в среде тех сектантов, о которых производится дело и которые перед нами под особой местной кличкой, ими самими придуманной. Итак, обратимся к секте людей Божиих, или хлыстов, и расскажем, что о них доселе известно и принято наукой.

Учение о нравственности составляет главный средоточный пункт хлыстовства; без него все эти мнимые боги, богородицы и пророки, весь богослужебный культ с его безобразными кружениями и плясками обратились бы в бессмыслицу и едва ли бы привлекли сколько-нибудь здравомыслящего человека. Первичная цель образования секты заключалась в поднятии и исправлении народной нравственности, в уничтожении распущенности. Одна из главных заповедей основателя хлыстовства заключалась в том, чтобы плотского греха не творить в самом широком смысле слова, т. е. совсем не жениться, а женатым даже разжениться, и мужу с женой жить, как брату с сестрой. Таким образом, мы слышим проповедь иночества безусловного и аскетизма; отсюда проистекало и требование воздержания от употребления хмельного, от мяса и других яств; постничество в общем виде всегда было присуще секте. Отсюда и у всех главарей этой секты--восхваление девства, требование блюсти чистоту, аки зеницу ока. Но замечательное повсюду в нашем, да, может быть, и не в нашем только сектантстве, явление: чем строже правила, чем сильнее требование безбрачия и аскетизма, тем на деле больше разнузданности чувства и уклонений от чистоты, до оправдания и даже освящения разврата. Так в старообрядческом беспоповстве, так и в хлыстовстве. Это не иное что, как сама природа мстит ложным сектантским проповедникам и их последователям за поругание брака, который, в пределах закона, есть Божие установление. И у хлыстов суровые требования девства сведены лишь к отрицанию брака законного. На самых первых порах появления секты это требование не было уже исполняемо. Одна из первых «богородиц», монахиня Ивановского монастыря в Москве Наталья Карпова, изобличена была в прижитии ребёнка.

Подобные случаи повторялись. Правда, то были единичные случаи. Но вот, с конца 18 столетия является учение о, так называемой, духовной, «Христовой» любви между братьями и сёстрами. Смысл этого учения тот, что *только* брак законный – скверна, а то – любовь духовная, а не плотская, когда брат и сестра

друг к другу «склонство» имеют и по этой склонности сходятся между собою. В новейшее время к этой доктрине присовокуплялось пояснение, «что каждому брату должна принадлежать духовная сестра, и при том достойному достойная» (Оренбург. пророк Осип Дурманов). Ещё раньше этого некоторые из пророков хлыстовства пошли дальше. Арзамазский пророк 40-х годов (Радаев) говорил, что девушке и не нужно беречь себя, чтобы не гордиться своей чистотой; нужно быть послушным «духу», который водит туда и сюда (см. в книги Добротворского «Люди Божии»). Под покровом таких тенденций явился и свальный грех, свидетельство о котором и здесь слышали, и самый грязный цинический разврат, особенно хлыстовских пророков. Упомянутый Арзамазский пророк имел связи с 13 женщинами, когда ему было 35 лет; так установлено следствием. А вот и взгляд его на это. «Если многие думают, что я прелюбодействую, так знай, я только прикидываюсь блуд творящим, чтобы иметь уничиженную душу». Современные оренбургские пророки, братья Утицкие, имели какое-то гипнотическое влияние на молодых женщин, с которыми имели связи и издевались ещё над ними: «я тебя, говорил один из них увлечённой женщине, духом своим приручил, и ты из моих рук не вырвешься». «Что лежишь, говорил другой брат женщине, больна видно твоя Марфа (т. е., тело, плоть), знаю, что ей нужно, и тут же согрешит со мною». «Путаться с чужими жёнами, по выражению Тарусских хлыстов, Калужской губернии, значит любовь иметь, что голубь с голубкой». Последние два указания заимствованы нами из недавних следственных дел. Сами формы проявления разврата весьма разнообразны. В настоящем деле, кроме указаний на свальный грех, мы видим новую форму – приучения к нему детей. Это дико и возмутительно, но с точки зрения сектантов естественно и правдоподобно. Здесь тоже духовная любовь голубя с голубкой.

Итак, если фактическая сторона того, что здесь было говорено, заслуживает вероятия, то эксперт может, на основании научных данных, сказать, что все это несколько не удивительно, и что здесь не простой, хотя бы и цинический разврат, но проявление и осуществление учения сектантов, которые известны под именем хлыстов, или людей Божиих.

По выслушании обвинительной речи прокурора и защитительной со стороны присяжного поверенного, присяжные заседатели, по непродолжительном совещании, признали крестьян села Перевоза Кирсановского уезда Колесниковых виновными как по 196 статье, так и по 203 ст. уложения о наказаниях. На основании означенного приговора суд назначил указанное в законе наказание.

Профессор *Н. Ивановский*

Овсянников Е. Сношения старообрядческого лже-архиепископа Иоанна Картушина с донскими старообрядцами и инструкция раскольничьим благочинным // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 55–60

Новый старообрядческий лже-архиепископ Иоанн (Картушин), как уроженец и питомец тихого Дона, сразу же по вступлении на московскую старообрядческую кафедру обратил своё особенное внимание на донских старообрядцев. Зная хорошо условия существования и развития старообрядчества на Дону и имея здесь много старых знакомых, он действует на Донских старообрядцев и через свои личные посещения Дона, и через свои письма и послания, и через своего «всероссийского миссионера» К. А. Перетрухина, который в 1899 году несколько раз успел побывать на Дону.

В начале 1899 года, возвращаясь из своей поездки на Кавказ, Иоанн Картушин начал посещение своего родного Дона с хутора Калача, где у него много почитателей по его прежним связям: в 1893 году он проживал некоторое время в качестве простого инок, в раскольничьем Пятиизбянском скиту вблизи Калача, ныне обращённом в монастырскую единоверческую общину. Калачевцы устроили своему владыке торжественную встречу. Несколько раскольничьих лже-попов из окрестных селений, во главе с калачевским лже-попом, ездили для встречи своего «владыки» в город Царицын и оттуда сопровождали его по железной дороге до хутора Калача, где ожидала его многочисленная толпа раскольников, жаждавших получить от него благословение. 25 и 26 января в Калачевской раскольнической моленной происходило невиданное до сего времени старообрядцами торжество-совершение всенощного бдения и литургии архиерейским служением, при участии четырёх лже-попов и при большом стечении из разных соседних мест раскольников, так что просторная моленная далеко не могла вместить в себе всех прибывших на торжество. Владыка поучал Калачевских старообрядцев «держаться» древляго благочестия, «а не ходить на беседы» к «никонианским миссионерам, ибо это единственное оружие против них» ... По своём отъезде из Калача, Картушин вскоре прислал всем христианам «древляго благочестия» нечто в роде «окружного послания», в котором вместе с разными указаниями и назиданиями находится запрещение всяких сношений с православными: не пить, не есть и не молиться с ними.

Послание было прочитано местным лже-попом в хуторе Рубеженском, Голубинской станицы, в моленной, после богослужения. В этом хуторе существующее уже два года церковное Пятиизбянское противо-раскольническое братство открыло школу – и для большего привлечения в неё детей раскольников употребляет, с разрешения донского епархиального начальства, учебные книги старого издания. По прочтении послания у раскольников возник вопрос: можно или нет по объявленному наказу владыки обучать детей в открытой здесь православным обществом школе грамоты?.. «Вы слышали, что пишет владыка и как строго запрещает всякое сношение с иноверными, так и должны поступать», – последовал ответ лже-попа. Пущены были в ход тайные козни против школы: родителям учеников и всем вообще раскольникам постоянно внушалось, что школа устроена «никонианами» с прямой целью готовить детей к переходу в православие. Многим грозили отлучением от Церкви и, нередко, от угроз переходили к делу. И раскольники вынуждены были почти всех своих детей поразобрать из школы!! Так действуют на них указы их владыки!

Хорошо зная, что в числе австрийских лже-попов Донской Области есть много недостойных и порочных лиц и что среди них встречаются различные нестроения, Картушин постарался учредить за ними *благочиннический* надзор. Ещё от 21 декабря 1898 он писал в Верхне-Чирскую станицу на имя некоего урядника Барыкина письмо, в котором обещал за старообрядческими священниками Донской Области «организовать надзор, самый ближайший, и строгой инструкции. Нужно принять меры против брадобрития, употребления табака. Нужно смотреть им (священникам), чтобы соблюдали посты, благоговейно пели и читали, истово рукой изображали бы крестное знамение, не сообщались бы с иноверными в молитве и пище, на молитве имели бы одежду благоприличную и более однообразную. За всем этим будет наблюдать уполномоченный на сие иерей, один над пятью, или большим количеством или меньшим. *Через два месяца он обязан доносить, что и как продолжается* в его районе. По всё это ещё готовится, потому что дел очень много, тогда как я только 10 декабря занял постоянную квартиру. Поэтому, прошу вас потерпеть и не особо возбуждаться, и молиться Богу, чтобы он помог устроить всё к лучшему, а у меня к этому желание велико, *Священников, нарушающих правила, терпеть не могу*».¹³ Вскоре на Дону стала известна изложенная в 22 параграфах «*инструкция для благочинных*» (раскольнических австрийского толка), Сна была прислана Картушиным на имя лже-попа Сергия Григорьева Ляпичева,

проживающего в хуторе Калаче на Дону, которого он «для ближайшего усмотрения, как пребывают вернии в вере и исправлении добрых дел, в каком состоянии находятся церкви, как действуют и проводят жизнь священники (Василия Великого пр. 89), благословляет быть *благочинным* и поручает ему иметь власть и наблюдение над следующими священниками и их приходами: Иоанном Мануйловым, Иоанном Тюкиным, Кондратом Соранцевым, Феопентом Шведовым и Никитой Рудовым».¹⁴ Обязанности благочинного, изложенные в «инструкции», очень важны для характеристики стремлений Картушина возратить старообрядство к исполнению заветов предков, от которых теперь многие из них отступают. Поэтому мы приведём дословно 22 параграфа этой инструкции, составленной по образцу «инструкции благочинным православных приходских церквей» с некоторыми даже заимствованиями из этой последней. Вот эта инструкция:

По сему нашему благословению ты (т. е. благочинный) должен: 1) С доброй совестью отличать великой благопопечительностью и усердием, яко обязанный дать ответ в том не нам только, а и назирающему над всеми Богу, и проходить это служение не взирая ни на дружбу, ни на вражду, ни на дар, ни на мольбы, ни на что-либо другое, но во всем поступать по канонам церковным и нашему повелению; *и по мере надобности совершить посещение вверенного тебе благочиннического округа.* 2) Обращать внимание на состояние веры и нравственности в твоём благочинии: наблюдать за образом жизни и нравами священников и мирян, сохраняются ли правила церковные и уставы отеческие. 3) Замечая в приходе какие-либо злоупотребления и неурюстройства, ты должен принимать нравственные меры к их прекращению. Разные недоумения и вопросы ты должен разрешать, руководствуясь: *Священным Писанием, церковными канонами и отческим преданием.* 4) Ты должен наблюдать, чтобы священники всегда и повсюду вели себя достойно своего звания: праведно, целомудренно и благочестно, и не предавались винопитию или каким-либо иным порокам. 5) Чтобы священники удовлетворяли потребностям и законным требованиям своих прихожан, наставляли их в вере и благочестии, следили за их нравственностью, обличали их пороки, (как то: бранобритие, курение табака, несоблюдение постов) и принимали меры к их исправлению. 6) Ведущих жизнь, противную христианству, побуждали бы к благонравию, и мольбой и духовными наставлениями учили страху Божию, чтобы они вели себя достойно своего звания, не своей воле повинуюсь, и не предавались чрезмерно заботам о собственных имуществвах и богатстве. 7) Чтобы священники обращали особенное внимание на не исполняющих христианские

обязанности и нарушающих древние отеческие предания и увещевали их хранить и исполнять оные. 8) Ты должен наблюдать вообще за точным исполнением – и священнослужителями и мирянами обязанностей, налагаемых на них законами церковными и в частности, *чтобы не венчали лиц чуже-приходных, не получив на то письменного дозволения от их приходского священника.* 9) Чтобы священники и церковнослужители неопустительно исполняли свои обязанности: совершали божественную службу во все воскресные и праздничные дни и прочие священнодействия с великим тщанием и благоговением, вели себя при этом благоприлично, не позволяли ничего неблагопристойного и не поступали с священными предметами небрежно; чтобы наблюдали чистоту и опрятность в храмах, приличную дому Божию. 10) Запасные дары, св. миро, священные сосуды, книги, облачения и всю утварь церковную ты должен обзирать, находятся ли они в целости и содержатся ли в надлежащем порядке и чистоте. 11) Ты должен наблюдать, чтобы попечители, избранные обществом для заведывания церковным хозяйством, имели опись всему церковному имуществу и тщательно хранили оное. 12) Священников, с презрением и дерзостью обращающихся с попечителями и прихожанами, просьбой и убеждением ты должен располагать к кротости и смирению и наставлять их, чтобы они смотрели на прихожан как на члены свои и имели попечение (надо полагать, два слова пропущены: «о них, как») о своих душах, и совершали приличные распоряжения с согласия попечителей. 13) Ты должен исследовать и решать неудовольствия, возникающие, как со стороны попечителей и прихожан против священников, так и наоборот, со стороны священников против попечителей и прихожан, и, руководствуясь истиной, решать дела по справедливости: всякую вражду уничтожать, вводить мирное житие и образ жизни, приличный людям благочестивым. 14) Внушать попечителям, чтобы общество обязательно содержало при священнике уставщика для отправления богослужений и треб. 15) Чтобы они не принимали без согласия священника певцов и чтецов, в особенности таких, которые в других приходах были уволены за дурное поведение, но, чтобы принимали всевозможное попечение и старание о том, чтобы церковнослужители определяемы были по испытанию и удостоверении, а их нравственности. 16) Внушать священникам и попечителям, чтобы *они воспрещали церковнослужителям ходить по гостиницам и другим неприличным местам, совершенно искоренять в них пристрастие к табакокурению, азартным играм и винопитию, ибо это не сообразно христианам и тем более с причётническим званием.* 17) Ты должен

убеждать всех вообще, чтобы они сохраняли церковный чин по святоотеческим уставам *и не вводили ни чего нового ни в чтении, ни в пении, а следовали издревле принятому обычаю.* 18) Внушать, чтобы христиане, в особенности священники, изучали Священное Писание, каноны церковные, творения святых отцов и прочие душеполезные книги, а не предавались исключительно попечениям житейским. 19) Ты должен следить, чтобы в твоём благочинии не было своевольных и неблаговременных отлучек священников из их приходов, даже и к нашему смирению, если же укажет надобность, ты должен отлучающемуся выдать представительную грамоту (Антиох. пр. 8). 20). Тех, которые без нужды ходят по чужим приходам и епархиям, не имея представительных грамот от своего епископа или благочинного, по возможности ты должен обуздывать и не позволять им служения, чтобы приходские священники не терпели ущерба и вмешательства в своих пастырских занятиях. 21) О состоянии вверенного тебе благочиннического округа и о своих распоряжениях ты должен через каждые два месяца доставлять мне сведения и 22) В каждом приходе, в который тебе нужно будет прийти, *ты должен прочитать эту данную тебе «инструкцию*», яко имеющую в сем деле заповедь Божию, чтобы они уразумели наше о них попечение и тебя приняли, как нашего уполномоченного и благочинного исправителя того, что оставлено в небрежении, чтобы, таким образом, к твоим убеждениям сделались заботливее и внимательнее.* «Бог да поспешит тебе в сём благом деле». Смиренный Иоанн, архиепископ старообрядческий.

Нередко заглядывает на Дон, по поручению своего «владыки», и «всероссийский комиссионер» К.А. Перетрухин. В феврале текущего года Перетрухин посетил х. Гуреев, Атаманской станицы, для утверждения в расколе некоторых колеблющихся. Сюда он ехал через х. Калач на Дону, где также исполнял поручения своего владыки: своих утверждал в окружническом расколе, противные партии раскольников склонял к примирению, а всем вообще советовал не ходить на беседы «к никонианам». В мае того же года он опять посетил Дон и вступал в беседы с Донским епархиальным миссионером о. Николаем Кутеповым. Такую заботливость проявляет новый старообрядческий митрополит о родных ему донских старообрядцах австрийского толка.

Е. Овсянников

* * *

От редакции. Собственно, ничего бы нельзя возразить против стремлений «Московского и всея России» раскольников владыки Картушина к водворению порядка и благочиния среди

невежественных, грубых, слепых духовных вождей раскольничьей массы, если бы за этими стремлениями не скрывалось преступных, иезуитских целей. Порядок всегда и везде лучше беспорядка, а благочестие на всё полезно. Но дело в том, что К° лже-иерархов раскольничьих, вдохновляемая такими фанатиками-ругателями и ненавистниками господствующей Церкви, как Швецов, он же лже-епископ Уральский, а ныне Нижегородский, – Мельников, Усов, – лелеет вредные и едва ли терпимые в благоустроенном государстве вожделения создать и укрепить на прочных началах церковной дисциплины в России, *свободой*, т. е. независимую от предержащей власти, Церковь, не только воинствующую против православия, но и духовно властвующую над господствующей Церковью, как якобы еретической и потерявшей благочестие.

Словом, австрийская лже-иерархия стремится раскол ещё глубже углубить и закабалить в вековой распри с православием, подчинить и объединить в себе мелкие враждующие ныне секты поповщинские и беспоповщинские и, таким образом, воевать против Церкви и Цезаризма, как выражаются вожди раскола, силой организованной и дисциплинированной. А потому, нельзя закрывать глаза, кому следует, от этих опасных стремлений и слишком уже за последние годы свободной, если не сказать наглой, пропаганды своих раздорнических мыслей и учений, которую невозбранно ведут Картушины, Швецовы и Мельниковы.

Милостивые законы даны раскольникам не для того, чтобы они раздирали церковный организм православной Руси на две враждующие части, а для мира и единения, чего не хотят понять вожди раскола.

Бобровников Н. По поводу статьи // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 60–67

«К вопросу о более желательной и целесообразной постановке церковноприходской и школьной миссии среди населения инородческого среднего Поволжья». – (Миссионер. Обозрение, ноябрь и декабрь 1899 года)¹⁵.

I.

В ноябрьской книжке Миссионерского Обозрения за 1899 г. напечатана статья по вопросу о церковно-приходской и школьной миссии среди инородческого населения среднего Поволжья. Статья эта любопытна, между прочим, отчётливой формулировкой обычных современных обвинений инородческой школы. Нельзя не отнестись с признательностью к автору статьи за то, что он обвинения эти из области частных толков вынес на журнальные страницы и, таким образом, дал возможность людям, которые интересуются существом дела, обсудить, что в этих обвинениях действительно ценно для пользы дела и что должно быть оставлено, как порождённое исключительно провинциальными условиями, создающими к сожалению, у нас, в глухой провинции, так много напрасных «вопросов».

Остановлюсь на минуту на оценке самой статьи. По существу, статья не вполне оправдывает своё заглавие. Все данные статьи относятся исключительно к чувашам Симбирской епархии¹⁶ и к Симбирской чувашской учительской школе, где, по-видимому, автор состоял законоучителем, выводы же статьи претендуют иметь общее значение и характеризовать дело просвещения всех вообще инородцев среднего Поволжья¹⁷. Стоя, по моему служебному положению, в довольно близком соотношении с инородческой школой, я давно убедился, что невозможно судить всех инородцев целиком и что не только нельзя говорить о всех вообще инородцах среднего Поволжья, но нельзя говорить вообще даже о каком-нибудь одном племени одной губернии. В деле просвещения, а особенно просвещения миссионерского, важен отдельный человек, отдельная личность, а тем более отдельная местность; о целых племенах и районах вообще можно говорить лишь в вопросах политико-экономических и статистических, но и здесь, когда мы переходим к практическому делу, например, к делу помощи бедствующему населению, приходится оставлять общие выводы, а изучать каждую деревню и каждое хозяйство особо¹⁸.

Фактически многократно убедившись подобным путём, что общие суждения не могут служить основой для миссионерских мероприятий, я не интересуюсь и даже мало читаю рассуждения о народном образовании, не содержащие точных данных о тех или других местностях, а трактующие больше вопросы на основании каких-либо теоретических соображений. В отношении инородцев мне прямо скучно слушать и читать красивые речи и глубокие соображения об их образовании вообще. Они производят на меня впечатление необитаемых холодных палат, построенных в лучшем случае для каких-то воображаемых людей, а в худшем для выгоды или славы самого красноречивого автора. Отчасти такое впечатление производит помянутая статья, автор, которой, рассуждая о системе образования инородцев Н.И. Ильминского, не знаком (?)¹⁹ с этнографией инородцев и даже очевидно не читал сочинения создателя нынешней системы просвещения инородцев и не имеет их под руками, так как не твёрдо знает даже имя ближайшего сотрудника Н.И. Ильминского, священника Василия Тимофеевича Тимофеева, который упоминается в сочинениях Николая Ивановича десятки раз (стр. 444 статьи). Надеюсь, читатель поверит, что рассуждения об инородческом вопросе вообще, написанные с столь скудным (?) запасом начитанности и основывающиеся на кое-каких сведениях понаслышке о двух уездах Симбирской губернии²⁰, а трактующие, между тем, весь помянутый вопрос, нам, старым людям, читать довольно скучно. Я и не стал бы читать цитируемую анонимную статью, если бы по поводу её не получил письма от одного священника- инородца, жизнь свою положившего за овцы своя и глубоко той статьёй огорчившегося.

Итак, меня интересует эта статья не как материал для размышления о способах улучшения дела просвещения инородцев, а исключительно, как изображение помянутых выше закулисных пересуд, решившихся выйти, наконец, на большую дорогу печатного слова.

II.

«В системе Ильминского не указано, что принадлежит собственно миссии Церкви в деле просвещения инородцев Евангелием, и чем должна ограничиваться сфера влияния мирян, поставивших себе задачей образование инородцев» (стр. 437).

Конечно, Н.И. Ильминский много потерял, что не мог послушать уроков катехизиса у почтенного автора настоящей статьи, так как он, Ильминский, не умел различать «Церкви» от мирян. Противопоставлять Церковь мирянам ни он, ни блаженной памяти архиепископ Антоний, при котором Николай Иванович начал свою работу, не умели.

Сознаюсь откровенно, что взгляд, суживающий Церковь до духовенства и даже до монашества и противопоставляющий Церковь мирянам, взгляд, ныне многими проводимый в жизнь, до настоящей минуты казался и мае не отвечающим ни традициям наших миссий, ни принципам православия. Помянутый взгляд на практике поддерживается следующим рассуждением. Церкви принадлежит право учить, следовательно, духовные лица должны преобладать над светскими в деле обучения.

Но, выражение «Церковь учит» значит, что Церкви, а не отдельным лицам, принадлежит право разъяснять догматы, устанавливать обряды, канонизировать святых и проч. В этом выражении слово Церковь означает всех православных христиан и непременно в том числе мирян²¹. Достаточно припомнить хотя бы историю вселенских соборов или взглянуть в книгу посланий Св. Апостолов, чтобы убедиться, что это так. Раз миссия дело Церкви, она есть дело всех православных христиан, которые не только по праву, но и по долгу, по мере сил, должны ей содействовать. Приснопамятный архиепископ Антоний, столь много сделавший для миссии в Казанском крае, все усилия употреблял к тому, чтобы привлечь к делу светских лиц: председателем Братства сделал светское лицо, оказывал всякий почёт и внимание светским лицам, сколько-нибудь проявившим своё усердие к делу миссии, отнюдь не делая миссию собственностью духовного ведомства. В этом же духе действовали и многие преемники архиепископа Антония, рассуждая, что, чем более миряне интересуются делом миссии и помогают ему, тем лучше, и что отнюдь миссии не должна быть делом небольшого круга духовных лиц и консисторий. Учреждение миссионерского общества и образование епархиальных отделений его было следствием такого взгляда на дело. Но затем, взгляд этот кое-где уступил, в практической, конечно, только жизни, взгляду, высказанному в помянутой статье.

Если бы анонимный автор ближе был знаком с сочинениями Ильминского, он знал бы, что окрик: «мирянин не вмешивайся в дело Церкви», который теперь оглашён анонимным автором, не раз резко и обидно раздавался и по адресу Н.И. Ильминского.

Посмотрим в чём состоит это вмешательство мирян в дело «Церкви».

Оно проявляется и на практике, и по цитируемой статье двояко: 1) миряне иногда рекомендуют местным епископам кандидатов в сельские учителя, псаломщики и даже во священники, 2) миряне составляют и печатают книги для инородцев.

III.

Вмешательство мирян, по мнению автора статьи, есть причина и основа всех замешательств, которыми будто бы наполнено дело образования инородцев.

Один бойкий молодой человек духовной карьеры года два назад в Казани изобрёл для первого вида вмешательства мирян в дела «Церкви» термин «патронатство» и не мало забавлял этим термином досужих людей. Теперь этот термин из салонов проник в печать. Что такое это столь возмутительное патронатство? Цитируемая статья даёт нам ответ: поддержание связи между учениками, кончившими Симбирскую чувашскую учительскую школу, и этой школой. Симбирская школа, которая одна в той анонимной статье удостоилась чести быть обвинённой в патронатстве своим ученикам, принимает мальчиков, прошедших сельскую школу, кормит их, учит, определяет на учительские места. Не естественно ли, что эти мальчики, сделавшись учителями, сохраняют благодарную память к воспитавшему их заведению и поддерживают с ним сношения, а начальство школы, привязавшись к сим учителям, когда они были учениками, не только помнит их, но и следит за их дальнейшим умственным развитием и не отказывается помогать им. Симбирская школа в этом отношении поставлена особенно счастливо: воспитанники её по окончании курса, в большинстве, поступают в школы, заведомые тем же лицом, которое заведует Симбирской учительской школой – инспектором И.Я. Яковлевым. Сей последний имеет возможность знать и видеть учителей вверенных ему школ с того момента, когда они – учителя сами ещё только начинают учиться грамоте. Будучи основателем и учредителем Симбирской чувашской школы, г. Яковлев близко знает и развитие, и внутренние сокровенные побуждения всех чувашских учителей и священников. Естественно, что, при таких условиях, голос г. Яковлева в глазах многих епархиальных архиереев перевешивает голос не только благочинного, но даже члена или секретаря Консистории. Естественно затем, что, избрав для поступления в Симбирскую школу деревенского мальчишку из какого-либо чувашского захолустья, воспитав и поставив его на ноги, Яковлев не может, когда этот мальчишка сделается сельским священником, отрешиться от интереса к нему и перестать смотреть на него, как на своего ученика, которому можно и должно сказать прямо в глаза все, что думаешь. Естественно далее, что некоторым из этих священников, пока они молоды и склонны чваниться своим званием и саном, может показаться это неприятным. Особенно последнее часто случается с теми, которые ели хлеб-соль лично у г. Яковлева. Известно, что старые хлеб-соль забываются и даже обычно (?) создают у

облагодетельствованных скрытую вражду к благодетелю. Если патронатство г. Яковлева принесло вредные плоды, выдвинуло, например, недостойных лиц, то вина в этом падает не на одного Яковлева. Яковлев не сам ставит во священники и дьякона; он, большей частью, отвечая лишь на вопросы к нему обращённые, только рекомендовал, высказывая откровенно всё, что знает о данном лице.

По опыту Казанской семинарии, которая в отношении возможности следить за службой бывших своих воспитанников стоит в гораздо худших условиях, я знаю, что крестьянский мальчик, обязанный своим умственным развитием семинарии, сохраняет к ней десятки лет горячую, иногда трогательную, привязанность, которая и в отношении семинарии часто подвергается осуждению. На сих днях поздно вечером зашёл ко мне как бы тайком священник-инородец, которого я давно упустил из виду и забыл даже имя. Он пришёл без дела, просто повидаться и, сказав, что пришёл тайком и что «у нас не любят, когда мы заходим в семинарию», – заплакал. Сей священник решительно ничем не обязан мне лично, и его волнение в данном случае не было ли обусловлено противоречием, которое возникло в его душе между требованием правящих в Церкви и теми благодарными воспоминаниями, которые наша бедная семинария в нём вызвала?

Не соглашаясь, таким образом, с суждением о зловредности «патронатства», позволю себе заметить, что и многие выдающиеся педагоги думают, что сельскими училищами должны заведовать директора учительских семинарий и школ, дабы поддержать связь между учителями и воспитавшим их учебным заведением. У нас такое мнение было высказано, между прочим, И.А. Износковым, которого упоминает анонимный автор в своей статье. Осуществление подобного предположения встречает практические затруднения, но не имеет в себе ничего зловредного.

IV.

Миряне печатают книги для инородцев.

У нас переводами и изданием книг на инородческих языках занимаются преимущественно – светские лица. Знание языка, знакомство с приёмами переводческого дела даётся продолжительной работой и работой тяжёлой и скучной. Совмещение помянутых специальных знаний с духовным саном вещь редкая. Нынешняя организация переводческой деятельности в Казани, а вслед затем – в Симбирске и Оренбурге, создана в 1876 году путём сношения Совета Православного Миссионерского Общества с Архиепископом Антонием и Н.И. Ильминским. В этом случае, как и в вопросе о рукоположении священников из инородцев, Архиепископ Антоний проявил широкий,

истинно православный взгляд на дело. Комиссия, организованная по письму от 13 апреля 1876 г. протоиерея А.О. Ключарева, ныне Высокопреосвященнейшего Амвросия, Архиепископа Харьковского, составлена была, почти исключительно, из светских лиц. При этом, комиссии было разрешено вести дело самостоятельно. Худо ли, хорошо ли работала и работает комиссия, много или мало она делает, в настоящее время в «церкви» об этом не говорят; там говорят лишь о том, что члены комиссии должны быть духовными. Требуют этого во имя права Церкви учить. Если бы, на основании отчётов комиссии и других трудов её, утверждали, что она работает дурно, я понимал бы преобразовательные стремления; я понимал бы их и в том случае, если бы комиссия стоила дорого, но и этого никто не говорит, да и сказать не может, потому что члены комиссии работают бесплатно²².

Из отчёта о приходе и расходе денежных сумм переводческой комиссии видно, что члены комиссии ныне содержания не получают; они, исключая некоторых единичных случаев (выдачи профессору Миротворцеву, И. Я. Яковлеву, на погребение свящ. В.Т. Тимофееву и т. п.), никогда не получали этого содержания и ранее, хотя в упомянутом письме протоиерея А.О. Ключарева получение содержания сделано обязательным для членов комиссии, так что, по буквальному смыслу того письма, отказ от получения жалованья влечёт за собой увольнение из членов комиссии. В виду этого, неполучение жалованья членами комиссии, по существу, является весьма крупным пожертвованием на дело народного образования, так как половина ассигнования на комиссию должна бы идти в жалованье членам её, а ныне идёт на печатание книг для бесплатной раздачи и на вознаграждение сотрудников комиссии. Можно сказать, что все бесплатно раздаваемые книги и брошюры на инородческих языках жертвуются лично членами комиссии. Казалось бы, что при таком отношении к делу, комиссия, пусть она ведёт дело даже недостаточно умело, заслуживает, если не признательности, то, по крайней мере, приличного и вежливого к ней отношения. Но на самом деле, со стороны многих отождествляющих Церковь с духовенством или даже монашеством комиссия встречает сильнейшие нападки, но отнюдь не по существу дела, а с формальной стороны, со стороны цензуры, со стороны зависимости её непосредственно от Совета Миссионерского Общества и т. п. Особенно много имеет она нападков с цензурной стороны, так что вынуждена иногда обращаться к светской цензуре. Это оспаривание права цензуры у комиссии имеет, отчасти, комический вид. Я лично, по распоряжению главного управления по делам печати, имею право цензуры для инородческих языков, один из членов

комиссии имеет это право по избранию Духовной Академии; ни у меня, ни упомянутого моего сочлена право цензуры не оспаривается, а за комиссией его пытаются не признавать, хотят заставить комиссию в целом составе обращаться за цензурой к одному из её сочленов.

Одно высокопоставленное лицо, вникшее несколько в недоразумения в деле инородческого образования, высказало, что это повторение истории ссоры Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем. Сколь ни прискорбно это суждение для комиссии, которой приходится отождествлять себя с одним из почтенных миргородских граждан, надо сказать, что оно, в некоторых отношениях, близко к истине.

(Окончание следует).

Н. Бобровников

**Из миссионерских дневников и записок // Миссионерское
обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 68–94**

Какие новые требования и задачи предъявляет к внутренней миссии новое время? (Из письма к редактору). С. 68–74

Одной из главных бед нашего отечества является то, что над православным русским народом стоит неверующая, антинационально и лже-космополитично настроенная интеллигенция. Вследствие этого, правительство светское и духовное обречено на своеобразную и печальную роль *охранять* один – низший слой народа от другого – высшего.

В беседах с деятелями просвещения и миссионерства только и слышишь: «да, нужно оберегать народ». Но ведь нельзя же всегда оберегать и только оберегать – без надежды на *совместную в будущем и согласную* работу обоих классов. Неужели нашему образованному обществу суждено всегда быть тормозом на нашем историческом пути? Едва ли можно с лёгким сердцем мириться с этой мыслью, наводящей на очень грустные думы... А если нет, то, естественно, возникает вопрос: что же делается современной миссией для желательного духовного объединения народа и интеллигенции, – объединения в том, истинность чего так несомненна для настоящего русского человека?

Православие – эта истина мира и, особенно, земли русской, где единственно оно стоит сравнительно твёрдо, проводится в жизнь школой, духовенством и миссионерством.

Как поучают пути (закону) Господню в школах? На это можно ответить, не погрешая против действительности, что преподавание его в общем (исключения всегда и везде бывают) крайне схоластично.

Миссионеры действуют, главным образом, среди простого народа.

Духовенство также служит, преимущественно, простому люду. Из интеллигенции же лишь незначительная часть окормляется духовно пастырями Церкви.

Таким образом, наша учащаяся молодёжь, учителя и учительницы сельских и городских школ, учителя средних учебных заведений, профессора, писатели, общественные и государственные деятели, – весь этот многочисленный и много значащий класс русских людей стоит вне живого воздействия Церкви, чужд и чуждается её, вовсе не ведает мудрости её учения, увлекаясь, по выразительному слову Св. Писания, философией по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу.

Эти люди, большей частью, не идут в Церковь, не обращаются к пастырям и учителям Церкви в своих исканиях правды (если таковые искания посещают их), а когда и обращаются, то, обыкновенно, находят Истину Евангелия заключённой в такие формулы, которые нисколько не отвечают их душевному складу и нравственному содержанию их жизни.

Вследствие такой настроенности интеллигентного русского человека, общественные должности и – что особенно печально – очень, очень часто педагогические замещаются людьми безрелигиозными. Можно бы было указать целый ряд таких печальных явлений в этой области, но это слишком всем известно и повторять излишне.

А там, где и настойчиво сказывается религиозное сознание, где люди с глубоким интересом обсуждают вопросы «веры и жизни», там, где принимают в этом участие и пастыри, – православие часто является с такой примесью рационализма, деизма и, так называемых, либеральных идей, что теряет свой чистый образ истины. В подтверждение всего этого также можно привести крупные и неоспоримые факты.

Не говорю о том, что делается в воскресных школах, классах для рабочих, хотя и многое знаю. Там столько знаменательного и требующего внимания!

Моё прошлое (поднадзорного, вольномыслящего интеллигента) поставило меня в такое положение, что я соприкасаюсь с массой интеллигентных лиц, весьма разнородных, но с доверием обращающихся ко мне, как к человеку, пережившему разные течения и искренно пришедшему к Церкви. И я воочию вижу, как растёт в интеллигенции жажда религиозной истины, тоскливое, трепетное искание выхода из душной атмосферы и заколдованного круга безверия, маловерия, скепсиса и сухих, безжизненных мудрований сектантства, как пашковцы, толстовцы и проч. У меня образовалась обширная переписка по вопросам «веры и жизни», переписка возрастает до таких размеров (мне приходилось писать до 400 писем в год), что я уже не в силах удовлетворять всем запросам, так как не имею возможности целиком отдаться удовлетворению этой назревшей, чисто миссионерской, потребности. Круг сношений, готовый расшириться очень быстро, я должен суживать. Кроме того, в таком деле часто нужна бывает беседа лицом к лицу, а это сопряжено с ещё большими трудностями. И вот вывод, который я решаюсь сделать из этих спешно набросанных для миссионерского органа новогодних пожеланий.

Наше новое время и создающиеся новые знаменательные настроения и веяния в духовной атмосфере современного интеллигентного русского общества повелительно требуют от миссии *расширения её просветительных задач*. Опекая и охраняя народ, она должна, в то же время, с не меньшей бдительностью и отзывчивостью воинствовать мечом Слова Божия и среди интеллигенции неверующей, колеблющейся, ищущей истины, поворачивающей на путь религии, сектантствующей, и, наконец, считающейся православной, по не стоящей твёрдо в правилах отеческих.

Бесспорно, эта задача миссии более трудная и сложная, чем нынешняя народо-охранительная; по без осуществления её деятельность миссионеров в среде одного только народа представляет собой Сизифову работу. Теперь слишком много путей и источников, откуда незаметно просачивается в народную среду интеллигентная, растлевающая её духовная гниль. Не правильнее ли будет, чем вечно и часто бесплодно трудиться над шлагбаумами и запрудами, приняться дружно за духовную чистку этих заразительных источников, тем более, что теперь сами собой, из самобытных глубин интеллигентной подпочвы, заметно пробиваются благодетельные, освежающие струйки. Да поможет Творец веков и времён в сие новое лето своей благодати осуществить внутренней миссии эту её назревшую не только задачу, но и обязанность.

Тверской интеллигент

От редакции. От всей души приветствуем счастливую идею и благое пожелание г. Тверского интеллигента. Мнение автора настоящего письма к редактору тем более ценно, что этот голос исходит из той среды, где живее ощущается эта назревшая потребность в миссионерском просветительном воздействии Церкви, – мнение лица, уверовавшего путём горького опыта, путём пережитого религиозного скепсиса в несравненное превосходство Божественной истины родного православия. Дорого для деятелей миссии это заявление ещё и потому, что служит новым доказательством того, как много непочатого ещё дела у миссии и как фальшиво и вредно то живучее ещё и доныне заблуждение, что будто бы миссия, миссионерская литература нужны только там, где есть сектанты и раскольники.

Не здравии, каков в общей своей массе наш верующий народ, и не мёртвые и отсёкшиеся от тела Церкви, члены, – каковы все отщепенцы, – открытые сектанты, требуют от Матери-Церкви её особого попечения и духовного врачевания, а заражённые, болевающие, изнурённые разными мнимо-просвещающими *измами*,

какова наша в своём большинстве полу-верующая сектофильствующая интеллигенция. Скажут, что это дело исключительно приходских пастырей Церкви и задача их проповеди. Но что могут поделаться одни пастыри с такими овцами, которые блуждают вне двора Церкви и гласа их не слушают? Нет, здесь, вместе с пастырским попечением, нужны также и меры особые, необходимо организованное и именно *миссионерское* воздействие на интеллигентный мир. Нельзя сказать, чтобы идея г. Тверского интеллигента была *новой*. Потребность в этом давно сознаётся и духовным ведомством, и просвещённым пастырством, и миссией. Есть и попытки к удовлетворению духовной алчбе и жажде интеллигентного общества, в виде заводимых в последние два года чтений для интеллигенции в столицах, Киеве и других просвещённых центрах. Но всё это только *попытки*, а не *организованное* воздействие.

Нельзя, далее, не согласиться с справедливостью мнения автора, что наша миссия отличается исключительно *народным* характером. Скажем больше. И в этой-то сфере миссионеры действуют односторонне, – только *обороняясь, окапываясь*, так сказать, от нападения врагов, а не нападая на них систематически опять-таки организованной ратью. Посмотрите на нашу полемическую литературу, на миссионерские беседы, проповеди – все они, за редким исключением, только отвечают на возражения и злохуления раскола и сект, охраняют православное воззрение народа на те или другие догматы и правила веры и Церкви, но весьма слабо направляют свой духовный меч и полемические стрелы в сам лагерь врагов православных – не подкапывают гнилых оснований догмы раскола и сект, не тревожат религиозной совести отпадших, спокойно вззирающих на своё суемудрие, как на довлеющую истину. Словом, необходима реформа и в методике собеседований и в полемической, особенно народной, литературе. Нужно больше издавать и шире распространять среди самих раскольников и сектантов *летучие миссионерские листки*, которые бы, просветляя религиозное сознание, обличали бы ложь еретического лже-мудрования, пробуждали бы заспанную совесть отпадших. Но на это нужны большие силы и средства, которых у миссии пока ныне не хватает. Наш миссионерский институт, в лице образованных и литературных деятелей, – слишком незначителен по числу, притом все миссионеры завалены – до изнеможения чёрной работой – разъездной, и даже не прямой своей, как напр., исследованиями на местах относительно совращений и отпадений – по указам консисторий, экспертизами и др. Вместе с тем дух ревности миссионеров угашается неопределённостью их служебного и правового

положения: так что все лучшие деятели чувствуют себя в переходном состоянии и потому не решаются задаваться новыми и широкими перспективами, как расширение задач миссии. Да что может сделать миссионер один на целую епархию и такую, напр., необозримую, как Донская область! В результате грудь, горло и нервы ни одного усердного к своему делу миссионера не выдерживают службы более пяти лет. Мы сейчас имеем перед глазами такие печальные примеры! Дайте время усилиться, позвольте юной просвещённой миссии стать твёрдой стопой на свою законную почву, и она сумеет ответить на запросы интеллигентной среды и, с Божью помощью, удовлетворит её алчбе и жажде, как ныне с успехом делает это в народной среде. Отрадно констатировать, что где бы опытные, просвещённые, горящие Илииной ревностью о своём долге и деле миссионеры ни появлялись в местах сектантского брожения, они пленяют сердца православных масс в след послушания Церкви и быстро приостанавливают дальнейшее сектантское или раскольничье движение. Крестьяне, выслушав ряд бесед и пламенных обличений убеждённого, способного миссионера, с детским доверием внемлют гласу миссии и искренно – детски выражают свои чувства: «чтобы тебе, батюшка или сударик, ранее-то приехать к нам, да вот так хорошенько растолковать бы нам, тёмным людям, то ведь и не было бы у нас такой сутормы»²³!.. Или: «если бы ты не приехал, то не больше как годик разве ещё помаялись бы с этими штундерами. а то бы все и перешли туда-ж». Такие простосердечные заявления часто слышатся миссионерами от народа, и они слишком ярко характеризуют значение, силу и необходимость миссии в народной среде.

Но смотря на все те исключительные условия, среди которых приходится действовать нынешней миссии, тем не менее некоторыми деятелями епархиальных миссий в истекшем году сделаны были полезные попытки миссионерствования среди интеллигенции. Так, Херсонский миссионер М.А. Кальнев, в гг. Николаеве и Херсоне перед своими собеседованиями с местными сектантами, прочитал вызвавшие большой интерес публичные лекции для интеллигенции об истории вероучения и характере местных сект. Опыт прекрасно удался. Лекции миссионера возбудили в обществе сочувствие к делу миссии. Редактор нашего журнала в столице читал слушателям из высшего общества публичные лекции о духоборах и пашковцах.

Желательно, чтобы эти начинания не остались исключительными, а в новом году нашли бы себе большее развитие. Светское общество, кроме газетных и ходячих толков, решительно не имеет других верных и достаточных сведений по вопросам раскола и сект, ибо в курсах

светских учебных заведений в этой области ничего толкового не сообщается. Отсюда понятно сектофильство и верхоглядство интеллигенции на столь сложное церковно-общественное явление, как раскол, секты. Миссия обязана считаться с этим тормозом в своей деятельности и – должна стремиться приобретать себе в светском обществе, как можно больше понимающих дело, сочувствующих и содействующих себе союзников.

В этих целях желательно, чтобы братства располагали и пользовались способными и ревнующими о православии членами своими из интеллигенции для миссионерства в этой среде.

Имеют же братства из народной среды полезнейших для дела сотрудников миссии из добровольцев, которые иногда умеют говорить своей братии языком своим, народным и потому более понятным, и вызывать иногда большее доверие, чем присяжные миссионеры или пастыри. То же нужно сказать и об интеллигентном мире, – где свой язык, свои взгляды, свои предрассудки, с которыми легче считаться миссионеру-интеллигенту, да ещё добровольному служителю миссионерской идеи. Почему бы, напр., не благословить епархиальной власти на миссионерский подвиг и не взять братствам под своё руководство и отчёт, испытанных ревнителей православия, седмицей искушённых, как этот, например, наш почтенный корреспондент, или как уже известный читателям сотрудник М. С-ко и мн. др. Сколько бы они могли добра принести в своей среде, сколько света пролить для самой миссии, относительно интеллигентных веяний и течений.

Наконец, миссия не должна пренебрегать и могучим влиянием печатного слова на светское читающее общество: необходимо, чтобы духовная печать всемерно заботилась пробивать себе путь к уму и чувству интеллигенции, которая не заглядывает в наши органы. Ныне ни одна публичная библиотека, ни один клуб не выписывают духовных органов; даже наиболее распространённые духовные журналы не имеют и 1% в своём числе светских подписчиков, так что влияние на интеллигенцию нашей литературы сводится к нулю. В свою очередь важно также, чтобы светская печать более и искреннее интересовалась вопросами Церкви и миссии. Как известно, печать в наше время – могучая сила, – ею живёт и дышит интеллигентное общество. Но где у нас светские органы, искренно преданные и стоящие на страже интересов Церкви?

Да поможет же Царь веков и времён в новое лето, хотя бы этими только мерами, начать миссионерство среди интеллигентного мира!

В. С.

Михаил С-о. Новогодние пожелания братьям и отцам миссионерам. С. 74–80

26 декабря 1899 года. День собора Пресвятой Богородицы. Мф.12:15–21. „Се, Отрок Мой, Которого Я избрал; возлюбленный Мой, Которому благоволил Моя. Положу дух Мой на Него, и возвестит народам суд, не воспрекословит, ни возопиет (Мф.12:18,19); и на имя Его будут уповать народы (Мф.12:21).

1Тим.6:11–16. «Ты же, человек Божий, преуспевай в правде, благочестии, вере, любви, терпении, кротости (1Тим.6:11), *подвизайся добрым подвигом веры*, держись вечной жизни (1Тим.6:12). Завещаю тебе соблюсти заповедь чисто и неукоризненно, даже до явления Господа нашего Иисуса Христа (1Тим.6:13,14).

Я лишь осмеливаюсь, достопочтенные отцы и братия, высказать несколько тёплых пожеланий, коими так хотелось бы укрепить дух ваш на подлежащие вам в новом лете благодати Божией подвиги. Если христианину рядовому не иначе можно наследовать вечное блаженство, как «многими скорбями» и усилиями, то кольми паче миссионеру, пастырю, учителю, коим вверено Богом и властью земною («сущие власти от Бога учинены суть») служение высочайшее, священное, равно-ангельское, апостольское! Пусть в новом году в основу, девизом жизнедеятельности своей каждый из миссионеров положит слово Писания: «аз на раны готов», то есть готов на многие скорби: обиды, насмешки, болезни, труды, изнеможения и тогда ваш тернистый путь не будет так тяжёл, а тяжкое бремя миссионерства покажется лёгким. Думается мне, кто не запасётся таким душевным благорасположением, тот и не будет искусным, и долготерпеливым и благоуспешным «ловцом человеков», ибо таковой слугитель св. дела миссии не пойдёт ли вопреки правилу, высказанному Святым Духом через Иисуса сына Сирахова: «сын мой! если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению; управь сердце твоё и будь твёрд» (Сир.2:1,2)? Ах! если бы нам всем «возненавидеть душу свою» с её самоугодливостью, ленью, страшливостью на добро и дерзновением ко злему, с её тщеславышком и сребролюбием! Ведь все люди – «род лукавый и прелюбодейный» – по определению Самого, кроткого сердцем, Сына Божия! Ведь все мы – «лживии сыны человечести», – по утверждению святого Давида, который говорил, что «всяк человек ложь»!

Итак, смысл всего Священного Писания склоняет душу нашу к глубокому смирению в помыслах и словах. С решительностью можно

сказать, что православный миссионер и пастырь должны пленять сердца жестоковейные речью тихой, в спокойном тоне, взором ясным и твёрдым, челом светлым и серьёзным, лицом воодушевлённым, всем своим внешним видом, ясно выражающим телесное и духовное воздержание и трезвенность. Весьма много значит внешность миссионера и пастыря, но подделать эту внешность, – без внутреннего горения и святого воодушевления, – невозможно.

Но откуда приходит воодушевление в слове и деле миссии, как не от Духа Божьего Святого? «не заботьтесь, что возглаголать, Дух бо Святой возглаголет», «кто Духа Христова не имеет в себе, тот и не Его», учит Слово Божие. Всем, а миссионерам доподлинно известно, какими средствами мы привлекаем к себе Святого Духа и от Него исходящие вдохновения святые. Однако, никогда не должно утомляться указывать на эти средства. Истина Господня пребывает во век и состоит в том, что Духа Святого изобильно приобщаемся, во-первых, в таинстве Крови и Тела Христовых, следуем за таинством искреннего слёзного покаяния, во-вторых, посредством искренней, непрерывной, ежемгновенной Иисусовой молитвы, – в-третьих, ради дел милосердия к требующим от нас помощи и заступления, к нищим духом и телом, к сирым, странникам, больным, арестантам. Во всём сём молю Господа обильно преуспевать вам, отцы и братья, миссионеры и в сие новое лето и на многие и многие лета!

Дух Святой не может вселиться в «злохудожну душу» и почивать в ней, согревая её, утешая, умудряя. Миссионерам, чтобы быть благоуспешными в своём св. деле, нужно возыметь совесть благую и отрешиться от грешной любви к земным благам, «Не будем любить, братия, мира, ни того, что в мире», дабы не пришлось нам в своей, требующей самоотвержения деятельности, заговорить словами званых на вечерю: «село купих», «жену пояс» – «имей мя отреченна»

...

Недавно мне говорил один пастырь – миссионер: «я не знаю причин, более тормозящих успехи наших миссий, как грешное раболепство души нашей перед земными благами. «Село купих», «жену пояс» – вот эти-то мотивы и служат в нас, многогрешных большим тормозом нашего служения в вертограде Господнем. Неуспехи и малые успехи пастырской миссии могут только *от нас* зависеть, но никак не от Бога – ибо Бог наш не медлитель, но ревнитель, «не желающий смерти грешнику». Разве Павел с Аполлосом дремали? Нет. Св. Павел сеял Слово Божие «благовременно и безвременно», Аполлос же полил эти посевы потами пастырскими и слезами апостольских скорбей. Вот Бог и возвращал сторицею!

Так говорил маститый пастырь. Я же, «почтив лице старче», спросил:

«Откровенно скажите, не повредит ли духу ревности миссионеров начинающееся улучшение их материального и служебного положения, хорошие оклады жалованья, не может ли это грозить опасностью для миссионеров со стороны плотоугодия, беспечности, гордости и вообще угашения духа?»

Пастырь-миссионер мне ответил: «В наше тяжёлое время всяческой борьбы за существование скорее угашает дух не щедрость, а скудость. Все, вступившие ныне на это поприще, несут свой долг, ради службы Богу, а не ради мамоны, а потому, такие миссионеры и пастыри не будут «прилагать сердца» к улучшающемуся их положению и увеличивающемуся жалованью, а потому, достаточные для пропитания оклады не повредят духу ревности их, а наоборот, освободят его от гнёта многих – ныне неблагоприятных для сего служения – условий. В нищете трудновато жить, а тем, паче и Богу, и людям служить, а при избытках не хитро: лишь надо уметь определить «*minimum*» своих потребностей, а остатками делиться с бедной братией, с которой так часто встречаются миссионеры. Я знаю, вы св. Павлом увлекаетесь, как он безвозмездно благовествовал и трудами рук своих кормил себя и сущих с ним. Но св. Павел был особый избранник – и притом одинокий, – монах, ему немного было нужно, а пастыри наши и миссионеры люди семейные. Да и нельзя требовать, чтобы все люди – ещё и в наш век – были Павлами: на слабосильные плечи современных веро-проповедников нельзя возлагать Павловых неудобноносимых бремен. Если нынешние пастыри и миссионеры спасут от геенны самих себя и некоторых, *хотящих* наследовать спасение, то и за это им хвала. Даже более скажу: если пастыри только благочинно и благоговейно Богослужение совершать будут, особенно Божественную литургию, то и тогда это и им, и многим будет во спасение, ибо Богослужение в страхе Божиим скорее всего очищает и просвещает души пастыря и пасомых. Опыт и пример пастыре-подвижнической жизни о. Иоанна Кронштадтского у всех на глазах».

Здесь мой маститый собеседник привёл слова Св. Иоан. Златоуста:

«Св. пророк говорит: «гневайтесь и не согрешайте». Он не уничтожает гнева, который бывает и полезен, не отвергает негодования, которое бывает полезно, когда направлено против людей неправедных и нерадивых, но отвергает несправедливый гнев и безрассудное негодование». Без всякого сомнения, продолжал мой собеседник, можно ожидать гнева Божия и бедствий общенародных,

если повсеместно в России усилиями миссионеров и пастырей не будет установлено благоговейное, неспешное, уставное полное богослужение. Ведь недаром явилось в речи выражение: «отзвонил и с колокольни долой». Этим выражением обозначается нетерпеливость, малодушие, унылость в пастырях и чтецах. Слов нет, люто борют бесплотные злодеи за богослужением священнослужителей, но ведь некуда, деваться и от слов: «проклят творящий дело Господне с небрежностью». Притом, только «побеждающему» нерадение даёт Бог обещанные венцы».

Тут мне вспомнились глубоко врезавшиеся в память пожелания протопресвитера Янышева, сказанные им на одном из пастырских собраний, «чтобы *ни один* псаломщик *не смел* читать кое-как, с пропусками и неразборчиво». Именно так: «чтобы *не смел*». И вот, если бы миссионеры, вместе с оо. благочинными почаще присутствовали на богослужении в сельских приходах и своим авторитетным влиянием, советом, любовью, а где нужно страхом, спасали клириков от навлекающего проклятие греха небрежения в службе Божией и заботились бы, чтобы в церквах было всё «благообразно и по чину», – это было бы плодотворнейшая миссия их по охранению народа православного от увлечения сектами и расколом, где внешняя красота богослужения закрашивает тени лжеучения.

В Олонецкой епархии один известный нам миссионер усердствует ездить по сельским годовым и двенадцатым праздникам не для того, чтобы в праздник с велием утешением попить и поесть, но для того, чтобы сказать в укрепление веры православных краткое, но живое слово. Этот миссионер не ждёт понуждений от епархиального начальства, но *любит* сам ездить; хотя непоседливость имеет свои пределы, и миссионер, подражая Господу Иисусу, должен уединяться для упражнения в молитве к Богу и самоуглублении в себя и в плоды своих дел, но и удобоподвижность совершенно необходима миссионеру. Апостолы любили ходить пешком, странствовать, – откуда произошло выражение: «per pedes apostolorum»²⁴. И нынешние преемники апостольских подвигов веро-проповедничества – миссионеры не должны бы считать ниже своего достоинства *хождение* иногда *пешком* из села в село по епархии. Это особенно плодотворно может быть в наше время, когда по деревням и сёлам рыскают лютые волки в овчей одежде, сектанты, пропойцы, расколо-учители, и сеют плевелы в души питающего нас от щедрот своих народа. В моих странствованиях по северу мне приходилось выдерживать жаркие

прения с иными «странниками», тунеядствующими, которые за хлеб-соль народа платят празднословием, сквернословием и лжеучением.

Я решительно убеждён, что нетрезвых, буйствующих и сектантствующих странников нужно бы заключать в работные дома, где, давая им пищу и одежду, обязывать посильной работой и заботиться об их нравственном выпрезвлении. Но этого достичь можно только через посредство миссионеров и пастырей, которым в новое лето благодати Божией следует паче прежнего разжечься святой и спокойной ревностью, действующей благоразумно, без нарушения законов и уставов Господних.

Великая опасность для духа миссионеров разбегаться мыслями на множество людей («пучить глаза на человечество», как прекрасно выражался епископ Феофан-затворник) и забывать об *отдельных* человеках, об личности, особенно о так называемых главарях и верховодах в сектах. Пора воскресить веру в личность и понять, что один человек соприкасается с тысячами людей и никогда не бывает отчуждён от общества. Сквернослов со своей привычкой разносить с собой скверное слово всюду, где ни бывает. Убедите его оставить его привычку, напомнив о суде Божиим и о Боге, наказующем уже в сей жизни, и вы иссушите *один из источников* сквернословия, сколько греха вы уничтожите, скольких деток спасёте от заразы! Тоже нужно сказать об еретиках и лжеучителях, образумьте Льва Толстого или Пашкова, – сих двух столпов российского еретичества, «написавших имена свои» на землях. Скольких людей погубили и для царствия Божия, и для благоденствия земного, эти люцеферы настоящие скольких ещё могут погубить в будущем сочинения Толстого, если пастыри не станут на страже, «бдяще и стрегуще» стада словесных овец. Ведь и Сам Господь Бог являлся как *отдельная личность*, в образе человеческом. А сколько десятков, если уже не сотен тысяч святых спаслось именем Богочеловека. Сколько добра соделалн святые, когда соединялись доброй волей с Духом Божиим Всемогушим, который дышит «идеже хочет» Сам, и с особенной ошутительностью для чуткого – в Церкви Святой православной.

О. Иоанн Кронштадтский тоже *личность*, отдельный человек, немощный, обитающий, как и мы, в глиняном сосуде смертного многоболезненного тела²⁵. А какое множество добрых святых дел совершает через него Святой Дух Бог, восполняющий оскудевающие его силы Своей крепостью и силой, которая обвыкла совершаться в немощах людей. И о. Иоанн, несмотря на вселенскую славу свою, ни одного человека не пренебрежёт, но всегда своё драгоценное внимание всецело отдаёт всем требующим: кто не ищет от него

благословения, благодатного, утешения, исцеления, назидания, материальной помощи!

За каждого человека пролита, бр. кровь Сына Божия, и хот капелька крови приходится и на меня, окаянного грешника, поэтому, блаженны милостивые к людям и внимательные, ласковые, мягкие в словах, деликатные в чувствах по отношению даже самых грубых, дерзких и испорченных людей, каковы, например, гордые фарисеи-сектанты. Всё-таки как бы ни был развращён человек, он не может превзойти в злобе, человеконенавистничестве и в лживости духа злобы, дьявола. Дьявола-то и дьявольские его дела, творимые через людей, следует ненавидеть и никак не должно мириться с торжеством и успехом зла, как учат иные философы, но бороться, обличать, запрещать необходимо.

О, блаженны вы, братия миссионеры, ибо вы алчете и жаждете водворения Правды Божией в сердцах людей, – вы насытитесь зрелищем успеха своих молитв, чаяний и трудов; Бог способствует вам, как своим избранным! Тяжёл ваш жребий, пастыри и миссионеры, которым надлежит спасаться среди мира. Да не будет же того, чтобы мир, со своими содомскими обычаями, увлекал и расслаблял души пастырей и миссионеров, которым более других известно слово Духа Святого, заповедавшего христианам: «не любите мира, ни того, что в мире», «кто любит мир, тот *враг* Божий». Да сподобимся же все мы получить неложно обещанные радости в обителях Небесного Отца!

Прошу простить меня за скудость слова моего, но, поняв моё доброжелательство, помочь мне молитвами одолеть страсти, воюющие на душу мою, которую искренно сознаю окаянной и недостойной никакого земного утешения.

Михаил С-о

**Ивановский Н.И., проф. Привет Московским деятелям
миссии. С. 81–85**

Возлюбленный о Господе,
Досточтимый отец протоиерей
Иоанн Григорьевич!

Сию минуту прочитал в газетах радостное известие о том, что Высокопреосвященный Московский Владыка (2-го ноября) освятил вновь построенную при Сергия-Рогожской церкви (т. е. при коей вы служите) аудиторию, предназначенную служить местом для публичных собеседований со старообрядцами.²⁶

Несказанно радуюсь я тому, что содействует внешним удобствам к развитию великого миссионерского дела, – без которых едва ли может идти, как следует, всякое большое дело. Наше же дело именно страдает недостатком средств и удобств.

Уверен, что вы всей душой радуетесь тому, что видите теперь перед собой, и радости вашей да никтоже возмет от вас, ибо радость сия о Бозе и о святой Его Церкви, за которую вы ратуете против недругов её в течение более, чем тридцати лет. Не могу поэтому удержаться, чтобы не приветствовать вас вседушевно с этой радостью.

За вами стоят и другие ближайшие *сотрудники* ваши, в точном смысле слова, которые позже вышли на ниву делания, но столь же ревностные и опытные, такой же горячей любовью к славе Божией проникнутые. И им мой сердечный приветственный поклон.

За ними стоит сонм правоверующих детей Церкви всякого звания и состояния, пола и возраста.

По опыту знаю, что многие из них столь же пламенную ревность имеют о святой Церкви, как и служители её; уверен посему, что и они радуются той же христианскою радостью. Прошу передать и им братский душевный привет. Очень может быть, что многие из них и средствами своими содействовали осуществлению прекрасного дела.

Уповаю, что жертва их милостиво принята пред Престолом Божиим, как и жертвы благотворения и построения храмов Божиих. Ибо обращение заблудших, просвещение во тьме сидящих – составляет одно из призваний христианина.

Остаётся слово к старообрядцам, ради которых и помещение устроено. Им ли теперь не радоваться, что так много о них заботятся, что силы и средства на них тратятся, что их запросы и сумнительства спокойно и терпеливо выслушивают, что не властно-пастырски, а братски-дружески стараются возвестить им слово спасения. Поклон и

им, если только они захотят принять поклон старика другого упования. И во всяком случае, доброе им пожелание искать пути спасения и сие исследовать, а не бросать только камни обвинения против других, недостатками которых и они ведь не спасутся. Некогда жестокие обвинители устыдились по слову Судии Божественного: – «кто из вас без греха, тот пусть первый бросит камень», – устыдились бросить его в падшую женщину. Устыдились то сделать враги и завистники Христовы. Зачем же теперь, именующие себя христианами, притом истинным благочестием и любовью хвалящиеся (Швецов), зачем они только и знают, что камни и камешки бросают?.. В самом деле, надзирать наши личные недостатки, подбирать букет резких слов из полемических книг прежнего времени (хотя мягкостью и сами они никогда не отличались, да и теперь, как дальше ещё скажем, не отличаются), вспоминать вызванные ими же самими строгости правительственных к ним отношений, а также и церковного осуждения, – вот излюбленная тема их разговоров. Поставив всё это, и вместе и порознь взятое, на ходули, они смелой рукой бросают камни в не изменившую Христова завета, в не погрешившую в Его учении, в чуждую каких-либо ересей (в чём многие из них и сами сознаются), обручницу Христову. Урок, данный Божественным Учителем еврейским законникам, проходит ими незамеченным. Точно они без греха и все их общества владеют дарами спасающей благодати Божией. Пусть, хотя теперь, во вновь освящённом месте опустится поднятая с камнем рука, а мысль их обратится к исследованию пути спасительного! Пусть внимание их остановится на том вопросе, где, в каком обществе, обретается благодать Божия, где тот дом, в коем эта благодать, – дом Божий, который и крепок силой Божией, а не человеческой, вечно неодолимый и неодождённый, хотя и многочисленными врагами окружённый. И пусть прежде всего оглянутся они на себя самих и вспомнят слезами писанные некогда строки такого же, как они, старообрядца с Иргиза: «О новый Израилью, тщетно хвалитися, яко священства чин в тебе не изсякает. Всуе хвалишися. Где той неизсякаемый источник, без него же Церковь Божия стояти не может? Где преемственная от рук апостольских хиротония?.. Имееши ли священное руковоложение, миросовращение, антиминос освящение, равно и суд церковный? Кто может в тебе пресвитеров и диаконов поставляти, миро совершити и все дела с рассуждением творити по 9 правилу св. Антиохийского собора и по 6 Карфагенского?» Правда, после того, как это было писано, явился якобы неизсякаемый источник, но явился, крадучи, – буквально украденный из того же великого источника при доме Божием, который они желают теперь забросать

камнями. Им ли, думается, делать это? Но делают. Взяли тайком воду из чужого колодца и в этот же колодезь грязью бросают! Тайком, переодетым в чужое платье увезли м. Амвросия и им же хвалятся, сиречь, хвалятся похищенным добром... Впрочем, это – их дело!.. А там, на другой стороне Москвы, за стеной монастыря святителя и чудотворца Николая, уже и по видимости нет ничего спасающего. Там одна лишь нужда и нужда, беднота и беднота, которую тоже на показ выставляют, которой, – именно ею, этой беднотой, оправдаться хотят и даже похваляются... Что бы сказали вы, – да и не вы одни, – про голодного оборванца, которому богатый предлагает и хлеб, и одежду, а он отталкивает благодеющую руку и, потрясая лохмотьями, хвастается ими? Ведь это было бы безумием! И беспоповцы наши и знают, и видят, и чувствуют свою нужду и бедноту даров Божиих, и однако не ищут их в источнике неоскудеваемом, отталкивая руку помощи. И хочется почему-то им оставаться при своей бедноте. Мы не выдумываем этого, а воочию видим и своими ушами слышим. Не безызвестный, вероятно, и в Москве беспоповщинский миссионер, слепец Коновалов, в минувшем сентябре месяце, на публичной беседе в одном из наших селений, в нашем присутствии, прямо заявлял, что их общество (беспоповцев сновоспасова согласия) есть церковь бедняков, притом – слепая, присовокупив при этом в оправдание, что таковой может быть и вся Христова Церковь. Таким образом, невольно произнесён был и суд над собой и над всем беспоповством, – как обществом бедных благодатью Христовой, которая нас и спасает, – и вместе глумление над Христовой обручницей, яко бы ограбленной кем-то и лишённой зрения. Добавление это с богохулением близко граничит... Между тем, с другой стороны, тот же Коновалов с каким-то злобствующим злорадством, – по поводу известного толкования филологического св. Димитрием названия *Исус*, – восклицал, что Церковь (т. е. православную) нужно побить камнями, – так-таки буквально и сказал это. Вот что значит с закрытыми глазами ниспровергать Св. Писание и, утвердившись в самомнении лжеименного разума, без разбора поносить всё то, что не принадлежит ему. Но давно и божественно сказано: *что видишь сучец, иже во оце брата твоего, бревна же, еже есть во оце твоём, не чуеши... Изми первое бревно из очесе твоего (Мф.7:3,6).*

Итак, по истине, тщетно хвалишься, все хвалишься, «о Новый Израиль»; – должно заметить, что и само название это неправильно усвоено старообрядцам! Да простят же они старика, от души слово сказавшего, и радующиеся новому помещению да приходят в него с новыми чувствами!

Шесть лет назад и у нас в Казани, благодаря заботам почивающего архипастыря, архиепископа Владимира, – открыто было своё помещение (хотя и наёмное); и у нас происходило тогда святительское освящение залы собеседований, и мы радовались тогда этому и говорили, и писали, что можем и теперь повторить: «Радуетса душа христианская при освящении храма имени Господню, в коем будут молиться верующие своему Господу и в коем будут совершаться священнодействия, низводящие на них благодать Св. Духа. И здесь освящено место Господу... И здесь со смирением, верой и терпением предлагаться будут словеса Господни, дабы уразумели все, где есть Бог наш и где Церковь Его святая, в лоне которой только и возможно спасение наше» ... «Приходите же сюда с желанием мира и разъяснения, как незлобивые дети единого Отца Небесного!» (Собран. сочин., стр. 65 и 73).

Закрываю своё письмо смиренной, сыновней просьбой благословения Высокопреосвященнейшего Архипастыря, которому, без сомнения, много обязан ваш праздник и от любвеобильного попечения, которого о благе Церкви истекла и всеобщая ваша радость.

Вам же сердечное лобзание, душевно преданный
Н. Ивановский

Боголюбов Д. Новогодние чувства и воспоминания миссионера. С. 86–93

В последние два года ряды нашей внутренней миссии значительно пополнились свежими образованными силами. На поприще миссионерской деятельности выступили более 20 кандидатов духовных академий. Это – светлое и небывалое до сих пор явление. Академии приучали нас к другим порядкам. Мы привыкли видеть, как их питомцы, по проторённой дороге, шли в преподаватели семинарий и училищ, и лишь меньшинство – в священники. Теперь зарождается какое-то *новое* веяние. Очевидно, среди образованной духовной молодёжи пробуждается интерес к русскому расколо-сектантству. Заметно, начинает увлекать её и деятельность наших уже послуживших миссионеров. – Всё это свидетельствует, что в духовных академиях, несмотря на материалистические стремления века, живы ещё предания идеализма и подвижничества на пользу общую. Иначе нельзя себе объяснить указанного явления.

В самом деле: что представляет собою миссионерство, как *общественное служение*? Это, по всем известным данным, сплошной ряд лишений и скорбей, – поприще, на котором любители карьеры и чинов не найдут себе удовлетворения. Миссионерство до сих пор не даёт своим работникам даже прав *государственной* службы. Вы не без пользы для Церкви трудитесь в борьбе с раскольниковством, пятьдесят лет проповедуете народу святыи истины православия, – и в конце концов можете оказаться в положении «служилого» человека, которого во всякое время могут забрать в солдаты. – Разумеется, это грустно; но это – факт. Под давлением его, все *светские* миссионеры ныне *числятся* на разных побочных должностях, до псаломщических включительно. Говорят, что в высших сферах вопрос о служебном положении миссионеров поставлен на очередь. Может быть, не об этом так давно говорят, что самая крепкая вера и твёрдое упование способно ослабевать!..

Пойдёмте дальше. Рассмотрим тот же «вопрос» с иных, сторон. Каково ныне служебное положение по епархиям?

И в этом отношении мало можно сказать утешительного. Правда, есть миссионеры, которые чувствуют себя на своих должностях, вследствие особой попечительности местных архипастырей, *относительно* хорошо. Таковы, напр. Херсонский, Харьковский и Воронежский миссионеры. Первый является полным хозяином своего дела, заведующим всей епархиальной миссией. Распоряжаться им

никто не может, кроме Преосвященного. В Харькове миссионер назначается Св. Синодом, состоит членом Миссионерского Совета, находящегося под председательством высокопреосвященнейшего Владыки. В то же время, Харьковский миссионер пользуется званием члена Епархиального Училищного Совета по самой своей должности. Здесь, так обр., *фактически* нашли своё применение обще-миссионерские желания, выраженные, между прочим, в постановлениях 3 Всероссийского Миссионерского Съезда. – При таких условиях, конечно, можно работать и быть полезным делу миссии. Но что сказать о том положении большинства наших собратий, в каком их застал и этот новый год, и как определить их служебное положение?

Это, по истине, безличные, бесправные, покорные слуги консисторий и братств. Им приходится не только служить св. Церкви, но и *прислуживаться* людям. Сами по себе они никакого *направляющего* значения в делах миссии не имеют. Они – лишь *рассыльные* при Консисториях и братствах, и не везде состоят их членами. Ездят они по глухим сёлам и хуторам, ведут изнурительные беседы с раскольниками и сектантами, наталкиваются на множество внутренних препятствий, тормозящих успех их проповеди; пишут «слёзные» донесения и «отчёты» Консисториям и братствам. А что выйдет из этого? – они сами не знают. Всё зависит от настроения *председателей*. Разве вам, примерно, скажут: «да... одним священникам трудно бороться с сектантами и раскольниками. Необходимо завести *миссионерские кружки* из народа».

Миссионер пользуется благоприятным случаем и разрабатывает проект устройства этих кружков. Но – увы! – направление влияния повернуло уже в другую сторону. Ваша мысль о кружках признаётся теперь не только не своевременной, но и «прямо неосуществимой». Находят, что мужики столь темны и безграмотны, что их нельзя довести до понимания основ православной религии (!), – и вы остаётесь опять один с своими думами и мучениями и будете опять выжидать подходящего «настроения» у председателей...

При таком течении дел, разумеется, в вашей службе не может быть *одной*, строго руководящей, идеи, и вы по необходимости будете подчиняться *случаю*. Нечего говорить, как это угнетающе действует на самосознание миссионеров, как подобные порядки убивают в них энергию и заставляют иных из них, более нервных, бежать с миссионерского поприща во время самого разгара дела.

Да. По причине теперешней юридической бесправности и неопределённости своего служебного положения в ведомстве –

миссионеры как бы висят между небом и землёй. Они не могут пристать ни к одной корпорации. Вот вам доказательства.

Как-то в Т-е, под гнётом нужды, задумался я сделаться членом ссудо-сберегательной кассы при духовной семинарии. Казалось бы, чего проще? По образованию, я – *брат* преподавателям семинарии; жалованье получал косвенно через руки о. ректора. Недоимок, следовательно, за мной быть не могло. Однако, когда вопрос о моём членстве пошёл на голоса, *братья*-преподаватели меня торжественно «провалили». Они мотивировали своё решение тем, что я не состою на *коронной службе*, и для них – «посторонний» человек, как столоначальник Консистории. – *Sapienti sant*²⁷...

Знаю я другой случай в том же роде. В одной южной епархии миссионер, с успехом служащий уже лет восемь, захотел стать членом эмеритальной²⁸ кассы духовенства. Он рассуждал так: «не всегда благополучно переночуешь в степи под дождём или снегом, не всегда «выскочишь», когда понесут, опрокинут и прибьют в дороге лошади. Надобно подумать и о себе» ... Но духовенство, к стыду его, рассудило иначе; на том основании, что миссионер *никуда* не причислен, его не приняли в члены эмеритальной кассы.

Судите теперь о положении миссионеров по епархиям. Ведь, правда, ничего *заманчивого* с точки зрения земных, вполне естественных, достойных делателей благ в этом положении нет? И, однако, жизнь свидетельствует нам, что ряды миссионеров постоянно растут и пополняются образованными юношами. Ясно, что не карьера и чины влекут этих юношей на миссионерское поприще. И не материальный расчёт руководит ими: миссионерские невзгоды – блужданье по грязным дорогам, ночлеги в степи под пронзительным ветром или дождём, беседы иногда с совершенно дикими фанатиками, при невозможных гигиенических условиях, не могут быть оценены никакими деньгами... Очевидно, – любовь к Церкви православной, желание помочь русскому народу благополучно пережить теперешнее смутное время, жалость к заблудшим братьям нашим, ревнующим о своём «спасении» не по разуму, сострадание к родным себе по крови и по духу пастырям, изнывающим в непосильной борьбе с народной темнотой и распущенностью, – вот что увлекает людей в миссионеры.

Нельзя не возблагодарить Бога, что Он столь благовременно посылает делателей на жатву свою. Каждый новый год рождает всё более и более осязательную нужду в миссионерском делании. Деревня алчет хлеба духовного. Ей нужна *живая* и осмысленная проповедь Слова Божия, – нужно *авторитетное* разъяснение вековых истин православия и такое же *сильное* опровержение сектантских

мудрований. Только при этих условиях возможен религиозный мир в нашем народе. Но где священники наши, выходящие из семинарий без должной практической подготовки к современному пастырскому деланию, – возьмут уменя живо, применительно к народным запросам, проповедовать Слово Божие? Откуда они, порабощённые печальми житейскими, наберутся миссионерских знаний и этого авторитетного тона при изобличении сектантства?

Вот тут-то миссионеры и оказывают огромную услугу русской Церкви. Они, как хорошо, богословски развитые люди, помогают священникам закончить их недоконченное умственное образование, содействуют им *осмыслить* православные догматы веры, опытно разъясняют им, как надобно *живой* речью проповедовать народу, дают образцы *настоящего* опровержения сектантства, поддерживают и направляют энергию в трудящихся пастырях... И это – не хвастливые слова: – да простят мне скептики мою откровенность! – не желание приписать миссионерам того, чего за ними не знает действительность. Нет, я сам был поражён тем нравственным значением, какое имеют в глазах сельских священников проповедники- академисты. В минувшем году мне пришлось прочитать письмо одного молодого тамбовского пастыря. Это письмо, изложенное стихами, убедило меня в истинности только что сказанного. Оно показало мне, что среди молодых сельских священников замечается теперь подъём духа, жажда миссионерского подвига. И что особенно важно: эти прекрасные явления зарождаются и крепнут при ближайшем воздействии миссионеров. Вышеупомянутый автор пишет:

«Светить другим свечою слова,
Быть стражем совести людской –
Что выше может быть иного,
Что чище в жизни сей земной?»

Батюшка-поэт не скрывает от себя трудности этого служения, на основании почти десятилетнего опыта. Он знает –

«Как много нужно веры в Бога,
Как надо тёмный люд любить,
Чтобы работать долго – много,
Мирские прелести забыть...»

Но его не страшит этот «новый и неизвестный путь». Не смущает нашего идеалиста также и то, что «многие бегут» от миссионерства. Он готов идти, «хоть и не смело», туда куда влекут его: «небесная отрада» о спасении заблудших братьев и живой пример деятельности миссионеров. Об этой деятельности батюшка-поэт говорит много

трогательного. Я лишь из скромности не буду приводить здесь соответствующих строк письма.

Таким образом, важное значение академистов-веропроводников для русской Церкви не может подлежать никакому сомнению. В виду этого, казалось бы, всеми мерами надобно привлекать их к занятию миссионерских должностей. Но, к сожалению, далеко не все епархии обнаруживают в этом отношении просвещённую предупредительность. Между ними есть даже такие, в которых поступление на миссионерскую службу сопряжено с большими и совсем не нужными затруднениями. Такова епархия Т-кая. Делами миссии здесь заведует Совет Братства²⁹. Он же изобретает условия для желающих занять миссионерские должности. Эти условия, – во многом напоминают настоящие *хозяйственные* контракты. Совет Братства требует от миссионеров, чтобы они, перед выступлением на службу, в присутствии *избранной* публики провели по две *образцовых* противосектантских беседы и потом дали бы *подписку*, что они обязуются прослужить в епархии не менее *пяти* лет. В противном случае, платят Братству неустойку в 90 руб. Остановимся на этих своеобразных порядках. Посмотрим, не унижают ли они достоинства, миссии и личности миссионеров?

Вот вы успешно кончили курс академии. По своему настроению вы решились поступить в миссионеры. Академическое начальство рекомендует вас с лучшей стороны. Вам, правда, не достаёт практической подготовки к ведению миссионерского дела. Но это уже неизбежное зло, с которым приходится *всем* считаться. Как же, однако, считается с ним Братство?

Оно даёт вам *три* месяца на подготовку. По истечении этого времени, вы должны публично провести две *образцовых* беседы с сектантами в доказательство своей миссионерской правоспособности. Не странное ли это дело? В три месяца не только нельзя стать «образцовым» миссионером-практиком, но невозможно, сколько-нибудь основательно, изучить сектантства *теоретически*. Ведь надо помнить, что по части сектоведения нам почти ничего не дают семинарии и академии. Мы выносим из них самые скудные и поверхностные знания о сектантах. В виду этого, новичку, только что вышедшему из академии, за три месяца впору ознакомиться с важнейшими противосектантскими сочинениями, – не то что *практически* изучить ведение миссионерских бесед. Это я знаю по личному опыту. Каких же *образцовых* (!) бесед с сектантами Братство требует от своих кандидатов на миссионерские должности? Выставлять подобные требования – значит: или не знать, что уменье

вести «образцовые» беседы даётся миссионерам не трёхмесячной, а *многолетней* практикой, или намеренно ставить в странное положение кандидатов на миссионерские должности, по нужде, неопытности ли или по непременному желанию послужить миссии – принявших от Братства невозможные условия.

Это, должно быть, скоро же сознал Совет Братства и стал требовать от новичков-миссионеров, под именем образцовых бесед, *двух пробных лекций*. Но значения этого искуса совсем уже трудно постичь.

Если таким путём Братство хочет убедиться, что будущий миссионер сведущ в *богословии*, то об этом достаточно говорит аттестат академический; если же из «пробных лекций» (словно дело идёт о профессоре!) Братство хочет усмотреть, что миссионер *освоился* с вопросами полемическими, – то оно может жестоко ошибиться: изложить на бумаге *чужие* сведения по тому или другому вопросу расколо-сектантства для кандидата академии не составляет никакого затруднения, а *прочесть* написанное и того легче. Но всё это не имеет ничего общего с практическим миссионерством. Для чего же сочинять ненужные *формальности*, из которых даже не видно, владеет ли ново-назначаемый миссионер даром *свободного слова*, или нет? Говорим – невидно, ибо миссионерские «лекции» всегда произносятся авторами их по тетрадке, на *заранее* известные темы, а не на память и экспромтом.

Далее. Братство требует от новых миссионеров, чтобы они служили на своих должностях *не менее 5 л.*³⁰.

В противном случае, уплатили бы ему 90 р. неустойки. Такой именно контракт заключал я с братством в 1894 г. Я тогда, по молодости, не рассуждал, сколько в этой *сделке* было унижительного для православной миссии и самого Братства. Выходило из нашего контракта, что миссионерство – это какая-то неприятная служба, которую кандидаты академий занимают по *необходимости* и на которой можно удержать их лишь *силой*, а братство в этот момент отправляло функции конторы по найму служащих.

Но раз мне надоело миссионерство до истечения пяти лет, разве нужно удерживать меня силой на должности? Миссия – ведь *живое* дело. Она тогда хорошо идёт, когда проповедники трудятся с любовью и радостью. Когда же *уста*ми они произносят святые слова, а *сердцем* их не переживают, – нет пользы в таких проповедниках. Их надо не задерживать на благовестническом пути, а *умолять*, чтобы они скорее сошли с него. Это во-первых. Во-вторых, вовсе уж не так страшно миссионеру уплатить в кассу Братства неустойку, если он не захочет

служить на должности: 90 р. не слишком большие деньги. Кажется ясно, что описываемая практика не соответственна с высоким миссионерским служением и ей можно пожелать вместе с старым годом кануть в Лету забвения. – Не *так* и не *такими* способами следует удерживать полезных людей на службе, особенно миссионерской. Не контракты тут нужны, а *любовь* и *сочувствие* по отношению к труженикам миссии, – желание сделать всё возможное, чтобы облегчить им тяжесть службы. Истинными и способными миссионерами не все могут быть, – а только люди с особым даром и призванием, а таких, в наш скудный духом идеализма и самоотверженности век, немного.

Но довольно. Закончу свои новогодние невесёлые думы напоминанием, кому следует, словами ап. Павла из посл. к Фессалоникийцам: «духа не угашайте» (1Фес.5:19). Пока наши образованные юноши-академисты горят охотой послужить Церкви в трудном звании миссионеров, – не возбраняйте их желанию, не гасите их святого огня! Дайте простор их молодой энергии, поддержите их мужество. Поменьше также стесняйте их мертвящей формалистикой; щадите достоинство и благородное самосознание их. Они, эти молодые идеалисты, сторицей заплатят вам в борьбе с расколосектантством за отеческое доверие к ним и попечение епархиальных и братских властей. Они, более, чем кто-либо, помогут свету православия воссиять в умах и сердцах наших тёмных простолюдинов и погаснуть тьме лжеучений, при благоприятных условиях, навсегда останутся преданными слугами Церкви Христовой.

Д. Боголюбов

Плотников К. Опыт программы дополнительных уронов по Закону Божию в церковных школах селений, заражённых расколом старообрядчества. С. 93–94

Из последней книжки «Миссионерского Обозрения» (стр. 529) видно, что Ново-ладожское миссионерское собрание поручило составить для школ, в селениях с раскольническим населением, расширенную программу по Закону Божию, с распределением в ней апологетического (против раскола) материала, миссионеру М.П. Чельцову, а Херсонский съезд – миссионеру свящ. И.В. Полянскому. Нужда в такой программе сознавалась и в нашей олонецкой епархии, почему в прошлом году мной, при участии Окружного миссионера, свящ. В.С. Ржановского, составлена такая программа для школ своей епархии. В настоящем году она представлена была в училищный при Св. Синоде совет и определением Св. Синода, от 16 (28) июня за № 2038, утверждена, причём сведения о русском расколе по этой программе разрешено ввести в курс преподавания Закона Божия во всех начальных училищах духовного и гражданского ведомств нашей епархии. Считаю не бесполезным, при посредстве миссионерского журнала, познакомить интересующихся с опытом нашей программы. Вот она.

1) *Крестное знамение*. Истовое изображение его. Виды перстосложения (троеперстие и двуперстие), догматическое знаменованье их, большая правильность троеперстного сложения, чем двуперстного, дозвоительность к употреблению двуперстного сложения. Отличие перстосложения от креста (сообщить об этом учащимся в то время, когда будет проходиться учение о внешних знаках молитвы).

2) Понятие о *догмате и обряде*, различие между ними (неизменяемость и неприкосновенность догматов и изменяемость обрядов выяснить на примерах, хотя бы того же перстосложения, при сообщении предварительных сведений о символе веры).

3) Отличие Священного Писания от писания вообще; особенная важность для христиан Евангелия и посланий св. апостолов.

4) Правильное *начертание имени Спасителя* и понятие об *именословном перстосложении* (при объяснении 2-го или 3-го члена символа веры).

5) *Предтечи второго пришествия Христова* на землю (в каком виде и для чего они явятся?). Понятие об *антихристе* (антихрист

будет определённый человек, явится перед кончиной мира и будет царствовать только 3½ года) (при объясн. 7 чл. симв. веры).

6) *О Церкви.* Кто создал Церковь? Существенные принадлежности Церкви Христовой (правое учение веры, трёхчинная иерархия и семь таинств), необходимость для спасения принадлежать к Церкви Христовой; вечное, непрерывное и неизменное существование Церкви Христовой в данном ей Спасителем устройстве (сообщить при объяснении 9 члена симв. веры).

7) *О таинствах.* Кто законные совершители таинств? Можно ли мирянину повторять крещение, совершённое православным священником? Когда мирянину можно совершать крещение и как? Можно ли христианину обойтись без таинства миропомазания? Необходимость таинства причащения для спасения человека; вечное существование этого таинства в Церкви Христовой и невозможность заменить его добрыми делами. Исповедь перед мирянином можно ли назвать *таинством* покаяния?

8) Понятие о расколе, появление его (сообщить по окончании курса закона Божия).

Примечание. В полемику с расколом не входить и не упоминать даже имени раскольников.

Хотя эта программа и составлена для нужд нашей Олонецкой епархии, но, быть-может, пригодится и в других епархиях, да и составителям программ подобного рода облегчит труд, а потому не найдёте ли возможным напечатать её в ближайшей книжке «Миссионерского Обозрения».

Олонецкий епархиальный миссионер свящ. *К. Плотников*

**Из миссионерской полемики // Миссионерское обозрение.
1900 г. № 1–6. С. 95–124**

Миссионерское собеседование с киевскими штундистами о церкви небесной. С. 95–114

22 октября минувшего года, по благословению преосвященного митрополита Иоанникия, состоялось первое в проповедническом 99–900 г. собеседование с местными сектантами³¹. Для собеседований киевскому духовно-просветительному обществу было любезно уступлена народная аудитория.

По прибытии в зал председателя общества, преосвященного епископа Сергия, им был совершён молебен Пресвятой Троице. Как и в предшествующие годы, аудитория была переполнена народом; чтение лицом к народу Евангелия, положенного на всенощной Пятидесятницы о преподании апостолам Христом Спасителем Духа Святого и даровании им власти вязать и решить грехи человеческие, произвело на присутствующих глубокое впечатление.

Так как в настоящем собеседовании должна была идти речь о церкви небесной, то на молебне были присоединены припевы Пресвятой Богородице, св. равноапостольному князю Владимиру, святителю Михаилу, священномученику Макарию и преподобным оо. Печерским.

По окончании молебна преосвященный Сергий обратился к собравшимся с следующей импровизированной речью:

«По примеру прежних лет ныне мы снова открываем наши собеседования об истинах православной веры с уклонившимися от единой, святой, соборной и апостольской церкви. Для чего мы раньше вели эти беседы и для чего снова начинаем вести их ныне? Единственная цель, которая руководила нами прежде и руководит ныне, есть желание спасения как нас самих, наших пасомых, так и тех, которые уклонились от единства веры с нами, ибо апостол Павел говорит: *«внимай учению: сия бо творя и сам спасешия и слушающий тебе»* (1Тим.4:16). Иной цели быть не может, а потому в наших беседах и не должно быть никакой вражды. Правда, человек не всегда может говорить спокойно о том, что близко его сердцу, ибо в течение его мыслей привходят его чувствования, а чувствования подчиняют себе течение крови, и потому человек, беседуя о дорогом для него предмете, оживляется во всём существе своём. Но да не подумает кто-либо, что это есть гнев или вражда, – это оживление есть лишь внешнее проявление любви к предмету, о котором человек говорит, и, кроме того, есть проявление любви и сострадания к тому, с кем он говорит, когда этот не хочет убедиться в истине, очевидной не

только для самого говорящего, но и для всех слушающих его. Будем же, братия, мирны, ибо Господь заповедал нам, служителям церкви, через Своих учеников и апостолов: *мир оставляю Вам, мир Мой даю Вам* (Ин.14:26).

«Итак, мир Вам!

Благовествуя сей мир, в предшествующих беседах наших мы говорили, какие существуют источники христианского вероучения, и что эти источники суть Священное Писание и согласное с ним Священное Предание. Затем, на основании сих источников, как непрерываемых истин, на каковых зиждется учение христианской веры, мы изложили, что Христос, придя на землю для спасения рода человеческого и примирения его с Богом, основал Свою святую, единую, соборную и апостольскую церковь, основал так, что в ней есть пастыри и пасомые. Основавши церковь, Он ниспослал ей Духа Святого и Дух Святой через святые таинства, преподаваемые право-постановленными в церкви пастырями, пребывает в ней даже до сего дня и будет пребывать во веки. На этом мы и остановились в предшествующих наших собеседованиях. Но изложенное учение о церкви было бы не полно, если бы оно не было продолжено, ибо церковь, основанная Христом на земле для спасения людей, имеет целью своего бытия не землю, а небо, так как спасение во всей полноте усваивается верующими по переходе их из жизни временной в вечную, иначе сказать, в настоящее время в нашем изложении учения о церкви мы должны перейти к изложению учения о церкви небесной.

Кто же составляет церковь небесную? Слово Божие свидетельствует: *егда сотворены быша звезды, восхвалиша Мя гласом велиим вси Ангели Мои* (Иов.38:7). Следовательно, прежде, чем сотворён был мир видимый, был сотворён мир невидимый, мир Ангелов, о бытии которых многократно свидетельствуется в Св. Писании как Нового, так и Ветхого Завета и которые суть *служебнии дуси в служение посылаемии за хотящих наследовати спасение* (Евр.1:14). Но к небесной церкви принадлежат не только Ангелы, а также и святые Божии человеки, о чем непреложно свидетельствует слово Божие, когда говорит: *многа телеса усопших святых восташа и изшедше из гроб по воскресении Его, внидоша во святейший граб и явишася мнозем* (Мф.27:52,53). Ясно, что человек по прекращении земной жизни, не лишается своего бытия, ибо Господь говорит: *несте ли чли реченнаго вам Богом глаголющим: Аз есмь Бог Авраамов, и Бог Исааков, и Бог Иаковл, несть Бог мертвых, но Бог живых* (Мф.22:32); или в другом месте: *Авраам отец ваш рад бы был дабы видеть день мой: и виде и возрадовася* (Ин.8:56). Вместе с

Авраамом возрадовались сему дню без сомнения и Исаак, и Иаков и др. праотцы и пророки и радуются доселе все святые Божии человеки. Но превыше всех святых есть Препоблагословенная Дева Мария, именуемая в Евангелии Матерью Господа: какое имя может быть выше этого имени кроме имени Иисуса Христа, еже *есть паче всякаго имене* (Флп.2:9). Конечно, никакое, и потому Она ублажается по слову Евангелия всеми родами: *се бо от ныне ублажать мя вси роди, яко сотвори мне величие Сильный* (Лк.1:48,49).

Она Мать Господа, выстрадавшая в сердце своём страдания Сына Своего и лучше всех могущая сострадать нам, есть и первая Ходатайница за нас перед Сыном Своим, Которым при кресте в лице возлюбленного ученика Ей вручён весь мир: *жено, се сын Твой* (Ин.19:26). А вместе с Ней за нас перед Отцом небесным и все святые Божии человеки ходатайствуют, ибо слово Божие говорит: *Илия, человек бе подобострастен нам, и молитвою помолися, да не будет дождь, и не одожди по земли лета три и месяц шесть: и паки помолися, и небо дождь даде, и земля прозябе плод свой* (Иак.5:17,18). Наконец, Евангелие ясно свидетельствует, что когда Господь с избранными Своими учениками однажды взошёл на гору помолиться, то явились к Нему два мужа: *Моисей и Илия явльшася во славе, глаголаста же исход Его, его же хотяше скончати во Иерусалиме* (Лк.9:30,31). Если для Единородного Сына Божия потребовалось явление сих великих мужей, дабы утвердить Его по человечеству в подлежащих Ему страданиях, то не тем ли более помощь и молитвенное представительство святых Божиих человеков необходимы для нас – недостойных и слабых сынов Божиих.

Учение о церкви небесной, о том, что членам сей церкви Матери Божией, святым Ангелам и святым Божиим человекам нужно воздавать должное почитание, как молитвенникам за нас перед Богом, мы и предлагаем выслушать в настоящем собрании».

Означенное изложение учения о церкви небесной и было предложено слушателям священником о. И. Троицким.

Чтение это напечатано в 1 кн. Прилож. к «Мис. Обозр.». При этом к сведению менее опытных миссионеров мы считаем не лишним заметить, что крайне неудобно соединять во едино беседу о почитании Матери Божией, святых Ангелов и святых Божиих человеков. Такая беседа, в частности и настоящая, всегда будет страдать характером многопредметности и неопределённости и не только не произведёт должного впечатления на православных слушателей, а может, наоборот, утомить и затемнить мысль слушателей. При полемике же малоопытный миссионер в такой беседе может всегда оказаться

игрушкой в руках ловкого со-вопросника штундиста, который будет легко перебрасывать возражения с одного вопроса на другой. Поэтому предмет чтения о церкви небесной и полемику удобнее предлагать в виде трёх отдельных и законченных бесед: 1) о почитании Царицы Небесной; 2) о почитании Ангелов, и 3) о почитании святых Божиих человеков. Но обратимся к беседе.

По окончании чтения хор, состоявший из воспитанников семинарии, пропел стихир: *Утоли болезни многовоздыхающая души моя, Пресвятая Мати Дево.*

Затем, преосвященный Сергей резюмировал содержание беседы в следующих словах: «На основании Священного Писания и Священного Предания православная церковь верует, что на небе есть сонм праведников, своими молитвами предстательствующих за нас пред Богом, почитает их как святых угодников Божиих и призывает их в молитвах. Веруют ли отделившиеся от нас в святых Божиих человеков, почитают ли их и призывают ли их в своих молитвах?»

К этому преосвященный прибавил ещё следующее объяснение.

«Нас обличают в том, что мы будто бы зовём кого-то к ответу³². К ответу в том смысле, как это слово употребляется в просторечии, мы никого не зовём. Священник изложил православное учение о церкви небесной, изложил, кого церковь почитает за святых небожителей и как она относится к ним, изъяснил, что святые суть предстатели за нас пред Богом, и привёл краткое догматическое определение этого учения. Теперь желательно узнать, как думают об этом предмете те, которые уклонились от православной церкви.

Этим мы не привлекаем их к ответу, а только просим изложить их учение, дабы точно узнать, в чём заключается и на чём основывается их заблуждение.

У клонившиеся говорят: «лучше мы будем спрашивать, а вы отвечайте». Спрашивайте! но ведь мы уже ответили. А теперь я предлагаю побеседовать мирно, главное же – не уклоняясь в сторону.

О чём ныне беседа? Беседа о том, как учит Священное Писание и Св. Предание о церкви небесной; значит и говорить нужно о церкви небесной; беседа о том, что церковь земная должна почитать святых небожителей, – и говорить нужно о почитании святых, вообще, а не о внешнем выражении этого почитания, ибо об этом будет особое собеседование; ныне же нужно говорить о том, что церковь небесная есть, что небожителей нужно почитать и что они ходатайствуют за нас перед Богом».

После слов преосвященного началась сама беседа.

Миссионер, свящ. Троицкий. Веруете ли вы во святых?

Штундист. Да.

Мис. Почитаете ли святых угодников?

Шт. Мы почитаем святых и не отрицаем того, что они существуют, но молитвы к ним и ходатайства их за нас не признаём³³.

Мис. Вы будете указывать основания из Свящ. Писание в подтверждение своих мыслей, а я буду раскрывать их истинный смысл.

Шт. Вот, например, в Евангелии приведены следующие слова Божией Матери, *«величит душа моя Господа и возрадовался дух мой о Боге Спасителе моем (Лк.1:46–47)»*. Является вопрос, от чего же Христос спас её?

Преосвященный. От первородного греха.

Шт. Следовательно, она грешна и не может ходатайствовать за нас, и где есть в Св. Писании такое место, в котором было бы выражено повеление почитать её. Ведь вы говорили: мы уважаем и почитаем её, как «честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим».

Мис. Вас смущает, значит, что мы в молитве обращаемся к Пресвятой Богородице со словами: «спаси нас»?³⁴ Прошу выслушать следующие слова ап. Павла к Тимофею: *«Вникай в себя и в учение, занимайся им постоянно, ибо так поступая, и себя спасёшь и слушающих тебя» (1Тим.4:16)»*. Тимофей был человек и, как человек, был грешен; но по словам ап. Павла, он мог спасти своими наставлениями слушавших его. И Пр. Богородица содействует нашему спасению своими молитвами и ходатайством за нас пред Богом. Христос спасает Своей Собственной силой, как Единый Ходатай Бога и человеков, а Богородица спасает не своей силой: Она, как Мать, возносит молитвы к Сыну Своему, Христу Богу нашему, и таким образом приводит нас к Нему.

Шт. В Евангелии Христос говорит о Себе: *«Все предано Мне Отцем Моим, и никто не знает Сына кроме Отца, и Отца не знает никто кроме Сына и кому Сын хочет открыть» (Мф.11:27)»*. Теперь является вопрос, что Бога Отца можно узнать только из Откровения. Мы по природе все грешны и плотским умом заблуждаемся. Если мой ум сроднился с землёю, то как я могу узнать Бога, если Бог не захочет открыть мне? Может ли изобразить Бога бедная кисть художника? Только Он – Совершенный может производить акт соединения с моей душою.

Преосв. К чему это многоглаголение? Сейчас идёт речь о том, что церковь православная признаёт небожителей, верит в их молитвы и обращается к святым: «спасите нас», «помилуйте нас». Какое же

отношение имеет к вопросу о почитании святых текст: *«Всё предано Мне Отцом Моим»* ... Не уклоняетесь ли вы намеренно от предмета речи? Вы, может быть, сомневаетесь, что святые могут ходатайствовать за нас?

Шт. В этом мы не сомневаемся. Но мы утверждаем только, что не имеем нужды в ходатайстве святых³⁵.

Преосв. Значит, по-вашему, люди, живущие на земле, не имеют нужды в ходатайстве святых, ибо в Слове Божием написано: *«Един есть Ходатай Бога и человеков, человек Христос Иисус (1Тим.2:5)»*. Но помните, что Прав. Церковь, согласно с Словом Божиим, учит признавать Господа Иисуса Христа Единым Ходатаем в деле искупления, иначе сказать. Ходатаем по существу; когда же мы называем святых ходатаями, то мы их не приравниваем ко Христу, ибо мы считаем их ходатаями не по существу, а по благодати.

Шт. Теперь прочитайте слова ап. Павла из его послания к Галатам: Гал.4:4–7.

Миссионер читает³⁶: *«Когда пришла полнота времён, Бог послал Сына Своего (Единородного), который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление. А как вы сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего вопиющего: Авва, Отче! Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа» (Гал.4:4–7)*.

Преосв. Вот, святые суть наследники Божии через Христа. Они-то *«верую победиша царствия, содеяша правду, получиша обетования, заградиша уста львов» (Евр.11:32)*, они суть те, которых, по выражению Апостола, *«не был достоин весь мир» (Евр.11:38)*.

Шт. Было сказано в чтении, что нужно взирать на них, подражать вере их. Кто хорошо делает, тому мы и подражаем. Когда человек поступает хорошо, то впечатления его деятельности отражаются на нас, и мы в свою очередь поступаем хорошо.

Преосв. Но впечатления иногда бывают сбивчивы. Как мы можем достоверно узнать человека, хорош ли он или дурён? Одному Богу известны все тайные дела и побуждения человека?

Шт. Но если люди не могут узнать сами, кто хорош, или нехорош, то откуда вы знаете, кто такие святые люди?

Преосв. А, в Св. Писании указаны праведники: Авраам, Исаак и Иаков, и в 11 главе послания ап. Павла к Евреям перечислены имена многих святых³⁷.

Шт. Из Св. Писания нам известно, что если будем поступать пакостно, то нам святые не помогут. Прочитайте место из 15 главы пр. Иеремии.

Миссионер читает: *«И сказал Господь ко мне: хотя бы предстали пред лице мое Моисей и Самуил, душа моя не преклонится к народу сему; отгони их от лица моего – пусть они отойдут» (Иер.15:1).*

Шт. Почему Господь отверг молитвы Моисея и Самуила? Потому что народ еврейский поступал дурно. Господь дал ему Иерусалим, дал все блага земные, но народ забыл Бога. Господь предостерегал его через пророков, но он не внимал голосу их. Поэтому-то молитва пророков не имела никакого результата.

Преосв. Но прежде чем чаша беззаконий народа еврейского ещё не переполнилась, могли ли святые молиться за грешный народ?

Шт. Да, можно молиться друг за друга, только на земле.

Мис. Но ведь в прочитанном тексте идёт речь о молитве за народ еврейский Моисея и Самуила, перешедших в загробную жизнь.

Шт. Но всё-таки, где же в св. Писании находится повеление о почитании Божией Матери?

Мис. Я отвечу на твой вопрос. В Св. Писании Матерь Божия говорит о себе: *«отныне будут ублажать меня все роды» (Лк.1:48).*

Шт. Но *ублажать* – не значит *молиться*. И где сказано чтобы Она была Ходатайница за нас³⁸?

Мис. Я приведу вам пример из Евангелия. На браке в Кане Галилейской, когда там не стало вина, то присутствующие, хотя и могли сразу обратиться ко Христу, с просьбой дать вина, однако они предварительно обратились к Божией Матери, и она сказала Христу, что у них вина нет, хотя Христос и знал это. И мы теперь молимся Божией Матери чтобы она ходатайствовала за нас недостойных перед Христом, ибо её Сердце – любвеобильно.

Преосв. Всего лучше, объясните им место из прор. Иеремии.

Мис. Ведь вот у Иеремии Моисей и Самуил, давно отшедшие в загробную жизнь, представляются молящимися за Иерусалим. И если их молитва не имела успеха, то только потому, что беззакония народа были слишком велики. Но бывали, следовательно, времена, когда их молитва могла быть услышана, и мы, обращаясь с молитвами к святым, выражаем надежду на силу их молитв за нас перед Богом. Ещё припомните место из 33 главы кн. Исход. Когда евреи, слив золотого тельца, впали в тяжкий грех идолопоклонства, и Моисей начал умолять Бога о прощении их, то Господь простил грех народа. Итак, ясно, что святые могут ходатайствовать за нас.

Шт. Но ведь это было на земле только.

Преосв. Страшно произносить такие слова. Эти слова ваши доказывают полное непонимание вами Св. Писания и непонимание человеческой природы. Если святые на земле способны ходить пред

Богом и молиться за нас, то тем более они могут делать это, когда они переселятся на небо и станут ещё ближе к Богу.

Шт. А можно ли за святых молиться?

Преосв. Не только можно, но и должно³⁹.

Шт. Но пример о ходатайстве Богоматери был приведён такой, из которого видно, что просьба её носила земной характер. А у Господа план – спасти человека. В этом деле молитва Богоматери за нас не нужна. Ап. Павел говорил, что *«мы не знаем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас»* (Рим.8:26). Где же место молитве за нас Божией Матери и вообще святых?

Мис. Укажу вам из Св. Писания, по какой причине мы обращаемся к ходатайству святых. *«Очи Господни обращены к праведным, и уши Его к молитве их, но Лице Господне против делающих зло»* (1Пет.3:12; ср. Пс.33:16–17). *«И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои, и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу»* (Ис.1:15). Из этих слов Св. Писания видно, что мы сами по причине грехов бываем недостойны предстать перед Богом с своей молитвой, а молитва святых угодна Богу. А вот во 2 посл. ап. Павла, к Кор. прямо говорится о ходатайстве *«многих»* (2Кор.1:2), конечно, не грешных, а тех, которые земной жизнью благоугодили пред Богом.

Шт. *Молитвы святых не имеют значения.* Свящ. Писание перерождает человека из ветхого человека в нового.

Преосв. Дух Божий перерождает.

Шт. Мы видим, что Христос пришёл на землю, оставил слово, заповедал спасаться; стремление человечества – быть святыми. Прочитайте место из кн. пр. Исаии, 1 гл. с 11 стиха.

Миссионер читает⁴⁰: *«К чему Мне множество жертв ваших? – говорит Господь. Я пресыщен всесожжениями овнов и туком откормленного скота, и крови тельцов и агнцев, и козлов – не хочу. Когда вы приходите являться пред Лице Мое, кто требует от вас, чтобы вы топтали дворы Мои? Не носите больше даров тщетных: курение отвратительно для Меня, новомесячий и суббот, праздничных собраний не могу терпеть: беззаконие – празднование! Повомесячья ваши и праздники ваши ненавидит душа Моя: они бремя для Меня; Мне тяжело нести их. И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда умножаете моления ваши, Я не слышу: ваши руки полны крови. Омойтесь, очиститесь, удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетённых, защищайте сироту, вступайтесь за вдову»* (Ис.1:11,17).

Преосв. Из этого места, очевидно, ясно, что Господь грешных не слушает, а праведников слушает. У нас речь идёт о молитве святых. Итак, признаёте вы ходатайства святых?

Шт. Мы уважаем святых, но ходатайства кого-либо, кроме Иисуса Христа, отрицаем, ибо на это нет повеления в Св. Писании.

Мис. А запрещение есть?⁴¹

Шт. А вот в послании ап. Павла к Галатам сказано: *«если бы даже мы, или ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема»* (Гал.1:8).

Мис. Сам против себя прочитал.

Шт. Позвольте, я объясню. Здесь ап. Павел говорит, чтобы люди не принимали иного благовествования, кроме благовествования Христова. Ап. Павел не хочет, чтобы люди вымышляли своё учение. Так как в Св. Писании не видно ясного указания молиться Божией Матери и признавать Её ходатайницей, то ясно, что у нас и должно быть Имя Одного Ходатая – Христа.

Мис. Данный текст к делу не относится. Вам задан был вопрос: есть ли в Св. Писании запрещение христианину молиться святым, а данный текст какое имеет отношение к этому вопросу?

Преосв. В приведённом тексте выражена следующая мысль Апостола: мы проповедуем учение Христово; если придёт другой и будет проповедовать иначе, чем мы, да будет анафема. А со-вопроснику предлагается вопрос: есть ли в Св. Писании место о запрещении молитвы святым. Такого места нет. А есть другие места, где прямо говорится о молитве святых; и сам Апостол просит, чтобы слушатели помолились о нём. След., в Св. Писании говорится о молитве святых, положим, земных. Значит на земле святые молятся. Но кроме этого, упоминается в Св. Писании о молитве святых Моисея и Самуила, отшедших в загробную жизнь. След., Св. Писание ясно и определённо учит «о молитве святых в жизни загробной». А кто говорит, что молитвы святых не должно быть, те, значит, учат иначе...

Шт. Да мы не отвергаем, что святые могут молиться за нас, а только не видим в Св. Писании повеления просить святых о ходатайстве перед Богом.

Мис. Мы видим, что святые могут молиться за нас. Позвольте, я прочитаю место из послания ап. Иакова, где он говорит: *«Молитесь друг за друга, много может молитва праведного»* (Иак.4:16), и в пример далее приводит молитву прор. Илии (Иак.4:17–18). Кто же должен, по словам ап. Иакова, молиться за других.

Шт. Пресвитеры.

Мис. А пресвитеры люди?

Шт. Да.

Мис. Как же они могут молиться за других, если Ходатай один – Христос?

Шт. Здесь идёт речь о молитве на земле. Члены земной Церкви, действительно, могут, согрешая, молиться друг за друга.

Мис. Вам хочется, чтобы видно было, что на небе праведники молятся за нас?

Шт. Нет, нам хочется видеть повеление прибегать к ходатайству святых. Вы нам скажите, есть ли в Св. Писании повеление призывать святых в молитве?

Мис. Есть. Но прежде я прошу ответить: повеления Слова Божия на все ли времена имеют значение?

Шт. Смотря по тому, какое слово.

Мис. Повеления Слова Божия, которые не отменены являются ли действительными на все времена?

Шт. Всё что было отменено, не имеет значения.

Мис. Итак, повеления Слова Божия, которые не отменены, являются действительными на все времена⁴².

Теперь прочитаем: *«и сказал ему (Авимелеху) Бог во сне: возврати жену мужу, ибо он (Авраам) пророк и помолится о тебе и ты будешь жив. (Быт.20:6,7).* Повелевая Авимелеху просить молитв Авраама, Бог тем самым дал повеление роду человеческому обращаться с молитвами к людям же, только святым.

Шт. Но Авраам и Авимелех были живые. О живых и мы молимся, молимся друг за друга, пока на земле. Просилли, напр., Авраам Еноха, который взят был даже живым на небо, молиться за него?

Мис. Вы говорите, что эта молитва Авраама за Авимелеха равносильна нашей молитве друг за друга. Нет, здесь не простая молитва, подобная нашей молитве друг за друга, имеющей основания в том, что мы должны друг друга тяготы носить; здесь должен был Авимелех просить Авраама помолиться за него потому, что Авраам пророк, а не просто человек, страдающий ближнему. Подобный пример видим в книге Иова, где Господь повелел друзьям Иова попросить его помолиться о них (Иов.42:7,8)⁴³. И род человеческий всегда признавал, что люди святые молятся на небе.

Шт. О каких святых вы говорите – о тех ли, которые на земле, или о тех, которые переселились на небо? Очевидно, здесь идёт речь не о небесных святых, потому что в противном случае в притче Христа Авраам не мог бы ответить богачу следующим образом: *«у них, братьев богача, есть Моисей и пророки, пусть слушают их» (Лк.16:29).*

Мис. Вы напрасно привели этот текст. В этой же притче – богач умоляет Авраама, который находился на небе. Значит, из Св. Писания видим, что праведники на небе могут молиться за людей грешных.

Шт. Для нас эти примеры не убедительны.

Мис. Если из Св. Писания приведу примеры того, что праведники на небе молятся за людей, то примеры будут ли иметь значение повеления Божия, чтобы мы обращались к праведникам за молитвой?

Шт. А какие эти примеры?

Мис. Прочитаем из Откровения святого Иоанна (Откр.8:3): *«И пришёл иный ангел, и стал пред жертвенником, держа золотую кадильницу; и дано было ему множество фимиама, чтобы он с молитвами всех святых возложил его на золотой жертвенник, который пред престолом».*

Из этого места видно, что молитвы святых к Богу на небе возносятся и Богом приемлются. Этот пример есть уже и повеление. Точно также и в книге Товита читаем...

Пит. Эта книга не каноническая.

Мис. Я читаю Библию.

1. Ш. Амвросия Иерусалимского не было, а был Амвросий Медиоланский.

2. Шт. И Иоанн Дамаскин повелевал изведывать от Церкви, какие книги будут спасительны и полезны, а других и читать не нужно.

А вы читаете эту книгу в церкви?

Мис. Оглашенным читаем.

При том, мы, напр., книгу «Откровения» не читаем в Церкви, а признаем её канонической⁴⁴.

Шт. Мы не знаем, почему Церковь устранила Откровение от чтения во храме.

Преосв. А вот мы прочитаем из 11-го послания апостола, Петра: *«праведно бо мною, донележе есмь в сем телеси, возставляти вас воспоминанием: ведый, яко скоро есть отложение телесе моего, яко же и Господь наш Иисус Христос сказа мне. Потщуся же и всегда имети вас по моем исходе, память о сих творити».* (2 посл. Петра I гл. с 13–16 ст.).

Ап. Пётр обещает присным по вере стараться и после смерти своей напоминать об обязанности ходить достойно своего высокого звания. Как же он мог по смерти стараться, делать это напоминание? Только своей молитвой пред Богом.

Шт. В той же главе из послания ап. Петра мы видим указание пути в царство небесное: «Покажите в вере вашей добродетель, в

добродетели – рассудительность, в рассудительности – воздержание, в воздержании – терпение, в терпении – благочестие». (2Петр.1:6).

Мис. Но ведь молитвы святых для людей есть одно из средств ко спасению: эти молитвы способствуют воспитанию в человеке перечисленных ап. Петром добродетелей.

Мис. Итак, заключим нашу беседу. Веруете ли вы в святых и почитаете ли их?

Шт. Да.

Мис. Признаёте ли нужным для нас грешных обращаться к святым за молитвой?

Шт. На земле нужно, ибо на это есть основание в Св. Писания.

Мис. Итак, вы признаёте, что нужно обращаться к святым, пока они на земле, а когда святые переселятся на небо, то, по-вашему, нет нужды обращаться к ним.

Шт. На это мы не находим в Свящ. Писании ясных повелений.

Мис. Вам приведены были из Св. Писания примеры молитвы святых на небе за людей и доказывалось, что эти примеры для человека должны иметь значение повеления обращаться с молитвами о ходатайстве к праведникам. Выслушайте и ещё наставление апостола Павла, заключающее в себе для нас повеление просить молитв святых: «Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и взирая на кончину жизни их» (Евр.13:7)⁴⁵ Поминание святых состоит в том, чтобы подражать их жизни и иметь общение с ними – посредством любви. А как выразить любовь? Посредством молитвы.

Шт. А по-нашему, иметь общение со святыми, значит мыслить о святых, вспоминать их, рассуждать о них и подражать им в своей жизни.

Мис. А что такое все наши молитвы к святым, как не мысленные воспоминания их? Так возьмём молитву к св. Николаю чудотворцу. (Был прочтён тропарь св. Николаю чудотворцу).

Шт. Эта не молитва. Вот 50 псалом – молитва. Мы должны следовать Св. Писанию.

Мис. Я знаю, что вы предания не признаёте, а потому и Церкви не признаёте⁴⁶.

Шт. Смотря по тому, какое предание.

В это время подошёл к эстраде обращённый из штундизма слепой старец Владимир и сказал, что, как ему известно, штундисты, хотя и учат на основании Св. Писания, но в действительности они уклоняются от Св. Писания; сказано: «Един Господь, едина вера», но у штундистов не одна вера – Они сами разделяются между собой в своих учениях.

В это время кто-то из сектантов воскликнул: «един Господь, едина вера». Тогда преосвященный председатель встал и заключил собеседование приблизительно следующей речью:

Какая великая и непреложная истина заключается в этих словах: Бог есть един, а потому и вера едина, и, следовательно, как сказал сейчас слепец, та вера неистинная, которая разделяется, которая не имеет единства. Бог по существу, как Дух: *Дух есть Бог (Ин.4:24)*, между прочими своими божественными свойствами имеет свойство неизменяемости: *у Отца Светов несть применени или приложение стень (Иак.1:17)*, а потому и учение о Боге не может быть ныне – ей, ей, а завтра – ни, ни, ибо *Божий Сын Иисус Христос*, как некогда апостолами, так и нами ныне, проповедуемый на основании их апостольского учения, *не бысть ей и ни но в Нем самом ей бысть (2Кор.1:18)*.

А так как неизменяем Бог, то неизменяема должна быть и вера в Него, и учение о Нём. Всё, что нужно для спасения, дано нам к познанию через пророков и апостолов, так что в существе своём учение о Боге и наша вера в Него никогда не должна изменяться, и, действительно, в святой православной Христовой Церкви её учение никогда не изменялось, не изменяется и не будет изменяться в своём существе, ибо все мы православные – *едино тело есьмы мнози (1Кор.10:17)*; также единообразно и согласно с учением апостольским учение православной Церкви и о церкви небесной. Из приведённых ныне мест Священного Писания ясно видно, что небожители есть, а, следовательно, есть и Церковь небесная, и что одна Церковь земная без небесной существовать не может, так как вся жизнь каждого отдельного лица, как члена Церкви земной, состоит в поступательном движении к соединению с Церковью небесной, и жизнь всей Церкви земной имеет целью переселение в Церковь небесную: *желание имый разрешитися и со Христом быти (Флп.1:23)*, говорит апостол Павел, *дабы уже не якоже ныне зеркалом в гадании, а лицом к лицу (1Кор.13:12) преступить к Сионской горе и ко граду Бога живаго, Иерусалиму небесному, и тьмам Ангелов торжеству, и церкви первородных, на небесех написанных, и Судии всех Богу, и духом праведник совершенных, к Ходатаю Завета Нового Иисусу (Еф.12:22,23,24)*. На этом постоянном стремлении Церкви земной к небесной и зиждется общение первой с последней. Какое же средство сего общения? Это средство – молитва. Молитва есть такое состояние человека, в котором он и ум, и сердце возносит в горняя. Внутреннее ощущение истинного молитвенного состояния на земле для человека есть как бы предвкушение того состояния, когда человек будет членом

Церкви небесной: в истинной молитве ощущается приближение к Богу и общение с небожителями. В развитии человека, как в отношении телесных, так и духовных его способностей, великое значение имеет навык. Нужен человеку навык и в молитве, и этот навык у различных людей бывает различен по степени его силы. Люди более, размышляющие о небесном, чем о земном, имеют и более навыка в молитве; молитва одухотворяет само их тело, – когда молится ум, молится сердце, вся душа парит к Богу, тогда колено приклонениями, рук воздеянием, воздыханиями, слезами молится и тело... Вот высшее состояние человека, желающего разрешиться и со Христом быти.

Но есть ли молитва на небе? Ответим на это словами Самого Господа Спасителя нашего: *в воскресение бо ни женятся, ни посягают, но яко Ангели Божии на небеси суть* (Мф.22:30). На небе нет ни купли, ни продажи, там нет свойственных земле занятий, там все пребывают как Ангелы. А в чём же состоит занятие Ангелов? Об этом Слово Божие говорит так: *И другой Ангел прииде, и ста пред алтарем, имеяй кадильницу злату, и даны быша ему фимиами мнози, да даст молитвам святых всех на алтарь златый, сущий пред престолом. И изыде дым кадильный молитвами святых от руки Ангела пред Бога* (Откр.8:1). *И по сих слышах глас велий народа многа на небеси, глаголющаго; аллилуия, спасение и слава и честь, и сила Господу нашему* (Откр.19:1). *И глас изыде от престола глаголющ: пойте Богу нашему вси раби Его и боящийся Его, и малии и велиции. И слышах яко глас народа многа и яко глас вод многих и яко глас громов крепких, глаголющих: аллилуия: яко воцарися Господь Бог Вседержитель. Радуемся и веселимся и дадим славу Ему* (Откр.19:5–7); или как говорит Исаия: *видех Господа сидяща на престоле высоци и превознесенне и исполнь дом славы Его. И серафими стояху окрест его, шесть крил единому, и шесть крил другому: и двема убо покрываху лица своя, двема же покрываху ноги своя, и двема летаху. И взываху друг ко другу, и глаголаху: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, исполнь вся земля славы Его* (Ис.6:1–3). Итак, небожители молятся, и, если Апостол повелевает членам Церкви земной: *непрестанно молитесь* (1Фес.5:17), то тем более молитва составляет непрестанное занятие небожителей.

Что же составляет предмет молитвы небожителей? Прежде чем ответить на этот вопрос, рассмотрим, что составляет предмет молитвы членов Церкви земной. Образец земной молитвы к Отцу небесному дал нам Сам Господь Иисус, и по сему образу в молитве нашей мы должны по преимуществу прославлять Отца Небесного, предавать себя в Его святую волю и просить о прощении согрешений наших.

Прославьте Бога в телесех ваших и в душах ваших (1Кор.6:20), повелевает Апостол Павел, а другой Апостол говорит: молитесь друг за друга (Иак.5:16). Вот что составляет предмет молитвы членов земной Церкви. Без сомнения, то же – прославление Бога и молитвы друг за друга составляют предмет молитвы и небожителей, как частью это видно и из приведённых мест Свящ. Писания, но лишь язык сей молитвы нам неизвестен, как отчасти только открытый нам Евангелистом Ветхого Завета Исаией и Евангелистом Нового Завета Иоанном в его откровении. Сам Апостол Павел выражается о небесных глаголах так: *«восхищен бысть в рай и слыша неизреченны глаголы их же не лет есть человеку глаголати» (2Кор.12:4).*

Все наши слова соответствуют нашим понятиям, понятия образуются из представлений, а представления происходят от восприятия духовных и телесных предметов; предметов небесных мы не видим, а потому и язык небесный нам незнаком вследствие чего Апостол, восхищенный на небо и слышавший там неизреченные глаголы, не нашёл слов для выражения их на языке человеческом. Да и сами члены земной церкви в высшем парении своего духа к Богу в благодатном, а отнюдь не нервном молитвенном состоянии *«о чесом бо помолитися, якоже подобает не видят, но сам Дух ходатайствует о них воздыхании неизглаголаннскими» (Рим.8:26).* Можно ли после этого допустить, что на небе нет молитвы как прославления Бога и молитвы за живущих на земле?! – Конечно, нельзя, ибо по природе человеческой, созданной для вечной жизни, земная молитва, как видно из приведённых мест Св. Писания, есть лишь предображение молитвы небесной. Из приведённых мест Св. Писания и из разъяснения молитвенного состояния человека на земле очевидно, что нам неизвестен лишь язык молитвы небесной, а предмет её ясен: прославление Бога и спасение грешной земли. Последнее с очевидностью доказывается тем, что Ангелы многократно были посылаемы на землю или для благовествования мира и славы, или для предотвращения бедствий. Из этого видно, что на небесах есть великая забота о грешной земле. С очевидностью доказывается существование молитвы на небесах о грешной земле в ветхом завете из слов пророка Иеремии: *аще станут Моисей и Самуил пред лицом моим, несть душа моя к людям сим (Иер.15:1).* Следовательно, если Моисей и Самуил стали бы перед лицом Божиим за других людей – заслуживающих милосердия Божия, то эта молитва была бы услышана. В новом завете св. апостол Пётр перед своей кончиной обещает своим ученикам: *потшуся же и веегда имети вас по моем исходе, память о сих творити (2Пет.1:15).* Каким образом Апостол

будет стараться о сём после его отшествия? – Конечно, не иным каким-либо средством, как только молитвой, которая станет по его исходе лишь более возвышенной и более действенной.

От самых времён апостольских вера в молитву отшедших святых за живых составляет твёрдую основу взаимоотношения Церкви земной и небесной. Об этом свидетельствует, как сказано выше, Слово Божие, свидетельствует и согласное с ним Свящ. Предание, идущее от апостолов через мужей апостольских, через отцов и учителей Церкви, которые все просили умерших святых молиться за них. От Апостола Иакова, брата Божия, который в послании к Галатам именуется, «столпом церкви» остался чин божественной литургии, сохранившей для нас древнейшее свидетельство о том, что Церковь всегда призывала в молитвах Преблагословенную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию и всех святых и, веруя в Их молитвы, молила Господа ради их молитв принять земные жертвы на жертвенник пренебесный и молитвами их посетить нас грешных.

Итак, святые, как существа более близкие к Богу, молитвенно предстательствуют за нас пред Богом во имя заслуг Спасителя мира, и вера в сие предстательство есть древнейший, всеобдержный от времён апостольских догмат Церкви. Что же сказать о тех, которые сего догмата не признают и приводят в упрёк Церкви слова Апостола: *аще мы или Ангел с небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет. Аще кто вам благовестит паче еже приясте, анафема да будет* (Гал.1:8,9).

Они, очевидно, забывают новшество своей веры и грозное слово Апостола, которое, как ясно доказано, к Церкви православной относиться не может, ибо как Христос: *вчера и днесь той же и во веки*. (Евр.13:8), так и учение православной Церкви было, есть и будет одно до скончания века. Братия, *в научения странна и различна не прилагайтеся* (Евр.13:9). Аминь⁴⁷.

По окончании речи воспитанниками семинарии было пропето «Достойно есть», после чего преосвященный благословил в отдельности каждого присутствующего и раздал произнесённое о. Иоанном Троицким чтение о Церкви небесной.

Цвейтов, свящ. Беседа с раскольников по поводу греховных недостатков у священников. С. 114–124

Однажды, вместе со священником одного из сёл вверенного мне миссионерского района, я отправился для мирного собеседования со старообрядцами в поголовно-раскольнический починок. Остановились в доме начётчика, молодого ещё крестьянина этой деревни. Народ собрался, а хозяин дома замедлил в деревне. В его отсутствие, в виду того, что шёл Филиппов пост, я начал беседу о таинстве причащения. Но вот врывается в избу сам хозяин, руки его дрожат, губы трясутся, глаза кровью налились... Едва, едва от внутреннего волнения мог он выкрикнуть: «да какое право ты имеешь учить то нас, ты ведь только морочишь»!

Я было начал его успокаивать, но наш хозяин, окончательно рассвирепев, требовал, чтобы я доказал ему старопечатными книгами, какое право я имею учить их...

Прочитано было из Златоуста: «О иерею благочестивый, *блюда прилежно, да на единый человек не умрет без причащения*, но подобает преподати ему Тело и Кровь Господа Бога нашего... и в день лют избавит его Господь. Слыши, о иерею, Христовым тайнам служителю, како Сам Господь призывает, повелевая всем причаститися Св. Тела и Крове Его... Ты же *блюда прилежно, да на единый человек не умрет без причащения*, но сподоби ю сего небесного дара, да станет она перед страшным судом Божиим со дерзновением и, соединенная через причащение со Христом, да сподобится славу Божию зрети и с лики святых водворитися (Злат. л. 303–304).

Вот моё право – блюду прилежно, «да ни единый человек, ни едина душа не умрет без причащения». Моё священное право указать находящимся на ложном пути истинный путь ко спасению через вкушение Тела и Крови Господней.

В сильном возбуждении собеседник мой закричал: «да ведь в Златоусте сказано: иерею благочестивый, – а ты ведь поп нечестивый, табашник!.. Ныне нигде нельзя ни пройти, ни проехать, чтобы не встретить попа с папирсой в зубах. Все вы табашники».

– Укорение священника в лицо, даже в действительном проступке его, только у вас старообрядцев считается особенным геройством и самой высшей добродетелью. В до-никоновское же время это ваше геройство считалось весьма тяжким грехом. «Не достоин просту человеку, читаем мы в Номоканоне, укорити священника, или поношати, или клеветати, или обличати в лицо, *аще негде и истина*

суть. Аще же постигнет сие сотворити простолудин, сиречь простой человек, да есть анафема, и да изгнан будет из Церкви, отлучен бо есть от Святыя Троицы, и послан будет во Иудино место (Номок. л. 35-й)». *«Не осуждай, учит Златоуст, да не осужден будеши... Паче же да не осуждаем иерея, аще и видиши его зло сотворша, не рцы: грешен есть и недостойн служити, но приступи с чистою совестью и причастися божественных тайн (Злат. л. 271 и 272-й)».*

И рад бы не судить, закричал мой собеседник, да Златоуст говорит: «аще поп будет груб, или невежда, или горд, или запойчик, или гневлив, или мздоимец, или завистлив, или клеветник, или сварлив, к таковому не достоин каятися и исповедати грехов (Злат. л. 149-й)».

– Слова эти, находящиеся в книге Златоуст, Св. Златоусту не принадлежат, так как противоречат всему его учению о священстве, всем старопечатным книгам, противоречат Св. Писанию и даже здравому смыслу.

Сам ты можешь видеть, что 149-й лист книги Златоуст совершенно противоречит 272-му. На 272-м листе Св. Златоуст, запрещая осуждать иерея, *«аще видиши его зло сотворша»*, повелевает приступать и причащаться, а на 149-м листе тот же Златоуст как будто ставит в обязанность духовным детям следить за жизнью пастыря и не каяться у пастыря согрешающего. Очевидное и прямое противоречие не только словам 272-го листа, но даже предыдущим строкам текста. Повыше приведённых тобой слов читаем: *«не восхищайте суда Божия: аще ли хочещи судия быти, то суди мыслью своя согрешения... Да не судим, братия, чужих грехов, но о своих печемся (л. 148 об.)».* Да и как мог Златоуст написать такие слова, когда он знал, что даже Христа называли винопийцей, другом мытарей, силой Веельзевула, князя бесовского изгоняющим бесы (Лк.11:15). Какой же священник избежит злоречия? Знал Св. Златоуст слова Спасителя о том, как трудно угодить людям: *«прииде Иоанн ни ядый, ни пия и глаголют: беса иматъ; прииде Сын человеческий ядый и пия и глаголют: се человек ядца и винопийца, мытарем друг и грешником» (Мф.11:18–19)».* Если тот, про кого Господь сказал, что нет больше его в рождённых жёнами. – Предтеча Господень – не избежал злословия, если Самого Господа безгрешного, чистейшего и святейшего называли ядцей и винопийцей, то кто же из людей, носящих сан священный, может быть для всех приятен? Ясно, что слова: *«наще будет поп груб, или невежда и т. д.»* Св. Златоусту не принадлежат и есть вставка невежественных переписчиков книги.

Ни о чём так сильно и энергично не учит Златоуст, как о том, что благодать Божия действует и через недостойных пастырей. Вот истинное учение Св. Златоуста об этом предмете: «Глаголеши, яко скверен есть и зол иерей, то что до того тебе есть? Скверный тебе не вредит, аще верен; вся бо благодать от Бога есть: *яко иерей точию уста отверзает, вся же Бог творит* (Прол. 4 февр.)». «Аще бо ослом и волхвом действоваше благодать смотрения ради и пользы ради Израильтейские, богоявлено, яко ниже нами отречется действовати. *Божия благодать есть и в недостойном действующи. Не нас ради, а вас ради.* Не мене пренебрегаеши, но священство, аще узриши сего мя обнажена, тогда пренебрежи (Бес. св. Злат. на посл. ап. Павла л. 2068-й)». «Аще всюду достоинство благодать искала бы, ни хотяше быти ни крещение, ни тело Христово, ни приношение оными. *Ныне же и недостойными обыкль есть действовати Бог*, и никакже крещения благодать от жития иереева повреждается. *Не человек бо совершаемых приносит, но все Божия силы дело есть..* И той Сам есть, иже нас ради таинствуяй и ради спасения нашего вся действуяй, якоже Сам вестъ (Бес. Злат. на посл. ап. Павла л. 602)». Повторены эти слова в книге Никона Черноторца л. 301-й и в Тактиконе л. 156-й. «Не веси ли, что есть священник? Ангел Господень есть. Аще нерадиши о нем, не о нем нерадиши, но о рукоположившем и Бозе. Аще бо тем ничтоже Бог действует, ниже баню имаши, ниже тайнам причащаешися ниже благословения принимаешь убо ни христианин еси... Аще чрез осла и чрез Валаама, скверного человека, людей ради глаголение Бог, много паче через священника. Что бо не творит Бог спасения ради нашего (Бес. св. Злат. на посл. ап. Павла л. 2552-й)».

Если верить указанным тобой словам старопечатной книги, то нужно все эти, приведённые мной, свидетельства Златоуста отвергнуть. А между тем, указанное мной в беседах учение Златоуста совершенно согласно с учением об этом предмете других старопечатных книг. Так Б. Катехизис свидетельствует: облагодать Божия множицею и недостойными действуется, якоже и недостойными священниками освящаемся (л. 15)». «Не человек бо действует, утверждает Номоканон, но сквозь орудие благодать (л. 56)». *Благодать Божия множицею и недостойными действует*, читаем в Благовестнике, *якоже и недостойными священниками освящаемся*: Иуда бо чудеса сотворил есть и сынове Сикевы (л. 57 об. в толковании)».

Читаны были свидетельства об этом предмете книги Никона Черногорца л. 298, 299, 300 и 301, Тактикона л. 156 об. и книги Маргарит л. 198-й.

Собеседник мой с азартом указал на слова ап. Павла: «не имам ясти мяса во век, да не соблазну брата моего (1Кор.8:13)» – и зашумел о том, что духовенство играет в карты, чем само позорит крест четырёхконечный, так как тут есть «крести», изображающие начертание четырёхконечного креста, упивается вином в посты и т. д. Всё это соблазн. Истинные пастыри должны подражать ап. Павлу и отказаться от всего того, что служит в соблазн другим – от табака, вина, карт. «Заботитесь ли вы об этом? Не пастыри вы, а наёмники» – с особенным злорадством закончил свою речь мой собеседник.

Мной было указано, что и в среде апостолов не все были Павлы, что даже в числе 12-ти избранных из всего мира был и Иуда, и однако же чудеса творил. Ты сомневаешься в этом? Читай 10-ю главу евангелия от Матфея: «призва обанадесять ученики своя, даде им власть на дусех нечистых, яко да изгонят их, и целити всяк недуг, и всяку болезнь. Дванадесятих же апостолов имена суть сия:... и Иуда Искариотский, иже и предаде Его. Сия обанадесять посла Иисус, заповеда им, глаголя... болящие исцеляйте, прокаженные очищайте, мертвые воскрешайте, бесы изгоняйте (Мф.10:1–9)». Смотри Благовестник л. 57 об. Апостол Пётр трижды отрёкся от Христа и обратил потом 3,000 ко Христу только в день Пятидесятницы. Сам великий ап. Павел, прежде чем стать Павлом, долгое время был Савлом, жестоким гонителем христиан. Конечно, пастыри должны всеми силами подражать Апостолу и полагать эти его по истине великие слова в основу всей своей жизни и деятельности, но пасомые не должны отделяться от Церкви из-за некоторых слабостей человеческой природы своего пастыря. Ведь даже этот великий Апостол свидетельствовал вслух всего мира: «вем бо, яко не живет во мне, сиречь в плоти моей, доброе; еже бо хотети прилежит ми, а еже содеяти доброе не обретаю. *Не еже бо хошу доброе творю: но еже не хошу злое-сие содѣваю...* Соуслаждаюся бо закону Божию по внутреннему человеку: вижду же ин закон во удех моих противовоующ закону ума моего и пленяющ мя законом греховным, сущим во удех моих. Окаянен аз человек... *Темже убо сам аз умом моим работаю закону Божию: плотию же закону греховному* (Рим.7:18–19,22,25)». Если Апостол говорил о себе, что он умом работает закону Божию, плотью же закону греховному, то не естественно ли, что видишь ты это в нас – немощных служителях Божиих. Конечно, пастыри истязаны будут за свою жизнь, служащую соблазном пастве, на Страшном суде Божиим. Но ведь «мнози яве согресиша, отай же покаешесе. Мы же грехи их видим, а покаения не вемы (Злат. л. 272-й)».

Да разве до патр. Никона духовенство было безгрешно, разве оно не имело плоти? Напрасное обольщение! Ещё Грозный на Стоглавом соборе в сильных выражениях жаловался на зазорную жизнь духовенства. «Попы» – говорил Грозный царь на соборе за 100 лет до патриаршества Никона «всегда пьяни... в церквах бьются и дерутся промежь себя, а в монастырях такое же бесчиние творят (Стоглав л. 64-й вопр. 22-й)». И даже царь знал об этом и лично докладывал собору. Однако же предки не отделялись тогда из-за этого от Церкви: они верили, что «сила Божия и в немощи совершается». Вы же выдумали какую-то особую старую веру, с верой до никоновской старины совершенно ничего общего не имеющую.

Собеседник мой начал указывать на личности, называя тех, кого видал пьяным или курящим.

Прочитано было: «Ин есть тайнам Судья и Испытатель. Не подлежит ли востязанию и церковным правилам священник? Ей, но не тобою той испытается, или истязется, но от Бога, или множицею от большего архиерея. Ты же что пастыря востязаеши, овча сый? Что восхищавши фарисейски Божие судилище и святительский сан, иже тебе несть вручен и от Бога вовверен. Темже молю вы, не судите никого же, изряднее же священника Божия (Ник. Черн. л. 301 об.).

«Аще хочеши судия быти, то суди мыслью своя согрешения... Да не судим, братия, чужих грехов, но о своих печемся (Злат. л. 148-й)». Также рассуждали об этом и соборы. «Епископа, в некоей вине суща, аще не весь собор области тоя, обаче дванадесять епископ да судят, пресвитеров же шесть, а диакона трие (Карф. соб. пр. 12. Кормч. л. 122 об.)».

А шестой вселенский собор в 64 правиле даёт тебе весьма хороший урок: «всяк убо должен есть свой чин ведати, и не творити себе пастыря, овча сый (а ты «овча сый» творишь себя самочинно не пастырем уже, а архипастырем)? и глава да не мнится нога сый: но повиноватися преданному от Бога чину и уши свои отверзати на послушание приемлющих благодать учительскаго словесе... сего ради мирстии человецы да не учат (Кормч. л. 198 пр. 64 и толкование)».

А как же, заявляет собеседник, ты говоришь, что вы не наёмники. Зачем же ничего даром не делаете – берёте с живого и мёртвого?»

Мной было указано, что наёмником в Св. Писании называется вовсе не тот пастырь, который пользуется вознаграждением за свой труд, а тот, который «не радит об овцах» вверенного ему словесного стада. Даяния же, коими пользуется духовенство от прихожан, указаны Самим Богом в ветхом завете (Втор. гл. 18-я напр.). Господь Иисус Христос этот способ содержания духовенства одобрил. Исцелив

прокажённого и обязав его не разглашать никому об исцелении, он сказал ему: «Шед покажися иерееви и принеси дар (Мф.8:4) за очищение твое, яже повеле Моисей (Мк.1:44; Лк.5:14)». Чем лучше прокажённый мёртвого? Только один многострадальный Иов, находясь в проказе, не просил себе смерти. И зачем бы, по-твоему, ветхозаветным священникам брать «дар» с исцелённого Христом прокажённого. Однако же, Сам Господь посылает его принести дар за очищение священнику. И пастыри Церкви должны, по слову Господню, жить «от благовестия». «Тако и господь повеле проповедающим благовестие от благовестия жити. Аще мы духовная сеяхом вам, великоли, аще телесная пожнем (1Кор.9:14; 11)». Разве до п. Никона священники ничего не получали за свой пастырский труд, разве не имели они тогда власти «ясти и пити», насаждая виноград – есть от плодов его, пася стадо – вкушать от млека стада (1Кор.9:3–10)? Конечно, имели. При Грозном было даже узаконено платить за 1-й брак алтын, за 2-й – два алтына, за третий – четыре (Стогл. гл. 46. стр. 220-я), за освящение церкви и молебен третью часть приношения и полуполтину (Стог. гл. 47 стр. 223-я).

Напрасно клеветешь на нас, что мы ничего бесплатно не делаем. Разве не бесплатно, напр., совершается исповедь и причащение тысяч прихожан в течение великого поста, разве не бесплатно пастыри по первому зову едут днём и ночью, в метель и распуту, за целые десятки вёрст напутствовать умирающего! Разве не бесплатно занимаются они обучением в школах духовных детей прихожан, влагая в это дело силы свои, здоровье, а под час и материальные средства. Между тем как в Ветхом Завете даже за приношение жертв жрецам назначалась Самим Богом значительная плата: «и сей суд жрецов, яже от людей, от приносящих жертвы, аще тельца, аще овцу: и даси жрецу рамо⁴⁸, и челюсти, и утробу: и начатки пшеницы твоя и вира твоего, и елея твоего, и начатки стрижения овец твоих да даси ему (Втор.18:3–4)».

«Помысли, говорит Св. Златоуст, елика иудее даяху десятины, начатки, паки десятины, и паки иные десятины, и паки иные триадесятины и сиклу: и ничтоже глаголение, яко многая снедают... Не глаголаху многая приемлют, объедаются, яже ныне слышу глаголющих неких. И зиждуще убо дома и села купующе ничтоже мнятся имети. Аще же мы кто от священников в светлейшую ризу облечется, или нужные удволитися пищи, или служащего имать, богатство вещь полагают... Аще ты дал еси, почто порицаеши? Мзду погубил еси о тех, яже дал еси порицая. Не достоин даяти, аще имел еси порицати. *Лютейшая есть вещь, яко ниже ваяй порицаеши о тех, яже ин творит благо* (Злат. бес. на посл. к Филип. л. 1955–56)». Сам

ты никогда никому ничего не давал, а так ожесточённо порицаешь духовенство за то, что оно пользуется даяниями от прихожан. Самым низким, самым неблагонамеренным делом – «лютейшая есть вещь» – считался этот неблагородный поступок ещё 1½ тысячи лет тому назад и за 1250 лет до патриаршества Никона!..

Напрасно злословишь ты, называя пастырей Церкви наёмниками. Нет не наёмники мы.

«Наёмник», по слову Спасителя, «не радит об овцах, а пастыри церкви готовы душу свою положить за овцы, никогда не отказываясь напутствовать болящих даже самыми заразительными болезнями. Мало ли погибло самоотверженных пастырей во время холерной эпидемии 1892 года, получивших заразу при исполнении долга напутствования холерных больных? Мало ли заражается и умирает их ежегодно и безвестно по лицу Святой Руси при напутствовании, напр., тифозных больных?

Чем более я говорил, тем более мой собеседник раздражался; наконец, он воскликнул: «А разве не положено проклятия за несоблюдение постов»? И, укорив духовенство в несоблюдении постов и невоздержании во время поста, он заговорил об истинном посте, о том, сколько раз в день нужно есть, много ли есть и т. д!

Терпеливо выслушав его разглагольствования и напомнив ему, что он учит по-прежнему от своего вымысла, а не от старопечатных книг, я указал на слова книги Златоуст о том, каков должен быть истинный пост. «Никого же вас понуждаю через силу поститься... Гнев же и зависть и клевету от себя отвержите... *Всяк же поетяйея ярости и свара и всякия неправды остаться, да чистою совестию причастится Св. Тайн Христовых.* Иже бо кто в сии святые дни постные не причастится, то глад души есть. Не тело бо точию питай, но души хладны не остави, лишены дара Божия, но насыти ю причащением святым Злат. л. 58». «Сице и посту конец, утверждает Маргарит, пречистое причащение, аще бо не исправим сего ради дней сих, всуе претружше себе не венчани (т. е., без наградного венца), и кроме мзды от подвига постного отыдем (Марг. л. 224)». Значит, истинный пост только тот, который заканчивается таинством причащения. Так ли у вас, старообрядцы?.. *Аз есмь Лоза, вы же рождие (Ин.15:1)*», говорит Христос. *Не может розга плода творити, аще на Лозе не пребудет (Ин.15:4)*». Розга – верующий во Христа может быть привит к Лозе – Христу только через вкушение Его Тела и Крови, по слову Спасителя: «*ядый Мою плоть и пий Мою кровь во Мне пребывает и Аз в нем (Ин.6:25)*». Только в этом случае розга пребывает на Лозе и может творить плод. Ясно, что кто не прививается

к Лозе – Христу через вкушение Тела и Крови Его, тот не более как отломленная уже от дерева ветвь, которая должна непременно засохнуть. И никакие посты, и поклоны не проведут от Лозы в розгу жизненных соков: «аще не снете плоти Сына Человеческого, не пиете Крови Его, живота не имате в себе (Ин.6:53)» то же, что и «смертию умрете». Посты, добрые дела и подвиги телесные были и до Христа, есть и теперь, между неверующими. Разве не постятся и не молятся магометане?» «Много воздержание обретается и у еретиков» (кн. о вере л. 216). Но истинный пост только тот, который закончен причащением: «не тело бо точию питай, но и души гладны не остави... но насыти ю причащением Святым». – «Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь имать живот вечный и Аз воскрешу его в последний день (Ин.6:54)». Верен апостол Христов, вещавший миру: «аще и подвизается кто, не венчается, аще незаконно подвизатися имать» (2Тим.2:5).

С лёгкой совестью взводишь ты клевету на целое сословие духовное, утверждая, что оно постов не соблюдает. Ужели ты видел всё это сословие посты нарушающим? Разве нам не известно правило апостольское: «аще кто епископ, или пресвитер, или диакон, или иподиакон, или чтец, или певец, не постится во Св. Четыредесятницу перед Пасхой, или в Среду или Пятки, кроме препятствия от немощи телесные, да будет извержен, аще же мирянин, да будет отлучен» (пр. 69-е). А верить тебе на слово нельзя. Давно ли ты обозвал меня табашником, между тем как я никогда не брал в рот папиросы. Ты же не посовестился публично взвести на меня совершенно ложное обвинение. Я уверен, что ты не видал и ни одного духовного лица нарушающим посты, а передаёшь только жалкую сплетню, созданную в среде вашей ненавистью и зложелательством, и охотно распространяемую вами – вожаками раскола, чтобы оттолкнуть доверчивый простой народ от духовенства. Может быть, деда ваши, или прадеды, и видели некоторых мирян, в городах, например, посты нарушающими. Опустив из виду, что миряне эти могли быть иноверцами (лютеране напр.) – эти деды ваши зашумели везде и всем, что никониане постов не соблюдают. Менее же добросовестные, в видах большего воздействия их пропаганды на простой народ, не задумались взвести эту дерзкую клевету и на целое сословие духовное, чтобы самим удобнее было «зватися от человек учителю, учителю». – «Муж грешник, говорит Сирах, возмзетет други и посреди мирных вложит клевету (Сир.28:10)».

Если и соблюдает русский народ установленные церковью посты во всей строгости, то, главным образом, потому, что видит в этом,

прежде всего, наглядный пример в лице своих пастырей. Иначе быть не может. С самых юных лет будущих служителей алтаря приучают к строгому соблюдению постов в семьях духовных. Затем, в школах духовных, подготовляющих будущих пастырей к их служению, посты соблюдаются также во всей их строгости. Ужели думаете, приняв сан священник, а с ним все обязанности пастыря церкви, священник решится нарушать посты, чего не делал, не имея сана священного. Жалкая, ни на чём не основанная клевета! Вся жизнь Св. Иоанна Предтечи и Крестителя была строгим подвигом поста и воздержания. Но что говорили о нём люди?

Господь Сам возмущался клеветой на него: «прииде Иоанн, ни ядый, ни пия и глаголют беса имать» (Мф.11:18). Потому-то Незлобивый Агнец-Христос, слыша постоянную клевету на Себя и апостолов, вот что сказал иудеям: «вы отца вашего диавола есте и похоти отца вашего хотите творити, он человекоубийца бе искони и во истине не стоит, яко несть истины в нем: егда глаголет лжу, от своих глаголет, яко ложь есть и отец лжи (Ин.8:44)». Не тот же ли источник и вашей лжи?!

Могут быть случаи несоблюдения постов из-за болезненной немощи, но эти случаи и не осуждаются строго (пр. 69-е Св. Апостол.) хотя, конечно, ни ты, ни я не видели духовных лиц нарушающими посты даже по этой болезненной немощи. В до-никоновской же древности было и своевольное нарушение постов, как среди мирян, так и среди духовенства: «не точию мирстии, – свид. книга о вере – но и духовнии преданные посты своевольне раззоряше (л. 130). И никто из предков не думал тогда укорять в этом духовенство, или отделяться из-за этого от Церкви. Они помнили слова Апостола, которые вы в ослеплении и гордости совершенно забыли. Вот эти слова, которые вам необходимо запомнить: «Ядый не ядущего да не укоряет, и не ядый идущаго да не осуждает: Бог бо его прият. Ты кто еси судяй чуждему рабу; своему Господеву стоит или падает: станет же, силен бо есть Бог поставити его. *Несеть бо царство Божие брашно и питие, но правда и мир и радость о Дусе Святе (Рим.14:3–4,17)*». И фарисей громко проповедовал о своём посте, ещё громче порицая других: «Боже, хвалу тебе воздаю, яко несмь, яко прочий человецы... пощуся два кратно в неделю, десятину даю всего елика притяжу». Всё, чем вы думаете спастись – пост и милостыня были и у фарисея, не было и у него только смирения. За это он и был осуждён Христом, а презираемый им смиренный мытарь оправдан (Лк.18:10–14).

И странное дело! Чем нагляднее выяснялся предмет, тем более и более ожесточался мой собеседник, приводя из цветника подпольной

литературы наиболее сильные места против несоблюдающих посты.

Мной было в противовес цветнику, трактующему лишь о наружном посте, указано, что Господь; поставляя пост самым важным средством для отогнания от себя дьявольских полчищ (Мк.9:29), не придавал никакого значения одному посту наружному, считая пост внутренний – чистоту сердечную выше всего: «яко всяко, еже входит во уста во чрево вмещается и афедронем исходит. Исходящая же из уст от сердца исходят, и та сквернят человека» (Мф.15:17–18). Господь строго запрещал трубить о своём посте, выставлять его напоказ, а завещал поститься так, чтобы этот пост незаметен был людям: «Егда же поститесь, не будите, якоже лицемери, сетующе: помрачают бо лица своя, яко да явятся человеком постящиеся... Ты же постясь помажи главу твою и лицо твое умый, яко да не явишия человеком постясь, но Отцу твоему, Иже втайне» (Мф.6:17–18). Очевидно, ваш пост, о котором вы трубите всем и каждому, не для Бога, а лишь на показ, для людей, тем более, что он совершенно телесный, без всякого участия в нём души. А между тем участие то души и необходимо при посте прежде всего. «Для поста, говорит Василий Великий, не достаточно одно воздержание от яств, но будем поститься постом – приятным, благоугодным Богу. Истинный пост – удаление от зла, воздержание языка, подавление в себе гнева, отлучение похотей, злословия, лжи, клятвопреступления» (Слово о посте Св. Василия Великого). Какая противоположность вашим цветкам!

«Не говори мне, учит Св. Иоанн Златоуст, что ты столько-то дней постился, не ел того или другого, не пил вина, ходил в рубище, но скажи нам: сделался ли ты из гневливого тих, из жестокого благосклонен и т. д. Если ты исполнен злобой, для чего тебе истощать плоть? Если душа – госпожа тела заблуждает в тебе, то для чего наказываешь рабу его – чрево» (Бес. 72 о пост, и мол)? «Кто вина не пьёт, говорит тот же Златословесный учитель, и мяса не ест, пусть не гордится этим; он не сделал ещё ничего больше того, что делает животное; ибо никакое из домашних животных не ест мяса и вина не пьёт. *Если я от хлеба воздержусь, но не воздержусь от гнева, то я уже не человек, а зверь*, потому что зверь хлеба не ест, но ест плоть... Не то благо и достохвально, чтобы мяса не есть и вина не пить, но чтобы злобы не держать на ближнего» (Марг. л. 557 об).

Так учили о посте Св. Отцы за 1500 лет до нашего времени. Так учит Св. Церковь о посте и ныне, нисколько не отступая от учения Христа Спасителя и этих светил вселенные. «От брашен постящихся, душе моя, – слышим мы в церковной песни, – *и от страстей не*

очистившись, все радуешься неядением, яко злым демоном уподобишься, николиже ядущим» ...

А с какой злобой и злорадством ты бросаешь камень беспощадного осуждения в духовенство, выставляя лишь измышлённые ненавистью и зложелательством, в большинстве случаев, мнимые вины духовенства, не указав никаких погрешностей в вере. И при таком настроении хвалишься ещё своим постом! Как далёк ты, почтенный, от истинного поста и истинных постников при всём своём глаголемом воздержании.

Св. Игнатий Богоносец учит: «всяк глаголай, кроме повеленных, аще и достоверен будет, аще и постит, аще и девствует... волк тебе да мнится в овечьей кожи, овцам пагубу содевающ (Послание ко Ирону – диакону)». У тебя же ни одного слова нет «от повеленных», а всё от своего растлённого разума. Страшишься же грозного прещения Божия: «горе вам законником, яко взясте ключ разумения: сами не внидoste и входящим возбраняете» (Лк.11:52).

Да, братия, не внешние обряды, а оскудение веры, нашей любви есть причина разделений наших. С оскудением любви люди всю надежду возлагают на одну внешность, и этот то формализм в вере, вытесняющий последнюю любовь из душ человеческих, препятствовал людям идти за Христом Спасителем даже тогда, когда Он Сам Своей пречистой плотью ходил между людьми. Да не будет же так с нами! Оставим наши раздоры и укоры! Будем смотреть более на себя и на свои грехи и менее на других. Не судите, да не судимы будете!.. Поговорив ещё немного, мы закончили нашу беседу.

Свящ. *Цвейтов*

Миссионерство, секты и раскол. (Хроника) //
Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 124–152

1. Э. Я. Миссионерство и сектантство в истекшем 1899 г. С. 124–137

Почин в усилении жалованья причтам приходов, заражённых сектантством. – Важное значение этой меры для успехов миссии. Деморализующее влияние штунды на приходской население и бедственное положение причтов. Киевский юбилейный собор иерархов и обсуждение вопросов миссии. – Развитие миссионерского дела в епархиях. – Миссионерские съезды. – Екатеринославская издательская миссионерская комиссия. – *Состояние сектантства в 1899 г.* – Духоборческая эмиграция и Молоканское брожение. – Новейшее рационалистическое сектантство. – Борьба штунды с законом 1894 г. и властью. – Экспертиза и новое направление сектантских дел в мировых судах. – Усиление штундизма в Киевской губернии. – Интеллигент в роли штундо-баптиста и совращённые дети. – Архипастырские миссионерские действия. – Сомневающийся адвокат и беспримерный эксперт из немцев баптист. – Мистическое сектантство.

Новогоднюю нашу хронику начнём сообщением об отрадном для приходской миссии распоряжении Св. Синода, касательно улучшения материального быта причтов в приходах, заражённых расколо-сектантскими лжеучениями. Высокопреосвященный Иоанникий, первенствующий член Св. Синода, в декабре истекшего года вошёл в Св. Синод с представлением о необходимости, в интересах миссионерского дела, увеличить в 23 приходах Киевской епархии, поражённых сравнительно сильным развитием штунды, жалованья священникам до 600 р., псаломщикам до 200 р.⁴⁹

Представление Высокопреосвящен. удовлетворено Св. Синодом. Кроме того, в двух деревнях, Соколовка и Чеснополь, значительных по численности как православного, так и сектантского населения, в миссионерских целях, – открыты самостоятельные приходы, с усиленным окладом жалования причтам. Вакансии вторых псаломщиков в приходах сектантских, где не имеется причтовых построек, за смертью или перемещением на другое место ныне служащих клириков, – разрешено постепенно закрывать⁵⁰.

Таким образом, настоящее распоряжение Св. Синода, обязанное особой попечительности Киевского Архипастыря об успехах миссионерского дела, является первым почином в удовлетворении давно назревшей, удостоверенной двумя последними миссионерскими всероссийскими съездами, нужды относительно улучшения по истине

несчастливого материального положения в очагах штундизма. Как известно, появление штунды везде тотчас отражается на упадке как церковных, так и причтовых доходов. Ловкие распространители лжеучения штундизма начинают, обыкновенно, свою пропаганду с внушения народной массе протеста против платы духовенству за требо-исправления, против совершения всех обрядов и церковных служб. Кошельковый свечной доход падает, служение панихид, молебнов, сорокоустов в штундовых приходах, среди православных, прекращается, плата за обязательные требы сводится с рублей на гривенники: за погребения напр. получают 20 к., за свадьбу 1 р. В Чаплынке, напр., на Крещение свечная выручка равнялась *трём копейкам*. Причтовый кружечный доход не бывает более 3–5 р. в месяц. И вообще, существующий патриархальный порядок взимания платы духовенством с прихожан за требы теперь, при новых условиях экономической жизни народа, при охлаждении его к Церкви, по заключению Казанского съезда, является источником возникновения многочисленных печальных недоразумений между пастырями и пасомыми, нарушающих мир между духовными лицами и их детьми, унижающих авторитет пастырей, что в приходах с сектантским брожением является опаснейшим предлогом к раздражению недобрых пасомых и соращению маловерных в сектантство, – причём руководители и насадители лжеучений не только пользуются этим раздражением, но и усиливают и разжигают его.

Народ наш беден и скуп, вообще, на деньги, а потому в проповеди штунды ему более всего приятен и понятен призыв, обращённый ко всем односельчанам, освободиться «от материального ига Церкви и духовенства», как выражаются штундисты, т. е. от платы за требы. Оставаясь православными, крестьяне, однако, внемлют этому именно гласу штунды и ничего не хотят платить духовенству за его труды, или же доводят, так сказать, плату до минимума. Всякие столкновения на этой почве священника с прихожанами и непристойны, и способны создать опасность соращения недовольных в секту, а потому, ни один из добрых пастырей не позволит себе ради прибытков рисковать душой верных чад. Но ведь и жить чем-нибудь надо как самому пастырю, так и семье – надо обучать детей, выдавать дочерей и проч. И вот, лучшие, по пастырским достоинствам и миссионерским способностям, священники и клирики, пробедовав на таких приходах два–три года, бегут из них в другие места. «Трудивыйся достоин пропитания», и архипастыри не могут не взойти в бедственное материальное положение добрых, но изнемогающих под бременем нужды, деятелей и переводят их в лучшие по обеспечению приходы. –

Между тем, частая смена священников оставляет в приходах самые неблагоприятные результаты. (Напр., в Житниках за последние 10 лет переменялось не менее 10 священников). Сектантские приходы избегают не только послужившие пастыри, но и молодые кандидаты священства, опасаясь трудности миссионерского дела и гнетущей бедности. Такие приходы нередко остаются долгое время без пастырей, чем пользуются для развития сектантства штундовые верховоды. А потому, Епархиальное Начальство сплошь и рядом принуждено бывает замещать эти приходы штрафными или малоспособными пастырями. Между тем как, и постановлениями 2 всероссийского миссионерского съезда и многократными распоряжениями высшей церковной власти, признано необходимым, в интересах успешной борьбы с лжеучениями, назначать в такие приходы наиболее достойных и способных к прохождению и пастырских и миссионерских обязанностей. Вот в виду такого-то печального положения приходских и миссионерских дел в сектантских, а равно и в раскольничьих и единоверческих, – приходах, Казанский Миссионерский Всероссийский съезд пришёл к заключению, что *пока не будут такие приходы обеспечены, в виду особого их миссионерского положения, усиленным жалованием, хотя бы до 600 р, священнику и 200 р. причётнику, – до тех пор невозможно будет здесь поставить миссию на должную высоту.* Справедливость этого заключения теперь санкционирована изложенным представлением Первосвященителя русской Церкви и постановлением Св. Синода об обеспечении усиленным жалованьем 23 беднейших сектантских приходов Киевской епархии.

Но вместе с тем, необходимо сказать, что настоящая мера, предпринятая высшей духовной властью, в интересах возвышения успехов приходской миссии в её борьбе с сектантством, налагает на пастырей и клир усиленно обеспеченных приходов особые, чрезвычайные миссионерские обязанности. Здесь приходская миссия должна быть поставлена теперь на образцовую высоту, и в таких приходах уже ныне не должно быть места тем членам причта, которые не соответствуют этому требованию о миссии.

Обращаясь за сим к пережитым миссией в истекшем году более замечательным событиям и явлениям, мы должны здесь, прежде всего, отметить *Киевский юбилейный праздник* (с 6–9 ноября), в честь Высокопреосвященнейшего Иоанникия, Митрополита Киевского. Праздник этот знаменателен был для всей вообще русской Церкви и во многих отношениях, в частности же и для внутренней миссии,

которая была предметом совещаний юбилейного собора архипастырей⁵¹.

Поступательное движение миссии и в истекшем году шло вперёд заметными шагами и выразилось, между прочим, в устройении новых епархиальных миссионерских съездов духовенства (в *Таврической* губернии, Симбирской, Петербургской) и в *обычных* миссионерских совещаниях, вошедших уже в жизнь многих епархий. Из новых епархиальных съездов особенно замечателен по предметам и результатам своих совещаний *Симферопольский* съезд, на котором, между прочим, положено было начало беспримерному в истории миссии живому общению представителей молоканства с архипастырем, деятелями миссии и пастырями Православной Церкви. Общение это крепнет и продолжается доселе. Недавно являлась в Петербург депутация от молокан к г. Обер-Прокурору Св. Синода, прося охраны от ухищрений штундо-баптизма, стремящегося поглотить старое молоканство. Из уездных съездов особенно интересными и многопользными для оживления приходских миссий были миссионерские съезды духовенства Киевской, Харьковской, Херсонской и др. епархий, руководимые местными талантливыми, полными знания своего дела и глубокой преданности своему св. служению миссионерами. В Киевской губернии миссия получила новое, более соответственное, устройство и лучшее обеспечение; в нескольких губерниях, как напр., Бессарабской, Тамбовской, Самарской, Олонецкой и Подольской – увеличено число миссионерских вакансий, с привлечением на эти должности преимущественно лиц с высшим богословским образованием.

В *Екатеринославской* епархии учреждена при местном епархиальном миссионерском комитете особая комиссия для приготовления к печати получаемых от миссионерских приходских комитетов протоколов о собеседованиях с сектантами. Комиссия состоит под председательством известного писателя, епархиального миссионера А.Я. Дородницына, и из трёх преподавателей местной духовной семинарии. Члены комиссии обязаны ежемесячно представлять комитету отчёты о рассмотренных ими протоколах, из которых лучшие помещаются отдельным приложением в «Епархиальных Ведомостях». Новое учреждение это заслуживает внимания и наилучших пожеланий, как мера, которая, несомненно, оживит собеседовательную деятельность приходских миссионерских комитетов, которая получит теперь печатную оценку и гласность и может сделаться предметом суждений печати и общества, что налагает обязанность, как на собеседников, так и на составителей отчётов, стоять на должной высоте. Если, вообще, ко всякому печатному слову должно относиться строго, как могучему средству обмена чувств и мыслей, то тем более тогда, когда оно служит делу насаждения в душах читателей истин христианского вероучения, конечная цель которого спасение души, как справедливо заметил «Дух. Вест.» по поводу Екатеринославской комиссии. Здесь каждое слово должно быть продумано, взвешено, и, прежде чем попадёт оно на печатный станок, должно определить, какой след оно оставит в мыслях и чувствах читателей. При этом нужно опасаться, чтобы погоня за внешней отделкой речи не послужила в ущерб внутренней силе слова, которое только тогда будет живо и действенно, когда оно служит выражением действительных чувств и глубоких убеждений. Слово миссионера будет таким тогда, когда в нём воплощаются будут его проникновение евангельскими истинами и любовь ко Христу. Не та беседа должна почитаться хорошей и достойной быть напечатанной, которая написана изысканным слогом, снабжена множеством цитат и т. п., но та, которая, при этих качествах отличается ясностью изложения, теплотой чувств, так сказать, задушевностью, а такой может быть только беседа изустная, в которой христианские чувства изливаются от сердца к сердцу. От души приветствуем этот новый почин в деле миссии Екатеринославского миссионерского комитета. Печатные отчёты о собеседованиях составят свою огромную пользу и для науки и практики по обличению сектантства.

Сектантство в истекшем году, как старое, так и новое, переживало брожение и какое-то особенное, беспокойное, приподнятое настроение духа, полное всяких несбыточных мечтаний.

Духоборчество волновал вопрос о переселении значительной части его в Америку и Канаду. Начавшись ещё в конце позапрошлого года, духоборческая эмиграция закончилась в апреле 1899 года. Всего отплыло за море около 3 т. духобор-постников или толстовистов. Главными руководителями в этом, несчастном для духобор, движении были интеллигентные просветители тёмной духоборческой массы, толстовцы, вовлёкшие мирно жившее население в преступную анархию.

Пример духобор и агитация тех же интеллигентов-толстовистов (кн. Хилкова, В.Г. Черткова) вызвали было эмиграционное движение и среди харьковских штундо-толстовцев (павловцы), из которых около 150 семейств вошли с прошениями к губернатору о разрешении им переселиться в Америку, но затем, полученные харьковцами из Канады сведения о трудности жизни и о тяжёлых, вообще, экономических условиях духоборческих переселенцев в Америке образумили харьковских сумасбродов, и они остались на местах своей теперешней осёдлости, чем весьма ныне довольны.

В недрах *молоканства* везде замечалось сильное брожение духа, вследствие борьбы со штундо-баптизмом, уже более десятка лет настойчиво и успешно пропагандирующим здесь своё лжеучение. Одряхлевшее нравственно и умственно старое молоканство оказывается бессильным противостоять прозелитизму организованной миссии штундо-баптизма, угрожающего молоканству поглощением. Хотя, по существу учения, староуклеинское молоканство гораздо больше удалилось от буквы и духа евангельского учения, чем штундо-баптизм, но, по чувству народности, по социально-политическим воззрениям и отношениям к господствующей Церкви и православному населению, старое молоканство несравненно менее вредная секта, чем штундизм, а потому православной миссии и правительственной власти надлежит в этой борьбе стоять на страже и не допускать дальнейшего развития и усиления штунды на счёт молоканства. Нужно заметить, что штундо-баптизм пробил брешь и значительно подготовил почву для воздействия на молоканство со стороны истины учения Православной Церкви. Молоканство нашей миссией, напрягавшей доселе главным образом свои усилия на пресечение развития нового сектантства, было забыто, а теперь в этом отношении предъявляются новые неотложные запросы и задачи, которые должна миссия неминуемо начать осуществлять в новом году.

Новейшее рационалистическое сектантство, известное под именем штунды продолжало и в истекшем году вести – начатую ещё в 1898 году – *борьбу с законом и властью*, на почве превратно

истолкованного сектантами известного кассационного решения Сената, упорно отказываясь от признания себя штундистами и не признавая потому обязательным для себя исполнение закона 1894 года, возбраняющего богомоленные собрания последователей этой секты. В истекшем году последовал целый род апелляционных протестов духовного ведомства и местной администрации на оправдательные приговоры мировых судей. В протестах их возражается, что русские сектанты незаконно и неосновательно присваивают себе название и права немецкой секты баптистов.

В виду сложности вопроса об отношении штундизма к баптизму, мировые суды в истекшем году впервые начали в свою практику вводить экспертизу при разбирательстве дел о штундистских богомоленных собраниях. Эксперты миссионеры и представители науки дали в этом отношении новое, правильное направление судебным процессам о богомоленных собраниях штунды, разъяснив судьям, что ни наука, ни закон, ни миссионерская практика не знают секты русских баптистов, а только штундистов; известный в науке толк «штундо-баптизм» – есть лишь фракция штунды, а не отдельная секта.

Такие процессы имели место во всех губерниях, где есть штунда, но более всего – в Киевской губернии и, в частности, в г. Киеве. Положение сектантского дела в этой губернии обращает на себя особое внимание, и мы этого явления не можем не отметить в настоящей новогодней хронике. Оно поучительно в том отношении, что наглядно ещё раз убеждает в той истине, что в борьбе с религиозно-социальными сектами, какова есть штунда, необходимо дружное, соединённое действие всех ведомств, а не одного только духовного, и наоборот, всякая *двойственность и непоследовательность* во взглядах на сектантский вопрос и на меры борьбы с опасным лжеучением порождает в умах сбитой с толку народной массы новое брожение и несбыточные надежды.

Штундизм в Киевской губернии за последние два года, не смотря на неослабное действие мер миссионерских и пастырских, снова поднял голову и принял давно небывалое брожение: сектантство появилось и в новых пунктах и оживилось в тех селениях, где, казалось, совсем было сломлено и умиротворено. Так, в с. Дедовшине из ста сектантов в последние 5 лет не было ни одного, теперь там числится вновь более 60 душ, из них многие вновь сошлись из православия. Ближайшей причиной является свобода преступных действий агитаторов и свобода собраний, вследствие целого ряда оправдательных приговоров мировых судей. В самом Киеве, после систематического оправдания штундистов за собрания мировым

судьей 7 участка, сектанты почувствовали полную свободу и начали устраивать демонстративные собрания настолько многолюдные, что ни одна квартира не могла вместить собравшихся, и многие наполняли коридоры дома, стояли на крыльце или тротуаре, что привлекало огромную толпу любопытствующих из евреев и православных, так что приходилось полиции, при посредстве конных полицейских, очищать улицу и вновь составлять – и всякий раз понапрасну – приговор для привлечения штундистов к обвинению не только за собрания, но и за оказательство. Вместе с тем, Киевские штундисты сделались крайне дерзкими и заносчивыми в сношениях с миссионерами и смелыми в пропаганде. На последнем в истекшем году публичном собеседовании один из вожаков секты позволил себе дерзкую вызывающую выходку, против самого преосвященного председателя собеседований – епископа Сергия, рассчитанную на то, чтобы показать, что архиерей для них – свободных сектантов *ничто*. Выходка штундиста до глубины души возмутила православных слушателей, и несмотря на отеческое благостное увещание владыки, взять своё неприличное слово назад и извиниться, штундист не пожелал. Только сила красноречия и обаяния, каким пользуется архипастырь-миссионер, могла успокоить негодующую массу православных. Нужно заметить, что заносчивый грубиян этот – не простой, или тупой, невежественный фанатик, а полуинтеллигент – живописец Р-й, который, говорят, был в науке в Гамбургской баптистической семинарии. К Киевской штундовой общине примкнул также, в качестве просветителя и вдохновителя, один из настоящих также интеллигентов – некто г. Р-н, кажется, из недоучившихся технологов, побывавший под надзором, прошедший на своём веку и воды, и медные трубы, бывавший за границей, состоявший в рядах Армии Спасения, а ныне, будучи не раз застигаем в штундовых собраниях, называющий себя полицией «баптистом». После поступления г. Р-на в одну из Киевских типографий, в качестве корректора, – там скоро было установлено штундовое брожение среди взрослых рабочих наборщиков и мальчиков. Вот в каких трогательных подробностях описывают нам обстоятельства, при которых совершилось разоблачение сектантской пропаганды в типографии.

21 декабря, около 3-х часов пополудни, когда преосвященный Сергей ходил по монастырю с о. наместником и о. экономом и беседовал о производстве монастырских хозяйственных дел, вдруг к владыке-миссионеру стремительно подбежали два юноши, из которых одному лет 16, а другому 18. Младший мальчик плакал и, указывая на своего товарища, захлёбываясь в слезах, едва мог проговорить: «владыка! побеседуйте с ним: он ушёл в штунду, он говорит, что

причастие» ... – Здесь следовало кощунственное слово, которое можно лишь встретить на страницах толстовских зарубежных изданий. Владыка-миссионер участливо отнёсся к юношам и начал расспрашивать, кто они такие, и кто совратил одного из них в штунду. По допросе оказались, что оба они – наборщики из типографии К., в которой началось штундовое движение, выразившееся в совращении нескольких лиц из рабочих типографии; совратителями были: упомянутый интеллигент и рассыльный типографии. Младший со слезами продолжал просить архипастыря вразумить и спасти старшего товарища. Владыка начал предлагать совращаемому в штунду ряд вопросов. – Ходил ли ты прежде в церковь? – спросил, между прочим, владыка. – Прежде ходил, а теперь не хожу – угрюмо отвечал юный штундист. – Почему не ходишь теперь? – Потому не хожу, что прежде я был грешник, а теперь стал *истинным христианином*. – Каким же образом ты сделался христианином? – Стал читать Слово Божие. – А разве в церкви слово Божие не читают? – Я не понимаю, как там читают: – я *русский*, а там по-славянски читают и поют. – Что же теперь то не грешишь что ли? – Нет. – Как же так? – Есть грехи произвольные и непроизвольные, отвечал юноша. Тут архипастырь стал разъяснять несчастному, что и произвольные и непроизвольные грехи всё равно грехи перед Богом, и кто оправдывает себя непроизвольностью своих грехов, тот ещё более грешит пред Богом. Разъяснив, как человек – преступник может быть оправдан судом человеческим и обвинён судом Божиим и наоборот, разъяснив, для чего в тюрьмах устраиваются храмы Божии, и как преступники допускаются до св. причащения, владыка указал заблудшему юноше на пример наказанного и прощённого коринфского блудника и стал говорить о милосердии Божиим... Юноша – штундист начал плакать; тогда архипастырь взял его за голову и начал её крестить, растегнул его пальто и стал крестить его сердце. Товарищ его и иноки также не могли удержаться от слёз; юноша штундист плакал всё более и более, – это были благодатные слёзы; тогда владыка сказал: «пойдёмте молиться к виликом. Варваре». Пришедши к мощам, юноши оба крестились, кланялись в землю, прикладывались к мощам и были благословлены владыкой крестиками. Тут владыка их оставил, сказавши, чтобы зашли к нему снова. Мальчики оставались в храме и, слушая акафист, оба молились стоя на коленях... Прибавлять к этой картине нечего...

На беседе 22 ноября, вдруг, среди тишины, выбежал из среды слушателей все тот же юноша, спасавший своего любимого товарища, и громко закричал: «владыка, владыка! вот этот штундист у нас в типографии проповедует, что причастие» ... Трудно описать

негодование православных слушателей, оскорблённых в самых святых своих чувствах... На другой день архипастырь лично посетил типографию и долго беседовал с подростками и старшими наборщиками и помолился там вместе с православными и колеблющимися. Заносим этот эпизод на страницы новогодней миссионерской летописи прошлогодних событий, как глубоко-учительный по своим подробностям и отрадный пример живой *архипастырской миссии* среди штундистов.

Чтобы положить конец вредным для дела борьбы с сектой недоразумениям мирового суда относительно того, к какой секте принадлежат киевские сектанты, по предложению консистории, Киевская городская полиция опротестовала в мировой съезд оправдательные приговоры судьи 7 участка, а для производства экспертизы на суде по настоящему, столь важному боевому делу духовное ведомство просило г. обер-прокурора Св. Синода командировать своего чиновника особых поручений, редактора нашего журнала. Со стороны сектантов выступили защитниками: известный в Киеве адвокат С. Б-н и упомянутый интеллигент, баптист Г-н. Обвинялось около ста сектантов, которые все объявили себя баптистами, для чего поспешили летом и осенью совершить перекрещивание в Днепре почти над всеми, достойными и недостойными, которых, по правилам секты, совсем нельзя было перекрещивать, если бы не надобность в доказательствах на счёт своей, мнимой принадлежности к баптизму. Экспертиза заняла около 3 ч. времени. Речи защитников были настолько запальчивы, что один из защитников, доказывая безвредность штунды, позволил себе сказать более чем «смелое сомнение» – относительно того, правильно ли прежняя высшая администрация Юго-Западного края характеризовала штундистов, признанных Высочайше утверждённым мнением Комитета министров 4 июня 1894 г. особо вредной сектой. Откровенность подозрительного адвоката доселе служит источником многих разговоров в Киеве. Приговор вынесен был обвинительный сектантам, признанным действительными штундистами. После сего сектанты снова пробовали собираться и ещё в большем количестве, но тут уж и мировой судья 7 участка их не помиловал, а приговорил к наказанию. Брожение продолжается.

В Ростове на Дону, в съезде мировых судей, по делу о штундистах д. Казина, также незаконно именующих себя баптистами, произошёл не менее достойный летописи инцидент. Там защитник штундистов усомнился в правоспособности вызванных судом экспертов: Екатеринославского миссионера, магистра богословия, известного

писателя и исследователя штундо-баптизма, А.Я. Дородницына и Донского миссионера, кандидата богословия, А.И. Орлова, и просил суд передать следственное дело о русских сектантах – штундистах на заключение немца, баптистского пресвитера, какого-то Кесслера. И суд странное ходатайство адвоката признал заслуживающим удовлетворения. Дело было слушанием отложено, а переписка действительно послана Кесслеру. Последний долго думал над заданной ему, необычайной для него, да и для всякого, думаем, немца, задачей и, наконец, через целый год, надумал следующий ответ: «Секта баптистов совершенно безвредна. Между сектами – штундистами и баптистами большая разница. Вредна ли штунда, решительного ответа дать не могу». Настоящий немецкий – аккуратный и тонкий ответ: себя не хвалил, дело сказал о разнице между русской штундой и немецким баптизмом, – за это спасибо, – в драку же из-за чужого дела не полез, уклонившись от ответа о вредности штунды. Но как бы то ни было, а обращаться к суду немца и вмешивать его в русское церковно-государственное дело борьбы со штундой, насаждаемой немцами же и именно *баптистами*, по меньшей мере странно. Неудивительно, если Казинские штундисты, как пишет наш корреспондент, подняли голову и, во время целого года немецкой проволочки в ответе, открыто совершали свои богомоленные сборища, будучи уверены, что немец их давным-давно уже оправдал и признал своими *баптистами*. Но суд-то всё-таки ещё будет, уже с немцем экспертом, с которым придётся считаться нашим миссионерам лицом к лицу. Что ж: «приходите и стяжимся». Из других замечательных судебных процессов по преступлениям штундистов – были процессы в Нижегородской, Псковской и Рязанской губерниях. О них поговорим после. *Мистическое* сектантство старое, в форме хлыстовства, продолжало своё подпольное, тайное движение, а *новейшее*, в форме успокоенной было Киевской *малеванщины*, – заявило себя открыто и крайне резко, особенно же с точки зрения социальной. Но об этом ожившем движении также поговорим подробно в следующий раз.

Э. Я.

Э. О. Раскол старообрядства в 1899 г. С. 137–145

Окружники – соборы их лже-архиереев; распоряжения Картушина; обзор лже-архиереями моленных; их начётчики; заботы о соединении с неокружниками. *Неокружники* и их отношения к окружникам. *Беглопоповцы*. *Безпоповцы* с их соборами и начётчиками.

В течение прошлого 1899 г. раскольники-старообрядцы переживали период какого-то сильного возбуждения, напряжённого развития своей деятельности к собственному укреплению. По преимуществу, такое напряжённое возбуждение испытывалось окружниками, руководимыми их лже-архиереем Иоанном Картушиным; от них оно передавалось неокружникам; ими же возжигалось и у беглопоповцев с беспоповцами, причём окружники являлись в роли миссионерствующих среди последних трёх разветвлений раскола в целях присоединения к окружническому толку, а эти – защищающимися, отражающими нападения.

Картушин, с первых же дней своего пребывания в Москве, в качестве верховного владыки окружников российских, неустанно стремится к закреплению своих пасомых в преданности их заветам «древней старожитности», к возбуждению и поддержанию какого-то среди них духа *противления обычаям и порядкам жизни обычной общественности, к реформированию самого строя раскольнического управления*. В этих целях им обращено особое, кажется, внимание на устройство соборов их раскольничьих архиереев. Эти и прежде проживали в большом количестве в Москве, но проживали больше в качестве или ожидающих удовлетворений разного рода от милостивцев мира сего для устройства собственных делишек, или же просто для отдыха. Теперь они проживаются уже для содействия и участия в самом управлении через присутствие на соборах. Соборы эти устроились с какой-то лихорадочной поспешностью: не успеет закончиться один, как созывался другой, намечался третий. Так, перед Великим постом был один собор, а в мае месяце, в первых числах, был другой, уже в Москве, собор из одних архиереев с делопроизводителем – диаконом Богатенковым. На нём присутствовали – престарелый Паисий Саратовский, недавно поставленный Иона Смоленский и пресловутый Арсений Уральский. Последний, по преимуществу, и руководил на нём. Собор этот имел своё продолжение в Н.-Новгороде, где, кроме поименованных, присутствовали ещё: Кирилл Нижегородский, Иосаф Казанский и Иринарх Ярославский. Осенью был ещё собор в Москве. Не

перечисляя всех постановлений этих соборов, вспомняем более важные из них. Решено было: 1) учредить в каждой раскольничьей епархии *раскольничьи братства*, имеющие своей задачей заботу об единении раскольников всех толков между собой, пропаганду раскола между православными и противодействие православным миссионерам. Осенью должен был быть выработан план организации братств и намечены по епархиям главные деятели их; 2) увеличить количество епархий через учреждение новых в Петербурге, на Дону, во Владимире, Калуге, Семипалатинске и в др. местах; 3) для пропаганды раскола завести книгонош, с возложением на них миссионерских обязанностей, назначить им жалованье и известный процент с выручки за проданные книги.

Постоянное пребывание в Москве нескольких раскольнических лже-архиереев повело к фактическому возникновению как бы постоянного раскольнического «Синода» в замену предназначенного к упразднению Духовного Совета. Вероятно, не без ведома их, по крайней мере, – некоторых из них, Картушин сделал много нашумевших в раскольническом мире распоряжений о неношении немецкого платья, о небритии бороды, о некурении табака, о неношении шляпок вместо платков и т. под. Он же учредил по местам должности благочинных и назначил на них известных ему лиц, которым дал и особливые инструкции, почти переписанные с наших инструкций благочинным⁵².

Не сидит он подолгу и в Москве: в тех же целях пропаганды своего раскола среди других толков и среди православных, Картушин предпринимает *путешествия* – «обзоры». Особенно любит он юг России: побывал он на родине, у себя на-Дону, заезжал и проживал в Екатеринославской губ., путешествовал в Бессарабию. Его примеру следуя, предпринимает обзоры и другие лже-архиереи. Антоний Сибирский ездил к Алтаю, Иона Смоленский забирался в Калужскую губ., Сильверст Новозыбковский обзирал Черниговский раскол. Разъезжая, они развозят утварь, книги, иконы; укрепляют пасомых в твёрдости расколу, строго запрещая ходить им на беседы к православным миссионерам; совершают торжественные богослужения и «поставления» в должности. Вот подробное описание одной поездки Ионы Смоленского к раскольникам с. Тихоновы Пустыни, Калужской губ., – живущим здесь хотя и в большом количестве, но уже сильно расшатанным в их преданности расколу частыми беседами миссионеров.

«Иона прибыл не один, а со свитой, состоящей из иподиакона, попа и попадьи из д. Глазова, Мосальского уезда. Прежде всего, Иона

подъехал к моленной, но она оказалась запертой, и не было при ней даже сторожа. Это невнимание раскольников сильно огорчило Иону. Он отправился тогда к квартире лже-попа; но тут его встретило более существенное невнимание. На встречу Ионы вышла попадья и объявила, что её Осип (поп) не так давно отправился на станцию, чтобы уехать в Москву! Иона не скрывал своего огорчения, но с досадой говорил: «ведь я его (попа) предупреждал о моём приезде. Как же он осмелился ослушаться своего духовного начальника?» Между тем, узнали о приезде своего владыки попечители и стали сходить в квартиру попа». Решено было послать в погоню за попом. «В ожидании попа попечители стали угощать своего владыку. За чаем Иона не мало поучал попечителей и собравшихся баб, и ребятишек. Всего более он убеждал держаться старинного благочестия и не слушать никонианских учителей. Скоро возвратился и поп. Сделав ему выговор, Иона отправился в моленную. Попечители отыскиали холсты и разостлали их по пути шествия Ионы до дверей моленной. В моленной Иона, по обычном начале, преподав всем благословение, стал упрекать попа Осипа за его нерадение о пастве. Между прочим, он сказал: «Я слышал, что между вами рыскают мысленные волки (т. е. миссионеры), которые расхищают стада овец Христовых, а ты, о. Иосиф, не радеешь, не отгоняешь этих волков мечом Св. Писания». «Я, владыко святой, учу народ, говорил поп, запрещаю ходить в никонианскую церковь, но многие меня не слушают; особенно молодёжь от рук отбилась». «Вот нужно диакона поставить, сказал Иона. С ним служба будет гораздо торжественнее». При сём, он указал на уставщика Г. А., К-ва, говоря: «я нахожу его достойным быть диаконом, Постарайся, Г. А., подготовиться, а я приеду к вам на праздник Успения, совершу архиерейское служение и поставлю вам диакона». (Кол. Еп. Вед. 1899 г. № 15).

Распростившись с попом и попечителями, Иона пошёл в другие раскольнические селения, чтобы обозреть тамошние моленные. Разъезды эти совершаются *открыто, свободно и торжественно*, а совершаемые ими служения привлекают множество посетителей. Так, служение в посаде Елионке Сильверста Новозыбковского по случаю смерти богача-купца (в 1897 г.) при участии до 10 попов – привлекло до 10.000 народу (Черн. Еп. Вед. 1899 г.). – Само собой понятно, какое громадное воздействие производят эти разъезды и служения раскольничьих архиереев на тёмных раскольников со стороны укрепления их в невежественном отстаивании мнимой старины, в упорной преданности их расколу и в грубости, дерзости и фанатической нетерпимости православия. Даже и в таких местах, как

посещённое Ионой, где раскольники достаточно уже разуверились в законности своих владык, – и здесь, надо полагать, посещения их не останутся без вреда и ослабления влияния православной миссии.

Вслед за архиереями и, несомненно, ими побуждённые принялись за миссионерские разъезды и *главные их начётчики*. Мельников, побывав в апреле в Петербурге, в августе разъезжает по Уралу, беседует в Екатеринбурге. Перетрухин разъезжает по Донской области, Екатеринбургской губ., проникает и в Бессарабию. Последний, в былые времена известный секретарь Духовного Совета, затем, за некие прегрешения оттуда изгнанный и водворённый в г. Николаевске, Самарской губ., теперь от Картушина возвеличен паче всех сынов раскольничьих. Он облечён высоким званием *всероссийского миссионера*, ему поручена особливая миссия – заботиться о приведении во едино неокружников с окружниками. В этих целях ему приказано всюду вести беседы с неокружниками и написать особое сочинение для изобличения их.

Карту шин, как известно, сильно занят мыслью о *соединении с неокружниками*. Поэтому, ещё в 1898 г. не без его влияния было затеяно дело о созвании собора за *границей*, с участием Белокриницкого лже-митрополита Афонасия и неокружнических архиереев. Но за болезнью Кирилла, главы неокружников, собор не состоялся. В истекшем году в этих же целях Картушин распорядился, к негодованию своих попов, не служить всенощных, а утрени, хотя бы только по внешности приблизиться к неокружникам. Особенно сильно работают окружники в делах соединения с неокружниками в Стародубских слободах. Новозыбковский поп Ефим, отец Мельников, постоянно разъезжает по всем неокружническим посадам, совершает свои богослужения, собирает массы старообрядцев разных толков на беседы и склоняет их к окружничеству. Такая энергичная деятельность не остаётся безрезультатной. Даже посад Добрянка, бывший до 1895 г. центром противокружнической партии, поколебался. Известный горячий противник окружного послания добрянский поп Григорий, называвший его прежде «еретическим нововведением, предательством великороссийской церкви», – и, благодаря этой пропаганде Мельникова, поколебался (Черн. Еп. Вед. № 8).

Неокружнические лже-архиереи не остаются безучастными зрителями уменьшения их стада. Но всё своё внимание и вражду они обращают, впрочем, главным образом на православных миссионеров. Так, лже-владыка Михаил обратился к своим лже-попам с требованием сообщить ему важнейшие причины, способствующие ослаблению раскола. Причин этих попы указали три: 1) оскудение

архипастырской (неокружников) проповеди, 2) разделы и розни в расколе и 3) посещение старообрядцами православного богослужения. «Наши христиане, говорил один поп, совсем перестали ходить в моленные; а какие праздники, какая служба! А моленная пуста!» «Всё то новые проповедники наделали: тянут их в церковь и некому поддержать их». Михаил: да как же книжки, которые были розданы нашим христианам – «Показания» и «Оправдания» – Швецова, Мельникова «Слово Правды» и «Нечто о единоверии» – разве не останавливают их»?.. (Там же № 9).

Но если этот неокружнический лже-архиерей и думает защититься писаниями окружников, то масса – простая, тёмная – сильно враждует против окружников. Так, в одном селении Вятской епархии, из ненависти к окружникам, неокружники нарисовали картину, на которой изображён ад с выходящим из него змеем и изрыгающим яд в уши папы Римского, по тысяче лет; папа из кувшина переливает в 1666 году в кувшин жены, олицетворяющей православную Церковь, чада которой за столом пользуются брадобритием и обливанием. В 1800 г. единоверцы просят того же яда в горшочек, и она отливает из кувшина, а за единоверцами протягивают к ним руку общения окружники. Всех их отвергает Господь. (Вят. Еп. Вед. № 6).

Свободно, без всяких стеснений, ведут себя и раскольнические попы, при всяком удобном случае выдавая себя за *православных старообрядческих священников*. В Вятской епархии были случаи, когда лже-попы в священническом облачении, во время Пасхи, ходили по деревням, не стесняясь православных, вступали с ними в разговоры, понося православную Церковь и называя само Евангелие «путанной», испорченной книгой. Оттуда же сообщают и такой случай. К одному лже-попу подошёл сборщик церковный и просил его благословения. Случившийся здесь учитель заметил сборщику, что это раскольничий, а не православный священник. Лже-поп обиделся и сказал: «Я такой же священник, как и православный; ничем не ниже его» (Вят. Еп. Вед. № 6).

О *беглопоповцах* мало было слышно в истекшем году. Они, кажется, успокоились, получив возможность безопасно пользоваться беглыми попами. Эти, действительно, изредка, то там, то здесь, появляются среди беглопоповцев. Об одном из таковых сообщалось следующее. В мае месяце Пензенские беглопоповцы выписали из Москвы беглого попа Максима. Норовчатский исправник, которому донесли о разъездах Максима по сёлам его уезда, было потребовал у о. Максима документу каковой у Максима оказался в исправности, и он не нашёл возможным задержать его. В Пензе его усиленно просили

побеседовать с приемлющими австрийское священство, которые настойчиво соблазняют беглопоповцев в свою секту; но Максим категорично отказался, сославшись между прочим, и на то, что говорить с австрийцами и беглопоповцами он не находит оснований. Беглопоповцы, сказал он, тоже, что и лютеране, а австрийцы имеют самодельное священство, недавно устроенное и, по безблагодатности, подобное лютеранским паствам. Отзыв этот, разумеется, скоро стал известен австрийцам, и эти выступили против Максима с обличением. Был пущен имя слух, что поп Максим не беглый священник. а секретно посланный Св. Синодом для совершения у беглопоповцев разных требоисправлений, что каждую требу он записывает в книгу, а потом передаст эти книги в Синод, где их рассмотрят, и всех, кто обращался к попу Максиму, будут считать церковными и заставят насильно ходить в церковь. С большей выгодой для себя австрийцы пустили другое обвинение против Максима, именно – что он венчает свадьбы под среду и пятницу, и даже накануне таких праздников, как Воскресенье, Троица, Вознесение Господне и др. Обвинение это произвело надлежащее впечатление. «Что он сделал с нами, греховодник! – говорят беглопоповцы. Деньги взял, а в дело не произвёл, как следует». Австрийцы, пользуясь волнением, тащат их к себе. «Мы вам брак скрепим, говорят они, присоединяйтесь лишь к нашему лику» ... (Пенз. Еп. Вед. 1890 г. № 20). В своей погоне за объединением всех раскольников около себя, окружники не оставляют в покое и беглопоповцев; они пользуются всяким случаем обличать их и проповедовать им правоту своего толка. Известия об этом идут со всех центров беглопоповщины – Стародубья, Калуги, Урала, Вятки и др.

Не была спокойной в истекшем году жизнь и *безпоповцев*. Среди них происходили частые разногласия по обрядовым вопросам. Старый вопрос о браке был предметом рассуждений и споров у Петербургских раскольников: безбрачники Волковой моленной никак не могли примириться с совершением брака в Литовской брачной моленной; но, и не имея возможности совершенно без семьи обойтись, они все усилия употребляли доказать противникам своим нормальность и законность практикующегося у них родительского благословения на совокупное житие молодца и молодницы. Не мало крови перепортили они в спорах об этом. В Полянском у., Вятской губ., неоднократно устраивались соборы у беспоповцев для решения вопроса о браке, по поводу неисполнения многими федосеевцами статей бракоборчества. Соборы к единомыслию не приводили, а разделяли беспоповщину ещё на новые секты, каковы: Евлакин, Кондратин, Петин, Ларионов,

Никоноров. (Вят. Еп. Вед. № 6). Большой собор беспоповцев был по весне в с. Чадаевке, Саратовской губ., куда собралось более 200 человек одних посторонних.

На нём рассуждали, как произносить молитву: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного», т. е., где и какие слова говорить при крестном знамении, какие – при положении крестов на лбу, животе, на правом и левом плече, чтобы всё было по уставу. («Пенз. Еп. Вед.» № 20). – По обычаю прежних лет не преминули беспоповцы собраться и в Нижнем на ярмарке. Главными представителями на соборе со стороны поморцев были: А. Надежин и один из представителей Петербургского поморского толка, а со стороны новоспасовцев – Анд. Аф. Коновалов и Ав. Он. Комиссаров. Всех же членов на соборе было более ста человек. Рассуждали о чиноприёме вступающих в их толки новых членов. На соборе было очень шумно и крикливо и времени потрачено много, но к желательному соглашению не пришли («Моск. Вед.» № 242).

Среди беспоповцев в последнее время выдвинулся саратовский *начётчик* Терентий Худошин. Он не ограничивается разъездами по окрестным губерниям для ведения бесед с православными миссионерами, но проникает и в Алтай, глубь Сибири. В прошлом году он был уже в горах разъезжает он или один, или с своим спутником и помощником, также саратовским беспоповцем, Артемием Черчимцевым («Том. Еп. Вед.» № 15 и 20). Ими выработано особое, своеобразное понятие о Церкви. Церковь это, говорят они, собрание одних верных, след., одних только мирян, без епископов; об этом будто бы ясно свидетельствуется в Деян.20:28;14:23 и в Посл. к Кор.12:28 ст.

Из беспоповщинских известных сект в истекшем кой губернии, обнаружено в конце июля кладбище странников. Местными властями вырыто около 20 трупов, которые были схоронены в гумнах за деревней. На некоторых из них найдены ясные следы насильственной смерти, а на одном – обгоревшие остатки одежды. Медицинским исследованием дознано, что трупы хоронились в течение нескольких лет... По существу, это дело аналогично с таким же, бывшим год или два назад на юге России («Россия» № 106).

Э. О.

В-в. А. Московский раскол. С. 145–152

Онисим Васильевич Швецов – лже-архиерей Нижегородский. Значение этого факта для раскольников. Собор раскольников лже-архиереев в Елесине. Увольнение Кирилла. Обсуждение чиноприёма беглопоповцев. Продолжающиеся чаяния австрийцев, относительно уловления в свои сети беглопоповцев. Приезд Бронницкой депутации за сборами на моленную. Петербург выручил. Недавнее собрание представителей раскола на Рогожском кладбище и неприятности по вопросу титулования Картушина. Совещание окружников и неокружников и изгнание из Москвы «раздорнического» лже-архиерея Кирилла. Увольнение в за штат Анастасия Измаильского.

В последней книжке «Миссионерского Обозрения» мы упоминали о поездке старообрядческого лже-архиепископа Московского, Иоанна Картушина, по различным губерниям для устройства церковных раскольников дел. Среди этих, «устроенных» дел – было оборудовано такое дельце, которое заслуживает, чтобы подробно и обстоятельно на нём остановиться, так как результаты его будут иметь весьма важное влияние не только на весь ход управления раскольников лже-иерархией, но и на само положение и развитие раскола в России, хотя факт, о котором мы говорим, а именно замена одного раскольников лже-архиерея другим – по-видимому, сам по себе и не должен бы представлять ничего экстраординарного. Что же такое произошло у раскольников?

А произошло ни более, ни менее, как увольнение за штат, за преклонностью лет, Нижегородского лже-архиерея Кирилла и назначение на его место известного раскольников апологета Онисима Васильевича Швецова, именуемого Арсением, епископом Уральским.

Чтобы вполне оценить по достоинству всю важность этой перемены в составе раскольников иерархии, нужно оглянуться несколько назад.

Два года тому назад, когда покойный лже-архиепископ раскольников Савватий был лишён своей кафедры, отчасти по преклонности лет, отчасти, за своё нежелание подписываться «архиепископом Московским», а может быть, отчасти – и вследствие происков кое-кого из заинтересованных в этом деле лиц – первым кандидатом на его место явился пресловутый Онисим Васильевич. Нет надобности распространяться о том влиянии и авторитете, какими пользуется среди старообрядцев – австрийцев этот расколо-учитель.

Стоя головой выше всех своих единомышленников и по умственному уровню, и по начитанности, и по ораторской эрудиции, правда хотя и очень сбивчивой и туманной, – Онисим Васильевич своими хитросплетёнными сочинениями, направленными к защите раскола, хотя по ним красной ниткой везде проходят протестантские идеи, – немало принёс вреда Церкви Православной, так как эти еретические измышления раскольничьего писателя – во множестве распространяются в тёмной и невежественной массе старообрядцев – людьми, видящими в распространении этих хитросплетений хорошее средство к обогащению своего кармана. Многочисленные полуграмотные читатели швецовских сочинений не могли, конечно, усмотреть в них еретического образа мыслей, а видели лишь восхваление старообрядчества и порицания, чтобы не сказать больше, Церкви Православной, принимая их целиком на веру. Витиеватое красноречие, которым отличаются швецовские измышления, окружали их автора ореолом какого-то величия, учёности и знания истины. Такому человеку легко было выставить свою кандидатуру на занятие кафедры раскольничьего лже-архиепископа в «сердце России», и лишь благодаря некоторым органам печати, раскрывшим наиболее благоразумным старообрядцам глаза на истинные мотивы, какими руководствовался Онисим Швецов, добиваясь лже-архиепископской кафедры в Москве – собор раскольничьих лже-архиереев нашёл неудобным предоставлять столь ответственный пост лицу, уличённому в ереси протестантской.

Неудача, однако, не разрушила окончательно честолюбивых замыслов Арсения, и он всё-таки сумел, косвенным образом, через нового раскольничьего избранника Иоанна Картушина, влиять на управление церковно-иерархическими делами московских раскольников. Нам уже приходилось говорить, что учреждение раскольничьих братств и книгонош, которыми так занят теперь Картушин, всецело принадлежит инициативе Арсения.

Влияние это на управителя раскольничьей лже-архиепископией московской простёрлось до того, что Картушин, как бы под влиянием гипноза, слепо проводил в жизнь все планы и измышления лже-епископа Уральского Арсения. Советовался он с ним во всём. Для этих советов то Арсений приезжал в Москву и подолгу здесь проживал, то Картушин к нему уезжал. В результате такого взаимного общения – оба лже-епископа додумались устроиться возможно ближе друг к другу, и Арсений сумел добиться кафедры, соседней с Московской раскольничьей епархии Нижегородской.

Такое перемещение было очень выгодно для Арсения и в видах честолюбия, и в видах улучшения его финансовых дел...

Постановление об увольнении за штат Кирилла, лже-епископа Нижегородского, по преклонности лет, и назначение на его место Арсения, именуемого епископом Уральским, состоялось на соборе раскольников лже-архиереев, происходившем ещё в сентябре месяце минувшего 1899 года в резиденции Нижегородского лже-епископа раскольников – в селе Елесине. В числе лже-архиереев, присутствовавших на соборе, находились: раскольниковый лже-архиерей Антоний, именуемый Тобольским (Сибирским), Иосаф – Казанский, Кирилл Нижегородский, а также известный хулиатель Церкви Православной, известный, не смотря на свои юные годы, защитник раскольникового лжеучения Феодор Мельников. Было решено, что Швецов будет жить постоянно в Нижнем-Новгороде, в доме раскольницы Сироткиной, на Нижнем Базаре, а в случае, если по каким-либо соображениям, и в особенности по соображениям местной полиции, это окажется неудобным, то Арсений (Швецов) переедет на постоянное жительство в город Ковров, Владимирской губернии.

Тот же самый собор старообрядческих лже-архиереев в селе Елесине занялся обсуждением вопроса о том, каким чином следует принимать в австрийское согласие беглопоповцев. До сих пор австрийцы принимали их только прочтением со стороны беглопоповцев молитвы «Прости мя, отче» ... По прочтении этой молитвы и получив от австрийского лже-попа разрешение и благословение, беглопоповец тотчас же допускался к общему с австрийцами молению. Некоторые из австрийцев настаивают, чтобы беглопоповцы были принимаемы в австрийщину или с проклятием беглопоповщины, или даже через миропомазание. Вопрос этот уже неоднократно подвергался обсуждению австрийских лже-архиереев, и до сих пор ещё не получил окончательного разрешения. На соборе, о котором у нас идёт речь, опять раздавались сильные голоса за то, чтобы принимать беглопоповцев через миропомазание, однако же в результате было решено оставить пока прежний порядок, в возможности перехода в австрийщину кое-кого из известных богачей беглопоповцев, причём были высказаны опасения, что последние, при переходе в австрийщину, не позволяют себя перемазывать, в виду чего и решено было пока по прежнему принимать приходящих от беглопоповцев только прочтением молитвы «Прости мя, отче»... Когда кто из беглопоповцев присутствует на богослужениях на Рогожском кладбище, тот предварительно читает перед лже-архиепископом вышеуказанную молитву «Прости мя, отче». Это у австрийцев

называется «попрощаться», и если беглопоповец не «попрощается», то не может быть допущен к совокупному с австрийцами молению.

Нам уже пришлось на страницах «Мисс. Обозр.» говорить о том, что истекшей осенью раскольниковый лже-архиепископ внезапно оставил Москву и выехал для обозрения других раскольниковых епархий. Едва он успел покинуть Белокаменную, как сюда прибыла депутация Бронницких (Бронницы уездн. гор. Московской губерний) старообрядцев. Поводом к прибытию этой депутации послужило следующее обстоятельство. Бронницкие старообрядцы отстроили у себя совершенно заново, хотя и на старом месте, роскошную моленную, но, увлечшись постройкой, не рассчитали средств, которыми располагали, так что, по возведении голых стен, у них не оставалось свободных денег ни на иконостас, ни на другую внутреннюю отделку. Вот, в надежде на великие и богатые милости и щедроты от московских раскольников-богачей, строители Бронницкой моленной и командировали избранных депутатов в Москву, в качестве «сборщиков доброхотных жертвований на построение храма Божия».

Однако, как сейчас увидим ниже, надежды «строителей моленной» успехом в Москве не увенчались.

Депутация немедленно по своём прибытии в Первопрестольную столицу явилась к известному богачу-раскольник — Латрыгину, имеющему в одной из Рогожских палестин собственную моленную и известному покровителю строителей подобных раскольниковых моленных. Дело шло вначале как по маслу. Рогожский благодетель наобещал содействовать депутации всеми мерами, указывал и на то и на другое лицо, которое будто бы не замедлит принести пожертвование на столь благое дело, но когда вопрос коснулся его собственного усердия и денежной помощи. — то, к великому удивлению Бронницких депутатов, их столичный земляк и благодетель начал проливать горькие жалобы на плохие дела вообще и в своей торговле в частности и, в конце концов, вместо того, чтобы открыть просителям свой бумажник — пообещал за себя склонить к пожертвованию богатого торговца шапками, раскольника Пуговкина, к которому немедленно и отправился. Сей последний оказался не менее уклончив от пожертвования, хотя и заявил, что охотно не отстанет от других и даст именно столько, сколько даст на это дело г. Латрыгин.

— Да я сам-то ничего не даю! — заметил покровитель Бронницкой депутации.

— А ничего, так и я ничего. Да и откуда, голубчик? Сам посуди: у нас своих расходов не оберёшься — и на просвещение, и на издания наши старообрядческие, и на миссионеров, да и уж не знаю на-что, —

так отвечал Пуговкин, ему последовали и другие московские раскольники.

Нечего делать, пришлось уехать Бронницкой депутации из Москвы ни с чем. Миссия их однако посещением Москвы не ограничилась, они приехали с той же целью и в Петербург. Петербургские раскольники оказались добрее московских, выручили своих Бронницких единомышленников, снабдив некоторой суммой денег, вполне достаточной для окончательной отделки Бронницкой моленной, которая в настоящее время уже и освящена.

Пример Бронницких старообрядцев нашёл себе последователей, и вскоре после них приезжали сперва в Москву, а потом приехали и в Петербург старообрядцы из гор. Боровска, задумавшие выстроить у себя обширную каменную моленную.

В ноябре месяце возвратился в Москву Иоанн Картушин и немедленно устроил заседание раскольничьих попов и владетельных купцов, которым и докладывал о результатах своей поездки.

Делать в городе собрание, после всякого рода неприятностей, о которых нам уже приходилось говорить, Картушин счёл неудобным и выбрал на этот раз местом собрания знаменитое гнездо российского раскола – Рогожское кладбище, где и облюбовал для этой цели квартиру кладбищенского попа Елисея.

На собрании из сообщения Картушина выяснилось, что он, вместе со своим секретарём, Алексеем Богатенковым, и раскольничьим миссионером, Климентом Перетрухиным (который как говорят, в виду важности возложенных на него занятий даже тружеником стал) – посетил *поволжские города: Самару, Саратов, Астрахань, побывал и у раскольничьего епископа Феодосия Закавказского* и в некоторых других местах. Одной из целей картушинской поездки было выяснение на местах вопроса об *учреждении повсеместных в России раскольничьих братств*, которые бы имели своей задачей противодействие всеми мерами успехам православия и пропаганду раскола. В некоторых городах Перетрухин, под лёгким руководством Картушина, вёл даже и беседы.

На описываемом собрании один из присутствовавших, Ф.С. Рахманов, затронул весьма щекотливый для раскольничьего архиерея в Москве вопрос о том, как ему следует подписываться.

Вопрос этот имеет свою целую историю. Было время, когда главари московского раскола, в лице своих лже-архиереев, имели дерзость везде и всюду расписываться *архиепископами московскими и всея России*. Как ни странно, но к покойному Савватию доходили даже по почте письма с адресом «архиепископу Московскому Савватию». Но

вот, незадолго до смерти Савватия, на это обстоятельство было обращено должное внимание и по предписанию гражданского начальства, раскольничьему лже-архиерею запрещено было именоваться «Московским и всея России». Савватий дал в том подписку, за что и подвергся каре от главарей раскола, окончившейся его изгнанием из Москвы и в результате ускорившей его кончину.

Со вступления на место раскольничьего лже-архиерея в Москве, Картушин подписывался: «Иоанн, архиепископ *Старообра*»; это последнее недописанное слово особенно не нравится главарям московского раскола; выразителем мнения по сему вопросу и явился на описываемом собрании Ф. С. Рахманов, требовавший от Картушина, чтобы он не писал этого нежелательного для них слова. Послушает или нет главарей раскола Картушин – покажет будущее, но, во всяком случае предъявление подобного требования Картушину очень неприятно.

Жалуется он и на другие неприятности и, между прочим, на своё новое помещение в Рогожском тупике. Между прочим, очень недоволен он тем обстоятельством, что почти от каждого посетителя ему приходится выслушивать просьбу, показать ту комнату, где некогда происходило «раздробление» трупов черкесов, которых раскольники выдавали за мощи, а разделение этих трупов на частицы для зашития в антиминсы для раскольничьих церквей и моленных, действительно, происходило в этом самом доме, где теперь проживает раскольничий лже-архиепископ. Досадует Картушин и на недостаток у него на подворье помещения для приезжающих в Москву раскольничьих духовных особ, так что им приходится бродить по всей Москве из конца в конец, изыскивая, по их же выражению, «где бы главу приклонить».

Недовольства эти и даже, чувствуемое Картушиным в последнее время, недомогание не мешают, однако, ему заниматься не только делами своей епархии, но заботиться и о других, изыскивая для них кандидатов в архиереи. Метит он в раскольничьи архиереи своего миссионера Климента Перетрухина, для этой же цели, как говорят, выписал из Румынии своего двоюродного брата Михаила Картушина.

Не менее заботит лже-архиепископа Московского вопрос о сближении «окружников» с «неокружниками», – который, вообще, за последнее время составляет злобу дня раскольничьих интересов.

Несколько времени тому назад для этой цели в Бронницком уезде происходило даже особое совещание представителей той и другой партии, на котором со стороны окружников присутствовал пресловутый Онисим Васильевич Швецов, он же Арсений, именуемый епископ

Уральский, а со стороны неокружников – Козьма Ипполитов, он же Кирилл Одесский. На совещании говорили с обеих сторон много и долго, и вопрос, казалось близок был к концу, чтоб разрешиться общим сближением обеих партий, но вот на днях произошёл инцидент, снова, кажется, отодвинувший в долгий ящик вопрос о примирении окружников с неокружниками.

Дело обстояло так.

По окончании совещания, Кирилл Одесский прибыл в Москву, где и остановился в доме Терихова, по Девкину переулку. Живёт он день, живёт два, наконец неделю и более, и вот по Москве начали ходить слухи, что он порешил окончательно поселиться в Москве.

Заволновались окружники. Как допустить опять в Москву «раздорнического» архиерея? Не бывать этому! Более всех, по обыкновению, кипятился г. Рахманов, и по его настоянию на Рогожском кладбище у попа Елисея состоялось экстренное заседание раскольников, на котором присутствовал Картушин. несколько попов, попечители Рогожского кладбища, гг. Рахманов, Шibaев и кладбищенский старшина И. А. Пуговкин.

Посудили, порядили и решили во что бы то ни стало выжить Кирилла из Москвы. Избрали особую депутацию, которая должна была отправиться на квартиру к Кириллу и сперва попросить его выехать из Москвы «честью», а в случае «заартачиться», так настращать даже донести на него полиции, ссылаясь на то, что Кирилл, как непризнанный раскольниковый архиерей, в столице проживать не имеет права.

Фортель удался. Кирилл, испугавшись угроз и памятуя историю лже-архиерея Иова, которого окружники выжили несколько лет тому назад, покинул первопрестольную столицу, но уезжая, затаил злобу против своих притеснителей и уж конечно не скоро пойдёт с ними на мировую.

Так печально закончился вопрос о сближении окружников с неокружниками.

Обстоятельство это невольно наводит на мысль о том, какую силу забрали в Москве «окружники», которые считают себя чуть не полными хозяевами в управлении раскольниковыми делами не только в других епархиях, но даже и в других толках, ибо их слушаются даже лже-архиереи неокружников!

Во время осенних своих разъездов, Картушин посетил Бессарабию, произвёл ревизию епархиальных дел у Анастасия, лже-архиепископа Измаильского, и нашёл непорядок, особенно в экономической стороне, и вынудил Анастасия удалиться на покой в

один из раскольничьих монастырей. Оказывается, что сила и влияния на всю Россию раскольничьего владыки московского, действительны. Анастасий был один из более благоразумных, совестливых, терпимых в отношении православия вождей раскола. Он обличал Силуана относительно подложности мощей из черкесских трупов. Недавно разрешил лже-попу с. Плосского, Тираспольского уезд., открыть в своём доме церковно-приходскую школу. Он был против швецовской пропаганды ненавистничества к господствующей Церкви. Бог за эти-то грехи против забравших теперь в свои руки кормило правления расколом его и уволили.

Алексей В-в

**Дородницын А. Из жизни инославия и из мира
заграничного сектантства // Миссионерское обозрение.
1900 г. № 1–6. С. 153–160**

Будущее западных христианских исповеданий. Религия и общественная жизнь в XX столетии. Успехи благотворительности Армии Спасения.

Будущее западных христианских вероисповеданий. С. 153–156

Под таким названием священник англиканской Церкви, Генрих Персиваль (Henry Percival) напечатал в журнале «The Ninetieth Century» в конце 1899 г. статью, весьма интересную по тем выводам, к которым он в ней приходит. Обозревая современное состояние западных вероисповеданий: католицизма, протестантизма, англиканства и др., он приходит к заключению, что они в настоящее время переживают кризис. Над западным религиозным миром, (включая, впрочем, сюда и Америку), по его словам, носится дух недовольства старыми религиозными формами и соединённого с ним религиозного разочарования. По мнению о. Персиваля, современное состояние христианства на Западе может быть представлено в следующих трёх положениях. 1) Форма христианства, созданная Римом и называемая просто «папством», среди цивилизованных народов дальше прогрессировать не может; 2) протестантизм, как доктрина, всё более и более разрушается и 3) у всех протестантских народов, что особенно достойно внимания, при всём несочувствии их к католицизму, существует ясное, положительное стремление к ритуализму древней Церкви. Что касается первого из приведённых положений, то несомненность его доказывается многими красноречивыми фактами. Так, в Англии католицизм заметно падает, чтобы там католики не говорили: число отпадений от католицизма здесь увеличивается с каждым годом. Доказательством сего служит статистика браков, заключённых в Англии по католическому обряду. «Church Times» (Лондон) даёт следующие цифры этих браков, извлечённые из общего регистра браков в государстве: в 1853 г. было заключено браков по католическому обряду 51 на тысячу, в 1857 г. – их было 46 на тысячу, в 1897 г. число их упало до 44 на тысячу, а в 1897 г. – 41 на тысячу. Это печальное положение католицизма в Англии сознают и сами католики, и один из просвещённых католиков имел мужество недавно высказать это в печати. – Будучи далёким от того, чтобы прогрессировать, говорит католический писатель Ричард Богот (R. Pagot), Римский католицизм в Англии не в состоянии никакими средствами сохранить за собой то положение, которое он занимал пятьдесят лет тому назад (См. Nuova Antologia). То, что справедливо относительно Англии, остаётся таким же и относительно всякой другой цивилизованной страны в мире. В Соединённых Штатах, например, дело обстоит далеко не лучше. Прелаты откровенно сознаются, что

они не в силах удержать часто «хромающих на обе плесне» католиков, после того как они приходят в соприкосновение с Американскими учреждениями и в особенности, с так называемой, системой «общественной школы», которая подрывает во мнении детей основные начала морали и религии. Во время закладки в Филадельфии нового храма для католиков-итальянцев, проповедник откровенно сознался, что поразительное большинство детей итальянцев не получило никакого религиозного воспитания. Правда, что католические миссионеры имели значительное число обращений в Голландии и Швеции, но эти обращения куплены дорогой ценой отпадения целых семейств, даже целых деревень, в Австрии и Эльзас Лотарингии. Но самое печальное зрелище представляют католики французские, бельгийские и испанские. Большинство из них не только не исповедуют католическую веру, но положительно враждебны христианству в какой бы то ни было форме. Не лучше положение вещей и в Италии. Но к чести католической иерархии и, главным образом, католических миссионеров должно сказать, что никогда они не проявляли столько мужества, энергии и воодушевления, как в настоящее время, пытаюсь возвратиться на путь истины свою паству. Католичество в числе своих верующих может указать много лиц, глубоко ему преданных, исполненных благочестия, любви, что трудно было найти в нём столетие тому назад, но в то же время – нет сомнения, что общее число католиков, по отношению к количеству народонаселения, стало значительно меньше, чем оно было век тому назад. Не лучше дело обстоит и в протестантстве. Где найдутся теперь, спрашивает о. Персиваль, такие люди, которые верили бы так же, как верил Лютер, в оправдание одной верой в крестные заслуги Иисуса Христа? Эта доктрина уже давно потеряла своё прежнее значение. Кто теперь из последователей Лютера согласится с своим учителем, что можно грешить сколько кому угодно, потому что, «когда умножился грех, стала преизобиловать благодать» (Рим.5:20). Кто верит в настоящее время в учение Кальвина о предопределении? А также от пуританства, этой могущественной силы, ниспровергнувшей в одно время алтари и престолы и основавшей религиозную тиранию в Новой Англии, что осталось в настоящее время, кроме бледного, безжизненного призрака, умирающего субботничества? О. Персиваль находит, что даже старинный ортодоксальный протестантизм в Америке находится в упадке и, несмотря на существование в Пенсильвании строгого закона Вилиама Пэнна против хулителей Св. Писания, многие протестантские проповедники не находят более интересного материала для своих проповедей с церковных кафедр, как доказывать,

что Св. Писание есть такое же произведение человеческой мысли, как и многое другое, со всеми его недостатками и заблуждениями. Не будет преувеличением сказать, что протестантизм быстро дискредитируется во мнении протестантов и давно уже перестал быть нравственно воспитательной силой. По мнению о. Персиваля, он и не мог быть такой силой, так как он исполнен самопротиворечия. Протестантизм проповедует право частного суждения. Но разве Лютер не угрожал адом Кальвину за то, что этот не сходил с ним во взгляде на Евхаристию? Разве Кальвин не сжёг Сервета за то, что этот не согласился с его учением о воплощении? Вестминстерское Исповедание, Аусбургское Исповедание, «Book Concorda (Книга согласия)» в настоящее время совершенно забыты протестантами. Один Американский епископ, епархия которого находится в степях Новой Англии, недавно писал в одной церковной газете («Churchman» 17-го июня 1899 г.), что духовенство его епархии тяготится прочитывать даже молитвы, положенные по уставу на церковных службах. Профессор Адольф Гарнак, небезызвестный представителям русской богословской науки, сделал подобное же заявление, что протестантские пасторы давно уже перестали верить в апостольскую веру. Очевидно, что протестантизм, как система положительной религиозной веры, разрушается и, если он ещё и держится, то благодаря тонким, казуистическим уловкам его учёных пасторов и профессоров. Подобное положение вещей продолжаться не может, необходимым результатом «прогресса» в этом направлении, поскольку протестантизм рассматривается как вера, будет полное неверие, а, поскольку он рассматривается как организация, – разложение и упадок. Но нет худа без добра, и те грустные чувства, которые могут явиться у читателя под влиянием предыдущих строк, найдут для себя успокоение в том отрадном будущем, на встречу которому идёт протестантизм. В протестантском мире в настоящее время идёт сильное обратное движение к восстановлению церковного благослужения времён Апостолов и вселенских соборов, вместо безжизненного и бедного ритуализмом реформированного благослужения. Тот, кто знал пятьдесят лет тому назад богослужение англиканской Церкви в Англии и Америке, в настоящее время не может не заметить больших перемен в нём. Когда мы видим, что пресвитерианские церкви украшаются мозаичными и стеклянными изображениями, мы с трудом верим, что духовные предки этих самых пресвитериан, во время великой революции, ломали окна с разноцветными стёклами, как памятники суеверия, и разбивали священные изображения, которые сохраняла благочестивая ревность в

тайниках семейного очага. Это движение не ограничивается одними протестантами, говорящими по-английски: оно замечается у протестантов Германии и Скандинавии. В последние годы «устав богослужения» заметно изменился, в ритуалистическом направлении, в Норвегии и Швеции. Это движение переплыло Атлантический океан, и здесь лютеранские храмы, которые двадцать лет тому назад трудно было различить от храмов методистов и пресвитериан, начали вводить алтари, солеи, запрестольные образа (retable), кресты сосуды для цветов, а иногда распятие и восковые свечи. В Америке диссиденты часто печатают объявления о церковных службах с пением, а в Рождество и Пасху свои храмы украшают цветами, пальмами и множеством крестов. Но это течение не есть только следствие увлечения ритуализмом: оно является скорее результатом доктрины, начинающей складываться у передовых протестантов, доктрины, основная мысль которой та, что реформацией многое из учения и обрядов вселенской Церкви опущено, многое несправедливо отвергнуто. Профессор Гарнак имел в виду это именно, когда писал *протестантизм становится католическим...* Непротестантская идея Церкви, как учреждения, облечённого властью вязать и разрешать совесть людей, более и более прививается к сознанию протестантов, и это движение, если оно будет продолжаться, окончится полным падением протестантизма. Мы члены православной Церкви, которая сохранила веру и священные обряды в их первоначальной чистоте и неповреждённости, можем только радоваться тому повороту назад ко временам единой вселенской Церкви, который наблюдается в настоящее время в протестантизме. Это течение идёт навстречу Православию, пребывшему в течение двух тысяч лет непоколебимо верным учению Христа и священным заветам Апостолов и Отцов Церкви. Протестанты, чувствуя религиозную неудовлетворённость, начинают обращать свои взоры к тому времени, когда Церковь была едина, когда она представляла силу, непреодолимую для врагов, и спрашивают себя, нельзя ли им возвратиться под знамя этой Церкви, чуждой заблуждений Рима, Женева, Трента и Виттенберга. Наши братские объятия распростёрты для них...

Религия и общественная жизнь в двадцатом столетии. С. 156–158

В газете «Light» от 9 сентября появилось несколько весьма интересных мыслей о форме, которую примет религия и общественная жизнь в будущем столетии.

Девятнадцатое столетие, говорит доктор Альфред Р. Уоллес (Wallace), было, несомненно, важным в истории человечества; но я глубоко убеждён, что в продолжение будущего столетия религиозный, социальный и физический прогресс, или эволюция, на нашей планете проявится ещё более глубоко.

1) Я нисколько не сомневаюсь, что спиритуализм, находящийся в настоящее время в таком хаотическом состоянии, примет строго научное положение, и что существование двойственности в человеческой природе и его духовного «Я» сделается так легко доказуемым, как то, что вода есть состав из двух – независимых друг от друга – газов: кислорода и водорода.

2) Я верю далее, что существование Бога, Которым мы живём, движемся и существуем (Деян.17:28), будет, таким образом, признано, как научный факт.

3) В двадцатом столетии наступит универсальная вера, почтительное благоговение пред Богом, и проникнутые любовью отношения человека ко всем творениям Божиим будут рассматриваться, как сущность религии и морали, и это сделает невозможным всякие не толерантные богословские прения.

4) Электричество, которое наполняет всё пространство, благодаря уму человеческому, легко и безвозвратно захватит всё, и оно не только заменит пар, но станет единственной великой двигательной силой, какая только есть в бесконечном пространстве; оно, далее, устранил на войне порох; а замена эта будет настолько разрушительна, что война сделается невозможной; и это обстоятельство вызовет образование Третьего Суда, который будут составлять наиболее умные и просвещённые люди всех великих наций.

5) Жестокое применение грубой силы и несправедливые действия, которые в продолжение последних пятидесяти лет, к чести человечества, постепенно изменились в лучшие, с течением времени уступят место могуществу человеческой любви, как в отношениях людей между собой, так и по отношению к животным.

6) Мы всё более и более научимся благоразумию, умеренности и простоте в пище, в удовлетворении всех других потребностей нашей

чувственно-физической природы и в одежде; сумасбродные моды более не будут унижать человеческое достоинство; здоровье, удобство и красота сделаются в обществе законом для одежды.

7) В Лондоне и в других больших городах, главным образом – в промышленных, уничтожение этой вредной мерзости, курения табака, будет рассматриваться, как экономическое зло, которое необходимо будет запретить.

8) Брак перестанет быть результатом корыстолюбивой страсти к деньгам или физической красоте, а будет оцениваться с точки зрения наибольшей доброты, красоты и физической крепости рода.

9) Наконец, законы будут написаны так просто, что всякий, имеющий в них надобность, будет сам их читать и легко поймёт. Вследствие чего, правосудие сделается доступным, быстрым и дешёвым, так что адвокаты окажутся не нужными, и имущества многих из граждан останутся не разорёнными.

Успехи благотворительной деятельности «Армии Спасения». С. 158–160

Генерал Бут (Booth), который недавно с вершил поездку в Западную Австралию и который представляет из себя высшего начальника «Армии Спасения» Южного полушария, имел довольно продолжительную беседу с представителем названной газеты. – Первая ли эта ваша поездка в страну золота, генерал? – спросил его интервьюер. Нет, я имел удовольствие посетить её около двух лет тому назад. Пребывание моё было, хотя и кратковременно, но в высшей степени интересно. Я уехал отсюда с полной уверенностью в великой будущности, предстоящей Калгурли (золотой прииск), и мои ожидания так полно и широко оправдались на деле. – Следовательно, вы были благоприятного мнения о наших золотых приисках? – Каким бы образом я мог иметь иное мнение? Я ничего подобного им не видал во всех своих путешествиях по свету. Я печалюсь лишь об одном, что «Армия Спасения» не обладает большим состоянием, чтобы овладеть золотым прииском «The Great Boulder». Какую могучую силу могли бы мы создать для бедного класса и сколько друзей единомышленников мы имели бы в каждом народе, если бы мы могли обладать и разрабатывать какой-нибудь, подобный этому, золотой рудник, во славу Бога и для спасения бедных. Почему бы, действительно, всемогущему Богу не даровать нам такую золотую россыпь для Его же богоугодного дела? Мы говорим, что все они принадлежат Ему, но я сомневаюсь, что даже малый процент из них возвращается, так сказать, назад – в Его сокровищницу. – Но Армия, по-видимому, также сделала хорошие успехи по части золотых приисков. Вы, конечно, обладаете большим талантом для достижения денежных средств – заметил интервьюер. – Конечно, мы сделали прекрасные успехи в этом отношении. Но, если вы сравните неимоверные затраты и общую сумму, потраченную нами на дело при организации его, то наши успехи сравнительно, к сожалению, очень незначительны. Я мог бы сказать, что нашими успехами мы гораздо более обязаны нашей практической способности – придерживаясь поговорки «тише едешь, дальше будешь» – чем нашим разным промышленным предприятиям. Для примера скажу, что мы увеличили сумму затрат в продолжение последних двух лет на местные благотворительные дела. Я думаю, что сумма эта превышает 20000 фунтов стерлингов. Но надо заметить, что эти 20000 фунтов стерлингов подвинули вперёд наше предприятие. Мы открыли новые дома для матерей (maternity homes) в Тоунвилле,

Чартерс, Товерсе, Брисбане, Сиднее, Багурсте, Ньюкастле, Брунсвике, Мельбурне, Аделаиде, Норвуде, Брокеле, Гилле, Перте, Дюнеделе, Христчарче, Веллингтоне и Окленде. Мы открыли и пустили в действие убежища для бедных мужчин и женщин и продовольственные пункты в Сиднее, и 550 человек бедного люда проводят под нашим кровом каждую ночь в Мельбурне, в Восточном Мельбурне, в Балларите и Аделаиде. Мы открыли новые, так называемые «Prison Gate Brigade», дома в Аделаиде, Сиднее, Христчарче и Брисбане. Мы пустили также в действие новые дома для девочек и мальчиков в Мельбурне, Риддл-Грике, Ферн-Три-Гуллу, Пакснгейме, Кобурге, Ричмонде и Брисбане. Мы устроили прекрасно и на коммерческих началах фермы колонии в Бейсвашере в Виктории, в Ричмонде, в Квинсленде и в Мэнли в Новом Южном Валлисе. Мы устроили, так называемые, убежища для сестёр (Slum sisters) и «Sign of Mercy Brigade» во всех главных городских поселениях, не говоря уже о других предприятиях, потребовавших больших затрат и страшных забот.

– Я убеждаюсь, генерал, что после всего этого Армия имеет полное право рассчитывать на постороннюю помощь, сказал корреспондент. – Я полагаю, что такая уважительная причина существования созданных учреждений привела бы всякого рассудительного человека к заключению, что «Армия Спасения» есть величайшее благо для страны и содействует разрешению мучительных проблем, составляющих предмет заботы всех правительств. – Но как вы этого достигли? Ведь, это составляет предмет большого удивления для людей, непричастных к делу? – Секрет таится в благочестии и христианстве, ответил генерал. Если бы всё не зависело от духа самопожертвования, который руководит обществом наших офицеров, мы имели бы вдвое многочисленную армию, но зато не могли бы вести так хорошо своё дело. – Не случается ли вам, генерал, разочаровываться на счёт нищей братии? И не охладевает ли, под влиянием этих разочарований, ваша любовь к делу, спросил Бутса интервьюер? – Конечно, и нам на долю выпадают нравственные страдания, и, конечно, разочарования охлаждают к делу некоторых из нас, но мы тем более должны приободрять и поддерживать таких. Мы ведём своё дело совершенно согласно с тем же принципом, с которым вы ведёте свои золотопромышленные дела. Не весь сырой материал, извлекаемый нами из социальных шахт, представляет собой чистое золото. И, после того как он проходит через наши *толчеи* и *пробные машины*, мы находим довольно много брака – известную пропорцию, которая снова уходит в низшие слои, но процент спасённого и приведённого нами к человеческой и счастливой жизни вознаграждает

нас за все наши заботы. Я уверен, что 75% бедных, покинутых девушек, помещённых нами в наши приюты, возвращаются к добродетельной жизни. – А что вы думаете на счёт вашего проекта земельной колонии у «Coltie River», о которой так много говорят в последнее время? – Я глубоко заинтересован этим проектом. Я отправлюсь посмотреть землю на будущей неделе и намереваюсь основать там первое наше учреждение. – Но вам нужно испросить некоторые концессии у правительства, не делали ли вы этого? – Мы ни о чём не просили. Мы взяли свою землю, как всякое другое гражданское учреждение, в виде участка в 1000 акров. Мы уплатили наши пошлины и намереваемся в таком виде продолжать это дело. Всё, чего мы просим у правительства, это, чтобы оно провело билль о даровании нам возможности перевести эти земли на имя генерала «Армии Спасения» на время, по доверенности от Армии, и позволило бы нам, таким образом, сосредоточить все наши предприятия на одном участке земли, вместо многих, разбросанных в разных местах. «Армия» решила потратить за ближайшие несколько лет 10000 фунтов стерлингов на землю, исключая расходов по её огораживанию, что будет нам, кроме того, стоить 1000 фунтов стерлингов. Это, конечно, хорошая гарантия, что мы искренни в нашем деле. Если мы сможем достигнуть некоторых уступок, о которых мы просили, то я готов пуститься в путь на *всех парусах* и надеюсь истратить на это дело по меньшей мере 8000 фунтов стерлингов в продолжение будущего года. Таково моё убеждение относительно этого проекта. – А как вы думаете осуществить его? – Моя идея назначить эту промышленную колонию для первоначальной нашей благотворительной деятельности в самой Западной Австралии. Я намереваюсь построить дома для мальчиков и девочек, которые будут переданы нам государством. Там они будут обучаться различным способам обработки земли и домашнему хозяйству. Я надеюсь, таким образом, устроить «a prison gate» – дом и рабочую колонию с разными ремёслами и обучением. Я надеюсь, что впоследствии я буду в состоянии устроить известное число промышленных и земледельческих учреждений на этой земле, которые создадут доверие Колонии и Армии Спасения. – Разговор на этом прервался, так как генерал должен был с поездом уехать в Перт, где он предполагал собрать большие митинги.

А.Я. Дородницын

**Библиография // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6.
С. 161–166**

Чельцов М. [Рец. на:]: Полянский И. Свящ-Церковные беседы миссионера. Москва. 1899 í. стр. 148. ц. 35 к. с пер. С. 161–166

Имя о. И. В. Полянского хорошо известно в противораскольнической миссии и литературе. В последней он стяжал себе почётное место своими (Записками миссионера), вышедшими в 4-х выпусках. В истекшем году он издал свои «Церковные беседы». Прежде они печатались в «Брат. Слов.» за 1896–1899 гг. – Как показывает само заглавие, беседы о. Полянского суть слова, произнесённые им в Церкви, с церковного амвона. А как направленные исключительно против беспоповцев, они имеют своим содержанием изложение положительного православного учения и указание неправильностей в учении беспоповцев о таинствах церковных в порядке расположения их в Большом Катехизисе. Преимущественное, впрочем, внимание автор уделил рассмотрению и разбору неправильных толкований о таинствах со стороны беспоповцев. И, кажется, ни одного из этих толкований он не оставил неразобраным, некоторые же разобрались им не в одной, а в двух беседах, – с одной и той же или с разных сторон. Вот, напр., заглавия его бесед о таинстве причащения: 1) Кому подобны говорящие, что можно спастись без причащения? 2) Можно ли чем-нибудь заменить причащение святых тайн? 3) Справедливо ли беспоповцы ссылаются на святых в доказательство, что будто бы можно спастись без причащения св. тайн? 4) Неизбежные выводы из беспоповщинского учения о возможности спастись без причастия св. тайн? 5) Благодать Божия в таинстве причащения. 6) Как недостойные осмеливаемся причащаться св. тайн? 7) О достойном и недостойном причащении святых тайн...

Также подробно рассматриваются толкования беспоповцев и о других таинствах. – Беседы эти хоть произнесены были в Церкви, но с одинаковой пользой могут быть прочитываемы и на вне-богослужебных беседах и не только в раскольнических приходах, но и там, где прихожане вообще не отличаются исправностью в удовлетворении ими церковных их нужд. Вполне можно, даже и должно, давать читать эти беседы и на дом, и не только взрослым, но и детям школьникам.

Изложение дышит искренностью и задушевностью и отличается простотой, лёгкостью и удобопонятностью. Со стороны читателя и слушателя не потребуется напряжения внимания для понимания бесед.

В виду этих достоинств бесед о. Полянского – мы настоятельно рекомендуем их в церковные библиотеки непременно во все приходы с беспоповщинским расколом; весьма полезны они для чтения и в чисто православных селениях. – Цена книжки очень невелика. Выписывать её можно от автора – из г. Тирасполя, Херсонской губ.

М. Чельцов

**М. Ч. [Рец. на:]: Шашин А. Е. Беседы с гр. Токоревым в
апреле 1897 г. Ставрополь 1898 г. 96 стр. С. 162**

Слепец Шашин известен как миссионер против раскола, без зрения изучивший полно и целостно обличение раскола во всех его сектах. Теперь он издал свои беседы, ведённые им с беспоповщинским начётчиком в сёлах Ставропольской епархии. Бесед этих – семь: три о Церкви, две о поливательном крещении, одна о православии греко-российской Церкви и одна о перстосложении для крестного знамения.

В беседах о Церкви и о перстосложении г. Шашин, конечно, нового ничего сказать не мог: вопрос этот достаточно разъяснён ранее его, и беспоповцы пока ещё ничего нового возразить не придумали. Более интересна его беседа (четвёртая по счету) об обливательном крещении. Этот вопрос мало служит предметом собеседований, и редко останавливаются на нём как миссионеры, так и раскольники. Шашин подробно остановился на этом вопросе и рассматривает его полно. По этой беседе и вся его брошюра приобретает значение, ибо удовлетворительных бесед о поливательном крещении, кроме беседы о. Павла, мы не знаем. Поэтому, нуждающемуся в этой беседе рекомендуем книгу Шашина.

Изложение мыслей в книге толковое и понятное, только растянутое.

М. Ч.

Булгаков Н. [Рец. на:]: Ответ на пашковские вопросы священника Философа Орнатского. СПб. 1893 г., in 8°, стр. 1–24. С. 162–164

Книжечка с упомянутым заглавием обязана своим появлением в свет тому обстоятельству, что однажды кто-то из рабочих дал одному из столичных священников вопросы, характеризующие секту пашковцев с отрицательной стороны. Со-вопросник, уподобляясь «лукавым и прелюбодейным» иудеям, стоявшим у Креста Спасителя (Мф.27:41–42), давал обещание обратиться в «ваше православие» в том случае, если он получит удовлетворительный ответ «буквою из Св. Писания» на следующие вопросы. Где велено христианам: 1) рукою молиться и совершать крестное знамение; 2) священникам рукою благословлять народ; 3) мощи святых почитать и поклоняться им; 4) святых и Богородицу почитать и на помощь призывать; 5) мощи резать и по частям делить их составы; 6) священникам длинные волосы носить и с широкими рукавами рясы; 7) при крещении иметь восприемников, а также делать отрицание (?) и плевать назад и 8) иметь образа в доме. Эти вопросы не представляют собой чего-либо нового или оригинального в сектантствующем лагере: пишущему эти строки приходилось слышать их давным-давно от закавказских духоборцев и молокан, которые, как известно, относительно отрицательной стороны сектантского вероучения, целым столетием опередили своих петербургских единомышленников. Серьёзно прося ответить на эти вопросы «буквою Св. Писания», столичные сектанты прямо являются, по Апостолу *безводными облаками, носимыми ветром, осенними деревьями, бесплодными, дважды умершими, исторгнутыми...* (Иуд.1:12). Да и в самом деле, какой же *духовный плод* может быть от людей, религиозная мысль которых (если только в данном случае уместно говорить о *мысли*) смущается от того, что священники носят длинные волосы, рясы с широкими рукавами и т. п. Поистине, задающие такие вопросы «поцеживают комара, а верблюда поглощают».

В своём труде о. Орнатский не задаётся целью подробно ответить на предложенные со стороны штундо-пашковцев вопросы; за более подробным ответом на эти и иные вопросы он отсылает желающих к другим сочинениям, написанным в обличение нашего рационалистического сектантства (стр. 12 и 23). В виду этого обстоятельства почтенному автору следовало бы – при доказательстве своих положений Словом Божиим – приводить только наиболее существенные библейские тексты, чего мы однако в его книжке не

видим: так, говоря, напр., в защиту православного учения о почитании и молитвенном призывании святых Божиих человеков (ст. 8–10), он опускает Сир.44:14, – Евр.3:7, – Иов.5:1, – 2Пет.1:13–15, – Дан.3:35–36; утверждая, что погребение пророка .Моисея совершили ангелы Божии, о. Орнатский не приводит для этого утверждения никаких оснований из Св. Писания (стр. 10); между тем, в данном случае можно было бы с большим успехом воспользоваться девятым стихом соборного послания апостола Иуды; в защиту законности ссылок на Ветхий Завет рассуждения об иконопочитании весьма полезно было бы добавить и следующие места из Евангелия от Матфея: (Иф.5:17,19:17; указать на Ин.5:46–47; 2Пет.1:19,3:2; Рим.15:3–4,3:1–2; 1Кор.10:10; 2Тим.3:16–17, последними текстами Слова Божия пишущий и говорящий в обличение заблуждающихся всегда в достаточной степени может оправдать себя даже в пользовании неканоническими книгами Библии.

За всем тем, книжка о. Орнатского представляет из себя прекрасный образец того, как с *кротостью и благоговением давать ответ людям, требующим от нас отчёта в нашем уповании* (1Пет.3:15). Почтенный автор везде говорит с сердечной теплотой и смирением (см., напр., ст. 4 и 23) и в то же время его превосходная литературная речь дышит величавым достоинством, вполне приличествующим пастырю Церкви Христовой. Книжки, подобные «Ответу» ... о. Орнатского, для распространения среди простого грамотного народа, входящего в столкновение с сектантством, весьма полезны. Цена книжки не обозначена; но нам известно, что она продаётся по 5 коп. в складах «Общества религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви».

Н. Булгаков

А. В. [Рец. на:]: Духовное зеркало для познания сует мирских и необходимости их презрения. В 3-х частях (и двух книжках). 136 и 88+58 стр. Изд. Афонского Русск. Ильинского скита. Москва. 1899 г. Ц. 35+40 коп. С пересылк. 40+50 к. С. 164–165

Рассматриваемые нами книжки издания Афонского русского скита представляют собой, как обозначено в полном заглавии их, «сборник душеполезных поучений и благоговейных размышлений, заимствованных из древних аскетических сочинений и частью составленных по их руководству». Уже одного такого обозначения достаточно для того, чтобы составить о них представление и определить их значение. Ревнующий о спасении души своей найдёт в них много назиданий – как проводить жизнь свою земную, чтобы быть достойным имени христианина, – найдёт и утешение в разных невзгодах и неприятностях житейских. «Духовное зеркало» трактует с одной стороны о суете мирской жизни, об изменчивости житейских наслаждений и благ земных, а с другой – о благе мира с Богом в совести и о пути богоугодной жизни: – в смирении, самоотвержении и служении ближним. Эти общие мысли раскрываются в решении многих частных вопросов, всегда интересующих человека, задумывающегося над своей и окружающей его чужой жизнью. – Книжки проникнуты глубоким христианским чувством.

Помимо того значения, какое могут иметь рассматриваемые сборники для ревнителей своего спасения, они являются и немаловажным подспорьем для пастырей Церкви, предлагая поучительный материал для назидания пасомых – сгруппированный и подобранный по частным пунктам.

А. В.

Виноградов А. [Рец. на:]: Земная жизнь Пресвятой Девы Марии Богородицы. Учение о Богоматери Филарета, митрополита московского. Плач Богоматери при кресте и молитвы Божией Матери. С 23 рисунками. 272 стр. Ц. 1 р. с перес. 1 р. 25 к. Жизнь св. Иоанна, Предтечи и Крестителя Господня. С приложением заметок о честных мощах св. Иоанна Предтечи и о днях празднования ему в Православной Церкви. 67 стр. Ц. 30 к. с перес. 35 к. Издания Афонского Русского Ильинского скита. Москва 1899 г. С. 165–166

Приведённые заголовки двух книжек довольно подробно и точно определяют и содержание их. И та, и другая книжка представляет собой собрание разных сказаний церковного предания о земной жизни Богоматери и Крестителя Господня, – сказаний, восполняемых и поясняемых евангельскими свидетельствами, а также церковных песнопений в честь и Славу Пресвятой Девы и св. Предтечи. Кроме того, первая из названных книг содержит в себе (с 97–195 стр.) систематический подбор суждений приснопамятного святителя Филарета Московского (из его проповедей) – о свойствах и достоинствах Богоматери, о её небесном величии и поучительном примере для нас, и – как приложение – ряд святоотеческих молитвенных величаний Пресвятой Девы.

Обе книжки снабжены многочисленными рисунками, изданы довольно тщательно (а о первой из них нужно сказать, что и очень хорошо) и могут сложить полезным и занимательным чтением для грамотного народа, питающим ум и сердце.

Могут принести пользу эти книжки и для пастырей Церкви, давая им исторический материал для поучений. – В «Жизни» Богородицы и Крестителя мы находим подробные сведения о тех событиях, в память которых совершаются Православной Церковью празднества.

Аркадий Виноградов

Отзыв о. Иоанна Кронштадтского о Сычевских богомолах. Сбор на миссию. Из отчёта прав. миссионерского общества. *О гр. Л. Толстом и о толстовцах. Присоединения к православной Церкви. Духовно-литературный юбилей. Последние известия о духоборах в Америке. Призыв к пожертвованиям на храмоздательство.*

Отец Иоанн Кронштадтский о Сычевских богомолах (хлыстах). Смоленский бывший миссионер, священник о. Н. Соколов обратился к о. Иоанну Кронштадтскому с письмом следующего содержания. «Его Высокопреподобию, Кронштадтскому Протоиерею, Отцу Иоанну Сергиеву. В деревне Крестах Сычевского уезда Смоленской губ. проживает кр. девица Васса Потапова. Она устраивает у себя молитвенные собрания без разрешения Епархиального Начальства и без благословения своего приходского пастыря, стоит во главе целого общества – человек в полтора, известного у нас *под именем богомолок*. Она уверяет своих почитателей и всех православных христиан, что на такую деятельность благословил её «отец Иоанн Кронштадтский». – Покорнейше прошу Ваше Высокопреподобие – соблаговолить, Досточтимый Отец протоиерей, ответить, правда ли, что Вы благословили Вассу Потапову, устраивать молитвенные собрания и учить народ. – Миссионер Свящ. Николай Соколов». В ответ на этом же письме, о. Иоанн написал:

I. И не думал поручать этой невеже Вассе Потаповой устраивать молитвенные собрания. Нелепица подобная видна с первого раза и бьёт в глаза: ничего общего не имею с такими личностями. – Кронштадтского собора Настоятель, Протоиерей Иоанн Сергиев 7 января 189? г.

II. 7 декабря 1898 г. Ваше Высокоблагословение! Сим уведомляю Вас, что крестьянин Лаврентий дерзко клеветает на меня, будто я благословляю его делать народные собрания. Я и не знаю его. *Никогда никому ни из простолюдинов, ни из благородных я не благословлял учительства, памятуя слова Апостола: как проповедам, еще не посланы будут от благословенной, власти?* – Пользуюсь случаем засвидетельствовать Вам моё братское почтение с любовью – Кронштадтского собора Настоятель, Протоиерей Иоанн Сергиев.

Строки эти поучительны для обличения и не одних только Сычевских *невежд* и лжеучителей, устраивающих самочинные

сборища, для сеяния лжи и обмана, а нередко или ради своекорыстных и гнусных целей.

Сбор на миссионерское дело.

В воскресенье, 15 января, митрополит Московский в храме Троицкого подворья, после литургии произнёс *improviso* слово к пасомым. Владыка горячо взывал к пожертвованиям на миссионерское дело. Эта речь, сказанная в святительски-спокойном тоне, тепло, задушевно, вызвала на размышление, как трудно достаются те скудные средства, на которые существуют наши миссии и миссионеры. Какая энергия, какое усердие, любовь, неусыпность требуются от деятелей миссии, чтобы оправдать и свои высокие задачи, и ту трудность и скудость средств, которые собираются по копейкам по лицу всей св. Руси, по призывам архипастырей! Да разожжём мы души наши молитвой к Святому Духу: Дух Божий сотворит «слуги свои пламень огненный» – по ревности к проповеди и делам благочестия. Буди! Буди!

С-о

– **В училищном совете**, при Св. Синоде недавно закончились особые совещания по выработке и пересмотру положения и нормальных программ второклассных церковно-приходских школ. К участию в совещаниях были приглашены из нескольких епархий наблюдатели, как, например, из Орловской, Казанской, Тобольской, Костромской, Гродненской и др.

Из отчёта православного миссионерского общества.

Православное миссионерское общество насчитывало в своём составе в 1898 г., 29-м г. своего существования, 14,427 членов. На устройство и содержание миссионерских школ поступило в том же году 98,914 р., на устройство и содержание миссионерских церквей – 18,721 руб., на пособие новообращённым в лоно православной церкви – 6,868 руб., на издание книг – 6,500 руб., на разъезды миссионеров – 7,985 руб., и проч. Кроме сметных назначений, общество произвело ряд дополнительных расходов на школы-церкви и другие нужды миссии. Между прочим, ассигновано 12,000 руб. на устройство двухклассной школы-приюта близ Астрахани, 1,000 руб. отправлено на устройство бесплатных школьных столовых в местах, пострадавших от недорода хлеба в Уфимской губернии. Деятельность миссий представляется, за минувший год, в следующем виде: в Алтайской крещено 449 человек, в Забайкальской – 311, Енисейской – 33, Иркутской – 1,199, Камчатской – 178, Киргизской – 59 и Обдорской – 28. Наконец, в Японии крещено 970 человек, а всего в Европейской России, Сибири и Японии обращено из магометанства и язычества в христианство 4,539 человек.

В течение года приход общества равнялся 529,267 р., израсходовано свыше 487,000р. и к 1 января текущего года состояло 1.238,155 р. За время существования общества собрано на миссионерские нужды до 6.000,000 р. и обращено из магометанства и язычества до 120.000 чел.

О графе Л. Н. Толстом и толстовцах.

Гр. Л. Н. Толстой, к которому наш сотрудник, из раскаявшихся его последователей поместил в декабрьской кн. «Мис. Обзор.» открытое письмо, с призывом к покаянию и напоминанием о загробной жизни, здоровьем оправился, и гуляет по Москве, где его то и дело встречают газетные корреспонденты, с которыми славный писатель и своеобразный философ-моралист охотно беседует. Корреспонденту «Рус. Л.» с здоровьем своим граф отозвался, что «оно и теперь не хорошо, близко к развязке... Но меня это не тревожит, я сам *охотно* (так-ли?) *иду на встречу неизбежному*». Из Москвы сообщают нам, что во время болезни навещал графа один из почтенных учёных Московских протоиереев. Супруга графа выразила о. протоиерею от имени больного его удовольствие, по поводу посещения, но от личного свидания граф уклонился, под тем предлогом, что он очень занят корректурными исправлениями... «Воскресенья».

В беседе с корреспондентом «Нов. Дня» граф Толстой заявил, что он *мало* будто бы *имеет общего* с своими последователями, которых потому якобы неправильно называют *толстовцами*. Признание откровенное и поучительное для толстовцев, от которых отрешивается их кумир и властитель. Но здесь или недоразумение, или какое-то лукавство. Граф до последнего времени поддерживает самые живые сношения с своими последователями, не только с интеллигентами, но и с простыми мужичками. В удостоверение чего можем сослаться на ходящую по рукам толстовцев, как последнее «слово» – копию с собственноручного письма графа от 15 декабря 1899 г., на имя крестьянина Уманского у., К-ой г. Софрона Ч-жа, бывшего около 8 лет штундистом, а в последние 2–3 года сделавшегося последователем и распространителем среди штундистов южного края учения гр. Толстого. Софрон лично знаком с графом, бывал и в Ясной Поляне. Вот это, небезынтересное для характеристики последних воззрений графа, письмо.

Москва.С-н П-ч.

«Давно получил Ваше письмо, но не отвечал на него, сначала по недосугу, а потом по нездоровью. Благодарен Вам за то, что известили меня о себе. Очень сожалею о том зле, которое делают Вам люди, но радуюсь тому, что, как вижу из письма, переносите с терпением и любовью. Помогай Вам Бог делать Его дело.

Напишите мне как и чем Вы кормитесь и как живут Ваши домашние. О старообрядцах (последователи секты эноховцев), которые живут с Вами в одном месте, думаю, что они находятся во тьме, поклоняясь людям и их изображениям ⁵³ вместо того, чтобы служить Богу-Духу, исполняя Его волю делами смирения и любви.

То, что они *отрицают власти, справедливо, но* только не потому, что власти слуги антихриста, а потому, что *все начальники, угнетающие других людей* своих братьев, слушают людей более чем Бога.

Братски приветствую Вас и желаю Вам жить по воле Бога». Лев Толстой.

Письмо краткое, но ясно свидетельствующее, что Лев Ник. неисправим, как в религиозных зловерных своих воззрениях, так и в политических. Напрасно антиподы стараются обелить «нового почётного академика».

* * *

От автора «открытого письма» мы снова получили письмо с следующим обращением к читателям «Мис. Обзор.».

«Я исполнил свой долг, как Бог дал: «обличал и умолял» графа Л. Н. Толстого при двух, трёх свидетелях, и при сонме мнозе. Но не то, – а вот какое самое действительное средство к умягчению сердца еретиков – *это молитва*. Сказано: «брат от брата помогаем, яко град крепкий». Прекрасно *жить* братии «вкупе», т. е. молиться едиными усты, единым сердцем, вопиять к Богу, добро делать, тяготы взаимно носить. Молиться – есть жизнь души и ею приобретается жизнь, вечное блаженство. Так исполним же долг наш. Сознаем, что ради нас окаянных хулятся *святое* имя православия во языцех. Мне одно верное лицо передавало, что гр. Толстой, вот при каких обстоятельствах, получил глубокий толчок в сердце, ранее веровавшее, направивший его в сторону против-церковную. Лев Николаевич очень любил и часто посещал одну свою родственницу; она казалась чрезвычайно набожной, жила близ одной лавры. Но вдруг, при смерти, эта набожная женщина отвергла на глазах тогда ещё верующего графа последнее напутствие. Чуткая душа поэта была поражена этой отталкивающей картиной ханжества. И вот начался в душе поэта скепсис, разочарование, относительно самой церкви и церковности, заведшие слишком далеко талантливое писателя, но ни философски, ни богословски необразованного мыслителя. Рукоплескания толпы dokonчили падение гордого духа в дебри религиозного пантеизма и социальной анархии. Отречься теперь от этих воззрений граф бессилён, как люди бессильны и вразумить его.

Будем же молиться: вразуми и спаси, Господи, графа Л. Н., умягчи его сердце, если возможно. А если нельзя, по ожесточению его, то его удержи язык от злохулений на Церковь Твою Святую!

К мортирологу разочарованных толстовским мудрованием интеллигентных его последователей, сообщённому «в открытом письме», можем добавить, что и Трегубов, известный своей страстной преданностью к толстовскому учению и пропагандой его, – ныне рассылает к друзьям покаянные послания: «через нужду и терпение я начинаю познавать Иисуса Христа, но *Христа не с обрезанными крыльями*, как у Толстого, а *Божественное Лице, верю в Которое я укрепляюсь*, пишет этот некогда ярый толстовец.

Да облегчит Господь душевные и телесные страдания этого доброго, пламенного брата о Господе!

Ещё два слова к читателям. По поводу моего «открытого письма» к больному гр. Л. Толстому, напечатанного в декабр. книжке Миссионер. Обзор. пришлось мне выслушать многие укоризны, между прочим за то, что назвал и Государя Николая Павловича *лучшим из царей нашей истории*. Так неужели надо назвать его *худшим*? Никак нельзя так назвать его. Притом есть правило, латинскими словами выражаемое: «*de mortuis aut nihil, aut bene*»⁵⁴. Право же христианину лучше обо всех людях – особенно о государях и правителях – думать хорошо, а лишь о себе худо. Заподозрят ли меня в желании подвильять, подольститься? Но я убеждён, «что кости человекоугодников рассыплет Бог», какая же мне приятность – быть рассыпанным по косточкам. О насущном пропитании я не стараюсь иметь житейского попечения, ибо давно убедился, что, имея фунт хлеба и стакан воды, нельзя человеку умереть с голода. Я уверен, что в сём веке скорее от избытков можно сгнать, чем от скудости: Бог всего насущного всем даёт вдоволь – а мы слишком жадны. Итак, я не льстец и не наветник и ни у кого, кроме Господа Бога, не намерен заискивать; скорее боюсь согрешить *прежним* духом анархии: *презрительством* к сущим во власти. Если я ошибся, назвав Государя Николая 1-го *лучшим*, а другие называют его *худшим*, то на Суде Христовом Страшном нас рассудят и каждый получит праведнейшее воздаяние. Либеральные же окрики, насмешки и шиканья меня нисколько не пугают: я опытом познал на всякое чиханье либеральное не наздравствуешься. Со времени моего обращения, я в молитвах моих поминаю об упокоении двух Александров-государей и Николая I. Как судит о них Бог, кого из них признает лучшим своим рабом, то не нам грешным отгадывать. Знаю только, что Государь Николай скончался истинно по-христиански, чего может быть не сподобятся

многие либералы за своё злорадство. Признаюсь, для меня симпатичнее в истории образ Государя Александра II, Государя-мученика, но и Николая Павловича я никак не дерзну, в угоду либералам, назвать «худшим». В моём письме вкралась действительная ошибка – но она чисто корректурная: сказано, что Церковь Христова существует уже *2 тысячи лет*, надо же было сказать *почти* две тысячи лет; и это мне строгие критики ставят в вину, которую охотно исправляю, но кому же неизвестно, что Церкви Христовой до 2 тысяч ещё надо прожить сто лет?

Михаил С-о

Присоединение к православной церкви. В ноябре истекшего года состоялось знаменательное присоединение к православной церкви одного учёного муллы; крещение совершено в Георгиевском войсковом соборе. Ново-просвещённый, по происхождению крестьянин Казанской губернии, Хаббин-Ррахман-Бик-Мухаммедов, первоначальное мусульманское образование получил в сельском «медресе», продолжал его в одном из казанских «медресе», а затем в Стамбуле, центре современного мусульманского просвещения. Некоторое время он занимал должность толмача при турецком посольстве в Петербурге, в последнее время исправлял обязанности муллы в одном из мусульманских приходов Саратовской губернии. Тяготение его к христианству началось уже давно, окончательное же решение оставить ислам сложилось после продолжительных бесед с православным миссионером. Обращение Мухаммедова в христианство может быть поставлено на ряду с обращением известного в Казани учёного Ахмерова, воссоединённого профессором прот. Маловым. после десятилетних трудов по увещанию.

Замечателен также бывший недавно случай перехода в православие одной лютеранки в рижской епархии. Эта лютеранка, по имени Берта Виасян. молодая крестьянская девушка, отличавшаяся пытливостью ума, читала книги религиозного содержания, вдумывалась в прочитанное, и, под влиянием этого чтения и этих размышлений, в душе её возникло недоверие к лютеранству, которое и послужило первым основанием для последовавшего перехода в православие. Прежде чем этот переход совершился, ей пришлось перенести настоящее гонение, при том даже от родной матери. Последняя, заметив склонность дочери к чтению православных книг, сначала только запрещала ей «рыться в поганных книгах»; когда же дочь стала ходить в православную церковь и высказывать намерение перейти в православие, мать стала всячески бранить её и бить. Также

относились к ней и некоторые другие лютеране, советовавшие матери девушки, в виду указанного намерения последней, бить её до полусмерти; находя, что «негодной девчонке лучше околеть», и т. п. «Вот», говорит описавший обращение священник, «с какими трудностями и нравственными пытками соединён переход в православие в настоящее время в Лифляндии. Оттого и переходы в православие так редки». А ещё говорят, что лютеранизм – религия. Фанатизм в нём едва ли не больше, чем где-либо.

Духовно-литературное юбилейное торжество.

30 истекшего декабря редакция «Церковного Вестника», в лице профессорской корпорации С.-Петербургской академии, достойным торжеством отпраздновало исполнившееся 25-летие издания этого почтенного духовного журнала. Торжество началось служением литургии, которую совершал епископ Борис, ректор академии, и молебна благодарственного. После богослужения, в актовом зале академии состоялось торжественное собрание, где в числе почётных гостей, присутствовали: духовник Их Величеств, протопресвитер И.Л. Янышев, профессор университета о. прот. Рождественский, редакторы других столичных духовных журналов и др.

Редактор «Церк. Вестн.» проф. А.П. Лопухин прочитал интересную историческую записку о возникновении журнала и о двадцатипятилетнем его служении интересам церкви и отечества.

Выходить в свет начал «Церк. Вестн.» с 1875 года. Главным инициатором основания еженедельного академического органа и руководителем плодотворной его деятельности в первые годы, – был высокопреосвященный тогдашний ректор академии, ныне о. протопресвитер И.Л. Янышев.

В течение истекшего 25-летия редакторами «Церк. Вестн.» были четыре профессора. До 1887 г. журнал был также и официальным органом св. Синода.

Подписчиков юбиляр в 1899 г. имел 7,079 или 17,8% в отношении всего числа церквей в России (около 50 тыс.). Таким образом, относительно других, необязательных духовных журналов, «Церк. Вестн.» едва ли не самый распространённый орган, если же судить вообще, то количество это не говорит в пользу особой чуткости духовенства нашего к духовно-литературным интересам или возможности его пользоваться столь необходимым общецерковным органом. Редакция «Церк. Вестн.» опубликовала весьма интересную статистическую таблицу распространения своего журнала, с указанием процентного отношения числа экземпляров к количеству церквей в каждой епархии. По этим данным самое большее распространение

журнал имеет в столичной епархии 66 проц. вслед за ней в Финляндской, затем идут в числе передовых Астраханская, Вятская, Донская, Херсонская, Таврическая, Западносибирские и Забайкальская. Любопытно при этом, что Московская епархия в процентном отношении (18 проц.) рядом стоит с Якутской. Низкий процент подписчиков падает на Юго-Западные окраинские губернии – Волынскую – 4 проц., Минскую – 2 проц., Киевскую – 7 проц., Подольскую – 8 проц. Из внутренних – самый больший процент падает на Саратовскую – 24 проц., низший – на Орловскую – 9 проц.

После актового собрания, в квартире инспектора академии редакцией предложена была гостям юбилейная трапеза, которая прошла в оживлённых и задушевных речах и тостах в честь потрудившихся и трудящихся на пользу и процветание юбиляра деятелей и за процветание вообще духовной журналистики. Говорили нынешний почтенный редактор «Церк. Вестн.» А.П. Лопухин, о. протопресвитер И.Л. Янышев, бывший редактор «Церк. Вестн.» проф. Катанский, проф. Покровский, редактор «Мпссионерск. Обзор.» В.М. Скворцов. Последний, в ответ на тост за присутствующих редакторов духовных журналов, сказал речь приблизительно следующего содержания:

«Настоящее юбилейное торжество духовного органа составляет редкое, знаменательное событие в небогатой подобными торжествами истории нашей духовной журналистики, – сказал В.М. Скворцов. 25 лет – значительная сама по себе дата. По выводам статистики – это средний возраст жизни современного нервного человека. А в жизни печатного органа, где нервно, всеми фибрами своей мыслящей и чувствующей души работает целая редакционная коллегия – 25 лет напряжённого труда должны иметь значение ещё большее, – цену едва ли не маститой старости... Далеко не всем печатным органам не только нашей бедной, скромной во всех отношениях, духовной журналистике, но и светской, выпадает счастливый жребий переживать эту отрадную юбилейную стадию возраста. Наша печать почти не знает *старости* своего бытия, а только одну *слабость*, принуждающую *влачить* своё существование, смертельно изнемогая в борьбе с инертностью, холодностью, не сочувствием, и другими тлетворными для печатного дела веяниями и настроениями в среде читающего и мыслящего как духовного, так светского русского общества».

Пожелав Церк. Вестнику в новой стадии его жизнедеятельности *вечно юнеть и преуспевать* и во всех отношениях *на лучшее*, восходя от нынешней силы в ещё большую и большую силу, оратор, отметил, что отличительной чертой, а вместе и главной заслугой в истекшей

жизнедеятельности этого органа, была его *чуткость* и *отзывчивость* на религиозно-общественные запросы и требования своего времени, тогда как другие академические органы не пошли дальше чисто своих академических научных тем и интересов, своего особого языка и своих приёмов исследования и суждений, очень, конечно, полезных и важных для богословской школы и науки, но, к сожалению, мало интересующих, мало говорящих и понятных уму и сердцу *спасаемых Церковью* как низших, так и верхних слоёв народа и общества. «Нечего греха таить, – нашу духовную журналистику не напрасно упрекают в слабом влиянии на духовную жизнь и мысль общества, в недостаточной отзывчивости тем или другим религиозно-общественным злобам дня, в неумении говорить и писать языком понятным и занимательным для всех, – в схоластической замкнутости», в отрешённости от общественной мысли, в разъединённости от светской прессы, которая всюду одна властвует и всем руководит, не только не справляясь, но часто и вопреки идеалам христианства и заветам православия. Публицистическая печать заменила для общества и летописи и историю, и философию – ею думают, ею дышат. Она даёт тон и направление большей части нашей интеллигенции».

Указав на предъявляемые нашей современностью и грядущим, будущим к духовной журналистике неотложные требования и задачи, В. М. Скворцов выразил пожелание, и чтобы духовная «печать более чутко сознавала себя саму и свою великую церковно-общественную миссию, чтобы ближе объединялась между собой и с светской, лучшей, благонамеренной печатью, чтобы более мужественно и мощно звала к своему нелицеприятному суду, на основании незыблемых законов Божественного учения слова Божия и заветов Церкви, нашу грешную, беспринципную современность и чтобы вообще процветала и преуспевала у Бога и у людей».

Речь вызвала дружное одобрение и сочувствие присутствующих, причём о. протопресвитер Янышев сказал по поводу речи В. М., весьма лестное и тёплое слово по адресу руководимого им нового органа «Миссионерского Обозрения», пожелав молодым деятелям миссии, сгруппировавшимся под знаменем этого журнала, также верно и мужественно ратовать против налегающего на православную Русь немецкого протестантизма, в лице новейших сект, «С живейшей радостью, сказал досточтимый пастырь, я зорко слежу за этой многотрудной и многозначщей в церковно-общественной жизни борьбой».

Последние известия русских и заграничных газет о духоборах в Америке.

Печать русская и заграничная время от времени не перестаёт сообщать сведения о переселившихся из Закавказья в Америку, в Канаду *духоборах-постниках*. Но в то время, как местная американская печать представляет положение переселенцев крайне тяжёлым и безотрадным и в настоящем и в будущем, русские же некоторые органы – ради ли сектофильства, или чтобы выкинуть «либеральное колено» по адресу правительства, допустившего эту неизбежную развязку с духоборческой эпопеей, – наоборот, рисуют всё в светло-розовом виде. Путешествие духобор представлено каким-то триумфальным шествием, когда всё и все (не исключая министров) преклонялись перед духоборами-молодцами, а на новом месте поселения духоборам не житьё, а прямо масленица. Но лучше приведём выдержки из сообщений русской прессы, а затем заграничной, чтобы доказать ещё раз как непатриотична, недобросовестна и тенденциозна некоторая часть нашей печати в вопросах, касающихся сектантства. Вот что помещено на столбцах провинциального «Южного Обозрения» и, конечно, перепечатано в «Петербургских Ведомостях». Заметим, что статья принадлежит лицу, *сопровождавшему* духобор переселенцев, т. е. человеку известного лагеря и понятного направления г. Тверскому.

Пароход, вёзший духоборов, заходил в Галифакс для карантинного досмотра. Встретить духоборов в Галифаксе, – повествуется в «Южн. Обозр.», – явились *товарищ министра внутренних дел (?)*, главный министр провинции, делегаты от американских квакеров, представитель союза канадских рабочих и много журналистов. Из Галифакса пароход направился в город Сент-Джонс, где и высадились русские переселенцы. Духоборы произвели *на всех* отличное впечатление. Отзывы капитана привёзшего их парохода были самые благоприятные.

В Сент-Джонс пароход пришёл в 6 часов вечера. На пароходе находилось свыше 2,000 духоборов и масса багажа. Одним тяжёлым багажом наполнили 16 товарных вагонов. Отправляясь через каждый час, к 6 час. утра все духоборы были уже в пути. На пристань в Сент-Джонсе несколько женских обществ прислали своих делегатов для встречи духоборцев. Они оделяли всех детей сладостями и гостинцами. На пристани появилось также несколько агентов правительства Соединённых Штатов, приехавших посмотреть, что за люди – новые переселенцы. Духоборы и на них произвели, по-видимому, *прекрасное впечатление*, так как не прошло и двух недель со времени приезда

духоборов в Виннипег, как в иммиграционном здании уже сновали агенты из Соединённых Штатов, старавшиеся переманить духоборов к себе.

В Монреале духоборов встретили делегаты от союза канадских женщин и одеяли детей тёплой одеждой, которую собрало их общество для этой цели. По приходе поездов в какой-нибудь городок, жители устремлялись к станции и с любопытством рассматривали русских. Отзывы при этом были *самые благоприятные*. Особенно поражали канадцев рост и сила духоборцев, и их опрятность. Поездная прислуга особенно удивлялась и обращала внимание канадцев на ту опрятность и чистоту, в которых духоборы содержали вагоны. «Нам в первый раз приходится везти таких (!) переселенцев» – говорила она.

В Виннипеге духоборов встретила депутация от горожан. За несколько часов до прихода поезда, в иммиграционное здание собралось много дам и барышень, желавших посмотреть новых колонистов. Так как они все спрашивали начальника иммиграционного департамента, когда придёт поезд, и порядком-таки ему мешали, то он предложил им поработать для духоборцев, в которых они принимают такое участие: «приготовьте-ка им обед» – сказал он. Предложение было принято с восторгом, и дамы и барышни кинулись чистить картофель, крошить капусту и овощи. Ко времени прихода поезда обед был готов. Пастор одной из виннипегских церквей сказал духоборам приветственную речь. Кроме Виннипега, духоборы были размещены до весны ещё в 4-х городах: Брандоне, Портане-ла-Прери, Дофине и Иорктоне. Продовольствие было организовано на военный манер. Духоборы выбрали из своей среды артельщиков, которые принимали провизию и вели её запись. Были выбраны кашевары, изготавливавшие пищу в общих котлах. Обедали и ужинали все вместе. Мужчины садились за одни столы, женщины – за другие. Перед едой и после неё читалась молитва. Все вставали и читали её про себя. В каждом городе при помещении, занимаемом духоборами, находились иммиграционный чиновник и переводчик». Далее уже идёт в корреспонденции правда неприкрашенная.

«В некоторых городах духоборы ходили на подёнщину и могли кое-что заработать. Работа эта порождала часто неудовольствие местных рабочих, ибо духоборы, не привыкшие к канадским ценам, работали за *меньшую плату* и сбивали цену. Главной зимней работой по городам является *пилка дров*. Местные рабочие брали в день за такую работу полтора доллара, т. е. 3 рубля. Духоборы же сразу *сбавили цену* на половину. Местные рабочие заявили протест.

Так как вскоре ожидалось прибытие следующих партий духоборов, а ранней весной ожидалось прибытие и других переселенцев, то надо было *найти средство, как можно скорее перевести духоборов на их участки*; а для этого надо было на участках построить помещение для людей и склады для провизии. Правительство наняло две артели канадских рабочих, по 50 чел. в каждой, и послало одну из них на реку Лебедь, а другую к реке Асинибоиа, поручив им выбрать место удобное для постройки складов и приступить к этой постройке. Места были выбраны в лесу, и когда были выстроены несколько бревенчатых домов, то в помощь канадским рабочим было послано несколько сот духоборцев, снабжённых тёплой одеждой и нужным инструментом. Для подвозки рабочим провианта было куплено 50 пар лошадей и 6 пар быков. *Помещения представляли собой бревенчатые сараи*. Стены обмазывались глиной; *потолок застилался жердями и покрывался сеном и землёй*. Внутри устраивались нары в два яруса. В каждом помещении ставилась чугунная печка. Работа была сопряжена с *большими трудностями, в виду сильных холодов; мороз доходил до 30 и 40 градусов*. В марте месяце, *несмотря на холод*, пришлось всех духоборов, помещавшихся в Виннипеге, двинуть на участок. Они пожелали отправиться на реку Лебедь. На конечной станции железной дороги Коуэн были заготовлены сани, на которых ехали женщины и дети. Мужчинам приходилось идти пешком. Большое затруднение представляло огромное количество тяжёлого багажа, на перевозку которого шло большое число подвод, *через что задерживалась подвозка провианта*. А, между тем, склад на реке Лебедь находился в совершенно глухой местности, отстоящей приблизительно на 500 вёрст от ст. Коуэн.

Вскоре на реке Лебедь находилось уже более 5,000 духоборов и, в ожидании ростепели, все усилия были направлены на то, *чтобы доставить туда как можно больше провианта*. Провиант этот состоял из муки, овсяной крупы, чая и сахара. В питании духоборам на р. Лебедь много помогло то обстоятельство, что река буквально кишела рыбой, и ей духоборы обязаны *тем, что окончательно не обессилели при трудных обстоятельствах, в которые были поставлены*.

Одновременно с перевозкой духоборов на р. Лебедь – на северный участок или участок Громовой Горы, – как стали называть его духоборы, – из города Йорктона были перевезены духоборы, там находящиеся, на так называемый южный участок, к р. Асинибоиа, на их место в Йорктон была двинута партия из Винппега. С этого времени, по мере постройки помещений на участках, туда перевозились

духоборы из занимаемых ими помещений внутри страны; город Йорктон служил как бы сборным пунктом, и около иммиграционного здания образовался целый духоборческий посёлок, по числу жителей превосходивший сам город».

К этому повествованию «Петерб. Вед.» добавляют, что компания тихоокеанской железной дороги (Canadian Pacific Railway) была замечательно любезна и предупредительна к духоборам, что она везла духоборов с такими удобствами, каких не имеют в России, например, и пассажиры 2-го класса, (будто бы?) она никогда, напр., не отказывала в даровых билетах не только духоборческим выборным, но и таким, которым просто хотелось навестить родственников в другом городе или отправиться к доктору в Виннипег, или съездить на участки, для осмотра самим. За перевозку духоборческого провианта, скота, лошадей, печей, орудий труда взимала только половину цены. Кроме того, при присылке из Штатов от тамошних квакеров одежды, скота, семян и хлеба для духоборцев, железная дорога эта по своим линиям перевозила всё это якобы бесплатно.

Теперь посмотрим, то ли сан-францисские газеты говорят? «Examiner» и «San-Francisco Chronicle» от начала-января, вот что сообщают о духоборах. В Сан-Франциско прибыли трое выборных от переселившихся в Канаду духоборов: Бодяский (интеллигент толстовец) Потапов и Борисов, которые, предводимые И.А. Деменсом (alias г.Тверской), говорят корр. «Ю. Об.» ищут земли в Калифорнии для поселения 11,000 духоборов, которые убедились, что *все их опыты хлебопашества на шестьдесят миль к северу от Виннипега не могут увенчаться успехом, потому что почва сама оттаивает только на два фута, а ниже – вечный мороз*, что не должно казаться удобным для жителей Кавказа. Некто Хонтингтон, агент Южно-Тихоокеанской ж. д. (Southern Pacific R. R.), показывал им земли, принадлежащие этой дороге в Орегоне и если эти земли окажутся удобными для поселения, духоборы с Виннипега *пойдут гужом в Калифорнию на новые места.* У них слишком мало денег, – сообщает сан-францисская газета, чтобы заплатить за проезд по железной дороге, да к тому же они ожидают, что Канадско-Тихоокеанская ж. д. будет делать *всяческие затруднения на их пути*, чтобы не выпустить их из Виннипега, где они поселились год назад. Они надеются начать великое переселение *будущим летом* и кончить его осенью на одном из пунктов Северной Тихоокеанской дороги».

«Здесь говорят, – сообщает другая газета, – что Южная Тихоокеанская ж. д. не только *не намерена подарить* бедным духоборам земли для обработки, но что она пытается продать им с

выгодой несколько диких и непокупаемых никем земель, которые компания ж. д. получила даром от правительства, и *намеревается поместить духоборов в такое место, где можно бы было собирать с них подать за перевозку каждого фунта*, который они покупают или продают. Южная Тихоокеанская железная дорога, никогда не делав ничего из человеколюбия, так скрывает ходоков и так оберегает их от посторонних, что у них не будет возможности видеть или слышать о других землях, кроме принадлежащих Южной Тихоокеанской железной дороге. Это тем легче, что русские не говорят и не понимают по-русски». При этом газета прибавляет, что посредник компании получит «жирную подачку» (a fat fee), если проектированная с русскими сделка состоится.

По поводу этого правдивого сообщения, г. Сигма в «Нов. Вр.» справедливо замечает, что из всего этого явствует только то, что *из рабов Канадской Тихоокеанской ж. д.* наши духоборы рискуют обратиться в рабов Северной и Южной Тихоокеанских дорог, которые обременят ипотеками плохие земли, всучиваемые ими духоборам, и будут собирать с них дань, в виде никем не регулируемых тарифов на перевозку товаров и пассажиров.

Мне кажется, замечает г. Сигма, что те писатели, которые своими ложными и заманчивыми описаниями увлекают русских людей в Канаду и Америку, – писатели неосторожные, и мне кажется, что заманчивые описания американских прелестей есть в сущности *вовлечение невежественных лиц в невыгодную сделку*. И русским органам печати надо быть осторожнее с распространением таких сведений, за которые справедливо судят и наказывают эмиграционных агентов.

Зная Америку не по одним письмам г. Тверского, г. Сигма очень скептически относится к блестящим картинам этих корреспондентов и ещё два года назад, когда ходоки от духоборов приходили к нему посоветоваться, насчёт переселения в Америку, он всячески увещевал их не делать этого, а идти в китайский Туркестан и далее на восток, по Китаю, где за почти поголовным истреблением дунган китайцами есть свободные земли, отсюда они могли спуститься потом на верховья Ян-цзы-цзяна, где во время восстания тайпингов перерезано до двадцати миллионов населения и обширные чудесные земли лежат втуне. Но духоборы отвечали одно г. Сигме: «придут русские, заберут Китай и нам придётся опять либо жить не по Христу, либо бежать» ... Теперь за эту ненависть к России духоборы жестоко наказаны Богом.

Призыв к пожертвованиям на построение храмов.

Искони и до сего времени на св. Руси большинство сельских храмов сооружается путём «сбора на Божие построение» и на лепты благочестивых жертвователей. Некоторые органы светской и духовной печати оказывают в этом св. деле храмоздательства своё благое посредничество, печатая у себя воззвания и принимая лепты. В живом сознании того, какую великую возможность имеет в деле миссии благолепие св. Божиих церквей и как душеспасителен подвиг храмоздательства, Редакция «Мис. Обзор.» также вменяет себе в нравственный долг печатать на своих страницах, к сведению благотворителей, адреса *сгоревших* или по другим причинам бедствующих храмов, а вместе не отказывается и от труда и хлопот по передаче по назначению жертвенных лепт.

Считаем не лишним напомнить имеющим благое произволение к пожертвованиям на дела благотворения, – и малые средства, что Богу угодна была *лепта* евангельской вдовицы, а потому *не следует стесняться ни рублём, ни гривенником, ни копейкой*. Каждая книжка «Мис. Обзор.» может побывать в руках нескольких читателей – из прихожан, и если каждый по несколько лепт из своего достатка вручит главному владельцу и распорядителю получаемым экземплярам, – о. настоятелю церкви, – то вот и составит некая сумма, а если все бы наши подписчики прониклись живым сознанием важности и святости сего подвига, – то в течение года, при посредстве редакции миссионерского органа, может быть оказана делу храмоздательства существенная помощь в несколько тысяч. Итак, помощи Господи благотворить не только словом, но и делом на Божье построение.

1 *Новгородской губернии, Демянского у. Черноручской волости Клевичской церкви. Свящ. о. Николаю Философову.* Здесь строится новый *каменный* трёхпрестольный храм во имя Божьей Матери всех скорбящих Радости, Крестителя Господня Иоанна и Святителя Николая. Уже стены нового храма выложены до окон. Нужно 10 тысяч, а есть только 2000. Тяжёлые вещи надо высылать: Псково-Бологовской ж. д. ст. *Любница*.

2) *Седмиезерной Богородицкой пустыни*, в 17 в. от г. Казани, на построение новой каменной церкви (с кельями для братии, несущей при ней послушание) во имя преподобного *Евфимия Великого* для чтения *неусыпаемой* псалтыри по почившим христианам и благотворителям обители. *Казани, Седмиезерная* пустынь иеросхимонаху *Гавриилу*.

3) На новый храм село *Кемля* Нижегородской губернии, священнику Николаевской церкви села *Ичалок* о. *Александру Захарьевскому*.

По первому адресу на имя о. Николая Философова получено в редакции от. М. С-ко 1 рубль.

На имя иеромонаха Гавриила для Седмиезерной пустыни от того же жертвователя на храм села *Кемля* 1 р. от отроковицы Веры 1 р. и младенца Валентины 50.

Февраль

Вениамин архим. Из истории миссионерской молитвы //
Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 180–195

I. Споспешествующее значение молитвы св. делу миссии. С. 180–184

Прибыв в 1863 г. для исполнения миссионерских обязанностей в Забайкальскую миссию, в течение нескольких лет моего служения св. делу евангельской проповеди Монголо-бурятам, я на практике неоднократно убеждался как в миссионерстве до йоты точно и верно исполняются слова Спасителя: „*Никтоже приидет ко Отцу, токмо Мною (Ин.14:6). Никтоже может приити ко Мне, аще не Отец пославый Мя привлечет его (Ин.6:44); без Мене не можете творити ничегоже*” (Ин.15:5). Высокопреосвященнейший Иннокентий, митрополит Московский, апостол Сибири, проездом в 1867 г. из Благовещенска в Москву, при встрече его в Иркутске и при отбытии моём в Селенгинский миссионерский стан, обращаясь ко мне, между прочим, сказал: «*послушайте, о. Вениамин! скажу вам из своей практики к вашему руководству: когда вы отправляетесь в миссионерскую поездку, не думайте о том, чтобы кого-нибудь крестить, то смотрите, Бог поможет и окрестите; а если будете думать и надеяться, что окрестите, то наверное, не окрестите. Смысл этих знаменательных слов ясен: умудрённый великим опытом миссионер-архипастырь поучал начинающего деятеля миссии, что сила проповедника Евангелия, будет ли дело касаться обращения им язычников или еретиков и отступников на путь истины и спасения, совершенно ничтожна без благодатного содействия, а потому евангельский проповедник глубоко должен быть проникнут духом смирения и искреннего сознания собственного бессилия и, перее всего, должен из глубины души и сердца он молиться Господу Богу о воздействовании Своей Божественной благодатью на сердца погибающих во мраке заблуждений языческих и еретических, к коим имеет проповедник обратиться с словом благовествования Христова. Без этого все труды миссионера будут тщетны. И это вполне будет понятно, если вдуматься с верой в то, как с одной стороны твёрдо укоренились в сердцах язычников священные, по их понятиям, верования в своих идолов, привязанность к своим обычаям, пребывание их, как не возрождённых водой и Духом, в области сатанинской, сила коего сокрыта и гнездится в сердцах нехристиан; с другой стороны, как непреодолимо воздействуют на совесть и волю сидящих во тьме и сени смертной условия жизни заблудших, – всё это вместе полагает миссионеру проповеднику такую твёрдую преграду, сокрушить которую своими собственными силами он, действительно,*

бессилен. Между тем как Св. Православная Церковь и встречает христианина, при появлении его на свет Божий, и сопровождает его на пути жизни, и сопровождает за пределы гроба – всё молитвой и молитвой. Сам хлеб, вода, овощи и проч., что он вкушает во славу Божию, освящаются молитвой на его здравие; жилище, кладези, домашние сосуды, гумна и проч. – опять всё это освящается молитвой, так что на всё и вся – я же к животу и благочестью, – испрашивается через священнослужителей Церкви Христовой благословение Божие. Но вот вопрос: вооружён ли Церковью в своём св. богоугодном деле миссионер-веро-проповедник Евангелия Христова среди язычников, а равно и ратоборец за истину православия среди еретиков и отступников – особенной, свойственной сему св. делу, молитвой, которая так важна при его тяжёлой борьбе с закоренелым язычеством и упорным еретичеством, или вернее с адскими силами, держащими в крепких оковах и рабстве сидящих во тьме и сени смертной? К сожалению, приходится ответить, что определённой и обдержной молитвы миссионерской в чинопоследованиях нашей церкви нет. Но если для разных периодов жизни христианина, на разные случаи и обстоятельства, не говоря о ежедневных молитвах, положены Св. Церковью особенные молитвословия, то тем более необходимы молитвы, исключительно свойственные проповеднику Евангелия в великом и многотрудном его деле по обращению язычников и заблудших к вере и Церкви Христовой. Но где же в сём случае миссионеру искать образцов молитв при совершении своих подвигов? Здесь, конечно, прежде всего нужно обратиться к Небесному Богопроповеднику и Учителю, Господу Иисусу, его Апостолам, мужам апостольским, святителям и пастырям Христовой Церкви.

„Какое более истинное моление ко Отцу, говорит св. священномученик Киприян, как не то, которое Сын – сама Истина – произнёс устами Своими! Любезна и самая приятная молитва – просить Бога Его словами, восходить к слуху Его молитвой Христовой: узнает Отец слова Сына Своего! Ибо если Он говорил: чего ни попросите у Отца во имя Моё, даст вам; то сколь действительнее будет моление наше во имя Его, если будем просить Его же словами»: (Слово о молит. Ин.16:23–24). Атак как тот же Господь Иисус Христос дал Церкви и апостолов, и благовестников, и пастырей, и учителей (Еф.4:11), облёк их своей властью (Мф.10:40) и просветил Духом Святым, то и их молитвы, как мужей богодухновенных, имеют силу пред Богом.

В живом уповании на могущественную, споспешествующую силу молитвы миссионерской, я, в бытность свою миссионером в

Селенгинском стане в 1867 г., составил: а) краткий хронологический обзор образцов молитв, на основании письменных преданий Св. Церкви, б) и ектений, применительно к требнику Петра Могилы? и в) три миссионерские молитвы, заимствованные из Св. Писания, которыми и молился при исполнении своих миссионерских обязанностей.

В виду возбужденного перед высшей церковной властью Казанским миссионерским съездом вопроса об издании особого молитвословия, потребного в деле миссионерского служения, надеюсь, что и моя лепта может иметь некую цену и значение.

II. Краткий хронологический обзор образцов молитв об искоренении языческого кумиро-служения и об обращении заблуждающихся к вере Христовой. С. 184–193

Св. Апостол и Евангелист Иоанн Богослов помолился Богу о сокрушении идольских капищ: в Ефесе – Артемидина и на острове Патмосе – Бахусова и Денисова и они внезапно пали⁵⁵.

Св. Апостол и Евангелист Матфей, пришедши в землю Анфиропофагитскую, населённую «зверо-нравными язычниками», обратив несколько душ ко Господу, поставил им епископом Платона, своего последователя, создав же малую Церковь и возшедши на ближайшую гору, пребывал на ней в посте, прилежно молясь Богу об обращении неверного того же народа⁵⁶.

Св. священномученик Аполлинарий, ученик Св. Апостола Петра, поставленный им епископом Равеннийскому граду, вошедши в дом некоего воина Иринея и проповедуя Евангельское учение над слепым сыном Иринея, молился о просвещении не только тёмных его очей, но и душевных всех там бывших, говоря: «Боже, везде сый, Ты вноси познание Сына Твоего во град сей, да не точию плотская очеса, но и душевная просветятся людей сих, еже разумети им Тебе единого истинного Бога, и Его же послал еси на спасение мира, Господа нашего Иисуса Христа». По молитве тотчас отверзлись очи слепаго и весь дом уверовал во Христа и крестились все в реке⁵⁷.

Св. Равноапостольный Аверкий епископ Иерапольский, во Иерапольском граде, где имелось малое число христиан, а бесчисленное множество идолопоклонников, скорбя об ослеплении людей, оставивших истинного Бога и поклоняющихся бесом, молился, говоря:

«Боже веков, и Господи милости, создавый вселенную, и содержи ю, пославый Сына Твоего Единородного на землю воплотиться человека ради, Ты ныне с небесе призри на всю поднебесную, не презри же и сего града, в нем же поставил мя еси пастыря словесных овец Твоих, но виждь в нем помраченных людей, иже подобающую Тебе честь, не Тебе, но скверным бесом, и делу рук своих воздаша: и избави заблудших сих от погибели их, и от тьмы приведи их к Твоему свету и причти избранному Твоему стаду»⁵⁸.

Св. священномученик Василий, епископ Амасийский, перед своим мечным усечением, преклонив колена и простерши руки к небу, помолился Богу, глаголя так:

«Небесныя безплотныя сотворивый Силы, простер небо яко кожу, землю же на водах основавый, создавый море, и вся яже в нем, Господи Боже мой, везде и во всиих сый, и присно пребываяй, и творяй волю боящихся Тебе, и хранящих заповеди Твоя, услыши моя молитвы и сохрани верное Твое стадо, над ним же поставил мя еси непотребного раба Твоего пастыря быти. Избави его от еллинския тщеты и напасти, и от всякого велеречия и злохуления язык хульных на Тя глаголющих. Ты Всемощный, истреби кумиробесие, и действо диавольское разори, Церкви же Твоея Собор возрасти, и умножи. Град сей весь и окрестная его, едины люди соделай, да единомушники и единомыслени будут во исповедании Тебе истиннаго Бога. Тыже люди сотвори ревнители быти добрым делам, и Тебе угождающия, да во всех прославлено будет имя Отца, и Сына, и Святого Духа, ныне и присно, и во веки веков. Аминь»⁵⁹.

Св. священномученик Мокий во граде Амфиоподе, вошедши в идольское капище и сотворивши крестное знамение, помолился истинному Богу так:

«Содержай всю тварь, Владыко, и вся создавый Христом Твоим, посрамивый же диавола отчужденнаго Твоея истины, и даровавый блаженство целомудрия боящимся Тебе, Господи, и почитающим Святое Имя Твое, идола Вавилонския сокрушивый, и показавый истинную пророка Твоего Даниила веру: мерзостный алтарь идольский трети отроки Твоими упразднивый, и угасивый пламень огненный в пещи, потопивый ожесточеннаго Фараона во глубинах морских, молитвы же Моисеевых послушавый, и изведый жезлом воду из камене: Ты, иже еси ныне, и прежде бывый, и паки грядый Царь вечный, услыши мя раба Твоего: се бо молюся Тебе, прииди в помощь мою, и яви силу Твою тем, иже содержат истину во лже, да познают Тя быти единого истиннаго и вечнаго Бога, и да проженет свет Твой тьму идолопоклонническаго заблуждения... и повелел пасти идолу Дионису. И внезапно потряслась земля и капище; пал идол с великим громом и рассыпался в прах»⁶⁰.

Св. священномученик Елеиферий, епископ Иллирийский. перед своим мучением, возведши телесные и душевные очи на небо, говорил:

«Господи Иисусе Христе Боже мой... призри с небесе и виждь, что совещаши на мя ненавидящий мя, и избави душу мою от стреляния их, и от мужей крове, яко благ, сохрани мя, да знают вси Тебе единого Бога во всех концах земли... таже: коснися сердца их о Владыко! многого сый милосердия, и Твое Святое Имя познано им сотвори, и изведи их к Твоей Святой воли, да уведят Тебе единого истиннаго

Бога, и оставят пагубное поклонение идольское, яко благословен еси во веки, аминь»⁶¹.

В Александрийском граде некогда было собрание епископов. Патриарх Александрийский, созвав находившихся под его властью епископов, пожелал ниспровергнуть и сокрушить языческих идолов общей молитвой, так как было тогда множество там идолов. Когда совершилась прилежная молитва „собора зело многая по особому чину, пали все идолы, во всём граде, и которые были окрест, один точию идол знаменитый остался цел на своём месте. Много со скорбью молился патриарх и о сокрушении этого идола и вот, когда он стоял на молитве, явился святителю некое Божественное видение, повелевающее ему не скорбеть о несокрушении идола, но послать поскорее в Кипр, и призвать Спиридона, епископа Тримифутского: „ибо тому оставлен есть идол той, яко да его молитвою сокрушится». Патриарх тотчас написал к блаженному Спиридону послание с молением, призывая его во Александрию, изложив в письме причину его призывания и само видение, отправил посланца в Кипр. Святый же, взяв то послание, прочитал, немедленно сел в корабль и отплыл во Александрию. Когда пристал корабль к пристани во Александрии, и как только святой вышел из корабля, тотчас идол тот Александрийский со многими требищами упал и разбился, что послужило вестью Александринам пришествия св. Спиридона. Когда патриарху возвещено было, что идол упал, патриарх тотчас сказал другим епископам: „О друзи! Спиридон Тримифутский приближается”. И они вышли в сретение ему, и приняли его честно, радуясь о пришествии к ним такового великого Чудотворца и Светильника миру⁶².

Св. священномученик Василий, пресвитер Анкирский, видя пагубу душ человеческих, молился Богу о граде своём Анкире, говоря:

«О Спасителю мира Христе, Свете немерцающий, вечных хранилищ сокровище, волею Отчею прогоняяй тьму, и Того Духом вся составляяй! призри Святым и страшным Твоим оком, и разсыпи скверная волшебства противляющихся Твоей Святой воли, да сотрону бывшу немощному совету их, не будет препятием душе, в Тебе Бозе своим во веки пребывающей»⁶³.

Св. великомученик Прокопий, бывши изведён на место смертной казни; испросил время для молитвы, и ставши к востоку, руки же к небу воздев, и возведши очи, помолился о граде, людях, о сущих в бедах, недугующих, сиротствующих, и вдовствующих, дабы вси были соблюдаемы промыслом Божиим; а наипаче молился о том, чтобы нечестивые язычники обратились к христианскому благочестию вскоре, и Святая Христова Церковь возросла и умножилась, и сияла в

правоверии до скончания века. По скончании таковой молитвы, был слышан с неба глас, обещающий исполнить просимое, самого же призывающий в наследие небесного Царствия⁶⁴.

Св. Валентин пресвитер, вшедши в дом Астерию и преклонив колена, начал молиться:

«Боже всея видимыя и невидимыя твари, Создателю рода человеческого, пославый Сына Твоего Господа нашего Иисуса Христа спасти ны от прелести вражия, и от тьмы во свет истинный привести, Иже и призва нас к Себе, глаголя: приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы⁶⁵ Ты обрати дом сей к Тебе и даждь ему по тьме свет, да познают Тебе Бога и Христа, во единстве Духа Святаго, во веки, аминь⁶⁶.

Преподобный Авраамий затворник, по рукоположении его в пресвитера, посланный епископом в обширное село для обращения ко Христу обитающих в нём язычников, и на пути, и на месте непрестанно молился Богу:

«Человеколюбче благий, виждь немощь мою, и посли благодать Твою на помощь мне, да прославится Пресвятое Имя Твое» ... «Единый без греха Боже, не презри дел рук Твоих» ... «Собери, Господи, люди расточенныя, и введи их в Церковь сию, тоже создах, просвети умныя их очеса, еже познати Тя единого благаго человеколюбца Бога» ... «Почто, Владыко, презрел еси слезы моя, и смирение мое; почто отвратил еси лице Твое от мене, и презрел еси дело рук Твоих, ныне, Владыко, призри на раба Твоего, и услыши молитву мою, и укрепи мя, и отреша рабы Твоя от уз диавольских, и даждь им познати Тебе единого Истинного Бога, яко несть иного разве Тебе»⁶⁷.

Святые: преподобно-мученик Конон и сын его Конон же перед мученической кончиной своей помолились Богу так:

«Владыко Боже Всесильне, Творче небеси и земли, Царю царствующих и Господи господствующих! Тя славим Христа Бога Человеколюбца всесильного и всеблагаго, и молим Тя: даждь мир Церкви Твоей Святей сущей по Вселенней, посрами и попери гонящих ю, опроверзи вскоре и погуби мерзкая капища идольская, воздвигни же силу Твою, и разшири хвалу Святаго имени Твоего, соблюди и умножи род христианский право славящий Тя до скончания века, аминь. И внезапно сотряслась земля, пали идольския капища и вси бывшие во граде идолы сокрушились»⁶⁸.

Св. мученики Мануил, Савел и Исмаил, при Иулиане Богоотступнике, перед изливанием своей крови за Христа, таковую принесли молитву Богу:

«Боже предвечный, безначальный, от небытия в бытие вся приведый, в последняя же лета спасения ради нашего Себе умаливый, во образе раба с человеки пребывый и претерпевый Крест, да нас от уз греховных свободиши, и царствия Твоего сотвориши наследники, приими в мире рабы Твоя... еще же и обстоящее нас народа множество, прелести вражией поработенное, обрати к Тебе, о Милосердый Владыко! и даждь им просвещение ума и прав разум, яко да Тебе единого истинного Бога познавше, Тебе единому поработают, и спасение получают».

Тако молящимся мучеником святым, услышася глас свыше к ним глаголющ: приидите, да примите славы венец: добре бо совершите подвиг ваш⁶⁹.

Св. Равноапостольный Великий Князь Владимир, смотря на крещение множества Российского народа в духовном восторге, возведши очи к небу и воздевши руки, молился: «Господи Боже, сотворивый небо и землю, призри на новокрещенных люди Твоя, и даждь им истинно познати Тебе Бога истинного, и утверди их в Православной вере, и мне помози на видимыя и невидимыя враги, и прослави в Российских странах Имя Твое Пресвятое⁷⁰.

Св. Стефан, епископ Пермский, в начале же собрав просвещённых светом евангельского учения словесное стадо, создал благолепную Церковь близ устья реки Выми, молился во все дни и ночи об обращении неверных людей со слезами: «Собери, Господи, люди Твоя расточенныя, и отцы заблудшия, и введи в Церковь Святую Твою, причти их к избранному Твоему Стаду»⁷¹.

Среди самых мучений, христиане имели в виду пример Иисуса Христа, Который на Кресте молился за Своих врагов и просил им от Бога Отца прощения во грехах, молились и верно подражали сему, как свидетельствуют Григорий Нисский, Августин и другие в речах о Первомученике Стефане⁷².

Во времена гонения Максимилиана, мученики, перед собранием народа, молились об обращении своего города Самосата на путь истины: «Молим Бога и Христа Его и Его Святого Духа, да искоренит Он из сего города, по Своему милосердию и благодати, служение идолам, и да водворит в оном Христианскую Веру! Да повелит ниспровергнуться капищам суетных богов, и возникнутья везде Церквам Христовым! Да уничтожит сатанинское жречество, и да умножит число служителей Христовых! Смрад нечистых жертв да заменит Он согласиен Священного псалмопения! И да потребит бесстыдство целомудрием, похоть воздержанием и чистотой нравов»⁷³.

Один из палестинских мучеников Павел, по сказанию Евсевия, перед своей смертью громогласно молил Бога о своих единоверных, молился вместе об обращении иудеев, самарян и язычников, чтобы они познали Бога и приняли истинную веру, и за всех предстоявших, наконец за судию, приговорившего его к смерти, за императоров и за самого палача, готовившегося уже отсечь ему голову, дабы злодеяние сие не вменялось им в грех»⁷⁴.

Случалось, что усердные молитвы христиан не оставались без успеха и производили над гонителями язычниками такое действие, что они обращались к истинной вере. Так, при императоре Максимиане, девица Фавста после всех мучений, произведённых над ней одним начальником Максимом, воскликнула: «Благодарю Тебя сладчайший Иисусе, сведателю сердец, что сподобил меня исповедовать Святое Имя Твоё... Ещё молюсь Тебе, возлюби Максима (имя мучителя), привести его верой и утверди в страхе Твоём»⁷⁵. Сия искренняя молитва страдальцы произвела чудесное действие над мучителем Максимом, который после того и сам воскликнул: «Помощник и покровитель невинной девицы! Яви Твою благодать и на мне недостойном, прими в раба Твоего: во истинну Ты един Господь и Бог сил».

Благотворительность христиан в отношении язычников особенно состояла в молитве, которая, будучи постоянным занятием их⁷⁶, постоянно была возносима ими к Богу не только за своих единоверных, но и за тех, кои принадлежали к языческой или другой какой религии. Молитва, воссылаемая христианами за язычников, составляла самую лучшую их благотворительность, простирающуюся не на здоровье только тела, но и на спасение души, не на счастье в настоящей только жизни, но и на блаженство в будущем нескончаемом веке. Что христиане, действительно, молились за язычников, врагов своих, на сие часто указывают и апологеты, и другие древние писатели. Св. Иустин мученик неоднократно изображает христиан молящимися за врагов и гонителей⁷⁷, каковы были язычники по отношению к ним. «Закон молиться за других, по указанию св. Амвросия Медиоланского⁷⁸, единодушно сохранило благоговение учителей и всех верных, так что не было ни одного уголка в мире, где бы не совершалась сия молитва. Общества взывали ко Господу за неверных и за врагов Креста Христова, за всех язычников, за всех, кои преследовали Христа в Его членах⁷⁹.

Такие молитвы о язычниках совершались Христианами в домашней жизни, в ежедневных их собраниях, в присутствии самих язычников, и входили в состав их Богослужения. И как жертва

сокрушённого духа и смиренного сердца, „как действие благодати, они были угодны Богу”⁸⁰, и потому не оставались бесплодными, а испрашивали то, о чём были воссылаемы. „Мы молимся, пишет он, за врагов, и тех, кои преследуют нас ненавистью, стараемся склонить убеждением, чтобы, живя по чистым правилам Христа, имели благую надежду, что они получают тоже вместе с нами от Бога, Владыки всех людей”⁸¹. „Мы молимся, говорит он же Трифону иудею, за всех иудеев и за всех других людей, которые живут с нами во вражде, чтобы с нами обратились ко Христу и более не хулили Его”⁸². По свидетельству блажен. Августина, „первенствующие христиане увещевали даже друг друга искренно и чистосердечно молиться за неверных об обращении их к Богу”⁸³; и один из них, по Его же свидетельству, так говорил о сём: „Не благо ли молиться за неверных и врагов, чтобы они приняли Веру Христову”⁸⁴. Согласно с такой молитвой христиан, блажен. Августин предлагал и правила для тех, кои стали бы сомневаться в исполнении того: „Молись только за врагов, а не говори, как Бог может обратить столь злых и развратных людей? По истине, не сомневайся в том; но помни то, Кого ты просишь, а не за кого просишь. Именно, ты молишься Всемогущему Богу, Который тебя также обратил”⁸⁵.

III. Ектеньи о призывании помощи Св. Духа, о искоренении и истреблении языческого кумиролужения и об обращении заблуждающихся к Православной Христианской вере. С. 193–194

На великой ектении, по прошении: „о плавающих, путешествующих, недугующих и пр.“.

О еже благословити доброе намерение и дело благовестия Св. Евангелия через рабов своих, благополучно и успешно, кроме всякого препятia, во славу Твою и спасение погибающих, язык Слово Твое возвещати силою, действием и благодатию Пресвятаго Духа, Господу помолимся.

О еже вся отступства и идолослужения истребити, и обратити вся языки неведущия Тебе единого Бога к познанию Истины, и Церкви Своей в Таинстве Св. Крещения силою, действием и благодатию Пресвятаго Своего духа сопричтити их, Господу помолимся.

О еже просветити сердца всех неверных и идолопоклонством помраченных – светом Своего богаразумия, верных же своих укрепити и непоколебимых в правоверии соблюсти, Господу помолимся.

На сугубой ектении, перед прошением: «Еще молимся о плодоносящих и добродетельных и пр.».

«Не хотяй смерти грешных, но обращения и покаяния их милостивно ожидая, заблудших от истины и во мраце идолослужения сущие к Твоему познанию обрати, и возрождением от воды же и Духа стаду Твоему Святому совокупи, и Церкви Твоей Святей и верным Твоим радоваться о обращении их сотвори, молимся Царю Святей, услыши и помилуй».

Призри Господи с небесе Святаго жилища Твоего и виждь лежащий окрест зловерных мрачный облак, и вскоре силою Пресвятаго Твоего Духа крепко разжени, яко да во свете Твоем без всякого препятia узрят свет Твой истинный, молимся Христе, Свете незаходимый, услыши и помилуй.

Архиерею вечный Христе, даждь премудрость, силу же и крепость Иерархам Твоим и всем правителем церковным, во искоренение отступства и всякого языческаго злочестия, во утверждение же и умножение православно-кафолическия веры и благочестия, во обращение к познанию Твоея истины всех заблудших язык, молимся Вседержителю милостивый, услыши и помилуй».

**IV. Молитвы об обращении Язычников к Святой
Православной Вере и Церкви, составленные на
основании Евангельского и Апостольского учения.
Молитва Богу Отцу. С. 194**

Господи Боже наш, Творче небесе и земли! Отче безначальный, невидимый и непостижимый! Давый Единородного Твоего Сына на спасение мира и Святаго Животворящего Твоего Духа во обновление наше. Призри с высоты славы Твоея и на языки, неведущия Тебе единого в Троице славимаго Бога. Зане разумевшие Тебе, не яко Бога прославиша или благодариша: но осуетишася помышлении своими, и измениша славу Тебе нетленного Бога в подобие образа тленных человек, и птиц и четвероног и гад, и послужиша твари паче Тебе Творца и пожроша бесом. Посети их благостью Твоею, избави их от насиельства диавола, да вси познают Тебе единого истиннаго Бога и Его же послал еси Иисус Христа, и да возродятся водою и Духом. Ангелы верны хранители присгави им, яко вси Твое есть создание. Ты един можеши явити в них богатые милости Твоя, аще не хочещи смерти и погибели человечестий. Вся убо расточенная собери в Твое Царствие: никто же бо внидет в не, аще не Ты, Благоутробне, привлечши. Да спасени Тобою восхвалят Тя со Единородным Твоим Сыном и Всесвятым и благим и Животворящим Твоим Духом ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Молитва Богу Сыну. С. 195

Господи Иисусе Христе Боже наш! Чаяние языков! Упование всех концев земли! Дел руку Твоею, неведующия кланяются Тебе в Троице славимому Богу, но жрущия в кумирех своих бесовом языки, не презри. Не могут бо своим си произволением к Тебе Богу живому обратитися. Обрати я и обратятся к Тебе. Ты еси Бог еже хотети и еже деяти. Тобою вси живем, и движима и есмы. Никто же приидет ко Отцу, токмо Тобою, Спасителем всего мира. Помяни обещание Твое: аще Аз вознесен буду от земли, вся привлеку к Себе. И ины овцы имам, яже не суть от двора сего: и тые Ми подобает привести, и глас Мой услышат: и будет едино стадо и Един Пастырь, да вси едино будут в Тебе со Отцем и Духом. Соверши убо Владыко многомилостиве и человеколюбче Господи, еже не ложно обещал еси. Обетования бо Твои не раскаянна, и слово Твое истина есть: и отрещися Себе не можеши. Да от восток солнца до запад славится Трисвятое Имя Твое во языцех и zde на земли, и в горних обителех дивнаго и славнаго великаго града Иерусалима, его же уготовал еси всем верующим и любящим Тя. Твое бо есть, еже миловати и спасати Христе Боже наш, и Тебе славу воссылаем со безначальным Твоим Отцем, и Пресвятым и благим и Животворящим Твоим Духом ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Молитва Богу Духу Святому. С. 195

Царю Небесный, Утешителю всеблагий, Душе истины, призри на молитву раб Твоих, прииди к нам, вселися в ны, и очисти души наша. Сотвори Божественною силою Твоею, да и неведущии Тя в Троице славимаго Бога озарятся светом познания Твоего и верою в купели Святаго Крещения возродятся Тобою в новую благодатную жизнь. Ты бо являеши сугубые дары благодати Твоея и неимущим и невопрошающим о Тебе. Сии же, кланяющиеся идолом, не могут видети, ни знати Тя, ни обратитися, ни прийти к Тебе, живи суще уловлени диаволом, и несть им ослабления. И како свободни будут, аще не Ты свободиши я. Изведи убо из плена и темницы вражия души их исповедатися имени Твоему. Прожени тьму и открий очи их, да узрят свет Твой. Расторгни узы, да свободу уллучив, поработают Тебе. Дажь им уши слышати сладчайший глас Твой, и вожделети Тя. Дажь им нози приити к Тебе. Дажь сердца ново и дух правый обратитися к Тебе, и бояться, и любити Тя. Ты совершенное действо еси всех благ, и Тебе со Отцем и Сыном по долгу пение приносим, всегда, ныне и присно, и во веки веков, аминь.

Архимандрит *Вениамин*

Козицкий П. Можно ли штундизм отождествлять с баптизмом // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 196–206

В последнее время повсеместно замечается, что штундисты систематически избегают общераспространённого и давно усвоенного этой секте наукой и правительством названия *штунды* и, где следует – в судах, на миссионерских собеседованиях, при столкновении с властями и в житейском быту – называют себя *евангельскими христианами*, *евангеликами*, а чаще всего *баптистами*. Это стремление сектантов, отчасти имевшее место и прежде, проявилось с особой настойчивостью после издания в 1894 году закона, по которому штунда признается сектой особо вредной по своему направлению не только в церковном, но и в политическом отношении, причём ей ограничены права в отправлении общинных богомоленных соборий. Само собой разумеется, что такое стремление сектантов отождествить себя с баптизмом, в виду вышеуказанного закона, является вполне понятным, особенно если принять во внимание, что название баптистов искусственно прививается нашим сектантам их руководителями единоверцами и сочувствующими интеллигентами. Такую миссию, например, принял на себя известный в штундизме просвещённый сектант Павлов, считающийся пресвитером Тифлисской баптистической общины⁸⁶. Миссией Киевской епархии установлен такого рода факт, иллюстрирующий высказанное нами положение. Не безызвестно, что м. Богуслав является центром штундизма в Каневском уезде Киевской губернии, и богуславские штундисты считаются одними из самых упорно-закоренелых; к ним-то в январе месяце прошлого 1899 года приезжал, инкогнито, сей самый Павлов; он убеждал сектантов отказаться от прежнего названия *штундистов* и усвоить себе, где следует – в судах, при столкновении с местными властями и в деловой переписке – название *баптистов*, так как это название (будто бы!) поставит их под защиту закона 1879 г. и тогда положение Комитета Министров 1894 г., Высочайше утверждённое, как относящееся к штундистам, не будет простираться на них – баптистов.

Инструкция таких вожаков, как Павлов и К°, быстро облетела и проникла во все штундистские гнезда, привела сектантов в восторг и принята ими к руководству и исполнению. Теперь всегда и повсюду, особенно на судах, сектанты отрицают всякую связь со штундой, называют себя баптистами и, трактуя закон 1894 года, как не относящийся к ним, требуют от судов оправдательных по тому или

другому делу приговоров. Сверх того, перед нами недавний пример того, как стараются русские штундисты и их защитники прятаться за немецкий баптизм. 9-го ноября прошлого 1899 года в Киевском съезде мировых судей слушалось, в апелляционном порядке, дело по обвинению полицией 53-х человек штундистов, учинивших противозаконное сбире в частной квартире, с целью пропаганды своего лжеучения. В виду голословного утверждения сектантами, что они не штундисты, а баптисты, мировой судья их не признал виновными перед законом 1894 г. Дело было в апелляционном порядке перенесено в мировой съезд, куда в качестве эксперта, вызван был чиновник особ. поручений при Обер-Прокуроре Св. Синода, В. М. Скворцов. Он в своей речи ясно доказал суду, что обвиняемые и есть истые штундисты, которым наука сектоведения усвоила название *штундо-баптистов* и что к ним именно должен быть применён закон 1894 г. На суде сектанты называли себя евангеликами или последователями евангельского учения, или баптистами и отрицали свою принадлежность к штунде. Первый защитник подсудимых, присяжный поверенный г. Богданов, просил суд оправдать его клиентов на том основании, что они – христиане-евангелики, т. е. следующие учению евангелия, и что они, как якобы не принадлежащие к штундизму, свободны от наказания, так как закон 1894 г. относится к другим сектам, а не к его клиентам. Второй защитник, сектант-интеллигент Рюмин, просил суд оправдать подсудимых в силу того, что г. эксперт доказал на суде, что подсудимые *штундо-баптисты* – а потому закон 1894 г., исключительно направленный против штундистов, не касается подсудимых. Хотя суд и вынес подсудимым обвинительный приговор, но сама постановка защитой вопроса о подсудности сектантов, в виду отрицания ими принадлежности своей к штундизму – с одной стороны, и признания их экспертизой *штундо-баптистами* – с другой, заслуживает всяческого к себе внимания со стороны исследователей штундизма.

Естествен поэтому вопрос: можно ли, не впадая в противоречие с требованиями науки сектоведения, отождествлять штундизм с баптизмом или же нет?

Положительное или отрицательное решение этого вопроса имеет важное значение как в принципиально-научном, так и в практическом отношении. Штунда по закону 1894 года, как замечено выше, признаётся вредной в церковном и государственном отношении, потому всякое оказательство этой секты преследуется государственными законами; баптизм же. под которым разумеется сектантство среди немецких колонистов, – секта дозволенная по

закону 1879 г. и даже уравнивая в правах, относительно устройства своего церковного быта, с инославными исповеданиями. Отсюда ясно, что признание штундизма тождественным с баптизмом ставило бы эту секту под защиту закона 1879 года, имеющего в виду исключительно немцев-баптистов, и оставляло бы противозаконные ныне деяния штундистов совершенно безнаказанными.

Обратимся к нашей противо-сектантской литературе и посмотрим, какими данными она располагает для решения в ту или другую сторону настоящего вопроса.

С лёгкой руки покойного Киевского кафедрального протоиерея П. Г. Лебединцева, окрестившего штунду баптизмом (см. Киевск. Старина, 1885 г. № 3, стр. 490–518, ст. «Штунда или баптизм в Киевской губ.»), в нашей противо-сектантской литературе стало нередко прилагаться к штунде название баптизма, а штундистов начали называть баптистами.

Вслед за о. Лебединцевым и свящ. о. Ар. Рождественский в своём известном сочинении, изданном в 1889 г. под заглавием «Южно-русский Штундизм», подробно коснувшись вопроса о влиянии баптизма на штундизм, показал, как под влиянием этого сектантства изменил свою физиономию штундизм, и последователей «Косяковского толка», т. е. приемлющих водное крещение, автор отнёс к категории чистых баптистов, при этом о. Рождественский, провёл ту мысль, что Косяковский толк представляет собой произведение немецкого баптизма; потому-то и последователей этой фракции он во многих местах своего исследования и называет прямо баптистами (105–106, 171–178 стр.).⁸⁷

Наконец, то же название, только несколько в реформированном виде, усвоено штундизму и вторым всероссийским миссионерским съездом, бывшим в Москве в 1891 году. съезд этот отнёс штунду к категории рационалистических сект и дал ей название *штундо-баптизма*. Комиссия, которой поручена была разработка вопросов о сектантстве, по заслушании всех миссионерских докладов о штундизме, окрестила штунду, по нашему мнению, весьма неудачно и притом мало отвечающим истинному положению вещей термином – *штундо-баптизма*⁸⁸; общее же собрание миссионерского съезда одобрило и утвердило за штундизмом такую номенклатуру. С этого времени в нашей противо-сектантской литературе приобрело право гражданства и утвердилось это название за штундой⁸⁹.

Усвоение штундизму названия *штундо-баптизма*, во многих случаях и просто *баптизм*, оказалось не только не полезным, но даже и вредным⁹⁰.

Не вдаваясь в строго-научные изыскания, мы в общих чертах попытаемся осветить данный, спутанный ныне и в понятиях самих сектантов и суда, вопрос в надежде, что и другие заинтересованные в настоящем выскажут своё мнение.

Деление штундизма, как было принято раньше, на две фракции – на *младо-штундистов* и *старо-штундистов*, а по другой версии – на последователей и *Чаплинского* и *Косяковского толка*, – по

нашему крайнему разумению весьма удачно и вполне отвечает действительности⁹¹. Факты говорят, что с течением времени почти все, сектанты стремятся к тому, чтобы принять водное крещение; если некоторые и не приемлют крещения, то или потому, что главари считают их недостаточно подготовленными и потому недостойными принять его, – или потому, что вожаки той или другой сектантской общины не сочувствуют обрядовой стороне, которая живо напоминает им православие. Впрочем, отклонения в ту или другую сторону весьма часто замечаются в одном и том же штундистском толке. Так – даже сами чаплинские штундисты имеют ныне пресвитера, совершают преломление и приемлют водное крещение. Иначе сказать – среди представителей фракции духовных христиан – чаплинцев замечается тяготение в сторону обрядов. Таких фактов миссия имеет не мало. Что же отсюда следует? Стали ли штундисты, принадлежащие к чаплинскому толку, после усвоения ими пресвитерского института и принятия водного крещения, баптистами? Далеко нет, – и вот почему.

Бесспорно, что штундизм реформировался под влиянием баптизма и заимствовал от него более правильную организацию, вследствие чего и получил некоторую устойчивость и определённую физиономию; но – и только. Исследователю штундизма должно обратить внимание на то обстоятельство, что реформа этого сектантства совершалась и даже теперь совершается на наших глазах слишком своеобразно: каждая штундистская община заимствовала и заимствует из баптизма только то, что ей нравится и считается почему-либо удобным. Часто реформа той или другой штундистской общины обуславливается личными симпатиями вожakov. Так – возле вожakov, порешивших навсегда покончить с обрядовой стороной православия и настроенных враждебно против всяких обрядовых форм, сгруппировались и группируются духовные христиане, или последователи Чаплинского толка; а возле тех, которые склонны к обрядности, сформировалась фракция Косяковских штундистов. Сказать, что штунда теперь уже вылилась в определённые формы – нельзя. Брожение и движение в недрах штунды совершается на наших глазах то в ту, то в другую сторону; при этом штундизм,

реформированный по типу баптизма, остаётся штундизмом и ни в каком случае не может быть отождествлён с этим сектантством. *Мистическая струя*, проникающая штундизм первоначальной формации, непрерывно, до сих пор, поддерживается в штунде и служит отличительным признаком этого сектантства от немецкого баптизма, секты более сухой и более рационалистической, нежели сама штунда. А что это так – доказательства на лицо. Чем объяснить появление *малеванщины* в 1890 году среди штундизма в Киевской губернии, прогрессивный рост этого болезненного явления среди штундизма в 1892–93 гг. и, наконец, обнаружение среди сектантов той же Киевской губернии рецидивов на почве малеванщины и в истекшем 1899-м году? Всё это вместе взятое подтверждает наше положение, что русская *штунда не то же, что немецкий баптизм* по самому существу своему. Не будь мистической струи в штундизме, возможны ли были бы явления, подобные малеванщине, на почве этого сектантства? Почему подобного движения не замечается среди немецких баптистов – колонистов?

Да и по самому происхождению между штундой и баптизмом есть коренное, чисто специфического характера, различие, которое не позволяет отождествлять штундизм с баптизмом.

Под штундой разумеется рационалистическая секта, отчасти с струей мистического характера, распространившаяся среди южно-руссков, отчасти в западных наших окраинах, проникшая потом на юг и восток России и в Закавказье, – и получившая своё начало в Херсонской губ. в сёлах и деревнях, граничащих с немецкими колониями, под влиянием сектантских идей немецких братств *Stunden*. С именем же баптизма у нас всегда соединялось и соединяется представление о *заграничной секте*, последователи которой имеются среди немцев – колонистов нашего юга и востока России. Этих-то немецких баптистов – колонистов и имеет в виду исключительно закон 1879 года и представляет им некоторые права, но никак не русских сектантов.

Вот эти положения при обследовании рассматриваемого нами вопроса и должны быть краеугольным камнем⁹², на котором должны покоиться все выводы исследования: этого требует и объективность науки и действительное положение вещей. И в самом деле: если мы штундизму, реформированному под влиянием баптизма, усвоим название этого последнего, то тем самым поставим себя в крайнее недоумение – не будем знать, о чём идёт речь – о *южнорусском штундизме* (иначе сказать – о русском ли сектантстве) или о

немецком баптизме, адепты которого имеются в немалом количестве среди наших немцев – колонистов?⁹³

Третий всероссийский Миссионерский съезд, бывший в 1897-м году в Казани, рассматривая вопрос о *штундо-баптизме*, пришёл к тому заключению, что деление сектантов на *штундистов* и *баптистов* утратило своё значение, так как, по заявлению миссионеров, основательно изучивших штунду, штундисты не крестят своих детей. На основании этих данных и состоялось постановление съезда, что наука сектоведения номенклатуре сект должна установить одно общее название *штундизм* как для баптизма (старо-штундизма), так и для духовной штунды (младо-штундизма), а равно и для пашковщины. (Смотр. Деяния 3-го всероссийск. Миссионер. съезда. В. М. Скворцова. 128 стр.). Поместный миссионерский съезд, бывший в 1898 году в Одессе, в числе других вопросов обсуждал и вопрос о том ущербе и тех затруднениях, с которыми приходится встречаться нашей миссии в деле борьбы со штундой в виду того обстоятельства, что это сектантство прикрывается якобы своей принадлежностью к баптизму, почему и все его деяния остаются безнаказанными, – и постановил, что сектантство, именуемое штундой, в форме только известного под именем штундо-баптизма, ни в каком случае не может быть отождествлено с баптизмом, так-как во 1-х, под – именем баптистов нужно разумеать сектантов – немецких колонистов, и что к ним-то и относится известный закон 1879 года, которым протестантская секта эта по устройству своего церковного быта и нравам приравнена в России к инославным исповеданиям, и во 2-х, наука сектоведения не знала и не знает русского баптизма.

Это постановление двух миссионерских съездов настолько важно и настолько знаменательно, что ни в каком случае нельзя пройти его молчанием: оно самым наглядным образом иллюстрирует доказываемое нами положение, что наша штунда не может быть отождествлена с баптизмом и что ему далеко не к лицу усваивать себе чужое имя.

В нашей духовной литературе самого последнего времени появился весьма удачный опыт научным путём разрешить рассматриваемый нами вопрос. Говоря это, мы имеем в виду, недавно изданную преподавателем раскола в Киевской духовной семинарии Хр. В. Корчинским, брошюру под заглавием «*Киевская секта – штундизм или баптизм?*»⁹⁴

В своих выводах почтенный автор с убедительностью доказывает, что штундизм секта далеко не тождественная с баптизмом и что

смешивать обе секты при некоторых общих признаках общепротестантского их характера нет никакого основания.

Поэтому стремления штундистов, на основании одних принятых ими внешних признаков, усвоить себе имя баптистов, с целью приобретения прав, законом усвоенных немецкой секте (баптизму), не только не основательны, но прямо-таки и противозаконны, ибо отрывают их от родного православия и вносят смуту в сознание русского народа, являются посягательством на целостность православной Церкви и единство русской народности и стоят в полном противоречии с волей Государя Императора, так недавно выраженной в знаменательных словах: «Русские же люди искони были и будут православными и вместе с Царём своим и Царицей выше всего чтут и любят родную православную Церковь». Посему закон 1879 года, имеющий в виду немцев – колонистов, не должен распространяться на русских штундистов; эти же последние должны всецело подчиняться закону 1894 года, признающему штунду вредной в государстве сектой.

Надеемся, что затронутый нами вопрос – не праздный: он имеет весьма важное значение в практическом отношении; правильным решением его прежде всего определяется *правовое положение* сектантов-штундистов в нашем государстве. В силу этого и наука сектоведения должна к нему отнестись со всей серьёзностью и объективностью.

П. Козицкий

**Добротин Г. Церковно-государственные воззрения
Митрополита Филарета (Дроздова) на раскол и секты //
Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 206–218**

Суждения м. Филарета о веротерпимости и свободе исповеданий, о взаимоотношении церкви и государства, о необходимости ограждения господствующей церкви. Церковно-государственная точка зрения на раскол и причины его упорства.

Высокопреосвященный митрополит Филарет давно признан столпом и утверждением Российской Церкви своего времени. Его суждения по всем вопросам ценятся ныне и изучаются, не только как мудрые многоценные справки, но и как путеводные верстовые столбы для путеводителей нашего туманного времени, не твёрдо знающих прямые дороги нашей и церковной, и государственной истории. Ничто так густо не окутано в наше время туманом трескучего либерализма, как вопросы о мерах борьбы с расколом и сектами об иноверии, инородчестве и проч. Вот почему представляется и благовременным, и полезным посмотреть и вдуматься, как мыслил о сём великий церковно-государственный человек своего века. Воззрения святителя Филарета по вопросу о расколе и сектах и о мерах борьбы с ними стоят в тесной зависимости от представлений его о той степени вреда, какую наносят раскол и его секты церковно-государственному благу, имеющему, по его мнению, главную опору свою в соблюдении неприкосновенности *принципа церковно-государственного единства в России*, Выражая своё мнение по вопросу о том, как должны быть разделены перед законом расколы и секты, митрополит Филарет, между прочим, писал, что «закон должен смотреть на раскол и секты частью с церковной точки зрения, потому что православная государственная власть должна охранять господствующее в государстве православное вероисповедание, но ближе с государственной точки зрения, поколику государство должно благоустроить и охранять само себя»⁹⁵. Этим же убеждением митрополита Филарета в том, что залогом процветания церкви православной и государства русского служит охранение принципа церковно-государственного единства, обуславливается и общий взгляд митрополита Филарета на веротерпимость, или на ту меру свободы вероисповедания, которая может быть применена в русском государстве к расколу и различным еретическим сектам и фракциям.

Касаясь вопроса об отношении церкви к государству, святитель не разбирает каких-либо юридических теорий относительно этого

предмета, но рассматривает только ту форму отношений церкви к государству, практическое осуществлении которой он желал видеть. Эта форма есть *тесный союз* или, как выражается святитель, *единство и гармония* ⁹⁶ *церкви и государства*. Такой тесный союз церкви и государства митрополит Филарет признавал не только полезным для той и другой стороны, но и наиболее соответствующим существу природы двух институтов – церковного и государственного. «Да, есть в том польза, говорит святитель в одной из своих проповедей, *когда алтарь и престол союзны*: но не взаимная польза есть первое основание союза их, а самостоятельная истина, поддерживающая тот и другой». ⁹⁷ Как следствие союза с церковью, у христианского государства должны появиться, по мнению Филарета, в числе других его обязанностей по отношению к церкви, и обязанность охраны и защиты церкви ⁹⁸, затем – попечительства о внешнем благе её ⁹⁹ и, наконец, покровительства ей в сравнении с другими вероисповеданиями. ¹⁰⁰ Лучших отношений между церковью и государством митрополит Филарет не желал видеть и в России. И так как указанные типические черты отношений государства к церкви были всецело воплощены в России, то митрополит Филарет неоднократно высказывал им своё одобрение. «В России, говорит он, по благодати Божией, православная церковь и государство состояли и состоят в единении и согласии, не нарушаемом никакими временно противоречащими воззрениями, какими нередко затрудняют друг друга церковь и государство у многих других народов христианских ¹⁰¹. Единственным блюстителем гармонии и единства отношений между церковью и государством в России, основанных на обоюдной взаимопомощи, является, по представлению святителя, Государь. Отношение Государя к церкви должно состоять в том, что он, как избранник и помазанник Божий, обязан быть защитником церкви. ¹⁰² «Россия есть единственное государство в Европе, в котором и правительство, и народ вполне признают, что «несть власть, аще не от Бога». Государь всю законность свою получает от церковного помазания, из чего вытекает, что положение церкви и отношение её к государственной власти не сходно с положением церквей в государствах католических и протестантских: ¹⁰³ Царь есть природный защитник и покровитель церкви православной». ¹⁰⁴ В слове, произнесённом в день коронации Императора Александра II, м. Филарет так представляет отношение к церкви Монарха, Богом венчанного на царство: «Светло возрадуйся, православная церковь, молитвенно взывает святитель, и твоя соборная молитва веры, любви и благодарности да восходит к престолу Всевышнего, когда Он на

избранное от людей своих полагает печать своего избрания, как на вождя первенца твоих сынов, на твоего верного и крепкого защитника, на преемственного исполнителя древнего о тебе слова судеб: «будут царие кормители твои» (Ис.49:22).¹⁰⁵ Тесный союз алтаря и престола, церкви и государства и обоюдная польза, проистекающая отсюда для того и другого института, по мнению м. Филарета, служит достаточным основанием для того, чтобы устранять всякую мысль о проведении на практике принципа полной свободы вероисповедания. Митрополит Филарет находил неудобным применять в церкви полную свободу вероисповедания или, по выражению его, *«избыточествующую веротерпимость»*.¹⁰⁶ Мысль о веротерпимости он называл «благovidной, но только справедливой тогда, когда верно и точно определены её предмет и пределы»¹⁰⁷. Веротерпимость, по Филарету, прежде всего, *не есть свобода пропаганды*. Характер православно-христианской веротерпимости он так определяет: «наша церковь – единая, истинная, апостольская церковь» все прочие христианские и философские верования признаёт за раскол и ереси. Свобода обращать отныне в России нехристианские племена в то или другое вероисповедание рушит основное учение православной, греко-российской, восточной, истинно-Христовой церкви: эта мера, *не скажу терпимости, а безверия...* упрочит, усилит и вновь породит расколы.¹⁰⁸ Терпимость, значит, *не согласие на, «всеобращения», не признание ересей, а только «отсутствие гонений, допущение иноверцам пребывать в своей природной религии, коснеть в заблуждениях: доколе не озарит их свет благодати, – квакер ли это или еврей, гернгутер»*¹⁰⁹ или мусульманин, папешник или язычник»¹¹⁰.

Терпимость, по мысли Святителя, должна быть ограничиваема *«справедливостью и осторожностью»*¹¹¹. То начало, что в деле веры и совести всякое принуждение должно быть устранено... по требованиям справедливости... подлежит исключениям, когда касается совести погрешительной, как напр. христианские греческие императоры, конечно, не согрешали, когда повелевали разрушать языческие храмы и строго запрещали жертвоприношения, не совещаясь с язычниками о деле, касающемся языческой веры и совести¹¹². Христианской кротости свойственно оказывать терпимость разномыслящим, но осторожность должна определить меру терпимости. Добро может оказать терпимость злу, но зло не окажет терпимости добру. Следственно, *оказывать чрезмерную терпимость злу значит подавать ему орудие против добра*¹¹³. «Если в госудрстве, рассуждает м. Филарет, самая широкая свобода ограничивается законом, охраняющим целостность государства и

безопасность его членов; менее ли необходимо, чтобы свобода верования была ограничиваема законами, охраняющими целостность церкви и безопасность мирных её членов»¹¹⁴.

Все указанные соображения приводят к мысли об охране православного вероисповедания, каковая мысль, по убеждению м. Филарета, должна стоять выше мысли о веротерпимости и полагать ей пределы¹¹⁵. Поэтому то Святитель в 1865 году и выражал своё неудовольствие по поводу того, что «для многих новые благозвучные слова: свобода верования, – заглушают старую строгую мысль: охранение верования»¹¹⁶. Охранение православной веры со стороны православного государства он считал «коренным правилом, от начала существующим»¹¹⁷.

«Со времени равноапостольного Константина, писал митрополит в 1866 году к преосвященному Алексию, впоследствии архиепископу Тверскому, – государственная власть ограждала мир церкви оплотом государственных законов. Потом, когда в Риме государственная власть ослабела, папы вздумали, не довольствуясь оборонительной помощью государства, наступательно действовать на государство и слишком много в сём успели. Наконец, возникло противодействие, и государства, усиливаясь свергнуть папское иго, начали разрушать и охранительные для церкви оплоты. Предубеждённые в пользу западной образованности перенесли такое действие и туда, где церковь никогда не отягощала государства, а всегда помогала ему»¹¹⁸.

Таковы суждения м. Филарета о свободе вероисповедания и об охране господствующей в России православной веры.

Что же такое раскол по воззрениям митрополита Филарета, и какое его значение? Современный раскол, по воззрениям московского Святителя, – *церковно-государственное явление* по своему значению, хотя он родился и возрос на церковной почве. «В прежние времена (писал он в 1851 году, в ответ на вопрос о значении раскола в российском государстве) раскол имел значение преимущественно церковное, и в глазах Императрицы Екатерины II раскольники ещё могли казаться более смешными или жалкими, чем опасными. Но в настоящее время раскол имеет важное значение преимущественно в гражданском¹¹⁹ отношении. И в том, и другом отношении *он есть «болезнь», «зло», «язва»,* непрестанно всё более и более распространяющиеся и требующие неотложного и серьёзного врачевания¹²⁰. Но то, что должно быть почитаемо наиболее осудительным и вредным в раскольниках, это есть их отчуждение от церкви и мятежное против неё расположение¹²¹. *Ибо что такое раскол с церковной точки зрения?* Отложившаяся, повреждённая

отрасль господствующего вероисповедания, к которому все раскольники совершенно принадлежали прежде в своих предках¹²²; «общество людей, которое вследствие давно возникших распрей и усиленно изысканных сомнений о вселенской православной церкви само себя поставило в отчуждение от вселенской православной церкви»¹²³. Разорвав союз с единой Святой соборной и апостольской церковью и за это вполне справедливо отторгнутые ею, «раскольники вздумали созидать какую-то иную, которой основанием и подпорами служат беглецы священства и самопоставленные наставники, никем никогда не посвящённые». Таким образом, ныне существующие церкви раскольнические – *«самовольные и самодельные построения, воздвигнутые во вражде к православной церкви, врата адовы, на прельщение неведущих малым подобием церкви прикрашенные»*¹²⁴. – При таком характере раскол, очевидно, великое зло, так как в своих сетях держит «тысячи несчастных, отчуждая их от церкви, ведущей ко спасению»¹²⁵, о которых каждый глубоко верующий должен глубоко сожалеть. Но ещё большее зло раскола заключается, по мнению Филарета, *в его отношении к православной церкви*. Родившись от неповиновения к ней и от вражды с нею, раскол ненавидит её до сих пор, как в первое время своего существования. Ненависть эта выражается, между прочим, и в тех названиях, которые раскольники дают церкви православной: они называют её «никоновской», «еретической» и «антихристовой». Главная причина этой ненависти та, что основное своё свойство – безблагодатное состояние – самочинные раскольнические церкви переносят на православную церковь и *стремятся стать на её место*, в качестве истинной и христовой церкви, – *это их дерзкая заветная мечта*. Отсюда усиленная, вполне незаконная пропаганда раскола среди православных, без которой раскол, может быть, уже давно прекратил бы своё существование. Таким образом, православие и раскол по самому существу своему так противоположны друг другу, что существование и рост одного могут совершаться только на счёт и в ущерб другого¹²⁶. В этом отношении «раскол, говорит митрополит Филарет, не может идти в сравнении с терпимыми в России исповеданиями: они не касаются коренного русского православного населения. Напротив того, раскольники по духу своего прозелитизма, никогда не разграничиваются с православными. Оттого существует значительное число колеблющихся между православием и расколом»¹²⁷. Такой исключительный, враждебный по отношению к православной церкви, характер раскола, а равно и весь вред его для православия ясно обнаруживается, по взгляду митрополита Филарета, в способах ь его распространения.

Раскол, по его мнению, более и более распространяется не *не силою каких-либо внутренних своих достоинств*, по потому, отчасти, что очень благоприятна почва для его развития в среде малообразованного православного люда, а главное потому, что для многих или очень заманчиво выгодны его сети или непосильна борьба с ним. «Раскол не имеет ума и чувства, чтобы жить ими», и в раскольниках вообще «мало имеет силы религиозное убеждение, поскольку сила рассуждения мало в нём раскрыта и образована». «Дикое растение самочинного неведения» по своему происхождению – раскол и в настоящее время держится, и питается неведением. «При собственном невежестве, раскольники пользуются неведением православных для совращения их в раскол», так как «для безграмотного крестьянина довольно двух слов: «старая вера», чтобы совратить его с церковного пути. Опровержение сих слов не так просто, а потому не так легко производить впечатление»¹²⁸. Этим объясняется, что «между крестьянами и мещанами и особенно их жёнами есть многие, которые держатся раскола; но между купцами и особенно молодыми весьма немногие веруют в раскол, но остаются в нём или по выгодам, или по наклонности к своеволию, дозволенному их лже-верованием, или из опасения преследования могущественнейших старшин»¹²⁹. Последний способ – насильственного удержания в расколе бывших его приверженцев весьма часто практикуется руководителями раскольнической общины.

«Есть много несчастных, говорит Филарет, которые, по лукавству их руководителей, коснеют в невежестве и разврате и отчуждении от Церкви Божией, ведущей ко спасению, не по своей вине, а по рабству, в котором держат их попечители и старшины их, управляющие ими деспотически»¹³⁰.

Благодаря такой тяготеющей над раскольническим многолюдством силе ожесточённых руководителей, происходит то, «что многие, особенно мало могущие, не смеют обнаружить своего расположения к Церкви, хотя и имеют оно»¹³¹. Но главной опорой раскола, по мнению Филарета, опять-таки служит денежная сила. «Деньги, деньгами купленное покровительство, мирские выгоды, господство богатых раскольников, вольность и безнаказанность преступлений»¹³² – вот, помимо невежества, другие, ещё более сильные и надёжные «подпоры» раскола, заменившие фанатизм, которым он первоначально жил и который с течением времени значительно ослабел»¹³³. Эти «подпоры» раскола настолько действительны, что против них «знание и ревность духовенства ведут» «бесплодную

борьбу», равно как и все мероприятия правительства, почти совсем парализуются ими.

Самый упорный, ожесточённый, вредный элемент в расколе составляют «вожаки», «старшины» или «коноводы», а также расколо-учители. Самой главной из подпор его служат общественные заведения раскольников с громадными капиталами и недвижимостями, первое место среди которых по своему богатству и огромному влиянию почти на всю Россию, бесспорно, занимают два московских официально-благотворительных заведения, а по просторечию кладбища – Рогожское и Преображенское. – Сами менее всего заботясь об истине, вожаки раскола упорно коснеют в нём «единственно по земным нечистым побуждениям», – потому только, что он выгоден для них во всех отношениях: ему обязаны и им держится их влияние, почёт, уважение, богатство и проч.; словом – «раскол есть их промысел, доставляющий им большие выгоды и почёт»¹³⁴. В то же время для них есть и ещё одна «прелесть» в расколе, какой они не могут ждать от православной Церкви, как чуждой её, это – «независимое и республиканское самоуправство в церковных делах». Их попы и отцы, большей частью не сильные разумением и добродетелью, – всегда бесприкословные исполнители их воли, так как при том находятся от них в полной денежной зависимости и избираются ими. Поэтому властные руководители имеют возможность всякому церковному правилу «нужды ради сделать применение». Вследствие таких выгод, вожаки раскола не только сами упорно держатся его, но и ревностно, всеми зависящими от них средствами, пропагандируют его, жестоко мстят отступникам от него и поставляют всевозможные препятствия ревностным против-раскольниковским миссионерам. Более часто практикуемый ими способ пропаганды раскола и обычные их средства для укрепления его состоят в том, что начальствующие раскольники, напр. управляющие и старосты, теснят, подчинённых, богатые – бедных, хозяева – фабриканты – своих рабочих, если эти последние принадлежат к православной Церкви или изъявляют желание оставить раскол. Там же, где указанный способ действия малоприменителен или оказывается недействительным, заправила раскола, в видах его усиления и для противодействия успехам православия, пускают в ход «запрещения и проклятия», а где нужно – и прямо грубое насилие. – Деятельными помощниками вожаков в пропаганде раскола являются расколо-учители-лже-епископы и лже-попы в поповщине и, так называемые, наставники и отцы в беспоповщине. Не смотря на своё невежество, они оказывают большие успехи в совращении православных в раскол. Главная

причина сему та, что «поддерживаемые и охраняемые богатыми раскольниками» они свободно и «безопасно ходят повсюду и сеют плевелы, стараясь между тем избегать встречи с православными священниками, чтобы не подвергнуться их обличению», и тоже внушая тем, которых успевают поколебать в православии.

«Таким образом, простой народ», одинаково восприимчивый к истинным и ложным учениям, по своему крайне скудному развитию, «становится более открытым полем для сеяния плевел, нежели пшеницы»¹³⁵. Затем, сильно размножившаяся австрийская лже-иерархия своим многолюдством, частыми поборами, дерзко открытыми торжественными служениями и своим полным подобием по внешности православному духовенству много приносит вреда православию, внушая раскольникам и православным мысль с одной стороны о её государственной и церковной законности, с другой, – о неприкосновенности и истине раскола вообще¹³⁶.

Вредной и незаконной по своим средствам пропаганде раскола, совершаемой его вожаками и священнослужителями, придают силу и устойчивость, по взгляду митрополита Филарета, раскольнические общественные заведения и главным образом Преображенское и Рогожское кладбища. «Сии два раскольнические заведения», говорит он, «с начала текущего столетия сделались центром двух толков раскола, сильными для распространения его и для упорства против действий правительства и православного духовенства»¹³⁷. Как центры раскола, Рогожское и Преображенское кладбища, в лице своих старшин и настоятелей, имеют влияние почти на все отрасли поповщины и беспоповщины на пространстве едва не целой России, руководят повсюду распространением раскола, употребляя при этом преимущественно те же средства, какие обычно практикуются отдельными вожаками, т. е. деньги а, где нужно, и насилия, только в гораздо более обширных размерах, – поддерживают его связями, назначают по своему усмотрению в иногородние общины лже-попов и духовных отцов, разрешают недоуменные церковные вопросы, часто служат местом для многолюдных соборов и проч. В свою очередь, и иногородние общины не предпринимают ничего без своих митрополий, обращаются к ним за советами, разрешением споров и своими пожертвованиями увеличивают и без того большие богатства их¹³⁸. Параллельно с укреплением и развитием зла, причиняемого расколом православной церкви, увеличивается и вред от него для государства. Вредное государственное значение раскола, по мнению митрополита Филарета, уже неизбежно вытекает и ясно обнаруживается из его враждебного отношения к православной церкви. «Во все времена, у

всех народов господствующая государственная религия, говорит он, была, есть и будет скреплением, связью, цементом, так сказать, стихией народности: языка, законов, нравов, прав и обычаев. Где нарушалось единство религии, там стихии народности разлагались, дробились, исчезали. С ними упали правительства, разъединялись народы». Благочестивое правительство России господствующим вероисповеданием и одним из твердейших оснований государственного единства и силы признаёт православную веру». «Следовательно, заключает митрополит Филарет, что угрожает вредом единству веры, то угрожает государству»¹³⁹. Раскол же своим усиленным прозелитизмом непрестанно и явно действует во вред единству церковному, разрушает церковное единомыслие и единодушие и, таким образом, вместе неизбежно действует и во вред единству государственному, за разрушением церковного единомыслия и единодушия, последовательно влеча за собой расстройство и разрушение единства народного духа в отношениях гражданском и патриотическом, что особенно опасно в России, в которой центром народного духа издревле есть вера, а также и нравственность»¹⁴⁰. Политические воззрения и нравственное учение раскольников вполне подтверждают такой вывод относительно разъединяющего и деморализующего влияния раскола и не оставляют сомнения в великой опасности его для государства. По своим *политическим воззрениям*; раскольники не только не имеют к правительству доброго расположения и сердечной верности, но являются такими же непримиримыми противниками его, как и православной церкви, потому что всю свою ненависть к церкви они целиком переносят и на правительство за оказываемое им покровительство церкви и согласие с нею. Ясным доказательством сего служит то, что все свои нечестивые названия, прилагаемые к первой, они переносят и на последнее. Вследствие этого все раскольники, без различия сект, согласно сходятся в том, что не признают Царя помазанником Божиим и не почитают никакой власти законной, которой бы должно было повиноваться по совести, и потому-то они от некоторых гражданских постановлений разными недозволенными средствами уклоняются, а другие исполняют, по их выражению, «для ясности, страха ради иудейска»¹⁴¹. В политическом отношении, как и в церковном «большая часть смотрят на раскольников с той точки зрения, как и на иноверцев; но это большое заблуждение. Иноверцы, различаясь с нами в догматах, ничего не имеют против правительства и следуют правилу: «Божие Богови, кесарева кесареви», а раскольники выражают это так: «Божия Богови, а бесова бесови»¹⁴². Вообще, вследствие

взгляда на правительство, как еретическое и антихристово, в раскольниках есть «явное стремление к тому, чтобы образоваться в сомкнутую отдельность от общего государственного устройства (Status in statu)», вреднее которого, конечно, ничего не может быть в гражданском отношении¹⁴³. При этом, в противовес существующему монархическому гражданскому началу, как и иерархическому церковному, раскол развивает противоположное ему демократическое начало, как это видно из того, что раскольники «действуют так называемыми попечителями, самовольно избранными, часто также самовольными совещательными собраниями, частью, в особенных случаях, даже народными скопищами¹⁴⁴.

Являясь прямыми противниками государства по своим политическим воззрениям, раскольники, по суду митрополита Филарета, причиняют государству *значительный вред и своим нравственным*, или точнее, безнравственным в некоторых отношениях учением. Низший, сравнительно с православными, общий уровень нравственных воззрений и действий раскольников вытекает уже неизбежно из их смешанных с заблуждениями религиозных воззрений. «Секта не бывает вполне честна», говорит м. Филарет.

Истина религиозная и нравственная суть лучи одного света: где первая смешана с заблуждением, там не чиста и последняя»¹⁴⁵. Этим объясняет он, что все раскольники, без различия сект, считают позволительными для себя и нисколько не безнравственными всякого рода средства для распространения и утверждения своего учения, а также для противодействия направленным против них мероприятиям церковным и гражданским, – как то: подкуп, лукавство, насилие и т. п. Но особенно вредным для государства является учение некоторых беспоповщинских сект об обязательном безбрачии, происшедшее также от искажения христианского учения о браке. «Супружество, по мнению Филарета, имеет важное значение по отношению к Провидению Божию, к семейству и государству. Бог, сотворив первых людей, им самим и их потомкам вверил дальнейшее произведение людей на свете, вверил как бы продолжение Своего творческого действия. Какой великий дар»! восклицает святитель¹⁴⁶. Как же раскольники пользуются этим великим даром? Они составляют правила, которые неизбежно ведут к разрушению семейных основ, к детоубийству и разврату в самых разнообразных его формах и, таким образом, в самом корне производят расстройство государственной жизни, которой «начало и первый узел есть союз семейный». Образчиком таких правил может служить, напр., следующее: «христиане брачущиеся суть змиино гнездище, сатанино и бесов его

прискверное дворище, что в нынешнее последнее горько плачевное время и в царствование антихристова о умножении рода человеческого Бог не промышляет, а печётся сатана, и к зачатию младенца душа даётся от диавола»¹⁴⁷.

В подтверждение этого Филарет указывает на мрачную картину безнравственной жизни раскольнических девственников Преображенского кладбища, найденную им в отчёте д. с. с. Игнатьева, свидетельство которого Филарет называет «свидетельством наблюдателя непосредственного, внимательного и беспристрастного». «Вникая в нравственное положение беспоповщинских раскольников, в их сокровенный домашний быт и усвоенные ими сенаторские понятия», говорится в этом отчёте, «каждый при полных дознаниях изумительно бывает поражён выражением невежества, разврата и суеверства». Составитель отчёта, между прочим, обнаруживает, что старухи-наставницы, по опасению, чтобы потребность брака не послужила молодым людям поводом к переходу из раскола в церковь, намеренно вовлекают их в любодеяние, за которым следует детоубийство, извиняемое лже-умствованиями наставников, и, при нетвёрдости семейных уз, расстройство нравственности на всю жизнь». «В беспоповщинских сектах от времени забыты и разрушены все религиозные верования, и всё движется и основано на одних интересах и безнравственности»¹⁴⁸.

Г. Добротин

Сектантство // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 218–226

(Из Всеподданнейшего отчёта г. Обер-Прокурора Св. Синода за 1896–97 гг.)

Из всех сект как рационалистического, так и мистического сектантства наиболее вредной, в церковном и в государственном отношениях, и менее всех других поддающейся миссионерскому воздействию, по-прежнему, была штунда. Штундизм, отличительной чертой которого является стремление к энергичной и настойчивой пропаганде своего лжеучения, значительно усилил и распространил эту свою деятельность. Сектантское брожение коснулось и новых мест, где о штунде ранее и понятия не было. По сообщённым преосвященными сведениям, штунда проникла в Нижегородскую и Калужскую губернии. Распространителем штунды в Нижегородской губернии явился один из крестьян деревни Горок, Васильевского уезда, больше 20 лет проживавший в Петербурге. По обычаю, пропагандист прежде всего старался вселить в людях вражду к православной церкви и её священнослужителям, а затем, уверяя их в бесполезности исполнения уставов и обрядовых церковных постановлений, увлекал православных в своё лжеучение соблазнительной мыслью о лёгкости получения спасения в евангельской, т. е. штундовой вере. В помощь ему явилась из столицы одна сектантка, с запасом книг и брошюр (до 6 пудов) вредного сектантского направления. Народ стал переходить в штунду: хотя окончательно или формально, через крещение, уклонилось в штунду только 22 человека, тем не менее проповедью сектантов соблазнялась вся деревня Горки, слух о новой вере прошёл и по окрестным сёлам и деревням, куда также явились лжеучители.

В Калужской губернии штундизм появился в 1896 году в двух соседних сёлах Козельского уезда: Уколицах и Сорокине. Сначала незначительное (всего человек 10–15), число штундистов всё более и более возрастало, и к концу 1896 года достигло довольно значительной цифры – 70 человек.

В Орловской губернии штунда получила значительное развитие в деревне Глыбочке, Трубчевского уезда. Виновниками её распространения оказались три крестьянина деревни Глыбочки, которые и были за это привлечены к законной ответственности.

В юго-западном крае, в некоторых местностях вновь вспыхнула штунда и выразилась в значительном количестве отпадений от

православия. В среде Оренбургских казаков до 1895 года не было приверженцев рационалистических сект, а в 1896 г. епарх. миссионер в одной из станиц нашёл до 8 семейств, принявших штундо-баптистское учение.

В особенности удобную почву для пропаганды штундо-баптизма представляют старые рационалистические секты. Особенно действовала штунда на молоканскую секту; хотя она в существе немногим отличается от штундизма, но он вносит новую струю духа в собрания молокан, взамен прежней их монотонности и однообразия. В 1895/6 г. специальная комиссия, тщательно обследовавшая по поручению Таврического Епархиального начальства молоканство в Таврической епархии нашла, что два из 6 толков, на которые разделилось молоканство в этой епархии, а именно 2-й Донской толк и Баптистский должны быть признаны штундовыми и что с последним слился также почти совсем и первый Донской толк в с. Астраханке. В Таврической епархии даже вековые столбы молоканства переходят на сторону штундизма и переносят сюда свои капиталы и влияние; их примеру следуют и остальные молокане, привыкшие видеть в них издавна руководителей в делах веры и в общественной жизни. Тоже замечается у молокан Самарской губернии, причём в Николаевском уезде штунда привилась в форме евангелизма, а в Новоузенском – в форме баптизма.

Пропаганда штундистов имеет успех не только среди сект рационалистических, но и мистических, как например среди хлыстов Херсонской епархии.

По-прежнему, главными руководителями в объединении и укреплении штундистов и в деле распространения штунды среди русского населения были немцы-баптисты. По свидетельству Херсонского преосвященного, немцы-баптисты, проживающие в Херсонской губернии, до настоящего времени находятся в самом тесном единении с русскими штундистами. Одному немцу обязан своим появлением и распространением штундизм, возникший в 1895 году в Симферопольском уезде, Таврической епархии. Причиной устойчивости штунды в селе Петропавловке той же Таврической губернии является также находящаяся близ этого селения немецкая колония, служащая сборным пунктом штунды. По свидетельству преосвященного Волынского, в районе Кременецкого и Острожского у. между крестьянами в значительной степени развивается штунда, а также под влиянием немецких колонистов. В селении Тайкурге Острожского уезда, общее число немцев-баптистов равняется численности православного населения названного места. При частых

сношениях с православными, колонисты стараются объяснять им своё учение, порицая при этом православную веру.

Пути, коими распространяется штунда, разнообразны, причём сектанты не останавливаются на одних и тех же прежде практиковавшихся ими способах пропаганды, а изобретают новые. Главнейшим средством пропаганды были их общественные молитвенные собрания, на коих сектанты чувствуют себя членами одной братской семьи, песнями и экзальтированными молитвами сильно возбуждают дух свой; там сектант слышит о себе, что он «светильник миру, долженствующий разливать лучезарный свет евангельской истины во тьме неведения». Без этих собраний, по собственному сознанию сектантов, у них падает дух. Свободные речи и поучения, глубокие вздохи, слёзы и разные, совершаемые якобы по внушению Святого Духа, действия, которыми сопровождаются штундистские богослужения, производят на посещающих оные, и иногда во множестве, православных, сильное впечатление. Дабы избежать законного преследования за эти собрания, воспрещённые законом 4 июля 1894 г., штундисты стали причислять себя к последователям других признанных сект, преимущественно баптизма.

Фанатизм пропаганды доходит нередко до того, что она не стесняется покупать на деньги совесть и души бедняков. По свидетельству преосвященного Херсонского, штундисты села Музыкиных хуторов, Херсонского уезда, дают православным за переход в штунду немалые деньги. Риккенаусская сектантская община (Таврической епархии) выдавала каждому присоединяющемуся к секте пособие по 7 рублей в месяц. Какое значение имеет материальная помощь в деле распространения штунды, видно на развитии штунды в Севастополе. Во главе штундистов стоит богач, имеющий огромные огородные плантации. Попадающие к нему на работу становятся тотчас же в материальную от него зависимость, от которой освобождаются лишь по переходе в штунду, с обеспечением их материального благосостояния. Во многих местах Херсонской епархии сектанты содержат мельницы и кузницы, и скоплением на них народа искусно пользуются для целей пропаганды.

В Елисаветграде некоторые ведут пропаганду в трактирах, особенно во время скопления там народа в воскресные и праздничные дни; иные под видом старьевщиков, точильщиков и тому подобных лиц, ведут пропаганду на толкучем рынке, а также на местных заводах, употребляя иногда и следующий коварный приём: один из них намеренно представляет из себя защитника православной церкви, но защищает её, конечно, так, что штунда представляется более правой,

нежели православие. Пропаганда пользуется для своих целей ещё литературой и школой. Среди грамотного русского народа даже на самых отдалённых окраинах начинают распространяться различные издания, проводящие в народ неправославное мировоззрение. Распространяются печатные штундистские брошюры и листки заграничного издания фирмы «Международное трактатное общество», присылаемые прямо из Гамбурга по почте. В Тульче (в Румынии) образован распорядительный центр штундо-баптизма, издающий два специальных сектантских журнала. В деревне Новоселовке Елизаветградского уезда, сельский писарь, оказавшийся впоследствии тайным штундистом, открыл в 1895 году школу грамоты с 20 учениками и стал обучавшимся в этой школе внушать штундистские идеи; школа эта впоследствии была закрыта, но вместо неё в той же деревне открылась тайная школа в доме другого штундиста; такие же попытки были обнаруживаемы и в других местах.

Самый острый период сектантского возбуждения и брожения падает на 1896 г. и именно на месяцы, предшествующие Коронованию Его Императорского Величества, когда агитаторами были распущены среди сектантской массы и в православном населении тёмные слухи о том, что в новом царствовании все ограничительные законы о сектантах будут отменены, вера сектантов будет признана Высшей властью за правую и всем сектантам дарована будет полная свобода открытого исповедания и пропаганды своего вероучения. В Таврической епархии одним штундо-баптистом распространён был даже дерзкий слух, будто Государыня Императрица и Великий Князь Александр Михайлович принадлежат к секте баптистов, в которую перешло, будто бы, и 300 православных пастырей. В уверенности на получение свободы вероисповедания в царствование Его Императорского Величества, к несчастью, поддерживали сектантов и иные из сочувствующих им лиц высшего и мнимо-образованного круга. Известно, например, что весной 1896 года вожаки штунды юго-западного края ездили в Петербург, имели совещания с здешними пашковцами и, возвратившись, вдохнули в тёмную массу лживые надежды рассказами, что «нас-де сила великая», что они де «бачили (видели) в Петербурге богато братьев из панів и графов» и что «братья эти казали, что трохи подержитесь, а тамочки ваша возьмет». Неудивительно, что возбуждённые такими рассказами, штундисты привяли вызывающий тон не только по отношению к православному населению и духовенству, но и к начальственным лицам, причём стали собираться не только тайно для своих молений, но и открыто.

Не мало было случаев и публичного оказательства сектантства, в роде религиозных процессий на улицах с пением, с открытой пропагандой сектантства, с издевательством над православием.

По свидетельству преосвященных, среди последователей различных сект всё чаще и чаще встречаются ныне такие сектанты, которые отрицают богодухновенность Священного Писания, удерживая из него только то, что им нравится и что пригодно для оправдания их взаимных отношений, а равно и отношений к обществу и государственному строю.

Неудивительно, что при таком отношении сектантов к слову Божию среди них появляются люди, искажающие учение слова Божия о самых важных предметах христианского вероучения и нравоучения.

Вследствие того же отрицательного отношения к источникам христианского вероучения во многих местах среди сектантов замечается проявление даже чисто атеистических идей, высказываемых ими публично. По приводимому преосвященным Херсонским свидетельству одного миссионера священника, среди штундистов Херсонской епархии не мало людей вовсе неверующих, не принадлежащих, как говорят они про себя сами, ни к какой религии. В Чигирине, Киевской губернии, штундисты учат, что следует верить только одним законам природы, которые всегда неизменны и вечны, и что человек должен стремиться к тому, что требует природа. Вышеуказанное новое направление в нашем сектантстве, по свидетельству преосвященного Херсонского, развивается и поддерживается не простецами сектантами, а лицами интеллигентными. Последние, по-видимому, желали бы господствующую в положительном учении штунды догматическую неустойчивость и религиозное разномыслие толков объединить и оформить. В этих, можно думать, видах объединения штундовых толков в последние годы в руках передовых штундистов начали появляться рукописные анонимные произведения, принадлежащие несомненно интеллигентным авторам, в форме религиозных сектантских трактатов в популярном и даже в простонародном изложении. Одни из этих произведений заключают в себе исповедание веры в духе упомянутого направления, другие же популярные комментарии на священное писание, или аллегорические, в библейском духе, рассказы, а также и апологии рационалистического сектантства. Последние составлены на основании тенденциозно подобранных мест из особенно чтимых народом Св. отцов и учителей церкви: Иоанна Златоуста, Тихона Задонского и др., что всё, по-видимому, рассчитано на доверие русских грамотеев к этому роду

произведений. В религиозном направлении произведения эти имеют задачей провести в сознание простого народа не только противощерковные и противощерковные, но и прямо противощерковские взгляды на Божество, мир и человека.

Но эти сектантские тракты не ограничиваются областью веры, а останавливают мысль народа и на вопросах чисто общественного, социального и государственного порядка и разрешают их, хотя по-видимому и на религиозной почве, при посредстве ряда ссылок на библейские тексты, но в духе социализма и не везде даже прикровенного. Особенно часто затрагиваются в этих произведениях и тенденциозно разрешаются вопросы о благе всех людей, свободе, равенстве, братстве, властях, о государственных повинностях, присяге, войне и судах.

Результаты религиозно-сектантского анархического учения, излагаемого в указанных рукописных произведениях и всё более и более проникающего в сектантскую среду, крайне печальны. Как велика опасность для церкви и государства, какой грозят настойчивые попытки интеллигентного сектантства стать руководителями оторвавшихся от православия последователей существующих сект, ясно показало известное движение в среде Закавказских духовоборов, составивших преступное анархическое общество (партия постников), отрешившееся признавать верховную власть Царя, подчиняться поставленному от него начальству, отрицающее правительственные учреждения, законы и пр.

Те печальные плоды, какими ознаменовала себя Закавказская духовоборческая анархия, начинают сказываться и в других сектах. Охладевая к вопросам религиозным, сектанты, как это установлено на Харьковском епархиальном миссионерском съезде, становятся на почву социалистическую и нигилистическую. Глубокое социальное брожение происходит и среди некоторых Тамбовских молокан, под влиянием различных распространяющихся в их среде рукописных книг. По своему внутреннему складу сектанты эти настроены враждебно к существующему порядку. «Не должно быть власти, говорят эти молокане, ибо власть есть насилие. Первоначально в церкви Христовой были все равны; тогда не было начальников. Не хорошо, говорят они далее, поступают цари, когда поднимают войну, только кровь даром проливают». Свой взгляд на отношения общественные они выражают так: «Бог отдал землю всему роду человеческому для совместного пользования. Только по злобе людской назначенный Богом порядок изменился и ныне пользуются землею одни господа, а все другие смотрят на землю из чужих рук».

К сожалению, далеко не все из начальствующих лиц равно из писателей, руководящих в литературе мнением общества, или по неведению или, по предвзятому мнению, сознают опасность для Государственного порядка от распространения в народе этих учений. Иные склонны даже возвеличивать заведомых пропагандистов анархических учений, во имя мнимой свободы убеждений, или выставлять страдальцами за эту свободу.

**Шалкинский С., свящ. На кого положены и над кем
тяготеют клятвы большого московского собора 1666–67
года // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 226–
237**

Вопрос о клятвах большого московского собора в полемике с расколом имеет очень важное значение: не проходит почти ни одной публичной беседы, чтобы раскольниками не был затронут этот вопрос. Но при решении вопроса о соборных клятвах раскольники, обыкновенно, говорят и о книжном исправлении, и о перстосложении, и о единоверии, и даже о полемических против раскола книгах; поэтому для малоподготовленного слушателя вопрос о клятвах может показаться очень обширным и запутанным.

Чтобы избежать этого, нужно разобраться в этой запутанности и выяснить следующие основные в данном «недоумении» вопросы:

1) Действительно ли клятвы соборов 1666–67 годов дают раскольникам законную причину и твёрдое основание к отделению их от православной Церкви?

2) Нарушила ли православие св. Церковь, соборне предав проклятию своих противников и хулителей?

3) Находятся ли под клятвой московских соборов святители русской церкви, жившие раньше этих соборов? и

4) Находятся ли под клятвой собора и состоят ли в противоречии ему единоверцы, употребляющие старые обряды?

От правильного решения этих вопросов решается и весь спор о соборных клятвах. Итак, рассмотрим их беспристрастно, по возможности, на основании только самого акта или деяния этих соборов и одобренных им сочинений.

I. Действительно ли клятвы соборов 1666–67 годов дают раскольникам законную причину и твёрдое основание к отделению их от православной Церкви? С. 227–229

Нет в мире явления без причины, но нет также и причины, которой предшествует явление. Если же мы будем указывать на соборные клятвы, как на причину явления русского раскола, то ниспровергнем этот закон. Всякому, знакомому с историей возникновения в России раскола-старообрядчества, известно, что раскол проявил себя в 1653 году, когда патриархом Никоном издана была и разослана по московским церквам «Память», тогда как клятвы высказаны 14 лет после этого, в 1667 году; следовательно, клятвы собора 1666 или 67 г. не могут служить законной причиной и не дают основания к отделению раскольников от православной Церкви. Не соборы послужили причиной образования раскола, а наоборот, злохуления раскольников вызвали собор и клятвы. «Собрася, говорится в деяниях собора 1667 года, *оввященный собор...* в именитом, великом царствующем граде Москве *вины ради сицевы*. Понеже грех ради наших: Божиим попущением сопостата же нашего христианского православного рода и ненавистника диавола ратованием: мнози невежди, не точию от простых, но и от священных, и монахов, ови от многого неведения божественных писаний, и разума растленна: ови же и во образе благоговения, и жития мнимаго добродетельнаго, являющесе быти постни, и добродетелни, полни же всякаго несмыслства, и самомненнаго мудрования, иже мнящесе быти мудри, объюродеша, ови же мнящесе и от ревности: и таковии имуще ревность, но не по разуму, возмутиша бо многих душ неутвержденных: ови убо устно, ови же и письменно, глаголюще и пишуще, якоже возшепта им сатана: нарицаху бо книги печатныя новоисправленныя и новопреведенныя при Никоне бывшем патриархе, быти еретическия, и растленны, и чины церковныя, яже исправишася со греческих и древних российских книг, злословиша, имени хульными нарицаша ложно: и весь архиерейский чин и сан, уничижиша и возмутиша народ буйством своим: и глаголаша церкви быти не церкви: архиереи, не архиереи: священники, не священники» (Деян. соб. 1667 г. л. 1). «тайны божественные не тайны, крещение не крещение, писания лестна, учение неправедное, и вся скверна и не благочестна» (речь царя Алексея Михайловича к собору 1666 г., л. 11). «Такое, говорит царь, богохульное их плодоношение не точию по различных царствия Богом нам врученнаго странах, градах же и весех обносится, но и в самый сей град престола нашего вомчеса,

даже и нашими в свитцах руках, в словесах же ушесомы прикоснуться» (там же).

В книге «Жезл правления», которую Собор 1667 года называет вторым своим свитком (л. 17), говорится, что св. Церковь, как чадолюбивая и долготерпеливая мать, целых 14 лет терпела от раскольников «многие хулы, укорения, досады, клеветы, злословия, но, долготерпеливо страдая, не отрывала их от дверей царствия небесного, не заключала утробы милосердия Божия напрасно (внезапно), но сторицей молила их: обратитесь на истинный путь спасения, присоединитесь телу Церкви Христовы, примиритесь благопокорением Отцу небесному» (Кн. Жезл правл. л. 9 об.), но так как раскольники не внимали её спасительному гласу, но «злобу к злобе прибавляя», не переставали хулить св. Церковь и её таинства и иерархию, то собор, последуя учению Господа (Мф.18:17) и наставлению апостола (1Кор.5:13), таковых противников и непокорников, как уд гнилой и непотребный, «от православного всесочленения, и стада: и от Церкви Божия отсекает», но, надеясь на их раскаяние, отсекает не навсегда, но «дондеже уразумятся и возвратятся в правду покаянием» (Деян. соб. 1667 г. л. 7).

Из всего вышеприведённого с несомненной ясностью вытекает решение поставленного вопроса в отрицательном смысле.

Сознавая это, раскольники иногда стараются доказать мнимую законность своего отделения от св. Церкви уже не клятвами соборов 1666–67 гг., а добора 1656 года и даже частного лица, патриарха Макария. Но и эти клятвы произнесены уже на новоявленных хулителей и непокорников св. Церкви, а, следовательно, после, а никак не ранее отделения их от православной Церкви.

II. Нарушила ли православие св. Церковь, соборне предав проклятию своих противников и хулителей? С. 229–231

Этот вопрос был бы уместен, если бы на соборах 1666 и 67 годов подверглись рассмотрению какие-либо догматические вопросы и если бы отцы этих соборов приняли какое-либо еретическое мнение, а правильно-мудрствующих предали проклятию. Но здесь дело обстоит совершенно иначе. Отцы соборов имели предметом своих обсуждений только вопросы обрядового характера, предали раскольников проклятию за их хуления на св. Церковь и возмущения народа против предпринятого русской церковью исправления ошибок, вкравшихся в церковно-богослужебные книги. Рассмотрев новоисправленные книги: служебники и потребники и проч. и найдя их право исправленными, собор повелел по ним совершить богослужение. Если раскольники хотят обвинить нашу православную Церковь в отступлении от православия, то должны указать в новоисправленных книгах какое-нибудь еретическое мудрование. Но так как в продолжении почти двух с половиной веков раскольники этого доказать не могут, а напротив, Белокриницкий Устав и Старообрядческий Московский Духовный Совет заявляют, что «нынешняя Греко-российская Церковь за нарушение чистоты правой веры вселенской церковью ещё не осуждена, и в догмате Богословия не погрешает», то напрасно ими и возбуждается разбираемый нами вопрос.

Раскольники возражают, что на соборах были отменены некоторые обряды церковные, а потому переменена и вера. Но так говорить могут только самые невежественные из раскольников, которые не знают, что *вера по слову ап. Павла, есть уповаемых извещение, вещей обличение невидимых (Евр.11:1)*, или, по объяснению Малого Катехизиса, «вера есть крепкое и твердое разумение о Бозе и вещех спасенных, их же невидимо сердцем видим и усты исповедуем» (л. 2) Обряд же, как показывает и само слово, от которого он происходит (обрядить, обрядать, наряжать и под.), служит выражением этой невидимой веры, сам же, как *видимая вещь*. не есть вера. Но так как веру, или тот или другой догмат христианской веры, можно выразить различными внешними знаками и обрядами, то, естественно, что обряд не есть нечто неизменяемое, неприкосновенное, а напротив, по усмотрению св. Церкви, может подлежать изменению и, действительно, изменялись очень многие обряды.

Чтобы убедиться в этом, достаточно со вниманием прочитать старопечатную «Кормчую книгу», из которой мы знаем, что св. Церковь

на вселенских и поместных соборах отменяла не только незначительные какие-либо обряды, но даже апостольские правила.

Так, например:

а) 5 правило св. апостол повелевает епископу не отпускать свою жену даже под предлогом христианского воздержания, но вести с нею совместную жизнь, – а 12 пр. шестого вселенского собора, отменяя апостольское 5 прав., говорит: «к тому не жити епископу с женою» повелеваем.

б) 26 апостольское правило запрещает вступать в брак лицам, остававшимся до рукоположения своего в какую-либо иерархическую степень безбрачными, а 10 правительственного анкирского поместного собора для диакона делает исключение, дозволяя ему вступить в брак и по рукоположении, если только он о нежелании оставаться безбрачным заявит до своего рукоположения, этим правилом руководствовались до шестого вселенского собора, который 6 своим правилом снова восстановил 26-е апостольское правило.

в) 29 пр. четвёртого вселенского собора, запрещая низведение священно-иерархических лиц, напр., епископа – во священника, священника – во диакона, называет такое действие святотатством, а 20-е пр. шестого вселенского собора находит возможным допускать такое низведение; толкователь же правил говорит, что в данном вопросе нужно следовать постановлению четвёртого, а не шестого вселенского собора.

г) 3 пр. неокесарийского собора, конечно, снисходя к слабости человеческой, допускает четвёртый брак, но и это правило впоследствии было отменено (Кормч. л. 574).

д) 1 пр. св. ап. Петра и Павла повелевает праздновать на субботу и воскресение, т. е. два дня в неделю посвящать Богу, а пять дней «делать дела свои», а 29 правило поместного Лаодикийского собора отменило это правило, заповедуя шесть дней делать, а праздновать только одно воскресение. Кн. Кириллова приводя 29 пр. лаодик. соб., говорит: «кто будет праздновать субботу, от Христа проклят есть» (л. 242).

е) В древности, когда св. церковь была в гонении и притеснении от языческих царей, христиане имели обыкновение писать икону Спасителя под разными символическими изображениями, например, под видом камня, рыбы, пастыря, несущего овцу на своих плечах, агнца и проч. Особенно распространён был обычай писать Его под видом агнца; но и этот обычай, имеющий основание даже в Евангелии (Ин.1:29), отменён 82 правилом шестого вселенского собора.

ж) 41 правило карфагенского собора позволяет служить литургию в Великий четверг по вкушении пищи, вечером, а 29 пр. шестого вселенского собора отменило постановление карфагенского собора.

з) В правилах 11 и 19 Лаодикийского и 101 седьмого вселенского соборов говорится об отмене очень многих обычаев и обрядов церковных.

Если древнюю церковь ни один из раскольников не дерзает признать утратившей православие за отмену даже апостольских правил, то какое же основание они имеют утверждать, что наша св. Церковь утратила православие, исправив ошибки в старопечатных книгах и восстановив правильный текст их?

III. Находятся ли под клятвой соборов святители русской церкви, жившие раньше этих соборов? С. 231–237

Рассмотрев и этот вопрос, увидим, что и это обвинение раскольников не имеет совершенно никакого основания, и является, как ясное доказательство непонимания раскольниками (быть может, даже и намеренного) смысла постановлений большого московского собора.

Чтобы видеть неосновательность этого обвинения, достаточно принять во внимание следующее. Если бы чудотворцы и святители русской Церкви, подвизавшиеся во благочестии до соборов 1666–67 г., были этими последними (соборами) преданы проклятию, то наша св. Церковь и смотрела бы на них не как на святых, а как на отлучённых: она не почитала бы дней их св. памяти, не призывала бы их в своих молитвах к Богу и пр. А так как наша св. Церковь светло празднует их память, и притом в те же дни, в которые празднуют и раскольники, призывает их в своих молитвах, как друзей и угодников Божиих, отправляет положенные им церковным уставом службы, то ясно, что она считает их не проклятыми, а святыми. Соборы 1666 и 67 гг., как показано нами в первом отделе настоящей статьи, собирався «на новоявленных раскольников», а не против св. отцов и предавал проклятию только тех хулителей и непокорников св. Церкви, которые *от ныне*, т. е. после соборного определения, будут противиться постановлениям этого собора (л. 8). Каким же образом клятва эта может восходить на прежде живших и притом не противников и хулителей, а поборников и защитников св. Церкви. Припомним для изобличения раскольничьего лже-мудрования 29 правило Лаодикийского собора. Оно, как читаем по кн. Кирилловой (л. 242), называет жидовствующими и проклятыми от Самого Христа тех христиан, которые празднуют два дня в неделе – субботу и воскресение. По раскольнической логике нам придётся признать и свв. апостолов Петра и Павла жидовствующими и проклятыми от Христа, так как празднование этих двух дней предписывается их правилом. Но с этим не согласятся и сами раскольники, а потому они должны оставить и клевету на нашу православную Церковь, никогда никого из святых отцов не проклинавшую.

Не имея возможности устоять на этом вопросе, раскольники начинают уже обвинять православную Церковь в том, что она будто бы предала проклятию всю церковную «старожитность», разумея под этим словом: старопечатные неисправные книги, двуперстие, сугубое

аллилуиа и пр. Но действительно ли это так? По этому вопросу разными лицами, писавшими о клятвах этих соборов, высказывались и разные мнения:

а) Некоторые доказывали, что клятвы положены на книги и обряды,

б) другие, что на всех лиц, так что простираются и на находящиеся в единении с св. Церковью, но содержащих эти книги и обряды и

в) третьи, наконец, что они положены на тех содержателей старых книг и обрядов, которые содержат в противление св. Церкви, не покаяясь ей, но всячески злословя её.

Так как клятвы эти произносила св. Церковь, то при рассмотрении их и нужно непременно руководствоваться именно *голосом* или учением самой же Церкви, а никак не противоречивыми мнениями частных лиц.

Св. Церковь всех предшествующих веков смотрела на церковные обряды, как на свою собственность, которой она имеет полное право, по благословным причинам, распоряжаться так, как находит более полезным (о чём мы уже говорили выше), она же, промышляя о спасении и немощных чад своих, может допускать и разности в отрядах и обычаях, но под одним неперменным условием, чтобы эти обрядовые разности не касались существенных догматов христианской веры и не вели к раздору и разрыву церковному. «Где есть единый дух веры, там некоторое случайное разнообразие в обрядах не есть разделение: так рассуждать не мы начали ныне и не наши предшественники недавно: так рассуждала и поступала св. Церковь и в первые свои времена по требованию обстоятельств» (Беседа Филарета, митр. московск. при посещении единов. ц. на Рогожск. кладб. в Москве 8 мая 1840 г.). Так, например, ап. Павел, возбраня обрезание, сам обрезал ученика своего Тимофея, иудей ради, живущих в той местности, куда им надлежало идти на проповедь (Галат. зач. 202, Деян. зач. 37). «Будучи свободен от всех, говорит ап. Павел, я всем поработил себя, дабы больше приобрести. Для иудеев я был как иудей, чтобы приобрести иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных. Для чуждых закона, как чуждый закона (не будучи чужд закона перед Богом, но подзаконен Христу), чтобы приобрести чуждых закона. Для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти, по крайней мере, некоторых. Сие же делаю для (более успешной проповеди) Евангелия, чтобы быть соучастником его» (1Кор.9:19–23). В первые времена христианства западные и восточные христиане, получив повеление одни от ап. Петра, а другие от ап.

Иоанна Богослова, праздновали пасху в разные дни: на востоке в 14 день Ниссана, т. е. вместе с евреями, а на западе в первый воскресный день после Ниссана (Бароний Летоп. лето 198), но это не мешало западным и восточным христианам быть в полном единении. Относительно возможности допущения в церкви Христовой обрядовой разности, святые отцы и учителя церковные высказывают следующий взгляд. «Если спрашивают их (людей, подобных нашим раскольникам) о причинах непримиримой вражды их, говорит св. Василий Великий, они отвечают: псалмы и обряды пения изменены у нас против древнего обыкновения и другое подобное выставляют, чего надлежало бы им стыдиться... Смотрите, не оцезиваете ли вы комара, занимаясь тонкими исследованиями звуков голоса, употребляемых в песнопении, а между тем нарушая важнейшие заповеди» (Творен. Василия Вел. том седьмой, стр. 76–79). Церковный историк пятого века Сократ говорит: «Ни одно вероисповедание не держится одних и тех же обычаев, хотя имеет одно и то же понятие о Боге. В отношении к обычаям даже и единоверные разномыслят между собою. Вообще между обществами верных едва ли можно найти и две церкви, которые в совершении молитв были бы вполне согласны одна с другой» (Церк. истор. Сокр. Схол. 1850 г., стр. 129), потому что «во единой вере ничего не вредит св. Церкви разнообразность обыкновений» (св. Григор. Двоесл. посл. 41 к Леандру) и даже, говорит Созомен, как бы добавляя мысль св. отца, «безумно было бы христианам, согласным в главных пунктах верования, разделяться между собой из-за обычаев, ибо во всех церквах, хотя они исповедуют одно и то же учение, нельзя найти одних и тех же по всему сходных преданий» (по издан. 1851 г., стр. 137). «Срамно есть из-за обрядов ратоваться!» поучает и св. Василий Великий.

Итак, разность в обрядах и обычаях была и допускалась святыми отцами Церкви, не препятствуя единству веры. Правда, св. Церковь всегда стремилась ввести единообразие в обрядах и противников сего стремления отлучала от своего единства, а упорнейших из них причисляла даже к еретикам. Нам уже известно, что восточная и западная Церкви, получив наставление от равных апостолов, праздновали Пасху не одновременно. Св. Церковь, желая устранить это, на первом вселенском соборе узаконила праздновать день св. Пасхи не вместе с евреями, а в первый воскресный день после 14 Ниссана, но так как и в то время нашлись приверженцы «старины», видевшие в этом постановлении вселенского собора нарушение древнего апостольского предания, то св. Церковь и предала их за непокорение церковным постановлениям отлучению (1 пр. антиохийск.

соб.), но так как «непокорники» и после этого не раскаялись, а настаивали на том, чтобы восстановлен был древний обычай, то св. Церковь на Лаодикийском соборе причислила их уже к разряду еретиков, известных в церковной истории под именем четырёхдесятников (7 пр. лаод. соб.).

И русская Церковь на соборах 1666 и 67 гг. руководствовалась тем же взглядом на церковно-богослужебные обряды и обычаи, каким руководилась св. Церковь всех времён, т. е. стремясь к единству не только в догматах, но и обрядах, она в то же время может покорным своим чадам допускать и некоторые обрядовые разности. Этот взгляд на обряды ясно высказывается в ответной грамоте (эпистолии) константинопольского патриарха Паисия, подписанной двадцатью восемью святителями и другими лицами восточной иерархии. В самом начале этой грамоты говорится: «Ты (Никон) жалуешься на несогласие в кое-каких порядках, существующих в поместных церквях, и думаешь, не вредят ли эти различные порядки нашей вере. Хвалим мысль, поскольку кто боится впасть в малые погрешности, тот предохраняет себя от великих; но исправляем опасение... Если случится, что какая-нибудь церковь будет отличаться от другой какими-либо порядками неважными, и несущественными для веры, напр., время совершения литургии и т. п., то это не должно производить никакого разделения... Не следует нам думать, будто извращается наша православная вера, если кто-нибудь имеет чинопоследование несколько отличающееся от другого в вещах несущественных». Такой же взгляд высказал Паисий и в другом месте эпистолии. Так, в 25 своём ответе он говорит, что для священнического благословения нужно слагать персты так, чтобы изобразить ими имя Мессии, т. е. Ис. Хс., «а какими перстами начертывает кто эти буквы, это безразлично».

Грамота эта собором 1667 года утверждена: «Эпистолия, говорит собор, еже писана от нашего брата, Святейшаго Кир Паисия Архиепископа Константинопольскаго, новаго Рима, и Селенскаго Патриарха, о некоторых Церковных вещех по вопросам и ответы. Яко же от нашего Брата Святейшаго Паисия Патриарха, и от того священнаго собора написано есть: *тако и мы согласно повелеваем и утверждаем*» (Деян. л. 16). А отсюда ясно, что взгляд патр. Паисия на допущение разности в церковно-богослужебных обрядах, не касающихся догматов веры, собором 1667 года не только допущен, но и утверждён. И, действительно, из самого акта соборных деяний мы видим ясное подтверждение этого взгляда.

Так, относительно молитвы Иисусовой говорится, что «достоит глаголати: Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас. Но и сия

молитва: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, и *не прекословящим свободна есть почитанию*». И вслед за этим собор добавляет: «Сие есть наше толкование и заповедь о святом символе, о аллилуии, и о знамении честного и животворящего Креста, о сложении перстов, и о Иисусове молитве», т. е. как молитва Иисусова с словами: «Сыне Божий» *непрекословящим* не возбранена, точно также неирекословящим свободны к употреблению и символ веры со словом «истинного» в 9-м члене, и сугубое аллилуиа, и двуперстное сложение, и пр. Но это только «ненрекословящим», т. е. таким лицам, которые всецело приемлют новоисправленные книги, считая их не испорченными, а исправленными, св. Церковь считают такой святой, какой она и была до книжного исправления, пастырей её – пастырями законными, таинства – святыми и спасительными, разорвать благодатное единство со св. Церковью страшатся, но по своей привычке желают содержать, или употреблять при молитвословиях те обряды, к которым они привыкли – для таких-то вот лиц св. Церковь и делает снисхождение. «Аще же кто, говорит далее собор, будет противиться нам, и всему освященному собору, Богу проявляется, и уподобляет себя прежним проклятым еретиком. *И сего ради* (т. е. за это противление св. Церкви) наследити имать, якоже и тии еретицы анафему, и проклятие святых Богоносных отцев» (л. 33–34). Относительно монашеской одежды собор говорит: «Благословихом убо яко всякий освященного чина, и монахи, одеяние да носят, якоже носят вси освященного чина и монахи, святые восточные Церкви. *Обаче не принуждаем, но подражателей ея благословляем*. Аще же кто непокорен, и не хочет такова одеяния носить: повелеваем: да не укоряет носящих. Аще ли кто станет *укоряти* носящих греческия одежды, таковой аще от священного чина будет, да извержется, аще ли от мирского, да будет отлучен» (л. 14). Следовательно, противление Церкви состоит в укорении новоисправленных обрядов.

Неправильно также мнение раскольников и о том, что будто бы собор похулил старопечатные книги. В книге «Жезл правления», изданной от имени собора, во всех местах, касающихся обрядов, говорится, что хороши и те, в старопечатных книгах положенные обряды, но исправленные «унше» или «лучше», порицаний же или похулений на них нет. Да и собор в предисловии к исправленному и одобренному служебнику говорит: «*не охудшаются* (сим исправлением) и прежние служебники, но на вящую степень совершенства возводятся». В заключение 27 обличения (часть 2) «Жезл правления», как бы умоляя раскольника, говорит: – «престани убо хулити добродетельныя нравы, имже подражати кто тя нудит,

сотвори горделивие, паче то еже обычай содержит природныя ти страны, и никто же тя о сем имать порицати, разве аще приложить необходимая гаждати», т. е. содержи ты излюбленные тобой обычаи и обряды, только не заключаай в них, или не соединяй с ними противного св. Церкви мудрования, и за это св. Церковь и её пастыри порицать тебя не будут, только и ты не порицай и «негаждай» обряды и обычаи, содержимые православной Церковью.

Из всего вышесказанного видно, что собор 1667 года, допуская разность в церковно-богослужебных обрядах и обычаях, наложил клятвы не на старые книги и обряды и не на святителей и чудотворцев, а на противников св. Церкви для которых старые книги и обряды ценнее благодатно-спасительного единения со св. Церковью.

С. Шалкинский

Чельцов М. Значение для миссии предполагаемой реформы нашего календаря // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 237–245

Как, вероятно, известно нашим читателям, вопрос о замене старого стиля времяисчисления новым, поднятый в последние годы, со столбцов газет перенесён для разрешения в особую, при Академии Наук учреждённую, комиссию. Все решения его в газетной литературе клонились к требованию положительного введения у нас нового стиля, противоположное мнение высказано было только в одной статье, помещённой за прошлый 1899 г. в «Русском Труде» в № 36 и 37. Поэтому, думается, благовременно и нам познакомить наших читателей с сущностью этого вопроса и основаниями к тому или другому его разрешению, так как такое или иное его разрешение далеко не безразлично и в миссионерском отношении.

У нас – в православных Церквах – летоисчисление и календарь Юлианский (от Юлия Цезаря), а на западе – Григорианский (от папы Григории VII). Разница в них заключается в том, что мы доселе отставали на 12 дней, а с марта текущего года – на 13 дней (у нас этот год високосный, а на Западе – нет) будем отставать от западного исчисления¹⁴⁹. Вот теперь и хотят разницу эту уничтожить и ввести у нас западное времясчисление, т. е. Григорианский календарь. Основания к этому – и научно-астрономические и практические: хотят избежать и постоянной неисправности нашего календаря через нарос в течение 128 л. суток времени и путаницы во времяисчислении, происходящей у нас от этой разности в торговых сношениях с Западом, в дипломатии и т. под. делах. Основания, как видим, достаточные и отрицать их важность было бы смело. Но тем не менее знакомство с жизнью, с русским народом и его мировоззрением заставляет сильно желать, чтобы эта *календарная реформа у нас была отсрочена* до более благоприятного времени.

Русский народ наш весьма религиозен и, быть может, поэтому-то он и консервативен. Каждое событие в его домашней, общественной и государственной жизни им трактуется с религиозной стороны; а поэтому он твёрдо блюдёт всё установившееся у него, не как только привычное, перешедшее от отцов, но и как символизированное какой-либо религиозной идеей. Этой религиозной идеей он давно окрасил и своё летосчисление, которое велось то от сотворения мира, то от Рождества Христова – событий чисто религиозных, да притом первостепенной важности. Для него, не знающего всей неточности в

установлении дат этих летоисчислений, изменить их значит нарушить что-нибудь в самых религиозных событиях, или отказаться от них, или извратить их. Поэтому все попытки такого или иного реформирования летосчисления у нас на Руси сопровождались возбуждением сильного смущения, ропота, а то и прямо появлением и развитием сектантства. Особенно волновался и в своих целях пользовался этим раскол старообрядства. Всем известны события, сопровождавшие перемену летосчисления от сотворения мира на счисление от Рождества Христова; всем известны сектантские возбуждения от исчисления времени в 5508, а не в 5500 лет от сотворения мира до Рождества Христова; всем известны прямо-таки волнения от перенесения нового года с церковного – 1-го сентября на гражданский – с 1-го января. Так же, т. е. с религиозной точки зрения на летосчисление смотрит русский народ и доселе. Для знакомого с народом хорошо известно, что каждый новый год в его глазах есть не просто известное необходимое течение времени, а новое проявление к людям милости Божией, – понимаемое им не в переносном, а в собственном буквальном смысле.

При наличности такого мировоззрения русского народа по меньшей мере не безопасно проводить календарную реформу, не считаясь с возможным отрицательным отношением к ней народа. А возможность эта ещё более будет очевидна, если припомним, что мы – русские – народ достаточно консервативный, любящий жить, как отцы и деды живали, и с большим трудом и постепенностью отказывающийся от того, что вековыми традициями закреплено и освящено. А счисление наше и является именно, – такой-то дедовской традицией и не только дедовской: Юлианский год утверждён к счислению на первом вселенском соборе. Это ли не авторитет!? Народу, да, пожалуй, и большей части так называемой интеллигенции, трудно будет понять, что Григорианская реформа 1582 г. календаря возвратилась только к тому положению дела, какое было в 325 г., т. е. на первом вселенском соборе, уничтожив образовавшуюся в промежуточное время неисправность календаря. Ему будет ясно одно лишь, что теперь заставляют считать не так, как считали время отцы и деды и как повелел считать первый вселенский собор. А разве можно ослушаться постановлений собора? Известно ведь, что кто послушается, тому угрожает клятва! Как же можно после этого отказаться от своего прежнего, собором к употреблению повелённого, времяисчисления и ввести новое, на св. Руси прежде неведомое, да к тому же взятое с Запада, – от Рима с его папами. Только бы до этого дойти мысли русского православного мужичка, – а дойти, как видим, очень нетрудно, – а там на помощь ей не замедлит прийти и давнее

подозрительное отношение к западу и раскольническая пропаганда в этом смысле.

Папа Римский (раскольники все его так именно зовут, а не Римский), латинство для раскольников и доселе продолжают быть синонимом пагубнейшего еретичества, мерзостью запустения и т. под. Во время последней моей миссионерской поездки по Новоладожскому уезду, С.-Петербургской епархии, мне удалось записать рифмовано-изложенный взгляд старообрядцев-беспоповцев на Римского папу. Принадлежит он, надо заметить, автору – сравнительно весьма благоразумному старообрядцу, целой головой стоящему выше своих одноверцев. Вот эти доморощенные стихи:

«До 1000 лет христианская вера невреждена была,
Доколе сидел связан сатана.
А когда он кончил свой комплект,
То стал прельщать людей на вред.
После тысячной неволи мало время пропустил
И перво область римскую прельстил.
В то время папа был властолюбив
И славы ради Закон Божий преступил:
Послушал папа злобных адских наук
И того ради стал с сатаной первый друг;
Вместе начали совет иметь
Как бы христианскую веру с земли стереть.
Бес удумал, как начать –
Христиан от веры отвращать:
Повелел он в последнее время
Накладывать антихристову печать,
Чтобы невозможно было, нося это бремя,
Крестным знамением Спасителя величать.
Да одной жертве ко спасению научать¹⁵⁰.
На это лёгкое учение пути ко спасению
Всякий будет внимание обращать.
Науке этой папа очень рад
И, от сатаны приняв душепагубный обряд,
В своей Римской епархии начал его определять.
За это римское определение
Обещал бес папе дать великое вознаграждение –
То есть велику почесть ему дать,
Что вся вселенная будет его почитать.
И отсрочил бес время недалече –
Сейчас же папу назначил антихристовым предтечей.

Тогда папа себя возвысил: –
Я де – святитель-государь,
Светскую и духовную власть себе забрал...

Естественно, что при таком взгляде на папу римского старообрядческая мудрость не стесняется ему приписывать всевозможные еретические новшества, сатанинские действия, антихристовы прелести, – или вернее говоря: всё, что ни исходит от папы, из Рима, старообрядцы клеймят печатью отверженности, мерзости и т. под., от принятия чего следует бегать и удаляться, хотя бы за это пришлось и пострадать. Такое клеймо они положили и на Григорианский календарь. Как это ни странно, наш автор-стихоплёт первое выражение папского еретичества, его властолюбия видит в введении на Западе Григорианского календаря. Вот продолжение прерванных стихов:

Папа светскую и духовную власть себе забрал
И умудрил новый душепагубный календарь;
Во всю вселенную он его определил.
За то ныне всякий папу и Рим и благодарит,
Что он утвердил большие и маленькие календари.
До того люди в календарь уверяются,
Что и небесной власти не покоряются,
Правила св. отец не признают,
А по календарю о пределах Божиих узнают,
А св. отцы об этом никому не повелели знать;
Поэтому ныне и Бога стали мало признавать,
А свои законы уставлять!!»

Если же так нетерпимо отношение к латинству более благоразумных из старообрядцев, то что же нужно сказать о неразумной массе их?! Если отрицательно к календарю папскому относятся лучшие из них, то каково же отношение к нему может быть тёмного люда?! Поэтому, безошибочно можно сказать, что введение Григорианского календаря у нас не обойдётся без фанатического сопротивления ему со стороны раскольников, которые непременно увидят в нём новое фактическое и весьма наглядное доказательство их уверенности, что русская церковь со времени п. Никона отступила к римскому костёлу, к которому с каждым-де веком всё более и более прилепляется. А раскольникам нужен только предлог к возбуждению, а пропагандисты его среди них, до решимости умереть даже, всегда найдутся. Прошлыми рождественскими праздниками мне пришлось случайно толковать с одним проживающим в Петербурге приезжим раскольников. «А что, правду газеты пишут, спросил он между прочим

меня, что вы (т. е. православные) латинскую пасху хотите принять»? «Как латинскую пасху принять»? переспросил я его. «Да как же: ведь календарь папский вас заставляют принять, ну, значит, и пасху станете праздновать по нему». «Если нас заставать, то и вас тоже», заметил я. «Ну нет, горячо ответил он, нас-то не так легко: мы за правое дело стоим» ... Дальше беседу продолжать не пришлось. Думается, что мой собеседник, в общем мало интересный и незначительный, не свои мысли высказал мне, а где-нибудь он их подслушал в умной беседе своих наставников. Эти, как всем известно, чутко прислушиваются ко всему, не только их касающемуся, но и ко всему, хоть и малейшее основание подающему лишний раз кивнуть по фарисейски на православную церковь.

Но кто ручается за то, что это отрицательное отношение к григорианскому календарю раскольников не отразится на православных?! Правда, в большинстве мест жительства раскольников авторитет их и влияние среди православных совершенно ими утрачено; но не мало ещё и таковых по св. Руси уголков, где православные мужички ещё не отрешились от взгляда на раскольников, как на законников, верных преданиям отцов и твёрдых хранителей религиозных и бытовых начал седой старины. В этих последних местах есть все данные опасаться за сильное возбуждение раскольниками православного населения против григорианского календаря и, след., против православной церкви, если она допустит его. А стоит ли того всё дело реформы календаря, если о него спотыкнётся и малая часть тёмного нашего, но верующего и доверчивого крестьянства?!

Но вот, допустим, новый календарь введён. Что же он за собой повлечёт? И как раскольники могут им воспользоваться в целях своей пропаганды? Весьма дельный, основательный и, на мой взгляд, совершенно справедливый ответ даёт на эти вопросы автор прежде уже упомянутой статьи в № 37 «Рус. Труда» за 1899 г., «о старом и новом стиле». «Так как принятие нового стиля означает передвижение нашего счёта чисел на 13 суток вперёд, то все *неподвижные* праздники русского календари будут уже праздноваться на 13 дней раньше (Новый год, Рождество. Сретение и др.). Сроки *подвижных* праздников тоже изменятся, но не в таком определённом порядке, как сроки неподвижных. Иногда они будут приходиться раньше, иногда позже прежнего, а иногда, хотя сравнительно и редко, будут совпадать с прежним календарём... Вследствие изменения срока мартовского полнолуния и, главным образом, вследствие исключения некоторых високосов, видоизменяется и сама техника пасхальных вычислений:

порядок вруцелет¹⁵¹, число епакт¹⁵² и пр. Таким образом ближайшим практическим следствием реформы стиля будет то, что придётся изъять из обращения все так называемые «вечные пасхалии», пасхальные таблицы, «наставления» к пасхальным вычислениям... Так как календарь у нас занесён во многие церковные книги, то придётся ещё раз признать их нуждающимися в исправлении, т. е. дать ещё лишний и, нужно думать, очень сильный повод к протесту ревнителей «древнего православия» ...

Автор статьи приводит далее очень характерную и вполне возможную картину будущего «стязания о вере» между раскольников и православным.

«Вопрос, возглашает «стязатель»: в лето от сотворения мира 7409 (1901) день святой Пасхи Христова Воскресения «когда – будет»?

«Ответ: зри (тычет пальцем в засаленный календарь какого-нибудь 1896–7 г. г.): в 1901 г. Воскресение Христово 1 апреля. А теперь что? О, окаянство! Празднуешь Пасху Христову в неделю Страстей Христовых (Пасха в 1901 г. по новому стилю 7 апреля, т. е. на неделю раньше – 25 марта по ст. ст.)! Какой святой научил, какой собор повелел»? и т. д., и т. д. Что может сказать на это православный? Разве только то, что «начальство приказало». – резон отнюдь не убедительный в вопросах подобного рода».

«Вот картинка другого рода. В заброшенный среди камских лесов посёлок, куда начальнический глаз старается заглядывать как можно реже, является старообрядческий ревнитель с проповедью».

«Христоробцы! Воздвигается последнее гонение, предсказанное Тайновидцем. Зима злая хочет быти. Пасху Христову велят праздновать никониане в седмицу страстей Христовых. Вменили страсти Христовы в ничто... Идут слуги антихристовы на погибель святыни» и т. л. «Свят, свят, свят», с ужасом шепчет поражённый слушатель. Кто может «противостать здесь в лицо» начётчику? Пусть только начёт говорить священник о неточности старого счисления. Противник с победоносным видом уничтожит его «философствование» одним вопросом: «от какого писания»?..

В интересной статье автора приведены ещё многие другие затруднения в торговых и вообще деловых сношениях, какие воздвигнут, сознательно и бессознательно, раскольники за изменение календаря; но за их неважностью для доказательства нашей мысли, мы их оставляем. Взятые же у него рассуждения и картинки не преувеличены и не карикатурны. Что они вполне возможны и совершенно правдоподобны, это подтвердит всякий, хорошо знакомый с неприкрашенной жизнью раскола даже и не глухих местечек.

Суммируя всё сказанное нами, мы приходим к выводу, что изменение старого стиля, освящённого религиозными воспоминаниями и дедовскими традициями, возводимого по его началу к первому Вселенскому собору, на новый западный, в глазах народа – папский, Римский, – в сознании народа явится отказом от старой веры, от правил собора и отцов и «преданием папезскому костёлу», носителю худшей из ересей – латинской, и, поселив смущение в православном народе, даст естественные основания для раскольников к закреплению их взгляда на русскую церковь, как на заражённую латинской ересью, и удобный повод к пропаганде раскола среди православных. Стоит ли ревнителям по новом стиле обращать на это внимание или нет, пусть им ответ на это подскажет их сердце и религиозное чувство. Мы же попросим их вспомнить слова Божественного учителя, что горе тому человеку, который соблазнит единого от малых сих.

При всех этих возможных опасностях при введении нового стиля мы не видим существенных потребностей к введению его именно теперь. Почему бы не подождать ещё столетия, когда бы, умственное сознание и развитие народа возвысилось и когда бы быть может, и раскол уничтожился. Ведь не тяготились же особенно, когда разница в счислении у нас с западом равнялась 12 суткам; так почему же её бояться, когда она только на сутки увеличится?! А что касается научных к этому требований, то почему они видятся в разнице в сутках, тогда как не существует ещё определённого, основательно решённого, положения о начале нашей христианской эры? Ещё доселе не решено, насколько лет ошибаемся мы в определении года рождения Иисуса Христа, приняв настоящее наше летосчисление, настоящую христианскую эру¹⁵³. Не лучше ли отложить исправление календаря в сутках до точного определения года рождества Христова, т. е. до коренного изменения нашего летосчисления?!?

Наконец, введение нового стиля приведёт к некоторым последствиям, противным правилам соборов. Дело в том, что по календарю григорианскому Пасха Господня празднуется иногда прежде иудейской, а иногда и вместе с ней, что прямо запрещается 7 пр. св. Апостолов, определением первого вселенского собора и 1 пр. Антиохийского собора. На западе это произошло потому, что по пасхалии григорианской пасхальные новолуния падают иногда на 6 и 7 марта нового стиля, или что тоже – на 22 и 23 февраля старого стиля. Прибавляя же к этим числам 14 дней до полнолуния, получим 8 и 9 числа марта старого стиля. А если допустить при этом, что эти числа падут на субботу, то пасху христианскую придётся праздновать 17 или

18 марта старого стиля, т. е. в те числа, в которые может прийти и пасха иудейская, или даже ранее этой последней. Для избежания этого-то самая ранняя Пасха у нас может быть только 22 марта. В виду этих возможностей, правилам отеческим противоречащих, после введения григорианского календаря Константинопольским патриархом Иеремием II в 1583 г. разосланы были грамоты ко всем восточным православным церквам с осуждением григорианского календаря, В них между прочим говорилось: «Первое – подобает в равнодении весны пасху совершати; второе – не в кий день жидовские; третье – не просто или абие по равнодении, но в первый по равнодении, в полноту луны; четвёртое – по полноте луны абие неделя первая»¹⁵⁴.

Это предостережение Восточного патриарха и его правила для определения празднования дня пасхи не мешало бы принять во внимание и теперь при частых и настойчивых рассуждениях о необходимости введения у нас нового стиля. Старые люди часто умно рассуждали.

М. Чельцов

P.S. Затем, примут ли все восточные православные церкви новое счисление? Иначе православная Русь естественно окажется как бы отделившеюся от них в праздничных временах своих и приблизившеюся к Папе Римскому. Не обезличится ли наша религиозно-культурная самобытность через эту нивелировку времени и наших православно-русских величавых торжеств, которые пленяют и самих иностранцев? Ред.

Бобровников Н. По поводу статьи: «К вопросу о более желательной и целесообразной постановке церковноприходской и школьной миссии среди населения инородческого среднего Поволжья»¹⁵⁵ // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 246–249

Не останавливаясь на других упреках выше озаглавленной статьи по адресу инородческой школы, духовенства и деятелей по народно-инородческому просвещению, не можем пройти молчанием недовольства автора на вмешательство якобы чинов Министерства просвещения в дело назначения священников в инородческие приходы через ходатайства об учениках чувашской симбирской школы г. Яковлева. Я совершенно уверен, что ни г. Яковлев, никто другой из чинов Министерства Народного Просвещения никогда не позволит себе ходатайствовать за кого-либо. Чины Министерства, отвечая на отдельные запросы или пополняя общие поручения, только аттестуют тех или других лиц, как подходящих, по их мнению, кандидатов во священники. Затем, они никогда не рекомендуют учеников, а рекомендуют *учителей*. При добрых отношениях, которые обычно встречают со стороны епархиальных владык инородческая школа и заведующие ею лица, эти последние, естественно, делятся своими местными знаниями с епархиальной властью, но вынуждать владык они могут лишь основательностью своих мнений – ничем другим. Затем, нельзя не отметить в изложении статьи одной неточности, которую странно видеть на страницах сочинения, специально трактующего об инородческом духовенстве. По изложению автора можно подумать, что в настоящее время везде, во всех инородческих местностях, служат священники из инородцев и что священники эти, кроме некоторых счастливых исключений, плохи и что было бы полезно заменить их русскими, получившими хотя «вид» богословского образования. На самом деле в огромном большинстве и теперь, как 50 лет назад, инородческие приходы находятся в руках русского духовенства и открывающиеся в них вакансии замещаются русскими, причём требование «вида богословского образования» не всегда исполняется.

Чтобы сослаться лишь на то, что я видел сам, скажу, что 5-го декабря прошлого года, в день храмового праздника крещёно-татарской школы, в церкви её рукоположен был «к чувашам» русский не окончивший курс духовного училища. Я говорю это не для критики

или порицания и совершенно уверен, что то лицо могло достойно заслужить священнический сан чем-нибудь более важным, чем сдача экзамена; я привожу этот факт, как пример того, что с точки зрения автора и противников, так называемой, системы Н. И. Ильминского всё обстоит благополучно. В Казанской, например, епархии нет ни одного священника из вотяков, из мордвы и лишь 5 священников из черемис при 120 тыс. черемисского населения и 15–20 священников из чуваш при 500 тыс. чувашского населения; некрещёные, напр., чуваш Чистопольского уезда целиком находятся в ведении русского духовенства. Если бы почтенный автор внимательно прочитал хотя дневник старокрещённого татарина, издание Н. И. Ильминского, где находятся живые правдивые картины народного быта, он понял бы, почему Ильминский утверждал, что лишь священник-инородец может просветить инородцев.

«И так неосновательно бояться, что духовная школы обратит инородца в русского. Ведь интеллигентные инородолюбцы учились же и в гимназиях, и университетах и ведь не потеряли же своего чувашского языка». (Стр. 449).

Искренно или нет автор успокаивает инородцев, что им нечего бояться потери языка и племенных особенностей, но в этом я существенно расхожусь с ним. И в классе, и в частном разговоре, и печатно я утверждаю, что инородцам нужно усвоить русский язык и русскую культуру. Имею основание думать, что самыми горячими и искренними моими сторонниками в этом отношении являются священники из инородцев. Пусть сами они даже плохо знают русский язык, они сильнейшим образом сближают инородцев с русскими и лучше русских научают их русскому языку. Н. И. Ильминский был русский человек и любил русский язык, но он не любил и даже не терпел лицемерных разговоров о русском языке и обрусении, а особенно раздражался, когда делали уроки Закона Божия средством для преподавания русского языка. Но мы настойчиво, систематически, для пользы самих инородцев внушаем им пользу слияния их с русскими и уверены, что обаяние огромной русской народности и великой русской литературы составляет такую силу, которая сама собой без всяких насилий увлекает всякого мыслящего инородца. Поэтому мы решительные противники всяких насильственных или принудительных мер, так как меры эти всегда оставляют после себя горькое чувство, если не в массах, то в отдельных лицах. Инородцы должны слиться с нами *по любви*, а не по принуждению. Наши гражданские законы, уравнивая инородцев в правах с русскими и оставляя всем им свободное пользование своим языком, дают полную

возможность священнику и учителю открыто проповедовать любовь и благодарность к русскому Царю и народу.

И так, мы решительно стоим за распространение русской культуры и языка, но не думаем, что русский человек, при всей его несравненной мягкости и доброте, везде может справиться с миссионерским делом.

Так, в тех уездах Казанской губернии, где вовсе никогда не было инородческих священников, крещёные татары отпали сплошь в магометанство, а язычники и остаются язычниками. Я рекомендовал бы автору статьи с пристани «Звениговский затон» Казанской губернии поехать просёлочной дорогой до села Сернур Уржумского уезда. На этой линии автор всё время будет оставаться среди черемисского населения, у которого почти нет инородческого духовенства. По обеим сторонам дороги он увидит священные рощи черемис, а с высокого места близ деревни Куприансола насчитает до пятидесяти таких рощ. Замечательно, что русское духовенство вообще хвалит черемис, потому что они не уклоняются от исполнения обрядов, принимая это за расположение к православию, но при небольшом внимании мы увидим, что тут радоваться нечему. Один почтенный русский священник той местности рассказывал мне, что черемисы позовут его соборовать больного, заплатят и проводят с честью, а затем возьмут жеребёнка и отправляются в рощу приносить жертву своим богам. Вопрос о том, какого священника нужно посылать в ту или другую местность, нельзя разрешать на основании *общих* соображений. Когда мне выпадает на долю честь, отвечая на поручения местных архиереев, представлять соображения о замещении того или иного священнического, дьяконского или учительского места, я всегда начинаю с описания религиозного и культурного состояния жителей той местности, а затем из известных мне лиц подыскиваю подходящее лицо. Я ни разу не начинал своих докладов соображениями общего характера в роде: «пробуждающийся в обществе (?) интерес к вопросам веры и нравственности, брожение религиозной мысли, многочисленные разнообразные секты, проникающие в самые отдалённые деревеньки, требуют и проч. (стр. 444). Я пишу всегда так: в данной местности проживает столько-то татар, столько-то чувашей, столько-то русских. Татары находятся в таком-то религиозном состоянии и проч.

Резюмируем сказанное.

По мнению автора статьи и тех, кто с ним и за ним, дело просвещения инородцев идёт худо, потому что миряне вмешиваются в

него и навязывают епархиальной власти плохих инородческих священников.

Моё мнение почти противоположно.

Дело просвещения инородцев и слияние их с русскими поставлено, говоря вообще, правильно и идёт хорошо, особенно там, где священниками служат бывшие опытные учителя, природные инородцы, знающие их язык и быт. Правда, что есть и местности, где дело просвещения подвигается медленно и где враждебное течение даже преобладаёт. Но таковые местности все на счету; о каждой из них нужно думать и писать особо. Вместо общего вопроса о приготовлении священников и учителей из инородцев вообще, надо рассматривать ряд вопросов:

Какие учителя и священники нужны для черемис луговых, где их взять, как их приготовить в настоящее время для пользы и спасения теперь живущих луговых черемис, а не тех, которые ещё не родились?

Где найти людей способных беседовать с мамадышскими черемисами, на три четверти отатарившимися и т. п.

Когда мне делают честь спрашивать меня об инородцах, я именно так, по мере сил и знаний, пытаюсь смотреть на дело. Несомненно, также поступают гг. Яковлев и Катаринский. Для них, которые знают каждую деревню, знают с детства всякого сколько-нибудь грамотного инородца, каждый отдельный случай есть особый вопрос. Должно не гнать, а стараться всячески привлечь к делу подобных исключительных знатоков местного инородческого быта; так делали и делают многие епархиальные епископы и, я уверен в этом, так смотрит на дело и миссионерское общество.

В помянутых выше случаях плохого положения дела просвещения инородцев в той или иной местности виновно не вмешательство мирян в это дело, как думает автор статьи, а отсутствие этого вмешательства, отсутствие живого интереса мирян к делу просвещения. Последствием этого является сужение дела миссии до официального казённого дела, подлежащего ведению такого-то стола Консистории. Нужно не достаивать quasi богословскими соображениями таковой порядок, а бороться против чего.

Н. Бобровников

Из миссионерских летописей, дневников и записок //
Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 249–282

Шалкинский С., свящ. Разъезды раскольничьего лже-архиепископа Иоанна Картушина с его «миссионерами» по югу России и беседы с ним. С. 249–264

21 октября 1899 года в раскольнический Преображенский, находящийся в 8 верстах от с. Городища, Славяно-сербского уезда, Екатеринославской епархии, монастырь, основанный не особенно давно раскольниками без всякого разрешения гражданской власти, приехали: московский лже-архиепископ Иоанн Картушин, измайловский лже-епископ Анастасий и мещанин г. Николаевска, бывший секретарь Савватия, а ныне «всероссийский миссионер против неокружников», Климент Перетрухин со времени своего поступления на московскую раскольничью лже-архиепископскую кафедру, Картушин уже второй раз приезжает в этот монастырь, не забывая «посетить» и село Городище. Само собой понятно, что все эти поездки сопровождаются торжественными богослужениями, проповедями, наставлениями, клеветой на православную Церковь и восхвалением раскола. Эти же поездки оставляют после себя нежелательный след и в деле народного образования: лично мной наблюдалось, что после приезда Картушина, а потом Перетрухина, из церковно-приходской и земской школ села Городища, без всякой, по-видимому, причины, убавлялось по несколько человек, да и в оставшихся учениках-раскольниках во время уроков по Закону Божию замечалось что-то необыкновенное: отвечали очень вяло, нехотя, многие заявляли, что они не учат этих уроков и т. п. Такие же и даже более ощутительные последствия в этом отношении оставляли после себя посещения Картушиным хуторов и станиц Донской области, где после проповеди Картушина в одном хуторе раскольники разобрали своих детей из школы (кажется, 42 мальчика), отчего и школа должна была закрыться¹⁵⁶. Удивляться здесь приходится не тому, что раскольники слепо верят каждому слову донского урядника и выполняют всё им повеленное, а тому, что вся эта, идущая в разрез с интересами государства, проповедь донца производится открыто с амвона их молелен, на что никто не хочет обратить должного внимания.

Те, кому нужно было бы об этом ведать, ничего не ведают, а зараза распространяется и распространяется, проявляясь то в той, то в иной форме... По-видимому, какое может иметь значение слепой крестьянин села Городища Пётр Игнатьевич Подрядчиков? А прислушайтесь вы к народному говору после его отъезда из Городища...

Это великий, умнейший человек! живёт он в самом Питере; его знает Сам Государь! Государь подарил ему бесплатный билет для проезда по всем российским железным дорогам для того, чтобы он ездил и увещевал своих братий оставаться в расколе. Он занимает несколько тайных должностей; все великие князья и сановники ему известны; члены Св. Синода, Обер-Прокурор, его Товарищ по долгу разговаривают с ним; митрополиты Антоний и Владимир его всегда принимают и т. д. и т. д.

И всё это только потому, что этому слепцу как-то удалось выпросить у одного из великих князей бесплатный билет, который в Городище неоднократно показывался. А чем лучше, добросовестнее этого слепца разные Иоанны, Перетрухины, Мельниковы, Худошины и проч. и проч.? И они свободно разъезжают по России, собирают народ, как Перетрухин в январе прошлого года в Городище, и «поучают» его, чему им вздумается.

Неволью как-то пронеслось у меня в голове, когда я узнал о приезде в монастырь Картушина с братией, чем-то ознаменуется ещё этот его приезд.

Лишь только разнеслась по Городищу передаваемая из уст в уста радостная для раскольников весть о приезде их лже-владыки, как в тот же день они, давно уже недовольные своим лже-попом Матвеем за его непостоянство в вере (он уклонялся в неокружники), за пьянственное житие и иные непотребства, составили приговор об избрании своего лже-диакона Карпа в лже-иерея и вечером же этот приговор передали уряднику Картушпну, который и приказал Карпу быть готовым на завтра к производству в лже-иерея.

Рано утром, 22 октября, почти все раскольники с. Городища поехали в монастырь посмотреть на никогда невиданное ими совершение рукоположения. И, действительно, торжество было великое: два мнимых епископа совершали литургию, во время которой Картушин «высвятил» Карпа, к великой досаде Матвея, в лже-священника. Не утерпел Картушин, чтобы не сказать за службой и своего слова назидания, повелевая огребаться еретиков, вкупе с ними не пить, не есть, а наипаче не молиться, бран своих не брить, немецкого платья не носить, от осквернения на фабриках и заводах табаком и совокупным ядением с еретиками очищаться молитвой своего пастыря, детей обучать крюковому напеву, следить за поведением священников и, если будут упиваться, *запрещать им служить*, а потом доносить или лично ему, или благочинному и т. д.

По настроению возвратившихся из монастыря городищан было заметно, что всё это вместе взятое, т. е. торжественное богослужение,

рукоположение Карпа, поучение или инструкция донского урядника, произвело на них сильное впечатление, подняло их религиозный дух, укрепило ложное сознание в правоте раскола. Но были, конечно, и такие, которые, смотря на всё это торжество, невольно задавали себе неотвязчиво – назойливый вопрос: а что да если всё это только один обман, а не истина? Что да если этот Иоанн, действительно, не архиепископ, а урядник? Неужели тогда эти дорогие облачения, эти ризы без благодати, спасут нас? и т. д., и т. д. Чтобы рассеять свои сомнения, они усердно просили Картушина и Перетрухина провести со мной несколько публичных бесед о вере. Но последним почему-то не особенно желательно было вступать в собеседование и они, под каким-то предлогом, отказались. Не желая упускать такого удобного для бесед случая, я послал Картушину и Перетрухину приглашение. В 2 часа дня, когда я вместе с священником с. Адрианополя, о. Макарием Диденко, был в волостном правлении, где предполагалась беседа с штундистом Калошиным, к моей квартире подъехал монастырский экипаж, в котором сидели: Перетрухин, мнимый игумен монастыря, ольховатский крестьянин Исая Блинов и городищенский крестьянин – Малахий Рындин.

Перетрухин с того времени, как я его видел, значительно поправился и пополнел настолько, что мало поношенный *немецкий* пиджак, против чего так восстаёт Карлушин, едва застёгивался на одну верхнюю пуговицу; на носу блестели очки в золотой оправе. По всему заметно было, что живётся Перетрухину «вольготно» и привольно.

Материально он обеспечен, пользуется почётом, везде разъезжает и встречается раскольниками, как дорогой гость, правая рука лже-архиепископа, опора старообрядчества. А в будущем... кто знает: ведь в расколе вся возможна суть. Почему же ему, такой знаменитости, невозможно быть епископом, а быть может и архиепископом? Жена померла, так что же теперь может воспрепятствовать ему в достижении этой цели? Неужели этот еретик Швецов или урядник Картушин лучше его? А женатый и семейный Иона смоленский?

На вопрос мой, по каким делам они заехали в монастырь, Перетрухин начал рассказывать, что он ехал из Москвы в свой Николаевск, Самарской губернии, но *совершенно случайно* попал в Донскую область, где на ст. Арчада *неожиданно для себя* встретился с Картушиным, который ехал из своего родного хутора Попкова, и поехали с ним в Бессарабию; на ст. Зверево они встретились с Анастасием Измаильским и решили заехать в скит – отдохнуть после продолжительного пути.

– Вот таким-то манерцом, – закончил он, – мы и угодили к вам, в ваши края. Мне кажется, что в этом нет ничего предосудительного? – добавил Перетрухин, обращаясь ко мне.

– В чём *в этом*?

– В том, что мы приехали в свой монастырь.

– На всякое дело нужно смотреть не с внешней его стороны, а с внутренней. Не плохое дело – приехать в монастырь – помолиться, но в цели вашего приезда можно и должно видеть совершенно другое, а именно – желание ваше и ваших лже-владык усилить своё вредное для св. Церкви влияние на раскол, запретить ему, через собеседования и чтение полезных книг, познавать св. истину и стремиться к ней, внушить ненависть к православной Церкви и её пастырям, а всё это нельзя назвать непредосудительным.

– Мы на беседы ходить не воспрещаем: я всегда *ругаю* своих попов, что они избегают встреч с священниками: почему не повидаться да не поговорить? – тут плохого ничего нет. Я вот и сам в Николаевске частенько бываю у единовещерского священника, дающего из своей библиотеки книги; и он бывает у меня. Если здешние попы наши не ходят к вам, я их за это сегодня же *поругаю*.

– Вы говорите, что в беседах ничего плохого не видите, лже-архиепископ же ваш предписывает, чтобы никто на беседы не ходил, – значит, он видит в них что-то плохое для своего общества. Я не могу допустить мысли, чтобы вы, действительно, не соглашались во мнениях с своим лже-архиепископом, а посему и словам вашим я доверять не могу.

– Это, конечно, дело ваше. Но позвольте заявить вам, что беседовать мы никогда не прочь, и вот сейчас приехали условиться с вами относительно времени... Когда вы можете побеседовать с нами?

– Беседы мне желательно бы начать сегодня.

– Как сегодня?..

– Очень просто: сегодня праздник, народ знает, что вы у меня, поэтому стоит только нам пойти в школу, как можно быть уверенным, что через несколько минут она переполнится слушателями.

– Нет, сегодня я не могу.

– В таком случае завтра, или в воскресенье, после завтра...

– И так не могу: у меня сейчас с собой нет ни книг, ни пособий, да, откровенно говоря, не для этого я сюда и ехал,

После некоторых обсуждений решились произвести беседы 1, 2, 3, 4 и 5 декабря по вопросам: о признаках и вечности Церкви Христовой, о необходимости в Церкви Христовой епископского сана и полноты богоустановленных седми таинств, о незаконности австрийской

иерархии, о смысле клятв большого московского собора 1666–67 гг. и «О порицаниях полемических писателей».

Условившись относительно бесед, мы продолжали разговор

– Скажите, пожалуйста, – обратился я к Перетрухину: – с вами приехал, кажется, говорили вы, Анастасий измайльский?

– Да, он.

– Это, вероятно, тот самый, что писал когда-то Силуану кавказскому письмо, в котором горько и правдиво сетовал на то, что *церкви старообрядческие освящаются вместо мученических – на трупах некрещённых черкес?*

– Не знаю... Я не слышал что-то про это...

– Трудно верится, чтобы не слышали о таком серьёзном письме¹⁵⁷.

– Да нет, правда, не знаю...

– Значит, вы знаете только то, что выгодно знать для вашего общества, а всё невыгодное, обличающее вас, стараетесь не знать... Для того, чтобы оклеветать православную Церковь, вы с кропотливостью и терпением, достойными лучшего применения, собираете разные фельетонные статьи, вышедшие из-под пера разных писак «от строчки», группируете их, распространяете среди русского народа, не жалея на это ни времени, ни средств, а вот о таком-то серьёзном заявлении своего лже-владыки притворяетесь ничего не знающим.

– Но чем же вы докажете, что мы стараемся клеветать на вашу Церковь?

– За доказательствами ходить далеко не придётся. Наша январская беседа с вами убедила меня, что вы стараетесь не о том, чтобы раскрыть перед слушателями истину, а обзывать нашу св. Церковь разными неприличными словами и тем подделаться под вкус, под понятия толпы. А ваш коллега Мельников? Что он издавал за границей под громким названием «Слова Правды», как не разные пасквили на православную Церковь?

– Тебе, *господин*, всё можно говорить! – сказал грубо Рындин.

– Так ты, Малахий Иванович, не веришь, что Мельников издавал одни пасквили?

– А то так и поверю – подставляй карман-то шире!

– Надеюсь, что Климент Анфиногентович не откажется от своих слов. Когда мы ехали с ним в одном вагоне с беседы из Орехова, он рассказывал мне, что Мельников присылал ему своё «Слово Правды», но, прочитав только один № этой газеты, Перетрухин забросил всё присланное Мельниковым в печку и написал ему, чтобы подобных произведений он больше не высылал...

- Да, это было, сказал Перетрухин: я не одобряю такой полемики.
- Вот тебе, Малахий Иванович, пример наглости и беззастенчивой лжи вашего защитника Мельникова. Ты, вероятно, читал в «Слове Правда» рассказ Вихлянцева «о теле Феодосия»?
- Читал; ну, и что же? не нравится вашему брату?
- Этот рассказ от первой до последней строки есть наглая клевета на Вихлянцева и дерзкое кощунство над чудотворными мощами святого Феодосия. Когда Вихлянцеву прочитали этот рассказ, он возмутился наглостью Мельникова и печатно всем заявляет, что Мельников оклеветал его, что никакого рассказа «о теле Феодосия» он, Вихлянцев, не писал. Для чего же Мельникову понадобилось выдумывать такой небывалый рассказ? – Чтоб покощунствовать над Св. Православной Церковью, чтобы задержать во тьме раскола ищущих соединения с ней. Видишь, как опасно доверять вашим лживым защитникам. Не лучше современных были и первые защитники, и родоначальники раскола-старообрядства. Разве правда, что мы не веруем в Сына Божия, что ограждаем себя печатью антихриста, что молимся духу лукавому? А ведь именно этими и подобными клеветами «обносили» тогда Православную Церковь Аввакум, Никита и прочие их споспешники.
- Положим, что разделение-то испервоначала вышло не из-за этого, сказал Перетрухин, – тут книжное исправление всему вина.
- Гордость и своеволие – всему вина, а не книжное исправление. Исправлялись же книги в русской Церкви и раньше Никона, а почему-то никакого разделения из-за этого не происходило. Причина отделения кроется в личных отношениях Аввакума к Никону, а «память» и исправление книг – только неблаговидный предлог.
- Книги задолго до патриарха Никона были исправляемы и при патриархе Иосифе были вполне правильны, поэтому их и не нужно было исправлять.
- Это говорите вы, а современные патриарху Иосифу книги совсем другое. Достаточно припомнить изречение книги Кормчей, в предисловии которой сказано: «воззри убо, аще неленостен еси, обрящеши ли где праве списанную, без всякого порока, в церквах святых книгу... вем, яко неудобь обрести возможеши».
- В Кормчей есть и послание Константина Великого к папе римскому, неужели вы и ему поверите?
- А разве не всему нужно доверять, что содержится в старопечатной книге?
- Это уж как хотите, но только одно я скажу вам, что этому *предисловию мы не верим*, как и вы не верите посланию Константина...

– Почему же не верите?

– Да это вам и без того известно. Если бы Кормчая была напечатана при патриархе Иосифе, тогда мы не имели бы права отвергать этого предисловия, а то ведь началась она печататься при Иосифе, а закончилась при Никоне, так легко было Никону и написать это предисловие.

– Это вы предполагаете, или имеете какое-нибудь основание говорить, что предисловие написано патриархом Никоном?

Рындин: Придёт время – наговоритесь, а теперь мы приехали только условиться о беседах, а не беседовать.

– Такая беседа для тебя, Малахий Иванович, полезнее. Ты обрати внимание, что Перетрухин уже не доверяет старопечатной Кормчей книге, не верит он и другим старопечатным книгам. Вот, например, в книге о вере написано, что Греческая Церковь при патриархе Иосифе сияла лучами благочестия, а Перетрухин, в своём «Мече духовном», доказывает, что будто бы в Греции в то время православие было сомнительно, – значит, он книге о вере не доверяет.

– Да, без рассмотрения свидетельству книги о вере доверяться вполне нельзя, – сказал Перетрухин.

– А вот Усов доверяет этому свидетельству, – сказал я.

– Не может быть!

– Читайте, или слушайте – я прочитаю. И я прочитал: «Что во время списателя книги о вере греческая Церковь была православна – в этом мы не противоречим». (Разбор ответов на 105 вопр.). Кому же теперь из вас верить: вам или Усову. Обоим доверяться нельзя, так как учение ваше совершенно противоположно. Перетрухин взял из моих рук книгу и стал читать её. «Я согласен с Усовым, сказал он, потому – это он далее пишет: Но он (списатель книги о вере) жил и писал её за несколько лет до патриарха Никона, когда ещё греческая Церковь не в малейшей части преданий церковных-не отменила и даже не нарушила (кн. овер л. 93) и молилась двуперстно».

– Что в Греции во времена писателя книги о вере молились двуперстно, это ложь, которую обличают и ваши учёные защитники. Но дело не в этом, а в том, что Усов доверяет свидетельству книги о вере, а вы не доверяете.

– И я могу допустить, что в то время, когда писалась книга о вере, греческая Церковь была православна, а при патриархе Иосифе – еретическая.

– А когда, по-вашему, эта книга написана?

– Да нужно предполагать, что за долго раньше Никона.

– Слушайте, что говорит Усов: «Книга о вере, говорит он, написана в Малороссии киевским михайловским игуменом Нафанаилом 1644 года, значит, при патриархе Иосифе, а в Москве напечатана в 1648 г., т. е. за 4 только года до патриарха Никона...

– Нет, это ошибка, опечатка! – воскликнул Перетрухин.

– Я бы советовал тебе, Клим Финогеич, попусту и язык-то не чесать! наговоритесь ещё – сказал Рындин.

– Странное дело, – ответил я Перетрухину: всё то, что говорит не в вашу пользу, вы считаете или сомнительным, или ошибочным, или же незаслуживающим доверия. А ведь все эти, по вашему мнению, «сомнительные», «ошибочные» и «не заслуживающие доверия» свидетельства находятся в старопечатных книгах, перед которыми настоящие старообрядцы благоговейно, как перед великой святыней. Скажите же мне откровенно: «всему ли, написанному в старопечатных книгах, следует доверять»?

– Знаю, куда вы тянете меня! – сказал Перетрухин, смеясь.

– Я тебе говорю: оставь этот разговор! – приказал Перетрухину Рындин, и Перетрухин повиновался.

Посидев ещё несколько минут и к слову сказав, что Мельников и он написали ещё по сочинению против Православной Церкви, Перетрухин с братией оставил мою квартиру.

Через час по отъезде Перетрухина «изволил» пожаловать ко мне в квартиру и сам донской урядник Иустин Картушин, мнимый архиепископ московский, в сопровождении нескольких городищан.

Одет он был в дорожную меховую шубу, на ногах блестели резиновые галоши, а в руках был щеголеватый шёлковый зонтик. Не снимая галош и не выпуская из рук зонтика, он помолился на иконы, поклонился всем присутствовавшим в комнате и, по моему приглашению, сел в кресло. Резиновые галоши на ногах и зонтик в руках как-то странно было видеть у того, который так горячо восстаёт против всего немецкого, еретического... Если бы старообрядцы были немного посмышлёнее, они непременно сказали бы ему: «владыко святой! ты воспрещаешь нам носить немецкое платье, называешь его еретическим, а ныне мы зрим, яко нозы твои погрязоша в ересь сию, и руки твои содержат сию ересь, егда ты и молитву твориши».

– Вы, кажется, родной брат донского православного миссионера К. А. Картушина? – спросил я Картушина.

– Да, брат. А вы разве знакомы с ним?

Начавшийся таким образом разговор скоро принял желательное для меня направление. Между прочим, я спросил Картушина, правду

ли про него говорят и пишут, что он воспрещает раскольникам отдавать своих детей в православные школы.

– Нет, о. Сергей, это клевета на меня. Что я ничего не имею против школ, вы можете убедиться из того факта, что мои родные внуки учатся в министерских школах.

– Это, положим, ещё ничего не доказывает, так-как мне хорошо известно, что вы у сына не пользуетесь особенным авторитетом, и между вами существует обоюдное неудовольствие. Но мы знаем более веские доказательства о вашем воспрещении отдавать детей для обучения в еретические школы...

– Едва ли вы представите такое доказательство.

– А ваши «поучения», произнесённые в хут. Калач?..

Картушин, помолчав немного, ответил: я ничего не имею против начальных министерских или там других каких школ, но только внушаю старообрядцам, что они должны учить детей и крюковой напевке, а то у нас теперь совсем мало стало певцов.

– А вот про одного вашего собрата, кажется, Кирилла – писали, что он пожертвовал порядочную сумму на открытие церковно-приходской школы в Тираспольском уезде, на плавнях, где произошло известное ужасное событие...

– Что же? это дело доброе. Вообще скажу вам, батюшка, что я не против образования: детей учить обязательно нужно...

Разговаривая далее, я узнал от Картушна, что в настоящее время у старообрядцев 21 мнимый епископ, из коих 15 в России и 6 за границей, что в хут. Калач он – Картушин, предназначил было Исидора астраханского, но донцы не соглашались принять нового епископа, так как у них есть Силуан, который тоже недоволен открытием новой кафедры.

Желая дать другое направление разговору, я спросил Картушина, виделся ли он в этот раз с братом миссионером.

– Нет, не пришлось: он поехал на беседы в Усть-Медведицкую станицу.

– Меня несколько удивляет, что вы, – брат такого опытного и многоначитанного миссионера, – и вдруг согласились быть мнимым епископом незаконной иерархии. Неужели вы никогда откровенно не говорили о религии с своим братом?

– Беседовали мы с братом почти каждый день несколько лет подряд, но изменить моих мнений он не мог, потому что они слагались у меня годами и годами же крепили.

– Так что теперь одебелело сордце ваше и ушами своими вы тяжело слышите? Не хотите изменять своих мнений только потому, что они

слагались и крепили годами, а не потому, что они имеют твёрдое основание в Писании?

– Это трудно допустить, пот. что всякий человек стремится ко спасению, а потому и основывает свои религиозные мнения на твёрдом фундаменте.

– А ваш брат, в начитанности которому не можете и вы отказать, разве не стремится ко спасению? Разве, оставляя раскол, он делал это необдуманно, не имея никаких оснований?

– Он, без сомнения, имел и имеет какие-нибудь основания, но они для нас неубедительны.

– И, конечно, только потому, что вы мало вникаете в своё религиозное состояние, которое при всём своём желании защитить не можете. Помните ли вы, что лет десять назад вы вели в селединском монастыре беседу с Петром Батюшиным?

– Помню; но только эта беседа происходила лет пятнадцать назад.

– Некоторые городищане говорили мне, что тогда вы не оправдали своё общество в неимении в продолжение 180 лет епископов в своей мнимой церкви.

– Говорили по-разному, – отвечал Картушин, – мне лично тогда же некоторые выразили благодарность за доказательства, а некоторые тогда же заявили, что я не ответил, и хотели перейти в единоверие: на всех, как видно, и Бог не угодит.

– После этой беседы, говорите вы, прошло 15 лет. Без сомнения, что над предложенным Батюшиным вопросом вы за это время не мало подумали и пришли к какому-нибудь решению: если тогда не в силах были оправдать себя, то не можете ли теперь и, самое лучшее, на публичной беседе, в присутствии старообрядцев, которым, без сомнения, желательно слышать решение этого вопроса из уст своего архиепископа.

– На публичную беседу, о. Сергей, я не пойду, потому что от таких бесед вижу мало пользы; да при том же у меня теперь совершенно другая профессия, – уж извиняйте.

– Если вы чувствуете под собой твёрдую почву, то почему бы и не побеседовать.

– Нет, – право, – извиняйте: не могу, – у меня совсем другая профессия.

– Какая же у вас теперь профессия?

– Вы сами знаете, с кем говорите. Я говорил уже вам, что слишком мало толку вижу в этих беседах: на них не истины ищут, а победы; кто лучше говорит, тот и прав. Так, обыкновенно, народ простой понимает эти беседы.

– Очень может быть, что ваши защитники на беседах ищут не истины; с этим я не спорю; что же касается до православных миссионеров, то, как миссионер, могу уверить вас, что мы «не победить ищем, но приять братию, ихже разлучением терзаемся». Но если вы не хотите идти на публичную беседу, то, надеюсь, не откажитесь побеседовать здесь. Вы говорите, что пятнадцать лет назад вы решили вопрос о *неимении епископа* так, что многие после этого присоединились к единоверию.

– Они не поняли моего ответа. Я на этот вопрос имел и имею свой взгляд. Вы, вероятно, заметили, что, разговаривая с вами, я постоянно вас называю «батюшкой» или «отцом» Сергием, следовательно, я считаю вас священником, а если я признаю священный сан за вами, то признаю его и за вашими епископами. Точно также учили и наши предки до принятия м. Амвросия.

– Что же из этого следует?

– Следует то, что мы без епископов не были.

– Если у вас ничего нет, а у соседа всего много, так неужели и вы богаты?

– Это сравнение сюда не подходит. Хиротония не капитал, а Божественное установление, поэтому я и смотрю на неё безразлично: в православной ли Церкви она совершена, или у еретиков.

– То есть?

– Для меня православные ли иерархи, или еретические – все равны, – все ведут начало от Христа.

– Если бы мне кто-нибудь сказал, что вы так учите, то я, говорю откровенно, низа что не поверил бы этому. Если вы действительно так учите, то вы – еретик!

– Почему так?

– Да, так – еретик! Святые отцы еретиков не считали равными, а разделяли на три чина, а вы даже и православных от еретиков не разделяете.

– Вы меня неправильно поняли. Я хотел только сказать, что *равно* признаю сан и за православными епископами, и за всеми еретическими.

– Опять еретик! Св. отцы на соборах за некоторыми еретиками совершенно не признавали священного сана, а вы учите не согласно с учением этих соборов. Неужели, *по вашему мнению*, и еретики первого чина тоже равны с православными?

– Нет, я так не учу. Но что касается до еретиков второго чина, а тем более третьего, то за ними нельзя не признать священного сана.

– За еретиками второго чина, принимаемыми в общение с Церковью через миропомазание, также не признаётся священный сан.

– На основании 8 пр. первого вселенского собора они остаются в сущих санах.

– *В правиле*, вы говорите.

– Да, в 8 правиле.

– В правиле ли?

– Ну, в толковании, – *это всё равно*.

– Постановление вселенского собора и мнение частного лица для вас *всё равно*?

– По ведь церковь принимает эти толкования?

– Принимает, но нигде не сказано, чтобы мнения толкователей правил она считала равно-обязательными для себя, как и сами правила. А вот из послания самого константинопольского собора мы знаем, что еретики второго чина по присоединении к св. Церкви через миропомазание становятся *простыми мирскими людьми*, хотя бы в ереси и были иерархическими лицами.

– Вам нравится это послание, а нам толкование 8 правила. Но говорю вам, о. Сергей, что я беседовать не согласен. Вот в декабре приедет сюда Перетрухин, а в Ростов в январе Бриллиантов, и набеседуетесь.

В это время в комнату и с главного хода, и со двора, быстро вошли несколько человек-раскольников во главе с своими лже-попами: Матвеем и новопоставленным Карпом.

Курьёзны отношения их к своему лже-архиепископу. Войдя в комнату, Матвей и Карп помолились на иконы, затем подали руки мне, о. Макарию Даденю и др., бывшим у меня, православным, а затем, обращаясь к Картушину, проговорили: «здравствуйте»! и без всякого приглашения сели: Матвей за тот же стол, за которым сидели мы с Картушиным, а Карп за другой. Наступившее минутное молчание прервал Матвей, который, положив ногу на ногу и обращаясь к своему владыке, спросил: «ну, а отсюда ко мне что ли»? Картушину, по-видимому, стыдно было за своего «батюшку»: он только посмотрел на него и не удостоил ответом.

– Вы вот что сделайте-ка, братия, обратился я к пришедшим: вручайте своего владыку – он запутался в ересь.

Матвей. У! охота вам, о. Сергей, беседовать! Надоело нам всё это.

– Когда же могло надоесть? Вы ни разу и на беседах-то не были.

– Оставьте эти речи: вот приедет Перетрухин – и рассуждайте с ним, а мы с владыкой не по этой части.

Рындин (грубо выкрикивая): Отец Сергей! мы просим вас не затруднять нашего владыку вопросами.

– Ты, Малахий Иванович, оскорбляешь своим криком и своего владыку.

– *Картушин*: Нет уж от беседы прошу меня уволить, я и не здоров, и, скажу откровенно, многое перезабыл. Я благословил уже Перетрухина приехать сюда, с Богом и беседуйте.

– А до приезда Перетрухина благословили бы Малахия Ивановича, Малахий просиял и с нетерпением ожидал ответа. Но, помолчав немного, Картушин сказал: я приезжал сюда с намерением провести ноябрь месяц в этом монастыре и немного отдохнуть на юге – ведь я южанин, – на вижу, что и климат, и некоторые другие условия не благоприятствуют этому намерению. Поеду ещё куда-нибудь облюбовать местечко. А теперь – до свидания. (Он подал руку). В Москве будете, заезжайте и ко мне. – На другой день Картушин выехал из монастыря в Бессарабию.

После я узнал, что последствием приезда Картушина в нашу епархию будет открытие нового раскольнического прихода в сл. Трафимовке, Харьковской епархии, прежде составлявшей часть городищенского прихода.

Екатеринославский-миссионер.

Ивановский Н. И., проф. Моё путешествие на Урал и уральские сектанты «еговисты». С. 264–282

По приглашению Троицкого окружного суда (Оренб. губ.), в июне месяце мы должны были отправиться в г. Челябинск, чтобы присутствовать в качестве эксперта при рассмотрении дела о казаке Новокрещенове, обвиняемом в распространении сектантства. Вследствие этого мы имели случай посетить не только Самару и Уфу, но и Екатеринбург и Тагил, и Пермь, – места, где доселе не бывали. Берусь поделиться с читателями своими наблюдениями и впечатлениями, рассказать о своей поездке, – более, чем в три тысячи вёрст, в течение двух недель.

4 июня на Самолетском пароходе мы выехали из Казани, вниз по Волге до Самары; там мы имели в виду повидаться с преосвященным Гурием, близко к сердцу принимающим дело миссии, в доме которого и встретили вполне радушный приём. Кроме того, в Самаре живёт семья неких Постниковых, – выходцев из Костромской губернии, придерживающихся учения бегунов, так называемых «жиловых». С этой семьёй, состоящей из матери, сына и дочери, мы познакомились в Казани. Дочь Настасья, молодая девушка два и более года назад училась у бывшей бегунки Евстолии (Елизаветы Аполлоновой) и жила у неё в келье. По обращении же её в православие, Настасья несколько раз была у нас в доме, а потом уехала в Самару, где и живёт с матерью и братом Андреем. Андрей содержит ткацкое заведение, и не скрывает, – что довольно необычно, – что он последователь учения бегунов, «жиловой бегун». Мать их прошедшей зимой была у нас в Казани и, хотя не выдавала своих убеждений, но заметно было, что она-то и держит детей в известном направлении.

По слухам, к Постниковым, наезжают по временам и бегунские наставники и между ними известный Савва Онисимов, бывший опекун обратившейся Елизаветы, прилагающий особенные заботы, чтобы возвратить её к бегунам, хотя бы пока в качестве «жиловой». Осведомив об этой опасной семье Самарского епархиального миссионера, мы, вместе с ним два раза посетили Постниковых. Девицу Настасью мать и брат собирались выдать замуж, повенчав в православной церкви, – обычное явление у «жиловых бегунов», и мы говорили о необходимости исполнить ей христианский долг. По билету Настасья, хотя и значится православной, но она не была очень давно, – если только когда-нибудь была, – у исповеди и св. причастия. В первое наше посещение у Постниковых случился один их родственник,

из Костромской губернии, бывший старообрядец, а теперь православный; по случаю нашего прихода был приглашён ещё один знакомый Андрею, из ревностных православных и мы начали между собой беседу, уговаривали брата и сестру оставить учение бегунов. Хозяева были вежливы, но заметно было, что мать отклоняется от беседы и не расположена к тому, чтобы дочь её исповедалась и причастилась. Ссылалась она более всего на краткость времени. Разговор происходил в субботу, накануне праздника Св. Троицы. Мы указывали, что времени будет ещё достаточно и для говенья, и для свадьбы; нужно только не медлить. На другой день, по окончании литургии с вечерней, мы снова зашли к Постниковым и вели разговор о том же. Мать, видимо недовольная нашей беседой, скоро увела дочь гулять; с сыном мы на некоторое время оставались, но до чего-нибудь определённого не договорились; он был молчалив и сдержан... Впоследствии оказалось, что Настасья так и остаётся девицей; видимо, без исповеди и причастия её не повенчали, а исповедаться и причаститься мать ей не позволила. Да и жених-то её крестьянин Казанской губернии, Тетюшского уезда, живущий в работниках у Постниковых, тоже – сомнительный.

Отмечаем описанное обстоятельство потому, что «жиловые бегуны», – вышедшие из бегунства, или ещё не перекрещённые, а только «познающие» или, по выражению бегунов, «познанные» стремятся повенчаться в православной церкви, не исповедуясь и не причащаясь. К этому они имеют возможность, так как в паспортах они отмечаются «православным». После же этого они и детей не будут крестить в церкви, или, если окрестят, то не принесут их к св. причастью, и кума и куму выберут подходящих¹⁵⁸. Таким образом, этот церковный брак – чистое лицемерие и глумление, «Сводных» браков, по благословению родителей, бегуны совсем не признают. Несколько случаев подобных браков было у нас в Казани, и Казанский архиепископ сделал циркулярное подтверждение духовенству не венчать браков, когда жених или невеста не были продолжительное время на исповеди и у св. причастия, а требовать исполнения ими христианского долга. На исповедь бегуны могут ещё пойти, но особенно удаляются от св. причастия, считая оное осквернением.

В тот же день, 6-го июня, в 5 часов вечера, мы оставили Самару и отправились по железной дороге на Уфу. Благодатный и обильный дождь сопровождал наш отъезд. От станции Кинель вправо оставили линию на Оренбург и поехали по недавнему Сибирскому пути. На следующий день были в Уфе, где и остановились до вечера у о. ректора духовной семинарии. В Уфе явились к преосвященному

Иустину, осмотрели город и навестили нашего бывшего товарища по Петербургской Академии, кафедрального протоиерея Е. Н. Соловьева, лежащего на одре тяжкой болезни. Вспоминали с ним то время, когда 35 лет и более назад мы были студентами, говорили о том общественном направлении, какое тогда господствовало, и о наших бывших начальниках (Высокопреосвященный Иоаникий, митрополит киевский и галицкий, – бывший ректор академии, и почивший два года назад архиепископ казанский Владимир, бывший инспектор) и о профессорах, почти все уже скончавшихся: В. Н. Карпове, И. А. Чистовиче, И. В. Чельцове, М. О. Кояловиче, И. Ф. Нильском и других. Все они сумели предостеречь в своё время молодёжь от опасных веяний. Говорили мы душевно, но немного, сколько позволяло время и состояние больного о. протоиерея. В 11 часов вечера отправились далее по направлению к Уралу.

В два часа ночи показались Уральские горы, точно стена великанов, совершенно преграждающая нам путь, великанов, беспорядочно разбросанных, по виду конусообразных. Смотря на них издали, можно было думать, – если не знаешь, – что при подошве их и конец нашему путешествию. Но строительное, инженерное искусство, приложив много трудов к преодолению природных препятствий, преодолело их и проложило путь по местам непроходимым. Приезде в горы, мы поражены были грозным величием природы. Становилось как-то жутко мчаться при помощи пара, между безмолвными великанами, – внизу их, или по рассечённым их бокам и откосам, где с одной стороны, – большей частью левый от нас, – каменная стена, гладко обсечённая, а с другой – обрыв и какая-то речонка или просто ручеёк, а впереди, прямо и с боков всё те же высящиеся конусообразные великаны, поросшие лесом, казалось, и выхода тут нет. Но посмотришь вперёд, змейкой вьётся насыпь железнодорожного полотна с двумя чёрными линиями рельсов, и является уверенность, что опять искусство человека нашло себе путь в непроходимом, по-видимому, лабиринте гор... Приходилось ехать и между двух иссечённых скал, в темноте, а затем по какому-то висячему мостику над пропастями. Поезд то поднимался в гору, то быстро спускался под уклон, сдерживаемый тормозами, то огибал грозные великаны гористых конусов. Целых полтора вёрст такой дороги. Картина поразительная. Природа и искусство человека столкнулись здесь лицом к лицу, чтобы оспорить первенство, и, хотя человек оспорил его своим искусством, но и соперник стоит твёрдо и величаво, как бы предостерегая, что одна неосторожность, или непредусмотрительность может стоить жизни тех, которые доверились человеческому искусству.

При этом размышлении человек, – властелин земли, невольно принижается, хотя и любит поражающую картину. И видится, что здесь, во всём этом, нет собственно врага, а есть только соревнование и молчаливая дружба, под управлением Божьего промысла.

После перевала за Урал идёт равнина. Это уже Азия, хотя ещё не Сибирь, Сибирь начинается за Челябинском, где и поставлен столб. Челябинск – захолустный прежде, ничтожный городишко, начинает оживать. Он стоит на узле железных дорог – Сибирской и Пермской и ему несомненно предстоит будущность. Места здесь хлебородные... Можно надеяться, что с проведением великого Сибирского пути не только Челябинск, но и вся наша русская Азия проснётся от векового сна и станет не страной отверженных, но страной культуры и цивилизации в лучшем смысле слова, что процветут патриотической гражданственностью не только Томск, Красноярск и Иркутск, но и Чита и Нерчинск, с бесчисленными посёлками прежних ссыльных, что пройдёт каких-нибудь 25 лет, и они отбросят от себя последние грязные одонки¹⁵⁹, которые не захотели очиститься, а воспримут здоровое гражданственное население, могущее дать славу и честь родной земле. Великая идея прошедшего царствования Царя-Миротворца – связать Европейскую и Азиатскую Россию железным кольцом, Балтийское море с Восточным океаном! Пётр 1 прорубил окно в Европу; теперь, можно сказать, почти уже прорублено окно в безбрежную даль востока.

Дело, по которому мы приехали, рассматривалось 10-го июня. Обвинялся, как мы сказали, казак Новокрещенов в распространении секты, которая по всем признакам есть младо-штундизм, т. е. штундизм, отрешённый от баптизма. Обвинение было предъявлено по первой части 196 ст. Улож. о наказ., т. е. за соращение в секту известного лица. Предварительное следствие было ведено вместе с тем и по третьей части той же статьи, т. е. за склонение в секту других, хотя и без последствий соращения. Но судебная палата оставила последнее без уважения и предала обвиняемого суду только по первой части. Соращённый, вызванный в качестве свидетеля, отказался, – как и можно было ожидать, – от того, что был соращён подсудимым, хотя и не отрицал, что он – сектант. через других свидетелей подтвердить обвинение оказалось невозможным, и подсудимый призван невиновным. Между тем, сколько можно судить по некоторым показаниям, пропаганда штундизма не дремлет и имеет успехи в прилегающих к Челябинску деревнях.

В Челябинске живёт противораскольнический миссионер, священник Неаполитанов, – человек, знающий своё дело и много

трудящийся. С ним не мало мы беседовали о расколе и о разных приёмах по ведению бесед и по решению некоторых вопросов. Труды его в этой области не безуспешны, но затруднение в том, что пожелавших обратиться разных уставщиков, живущих исключительно отправлением богослужения и треб, невозможно устроить на соответствующие места хотя бы псаломщиками при сельских церквях. Вообще, у нас назревает большой и сложный вопрос о присоединённых, – чем их поддерживать, как устроить, а детей бедняков – воспитать. Об этом была речь и на последнем миссионерском съезде, и с этой-то особенно стороны представляется существенно необходимым образование общероссийского, православного миссионерского общества. Иногда не так трудно бывает обратить, как устроить новообращённого, соответственно его способностям, привычкам и прежнему роду жизни. Противники наши умеют этим нашим затруднением пользоваться и, нужно сознаться, что сыны века сего, – раскольники и сектанты – мудрее сынов царствия Божия.

Раскол за Уралом очень силен и для его ослабления требуется усиленное миссионерское воздействие. Священник Неаполитанов постоянно в разъездах на больших расстояниях. При этом, как в других местах, так и за Уралом одно и тоже явление: – где проявляется живая миссионерская деятельность, там раскол слабеет, по крайней мере, там нет соversions из православия, да и количественно он понемногу уменьшается. Но одному человеку нельзя повсюду быть и успеть, и, вот, он незаметно на первый взгляд усиливается в других местах. – Является другой большой вопрос, – подготовить всех пастырей церкви для борьбы с расколом. Задача эта всеми уже теперь признана и разрешается, но успешно ли, сказать затрудняемся, тем более, что дело здесь не в одном знакомстве с учебником, но в постоянном чтении, а ещё более в сердечной любви и усердии. Независимо от раскола и за Уралом, как мы уже заметили, начинает угрожать новый, более страшный враг, в виде упомянутой штунды и других сект, о которых скажем ниже. Борьба с ними стоит уже на другой почве, так что одному борцу и не под силу бороться со всеми враждующими, – хотя некоторые берутся за то и другое дело, – подготовленные только к одному. Для борьбы с расколом требуется отчётливое знание старопечатных книг; для борьбы со штундой такое же знание библии. При этом и сами вопросы совершенно иного рода, требующие общего богословского образования, – которое, правда, и в первом случае нелишне.

Из Челябинска по недавно открытой железной дороге 11 числа мы выехали в Екатеринбург. Слева (на запад) виднелись отроги Урала,

справа (на восток) – равнина. Екатеринбург – город старообрядства. С ним связаны исторические имена Рязановых, Подурцевых и других. Памятником Рязанова служит прекрасная единоверческая церковь, отличающаяся богатством икон, церковных облачений и замечательной дарохранительницей, стоящей на престоле. Ценность этих украшений так велика, какую едва ли можно встретить и в столицах. Икону Божией Матери в иконостасе, около царских врат, и дарохранительницу оценивают десятками тысяч рублей. Не в дальнем расстоянии от единоверческой церкви стоит большая каменная моленная австрийского священства. В Екатеринбурге также живёт миссионер, с высшим богословским образованием, С.Н. Романовский. Он беседует не с одними старообрядцами, но и с другими разными сектантами... Побывав у преосвященного Христофора и побеседовав с ним о расколе и других сектах, мы отправились осматривать город. Замечательна в нём гранильная фабрика; в ней мы видели разные работы и изделия; из последних обращает на себя внимание приготовляемый для строящегося в Петербурге храма в память Царя-мученика иконостас и карта Парижа; тот и другая делаются из разноцветных камней. Екатеринбург по общему виду, также и по количеству жителей скорее губернский, чем уездный город, лучший многих губернских городов северной и средней России. Не имея в Екатеринбурге дела, мы хотели на другой же день отправиться прямо в Пермь. Но в воскресенье 13-го числа была назначена миссионером беседа в Нижнем Тагиле с еговистами или с последователями общества Десного братства. По приглашению г. Романовского, мы охотно остановились в Тагиле, чтобы лично ознакомиться с означенными сектами.

Тагил представляет собой громадную деревню, с 40 тысячами жителей, раскинутую из конца в конец на 7 вёрст и расположенную на восточной стороне Урала, близь самых гор. В нём несколько церквей, в том числе и единоверческая. Тагил и некоторые другие заводы: – Баранча, Кушва представляют главные центры еговистов. Отсюда распространяют они своё учение по соседним местностям, на восток и юг; заносится оно и на запад, за Урал. Нам приходилось читать немало судебных дел об этих сектантах не только Екатеринбургского и Пермского судов, но и Троицкого. По возвращении же в Казань нас ожидало дело Уфимского суда, из которого видно, что в пределах г. Мензелинска распространяется лжеучение, представляющее смесь штундистских заблуждений и понятий еговистов. Дело это пока в руках прокурорской власти и до суда ещё не доведено. В своё время мы надеемся опубликовать его.

Еговисты представляют из себя секту настолько фанатичную и вредную как в религиозном, так и в гражданском отношении, что на ней следует остановиться. Они отрицают учение о Боге, как духе, проповедуя, что Бог есть такой же человек, только «мудрейший из всех мудрецов», – отвергают учение о Господе нашем Иисусе Христе, как Сыне Божиим, называя Его «распятым Еговой», «человеко-богом», – признают Его рождение от Девы естественным, глумясь над Матерью Господа. При этом они отрицают и общественный порядок; «чины и красные штаны» признают «за дурь и прелесть сатаны», проповедуют всеобщее равенство и бредят о земном 1000 летнем царстве в иерусалимской республике, которое изображают в самых ярких, фантастических чертах материального довольства и благополучия¹⁶⁰. Применительно к такому их учению и беседа была назначена о Боге, как существе духовном. На беседу явились несколько еговистов и во главе их, как их учительница и собеседница, бойкая и фанатичная еговистка лет 30 некая Марья Михайловна Ручьева, которая, – как откровенно сама о том заявила, и тетрадки с изложением учения еговистов составляет. По открытии беседы миссионер предложил ей прежде всего вопрос: все ли книги священного Писания, в Библии находящиеся, еговисты признают. Ручьева прямо на вопрос долго не отвечала, отказываясь тем, что миссионеру это уже известно из тетрадки, которую она ему прислала и в которой описана прежняя его беседа с нею; при этом она требовала читать эту тетрадку и опровергать. Тетрадка была передана нам в руки и, пробежав её, мы заметили, что в этой тетрадке ни одного слова нет на поставленный вопрос. После продолжительных уклонений Ручьевой ответить прямо на вопрос и настойчивого желания с нашей стороны слышать прямой ответ, Ручьева сказала: «эта Библия, которая на столе лежит испорчена, в ней истинна одна только «книга с неба» (Апокалипсис); читай, присовокупила она, видишь, эта книга с неба», и повторяла это несколько раз. «Вот прямо и сказала бы сразу, заметили мы; а это, слышал я, знаешь, да знаешь; я приезжий и не знаю этого, да и в тетрадке не нашёл. Так эта Библия испорчена; где же настоящая-то Библия»? Ручьева осведомилась, как нас зовут; ей сказали наше имя и отчество, но о фамилии умолчали, как мы и хотели, и ответила; «у меня она есть». – «Покажи, что это за Библия, если здесь нет, принести вели».

– «И здесь, в Тагиле нет, а есть в другом месте». – «Расскажи же, по крайней мере, чем она отличается от нашей Библии», Ручьева молчала. «В тетрадке, которая у вас, все есть, спохватилась она, дайте читать». «Да ведь это тобой написана тетрадка, а не Библия». –

«В ней всё, в ней всё, дайте, я читать буду» ... и так без конца, одно пустословие. Поставленный вопрос остался без ответа, что мы и отметили. Миссионер объяснил народу, что он предложил прежде всего этот вопрос потому, что еговисты, хотя признают только одну книгу Апокалипсис, по-своему её растолковывая, которую и называют «книгой с неба», но тетрадки их испещрены указаниями на другие священные книги, ясно, что они своей Библии никакой не имеют, а пользуются нашей же Библией, заимствуя из неё то, что к ним подходит и опуская всё другое. Они распоряжаются Библией самопроизвольно, чтобы неопытных смутить, что-де в Библии так писано, поэтому я и желал, чтобы Ручьева прямо сказала, признают ли еговисты священное писание, а ей трудно было ответить. Ручьева заметила на это объяснение, что миссионер «талмудит» и всё повторяла о своей тетрадке. Чтобы положить конец ненужным уже препирательствам и перевести беседу ближе к объявленному вопросу о Боге, как духе, а не человеке, мы предложили миссионеру обратить внимание еговистов на первую главу книги Бытия, где сказано, что в начале сотворил Бог небо и землю, а человек сотворён уже в шестой день, и спросить: как же Бог – человек, а сотворил небо и землю раньше, чем человек был ещё сотворён, откуда же этот человек – Бог? Услышав этот вопрос, Ручьева в волнении заговорила прямо по нашему адресу: «вы Н... Ив... всё *талмудите*», повторяя много раз это «талмудите». Обратившись к ней, я сказал: не понимаю, что вы говорите, что за слово «талмудите». Ручьева ответила: – «рассуждаете». Я сказал: «выражайтесь, прошу вас, яснее, а то я ведь не понимаю того, что слышу, – что такое: всё «талмудите», да «талмудите». Другой присутствовавший еговист захотел объяснить нам, что такое – Талмуд и что значит «талмудите». На его объяснение мы заметили, что знаем это, но просим выражаться приличнее и для народа понятнее.

На поставленный вопрос о творении Ручьева опять ничего не объяснила, заминая его посторонними рассуждениями и требуя чтения тетрадки. Мы объяснили слушателям, что и на второй вопрос она ничего не отвечает – на вопрос, о котором и беседа назначена, и стали сами читать подходящее место из её тетрадки, в котором изложено учение еговистов о Боге. Тетрадка эта, как мы уже сказали, написана Ручьевой и прислана миссионеру Романовскому. Вот её заглавие: «Разговор Уральских еговистов с доскопоклонным миссионером г. Екатеринбург С. Н. Романовским, которого сатона избрал для поддержания всех 666 христиан его». Мы прочитали это заглавие. Ручьевой, видимо, не понравилось такое обнаружение перед народом

её ругани, и она сказала: «досталось г. Романовскому и вам, Н... И... достанется; еговисты не молчат». И действительно, как ниже скажем, и нам досталось, но обращаемся к тетрадке. Из неё мы прочитали следующий ответ относительно учения о Боге. «Вашего духа – Бога, если за тысячным солнцем ещё квадриллион миль пройдёшь, то и там вашего Бога не найдёшь, а наш Бог ходит по земле и заходит к друзьям Своим (Лк.2:23,12:4. Ин.15:15. К. С.¹⁶¹ Откр.3:21) и ужинает у них вместе с ними (К. С. Откр.3:20), подобно тому, как Он заходил к Аврааму и обедал у него под дубом и после ходил и стоял с ним у Содомы (1 Моис. Быт.18:1–8,29.19:1) боролся с Яковом (1 Моис. Быт.32:24–32), заходил к Мельхиседеку, к Адаму и Еве, Каину и Авелю. Иову, Валааму и Магомету¹⁶², а обедал на Синае с 75 израильянами (2 Мис. Исх.24:11–18), перстом Своим написал скрижали (2 Моис. Исх.31:15.32:16) и являлся Иоанну (К. С. Откр.1:13–18)». На вопрос миссионера, «так это значит, ваш Бог есть человек же?» ответ: «да, человек же, и даже Еврей, и даже обрезанный, но только Предвечно-бессмертный и имеющий в Своей власти ключи от ада и смерти (К. С. Откр.1:17–18). Т. е. Он воскрешает Своих друзей и делает их таковыми же неумирающими¹⁶³, как и 144000 израильян (К. С. Откр.7:4–8.14:1–4): Мельхиседек (Пс.109:4. Евр.7:3), Енох, Илия, Моисей (Мф.7:13), Сулов (московский мещанин, два раза убитый и два раза воскресший¹⁶⁴), Яков Бэм (немец, башмачник, 16 лет искал истинную веру¹⁶⁵), Иван Гусс, Иероним Пражский (сожжённые живыми), Иоанн Замолвкин (Донской казак, учитель Пифагора, за 500 лет до Рождества Христова он летал по миру на стрелке), Пифагор, Зороастр (Персианин, предсказавший за 400 лет о появлении звезды над Вифлеемом при рождении Христа¹⁶⁶), Антипас (сожжённый живым в раскалённом медном быке, в капище), основатель новгородских еговистов, Захарий (по сатанински «стригольников»¹⁶⁷), Шарри (еврей из Митавы) и проч. И из женщин: Мариам, Деввора, Мать Христова, Иоанна Хуза (снабжавшая Христа деньгами, Лк.8:3), Мария Магдалина, Мария Клеопова, княгиня Медичи (девица, сожжённая живой в Риме за отступничество от сатаны к Егове), Елизавета Криднер (русская, из православных», она в Швейцарии, в 1814 году накормила 10,000 человек одной краюшкой хлеба¹⁶⁸), упомянутые у Мф.16:18 и великое множество других: У Еговы есть и Отец, «тоже человек, но только бессмертный и тело Его похоже на камень Яшмосард К. С. Откр.4:3. 5:1,3,12:21». Это богословие открыл «Сам Егова через Его посланёика Илию (Ис.42:6. Мал.4:5–6. К. С. Откр.4:6). И после дал нам (еговистам) узнать, что оно согласно и с писанием св. еврейских пророков, с Алкораном и с Буддийским священным писанием (sic!), а главное с

Книгой с неба». Прочитав эту выдержку из тетрадки, мы сказали: «по-вашему, Бог выходит – человек и даже еврей, и даже обрезанный; как же Он ранее всякого человека сотворил небо и землю, да и евреи-то явились уже много после, да, наконец, известно, что и обрезание установлено, когда людей было уже много, именно, при Аврааме (Быт. 17). Выходит, что до обрезания не было Бога? Как же ты пишешь, что Бог (еврей, обрезанный являлся Аврааму?.. И ещё хуже: ты пишешь, что нашего Бога – духа не найдёшь. Это правда, что внешними нашими глазами Его не увидишь, так как Он дух (Ин.4:24). «Покажи мне своего богочеловека, при том обрезанного еврея! Где же он, его я видеть могу?» ... Ручьева опять лично на это не отвечала, а повторяли несколько раз: «вот вы прочитали и опровергайте, и дальше читайте и опровергайте». Мы повторили свои вопросы и потребовали от неё прямого ответа, но не дождалась его. а слышали всё одно и тоже: «вы талмудите, вы все талмудите». Тогда мы сказали: мы и опровергаем, да и что же тут опровергать? Если больной человек вообразит, что он – Китайский император, то разве можно его опровергнуть? – Хотя настоящего императора приведи и покажи, он не поверит. Один разве ответ можно указать. *Рече безумен в сердце своем: несть Бог (Пс.13:1).* – Ведь всё, что мы прочитали, действительно, есть безбожие. При том ставить на ряду и Господа Иисуса Христа и Магомета, и Моисея, с Илиёй и ересиарха Суслова с каким-то Антипасом, и Мать Христову и Елизавету Криднер, и еврейских пророков с Апокалипсисом и Алкоран с Буддийскими книгами – ведь это одно глумление и кощунство. Что же до образных выражений, в Библии находящихся: Бог ходил, боролся, трапезовал и т. п., то это именно – внешние образы, человеку понятные, на нашем языке человеческом мы и выразить не можем духовных проявлений Божества иначе, как в образах, это везде и повсюду, например: *увидиши задняя Моя, лице же Мое не явится тебе, (Исх.33:23).* или: *Бог ста в сонме богов (Пс.81:1)* или: *Бог яве приидет и не промолчит (Пс.49:3).* Наконец, что Бог по существу есть дух, о сём говорит тот же св. Иоанн, который и Откровение получил: *дух есть Бог и иже кланяется Ему духом и истиною, достоин кланяться (Ин.4:24).* Ручьева всё требовала чтения своей тетрадки и более и более разгорячалась, постоянно перебивала нашу речь, повторяла слово, талмудите и доходила до более явных оскорблений. Тогда миссионер стал её останавливать и говорить о приличии, упомянув и наше звание. Ручьева как-то стихла, а миссионер начал раскрывать по Догматике м. Макария положительное учение о Боге, как духе и о свойствах Божиих. Ручьева опять стала горячиться и ушла со своими

единомышленниками, не дожидая окончания беседы. Когда миссионер окончил, мы обратились к народу и, повторив в сжатом виде беседу, раскрыли ту мысль, какая безбожная и безобразная по глумлению над всем, для христианина священным, – секта еговистов. «Я думаю, сказали мы, едва ли в целом свете найдётся другая, столь безобразная секта. Остерегайтесь же их и не входите ни в какие рассуждения, чтобы и уши ваши не оскорблялись их учением. Ничего другого посоветовать вам нельзя; как только бежать и бежать от них. Надеюсь, вы не безбожники и к безбожию не склонитесь. Они могут прельщать вас проповедуемой ими свободой, братством, равенством и полным материальным довольством, и благоденствием. Но всё это только красные слова, но осуществить их земля не в силах. При том братскую любовь и христианство проповедует и Церковь тому учит. Любите же друг друга и без еговистов, во имя Христа, Единородного Сына Божия, душу Свою за нас положившего и нам оставившего образ, да последуем стопам Его (1Пет.2:22). А что существуют судьи и полиция, то они необходимы для ограждения слабых и невинных от обид и для порядка общественного. Без них всякий стал бы безнаказанно обижать и грабить, а обидимому негде было бы искать правды и защиты. Таким образом эти красивые в устах еговистов слова ведут только к безначалию (анархии) и насилию над слабыми более сильных. Пусть люди и без еговистов сделаются добрыми и святыми, тогда само собой не нужно будет ни судов, ни полиции. Но в этом-то и дело, что будет всё это, пока люди людьми остаются с их слабостями? И выходит, что всё это – праздные мечтания. Да, наконец, вы и сами здесь видели и слышали, как мало еговисты исполнены любви. В сердце у них злоба, потому и на устах – оскорбления» ...

На следующий день была назначена беседа с еговистами же, в заводе Кунива, на которую также ждали меня, даже объявление об этом вывесили. Но мы уже и временем не располагали, да и достаточно было один раз послушать этих безобразников и хулителей, чтобы не мутить боле своё чувство и не дожидаться чего-либо ещё худшего. И миссионеру Романовскому мы советовали быть осторожнее и не слишком увлекаться разглагольствованиями с еговистами, дабы не дать им как-нибудь повода к богохулениям с их стороны на самой беседе, что поставило бы его в очень затруднительное положение; с положительными неверами, при том фанатично настроенными, трудно говорить о вере. Нужно, главным образом, прилагать заботы миссионерские о том, чтобы православных учить вере и предохранять от увлечения красными словами о равенстве, свободе и полном земном счастье, в каком-то воображаемом царстве.

Последнее слово о еговистах, чтобы к ним более не возвращаться. Угрозу свою по отношению к нам они, действительно, исполнили и по своему оплатили нам за нашу беседу. Около месяца назад, когда мы составляли настоящее описание, мы получили письмо из Кушвы, подписанное 43 лицами, из еговистов, – в числе которых нет почему-то Ручьевой. Озаглавляется оно так: «Послание Еговистов Его Превосходительству, Профессору, Доктору смертной заразной Богословии, езавеленой медицины, Г. Ивановскому». Начало и содержание письма таково: «Ну-ка Пан-Шайтан, доктор волшебной медицины, сыми-ка вековые бельма с глаз твоих и ты ясно увидишь, что Егова, а не умерший капитан¹⁶⁹ повелел нам не слушаться того Богословия, (напр. как вы), о котором Егова говорит, что он глух, слеп, с медным лбом, с каменным сердцем принял Богословское учение от волшебной Езавели, попробуем-ка выбить! у тебя из ушей твоих седьмиглавые заклепки 7 ударами 100 пудовым молотом и ты услышишь, что Егова проповедует мир, свободу и благоденствие всем народам на 1000 лет, а не секту какую-то, как ты смолол, похожую на духоборческую¹⁷⁰. Посылаем тебе «кол в горло», дабы ты мог подавиться, мы нижеподписавшиеся уверены, что, если сей кол остановится в гортани твоей, ложь и хулу на Егову¹⁷¹ его еговистов. Ей, истинно. Аминь». При письме приложена и особая тетрадка, под заглавием «Кол в горло, вбиваемый 7 ударами 100 пудовым молотом истины». По своему содержанию это новейшее произведение еговистов, – очень может быть Марьи Ручьевой, которая хвалилась своим литераторством, – не представляет ничего нового сравнительно с другими их произведениями; в нём тоже ругательное глумление над христианством и над общественным устройством. Есть в нём и «осатанелые прокуроры и судьи», и призывание в миротворную, общечеловеческую религию и фантастические бредни не только о 1000 летнем царстве, но и о том, что последует после него. О первом мы уже знаем, – как возобладает Иерусалимская республика над всем миром, как проведена будет железная дорога от Иерусалима до Китайского города Контона, как «урожайные года будут сряду навсегда», столько золота, серебра, драгоценностей, добра будет в этом царстве, – что не будет в нём «ни полиции, ни судей» и проч. и ироч. А вот что и по окончании 1000 лет: «После тысячи лет Егова совсем истребит сатану из бытия со всеми принадлежащими ему людьми, сделает новую землю в миллион раз более этой и без океана и морей и поселится на ней с своими бессмертными людьми на 880000 лет. После же сего Он опять сделает новую землю, гораздо лучшую для их жизни и т. д. Он станет по временам переделывать землю всё

лучше и лучше до бесконечного, уму непостижимого совершенства и жить на ней нескончаемо вместе с бессмертными людьми (К. С. Откр.21:3). Город Иерусалим же на преображённую землю будет спущен с неба, сделанный небесными людьми, т. е. жителями на других планетах, украшенный драгоценными камнями, а улицы вымощены прозрачным золотом, в длину, ширину и высоту (?) по 2000 вёрст, окружённый огромной стеной из Яшмы, с 12 воротами из 12 жемчужин (!) и с надписями на них 12 колен израилевых (но только вместо Дана Манассия) и на эпфомезисах (флигелях) имена 12 апостолов *израильских* же, (Сей город с неба ещё Авраам ожидал). Посреди города будет дворец Иеговы, а храма и никаких жертвоприношений не будет. Из-под дворца будет протекать река по всем улицам (?) и на берегах её будут расти дивные фруктовые деревья, приносящие плоды каждый месяц (!). От еды сих фруктов люди не станут ни стариться, ни умирать, а на всю нескончаемую вечность будут оставаться бессмертными, мужчины в возрасте 34, а женщины 16-ти лет. Вне Иерусалима будет 24 царства из десных народов, спасённых от смерти (Мф.25:33–46). И у этих загородных жителей, хотя смерти тоже не будет, но болезни ещё будут случаться, и для исцеления от них они должны будут выпрашивать у горожан листьев от их животворящих дерев. К. С. 21 и 22. Вот в какой город Иерусалим приглашает Егова на нескончаемое жительство каждого человека». Вот до чего, скажем мы, может разыгаться неудержимая фантазия! Но не думаем, чтобы хоть один из нынешних еговистов попал в такой Иерусалим, как не попали и не попадут в него и друзья еговистов: – Суслов, Яков Бэм, Мария Медичи, Елизавета Криднер и другие подобные. Не попадут они и по смыслу самого учения еговистов, так как «всякому человеку такое же назначение в природе, как и подобным ему обезьянам и другим животным, и растениям, т. е. зарождаться, возрастать до определённой величины и снова уничтожаться, т. е. снова разлагаться на составные элементы» («Луч света», Ильина. См. и в нашем Руководстве, ч. 3, стр. 209 изд. 5-е). Выходит, что современные еговисты бредят не за себя, а за других каких-то неведомых им людей, созданных их фантазией. Стоит ли стараться за других?..

С тяжёлым чувством оставили мы Тагил, – это скопище всевозможных сектантов, – размышляя, чего, чего только нет на Руси святой и до каких уродливостей доходит наше сектантство. Вскоре после нашего отъезда здесь происходил большой собор бегунов, на который приезжал и главный наставник бегунства, живущий в пределах Ярославля и очень редко оставляющий неведомую свою резиденцию,

Роман Логинов, преемник Никиты Семенова, известного в истории бегунства по составлению «Статей, породивших внутренний раздор и раскол»¹⁷².

Виды Урала и свежий воздух рассеяли нашу думу. Опять перед нами – горные великаны, но уже вдали, и мы скорее обогнули их с севера, чем прямо встретились с ними. В Перми преосвященный Пётр оказал нам любезное гостеприимство, предложив своё летнее помещение, в саду, на берегу реки Камы. Погода изменилась на дождливую и холодную и мы трое суток прогостили у владыки. Нас не интересовала Пермская в то время злоба дня относительно церковного чествования Пушкина. Мы вели беседы по разным, раскола касающимся вопросам с Пермским миссионером, протоиереем Стефаном Луканиным, – человеком весьма сведущим в деле миссии. О. протоиерей предлагал нам посетить устроенный им Белогорский миссионерский монастырь. К сожалению, мы не могли воспользоваться его приглашением, частью по утомлению, а ещё более, вследствие дурной погоды, но из предложенных нам о. протоиереем книг и отчёта за минувший год мы убедились, что этот монастырь – очень важный в миссионерском отношении. Внешний вид и положение Белой горы, – одного из отрогов Урала, очевидец описывает так. «Белая гора находится в 85 верстах от Перми, на юг, между городами Кунчуром, с востока и Осой, с запада. Правда, высота этой горы не может идти в сравнении с высотой многих других возвышенностей Урала, тем не менее Белую гору можно также назвать великаном среди окружающих её гор. подъём на гору с южной стороны по её высоте и крутизне труден для посетителя, за то остальные три стороны представляют собой отлогости, по которым он представляется доступным. Плоский верх горы, окаймлённый со всех сторон богатой растительностью, взвившийся далеко в воздушную высь, представляет собой чарующую картину. С высоты горы зрителю представляется необозримый океан воздушного пространства. Здесь посетитель чувствует себя как бы на небе, в океане облаков»¹⁷³. Горизонт открывается необъятный. На восток невооружённым глазом видна даль на полтора ста вёрст, на юг не менее ста вёрст, на запад более ста вёрст и на север видны за Пермью горы за-Камские, до которых не ближе 130 вёрст¹⁷⁴. В недавнее время описываемая местность была покрыта непроходимыми лесами, в коих было множество раскольнических скитов и келий. Скиты эти исчезли, но тяготение к расколу и до сих пор «осталось характерной чертой окрестного населения, как и во всём Осинском уезде». Белые горы видели около себя, в Юго-Камском заводе, известного проходимца Аркадия,

выдававшего себя за архиерея, посвящённого в Беловодье (Японии) Славяно-Беловодским патриархом Мелетием с митрополитами и епископами. В 80-х годах не мало говорили и писали об этом архиерее¹⁷⁵. Появление его особенно озабочивало членов австрийского священства, которые в появившемся самозванце усматривали полный подрыв своей иерархии¹⁷⁶. В упомянутом заводе Арсений останавливался у волостного старшины Лямгина, – единоверца, у которого и окрестил двух сыновей. Раскольнические вожак везли его по домам. У другого единоверца Заплатила, в его моленной комнате Аркадий служил всенощное бдение¹⁷⁷. Перед единоверцами соперничали и поповцы или часовенные; они назначили уже день собора, на котором хотели торжественно признать Арсения своим архипастырем и избрать кандидата для рукоположения во священника... Но последователи австрийского священства выдали Аркадия полиции, и он попал в Осинский тюремный замок...

Около этих-то мест и существует теперь Свято-Николаевский монастырь. Место избрано как нельзя более удачно. Число монастырской братии простирается в настоящее время до 116 человек. Игумен монастыря, иеромонах Варлаам, в мире Василий Е. Коноплев, – по рождению последователь беглопоповства, потом обратившийся к австрийскому священству, «знаменитый его начётчик, столп» и едва не архиерей, – не пожелавший только архиерейства¹⁷⁸, но в конце сознавший ложность раскола и присоединившийся к прав. Церкви, в 1893 году. По присоединении он принял монашество с именем Варлаама и был одним из первых иноков Белой горы.

Богослужение в белогорском монастыре ежедневно совершается строго по церковному уставу, без малейших опущений, так что вычитываются и «Междучасия», ежедневно читаются и молитвы утренние и монашеское вечернее правило, с земными поклонами и с чтением «Помянника». Всё совершается с благоговением; пение и чтение внятное и неспешное ¹⁷⁹.

30 апреля 1894 года иеромонах Варлаам утверждён в звании помощника Епархиального миссионера по Осинскому уезду и исполняет миссионерское дело в своём монастыре, предлагая поучения народу об истинной православной Церкви и заблуждениях раскола, а иногда, – когда приходят в монастырь старообрядцы, – устроая и публичные собеседования. Пермский губернатор, в 1898 году, при посещении обители, вписал в книгу посетителей следующий отзыв. «Истинно счастлив, что Господь Бог сподобил меня посетить св. Белогорскую обитель и лично удостовериться в благотворном влиянии её на всё окрестное население, как православное, так и пребывающее

в расколе. Это последнее поколеблено в своём упорстве и презрении к православию той истинно-подвижнической трудовой жизнью, какую установил в Обители о. Варлаам, и строгими чином и благолепием всех совершаемых в Обители Богослужений. Возношу к Господу свою грешную молитву, да благословит Всевышний дальнейшее преуспеяние Обители во славу Божию. 23–24 августа 1898 года»¹⁸⁰.

Ознакомясь, хотя не лично, с Белогорской обителью и с миссионерской деятельностью в Пермской епархии вообще, мы можем только повторить слова св. апостола Павла, – величайшего, непосредственно Богом призванного миссионера: – *слава и честь всякому делающему благое (Рим.2:10)*.

* * *

17 июня мы оставили Пермь, и 19-го возвратились в Казань, начав своё путешествие по Волге и окончив его плаванием по Каме, не можем но выразить глубокий благодарности и сердечной признательности всем тем, гостеприимством коих и любезным вниманием пользовались Это тем приятнее и утешительнее, что все эти лица или бывшие питомцы Казанской Академии и палии слушатели, или миссионеры, или, наконец, высокие иерархи православной Церкви, которым, видимо, дорого дело миссии, как собственное их дело.

20 сентября. 1899 года.

Н. Ивановский

**Из миссионерской полемики с сектантами и
раскольниками // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–
6. С. 283–300**

Потехин С. Миссионерская беседа со штундистами о кресте и о крестном знамении. С. 283–295

Два года тому назад я вёл публичные беседы со штундистами в селе Н. Киевской губернии. В селе этом мне пришлось прожить недели две – третью и четвертую недели Великого поста. Беседы велись через день и всех публичных бесед предполагалось и было проведено семь. У противо-сектантских миссионеров, почти у всех, беседы полагаются в систематическом порядке, но как штундисты, так и православные слушатели везде и всегда на первый план ставят беседу об иконопочитании и о кресте, и если миссионер предлагает им самим избирать темы для бесед, то они всегда останавливаются на этих именно предметах. Вот почему, когда приходится в каком-либо селе, заражённом штундизмом, провести одну только беседу, то и сводишь, по неволе, всю речь о православии нашей Церкви и о ложности сектантства на вопрос о почитании креста и св. икон. В селе Н. дело обстояло иначе. Здесь я решил впервые попробовать целиком провести всю систему апологетики и полемики с нашим сектантством, а по этой системе вопрос о кресте и св. иконах рассматривается в конце. Сперва идут обыкновенно вопросы о невозможности спастись вне Церкви, т. е. вне того общества христиан, которое имеет освящающие таинства, которое распространено во всём мире и содержит вселенское учение и которое управляется законной, по преемству от Апостолов, иерархией, источниках вероучения: как понимать св. Писание и что считать Апостольским преданием; об освящающих таинствах: крещении, покаянии, причащении и священстве; затем уже идут вопросы о внешних признаках веры, о почитании креста и икон; о молитвенном общении со святыми, о поклонах, каждении фимиамом, о светильниках и т. д. Таким образом вся система укладывается в 7–8 бесед. В селе Н. я впервые в моей практике делал пробу всей системы и мне было чрезвычайно интересно знать, насколько удачна для апологетики и полемики с сектантами вышеуказанная расстановка предметов собеседований. Штундисты в Н. были давние и в беседах с миссионерами опытные. Это отчасти затрудняло меня, так как они уже научились критически относиться к доводам миссионеров; мы уже де всё знаем, всё слышали, часто заявляли они, и мне ничего в этом случае не оставалось делать, как говорить: послушайте, мол, ещё и меня, авось будет на пользу... С другой стороны, с опытными в беседах штундистами немного приходилось тратить усилий на то, чтобы

привязывать все рассуждения к одному, избранному уже предмету речи... Тем не менее и здесь выдержать план или систему бесед в предполагаемом порядке не пришлось и вопрос о св. кресте не был-таки оставлен на конец бесед.

Первые три беседы прошли и довольно оживлённо и довольно удачно, но я видел, что своей системой я слишком испытываю терпение и штундистов и православных. Уже с первой беседы со стороны штундистов слышались сперва деликатные напоминания о 2-й заповеди, а затем и прямые заявления о том, что их заставляет не признавать ни нашей Церкви, ни нашего Предания, ни наших таинств то, что мы будто кланяемся не Богу, а идолам, изделиям рук человеческих, кресту и иконам. Вопрос на почитание креста и св. икон сводили и православные, когда я, по окончании беседы и уходе из школы сектантов и большой массы православных слушателей, оставался среди кучки «ревнителей», остыть и «побалакать» попросту о штунде и частностях проведённой беседы. Такая настойчивость и «узость» понятий меня, по новости, сильно угнетали. Я считал и считаю беседы миссионеров самым лучшим из всех существующих способов развития в народе понятий христианской веры о Церкви, искуплении, благодати таинств и т. п., и с болью сердца думал о том, что мне не удаётся сделать эти предметы веры настолько интересными для слушателей, чтобы они довольствовались учением о существенных предметах христианской веры и не искали одни и не ждали другие такой беседы, где бы полемика была острее, где штундисты имели бы больше надежды припереть миссионера к стене «невозможностью доказать от св. Писания», а православные «на кресте и иконах» окончательно решить, чья правда и где: у штундистов или у духовенства. Следующая четвёртая беседа о таинстве покаяния приходилась в воскресенье недели крестопоклонной: это обстоятельство в связи с настойчивым желанием и штундистов и православных побеседовать о второй заповеди заставило меня изменить моей системе и не в очередь объявить на воскресенье крестопоклонной недели беседу о почитании креста и крестном знамении. Я видел, как обрадовались штундисты при этом объявлении, но когда я присовокупил к нему приглашение прийти в школу на беседу, они, по обыкновению, равнодушно отвечали: «придём, як Бог даст» ... Православные ревнители прямо просветлели от радости и на перерыв стали давать мне советы и указания на счёт возможных возражений разных «штундистов» ...

Боже мой, как это недавно ещё было! Ещё и двух лет не прошло, а уж как изменилось моё душевное настроение, моя робость, мой страх

перед этими беседами с мужиками, – полуграмотными начётчиками! До беседы бывало остаётся ещё сутки–двое, а уж мысль неустанно работает в известном направлении и. хотя на минуту, не можешь отрешиться от предмета предстоящей беседы... Батюшка – хозяин заводит разговор об архиерее и консистории, матушка – хозяйка о городской жизни и соседках, а ты только и думаешь, как бы уйти в свой угол, и уходишь и лихорадочно в сотый раз перелистываешь библию в надежде найти, выловить подходящие тексты и на них построить чисто библеистические (именно библеистические, а не библейские только) доказательства в пользу православного учения об известном предмете – в угоду и из снисхождения к буквоедам – библеистам сектантам: «с подзаконными бых, яко подзаконен, с иудеями, яко иудей!..». И проходит день и ночь в этом перелистывании библии и в томительных думах: что скажут и что сказать со-вопросникам, и одна мысль о том, что споткнёшься о претыкание и искушение штундистов, не ответишь на их вопросы, не удовлетворишь православных и осрамишься заставляет усиленно забиться сердце, бросает то в жар, то в холод, а ночью далеко отгоняет сон или моментально прерывает его, когда начинают смыкаться усталые веки... Прошло два года, протыканий и искушений не меньше: нет уже той робости и того страха перед беседами: обтерпелся, но нет той радости и того торжества успеха!..

Назначенная беседа началась в 4 часа. Школа была битком набита народом. Штундисты пришли в полном составе. Было несколько человек штундистов и православных из соседних сёл. Пропели молитву. Я взял благословение у священника и вместо обычной речи о важности догмата – предмета беседы, прямо приступил к беседе. В то время, в начале моей миссионерской деятельности я тщательно записывал свои беседы, записал и происшедшую беседу о кресте. Записками этими я и поделюсь с читателями. Но сперва скажу несколько слов о главном собеседнике, штундисте Архипе Б.

Архип принял штундовое учение давно уже, чуть не с первого появления штунды в селе Н. Будучи православным, он вёл хорошую, трезвую жизнь, был хорошим хозяином и прилежным к церкви прихожанином, словом, не заключал в себе никаких свойств, которые среди крестьян ныне часто реакционируют штундизмом. И всё-таки, к удивлению всех, пристал к штунде. Выучился грамоте, разбогател и стал во главе Н-ских штундистов. Человек бойкий на слово, статный на вид, он выдавался среди штундистов и на беседах как-то невольно приходилось считаться, главным образом, с его возражениями. Третья беседа проходила уже исключительно с ним одним. Он же явился

главным со-вопросником и на четвёртой беседе. Но, обратимся к моим запискам.

Не успел я указать на предмет предстоящей беседы, как Архип прервал меня: «ну, ну, скажите же г. миссионер, где сказано в Писании, что нужно кланяться кресту и креститься рукою». При этом он как-то лукаво улыбнулся и принял хотя ещё и выжидательное, но уже дышащее уверенностью в торжестве, положение...

Такой вопрос ниспровергал мой план беседы, и я решился не уступать, а следовать заранее составленному плану. Пришлось, поэтому, сделать следующую диверсию. «Хорошо, Архип, я отвечу в своей беседе на ваш вопрос, сказал я, но прежде уговоримся кое о чём. Вы ведь знаете, что я в беседах люблю порядок. Без порядка никакого дела нельзя сделать хорошо. И учёный писатель, чтобы написать хороша книгу, наперёд составляет план, и ремесленник, чтобы сделать хорошо какую-нибудь работу, по своему ремеслу, наперёд готовится также план. Также поступать будем и мы в беседе о том, хорошее ли, богоугодное ли дело совершают православные чествуя крест и осеняя себя крестным знамением. Наперёд уговоримся о плане беседы. Вы, ведь, разумный человек, Архип, и знаете, что я это делаю не из любопытства, а, чтобы избежать бесполезных споров. Согласны»?..

Архип отодвинулся назад и как-то сконфуженно пробормотал: «как вам будет угодно» ... Я воспользовался моментом и громко произнеси: «Вы знаете, братия православные, и вы, уклонившиеся от Церкви, что единая святая соборная и апостольская Церковь приняла *древо* или крест, на котором был распят Господь наш Иисус Христос и хранит его для чествования и поклонения. Вы знаете также, что в Церкви Христовой употребляется *изображение* этого креста, кресты золотые, серебряные и деревянные: их также мы чествуем и поклоняемся. Кроме того, мы изображаем знак креста рукою на своём теле и на всех предметах, которые нас касаются... Вы, сектанты, не принимаете древа креста, на котором был распят Господь Иисус Христос, не делаете себе крестов из разного вещества, не креститесь рукою? Нет, скажите»?..

– Нет, нет, в один голос закричали сектанты, удивлённые такой формулировкой вопроса, которая прямо вызывает на чтение излюбленных ими мест св. Писания. «Прочитайте исход, 20 глава» ... Не делайте себе кумиров... слышалось в толпе штундистов...

– Хорошо, прочтём, всё прочтём, успокаивая поднявшийся шум, произнёс я. Итак первый вопрос, решить который нам предстоит таков: находятся ли в св. Писании указания, что христиане *могут* принимать

для чествования и поклонения разного рода вещественные знаки и изображения? Понимаете?

– Понимаем, слышалось в толпе штундистов. Нет, нельзя, проговорил Архип, опять пододвинувшийся к столу.

Второй вопрос, поспешил я снова овладеть вниманием слушателей, состоит в следующем: почему, на каком основании христиане православные принимают св. древо креста и делают вещественные изображения креста из различного материала? Для нас крест есть *знамя* Церкви Христовой и *почать* христианина. Вы, сектанты, не считаете крест, вещественное изображение креста Христова, знаменем Церкви Христовой и печатью христианина? Нет?..

Нет, хором закричали опять штундисты. «Печать антихриста»! слышался голос Ивана К. – недалёкого умом, но необычайно дерзкого штундиста...

Ах ты, штундюра проклятый, слышались из среды православных, собака скажена, дурень...

Тише, братия, тише, потерпите, возвысил и я голос, боясь, чтобы начавшаяся перебранка не перешла в потасовку. Староста бросился в толпу и стал унимать кричавших. «Мы всё разберём по порядку», говорил я. «Не обижайтесь словами сектантов! Их вера такая: вот они и говорят по своей вере... Значит второй вопрос таков: *нужно ли* Церкви Христовой, народу христианскому, иметь вещественное знамя своей веры и внешнюю печать веры и если нужно, то почему таким знаменем и такой печатью считается крест? Понимаете?

Штундисты, обескураженные неприятной для них предшествовавшей сценой перебранки, молчали. Я продолжал:

Третий вопрос, который нужно нам решить, состоит в следующем: христиане, члены Церкви Христовой, вносят кресты в свои храмы, дома, полагают их на себе и на священных своих вещах, знаменуют крестом себя при всех случаях своей жизни. при вставании от сна и отходе ко сну, перед едой и после еды, перед началом и после окончания всякого дела. Вы, сектанты, этого не делаете, не вносите креста в свои молитвенные собрания, повынесли из домов и сняли с себя... Вы думаете, что всего этого не нужно? Так?..

– Так, духовный крест нужно носить, сентенциозно произнёс Архип.

– Итак слышите, третий вопрос таков: нужно ли христианину приблизить к себе знак или изображение креста Христова настолько, чтобы он казался неотъемлемой принадлежностью христианина, внешним выражением внутренней его веры? Понимаете-ли? *Нужно ли* и для чего нужно *вносить кресты* в храмы и дома, полагать на себе и

на всех тех предметах, которые служат нам в духовной и даже телесной жизни?

Четвёртый вопрос, братия мои, состоит в следующем: христиане считают крест не простым знаменем или простой печатью, подобно другим знамёнам или печатям, а *святыней*, достойной почитания и поклонения. Вы, конечно, не считаете крест святым, не кланяетесь ему и не почитаете его?

– Нет, нет, отвечал Архип, Богу нужно кланяться, а крест – что!?

Итак, вопрос ясен: *справедливо ли* почитать крест – *предметом святым*, достойным почитания и поклонения?.. Вот четыре вопроса братия, на которые нужно дать ответ из св. Писания. В этих вопросах заключается все недоумения уклонившихся от Церкви относительно креста и крестного знамения. Если вы, братцы, захотите поставить ещё другие вопросы, то сделайте это в конце: так нужно для порядка. Начнём же, с Божией помощью, разбирать поставленные вопросы. Прошу вас спрашивать и отвечать кратко. Не бойтесь высказывать всё, что у вас на уме и в сердце, но не затягивайте речь. Имейте уважение к тому делу Божию, которое мы будем творить и дорожите временем. Помните, что со всех сторон сошлись сюда люди, чтобы получить назидание...

– Хорошо назидание, прервал речь мою один из штундистов, человека собакой зовут... Его успокоили сами штундисты и я продолжал:

Не будем же спорить! Итак, первый вопрос состоит в следующем: христиане православные веруют в единого истинного Бога и кланяются единому истинному Богу, но в тоже время принимают древо крестное и различные вещественные изображения креста для почитания и поклонения. Можно ли так делать? Ну. теперь высказывайтесь...

Архип приосанился и медленным торжественным голосом, глубоко вздохнув, начал свои возражения. В писании сказано: не делай себе кумира и никакого изображения, не поклоняйся и не служи им. Исход 20-я глава... И ещё сказано: золото и серебро дело рук человеческих... Кому уподобите вы Бога?.. Сие рукотворенное проклято... Прочитайте писания!..

Архип замолчал. «Видите ли, Архип отвечал я, вы прочли несколько текстов из разных мест св. Писания: из Исхода, прор. Исаии, премудрости Соломона, так»?

– Да, и ещё можно найти... Пророк Исаия говорит: не обман ли в правой руке моей?.. А пророк Иеремия говорит: они говорят: ты бог мой, спаси меня! и Апостол Павел... Нельзя поклоняться изделиям рук человеческих...

Архип начал волноваться, подошёл вплотную к столу и хотел взять библию, чтобы начать вычитывать столь излюбленные штундистами тексты против идолопоклонства. Это могло занять слишком много времени без пользы, и я решил остановить Архипа, задержав его попытку взять библию...

– Итак, из ответа Архипа вы видите, братия, сказал я, что в св. Писании есть много слов, которыми запрещается поклоняться идолам. Кроме тех мест, которые указала. Архип, есть ещё целые десятки, но читать их нет нужды. Скажите, Архип, не знаете ли вы такой заповеди, которая яснее и определённое других слов Писания запрещала бы делать различные изображения для почитания?..

– «Мы уже вам говорили сколько раз, почти обиженно отвечал Архип, а вы всё уклоняетесь и не отвечаете... Вторая заповедь запрещает крест и иконы». – «Не делай себе кумира» ... началось громкое, наперерыв друг перед другом, чтение второй заповеди в толпе штундистов.

Я подождал пока шум немного утих и сам собрался с силами, мысленно повторяя тот приём, который я наперёд приготовил и который, я надеялся, должен разрушить то обаяние несокрушимого претыкания для миссионеров, которое имеет в представлении штундистов вторая заповедь, «Прочтём же по Библии, сказал я, эту заповедь Закона». Я раскрыл Исхода 20-ю главу и громко прочёл: *«Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли, Не поклоняйся им и не служи им, ибо Я – Господь Бог твой»*. Вот вторая заповедь Закона, не думайте, что вы её открыли, а мы не знали. Её знает весь мир христианский, а у нас, у православных, эту заповедь изучают маленькие дети вместе с молитвами. Без знания заповедей у нас никто не считается православным христианином. Хороший священник не повенчает молодых, если они не знают заповедей...

«Э, господин миссионер, прервал меня один молодой штундист, у нашего батюшки заповеди – три дня работы» ... – «Нет, перебили его православные ревнители, теперь этого нет. Работают, кто по охоте. Это оповещение в церкви» ... Я увидел, что затронул щекотливый для прихода вопрос и прекратил начавшееся было пререкание. «Я не архиерей и не благочинный, чтобы разбирать, что у вас в приходе делается» ... – «То-то и дело!» качали головами штундисты. – «Я приехал поговорить не о том, что у вас делается, а о том, как должно быть по закону христианскому, по учению Церкви Христовой. А Церковь Христова приняла все заповеди и требует, чтобы христиане исполняли их. Вы думаете, что вторая заповедь запрещает делать

различные изображения для поклонения, а Церковь допустила крест и иконы. Как же это так случилось? Кумиров и идолов разных она запрещает. В церкви нет ни Ваала, ни Астарты, ни Догона, Малоха и др. известных идолов и кумиров, но св. крест и св. иконы существуют и Церковь требует почитать их и поклоняться им. Церковь не может погрешать или заблуждаться, ибо она, по словам Апостола Павла, есть *столп и утверждение истины* (Тим.3:15). Очевидно, вы неправильно понимаете вторую заповедь, когда думаете, что она запрещает принимать, делать к почитать крест и иконы. Скажите, Архип, как вы понимаете слова заповеди: «*не делай никакой изображения*» – так-таки: никакого, решительно, изображения?

– Что тут понимать? Сказано: никакого, то и никакого...

– Ну хорошо, а вот ещё скажите: вы четвёртую заповедь принимаете, повеление о праздничном отдыхе принимаете?

– Как же, принимаем; помни день субботний...

– Ну вот, в этой заповеди дословно говорится, *не делай в оный день никакого дела ни ты. ни сын твой, ни дочь твоя. ни раб твой, на рабыня твоя...* Скажите, Архип, что, в субботу или, для христиан, в воскресенье, *никакую дела* нельзя делать, как читается в заповеди?

– Конечно никакого... Впрочем, спохватился Архип, молиться нужно, это день для молитвы...

– А кроме молитвы никакого дела нельзя делать?

– Добрые дела, отчего же?

– Но откуда вы знаете, что добрые дела не только можно, но и должно делать?

– Это Христос повелел...

– Вот видите, братья, в заповеди сказано: *не делай никакого дела* в субботу, а Господь велит *делать* добрые дела. Значит слово: «*никакого дела**» нужно понимать так: не делай такого дела, которое не служит ни Богу, ни ближним. Евреи же понимали, да и теперь понимают, что эта заповедь запрещает делать всякое дело. Господь Иисус Христос объяснил, что так понимать нельзя. Евреи останавливались на букве Писания и не вникали в дух и смысл его. а буква, по слову Апостола, *убивает, дух животворит* (2Кор.3:6). Фарисеи остановились на букве заповеди и считая за грех всякое дело в субботу, осуждали Господа Иисуса Христа за то, что Он будто бы нарушает заповедь о субботе. Фарисеи неправильно понимали заповедь о субботе и Господь, как бы в ответ на осуждения, указал им на это. Вот прочтём-ка по евангелию от Луки, как понимали евреи заповедь и как повелел понимать её Господь. (Читаю) «*Случилось Ему в субботу прийти в дом одного из начальников фарисейских, и они*

наблюдали за Ним; и вот предстал пред Него человек страдающий водяной болезнью. По сему случаю Иисус спросил законников и фарисеев, позволительно ли врачевать в субботу? Они молчали. И прикоснувшись исцелил его и отпустил. При сём сказал им: если у кого из вас осёл или вол упадёт в колодезь: не тотчас ли вытащит его и в субботу? (гл. 14)». Итак, из этого места Евангелия ясно видно, что нельзя четвертую заповедь понимать так, что совершенно никакого дела в субботу нельзя делать. Дела, ведущие к Богу и славе Его, дела неотложные для пользы ближних, как напр. врачевство недугов, даже дела неотложные житейские в хозяйстве своём можно делать и в субботу. Кроме буквы заповеди дан нам ясный смысл разума и мы, как заповедует Господь через Моисея в книге Левита (Лев.10:10) и через прор. Иезекииля (Иез.44:23), должны ясно различать умом святое от несвятого, чистое от нечистого, священное от несвященного...

– Позвольте, перебил речь Архип, это о священниках говорится, чтобы они не упивались вином...

– Верно, верно, не упивались вином, чтобы не помрачить своего рассудка и не потерять различия между священным и не священным. Можно помрачить рассудок не одним вином или водкой. Читали ли вы в Писании страшное слово Божие – напою их вином ярости?.. Гнев, злоба, ненависть хуже вина помрачает рассудок. Фарисеи не упивались вином, но не только не понимали четвертой заповеди о субботе, но и распяли Того, кто был Господином субботы: так помрачён был их рассудок. Это к слову. Из сказанного, братия мои, вы должны понять, что слово «никакой» не всегда в Писании обозначает полное, совершенное отрицание. Как в четвертой заповеди слова: «не делай никакого дела» нельзя понимать так, что запрещается всякое решительно дело, так и во второй заповеди слова: «не делай никакого изображения» нельзя понимать так, что запрещается всякое решительно изображение для поклонения. Идолопоклоннических кумиров, идолов и. т. п. ложных изображений нельзя делать, а изображения предметов божественных и истинных можно делать. Как в четвертой заповеди, так и здесь нужно различать не помрачённым рассудком священное от не священного, доброе от худого, истинное от ложного...

– Позвольте, – уже прямо закричал Архип, – вы превращаете Писание. О субботе Христос объяснил, а об изображениях вы объясняете... Вы не имеете права превращать так Слова Божия... Мы вам этого не позволим... – Архип, вероятно, говорил бы ещё многое в этом роде, но его остановили сами штундисты. Новый миссионерский полемический приём, ещё неизвестный им, их очевидно

заинтересовал. Я видел, что и православные ревнители, и вся масса слушателей внимательно следят за течением мысли и как будто уразумевают истинный смысл столь соблазнявшей их заповеди. Ах, ещё один довод, думал я и я выйду победителем. Когда Архип успокоился, я заметил ему:

– Нет, голубчик Архип, вы на меня взводите напраслину. Я не превращаю Писания. Я даже не от себя объясняю, не от себя указываю вам истинный смысл второй заповеди. Если бы внимательно читали и принимали всё Слово Божие, то вы бы увидели, что оно само, или лучше, сам Бог объясняет, как нужно понимать вторую заповедь, можно ли делать священные изображения или нет, совершенно ли никакого изображения нельзя делать, или некоторые изображения можно делать?.. Скажите, Архип, кто дал вторую заповедь и кому она дана?

– Бог далъ Моисею... Что вы, г. миссионер, нас считаете за малых детей и смеётесь над нами, – вдруг выпалил Архип. – Мы лучше вас знаем Библию, что вы нас спрашиваете...

– Лучше, не лучше, это другой вопрос, да и не нам судить о нём... Спросил же я о том, кто и кому дал вторую заповедь, для того, чтобы показать, что давший её Моисею Сам Бог тому же Моисею повелел делать священные изображения. И Моисей, принявший вторую заповедь, по повелению Божию, действительно делал священные изображения. Мы не будем говорить сегодня о всех тех священных изображениях, которые сделал Моисей. Скажем – лишь о том изображении, которое имеет отношение ко кресту. Вот в книге Числ, в главе 21-й говорится: (Читаю) *«Послал Господь на народ ядовитых змеев, которые жалили народ и умерло множество народа из сынов Израилевых. И пришёл народ к Моисею и сказал: согрешили мы, что говорили против Господа и против, тебя; помолись Господу, чтобы Он удалил от нас змеев. И помолился Моисей Господу о народе. И сказал Господь Моисею, сделай себе медного змея и выставь его на знамя, и если ужалит змей какого-либо человека, ужаленный взглянув на него, останется жив. И сделал Моисей медного змея, и выставил его на знамя и когда змий ужалил человека, он, взглянув на медного змея, оставался жив»* ... Видите, братия: Бог во второй заповеди повелевает не делать никакого изображения того что на небе или на земле, а здесь повелевает *сделать* медное изображение змея для спасения. Что же это значит? Бог изменил вторую заповедь? Нет, у Бога нет, по Апостолу, и тени перемены или изменения (Иак.1:17). Бог своим повелением о медном змее ясно показал, что вторая заповедь не включает в себе запрещения всех решительно изображений и что

кто понимает заповедь так, что нельзя делать никаких изображений, даже священных, тот понимает заповедь неправильно, понимает не так, как учит Писание...

Штундисты, как я видел по их физиономиям, были озадачены таким оборотом дела не в их пользу от разбора второй заповеди. Конечно, они прекрасно знали историю медного змея, но сопоставление повеления о нём со второй заповедью, а главное, вывод из этого сопоставления, были для них неожиданны... Впрочем, они скоро нашлись. Я ещё не успел окончить своего объяснения, как один из штундистов громко перебил меня: «Змею не нужно было кланяться... Царь Езекия на веки истребил медного змея»...

– Подожди, – остановил я со-вопросника: – я еще не кончил. К медному изображению змея можно было относиться правильно и неправильно. Те израильтяне при Моисее, которые глядели на медного змея с верой в Бога, относились правильно... Правильно относился к медному змею и царь Соломон, который в книге Премудрости так говорит о нём: (читаю) Когда израильтян постигла ужасная ярость зверей и они были истребляемы угрызением коварных змиев, гнев Твой не продолжился до конца. Но они были смущены на краткое время для вразумления, *получивши знамение спасения* на воспоминание о заповеди закона Твоего, ибо обращавшийся исцелялся не тем, на что взирал, но Тобою, Спасителем всех. И этим Ты показал врагам нашим, что Ты избавляющий от всякого зла (Прем.16:5–8)». Видите ли, братия, как нужно относиться к связанным изображениям. Взирая на них нужно помнить о Боге Спасителе, но об этом после. Итак, одни израильтяне относились к медному изображению змея правильно; другие же неправильно: стали принимать это изображение за идола, за одного из кумиров, Нехуштана. Забыли Спасителя всех Бога и приняли изображение змея за какого-то чародейственного бога, стали поклоняться ему как богу, кадить как богу. Явился грех идолопоклонства. Вот почему царь Езекия истребил этого змея, чтобы израильтяне не продолжали греха, не поклонялись ему и не кадили...

– А отчего вы не истребляете кресты и иконы, когда народ поклоняется им. Священники ваши кадят и народ почивает за богов. А мы не почитаем и отвергли, возразил Архип.

– Вряд ли, Архип, вы найдёте среди взрослых и разумных православных, кто бы принимал крест и иконы за богов. Дети маленькие и люди слабоумные, может быть, и неразумно почитают священные изображения, но с них и спроса нет. А если бы нашлись такие люди, которые бы оставили Бога и святых его и стали считать за

богов крест и иконы, то наш Царь и наши архиереи, – Св. Синод, воспретили бы это, отняли бы у таких людей предметы соблазна. Вы же знаете, может быть, что отнимают у людей иконы, когда они с корыстными побуждениями, для обмана, выдают их за чудотворные. Или слышали вы, может быть, что в Литовщине уничтожено было очень много крестов, которые поставили поляки при дорогах. Кресты ставятся, чтобы напоминать проходящим и проезжающим о распятом на кресте Господе, а взбунтовавшиеся против русского Царя поляки стали устраивать у этих крестов, особенно под лесом или в глубоких долинах, сходки и засады на русские войска...

– Это вы правильно, ваше высокоблагородие, вмешался старый отставной солдат, я служил тогда в Виленской губ. Много пало наших у этих самых «кшижей». Только увидишь, бывало, на дороге кшиж, так и жди выстрела... Эх!.. Старый солдат махнул рукой, но потом приосанился и при смехе толпы оживлённо проговорил: «ну да и мы не давали им спуска» ...

– Вот видите ли, братцы, прервал я воспоминания такого неожиданного союзника, для чего могут употребляться кресты: не для воспоминания Господа, а для убийства. Церковь не может потерпеть это и, как древний царь Езекия, издаёт повеление уничтожить такие кресты. Итак, устройство Моисеем изображения змея показывает нам, братия, что священные изображения можно делать. А что медный змей был не простым, а именно священным изображением, это видно из того, что Сам Господь наш Иисус Христос смотрел на медное изображение змея, как на прообраз Своего распятия на кресте. Вот как говорил Он об этом (в Евангелии от Иоанна): *«как Моисей вознёс змию в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому, дабы всякий верующий в него не погиб, но имел жизнь вечную (Ин.3:14–15)»*. *«И когда вознесён я буду от земли, всех привлеку к Себе. Сие говорил Он, давая разуместь какую смертью Он умрёт (Ин.12:32–33)»*. Как изображение змея спасало от гибели взирающих на него с верой в Бога, так и вознесённый на кресте Сын Божий спасает от вечной смерти и даёт жизнь вечную взирающим на крест с верой на Него. Понятно, что это изображение змея было у евреев священным изображением, хотя почитание и поклонение ему и дошло у них до неразумия, так что они, забыв Бога истинного, почли это изображение за одного из богов – Нехуштана... Понятно ли вам теперь, братия, что вторая заповедь *не воспрещает* делать священные изображения? Не воспретила же она Моисею сделать священное изображение змея?!.. Нельзя по этой заповеди делать языческие, идольские изображения, а изображения христианские, как в древности иудейские, можно делать.

Хорошо открывается смысл этой заповеди из чтения её на славянском языке. По-славянски так говорится: не сотвори себе кумира *и всякого подобия*, т. е. не делай себе всякого подобия, подобия без разбору, подобия, какое пожелаешь, подобно тому как выражение: «со *всяким* не води компанию» не значит, что нельзя вести компанию ни с *одним*, из людей, а только с людьми без разбору...

– Мы уже вам говорили не раз, г. миссионер, прервал меня Архип, что мы не принимаем славянского языка. Он нам ненадобен.

– Напрасно, Архип, возразил я. Вот из чтения второй заповеди на славянском языке вы ещё раз видите, как важно знать разные языки, чтобы правильно уяснять себе смысл Писаний. Если бы вы знали древнееврейский язык, на котором написаны впервые были заповеди, или греческий, на который они впервые были переведены, то было бы ещё лучше. Славянский язык также нужно знать. На славянском языке раньше появилось Слово Божие, чем на русском и на славянском языке оно читалось и читается уже тысячу лет в целой половине христианского мира... Но не о том речь. Ещё раз я вас спрашиваю, братия, поняли ли вы, что вторая заповедь запрещает делать кумиры или идолы языческие, а не священные изображения?

– Поняли, благодарим, хором отвечали стоявшие близь меня ревнители. Штундисты молчали. Я продолжал.

Итак, братия мои. священные изображения *можно делать*. Можно принимать и все вещи, имеющие священное значение. Моисей и народ еврейский приняли каменные скрижали завета, ковчег с манной, жезл Аарона, меч Голиафа, которым Давид избавил народ от филистимлян и т. п. Народ христианский или святая Церковь принимает и благоговейно чтит все вещи, которые послужили делу нашего спасения, принадлежали Господу Иисусу Христу и святым Его: крест, терновый венец Его, гвозди, нешвенный хитон, ризу Богоматери, оставшиеся тела или святые мощи Иоанна Предтечи, Апостолов, мучеников и всех святых, так как всё это сохраняется на память о Боге и святых Его, а через это приближает нас к ним. Но между всеми вещами величайшей священной вещью считается святое древо креста, и не потому только, что крест сохраняется на память о распятии на Нём, Господа нашего Иисуса Христа. Святая Церковь принимает святое древо креста и делает вещественные изображения креста потому, что крест есть внешнее выражение всей нашей веры христианской. Крест Христов есть *знамя* народа христианского, знамя Церкви Христовой и *печать* всякого христианина. У всех народов, различных государств, обществ, воинских полков и т. п. союзов людей есть свои знамёна. В государстве российском таким знаменем служит

флаг синего, красного и белого цвета, в государстве французском – флаг с другим порядком цветов, в американском государстве – флаг голубой с звёздами. Эти флаги обозначают собой государство: посмотришь на флаг и знаешь, какое государство он собой представляет. В каждом государстве много военных полков и много различных обществ и каждое из них имеет своё знамя, так что знающий человек по знамени отличит полк. Кроме знамени у каждого государства и каждого общества, в каждом государственном учреждении, и у каждого государственного человека и даже у многих частных людей есть печать, которая является на бумагах их свидетельством для других. Для чего служат знамёна и печати? Для внешнего выражения или обозначения того, кому они принадлежат. Существует государство, полк, общество, учреждение, должностное лицо – существуют и их знамёна, и печати. Прекращают они свою жизнь и деятельность, теряется значение и их знамён, и печатей. На далёком расстоянии, в конце света, ваше знамя и ваша печать будет заменять вас, ваше государство и вашу личность. Оскорбят ваше знамя, разорвут вашу печать – это всё равно оскорбят ваше государство, посчитают за ничто вашу личность, ваше свидетельство, и наоборот, захотят почтить вас, будут выставлять и украшать ваше знамя... Таково внешнее значение знамени и печати на земле для государств и тех различных обществ и отдельных людей. Церковь Христова тоже общество, рассеянное по всей земле, но соединяемое одной верой в Господа Иисуса Христа: должен ли существовать *внешний знак* этого соединения, этой веры в Господа, должно ли в Церкви Христовой быть знамя её? Вера Христова есть неременная принадлежность христианина: должен ли христианин утверждать и свидетельствовать эту веру внешним знаком, или *внешней печатью*? Вот об этом и побеседуем, братия! Скажите, Архип, нужно ли христианам внешний знак, знамя, печать их веры?

С. Потехин

(Окончание будет).

Жаров И., свящ. Справедливо ли что у старообрядцев церковно-богослужебный устав исполняется точно и без опущений? С. 295–300

Всякому, хотя мало-мальски соприкасающемуся с раскольническими лже-пастырями, уставщиками, наставниками и, вообще, расколо-учителями, без сомнения, не раз приходилось слышать, как последние, ослеплённые своим мнимым благочестием (а точнее сказать – фарисейской гордостью), с неописуемой охотой при каждом удобном и неудобном случае, кстати и некстати выставляют своё мнимое превосходство перед правосл. Церковью в том, что у них якобы церковный устав исполняется точно, строго и без всяких опущений. За своими «вождями» повторяют тоже самое и их подчинённые одновверцы. Эти, сами не имея точного понятия о том, когда и как должна совершаться известная церковная служба и подлинно ли она совершается у них строго по уставу, говорят так потому, что ещё с малолетства научены говорить так своими «учителями». О службах же, совершаемых в правосл. храмах, раскольники почти все поголовно отзываются всегда с насмешкой и укоризной. Пишущему эти строки не раз приходилось слышать подобное: «какая, там, у вас служба!.. Ведь, у вас служат то как кому вздумается и кое-как. Ну, а у нас, вестимо, всё совершается по Божью, всё сполна»!..

Желая рассеять ложность убеждений раскольников в том, что будто бы их службы совершаются строго и точно по уставу, миссионером г. Боровска. Калужской губ, о. И. Жаровым на беседе 21-го февраля прошлого года и был поставлен вопрос о том, «справедливо ли, что у старообрядцев церковно-богослужебный устав исполняется точно и без опущений»?

В начале о. миссионером было высказано, что раскольники, хотя всегда любят выставлять на вид опущения и недостатки, замечаемые ими при совершении служб церковных в православных храмах, а себя выдавать якобы за точных и непогрешимых исполнителей церковно-богослужебного устава, на самом деле допускают и сами исполняют церковный устав далеко не точно. Из толпы слушателей выступил один из местных уставщиков, прославившийся между своей братией учёностью, по имени Иван Никифоров и заговорил:

Позвольте, о. Иван, позвольте!.. В чём же старообрядцы нарушили когда-либо церковный устав? Вам должно быть хорошо известно,

потому что вы и сами были старообрядцем. Зачем же взводить на нас старообрядцев напраслину-то?!

О. Жар. Вот, в том-то и дело, что мне хорошо известно, что творится у старообрядцев и что я говорю, то я отлично знаю; поэтому и несправедливого на старообрядцев я ничего не взвожу.

Устав. Ну, в чём же нарушают старообрядцы устав церковный? Укажите хотя на одно что-либо!..

О. Жар. Слушайте!.. Например, по уставу полагается в Петровский и Филипповский посты и, вообще, когда нет тропаря святому, петь «аллилуиа», но у старообрядцев «аллилуиа», кроме Вел. поста, не поётся.

Устав. Нет!.. «Аллилуиа» поют у нас вместо «Бог Господь» ... и помимо св. четьиердесятницы, – например, в субботу перед неделей мясоиустной и в субботу перед Троицыным днём.

О. Жар. Ну, а ещё в какие дни года поётся у вас «аллилуиа»?

Устав., немного подумав, ответил, что кроме этого у них «аллилуиа» не поётся.

О. Жар. А по уставу, как вам сказано, полагается петь «аллилуиа» не только – в два указанные вами дня, но и во все те дни года, когда нет святому тропаря, за исключением только некоторых, в уставе указанных, дней в году.

Устав. А по-моему всё равно, что петь «Бог Господь», что «аллилуиа»; устав в этом случае ничем не может быть нарушен.

О. Жар. По-вашему, может быть и всё равно, а по церковному-то уставу далеко не всё равно петь ли «Бог Господь» ... и петь ли «аллилуиа». Потому что, когда поётся «аллилуиа» вместо «Бог Господь» тогда по уставу полагаются великие поклоны с молитвой преп. Ефрема Сирина на вечерне, полунощнице, утрени и часах так же, как и в св. четьиердесятницу. Кроме этого, когда поётся «аллилуиа» часы бывают с почасием т. е. междучасием. Ну, а всё это исполняется ли когда-либо у старообрядцев?

Устав. Никифоров, удивлённо поглядев на миссионера, сказал: да, я никогда и не слыхал, чтобы в наших моленных когда-либо совершались часы с почасием!.. Так нигде не служат!.. Это правду вы сказали.

О. Жар. Мало того, что старообрядцы по лености никогда не служат часов с почасиями, но, вопреки церковному уставу, у них и чтение 9-го часа совершается всегда перед литургией, между тем в часослове (напечат. в 10-е лето п. Иосифа) говорится так: «подобает ведати, егда поем часы без почасия и тогда 9-й час поем по *литургии* (л. 105 об. в начале 9 часа); или ещё: «егда же часы поем без почасия,

и тогда глаголем молитву «Боже и Господи сил» ... *По сем бывает божественная литургия*» (л. 102 об.). Опять спрошу, так ли бывает у старообрядцев, которые всегда так хвалятся точным исполнением церковного устава?..

Устав. Что вы, о. Иван? Я отрадась не видал и не слыхал, чтобы девятый час отправлять после обедни; его у нас всегда читают перед обедней, тут же по 6 часе.

О. Жар. Да, я и не говорю о том, как у старообрядцев отправляется служба; а говорю о том, что они во многих случаях отправляет её вовсе не по уставу, а как им самим более нравится.

Устав. Да!.. Вам, о. Иван, хорошо отправлять службу по уставу то, петь вместо «Бог Господь» ... «аллилуиа»!.. Когда у вас на молитве Ефрема Сирина кладут поклоны то земные не все, а только четыре. Ну, а у нас не захочешь выкладывать все то земные. Вот хотя бы в Вел. пост разве легко выложить их, когда на каждом часе по «честнейшую» полагается выложить 17 земных поклонов?! Вот, если случится среди недели «полиелеос», тогда уж чувствуешь себя легче и свободнее, потому что тогда на молитве Ефрема Сирина, бывает только *три* земных поклона. Тут уж у нас бывает настоящий отдых!.. А, ведь, у вас – великороссийских так-то и всегда бывает.

О. Жар. Неправда, – что у нас православных будто бы бывает только три земных поклона на молитве Ефрема Сирина, а больше и не бывает. Все земные поклоны, положенные уставом, исполняются и у нас. Впрочем, случается, правда, что некоторые из наших православных по немощи телесной и не выполняют всех положенных уставом поклонов. Но, ведь, и про старообрядцев нельзя сказать, чтобы и они все поклоны, установленные уставом исполняли в точности. Так, например, большинство из пожилых старообрядцев вовсе не кладут земных поклонов, а кланяются на скамейцы, т. е, приклоняют головы не до пола, а до нарочито для сего приуроченных и подставляемых маленьких скамеечек или, даже, просто до стула. А что же касается их дьячков и уставщиков, то они в этом случае ещё гораздо изобретательнее. Так, они, чтобы избавить себя от труда класть в Вел. Пост много земных поклонов, ничтоже сумняся, ухищряются превращать простые (будние) дни в полиелейные, потому что, как и раньше было нами говорено, в полиелейные дни земных поклонов, кроме только 3-х на молитве Ефрема Сирина, по уставу не полагается. Но, ведь, во весь Вел. Пост, как известно, Св. Церковью празднуются только два полиелейных дня: «Обретение главы Св. Иоанна Крест. (24 февраля, если только этот день случится Вел. Постом) и память Свв. 40 мучеников (9-го марта). А у старообрядцев,

помимо вышеуказанных двух дней, бывает и ещё много других. – Таким образом, в столь важном деле, как празднование церковных праздников, которые у нас с старообрядцами, по свидетельству их же «Окружного Послания», «должны быть почитаемы (честные праздники) вкупе... по древнему календарю» (ст. 2-я), существует разница. Отчего же получается эта разница? А оттого, что старообрядческие требоисправители, желая избежать земных поклонов, произвольно переносят празднование полиелейных святых со всего года на Вел. Пост. Вот, например, те святые, службы коих переносятся старообрядцами на Вел. Пост: Св. Иоанна, Архиеп. Новгородского (7 сентябр.); Преп. Иосифа Волоколам. (9 сент.); Св. кн. Феодора Смоленск. и чад его Давида. и Константина (19 сент.); Св. кн. Михаила Черниг. и боярина его Феодора (20 сент.); Свв. Гурия и Варсанофия, Казанск. чудотворцев (4 октябр.); Проп. Иоанна Рыльского (19 октябр.); Преп. Никона чудот., ученика его Сергия (17 ноябр.); благов. кн. Михаила Тверск. (22 ноябр.) и много других...

Один из слушателей старообрядцев. Да, неужели же все это правда, о. Иван?!.. Неужели правда, что наши уставщики, чтобы не класть земных поклонов, переносят столько служб на Вел. Пост? Я что-то не слыхал об этом?!.. Где же это творится?..

О. Жар. Неудивительно, что ты, почтеннейший, и не слыхал об этом потому что, вероятно, очень редко бываешь в своей моленной, а, тем более, что это бывает в дни будние.

Уставщ. Дядя, не спорь!.. О. Иван говорит совершенную правду. Чтобы выложить земных поклонов поменьше, мы переносим на Вел. Пост службы не только тех святых, о которых упоминал о. Иван, а, даже, и святых, память коих бывает и гораздо раньше, – в июле и августе месяцев. Это правда о. Миссионера!..

О. Жар. Вот, братия, как бесцеремонно обращаются старообрядцы, эти якобы точные и строгие блюстители церковного устава и горделиво обличающие других за некоторые нарушения одного, с постановлениями древней православной церкви о праздновании памяти святых. Как вы уже слышали, церковь на весь Вел. Пост выделила только два полиелейных праздника: «Обретение главы Св. Иоанна Крестит. И Свв. 40 мучеников»; да и об этих-то двух праздниках она (церковь) сделала замечание, что, если они случатся на первой неделе Вел. Поста, то нужно празднование их перенести или на Сырную неделю, или на 1-ю субботу. А старообрядцы, как слышали, чтобы только не класть земных поклонов, самовольно переносят празднование памяти того или другого святого с одного времени на время Вел. Поста; как раз вопреки церковному уставу.

Уставщ. Что же поделаешь-то?!.. Ведь, у всех есть, о. Иван, свои немощи.

Заканчивая беседу, о. Иоанн Жаров сказал: хорошо, если бы все так рассуждали, как рассуждаете вы, Иван Никифорович. Но в том-то и всё горе, что старообрядцы всё то, что у себя считают немощами и слабостями, у других эти же самые недостатки, даже, меньшие, по своему слепому фанатизму и фарисейской гордости, возводят в мнимую ересь. А если бы старообрядцы смотрели на дело с здравым рассуждением, без всякой самонадеянной гордости и самомнения, тогда бы они никогда не посмели осуждать других; а. тем более, не дерзнули бы ради слабостей и немощей людских учинять раздор церковный и отделяться от святой и непорочной Невесты Христовой, матери нашей православной церкви, образуя разнообразные своевольные сборища. Да!.. Поистине, вполне приложимы к нашим старообрядцам слова Евангелия: «что же видиши сучец, иже во оце брата твоего, бревна же, еже есть во оце твоем, не чуеши»; (Мф. 20 зач.; 7 гл. 3 ст.). Но благодарение Господу Богу и за то, что между старообрядцами есть и такие лица, хотя и очень редкие, как, например, и наш собеседник Иван Никифорович, которые желают смотреть на дело здраво и в своих недостатках, которых и у них не меньше, если не больше, чем у православных, хотя и с неохотой признаются, а не скрывают их по примеру своей лукавой братии. А этим, конечно, у многих из старообрядцев отрезвляется то ложное убеждение «о непогрешимом, якобы, авторитете своего древле-православия», которое (убеждение) прививается и укореняется в каждом из старообрядцев с детского возраста.

Калуж. епарх. миссион. свящ, *И. Жаров*

Миссионерство, секты и раскол. (Хроника) //
Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 300–327

В. С. Памяти преосвященного миссионера. С. 300–305

13 января настоящего года, в Бозе опочил епископ Рязанский Мелетий. Мы не будем здесь повторять ни биографических, ни служебных о новопреставившемся архипастыре, сведений, которые наши читатели имеют уже на страницах официального церковного органа.

Наш долг печатным миссионерским признательным словом помянуть в Бозе почившего владыку, как приснопамятного миссионера, посвятившего более, чем полжизни святому подвигу миссии отечественной церкви. В истории внешней миссии имя архипастыря, как доблестного, самоотверженного миссионера займёт почётное место, – сейчас же за апостолом далёкой Сибири м. Иннокентием и рядом с еп. Дионисием, – этой почти в одно время «миссионерствующей доблестной троицы», свято и благоплодно потрудившейся во славу православия среди язычествующих инородцев далёкой Сибири. Почивший архипастырь посвятил себя миссионерскому подвигу в далёкой Сибири, будучи в цвете лет и сил, ещё даже до окончания Казанской академии.

† 13 января **Мелетий**, Епископ Рязанский и Зарайский.
Даровитый от природы, обладая дорогим для миссионерства
живым, впечатлительным характером, детским незлобием,

благодушием и приветливостью, добросердечной отзывчивостью, преосвященный Мелетий был *во истину миссионер*. Всей душой полюбил он этих чистых духом и пречистых сердцем детей природы (он подвизался, главным образом, среди якут), той же мерой любви добрых признательных детей к незабвенному отцу платили ему и христиане – инородцы. Владыка пробыл на миссионерской и иерархической службе в Сибири более 30 лет. Почивший глубоко изучил все способы и приёмы миссионерства и верно понимал все обстоятельства и условия, споспешествующие и задерживающие миссионерское дело, у нас в русской церкви Сибири. Его отчёты и записки, о якутской миссии, помещавшиеся в «Православном Благовестнике» и «Ряз. Епарх. Вед.» составляют ценный материал для истории внешней миссии. В Россию на кафедру епископа рязанского и зарайского почивший архипастырь явился уже усталым путником жизни, с надломленным здоровьем (особенно тяжело было для него притупление слуха), без знания условий здешней *европейской* жизни, а потому, на первых порах, без твёрдой уверенности в своих архипастырских действиях и решениях, хотя и при живой широкой инициативе. Незабвенной чертой архипастырской деятельности бесконечно благодного почившего владыки и здесь была всё та же любвеобильная доброта и отзывчивость ко всем требующим его святительской и начальнической помощи заступления.

Сжившись и сроднившись с апостольско-миссионерским служением, почивший архипастырь и на рязанской кафедре явил себя, прежде всего, *миссионером*. За короткое время служения своего в Рязани, преосвященный Мелетий предпринял целый ряд миссионерских мероприятий, которыми начинается новая светлая страница в истории местной миссии. Им открыта на исходатайствованные из Св. Синода средства *Касимовская* противомусульманская миссия в татарском центре, где доселе настолько крепка тьма исламизма, что возожжённый приснопамятным иерархом – миссионером светоч миссии едва-едва не погас. Влиятельные мусульмане успели создать в центре св. Руси – в древнем Касимове в некотором роде неприступный оплот мухамеданства, обзавелись своим *благотворительным* обществом, централизующим не только средства, но и нравственную силу ревнителей исламизма. Энергичная деятельность по распространению христианства среди татарской массы почтенного миссионера о. Доронкина, руководимая самим архипастырем, встретила неожиданное и упорное противодействие влиятельных татар, забивших тревогу, завопивших, что де православный миссионер производит нежелательное волнение,

брожение в мусульманской массе, а потому де эта миссия здесь вызывает опасения и т. д. Много стоило забот и огорчений приснопамятному владыке – миссионеру, чтобы отстоять своё миссионерское новосаждение, так как мусульманские неистовые страхи и вопли беспокоили (и конечно, понапрасну) не только ближайшую гражданскую власть, но даже и далёкий Петербург.

Затем, на другой же год своего управления Рязанской епархией, преосвященный Мелетий учредил *первый* в Рязани епархиальный миссионерский съезд для обсуждения ближайших нужд внутренней миссии и ежегодные уездные миссионерские съезды.

Владыка сам начертал программу съезда, торжественно открыл съезд глубоко-назидательной речью о миссионерском служении пастырства. Речь эта была напечатана на страницах нашего журнала, как равно и руководящие взгляды иерарха-миссионера на вопросы внутренней миссии в статье под заглавием *«новогодняя дума о нуждах внутренней миссии нашей Церкви»*¹⁸¹. Все предположения съезда владыка не только утвердил, но и быстро же провёл в жизнь. Им исходатайствовано из сумм Св. Синода содержание епархиальному миссионеру, а на местные средства, кои ранее шли на епархиального миссионера, – учреждены окружные миссионеры, которым отведены районы деятельности и даны инструкции. Эти новые миссионеры уже успели заявить себя полезной, оживлённой деятельностью, особенно это нужно сказать о противо-сектантском миссионере о. Дунаеве, миссионерскую ревность и опасность которого почивший архипастырь всегда ценил высоко.

Особое внимание архипастыря было обращено также и на заведение миссионерских библиотек, и на снабжение всех церквей и причтов книжными миссионерскими пособиями и средствами, с целью поднять уровень знания и самообразования в области миссии. Заведение церковных школ в районах распространения сектантства и в центрах раскола, а также лучшее обеспечение причтов составляло одну из насущных забот почившего архипастыря. Без верного обеспечения и правового положения трудящихся на поприще миссии почивший архипастырь считал дело внутренней миссии зиждущемся на песце.

Ревность почившего архипастыря об успехах миссии подмигнула ему, тогда совсем больного, отправиться в Казань на всероссийский миссионерский съезд 1897 г. Явившись с поезда прямо в зал заседания, Владыка уступил просьбе собравшихся деятелей всероссийской миссии горячо приветствовавших появившегося среди них старца-иерарха-миссионера, – поделиться наблюдениями и

соображениями своей долгой и миссионерской жизнедеятельности и опыта, и сказал известную речь; произведшую, как известно, такой переполох в светской не только либеральной печати, но в консервативном органе, кн. Мещерского. Речь имела форму задушевной беседы старого миссионера с молодыми деятелями, в ней не было никаких ни предложений, ни советов, а простая передача фактов и наблюдений и личных взглядов владыки.

Беседовал владыка о том, какое бедственное положение претерпевают крещённые в православии дети совратившихся в магометанство, язычество и даже в раскол и секты, выражалась скорбь, что нет у нас таких миссионерских приютов, где бы могли такие несчастные, отбираемые нередко и по закону и по повелению Верховной власти, найти приют и обучение, и что тайные общинные капиталы сектантов зло величайшее и проч. И, вот, либеральный писака или ненавистник сектант (вход был открытый) печатает в Русских Ведомостях навет на смиренного, любвеобильнейшего старца иерарха, что де Рязанский Епископ Мелетий продолжал... постановил отбирать детей раскольников и сектантов и частную собственность последних. Поднялся невообразимый шум, доставивший старцу величайшую скорбь до слёз и болезненности.

Было ли то невольной ошибкой, плодом недомыслия корреспондента либеральной газеты или же злорадной выходкой против святителя Божия – осталось неразъяснённым. Служитель мира и всепрощающей любви не пожелал ни опровергать возведённую на него клевету, ни искать виновника своей горькой обиды. «Миссион. Обзор.» подробно тогда опровергло клевету, но, поднятый в газетах шум, по поводу мнимых предложений епископа Мелетия на всероссийском миссионерском везде, доставил великое огорчение благостному, любвеобильному сострадательному к немощам людским архипастырю.

Да оставит Господь Бог, Праведный Судия, в день он вольные и невольные грехи в Бозе почившего архипастыря, как он благий, кроткий оставил эту обиду согрешившим против него!

В. С.

Булгаков Н. Первое миссионерское противо-сектантское собрание Петербургской епархии. С. 305–318

Состояние сектантства в главном очаге Петербургской епархии. – Причины появления и развития его здесь. – Роль и значение приходских причтов в борьбе с сектантством. – Станный обычай народного конкубината и народное пьянство. – Духовные меры борьбы с сектантством: организация вне-богослужебных собеседований и чтений. – Устройство общецерковного народного пения. – Совершение всенощных бдений с торжественными ходами и др. – Закон Божий в школах приходов, заражённых сектантством и отношение священника-законоучителя к обучающимся в церковно-приходских школах детям сектантов. – Отношение приходского священника к тем из своих прихожан, которые удаляются по временам в Петербург на отхожие промыслы. – Устройство противо-сектантских библиотек. – Увещание отпадших от православной Церкви: а) собеседования публичные и б) частные. – Способы опознания в приходе хлыстов и скопцов, и меры для борьбы с этой ересью.

В декабре месяце (15–16 числа) истекшего года в селе Котлах, Ямбургского уезда С.-Петербургской губ., под председательством благочинного церкви 2-го Ямбургского округа, священника Иоанна Осьминского, и при руководственном участии епархиального противо-сектантского миссионера состоялось пастырское миссионерское собрание, имевшее своей задачей обсуждение мер и способов к возвышению успеха противо-сектантской приходской миссии. В собрании этом, с благословения Высокопреосвященного Антония, принял участие редактор-издатель нашего журнала, В. М. Скворцов. После совершения молебна, перед началом совещаний В. М.-ч обратился к присутствовавшим священникам с речью о важном значении, какое имеют миссионерские съезды духовенства в деле возвышения успехов духовно-миссионерской борьбы с сектантством; затем собрание приступило к обсуждению намеченных программой вопросов. Прежде всего остановились на выяснении нынешнего *состояния сектантства в Ямбургском уезде*. После словесных сообщений, сделанных каждым из собравшихся священников, и дополнительных объяснений, данных епархиальным миссионером, собрание пришло к тому заключению, что сектантством в большей или меньшей степени заражены около десяти приходов Ямбургского уезда, в которых есть отпадшие от православной веры. В других же трёх приходах того же уезда, хотя и нет открытых сектантов из

православного русского населения, однако существует сектантское движение среди многочисленных в этих приходах лютеран. Обстоятельство это представляет собой безусловную опасность в виду местных житейских сношений, существующих между православными и лютеранами в этой местности. Наиболее распространённой сектой в Ямбур. уезде является *штундо-пашковщина* или, точнее говоря, *духовная штунда*, (так как переход в неё не сопровождается перекрещиванием неофита и члены её не принимают чаши и преломления хлеба). Главным гнездом и рассадником этой секты служит приход Кот-ий, в котором отпадших в штундо-пашковщину в настоящее время числится 44 человека, включая в это число малолетних детей. За штундо-пашковщиной следует хлыстовско-скопческая ересь (в приходах Кот-м и Со-м) и финляндская секта *хехулитов* (замечена среди лютеран в приходах Ке-м, Оп-ми Кр-м). Кроме того, в К. приходе есть фанатики, считающие о. Иоанна Кронштадтского за Бога. В истекшем 1899 году, сектантство в Ямбургском уезде видимого успеха не сделало и совращений из православия не было.

Останавливаясь на *причинах, способствующих появлению и развитию сектантства в данной местности*, на близкое соседство с Петербургом, откуда являются неправомыслящие проповедники с устной и книжной пропагандой. Да и население Ямбургского уезда в громадном своём большинстве (напр., в К-лех две трети прихода) уходит на осень и зиму в столицу для разного рода заработков. Пожившие в Петербурге обитатели и обитательницы деревни являются к себе в дом уже ослабленными в отношении своей православно-умственной и нравственной крепости. Затем, не менее важной причиной появления сектантства нужно считать лютеранство, которое в Ямбургском уезде стоит гораздо выше православия по своему просвещению и экономическому благосостоянию. Все главные пропагандисты штундо-пашковщины в районе Ямбургского уезда принадлежат к лютеранам; так, в Коп-м приходе пропагандой занимается мельник лютеранин П. Д-в, в Кот-м – сапожник тоже лютеранин К. Э-ь, – в Кр-м – три жоака лютеранина. Проповедники штундо-пашковщины получают из Петербурга денежные средства для достижения возможно большего успеха в своих действиях; частое получение денежных пакетов особенно было замечено относительно мельника П. Д-ва. Но при этом пропаганда лжеучителей находит для себя и подходящую почву в некоторых, соблазнительных сторонах бытовой и религиозной жизни православного народонаселения Ямбургского уезда, каковыми являются, главным образом,

своеобразный обычай ночных солежаний деревенских парней и девиц (конкубинат) и народное пьянство.

С особенным вниманием первое миссионерское собрание остановилось на выяснении *роли и значения приходских причтов в борьбе с сектантством*.

Священник – душа своего прихода. Он же поэтому является первым и незаменимым миссионером среди своих прихожан, которых пастырь призван поучать не только пастырским словом, но и своей жизнью. Сектанты, стараясь проникнуть в тот или другой православный приход, стремятся прежде всего затемнить нравственный облик/священника в глазах прихожан. Часто сектанты посылают нарочитых соглядатаев, дабы подметить что-либо «блазнительное» за приходским пастырем в его чисто домашней жизни. Поэтому добрая жизнь членов приходских причтов имеет огромное значение в борьбе с рационалистическим и мистическим сектантством. В Киевской епархии был пример, в селе Т-е, что никто в приходе не уходил в штунду исключительно в силу авторитета и любви, какими пользовался пастырь. В интересах успеха приходской миссии, Члены причтов должны противодействовать развитию сектантства доброй жизнью, участливым и любовным отношением к духовным нуждам своих прихожан, учительностью и благоговейно-истовым совершением церковного богослужения.

Как известно, сектантство пользуется всеми тёмными сторонами жизни православного населения, чтобы при всяком удобном случае набросить тень на самую чистоту православной веры. А потому миссионерское собрание не могло оставить без внимания и обсуждения такое печальное явление, как конкубинат или совместное спание по ночам ухаживающих друг за другом парней и девиц. Обычай этот так укоренился в народной среде, что крестьяне рассказывают вопрошающему о нём вполне откровенно. Насколько в данной местности такой конкубинат обычен и не возбуждает ни в ком, недоумения, можно судить из следующего: в С-м, напр., приходе парни и девицы сообща открыто нанимают для этой цели избу, в которой и собираются в долгие зимние вечера и ночи; в Кот-м приходе матери семейств с гордостью даже рассказывают о своих взрослых дочерях – девицах, если последние особенно отличаются на поприще конкубината; «мою дочку постоянно парни берут на ночь в ригу, а твою никто не возьмёт»! кричит при ссоре одна мать другой. Когда в беседе приходится указывать мужичкам на всю непристойность и греховность подобных отношений, существующих в среде их молодёжи, то они обыкновенно отвечают: «что же делать? и наши родители, и мы так

поступали». Некоторые из членов собрания заявляли, что борьба с этим застарелым злом слишком трудна. Хотя слежение это, можно думать, редко сопровождается случаями телесного разврата, однако, нельзя спокойно терпеть пастырям столь неприличные отношения между небрачными молодыми людьми обоего пола, противные чувству стыдливости и целомудрия и вредные в отношении физического здоровья (1Кор.7:9). Конкубинат существует и в других уездах С.-Петербургской епархии. Борьба с этим злом возможна главным образом путём нравственного воздействия на родителей, которые в силу влияния на тёмную массу векового обычая, со спокойной совестью потворствуют нецеломудренным отношениям между своими дочерьми и сыновьями. Поэтому, вопрос о борьбе с безнравственными ночными собраниями небрачных молодых людей обоего пола, миссионерское собрание признало весьма желательным представить на усмотрение епархиального начальства с просьбой передать его на обсуждение епархиального съезда, дабы последний, по всестороннем обсуждении этого вопроса, мог указать наиболее действительные и верные средства, если не для уничтожения, то, по крайней мере, для ослабления этого печального явления в народной жизни православного населения.

Ещё более распространённым и печальным явлением в народной жизни Ямбургского края оказывается пьянство. Вопрос о борьбе с народным пьянством имеет самую близкую связь с вопросами противо-сектантской миссии. Неправомыслящие всегда и с особенной настойчивостью указывают на нехристианское препровождение простых праздничных дней. Между тем «варка пива» к известным праздничным дням и «хмельное» их препровождение оказываются в Ямбургском уезде явлениями, глубоко вросшими в обиход народной жизни: и богатый, и бедный, крестьяне варят, обыкновенно, к этим дням большое количество пива, покупают такое же количество водки и в продолжении четырёх дней (а иногда и больше), начиная со дня престольного праздника, предаются разгулу, сопровождающемуся весьма часто драками и даже убийствами. В некоторых приходах есть странный обычай пьянственного празднования, так называемых, «субботок», т. е. четырёх дней, начиная с Дмитриевской субботы (23 октября); в Ке-м приходе издавна установился обычай на другой день после предания усопшего земле пьянствовать в том доме, где он умер; обычай этот на народном жаргоне носит странное название «*поминок тешьяна*» (?!); в И-м приходе неварение пива на Ильинскую пятницу, когда в селе бывает большая ярмарка, считается у стариков – крестьян прямо грехом; в Мс-м приходе земский начальник, князь Об-ий, за

варку пива в праздники назначал на каждого домохозяина штраф в 10 руб.; крестьяне платили этот штраф и всё-таки варили пиво. Как помочь этому народному горю? При обсуждении этого вопроса было выслушано словесное сообщение настоятеля С-ой Николаевской церкви, священника Николая Покровского, о существующем в его приходе обществе трезвости; устав этого общества требующий от своих членов абсолютного воздержания от спиртных напитков, приносит в его приходе мало практической пользы. В виду этого было высказано общее мнение, чтобы учреждаемые в приходах Ямбургского уезда общества трезвости имели двойственный устав, на одних членов налагающий абсолютное воздержание от «хмельного питья», а от других требующий только крайне умеренного, строго согласного с православным церковным уставом, употребления спиртных напитков. В. М. Скворцов сделал подробный доклад об организации обществ трезвости, умеренности в юго-западном крае и о миссионерском значении последних.

Для борьбы с пьянством и для противодействия развитию сектантства кроме церковной проповеди, личного примера доброй трезвенной жизни членов причта, признано весьма важной мерой развитие и надлежащая организация *вне-богослужебных беседований и чтений*, как в сёлах, так и в деревнях.

Вне-богослужебные беседования уже организованы в Ямбургском уезде во многих приходах, как напр., в И-м, У-м, Кот-м и Р-м. Для ведения их пастыри этих приходов образовали из себя *проповеднический кружок*, причём образцовую беседу в известном приходе в назначенный день ведёт пастырь чуже-приходный; присутствуют на этих беседах обыкновенно и другие священники, образовавшие из себя вышеупомянутый проповеднический союз. Сами беседы предваряются и сопровождаются пением церковных песнопений; тексты Слова Божия во время бесед вычитывает по Библии, по указанию беседующего пастыря один из присутствующих грамотных крестьян. Такая нарочитая беседа проводится в указанных приходах не менее раза в месяц. Собрание в своём наличном составе признало, что учреждение пастырских проповеднических кружков по существующему типу весьма полезно и желательно; причём необходимо, чтобы эти кружки для объединения своих действий приблизительно два раза в год устраивали совещательные собрания, на каковых собраниях обсуждали бы результаты своих бесед с народом и намечали бы программу систематических беседований. Здесь же в собрании был проектирован один из подобных

проповеднических кружков, в состав которого по обоюдному согласию вошли священники следующих приходов: Коп-го, В-го, Кр-го и С-го.

Внимание миссионерского собрания обращено было также на *устройство общего народного пения при церковных богослужениях в приходах, заражённых сектантством.*

Общее пение имеет самое широкое развитие при молениях сектантов. Справедливость требует сказать, что это пение (особенно, напр., в некоторых хлыстовских кораблях) иногда поражает своей музыкальностью. Противо-сектантской миссии часто приходится слышать упрёки от заблуждающихся в том, что в православной Церкви при богослужении не прославляют Бога *едиными устами* (Рим.15:6), как того требует апостол. В виду этого введение общего народного пения при богослужении в приходах, заражённых сектантством, представляется, между прочим, одним из важных средств в борьбе с сектантством. По вопросу об организации общего народного пения нашему собранию представил в письменном виде основательные соображения¹⁸² священник Григорий Лебедев, знаток православного богослужебного пения, устроивший при своём храме (с. Чирковицы) лучший во всём Ямбургском уезде церковный хор. Выслушав доклад о. Лебедева, миссионерское собрание пришло к тому заключению, что ядром общего пения при богослужении должен служить церковный хор. Вместе с этим хором прихожане постепенно привыкают петь сначала наиболее употребительные церковные песнопения, напр., Символ веры, Молитву Господню и т. п., а затем поют уже и сами целую литургию. Но для устройства церковного хора нужен знающий и любящий певческое дело человек; таковым по самой должности прилично быть псаломщику. В виду этого собрание признало крайне желательным, чтобы епархиальное начальство назначало в приходы, заражённые сектантством, на должности псаломщиков лиц, хорошо знающих хоровое пение и, если возможно, имеющих даже в этом отношении специальную подготовку.

Полезною также мерою является для миссионерства *совершение всемогущих бдений с торжественными крестными ходами накануне некоторых двенадцатых праздников в приходах с сектантским населением.*

Торжественные крестные ходы, как орудие противо-сектантской миссии, имеют свой исторический фундамент в образе действий, напр., св. Василия Великого, который для борьбы с арианством устраивал торжественные процессии из православных. Поучителен также в этом отношении пример знаменитого константинопольского аввы Далматия. Ямбургское собрание признало, что в специальных

крестных ходах с миссионерскою целью нет пока настоятельной надобности; достаточно существующих повсеместно и издавна в Ямбургском уезде крестных ходов, причём к ним особенно должно применяться общее народное пение хотя некоторых церковных песнопений.

Особенное внимание обращено было собранием на обсуждение вопроса *преподавания Закона Божия в школах приходов, заражённых сектантством*.

Как в земских, так и в церковно-приходских школах Ямбургского уезда обучается много детей-лютеран. Так что здесь школа, и в частности церковно-приходская, имеет вдвойне миссионерское значение. Собрание по этому пункту единогласно высказало следующее. При преподавании Закона Божия в школах церковно-приходских и земских, находящихся в местностях с сектантским и лютеранским населением, следует останавливать особое внимание на истинах православной веры, пререкаемых сектантами; но не следует перед детьми точно формулировать заблуждения иномыслящих и излагать их основания. Другое дело, если сами дети определённо выскажут перед законоучителем то или другое сектантское заблуждение, – тогда законоучитель обязан в понятной для детей форме подробно это заблуждение разобрать и опровергнуть во всех даже частностях. Библия на русском языке всегда должна быть у законоучителя под руками; при преподавании Закона Божия руководиться программой, составленной полтавским епархиальным наблюдателем, священником Иустином. Ольшевским: «Примерное распределение апологетического материала в курсе Закона Божия для одноклассных церковноприходских школ среди сектантского населения». Для большего успеха учебного и религиозно-воспитательного влияния на народ в земских школах, по мнению собрания, весьма было бы желательно уничтожить антагонизм между земскими и церковно-приходскими школами. Этот антагонизм в Ямбургском уезде имеет довольно острый характер в виду того, что некоторые из деятелей по народному образованию принадлежат к лютеранствующим лицам. Вследствие этого в земских школах Ямбургского уезда и Закон Божий, и церковно-славянская грамота стоят сравнительно низко с другими предметами школьного обучения; вопреки существующей программе уездное земское собрание ограничило преподавание Закона Божия в земских школах Ямбургского уезда только 55-ю годовыми уроками. При производстве экзаменов на ответы по Закону Божию, видимо, не обращается светскими членами комиссии должного внимания и проч.

Указывалось на печальный инцидент, как один из помещиков, даже и не лютеранин, а просто антиклерикал и либерал, когда узнал, что крестьяне не земскую школу, а церковную решили строить, ни за какие деньги не хотел продавать материалов для постройки этой школы.

По вопросу об *отношении священника-законоучителя к детям сектантов, обучающимся в церковно-приходских школах, собрание высказалось в таком смысле.*

По точному смыслу Высочайше утверждённых 13-го июня 1884 г. правил церковно-приходская школа имеет своей задачей «утверждение в народе православного учения веры и нравственности христианской» (§ 1). По требованию тех же правил она «должна внушать детям любовь к церкви и богослужению» (§ 9). Отсюда для церковной школы в местностях, заражённых сектантством, сама собой вытекает особая задача. Школа по преимуществу должна здесь принять на себя дело христианского воспитания детей сектантов школьного возраста, так как родная их семья не может внушить им христианских навыков, а, напротив, растит их в религиозных навыках своей секты. Имея всё это в виду, собрание остановилось, главным образом, на вопросах: а) требовать ли от сектантских детей точного соблюдения всех школьных порядков и исполнения христианских обязанностей относительно посещения приходского храма, молитвы, крестного знамения, говения и т. п. наравне со всеми прочими воспитанниками школы; б) уместно ли подчёркивать со стороны законоучителя детям сектантов их принадлежность к сектантству и через это выделять сектантских детей из ряда других воспитанников школы; в) как поступать законоучителю, если дети сектантов позволят себе в той или другой форме глумление над православием; г) запрещать ли детям сектантов и иноверцев лютеран во время православных постов приносить в школу для завтрака скоромную пищу. По первым трём вопросам собрание единогласно высказалось, что от детей сектантов необходимо требовать, но с мудрой осторожностью, исполнения христианских обязанностей наравне с другими воспитанниками школы; но при этом законоучитель не должен укориженно оттенять сектантских детей в глазах других школьников; он должен относиться ко всем двоим питомцам с одинаковой любовью и вниманием; вообще законоучитель всячески должен стараться пламенем своей милосердствующей о сих малых любви растопить ту ледяную кору, которой родители – сектанты иногда насильственно и искусственно сковывают мягкие сердца своих детей; если бы кто из сектантских детей дозволил себе насмешки над православной святыней, то законоучитель должен употребить все меры к кроткому

вразумлению виновного, – при неуспешности же этих мер удалить его из школы. Относительно же последнего вопроса мнения в миссионерском собрании разделились: причём большинством членов было заявлено, что возбранять иноверным детям приносить в церковно-приходские школы скоромную пищу в православные посты, которые, как известно, не почитаются лютеранами, не следует, так как соблазна от этого для православных питомцев школы не происходит, а между тем запрещение может вызвать ропот со стороны родителей, которые могут совсем взять из наших школ своих детей ¹⁸³.

По вопросу об *отношении приходского священника к тем из своих прихожан, которые удаляются по временам в Петербург на отхожие промыслы* заслушано было заявление настоятеля Кот-го прихода, большая часть прихожан которого удаляются для промысла в Петербург, Кронштадт и в Финляндию. Собрание признало необходимым, чтобы священник тех своих прихожан, которые удаляются на известное время в столицу для заработков, напутствовал церковно-общественною молитвой и совершением в церкви, напр., нарочитого молебна для группы отправляющихся на заработки, а равно и словесным пастырским наставлением хранить в чистоте своё лучшее духовное достояние, т. е. святую веру православную. При возвращении этих прихожан обратно в деревню пастырь должен тщательно убедиться в неизменности их православия; если пришельцы долг исповеди и св. причащения совершали в приходских церквях Петербурга, то требовать от них установленных свидетельств об этом. О более или менее сомнительных лицах, отправляющихся в Петербург и могущих там увлечься сектантством, пастыри должны без промедления сообщать к сведению епархиального противо-сектантского миссионера.

Неотложною мерою для возвышения местной миссии признано: *устройство противо-сектантских библиотечек при церквях приходов, заражённых сектантством, и образование таковой же уездной библиотеки.*

После оживлённого обмена мнений по этому вопросу было решено образовать в Ямбургском уезде миссионерский округ в состав которого вошли следующие приходы: Кот-ий, Р-ий, У-ий, Коп-ий, И-ий, Ч-ий, В-ий, С-ий, Кр-ий, Ке-ий, Оп-ий, Я-ий и Кол-ий. Для этого района и было признано необходимым организовать противо-сектантскую библиотеку, в которой бы содержались с одной стороны книги, исключительно раскрывающие положительную сторону православно-христианского вероучения и нравоучения, – а с другой – сочинения, прямо направленные к изложению истории сектантства и его обличения.

Список книг для этой библиотеки поручить составить епархиальному противо-сектантскому миссионеру, – на него же возложить и труд ходатайства перед Высокопреосвященным Митрополитом о денежном воспособлении со стороны Братства Пресвятой Богородицы на приобретение этих книг и о том, чтобы Духовная Консисто́рия разрешила на устройство этой библиотеки употребить некоторые суммы из денежных средств церквей, имеющих оставить миссионерский округ, в размере, какой для каждой церкви будет возможен.

При обсуждении вопроса о способах и приёмах миссионерского увещания *отпавших от православной Церкви и в частности о методах ведения: а) собеседований публичных и б) частных.* Собрание выразило желание, чтобы вечер первого дня совещания был посвящён публичному собеседованию с местными сектантами. Чтобы собрание действительно могло иметь фактические справки в своих суждениях о публичных и частных беседах с иномыслящими, епархиальный миссионер и В. М. Скворцов изъявили готовность провести в местном приходском храме две публичных образцовых беседы с местными штундо-пашковцами: а) о почитании рукотворенных храмов Божиих и б) о крещении детей. Собеседование продолжалось с 5 до 9 ч. вечера и, несмотря на бушевавшую зимнюю вьюгу, привлекло значительное число слушателей.

Вопрос о целесообразности публичных и частных бесед вызвал продолжительный и живой обмен мнений, причём собрание не могло не признать, что публичные беседы в приходах, заражённых сектантством, безусловно необходимы; публичные беседы с заблуждающимися являются праздником для православных, и плод их оказывается иногда совершенно таинственным и незаметным образом после значительного промежутка времени. Много будет значить уже одно то, если публичная беседа заронит хотя зерно сомнения в душу заблуждающегося; но главной их целью должно быть охранение православных от опасной тины сектантства. Так как публичные беседы с заблуждающимися требуют от православного собеседника значительной подготовки, так сказать, «боевой» опытности, то ведение их должно главным образом лежать на епархиальном миссионере. Что же касается частных бесед, то они всецело и первее всего входят в круг миссионерских обязанностей приходского священника, а затем уже и миссионера. Частные беседы имеют в виду только одних сектантов, – причём священник или миссионер, смотря по обстоятельствам, могут вызывать заблуждающихся к себе на дом или же явиться к ним, беря с собою 2–3 спутников из православных в тех

видах, чтобы сектанты не могли хвалиться перед своими собратьями тем, что они совершили «словесное одоление» над пастырем или миссионером.

Конец совещаний был посвящён докладу епархиального миссионера о *способах опознания в приходах хлыстов и скопцов* и сообщению В. М. Скворцова о сходстве и различии секты духовных скопцов и хлыстов. Сущность сообщённого о хлыстовско-скопческой ереси собравшимся пастырям заключалась в следующем. Секты хлыстов и скопцов – однородные: и по духу учения, и по нравственным идеалам, и по богослужебному культу та и другая секты в существенном близко сходятся. Скопчество выродилось из хлыстовства вследствие развития в среде хлыстов ужасающего разврата. В истории борьбы Церкви с хлыстовско-скопческой ересью нет строго организованной последовательности и твёрдости в мероприятиях церковной власти. Это обстоятельство зависит от того, что хлыстовско-скопческая секта, тая в существе своём богопротивную, гнусную ересь и попирая все святыни православия, обыкновенно, скрывается с большим искусством под личиной лицемерного благочестия. Герои этой секты – типы особые. С показной стороны хлысты и скопцы – самые усердные почитатели Церкви, по жизни аскеты, заслуживающие большой похвалы и уважения, говорящие сладкие речи о воздержании. Из недавнего прошлого довольно, напр., упомянуть о Калужском богаче Л-ве и самарском купце Пр-ве, принадлежность которых к хлыстовству была доказана по суду; между тем, тот и другой занимал должность церковных старост, были щедрыми благотворителями и украсителями храмов и в их фарисейском благочестии ошибались не только приходское духовенство, но и местные архипастыри и губернаторы. Поэтому весьма важно установить более или менее общие признаки, по которым приходский пастырь может безошибочно определить существование в своём приходе гнусной скопческо-хлыстовской секты. Эти признаки разделяются на менее существенные и более существенные. К менее существенным относятся: а) присутствие в домах хлыстов и скопцов некоторых, особенно любимых ими, картин и икон, напр., Иоанна Предтечи, держащего на руках своих агнца, – Георгия Победоносца и Архангела Михаила на белых конях, Христа Спасителя и Божией Матери с отверстым сердцем, Косьмы и Дамиана бессребреников, картины страшного суда, изображений райских птиц Сирина и Альконоста, – картины, изображающей распятого монаха (символ борьбы духа с плотью); в частности скопцы свято чтут и бережно хранить портрет императора Петра III и монеты с его

изображением; б) бросающаяся в глаза набожность, тихая и вкрадчивая речь, смиренная с опущенными вниз глазами физиономия, гордость и заносчивость в отношении своих односельцев и в то же время глубокое подобоострастие к духовенству и начальству; в) женщины (хлыстовки и скопчихи) предпочитают носить одежду белого, тёмного и синего цвета или же пёстрого с красными крапинками по белому и тёмному фону. К более существенным признакам последователей хлыстовско-скопческой секты относятся: а) неупотребление в пищу мяса, вина, а в последнее время и некурение табака; впрочем, в отношении воздержания некоторые хлысты допускают и исключения; б) отрицание брака, а вследствие этого брезгливость ко всем актам, имеющим в своей основе брачные отношения между людьми; так, – последователи хлыстовско-скопчества не ходят на свадьбы и крестины даже к близким родственникам, с омерзением относятся к родильнице и к ребёнку и весьма редко соглашаются и то заочно, не стоя у купели, именоваться крестными отцами и матерями новорождённых; в) глухой народный говор, выделяющий хлыстов и скопцов из православного населения и г) тайные ночные собрания («радения»). В виду недостаточности сведений о местном мистическом сектантстве собрание не имело возможности определённо высказаться, принадлежат ли к хлыстовству или духовному скопчеству местные сектанты.

Хлыстовско-скопческая ересь в Ямбургском уезде, насколько можно судить по имевшимся данным, не имеет пока ещё широкого и захватывающего влияния в отношении православной среды. Поэтому и собрание свои суждения о мерах борьбы с гнусной сектой ограничило решением следующего вопроса: как поступать приходскому священнику, когда к нему на исповедь явятся лица, которых нельзя не подозревать в принадлежности к хлыстовско-скопческой секте? Пастырями было единогласно решено совершать над подозреваемыми лицами особо внимательную исповедь, причём задавать кающемуся вопросы, имеющие тесную связь с хлыстовско-скопческим учением, например, веруешь ли ты, что Господь Иисус Христос *есть единый истинный Бог* и нет другого Сына Божия и Христа, подобного Ему? веруешь ли ты, что Христос-Спаситель воплощался *только один раз* ради нашего спасения? – веруешь ли ты, что Царица Небесная и Мать Божия Богородица в мире одна, порицаешь и осуждаешь ли ты тех людей, которые называют себя «христами», «пророками»; «богородицами» и «пророчицами»? – осуждаешь ли ты хлыстовско-скопческие радения с их плясками и считаешь ли их гнусными и богопротивными?

Кроме этих вопросов на описанном миссионерско-пастырском собрании были возбуждаемы и многие другие из числа недоуменных в миссионерской практике. За недостатком времени обстоятельное решение их было вообще отложено до будущего такого же съезда. По окончании всех совещаний старейший из присутствовавших священников, о. Александр Спасский (родной брат Высокопреосвященного Сергия, архиепископа Владимирского), от лица всех собравшихся пастырей благодарил в прочувствованных выражениях В.М. Скворцова, который в суждениях съезда принял самое живое участие и вполне радушно делился своими богатыми сведениями и ценным личным опытом по делам внутренней миссии. В.М. Скворцов благодарил епархиального миссионера за приглашение к участию на съезде духовенства северного края, с которым он очень рад войти в столь же тесное сыновнее общение в дорогом для него деле *служения миссии*, которое у него было с южнорусским духовенством, где им проведено около 15 лет, посвящённых, главным образом, интересам и пользе миссионерства. Первый опыт собрания оставил у всех самое отрадное, ободряющее и вдохновляющее на подвиг борьбы с врагами православия чувство.

Н. Булгаков

Современный раскол. С. 319–327

Екатеренбургские поповцы: новый их лже-архиерей – Антоний, его служения и наставления. Годичное заседание московского раскольничьего братства.

Заисетский. Екатеринбургские поповцы: новый их лже-архиерей – Антоний, его служения и наставления. С. 319–323

Поповцы по австрийской иерархии, высоко поднявшие голову в последнее время, шумно стали заявлять о себе и в Екатеринбурге. Сюда не так давно прибыл вновь назначенный Антоний, лже-епископ Пермский и Екатеринбургский.

Лже-епископ Антоний, а по паспорту Колыванский мещанин Афанасий Григорьев Поромов – уроженец Невьянского завода, крещён и воспитан в единовении, говорят, даже был некоторое время церковником (и. д. псаломщика) единовенческой церкви в Невьянске, откуда он ушёл сначала в раскольнические скиты за Сылву, а потом перешёл в австрийщину и, как земляк бывшего Московского лже-епископа Савватия и человек по-раскольнически грамотный, был произведён последним в 1897 году в лже-епископы Томские. По смерти Савватия от собора лже-епископов, с Картушиным во главе, он назначен на новооткрытую кафедру Екатеринбургскую.

Появившись на новой кафедре, Антоний принялся за разъезды по Уралу и за торжественные богослужения, на которые приглашаются не только свои, но и посторонние.

В новый год 1 января, лже-епископ Антоний служил в аксеновской молельне в Нижнем Тагиле, а в воскресенье, 2-го числа, намеревался служить в Екатеринбурге в австрийской молельне на левом берегу Исети, близ Царского моста. Из окрестностей немало приглашённых купцом К. съехалось раскольников австрийского толка присутствовать при «торжественной» невиданной ими службе Поромова. Ходят по городу мужики, ожидают «владыку». Вот, пришёл от Перми пассажирский поезд, затем и второй с вагонами IV-го класса, но Антония нет и нет. Так, не дождавшись Антония, разошлись его пасомые, не получив удовольствия видеть новогоднюю новинку – архиерейское служение.

Служение лже-епископа Антония в Екатеринбурге состоялось только в праздник Крещения Господня, при участии четырёх лже-попов, певчих и в присутствии значительной толпы раскольников обоего пола.

Кончалась обедня... Старообрядцы стояли, засунув ладони под мышки. Богачи стояли на особых ковриках и только вздыхали, посматривая на подручники¹⁸⁴. Словом, обедня обещала окончиться, как кончается всякая обедня. Но не тут-то было: Антонию захотелось

проявить своё я и поучить стадо тому, что каждый старообрядец, так сказать, внедрил в себя с молоком матери.

В конце обедни Антоний, одетый в священнический подризник, пояс с прицепленными к нему лентами, епитрахиль, с белой шитой серебром палицей на правом боку, в широком малом омофоре на плечах, в чёрной шапочке с опушкой выходит на амвон, оборачивается к народу, поднимает вверх свою правую руку, сложенную двуперстно, и спрашивает: «Братия! так ли вы молитесь»? Ему из толпы отвечают: «так ваше преосвященство».

– «Да все ли так; нет ли между вами таких, которые молятся щепотью»?

И сам Антоний сложил правую же руку троеперстно, по православному.

– «Нет, у нас никого нет, чтобы так молились; у нас так никто не молится», – сказали в народе.

– «Так держитесь строго этого, – продолжал велеречивый вития, – и кто будет молиться щепотью, – погибнет. Нужно строго держаться того, как нам предали и научили наши предки».

Затем, обращаясь к женщинам, произнёс:

– «И вы, женщины, смотрите, молитесь большим крестом, (а сам погрозил им пальцем), и детей ваших, и всех родных и не родных учите так молиться. Ибо сказано в Священном Писании: вси креститесь по образу ваших предков»¹⁸⁵. Итак, ещё напоминаю вам о кресте: если вы будете исполнять законы и так *слаживать* персты (он снова поднял двуперстно сложенную руку вверх), то будете исполнители и творцы закона и попадёте прямо в царство небесное. А если не будет из вас кто-нибудь этого исполнять, тот будет *анафема*!

Все внимательно слушали, а некоторые старушки даже плакали, вероятно, от назидательных в духе раскола вещаний и прещений Антониевых.

Лишь только лже-епископ разрешился анафемой, ему подали лестовку. Он взял её, поднял вверх, потряс и сказал: «А лестовка то у вас – у каждого ли есть»?

– «У каждого есть, ваше преосвященство».

– «То-то; нужно её иметь и не надо без неё милиться: держитесь этого» – и затем Антоний замолчал, потупил голову и приложил руки к сердцу.

В это время певцы, угадав, что красноречие Поромова истощилось, пропели ему: «ис полла». Антоний поклонился на подручник народу в землю со словами: «Простите мя, отцы и братия, и благословите».

Через минуту его вывели царскими дверями два человека в длинных кафтанах с капюшонами и в полушляпах на головах, и поставили на самый край амвона. Лже-диакон Сюткин поднёс ему на престольный крест.

Антоний взял его и, поднявши вверх, сказал: «Вот, братия, какое знамение нам дал Господь и наши святители для спасения. На всех ли на вас, есть такие кресты»?

– «На всех есть, владыко святой», – слышались голоса.

– «Так то-то; на всех ли? да и такие ли они? да на ваших то детях есть ли»? В это время Антоний стоял улыбающимся.

– «Есть, ваше преосвященство».

– «Ну то-то же». И Антоний начал принимать ко кресту, а лже-поп Иван кропить водой приложившихся. В тоже время вышли в каждый из двух боковых приделов прочие лже-попы и стали подавать подходящим крест и окроплять водой.

Когда все приложились ко кресту и Антоний с лже-попами ушли в алтарь (он в царские двери, а те в боковые), затворили царские двери и задёрнули завесой.

И, вот, опять выходит Антоний в северные двери со всеми своими попами; положили начал; Антоний оборотился к народу и оградил его на три стороны одной рукой, затем, наклонил свою голову, правую руку приложил ко лбу и, пробыв с минуту в таком положении, произнёс поучение своему раскольническому стаду, которое приводим почти дословно, как образец старообрядческого красноречия и начитанности.

«Вот, братия, – начал лже-епископ, – мы должны исполнять заповеди Божии и то, чему научены от наших предков, – в целости соблюдать обряды нашей отеческой веры ни прибавливая, ни убавливая что, якоже глаголет Писание: «аще кто иоту едину прибавит или убавит, анафема да будет». А мы, пастыри, должны учить народ слову Божию, а если не будем, то по правилам Св. Апостолов и богоносных отец подлежим извержению из сана. Все вы, братия, должны хранить чистоту, в особенности же блюсти чистоту лица, которое вы не должны безобразить. Какого природа создала человека, таким он и должен быть, о сем бо познается истинный древле-православный христианин».

В это время Антонию поставили аналой с книгой в бумажной обложке (кажется, Стоглав, издания Н. И. Субботина), Антоний продолжал: «Так священники, вот, правила православным христианом во всем возбраняют не брить брад и усов не постригати, таковая бо несть православных, но латыньская и еретическая предания греческого царя Константина Ковалина».

«Дайте мне очки, – не вижу». – Подали очки. Надев их, Антоний продолжал: «Правило святых Апостол сице глаголет: Аще кто бреет браду и преставится тако, не достоин над ним служити, ни сорокоустия над ним пети, ни просфиры, ни свечи по нем в церковь принести; с неверными да причтется. От еретик бо се навывоша¹⁸⁶. О том же правило 11-е 6-го собора, иже в Трулле полатном о стриженнии брад¹⁸⁷. Что же о постриженнии брады не писано ли в законе: не пострижайте брад ваших, се бо женам лепо, мужем же неподобно. Создавый Бог судил есть: Моисеови бо рече: постризало да не възидет на браду вашу; се бо мерзость есть пред Богом, ибо от Константина царя Ковалина еретика. На том все бо знаху, яко еретическая слуги есть брады им постризати. Вы же се творяще человеческого ради угождения противящеся законам, ненавидими будете от Бога, создавшего нас по образу своему. Аще убо хотите Богу угодити, отступите от зла. И о том сам Бог Моисеом отрече, и святые апостолы запретиша, и святые отцы проклята, и от церкви таковыя отвергоша. И того ради страшнаго прещения православным такового не подобает творити. И вы, священны протопопы, и все священники о всех о тех предреченных наказаниях по священным правилам детей своих духовных всех православных христиан поучайте и наказывайте, чтобы ото всех тех злых отреченных дел престали, и жили бы в чистоте, и в покаянии, и в прочих добродетелех». (Стогл. гл. 40).

Так вот, братия, кто бреет усы и браду, такового не подобает пускать в церковь, ни сообщения иметь с ним, а по смерти не подобает по нём и сорокоуста петь. Только, вот, один Никон патриарх говорил, кто хочет бороду стричь, тот и стриги, кому как угодно, и много он другого незаконного попустил, и указы издал¹⁸⁸, и притеснял нас за чистоту обрядов. Да, наши предки много претерпели тогда: они скрывались в тущобах и пещерах, и нас били и убивали. Но теперь настало наше время. Теперь нас никто не гонит и не нудит. Мы, как люди правоверные, не будем их никонианских учений слушать, а строго исполнять предания наших святителей. Итак, братия, стойте и держите предания!» Этим Антоний и закончил своё поучение. Затем, он положил исходные поклоны, опять оградил рукою на три стороны народ, а на клиросе пропели своеобразным напевом: «Ис полла», Антоний же за это сделал земной поклон народу. Из толпы раздалось: «спасибо, владыка, за наставление».

Антоний тут же на амвоне сдёрнул с рук поручи, снял пояс и пошёл в алтарь северными дверьми, там разделся, вышел в южные двери один, в длинном кафтане с капюшоном т. е. в монашеском

одеянии, с лестовкой в руке и в чёрной шапочке и, сгорбившись, спешил скорее скрыться задним ходом.

А. В-ов Годичное заседание московского раскольничьего братства. С. 323–327

Не раз нам уже приходилось говорить о раскольничьем московском братстве св. Креста, основанном раскольниками в противовес существующему здесь православному братству св. Петра митрополита. Как последнее имеет своей задачей борьбу с расколом, так раскольники-братчики св. Креста направляют свою «подпольную» (так как «братство» это, конечно, никем и никогда не было разрешено) деятельность на противодействие успехам Церкви православной и пропаганду раскола всеми средствами, а главное подпольными изданиями раскольничьих писателей, в роде пресловутого Онисима Васильевича Швецова.

Чтобы лучше познакомиться с деятельностью этого в высшей степени характерного и интересного раскольничьего учреждения, остановимся более подробно на одном из последних заседаний братчиков, на которое удалось попасть нашему корреспонденту.

В виду особенного значения, которое придаёт настоящий раскольничий лже-архиепископ в Москве деятельности подпольного братства – члены оного особенно энергично и хлопотливо мастерят свои делишки за последнее время и одно заседание сменяет другое, подпольные литографские и гектографские станки не успевают удовлетворять запросов и поступающих требований на раскольничьи сочинения, и издания, наполненные хулою на Церковь православную и её служителей!

Заседание братчиков, о котором у нас идёт речь происходило в подмосковном селе Черкизове (летней резиденции православного московского митрополита) в доме приказчика, торговца по чайному делу, Ивана Аникича. съезд членов «братства» начался с 5 часов вечера, когда не только со многих окрестных фабрик начали стекаться сюда ткачи и сновальщики, но и со всех концов Белокаменной стали подъезжать люди самых разнообразных профессий: ломовые извозчики¹⁸⁹, портные, сапожники, пыльщики и проч. и проч. Таков состав членов раскольничьего «братства»

У ворот дома стоял «дежурный», на обязанности которого лежало «доносить» в случае появления непрошенных гостей. Прибывшие проходили в «горницу», где вскоре их набилось свыше сорока человек и ещё задолго до прибытия председателя здесь стояла невообразимая духота и смрад от смазных сапог братчиков. В противоположность членам раскольничьего «духовного совета», позволяющим себе носить

немецкое платье, братчики все без исключения были одеты в длиннополые суконные сюртуки. У многих за пазухой и в карманах торчали свёртки – то были предположенные к чтению «рефераты» и представляемые как бы в цензуру общего собрания братчиков сочинения, предполагаемые к печатанию, вырезки из газет и журналов, понравившиеся по тем или другим соображениям читателям раскольникам, отдельные брошюры и проч., и проч.

В 5 часов к дому Ивана Аникича подкатили сани с «секретарём» братства Михаилом Ивановичем Бриллиантовым. Выйдя из саней, он вынул также довольно обширный чемодан с книгами и какой-то короб. Едва появился «секретарь» в дверях «горницы», как всё собрание засуетилось. Короб взяли из рук «секретаря» и поставили на стол. Михаил Иванович вынул ключик из чемодана, отпёр короб и достал оттуда восьмиконечный крест, который и поместил на деревянной подставке, тут же на столе. Это так сказать, эмблема братства, которое и носит название св. Креста.

Прошло ещё несколько минут и в зал заседания, весь запыхавшись, вбежал мальчишка «дежурный» от ворот, с криком «едет, едет!». Это означало приближение и самого председателя братства Анания Григорьевича Боева, который и не замедлил явиться в роскошной хорьковой шубе и дорогой шапке.

– Извозчика отпустить прикажете? – спросил его «дежурный».

– Пусть ждёт, – величественно произнёс г. Боев и, истово помолвившись, не подавая никому руки, отвесил поясной поклон на три стороны.

Немедленно поднялось со своих мест всё собрание и, сотворив «семипоклонное начало», запели «О тебе радуемся». Председатель приложился к Кресту, за ним секретарь, а там и все братчики.

Пока происходит вся эта процедура, воспользуемся временем, чтобы поближе познакомиться читателей с личностью Г.А. Боева.

Рождённый в православии, он занимался портновским ремеслом, но дела его пошли очень плохо, между тем он слышал, что старообрядцы охотно дают деньги и поддержку всякому, кто перейдёт из православия к ним. Это соображение и послужило главным поводом для принятия раскола г. Боевым. Сделавшись старообрядцем, наш портной вскоре вступил в число братчиков св. Креста, а затем сумел добиться и председательского звания. Тем не менее его портновские дела шли не особенно хорошо; быть может «перекрещенец» и оказался хорошим председателем, но портной, очевидно, он был плохой и ему долгое время приходилось перебиваться, что называется, с хлеба на квас. Но вот, наконец, фортуна улыбнулась

злополучному «перекувыркушу», как называют раскольники перешедших к ним из православия. Заняв кафедру раскольничьего лже-архиерея в Москве, Картушин, как мы уже видели, ревностно принялся за «поднятие раскола» и могучее к тому орудие увидел, между прочим, в распространении подпольных сочинений направленных к оправданию раскола и хуле на Церковь православную. Делом этим издавна занимались братчики св. Креста, почему в глазах Картушина они сделались весьма нужными и полезными для него людьми.

При поддержке лже-архиерея издательские обороты братчиков значительно увеличились, что не замедлило отозваться и на их благосостоянии, и в особенности председателя братства Анания Григорьевича. Портновское ремесло он забросил и даже для себя лично заказал у «хорошего» портного целый ассортимент всякого рода платья, шуб и проч. Обложился у себя в кабинете книгами и рукописями и высоко поднял голову, сделавшись в весьма короткое время богатым, а, следовательно, и пользующимся уважением у раскольников человеком.

Но вернёмся к описываемому заседанию братчиков.

По объявлению А.Г. Боевым заседания открытым, секретарь Михаил Иванович Бриллиантов начал доклад о текущих делах братства: сколько откуда поступило требований на издания братства, куда что послать, каких сочинений нужно выпустить вторым изданием и проч., и проч.

Вторая половина была посвящена чтению и обсуждению «новых» сочинений, заказанных тому или другому братчику для отпечатания на гектографе и затем подпольно распространённые в тёмной массе раскола.

В заключение председатель обратился к собранию с речью, в которой указывал на важность обязанностей, возлагаемых на братчиков Картушиным, и, между прочим, на поручение его изготовлять книги для будущих раскольничьих соборов! «Сам владыка, – говорит Боев, – просит нас помочь ему в столь великом и важном деле, мы должны употреблять все свои силы, всю энергию, чтобы стоять на высоте своей задачи и с честью держать знамя распространена истинного учения древле-православной церкви».

«Потрудимся, потрудимся», хором отвечали братчики на речь председателя.

Затем опять, как и в начале собрания, все положили семь поклонов и пропели задостойник на Успение Божией Матери.

Председатель приложился ко Кресту, отвесил поясные поклоны на три стороны и отбыл из Черкизова.

За ним стали разъезжаться и братчики, из которых последним уехал Михаил Иванович, заперши предварительно на ключик свой коробок и чемоданчик с подпольными изданиями и рукописями.

Алексей В-ов

**Дородницын А. Из жизни инославия и из мира
заграничного сектантства // Миссионерское обозрение.
1900 г. № 1–6. С. 327–335**

Вечер в Берлинской «Армии Спасения» («Kölnische Volkszeitung»). Штунда в Лондоне («Spectator»). Успехи католической миссии в Китае к концу XIX столетия («Figaro»). Успехи протестантской миссии к концу XIX столетия («Daheim»). Новая иудейская секта («La Libre Parole»).

В месяце ноябре прошлого 1899 г. Берлинскую «Армию Опасения» посетил глава её, генерал Бутс. В честь такого важного гостя берлинские члены «Армии Спасения» устроили целый ряд торжественных публичных собраний, отличавшихся редким многолюдством. Собrania происходили в зале «Германия» в центре публичного берлинского разврата, среди так называемых «Chansonnettenviertel».

В 8½ часов вечера 2 ноября началось первое собрание, в котором генерал выступил в качестве оратора; затем в продолжение всей недели, после обеда и вечером, повторялись эти собрания, а в ближайшее воскресенье генерал Бутс с утра до глубокой ночи непрерывно поддерживал собрание.

Достойно удивления, что в таком городе, как Берлин, где и в воскресные дни церкви пусты, среди недели и притом вечером собиралась публика на религиозные собрания, и притом в таком огромном количестве, что зал «Германия», вмещающий в себе около 3,000 человек, был так полон, что не оставалось ни одного свободного места. Хотя некоторые могли прийти сюда из простого любопытства, но большинство, что заметно было, интересовались делом. Большинство публики состояло из рабочих и ремесленников, но между ними были также и образованные люди. Собрание производило с самого начала впечатление собравшейся на богослужение протестантской сектантской общины.

На сцене, какая обыкновенно употребляется на театральных представлениях, была поставлена ораторская трибуна, а возле неё полукругом уселся «штаб», состоящий из пятидесяти одетых в форму «офицеров», мужчин и женщин.

Генерал Бутс при своём появлении был приветствован оглушительными криками «аллилуиа» и маханиями платков всем собранием. Это высокого роста худощавый мужчина с длинной, седой бородой и седой же головой, фигура немного комичная, но которую, раз видевши, не забывать никогда; генерал носит длинный, чёрный

фрак со значками на воротнике и плечах. Генерал не говорит по-немецки, поэтому один из его офицеров переводит предложение за предложением его речь на немецкий язык; влияние речи от этого, естественно, много теряет. Впечатление комичного усиливается, как только генерал Бутс начинает говорить. Голос его слаб и лишён каких бы то ни было звуковых красот, тон однообразный, почти бормочущий, руки он держит скрещёнными на спине, голову наклоняет в сторону, взор опущен вниз, длинная верхняя часть корпуса совершает ритмические резкие движения слева направо и обратно. То, что говорит оратор, кажется таким незначущим, даже банальным. Он не говорит о вероисповеданиях, ибо «Армия Спасения» не имеет никакого собственного вероисповедания, она имеет дело с грёзами, оставшимися в сознании человека от воспринятых им в детстве религиозных понятий, она обращается ко всем тем, которые потеряли общение со своей родной церковью и, будучи лишены религиозного блага, пребывают в грехах, но которым иногда нужно одно лишь освежение детских воспоминаний, чтобы привести их к сознанию их греховной жизни и побудить их к возрождению. В своих воодушевлённых речах генерал в бесконечных вариациях всегда повторяет одно и то же: «некогда ты был счастлив, ибо ты не знал ничего греховного, и когда ты грешил, искал прощения у своего небесного отца. Теперь же ты глубоко несчастен, ибо живёшь греховно и не просишь более Бога о прощении тебе этого греха. Но Бог хочет тебя простить, Он ждёт тебя, Он снова хочет заключить тебя в свои отеческие объятия, хочет тебя осчастливить здесь и там»! Генерал Бутс варьирует эту тему и воодушевляется при этом всё более и более, речь его становится живее, раскачивание корпуса – учащённее, огонь воодушевления проникает его всего и сообщается его словам, и слушатели, не отдавая себе в том отчёта, подпадают всецело под влияние оратора, который всё с большим жаром повторяет: «Подойди сюда! Ты должен сюда подойти! Христос ждёт тебя! Теперь момент, который, может быть, никогда не повторится»! Генерал кончил, шумное «аллилуиа» раздаётся по залу, музыка начинает играть, и члены «Армии Спасения» начинают одну из своих песен, которые поются в быстрой мелодии марша, часто сопровождаясь ударами рук в такт, и призывают от времени до времени грешников ко спасению. Очарование особого рода охватывает собрание, лица сияют, и взоры устремлены вдаль... Тогда выступает кто-либо из толпы и, качаясь, медленным шагом проходит узкий проход между скамьями и подходит к переднему ряду, чтобы там, опустивши и спрятавши лицо своё в руках, опуститься на, так называемую, «скамью покаяния». Вот,

подходит один, там другой, какой-то старик, молодая девушка, женщина, сильный рабочий, – всё время новые лица падают ниц на «скамью покаяния» ... – «Двадцать душ приобретены!» – восклицает офицер с трибуны. – «Кто верит, что двадцать один будут приобретены, пусть подымет руки!» И все с криком «аллиуиа» поднимают руки кверху, и снова по залу раздаётся та же самая песня. – «Двадцать один, двадцать два, двадцать три», – объявляет офицер. Уже стало более тридцати, но руки всё продолжают подниматься к небу, снова та же самая песня, та же самая мелодия; они прерываются лишь увещеваниями к возвращению к благочестивой жизни, которые исходят от офицера на трибуне. Вот, стоит молодой человек в хорошей одежде, возле него – солдат «Армии Спасения», с жаром убеждающий его. Долго колеблется молодой человек, взор его беспомощно блуждает кругом, – но, вот, и он направляется к «скамье покаяния», закрывши руками лицо. Вот, молодая девушка: когда Бутс начинал свою речь она хихикала и толкала своих соседок; теперь же она совершенно притихла, выпускает по временам глубокие вздохи и также направляется к «скамье покаяния» ...

Но пробило 11 часов. Собрание закрывается, медленно пустеет зал; лишь на «скамье покаяния» остаётся несколько вздыхающих грешников.

* * *

В Лондоне бок-о-бок с великими и признанными законом религиозными организациями действует также значительное число мелких и мало известных сект. Многие из англичан, которые претендуют на то, что знают хорошо свой Лондон, на самом деле или незнакомы, или считают недостойным внимания одно из наиболее любопытных и интересных духовных явлений в среде беднейшего населения Лондона. Должно заметить, что беднейшее население Лондона, которое ютится в подвалах, «конюшенных дворах», куда никогда не заглядывает солнце, плохо знает свою религию, и весь религиозный кругозор его ограничивается фразой: «я христианин». В среде этого населения Лондона в недавнее время появилась своеобразная секта. Отличительную особенность этой секты составляет обряд «преломления хлеба», который служит центральным актом богослужения сектантов. Он состоит в следующем: кто-нибудь из благочестивых братьев (faithful brother) делает приготовления, необходимые для церемониала; окончив их, он занимает своё место и ждёт прихода «собрания». Когда явилось достаточное число членов, несколько братьев поднимаются и говорят: «не пропоём ли мы номер 186»? Так как остальные находят, что следует сделать это, то сначала

прочитывают стих, а затем начинают петь под аккомпанемент инструмента. После этого некоторые молятся, другие импровизируют или поют какой-нибудь гимн или читают какую-нибудь главу из Нового Завета, или же, наконец, произносят «слово». Затем, встаёт избранный брат и совершает «преломление». По правилам секты каждый член общины имеет право совершить преломление, но на практике это право представляется двум–трём членам. После этого следуют другие чины, затем рассуждения по поводу какого-нибудь трудного места из Священного Писания.

Сектанты употребляют особенные усилия заманить кого-либо из прохожих на свои собрания. Если им удаётся достигнуть этого, они начинают таким читать Евангелие, многое говорят о человеческой греховности и оканчивают убеждением пристать к их обществу.

Сектанты имеют общую кассу, из которой выдают пособия новообращённым, больным и лишившимся заработка, братьям, а также производят ремонт молитвенного дома,

В отношениях к последователям других религий они отличаются крайней нетолерантностью; они также не желают принимать никакого участия в общественных делах и на правительственные распоряжения смотрят, как на дело, не заслуживающее внимания. Всякие увеселения они изгнали из своей жизни, как грех. На просвещённых англичан проповедь их не оказывает влияния; они набирают последователей себе из рабочего пролетариата.

Кто, хотя, немного знакомый с нашими штундистами, в этой *новой* лондонской секте не узнает нашей штунды?

* * *

Г. Фабие (Fabier), папский викарий в Пекине, опубликовал в «Figaro» следующий отчёт, показывающий результаты, достигнутые католической миссией в Пекине:

«Члены общества «de la Propagation de la Foi», дающие возможность существования в Китае миссионеров и их деятельности, многочисленные благодетели, щедроты коих поддерживают отдалённые миссии, прочтут не без интереса маленький отчёт об утешительных плодах, произведённых их приношениями в викариат Пекина. Чтобы иметь понятие о прогрессе этой миссии, я посылаю вам сравнительный отчёт за последние десять лет.

Миссионерские станции. Этим именем называются все города и деревни, в кои миссионеры должны ежегодно приходить для проповеди Евангелия христианам. В 1889 году их было 322, в настоящее время их 577.

Христиане и обучающиеся христианской вере. Десять лет тому назад мы имели 34,417 христиан; теперь же мы насчитываем их 40,834, если не считать детей и тех, кои не могут приступать к таинствам. Число крещений взрослых в 1889 году было лишь 1,022, считая в том числе 400 больных, крещённых в госпиталях; в этом же году мы их насчитываем 2,322, из коих лишь 633 крещены были в больницах. Мы очень строги в допущении к крещению, поэтому очень редко случается, чтобы новообращённый христианин возвратился в язычество.

Число обучавшихся христианской вере и готовых принять её было в 1889 году около 1,170; теперь же их 6,506; а если станем считать тех, которые сами приходят заявить нам о своём намерении сделаться христианами, то число это превысит 10,000.

В 1899 году были у исповеди до 31,417. Что касается пасхальных причащений, то в 1889 году их было 19,161; теперь же их 25,964.

Миссия, покровительствуемая Францией, считала своей обязанностью сделать кое-что в смысле французского влияния в Китае. Благодарность по отношению к нашей покровительнице требовала от нас жертв, и мы сделали воззвание к, так называемым, «Frères Maristes». Десять лет тому назад их вовсе не было в нашем викарariate; их теперь 18. Благодаря их усердию открыт был коллегийум для европейцев в Гянь-Цвине; в том же городе был доверен им муниципалитетом франко-китайский коллегийум с 75 учениками. В Пекине большой коллегийум и его отделение насчитывает 155 учеников и дали уже более 50 хороших переводчиков, которые исполняют теперь важные обязанности в почтамтах, на железных дорогах, телеграфах и пр.

Трапписты (монахи). Учреждение траппистов в этом викарariate не только поддерживается, но также прогрессирует с замечательной правильностью. В 1889 г. оно насчитывало лишь 3 священника, 6 клиров и 22 обращённых; теперь же оно насчитывает одного аббата с митрой, 5 священников, 18 клириков и 33 послушника. Одни материальные средства не увеличились, и монастырь по-прежнему остался бедным.

Монахини. Помимо большого учреждения «Sainte-Enfance», содержащего ежегодно от 400 до 500 лиц, *девы благотворительности* (les Filles de la Charité) управляют ещё двумя европейскими госпиталями, 3 китайскими госпиталями и 2 убежищами для стариков. Помимо того, они имеют ещё один госпиталь для больных детей и 4 даровые аптеки. В 1889 г. убежище для стариков насчитывало всего лишь 38 чел., в настоящее же время оно содержит

130 человек. Госпитали принимали тогда 360 больных; в этом же году вышло 6,303 человека. Десять лет тому назад даровые аптеки пользовали 27,240 слабых или раненых, в этом же году число это достигло 133,975 чел.

Конгрегация (Сестёр Св. Иосифа), составленная из туземных сестёр, насчитывала 38 членов в 1889 г., теперь же она состоит из 62 сестёр. Она имела тогда 4 дома; теперь же имеет 11 домов, в коих обучаются и воспитываются сироты из (Sainte-Enfancé) и обучающиеся христианской вере. Дело это вполне преуспевает и обещает многое в будущем.

Общество «Sainte-Enfancé». Деятельность общества (Sainte-Enfancé) с каждым годом более и более развивается: в продолжении последних десяти лет сиротские приюты, фермы, рабочие дома, мастерские приняли целые тысячи брошенных детей.

Церкви и оратории. В 1889 году миссия владела 16 большими европейскими церквями, теперь их 31. Собор Св. Спасителя в Пекине, в самом императорском городе, построен на расходы императора и стоит 800,000 франков; собор Св. Иосифа в западной части города стоит более 400,000 франков, древняя церковь в южной части города потребовала для своей перестройки 200,000 франков. Стоимость других больших церквей колеблется между 50,000 и 100,000 франков.

В 1880 году насчитывали 136 церквей второстепенных, в настоящее время викариат имеет 211. Что касается ораторий, то их тогда было 111, а теперь 272.

Остаётся ещё более 100 христианских местностей, которые не имеют даже особых мест, где бы христиане могли слушать мессу (обедню). Её совершают в простой комнате, причём три четверти присутствующих остаются на открытом воздухе.

Семинарии. В 1889 г. большая семинария имела лишь 12 учеников, теперь же их 23. Что касается учеников маленькой семинарии, то число их возросло с 36 до 88 человек. Ученики принадлежат к лучшим фамилиям викариата, и если иногда случается, что их увольняют, то это делается лишь в случае неспособности или болезни, но никогда по какой-либо другой причине. Каждый ученик содержащийся на всём готовом миссией, стоит ей в среднем 100 франков в год; причём необходимы четырнадцать или пятнадцать лет учения, чтобы получить сан священника.

Коллегиумы и школы. Вместо прежних 2-х коллегиумов миссия теперь имеет 5, в которых воспитывается 325 учеников, большая часть которых, по окончании курса, избирают для себя поприщем деятельности миссией. Что касается школ, то они требуют ещё

крупных затрат от миссии, число их в 1889 году было 153, – теперь же 370. Вместо 2,727 учеников, посещавших их тогда, теперь их насчитывается 5,503.

Что касается детей, крещённых во время болезни в течение последних 10 лет, то число их превосходит 100,000. Все эти успехи католической миссии в Китае обуславливались в значительной степени теми громадными материальными средствами, которыми она располагала, и значительную долю которых доставила ей щедрость французов».

* * *

В не менее выгодном свете представляются внешние успехи и протестантской миссии. В настоящее время имеется около 150 евангелических миссионерских обществ с капиталом в 55 миллионов марок, 6,000 миссионеров-мужчин, 4,000 незамужних женщин, а в результате. 1½ миллиона язычников, обращённых в христианство. Непосредственно исходящая из Германии и Швейцарии, миссия насчитывает 17 миссионерских обществ, 800 миссионеров 4½ миллиона марок капитала, около 300,000 обращённых язычников и 80,000 учеников. Почти все известные страны и народы входят в округ деятельности миссионеров. В общественном мнении миссия занимает почётное место и считается выдающимся двигателем культуры. Она доставила большие услуги науке, именно лингвистике (библия и отдельные её части переведены на 406 языков), а также географии. Результаты её выразились в падении язычества, смягчении нравов, образовании ума и т. д. Образовалась особая миссионерская наука, в развитии коей Германия занимает первое место. Имя профессора Д. Варнека заслуживает в данном случае особого упоминания. Христианская любовь и миссионерская деятельность составляют в настоящее время существенную сторону церковной жизни.

Ливингстон так определяет отношение между научными путешествиями и миссионерской деятельностью: «конец географического факта есть начало миссионерской деятельности».

Между протестантскими миссионерами XIX века выдающееся место занимают: Шпиттлер, Иозенгауз, Вольшан, Вингеманг, Фаари, Грауль, Госснер и Луи Гарлес. Почти повсеместно развилась миссионерская жизнь в форме свободных миссионерских обществ. Между ними важнейшие следующие: *Миссия Братской Общины* (1732). Она насчитывает 35,000 членов, 186 миссионеров 93,000 обращённых язычников, *Базильское Общество* (1806 г.) с 186 миссионерами и 37,000 обращённых язычников; *Первое Берлинское Общество* (1824 г.) с 86 миссионерами и 33,000 обращённых

язычников; *Барменское* (1828 г.) с 116 миссионерами и 70,000 обращённых язычников; *Лейпцигское Общество* (1836 г.) с 42 миссионерами и 17,000 обращённых язычников; *Берлинское Второе Гонсеровское Общество* (1836 г.) с 37 миссионерами и 40,000 обращённых язычников; *Германсбургское* (849 г.) с 158 миссионерами и 42 обращённых язычников.

Но несмотря на эти значительные успехи, много ещё остаётся труда в деле проповеди Евангелия на долю двадцатого века, так как в мире имеется 1056 миллионов евреев, язычников и магометан. Будем надеяться, что когда-нибудь осуществится предсказание Иисуса Христа, что Евангелие будет проповедано всем народам.

Утешительным фактом является то, что число крещений среди язычников в процентном отношении становится из года в год все больше, чем число рождений среди язычников. Можно быть уверенным, что в XX столетии весь языческий мир будет просвещён светом христианства.

* * *

В Кишинёве (в Бессарабии) недавно умер Иосиф Рабинович, адвокат-еврей, *основатель новой иудейской секты*.

Мечтательный от природы, Рабинович первоначально увлёкся идеей образования *новоу царства Израиля*, о котором в настоящее время серьёзно помышляют, так называемые, сионисты: с этой целью он совершил путешествие в Палестину, познакомившись с условиями тамошней жизни, он убедился, что *Палестина окончательно потеряна для евреев*, и что проект образования из них самостоятельного государства – жалкая утопия.

После этого Рабинович стал работать в совершенно противоположном направлении: он отдался идее объединения евреев с христианским миром, и с этой целью основал новую секту, которая в настоящее время насчитывает много адептов в среде евреев южной России. Учение этой секты признаёт Новый Завет священной книгой, наравне с Ветхим Заветом, за исключением посланий ап. Павла; крещение и причащение признаются божественными таинствами; но догмат о Св. Троице и двух естествах в Иисусе Христе отвергаются, *как продукт спекулятивной греческой философии*. а. Мессия, однако, уже пришёл – это Господь наш Иисус Христос.

На этой почве недавно имел место в Одессе следующий инцидент: в одном многочисленном еврейском обществе, где, конечно, шла речь о Дрейфусе, выступает молодой еврей, одарённый прекрасным ораторским талантом, и произносит пламенную речь на тему, что оправдание Дрейфуса налагает на евреев обязанность

поразмисліть в душі о другому несправедливому приговору, произнесённом девятнадцать веков тому назад над Иисусом Христом из Назарета и *пересмотреть Его процесс*. Речь молодого оратора вызвала шум: большинство стало в оппозицию ему, но немного нашлось и сочувствующих, открыто перешедших на сторону оратора. Начались горячие споры.

Весть об этом событии быстро разнеслась в еврейском населении не только Одессе, но и всего юга России, идея *пересмотра* (revision) суда над Христом с каждым днём приобретает многочисленных сторонников, главным образом, в среде молодых евреев, которые в еврейском мире подучили название *ревизионистов*.

А.Я. Дородницын

**Библиография // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6.
С. 335–347**

**Четвериков С., свящ. [Рец. на:]: Новая попытка
обновления человечества. С. 335–346**

(«К лучшему будущему» Н. Н. Неплюева).

II.

2-ая глава статьи «к лучшему будущему», напечатанная в февральской книжке «Недели», озаглавленная «Опыт дела любви». В этой главе Н. Н. Неплюев рассказывает, как зародилась в нём решимость отдаться тому делу, которому он служит вот уже 17 лет, в чём заключается это дело, и какое оно имеет значение для всего человечества. Дело это – воспитание детей в привычках устойчивой любви и подготовка их ко вступлению в братство трудовое.

«С раннего детства, говорит Н.Н. Неплюев, я носил глубоко в сердце религию любви и был в некотором смысле фанатиком любви... Любить было для меня такой потребностью, что всё остальное казалось мне скучным, пошлым, мелким, низким, холодным, чёрствым, жестоким... В отсутствии любви я коченел, замирал, сердце наполнялось тоской и ужасом и жизнь становилась невыносимым, бесцельным страданием».

Потребность любви вызывала чувство веры.

«Всем существом я чувствовал, что кроме этого земного мира, есть мир иной, более естественный, более сродный природе души моей. В этот мир я верил бесконечно больше, чем в тот мир, который я видел глазами, но который для души моей был чем-то чуждым, призрачным, как тяжёлый кошмар, с которым помириться нельзя, от которого проснуться надо. И я погрузился в восторженную религиозность. Ежедневно, утром и вечером и подолгу молился, доходя в детской молитве моей до блаженства экстаза, когда я совершенно терял сознание земного бытия и всем существом своим чувствовал реальность причастия Высшей Любви. Каждый раз перед молитвой я читал Евангелие, и чувствовал, как свет любви со страниц святой книги тихим светом озаряет ум, нежной лаской согревает и утешает сердце».

С годами эта детская вера затмилась. Особенно губительно подействовало на неё сухое, мертвящее преподавание Закона Божия... «Вера представлялась мне не актом любви, а порождением робости и корысти. Затмилось понимание жизненного значения веры. На время я стал к ней совершенно равнодушным, перестал посещать храмы, перестал молиться, стыдясь что-либо выпрашивать у Того, сознание любви Которого было для меня заслонено мрачным

призраком недоступного величия и грозного могущества». Только долгим опытом и тяжёлыми нравственными страданиями Н.Н. Неплюев возвратил себе утраченную веру в «Бога-Любовь». И тогда он «ухватился за мысль отдать всю жизнь на воспитание детей народа в привычках любви, подготавливая для них возможность стройно организовать жизнь и все роды труда на основе Братолюбия». Эта мысль явилась в нём, как ответ и реакция на современное настроение человечества и как средство для исцеления его недугов.

«Современное человечество», говорит автор, «совершенно отрешено не только от привычек устойчивой, торжествующей любви, но даже от самого сознания её жизненного значения, закоренело в привычках страха и корысти, при твёрдой вере в разумность, силу и целесообразность власти тьмы». (курсив автора). Никакие внешние реформы не исцеляют его.

«Зло не в формах, а в живой правде настроения, в живой правде направления, воли» (курсив автора).

«Пока нет духовных привычек живой, торжествующей любви, нет возможности осуществить добро, ребячески наивно мечтать об его осуществлении. Только устойчивая и последовательная любовь и может водворить гармонию в душах и жизни... Пока миллионы людей не будут воспитаны в привычках устойчивой, торжествующей, последовательной любви, они не будут иметь в себе инстинкта единой, внутренней, не внешней дисциплины, живой правды сознательной, добровольной дисциплины любви» (курсив автора).

И вот, Н.Н. Неплюев посвятил себя воспитанию детей в привычкам взаимной любви, ведёт это дело в течение 17 лет, устроил пять школ с своеобразной системой воспитания и пришёл, по его словам, к самым благоприятным результатам: «постепенно школа духовно крепла, обращаясь в одну дружную семью, быстро ассимилирующую вновь поступающих... Грустные явления, бывшие прежде нормальными, стали исключением и грубые умом и сердцем люди, составлявшие прежде большинство, являются теперь чужаками, возмущающими нравственное чувство, любовь и совесть большинства».

Однако далеко не все воспитанники, по словам Н.Н. Неплюева, поддаются благотворному влиянию школы. Многие ожесточаются и уходят из школы, называя остающихся в ней лицемерами. Неплюев подробно останавливается на объяснении этого явления, находя, что животная природа некоторых людей слишком трудно поддаётся влиянию любви.

Окончившие школу становятся членами трудового братства: «в школах наших, возрастая в любви, возрастают и до дисциплины

любви, возрастают с тем вместе и до потребности единения в братолюбии. Таких людей, способных на дело любви, оказалось достаточно для того, чтобы стало возможным приступить к осуществлению этого дела в жизни. По выходе из школ наших молодые люди организуют рабочие артели для совместного, дружного труда на пользу общую. Молодые девушки с своей стороны образуют артели прачек, портних, молочниц. Все эти артели объединены в одно трудовое братство».

О своих дальнейших планах Н.Н. Неплюев говорит так: организовав все роды труда, входящие в сферу экономической жизни того имения, в котором братство основано, мы приступим при первой возможности к основанию профессиональных школ и организации филиальных отделений братства в имениях, принадлежащих нам в двух других губерниях – Петербургской и Нижегородской. Наконец, в одном из больших городов, всего вероятнее в Москве, как наиболее центральном, организуем торговую братскую артель и, таким образом, докажем возможность организации всех родов труда: земледелия, промышленности и торговли на братских началах, чуждых тех приманок корысти, которые обращают весь мир в одну биржу, на которой все борются за обладание богатствами и теми положениями, которые, при наименьшем труде, обеспечивают наибольший почёт и наибольшие выгоды».

В заключение главы автор говорит, что «организация трудовых братств должна принести человечеству, государствам, церквам, народам, богатым и бедным людям неисчислимые блага».

Между прочим, об обязанностях «церквей» относительно трудовых братств автор высказывается так: «всякая церковь признаёт себя хранительницей истины, правды и добра, хранительницей высочайшего идеала, в этом животворящий дух самого смысла и права её существования. Пока она не организует добро в жизни, пока она не предлагает верующим никакой определённой программы она не может иметь на жизнь никакого влияния. Именно это и констатируют неверующие, называя такую веру устарелой утопией, а верующих такой верой – фарисеями, лицемерами и ханжами. Поставить высоко знамя веры, доказать, что она и теперь живой светоч, способный удовлетворить умы и сердца, предлагая им заведомо высший идеал, гармонирующий любовь, разум и природу... доказать, что вера заключает в себе и самую разумную программу упорядочения жизни, организации добра – вот священная обязанность для каждой церкви, если она не хочет сделаться орудием низменных, своекорыстных целей».

Рассмотрим теперь содержание этой главы при свете учения Христовой Церкви.

И в этой главе, как и в предыдущей, обращает на себя внимание прежде всего то обстоятельство, что Н.Н. Неплюев решительно не замечает ни вокруг себя, ни в прошлой истории человечества ничего доброго, ничего светлого, ничего упорядочивающего и устраивающего жизнь... Он говорит: «современное человечество совершенно отрешено не только от привычек устойчивой торжествующей любви, но даже от самого сознания её жизненного значения, закоренело в привычках страха и корысти, при твёрдой вере в разумность, силу и целесообразность власти тьмы» ... Против столь решительного и сплошного осуждения человечества, мы горячо протестуем и прежде во имя Христианства, во имя Христовой Церкви!

Мы не понимаем, каким образом Н.Н. Неплюев может совершенно не замечать света Христовой Церкви в мире: но «свет во тьме светит и тьма не объяла его» (Ин.1:5).

Н.Н. Неплюев совершенно справедливо говорит, что зло на земле коренится в испорченности человеческого сердца. Никакие внешние перемены в общественном строе не дадут человечеству счастья, если не совершится внутреннего переворота в сердцах людей, если воля их из злой не сделается доброй. Но это и есть та именно истина, которая давно уже провозглашена Церковью. Ещё в Ветхом Завете св. царь Давид молился: «сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей!»

«Не уклони сердце мое в словеса лукавствия». О необходимости исправления сердца говорили св. пророки.

И что, наконец, важнее всего, Единородный Сын Божий для того именно и приходил на землю и воплотился, и пострадал, и воскрес, чтобы положить начало духовному обновлению человечества, оживить умершую грехом природу человека, восстановить в ней образ Божий во всей его первоначальной чистоте и святости.

И так, вот ещё с какого времени положено начало коренному перевороту и обновлению в душах человеческих и с тех пор это дело продолжается до нашего времени, совершается и будет совершаться до скончания века в православной Церкви.

Дело это совершается не человеческой силой, но благодатью св. Духа, Утешителя, посланного в мир Сыном Божиим, благодатью, действующею в Церкви, в её таинствах, уставах, богослужении, во всём её строе и порядке! А Н.Н. Неплюев только теперь хочет полагать начало делу духовного обновления человечества!

Миллионы людей испытали и испытывают на себе благотворное влияние Церкви – многие под благодатным воздействием её восходили до самых высоких степеней святости; иные, если и не восходили на такую высоту, то всё же, сколько могли, умели и хотели, освящались Ею, приобретали чистоту сердца, содеянные грехи омывали покаянием, вступали в таинственное общение с Господом, согревали душу свою до живого и искреннего чувства любви к Богу и ближнему.

И так, несправедливо утверждение Н.Н. Неплюева, будто с жизни и истории человечества только мрак и злоба, будто человечество совершенно закоренело к привычкам страха и корысти, будто «заря любви» только занимается! Человечество имеет в недрах своих источник христианского небесного света и тепла и этот источник – Христова Церковь, которая для человечества имеет такое же значение, как душа для человеческого тела.

Рассмотрим теперь ещё подробнее, каким именно образом совершается в церкви духовное обновление человека? Каким образом Церковь может влиять и влияет на человеческую душу? Мы будем руководствоваться при этом книгой епископа Феофана – «Путь ко спасению». В этой книге епископ Феофан рассматривает два случая духовного обновления: 1) когда духовно обновляется человек, ещё не совершивший сознательно греха, т. е. младенец и 2) когда обновляется духовно человек, обращающийся сознательно от греха к святости. Дверь, ведущая к обновлению первого рода, есть таинство св. крещения; дверь, ведущая к обновлению второго рода, есть таинство св. покаяния. О необходимости и значении таинства крещения в деле духовного обновления человека еп. Феофан пишет: «Крещение есть первое в христианстве таинство, содействующее человека христианина достойным сподобиться даров благодати и через другие таинства. Без него нельзя войти в мир христианский – сделаться членом Церкви... *Аще кто во Христе, нова тварь*, учит Апостол. Сей новой тварью христианин становится в крещении. Из купели человек выходит совсем не таким, каким входит. Как свет тьме, как жизнь смерти, так крещённый противоположен некрещённому. Начатый в беззакониях и рождённый в грехах, человек до крещения носит в себе весь яд греха, со всей тяготой его последствий... Крещение избавляет нас от всех зол. Внутри нас происходит исцеление греховной болезни и повреждения. Сила благодати проникает внутрь и восстанавливает Божественный порядок во всей его красоте... Почему крещение и есть возрождение или новое рождение, поставляющее человека в обновлённое состояние» ... («Путь ко спасению» стр. 19). Когда, таким

образом, в таинстве крещения совершится духовное рождение младенца в новую, святую жизнь во Христе, родителям, воспитателям и Церкви предстоит забота о дальнейшем правильном духовном его возрастании. «Через крещение в младенце полагается семя жизни о Христе и есть в нём; но она ещё как бы не его – действует как образующая его сила. Жизнь духовная, зарождаемая благодатью крещения в младенце, станет собственной человеку, явится в полном своём виде... с того времени, когда он, возникши к сознанию, свободным произволением посвятит себя Богу и желательным, радостным и благодарным восприятием усвоит в себе благодатную силу.

И до сего времени в нём действует жизнь истинно христианская, но как бы без его ведома, действует в нём, а есть ещё как бы не его; с минуты же сознания и избрания она становится его собственной, не благодатной только, но и свободной.

По причине более или менее продолжительного промежутка, времени между крещением и посвящением себя Богу, начало христиански-нравственной жизни через благодать крещения в младенцах расширяется, так сказать, на неопределённое пространство времени, в продолжении коего младенец зреет и образуется в христианина в св. Церкви среди христиан, как прежде телесно образовался в утробе матери...

Понятно само собою, что после крещения младенца очень важное дело принадлежит родителям и восприемникам: так вести крещённого, чтобы он, пришедши в сознание, сознал в себе благодатные силы, с радостным желанием восприял их, равно как и сопряжённые с ними обязанности и требуемый ими образ жизни» (Там же, стр. 24). «Всё внимание тех, на коих лежит обязанность блюсти в целости принятое из купели дитя-христианина, должно быть обращено на то, чтобы никак не допустить опять возобладать над ним греху, всячески подавлять сей последний и обессиливать, а направление к Богу возбуждать и укреплять. Должно сделать, чтобы такое настроение в растущем христианине росло, хотя по чужому руководству, но самодеятельно, чтобы он более и более привыкал преобладать над грехом и одолевая его ради богоугодия, привыкал так употреблять силы духа и тела, чтобы это было не работа греху, а служение Богу... Цель, к какой всё при этом должно быть направлено, состоит в том, чтобы сей новый человек, пришедши в сознание, сознавал себя не человеком только, существом разумно-свободным, но вместе лицом, вступившим в обязательство с Господом, с Коем соединена неразрывно его вечная участь и не только сознал себя таким, но и находил себя способным

действовать по сему обязательству и видел в себе преимущественное к тому тяготение» (стр. 24).

Как же воспитать в младенце такое настроение духа, утвердить в нём отвращение ко греху и стремление к богослужению?

Непрестанным воздействием на младенца Церкви и церковности и добрым примером, и влиянием родителей. «Прежде всего внимание останавливается на младенце в колыбели, до пробуждения в нём каких-либо способностей. Младенец живёт; следовательно, можно влиять на его жизнь. Здесь приложимы св. Тайны, за ними вся церковность; и с ними вместе вера и благочестие родителей. Всё сие, в совокупности, составит спасительную вокруг младенца атмосферу. Всем сим таинственно «наитствуется» благодатная жизнь, зачатая в младенце. Частое причащение св. Христовых Таин (можно прибавить: сколько можно частое) живо и действенно соединяет с Господом новый член Его, через Пречистое Тело и Кровь Его, освящает его, умиряет в себе и делает неприступным для тёмных сил... Большое влияние имеет на детей частое ношение их в церковь, прикладывание к св. Кресту, Евангелию, иконам, накрывание воздухами; также и частое поднесение под иконы, частое осенение крестным знаменем, окропление св. водой, курение ладаном, осенение крестом колыбели, пищи и всего прикасающегося к ним, благословение священника, приношение в дома икон и молебны; вообще всё церковное чудным образом возгревает и питает благодатную жизнь дитяти и всегда есть самая безопасная и непроницаемая ограда от покушения невидимых тёмных сил, которые всюду готовы проникнуть к развивающейся только душе, чтобы своим дыханием заразить её. При этом видимом охранении есть невидимое: Ангел хранитель, Господом приставленный к младенцу с самой минуты крещения. Он блюдёт её, своим присутствием невидимо влияет на него и в нужных случаях внушает родителям, что надо сделать с находящимся в крайности дитящем.

Но все эти столь крепкие ограды, эти сильные и действительные наития может разорить и лишит плода недоверие, небрежность, нечестие и недобрая жизнь родителей... Потому дух веры и благочестия родителей должно почитать могущественнейшим средством к сохранению, воспитанию и укреплению благодатной жизни в детях...

Начавши такое устройство от колыбели, должно уже продолжать его потом и во всё время воспитания: и в детстве, и в юношестве.

Церковь, церковность и св. Тайны – как скиния для детей, под коей они должны быть неисходно.

Примеры показывают, как это спасительно и многоплодно. Даже одним этим могут быть заменены, как и заменяются не без успеха, все средства воспитания. Древний способ образования в этом преимущественно и состоял. (Стр. 27, 28.). Мы не будем останавливаться на дальнейших подробностях церковно-христианского воспитания детей, как изображено оно в книге еп. Феофана, не будем говорить о том, каким образом родители должны бороться с грехом, стремящимся овладеть душой ребёнка, каким образом они должны поступать в отношении к физическому воспитанию ребёнка, к пробуждающимся силам души – уму, чувству, воле и т. д., так как все эти подробности слишком бы расширили размеры нашей статьи... «Если в таком порядке воспитание человека с первых лет», говорит в заключение еп. Феофан, «то мало-помалу будет разоблачаться перед ним характер, какой должна иметь его жизнь, больше будет привыкать он к мысли о том, что на нём лежит обязанность от лица Бога и Спасителя нашего – жить и действовать по Его предписаниям; что все другие дела и занятия ниже их и уместны только в продолжение настоящей жизни; и что есть другое место жительства, другое отечество, к которому и надобно устремлять все свои мысли и все свои желания». (Стр. 45).

Таков путь нормального возрастания в атмосфере Церкви христианского настроения в душе человека, омытой от греха в таинстве св. крещения и ещё неосквернённой добровольными грехами. Но так-как только немногие проходят этим нормальным путём, так как у большинства благодать св. Духа, полученная в св. крещении, заглушается вследствие отсутствия последующего церковно-христианского воспитания и грех проникает и овладевает душой их, то для таких открывается новый путь духовного возрождения – в таинстве св. покаяния. Как это совершается, как пробуждается в душе желание оставить грех и посвятить себя Богу, как воздействует при этом на него благодать Божия, как человек внимательным самоиспытанием обнаруживает в себе всю глубину грехов своих, как он совершенно очищается от них в таинстве покаяния, как соединяется затем с Господом в таинстве причащения и как постепенно возрастает в нём и укрепляется святая богоугодная жизнь, об этом еп. Феофан подробно рассказывает во 2 и 3 отделах своей книги, но мы не имеем возможности подробно передавать их содержание, да и без того мы уже достаточно ясно показали, как совершается в Христовой Церкви обновление и воспитание человеческой души. Таким образом, повторим ещё раз, жизнь человечества не так безотраднa, как это представляется Н.Н. Неплюеву. Господь сам воспитывает человека и,

как в Ветхом Завете руководил его жизнью, так и в Новом Завете воздействует на него через Свою Церковь, через весь её благодатный порядок жизни. Поистине, было бы ужасно допустить, что в прошлом человечества существует один только хаос, мрак и злоба и что дело обновления людей и воспитания их в «устойчивой любви» начинается только с нынешнего дня. Допустить это – значило бы отвергнуть христианство, отвергнуть заботу Божию о спасении и искушении человеческого рода, отвергнуть Промысл Божий! Вот к каким ужасным последствиям и заключениям приводит непонятное ослепление Н.Н. Неплюева!

Рассмотрим теперь его собственный «опыт дела любви», в котором он видит «зарю царства любви», забывая, что для человечества давно уже взошло само *солнце Правды* в ту памятную и спасительную ночь, когда ангелы воспели песнь: «Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение!» Рассмотрим его постольку, поскольку сам Н.Н. Неплюев рассказывает нам о нём, – действительно ли в нём отпечатлелся дух христианской любви и действительно ли он имеет внутренний залог прочности своего существования?

Прежде всего мы позволим себе остановиться на настроении духа Н.Н. Неплюева, так как оно несомненно сообщается и его воспитанникам и отражается на всём его деле. Можно ли назвать это настроение христианской любовью? Хотя Н.Н. Неплюев и говорит, что он «с детства носил в сердце религию любви», что «он был в некотором смысле фанатиком любви», но желать любви, искать её, нуждаться в ней ещё не значит иметь любовь. И действительно мы видим, что Н.Н. Неплюев не только не любит *всякого* человека, но тяготится обществом людей, в которых не видит любви, более того, он «духовно коченеет» в нём, оно «доставляет ему невыносимые страдания». И даже теперь, «на склоне лет своих», он не может привыкнуть к таким людям; по-прежнему они «леденят ему душу» и общение с ними «доставляет ему страдания». Ему легко и отрадно только с любящими. Но такова ли истинная любовь? Истинная любовь – любить всех без различия; она не находится в зависимости от качеств окружающих людей, она изливается из благонастроенного и исполненного благодати Божией сердца и подобна милосердию Отца Небесного, «Который повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных». Любовь, которая любит только достойных любви, которая делает различие между людьми, – не есть истинно христианская любовь. Но если, таким образом, в самом исходном пункте «опыта дела любви» Н.Н.

Неплюева, в самом настроении последнего, нет духа истинно христианской любви, то может ли быть проникнуто этим духом всё его дело? Далее – из опыта Церкви мы знаем, что настроение христианской любви к Богу и к ближнему приобретается не легко, и главное не приобретается само собой, независимо от других, христианских чувствований души. Притом, приобретение любви требует большой осторожности и опытности, так как легко принять за христианскую любовь ложные чувства, не имеющие ничего общего с истинной любовью и являющиеся лишь призраком любви. Любовь есть дар Божий, но этот дар изливается только в подготовленное сердце и нельзя получить его, не положив самого основания христианской жизни. Основанием же христианской жизни является отвержение греха и мира по слову апостола: «не любите мира, ни того, что в мире», и жажда жизни для Бога. Только на этом основании могут утвердиться все христианские чувства души, а вместе с ними и христианская любовь. Из «опыта дела любви» Н.Н. Неплюева мы не видим, что бы в его школах и братстве полагалось именно это основание христианской жизни, чтобы там исходным началом жизни было отвержение мира и решимость посвящать себя Богу. А потому и та «устойчивая любовь», которую стремится насадить Н.Н. Неплюев, не может быть истинной любовью, чистой, глубокой и искренней. Любовь, не основанная на возненавидении греха, на решительном стремлении к святости и непорочности, не выросшая на почве сердца, многократно очищенного самоосуждением и покаянием, не воспитанная всем строем и духом благодатно-церковной жизни, и высокими примерами её подвижников, – такая любовь может пребывать лишь на поверхности сердца, заключаться более в словах, нежели в делах. Она не одушевит сердце самоотвержением, не увлечёт его на подвиг добра и не даст внутренней силы побеждать свои греховные наклонности. В лучшем случае она окажется лишь внешней благовоспитанностью, проявится в отсутствии грубых слов и поступков, не затрагивая самой глубины сердца; в худшем же случае она может выродиться в пустое лицемерие, прикрывающее высокими словами самые низменные расчёты. Имеющее такую любовь, братство не может явиться животворной общественной силой. Его «любовь» не помешает ему любить то самое «смакование сладких пирожков», руководствоваться теми самыми «корыстными расчётами», против которых вооружается и на которые негодует Н.Н. Неплюев. Имея такую «любовь», братство может оказаться и своекорыстным землевладельцем, промышленником и торговцем, и вести борьбу из-за своего материального обогащения со своими конкурентами на «жизненной

бирже», а по отношению к своим наёмным служащим и рабочим может оказаться таким же холодным и равнодушным хозяином, как и всякий другой предприниматель и, может быть, даже худшим, так как будет видеть в них «сынов мира сего», «представителей власти тьмы» и опасаться, как бы доброе отношение к ним не показалось «изменой делу братства», «позорной уживчивостью со злом». И всё это тем более возможно, что будет оправдываться интересами «дела братства», перед которыми должны умолкать всякие иные соображения.

Что касается внутренней жизни братства, то здесь его «устойчивая любовь» не оградит братство от несогласий, разлада и распрей, от борьбы самолюбий и тщеславий, от ухода отдельных членов и даже от совершенного распада, ибо всё это преодолевается только той крепкой и глубокой любовью, которая начинается отречением от греха, воспитывается постоянным вниманием к себе, укрепляется надеждой на будущую жизнь, питается всем благодатным строем и духом Христовой Церкви, при живом духовном союзе с отошедшими от земли и ещё живущими на ней истинными членами Церкви, и не может быть отвергнуто никакими уставами, никаким материальным обеспечением. Отмеченные нами слабые стороны в опыте дела любви Н.Н. Неплюева являются лишь результатом того основного недостатка его мировоззрения, вследствие которого он не замечает живущего в мире добра, не видит благодетельной деятельности Христовой Церкви и не сознаёт необходимости подчиняться её опыту в деле христианского созидания душ. В заключение рассматриваемой нами главы Н.Н. Неплюев говорит: «всякая церковь признаёт себя хранительницей истины, правды и добра, хранительницей высочайшего идеала; в этом животворящий дух самого смысла и права её на существование. Пока она не организует добро в жизни, пока она не предлагает верующим определённой программы, она не может иметь на жизнь никакого влияния... Поставить высоко знамя веры, доказать, что она и теперь живой светоч, способный удовлетворить умы и сердца... доказать, что вера заключает в себе и самую разумную программу упорядочения жизни, организации добра – вот священная обязанность для каждой церкви, если она не хочет сделаться орудием низменных, своекорыстных целей».

Мы не знаем, о каких именно церквях говорит здесь автор. Но снова спросим – неужели он не знает, что на земле существует истинная Христова Церковь и что Она всегда устроила и будет устроить добро на земле и что только добро, Ею устроенное, есть несомненное и вечное добро; всякое же иное добро лишь постольку

причастно истине, поскольку оно причастно духу Церкви. «Я есть истинная виноградная Лоза, а Отец Мой Виноградарь. Всякую у меня ветвь, не приносящую плода – Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода... Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе, так и вы, если не будете во Мне. Я есмь Лоза, а вы ветви. Кто пребывает во Мне и Я в нём – тот приносит много плода, ибо без Меня не можете делать ничего. Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь и засохнет, а такие ветви собирают и бросают в огонь и они сгорают». (Еван. Ин.15:1–6).

Эти слова, сказанные Господом Иисусом Христом о Себе, Главе Церкви, вполне применимы и к Церкви, Телу Его.

Если же Н.Н. Неплюев думает, что в настоящее время даже и Христова Церковь получает своё жизненное значение в зависимости от устрояемого им трудового братства, то поистине нельзя не подивиться той самонадеянности, с какой он вселенское, бесконечное дело Церкви, или, лучше сказать, дело Божие подчиняет случайному делу организованного им братства! Было бы благоразумнее, скромнее и благотворнее сознать, что само дело организации трудовых братств может быть крепко только своею связью со вселенской Церковью, как всякий плод крепко своей связью с деревом, на котором он вырастает и которого соками питается.

Священник Сергий Четвериков
(Продолжение будет).

Добротин Г. [Рец. на:]: К. О. де-Скроховский. Начало конца римского католицизма папства, С.-Петербург. 1900 г. 153 стр. Цена 1 руб. С. 346–347

В своей брошюре г. де-Скроховский обсуждает одно из выдающихся явлений религиозной жизни западноевропейских народов, живо и глубоко интересующих современное общество и современную русскую и иностранную печать. Явление это – более и более развивающееся стремление католического духовенства запада к отложению от папства и католицизма. Движение это находится теперь в той стадии своего развития, которая является весьма грозной для векового создания римских первосвященников; оно имеет за себя глубокие основания и потому настолько жизненно и могуче, что его папство едва ли будет в состоянии одолеть.

Противная панству настроенность католического духовенства, с замечательной силой проявляется в произведениях иностранной литературы, в отзывах и статьях, помещённых в различных органах иностранной печати и, наконец, в отдельных исповеданиях своей веры духовных лиц, принадлежавших сначала к церкви римской, а потом отпавших от неё. По свидетельству автора, в католическом клире западных государств чувствуется какая-то усталость, тоска, стремление к преобразованию, к первобытному христианству, к обновлению в Евангелии и через Евангелие. Так, напр.. группа католического духовенства, основавшая в Париже с 1-го октября 1897 г. собственный журнал «Le Chrétien Français» (Французский христианин), с целью евангелической реформы католицизма, заявляет в этом журнале следующее: «Мы все священники – белое духовенство, монахи и члены разных орденов. Мы все, одни уже выступившие из римской церкви, другие, ещё находящиеся в её лоне и под её иерархической властью, хотим религиозной реформы, обновлённого католицизма, такого христианства, какое было учреждено апостолами, единственными подлинными толкователями проповеди Иисуса. Папство является для нас не более, как человеческим учреждением, достойным уважения, – если оно захочет отречься от прошлого, полного заблуждений и догматических измышлений, достойных отвержения, – если оно не будет коснеть в гордыне своих противных христианству привилегий. Единство – зло, если оно зиждется на развалинах любви и единения в Иисусе Христе, оскверняя таким образом святая святых, святыню совести» ...

По мнению автора, такая настроенность католического духовенства не составляет случайного или неожиданного явления во время новейшее. Она имеет, между прочим, тесную связь с движением, зародившимся в 1868 г. в католической среде Англии и направленном к объединению с православной Церковью.

Печатные отзывы католического духовенства о церкви римской и папстве, а равно и исповедание веры отдельных членов этого духовенства, противное учение католической религии и всей организации церкви римской и составляют главное содержание рассматриваемого нами сочинения. Все эти отзывы и исповедания свидетельствуют о стремлении католического духовенства к массовому и бесповоротному отторжению от римской курии, а изображённые в них глубокие религиозно-нравственные и политические мотивы этого факта невольно приводят читателя к убеждению, что героическая эпоха католицизма окончилась и если он в настоящее время может существовать, то только при помощи дипломатии, хитрости, уступок и соглашений. Ватикан видимо рушится; от него несёт запахом трупа и, конечно, безумны мечты людей, думающих, что из этой гробницы, в которой тлеют трупы, может возникнуть дух, способный оставить общество.

Рассматриваемое сочинение представляет из себя в общем выдающийся интерес и потому мы рекомендуем его для прочтения всякому образованному человеку.

Г. Добротин

Рабочий-проповедник. Я ехал на империале конки¹⁹⁰, по загородной местности Петербурга. Поместившийся около меня сосед мой сильно меня заинтересовал. С виду это был простой мастеровой, каких в Петербурге многие тысячи. Малая особенность в нём была, пожалуй, та, что физиономия его выглядела довольно чистой, свежей и производила впечатление некоторой порядочности, хотя костюм был типичный: с заплатами и без всякой претензии на чистоту и опрятность. Дело началось с того, что он, перекрестившись, начал петь «Господи воззвах» на пятый глас. Я с любопытством посмотрел на него и решил не удивляться особенно, так как привык считать жителей столицы людьми очень религиозными; к тому же здесь имеется несколько церковных хоров, состоящих преимущественно из любителей простецов. Однако дело пошло далее. Певец окончил и «да исправится», вынул затем из кармана небольшой молитвослов и, не смущаясь обращённым на него со всех сторон вниманием, продолжал далее стихиры с запевами. Голос его был тихий, подчас сиповатый, но пение было безупречно правильное и умилённое, слышна была молящаяся душа. Пассажиры притихли прислушиваясь, иные перекрестились. Я не мог выдерживать все более и более тяготившего меня любопытства и, улучив удобный момент, спросил певца, где он научился так хорошо петь. «В церкви» – слышался краткий ответ и, развернув молитвенник на новом месте, певец хотел продолжать своё наслаждение далее. Я не знал, чем заинтересовать его, и уже терял надежду на продолжение с ним разговора, но всё-таки, собравшись с духом, решил продолжать приступ до конца.

- Я тоже бываю в церкви, сказал ему, а петь так не умею.
- Мало бываешь, плохо внимаешь.
- А ты псаломщиком где-либо состоишь? вновь спросил я.
- Нет, псаломщиком не состою, а в церкви бываю часто, стою, слушаю, поют и я за ними, когда голосом, когда желанием.
- Странно, сказал я, слушать мне это; по-видимому ты мастеровой, обязан, стало быть, целый день стоять на работе, в церковь, следовательно, ходить некогда, кроме разве воскресного и праздничного дня, да и то не всегда.
- По благодати, данной в мале мне, ежели ты понимаешь, отвечал мне собеседник, и я, подобно Апостолу, имею некое желание разрешиться и со Христом быти, разрешиться от хотения плоти; и с

этим желанием я могу гораздо более Богу молиться, чем работать мамоне. Я не пью, не курю, а на кусок хлеба заработать не долго. И не заработаю так не скорблю, день терплю – хвалю Бога, другой – без куска сижу – славословлю Господа. Ты думаешь: хлебом единым жив человек, – прочитай Писание. Душевен ты, и не поймёшь, а может и засмеёшься, если скажу, что голодным-то я лучше себя чувствую, душе легче в небеса уходить и сладость такая бывает в молитве, что о еде и не думаешь. Ну, конечно, без еды нельзя, да мало только на это нужно. Ежели случится, что взалчу, а хлеба и денег нет, – меня знают многие, приду, попрошу, дадут, сколько хочешь. Я не прошу, как нищий, я работник исправный и на фабрике отказа в работе не имею: заработаю – отдаю, у кого что просил, если кто обратно не берёт, не моя копейка, – нищему, на храм отдаю.

После такой тирады я сразу узрел, что мой собеседник если и простец, то простец особого рода. Взор его глубоких голубых глаз, твёрдость речи свидетельствовали, что под этой невзрачной наружностью скрываются и чувство глубокое, и ум развитой.

– Ты – начётчик, сказал я, Писание знаешь.

– Умудряет Господь неуча, отвечал собеседник. По милости Божией понимаю кое-что и таланта в землю не зарываю, служу и Богу, и немощной братии.

– Какой?

– Иже рекут ся мудрии быти, а сами объюродеша. Всякие тут есть: и старообрядцы глаголемые, и пашковцы и иудей попадётся. Говорю с каждым по сердцу, от Евангелия и не без плода беседа бывает.

– Ты, значит, миссионер?

– Не миссионер, а собеседник, по благодати, данной мне возложением рук архиерейских.

– Не ладно говоришь, возразил я. Я хорошо знаю, что возложение рук архиерейских бывает в нашей церкви только в случаях поставления архиерея, священника и диакона, а ты мирской человек.

– Да, я мирянин, сказал собеседник, но сподобился благодатного возложения рук архиерейских, а если ты хочешь знать, как это случилось, то слушай. Меня знает хорошо священник N (тут он сказал имя очень популярного в Петербурге протоиерея). Я однажды присутствовал при архиерейском служении в его церкви и, вот, по окончании службы, он подвёл меня к выходившему из алтаря преосвященному и сказал: владыко, вот человек, ревностно проповедующий истину слова Божия всем неправомыслящим, помолитесь о нём, да укрепит его сила Божия. Владыка милостиво воззрел на меня, приблизил к себе и, возложив руки, помолился, а я

смирению в эту минуту также просил Господа укрепить мою ревность о славе имени Его и о спасении заблуждающихся и, так как вся возможна верующему, то и я верую, что укреплен благодатью на предстоящий мне подвиг святого ратоборства. Вот какая у меня благодать.

– Ну и что же, с успехом благовествуешь?

– Да, просветляет Господь мои очи. Вот, смотри, там идёт человек с длинными волосами, он – мирской, на нём жилет и рубаха, а волосы носит длинные. Видишь?

– Вижу, сказал я, заметив в толпе действительно странное явление: – мужчину, с ниспадавшими на плечи волосами, которого по виду можно было считать кучером, или подрядчиком.

– Ну, что же ты на это скажешь? вопрошал собеседник.

– Станный человек, – ответил я.

– В чём же эта странность? Как ты на эту странность смотришь?

– Странно, да больше и ничего.

– Больше ничего и не видишь? А я вижу. Странен не вид его: наши духовные ещё страннее, а душа его странная, нечистая, вот что я вижу. Бесчестие есть мужу власы растить, сказал бы я ему. Зачем растишь? В душе его червь особый сидит, точит его мысль, хочет от других отличенным быть. Дух гордыни тут есть и не оправдается он. Я его знаю, и он меня боится, говорить со мной не хочет, и зде студ ему, потому, если он знает почему творит и если то, что творит, свет есть, – взнеси, объясни, не стесняйся; ежели же он не изъясняет, стало быть, тут дело тьмы, она света боится. Может быть он и наставником состоит поповцам ли, беспоповцам, мало ли их, я не знаю, но действовать ему тут я не даю и присных своих по вере предостерегаю, говорю, что в одежды овечьи человек рядится не по праву, значит не доброе замышляет.

– А ты разве неподалёку здесь живёшь, спросил я, на что последовал утвердительный ответ с указанием адреса.

– Ну, господин, протайте, желаю вам доброго здоровья, – вот в эту улицу мне нужно пойти, сказал он и поспешно сошёл с конки, въезжавшей уже в шумные улицы города.

Блажени, ихже Господь предуведе, предустави и призва быти тако верующими во имя Его! подумал я вслед своему интересному собеседнику, оставлявшему по себе впечатление какого-то видения.

Н. Беренский

* * *

Маршрут в древле-православное «Беловодье». С давних времён раскольники воздыхали об «Опонском» царстве, где-то на «акиян-

море», как месте сохранения древнего благочестия. Немало нафанатизированных сумасбродов пыталось ходить туда, а хитрые составляли целые маршруты. С появлением, так называемой, Беловодской иерархии, толки, было замолкнувшие, о православии где-то далеко, в неведомой стране, опять появились. Появились снова и маршруты туда. Вот один из них найденный в избе одного крестьянина села Благодатного, Рыльского уезда, Курской губ., и представленный в нашу редакцию священником Е. Зубаревым.

«Список надлежащий о святых монастырях, где святейший патриарх и митрополит, по Христову словеси: «Аз есмь с вами во вся дни до скончания века» неложно обещаюся; и Кирилла Иерусалимский свидетельствует: до Христова пришествия будет в полности (иерархия); живу жертву (Господь) возмет пречистыми своими руками».

«Поход от Москвы: на Казань, на Екатеринбург, на Тюмень и на Кинской, на Барнаул, на Набенской Верх, по реке Бутуне и на Красный Яр – и деревня есть, а тут есть часовня, и деревня Устюба. Тут спросить странноприимца Петра Кирилова. И здесь есть пещер множество, от пещер снеговые горы; оные горы на 300 вёрст. От Адама лет стоят в своём виде, никогда снег не тает. А за горами деревня Умонское, в той деревне есть часовня и обитель; настоятель инок схимник Иосиф. От той обители есть ход 40 дней с роздыхом через Китайскую землю и 4 дня Куканией, потом во Опонское государство и во Ассирию. Тамо живут в губе акияна моря и – место, называемое Беловодие, и озеро Лоб; на нём есть 70 островов, а острова по пяти сот вёрст, и между их – горы и вертепы, расселины земные и леса тёмные. И тамо живут о Христе подражателей множество: во ассирийских христианах святых соборных церквей до ста; и святейший патриарх – отец Иоанн и 3 митрополита. И оные бежали из своей земли, были гонимы от папы римского, а отлучились до 500 лет и более. И приискивали им места два старца таким же путём. И ещё там же живут Христовы подражатели, и у них же церквей 40 и монастыри, и митрополит есть, и весь священнический чин и иноческий в полности существует: занялись от ассирийского патриарха, а отлучились от своих мест в лето от Никона патриарха гонимы. А проход их был от Зосимы и Савватия соловецких чудотворцев, кораблями через лядовитое море (!); таким же образом посылали приискивать от Зосимы и Савватия».

«Прошу покорно, христолюбцы, прямым образом без всякой лести, тамо антихриста не может быть и не будет. Грядите по словеси Иоанна Богослова, якоже рече во Апокалипсисе; за женою испусти змий воду, и поможе земля жене и расседся и пожре воду, сиречь веру

христианскую, и парит в пустыню, и питана будет время времен и полвремени – 42 месяца, дондеже приидет Христос судити живых и мертвых. Видно есть и будет. Аще еретицы и толкуют, но противно Христу, и не познают пришествия Христова. И аще были бы тии ассириане и китайцы христиане, то бы ни едина душа не погибла. Веру имите, любимицы, неложно обещаю словеса сия, но праведно верующим во Христа».

«Сей памятник писал, сам там был, так и писал, имя многогрешное инок Михайла. И в Москве о сём мне выдаваны афишки, 10 дня».

* * *

Новое Кишинёвское Православное Христо-Рождественское Братство. 28 декабря 1899 года, после божественной литургии и молебствия, совершённых преосвященнейшим епископом Иаковом в Кишинёвском кафедральном соборе, в сослужении с преосвященнейшим Аркадием, викарием Кишинёвской епархии, состоялось открытие Православного Христо-Рождественского Братства. Давно уже настояла нужда в этом Братстве. Мысль об учреждении его была высказана ещё в 1895 году Кишинёвским миссионерским комитетом. С приездом же в Кишинёв его преосвященства, преосвященнейшего Иакова, сочувственно отзывающегося на всякие благие начинания, надежда на учреждение Братства у ревнителей православия оживилась. И действительно, тотчас после приезда своего в Кишинёв в начале 1898 года его преосвященство решил осуществить давно лелеемую многими мысль. По распоряжению Владыки был составлен устав Братства, который и утверждён его преосвященством 18-го декабря 1899 года.

Открытое ныне Братство намечает себе цель двоякую: во 1-х, содействовать религиозно-нравственному просвещению Кишинёвской паствы в духе православной Церкви и вместе с тем предохранять её от заражения расколом и сектантством; во 2-х, заботиться об ослаблении и искоренении духовными мерами раскола и сектантства и вместе с тем содействовать укреплению в православии новообращённых из раскола и сектантства. Та и другая цель и важна, и вполне осуществима. Для осуществления своих целей Братство наметило меры духовно-просветительного характера. Вот они: учреждение библиотек с читальнями при них, открытие при библиотеках книжных складов для продажи книг и брошюр по дешёвой цене или даже, если позволят средства, для безмездной раздачи, открытие вне-богослужебных собеседований и чтений о предметах веры и поддержание существующих церковно-приходских школ и

открытие новых. Кто из просвещённых людей не одобрит всех этих прекрасных мер для религиозно-нравственного просвещения народа!

* * *

Московские собеседования со старообрядцами. В Москве, в новой аудитории, что на Рогожской при Сергиевской церкви, каждое воскресенье происходят собеседования со старообрядцами. Председательствует на них викарный епископ Парфений. Слушателей собирается более тысячи, в том числе весьма много раскольников. Собеседниками со стороны раскольников выступали раза два известные начётчики Усов и Мельников; всегдашним собеседником в нынешнем году является некто Дегтерев, человек довольно толковый, деликатный и начитанный. Со стороны православных собеседуют известные пастыри – расколоведы о. Соболев, Максимов, миссионер о. Мина и о. Марков. К огорчению почитателей досточтимый о. Иоанн Виноградов уже несколько месяцев тяжело болеет. В собеседовании 30 января принимал участие редактор нашего журнала В. М. Скворцов.

Март

С. Е. 3. Долг истинного миссионера // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 357–359

(Из келейных бесед приснопамятного о. архим. Павла Прусского со своими учениками-миссионерами).

Чтобы не званием только, но самым делом быть миссионером, нужно много потрудиться над собой, чтобы непокорную свою волю подчинить воле Божией. Тернист и труден этот путь, много препятствий, много преград на нём. Но, по заповеди Господа, тесным путём и должен идти миссионер, посвятивший себя сему служению. Кроме трудности служения, кроме бедности, а иногда и обременения семейством, бывают ещё беды от лже-братии. Многие ищут только того, что угодно себе, а не того, что – Христу Иисусу. И ныне есть и лукавые Иуды, и Понтии Пилаты, продающие и распинающие Господа Иисуса в теле Его – Церкви. Один выкрал из церкви древле-писанные иконы, древле-печатные книги, продал их раскольникам, заменив новыми; другой угождает раскольникам, живя на их счёт, тайно служа им и сообщая о всяком действии миссионера, и научая их искушать миссионера всеми возможными и невозможными средствами; третий, завладев чужой собственностью, кощунственно ставит на вид миссионеру то, что он – миссионер и, как таковой, должен все прощать; иной – раб и льстец, и наветчик злой, и т. п.

На всё нужно иметь истинно христианское терпение; на всё нужно смотреть с любовью христианской, со смирением, с надеждой на Бога, богато воздающего прибегающим к Нему. Всё нужно делать не спеша, осмотрительно, с призыванием на помощь Бога; во всём должна быть выдержка; при всём должна быть молитва и призывание пресвятого имени Господа Иисуса. Сами беседы миссионера должны иметь характер не сварливый, а кроткий христианский, должны быть убедительны, влиятельны на сердце. Не должно привлекать раскольников на беседы полицейскими мерами, ни тем паче судиться за грубые их слова, памятуя кроткого Спасителя нашего, пострадавшего за нас смертью поносной и ужасной, и оставившего нам пример. Не должен раздражаться дух миссионера при виде полноты нечестия раскольников, и что они живут и преуспевают. Не должен он, если служит в единоверческом приходе, смущаться тем, что предпочитают ему другого раскольничающего попа, обращаются с ним грубо, натянуто, придерживаются всего беспоповщинского, начиная с хомового пения, а уповать на Избавителя, имеющего отвратить нечестие даже от ветхозаветного Израиля. Он не только

слова, по и мысли не должен подавать к поруганию благочестия. Но должен учить народ со страхом Божиим, с напоминанием о суде и о воздаянии за все дела наши. Не себя он должен проповедовать, а Христа Иисуса, и с сварливыми не должен тщетно препираться: важно представить доказательства, которых нет у раскольников. Он должен быть по совести тружеником, и – что особенно важно, – в тяжёлый день, когда пошлая толпа называет его сумасшедшим, не унывать, а утешать себя чтением Священного Писания.

Но самое главное – миссионер должен быть не слушателем только высочайшей заповеди Спасителя, а исполнителем её на деле: *любите врагов ваших, благословляйте проклиняющих вас, благотворите ненавидящих вас, и молитесь за обижающих вас и гонящих вас; да будете сынами Отца вашего небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных.*

Вот высочайший долг миссионера! вот высочайший верх добродетели христианской! Вот для чего учил Спаситель не только терпеливо сносить заушение, но и подставлять правую щеку; не только вместе с рубашкой отдавать кафтан, но и две версты идти с тем, кто принуждает пройти одну. Но всего того выше – не почитать врагом того, кто причиняет тебе обиды: его нужно не только не возненавидеть, но и возлюбить; не только не проклинать, но и молиться за него. Таким образом, не должно начинать обиды, а обидевшему не только не делать того, что ты потерпел от него, но и оставаться спокойным, и – отдавать более, нежели сколько хочет взять причиняющий обиду, и не ненавидеть его, а даже любить его, благодетельствовать ему и молиться о нём Богу. Какая высота любомудрия! Но зато блистательна и награда. Воздаяние исполнителям этой заповеди Спаситель обещает такое, какого не соединял ни с одной из заповедей. Он обещает им не землю, как кротким, – не утешение и помилование, как плачущим и милостивым, – не царствие небесное, как нищим духом; но, что всего удивительнее и чуднее, обещает, что они будут подобны Богу, сколько это возможно для человека. Посему лучше терпеть всякие обиды и презрения для Бога, нежели у сильных мира сего быть в почтении. И нимало не должно заботиться о суждениях человеческих, но должно во всём показывать истинное любомудрие и по оному устроить жизнь свою (по Златоусту).

Итак, вот кем должен быть миссионер – истинным христианином! Таким образом он и заблудших обратит на путь истины и ещё здесь будет предвкушать блага небесные и иметь спокойствие и мир душевный. Потому-то Господь и называет иго своё благим и бремя

своё лёгким. И так заповедует Он, да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего небесного.

С. Е. 3.

Ивановский Н.И., проф. Внутреннее устройство секты странников или бегунов // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 360–376

(Две публичные лекции, читанные 12 и 19 декабря, в пользу Братства св. Гурия).

Старообрядческая беспоповщинская секта бегунов давно известна и в науке, и в обществе. Обнаружение её относится к 1852 году, – хотя возникла она за 70 лет перед этим, в царствование императрицы Екатерины II. Основателем её был некто Евфимий, из Переяславля, уклонившийся из православия в беспоповство, но потом, не найдя в нём удовлетворения частью честолубивым, частью же фанатическим своим стремлениям, разошёлся с ними и образовал особую секту, отличавшуюся крайними выводами, основанными на беспоповщинском учении об антихристе. Первые сведения, ознакомляющие с учением Евфимия и характеризующие его последователей, были напечатаны в изданных в Лондоне Кельсиевым «сборниках сведений о расколе (1860–63 г. г.)», а впоследствии появились в печатных мнениях и отзывах московского митрополита Филарета¹⁹¹. На основании этого материала, а ещё более, самых дел о странниках, возникших при самом их открытии и хранящихся в министерском архиве, в 1872 году появилось исследование об этой секте Розова, – бывшего вице-директора и потом директора департамента, – помещённое в Вестнике Европы. Нужно сказать, впрочем, что исследование это касается почти исключительно внешней стороны. – За последние 25 лет появлялось не мало журнальных статей и заметок о секте странников, из коих наибольшее внимание останавливают: статья Вескинского (по настоящей фамилии Вишнякова), помещённая в журнале «Православное Обозрение» (1864 г. кн. 8), теперь уже не существующем, и сообщения обратившегося из бегунской секты Николая Касаткина, напечатанные в журнале «Братское Слово» (за 1875 г. кн. 4 и 1876 г. кн. 2-я), также прекратившемся.

Вследствие появления лет 17 назад подозрений относительно существования у бегунов душительства, под именем «красной смерти», производившихся по сему в казанском окружном суде дел и возбуждённого означенными подозрениями общественного интереса, в 1881 году мы читали о бегунах публичную лекцию в Казани.

На основании всех этих данных, теперь хорошо известен вполне противообщественный характер секты. Мы знаем, что бегуны возвели в принцип бродяжничество без всяких узаконенных видов, а также и

укрывательство беспаспортных; знаем, что не только православную церковь они исповедуют находящуюся под властью антихриста, но и государство со всеми его учреждениями считают антихристианским, почему и с последним разрывают всякую связь: – не подчиняются никаким существующим властям, считая их иконой апокалипсического зверя – антихриста (Откр.13:15), – не несут никаких общественных повинностей, живут скрытно, в каком-то особом мире, точно в другом царстве. То, по их понятию, – «Божий мир», в отличие от «мира сатанинского», в котором мы живём и в котором вместо благоверных, – «зловерные», вместо благочестивых, – «злочестивые», вместо священников, – «лютые демоны», вместо благочинных, – «злочинные», вместо попов, – «пустопопы», вместо благородных, – «злородные», вместо праздников торжественных, – «праздники табельные, сиречь табачные», Поэтому, они и только они одни, суть истинные христиане, «рабы Христовы». При этом как бы забываются ими и их настоящие имена и фамилии, – с памятованием и употреблением только отчества, так как рождены были в антихристовом мире, от язычника – некрещённого, чего избежать уже нельзя, – при перекрещении они получают новые, «христианские» имена, им только, в их обществе известные, а нам делающиеся известными только из пятых, или десятых уст. Наконец, они отрекаются и от мест своей родины, «не имея zde пребывающего града». Они «из граду *Вышняго*, из стану *Пустыннаго*, из деревни *Нечкина*. А отпустил их странствовать *Великий Господин Бог*, имя Ему Сый, и паспорт им прописан в *полиции* полной, иметь разум духовный»¹⁹², или, по новейшей редакции, открытой недавно в Костромской губернии, – «дан паспорт из града Бога вышнего, из *Сионской полиции*, из *Голгофского квартала*; приложено к сему паспорту множество невидимых святых отец рук, еже бы бояться страшных и вечных мук. Дан паспорт на *один век*, а явлен в *части* святых и в *книгу* животну под *номером* будущего века записал»¹⁹³.

Всё это нам известно. Но доселе очень мало было известно внутреннее устройство общества бегунов и бытовая их сторона. Как они живут, какие в этом «Божьем царстве» порядки, как и чем эти порядки поддерживаются, сплачивая этот бродячий мир в одно целое, какими он располагает материальными средствами, откуда эти средства берутся, как и по чьему велению распределяются, где, наконец, в каких неведомых местах находится это враждующее против нас царство и как и чем соприкасается оно, – если только соприкасается, – с действительным государством, в котором и они на самом деле живут?.. Всё это и подобное сему в большей, или меньшей

точности не было нам известно, а если что и было известно в обрывках, то не было, как следует, освещено. Густая завеса скрывала от наших глаз положение и устройство тёмного бегунского царства и мы возможности не имели приподнять её.

В настоящее время, благодаря присоединению к православной церкви в самом конце 1897 года последовательницы страннического согласия, 19-ти летней теперь девицы Елизаветы Аполлоновой, – по усыновлению Беляковой, – 12 лет, т. е. с 5 летнего возраста жившей в обществе бегунов, знакомой с его устройством, порядками и обычаями и занимавшей в нём видное положение уставщицы и миссионерши, – мы получили возможность приподнять эту завесу и видеть, что за люди живут среди нас и около нас, но в тоже время люди нам неведомые и очень от нас далёкие, увидеть их для того, чтобы определить и свойство наших к ним отношений не церковно-миссионерских только, но и общественно-гражданских. Вот почему, – не во имя простого любопытства, а по побуждениям гораздо более серьёзным, мы и решаемся нарисовать картину быта этих людей, дабы и те, кому вверено блюсти спокойствие церкви и интересы гражданского порядка и благоустройства, а равно и все члены нашего общества могли знать, с кем им приходится иногда встречаться.

Ещё несколько предварительных сведений и замечаний. 1) В науке довольно давно известно, что это царство мнимо – «истинных христиан», самомненных «рабов Христовых», разделилось уже на ся¹⁹⁴, распалось на четыре общества: – статейников, противостатейников, безденежников и брачных. По известности, наибольшей распространённости и по выдающемуся влиянию наставников наиболее выдвигается первое общество, к которому принадлежала и упомянутая присоединившаяся, и наша речь главным образом будет о нём. О других обществах, где придётся, будем говорить только попутно.

Происхождением своим это общество обязано хорошо известному в истории бегунства наставнику Никите, до перекрещения Меркурию Семенову, родом из Ярославской губернии, из Арефинской волости графа Дмитриева Мамонова.

Меркурий Семенов находился в бегах с молодых лет; в 50 годах он был уже в числе наставников, «управлял церковью» т. е. сектой, «был ревнителем по Евфимию и изящным поборником его». С 1854 году он был задержан полицией и предан суду за сектантство и бродяжничество; при следствии он обнаружил «необычайную начитанность» и прямое сознание, что «многим, подобным себе, он преподавал учение по своей вере»¹⁹⁵. По решению суда он был сослан

в Соловецкий монастырь, но оттуда успел бежать и более 30 лет после этого был самым видным бегунским наставником. Много непорядков усмотрел он как в управлении бегунов, так и в нравственном их поведении, и возымел мысль исправить это. В 60 годах Никита составил статьи, – числом 84, касающиеся, главным образом, управления обществом, а частью и порядков жизни.

Этими статьями он создавал нечто в роде иерархии у бегунов. Во главе всего общества должен стоять главный наставник, – как бы патриарх, – которому должны подчиняться все другие наставники. За ним следуют наставники больших областей или городов, – как бы епископы; в меньших обществах наставники в роде пресвитеров. Были учреждены при этом и другие должности по управлению, например: экономы, духовники и т. п. Таким образом, всё общество получало стройную организацию. Вместе с тем явились и более строгие требования относительно жизни. Рядовые бегуны разных полов должны жить отдельно и только наставникам разрешалось иметь прислугу женского пола, необходимую для приготовления пищи. Так как звание главного наставника Никита усвоил себе, то, естественно, нашлись недовольные его статьями. Эти недовольные обвиняли Никиту в любоначалии, уподобляли его патриарху Никону, а новосоставленные статьи – Петровским указам и отделились от него. Первый открытый раскол с Никитой произвели три старика – наставника: Иван Васильев в Вологде. Мирон Васильев в Пошехонье, и Осип Семенов около Ярославля. – Безденежники существовали уже раньше этого. Они были не согласны с другими за принятие денег, на которых изображён государственный герб. Но так как без денег жить нельзя, то безденежники просят денежную милостыню, им подаваемую, принимать вместо себя других, своих благодетелей – странноприимцев и купить на них, что нужно, – за что и благодарят их, как послуживших им «Бога ради». Это значит, по меткому замечанию одного православного писателя (архимандрита Павла Прусского): «благодарю тебя, что ты за меня принял печать антихриста». – Брачные явились позже, в пределах Каргополя. Они стали вести супружескую жизнь и рождать детей.

2) В пределах Казанской губернии бегунство появилось лет сорок назад (точный год неизвестен). Занесено оно к нам из Ярославля молодым тридцатипятилетним наставником Семёном Александровым. Приехав в Казань, он остановился в доме известного купца Кулакова. По воспоминаниям других и с их слов обратившаяся в особой тетрадке, писанной ещё до присоединения, – о деятельности Семёна Александрова в Казани рассказывает так: «он начал рассеивать своё

учение на всех проходящих, каждый день ораторствовал и составлял беседы, а более всего имел состязания с поморскими, которые сильно на него негодовали. Послушать эти состязания приходили многие и из окрестностей города и оставались довольны его научением» ... Но мы должны прервать интересный по содержанию её рассказ о появлении бегунства в Казани, дабы не отвлекать слишком далеко внимания читателя, и в надежде изложить его особо. Заметим только, что в ряду последователей нового проповедника оказался крестьянин села Мамонина, Казанского уезда, Николай Аполлонов, человек зажиточный, грамотный, любивший читать книги, усердный до того времени к прав. церкви и уважавший духовенство. Александрову своей проповедью удалось склонить Аполлонова в бегунство и последний, распродав своё имущество, был перекрещён с именем Кирилла. Была также соведена и перекрещена его дочь Аксинья, молодая тогда ещё девушка и названа Екатериной. Из жителей г. Казани соведены были Кулаковы: муж и жена. Купец Кулаков, перекрещённый в бегунство, умер в конце 60 годов в сокрытии, хотя в собственном доме. Жена его только заявила полиции, что муж неизвестно куда скрылся, хотя знала, что он дома в секретной комнате. Похоронен он в известном месте, по бегунскому обряду. Это было на нашей уже памяти, в первые годы нашего служения в академии. – Ходила тогда молва, что Кулаков был сожжён в печи; про эту молву помнят ещё и теперь казанские старожилы из бывших членов Богоявленского причта, в приходе которого – и теперь дом наследников Кулакова. Жена его Прасковья Зиновьевна лет 20 назад ушла в бега и перекрещена с именем Пелагеи. В 1890 году она была задержана близ села Уртема, Царевококшайского уезда, на водяной мельнице. Так как при задержании она не пожелала объявить своё имя и звание, то отправлена была в царевококшайский тюремный замок. Там она назвала себя и доставлена была в Казань, в свой дом; но отсюда скоро опять скрылась и, где теперь находится и жива ли, неизвестно. – Были в то время, о котором говорим, и другие последователи бегунства, так что в Казани образовалось уже целое общество бегунов, – хотя и немногочисленное, которое и управлялось какими-то тремя стариками. В это время и вышли статьи Никиты, которые и здесь породили раздор. Никита лично приезжал в Казань, сменил своих противников, а означенного Кирилла Аполлонова поставил единственным правителем и наставником. Противники Никиты были подавлены, а его приверженцы – статейники получили силу. В 1871 году Аполлонов был захвачен полицией, предан суду за распространение бегунства и сослан на Кавказ, где и умер. После него

наставником был определён некто Савва Онисимов, из беглых солдат, – очень видное теперь в бегунстве лицо.

Так бегунство появилось и утвердилось в наших пределах и имеет в настоящее время немало последователей и притонов в пригородных слободах: Адмиралтейской, Ягодной, в Пороховской слободке и во многих деревнях Казанского и Царевококшайского уездов

После сделанных замечаний приступим к выполнению принятой задачи, к разъяснению намеченных вопросов.

I. Географическое положение и места жительства бегунов.

С. 367–374

Первый вопрос – о географическом положении, какое занимают странники, и о местах их жительства.

Неведомое царство бегунов очень обширно. Конечными его пунктами служат пределы Каргополя и Вологды на севере, и Томска на востоке; срединными, более известными местами являются губернии Ярославская, Костромская, частью Тверская, Новгородская и Владимирская, около г. Шуи, Семеновский уезд Нижегородской губернии; далее на восток Казань с упомянутыми уездами и частью Самара, ещё далее: Сарапульский и Яранский уезды, Вятской губернии, пределы Перми, Оханска, Тагила и Тюмени. Но в уездах Шуйском, Яранском и Оханском живут более противостатейники, в Каргопольском уезде имеются брачные, в Томских лесах скрываются и безденежники. Столицей статейников служит Ярославль, столицей противостатейников – Томск.

И означенное поименование городов и уездов не может быть совершенно точным и указывать на сами места, в которых бегуны проживают. Эти места, за редкими исключениями, совершенно неизвестны, или мало известны. Можно только догадываться и, пожалуй, признать по особому устройству те дома, в которых они находят приют. Живут они на всём указанном пространстве, переходя или переезжая с места на место; на одном месте живут месяц–два, или несколько более, редко около года, вследствие особых обстоятельств. Такая постоянная перемена места вытекает из основной мысли основателя бегунства, – хотя, как увидим ниже, требование это значительно ослаблено и заменено простым понятием сокрытия. Рядовых перекрещенных бегунов держат большей частью вдали от родных мест, чтобы прежние связи и знакомства не повредили им и лучше приучили бы забыть прежний дом. Существует даже нечто, в роде правила, чтобы ранее 10 л. после перекрещения не позволять жить в местах родины, а разрешать только некоторое время погостить. По окончании же десятилетнего странствования многих поселяют и оставляют надолго в этих именно местах, в тех видах, что если остались там родные и знакомые, то они могут уже сами повлиять на них и распространять между ними своё учение.

Дома, в которых бегуны проживают, находятся или на окраинах городов, или в больших селениях в тех местах, где надзор полиции слабее и затруднительнее. Эти дома устраиваются так, чтобы на

случай полицейских осмотров можно было скрыться в самом доме или убежать куда-нибудь. Поэтому внутреннее устройство таких домов до чрезвычайности замысловато и до бесконечности разнообразно. Нам лично приходилось видеть не мало таких домов в пригородных слободах Казани и в деревнях Старом и Новом Мазикове, Царевококшайского уезда. В этих домах мы видели разные входы и выходы; скрытые лестницы около глухих стен, едва заметные дверки, ведущие в секретные помещения, видели комнаты на чердаках, особого устройства подполья, целый лабиринт разных закоулков, массу разных лёгоньких пристроек и чуланчиков, в стойлах домашнего скота тоже разные для сокрытия приспособления, с выходами на крышу. Расскажем из всего виденного хотя один случай. При осмотре одного дома в деревне Мазикове, в кухне, против русской печи на стене висела посудница, с чашками и ложками. По неосторожности, мы задели её рукой; посудница покачнулась и все обратили на это внимание. Приподняли посудницу и в стене заметили какую-то подозрительную щель. Оказалась замаскированная дверка, а за дверкой – лестница, ведущая наверх. Поднялись по лестнице и вошли прямо в устроенную на чердаке комнату, в которую другого входа не было. Ясно, что если посудницу прикрепить к стене гвоздиками и замаскировать дверку понадежнее, то этой комнаты никто не обнаружил бы. Это и было бы, без сомнения, сделано, если бы на верху кто-нибудь находился.

Кроме того, что сами видели, о многом мы читали не только у разных писателей, но и в официальных документах. Передадим находящееся в судебном следствии показание исправника Царевококшайского уезда, относительно расположения комнат в двух домах д. Мазикова, Феодора Андреева и Максима Степанова. «В сенях дома крестьянина Феодора Андреева, – показывал свидетель – исправник, – усмотрено несколько дверей и тёмных коридоров, которые соединены между собой выходами в задние, нежилые постройки дома, на улицу, на чердак дома, где помещаются кельи и в подполье. На чердаке дома, соединённом с сенями, устроено несколько удобных комнат или келий, разделённых друг от друга перегородками. Все эти кельи соединены незаметными для постороннего глаза дверями. Проходы из одного помещения дома настолько замысловаты, что не поддаются описанию. Замысловатая распланировка входов и выходов даёт полную возможность преследуемому человеку скрыться, ибо в то время, как лица, осматривающие дом, будут находиться в одном проходе, преследуемая личность будет находиться в другом, параллельном

первому, а затем может свободно идти на улицу, очутившись позади преследователя... В доме крестьянина Максима Степанова есть моленная, за перегородкой моленной устроена келья, удобная для житья богомольца, из которой прорублен в полу ход в тёмный чулан нижнего этажа, откуда свободный выход на двор и на улицу».

Но при этих выходах на двор и на улицу есть возможность оценить стражей весь дом. И вот ловкие люди изобретают новые, невиданные нами и ещё малоизвестные способы укрывательства в самих домах. Вот, например, в стене тонкая из досок заборка; между капитальной стеной дома и жилой комнатой образуется таким образом пространство, так что человеку можно в нём стоять. Вход в это замаскированное пространство устраивается так, что выдвигается одна доска в переборке, но которая – неизвестно, или если стена оклеена обоями, то приподнимается одна доска в полу, под карнизом, и получается, так или иначе, ход в пространство между стен; тут, спрятавшись между стенами, и выжидают ухода полиции. Ясно, что долго тут быть нельзя. Но были случаи, что за этой перегородкой в тесном пространстве между двух стен, простаивал около суток. Раз, при осмотре полиции в доме оказался неизвестный покойник – бегун, которого не успели похоронить, – над ним читала псалтирь молодая 10-летняя келейница. Дело было днём. Не успела прочитать она и одной кафизмы, как вбегает «видовая» и сообщает о появлении полиции. Читальщица скрылась за описанной перегородкой. К покойнику был приставлен полицейский караул и читальщица так и простояла за перегородкой до следующего утра, боясь кашлянуть, или чихнуть, чтобы её не услышали, страшно мучилась там жаждой, но должна была терпеть и вытерпела. Только на другое утро, когда покойника увезли и полиция удалилась, она вышла из своего добровольного заключения, едва держась на ногах, но утешаясь мыслью, что гонение потерпела за Христа, – хотя о гонении никто и не думал. – Вот, по истине, «тамо убояшася страха, идеже не бе страх», и вот что может создать преисполненная фанатизмом фантазия! – Иногда плотно к стене приставляют кровать; под кроватью же устроят в стене лазейку, через замаскированную дверку; лазейка ведёт или в подземелье, или куда-нибудь под крышу, через разные замысловатые ходы; где-нибудь под крышей, на чердаке и устраивается комната, неимеющая другого хода. В некоторых пристанодержательствах у людей богатых устраивается особое на пружинах кресло. Когда пружина не прикреплена снизу особым крючком, то всякий, кто на него сядет опускается вниз, под пол, к особо устроенной в самом низу стены дверке, через которую легко скрыться. Когда сидящий в кресле

сойдёт с него, то кресло поднимается само собой. Действие пружины можно прекратить, заложив снизу особо приспособленным крючком, так что кресло когда поднимается в комнату, спускаться уже не будет, хотя бы кто и сел на него. Практиковался прежде спуск под пол, через приподнятую половую доску; но теперь этот способ уже не употребляется по следующей причине. Раз, в Казани, в доме упомянутого Кулакова, лет 20–25 назад одна женщина, поспешившая спуститься в отверстие, образуемое приподнятой половицей, не успела подобрать сарафана, так что конец его оказался прищемлённым опущенной половой доской. Можно представить себе положение беглянки, прибегнувшей к такому способу сокрытия. Полиции не стоило труда обнаружить это. – Женщина эта впоследствии была бегунской игуменьей в Казани и недавно умерла, а место её и заняла вышеупомянутая дочь Николая Аноллонова¹⁹⁶. В подпольях теперь тоже очень редко скрываются вследствие того, что этот способ сокрытия очень стал уже известен, так что явилось даже название «поднольников». Правда, и теперь в любом бегунском доме можно находить открытые, т. е. ничем не замаскированные больших размеров подполья, но они или устроены уже давно, или же, если и теперь делаются, то, действительно, для хранения припасов, которых вместе с мирскими держать и нельзя, и неудобно, или часто – просто для отвода глаз полиции, а иногда, наконец, и с той целью, чтобы не успевшие скрыться в других местах, могли найти убежище и в подполье, спустившись в оное через особый ход из других комнат, когда полиция успела уже подполье осмотреть. – Она прежде всего на нём и останавливается, (хотя, конечно, не всегда), так как ход в подполье находится обыкновенно в первой же от входных дверей комнате и скорее всего бросается в глаза. Раз весной, лет 9–10 назад, так и скрылись в подполье, более, чем на половину наполненном водой, две старухи и одна десятилетняя девушка пробыв там около двух часов, пока производился осмотр. – Это происходило в нашем присутствии. Старухи отделались благополучно, а последняя заполучила разные простудные болезни, которые с трудом поборол молодой организм, но которые всё-таки оставили заметную глухоту и повторяющиеся временами приливы крови к голове. И в последнем случае подполья составляют зимние только убежища; летом же чаще всего бегут на подволоки, где в потолке и в крышах приподнимаются известные доски, чтобы, поднявшись на крышу, можно было спуститься в пустое место, на зады дома или в поле. Можем при этом заметить, что бегать по крышам и спускаться с них бегуны большие мастера. Раз один какой-то старик бегун, по засвидетельствованию полицейского

чиновника, в Ягодной слободе так и скрылся из глаз полиции, перебегая с крыши на крышу. В деревне Новом Мазикове мы сами видели приспособления для этого со двора, где положен был толстый обрубок к низко опущенной крыше соседнего строения, а далее крыши разных построек почти соприкасались одна с другой.

Все описанные и другие подобные приспособления к укрывательству на языке бегунов называются «уборкой».

Некоторые из бегунов, – старые и больные – уходят иногда в леса, живут там в землянках, где и умирают, трупы же их долгое время остаются непогребёнными. Этот уход в леса считается особого рода подвигом и практикуется по преимуществу у противостатейников. Случалось, что трупы таких покойников были открываемы лесниками или кем-либо другим. 25 октября 1890 года, в 12 верстах от г. Царевококшайска, в лесу открыта была пещера и в ней труп человека, одетый в крестьянский кафтан, на ногах – лапти. Признаков насильственной смерти не было усмотрено. Личность умершего так и осталась неизвестной, но судя по обстановке, в коей найден труп, можно с несомненностью утверждать, что это – труп бегуна.

В тоже время в Царевококшайских лесах было найдено ещё несколько других трупов тоже неизвестных людей. Наконец, в тех же лесах была открыта дочь крестьянки деревни Трубок, Яранского уезда, Вятской губернии, Ирины Семеновы Мошковой, Анна, вместе с больной своей матерью. Она объяснила, что живут они в лесу с целью спасения, чтобы умереть праведницами, что мать её пищи уже не принимает, хотя брат её и приносит пищу.

II. Счисление у бегунов. С. 374–376

Мы описали места жительства бегунов. Но спрашивается: как велико их число, сколько жителей в этом неведомом царстве?

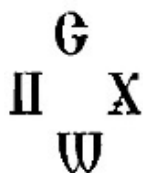
Если можно было обстоятельно рассказать про способы укрывательства бегунов, то количество их, хотя бы в приблизительной точности, нам неизвестно. Но это не значит, чтобы сами они не знали сколько их: – настоящих перекрещенных, и сколько видовых и жилых (термины эти будут объяснены в своём месте).

Дело в том, что в самом обществе бегунов ведётся своё счисление, в некоторых отношениях совершенно точное и постоянное. Счисление это подводится под три разряда. 1) Всех перекрещенных знают по свидетельствам о их крещении. Свидетельства эти пишутся крестителем, подписываются крёстным и крёстной и отсылаются в главное управление статейников, в Ярославль. Там эти свидетельства прилагаются к делам и хранятся. О смерти их или об отступничестве также сообщается местными наставниками. 2) Второй разряд оглашенных «видовых», приготовленных к крещению, счисляется таким образом. По приёме их в келью, в которой они живут ещё по паспортам, наставник записывает их в особую запись, о чём также сообщает, кому следует, в Ярославль, где они опять вписываются в соответствующую книгу. 3) Труднее всего считать жилых последователей бегунства, т. е. живущих открыто в своих домах или на квартирах. Но и здесь существуют записи. Именно: когда кто-либо прямо заявит наставнику, что он их последователь, то его и всех семейных также записывают и также сообщают о них в главное своё управление. Но если бы кто-либо из таковых изменил свои убеждения, то о них сообщается по истечении года.

Трудно счесть только, так называемых, христороубцев, т. е. людей сочувствующих бегунству, но ещё прямо не сделавшихся его последователями. Таковых в каждой области не менее, чем и «жилых».

При помощи таких сообщений и записей и ведётся общее счисление, так что заправители бегунства во всякое время знают, как велико число его последователей. Свидетельства о крещённых, а равно и все сообщения другого рода посылаются, так сказать, официально, с гербовой печатью. Гербом бегунов служит изображение голубя. Печать с таким гербом имеется у всех наставников¹⁹⁷. В числе отобранных при осмотрах в разных домах вещей находится и

небольшая такая печатка. С одной стороны на ней изображён голубь, а с другой буквы:

, расположенные крестообразно.

Буквы по продольной линии **С** и **Ш** означают имя и отчество бывшего областного наставника в Казани Саввы Онисимова, буквы по линии поперечной – имена крестителя и духовника. В каких случаях употребляется одна сторона печати и в каких другая, и употребляются ли обе вместе, т. е. прикладываются обе печати, – того нам не пришлось узнать.

Проф. Н. Ивановский

(Продолжение следует).

Темномеров А., свящ. Заблуждения рационалистического сектантства в вопросе о последних судьбах человека // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 376–390

Учение о последних судьбах человека во всех религиях представляет конечный вывод из основных положений вероучения и обычно отражает на себе все существенные особенности взгляда на отношение Божества к человеку и человека к Божеству. Но, если это можно сказать о религиях вообще, то в христианских вероисповеданиях и сектах такое отношение вопросов эсхатологии¹⁹⁸ к целому религиозной системы сказывается самым наглядным образом. Воскресение и сопутствующий ему суд с облачением одних и осуждением на вечные мучения других – не случайные события в домостроительстве нашего спасения, но представляют собой завершение искупительной деятельности Христа Спасителя, такие факты, без которых само искупление было бы тщетным (1Кор.15:13–17).

Воскресение есть ничто иное, как *искупление всемогущей силой Божией тела нашего* (Рим.8:23) от следствий грехопадения первого человека, так что в самом искуплении мы можем различать две стороны – освобождение души от уз властвующего над нею греха, совершающееся для истинно верующего здесь на земле, и освобождение тела от следствий грехопадения, что имеет совершиться в воскресении. Обе эти стороны тесно связаны между собой, потому что, как смерть Адама была следствием его греха, так и воскресение Христа обуславливалось Его совершенной праведностью, и как через Адама смерть распространилась на всех его потомков, так через Христа всему человеческому роду будет даровано бессмертие. Столь тесная зависимость между грехом и смертью с одной стороны, оправданием и воскресением с другой, делает вполне понятным для нас то обстоятельство, что последователи наших сект с протестантским характером, расходясь с православной Церковью в вопросе об оправдании, не согласны с нею также и в учении о посмертной судьбе человека. В этом отношении особенно обращают на себя внимание три пункта: учение о воскресении первом, о свободе верующих от суда и отрицание степеней блаженства и мучения.

Надо заметить при этом, что об означенных предметах с большей охотой рассуждают только ирвингиане и адвентисты¹⁹⁹, которые ставят себе в особенную заслугу выяснение пророчеств, относящихся к событиям, связанным с вторым пришествием Господа; что же

касается пашковцев, то они по большей части стараются уклониться от прямого и подробного раскрытия своих взглядов на эти вопросы. «Не верующему это не может быть ясным, но уверуйте и тогда Дух откроет вам всё, о чём только попросите». – говорят они и потому всегда переводят разговор на свои излюбленные темы. Нерасположение их к вопросам эсхатологии объясняется отчасти, конечно, тем, что и сами они, обращая всё своё внимание на учение об оправдании верой и на полемику с православными об обряде, мало занимаются раскрытием указанных вопросов; но главная причина кроется, по-видимому, в том, что они чувствуют свою слабость в этих пунктах, хотя в этом и не сознаются. По слову Апостола, учение о воскресении и суде принадлежит к «начаткам учения Христова» (Евр.6:1–2), к тому словесному «млеку», которое должно быть предлагаемо верующим вместе с прочими основными истинами веры (1Кор.3:2 ср. 15, 1 и дал.), а потому представляется весьма важным как для истинных сынов православной Церкви, так и уклонившимся от неё в различные секты, апологетическое изъяснение учения Слова Божия об одновременности воскресения мёртвых, всеобщности последнего суда и о различии степеней блаженства праведников и мучения грешников. При обличении заблуждений мы будем иметь в виду главным образом учение секты – ирвингиан по первому вопросу и пашковщины по второму и третьему, хотя нужно заметить, что и все прочие протестантствующие сектанты (молокане, штундисты и пр.) по основным своим взглядам настолько тесно примыкают к пашковщине,²⁰⁰ в сущности той же штунде, что считают себя членами одной, невидимой (в смысле не имеющей никаких видимых признаков) Церкви.

Под именем воскресения первого разумеют телесное воскресение избранных святых, имеющее будто бы совершиться раньше всеобщего воскресения мёртвых. Само название такого воскресения «первым» заимствовано из Откр.20:4–6, – место, которое, строго говоря, не имеет себе параллельных в целом Писании и представляет большую трудность для понимания, вследствие пророчески-образного характера речи: *и увидел я престолы и сидящих на них, которым дано было судить, и души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, которые не поклонились зверю, ни образу его, и не приняли начертания на чело своё и на руку свою. Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет. Прочие же из умерших не ожили, доколе не окончится тысяча лет. Это первое воскресение. Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом. Над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа, и будут*

царствовать с Ним тысячу лет. Основываемое на этих словах учение о первом воскресении находило себе защитников уже в древней Церкви. В новейшее время оно было принято некоторыми протестантскими богословами и от них, без сомнения, усвоено нашими сектантами, слишком привязанными к букве Писания, чтобы понять таинственный смысл речи Тайнозрителя. Как в приведённых словах Апостола, так и у всех защитников первого воскресения, с ним самым тесным образом соединяется мысль о тысячелетнем царствовании воскресших святых со Христом в продолжение тысячи лет (хилиазм). Более подробное раскрытие той и другой мысли основывается, впрочем, не на писании, а представляет плод личных мечтаний представителей хилиазма; на Писании пытаются основать только ту общую мысль, что первое воскресение и следующее за ним тысячелетнее царство святых действительно будут. Единственным доказательством этого служат собственно только приведённые слова из Апокалипсиса; но стремление доказать, что мысль об особенном по времени воскресении праведников не была чужда и прочим священным писателям, заставляет видеть указание на воскресение первое ещё в некоторых местах Писания. Так сюда относят ответ Иисуса Христа саддукеям, в котором говорится «о сподобившихся» достигнуть воскресения мёртвых ([Лк.20:35](#)), а также слова Апостола Павла: *все почитаю тщетой... я от всего отказался и всё почитаю за сор, чтобы приобрести Христа... чтобы достигнуть воскресения мёртвых* ([Флп.3:8,11](#)). Стремление Апостола иметь участие в воскресении, равно как и представление его в словах Господа особенным преимуществом некоторых, дают повод находить здесь указание на воскресение первое, так как, – рассуждают защитники этого учения, – если бы было одно всеобщее воскресение, то невозможно было бы говорить о «сподобившихся» достигнуть воскресения, незачем было бы и стремиться к нему. Ту же мысль находят в тех местах Писания, где воскресение определяется, как такое, в котором могут иметь участие только праведники, напр. [Ин.5:29](#) – воскресение жизни, [Лк.14:14](#) – воскресение праведных, [Деян.4:2](#) – воскресение во Христе, [Евр.11:30](#) – лучшее воскресение. Более же определённое подтверждение слов Апокалипсиса находят в XV гл. 1 послания к Кор. Апостол, уверив своих читателей в истине всеобщего воскресения словами: *как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут*, прибавляет далее: *каждый в своём порядке, первенец Христос, потом Христовы, в пришествие Его. А за тем конец, когда Он передаст царство Богу и Отцу, когда упразднит всякое начальство и всякую власть и силу* ([1Кор.15:22–24](#)). Здесь, – говорят,

– Апостол различает по времени воскресения три класса людей. Прежде всех воскрес Христос, как начаток воскресения; затем следуют те о которых можно сказать, что они Христовы. Они воскреснут тотчас, как явится Христос, на что указывают слова: *в пришествие Его*. Третий класс обнимает всех прочих людей, на воскресение которых указывает выражение: *за тем конец*, так как уничтожение смерти через воскресение всех остальных людей в нетленных телах будет последним действием борьбы Христа с врагами Его царства.

Рассматривая указанные места, нельзя прежде всего не заметить, что ни одно из них не подтверждает прямо слов Тайнозрителя о воскресении *первом*. Они относятся сюда защитниками этого учения или только потому, что в них не упоминается о воскресении грешников, или потому, что в них проводится мысль о самом резком различии воскресения жизни и воскресения осуждения. Но первое обстоятельство объясняется тем, что Писания даны обществу верующих, которое рассматривается священными писателями, как общество святых, и потому, говоря о будущем воскресении, они часто имеют в виду исключительно воскресение праведников, совершенно умалчивая о воскресении грешников. Точно такой же смысл имеют и те выражения Писания, в которых воскресение представляется, как особое преимущество избранных и цель стремлений человека. Если Апостол говорит, что он стремится достигнуть воскресения мёртвых, то отсюда следует тот вывод, что или не все люди воскреснут, или что воскресение будет не для всех одинаково по своим следствиям, но никоим образом не вытекает, что будут воскресения, разделённые известным периодом времени. Если мы, отвергнув первое изъяснение, как совершенно противное всему Писанию, решительно утверждающему всеобщность воскресения, остановимся на втором, то мысль Апостола представится в таком виде: я все считаю суетой и от всего отказался, чтобы достигнуть того блаженства и славы, какие доставит праведникам воскресение. В дальнейшей речи воскресение и соединённые с ним блага характеризуются Апостолом, как «почесть вышнего звания во Христе Иисусе» (Флп.3:14), поэтому конечный предмет желаний Апостола нужно усматривать не в самом воскресении, во всеобщности которого он уверен, но в достижении этого «вышнего звания», которое будет уделом не всех людей, но, как победный венец, достанется на долю «подвизающихся подвигом добрым» до конца своей земной жизни (2Тим.4:8). Только при таком объяснении слов Апостола мы можем понять, почему он, будучи уверен в обладании вечной жизнью (напр. Гал.2:20) тем не менее, забывая заднее и простираясь вперёд, целью своих стремлений и

подвигов имеет воскресение: он знает, что воскресение, будучи по своему существу одним для праведников и грешников, бесконечно различествует по своим следствиям для тех и других, соответственно степени приближения их к высшему совершенству.

Более трудное для изъяснения место из послания к Кор., но и в нём не содержится никаких данных для учения о воскресении первом. *Каждый в своём порядке*, (по-греч. ἑκαστος ἐν ἰδίῳ τάγματι) одними изъясняется в смысле временной последовательности воскресения, другими же как указание на порядок достоинства. Τάγμα собственно может значить то и другое, но в данном случае ему совершенно не приложимо значение порядка времени. В самом деле, если мы примем, что при воскресении для «каждого» человека будет определён особый момент времени, то получится мысль весьма странная и столь же мало благоприятствующая учению об одном всеобщем воскресении, как и о двух, потому что даёт представление об одном, но совершающемся непрерывной цепью восстаний умерших. В виду явной несообразности такого толкования слов Апостола мы должны признать, что он говорит здесь не о порядке времени, а о различном достоинстве воскресших. Так как выше он сказал, что во Христе все оживут, а эти слова могут дать повод к мысли, что все воскресшие будут жить во Христе духовной жизнью, то он прибавляет: *каждый в своём порядке*, т. е. что, хотя все воскреснут во Христе, но воскресение будет иметь для каждого различные следствия.

Правда выражение: *потом Христовы, в пришествие Его* прямо говорит о временной последовательности в воскресении, именно: сначала воскрес Христос, как Совершитель нашего спасения и Глава человеческого рода, при пришествии же Его, восстанут и «Христовы», но только это указание на различие воскресения по времени и можно извлечь из разбираемого места. При этом, если мы для выяснения, кого Апостол называет «Христовыми», обратимся к предыдущему стиху: *во Христе все оживут*, то будем иметь возможность понимать под ними всё человечество, возглавленное во Христе; если же будем ограничивать это понятие только праведниками, то не найдём здесь никакого упоминания о грешниках, что, впрочем, не должно возбуждать сомнений, так как вся вообще XV глава послания к Кор. говорит нам о воскресении жизни.

Во всяком случае мы не можем видеть указания на воскресение нечестивых в словах следующего стиха: *а затем конец*. Конец, по изъяснению самого Апостола, наступит, когда Христос *передаст царство Богу и Отцу*, а это последнее произойдёт после того, как Он *упразднит всякое начальство и всякую власть и силу*, враждебные

Ему. Так как далее говорится, что последним из врагов Христовых истребится смерть, что произойдёт в воскресении, то «конец» и общее воскресение в данном месте мы никоим образом не можем отождествлять. Хотя восстание тел нетленными будет завершением деятельности Спасителя и потому могло бы быть названо «концом», но Апостол не делает этого и даже весьма определённо различает оба понятия. Иное дело «конец», иное – уничтожение смерти через всеобщее воскресение. Последнее должно произойти раньше «конца», под которым поэтому мы должны понимать не общее воскресение, а только указание на то, что с воскресением людей окончится царство Сына и наступит царство Троица Божия.

Если от указанных мест Писания, приводимых в оправдание буквального понимания слов Апокалипсиса о первом воскресении, мы обратимся к другим, содержащим учение о воскресении, то найдём в них целый ряд свидетельств и указаний на одновременность воскресения праведников и грешников. *Наступает время, говорит Господь, в которое все, находящиеся во гробах, услышат глас Сына Божия; и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло в воскресение осуждения* (Ин.5:28–29). Хотя здесь употреблено не достаточно определённое выражение: «время», под которым можно понимать и один определённый момент и целый период времени, но это не может явиться основанием утверждать, что тут не говорится о единстве воскресения, так как с одной стороны воскресение добрых и злых будет следствием одного повеления Сына Божия, с другой оно ставится в самую тесную связь с судом, так что общее понятие воскресения разделяется на два частных – воскресения жизни для одних и воскресения осуждения для других. Из слов Спасителя же мы знаем, что пришествие Его будет, *как молния, которая исходит от востока и видна бывает даже до запада* (Мф. 24:27), следовательно, оно будет ко всему миру, а не к одним только избранным; а так как воскресение мертвых, суд над родом человеческим и изменение неба и земли представляют его непосредственные следствия, то все эти события мы должны представлять себе не только тесно связанными между собой, но и следующими непосредственно одно за другим. Между тем признание первого и второго воскресения необходимо разъединяет эти события, заставляя признать два пришествия Господа на землю при конце мира, а если будет доказана всеобщность суда для всех воскресших, то и два страшных суда.

Приведённых указаний Писания на одновременность воскресения праведников и грешников совершенно достаточно для того, чтобы отвергнуть мысль о первом, в смысле отдельного по времени

воскресении праведников и признать невозможным буквальное понимание речи Тайнозрителя. И, действительно, если мы глубже вникнем в смысл его слов, то убедимся, что «воскресение первое» есть нечто совершенно иное, чем телесное восстание мёртвых, и касается не тела, а души. Так, прежде всего, здесь говорится, что имеющие участие в воскресении первом *будут священниками Бога и Христа, и будут царствовать с Ним тысячу лет*. Но в той же книге утверждается, что Христос уже соделал нас *царями и священниками Бога и Отца Своего* (1, 9); равно и ап. Пётр называет верующих царственным священством (1Пет.2:9). На этих словах, между прочим, основывают все протестантствующие сектанты своё учение о всеобщем священстве с отрицанием богоучреждённой иерархии; но тогда что же нового, спросим их, даёт воскресение первое, и не значит ли это, что оно уже совершилось над всеми истинно верующими, конечно, не в буквальном, но в ином духовном смысле?

Сильным, по-видимому, доказательством буквального значения слов Апостола о воскресении первом могло бы служить то обстоятельство, что он в изложении своего видения противопоставляет праведников и грешников: о первых говорит, что *они ожили*, о вторых, что *они не ожили, пока не окончится тысяча лет*, следовательно, по прошествии означенного времени, тоже имеют ожить. Но, если оживление грешников можно понимать только в смысле телесного воскресения, то нет никаких оснований объяснять иначе и оживление праведников. Однако, если мы оставим в стороне русский перевод, который в данном месте не точен, а обратимся к греческому подлиннику, то увидим, что такое заключение не только не имеет в нём для себя никаких оснований, но даже напротив – сравнение того и другого выражения говорит прямо против сектантского понимания воскресения первого. Об участниках первого воскресения говорится: ἔζησαν (гл. ζάω), о прочих же сказано: οὐκ ἀνέζησαν (ἀναζάω). Последний глагол действительно значит: «оживать», т. е. вновь получать прекратившуюся жизнь, и не может служить для обозначения жизни духовной, которая не прекращается со смертью человека и не имеет конца, почему также называется вечной; напротив того ζάω значит просто «жить» и в устах священных писателей служит специальным выражением для обозначения вечной духовной жизни во Христе, так что в данном месте точнее мог бы быть переведён: «продолжали жить». С таким же точно значением употреблён этот глагол у Ин.11:25: *верующий в Меня, если и умрёт, оживёт* (ζήσεται от гл.ζάω), где неточность русского перевода очевидна даже и для незнающих греческого языка. «Оживёт» – хотя даёт мысль о

возвращении к жизни, никоим образом не может быть понято о телесном воскресении, потому что оживут телесно не одни верующие во Христа, а все люди без всякого исключения. Но, как в следующем стихе: *всякий живущий и верующий в Меня не умрет во век* – «не умрет», очевидно, должно понимать о смерти духовной, так и здесь греч. ζῆσαι указывает на духовную жизнь верующих и по своему значению более соответствовало бы выражению: «будут жить».

Не благоприятствует сектантам и более близкое рассмотрение вопроса о том, кто будет иметь участие в воскресении первом. Апостол указывает только два класса участников первого воскресения: «сидящих на престоле, которым дано было судить» и «души обезглавленных за свидетельство Иисуса». Но сидение на престолах и суд обещаются Господом только Его Апостолам, кроме того в Апокалипсисе говорится о 24 старцах, сидящих на престолах, и, хотя Тайнозритель не поясняет, кто эти старцы, однако определённо отличает их от «великого множества людей из всех племён и народов, которые пребывают пред престолом Бога и служат Ему день и ночь» (Откр.7:9–16), следовательно, кто бы они ни были, под ними можно разумеать только весьма небольшое число избранных Божиих. Другой класс «убиенных за свидетельство Иисуса» ограничивается у Апостола замечанием: *которые не поклонились зверю, ни образу его и не приняли начертания на чело своё и на руку свою*, следовательно, это мученики последнего времени. Таким образом, по данному месту, число участников воскресения первого весьма ограничено и нашим сектантам, которые не подходят ни под один из указанных разрядов, нет никаких оснований рассчитывать на тысячелетнее царствование со Христом. Но обычно они утверждают, что воскресение первое будет уделом всех «верующих», т. е. принадлежащих к их обществу. При этом ссылаются на 1Кор.15:23: *потом Христовы в пришествии Его*, или относят сюда места Апокалипсиса: *побеждающему дам сесть со мною на престоле Моём; побеждающий наследует всё* (Откр.21:7) и, сопоставляя их со словами 1-го посл. Иоанна: *кто побеждает мир, как не тот, кто верует, что Иисус есть Сын Божий?* (1Ин.5:5 и Откр.12:11), выводят, что в первое воскресение восстанут все «верующие».

Не оспаривая справедливости такого вывода, хотя он и не основывается на прямых и решительных указаниях слова Божия, заметим только, что при таком взгляде на объём воскресения первого, нет никаких оснований исключать из него лиц, которых наступление ожидаемого сектантами тысячелетнего царства застанет в живых. Если они и не воскреснут, как не умиравшие, а потерпят мгновенное

изменение своих тел из тленных в нетленные (1Кор.15:52–53), то во всяком случае и они будут царствовать со Христом наравне с прочими «верующими». Это подтверждает в последующей речи и сам Тайнозритель, когда он называет общество имеющих царствовать со Христом святых «станом» и «городом возлюбленным», а остальные народы представляет враждебными им и выходящими против них на брань (ст. 7–9). Но если мы признаем такую всеобщность воскресения первого, понимаемого в сектантском смысле, для всех истинных последователей Христовых, то впадём в прямое противоречие с пророчеством Господа, Который говорит, что перед Его вторым пришествием и кончиной мира праведники будут жить вместе с грешниками, как пшеница растёт с плевелами (Мф.13:30: *соберите прежде плевелы...*). Скорби последних дней постигнут не одних грешников и неверующих, но также и «избранных», ради которых будут и прекращены (Мф.24:22), так что эти последние, очевидно, доживут до самого конца мира. Не приводя дальнейших доказательств последней мысли, спросим только: неужели возможно, чтобы благодать Божия, даруя одним блаженство тысячелетнего царствования со Христом, оставила других своих избранных томиться в скорби, *какой не было от начала мира и не будет* (Мф.24:21)? Если же и они должны царствовать со Христом, то, очевидно, и их воскресение первое и их царствование будут не такими, как представляют их сектанты, но духовными, принадлежащими одинаково всем истинным последователям Христовым.

Несмотря на то, что учение о воскресении первом принимается почти всеми сектами рационалистического характера, оно весьма редко делается предметом опровержения со стороны православных миссионеров. Одна из причин этого лежит, как замечено выше, в нежелании самих сектантов вступать в прения о подобного рода вопросах; другую же, дальнейшую, по нашему мнению, нужно видеть в том обстоятельстве, что в русской богословской науке вопрос о воскресении первом является почти совершенно незатронутым не только с полемической, но и с положительной стороны. Между тем каждому должно быть ясно, что для успешной полемики с сектантами не столь важно знакомство с их заблуждениями, сколько ясное и точное знание положительного учения православной Церкви.

Для выяснения, что мог мыслить Апостол под воскресением первым, ближе всего обратиться к противоположному понятию смерти. В Писании ясно различается два рода смерти: – смерть духовная, состоящая в том, что дух человека пребывает во грехе и отчуждении от Бога, и смерть физическая, когда тело и душа разлучаются друг от

друга. Наши прародители испытали оба эти рода смерти, умерши духовно в тот день, в который вкусили плодов запрещённого дерева (Быт.2:17), и телесно, спустя много лет после грехопадения. Подобно этому и в возвращении человека к вечной жизни во Христе мы можем различать две последовательных ступени: обращение от греха и примирение с Богом, что с полным правом может быть названо воскресением первым, и воскресение тела человеческого свободным от закона смерти физической. Такое различие двух воскресений человека в соответствие двум родам смерти выясняет св. Иоанн Златоуст, слова которого позволяем себе привести для православных, как мнение одного из отцов Церкви, для сектантов же, как взгляд древнего беспристрастного истолкователя священных книг, уважаемого всеми христианскими Церквями. «Смерть, – говорит он, – у нас двоякая; потому и воскресение должно быть двоякое. А у Христа одна смерть: ибо Христос не согрешил; но и эта одна смерть была для нас, ибо он не подлежал смерти, так как Он был непричастен греху, следовательно, и смерти. Посему он и воскрес воскресением только от одной смерти, а мы, умершие двоякой смертью, воскресаем двояким воскресением. Одним мы воскресли пока от греха; ибо погреблись вместе с Ним через крещение. Это – одно воскресение, отпущение грехов; а второе воскресение – воскресение тела. Он дал тебе большее, ожидай и меньшего; первое воскресение гораздо важнее последнего, ибо гораздо важнее избавиться от грехов, нежели видеть тело воскресшим. Тело погибло потому, что согрешило; посему, если грех есть начало падения, то начало восстания есть освобождение от греха. Мы уже восстали большим воскресением, избавились от тяжкой смерти греховной, сняв с себя ветхую одежду; не будем же отчаиваться в меньшем»²⁰¹. Применяя к словам Апокалипсиса о первом воскресении понятие воскресения духовного²⁰², мы получим ту мысль, что правнуки уже здесь на земле и за гробом до всеобщего воскресения живут во Христе и царствуют с ним²⁰³, хотя некоторым иным образом, чем каким будут царствовать после воскресения тела.

В ещё более близком отношении к учению о воскресении первом стоит встречающееся в Апокалипсисе же выражение: «смерть вторая». Если св. Иоанн Богослов различает две смерти для грешников и два воскресения для праведников, то ясно, что оба эти понятия, соответствующие друг другу не только по существу, но и по способу наименования, должны быть изъясняемы одинаковым образом. О смерти мы читаем: *и смерть и ад повержены в озеро огненное. Это смерть вторая. И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное* (Откр.20:14–15). И далее: *боязливых и*

неверных, и скверных, и убийц, и любодеев, и чародеев, и идолослужителей, и всех лжецов участь в озере, горящем огнём и серой. Это смерть вторая (Откр.21:8). Что здесь Апостол говорит не о телесном умерщвлении грешников, а о предании их вечному мучению, ясно из другого места той же книги: *кто покланяется зверю и образу его и принимает начертание на чело своё, или на руку свою... будет мучим в огне и сере пред святыми Ангелами и пред Агнцем. И дым мучения их будет восходить во веки веков (Откр.14:9–11, ср. XX, 10).* Очевидно, что это смерть духовная, но, если Апостол называет её второй, т. е., смертью уже мёртвых духовно и умерших телесно, то под ней нельзя понимать ничего иного, как усугубление состояния смерти, переход человека грешника от одной степени мертвости к другой, настолько большей, что по отношению к первой она вновь может быть названа смертью²⁰⁴.

Разбирай далее мысль Апостола о смерти второй, мы видим, что она представляет для подвергшихся ей полное отвержение от лица Божия, так как они «будут брошены» в озеро огненное вместе с «зверем», лжепророком и диаволом (Откр.20:10), причём самое слово «брошен» сближает данное место с подобными же выражениями Евангелия: *быть ввержену в огонь вечный... в геенну огненную* и т. под. (Мф.18:8,9;13:42;25:30 и др.). Кроме того, они будут терпеть жестокие мучения в озере, горящем огнём и серой, так что получается смысл совершенно тождественный с словами Спасителя: *идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его (Мф.25:41).* Смерть вторая, следовательно, будет состоять в полном отвержении грешника на страшном суде от лица Божия и предании его вечным мучениям; по отношению же к смерти первой (духовной) она представляет полное завершение её и наступление для грешника всех следствий его уклонения от Бога, простирающихся не только на его дух, но и на тело, которое, хотя и не умирает, но терпит жесточайшие мучения.

На основании приведённого определения «смерти второй», мы можем понять и то, в чём будет состоять «первое воскресение» праведников. Если полное отчуждение человека от Бога или смерть духовная, начинаясь здесь на земле, достигает полноты своего проявления после всеобщего воскресения и суда в смерти второй, то точно также и единение человека с Богом в вечной блаженной жизни, начинаясь для чад Божиих во время их земной жизни, достигает высшего своего развития с воскресением тела. Оба эти периода совершенно соответствуют постепенному развитию в человеке смерти духовной и потому должны быть названы «первым» и «вторым»

воскресением, причём все эти наименования, по примеру священных писателей, могут быть усвояемы, как самим состояниям человека, так и их начальным моментам. Таким образом, как наименование смерти второй указывает на последовательность умирания одного и того же человека, так и выражение Апостола: «воскресение первое» мы должны изъяснять в том смысле, что для лиц, «имеющих участие» в нём, должно быть ещё и второе воскресение. Для мнения же противоположного, будто под воскресением первым и вторым разумеется совершенно одинаковое телесное воскресение мёртвых, с тем только различием, что первое совершится ранее, и в нём будут иметь участие только избранные Божии, а второе, по прошествии тысячелетнего периода, и будет простираться на всех прочих людей – в приведённом сопоставлении понятий смерти и воскресения нет ни малейшего основания.

К сказанному необходимо добавить, что жизнь души за гробом до воскресения, хотя и представляет для человека период, по условиям существования совершенно отличный от его земной жизни, однако в сравнении с тем, что должен получить человек по воскресении тела, она примыкает к земной жизни, как время не полного воздаяния. Писание обычно делит всё время существования человека на два периода – время сеяния и время жатвы, гранью же между ними ставит не смерть человека, а его воскресение. Поэтому оно, хотя и говорит, что пребывание после смерти со Христом *несравненно лучше* (Флп.1:23) здешней земной жизни, однако всегда обращает взоры верующих к воскресению, как полному осуществлению христианской надежды; точно также, признавая наступление для грешников мучений тотчас после смерти (Лк.16:20–31; Евр.9:27), утверждает, что полное наказание они получают по восстании плоти. Таким образом, души умерших, ожидающие соединения со своими телами, живут жизнью первого воскресения или находятся в состоянии первой смерти. То и другое из этих состояний начинаются во время земной жизни человека, но по разлучении души с телом достигают более высокой степени проявления. Поэтому мы можем называть воскресением первым не только восстание человека от греха здесь на земле, но также можем усвоить это наименование в особенном специальном смысле переходу праведника в лучшую жизнь со Христом, как это делает в разобранном месте Тайнозритель.

Свящ. А. Темномеров
(Продолжение будет).

**Добротин Г. Церковно-государственные воззрения
Митрополита Филарета (Дроздова) на раскол и секты ²⁰⁵ //**
Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 390–397

Разделение сект. Средства борьбы с расколо-сектантством.

Признавая раскол и все его секты безусловно вредными в церковном и государственном отношениях, считая их злом, нарушающим единомыслие церковное и повреждающим общественную жизнь в православной России, митрополит Филарет устанавливает, однако, строгую градацию между ними, по степени их вреда в двух указанных отношениях. Таких степеней он различает три:

1. Секты вреднейшие:

1) *иудействующие*. Ибо это хуже, нежели ересь. Это совершенное отпадение от христианства и существенная вражда против христианства; 2) *молоканы*. Хотя, по-видимому, держатся Священного Писания, но берут из него только то, что им нравится. Не признают никаких таинств, никакой иерархии. Не принимая присяги, не уважают верности, никакой власти не признают Богопоставленной; повинуются только, поколику нельзя противиться. Секта разрушительная; 3) *духоборцы*. Сколько известно, одинакового духа с молоканами; 4) *хлыстовщина*. Ересь богохульная, потому что, не отвергая наружного общения с христианской церковью, вводит человекообожание; 5) *скопцы*. Также богохульная ересь, потому что начальника секты почитают Христом. Вредит обществу, осуждая брак, искажая людей и истребляя потомство; 6) те беспоповщинские секты, которые отвергают брак и молитву за Царя, они пишут и произносят жестокие хулы на церковь и таинства и всякую власть нынешнего времени почитают антихристовой. Отвергая брак, вводят безнравственность»²⁰⁶.

Особенно вредной среди беспоповщинских сект указанной категории в церковном и государственном отношениях нужно, по суду митрополита Филарета, признать секту федосеевцев, и также по силе ожесточения к православной церкви и антогонизма к правительству «дочь беспоповщинской секты – секту *странников*». Федосеевцы, разделяя вредные для православной церкви религиозные толкования беспоповщинского толка, в тоже время более твёрдо, дерзко и открыто держатся вредных политических воззрений беспоповщины, чем другие секты. Так, на ряду с другими, заявляя своё нерасположение к правительству немолением за Царя, федосеевцы при этом «не просто следуют старым погрешительным мнениям, но и вновь составляют зловердные правила и распространяют их даже с видом

формальности, за подписанием своих начальников, как о том свидетельствует записка и две рукописные книги, открытые на Преображенском кладбище в 1844 году. В записке, или так называемых «отеческих завещаниях», которые в подлиннике подписаны старшими попечителями Преображенского кладбища, Алексеем Никифоровым и другими, прямо заявляется, что с 1866 года, «установленная Богом царская власть упразднится»; в первой рукописной книге, – в «объявлении о согласии монастырских или Мануйловых» – моление за Царя и название его благочестивейшим провозглашается «нечестием»: «по вере убо благочестивой», говорится в ней, «и царь благочестивый, по нечестивой же вере и царь нечестивый нарицается», и далее: «убо в сем монастыре тии нечестивствуют, иже в молительной форме нечестиваго благоверным и благочестивым и прочими титулами во благочестии пребывающих приличными нарицают»; наконец, «в показании о едином общем христианском пути» – второй рукописной книге, написанной в 1842 году, – учение, что за нынешнюю царскую власть молить Бога должно, называется «богомерзким преданием». – «Никто, конечно, не докажет, замечает митрополит Филарет, приведя эти выдержки, что сие учение не вредно для государства; напротив, не трудно усмотреть, что «сии правила ведут к мятежу»²⁰⁷, что фактически подтверждает «вреднейшая секта странников». Ибо она по своим политическим, равно и религиозным воззрениям вполне примыкает к беспоповщине, отличается же от неё лишь тем, «что злое наследие своей матери умножает до крайности и нагло провозглашает и приводит в действие правила, которые та старается прикрывать». Поэтому она не довольствуется скрытым признанием приведённого беспоповщинского взгляда на правительство, а пропагандирует явное неповиновение ему, как антихристу. Отсюда, по учению страннической секты «непозволительно ни записываться в ревизию или платить подати, ни принимать должности с присягой, ни вступать в военную службу, ни даже нанимать за себя в рекруты других». Чтобы дать возможность своим адептам избежать обязанностей, налагаемых на каждого государственной властью, и считая повиновение этой власти отречением от Христа, странническая секта возводит бродяжничество на степень догмата и уже тем самым подрывает основы общественного благосостояния: труд, жизнь семейную, порядок и т. п. Вообще, учение страннической секты «не только противно учению православной Церкви, но и отвергает верховную власть и законы и исполнение всяких общественных обязанностей и, следственно, живущие по сему учению решительно отказываются от того, чтобы приносить какую-

нибудь пользу государству, и имеют направление причинять оному лишь вред и расстройство»²⁰⁸.

II. Секта вредная.

«Те из бесповщины, которые принимают брак (новожёны) и не отрекаются молиться за царя.

По сим чертам могли бы почестся менее вредными; но решительно вредны потому, что отвергают священство и таинство евхаристии и, кроме сказанного, все заимствуют от дурных страстей бесповщины и, между прочим, дух демократический»²⁰⁹.

III. Секта менее вредная.

«*Поповщина*. Эта не ересь, а раскол. Более церковного сохраняет и более представляет надежды»;²¹⁰ но вредна потому, что «недавно образовала из себя лже-иерархию, которой корень в иностранном государстве. Три или четыре лже-епископа, по сведениям правительства, а по некоторым частным сведениям до 14-ти, при неудовлетворительном действовании полиции, тайно для начальства, но не тайно для народных слухов ходят повсюду и худших, хитрейших и дерзновеннейших из раскольников делают лже-священниками и своими миссионерами»²¹¹.

Если раскол в церковном и государственном отношении есть зло, или, по выражению Филарета, «язва», «болезнь», непрестанно более и более распространяющиеся и требующие «неотложного и серьёзного врачевания»,²¹² то в чём должно состоять и как должно совершаться это врачевание?

Митрополит Филарет различает двоякий способ действия на раскол: «врачебный» в собственном смысле и «охранительный»²¹³.

Насколько раскол есть заблуждение ума, уклонение от истины, – он, естественно, требует духовного врачевания, противодействия духовными средствами, так как всякое заблуждение ума может быть прекращено только «вразумлением», убеждением в истине. Но насколько раскол обнаруживает стремление проявлять себя во вне, завлекать в свои сети других, он подлежит внешнему воздействию правительства, ограничению «существующими в законах государства мерами», так как государственной православной власти естественно заботиться об охране православной Церкви.

Первое самое естественное и, при надлежащем употреблении и ревности, самое действительное средство для ослабления раскола митрополит Филарет видел в научении и вразумлении раскольников со стороны духовенства посредством личных собеседований его с ними. «Вразумление в истинном учении веры со стороны православного духовенства, без сомнения, есть самое свойственное орудие для

обращения заблуждающих всякого рода. Но сему общему средству обращения противостоит почти столь же общее препятствие, – именно правило раскольников особенно избегать сношения с православным духовенством. В нынешнее время нет причины опасаться, что архиерей не захочет беседовать с раскольников или обратит к нему неуместно укорительные или повелительные слова; не может случиться, что пастырь не довольно ищет овец убегающих. Посему нужно Святейшему Синоду продолжать наблюдение и напоминания, по усмотрению, чтобы епархиальные архиереи тщательно пользовались всеми возможными случаями вступать в сношения с уклонившимися от Церкви и посеять между ними понятия и чувствования, которые сближали бы их с Церковью»²¹⁴. Обращаясь к характеру беседований с раскольниками, митрополит Филарет спокойное, миролюбивое раскрытие истин православной веры советует предпочитать спорам и обличению заблуждающих, и во всяком случае ими одними не ограничиваться, потому что одно обличение легко рождает укоризну, а укоризны – вражду: «укорять значит раздражать; а раздражать значит уменьшать способность к принятию истины». Во избежание этого «обращение с разномыслящими и само обличение заблуждений должно быть столь миролюбиво, сколь можно сие делать без оскорбления истины и без соблазна православным»; посему, «терпимость, спокойствие, кротость, снисхождение, осторожность также нужны в обличении, как и ревность»²¹⁵.

Другое действительное средство против раскола, в виду почти сплошного невежества раскольников, митрополит Филарет видел в заведении возможно большего количества училищ – мужских и женских, и именно в духе нынешних церковно-приходских школ и школ грамотности. Вот его рассуждения по этому предмету, сделанные ещё в 1835 году: «Поелику раскол наиболее основан на невежестве, то училища должны быть средствами против раскола. Но сии средства должны быть осмотрительно приспособлены к цели. Если училища будут в руках раскольников, они будут, естественно, рассадниками раскола, а не православия. Если училища простого народа будут в руках людей, получивших светское образование ума, может случиться то, что замечается в Англии, ²¹⁶ что распространение грамотности не улучшит нравственности, но повредит ей, посредством неосновательных внушений и вредного чтения. Обучение чтению, начаткам катехизиса и священной истории, под руководством духовенства, простейшим и к национальному быту и обычаю применённым способом, есть наиболее безопасное средство распространения здравых понятий в простом народе. Но сие средство

трудно сделать употребительным в отношении к раскольникам, которые, конечно, захотят лучше раскольнику же вверить своих детей, нежели православному священнику. Для сего нужно: 1) чтобы духовенству предоставлена была свобода в обучении детей, под наблюдением епархиального начальства, без притязаний со стороны дирекций министерства просвещения; 2) чтобы, напротив, учителям раскольническим поставлена была преграда силой новейших узаконений министерства просвещения. Завести обучение детей, приходящих к учителю из домов родителей, несравненно удобнее, нежели устроить училища, в которых бы дети не только обучались, но и жили. Посему первое надлежит принять мерой более общей, а последние учреждать где есть достаточные средства и надежда верного надзора. Обучение детей и женского пола желательно потому, что, как известно по опыту, женщины, невежественные ещё более мужчин, и по той же мере упорные в привязанности к наследственному и привычному, удерживают мужей в расколе и даже привлекают в оный. Но женские училища с жительством ещё труднее, нежели мужские, устроить и снабдить приличным руководством и надзором. Удобнейшим внушением в сие дело может быть то, чтобы жена священника или диакона, если способна, становилась мастерицей для обучения девочек грамоте и рукоделию».

Наконец, для противодействия главному распространению раскола насчёт православия вследствие невежества православных часто большего, чем у раскольников, и в виду обязанности пастырей не только об обращении заблуждающих, но ещё более об охране вверенных им пасомых от всякого рода пропаганды, ведущей к отчуждению от церкви, м. Филарет считал необходимым, чтобы духовенство, насколько возможно, прилагало старание и к их (православных) просвещению и вразумлению, что естественно должно повести к большей устойчивости их религиозно-нравственных воззрений. Наиболее удобным средством для сего, по его мнению, кроме личных частных собеседований и училищ, может быть обязательное произношение катехизических поучений по воскресным и праздничным дням, «в которых бы катехизические истины по порядку излагаемы были с главнейшими их доводами и потребными объяснениями, со всевозможным применением мыслей, чувствований и языка к степени разума и к состоянию слушателей»²¹⁷. При этом, сознавая трудность надлежащего осуществления указанных средств духовенством, с одной стороны, вследствие малочисленности его сравнительно с количеством пасомых, а местами сравнительно также с количеством сильно размножившихся после царствования Николая

раскольнических лже-попов и отцов, с другой – вследствие обременения духовенства другими немалосложными обязанностями, для облегчения такого затруднения митрополит Филарет признавал целесообразным в местностях, особенно сильно заражённых расколом: а) учреждение особых противо-раскольнических миссионеров; б) умножение причтов; и в) открытие вновь монастырей, – которые «имеют большое значение для ослабления раскола исполнением древнего чина богослужения»²¹⁸.

Рекомендуя разные духовные средства для ослабления раскола, м. Филарет им самим не придавал решающего значения в этом деле. Необходимы, но его мнению, некоторые условия для успешного их действований. Первым таким условием по своей важности он считал «благословение Божие»²¹⁹ и поэтому внушал подведомым ему пастырям не слишком полагаться на свои силы, но прежде всего смиренно просить помощи Божией в своей противо-раскольнической деятельности²²⁰. Другим необходимым условием успеха в противо-раскольнической деятельности м. Филарет считал личную безупречную жизнь пастырей церкви, вполне соответствующую с их званием. Являясь лучшим фактическим доказательством истины проповедуемого учения, христианская жизнь пастыря, – говорит он, в то же время и сама по себе может быть для многих средством вразумления и обращения, так как «дверь слова отверзается временно, добрая же жизнь служителя слова проповедует истину денно и нощно»²²¹. Затем, третьим необходимым условием успешного воздействия духовенства на раскольников нужно признать, по мнению Филарета, «искреннее, беспристрастное желание познать истину Божию» со стороны самих раскольников: ибо «по слову Христову, тот только, кто искренно желает творить волю Божию, уразумеет о учении, кое от Бога есть»²²².

Помимо духовно-нравственных средств к искоренению еретических и раскольнических заблуждений м. Филарет считал полезным и употребление для той же цели мер чисто государственного характера. Говоря, впрочем, о необходимости и пользе содействия церкви в борьбе с еретическими и раскольническими учениями со стороны государственной власти, м. Филарет далёк был от мысли о преследовании раскольников за религиозные убеждения. Подобные отношения к разномыслящим, по его мнению, не должны и не могут иметь места в христианском государстве, ибо «христианское человеколюбие не позволяет отнимать свободы ни у кого без нужды» и «сам небесный земледельец оставляет плевелы до неблизкого времени жатвы»²²³. Отсюда терпимость, свойственная христианской кротости, должна быть свойственна и христианскому государству. Но

если в христианском государстве не должны быть терпимы «мучительства и гонения, как противные духу Христовой церкви», то также не должна иметь места и «избыточествующая терпимость» или, что то же, полная безграничная свобода в делах веры и совести, как неизбежно ведущая к умножению зла».

Г. Добротин

(Продолжение будет).

О появлении новых сект. Меры борьбы с расколом и сектантством // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 398–402

(Из Всеподданнейшего отчёта г. Обер-Прокурора Св. Синода за 1896–97 г.).

В 1896 году в селе Верхне-Ахтубинском, Астраханской губернии, стали распространяться слухи о близкой кончине мира и воцарении антихриста. Произведённым Астраханским Жандармским Губернским Управлением расследованием выяснено, что отставной унтер-офицер Василий Бочаров, мещане Артемий Несветаев, Василий Несмачнев и Тимофей Пустовалов и крестьянин Фёдор Ганчев, действительно, распространяют фанатические религиозные взгляды, сущность которых заключается в следующем. Несветаеву было откровение свыше о близкой кончине мира, доказательством которой служило пришествие на землю пророков Илии, Еноха и Иоанна Богослова, в лице протоиерея о. Иоанна Кронштадтского, священника единоверческой церкви в посаде Дубовке Николая Благовещенского и крестьянина села Верхне-Ахтубинского Андрея Лукьянова Черкасова и воцарение антихриста.

Нелепость фантастических суждений обвиняемых послужила поводом к освидетельствованию их в установленном порядке в состоянии умственных способностей, причём хотя и не было получено указаний на их психическое расстройство, но тем не менее выяснена чрезвычайно низкая степень их умственного развития, благодаря которой они, зачитываясь Апокалипсисом, запутались в отвлечённых истинах и стали отождествлять признаки кончины мира с текущими событиями.

В заключение обвиняемые высказали, что они, «обязаны предупреждать народ о близкой кончине мира, что за свои убеждения отдадут на отсечение головы и молчать не будут, а, наоборот, всюду будут говорить об этом».

В 1897 г. в селении Мархе, Якутской области, обнаружена новая секта противоправительственного направления, основанная происходящим из крестьян Уфимской губернии скопцом Филиппом Лихачевым. Исповедание новой секты, изложенное в отобранной у Лихачева при дознании рукописной книге под заглавием «Моё Исповедание», в главных положениях следующее: человек от рождения подвержен греху, вся земная жизнь его есть один сплошной грех, т. е. преступление против законов Божеских, требующее не

только покаяния, но по закону высшей справедливости, и достаточного наказания, каковым за преступление против Бога может быть только смерть. Наказание это, человек, как разумное существо, должен сам налагать на себя. Примером для людей должен служить Сын Божий, искупивший грехи мира ничем иным, как своей крестной смертью, а первым действительным последователем Христа является Иуда, согрешивший против Бога, но раскаявшийся и наказавший себя повешением: – способ смерти, особенно рекомендуемый последователями секты. Все люди, учит далее Лихачев, как родившиеся от блуда и потому одинаково грешные и достойные смерти, не должны, как таковые, служить никому, кроме Бога. Всякий почёт, оказываемый человеку другими, есть идолопоклонство. Ни один человек, в виду своей греховности и склонности вовлекать в грех себе подобных, не должен иметь над последними никакой власти. Отсюда вытекает отрицание Верховной и правительственной власти, подданничества и всех обязанностей по отношению к Государству. «Всякий человек, говорит Лихачев в рукописи, должен смотреть на земной мир сей и всю учреждённую власть его, как на царство диавола и начертание его, которое есть всякого рода законы и повеления». «Отвергаю всяких представителей мира сего, начальников не считаю служителями Божиими, но исполнителями сатанинской власти». Считая всех священнослужителей также исполненными греха, Лихачев отрицает поклонение Богу, при их участии, отвергая при этом таинства и саму церковь. Отрицаются, наконец, Лихачевым и родственные узы, как результат греховных побуждений, и собственность, как последствие любостяжания. Спрошенный на дознании крестьян Филипп Лихачев, подтверждая учение, изложенное в его рукописи, объяснил, что он сам создатель этого учения, всей душой желает его распространения, и, действительно, распространял его между склонными к нему людьми. Ярыми приверженцами нового лжеучения оказались четыре крестьянина из скопцов, сосланные в Якутскую область из Европейской России за самооскопление.

Из вышеизложенного видно, с какими трудностями и с каким противодействием сопряжена борьба с расколом и сектантством со стороны как центральной, так и епархиальной церковной власти. Заботы епархиальных начальств направлены к лучшему устройству приходской миссии и главным образом к поднятию миссионерских знаний и энергии в борьбе с расколо-сектантством приходских священников, так как от них главным образом зависит успех миссионерского дела по вразумлению заблудших, по охранению православного населения в приходах и по пресечению дальнейшего

развития лжеучений в среде прихожан. Во многих епархиях учреждены специально-миссионерские епархиальные и окружные библиотеки, а благочиннические и церковные библиотеки снабжались необходимыми для пастырей миссионерскими изданиями. К этой же цели направлены периодические совещания священников приходов, заражённых сектами и расколом. Начало таким совещаниям положено распоряжением преосвященного митрополита Киевского об учреждении в Киевской епархии уездных миссионерских съездов. Эти съезды, к участию в коих привлечены все благочинные уезда, окружные миссионеры и священники заражённых сектантством приходов, со времени их учреждения происходили не менее одного или двух раз в год, и на них состоялось немало постановлений, поднявших дело борьбы с сектантством (штундой) на должную высоту.

Такие же съезды по благочиниям заведены и в Херсонской епархии для взаимного обмена наблюдений над местным сектантством и для беседы о средствах борьбы с ним, о лучшей постановке церковного и внецерковного учительства и об усилении пастырского влияния на народ. В некоторых епархиях, например, Харьковской и Екатеринославской, состоялись епархиальные съезды миссионеров, коснувшиеся многих важных вопросов современной миссии и давшие много важных сведений и полезных указаний.

Подъёму и оживлению миссионерской деятельности содействовали также как ранее существовавшие, так и вновь открытые в епархиях, различные духовно-просветительные учреждения, как то: церковные братства, миссионерские общества и др.

Из вновь открытых миссионерских учреждений обращают на себя внимание: 1) «Уфимское братство Воскресения Христова», 2) Тифлисское миссионерское общество, 3) Киевский миссионерский отдел религиозно-просветительного общества, организовавший и ведущий с большим успехом полемико-апологетические собеседования с местными штундистами. Благотворной и полезной деятельностью успели заявить себя и недавно также (в 1895 г.) открытые в Харьковской епархии для борьбы с местным сектантством два братства – Белопольское братство ревнителей веры и церкви православной во имя Пресвятой Богородицы и Старобельское Покровское братство ревнителей народного образования в духе веры и церкви православной. Из них Белопольское братство учредило народные чтения в заражённых сектантством приходах Сумского уезда.

Для большего успеха миссии и однообразного направления миссионерской деятельности в Таврической губернии учреждён

епархиальный миссионерский комитет и несколько окружных миссионерских комитетов. При первом заведена миссионерская библиотека книг и брошюр противосектантского содержания, учреждён самостоятельный миссионерский фонд и основан склад книг религиозно-нравственного и противосектантского содержания. В той же Таврической епархии в 1896 году положено начало открытию церковно-приходских братств, для которых епархиальным миссионерским комитетом выработан особый устав, утверждённый епархиальным начальством. К числу духовно-просветительных учреждений следует отнести также недавно появившиеся в сёлах некоторых епархий кружки ревнителей православия. Эти новые миссионерские приходские учреждения оказывают большую помощь священнику в нелёгком его подвиге вразумления заблудших членов приходского общества и в охранении верных от соблазна. В некоторых епархиях учреждены специальные миссионерские школы. Такова епархиальная миссионерская школа в Донской епархии, открытая в 1896 году для приготовления молодых людей и лиц зрелого возраста, – от 22 до 40 лет, – к ведению миссионерского дела против старообрядческого раскола и ересей в пределах Донской епархии. Окончившие полный трёхгодичный курс этой школы предназначаются: единоверцы на священно и церковно-служительские места в единоверческие приходы, а православные – на миссионерские должности в епархию, т. е. на должности самостоятельных миссионеров или миссионерских помощников. Существующая в Тамбовской епархии миссионерско-псаломщическая школа prepares учащихся к псаломщической деятельности и в то же время даёт будущим клирикам потребные знания и по обличению раскола и сектантства; в этом есть потребность для низших членов клира, ибо по части религиозных вопросов и недоумений раскольники и сектанты ближе сходятся с низшими членами клира и охотнее вступают с ними в беседу, чем со священниками. В особенности благотворно и успешно в этом отношении действие церковно-приходских школ на подрастающее поколение; женские же церковные школы имеют для сего особенно важное значение. Воспитывая девочек в духе веры и церкви православной, школы эти тем самым готовят лучших миссионерок для крестьянской семьи. Кафедра миссионерских наук (истории и разбора западных исповеданий и истории, и обличения русского раскола, наук, бывших ранее специальными предметами исторической группы в духовных академиях) введена распоряжением Святейшего Синода в число общеобязательных предметов академического курса. В курс

второклассных школ, открываемых в местностях, заражённых расколом, вводится преподавание общих сведений о расколе и местных сектах. Третий всероссийский съезд противораскольнических и противосектантских миссионеров, созванный летом в 1897 году в Казани также по распоряжению высшей духовной власти, для выяснения современного состояния раскола и сектантства и для изыскания наиболее целесообразных способов миссионерской борьбы с тем и другим, представляет собой выдающееся событие в церковно-общественной жизни, съезд этот осчастливлен был Высочайшим Вашего Императорского Величества приветом и благожеланием успехов проповеди. Он коснулся весьма многих вопросов первостепенной церковной и государственной важности. Собранными на съезд специалистами миссионерского дела со всех концов России выяснены были точные данные относительно характера учения и быта важнейших, наиболее привлекающих почему-либо на себя внимание, раскольнических толков и мистико-рационалистических сект; тщательно исследована методика собеседований с заблуждающимися и изысканы меры и способы просветительного действия миссии, сводящиеся главным образом к учреждению миссий и оживлению пастырского миссионерства, к школьно-воспитательной подготовке кандидатов священства к миссионерскому служению.

**Шалкинский С., свящ. На кого положены и над кем
тяготеют клятвы большого Московского собора 1666–
1667 года? ²²⁴ // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6.
С. 403–410**

Откуда видно, что клятвы собора 1667 г. положены на лиц, противящихся св. Церкви, а не на книги и обряды? Чтобы яснее ответить на этот вопрос, познакомим раскольников подробнее с содержанием самого «предела освящённого собора 1667 г.», на котором изрекались клятвы.

«Предел освящённого собора» разделяется на три главные части:

- 1) «За кия вины соборся освященный собор»,
- 2) «Каково рассуждение положиша» и
- 3) «Како утвердиша».

При собеседованиях о клятвах этого собора раскольники, обыкновенно, начинают читать сразу третью часть «Предела», начинающуюся словами: «Сие наше соборное повеление» ... Но необходимо заметить раскольнику, что само местоимение, с которого они начинают читать, показывает, что чтение начато не сначала, поэтому следует предложить раскольнику начать чтение выше. Раскольник начинает читать вторую часть: «К сим убо ныне», но и здесь, грамматическая связь показывает, что чтение нужно начинать выше, т. е. с самого начала «Предела». Начав же чтение отсюда, мы узнаём, что собор собрался «вины ради сицевы: понеже... мнози невежди... возмутиша многих души неутвержденных... нарицаху бо книги печатныя новоисправленныя... быти еретически и растлены, и чины церковныя... злословиша... и весь архиерейский чин и сан уничижиша и возмутиша народ буйством своим, и глаголаша церкви быти не церкви: архиереи не архиереи: священники не священники» и проч., вследствие этого «мнози христиане отлучишася церковного входа и молитвы: и о гресех своих покаяния и исповедания, и приятия пречистаго тела и крове Христовы лишишася; – многие же, по домом своим, начата держати вдовых священников без благословения и без свидетельства архиерейскаго, инии же из тех священников мнози под запрещением, и изверженьми от своего им архиерея, служаху по домом, и угождаху непокорником святыя церкви» (Деян. л. 1 и 2). Таких-то раскол-насадителей, «угождавшим непокорником церкви», собор и вызывал на суд.

1) Прежде всех был вызван на суд, сомневавшийся в правильности новоисправленных книг Александр, епископ Вятский,

которому собор «многими книгами древними и харатейными, и лепами доводы истину объяснил» и он «написа покаянный свиток и абие прощения сподобися».

2) После Александра был вызван Аввакум, бывший Юрьевца Повольского протопоп, который не только новоисправленные книги порицал, но проповедовал, что московские священники будто бы не веруют во Христа вочеловечьшася, не исповедуют Его воскресения, «еще же аки именующих несовершенна быти Царя со Отцем Христа Господа и Духа Святаго неистинного исповедующих» и пр., а когда ему стали доказывать от древнейших книг правильность исправления некоторых слов в книгах, он не только не вразумился этим, но «злобу к злобе прилагая, укори в лице весь освященный собор, вся неправильными нарицая».

3) Затем читалось и разбиралось «лже-сложное писание раскольника и лже-клеветника из Суздаля града соборная церкве... попа Никиты», в котором он хулил не одних только русских святителей, во и всю святую католическую церковь, и святых богоносных отцов и учителей вселенских... Например, он называл еретиком св. Дионисия Ареопагита; св. Василия Великого причислял к ереси «аполинарьевы, Несторьевы и Маркеловы»; св. Кирилла Александрийского к ереси «Ариевы, Несториевы и Аполинариевы», св. Григория Богослова к ереси Нестория элочестивого и проч. Другие расколо-насадители, вызывавшиеся на суд, были не лучше этих. Более разумные из них, как и Александр Вятский, – раскаялись в своём заблуждении и получили от собора прощение, а упорнейшие, по примеру Аввакума, остались во упорстве своём. Что же должен был делать с ними, собор? Неужели согласиться с ними, что такие столпы Христовой Церкви, как свв. Дионисий Ареопагит, Василий Великий, Кирилл Александрийский и Григорий Богослов, были проповедниками еретического учения? Поэтому собор вполне правильно и законно поступил, предав их отлучению от Церкви, как возмутителей и противников не только местной русской церкви, но и хулителей свв. вселенских учителей. Итак, вот на кого собирался собор 1667 г. и вот кого предал он проклятию! «Потребно есть всем ведати о сем, говорится в соборном деянии 1667 г. яко кн. «Жезл Правления», яже ныне сложися и напечатася в возобличение на Никиту попа и Лазаря писание, иже на книгу Скрижаль и на прочия, со своими суемудренники написаша во обличение, и за то иль за *то их ложное писание и неправедное обличение и смущение предахом их проклятию*, яко же в книге Жезл видится: обаче потом Никита поп, образумися и покаяся, и принесе чистое покаяние пред нами, и пред всем священным собором, и тем

получи (он Никита поп) прощение и разрешение от того отлучения, и клятвы и проклятия. И сочтася во общение паки, ко благочестивым и православным христианом, а та клятва и проклятие еже писано есть в книзе Жезл, возводится ныне точию на Аввакума бывшего протопопы, и на Лазаря попа, и на Никиту и Епифанца старца соловецкаго, и на Феодора диакона, и на прочих их единомысленников и единомудренников и советников их, дондеже пребудут в непокорении» (л. 16 об.), или «дондеже уразумятся и возвратятся в правду покаянием» (л. 7), чего книги и обряды сделать не могут.

Относительно того, что для покорных сынов св. Церкви собор делает снисхождение, дозволив, по примеру древней церкви, употреблять именуемые старые книги и обряды, мы говорили и доказали выше. А отсюда следует, что повиновение собору состоит не в том, как несправедливо утверждают раскольники, чтобы непременно молиться по новоисправленным книгам и содержать исправленные обряды, а в том, чтобы не хулить эти книги и обряды, но считать их праве исправленными и спасительными. *«Непринуждаем»*, говорит собор выполнять эти обряды, *«о подражателей благословляем»*. *«Аще же кто»* сам *«не хочет»* отстать от своих любимых обрядов, *«повелеваем, да не укоряет»* принявших исправленные книги и обряды. *«Аще ли же кто, сам не принимая эти книги и обряды, ещё «станет укорять» принявших, таковой аще от священнаго чина будет, да извержется, аще ли от мирскаго, да отлучится* (л. 14). И из истории раскола нам известно, что патриарх Никон дозволил Иоанну Неронову служить в Московском Казанском соборе по старопечатным служебникам, лишь бы только это не вело к разъединению с Церковью» (История раскола Щапова стр. 46). Даже раскольничий писатель Савва Романов доказывал снисхождение церкви к приверженцам старых обрядов, приводя следующие слова патриарха Иоакима 2: «креститесь, кто како хочет – двумя персты или тремя... сие все едино, токмо бы знамение креста на себе вообразати; мы о том не истязуем» (Три челобитные изд. Кожанчикова стр. 99). То же самое говорила и Софья Царевна: «мы за сложение перстное не истязуем: кто как хочет, тако и крестится: хотя двумя, или тремя персты... то все равно». «Не бойся, говорит далее София, слагай правую рукою, мы и сами крестимся всяко: тремя и двумя персты – оттого не будеши осужден» (там же стр. 125–126).

Иногда раскольники, желая доказать, что только за одно содержание, так называемое, старых обрядов даже и в единении со св. Церковью, Св. Синод повелел писать в раскол, а, следовательно, и подвергал проклятию, ссылаются на 15 пункт Синодального

постановления 1722 года, где сказано: «которые хотя святей Церкви и повинуются и вся церковныя таинства приемлют, но крест на себе изображают двема персты, а не треперстным сложением, тех, кои с противным мудрованием и которые хотя и по невежеству, но от упорства то творят, обоих писать в раскол, не взирая ни на что». Но из этих слов видно, что Св. Синод повелевает писать в раскол только тех *обоих* двуперстников, которые: 1) крестятся двумя персты, соединяя с сим перстосложением противное св. Церкви мудрование и 2) которые по упорству то творят, т. е. таких, которым выяснялось, что двуперстие и троеперстие выражают одно и то же догматическое учение о трёх Лицах Божества и двух естествах в Лице Иисуса Христа, продолжают по своему невежеству и упорству спорить, что единственно-спасительный обряд перстосложения – есть двуперстие, а троеперстие обзывают и ересью, и щепотью, и печатью антихриста и пр. Относительно же православных двуперстников, т. е. таких лиц, которые признают св. Церковь – святой Христовой Церковью, вне которой нет спасения, новоисправленные книги и обряды правильными и спасительными, но по привычке молятся двуперстно, – о таких лицах 15 пункт не говорит ни слова, а по сему и ссылка раскольников на этот пункт не имеет значения.

Удивительно, как это раскольники не додумаются предложить себе такой вопрос: кто должен лучше и правильнее понимать смысл соборных клятв: они – раскольники, или же изрекавшая их – Церковь? Задав себе такой вопрос, они непременно пришли бы к такому решению, что Церковь изрекала эти клятвы, а потому ей, а не иному кому-либо, и более понятен смысл их. А св. Церковь говорит, что она проклинала противников и хулителей своих, а не книги и обряды. «Великий Московский собор 1667 года, бывший под председательством двух восточных патриархов и Московского патриарха Иоасафа, рассмотрев новоисправленные книги, чины и обряды, одоблив их, яко правоисправленные, и повелев принять в церковное употребление, *произнес отлучение и клятву на всех, кто после сего будет считать новоисправленные книги, чины и обряды неправоисправленными, повреждёнными, еретическими*, подобно упомянутым неразумным ревнителям старины (хулившим не только исправленные книги, чины и обряды, но и саму Церковь огласившим падшей, безблагодатной, еретической, заражённой сквернами антихриста), *будет обносить и Церковь и содержимые ею обряды тяжкими обвинениями и хулами*. Но строго осуждая таких ревнителей мнимо старого обряда, которые таким образом в его употреблении являют

знамения ереси и раздора», *Церковь не предаёт осуждению и порицанию самые обряды, именуемые старыми, не находит и их, по существу и подлинному смыслу их, противными православию.* Православная Церковь не произносила и не произносит никакого осуждения и порицания на эти обряды, которые сами по себе... признавала и признаёт непредставляющими ничего противного православию и употребление их, не в знак противления Церкви, но в полном общении с нею, по её собственному благословению, вполне дозволительным («Об истинном смысле и значении содержания в полемических противо-раскольнических сочинениях прежнего времени порицаниях на именуемые старые обряды». Определение Св. Синода от 20 декабря 1885 – 4 марта 1886 г.). К чему же после этого спорить? к чему обвинять св. Церковь в том, в чём она совершенно невинна?

IV. Находятся ли под клятвой собора и состоят ли в противоречии ему единоверцы, употребляющие старые обряды? С. 407–410

Ответом на этот вопрос служат наши предыдущие доводы, ибо если доказано, что старые книги, чины и обряды не только не прокляты, но даже дозволены к употреблению в единении с Церковью, то предложенный вопрос является совершенно излишним.

В «Деянии епископов Православные Греко-российские Церкви, собравшихся в богоспасаемом граде Казани, в месяце Июлии 1885 года», читаем такое правило:

«В виду усматриваемого нередко разномыслия в воззрениях на единоверие, необходимо разъяснить духовенству, что единоверие не представляет собой какого-либо особого, отличающегося от православия, исповедания; православие и единоверие составляют одну Церковь. В храмах православных и единоверческих призывается один Господь, исповедуется едина вера, совершается едино крещение, приносится едина умилолюбивительная бескровная жертва Христова, приемлется едино пречистое Тело и Кровь животворящая; словом, и там и здесь одно и тоже и одинаково всё то, что живит и питает человека. Посему, с одной стороны никто не должен унижать и порицать то, что Церковью благословляется, никто не должен думать, что тайны, совершаемые единоверческими священниками, имеют менее силы и святости. А с другой стороны, сами единоверцы должны помнить, – и сие потребно внушать им, – что сила единоверия заключается только в союзе с православной Церковью, что без этого союза нет единоверия, а будет опять раскол, что посему при содержании так называемого старого обряда не должно быть никакого порицания обряда, православной Церковью содержимого, и, наоборот, со стороны православных порицания обрядов, содержимых единоверцами» (прав. 9 о расколах и сектах).

Но раскольники, обыкновенно, возражают, что единоверие открыто, или допущено на время, как это говорит и митроп. Платон, ибо Церковь желает, чтобы все содержали новоисправленные книги и обряды; если же она и позволяла единоверцам употреблять эти обряды, то в «благой надежде», что оные «со временем Богом просветятся и ни в чём в неразнствующее с Церковью приидут согласие»; значит, говорят они, единоверцев нельзя считать «богопросвещёнными».

Правда, св. Церковь всегда желала и в настоящее время желает, чтобы все её члены, все поместные Церкви содержали одни и те же, ничем не отличающиеся обряды и обычаи, но тем не менее она, ради союза церковного, некоторым своим членам, по снисхождению к их многолетней привычке, позволяет и некоторые обрядовые разности. Ей хорошо известно, что «срамно есть из-за обрядов ратоваться», что «аще предание, довлеет сие, яко предание, да немного испытует... соблюдет (же) повеление богословское» (Кирил. л. 581. 5 посл. Мел. ст. 6). Она учит, что «один и тот же обряд, и старый, и новый, может быть и православным, и неправославным, смотря потому, с правой или неправой мыслью, для выражения православного или неправославного учения он употребляется: один и тот же обряд может быть и дозволительным, и недозволительным к употреблению, смотря потому, с благословения, или в прославление Церкви он употребляется» (Деян. Казанск. соб. л. 4). Примерами сему могут служить: Деян.15:23–30;21:18–26,16:1–3. 1Кор.9:20–23. Рим.16:25; 70 пр. св. Апостол сравни с учением св. Златоуста: Бесед. на 14 посл. изд. 1623 г. стр. 1476; 13 пр. и 30 пр. шестого вселенского собора. Что же касается выражения митр. Платона о единоверцах: «тии со временем Богом просветятся», то нужно знать, что митр. Платон говорит это о тех старообрядцах, которые подавали ему прошение о принятии их в общение со св. Церковью, но с дозволением употреблять им так называемые старые обряды «исключительно, которые не хотели даже допускать на свои моления «знаменующихся тремя персты, брады бреющих и прочее» (5 пункт). Ясное дело, что на таких просителей – раскольников митр. Платон не мог иметь иного взгляда, какой им и высказан. «Благая надежда» митр. Платона в настоящее время оправдалась: теперь все единоверцы понимают, что обряды, употребляемые св. православной Церковью так же спасительны, как и, так называемые, старые обряды, что всякий обряд спасителен, лишь бы он благословлён был Церковью и употреблялся в единении с нею. Теперь уже и в единоверческих церквях всякий может видеть молящихся и двумя, и тремя перстами: значит, и в этом отношении они пришли в полное единение с учением св. Церкви и ничем от неё не отличаются.

В заключение считаем не лишним сказать следующее. Святые Василий Великий и Григорий Богослов во вверенных им паствах, недостаточно утверждённых в православном учении о Святом Духе, делали великое снисхождение: требуя настоятельно, чтобы они (неутверждённые) не называли Св. Духа *тварью* т. е. признавали бы Его божественную природу, тот и другой святители снисходительно

дозволяли им, говоря о Св. Духе, не употреблять наименования – Бог: Уступите Духу Святому силу божества, говорит св. Григорий Богослов, обращаясь к неправомудрствующим, и мы уступим вам слово Бог. Ниже вы обвиняйте нас в высшем слове (наименовании Духа Святого Богом), ниже мы вас осудим в понятиях ваших» (Слово на Пятидесятн.) «Прошу вас, писал св. Василий Великий тарсийским пресвитерам, прошу вас неутверждающих, что Дух Святой есть тварь, принять в общение... Надобно требовать, чтобы Духа Святого не именовать тварью. Более сего я прошу ничего не спрашивать» (Проф. Н.И. Субботина «Ответы на пять вопросов». Москва 1885 г. стр. 26–27). Следовательно, начало единоверия, т. е. единения в вере, или существенных догматах христианской веры, при разности церковных обрядов, нужно относить не к 1800 году, а ко временам апостольским, от которых оно простирается и до наших дней.

Заканчивая сей малый труд, просим Господа Бога, дабы Он помог нашим заблудшим братьям, глаголемым старообрядцам, уразуметь истинное значение и смысл клятв Великого Московского Собора и, оставив своё заблуждение, со, единиться с чадолубивою и благоснисходительною Материю – святой Православной Церковью, и почиет тогда на главах их вместо клятвы – Божие благословение.

Священник-миссионер *Сергий Шалкинский*

**Из миссионерских дневников и записок // Миссионерское
обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 410–428**

Лебедев Гр., свящ. Общее церковное пение и вне-богослужебные беседы, как средства миссии ²²⁵. С. 410–415

С радостью готов братски поделиться с почтенным собранием своими мыслями по тому предмету, ради которого мы собрались здесь. Прежде всего должен оговориться, что, не имея дела с сектантами, я мало о нём ведаю, но смею думать, что моё четырнадцатилетнее пастырское служение, почти в одном приходе, дало мне некоторый опыт, могущий пригодиться, если не для борьбы с существующими сектантами, то, по крайней мере, к ограждению православных в приходе, не заражённом этой проказой.

Никто не станет отрицать, что для приходов вообще, а в частности для заражённых сектантством, важно введение при богослужении общего церковного пения. Вопрос в том, как его поставить.

По части пения наш народ очень недалеко ушёл – это раз; а затем в храме, несомненно, нужно пение стройное, как требует сего святость места; а там, где есть сектанты и иноверцы, стройное пение ещё нужнее, потому что дурное, нескладное пение может послужить лишним поводом к насмешкам и нареканиям на православие.

Вопрос важный и решение его затруднительно. Как научить массу народа петь стройно, без фальши? Делать с ними спевки и учить их так, как учат певчих, школьников – немыслимо.

Я за всё время моей службы никогда не задавался целью ввести общее церковное пение; моё заветное желание было иметь только хороший хор, чего, при помощи Божией, и достиг. А между тем общее церковное пение в моей церкви нужно считать совершившимся фактом.

В нынешнем году я предложил сначала прихожанам петь в церкви Символ Веры и молитву Господню за литургией. Затем, в течение нынешнего учебного года, кроме существующего хора, приучил детей церковно-приходских школ петь обедню.

Всю эту обученную братию поставил посреди церкви во главе с прежним хором и предложил прихожанам петь вместе уже всю обедню. Пение вышло достаточно стройное. Причину сего доброго успеха все же приходится искать дальше. *Если вся масса народа пропела стройно, то виновником этого, по моему мнению, нужно считать существующий хор.*

За семь лет существования хора народ успел привыкнуть и на слух запомнить простые церковные напевы, привык понимать, что

такое стройное пение и различать фальшь. Выразусь проще: народ набил себе слух, вследствие чего и возможно было начать общее пение. И первый опыт, вышедший довольно удачным, подтверждает изложенную мысль.

Обращаясь к подробностям, отмечаю, что первые разы петь хору вместе с народом Символ Веры и Отче наш я предложил медленным темпом, со временем же темп постепенно ускорялся и достиг обыкновенного без ущерба стройности.

Тон я велел брать невысокий по следующим причинам: 1) у нашего народа почти нет басов, 2) у женщин голоса на высоких нотах визгливы и неприятны. Поэтому я, вместо обычного пения в «до», ввёл пение в «соль» при таком расчёте: первый голос на ектеньях начинает в «си», второй – «соль», теноры и альты «ре» и бас – среднее «соль». Такой строй по силам и не допускает писка и бесчинного вопля.

В общем выводе и моё убеждение таковы: для того, чтобы организовать *стройное* общее пение, необходимо соблюсти постепенность: сначала – организовать хор; затем, когда прихожане, благодаря хору, понаслушаются, как я выразился, набьют себе ухо, постепенно могут принимать участие в пении вместе с хором, *который всегда должен оставаться ядром общего пения.*

Ко всему этому можно прибавить ещё то, что необходимо всегда внушать прихожанам, дабы они, при пении, не увлекались, главным образом, своим искусством в ущерб молитвенному расположению души, как, например, это бывает с певчими.

Относительно вне-богослужебных бесед и чтений, моё мнение и опыт таковы: совершение оных в храме мало достигает цели, да и сама обстановка храма мешает взаимному обмену мыслей. Кроме сего, многие из прихожан, за дальностью расстояния от храма, будут лишены возможности посещать беседы и чтения. Поэтому я практикую так: в каждую деревню приезжаю раз в неделю вечером; в школу собирается народ, где и происходят чтения с туманными картинами. Особенно хорошо и полезно иметь световой фонарь.

Нужно иметь в виду, что при туманных картинах несравненно лучше просто, задушевно рассказывать, нежели читать. Я всегда не могу без удовольствия вспомнить то приятное впечатление, которое производит на народ простое изложение Жития Святых, их подвиги и т. п.; например, какое впечатление произвели рассказы о житии св. Александра Невского, о его твёрдости в вере православной, когда его искушали папские послы; о св. Николае Чудотворце, его твёрдости в вере, воздержании, любви к бедным; о св. Тихоне Задонском, его любви к несчастным, его незлобии; о св. Алексии, человеке Божиим,

его любви к храму, богослужению, бедным, его подвигах, посте, терпении и пр. Вполне от рассказчика будет зависеть остановиться на тех местах рассказа из жизни подвижников, которые более пригодны в его приходе. После рассказов с туманными картинками предлагаются и другие чтения, или может происходить живая беседа. Впечатление получается отрадное. Народу много – вся деревня.

Два слова относительно туманных картин. Есть сторонники и противники их. Не принадлежа ни к тем, ни к другим, я вижу в волшебном фонаре доброе средство, оправдывающее добрую же цель²²⁶. При помощи световых картин наши простецы хорошо запоминают сам рассказ. Дело за рассказчиком, его умением и отношением к взятому на себя делу. Если удастся избежать сухости и высокопарности изложения, если сумеете остановиться и отметить нужное для блага пасомых, то всё это не останется без доброго влияния на душу и мысли слушателей. Вкратце по этому предмету моё мнение таково: 1) вне-богослужебные чтения вести в приходах по деревням, 2) при волшебном фонаре, 3) при световых картинах не читать, а рассказывать и 4) время для бесед и картин (можно на буднях) зимой вечером, летом – в дни воскресные и праздничные.

Есть и ещё важное орудие для охраны паствы – это церковноприходская школа. Говоря о церковно-приходской школе, как об оружии, я не утверждаю, что она должна и может воспитывать новое поколение в духе веры православной и нравственности. Нет, я даже и не жду этого, так как семья и среда всегда сильнее школы и быстро могут стереть все добрые зачатки, привитые в школе.

Дело в том, что сектанты укоряют духовенство в постоянных поборах, укоряют тем, что священник ничего даром не делает, а всё для своей наживы. С другой стороны, эти укоры находят себе благодарную почву в народе, так как народ вообще разделяет подобные взгляды. Действительно, духовенству приходится сталкиваться с народом, главным образом, на денежных расчётах, вследствие чего часто происходит что и в даровом труде священника прихожане не могут не заподозрить какой-нибудь выгоды. На самых первых порах моей службы, когда мною были открыты церковноприходские школы, я помню, с каким удивлением и недоверием встречал народ известие, что я должен и заботиться, и законоучительствовать бесплатно. «Шалишь», сквозило в глазах мужика, «знаем мы это – даром, не из такого, мол дескать, ты сословия, чтобы даром работать». Всё же в конце концов пришлось им убедиться, что священник возится, нянчится с их детьми действительно даром, по долгу службы, по любви к пасомым, и не

только даром, но даже несёт расходы. Тогда обстоятельства меняются, и сам крестьянин приходит на помощь священнику, напр., высылаются общественные подводы за священником в школу. Таким образом, убеждение крестьянина в том, что священник никогда даром не работает – разбивается. Если же к этому прибавить другие бесплатные, почтенные труды, вроде посильной медицинской помощи, чтений с картинами и т. п., то очевидно, что у крестьянина созреет другое, совершенно обратное прежнему, убеждение о деятельности священника, и речи сектантов о жадности, лихоимстве и т. п. (со стороны) духовенства, не могут уже иметь влияния на православных людей.

Теперь как организовать хор и чтения с туманными картинами? На всё это требуются средства и средства немалые. Найти средства в настоящее время несравненно легче, чем это было лет 5–10 тому назад. *В народе созревает потребность* слышать в церкви хорошее пение и поэтому всегда прихожане.кажут посильную поддержку доброму делу. Там же, где у прихожан нет средств, епархиальное начальство всегда окажет своё содействие. Для устройства хора нужен знающий и любящий дело человек. Таковым же по самой должности прилично быть псаломщику. К сожалению, огромное большинство псаломщиков плохо знает петь, даже по-дьячковски. а чуть ли не половина их вместо того, чтобы быть добрыми помощниками священнику, служат только лишним бременем. В виду этого и у священников, и у прихожан есть достаточно оснований просить епархиальное начальство о назначении на должность псаломщика людей, знающих хорошо хоровое пение. Опыт таких просьб уже имеется.

Организовать чтения с световыми картинами много легче, чем хор. Во всяком приходе, даже очень бедном, всегда найдётся возможность приобрести недорогой фонарь. Дороги картины. Но если мы примем во внимание, что в Ямбургском уезде около 25 приходов и в каждом из приходов будут куплены картины, хотя бы на одно чтение, то мы уже имеем 25 чтений с картинами. Остаётся только организовать правильную пересылку картин из одного прихода в другой. Можно орать картины и на прокат.

Об устройстве церковноприходских школ и говорить нечего, так как здесь для духовенства есть очень и очень широкое поле для деятельности.

Свящ. Гр. Лебедев

**Блошенко Н., свящ. Об ограждении от совращения в
молоканство православных работников у хозяев-
сектантов. С. 415–417**

Село Ново-Васильевка, Бердянского уезда, Таврич. еп., образовалось из выселенных в 20-х годах нынешнего столетия административным порядком из средних губерний России (Тамбовской, Владимирской и др.) сектантов-молокан. В настоящее время, судя по данным сельского правления за 1898 год, сектантов насчитывается 5901 чел. (3014 муж. и 2887 жен.); разделяются они на толки: Тамбовский, Владимирский, 1-й Донской, баптистский, штундистский и прыгунский. Означенная цифра сектантов видоизменялась в зависимости от естественного прироста и убыли людей. Бывали, конечно, и случаи совращения в сектантство из православных, но совращались по преимуществу пришлые на заработки и поступавшие в услужение к сектантам; коренное же местное православное население, за исключением единичных случаев (как это мне известно), держалось своего православия. Движимый нуждой, а часто даже и голодом, православный во всём принуждён обращаться к зажиточным сектантам за помощью, а последние, оказывая её, никогда не преминут воспользоваться случаем подействовать на религиозно-нравственные убеждения православного. На это зло не так ещё велико. Вот, если этот православный поступит в услужение к сектанту в качестве рабочего, (а таковых рабочих бывает до 300–400 человек в год), то тут ему представляется много соблазнов утратить или, по крайней мере, ослабеть в своей вере. У сектантов-хозяев православный работник или работница – круглый год не знают поста. Хозяин сектант, отвергая сам посты православной церкви, заставляет и работников своих православных есть скоромную пищу, отказывая им в постной. – Волей-неволей, долго ли или скоро, православный свыкается с угрызениями своей совести и через год–два он уже не считает грехом нарушать посты, и охотнее нанимается к сектантам, чем к православным (и в особенности к священникам), бесстыдно заявляя, что «у молокан лучше служить, у них не надо поститься». Ещё безотраднее тот факт, что сектанты не позволяют своей прислуге в отведённых для неё комнатах держать иконы, кощунственно отзываясь о них и издеваясь над их почитанием. Не оставляют они православных в покое и за их крестное знамение. Вкушая пищу за одним столом (хозяева с прислугой), сектанты смеются над православным обычаем – осенять себя перед вкушением пищи крестом, говоря, что православные «мух

гоняют этим», а другие – прямо-таки запрещают креститься и даже «бьют по руке», когда прислуга намеревалась перекреститься. Смеются сектанты и над крестами нательными, почему редко кто из православной прислуги имеет его, а многие, нанимаясь к молоканам, из боязни оставляли кресты даже дома. Стесняют сектанты прислугу и в хождении в храм Божий, издевательски говоря: «да ты святым хочешь быть?!»; а в праздники Богородичные и других святых, которых сектанты не почитают, они принуждают ещё и работать, угрожая в противном случае вычетом подённой платы или даже отказом от места. Так, мельники православные работали у сектантов в праздники Усп. Богородицы, Благовещения и др.; и это делалось на церковной площади. Когда же предложено было им оставить работу, то они заявили, что хозяева лишат их места. Нужно заметить, что православный христианин в семье сектантов молокан совершенно обезличивается. Привыкши за время своей службы у сектантов (а она продолжается по несколько лет) нарушать церковные установления, православные и по освобождении от сектантского режима продолжают индифферентно относиться к заветам Святой Церкви. Они до того, так сказать, омолоканиваются, что даже и усваивают разговорную речь, терминологию сектантов («усватал», «добре хорошо» и т. п.), рабски перенимают их одежду, в особенности женщины, так что трудно отличить православную женщину от сектантки, в костюме которой замечается отличительная особенность.

Принимая во внимание всё вышеизложенное, полагаю, что следовало бы внушить, от кого это зависит, сектантам не ...²²⁷.

В. С. Как штундовые проповедники насаждают своё лжеучение среди молоканского и православного населения? С. 418–428

Перед нами лежит годовой отчёт одного передового штундового проповедника, представленный им в центральный миссионерский комитет секты и напечатанный в заграничном органе русского рационалистического сектантства.

Отчёт этот во многих отношениях и интересен, и поучителен, так что мы считаем полезным познакомить с ним наших читателей и деятелей миссии.

Прежде всего отчёт, словами самого главаря штунды, решительно опровергает то ходячее мнение, будто бы появление штунды в тех или других местах зависит от условий церковно-приходской жизни, от недеятельности и неблагочиния духовенства и проч. Из отчёта штундового пропагандиста ясно видно, по каким причинам и какими средствами, и способами порождается штундовое брожение иногда совсем неожиданно, в том или другом далёком захолустье, где ни о какой штунде не имелось ни у кого понятия. Штундовый проповедник своим отчётом ещё раз подтверждает ту мысль, что появление штунды, насаждение её злых плевел на православно-приходской ниве, их культивирование совершается путём настойчивой и систематической пропаганды, руководимой опытной миссионерской рукой немецкого баптизма; неблагоприятные или благоприятные условия церковно-приходской жизни того или другого села, личная жизнь и пастырская деятельность духовенства влияют уже на последующую историю того или другого развития секты в данной местности, а не на появление сектантского брожения. Появиться штунда и при том внезапно и непредвиденно может в любом, иногда и самом благоустроенном приходе, на глазах отличного пастыря, ибо штундовые проповедники, как убедится ниже читатель, *рыщут, как хищные волки*, – в овчей однако одежде, *ища кого поглотити...*

Чтобы убедиться в этом стоит только посмотреть, с какой удивительной настойчивостью и энергией, достойной доброго делания, сеет и насаждает наш лже-проповедник штундовые плевелы, – с какой быстротой он совершает свои передвижения от одного полюса к другому... Нашим православным миссионерам, связанным в свободе своих проповеднических действий районами, указами и приказами, – никак не угоняться за «штундовыми работниками» на ниве Христовой, где они полной, свободной и ловкой рукой сеют среди пшеницы

плевелы своего лжеучения. Житель Юга благодатного Крыма, автор отчёта, пропагандист штунды, перебрасывается легко и скоро на дальний восток, – в Оренбургский край, по дороге посещает с словом лже-проповеди Харьков; – в короткое время он уже переносится на северо-запад – в Минск, а оттуда на юго-запад – в Полтаву, отсюда снова – появляется в Оренбурге, а затем направляется в Поволжский край – посещает Самару и Саратов. Очутившись на родине, он скоро же исчезает отсюда, направляясь в Конотоп, Киев, Екатеринослав, по телеграмме выезжает в Ростов... Наконец, мы видим его, – по отчёту, проповедующим в Севастополе, Ялте и т. д. Можно ли удивляться после этого, что так широко раскинуты сети штунды!.. Нужно иметь в виду, что ведь автор отчёта далеко не единственный и даже не главный распространитель этой секты. Есть подобных неугомонных лжеучителей штунды не мало. Характерны также и приёмы штундовой пропаганды: штундовый проповедник решительно не пропускает ни одного случая, не тратит ни одной минуты для сеяния своего лжеучения: не оставляет он в покое ни священников православных, ни лютеран, ни раскольников, ни иеговиста, а наиболее налегает на молокан и православных простецов. отчёт сектатора отдаёт неприятным духом самохвальства и гордого самомнения о себе и своей проповеди, но в нём есть и своя поучительная во многом доля правды. Вот этот ценный для сектоведения и миссионерства документ.

«В течение января месяца я занимался домашней беседой, посещением братьев и посторонних. В воскресные дни по обыкновению держал собрания между своими братьями, а также у Нововасильевских и Поводонских и несколько раз говорил²²⁸ Слово Божие при молоканских похоронах. У меня постоянно был полон дом посетителей по духовному делу. Февраль провёл подобным же образом. В марте мне нужно было поехать в Оренбург по хозяйственному делу. Я выехал 21-го марта и во время моей поездки везде, насколько возможно, я старался сеять божественные семена и посещал братьев. 22-го я посетил братьев в Харькове и пробыл у них одни сутки. 28-го прибыл в Оренбург к бр. П., где пробыл двое суток; посетил брата Ж. и имел собеседования с молоканами. Затем отправился в Астраханский участок и 1-го апреля прибыл к А. М. Г. Меня встретили все наши переселенцы радостно. Пробыл у них двое суток и по нужным делам возвратился в Оренбург, где пробыл до 15-го числа и *посетил всех братьев и молокан*, с которыми много раз беседовал об искуплении кровью Христа. Здесь молокане очень восстают против искупления и даже отказываются слушать Слово Божие. Много беседовал с ними также о крещении и о преломлении

хлеба. За это время имели 6 собраний и преломление хлеба. 16-го апреля отыскал себе попутчика, одного казака урядника. Дорогой мы вступили в беседу. Он мне сказал, что он старовер, а я ему сообщил, что я баптист, – с этого и началась беседа, которая длилась всю дорогу. Мой собеседник только и знал, что удивлялся тому, как я ясно разъяснял ему Слово Божие, и даже не раз у него появлялись в глазах слёзы умиления. С ним ещё ехали 5 товарищей. Он им шумнул и они, подойдя к нашей, телеге, шли с боку и слушали беседу, которой остались чрезвычайно довольны, особенно мой извозчик²²⁹. Приехав домой, он пересказал всё жене и в знак благодарности угостил меня чаем; он предлагал мне остаться у них на Пасху и побывать в их молельне, на что я не мог согласиться, так как мне хотелось провести праздники на своём участке. Я взял нового извозчика до Григорьевки, куда прибыл перед вечером, и заехал к одному лавочнику из лютеран, у которого остался ночевать. В продолжение вечера много беседовал о любви Господа, о Его страдании и о спасении человечества. Мои собеседники, хотя и лютеране, сказались очень несведущими в Слове Божием, и когда я коснулся лично их и спросил, что они думают о своём спасении, тогда они было сначала немного возгордились, но вскоре смирились и даже позволили молиться. Утром я взял извозчика до Астраханки, где провёл всю Пасху, дней 8. За это время имел 10 собраний, на которых присутствовали и православные. Кроме того, имел частные беседы. Один из Григорьевки посетил наше собрание, и затем на беседе у Г. признался, что знает Библию и перестал поклоняться иконам. Во время собрания он всё время сильно плакал; на вид ему лет 45. Затем я имел беседу в Екатериновке, Екатер. губ., с мужиками; даже два раза беседовал со священником. Он всё советовал мне принять крещение, обещая выгодные условия: «мы тебя в попы поставим». Я возразил ему, что уже принял крещение по вере 28 лет тому назад. «Так ты, значит, баптист, а не молоканин». – «Вы можете называть меня, как хотите», ответил я. Под конец он согласился со мной, что крещение повторять излишне, но всё старался убедить меня сделаться их последователем. Я с ним много говорил об искуплении кровью Христа независимо от дел, о неправильности крещения младенцев и моления за умерших. Он только поддакивал мне, так как не мог делать возражений на основании Св. Писания. Мы расстались друзьями. Затем я посетил Дедово село и не один раз беседовал с одним молоканином, человеком не особенно нравственной жизни; он, хотя и не с охотой слушал Слово Божие, но всё-таки благодарил за наставление. На обратном пути в Оренбург я опять заехал к лавочнику-лютеранину и снова свидетельствовал ему о

евангельской истине. Вследствие весеннего разлива рек мне пришлось в Полтавской губ. попросить одного малоросса переправить меня в ялике, на что тот охотно согласился; хотя переправа была опасна, но Господь сохранил нас. Мой перевозчик проводил меня затем лесом версты две до татарского селения прямо к извозчику, который согласился доставить меня в Оренбург. Попросив его согреть самовар, я начал с ними за чайным столом беседовать о любви Господа к грешникам, утопающим в беззакониях. Рассказал, как я вручил свою судьбу Господу во время опасной переправы через разлившуюся реку и как Он сохранил меня от гибели, да ещё сверх того доставил меня прямо к извозчику и присовокупил, что так следует грешнику довериться Христу при переправе через разлив мира сего, и что Он не только сохранит от всех опасностей в этой земной жизни, но и введёт в вечное блаженство; я старался убедить их ещё многими другими Евангельскими словами. Они оба были глубоко тронуты и благодарили за разъяснение Слова Божия, сказав, что никогда прежде не слыхали о любви Господней. По моём прибытии в Оренбург я был приглашён с братом П. на молоканский брак. Мне было предложено совершить бракосочетание по молоканскому обряду, но я отказался, и один из молокан совершил эту церемонию в нашем присутствии. По окончании бракосочетания мы начали беседовать о Слове Божиим, и я думаю, эта беседа принесла много пользы молоканам. Пробыв два дня в Оренбурге, я простился с братьями и отправился в Самару, где провёл три дня. Здесь братство состоит только из 5 чел.; есть несколько человек приближающихся. Мы имели два собрания и один раз преломление хлеба. Посетил раза три одну Иеговистку. Она соблюдает субботу и любит Христа, но почитает Его только за Его примерную жизнь, отвергая Его любовь к грешникам и Его спасительную жертву. Она часто молилась с нами; может быть, Господь даст ей познать вполне Иисуса Христа. Посетил также молоканина Ив. Ив. Р., который не был уже в собрании с самого Рождества, так как молокане однажды вытащили его оттуда на руках и поколотили его за то, что, когда А. Д. Гр., проповедуя на тему о преступлении Адама, сказал, что Бог сделал Адаму и Еве кожаные одежды, Р. спросил: «Где это написано?» Проповедник обиделся и хотел уйти. Тогда всё собрание заволновалось, крича, чтоб Р. вышел, и вследствие его упорства, несколько человек схватили его и вытащили силой. Мне стоило много труда убедить его пойти в собрание; наконец, он согласился, и мы пошли туда вместе и сели в стороне. По окончании собрания началась частная беседа, в которой я принял участие. 1-го мая я сел на пароход и отправился вниз по Волге. На пароходе познакомился с одним

русским купцом, ехавшим до Сызрани, и беседовал с ним из Слова Божия. В Сызрани пересел на железную дорогу, где познакомился с одним военным доктором. Он мне предложил почитать книгу Фаррара, которую имел при себе. Прочитав несколько листов, мы незаметно перешли на беседу о жизни вечной и христианской вере. Потом я ему предложил сборник духовных стихотворений. Читая их, он восхищался (?) духом этой книги. Я указал ему на № 363 «Благодатная скала». Он прочитал этот гимн с большим вниманием. Затем, сняв очки, смахнул наворачнувшиеся слёзы и сказал: «Эта книжка возрождает сердце и пробуждает душу. А ты кто такой? Не католик ли?» – Нет, ответил я. «Православный?» – Нет. «Не баптист ли?» Да, баптист. «Ну, название ничего не значит, лишь бы быть человеком». Мы беседовали на эту тему до самого Саратова, где, прощаясь со мной, он пожал мне руку с чувством благодарности и пожелал хорошего успеха в делах. В Саратове я держал одно собрание и совершил преломление хлеба. Крестил одну сестру. Посетил несколько семей. Братья и сёстры радуются в Господе, бодрствуют, держатся крепко Господа и живут в любви между собою. Затем отправился в Харьков и дорогой беседовал с тремя священниками, одним податным инспектором и одним членом банка из Орла. Все жаловались на свою судьбу. Я сказал, что, по моему мнению, положение священников самое завидное, в чём меня поддержали инспектор и член банка. Я попросил у одного из священников книгу «Изречения святых людей» и стал читать её. Другой священник подошёл ко мне и опросил, что я нашёл в ней хорошего. Я ответил, что только что прочёл, что Церковь Христова на земле называется воинствующей, а на небе торжествующей. Он было отошёл от меня, но потом опять подсел ко мне и поинтересовался узнать, как я понимаю это выражение. «Воинствующей она называется», ответил я, «потому, что преследуется всем миром: и грех, и диавол воздвигают на неё гонения, желая поработить её; но Церковь Христова сражается со своими врагами и побеждает их силой Господа через веру в надежде. Это на земле. На небе она будет торжествовать, что победила мир, устояла против всех искушений, и, перенесши всевозможные гонения, получила венец славы в Царстве Христа, Который купил её кровью Своею.» Священник, подумав немного, сказал, что моё объяснение вполне верно. – В Харькове пробыл только сутки. Посетив братьев, которые здесь живут дружелюбно, и обсудив с ними различные вопросы, касающиеся дела Царствия Божия, я отправился домой. Семейство моё встретило меня радостно и мы вместе прославили Господа за Его чудные дела и Его милость к нам. В своей слободе держал собрания по воскресным

дням, а в другие дни посещал своих братьев и внешних. 10-го и 17-го мая был в Нововасильевке, где посетил несколько братских семей для обсуждения братского дела. 28-го мая был приглашён телеграммой в Ростов и на пути от станции Федоровки встретил братьев и сестёр из немцев из Екатеринославской и Херсонской губ. Они возвращались домой после торжественного общего годового собрания. Два вагона были исключительно заняты ими. Я ехал с ними до Александрова, наслаждаясь общей радостью. Они всю дорогу пели духовные гимны. Каким-то образом туда зашёл священник не в брачной одежде и, обратившись к кондуктору, потребовал, чтоб тот запретил им петь, но кондуктор ответил, что он не имеет на это права, а что если батюшке не нравится их пение, то он может перейти в другой вагон. В Александрове встретился с Г., с которым и доехал до места назначения. В Ростове пробыл дней 6. Там свиделся со многими братьями, съехавшимися для обсуждения дела Царствия Божия. По окончании всех дел имели преломление хлеба 4-го июня. Затем 6-го отправился к М., где братское дело оказалось не в особенно хорошем состоянии. Господь помог исправить кое-что общими усилиями: некоторые из братьев и сестёр сознались, что они года по три не молились в собраниях, и дали слово начать молиться и впредь не переставать.... За это время имели два собрания и преломление хлеба, и Господь благословил нас. Вернувшись опять в Ростов, повиделся со многими братьями и намеревался было посетить Донец и Миус, как вдруг получил телеграмму из дому, что жена опасно больна. Это известие заставило меня изменить предполагаемый маршрут и отправиться домой, куда я прибыл 16-го июня и застал жену поправляющуюся: у неё была холерина; но через несколько дней Господь совсем исцелил её, и я снова начал посещать братьев. По воскресеньям, как обыкновенно, имел собрания, между прочим, одно общее с старо-донскими и ново-донскими, по поводу дня коронования Их Императорских Величеств. 5-го июля крестил одну сестру. 10-го июля имели совещательное собрание, на котором было решено подвергнуть снова, уже в третий раз, исключению за пьянство до безобразия М. Пр. Ханина и Л.Л. Матвеева. От 31-го июля по 2-е августа был в Нововасильевке, где держал два собрания и посетил семей 10. Надеюсь, что моё пребывание там принесло утешение детям Божиим и послужило к общему назиданию. 7-го августа держал собрание в своей слободе и принял одну сестру. 10-го и 17-го был на собраниях у молокан. 17-го поехал в Мелитополь и того же числа посетил экономии Захаровых, с которыми беседовал о Слове Божиим. От 18-го по 19-е пробыл в дер. Кирке, где посетил брата Ф. и

познакомился с некоторыми другими личностями; мы провели время, рассуждая о делах духовных. 20-го поехал в Севастополь, где пробыл до 23-го; в течение этого времени держал 4 собрания и принял 9 душ, крестив их в Чёрном море, в 12-ти верстах от города, близ Георгиевского монастыря, где мы затем все пили чай. Вечером, по возвращении в Севастополь, имели преломление хлеба. Побывав в Ялте, где имели несколько бесед о духовной жизни со знакомыми молоканами, и, осмотрев Царские дворцы в Ливадии (причём лишь имевшие при себе пачпорты были допущены в комнаты, а другие осмотрели их только снаружи), имение Государя Николая Александровича и имение Губонина, вернулись вновь в Севастополь. Тут я принял ещё 6 душ, которых крестил в Южной бухте; после этого имели преломление хлеба. Севастопольские братья приняли на свой счёт все расходы на поездку в Ялту. Вернувшись домой в сентябре, я имел братское собрание, а затем был на молоканском собрании при обновлении дома Андрея Болотина, где проповедовал Слово Божие. Оттуда отправился в Нововасильевку, держал два собрания и посетил 5 семей. 30-го сентября был в Мелитополе. 1-го октября прибыл в Харьков, где в тот же день держал три собрания, принял 2 души и совершил бракосочетание верующих жениха и невесты, после чего имел преломление хлеба. 2-го окт. имел 2 собрания, принял 3 души и в двух местах преломлял хлеб; 3-го посетил 4 семейства и 1 больную сестру; 4-го – 5 семей; 5-го держал собрание, принял 2 души, совершил бракосочетание и преломление хлеба; 6-го имел братское совещательное собрание, на котором было решено исключить двух членов, впавших в блуд, 7-го и 8-го посещал братские семейства; 9-го, в воскресенье, держал собрание, принял 3 души и совершил хлебопреломление; 10-го посетил одного приближающегося к нам, женатого на дочери православного священника; у них был в гостях сын священника, которому через два месяца самому предстояло быть постриженным на священство; мы беседовали часа три о даровом спасении, о ходатайстве Спасителя, о крещении, о причащении, о постах, о молитвах и т. д. и закончили сердечной молитвой с коленопреклонением. Беседа вышла очень удачная и во славу Господа. 11-го окт. я держал собрание, принял 5 душ и совершил хлебопреломление; всё было благополучно – Господь охранял нас. В ту же ночь я выехал в Конотоп, где пробыл только полсуток вследствие строгости полиции. Братья ожидали меня за сутки раньше и выходили на вокзал, чтоб встретить меня, но жандарм хотел арестовать их, говоря, что они наверно ожидают проповедника. Когда, несмотря на их ожидания, меня не оказалось в том поезде, они

приписали это тому, что я, испугавшись жандарма, не вышел и проехал далее. Из Конотопа я проехал на станцию Бровары, где посетил одно братское семейство, и затем поехал в Киев. Тут я провёл 6 суток, имел 6 собраний, принял 2 души, совершил бракосочетание и 2 раза преломление хлеба. Здесь братская община не имеет пресвитера; у них был раньше один избран дьяконом, но они его устранили за превышение власти. 18 окт. поехал в Екатеринослав. Дорогой беседовал со многими о спасении, особенно с малороссами. 20-го окт. прибыл на место назначения; держал там 2 собрания и посетил несколько пробуждённых душ, начавших искать спасение, а также членов нашей церкви, хотя их здесь очень мало, и несколько верующих кондукторов. Вскоре по возвращении домой, я посетил Нововасильевку, где встретил бр. Д. Там мы держали 4 собрания, затем – 2 собрания в Астраханке. По отъезде Д. меня посетили братья из Т. по церковным делам, и бр. Ц. 7-го ноября я был у Ив. Ос. в Богдановке, где держал собрание, принял 4 души и совершил преломление хлеба. По возвращении домой посетил с Ц. 10 семей, держал 4 собрания на которых было много слушателей. 20-го ноября поехал в Нововасильевку, где провёл 4 суток, и в течение этого времени держал 3 собрания. Оттуда отправился в Шавкай, пробыл там 4 дня, держал 5 собраний. 29-го имел в Нововасильевке братское совещательное собрание по поводу миссии, положения страждущих и других дел; решено было исключить бр. В. Четверикова за женитьбу на неверующей. 30-го принял 2 души в Астраханке. В декабре имел местные собрания с 3-ми и С-ми. 25 и 26 дек. провёл в своей слободе, где за это время держал 8 собраний, принял 2 души и совершил преломление хлеба; на собраниях было много слушателей разных убеждений, были и приезжие гости. После праздников не мог отлучиться из дому по болезни жены. Итак, вот вся моя работа для дела Царствия Божия в 1894 г. Прошу принять это малое за великое во славу Господа. Да благословит Он те Божественные семена, которые я старался сеять, чтоб убедить погибающих принять даровое спасение, приобретённое страданиями Христа, пока есть время. Принято мною 43 души, 5 членов исключены за грех до исправления. Слава и благодарение Господу от меня ничтожного Его раба. Да простит Он мне все мои недостатки в моём труде ради Своей великой любви. Мир братьям и любовь во Христе Иисусе. Аминь.

Вознаграждения мною получено 200 руб. Живу в крайней нужде.

С совершенным почтением преданный в Господе Ф. П. Б.

31-го дек. 1894 г.».

* * *

Нам не трудно угадать, что под этими инициалами скрывается некто *Феодор Прохорович Балыхин*, бывший молоканин с. Астраханки, Бердянского уезда, много лет уже как совратившийся в штундо-баптизм, где ныне числится пресвитером и разъездным миссионером, – а в тоже время он состоит и главарём – руководителем Киевской штунды, где его считают хохлы-штундисты как бы своим лже-епископом. Не знаем, как жил и сколько получал Феодор Прохорович в 1894 г., а теперь он уж не терпит бедности, сколько нам известно, получая за свои пропагандаторские подвиги довольную мзду.

В. С.

**Из миссионерской полемики // Миссионерское обозрение.
1900 г. № 1–6. С. 429–450**

Потехин С. Миссионерская беседа со штундистами о кресте и о крестном знамении. С. 429–450

Выслушав мои доводы²³⁰, штундовый со-вопросник Архип несколько замялся, переступил с ноги на ногу, и затем нерешительно произнёс:

– Это вы на счёт знамени действительно... Только вот нужно принимать крест внутренний. Что пользы, если там человек возьмёт знамя, али печать, а дела скверные делает. Сказано, если кто хочет идти за мной, пусть возьмёт крест свой... А то каждый своего ищет...

– Подождите, Архип, вы, я вижу, уклоняетесь в сторону и не даёте ответа мне на вопрос. Скажите, как по Писанию следует: нужно ли Церкви Христовой, народу Божию, иметь вещественное, внешнее знамя и вещественную, внешнюю печать его веры?

– Нужно принимать на себя духовный крест, – упорствовал Архип.

– Но как же вы возьмёте этот духовный крест?

– А так, как Апостол говорит: плоть распять со страстями и похотями, воздержаться от пьянства, воздержаться от блуда, сквернословия, пострадать за веру...

– Так значит, по-вашему, христианам не нужно вещественного знамени их веры: достаточно бороться с грехом и страдать за веру...

– Это не по-моему, сохрани меня Бог от себя говорить или даже помыслить... Так учит Писание!..

– А не знаете ли вы, как учит Писание о внешнем выражении принадлежности народа Божия Богу и о внешнем выражении их веры?

– В Писании сказано: возлюби Бога Твоего всем сердцем и ближнего как самого себя. В этом весь закон и всё учение...

Архип очевидно понимал, к чему я веду речь, и употреблял свою обычную у штундистов изворотливость, чтобы уклониться в сторону и дать беседе другое направление.

– Слушайте же, Архип, и вы все, братья, что в Св. Писании говорится о внешнем законе внутренней веры. Крест внутренний, духовный – нужен, конечно, и первое дело; но для народа Божия, для христиан, нужен и внешний крест, как знамя, как печать его веры. Вы уже знаете, что в Писании говорится об изображении змия, которое Моисей вознёс на знамя. Этот змий прообразовал собой Господа Иисуса Христа, а знамя прообразовало крест, а само вознесение змия на знамя – распятие Господа. Взирая на это вещественное знамя значило обнаруживать свою веру в Бога. Но, может быть, не нужны были все эти внешние знаки веры: не нужно было ни змия, ни знамени,

ни внешнего очами взирания на змия? Может быть, нужно было только духовно вознести змия на знамя и духовно взирать? О, братия, мыслить так значит идти против Писания, значит мудрствовать больше, чем подобает мудрствовать...

– Что вы всё о змие, да о змие, – прервал меня Архип. – Это было в Ветхом Завете, а ветхое всё прошло, теперь всё новое...

– Нет, друг мой, не всё прошло... Не прошло слово и о медном змие, если сам Господь говорил о нём, как о Своем образе. Кроме того, св. Апостол Павел прямо говорит, что всё, что с израильтянами было в пустыне всё это были *образы для нас (1Кор.10:6)*. Но кроме слона о медном змие, в Писании есть много свидетельств того, что народ Божий должен иметь внешнее знамя Божие и внешнюю печать Божию. Вот Давид в 59 псалме молится Богу: *«даруй боящимся знамя, чтобы они подняли его ради истины»*. Зачем ещё внешнее знамя, коли люди боятся Бога, и Бог благоволит к Ним? Однако Давид, который лучше нас с вами разумел божественные дела, не думал так. Точно так и пророк Исаия, который пророчествовал о временах христианских, говорит о внешнем знамени народа Божия. Вот я прочту вам 11 гл. 12 ст. (читаю): *«и поднимет Господь знамя язычникам и соберёт изгнанников Израиля, и рассеянных иудеев созовёт от четырёх концов земли»*

– Но здесь ничего не говорится о кресте.

– Ошибаетесь, Архип. В предыдущем 11-м и в последнем 16-м стихах прор. Исаия ясно показывает, что знамя это даст Господь для того, чтобы *«возвратить Себе остаток народа Своего»*, а в евангелии Сам Господь говорит, что Он тогда привлечёт всех к Себе, когда вознесён будет на крест. В последней главе книги Исаии вот что говорится об этом знамени, под которое соберутся все народы: *«И вот приду собрать все народы и языки, и они придут и увидят славу Мою. И положу на них знамение и пошлю из спасённых от них к народим: в Фарсис, Пулу и Луду, на дальние острова, которые не слышали обо Мне и не видели Славы Моей и они возвестят славу Мою. И представят всех братьев ваших от всех народов в дар Господу – на святую гору Мою в Иерусалим. Из них буду брать также во священники и левиты. Ибо как новое небо и новая земля, которые Я сотворю, всегда будут пред Лицом Моим, так будет семя ваше и имя ваше. Тогда из месяца в месяц и из субботы в субботу будет приходить всякая плоть пред Лице Мое на поклонение, говорит Господь» (Ис.66:18–23)*. О каких это временах говорить пророк Исаия, как не о христианских, и о каком знамени, как не о кресте, на который был вознесён Господь и с которого Он все народы привлёк к Себе?

– Это вы говорите, что знамя – это крест, а в Писании нигде ясно не сказано, – опять прервал меня Архип.

– Подождите, – сказал я ему, – дайте мне окончить речь. Как народу христианскому нужно знамя его спасения, так нужна и печать его веры. Каждый христианин внутренне запечатлён Духом Святым, а *внешне крестом*. Все священные вещи и действия христианина должны носить на себе этот знак веры христианской. Этот знак на христианине нужен и для Бога и для людей. Ещё в Ветхом Завете на челах людей Божиих полагались знаки, чтобы отличить их от других людей. Вот у пророка Иезекииля говорится: *«И призвал Господь человека, одетого в льняную одежду, у которого при поясе прибор писца. И сказал ему Господь: пойдй посреди города и на челах людей скорбящих, вздыхающих о всех мерзостях, совершающих среди него, сделай знак. А шести мужам сказал: идите за ним по городу и поражайте; пусть не жалеет око ваше и не щадите; старика, юношу, и девицу, и младенца и жён бейте до смерти, но не троньте ни одного человека, на котором знак»* (Иез.9:3–6). Так и в Откровении св. Иоанна Богослова говорится, (читаю): что он *«видел Ангела, восходящего от востока солнца и имеющего печать Бога живого. И воскликнул он громким голосом к четырём ангелам, которым дано вредить земле и морю, говоря: не делайте вреда ни земле, ни морю, ни деревьям, доколе не наложим печати на челах рабов Бога нашего. И я слышал число запечатлённых* (Откр.7:2–4)... *И сказано было саранче, чтобы не делала вреда траве земной, а только одним людям которые не имеют печати Божией на челах своих* (Откр.9:4)». Видите, братья мои, что Сам Господь повелевает людям, боящимся Бога, иметь печать Божию и эта печать не внутренняя какая-то, а внешний знак на челе, видимый для ангелов, людей и даже саранче. Святая Церковь считает такой печатью Божией крест, потому что и вера в распятого на кресте Сына Божия отличает христиан от всех остальных людей. Вот в начале беседы Иван по неразумению назвал крест печатью антихриста. Действительно, антихрист будет налагать на своих последователей свою антихристову печать, как и ангел Божий – печать Божию, но печать антихристова будет *начертание имени его или числа, имени его – 666*, как видно из Откровения (Откр.13:18) и ни в каком случае не крест, ибо антихрист будет идти против всего Христова, следовательно, и против креста, который в Писании называется *Христовым* (Гал.6:12, Флп.3:8).

– Всё это ваши предположения, – раздражённо и возвышенным. вызывающим голосом возразил Архип. – Вы вот уже больше часу говорите, а не показали прямо, где в Писании сказано, что нужно

почитать крест... Печать да печать, знамя да знамя, а, где прямо сказано, что крест есть *ваше знамя* и печать?..

– Если бы Св. Писание писали не евангелисты и Апостолы, – ответил я Архипу, – а мы грешные, или если бы евангелистам да Апостолам пришлось писать не по вдохновению от Св. Духа, а отвечать вам, сектантам, на ваши вопросы, как вам хочется, то, быть может, в Писании и было бы сказано так, как вы того требуете... Но Писание уже давно написано и нам остаётся лишь поучаться в нём. А поучаясь, мы и можем найти в нём основания, почему Церковь знаменем своего спасения и печатью своей веры считает крест. Вам недостаточно слов Спасителя, что вознесение змия в пустыне на знамя для спасения взирающих на него от гибели было прообразом того, что и Господу должно вознесению быть на крест, *«дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную»*. Если недостаточно этих слов Спасителя для того, чтобы убедиться, что крест есть знамя нашего спасения, то вчитайтесь в учение св. Апостола Павла о кресте. Для Апостола Павла крест есть символ или знак всего дела Христова. Воплощение Господа, Его учение и чудеса, страдания, смерть и погребение, воскресение и вознесение на небо – всё это он обозначает одним словом – крест. Вот он пишет в первом послании, что Господь послал его благовествовать, т. е. проповедовать евангелие и говорит, что это благовествование есть слово о кресте. *«Христос послал меня не крестить, а благовествовать, не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова. Ибо слово о кресте, говорит дальше Апостол, для погибающих юродство есть, а для нас спасаемых сила Божия есть»* (1Кор.1:17–18). К Галатам этот же св. Апостол пишет, что Ветхий Завет с его законом и обрезанием прошёл уже, настал Новый Завет Христов и этот завет он называет одним словом: крест. *«За что же гонят меня, братия, спрашивает он по поводу гонений на него за отрицание обрезания, если я и теперь проповедую обрезание. Тогда (т. е. в случае сохранения обрезания Ветхого Завета) облазн креста прекратился бы... Желющие хвалиться по плоти принуждают вас обрезаться только для того, чтобы не быть гонимыми за крест Христов, ибо и сами обрезывающиеся не соблюдают закона, но хотят, чтобы вы обрезывались, чтобы подвалиться в вашей плоти; а я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, Которым для меня мир распят и я для мира»* (Гал.5:11, 6:12, 14). Обрезание внешнее, конечно, не нужно, как бы говорит Апостол, нужен крест! В послании к Ефесянам он говорит опять, что примирение людей с Богом совершено посредством креста. *«Господь есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший*

стоявшую посреди преграду, упразднив вражду плотью Своею, а закон заповедей учением, дабы из двух создать в Себе нового человека, устрояя мир, и в одном теле примирить обоих с Богом **посредством креста**, убив вражду в нём» (Гал.2:14–16). Видите, братия, как св. Апостол всё дело Христово называет одним словом **крест**. И, наконец, всех противников христианства, всех хулителей Христова учения и отрицателей Апостольского предания он называет в послании к Филиппийцам противниками креста: «Подражайте, братия, мне, говорит он: и смотрите на тех, которые поступают по образу, который имеете в нас. Ибо многие, о которых я часто говорил вам, а теперь даже со слезами говорю, поступают как враги **креста Христова**» (3, 17–18). Понятно ли вам теперь, братия, что для Апостола слово или вид креста напоминало или обозначало всё дело Христово? А если так мыслил и говорил св. Апостол, то как иначе относиться ко кресту нам христианам, последователям Апостолов? Можно ли нам не считать крест знаменем дела Христова и печатью нашей веры? О, как истинно слово Апостола что только для погибающих слово о кресте – юродство, безумие, а для нас спасаемых, принимающих крест, сила Божия есть...

Тексты я вычитывал по евангелию. Ясное и необыкновенно выразительное указание св. Апостола на крест производило, как я замечал, сильное впечатление на православных слушателей. Они как бы не ожидали столь сильных свидетельств Писания о кресте. Штундисты тоже усиленно внимали речи, но я видел, что они не соглашались с моим толкованием текстов и готовы прервать. Я боялся за цельность впечатления и невольно усиливал голос, чтобы не дать места их возражениям. Но Архип так прорвался:

– Да позвольте, – закричал он, – Апостол говорит о духовном кресте, а не об изделии из золота или из дерева. Под крестом нужно понимать учение Христово, а не кусок золота или дерева. Вот когда Христос говорит: кто хочет следовать за ним, пусть несёт крест Его. разве он говорит о деревянном кресте? Это значит нести страдания, судьбу... Читать так Слово Божие нельзя! Вы скрадываете мысль. Нигде не сказано, что деревянный или золотой крест обозначает христианскую веру. Крест – это страдания!..

Я очень устал, да и Архипу нужно было дать высказаться. Архипу помогали его единомышленники, выкрикивая про страдания Христовы и делая замечания на мой счёт. Когда я немного отдохнул, а штундисты поутихли, я заключил следующим образом эту часть беседы.

– Нет, Архип и вы все единомышленники Архиповы (мы – Божии, заметил кто-то в толпе штундистов), вы неправду говорите и про крест, и про моё чтение Слова Божия. Я ничего больше не сказал как то, что апостол называет словом крест всё дело Христово. А дело Христово нельзя понимать так, что оно состояло только во внутренних страданиях Христа или, как вы Архип бессмысленно говорите, что в страданиях человеческих, которые нужно переносить... Дело Христово, или *крест* Его, это всё то, что сделал Христос: не только страдание духовное, но и страдание телесное. Больше того: крест Христов – это принятие им нашей плоти, это благовестие нам грешным Его учения, это исцеление Им наших язв и немощей, это Его распятие, Его гроб, воскресение и вознесение. Нести свой крест, переносить свои, от Бога посылаемые на долю человека, страдания может и еврей, и язычник, а не только христианин. Взять же крест Христов может только христианин, может только человек верующий, что Христос пришёл во плоти, что дал Божественное учение, творил Божественные дела, что Он пострадал, умер, погребён, воскрес и вознёсся на небо. А кто верует, тот открыто исповедует. Кто верует в дело Христово или крест Христов, тот открыто и примет знак или выражение креста. Вот, говорят, нужен какой-то духовный крест. А что это за духовный крест, они и сами не знают. А мы знаем из Евангелия, что крест Христов был не духовный, а вещественный, деревянный. Этот крест из дерева нёс Спаситель на своих раменах и падал под тяжестью Его; этот крест из дерева был возложен воинами, затем на проходившего Симона Киринаянина; этот крест из дерева с распятым на нём Господом был водружён на Голгофе, этот крест из дерева вместе с крестами двух разбойников был там зарыт и через триста лет открыт царицей Еленой! Это древо креста и доселе хранится в Церкви Христовой. На св. этот крест указывал св. апостол Павел и от него брал слово, чтобы обозначить всё дело Христово! Итак, повторяю, братия, св. Церковь не без основания избирает себе в знамя спасения и в печать веры изображение креста. Почему это, а не другое? Потому, что Христос спас нас крестом и потому, что на крест, как на символ или знак, как на выражение всей христианской веры, указывает св. апостол. Об этом довольно сказано.

Я объявил перерыв беседы. Половина слушателей вышла из школы и струя холодного воздуха освежила комнату. Я сильно уставший и вспотевший, рискуя простудиться, оставался на сквозняке, чтобы хоть немного освежиться. Кружка холодной воды была уже выпита мною и штундистами. В школе воды больше не оказалось, послали к соседям. Во время получасового перерыва в школе стоял

шум и говор: штундисты продолжали беседу с православными, разбившись на группы. Здесь ревнители давали себя знать. Один из них, Кузьма, сцепился с Архипом, приходившимся ему двоюродным братом. «Братыку, приходи до мене: хочь цилу нычь будем читать Писание. Я тоби покажу, що вы не поправди святы иконы звете идолами»... слышался мне голос Кузьмы. Бедный, бедный, думал я. не обратить тебе твоим чтанием, как и мне моей беседой, того, кто уже бесповоротно отвергся от Церкви. Хотя бы лишить его обаяния знатока Писаний и сделать неспособным соблазнять малых сих! В другой группе уже начиналась ссора между православными и вздорным штундистом Иваном... У стола третья группа пересматривает мои книги, переворачивают Библию, находя и останавливаясь над заметками, по которым я воспроизвожу библейское учение о различных предметах. Лежащая на столе Симфония на Новый Завет кн. Барятинской возбуждает в них особый интерес. Они подходят ко мне с нею и спрашивают, где можно приобрести. «Вот жалость, говорят они на мои заверения, что она вышла из продажи, а мы никаких денег не пожалели бы» ... Ещё бы пожалеть, думаю я! Вам бы только увидеть средство на развращение душ христианских!.. Уж на что святая книга Евангелие, а сколько зла вы сделали им!.. Полчаса проходит. Усталость только сильнее чувствуется, но пора уже возобновлять беседу. Я подхожу к столу и возобновляю беседу кратким повторением предыдущих рассуждений.

«Нам предстоит теперь решить третий намеченный вопрос, продолжал я, именно: если крест есть знамя Церкви Христовой, знамя спасения и печать веры христианской, то это и есть основание, почему христиане полагают знак креста на себя и на всем, что для них дорого, водружают на храмах, при дорогах, при постройках домов, на священных вещах и предметах. Кроме того, все священные действия совершаются в виде креста, или посредством креста, как то: освящение воды, помазание елеем, каждение фимиамом, благословение рукою и т. п., во всём этом христиане показывают торжество Церкви Христовой и свидетельство веры в дело Христово или в крест Христов. Всё это свидетельство для других. Но какая польза человеку, когда он полагает крест на себя перед и после всякого дела, когда он вносит крест в свои дома, полагает на своих вещах, получает осенение крестом от других? Какая польза от этого христианину, для чего это он делает? Думали ли вы об этом, братия православные, и что вы скажете на это, уклонившиеся от Церкви?» Все молчали. Я обратился к Архипу: как вам, кажется, Архип, для чего это христиане приближают к себе знак креста настолько, что

христианина трудно даже и помыслить без креста? Какая христианину польза от этого вещественного знака креста?

Архип отвечал: «пользы мы не знаем. Вы кланяетесь кресту, для того вы и ставите их. Такая ваша вера и ваша сила. Вслед за Архипом отвечал другой штундист. «В Откровении говорится, что без печати нельзя будет ни продавать, ни покупать. Вот вы для этого и ставите кресты» ...

– Ты, брат, возразил я этому последнему, недобросовестен. Мы уже читали из Откровения, что печать, про которую ты говоришь, будет принадлежать не истинным христианам, а последователям антихриста, и будет изображать не крест Христов, а имя зверя или число имени его: 666. Нельзя и большой грех тому, кто смешивает священное изображение креста с печатью антихриста. А что сказал Архип, то – правда. Мы ставим кресты, потому что такая наша вера и наша сила. Мы ставим кресты, как победный знак над врагом дьяволом, как знак торжества своей веры христианской.

Архип тихо произнёс: христиане должны быть гонимы, а не торжествовать.

– Нет, Архип, время гонений за веру и за Христа прошло. Теперь везде, во всём мире, за исключением двух-трёх царств языческих да магометанских, вера Христова торжествует. Даже и в этих нехристианских царствах теперь не позволяют воздвигать гонения на христианских проповедников.

– А нас гонят, азартно воскликнул один из штундистов.

– Неправда! Я много раз объяснял вам, что вас за веру вашу никто не гонит. Подвергают же вас наказанию не за содержание веры вашей, а за проступки против законов государственных, за общественные ваши собрания и за оскорбления святыни нашей. Веруйте, как хотите, но не беззаконствуйте!..

– То вы беззаконствуете. У вас пьянствуют, сквернословят...

– Перестань! Я не позволю опять в десятый раз поднимать старые вопросы. Теперь мы беседуем о кресте и крестном знамении. Сами же вы добивались этой беседы, а теперь всё отвлекаетесь в сторону. Скажите, Архип, вы человек рассудительный, как вам кажется, полезно ли водружать везде кресты, как знамя веры Христовой и полагать их на себя?

Архип улыбнулся на мой комплимент. «Что ж, пожалуй он плечами, может быть для вас и полезно. Украшение хорошее! Вот и молодым священникам дали, сперва не было. Да и на храмах красиво: отчего не ставить? А что пользы, не знаю. Расход есть, да соблазн»...

– Ну, брат Архип, мало же вы думали о кресте. Что расход на кресты есть, то это небольшая тягость. На дело Божие скупиться нечего. Соблазна ещё от крестов никто не знает... Но в ваших словах есть одна мысль справедливая. Вы её к насмешке сказали, а оно выходит в правду, по Писанию. Действительно, крест – украшение хорошее! Такое украшение, о котором даже пророчествовал пророк Исаия, говоря о временах Христовых. Вот послушайте братия (читаю): *«Слава Ливана придёт к тебе, кипарис и павг и вместе кедр, чтобы украсить место святилища Моего, – и Я прослаблю подножие ног Моих (Ис.60:13)»* ...

– Это о храме иудейском... Где же тут говорится про крест?..

– Говорится об украшении храма каким-то предметом из дерева: кипариса, павга и кедра, и все толковники Библии указывают при этом на крест, который был, по преданию, трёхчастный и трёхсоставный, именно, из этих деревьев.

– Но это ваше толкование, а мы его не признаём. Это говорится просто про деревянные украшения...

– Не великая же слава храму, который был богато украшен золотом, серебром, медью и дорогими камнями, от того, что он будет украшен ещё деревом. В иудее кипарисом, павгом да кедром печи топят. Нет, если пророк Исаия пророчествовал об этом украшении храма из дерева, то, следовательно, он разумел какой-то особый предмет, которого до Христа не было ещё в храмах...

– Но здесь говорится об иудейском храме. Там креста не ставили.

– Нет не об иудейском храме, а о храме христианском, где будут славить Христа. Что это пророчество относится ко Иисусу Христу и религии Нового Завета, это ясно из самого текста этого пророчества (читаю): *«восстань, светись Иерусалим, ибо пришёл свет твой, и слава Господня возшла над тобою... И придут народы к свету твоему и цари к восходящему над тобою сиянию. Возведи очи твои и посмотри вокруг, все они собираются, идут к тебе, сыновья твои издалека идут и дочерей твоих на руках несут... Тогда сыновья иноземцев будут строить стены твои и цари их служить тебе. И будут всегда открыты врата твои, не будут затворяться ни днём, ни ночью, чтобы приносимо было к тебе достояние народов и приводимы были цари их. Ибо народ и царства, которые не захотят служить тебе – погибнут и такие народы совершенно истребятся. И придут к тебе с покорностью сыновья угнетавших тебя и падут к стопам твоим все презиравшие тебя, и назовут тебя городом Господа, Сионом Святого Израиля»*. Скажите, разве всё, о чём здесь пророчествовал прор. Исаия, случилось когда-нибудь с еврейским

народом, который рассеян по лицу земли, или с еврейским Иерусалимом, который был разрушен, по предсказанию Господа, или с иудейским храмом, от которого не осталось ни одного камня? Нет, всё это случилось с христианским Иерусалимом, когда на месте гроба Господня построен был храм христианский и на нём засиял для всего мира – крест. И сбылось пророческое слово и воистину крест Господа украсил место святилища Господня, и Господь прославил подножие ног Своих!..

– Подожди, г. миссионер, подножие здесь не храм, а земля. Земля – подножие ног Моих, говорит Господь.

– Действительно, в Писании есть слова, которыми указывается на землю, как на подножие ног Божиих. Но в данном пророчестве Исаии подножием называется святилище или храм. И не только храм христианский нужно считать местом особенного присутствия Божия, но и бывший храм иудейский. Но не об этом речь... То правда, ещё раз повторяю, что крест есть знамя величайшего торжества Церкви и славнейшее украшение христианских храмов. Св. древо креста, обретенное в XV веке царицей Еленой прославило христианский храм в Иерусалиме, где оно отныне сохраняется. Частицы этого животворящего древа прославляют и другие храмы христианского мира. Даже изображение креста есть самое лучшее украшение храмов и людей. Не даром в христианских государствах ордена или украшения, даруемые Царём за услуги, представляют собой золотые и серебряные кресты... Итак, кресты ставятся как знамя нашей веры, для показания торжества её и для христианского украшения. А ещё для чего, не скажите ли, Архип?

– Говорите вы! Вы для того и приехали. Мы люди малограмотные, уже смиренничал Архип.

– Ну, хорошо, я скажу, хотя вы и хвалились, что лучше меня знаете Библию. Но будем продолжать беседу. Скажите, Архип, зачем вы держите у себя Библию – листы бумаги с чёрными буквами.

– Как зачем? Это Слово Божие, святое Писание! Оно полезно и для научения, и для обличения, как учит св. апостол.

– Чем же оно полезно? Не тем ли, что оно напоминает нам о Боге и Его заповедях? Не тем ли, что эти чёрные буквы, отпечатанные на бумаге, напоминают нам то, что говорил и сделал для нас Господь?

– Конечно, тем... Евангелие – это само Слово Божие...

– Нет, нет, Архип. Слово Божие выходило из уст Божиих или Его святых пророков, равным образом, дела Божии делались не на бумаге и не чёрными буквами, а в живом мире, среди живых людей. А люди записывали эти слова и эти дела на изобретённых ими веществах:

досках, папирусе и бумаге посредством изобретаемых ими значков или букв. Библия, по своему веществу, есть произведение рук человеческих, как и крест, но она по своему значению, потому, что она напоминает нам о Боге и Его законе – есть предмет святой, божественный. Для этой-то цели, для воспоминания нашего о законе или словах Божиих мы и держим у себя и читаем Библию, не так ли, Архип?

– Положим, что так, угрюмо отвечал Архип.

– Для этой же цели мы и водружаем кресты, где только возможно и прилично. Библия напоминает нам слова Божии и дела Божии своими буквами, а крест напоминает нам величайшее дело Божие – искупление нас Господом Иисусом Христом – своим видом или своей формой!

– Но как кусок дерева, или меди, или золота может нам напоминать искупление? Лучше, если об этом прочтём в Евангелии.

– Кто прочтёт, а кто и не прочтёт: не все грамотные. Да и грамотные не всегда имеют под руками Евангелие, да и не всегда... удобно читать его. А о деле Божиим всегда нужно помнить, и мы только радоваться должны тому, что есть способ напоминать нам о Христе возможно чаще и на всяком месте. Вид креста на храмах, при дорогах, на груди у священников, частое осенение себя знаком креста добрыми христианами, благословение в виде креста, – всё это отвлекает нас от наших суетных мыслей и возводит ко Христу. А то, что вы говорите, Архип, о том, что вещество не может напоминать нам о деле Божиим, то это вы говорите несправедливо. Ведь вид букв Библии для грамотного напоминает слова Божии. Кроме того, в Библии находится прямое повеление Господа употреблять вещественные значки для напоминания людям о законе Божиим. Вот послушайте, я вам прочту кое-что об этом из Библии: *«И сказал Господь Моисею, говоря: объяви сынам Израилевым и скажи им, чтобы они делали себе кисти, на краях одежд своих в роды их, и в кисти, которые на краях вставляли нити голубой шерсти, И будут они в кистях у вас для того, чтобы вы, смотря на них, вспоминали все заповеди Господни и исполняли их, чтобы вы помнили и исполняли все заповеди Мои и были святы пред Богом вашим (Числ.15:38–40)»*. И в другом месте: *«Да будут слова сии, которые я заповедаю тебе сегодня в сердце твоём и в душе твоей. И внушай их детям твоим и говори об них сидя в доме твоём, и идя дорогой, и ложась, и вставая. И навяжи их в знак на руку твою, и да будут они повязкой над глазами твоими, и напиши их на косяках дома твоего и на воротах твоих (Втор.6:6–9)»*. Если, по словам Господа, голубая нить в кистях одежды, если повязка над глазами и на

руке должны были служить напоминанием израильтянам о заповедях Божиих, то вид древа креста, на котором был распят Господь и изображения этого креста не будет ли для нас самым лучшим напоминанием об искуплении нас на кресте? Крест есть самый лучший, самый точнейший образ или начертание перед нами распятого Господа. А такой образ, такое начертание распятия Христа перед глазами христианина самый надёжный способ укорениться в истине. Апостол Павел в своём послании Галатам не может надивиться их противлению истине именно по тому, что у них было живое начертание или образ Христа: *«О несмысленные Галаты, писал он, кто прельстил вас не покоряться истине, вас, у которых перед глазами предначертан был Иисус Христос, как бы у вас распятый? (Гал.3:1)»*. Взгляните на крест и если вы христианин, у вас живо предстанет перед глазами распятый за вас Господь...

– Читайте лучше Евангелие! Там лучше читается об этом, чем на деревянных крестах...

– Вы опять своё, Архип... Не все же и не всегда могут читать Евангелие... Но мы водружаем кресты и полагаем их на себе не потому, что они только напоминают нам о кресте. Это напоминание, полезное для памятования об искуплении, полезно и тем, что оно для нас спасаемых, по учению Апостола, *сила Божия есть*...

– Это говорится не о кресте, а о слове о кресте.

– Да, да, о слове, т. е. о том, что говорит нам, напоминает нам о кресте. А говорить нам о кресте Господа Иисуса Христа одинаково может и слово выходящее, и буквы Св. Писания, и вид вещественного креста. Здесь получают важность и слова, и буквы, и форма от того, о чём они говорят нам, что они напоминают нам. Точно слова Апостола читаются так: *«слово о кресте для погибающая юродство есть, а для нас спасаемых сила Божия есть» (1Кор.1:18)*. Юродство – значит безумие, соблазн, претыкание. И действительно, для погибающих, т. е. для тех, кто отверг спасение, достигаемое в Церкви, кто отверг крест, он составляет безумие, или соблазн, он представляет только кусок дерева, изделие рук человеческих. А кто остаётся в Церкви, для того крест, т. е. всё то, что говорит нам о кресте, будет ли то устное учение о кресте, или писанные буквы о кресте, или вещество, имеющее форму или вид креста, или знак креста, делаемый движением руки, всё это для спасаемых в Церкви сила Божия есть, великая, благодетельная сила...

– Но откуда видно, что от креста великая сила? Я знаю, что вы станете говорить о чудесах от креста, но всё это предание человеческое, а мы его не принимаем. Покажите нам от Писания...

– Вы не верите преданию... Хорошо, я покажу вам свидетельство от Писания, хотя знаю, что вы и ими не убедитесь. Вас смущает то, что от вещества креста может происходить сила Божия. А не читали ли вы в Писании, что от ковчега завета, сделанного из дерева с золотыми изображениями херувимов, остановились воды Иордана (Иис. Нав.3:15–16), рухнули стены Иерихона (Иис. Нав.4:18–19), рассыпался в прах идол филистимлянский Дагон (1Цар.5:4), умер святотатственно коснувшийся ковчега (2Цар.6:6–7), получил благословение дом Аведдара (2Цар.6:11)?.

– Но то всё было от Бога?..

– Да, от Бога, но через видимое посредство ковчега!..

– Ковчег завета не крест.

– Не крест, да, но он заключал в себе такую силу Потому, что служил вещественным напоминанием о присутствии Бога среди народа израильского, так что когда поднимали ковчег или становили на землю при передвижениях говорили: *восстани, Господи, возвратись, Господи* (Числ.10:35) ... Точно так и крест имеет значение потому, что служит для нас вещественным напоминанием нашего спасения от Господа. Но я вам напомню ещё свидетельства слова Божия о чудесной силе, проистекаемой от вещественных знаков креста. Помните ли вы рассказ Библии о том, как Иаков благословил сыновей Иосифа? Он сложил над ними руки вот так, в виде креста, и этим изменили обычное у евреев право наследства (Быт.48). В войне с амаликитянами Моисей молился Богу с воздетыми руками, изображая собою крест. И от этого положения зависела победа израильтян, ибо когда Моисей опускал руки и переставал изображать собою крест, начинали побеждать амаликитяне; так что Аарон и Ор должны были взойти на гору к Моисею и поддерживать руки Моисея распростёртыми в виде креста. По повелению Божию, в ночь перед исходом из Египта израильтяне должны были помазать перекладину и оба косяка дверей кровью для того, чтобы пройти мимо этих домов ангелу смерти. Какой вид будет иметь спасительный знак, если помазать перекладину и косяки дверей, как не изображение крестов на обеих половинах дверей (Исх.12:22)? В книге пророка Иезекииля говорится, что Бог повелел сделать на челах всех боящихся Бога знак, чтобы их не коснулись губители (Иез.9:3–6). Вы знаете, что книга пр. Иезекииля написана была на еврейском языке и слово знак обозначено там еврейскою буквой «тав», которая имеет вид креста. Вот и в Откровении Иоанна Богослова Бог повелевает сделать печать на лицах рабов Божиих (Откр.7:2–4), чтобы им не погибнуть от грядущего горя. А крест для христиан всех времён и является печатью Божией... Повторить ли вам

о чудодейственной силе повешенного на знамя змея, которое представляло собой крест с вознесённым на нём Господом нашим и которое спасало от смерти всех взиравших на него?.. Видите теперь, братия, и вы, Архип, какую благодетельную силу Божию имеет крест или изображение креста.

– Эта сила не от креста, а от Бога...

– Но я же объяснил вам это, и что вы можете сказать против того, что Бог избирает вещественные знаки для проявления своей чудодейственной силы? Укажите мне, но вы не укажете, хотя один случай, что Бог проявляет Себя и Свою силу непосредственно без всякого посредства вещества и без вещественной формы. Сколько раз мы в предшествовавших беседах говорили о том, что Сам Бог, Дух по существу Своему, когда входит в общение с людьми, принимает телесную, хотя и призрачную форму; так и ангелы, так и вообще всякая сила Божия. А в Иисусе Христе Бог даже явился в действительной плоти. Даже духовная благодать Божия подаётся нам не иначе, как через посредство вещества. Благодать второго рождения свыше, для христианской жизни подаётся через воду, благодать укрепления и возрастания в этой жизни, – через миро, благодать соединения со Христом в одно тело, через вкушение хлеба и вина, претворённого в истинное Тело и Кровь Христовы, благодать священства – через рукоположение... Так и через вещество креста подаётся благодетельная сила Божия на прогнание всякого врага и супостата, ибо крестом и на кресте поправа власть диавола...

– Если человек плохо живёт, то ему никакой крест не поможет. Он всё равно будет раб диавола...

– Оставьте, Архип, такие выражения. Этим вы только в сотый раз повторяете, что у вас и без креста – праведники, а у нас и со крестом – грешники. На эту праведность вы надеетесь в спасении, вам не нужно никакой благодатной силы. А мы вместе с Апостолом *«благодарью спасаемся через веру, и сие не от нас, Божий дар, не от дел, чтобы никто не хвалился»* (Еф.2:8) ... Вы хвалитесь праведностью, а мы, как Апостол в послании к Галатам, *«ничем не желаем хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, Которым для нас мир распят, и мы для мира»* (Гал.6:14) ...

– Если вы думаете, что мы хвалимся, то мы совсем не будем говорить.

– Нет, вы говорите, но только о том, что избирается предметом беседы, а то легко отвлечься в сторону. Вместо беседы о кресте, будем говорить о наших грехах и о вашей праведности. Но что и при грехах крест может помочь, то это ясно для всякого, кто верит, что Бог

всемогущ и для добрых, и для злых. Нужна лишь с нашей стороны вера, а веровать могут и грешники. Вид креста пробуждает веру у них своим видом, а крестное знамение служит свидетельством сей веры... Но довольно об этом. Из прочитанных и разъяснённых мест Св. Писания видно, что христиане водружают кресты и осеняют себя знаком креста для того, чтобы засвидетельствовать свою веру в распятого на кресте Господа Иисуса Христа, чтобы показать торжество этой веры, чтобы непрестанно возбуждать напоминание о ней, и чтобы иметь силу Божию на прогнание всякого врага и супостата... Перейдём теперь к четвёртому предмету беседы: нужно ли считать крест предметом достойным почитания и поклонения? Ну скажите, Архип, если бы вы признали, что крест знамя христианской Церкви и печать христианства, если бы вам крест напоминал об искуплении вашем от Господа, если бы вы верили, что он является для вас источником силы Божией, скажите, не почитали ли бы вы его и не поклонились ли бы вы ему?

– Я знаю только то, что одному Богу нужно кланяться, и одного Бога нужно почитать... Сами же вы читали, что когда стали кадить медному змею, то Езекия уничтожил его. А вы крестам кадите...

– Медному змею стали кадить, приняв его за идола Нехуштана, а каждение перед священными вещами и перед людьми не возбраняется. Нужно различать священное от несвященного... перед ковчегом завета и в скинии перед завесой, где были священные изображения херувимов, совершать каждение было повелено Господом. Смотрите на крест, как на священную христианскую вещь и он станет для вас вещью достойной и каждения, почитания и поклонения. Каким уважением и почтением окружены были скрижали завета, жезл Аарона прозябший, знак его священнического достоинства, и ковчег с манной, питавшей чудесным образом евреев в пустыне! По свидетельству ап. Павла, они были положены в ковчег завета и хранились в «святом святых», куда мог входить только один первосвященник и то один раз в году (Евр.9:3–7) ... Также почитанием окружён был меч, которым Давид убил Голиафа и тем избавил евреев от ига филистимского (1Цар.21:9). Точно также, прор. Иеремия, подавая Иуде Маккавею меч для борьбы и избавления от язычников, называет этот меч «святым» (2Мак.15:16) ...

– Это в неканонических книгах сказано...

– А вы знаете, что такое неканонические книги?

– Это те, что переведены с греческого...

– Ну, если судить поэтому только, то вы весь Новый Завет посчитаете неканоническим, ибо он переведён с греческого. Но вопрос

не в этом. Нам важно свидетельство книги Маккавеев, потому что оно свидетельствует об отношении древней иудейской Церкви к предметам, имевшим для неё великое значение. Если меч, которым люди избавляются от рабства, людям свят, то во сколько раз святее крест, которым люди избавлены от рабства диавола и примирены с Богом?..

– Крест есть дерево, как оно может быть святым? Человек может быть святым, а дерево нет...

– Святым в Писании называется всё то, что освящено Богом. Святая – земля (Исх.3:5), святой город Иерусалим (Мф.27:53), святая гора Преображения (2Пет.1:18), святы люди, которые освящены благодатью Божией (Деян.9:3; Рим.1:7). Крест есть древо, и святое, и благословенное, как его называет Соломон...

– Ну, прочитайте это место...

– Хорошо (читаю): *«благословенно дерево, через которое бывает правда (Прем.14:7)»* ...

– Читайте, читайте дальше...

Читаю: *«А это рукотворенное проклято и само, и сделавший его за то, что сделал; а это тленное названо богом...»*

– Вот видите, с торжеством воскликнул Архип.

– Ничего не вижу, кроме того, что написано. Идолы рукотворенные, действительно, прокляты и сами они, и делающие их. А древо, через которое бывает правда, будет ли то Ноев ковчег, или жезл Ааронов, или крест Христов, благословенно во веки. Через древо креста открылась величайшая правда. Вот что говорит об этом св. апостол Пётр: *«Господь грехи наши Сам вознёс Телом Своим на древо, дабы мы, избавившись от грехов, жили для правды» (1Пет.2:24)*. Но самое главное, почему мы почитаем и поклоняемся кресту, это то, что он есть жертвенник, на котором принёс Себя в жертву Господь Иисус Христос... Скажите, Архип. Христос называется в Писании жертвой за грехи людей?

– Называется, как же, в послании к Евреям...

– И в послании к Евреям, и в послании к Римлянам, и в пророчествах Исаии. А если Иисус Христос есть жертва Богу, то крест есть жертвенник Божий, а как таковой он свят. В книге Исход жертвенник, на котором приносились волы и тельцы, называется *«святыней великой»*. Тем более, такой святыней может и должен быть крест, на котором принёс Себя в жертву Господь Иисус Христос, истинная и величайшая жертва Богу, в то время как волы и тельцы были только прообразом её. Жертвенник настолько свят, что, по словам Самого Господа Иисуса Христа, он *«освящает дар»*

(Мф.23:18). Св. апостол Павел противопоставляет и указывает на преимущество креста, этого христианского жертвенника, перед жертвенником иудейским. *«Мы имеем жертвенник у от которого не имеют права питаться служащий скинии (Евр.13:16)»*, т. е. от Тела и Крови Христовой, которые отданы за жизнь мира (Ин.6:51). Что же можно сказать против почитания и поклонения кресту?.. Что вы ещё скажете, Архип?

– Ничего, – ответил он, – вы своё, а я своё... и сделал при этом вид, что окончил уже беседу, но вдруг опять придвинулся к столу и заговорил: – мы не можем принять почитания креста. На кресте Господь принял смерть и претерпел поругание... За что же почитать крест? Вот царя Александра Второго бомбой убили. Он был добрый царь. А бомбу разве нужно почитать? Даже и вы не почитаете!..

– Нельзя смешивать одно дело с другим. Смерть царя была недобровольная. Она никому пользы доброй, конечно, не принесла, не имела благодетельных последствий для людей, причинив лишь всем нам великую скорбь. А смерть Христа, как учит Писание, была добровольная и принесла нам величайшее благо, – избавление от греха, проклятия и смерти. Бомба вела к печали и позору для России, а крест к нашей радости и славе всего человечества. Я знаю, Архип, что вы называете крест шибеницей²³¹, виселицей... Да, когда-то, до Христа, крест, действительно, был позорным орудием казни, а ныне, в царстве христианском, стало славным знаменем победы над диаволом, причинившим Христу крестные страдания. Помните, что определил Бог после грехопадения Адама по отношению к диаволу. *«Вражду положу между тобой и между женой, между семенем твоим и между семенем её, т. е. между диаволом и Иисусом Христом: оно, т. е. Иисус Христос, поразит тебя в голову, а ты ужалишь его в пяту (Быт.3:15)»*. Если бы на кресте диавол победил, то тогда крест, действительно, оставался бы для нас позорным орудием, знаком величайшей печали, но победил Христос и победил окончательно, и крест для нас есть орудие Христовой победы, знак величайшей славы и радости. Поругание Христово стало для нас славой. Вот почему и Апостол приглашает выйти на встречу Христу, и как бы почтить его этим, со знаком этого поругания, т. е. со крестом. *«Иисус, говорить он в послании к Евреям, дабы освятить людей Кровью Своею, пострадал вне врат. Итак, выйдем к Нему за стан, неся Его поругание (Евр.13:13)»*. Как царя встречают с тем, что больше всего указывает на его силу и славу, так и Христа будем встречать с тем, что было для него величайшей славой, хотя и предназначалось в поругание, будем встречать со крестом в наших мыслях, на наших персях (на груди) и в

руках наших!.. Вы вот, Архип, сказали, что, мол, вы своё, а я своё. Но можете ли вы, положив руку на сердце, сказать, что в продолжение всей беседы я говорил своё, т. е. от своей головы, а не на основании Писания?.. Не дай же и вам Бог оставаться со своим, т. е. разумею веру *по своему*, а не по Писанию!.. Беседа окончена. Может быть вы ещё желаете спросить что-нибудь, или кто-нибудь из ваших?

– Ничего, – ответил Архип и отодвинулся. На его место выступил тихий скромный штундист, ныне, по воле Божией, добрый православный христианин, и робко, застенчиво произнёс:

– Я вот признаю, что крест не идол и что он знамя христианское, но, видите ли, г. миссионер, нам кажется большим соблазном поклоняться дереву, как Богу живому, а вы кланяетесь и молитвы у вас такие: «кресте святой, спаси нас, прогони от нас силу диавола, помогай со святой госпожой Богородицей».

– Не смущайтесь этим, брат, – отвечал я ему, – поклонение древу, от которого исходит сила Божия, или который только знак силы Божией, не зазорно и не противно Писанию. Храм есть тоже создание человека из дерева, камня и разных металлов, а царь и пророк Давид сам кланялся храму и других приглашал поклоняться ему. *«Войду в дом Твой, говорит он в 5-м псалме, – поклонюсь святому храму Твоему в страхе Твоём (8 ст.)»*. *«Превозносите Господа Бога нашего и поклоняйтесь подножию Его; свято оно!»* восклицает он в 98-м псалме (5 ст.). Не дереву креста по природе его, не материалам, из которого построен был храм, следовало поклоняться, а силе Божией, прославляемой через древо креста, – Самому Богу, Который, по словам Спасителя, живёт во храме (Мф.23:21). Крест и храм, в этом случае, знак или обозначение силы Божией или присутствия Божия... И молитвы наши кресту животворящему представляют собой обращение к силе Божией, проявляемой через посредство креста, а не к материалу, из которого сделан крест... Но довольно, закончим беседу... Помните же, братия, что вторая заповедь и все похожие на неё места Св. Писания запрещают делать идолов или кумиров, а не священные вещи, что крест есть знамя христианской Церкви и печать христианской веры, что мы водружаем кресты и знаменуем себя крестным знаменем для показания и засвидетельствования всем и перед всеми нашей веры, для воспоминания о спасении от Господа через крест и, наконец, для прогнания всякого врага и супостата, для получения силы Божией. За всё это мы особенно чтим св. крест, поклоняемся ему, как жертвеннику, на котором Сам Господь принёс Себя в жертву за грехи всего мира. Помните это, братия, и не смущайтесь речами, которые будут говорить вам те, кто самозвано хочет учить вас. Поклонимся же

св. кресту и прославим Господа, умершего за нас на кресте и воскресшего!..

Прекрасно организованный хор пропел трижды песнь св. кресту. Православные усердно крестились и передние ряды низко при этом кланялись. Я роздал имевшиеся у меня брошюры. Штундисты брали их нарасхват. Архип попросил у меня брошюру о кресте. Я дал.

– А всё же вы, г. миссионер, не указали прямой заповеди поклоняться кресту, – с улыбкой, но довольно дружелюбно начал он беседу опять...

– Ах, Архип, устал я. Чего ещё прямее нужно, как учение ап. Павла о кресте. Но вам хочется иметь всё в такой форме какая угодна вам. Если бы Апостолы, как я говорил уже вам, жили в наше время, то они, несомненно, и дали бы прямую заповедь, если бы такие неверующие в крест жили в его время, то он, наверное-бы, обличил их недоверие, как обличал разных живших в его время еретиков... Но да будет на всё воля Божия!

Народ опять надвинулся к столу и стал прислушиваться к возобновившейся беседе. Было уже 11 часов ночи. Голос мой ослаб, и я сам устал до последней степени, и потому решительно прекратил разговор, объявив о следующей беседе на послезавтра. На эту беседу, как и ещё на две последние, Архип не приходил, да и вообще они не имели такого оживлённого характера, как эта беседа о кресте. Только на беседе о священстве, вопрос о вознаграждении священников вызвал некоторые живые и сильные возражения, о которых я когда-нибудь сообщу читателям «Мис. Обзор.».

Епарх. миссионер *С. Потехин*

**Из миссионерских запросов // Миссионерское обозрение.
1900 г. № 1–6. С. 450–452**

Булгаков Н. Как уяснить выражение Ап. Павла: *о них же не лет ныне глаголати подробно* (Евр.9:5)? С. 450–451

Не найдёт ли возможным редакция «Миссионерского Обозрения» уяснить значение выражения ап. Павла в послании к Евреям: *о них же не лет ныне глаголати подробно* (Евр.9:5), – что сектанты прилагают к иконам и считают себя непобедимыми? Разъяснение этого места помещено у иером. Арсения, но оно не удовлетворяет сектантов, и они видят в нём натяжку.

Священник Воронеж. губ., слободы Подосиновки,
Митрофан Б-н

Весьма жаль, что о. вопрошатель не указывает, как именно сектанты, с которыми ему приходилось беседовать, формулируют свои отрицательные суждения, относительно икон, основываясь на приведённом изречении ап. Павла из послания к Евреям; также определённо не говорит он, какую натяжку усматривают сектанты в трактате об этом тексте о. иером. Арсения (Беседы православн. христианина с молоканами о священных иконах. Ч. 2. Москва. 1888 г., стр. 242–248). Насколько нам известно из личного опыта, сектанты (молокане) толкуют эти слова из послания к Евреям так, что апостол будто бы ими запрещает не только иметь священные изображения (херувимов), но даже и говорить о них. Но усвоить таковой смысл разбираемым апостольским словам совершенно несправедливо и неосновательно. Апостол писал своё послание, главным образом, к христианам из палестинских и иерусалимских евреев, которые хорошо знали устройство ветхозаветного храма (скинии) и бывшие там священные изображения; вот почему, описав вкратце скинию и её священные принадлежности (в частности упомянув и о херувимах), апостол так заключает свою речь: *о всём этом не нужно теперь говорить подробно*. Почему? А потому, что обо всём этом, – подразумевается у апостола, – уже обстоятельно сказано в ветхозаветных писаниях, и что, следовательно, христиане из евреев, к которым он писал, хороню всё это знали, так как, разумеется, бывали в храме иерусалимском и видели там, например, на завесе изображения херувимов. Если бы апостол хотел сказать то, что думают сектанты, то он бы выразился так: *о всём этом теперь совсем не нужно говорить*, – *вовсе не нужно говорить*, – *не должно даже и говорить* и т. п. Между тем он пишет: *о всем этом не нужно говорить подробно*. Всякому очевидно, что между выражениями: «*совсем не говорить*» и «*подробно не говорить*» громадная разница.

Ср. аналогичные тексты у Иер.35:6 и во 2Тим.5:23.
С.-Петербург. епарх. миссионер *Н. Булгаков*

Михайлов Н., свящ. Ответ на современный голос Иуды о раздаче нищим денег от продажи церковных украшений. С. 451–452

Нищие, бедные! как много злоупотребляют этим словом у нас. Хотят ли уколоть кого-либо, обвинить в бесчувственности, равнодушии к ближним, непременно укажут на нищих. С этой лазейкой, с этими нищими, пробираются туда, куда иначе никто не посмел бы пробраться.

В «Биржевых Ведомостях», во 2 № воскресн. приложения за 1898 г., в романе Краснова «Цель жизни», герой романа. Серёжа Антипов, рассуждает, «зачем священник, при Богослужении, так богато одет? Бог является в славе Своей, но разве слава Божия в золотых тканях, которыми можно было бы накормить десятки нищих». И батюшка, законоучитель гимназии, по словам автора, всплескивал руками и не знал, что отвечать Антипову. Трудно поверить, чтобы законоучитель. был так недалёк что не знал, что отвечать ученику-гимназисту. Разве законоучитель не мог бы указать умнику на непосредственное повеление Самого Господа, данное Моисею об устройстве скинии, ковчега завета, херувимов и священных облачений, причём всё это должно было быть драгоценное (Исх. гл. 25–28)? Ну а если Бог повелевает, – человек не имеет права пренебрегать этим повелением, выходя из собственных произвольных соображений, хотя бы в основу их входили и филантропические побуждения – облегчить участь нищих, – «всему своё» и «всякой вещи своё время». Это в 1-х, а во 2-х, если эти вопросы – соболезнование о нищих – не праздные, а вызванные искренним участием к судьбе нищих, то прежде чем обращать завистливые взоры на Божие, не лучше ли было бы продать своё, т. е. мамашино²³², и облегчить участь нищих. Вот это было бы искреннее сожаление! А то сожалеть в сытом теле, да ещё с кощунством. Не похоже ли это на Иуду, который сетовал на Марию Магдалину, возлившую на Иисуса Христа сосуд драгоценного нардапестикии, и сожалел о трате масла, говоря, что оно могло бы быть продано за 200 динариев и роздано нищим. Но что же Господь сказал тем, которые обрушились на Марию Магдалину с укорами за её поступок? «Не смущайте женщину: доброе дело она сделала. Если же желаете нищим добро делать, то их всегда имеете с собою, Меня же не всегда». Стало быть, нет такой драгоценности, такой жертвы, которая была бы дорога для Бога. Следовательно, и облачение священника, как служителя Божия, вещающего Его глаголы, чем драгоценнее, тем полнее и

целостнее возвещает идею «Божества, живущего во славе, облечённого в велелепоту».

Священник *Ник. Михайлов*

**Э. О. Летопись печати по вопросам миссии и расколо-
сектантства // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С.
452–464**

Перенесение светской печатью искания религиозных идеалов с запада на восток; увлечения буддизмом. Споры о ценности брака. Пушкин о миссии. Нападки на миссию в газетах и заботы их о сектантах. Меннониты. Малеванщина. Безрелигиозность и сектантство на каторге. Пример „всеведения” раскольников.

В истекшем году светская периодическая печать усердно толковала на своих страницах по вопросам веры и миссии. Она не опускала малейшего случая и повода, чтобы не высказаться и не поговорить по тем или другим возникавшим миссионерским вопросам. Суждения одних органов печати перепечатывались почти во всех других с комментариями или, что реже, – без них. Характерную же черту этих суждений представляет то, что их встречаем не на столбцах только газет – этих отравителей злобы дневной, не в научных или публицистических только статьях – этих машинах для выработки тех или иных взглядов и мнений, но даже в беллетристике. Герои повестей и романов занимаются здесь обсуждением – с негодованием или одобрением – того, о чём сообщают газеты, что так или иначе волнует общество. Один из таковых с каким-то пессимистическим азартом провозглашает, что духовного спасения русскому народу нужно ожидать и заимствовать только с востока.

Мы – русские, с свойственным нам самоунижением, давно уже привыкли быть недовольными своим православием и восхвалять то католичество, то протестантство: кому что было любо. Мы покорно выслушиваем дифирамбы силе власти и авторитета иерархии и покорности паствы в католичестве, – восхищаясь в тоже время неограниченной будто бы свободой совести и религиозного исповедания и понимания веры в протестантстве. В беллетристике выразителем и представителем такого нашего самосознания и быть выведен П.Д. Боборыкиным в его романе «Куда идти?» князь Борис. Незнакомый совершенно с Россией и её православием, больной физически и душевно, он по приезде в Рим, увлекается католичеством и Ватиканским узником. Одна состарившаяся его дальняя родственница, не знающая никакой религии, но старающаяся уверить себя в приверженности к католицизму, волнует больной ум и сердце Бориса рассказами о прелестях католицизма, о благотворности его для душевного спокойствия и о пользе его для спасения. Увлечённый кн.

Борис, долго бродил в дебрях католицизма, но ожидаемого не нашёл. Разбитый и разочарованный он должен был в конце концов признаться, что не здесь ему следует искать удовлетворения для себя. Не одного кн. Бориса такова судьба. Не мало поклонников, а особенно поклонниц католицизма появлялось у нас за последние 30–40 лет. Теперь, к счастью, реже слышно о них. Быть может, описанный у Боборыкина процесс разочарования в католичестве и неудовлетворённости им подслушан автором у увлекавшихся им и представляет, поэтому, отражение общественного поворота в сторону от католичества.

Всё это было бы хорошо, если бы не было дурно другое. Наше нежелание знать себя, и привычка искать утешения на стороне перенесли нас из одного края в другой – и в географическом, и духовном смысле. Мы стали восхищаться религией востока – Буддизмом; из огня, что называется, попали в пламя. О буддизме у нас произносятся торжественные актовые речи (в Петербургском университете 8-го февраля 1899 г.), пишутся научные статьи (в Русском Богатстве за 1899 г.), переводятся и издаются целые книги («Дамманада», перевод Н. Герасимова под заглавием «Путь к истине» 1898. Беттани и Дуглас. Великие религии востока. СПб., 1899 г.). Симпатии к буддизму и ожидания от него нашего духовного удовлетворения проводятся и в беллетристике. Вот интересный, переданный в одной повести, разговор на данную тему между представителями литературно-артистического мира.

– «Ничтожество жизни, бессмысленность всего создающего так называемой цивилизацией и великая тайна смерти – вот содержание той литературы, какой хочет современный человек. Разве не этим объясняется владычество над умами графа Толстого?» – проговорил Ведринский.

– «В русском народе всегда было презрение к жизни; в этом его сила», заметил Кобычев.

– «А откуда он заимствовал это презрение к жизни? Вот откуда! – произнёс Ведринский и указал в угол, где стояла тень Нирваны, окружённая индийскими курильницами. – С востока, из этой великой, общей колыбели человечества».

– Да, но через Византию, через Византию! – Заметил Кобычев. – Отсюда возник спор. Ведринский стал доказывать, что роль Византии принадлежит истории, что в настоящее время возрождение и обновление может быть получено только непосредственным общением с востоком, с настоящим востоком Будды и Кун-фу-цзы.

С этим соглашались, но требовали оговорок (Р. Мысль, 1899 г. Май, стр. 17–18).

Надо, впрочем, полагать, что этот поворот к востоку произошёл не без влияния всё-таки запада. Здесь уже давно и твёрдо буддизм упрочился и имеет не только поклонников, но и места поклонения – храмы. Поэтому и у нас интерес к нему обуславливается отчасти погоней за западом. Своим, чисто домашним, русским является сильно поднятый прошлой осенью спор о браке и брачной жизни. Главным разжигателем его явился известный туманный, по обильный, писатель В. В. Розанов. Им на страницах покойного «Русского Труда», а потом старчески брюзгливого «Гражданина» был напечатан целый ряд статей в защиту высоты брачной, семейной жизни сравнительно с безбрачием и аскетизмом.

Кажется, ясно и определённо в Св. Писании и у Св. отцов раскрыт христианский взгляд на брак и брачную жизнь, со стороны ценности её для созидания нами нашего спасения, тем не менее и доселе не установилось определённого мнения по сему в нашей литературе. И доселе можно ещё слышать голоса о каком-то особливом превосходстве безбрачной жизни, а отсюда – о высшей ценности для спасения аскетизма сравнительно с брачной жизнью. От одного профессора приходилось слышать нам, что ему, несогласному с этим мнением, пришлось не мало перенести служебных испытаний. Что же после этого удивительного, что сильную путаницу внесли в него светские писатели о нём: взгляды ими защищались самые крайние. Если одни из них брачную жизнь почли чуть ли не за мерзкую пред Богом и спасение находили только в аскетизме, то рьяный изобличитель их В.В. Розанов за аскетизмом признал поправление сил и свойств, дарованных Богом естеству человеческому, увидел в нём ратоборство против Бога и созданных Им законов природы, а в браке и брачной жизни нашёл отражение высшей всемирной эстетики, самоценную красоту и т. п. многое прекрасное. – Разумеется, что взгляд на брак и безбрачие В.В. Розанова и его противников сами по себе не важны и значения большого не могут иметь. Но если их сопоставим с известными толками о браке Л.Н. Толстого и его последующей, то не можем не признаться, что и на них должно было бы нашим догматистам обратить поболее внимания, а нашим проповедникам – уделить побольше слова своего поучения. Ведь из малых зёрен вырастают значительные растения и, по-видимому, незначительное ведёт к крупным последствиям. А потом – смотришь – миссии и приходится считаться с ними, да и мало того: приходится выслушивать укоры в малоплодности от одних, нападки в самом своём существовании от других. Всея же трудности борьбы с тем, что уже окрепло в сознании людей через начитанность в рассуждениях,

подобных нами отмеченным о браке, они не хотят, да и не могут, пожалуй, понять. Хорошо было бы им послушать хотя бы так громко прославленного и высоко вознесённого А. С. Пушкина.

По характеристике, данной А. Ф. Кони, Пушкин «ставил очень высоко миссионерство». «Надо препоясаться и идти с миром и крестом», восклицает он, рисуя пример святых старцев, мужей веры и смирения, скитающихся по пустыням в рубищах, часто без обуви, крова и пищи, но оживлённых тёплым усердием. «Какая награда ожидает их?» спрашивает он: – «обращение престарелого рыбака, или странствующего семейства диких, или мальчика, а затем нужда, голод, мученическая смерть» ... «Кажется, для нашей холодной лености легче, взамен живого слова, выливать мёртвые буквы и посылать немые книги людям, не знающим грамоты, чем подвергаться трудам и опасностям, по примеру древних апостолов» ... (Вестн. Евр. 1899 г. окт. стр. 496) Хорошее вразумление в последних словах Пушкина содержится для отрицающих миссионерство и беседы с заблуждающими и сводящих дело к одному книжному научению!.. Правильно попятая и верно охарактеризована им и вся трудность, и необеспеченность миссионерского дела! И другим органам печати не мешало бы прислушаться к этому голосу, для них авторитетному. Тогда мы не встречались бы с такими фактами, как прискорбное нападение на миссионера газет «Уральской жизни», «СПб. Ведомостей» и «Рус. Труда», извращающих его слова, не дающих ему оправдаться и выяснить дело и открыто потакающих действиям раскольнических крикунов. Тогда не было бы и таких нехороших вылазок против миссионера, как нижеследующая, помещённая в «Восточн. Обозр.» (см. Сев. Кур. № 24 за 1899 г.)

«Какова бы ни была идея собеседований, – говорит газета, – но в исполнении они сплошь и рядом вырождаются в лучшем случае, в формализм, в худшем – в протокол. Успех собеседований возможен под условием свободного обмена мнений, без всяких опасений за последствия своей откровенности; а разве приучила к этому жизнь? Разве даёт сна какие-либо гарантии? За примерами ходить совсем недалеко. В Омске, по словам «Степ. Кр.», происходило как-то собеседование с молоканами. Священник разъяснил слушателям истинное значение слова «Церковь». Противник делал некоторые возражения. Затем молоканам был предложен категорический вопрос: какие собственно причины побудили их отложиться от православия и перейти в молоканство? Собеседник-молоканин, видимо, старался уклониться от прямого ответа на этот вопрос.

Очевидно, молокане уже знают во что обходится откровенность... И не только на собеседованиях, но со всяким сторонним человеком, никакого отношения к официальнойности не имеющим, «осторожно» обходятся наши сектанты и раскольники. Вот напр., какое изображение таёжных томских раскольников мы находим в «Сиб. Жизни».

Напуганные преследованиями и притеснениями, они, обыкновенно, укрываются от всякого постороннего человека, и при появлении любопытного посетителя, разбегаются в разные стороны. Нередко случается, что обнаруженный кем-либо скит такого келейника, остаётся пустым, а обладатель его переходит в другое место. Если вам удастся случайно набрести на такое таинственное уединённое убежище старообрядца и застать его дома, немало усилий и увещаний придётся приложить. ранее, чем вы услышите что-либо от него. Вы ставите ему целый ряд вопросов, и вопросы ваши остаются без ответов, – в особенности, если вы коснётесь их веры, если захотите узнать его имя и фамилию, если поинтересуетесь источниками их существования, – всё это те болезненные темы, о которых ни один из раскольников тайги не любит говорить».

Даже не зная подробностей описанной здесь беседы, мы можем прямо сказать, что всё сообщение о ней соткано по меньшей мере из недоразумений автора его. «Беда – коль пироги начнёт»..., так и в данном случае: – непонимающие дела ценители бесед самые худшие слуги делу просвещения тёмных масс и миссии. А что, действительно, сообщение это передаёт дело неправильно, неверно освещает факт, это видно из последней части его. Замкнутость, скрытность раскольников объясняется в ней преследованиями их со стороны духовенства и миссии, а на самом деле, как видно из сообщения «Бирж. Вед.» от 3-го ноября 1899 г., причина тому другая. – Ещё издавна возлюбившие Сибирь, раскольники до последнего времени не переставали колонизовать её, избирая для этого по преимуществу места, удалённые от населения, тайгу и густые леса. Здесь они обзаводились и скоро богатели. Но вот с проведением Сибирской дороги в эти места стали проникать и православные переселенцы из России; отводя этим земли, начальство встретилося с поселенцами-раскольниками, захватившими эти участки без разрешения начальства. У таковых, разумеется, земли отбираются, от чего происходят неприятности для прежних поселенцев-раскольников. Потревоженные они принуждены бывают идти далее – в более глухие места, чтобы там водворяться до нового наплыва переселенцев. Это-то вот, а не гонения или притеснения от начальства, и является причиной того, что раскольники-поселенцы, о которых речь в сообщении, боятся всякого

посещающего их, избегают разговоров с ним и т. п. Дело, следовательно, не в вере, а в хлебе... Миссия и миссионеры не гонят и не преследуют²³³, тем более этого нет в Сибири, где привольно и вольготно живётся всякого рода сектантствующим²³⁴. Не их, а они преследуют и стесняют живущих вместе с ними православных. Характерна в этом отношении следующая страничка из хроники одного села Томской губ. «Когда началось движение российских переселенцев в алтайский округ, сильная богатством и властью раскольническая партия, опасаясь лишиться возможности жить в прежних благоприятных для себя условиях, а также и того, как бы православные переселенцы, увеличившись количественно, не составили со временем сильной партии, с которой пришлось бы считаться при решении общественных дел, стала отказывать в выдаче православным переселенцам приёмных приговоров. Когда затем раскольники увидели, что переселенцы и без приговоров начинают селиться в деревне В., а главное – когда узнали, что православные жители стали ходатайствовать о постройке храма, тогда раскольники стали по отношению к православным употреблять меры явного насилия, разрушая строящиеся избы переселенцев, – меры всевозможных стеснений и препятствий при пользовании пахотной, сенокосной и для пастбищ землёй... Не приходится слышать о селениях, где раскольники терпели бы то, что приходится терпеть православным переселенцам от раскольников даже и тогда, когда в обществе православные имеют большинство, а раскольники меньшинство голосов» (Церк. Вестн. 1899 г. № 50).

А вот и ещё обвинение миссионеров. В последние годы в Астраханской губ., Царевском у., в расколе под влиянием проповеди некоего отставного унтер-офицера Василия Бочарова о покаянии, в виду скорой кончины мира, образовалось сильное движение. Крестьяне бросали обычные занятия, постились, пели по целым ночам на особых собраниях какие-то молитвы, приготовлялись к кончине мира. Под влиянием поразившей народное воображение всеобщей переписи брожение это усилилось настолько, что 35 лиц было арестовано, но скоро же и освобождено, а многим отказано было в причащении. Эти-то обстоятельства корреспондент «СПб. Ведомостей» (№ 291 за 1899 г.) и почитает главной причиной развития сектантского движения и всю вину за него сваливает на миссионеров. По его мнению, освобождение заключённых могло внести лишь успокоение в восторженные умы». «Отказа же в исповеди (вероятно в причащении?), равносильного отлучению от церкви, которому о. миссионер не придаёт, по-видимому особого значения... совершенно

было достаточно, чтобы вызвать в религиозно наэлектризованной массе ещё большее возбуждение. Гораздо более вероятно, что в этом именно обстоятельстве и заключалась роковая ошибка, содействовавшая не только развитию секты, но и последовавшему, затем обоснованию учения на почве полного разрыва с Церковью» ... Итак, по корреспонденции – виноват миссионер и епархиальное начальство, не без разрешения которого не были допущены сектантствовавшие к причащению.

Это обвинение всё обосновано на вольных и невольных недоразумениях и непониманиях сущности дела. Прежде всего, освобождение из-под ареста фанатиков-сектантов не только никогда не ведёт к успокоению, но наоборот – всегда к большему ещё возбуждению. Это и психологически естественно и всей историей подтверждается. Русский простой народ всё ещё в полном убеждении находится относительно того, что ненаказуемое правительством, – след., одобряется им и признаётся законным. Вот именно арест и освобождение потом – по-нашему и вредно подействовало. А отлучение от причастия никогда не могло произвести того, что ему приписывается в корреспонденции. Потому-то и отлучаются от причастия, что они отделились от церкви, от её учения, от послушания её повелениям; недопущение к причащению завершение, а не причина появления секты.

На ряду с нападками на миссию и неправильным освящением деятельности миссионеров, мы в светской литературе встречаем ревность не по разуму о сектантстве. Вот образец крокодиловых слёз, вылившихся у г-жи Дмитриевой, автора повести «Под солнцем юга», по адресу несчастных духоборов. Один из героев её – искатель приключений – художник Максютин с жаром изливается перед молодыми слушателями в следующих скорбных выражениях:

«Они (т. е. духоборы), видите, хотят быть христианами не на словах только, а на деле, а им говорят, что это не своевременно. И, действительно, ведь не своевременно! Помилуйте, Германия вооружается, Австрия вооружается, придуман новый бездымный порох, придуманы какие-то особенные пули и ядра, а эти чудаки-духоборы не хотят идти в военную службу, потому что в заповеди сказано: «не убий»! По закону это называется уклонением от воинской повинности и строго наказывается, ну, вот чудаки и были наказаны. Они должны были покинуть свои насиженные места и их расселили отдельными семьями в разных уездах Закавказья. Я нынешним летом бродил по Кавказу и наткнулся на несколько таких семейств. Ну и признаюсь, у меня далеко не дамские нервы, но я почувствовал себя

нехорошо, когда посмотрел на их житьё-бытьё». И далее описывается в самых мрачных чертах это житьё-бытьё духоборов. Невольно оно вызвало у слушателей Максютин, а за ними и у читателей, горькое восклицание: «но ведь это не может быть... Это через чур жестоко». «А как же быть? с едкой насмешкой начал продолжать свои «жалкие слова» Максютин. Хотите жить в благоустроенном государстве, подчиняйтесь его законам. А заповеди, это со временем, когда-нибудь, теперь рано. Помните у Достоевского Великий Инквизитор говорит Христу: «Зачем ты пришёл? Ты нам мешаешь, уйди, теперь не время». Вот и духоборам с их проповедью непротивления надо уйти, потому что они мешают делу великой цивилизации. И они уходят туда, где нет печали и вздыханий» (Вести. Евр. август).

Сколько здесь «жалких слов», вздорной возбуждённости и, что важно, совершенного незнакомства с сектой духоборцев и с её учением! На знании одной стороны, да при том поверхностном, строится осуждение всей системы отношений правительства к секте. Если бы всё дело было только в нежелании служить в войсках, то, вероятно, и духоборам было предоставлено тоже, чем пользуются другие, проживающие на Руси, сектанты-мениониты. Эти также отрицают военную службу. И правительство нашло, однако, возможным снизить к ним.

Меннониты, по сообщению корреспондента «Недели», вступившие в эту секту до 1874 года, освобождены от ношения оружия и не назначаются в войска, а отбывают обязательные сроки службы в мастерских морского ведомства, в пожарных командах и в особых командах лесного ведомства. Здесь они и отбывают полный сроки службы, как и в войсках. Внутренняя организация – подобна организации войсковых команд. Состоящие в командах носят название «обязанных рабочих», но очень любят называть себя солдатами. Им внушаются общие понятия о воинской дисциплине, и за нарушение этих правил, а также за уклонение от службы и потерю казённых вещей они отвечают по воинскому уставу о наказаниях. За каждый день работы рабочий получает 20 к., но деньги эти передаются эконому. Эконом, он же проповедник и духовный учитель, назначается в каждую команду и ведёт все хозяйственные дела её. (Неделя № 44).

Такая заботливость правительства о меннонитах и такое привилегированное устройство их быта невольно обращает на себя внимание, особенно когда представишь, как сравнительно мало, недостаточно обращается внимания на житьё наших русских сектантов. Только при пренебрежении ими возможны такие факты, о которых рассказывается в корреспонденции из Киева.

«Полицейские чиновники при обходе ночлежных домов встретили целую толпу людей, человек в 60, среди которой были мужчины, женщины и дети. Обычных посетителей этих домов они не напоминали, чем и заинтересовали полицию. И у неё с ними произошёл следующий разговор:

– Кто ты? – обратился полицейский к одному из них.

– Я Малеванный.

– А твоя фамилия как? – спросил он другого.

– И я Малеванный,

– А ты кто такой? – обратился он с вопросом к третьему.

– Я гоже Малеванный. Да мы все здесь малеванные, так как все мы – дети одного отца нашего.

Оказалось, сообщает корреспондент, все эти 80 человек – штундисты из Таращанского уезда, Киевской губернии. Все они последователи известного Малеванного, который несколько лет тому назад вообразил себя пророком и кончил сумасшедшим домом.

– Когда ты родился? – любопытно спросил полицейский у одного из них, украшенного весьма почтенной бородой.

– Два года тому назад, – отвечал бородатый Малеванный.

Под рождением здесь разумелось духовное рождение учением Малеванного. (Россия № 294 за 1899 г.).

Или вот ещё страничка из житья-бытья Сахалинской каторги. «Религиозные люди – предмет насмешки для каторги. Помолиться Богу в тюрьме также стыдно, как вообще заняться какими-нибудь пустяками, недостойными взрослого человека. Сахалинские священники в один голос жалуются на отсутствие религиозных чувств у каторги: «К исповеди и св. причастью приходится чуть не силой гнать. Не желают. В Дербенскую каторжную богадельню священник даже на Пасху не пошёл. Из-за шуток, из-за озорства. Со святой водой приходишь, а они нарочно самые что ни на есть мерзкие озорства выделывают. А ещё старики!...» Когда кандалников за буйство запирают «на парашу» т. е. безвыходно, они развлекаются игрой в «странию», представляющую собой гнуснейшую и циничнейшую пародию на богослужение».

«В Бога не веруют! – с ужасом жалуются краткосрочные про постоянных. – Из десяти – девять атеисты! – говорят более интеллигентные каторжане, – особенно кто подольше здесь поживёт...»

Не мало на каторге и сектантов из сосланного сюда из разных мест за разные преступления люда. Путешествовавшему года 4–5 тому назад на Сахалин г. Дорошевичу удалось познакомиться с ними. Сектанты, по его словам, составляют общество «православно-верующих-христиан». Общество это имеет 12 апостолов, а каждый из

апостолов пророка: «как столб – подпору». Кроме апостолов есть ещё 4 евангелиста: «руки и ноги Христовы». Женатые живут с жёнами, а не женатые сходятся и живут «не в законе, а в любви, ибо любовь и есть закон христианский». Мужчины зовут себя «братией», а женщин – «по духу любовницами».

Сходясь вместе, они приветствуют друг друга: «Во имя Отца, и Сына и Св. Духа, благодарим нашего Отца!» Кланяются в ноги, целуют друг друга и беседуют. Беседы часто касаются Сахалинских злоб дня и разрешают разные вопросы, конечно, в духе, приятном каторге. Например: «Каждый человек спастись должен. А в голодном месте не спасёшься, скорее человека, съешь. А по тому бежать с Сахалина – дело доброе. Духом родиться можно только на материке, где можно трудиться. А для рождения духом надо креститься водою, т. е. переплыть Татарский пролив. Татарский пролив и есть Иордан. Надо сначала «водой креститься» и потом уж человек идёт на материк возрождаться духом».

В горницах у многих из сектантов висят иконы; но веровать, по их учению, «надо в духе, а не в букве, чтобы буква эта нашу жизнь оживляла». Во главе этого общества стоит некто Тихон Белоножкин, сосланный за убийство из Воронежской губернии. Он почитается в обществе за Иисуса, о котором сектанты учат, что он «и теперь живёт. Разве можно когда без Христа быть? Тогда (т. е. 19 веков тому назад) Христос за грехи людские пострадал; а новые всё накапливаются. За них-то кто же страдать будет? Посмотрите кругом: один убил – бедность, да нищета довела, другого злость человеческая заставила. Всё не они виноваты. Кто же за это страдать должен? Поэтому-то Христос всегда живёт в мире, один отстрадает, другой страдать идёт» (Россия № 196). Что именно это за каторжная секта, – на основании сведений автора сказать трудно, скорее – это духоборчество, но только с примесью хлыстовского мистицизма.

Закончим нашу хронику сообщением о факте удивительного «всеведения» раскольников, как этот факт передан самим Императором Николаем I. Давая руководственные наставления назначенному губернатором в г. Кострому г-ну Жемчужникову, Император Николай передал ему следующую, по его словам, арабскую сказку.

«В царствование покойного брата моего, Александра I, Костромской раскольник, купец Папулин, испросил позволение устроить близ города Судиславля богадельню на 12 человек. По вступлении моём на престол, я узнал, что в этой богадельне содержатся не двенадцать, а несколько сот человек, – что она

устроена в лесу в виде замка, с подземными ходами, и в ней скрывается много беспаспортных и беглых. Я призвал к себе рано по утру Закревского (министра внутр. дел) и шефа жандармов. Мы втроём рассуждали в этой комнате о том, какие принять меры, чтобы захватить всех беглых, скрывающихся в этой богадельне, и решили тем, чтобы министр внутр. дел и шеф жандармов, сохраняя всё это цело в тайне, отправили немедленно – каждый по одному чиновнику в Судиславль. В 10 ч. утра они вышла от меня, в 12 ч. пополудни я уже получил от них донесение, что выбранные ими чиновники выехали из Петербурга. Скорее этого, кажется, и требовать невозможно. Не правда ли? Но участники раскола Папулина успели проведать о моём распоряжении, и чиновники, по приезде в Судиславль, нашли замок пустым со свежими следами жильцов и с глухой полу-немой старухой, остальные скрылись; след., они были извещены о скором приезде чиновников. С тех пор прошло около пяти лет, но это дело, *не смотря на моё личное в нём участие*, нисколько не подвинулось. Вот *арабская сказка!?! (Курсив подлинника)*. Да, умеют раскольники разузнавать им потребное, но умеют и концы в воду хоронить!.. Так было прежде, так и теперь.

Э. О.

Миссионерство, секты и раскол. (Хроника) // **Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 464–487**

Пастырское собрание столичного духовенства по вопросу о значении церковной дисциплины для нравственной жизни русского народа и о дисциплинарных мерах исправления (в сектантстве. Нижегородский миссионерский съезд воссоединение молоканского начётчика. Смерть «духоборческого канцлера».

Напечатанная в январской кн. «Мис. Обозр.» статья нашего почтенного сотрудника о. Иосифа Иоанновича Фуделя о церковной дисциплине послужила предметом особого доклада в одном из последних пастырских собраний столичного духовенства. Собрание было многочисленное и имело особо торжественный характер. Оно состоялось под почётным председательством викарного преосвященного Никона и при руководительстве протопресвитера И. Л. Янышева, духовника Их Величеств.

Председатель совета религиозно-просветительного общества о. прот. Ф. Н. Орнатский предпослал докладу краткую речь, в которой указывал на важность поднимаемого почтенным автором вопроса, который он пожелал представить на просвещённое обсуждение столичного духовенства, прибыв нарочито для сего из Москвы в Петербург.

Прочитав свой доклад, о. Фудель сущность его содержание выразил в следующих тезисах (положениях): 1) «Нравственный кризис, переживаемый народом в наше время, заставляет обратить серьёзное внимание на меры борьбы с ним. 2) Просвещение народа и подъём приходской жизни суть лучшие средства борьбы со злом, но для нашего времени недостаточные. 3) Причины и характер распространяющегося зла делают необходимым противопоставить ему сдерживающее (дисциплинирующее) начало жизни. 4) Церковь даёт это начало в своей дисциплине, имевшей всегда не охранительный только, но культурно-творческий воспитательный характер. 5) Борьба с современной нравственной распущенностью может быть особенно плодотворна при разумном пользовании пастырем церковно-дисциплинарными мерами воздействия на пасомых.

Преосвященный председатель от лица собрания выразил, благодарность о. Фуделю за почтенный труд его и за внимание к столичному духовенству, на суд которого автор пожелал отдать свой труд по столь животрепещущему вопросу. При этом преосвященный председатель остановил внимание собрания на первом тезисе и

поставил вопрос: действительно ли так мрачно положение нашего деревенского народа, как это представлено в докладе о. Фуделя. Один из о. Архимандритов, район наблюдения которого относился к западн. России, соглашался с докладчиком и не находил возможным хоть сколько-нибудь ослабить краски, какими о. Фудель вынужден был охарактеризовать печальное нравственное состояние нашего «чёрного» народа. Другие члены, во главе с почётным председателем собрания в общем не считали нравственное церковное положение народа настолько трагическим и не усматривали полного попрания добрых нравов, обычаев и заветов древней Руси в её настоящем. Если распушенность и слабость бьёт в глаза в местах и крестьянских селениях близких к столице, то в остальных местностях, особенно в тех из них, которые находятся далеко от железных дорог, что называется – в глуши, там народ твёрдо ещё сохраняет все устои, которыми прежняя Россия с такой выгодой для себя отличается от теперешней. А о более отдалённых от столиц великороссийских местностях надо сказать ещё более: в них иерейский опыт встречается, как с обыкновенным, обыденным, – с явлением непререкаемого признания за Церковью и её служителями а) безусловного права дисциплинарного надзора и взыскания, б) значения всех дисциплинарных мероприятий, – сполна соответствующего слову о них Спасителя Мф. 18.

Вслед затем, слово было предоставлено профессору университета и протоиерею о. М.И. Горчакову. Почтенный канонист обратил внимание на то, что в течение последних 30 лет выяснение начал церковной дисциплины с разных сторон было предметом науки церковного права у нас и за границей. Эти начала выяснялись и по существу, и в историческом их развитии, так что образовалась целая литература и в Германии, и у нас. Но это – предмет весьма сложный, требующий большого внимания; и в науке требуется ещё очень значительная переработка его, по случаю множества возникающих здесь вопросов. А доклад о. Фуделя свидетельствует, что церковная дисциплина есть вопрос жизни. Заслуга о. Фуделя состоит в том, что он первый обращает внимание пастырей на необходимость выяснения церковной дисциплины для того, чтобы применить её к современной жизни, в видах устранения из общественной жизни явлений, несогласных с нравственно-христианским учением, и подъёма нравственного уровня населения в его приходской жизни. Это вообще. Теперь в частности – некоторые факты из истории, приведённые в докладе отрывочно, при научном изложении исторического развития церковной дисциплины в России, получают совсем иное освещение,

сравнительно с тем, как они представляются в реферате. Засим с изображением нравственного состояния русского населения в реферате, как с применимым ко всем местностям нашего обширного отечества, согласиться нельзя. Положение доклада о понижении нравственного состояния русского народа в новейшее время по сравнению с состоянием его дореформенного времени статистически доказать невозможно, и едва ли оно верно. Так, напр., введение вольной и дешёвой винной продажи, которое, по справедливому мнению тогдашнего духовенства, считалось опасным и приписывалось польщизне – проекту Огрызко, действительно, способствовало распространению пьянства; но ныне, к счастью, отменено. С другой стороны, в современной жизни русского народа обнаруживаются и такие явления, которые свидетельствуют о возвышении нравственного состояния населения в разных местностях. Несмотря однако на эти частные недочёты, затронутое о. Фуделем выяснение института церковной дисциплины, как учреждения, имеющего значение составной части в строе церкви, соответственно её призванию и целям, представляется своевременным и необходимым для руководства пастырям церкви в практической их деятельности. Епитимийный номоканон при Требнике признан законодательством русской церкви ещё при Петре I за неудобный для применения; но другими правилами не заменён. Между тем в некоторых поместных православных (напр. в элладской) и евангелическо-лютеранских территориальных (напр. в прусской и др.) церквях законодательствами установлены начала и правила для церковной дисциплины, сколько соответственные христианскому нравственному учению, современным воззрениям на отношения государства к церкви и вероисповеданиям, столько применительные к данному нравственному состоянию местных населений. И в нашей русской церкви, с восстановлением строя приходских обществ, возможно, целесообразно и даже необходимо привлечение лучших нравственных сил, в лице выборных из прихожан-мужей благочестивых и старцев мудрых, к соучастью вместе с пастырями в заботах об устранении из приходской жизни явлений, противоречащих требованиям хр. учения, а также о поддержании и возвышении нравственного уровня среди прихожан. Для учреждения и деятельности церковно-приходских советов с таковым назначением необходимо издание законодательною властью церкви определённых руководственных правил, взамен номоканона из Требника. Имея это в виду, о. Горчаков в заключение полагал бы, что «положения» реферата почтенного о. Фуделя могут послужить исходным пунктом для совещаний пастырей церкви о возможности организации церковной

дисциплины, соответственной духу и назначению церкви и применительной к современному нравственному состоянию населения каждой местности. Последняя часть речи прот. Горчакова о церковно-приходских советах была особенно отмечена собранием, и чисто практический, деловой смысл её был усвоен по надлежащему.

После о. Горчакова, слово было предоставлено профессору академии пастырского богословия, прот. С.А. Соллертинскому. О. Соллертинский возражал, по поводу высказанного в докладе взгляда на неустойчивость русского человека в нравственном отношении, как на исконную и якобы неподлежащую никаким сомнениям принадлежность духа русского народа. Но, по всем имеющимся данным, подобная мысль должна быть рассматриваема, как совершенно не соответствующая истинному положению дела: во всей истории нашей, начинаясь с языческих времён, красной чертой проходит особенная привязанность и чуткость русского к нравственному; незабвенный отечественный писатель (Ф.М. Достоевский) вовсе не идеализировал, когда сочувствие и стремление к высшему, божественному находил даже в отбросах и поддонках нашего народа; да и сам о. референт косвенно это признал: желая сказать о косности русского человека, он говорит, что наши соотечественники быстры только на подвиги; это и верно фактически; но быстрым на подвиг (напр. совершенно бескорыстного, героического содействия славянскому своему брату) возможно быть, лишь имея в себе твёрдые задатки к возвышенному. Так что фактически бывающие, и пусть нередкие, отклонения от нравственных законов здесь правильно объясняются тоже прирождённой русскому народу халатностью, по причине которой иногда он делает – затянувшись, в забывчивости – то, от чего решительно отвернулся бы, если бы имел случай посмотреть на делаемое с нравственной точки зрения. Справедливо, что в настоящее время эта халатность становится чрезвычайно опасной: мы переживаем период крутого поворота, который принято определять как перерождение Руси земледельческой в Русь фабричную; почему обе характеристики настоящего, сделанные раньше в этом собрании, являются одинаково истинными, – ибо встречается и полный упадок прежних добрых основ патриархальной жизни, и уголки, куда фабричная ржавчина ещё не успела забраться и произвести заразу. Однако, остановится ли заражение на известных местностях, или оно постепенно охватит всю Русь, – врождённого религиозно-нравственного задатка ему всё равно из русской натуры вытравить не удастся. Во 2-х, все мы очень хорошо знаем, что и хр.-церковная дисциплина есть внешнее по отношению к тем, на которых

она со своими мерами направляется; следов., её применение с необходимостью предполагает известного рода принуждение, и, чтобы выдержать основную суть христианства, – которое всегда и везде уважает свободу и действует изнутри, – мы так или иначе должны с церковной дисциплины снять её внешне-принудительный характер. И с одной стороны – он уже снят: о. Фудель поставил на вид, и совершенно справедливо, что народ наш всегда рвался к ней, как излюбленному, родному закону своему. Но этого мало: рассказывая, какие дисциплинарные мероприятия употреблял свящ. Иличевич, о. Фудель не придал значения тому главному, что употребил эти меры *он* – о. Иличевич, пастырь авторитетный, заслуживший особое доверие народа, – *он* налагал епитимию на отцеубийцу и ему покорно и от души повиновался последний. Рекомендую ввести дисциплинарное упасение в широких размерах, необходимо не только уповать на склонность к нему пасомых, но и перед этим настойчиво требовать, чтобы христ. дисциплинатор, т. е. пастыри приходские своим настроением поведением, ревностным действом, внимательным совершением богослужения, молитвенностью заслужили авторитет у пасомых; есть у него таковой, то ему возможна полная свобода пользования церковно-дисциплинарными мерами, при этом только условии возможно не опасаться за готовность пасомых охотно принять и усердно исполнять налагаемые пастырем епитимии. Если же у пастыря не будет такого авторитета, то какие бы сильные меры дисциплинарные он ни практиковал, они нравственного исправляющего воздействия не будут иметь, – это будет мёртвый внешний обряд, который покажется лишь *бременем* неудобноносимым, способным не исправлять, а ожесточать и раздражать. Нельзя было не согласиться с изложенным взглядом почтенного пастыря профессора.

Вслед за сим, по содержанию доклада о. Фуделя, высказался с *миссионерской точки зрения* редактор нашего журнала *В.М. Скворцов*. Его суждения представляли собой существенное дополнение к докладу о. Фуделя, касавшееся дисциплинарных мер в сектантских общинах. В.М. Скворцов находил, что к пяти тезисам о. Фуделя нужно добавить ещё новый, – приблизительно следующего содержания: «усиленное развитие новейшего сектантства и заботы об успехах миссии повелительно требуют восстановления силы и действия мер церковной дисциплины, в широком её значении, – разумея здесь не только меры епитимийного характера, но и церковность, уставность, истовость в богослужебной практике, поведение клира, отношение церкви к явным и соблазнительным грехам православных чад Церкви» и проч.

Не подлежит сомнению, что в связи со многими другими причинами, порождающими сектантское брожение в православном населении, бездействие и слабость мер церковной дисциплины имеет своё влияние на развитие сектантства. В сектантских церковных общинах *дисциплина и крепче, и действеннее*. Там, где сожительствуют сектанты с православными, миссионерам часто приходится слышать нарекания со стороны отпадших на православную церковь за бездействие мер церковного исправления и похвальбу по адресу сектантской дисциплины, которая пьяниц и блудников или исправляет, или изгоняет, а ваши – говорят сектанты – православные пастыри не только терпят в среде своих чад явных и соблазнительных грешников, но и принимают в лоно церкви изверженных нами за безнравственность и неисправимость членов секты. Остановливаясь на этом последнем возражении сектантов, В.М. Скворцов указал, что и в этой чисто миссионерской области нет строго определённой, обдержной дисциплинарной практики, так напр., когда и кого надлежит отлучать из отпадших и при каких условиях, после какого дисциплинарного искуса вновь принимать из сектантов в лоно церкви. Штунда существует десятки лет, а история миссии не знает ни одного случая явного суда церкви, в форме отлучения кого-либо из современных ересиархов или сектантов. Чадом православной Церкви считается и тот, всем известный писатель, который вот уже в течение более десяти лет открыто. – и устно среди избранных лиц, – и печатно (в изданных и издаваемых до последнего времени – заграницей целой серии трактатов по религиозно-социальным вопросам) решительно, грубо и богохульно, – как только способен один лишь русский невер хулить святыню веры своего родного народа, – отрицает не только церковь с её установлениями и таинствами, но и Самого Христа Спасителя, как Богочеловека. Для успехов миссионерской борьбы с лжеучениями сект необходимость усиления и оживления мер церковной дисциплины признал в 1884 г. Киевский съезд южнорусских архипастырей. Позже в Бозе почившим архиепископом Херсонским Никанором издано было по епархии распоряжение, чтобы приходские пастыри строго наблюдали за соблазнительным поведением чад Церкви и неукоснительно применяли бы к таковым соответственные церковно-дисциплинарные меры исправления.

Коснувшись миссионерской практики, относительно чиноприёма кающихся отщепенцев Церкви, В.М. Скворцов указал, что в этом св. деле нередко наблюдается грешная поспешность и недостаточность исследования мотивов возвращения, глубины и искренности сознания

своего заблуждения со стороны воссоединяющего; отсюда происходят частые рецидивы.

Характеризуя состояние и значение существующих в сектантских обществах дисциплинарных мер нравственного исправления своих членов, исследователь сектантства сообщил собранию следующее весьма важное наблюдение: у сект, отличающихся своей жизненностью и прозелитизмом неизменно, усиленно действует и твёрдая строго определённая дисциплина, и наоборот, – с ослаблением мер дисциплины – падает жизнеспособность секты, последняя поражается нравственным растлением, теряет свой агрессивный характер, мертва или поглощается другими сектами. Наглядный пример этого явления представляет собой история современной штунды и молоканства. Штунда, особенно же её штундо-баптистический толк – располагает строго выработанной и неуклонно проводимой в жизнь системой дисциплинарных мер воздействия на религиозно-нравственную жизнь и совесть членов своих общин. Наблюдение гласное и негласное за поведением и исполнением правил секты членами общины каждый член обязан иметь друг за другом; кроме того, существуют особые надзиратели. Сведения о проступках прегрешающего брата или сестры секретно сообщаются пресвитеру данной общины. Последний увещевает нарушившего обет сам, или через уполномоченного наставника, затем предупреждает провинившегося сначала наедине, а при повторении проступка, увещание делается в собрании братии, затем даётся знать окружному пресвитеру, который нарочито является для нравственного воздействия на слабых членов. Замеченных в нетвёрдости в вере и нравственности членов секты подвергают долгому искусу, прежде чем допустит, напр., до обряда перекрещивания, а также до участия в «чаше», или в обряде «преломления хлеба». Недопущение к обряду чаши, совершаемому с особой торжественностью, производит сильное угнетающее впечатление на слабых членов, возжигая в них и дух покаяния, и ревность по исполнению правил религиозно-нравственного кодекса штундовой секты. Последней мерой штундовой церковной дисциплины является «отлучение от церкви»: сначала временное или условное; в случае нового падения, после уже временного отлучения, такой член исключается из состава секты навсегда. Ничего подобного не практикуется в среде старых сект – у духобор и молокан, и секты эти, слава Богу, перестали прогрессировать в своём внутреннем и внешнем росте, а наоборот, потеряли фанатизм, одряхлели и сильно поглощаются штундой, которая, со временем, несомненно захватит в

свои сети все старые секты. Словом, дисциплина является жизненным нервом в истории сектантства.

Интересная далее справка приведена была В.М. Сковрцовым, относительно распространения сектантства среди католического и бывшего униатского населения юго-западного края. В то время, как среди православного населения края, особенно же Киевской губернии, штунда значительное получила развитие, к католическому населению лжеучение этой секты, наоборот, прививается туго, несмотря на то, что ксёндзы совершенно не хотят знать прямых мер миссионерского воздействия на свою паству: об отпавших католические пастеры с лёгким сердцем заявляют: «паршивая овца из стада вон». Причина этого явления, несомненно, заключается в крепкой дисциплине римского католицизма и в её воспитательном влиянии на твёрдость веры массы. Точно также не получила развития штунда ни на Волини, ни в Подолии, где православное население в своём большинстве состоит из бывших униатов, закалённых католической дисциплиной в верности и преданности родной праотческой вере и Церкви.

В подтверждение того положения референта, что православный наш народ охотно сносит налагаемые пастырями епитимийные подвиги церковной дисциплины, как некое искупление за свой тяжкий грех, – В.М. указал на любопытный пример Богуславского братства трезвости, где, по правилам братства и постановлениям собрания, практикуются наказания за нравственные проступки членов, как напр. сидение на коленях в храме или в собрании. И этому суду, и приговору безропотно подчиняются седые старики и почтенные старицы.

О благотворной деятельности покойного о. Ильчевича, В.М. Сковрцов доложил собранию сведения, полученные им на месте, – в Таврической губернии. Достойный пастырь этот был священником с. Нововасильевки, где православных небольшая горсть (около 700 душ), до 5–7 тысяч молокан и штундистов около 1500 душ. Пастырские дисциплинарные меры о. Ильчевича имели благотворное миссионерское влияние, не только на православных его чад, охраняя последних от увлечения лжеучениями сектантов – односельцев, но и на сектантов молокан, – последних, по выражению местных людей, о. Ильчевич сделал «ручными». Сектанты очень чтили этого иерея и невольно сделались, под обаянием его личности, менее других фанатичны и менее далеки от православной Церкви.

Прот. Орнатский в краткой речи высказался в пользу необходимости усиления церковной дисциплины, в виду недостатков в богослужебной практике, распространения открытых гражданских

сожитий и других пороков, остающихся без видимого и потому, поучительного для других суда и наказания по правилам Церкви.

О. прот. Дернов просил о. Фуделя, не может ли он поделиться с собранием столичного духовенства поучительными для последнего сведениями о том, какими мерами церковной дисциплины располагает действующая практика приходского духовенства первопрестольной Москвы и с каким успехом.

Отвечая на этот вопрос, о. Фудель сказал, что он – священник тюремной, т. е. безприходной церкви и не располагает нужными наблюдениями для положительного ответа на данный вопрос. Прибыл он в Петербург для доклада своего реферата в собрании столичных пастырей не с целью кого-либо поучать или просвещать, а из желания самому поучиться, выслушав авторитетные мнения и суждения просвещённого передового в России духовенства по занимающему референта предмету и отдать дальнейшую судьбу столь важного вопроса в надёжные руки... (Настоящее многолюдное собрание и оживлённые прения и суждения по содержанию доклада, заметил референт, как нельзя лучше убеждают меня, что я не ошибся и считаю цель свою вполне достигнутой»²³⁵).

После этого, говорил свящ. о. Григор. Спир. Петров. Речь его отличалась обычной эффектностью красноречия и впечатлительностью и выслушана была как всегда, когда говорит этот талантливый оратор, с большим вниманием. По своему тону и содержанию, суждения о. Петрова звучали резким диссонансом в общем согласном хоре высказанных мнений по данному вопросу. О. Петров заявил, что реферат о. Фуделя произвёл на него *тягостное* впечатление. Он не согласен с основным положением референта, что просвещение народа, проповедь церковная, школы, подъём приходской жизни – средства недостаточные для борьбы с нравственными недугами народа. Церковная дисциплина по существу своему, сказал о. Петров – *мера языческая*, унаследованная Церковью от времён и нравов Римской империи. У христиан должна быть внутренняя дисциплина. Народ ослаб от других причин: после крепостного права, когда действовала помещичья палка, создававшая нравственность народа, – последний остался без нравственного призора, – предоставленный самому себе блуждать во тьме невежества. Здание народной жизни в после-реформенную эпоху оказалось построенным из плохого материала и дало трещины, и вот туг теперь предлагаются для него внешние подпорки, чуть ли не в виде *шелепов* ²³⁶, рекомендуемых поповским старостам инструкцией патриарха Адриана... Нужен внутренний связующий цемент: нужна проповедь, просвещение,

школы. «Разве мы уже исчерпали меры свободы и духа, – средства духовного просветительного воздействия на народ, чтобы братья за меры внешнего, дисциплинарного воздействия? Мы не только не использовали этих мер, но ещё только начинаем. Если усилить меры духовного просветительного пастырского действования на приходскую среду, тогда не будет нужды обращаться к мерам дисциплинарным».

Преосвященный председатель указал о. Петрову на ошибку и курьёз в его речи по вопросу о *языческом* будто бы происхождения церковной дисциплины. – Исконная *христианственность* дисциплины ясно свидетельствуется повелением ап. Павла об отлучении коринфского кровосмесника (1Кор.5 гл.) и утверждается практикой первенствующей церкви. О. протопресвитер И.Л. Янышев напомнил о наказании Анании и Сапфиры. В.М. Скворцов возражая о. Петрову по существу его речи, находил *рискованным* основное его положение, – слишком оптимистическое в отношении проповеди, школ и вообще просвещения – этих будто бы единственных мер для уврачевания всех немощей в современной церковно-народной жизни. Меры этого порядка нисколько не исключают действенности и спасительности мер церковно-дисциплинарного характера. Проповедь, просвещение действуют на разум, совесть, но не на всех они способны производить довлеющее воздействие, да и на долго ли их влияние? Все ли способны к одинаковому восприятию внутрь себя и к уразумению проповедуемых истин? Не является ли часто для многих и самая лучшая проповедь медью звенящей? Нельзя забывать в удпреклонном ко злу, хотя и возрождённом, человеке-христианине – *области воли, иного закона, воющего во удех наших...* Чем пастырю воздействовать в таких случаях на распушенную волю грешника? Ответ находим в образе действий Церкви самого апостольского века – мерами дисциплины. Понимая церковную дисциплину в широком смысле, – *чтобы всё в Церкви было по чину и благообразно* – сомнительно, чтобы поучения пастырей способны напр., были заменить нравственно-воспитательное воздействие богослужебного обряда; не говорим уже о таинствах Церкви, через которые единственно истекают на человека благодатные токи, возрождающие, обновляющие и укрепляющие христианина в его духовной жизни... Спасение не *от слышания*, хотя бы и самой красноречивой проповеди, а от веры и благодати... Между мерами внутреннего духовного действования и внешнего дисциплинарного – должно быть *взаимодействие*, а не *взаимоисключение*.

Собрание закончено было заключительным словом о. протопресвитера И. Л. Янышева, в форме одушевлённой глубоко-

содержательной будящей импровизации. – Всецело признавая необходимость и благотворное значение церковной дисциплины, о. протопресвитер находил в данном вопросе важным, определение границ пастырского упасения мерами духовного внутреннего действия и мерами внешними дисциплинарными. Важным представляется затем дать церковной дисциплине надлежащую постановку, при которой эти меры служили бы во благо Церкви Божией и народу. При этом нужно иметь в виду, чтобы дисциплинарная сторона в церковной жизни не задерживала бы полно-жизненное существование *положительного упасения* мерами пастырского церковно-просветительного действия, – не препятствовала бы росту христианского веросознания в членах Церкви, которые ныне в большинстве своём механически, без продумывания и прочувствования совершают своё спасение, отправляют свои религиозные обязанности, требуемые Церковью от христианина. Корень этого печального явления нужно искать не в одном только невежестве народа, или в условиях крепостнической или после крепостнической эпох, а гораздо глубже и дальше. Многие просвещённые сыны века сего ещё менее народа имеют в душе своей и веросознания, и разумения вообще своей христианственности. И это потому, что *сокровища* христианства мы принимаем, как уже *готовый* уклад, – в младенческом состоянии, следовательно, без предварительного переживания, самоиспытания и сознания своей веры. Когда же мы возрастаем, то также воспринимаем извне, по примеру родителей, по указанию церковной дисциплины и сохраняем то, что составляет содержание нашей веры, как готовое, унаследованное и содержимое отечественной Церковью. Проходить внутренним сознанием глубокий смысл, сакраментальное, нравственное и духовное вообще значение, как существа веры и церковности, так и отдельных её частей, опять нет у нас тех побуждений, какие имели избранники первохристианской Церкви и последующие и нынешние неофиты искренно уверовавших, которые вступали в лоно Церкви путём духовной борьбы, после мучительного искания истины, через глубокое сознание несравненных превосходств христианства над всеми другими верованиями. Заботясь о применении мер церковной дисциплины, нужно опасаться, чтобы последняя не заменила, и, так сказать, не тормозила для членов Церкви указанную, необходимую религиозно-просветительную работу мысли и чувства – религиозное веросознание... Сфера влияния церковной дисциплины обширна, – начиная с забот о сохранении членами Церкви правой веры и кончая требованиями от клира богослужебного истового

порядка во всём. Нужно, чтобы всякий член Церкви ясно и живо сознавал и твёрдо исповедовал своё звание христианина, и чтобы самый последний псаломщик *не смел* в Церкви неблагоговейно читать или петь, или стоять и вообще небрежно творить дело Божие. Такова в приблизительно и кратких чертах сущность заключительного слова руководителя собрания, которое горячо благодарило высокочтимого маститого оратора.

* * *

Раскол в пределах Нижегородской епархии существует со времён изначального его возникновения. Первые расколо-учители, ожесточённые противники мнимых «новшеств» Никона, были выходцами из разных мест «Низовские земли», например, протопоп Аввакум (родина его – село Григорово, Княгининского уезда), старец Авраамий и др. В Нижегородской епархии в начале XVIII столетия насчитывалось раскольников свыше 200,000 человек.

Имея крепкие корни в историческом прошлом, нижегородский раскол и доселе характеризуется своим узким обрядоверием и невежественным фанатизмом, силён своей сплочённостью, имеет довольно прочную организацию и отличается значительной численностью своих последователей. И поныне раскол имеет здесь во главе расколо-учителей – своих наставников и лже-иерархов – сильных покровителей (особенно беглопоповцы), своих апологетов, свою литературу. В пределах Нижегородской епархии имеют свои резиденции *пять* лже-епископов, они обладают собственными молитвенными домами, у них есть своего рода монастыри – знаменитые поволжские скиты...

Нижегородская епархия насчитывает раскольников и сектантов свыше 77,000 душ, со 181 моленными, из коих лишь 12 разрешены подлежащим начальством. Все раскольники Нижегородской епархии по толкам и согласиям делятся на беглопоповцев (10,566 душ обоего пола), последователей австрийского священства (14,800 душ), поморцев и спасовцев (45,537 душ) и на секты рационалистического направления: (немоляк 366 человек), молокан (278 человек), пашковцев (17 человек), штундистов (17 человек), толстовцев (9 человек) и скопцов (1 человек).

Борьба с нижегородским расколом и сектантством, несомненно, требует организованной миссии и немалого числа деятелей, искушённых опытом, умудрённых знаниями и одушевлённых искренней преданностью святой Церкви. Ровно четверть века тому назад на эту нелёгкую борьбу выступило епархиальное миссионерское братство Святого Креста, открытое 9 февраля 1875 г. бывшим нижегородским, а

ныне первосвятителем российской церкви, высокопреосвященным Иоанникием, митрополитом киевским. Состоя под непосредственным руководством и попечительством нижегородского архипастыря, братство Святого Креста главной своей задачей имеет распространение и утверждение православной веры среди раскольников и сектантов и разъяснение истин её для православного русского населения, путём устройства собеседований по спорным вопросам православных миссионеров и других сведущих лиц с заблуждающимися. Братство ежегодно устраивает противораскольничьи собеседования в г. Нижнем-Новгороде и на Нижегородской ярмарке (в Александро-Невском соборе). В рядах миссионерской дружины братства состоит 32 миссионера, из коих: 3 протоиерея, 15 священников, 13 крестьян и 1 учитель церковно-приходской школы. Нелёгкий труд ведения собеседований с раскольниками и сектантами, сверх означенных епархиальных и местных миссионеров, разделяют ещё председатели и члены отделений из приходского духовенства. Принимая во внимание, что деятели епархиальной миссии ни разу за всё время 25-ти-летнего существования братства Святого Креста не собирались все вместе, в общем нарочитом съезде, где бы каждый деятель-миссионер с братской любовью мог поделиться своим миссионерским опытом, своими мыслями, заветными желаниями, – указать посильно лучшие способ и средство для борьбы с расколом и сектантством, и сознавая всю пользу и необходимость повременных миссионерских съездов, преосвященный Владимир, епископ нижегородский, признал полезным созвать миссионерский съезд, который состоялся 17-го января в покоях преосвященного архипастыря. На съезд собрались миссионеры духовные и светские, в числе 38 человек, из них – 5 протоиереев, 24 священника, 8 миссионеров крестьян и один мещанин.

По совершении молебна в храме, в своих покоях владыка открыл съезд приветственной речью миссионерам и вместе предложил руководственные начала для занятий съезда. Указав, между прочим, на сплочённость раскола в епархии, имеющего при своей исторической давности и сильных покровителей, а также – на организацию австрийской секты по образцу епархиального строя (лже-епископы, попы, диаконы, благочинные, следователи и т. д.), архипастырь призывал миссионеров, а через них и всё духовенство епархии, к единодушному, дружному труду на миссионерском поприще; за сим владыка предложил миссионерам, обменявшись мнениями и опытом в деле миссии, указать способы и средства для более успешной и действительной борьбы с расколом и сектантством.

Занятия съезда миссионеров продолжались 4 дня; всех заседаний было восемь, – делились они на утренние и вечерние.

Программа предметов, подлежавших обсуждению съезда миссионеров, предварительно выработала была советом братства Святого Креста, под руководством преосвященного Владимира. Программа эта предлагала на обсуждение членов съезда следующие предметы: а) о беседах публичных и частных; способ, место, предметы бесед; о препятствиях разного рода при беседах; об организации и расписании бесед по епархии; б) о вспомогательных средствах к усилению миссионерской деятельности: устройство миссионерских библиотек и т. под.; в) об отношении миссионеров к приходскому духовенству и духовенства к делу миссии; г) о собирании сведений о расколе и раскольниках; д) о рационалистических сектах в епархии: штунде, пашковщине, немоляках и молоканах; е) положение единоверия в Нижегородской епархии; ж) различные недоуменные вопросы из полемики с расколом и сектантством; з) о материальных средствах епархиальной миссии; и) о постановке отчётности относительно деятельности миссионеров и i) о повременных съездах миссионеров.

Такова общая программа вопросов, обсуждавшихся на съезде миссионеров; но, конечно, при подробном рассмотрении и обсуждении каждого из перечисленных предметов ставились и многие другие частные вопросы, помогавшие более точному и всестороннему уяснению дела, о чём сообщим в своё время подробнее.

Миссионеры, закрывая съезд, особым адресом благодарили архипастыря за пастырско-отеческие заботы его о благоустройении епархии и за особое внимание и попечение его преосвященства об успехах миссии и положении миссионеров.

* * *

В бытность нашу в 1897 г. в Закавказье, по делу о духовоборческом движении, мы в Тифлисе познакомились с одним из выдающихся начётчиков и наставников молоканской тифлисской общины; – зовут его Тимофей Сергеев Харитонов.

Мы провели с ним и другим начётчиком, – которого имя и фамилию не помним, – за чаем несколько часов среди оживлённой беседы об основных истинах веры. Харитонов оставил по себе приятное впечатление своей разумностью, спокойствием беседы, глубокой пытливостью и добросовестным отношением к исканию истины. Потом видел я Харитонova тогда же вскоре в молоканской их моленной восседавшим в числе передовых. Расстались мы добрыми знакомыми. Харитонов обещал мне описать обряды своей секты, а я

ему высылать журнал «Мнс. Обозр.», тогда только начавший выходить. В 1898 году нам снова пришлось побывать в Тифлисе. И вот, однажды в гостиницу заявляется к нам Харитонов и просит посетить его дом. Мы охотно исполнили желание доброго знакомого и провели у него вечер за чаем и в беседе, в кругу многочисленной семьи и нескольких его знакомых молокан. Раза два Харитонов писал нам, присылая материалы о своей секте для печати. Но вот, около двух лет о судьбе Харитонova мы ничего не знали, хотя с первого же знакомства чувствовалось, что усилие доброй, прямой души этого человека найти истину, Бог, не желающий смерти грешника, не оставит без своей всемогущей помощи и безмерной благодати.

На днях получаем письмо «от 17 февраля», со штемпелем «Тимофей Сергеевич Харитонов», следующего трогательного содержания. «Многоуважаемый В. М.! ваши слова сбылись, сказанные у меня в доме, когда вы были с вашей супругой и Ив. Аф. К-м (учитель Тифлисской семинарии). Вы в своей незабвенной беседе сказали: «а всё-таки хорошо бы было, Тим. Серг., поставить у вас в этой комнате *св. икону*». Вот как это дело случилось.

Года полтора мучился я сомнением, что крещение необходимо для спасения, а также причащение. И только в недавнее время, по слову Божию, поборол я свои муки и успокоился на мысли о присоединении всем домом своим к единой истинной Церкви православной. 13 февраля, в воскресенье перед обедней, в Семинарской церкви, совершенно надо мной, женой и пятью детьми нашими св. крещение, а на литургии – удостоились мы и св. причащения, сам Владыка Экзарх. Торжество было необыкновенное трогательное: я и жена моя были всё время в великих слезах. а особенно, когда приступали к Св. причащению. И многие люди проливали тёплые слёзы. В церкви народа было множество всякого рода. После литургии меня со всей семьёй пригласили в квартиру о. Ректора Семинарии, где владыка благословил нас, а отец архимандрит угощал чаем.

14 февраля, в 12 ч. дня у нас в доме совершён был благодарственный Господу Богу молебен с водосвятием. При служении присутствовал Владыка Экзарх, о. Ректор и другие духовные лица. Дом мой и двор был украшены флагами. Торжество привлекло множество людей, в том числе и моих бывших единоверцев молокан, из которых некоторые (пять человек) тут же заявили владыке, что и они желают принять веру православную, а 15-го обратилась ко мне ещё одна женщина с тем же желанием, я её направил к владыке...

С 7 февраля и поныне у меня в доме ежедневно вечером совершаются всенощные. 11 февраля утром в 8 часов окрестили мою

питомицу, а в 8 ч. вечера того же дня повенчали, так что 6 душ детей моих удостоились возрождения от воды и духа в таинстве крещения. Великая милость Божия. Слава Тебе, Христе Свете истинный, просвещающий и освящающий всякого человека, – что знаменуется ныне и на мне грешном, и на чадах моих Твой Честный Животворящий Крест! Я не рукою пишу, а сердцем и душой! Вы сами меня знаете, что я открытый человек... Отдаю свой дом под школу и церковь, в которых в нашем околотке великая нужда». Таково бесхитростное, но многоговорящее писание... Если и о *едином* кающемся грешнике велия радость бывает даже и у ангелов, то как не порадоваться верным чадам Церкви о восьми душах, приобретённых для спасения в ограде Церкви Христовой!

* * *

В январе настоящего года, в с. Горелом, Ахалкалакского уезда, Тифлисской губернии, скончался в преклонном возрасте духовор Алексей Зубков, который пользовался громадной популярностью среди всего духоворческого населения, а также был близко известен административному миру Закавказья. Покойный Зубков

по своим природным дарованиям и по той особой роли, которую он играл в истории духоворческой секты последней четверти века, представляется весьма интересной личностью. Это был одним из последних могижан старого традиционного духоворчества. «Свалился наш дуб, смерть вырвала наш корень», – причитали духоворы, оплакивая кончину «своего батька» – Зубкова; а по меткому замечанию местной интеллигенции: *«помер духоворческий Бисмарк»*. Замечание это соответствует внешнему сходству черт лица покойного духовора с обликом германского канцлера, а также оно довольно верно характеризует и общественное значение Зубкова в жизни духоворчества.

Зубков в духоворческом «государстве» был своего рода тоже канцлер и лукавый кормчий «иностранной политики» при дворе «её милости Лукерьи Васильевны Калмыковой», – духоворческой правительницы и богородицы. Постоянные читатели «Мис. Обозр.», из наших статей прошлых лет о духоворческой секте, имеют сведения об этой «царице духоворов».

Духобор Алёша Зубков.
Алёша Зубков²³⁷ был почти сверстником последнего
воплощённого бога духоборческого «Петруши Колмыкова»,

передавшего при своей смерти, по словесному завещанию, «духоборческий престол» свой Луше – 23-х летней жене своей, дородной, умной духоборке, которая отлично правила духоборческим царством, в течение целых 23-х лет.

Лукерья Вас. Колмыкова духоборческая правительница.

Как известно, духоборческие управители имели свою резиденцию в с. Горелом, в, так называемом, «Сиротском доме»; – это огромное в центре села подворье, обнесённое стеной, заключающее в себе множество всевозможных жилых и нежилых построек. Всё это

созидалось и поддерживалось на общественный счёт всего духоворчества и считалось «Сионом» и «лаврой» духоворчества. Сиротскому дому в пользование управителей выделено было духоворами до 1,500 десятин общественной земли. В сиротском доме при управителях жил большой штат свиты, нёсший разные обязанности. При управителях Колмыковых, отличавшихся разгульной жизнью, свита была более женская, при Луше же мужская. Главный домоправитель и хозяин назывался *атаманом* сиротского дома, на какую-то должность Лукерья Васильевна, «по вступлении в управление», назначила Ваню Батурина, который и теперь заведует «духоворческим Сионом». Батурин – это своего рода духоворческий министр двора. Зубкова же молодая управительница избрала для других обязанностей: она возложила на него более трудные и важные поручения – быть старшиной духоворческой волости и вести все сношения с административными органами власти, носящими у духовор название «халдеев», – стараться, чтобы власть была духоворами всегда довольна и поменьше всматривалась и вмешивалась в их внутреннюю автономную жизнь. Зубков бессменно пробыл более 30 лет старшиной и был правой рукой и главным советником правительницы, а вместе и грозой для духоворческой массы. Это был *истый* типичный духовор: дородный, умный, гордый, хитрый, осторожный, неумолимый в жестокости, настойчивый и упорный до вероломства в достижении задуманной или намеченной цели. Время управления духоворством Лукерьи Васильевны и Зубкова считается духоворами цветущей эрой во всех отношениях, и на долю Зубкова выпадает в этом не менее заслуг, чем на саму управительницу. Прежде всего Лукерья с Зубковым принялись за исправление нравственности духовор, которые при кутиле Петруше очень распустились, обленились и много пили. Во время поминок, например, Петруши выпито духоворами до 3 тыс. вёдер водки... Пьяных крепко порол на конюшне сиротского дома сам Зубков. С начальством Зубков удивительно умело ладил и считался образцовым старшиной. Подати, которые духоворы называли «данью», он вносил за полгода ранее срока, заимствуя их из сиротского капитала, а после собирал взнесённую сумму по своей уже раскладке, при чём бедные освобождались от подушных повинностей. И губернская, и уездная власти не могли нахвалиться исправностью духовор и их старшины, за что делались всяческие льготы и поощрения этому «образцовому» в крае населению. Проезжающих через Горелое гостей, военных и должностных лиц («послов русского царя». – по выражению духовор), Зубков умел всегда принять, обласкать, распорядиться, как нельзя лучше. Все

военные высшие и низшие чины, которым приходилось нередко следовать по этому тракту в Карс, особенно же во время войны, отлично знали Зубкова, его удивительную сметливость и всегда толковую распорядительность, и предупредительность. В сиротском доме путешествующие военные и гражданские чины находили и стол, и дом, и чудный винный погреб, с шампанским включительно. Духоборческая управительница и сама любила соревновать с офицерами в количестве выпитого шампанского, причём, с восторгом вспоминают духоборы, – как офицеры все «уж выпимши, а у её милости и в глазу ничего нет»...

Во время последней русско-турецкой войны, Зубков посоветовал Лукерье Васильевне не колеблясь исполнить просьбу высшей военной власти – предоставить духоборческие фургоны для перевозочных надобностей военного времени. В одни сутки Зубков скомандовал снарядить 600 фургонов парных, и духоборы в этом отношении оказали, действительно, важную, незаменимую услугу действующей в Закавказье нашей армии, хотя и сами хорошо поживились, и с того времени сильно заобогатели, заработав во время войны до 1½ миллиона денег.

Благодаря хитрой, ловкой политике Зубкова, духоборы приобрели особое благоволение власти и массу вольностей. Так, например, управительница их Луша завела свой вооружённый конвой, с которым появлялась даже в Тифлисе, на глазах у высшей власти.

Но ещё более важную роль в истории духоборов сыграл Зубков после смерти Лукерьи.

Фаворит Лукерьи, беспутный красавец Пётр Веригин, неохотно мирился с могучим влиянием Зубкова на свою поклонницу Лукерью; Зубков в свою очередь не переваривал бесшабашности выскочки, – недостойного претендента на духоборческий престол. Он ясно понимал, что Веригин ничего, кроме зла, не принесёт «духоборческой нации». Началась глухая борьба между старым, травленным честолюбцем – советником и молодым заносчивым любимцем властительницы. Были моменты, когда Лукерья соглашалась с Зубковым, что Веригина надо удалить от себя и из Сиона. Раз Петруша, возвращаясь откуда-то с пирушки, дорогой «действием» оскорбил «её милость», а приехавши домой, начал, как бешеный, стрелять в потолок и стены из револьвера, чем страшно перепугал «богиню». По настоянию Зубкова, на другой день Лукерья Васильевна приказала Веригину собираться в Славянку и всё было уже готово к его отъезду. Зубков торжествовал свою победу. Но, оказалось, ненадолго! Как только ушёл грозный Зубков, Веригин успел вымолить у своей

обожательницы прощение и был якобы временно оставлен при «Сионе? ... Зубков с досады долгое время не являлся «ко двору».

После смерти Лукерьи, которая поразила духобор своей неожиданностью (она умерла 46 л.), началась открытая борьба Зубкова с узурпатором Веригиным. Последний, в течение 6 недель поминок, успел составить себе многочисленную молодую партию и открыто хвастался, что он, вступив на престол, «освежает» Зубкова – шкуру спустит с него – халдея.

Веригин для этого уже приготовил было длинную ременную плеть с дорогой рукояткой и составил стихи: «плети длинные навяжем, путь неверным укажем». Боязнь за себя, за свою власть, за благоденствие своей духоборческой нации вынудила Зубкова прибегнуть к крайней мере – донести правительственной власти о намерениях Веригина сделаться «царём духоборческим», чем было положено начало к открытию заветного секрета о существовании духоборческого государства в государстве, священной династии, капитала общественного («столпа») и проч. Вмешательство власти, выславшей Веригина и главных нарушителей спокойствия в духоборах, доставило торжество Зубкову и его партии над Веригиным и его приверженцами, которые однако составляли две трети всего духоборческого населения. Отсюда пошли раздоры, разделения духобор на партии, разорительные тяжбы по судам из-за сиротского дома и капитала, основание нового Сиона в Карской области, заведение веригинцами «своего столпа» и проч.

Зубкову все эти треволнения и печальные события в духоборчестве доставили много огорчения и внутреннего страдания. Веригинцы посылали ему проклятия, открыто заявляя: *«Алеша Зубков предал отечество»*.

Он и сам никак не ожидал тех последствий, к каким привёл его этот шаг и к чему пришло оставшееся без кормила тёмное духоборческое царство. Однако покойный до конца остался твёрдым представителем старого духоборчества. Новое течение его не поколебало и свою партию он удержал от увлечения толстовской анархией, и успел даже вовремя остановить от решительных противоправительственных агитационных выходов вторую, так называемую, «Воробьевускую партию», чем спас около 4–6 тысяч от окончательного разорения и тех страданий, какие теперь переносят эмигрировавшие в Америку его единоверцы.

Зубков лично известен был Его Высочеству, Великому Князю Михаилу Николаевичу, от которого он имел за услуги в военное время раненым и войскам золотой с гербом перстень.

Зубков мог быть не раз награждён за 30-ти летнюю свою службу старшиной также и медалями, но он, как истый духобор-фанатик, ни за что не хотел носить этих «правительственных идолов», как никогда не надевал и присвоенного его должности знака старшины, а глядя на Зубкова, не носили его и другие должностные лица из духоборческой секты, отказались и от медалей за войну.

Похоронен Зубков с большими почестями на особом «царском» кладбище, где покоятся одни лишь останки духоборческих правителей и других потомков священной линии Колмыковых. Из простых смертных здесь удостоена погребения лишь приближенная (своего рода статс-дама) управительницы – духоборка «Кулюша». Кладбище это находится в верстах 6 от сиротского дома, – в одной живописной балке, обнесено стеной, над могилами поставлены своеобразные памятники, в виде продолговатых «домиков», с мраморными досками и вычурными надписями. Одно это кладбище служит немым свидетелем, действительно, существовавшей у дохобор священной династии властителей Колмыковых, о чём так поздно, к сожалению, узнали и власть, и исследователи и допустили образование своеобразной автономной общины, так жестоко погубившей себя...

Э. Я.

**Библиография // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6.
С. 487–500**

Ч-ков С., свящ. [Рец. на:]: К лучшему будущему Н. Н. Неплюева. Глава III. Вера, суеверие и неверие. «Книжки Недели». Март 1899 г. ²³⁸ С. 487–493

В третьей главе своей статьи «К лучшему будущему» Н.Н. Неплюев излагает основания истинного христианского мировоззрения, сопоставляя это мировоззрение с одной стороны с заблуждениями суеверия, с другой – с заключениями и последствиями неверия.

Он высказывает здесь очень много верных и прекрасных мыслей, хотя изложение самого христианского мировоззрения страдает существенными пропусками и односторонностью.

В начале главы автор пишет, что «опытные науки не дают и не могут дать, пока представители их остаются на чисто научной почве, ответов на самые главные вопросы жизни: о первопричинах бытия, о конечных целях его, о непреходящем смысле жизни мира, и... о смысле жизни человека. Золотая клетка позитивизма не может удовлетворить ни ума, ни сердца, нимало неоразумливая жизнь». Не может дать ответа на эти самые важные вопросы жизни и философия, которая, являясь умозаключением естественного человеческого разума, по словам автора, «слишком мало авторитетна» в своих выводах.

Где же искать ответа? в Божественном Откровении. Говоря о признаках истинного Божественного откровения, автор останавливается на внутренних его признаках, указывает то влияние, какое истинное откровение имеет на душу человеческую и на жизнь вообще. Он пишет: «истинная вера – самое высокое, что может быть доступно уму и сердцу человека; истинная вера должна наиболее утешать и ум и сердце его; истинная вера должна всё объединить, всё гармонизировать, всё примирить в творении Единого Бога Живого: и природу, и разум, и любовь. Вот главные признаки истинной веры».

Такой истинной верой автор признаёт христианское Откровение. Что касается других религий и учений человеческих, то относительно них он пишет немного ниже: «всякое другое откровение, всякую другую философию я готов признать истиной настолько, насколько они совпадают с животворящим духом этой веры (т. е. христианской)».

Затем Н.Н. Неплюев переходит к изложению основных истин христианского Откровения.

Однако мы не найдём у него ни учения о первородном грехе, ни учения о воплощении Сына Божия, ни учения об Искуплении, ни учения о Церкви и её таинствах, о будущем воскресении и Суде, о

вечном блаженстве праведников, о вечной муке грешников. Он выясняет только, да и то очень кратко, христианское понятие о Боге, о *конечных целях бытия и о цели земной жизни человека*. В учении о Боге он исключительно останавливается на той истине, что Бог – есть Любовь. Он пишет: «христианское Откровение даёт нам такое представление о Боге: прежде всего Он – Любовь. Он любовь и никогда в вечности не перестанет ею быть, всегда неизменно оставаясь верным Самому Себе, неизменно последовательным, неизменно логичным в деле любви, всё обнимая любовью Своею, всё благословляя, всё понимая потому, что Он при этом и Высший Разум мира, Высшая Мудрость».

Любовь Божия явилась первопричиной бытия, ибо любви не свойственно оставаться в холодном одиночестве. Всё создано любовью и для любви.

Все другие свойства Божии, каковы – всеведение, всемогущество, всеблаженство – суть естественные проявления любви. Прежде чем перейти к другим истинам христианского Откровения, автор с особенной подробностью раскрывает практическое значение учения о Боге – любви.

Веруя в Бога – любовь, пишет он, мы должны согласовать жизнь свою с любовью. «Всё, что не согласовано с любовью в жизни, – грех, безнравственность, отступление от христианской правды, так как в любви и только в любви – единомыслие, единокровие с Высшей любовью: святость, чистота.

Забвение одного из свойств Божиих, а в особенности того, что Бог есть любовь, – приводит к суеверию. «Не понимая живой любви Бога живого, искажают сами понятия о Боге до чудовищного божества, ничего общего с Богом – любовь не имеющего, бессознательно вытравляют любовь из христианской этики, из понимания святости, добродетели, чистоты, вытравляют её и из жизни и отношений. Считают возможным быть верными Богу, на каждом шагу изменяя любви. Отсюда холодное презрение к миру земному, плоти и всему телесному».

«История дала примеры отступничества не только отдельных лиц, но целые христианские народы являли пример отступничества от веры, выдавая за веру самые грубые суеверия, доходя часто до чудовищного соединения не одного, а многих суеверий, из которых каждого было бы достаточно для того, чтобы оклеветать веру, быть страшным соблазном для человечества. Разом забывали и любовь, и мудрость, и все остальные свойства Божии, и в жизнь человечества

вносили всё зло, весь хаос, неизбежные, естественно вытекающие из совокупности всех этих суеверий, и всё это делалось во имя веры».

Если суеверие, забывающее или искажающее одно из свойств Божиих, приводит к столь пагубным последствиям, то к ещё более пагубным последствиям приводит неверие, совершенно отрицающее Бога.

«Если мы не верим в Бога живого с теми свойствами, которые мы выше перечислили, пишет Н. Н. Н., не верим в Творца, имевшего определённую, разумную и благую цель, созидая мир, имеем ли какое-либо разумное основание различать добро от зла и тем более надеяться на конечную победу добра?»

При неверии в Бога различие между добром и злом исчезает и единственный смысл жизни сводится к личному наслаждению и личной выгоде.

* * *

От понятия о Боге Н. Н. Н. переходит к определению *конечной цели бытия* и полагает её «в причастии любви и мудрости Божией». «В этой конечной цели бытия – абсолютная истина, абсолютная правда, красота, чистота и святость. Всё, что несогласно с нею, только временные призраки, уродства, ложь, грех и грязь».

Наконец, *смысл земной жизни человека* заключается в том, чтобы человек горьким опытом этой жизни убедился в ошибочности своего первоначального отпадения от любви Божией и «в радостной правде святыни единения и всеобщей гармонии вселенской любви».

* * *

Таково содержание рассматриваемой нами главы.

В ней, как мы уже говорили, очень много верных и основательных мыслей. Таковы рассуждения автора о недостаточности опытной науки и философии в разрешении основных вопросов жизни, о необходимости Божественного Откровения, о свойствах любви Божией, о жизненном значении любви, о плодах суеверия и неверия, о конечной цели бытия.

Но вместе с тем мы не находим у автора ни малейшего указания на некоторые, самые основные и краеугольные истины христианства, без которых не может быть ни правильного христианского мировоззрения, ни настоящей христианской жизни. Таковы – истина искупления человеческого рода страданиями и смертью воплотившегося Сына Божия, или истина основания Им на земле Своей Церкви для освящения и просвещения верующих в Него благодатными дарами Св. Духа.

Излагая основания христианства, автор должен был бы упомянуть об этих, по крайней мере, двух истинах.

Ибо – что значит наша вера в Бога – любовь, к чему приведут наши усилия согласовать жизнь свою с любовью, какое значение может иметь для нас мысль о вечном блаженном смысле бытия, если мы всё ещё находимся под гневом и осуждением Божиим, если мы не примирены с Ним искупительными страданиями и смертью Его Единственного Сына, если мы не можем воспользоваться для освящения и просвещения душ наших благодатными дарами Св. Духа, изливающимися в таинствах Церкви?

Читая статью Н. Н. Н., можно подумать, что достаточно нам иметь верные понятия о Боге и решимость согласовать нашу жизнь с этими понятиями для того, чтобы наша жизнь стала истинно-христианской, как будто всё зависит единственно от наших личных усилий... Между тем, как на самом деле, без теснейшего внутреннего общения с Господом Иисусом Христом, без постоянного молитвенного припадания к Нему, без освящения таинствами св. Церкви мы никогда не можем достигнуть истинно-христианского настроения души.

Вообще, Н. Н. Н. очень мало или даже ничего не говорит в этой статье о важном значении для христианской жизни веры в живого, *пришедшего во плоти* Сына Божия – Иисуса Христа, как будто без этой веры можно быть христианином.

Между тем, если мы раскроем св. Евангелие, деяния и послания св. апостолов, то увидим, что благая весть, ими возвещённая во все концы вселенной, ни в чём ином не заключалась, как только в повествовании о Христе, Его жизни, чудесах и словах, Его смерти и воскресении, в призывании к вере в Него, к вере в примирение через Него с Богом, к покаянию и обновлению духа во имя Его.

Истины христианства, в изложении Н. Н. Н., принимают характер какой-то отвлечённый и мало-жизненный.

* * *

Умолчание о Церкви, как учреждении, предназначенном Богом к сохранению и ограждению чистой истины Евангелия, к поддержанию на земле истинно-святой христианской жизни, стоит в противоречии с признанием бытия Бога – любовь.

По мнению автора, высказанному им раньше, до самых последних дней в мире царствовал хаос и мрак сплошной злобы и только с возникновением основанного им трудового братства занялась «заря царства любви». Но согласно ли с любовью Божией допустить, чтобы Бог в течение 1900 лет со дня воплощения Сына Божия оставлял бы человечество в хаосе и мраке злобы и не даровал бы ему надёжной

пристани, в которой бы все ищущие спасения и чистой святой жизни могли находить для себя убежище?

И что же тогда значат слова Сына Божия: «созижду Церковь Мою и врата адовы не одолеют её».

* * *

Наконец, укажем ещё на одну мысль автора, с которой никак нельзя согласиться.

Он пишет: «Истинная вера одна и неизменна. Истинное откровение тоже неизменно и вечно, но изменчиво отношение человечества к букве слов откровения, бесконечно изменчива степень восприятия живой правды умами и сердцами, *только постепенно дорастающими до понимания живой правды откровения всё более и более глубокого, широкого и возвышенного. В этом беспредельный рост, беспредельный прогресс от веры в веру, от суеверия к правде веры.* В данную минуту вера есть то понимание откровения, которое соответствует наивысшим идеалам, доступным в данную минуту умам и сердцам людей, то понимание откровения, которое наиболее утоляет и ум, и сердце, приводит к наибольшему единению, к наибольшей гармонии».

Таким образом, по словам Н. Н. Н., в человечестве существует постоянный прогресс в понимании смысла Божественного Откровения, так что человечество, по мере жизни своей на земле, начинает всё глубже, полнее и яснее понимать христианское учение. Он любит сравнивать в этом отношении жизнь человечества с тремя мерами муки, в которые положена была закваска. Трём мерам муки соответствуют три периода в истории человечества: ощущений, разума и любви.

Ныне человечество вступает в третью меру своего возраста.

Справедливо ли, однако, будто, в первые века христианской эры, христианство понималось менее глубоко, полно и ясно, нежели теперь? Справедливо ли, что мы превзошли в глубине и ясности понимания христианства св. мучеников, или св. отцов Церкви IV и V вв.? Достаточно только поставить эти вопросы и припомнить жития святых и писания отцов первых веков Церкви христианской, чтобы дать отрицательный ответ на вопросы.

В высказанном Н. Н. Н. мнении снова проглянула та эволюционная точка зрения на предмет, которую он из области современной науки переносит и в жизнь Церкви, где она совершенно неприменима и где, по слову Спасителя, «ученик не больше учителя своего и слуга не больше господина своего».

Свящ. С. Ч-ков

Чельцов М. [Рец. на:]: Краткие сведения о старообрядческом расколе и сектах в русской церкви с изложением действующего о них законодательства Москва. 1900 г., изд. Сытин. 81 стр. Ц. 10 к. С. 493–496

Написать книжку для народного чтения гораздо труднее, чем составить какое-либо учебное руководство: и умения для этого нужно гораздо более, и способности потребны иные. Если выбор и распределение материала имеет очень важное значение для учебного руководства, то в книжке для народного чтения – это определяет прямо-таки её пригодность или негодность для чтения. Если в учебном руководстве потребно обращать существенное внимание на простоту, лёгкость и ясность изложения и логичность выводов, то в книжечке для народного чтения отсутствие указанных качеств изложения обрекает её на долгое лежание в складах её издателей. Всё это необходимо иметь в виду как для написания, так и для оценки книжки для народного чтения по истории расколо-сектантства русского.

История расколо-сектантства в настоящее время по многим пунктам довольно-таки разработана, много мелочных деталей раскрыла она в жизни этой больной раны на русском церковном организме. Трудно поэтому выбрать в ней самое важное и существенное, что нужно бы было предложить для чтения народа; трудно оставить многое хотя и мелочное, но характерное для данной секты или картинки, – оставить, как могущее обременить внимание читателя из народа. При этом выбирая существенное, нужно его представить именно в том свете, в том характерном очертании, какое оно имеет в силу тех мелочей, которые теперь опускаются. – Далее – излагая историю происхождения и распространения раскола, всегда нужно автору иметь в виду, что такое, по его взгляду, представляет из себя раскол, чтобы и для читателя его этот раскол старообрядчества без всяких недоумений и сомнений явился бы именно таким, каким его хотел представить автор. Так как теперь более или менее признано, что раскол произведён и поддерживается умственно-религиозной темнотой русского народа, то и автору нужно, чтобы у читателя его составилось, по прочтении его книги, именно это понятие, а не иное. Достигнуть этого он может двумя путями: или постоянно отвлекаясь от нити рассказа для попутного изобличения раскола, или незаметно для читателя раскрывая перед ним именно такие стороны в расколе, которые прямо и откровенно сами изобличают раскол, оставляя автора в стороне. Далее – так как в нашем расколе каждое новое явление

непременно имеет свою причину и для появляющейся в наши дни секты естественно указать основание в первоначальном положении и учении раскольников, то автору народной истории раскола необходимо ввести своего простого читателя в уразумение этой истины, чтобы он не недоумевал о появлении той или другой секты и не смущался духом при возможном появлении всё новых и новых. Наконец – изложение, язык и слог его должны существенно остановить на себе внимание автора.

Вот те, на мой взгляд, первейшие и естественнейшие требования, какие необходимо предъявлять ко всякой истории раскола и *тем более* к истории, написанной для народного чтения. Насколько же им удовлетворяет книжка, заглавие которой выписано выше?

Автор этой книжки, кажется, сознавал всю трудность взятого им на себя труда, почему и уклонился от придания ему громкого названия «истории» ... а наименовал его просто «краткими сведениями» ... А коли труд его – только краткие сведения, то, разумеется, и требования к нему приходится сократить. Впрочем, и краткие его сведения весьма достаточно для первого в этом роде труда удовлетворяют читателя.

Первое всего автор умело выбрал и распределил самое существенное в обширной области истории раскола. Весь материал исторический, библиографический и даже юридический распределён в следующих XIII главах: и вне церкви нет спасения, раскол, начало и причины его, суд над раскольниками, в чём заключается сущность лжеучений раскольников. Деление раскола на секты. Беглоповщина, поповщина, беспоповщина, причины устойчивости раскола. Единоверие. Еретические секты (пашковщина, штунда, молоканство, духоборчество, хлыстовство, скопчество), как самому познать ложь раскола. Список наиболее доступных и полезных книг по истории и обличению раскола и сект. Главнейшие действующие о раскольниках и сектантах законы». Таким образом, в небольшой по объёму книжечке автор старался не упустить из виду существенных вопросов и главных моментов в истории раскола и сект и в общем дал для народа достаточные сведения, в форме вполне доступной – простой и близкой народной душе и чувству. При сообщении сведений по истории, автор кратко, но для народа внятно, обличает суемудрие отщепенцев, на основании свящ. писания. Настоящее издание заслуживает внимания, как популярная и сравнительно удачная по содержанию и изложению попытка провести в самую народную читающую среду сведения о том вековом зле, которое так опасно для народа, – вооружить его самого на борьбу и отражение этого зла. Весьма важно ознакомление народа

и с законами, которые сами раскольники и сектанты не знают и знать не хотят.

Если бы настоящая книжка не представляла собой «кратких сведений», то следовало бы к ней предъявить, в качестве недостатка, то, что автор не изложил основного учения беспоповцев о церкви и таинствах, ничего не сказал и о хулениях на церковь православную со стороны первых расколо-учителей. От этих опущений произошло то, что для читателя вполне почти неведомым осталось, в чём состоял тот раздор, о котором автор говорит на стр. 18. Не ведает читатель, откуда, как и почему могли появиться брачники и безбрачники, нетовцы и т. под. – Держась, далее, сам взгляда на раскол, как на противление церкви, произведённое невежеством, автор старается убедить в этом читателей. Путь для убеждения берёт первый из указанных мной и только кое-где прибегает ко второму. Поэтому он начинает свою книжку с главы, что «вне церкви нет спасения»; поэтому он обличает раскольников в несправедливости их мнения о ересь греков (стр. 21); поэтому ему потребовалась вся почти глава: в чём заключается сущность лжеучений раскольников? поэтому он изобличает беглопоповцев и поповцев и мн. др. Как к «кратким сведениям», повторяю, к книжке автора нельзя предъявлять требования, чтобы у него последующее естественно вытекало из предыдущего и чтобы ясно было представлено им, как и почему появились хотя бы беглопоповщина или беспоповщина; почему и откуда произошли брачники и безбрачники бегуны и нетовцы и т. под.

Со стороны изложения также нельзя не отметить некоторых промахов, так в книжке встречаются: неопределённые выражения, ничего не объясняющие; напр.: ереси – это учение, чуждое исповеданию церкви, её вере (стр. 7), хронологическая неточность, напр., будто старообрядчество появилось только в XVII ст. (стр. 7). Никону патриарху приписывается то, что он делал как Новгородский митрополит (стр. 12) и др. – Можно бы также ещё пожелать и более ясную, определённую и точную формулировку учения различных толков и сект. Федосеевцев у автора простецу трудно будет отличить от поморцев, пашковцев от штундистов да, пожалуй, и молокан.

Все эти недостатки книжки указаны не для того, чтобы умалить значение её, или пригодность её к распространению, или пользу от чтения её народом. Нет! Указаны же они для того, чтобы и других составителей подобных книжек предостеречь от естественных недостатков, и автору этой книжки помочь при втором её издании избежать их. А саму книжку нельзя не приветствовать с радостью, нельзя не желать ей быстрого и повсюдного распространения, как

первого опыта проведения в народную среду знаний из истории и современного состояния расколо-сектантства нашего. Знаний этих народ, по крайней мере живущий совместно с раскольниками и сектантами, давно уже жаждет. Давно уже привыкший слышать изобличения раскола, он теперь старается ознакомиться и с тем, как и через что он произошёл. И этой народной потребности книжка нашего автора может удовлетворить; она на первый раз даёт ему требуемое им знание. Поэтому я с величайшим для себя удовольствием рекомендую её к выписке и не в одном экземпляре в каждое раскольничье село. Будут её охотно читать православные, – поинтересуются ею и раскольники. Цена её – совсем ничтожна при её большом объёме. Издание внешнее – хорошее. Выписывать книжку можно из Москвы (у Ильинских ворот, д. И. С. Титова).

М. Чельцов

Булгаков Н. [Рец. на:]: Свящ. С. Б. Страхов. Спасение христианина в настоящей земной жизни и значение для этого спасения св. таинств покаяния и причащения. Москва. 1900 г., стр. 1–34. С. 497–499

Спасение души, драгоценнее которой нет ничего в мире (Мф.16:26), есть самое главное, о чём должен более всего думать и заботиться христианин, совершая своё земное странствование: о своём спасении христианин должен думать постоянно, – каждый день и каждый час. Но бывают или частные случаи в жизни того или другого христианина, или особые дни и целые периоды, в так называемом, «церковном» году, когда это спасение, как главный предмет христианских дум и забот, с особенной силой выступает на первый план. Из частных случаев можно указать для примера на смерть близких нам лиц, когда мы, видя конец земной жизни одних, задумываемся и о своей смерти, и вместе с тем о своей душе и её спасении. Из периодов церковного года, особенно напоминающих о спасении, конечно, нужно указать на спасительное по истине поприще Великого поста, – самое главное время, когда христиане приступают к спасительным таинствам покаяния и причащения. Спасение христианина в здешней земной жизни является необходимой подготовительной ступенью к спасению будущему; наши земные дела суть только внешняя оболочка, в которой вырабатывается начало вечной жизни. Земная жизнь, насколько она неразрывно сливается с жизнью вечной, на языке Св. Писания носит особое название «жизни духовной»; и такой «жизни духовной» противоположна «смерть духовная». Сущностью «жизни духовной», как состояния нравственного, является добродетель, и наоборот, сущностью «смерти духовной» является грех. Добродетель есть сила животворящая, грех – мертвящая, разлагающая; эти два начала борются между собой и, когда добродетель оживотворяет нашу душу, грех своим мертвящим ядом силится погубить в ней жизнь. В виду этого, понятие *спасения* необходимо требует известной самодеятельности человека; христианин должен брать на себя подвиг спасения, развивая в себе вообще все добрые стороны своей природы и в то же время постоянно и неустанно (Евр.12:4) борясь со грехом, подавляя, убивая в себе дурные стороны природы. Но одних естественных усилий человека недостаточно для спасения: в виду поврежденности природы человека (первородный грех) необходима ещё сверхъестественная помощь, – *благодать* Божия; проводниками этой благодати служат *св. таинства*,

через которые, как через «оконца». подаётся спасающимся «дар Божий»... Особенное значение для сохранения, укрепления и развития в христианине духовной жизни имеют св. таинства покаяния и причащения, эти постоянные, всегда открытые источники благодати: в таинстве покаяния христианин имеет средство для очищения тех грехов, которыми он пятнает чистую одежду души своей, полученную в таинстве крещения; справедливо, поэтому, таинство покаяния называется «вторым крещением»; христианин, должным образом выполнивший свои человеческие условия покаяния, получает *живое ощущение* своего спасения от грехов. С чистой и облегчённой душой (в таинстве покаяния) христианин приступает к таинству причащения тела и крови Христовых; в этом таинстве он теснейшим образом соединяется со Христом, так что не сам он живёт, но живёт в нём Христос (Гал.2:20); плодом истинного причащения тела и крови Христовых является положительное изгнание грехов из души человека, – в смысле уничтожения греховных настроений и навыков. Истинный причастник вместо прежнего нравственного расслабления чувствует в себе особенно сильное желание творить добрые дела; после св. причащения он буквально алчет и жаждет правды, приобретает общее нравственное настроение, истинно христианское.

В таком поступательном порядке о. Страхов излагает в своей брошюре общеизвестные православные мысли о спасении человека. Его брошюра представляет из себя публичное богословское чтение, предложенное слушателям в зале Синодального училища: заветной целью этого чтения, по словам о. лектора, было «пробудить в слушателях воспоминания об отрадных фактах личного духовного опыта, в особенности относящегося к великим таинствам покаяния и причащения, – возбудить жажду повторения этих фактов... затронуть наилучшие струны нашего сердца, религиозные» ... (стр. 34). Своей цели о. лектор в достаточной степени достигает строго логическим построением своих мыслей, а затем мастерским и одушевлённо-конкретным их изложением; весьма удачно подобраны у него места из святоотеческих молитвословий и сочинений о. Иоанна Кронштадтского, в которых в высоких образах и метких уподоблениях изображены плоды св. причащения в духовной жизни человека. С этой именно стороны брошюру о. Страхова смело можно рекомендовать в число книг, пригодных и полезных для чтения образованному верующему человеку, готовящемуся выполнить долг исповеди и св. причащения. Но нельзя не отметить некоторого портящего ту общую гармонию, которую производит собой книжка о. Страхова, неблагозвучия. Дело в том, что о. Страхов совершенно напрасно уснащает некоторые

страницы своего произведения иностранными словами. «Интеллектуальный», «абсолютный», «адекватный», «эвдемониаальный» (стр. 6 и 7), «элемент», «контраст», «вербальный», «риторика» (стр. 9 и 11), «гуманистический», «эмоция» (стр. 12 и 15) и др. Цветы инославной богословской схоластики никогда не придадут научности публичному богословскому чтению (которое должно быть общепонятным), а только неприятно режут слух и мешают живости впечатления.

Н. Булгаков

Н. Б. [Рец. на:]: Предметный указатель к св. четвероевангелию. Москва. 1899 г. Издание С. Войта и А Соловьева. Стр. 1–47. Ц. 20 коп. С. 499–500

Составитель «Предметного указателя» ... предпосылает своему труду предисловие, указывающее на побуждение к его изданию и на цель последнего. По словам издателей, «существующие в нашей духовной литературе ценные труды, посвящённые изучению св. Евангелия, – ни по своей цели, ни по цене, ни по объёму не составляют справочного указателя и заменить его не могут»; небольших справочных изданий к св. Евангелию, общедоступных по цене, по мнению составителя, доселе не было и он думает восполнить этот недостаток своим «Предметным указателем к св. Четвероевангелию». Составление этого «Указателя» ... было вызвано практической необходимостью. При «горячих разговорах или спорах приходится бесплодно (?) тратить время на поиски того или другого текста из св. Евангелия, – потому что многие ли читают св. Евангелие каждый день? – между тем, в пылу разговора или спора быстро, с нетерпением, без уважения к святыне, перелистывается эта святая книга, подобно какому-нибудь сборнику кассационных решений или словарю» (см. предисловие). Нельзя, конечно, не признать, что подобное издание и благотребно, и полезно, и общедоступно по цене, хотя в то же время можно и не согласиться с составителем, что «спорщики» впредь будут быстро находить нужные им места в св. Евангелии и не станут с нетерпением и неблагоприятно его перелистывать. Дело в том, что «Предметный указатель» обнимает не более трети тех понятий и предметов, о которых повествуется во св. Четвероевангелии, при этом в «Указателе» опущены некоторые предметы из весьма важных, и наоборот, внесены в него указания о таких вещах евангельской истории, которые ни в ком не могут возбуждать каких-либо споров. Встречаются экзегетические, исторические и текстуальные неточности, а иногда и неправильности (см., напр., комментарии к словам: *долг*, *Захария пророк*, см. текст на стр. 13 – *даром получили* – *даром давайте*) и грамматические погрешности (стр. 12 и 23). Новое справочное библейское издание не может быть по своему характеру и значению поставлено в параллель «Библейскому богословскому словарю», этому прекрасному изданию В. Михайловского. – вышедшему в 1872 г. вторым изданием. «Предметный указатель» тоже может быть полезным пособием и для пастырей, и для мирян в миссионерской полемике с сектантами, а

потому нельзя не пожелать новой книжке скорейшего распространения, а издателям, при новом издании «Указателя», исправления недосмотров и восполнения книжки особенно теми библейскими местами, которые служат предметом миссионерской полемики. Тогда издание будет более ценным для нашего дела миссии.

Н. Булгаков

**Известия и заметки // Миссионерское обозрение. 1900 г. №
1–6. С. 501–506**

Статистическая справка о религиях. С. 501–504

«Жатвы много, а делателей мало».

По новейшим статистическим данным о религиях, на земном шаре число жителей возросло в настоящее время до 1534 миллионов, исповедующих *1100 религий*. Число *христиан* определяется в 490 миллионов, в частности – римских католиков 221 миллион, православных 94 миллиона, протестантов с их подразделениями 165 миллионов и сверх того до 10 миллионов различных сектантов.

К нехристианским народам принадлежат: 1) около 7–8 миллионов иудеев, 2) 178 миллионов магометан, исповедующих ислам и распадающихся на суннитов, шиитов и валгабитов и около 70 других магометанских сект, 3) около 858 миллионов язычников, из них исповедующих браминскую веру 147 миллионов, буддистов (в Монголии, Индо-Китае, Китае и Японии) 510 миллионов; последователей других языческих религий считается около 200 миллионов.

Без всякой религии, до сих пор не найдено на земном шаре ни одного народа.

О религиях жителей Азии сообщаются Даниелем недостаточно точные и полные сведения.

В Японии распространённой традиционной религией считается шинтоизм, состоящий в почитании солнца и предков. Здесь с успехом проповедовал христианство с 1549 г. католический монах иезуитского ордена Франц-Ксавер. Но неблагоприятные попытки позднейших католических миссионеров вмешиваться в политические дела страны имели своим последствием то, что в продолжение первых десятилетий XVII в. христианство подверглось жестокому преследованию и было искоренено, а иностранцам возбранён был доступ на остров. В настоящее время христианство в Японии разрешено, и число его последователей из года в год увеличивается.

Государственной религией в Китае признаётся учение Конфуция, которое рекомендует самопознание и учит, что всем в мире и жизни человека заправляет судьба. Религиозным главой в стране признаётся император. В массе низших классов народонаселения господствует культ предков и грубое идолослужение. В Китае последователи христианства были уже в средние века; в позднейшее время здесь проповедовали христианство католические и с начала нынешнего столетия евангелические миссионеры. Но так как Китайская государственная политика представляла всякие препятствия и

затруднения иностранцам, то многие императоры преследовали христиан и старались, хотя и тщетно, совсем *уничтожить* христианство в своей стране. В настоящее время христианство в Китае разрешено местными государственными законами.

В древнем Сихеме, у подножия горы Гаризина, проживает небольшая община самаритян. Курды по Даниелю колеблются в признании своим религиозным главой между Христом и Магометом. Друзья представляют тайную магометанскую секту.

Христиан считается в Азии всего около 15–16 миллионов и в частности в Индостане, где усиливается господство англичан, считается 2½ миллиона протестантов и католиков. В Либанове живут марониты, ныне присоединившиеся к римско-католической церкви. В пустыне Малабарской, где по преданию сперва проповедовал евангелие ап. Фома, живёт христианская община, называющая себя по имени этого апостола. Часть её уже присоединена к римско-католической церкви, а другая придерживается несторианской ереси.

При чтении этих общих и кратких сообщений невольно возникает мысль о том, как много ещё народов не просвещено светом учения Христова и как много трудов ещё предстоит христианским миссионерам на поприще их просветительной деятельности среди сидящих во тьме сени смертной. Есть люди, наши ближние, к которым совсем ещё не проник свет Христовой истины, которые не только не имеют счастья быть членами церкви Христовой, но даже не слыхали ещё об имени Христовом и доселе пребывают во тьме идолослужения; другим уже возвещено евангелие царствия, но они, находясь под тяжёлым гнётом своих языческих гражданских и религиозных вождей, нуждаются в опоре, защите и помощи, чтобы порвать связи с прежним язычеством; третьи, также уже просвещённые учением евангельским, ещё борются со своими прежними суевериями и требуют помощи для своего утверждения в истинах Христова учения; тем, которые просвещены христианским учением от римско-католических и протестантских миссионеров, предстоит ещё освободиться от принесённых этими последними заблуждений и познать истину св. православной Церкви. Таким образом, жатвы много, а делателей мало. Дело нашей отечественной православной миссии и в материальном, и в организаторском отношении совсем слабо развито и обеспечено сравнительно с миссиями иноверных государств и нуждается в живом содействии и сочувствии со стороны православных христиан. Спаситель наш Иисус Христос все благодеяния и милости, оказываемые нами ближним, благоволит принимать так, как бы мы Ему

лично благодетельствовали: «Понеже, говорит он, сотвористе единому сих братьев Моих меньших, Мне сотвористе».

Деятельность общества распространения Священного писания. – К концу 1898 года в Обществе состояло 1120 членов, в том числе 20 преосвященных и 263 прочих духовных лиц. На приход в отчётном году поступило 43,137 руб. 55 к. Священных книг распространено было в отчётном году 60,748 экз.; из них около половины через корреспондентов и книгонош (которых в обществе 6). Всего с 1863 г. распространено 1.958,312 экземпляров книг Священного Писания.

Если сопоставить эти цифры с миллионными капиталами и книжными цифрами иностранных библейских обществ, впечатление получается далеко не радостное. Так, напр., Британское библейское общество в истекшем году распространило 4.387,000 экз. библий и отдельных свящ. книг, а со времени своего основания в 1803 г. – 155.500,000 экз. более, чем на 340 языках.

Учреждение новых миссий. Для утверждения в истинах православной веры крещёных инородцев и обращения в лоно св. Церкви последователей ислама предполагается учреждение в Оренбургской губернии миссионерского стана и должности миссионера, на обязанности которого лежало бы ведение бесед с магометанами, посещение инородческих приходов и наблюдение за мусульманской пропагандой, в видах ограждения крещёных инородцев от совращения в ислам.

В Симбирской епархии учреждается должность епархиального миссионера для борьбы с расколом и сектами; средства для сего испрашиваются епархиальным начальством из сумм св. Синода. Заместить ново-открываемую должность миссионера епархиальный преосвященный предполагает лицом с академическим образованием.

Миссионерские курсы в Казани: – Из Казани извещают от миссионерских курсов следующее: по уставу миссионерских курсов, на них принимаются штатные слушатели (получившие среднее образование) и вольнослушатели – по рекомендации преосвященных, если окажутся для них места в классных помещениях. С прошлого года, однако, на курсы пожелало поступить столько лиц, получивших среднее образование, что для вольных слушателей решительно нет места не только для проживания внутри миссионерского Спасского монастыря, но даже и для помещения их в классе во время уроков, а потому и приёма вольных слушателей не будет. – Что же касается до штатных слушателей, то приём прошений (с требуемыми документами) прекращается 15 августа, а последующие затем прошения будут

отклоняемы за установлением штата вновь принятых слушателей, – о чём и приводятся в известность заинтересованные лица.

Существует предположение об открытии при Казанских курсах преподавания предметов, относящихся к внутренней миссии, а именно – противосектантского отдела. Среди курсистов, очень хороших, являются малоспособные к языкознанию, что так необходимо для деятелей внешней миссии. Такие лица могли бы быть полезными тружениками на поприще внутренней миссии и борьбы с сектантством и расколом. Несмотря на огромные со всех сторон запросы на миссионерских деятелей, у нас нет подготовительного для сего св. служения центральной школы. Казанские курсы этой нужде могли бы вполне помочь.

Одна из мер к отрезвлению народа. – Одним из средств против пьянства могло бы оказаться пение. Путём устройства народных певческих обществ, которые по праздникам занимались бы пением, можно было бы предохранить от соблазна подверженных пороку весёлого праздничного времяпровождения. Нам, православным, указывают иногда на пример сектантов, в обществах которых процветает трезвость. Кроме строгого отношения к нетрезвым, немалое влияние на трезвенное поведение членов секты имеют и общие собрания, устраиваемые у них, на которых много уделяется общему пению, увлекающему, по свидетельству обратившихся к православию сектантов, и своих собратий, и даже православных.

Набожность абиссинцев. – Посты у абиссинцев соблюдаются очень строго, так что только при их выносливости и выполнимы их продолжительные посты. В среду и пяток абиссинцы не вкушают даже и рыбы, а едят одни овощи и притом не употребляют пищи и питья до 12 часов также и в праздничные дни. Великим постом у абиссинца, как у нас, особенно почитается первая и Страстная недели и на последней в особенности они говеют, не употребляя пищи и питья до Великого четверга, а некоторые до субботы, да и в тот день разрешают себе только небольшой кусок хлеба и маленькую кружку воды, проводя время в молитве в храме. С пятницы же и духовенство остаётся в храме до утрени Светлого Христова Воскресения. Исповедь совершается у абиссинцев истово, и духовники очень тщательно и внимательно относятся ко всякому исповедующему, делая при этом очень строгие наставления и налагая епитимьи. При этом говельщики стараются положить как можно более поклонов; есть такие, которые кладут от 7000–8000. Бывали случаи, что некоторые клали и 18000 поклонов.

Духовенство в Абиссинии очень обеспечено и пользуется большим уважением народа. Когда священники идут по улице, то всякий кланяется им почтительно, а когда являются в собрание, все встают со своих мест и целуют им руки. Таким же почётом и уважением пользуются у абиссинцев и монахи, так что всякий абиссинец считает для себя за счастье иметь знакомого монаха и в нём для себя духовника.

На построение храмов в Сибири. – Канцелярия комитета министров, по поручению управляющего делами комитета Сибирской железной дороги, напечатала следующее воззвание:

«Мы опять у поприща поста и покаяния и вновь стоим перед Престолом Милосердия. Но вера без добрых дел мертва есть, и нам, ищущим прощения и милости у Господа, подобает явиться к нему за этими дарами с делами милосердия и любви к ближнему. Пусть же всякий, приступая в настоящие великие дни к очищению своего сердца и испытанию своей совести, уделить, что может, от избытков и даже от скудости своей, и во имя Христа Иисуса окажет величайшее из всех благодеяний недостаточным сибирским переселенцам, устроив им храмы, где бы они и дети их, вместе со всей Русью Православной, совершали подвиг поста и покаяния и научались хранить древний залог веры Царю Небесному и верности Царю земному».

Открытое письмо пастырю Н-кой епархии, призываемому на миссионерское служение в другую епархию. С. 505–506

Милый о. Иоанн!

Радуйся, муж благих желаний, добрый пастырь и отец мой духовный новому призванию, которое по справедливости надо почитать высшим. Сам Господь вывел на ниву Свою *первых миссионеров*, то есть *апостолов*, ибо первое имя Христовых служителей произошло от латинского глагола (*mitto*), а второе ОТ греческого (*ἀποστέλλω*) того же значения. Священство и сопряжённая с ним благодать Духа Святого останется при тебе, присоединится лишь большая *удобоподвижность* служения, и широчайшая сфера духовного влияния твоего горячего воодушевлённого слова. Не робей же взяться за рало²³⁹ миссионерское, чтобы пахать сердца по слову:

«Исполнишь волею Моей

И обходя моря и земли

Глаголом жги

Сердца людей».

Лишь бы не быть фарисеем, обходящим земли и обратив одного, делающим его сыном погибели и геенны худшим себя. Не мне, сыну учить отца и пастыря тому, как миссионер должен быть примером не только для спасаемых и пасомых, но и для *пастырей*, в среде коих и при содействии коих совершает он свой великий подвиг. Миссионер должен быть *друг* и сотрудник пастырей, их вдохновитель и возбудитель. Тебе не только себя самого, но других предлежит обличать, назидать и словом, и житием, и любовью и всячески трезвиться и внимать *внешнему* благоповедению, но – ах! как важно это для миссионера, как свечи, возженной вверху, на подсвечнике... Тебе предстоит бороться с распушенностью нравов православной среды, порождающей наветы на Церковь со стороны сектантов, каковы картёжная игра, куренье табаку, танцы и театры, пренебрежение уставами Церкви относительно поста, молитвы и проч... Если только *не делать* добра есть грех, колыми паче грешен грех плотских языческих весёлостей!

Помоги же, Господи, вам, добрый о. Иоанн, мой друг и благодетель. Вы меня поддерживали материально милостыньками во дни тяжкие, я же могу только платить словом живой радости об осуществлении вашего желания быть миссионером. «Слово *паче*

даяния». Помните мотив церковный: «с любовью пожертвую Тебе», а также «заклани бывше якоже Агнцы».

Любящий вас

Михаил С-ко.

* * *

Грустный эпизод из истории иностранной миссии («The Times» 25 сентября 1899 г.). Недавно вышел в Лондоне третий том Истории Миссионерской Церкви, сочинение Евгения Штока (Eugene Stock). В этом объёмистом томе в 900 страниц издатель делает вкратце обозрение деятельности этой Церкви за последние сто лет, но главным образом описывает деятельность её за последнюю четверть настоящего столетия в Индии, Африке, и Китае, касаясь мимоходом церковных распрей, поскольку они повлияли на церковь Миссионерского Общества. Особенный интерес для лиц, интересующихся положением иностранной миссии, представляет собой сообщение о, так называемом, «Цейлонском споре», возникшем более двадцати лет тому назад между молодым Коплестонским епископом, придерживающимся строгих воззрений на епископскую власть, и миссионерами Миссионерской Церкви в Цейлоне. Епископ был слишком требователен к миссионерам и очень был озабочен тем, чтобы и в чужой стране завести те порядки, какие существуют в Английских приходах, не обращая внимания на установившиеся до него порядки. Миссионеры же не хотели признавать никакой другой власти, за исключением власти Миссионерского Общества; последнее, конечно, защищало своих миссионеров, стараясь доказать, что его миссионеры не должны быть в подчинении у епископов той епархии, в которой они ведут своё дело. Спор принял широкие размеры: им заинтересовались не только на Цейлоне, но и в Англии. Нашлись между представителями Миссионерского Общества и такие, которые стали утверждать, что воззрение и действия опытных (experienced) миссионеров далеко выше стоят епископского авторитета, – и спор затянулся на многие годы. Мир был, наконец, восстановлен, благодаря умному и рассудительному вмешательству в дело двух архиепископов – Тайта и Томсона и епископов – Джаксона, Лайфута и Гарольда Броуна; но, к сожалению, они высказались так, что в действительности защитили принципы и действия Общества, не поддержав вполне законных требований Коплестонского епископа. Как грустно, что к такому святому и великому делу, как христианская миссия, примешиваются мелкие человеческие интересы!

Апрель

Губин П., свящ. и Скворцов В. Психологическая точка зрения на причины распространения сектантства и на способы и условия борьбы с ним // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 507–526

Все попытки объяснить главную причину распространения сектантства до сих пор не привели к бесспорным выводам, с достаточной вероятностью определяющим эту причину. Между тем, найти эту причину составляет необходимое условие успеха нашей миссии, так как известно, что с удалением причины исчезнет и следствие, из неё вытекающее. Может быть, эта неудача зависит от невыработки в нашей миссионерской литературе исторического метода исследования такого сложного и тонкого явления церковно-общественной жизни, как сектантство, а может быть это происходит и от того, что данный метод, по самому своему существу, не соответствует своим задачам в области сектоведения. Нам кажется справедливым – последнее, и мы хотели бы в исследовании данной причины положительному методу отвести второстепенное место, а главным образом коснуться причин психологических, как имеющих неоспоримое достоинство в оценке тех явлений, которые коренятся в глубине души человека. В самом деле, может ли признание уже совершившегося факта, – появления сектантства в известной местности, – быть объяснено уверением, что данное место представляло удобную почву для его пропаганды? Очевидно нет; тогда как знание большей или меньшей, психологическими причинами обусловливаемой, расположенности населения к сектантству откроет миссии: найдёт или не найдёт последнее для себя здесь благоприятную почву. Поэтому, нам хотелось бы с этой именно психологической точки зрения сказать несколько слов о причинах распространения сектантства.

Можно, кажется, с достаточными основаниями принять положение, что в основе сектантства, с его разно образными проявлениями, лежит *искание религиозной истины*. Весь вопрос в том, почему известные люди довольствуются одними понятиями истины, а другие – ищут её вне этих понятий? Хотя человек в сей жизни только понимает божественную истину «отчасти» и никто не знает истины в её абсолютном смысле, но, кажется, молено принять за аксиому: истиной для каждого из нас будет то, что совпадает с моим внутренним я; яснее: если содержание известных религиозных понятий совпадает с моими душевными запросами, то это и будет для меня истиной.

Следовательно, в первоначальном искании истины громадное значение принадлежат индивидуальности. Не то для меня истина, что нашли другие и что предписывают мне считать за таковую, а то, что найдено мною, или хотя и другими, но что совпадает с моим внутренним «я». Короче: одно дело воспитывание себя по известным понятиям истины, и другое – первое признание истины. А если это справедливо, то и поставленный вопрос решается так: одни лица довольствуются одними готовыми понятиями истины, потому что их застали составленные раньше понятия, и они только по ним воспитываются; другие – ищут *иных* понятий, потому что они не были знакомы с этими готовыми понятиями, не были в них воспитаны, а потому лица эти являются, так сказать, пионерами в отыскании истины. Поэтому и сектантство; связанное и в первоначальном своём зародыше и, в дальнейшем своём существовании с переселенческим вопросом, проистекает именно из того; что люди, ищущие истины, не были твёрдо ознакомлены с православными догматами и искали их или сами, или же, как южнорусское сектантство, приняли их от других. Колонизация новороссийских губерний, где возродилась наша пресловутая штунда, может служить достаточным подтверждением сказанного. Здесь появляются новые насельники. Познакомить и утвердить их в истинах православной веры приходское духовенство, явившееся сюда с своим духовным воздействием, конечно, позднее образования посёлков, естественно не могло: оно застало их уже поколебленными, – с новыми; протестантскими понятиями, заимствованными от соседних колонистов-немцев; духовенству, таким образом, предстояло уже не учить народ, а перевоспитывать. Воспринимая пропаганду немецких колонистов и вспоминая отрывки из неусвоенных вполне понятий и истин православной веры, эти насельники, естественно, должны были сравнить: что легче? Обязанность, долг, о которых они где-то и что-то слышали, или произвол? Конечно, процесс этой психической борьбы был едва уловимый для сознания и воля, не утверждённая в известном направлении, склонилась на сторону веры свободной. Итак, отхожие промыслы, закидывающие простецов в далёкие окраины, в среду иноверцев и сектантов, а также переселения массовые много способствовали распространению сектантства. Явление это красной нитью проходит по всей истории русского сектантства. Не подлежит сомнению тот факт, что чем сплочённее приходское население и осёдлее на одном месте, тем больше противодействия оказывает оно сектантской пропаганде, в случае её появления здесь Дело лиц, имеющих больший круг наблюдений, проверить это заключение, и если

изложенное положение верно, то уже и найдена одна из причин развития сектантства. Отсюда, не без основания, возможно сделать предположение, что усиление переселенческого движения коренного населения центральной России в Сибирь, на дальний восток, в Закавказье, а также, возрастающая из года в год, фабрично-заводская промышленность, отрывающая от сёл тысячи рабочих, – создают благоприятствующие для дальнейшего усиления сектантства условия, с которыми миссии надо считаться и весьма серьёзно. Конечно, если в этом причина развития сектантского зла, то для удаления её возможно желать прикрепления населения к определённом месту, что должно послужить лучшим средством к предотвращению распространения сектантства.

Но этого нельзя не только сделать, но и желать, в силу экономических, исторических и государственных задач, предъявляемых к России нашей современностью.

Но нам могут возразить, что если действительно население устойчивое, живущее долго на одном месте осёдлости, оказывается более способным противостоять сектантству, то почему же сектантство, и прикреплённое к одному месту, так трудно поддаётся усилиям миссионерской проповеди? Здесь другая причина. И прежде всего надо повторить, что одно дело воспитывать убеждения одного лица или целой массы, а другое – перевоспитывать, а часто эти два понятия смешивают, вообще, а в деле пастырско-миссионерском в особенности. Известно, что первоначальное воспитание оставляет личность воспитателя как бы в стороне, или вернее, воспитанник подавляется авторитетом воспитателя, так что для последнего нравственные качества воспитателя не имеют важного значения; – перевоспитание, наоборот, выдвигает на первый план личность воспитателя, с его нравственным обликом. При воспитании воспитываемый подчиняется воспитателю, при перевоспитании уже воспитатель должен применяться к воспитываемому и если перевоспитываемый обладает хорошими задатками, то ими же ещё в большей степени должен обладать и воспитатель, да ещё выдвинуть то, чего недостаёт в воспитаннике. Всё это приложимо к миссионерскому делу переубеждения сектантов. В частности, если сектанты правилом секты, например, трезвую жизнь поставляют первой добродетелью, то такую жизнь и должен вести перевоспитатель пастырь-миссионер и только под этим условием он может надеяться на действенность своей проповеди, когда авторитет его нравственной личности будет царить над сектантской массой. Следовательно, новой причиной устойчивости сектантства является

смешение нами понятий и самого дела воспитания народа в духе православия и перевоспитания поколебленных и совращённых из отеческой веры в разные секты. Ясно, что при миссионерском перевоспитании отпавших тезис миссионера: «я человек, следовательно, могу грешить», должен замениться тезисом: «я миссионер, или я священник, следовательно, я должен сдерживать себя». Ведь мы же знаем слова апостола, обязательные для того, кто взял на себя трудную обязанность пастыря-миссионера: «и если я соблазняю брата моего, то не буду есть мяса во веки». Следовательно, пора признать, что священство, которое, по существу своего служения и обязанностям, – есть служение миссионерское, налагает на нас известные обязанности, в силу которых мы обязаны обуздать свои человеческие немощи, пора признать, что оправдываться общими человеческими слабостями мы, пастыри и миссионеры, не имеем ровно никакого права, и что суд Божий, то «горе», которое Спаситель изрекает на соблазняющих, прежде всего касается нас. Конечно, трудно отказаться от известных привычек и, когда сектанты касаются этой стороны, легче утверждать: я человек...; – но всё же мы должны это сделать, ибо это первое требование священнического миссионерства. Кто не может расстаться с своими привычками и поставить себя на надлежащую высоту, тот напрасно берёт на себя тяжкое бремя священнического, а тем паче миссионерского служения, ибо только «могий вместити, да вместит». Вспомним колебание жизни католического мира, в зависимости от того или иного представителя папской власти, и мы поймём свои обязанности. Посему примем за истину: жизнь священника есть лучшее средство успешной миссионерской деятельности. Если же при самой наилучшей жизни миссионера деятельность его иногда приносит малые плоды, то и здесь тоже психологическая причина: не найдя истины в известной секте (ибо только «аз есмь путь»), обманувшись в лучших ожиданиях, сектанты тем упорнее будут противиться истине, чем грубее была их ошибка, чем нагляднее будет становиться она им через сравнение своей жизни с жизнью истинного пастыря и воспитанного им православного прихода. Не надо при этом забывать и присущую душе русского человека, верно подмеченную Достоевским, черту – желания хватить через край, заглянуть в самую бездну. Но эта психологическая особенность, присущая русскому человеку, естественно приводит испившего до дна чашу искушений человека-грешника к истинному сознанию, а пример блудного сына, по своей абсолютной правде, не оставляет даже сомнения в таком конце. Но, конечно, таких Савлов,

глубоко падающих в своих заблуждениях и высоко поднимающихся в своём раскаянии, – немного.

Нельзя не остановиться в заключении и ещё на одном вопросе: почему сектантство прививается и в хорошо религиозно-поставленных приходах, находящихся в наилучших церковно-просветительных условиях?

Если мы будем решать этот вопрос принципиально, то впадём в ошибку «idem per idem»²⁴⁰. Скажем кратко, привиться может, но широко распространиться не должно. Если в семье не без уроды, – то в приходской семье такие уроды всегда есть и будут. К этой-то дикой маслине и прививают сектантские проповедники свой яд лжеучения.

Но раз приходская среда религиозно воспитана крепко, пастырь на страже, то новое заносное явление не найдёт себе почвы для дальнейшего распространения. Скоро и лжеучитель, и обольщённый почувствуют, что один в поле не воин. Нужно только, чтобы и пастыри приходов центральных губерний, которые ныне почивают в приятном неведении того, что такое сектантство, уподобляясь пяти евангельским девам, – заранее запасались бы елеем миссионерских знаний, пока враг человек, – нам же спящим, не всеял ещё здесь своих плевел. Из поучительной статьи, мартовской книжки «Мис. Обзор.» о том, «как насаждают штундовые проповедники своё лжеучение», – видно, что эти лютые волки, не щадящие стада Христова, рыщут всюду и борзо. Сила их в их *энергии* и в нашей пастырской *инертности*. Вместо того, чтобы, при первом слухе о появлении сектантской проповеди, спешить по следам врага и выметать сор его лжеучения, исторгать из нивы сердец пасомых ещё не укоренившиеся плевелы, мы медлим, не зная, как надлежит поступить, за что взяться, кому писать: не то к благочинному, не то к приставу.

А искра тлеет и грозит пожаром. Благочинный с донесением тоже медлит²⁴¹, не решаясь давать ходу донесению о проявлении *какой-то* секты без проверки .. А в приходе уже и ни один воин, а два–три, – компания своего рода. У пристава, естественно, это не первое и не главное дело, а по-настоящему, с миссионерской топки зрения, и прямо-таки не его *полицейское* дело. А раз пристав появился и ничего не сделал для обуздания агитатора сектантского (пристав по закону ровно ничего не может сделать, ибо надо для сего наличность преступных деяний, и то в судебном порядке установленных), у лжеучителя энергия ещё более подбодряется, он становится назойливее, да и внемлют ему уже больше, раз сам пристав был и ничего ему не поделал. Здесь опять надо считаться с народной психологией, которая говорит в пользу того, что никогда священнику и

миссионеру не следует прятаться за ширмы полицейской власти, – всегда вперёд должны идти меры духовного увещания. Ныне и простого мужика не запугает пристав, а сектантского верховода и подавно, – он все законы и порядки знает отлично хорошо.

Необходимо приходским пастырям, кроме изучения миссионерских методов и полемической литературы, знать и церковно-гражданские узаконения, относительно мер воздействия на сектантов, тогда бы меньше было с их стороны в этом отношении ошибок, иногда непоправимо портящих успех дела миссии.

Устранение отмеченных нами причин распространения сектантства, конечно, не уничтожит зла в корне, но всё же, поможет принести известную долю пользы делу миссии. Несомненно, что недуг сектантства довольно глубоко проник в наш церковно-общественный организм и лечение его требует не мало усилий и времени, не мало придётся также переменить и лекарств к его уврачеванию; но поэтому-то нам и кажется, что всякое указание средства, хотя бы проистекающее и из небольшого опыта, может принести хотя некоторую пользу, что нами и руководило, когда мы решились высказать изложенные соображения по данному вопросу.

Свящ. П. Губин

От редакции. В настоящей статье особенного внимания заслуживает вопрос, который автор *ставит* и решение коего отчасти *намечает*. Психологическая точка зрения и психический анализ безусловно важны и необходимы при выяснении мотивов и причин отпадения от господствующей церкви в сектантство как отдельных лиц, так и целых масс; без этого не всегда могут быть правильными миссионерские действия и приёмы увещания отпадших и верными, т. е. достигающими цели, внешние меры воздействия. Мотивы отпадений от Церкви в раскол и секты, и причины распространения лжеучений слишком разнообразны. Одни из сектантов совращаются по внутренним религиозным побуждениям, – в силу пытливости разума и испытываемой духовной неудовлетворённости в родной своей вере и Церкви, другие – в силу болезненного фанатизма, стадного увлечения, заразительности примера, третьи – по побуждениям злой воли, по своекорыстным побуждениям (нажива, материальная выгода), по гордым, самовластным целям и не добрым намерениям (агитаторы и верховоды) и проч. Миссионер должен быть прежде всего психологом и притом проницательным и глубоким, потому что сектантская душа и среда слишком скрытна, хитра и изворотлива. Нельзя и дерева рубить с плеча, – а тем паче нельзя во всех случаях, ко всем заблуждающимся, приступать с одними и теми же приёмами, и

способами обличения и увещания. Миссионеру первее всего следует всмотреться и понять психологию толпы, – вникнуть по возможности, кто по какой причине и под влиянием каких именно ближайших мотивов отступил от православия и держится в секте, какого характера и умственного развития тот или другой из главарей общины или из отдельных вообще лиц, подлежащих духовному врачеванию миссионера; какими соками питается секта и какими подпорами поддерживается она. Если эта сторона будет правильно исследована, тогда миссионер может вести с твёрдостью и уверенностью своё многотрудное дело духовного воздействия как на всю общину, так и на отдельных её членов и особенно влиятельных. Кроме того, нужно иметь в виду, что сектантское брожение нередко принимает характер психически-болезненного или прямо психопатического движения, с которым нельзя не считаться миссии, ибо к нему нельзя применять обычных приёмов и общих мер борьбы. Нельзя также забывать увещателю и целителю духовных немощей религиозных отщепенцев и того, что как отдельные лица, так и целые общины в истории своего отпадения от Церкви переживают особые моменты душевной настроенности, из которых одни весьма благоприятны для миссионерского воздействия другие, наоборот, таковы, что полезнее миссионеру оставить в покое увещаемых на известное время.

В свою очередь и ограничительные меры административного воздействия необходимо должны быть также сообразовываемы с результатами психологических миссионерских наблюдений над душевной настроенностью, степенью упорства и закоснелости тех лиц, против коих направляются меры пресечения, иначе меры этого порядка могут лишь вредить делу миссии, а не содействовать ей. Так, нередко бывают случаи, что принятая властью репрессивная мера только загоняет сектантскую болезнь внутрь, преграждает миссионерскому слову убеждения доступ к сердцу потерпевшего, ожесточая последнего, фанатизируя его и поднимая самосознание на высоту лже-мученика за веру. Между тем как в отношении других отпадших те же меры внешнего воздействия и ограничения, будучи приняты благовременно, в смысле психической настроенности, действуют благоприятно: подтягивая слабую, обуздывая злую волю и пресекая недобрые намерения отпавшего; если потерпевший потерял жар фанатической преданности к новой вере, они дают толчок мысли сектанта к сомнению в истинности его верований и к лучшему вниманию в отношении пастырских и миссионерских обличений и увещаний. Нам известно несколько поучительных случаев, когда сектанты, будучи, напр., ограничены высшей администрацией юго-

западного края в праве участия в артельной покупке земли, задумывались над своим положением и верованиями, принимались за допросы вожаков по предметам веры и во главе с последними, делали добросовестную проверку истинности своих новых верований, воспроизводили давно слышанные беседы миссионеров, даже брались за православные полемические книги и приходили с течением времени к сознательному и искреннему разумению своих заблуждений, удивляя потом разумностью своего чисто критического отношения к учению секты и к воззрениям бывших своих единоверцев, которых ещё так недавно были горячими апологетами. Тоже наблюдалось и в душевном настроении многих вожаков, в период принятия против них мер пресечения: мы знаем около десяти случаев, когда под влиянием мер внешнего воздействия, глубоко раскаивались вожаки, открыто, всенародно исповедуя своё увлечение заблуждением. И это не было лукавством, или притворством: они и до ныне – вот уже в течение многих лет – добрые, православные чада Церкви. Приходилось только удивляться прямолинейности мужицкой логики и стихийности глубокой народной психологии.

Но в тоже время нам приходилось наблюдать и другие случаи, когда фанатического убеждения главарей ничто не могло поколебать: мы не забудем трогательного случая, когда одна православная преданная жена молодого главаря одной сектантской общины, с малым ребёнком на руках, со слезами упрашивала мужа, целуя колени его, отказаться и не от убеждений, а только от агитации, – не распространять лжеучения. Муж фанатик и сам рыдал, но повторял одно в ответ на мольбы жены, на увещевания миссионера и предупреждение гражданского начальства об угрожающем ему наказании: «не могу слушать людей более Бога» ... И он был временно выслан из места осёдлости в административном порядке: около двух лет этот горячий приверженец штунды был в душе раздвоенным, боролся с своими сектантскими убеждениями, закончив однако удивительно искренним и разумным сознанием своих заблуждений.

Особенно серьёзно нужно считаться с психологией сектантской массы, в отношении применения мер пресечения и репрессий: они здесь могут иметь своё значение лишь в первичный период заболевания сектантским недугом, – когда лжеучение ещё не оформилось и не окрепло в сознании членов общины и новые идеи когда только бродят в мыслях и преданные своей исконной вере набожные из народа люди переживают мучительное колебание и внутреннюю борьбу за и *против*. Здесь представляется весьма полезной мерой подрыв авторитета главаря, путём основательного

миссионерского обличения его лже-учительства и благовременное устранение агитации. В другие периоды застарелого окрепшего сектантства, принятие мер репрессий против рядовых членов и вообще против сектантской массы – не только бесполезно, но скорее вредно: это только сплачивает общину и поднимает дух массового сопротивления и противодействия всем благим мерам миссии. Вот почему весьма мудро сам закон предоставляет рассуждению и решению духовной власти вопрос о вчинении дел по суду, по преступлениям против веры и церкви. С психологической точки зрения можно пожелать, чтобы дела эти начинались на самых твёрдых основаниях.

Останавливаясь, с психологической точки зрения, на общих явлениях и причинах, порождающих новейшее сектантское движение, в дополнение к соображениям автора необходимо указать ещё и на следующее. В молодом поколении народа, рождённом и воспитанном в условиях новой после-реформенной жизни, образовалась, как и в каждом сословии этой эпохи, своего рода либеральная мимика, состоящая из особого склада людей, отличающихся своеволием или буйством беспокойного духа и пытливой мысли, недовольных окружающими условиями и формами народной жизни, и вообще критически и протестующе настроенных, обездоленных в своём материальном благосостоянии. Словом, в народе есть уже среда, которая может быть названа антиподами наших интеллигентных прогрессистов. По мере перерождения земледельческой деревенской России в фабрично-промышленную, эта среда будет расти и расти. Вот эта-то среда и представляет собой весьма восприимчивую и удобную почву для распространения рационалистических лжеучений новейшего сектантства. Если мы обратимся к статистической справке, то увидим, что последователи штундизма по возрасту – дети этой именно эпохи и этой среды. Подсунутое заморскими агитаторами учение штундизма и баптизма должно было прийтись, как нельзя более, к складу душевного настроения людей этой именно народной среды, как протест, безнаказанно возможный хотя бы в сфере одного уголка, из своей неудовлетворённой, разочарованной жизни, – церковной... Та смута в умах и сердцах, которую производит в приходском населении появление нового неслыханного лжеучения секты, та тревога и разного рода затруднения, которые вызывает сектантство среди духовенства и гражданских властей, – затем самоволие, сомочинство, свобода и равенство, которые царят в штунде, – всё это радует и питает свободолюбивый, мятущийся агитационный дух отщепенцев, особенно же главарей секты. Именно с этой стороны, а не с религиозной,

действительно, штунда более нравится и удовлетворяет молодое поколение народа, чем православие. В религиозном отношении – штунда. как учение отвлечённое, сухое, – культ однообразный и бесформенный – не могут удовлетворять нашего обрядоверного народа и идти в сравнение, в смысле воздействия на душу и сердце верующего человека, с самыми неблагоприятными условиями церковно-просветительной жизни православного прихода.

Наконец, широкое, слабо сдерживаемое, распространение сектантских лжеучений в православном, мистически набожном населении, отрывая от его родного корня православия; само по себе образует в приходе среду, склонную ко всякому ветру лжеучения и суеверий, выражающихся иногда в самых нелепых верованиях и психопатических изуверных проявлениях. Так, именно, образовалась на почве штунды малеванская секта. Она представляет собой болезненный продукт штундового движения в населении юго-западного края. Сухое, протестантское учение штунды не могло дать довлеющего удовлетворения религиозному чувству наиболее мистическонастроенных малороссов (которые и по самой природе своей – мистики) из последователей штунды. Между тем постоянное упорное напряжение мысли невежественных начётчиков над разрешением библейских истин, – стремление проникнуть своим собственным умом в глубину богооткровенного учения, постоянные укоры совести, ядовитые уколы со стороны православной среды расстраивают нервы и угнетают до безумия психическое настроение некоторых искренних передовых членов штунды, которые гипнотически потом действуют на толпу, заражая её своим нервно-психопатическим, чисто безумным экстазом. Таков, именно, и Малеванный: он был 14 лет ревностным штундистом, но, углубляясь в Свящ. Писание; он не мог не видеть противоречий в новой своей вере и в жизни братии с Словом Божиим, и вот начал искать новых путей ко спасению в той же библии, пока не получил нервного расстройства, выразившегося в безумных вещаниях, принятых гипнотизированными последователями за пророчества, в тряске во время молитвы, что выдавалось за действие Св. Духа. Мало-помалу Малеванный сделался *параноиком* (особый вид помешательства) и объявил себя «царём над царями, богом во плоти пришедшим», чтобы дать всем, уверовавшим в него, бессмертие здесь на земле и безмятежную довольную во всём жизнь. Мы наблюдали, как совсем здоровые люди из рационалистов-штундистов, враждебно настроенные к малевапской секте, побывав раза два на их собраниях, где масса нервных истеричных людей, через 2–3 месяца делались ярыми поклонниками Малеванного, как «бога воплотившегося» и сами

впадали в истерию. Среди этих сектантов наблюдается громадный процент случаев острых и хронических помешательств, и имеют место изуверные явления. Так, один, напр., малеванец поджёг собственную ригу, а сам лёг в солому, чтобы уверить неверующих, что он бессмертен и не сгорит в огне; упорного безумца, опалённого уже, едва могла спасти жена. Одна женщина малеванка, «вытрясая злого духа» у шестилетнего ребёнка своего, ударила несчастного теменем об пол так усердно, что ребёнок тут же и душу отдал Богу. Одного малеванца нашли еле живого запостившимся. А вот на днях опубликованы в печати и новые ужасные сведения из той же области религиозного психопатизма на почве сектантского брожения, – о помешательстве целой семьи крестьянина с. Корниловки, Каневского штундиста Аврамченка.

Началось с того, что жена и дочь слывшего штундистом крестьянина Аврамченко принялись за истребление своего имущества, сжигая одну вещь за другою.

Врач, освидетельствовавший Аврамченко и его семью, дал заключение, что глава семьи, его жена и дочь страдают буйным помешательством на религиозной почве. Возникла обычная переписка.

Между тем в последних числах января, рано утром, Максим, брат Аврамченка, услышал, что в усадьбе последнего раздаются странные крики детей. Когда он заглянул в усадьбу, глазам его представилась ужасная картина: Василий Аврамченко, совершенно голый, кого-то душил, несмотря на отчаянное сопротивление. Тут же около исступлённого лежали два бесчувственные тела его маленьких детей и труп собаки. Немного поодаль – мать и дочь, обе голые, стояли на коленях в снегу и, простирая вверх руки, молились, выкрикивая слова молитв и псалмов.

На вопрос изумлённого Максима, что он делает, Василий ответил, что он, как Авраам, принёс в жертву Богу своих детей, а теперь думает принести в жертву брата, и с этими словами бросился на него. Не без труда Максиму удалось вырваться из рук брата и броситься бежать. Исступлённый Василий схватил одного из своих сыновей и швырнул в брата.

Вскоре последний вернулся с толпой односельчан в усадьбу, которые прежде всего освободили от рук безумца его семнадцатилетнего сына. Другой из сыновей Василий, двухлетний ребёнок, оказался настолько избитым, что вряд ли останется в живых.

По распоряжению г. киевского губернатора, Аврамченко, его жена и дочь доставлены в Киев и помещены в Кирилловской больнице для душевнобольных.

Не подлежит сомнению, что болезненные психопатические явления в нашем сектантстве есть продукт слабо сдерживаемой как мерами духовными, так и гражданскими, свободы пропаганды всяких лжеучений среди простого нашего народа. Это обстоятельство задаёт новый достойный самого, серьёзного внимания вопрос о том: допустима ли пресловутая *свобода совести* в народной невежественной массе? Возможно ли упразднение карательных законов за преступления против господствующей веры и Церкви, как того желали были беральские сектофильствующие криминалисты и мыслители наши? Нам кажется, с психологической точки зрения, это было бы величайшей жестокостью для набожного, верующего, мистического нашего, единственного в религиозном отношении народа, душа и совесть которого была бы отдана тем на лютое терзание жестоких, невежественных или неблагонадёжных фанатических лжеучителей. Конечно, скажут, что в развитии русского сектантства виновато невежество народа, отсутствие школ, непросвещённость и апатичность пастырей и проч. Но, где можно найти больше невежества, религиозных суеверий и непросвещённости, как в грузинском православном населении и пастырстве, однако никакие секты к нему не прививаются. Не выше просвещённость и у православных болгар и сербов балканских, но штунда и баптизм никак не могут свить себе там прочных очагов. С другой стороны, население Америки, конечно, несравненно просвещённое нашего, а между тем сект там и по своему количеству, и по нелепости гораздо больше, чем даже среди русского населения. Народы запада куда просвещёнее нашего крестьянства, а между тем в недавнее время берлинский корреспондент «Нов. Вр.» г. Сибиряк сообщает ужасные сведения, принесённые газетами из Нидерландов, о появившейся там новой религиозной секте. Сочлены этой секты, подобно нашим сектантам малеванцам, душевнобольные люди, страдающие ещё мало исследованным в психиатрии религиозным помешательством. Под влиянием этого-то помешательства и было совершено ужасное убийство. Это убийство – страшное как по всей обстановке, так и по тем мотивам, которые лежат в его основе.

Глава секты – крестьянин Шерф. Ему только 28 лет. Он отец пятерых детей. Шерф играет первенствующую роль в секте и в совершении убийства. Он себя называет мессией, пришедшим опять на землю Христом. На этом основано всё его обаяние. Многочисленные последователи в него веруют, как в мессию, и воздают ему должные почести.

В ту ночь, когда было совершено убийство, к дому Шерфа подошли две девушки и, став перед окнами, начали петь псалмы. Шерф приказал девушкам войти. Все сектанты были уже давно в сборе. Девушки, следуя обрядам секты, приходили всегда последними. На этот раз собрание было очень серьёзное, потому что тут предстояло решить ещё и раньше возбуждавшийся вопрос о том, как наилучше избавиться раз навсегда от дьявола и его власти. Вопрос этот был решён самим Шерфом. Он объявил своим последователям, что дьявол находится во чреве Яна Брикмана, который служил работником у Шерфа, знать ничего не хотел о религиозном учении своего хозяина и отказывался признавать в нём мессию. Заявив это, Шерф взял железную палку, подошёл к Яну, который ничего не предвидел и потому не оборонялся, размахнулся и со всей силой ударил ею Яна по голове. Удар был очень силен, череп был разбит на части, мозги забрызгали присутствующих. Ян был убит на месте. На этом фанатик ещё не кончил. За этим первым актом последовал другой. В религиозном исступлении Шерф и его последователи набросились на убитого, отрубили ему голову, руки и разрезали живот. А девушки же тихо, торжественно, при пении псалмов, одна за другой подходили к обезображенному труп и мыли в крови своя руки. Теперь сектанты вздохнули свободнее. Они были уверены в том, что совершили великий религиозный подвиг, освободив человечество из-под власти дьявола, и начали было приготовляться к сожжению трупа. Были принесены дрова, костёр уже сложен, но как раз в это время пришёл бургомистр. Сектанты приветствовали его криками: – Обнажи главу твою, ибо ты в доме Господа Иисуса Христа! Полиция была уже оповещена и окружила дом Шерфа. Вскоре явился судебный следователь, вошёл в двери, – и ему опять закричали:

– Обнажи главу твою, ибо ты в доме Господа Иисуса Христа!

Это религиозное умопомешательство, которому, как передаёт печать, подвержены даже *несколько очень образованных землевладельцев, владетелей обширных имений*, доходит до невероятностей. Когда бургомистр одному знакомому крестьянину начал делать выговор за то, что тот принял участие в таком ужасном преступлении, то получил в ответ:

– Господь Иисус Христос (как крестьянин называл Шерфа) *стоит выше нас и правительства*.

Эта секта распространена во многих поселениях по реке Маасу. В составе её, – как молодые, так и старые. Когда Шерф был арестован, то среди сектантов, его учеников и последователей, распространился слух:

– Господь Христос (т. е. Шерф) будет освобождён от оков и через три дня вознесён на небо.

К местечку Аппельтерн, где было совершено убийство, стекались целые толпы народа. Полиция опасалась, как бы не произошло каких-либо нападений на сектантов. До нападений и насилий был только один шаг, особенно при погребении Яна Брикмана на кладбище, когда толпа разбушевалась, выбила очень много окон в домах сектантов и набросилась даже на квартиру пастора. Шерф же и четверо его главных последователей признаны судом невменяемыми и посажены в психиатрическую больницу.

Как сходны эти два изуверных психопатических факта из жизни сектантства непросвящённой России и культурного запада! Очевидно, что психика религиозных фанатиков всегда и везде одинакова и что своеволие народной массы в обращении с богопреданными истинами веры, которые толпа отщепенцев стремится сама, вне церкви, обнять и решить церковная анархия в жизни народа, – никогда и нигде не проходят даром, – без потрясения душевного мира и у отдельных лиц из среды отщепенцев, и у целых сектантских общин. Жаль, что защитники вопроса о свободе совести, понимаемой большинством наших интеллигентов в смысле свободы проповеди всяких лжеучений, – мало обращают внимания на поучительность подобных ужасных проявлений сектантского изуверства.

В. Скворцов

Андреев Д. Свободные раскольничьи браки //
Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 526–535

(Юридическая справка по поводу 25-летия закона о раскольничьих браках).

Отделившись от Православной Церкви, раскольники старообрядцы, как известно, возвели в основу всего своего учения отрицание её (учение о воцарении антихриста). А заняв враждебное положение по отношению к Церкви, отделившиеся от церковного единства тем самым поставили себя в худшее положение в государстве, чем иноверцы-христиане, невраждебные по происхождению своего вероучения русской православной Церкви: покровительствуя господствующей Церкви в силу основных своих законов, государство не могло в тоже время взять под свою охрану враждебные ей религиозные общества. Руководясь принципом веротерпимости, государство могло предоставить им только право совершения общественного богослужения, исполнения треб и проч.; но обряды и таинства отщепенцев от церкви и после этого не имели и не имеют значения для государства. Правильность их церковного устройства государство признаёт с ограничением, именно в пределах, не подчиняющихся непосредственному влиянию церкви. «В раскольнике, говорит К. П. Победоносцев, качество гражданина, относительно государства, совершенно и вполне разобщалось с качеством члена известной церкви: перед лицом государства раскольник представляется гражданином только в тех чертах, которые не касаются церкви» (Курс Гражд. Права ч. II стр. 72 изд. 1896 г.). Но есть институт, именно брачный, где церковь и государство неотделимы: гражданские законы о союзах семейном и брачном имеют начало в церковных законах и состоят в неразрывной связи с ними. Соответственно каноническим определениям Вселенской церкви и форма браков у нас только одна – церковная. Допущение раскольничьих браков, совершаемых вне церкви, со всеми их юридическими последствиями, шло бы поэтому в разрез с общими законами государства. Таким образом, для отделившихся от православной церкви раскольников закрылся доступ к законному браку. Жизнь подсказала самое естественное (не единственное, правда) разрешение брачного вопроса: явились свободные браки, тайные, заключаемые по обрядам различных раскольничьих общин. В гражданском отношении это были незаконные браки: к раскольничьей семье не прилагались законы гражданские о праве выдела из имущества

умершего супруга законной части и о наследстве. Так продолжалось дело до 1874 года. Бесправное положение раскольничьей семьи справедливо обратило на себя внимание законодателя. «С государственной точки зрения невозможно допустить, чтобы столь значительное число граждан оставалось вне закона во всех своих семейных отношениях. В этом состоянии бесправия было внутреннее противоречие, которое рано или поздно должно было разрешиться в законе». Чтобы упорядочить быт раскольников предоставлением им наравне со всеми пользоваться гражданскими семейственными правами, пользования коими они были лишены в силу отпадения от православной Церкви, законом 19 апреля 1874 года и установлен был особый порядок ведения метрических книг для записи браков, рождения и смерти раскольников (Реш. Гражд. Касс. Д-та № 17, 1895 года).

Оставаясь браком незаконным в *церковном* отношении (Поли. собр. зак. 1827 г., 19 июля № 1257, срав. ук. Свят; Синода 1888 г. № 8), раскольничий брак, по закону 19 апреля, приобретает в *гражданском* отношении, через запись в установленные для сего особые метрические книги силу и последствия законного брака (т. X ч. 1 изд. св. зак. 1887 г. ст. 78). «Раскольник, желающий, чтобы брак его был записан в метрическую книгу, должен уведомить о сём письменно или словесно полицейское управление или волостное правление постоянного своего пребывания, с обозначением имени, прозвания и состояния обоих супругов (Прил. к ст. 1093 IX т. зак. о сост. по прод. 1890 года § 11). Саму запись в раскольничьи метрики законы обставил известными формами, близкими к православному обыску. Так, после заявления со стороны брачующихся о желании записать свой брак, полиция или волостное правление делает объявление и выставляет его в течение семи дней, на видном месте, при дверях управления. Все, имеющие сведения о препятствиях к записи объявленного брака в метрическую книгу, обязаны дать знать о том полицейскому и волостному начальству, на письме или на словах. По истечении семи дней с того дня, как объявление было выставлено, волостное правление или полицейское управление выдаёт лицу, заявившему желание записать брак свой в метрическую книгу, свидетельство о том, что установленное объявление было сделано, а равно, о том, не было ли с чьей-либо стороны заявления о каком-либо законном препятствии к означенной записи, и если заявление было сделано, то в чём именно оно состоит. Для записи брака в метрическую книгу, оба супруга должны лично явиться в полицейское управление и представить выданное им свидетельство о сделанном объявлении. Независимо от

сего каждый из супругов должен представить двух поручителей для удостоверения ими, что брак, о котором заявляется полиции, не принадлежит к числу воспрещённых законом. Предварительна записи брака в метрическую книгу, от обоих супругов отбирается подписка в том, что они принадлежат к расколу от рождения и не состоят в браке, совершенном по правилам православной церкви или по обрядам другого, признаваемого в государстве исповедания. Предшествовавшее записи брака исполнение соблюдаемых между раскольниками брачных обрядов ведению полицейских чинов не подлежит (св. зак. т. IX зак. о сост. прил. к ст. 1093 и. п. 11–24). Брак раскольников, записанный в метрической книге, может быть расторгнут только по суду, в случаях, определённых в ст. 45 т. X ч. 1, изд. 1887 г. и п. 2 той же ст., по продолж, 1893 г., т. е. по тем же причинам, по каким расторгается православный брак. Дети раскольников подлежат записи в метрическую книгу в таком только случае, если брак их родителей записан в такой книге. Записанные в метрической книге дети раскольников признаются законными (т. X ч. 1 ст. 119).

Таковы правила о раскольничьих браках. Значение, какое отводится ими метрической записи, весьма важно: ею во 1-х – узаконяется брачный союз: брак, записанный определённым порядком в книги, не подлежит оспариванию; во 2-х – нормируется семейная жизнь, прекращается путь к своеволию и разгулу страстей, губительно действующих на нравы и в 3-х – предупреждаются незаконные браки (в родстве, по несовершеннолетию и т. под.).

На практике, однако, оказывается, что закон 19 апреля не достигает своей цели в смысле упорядочения семейного быта раскольников. Большая часть раскольников, и после издания этого закона по укоренившемуся обычаю, продолжает вступать в брак помимо закона, не связывая себя перед ним никакими обязательствами. Это так называемые свободные браки, тайные, неведомые государству, нигде не записанные. Единственным основанием для таких браков служит благословение наставников, уставщиков и других лиц, исполняющих у раскольников духовные требы. Как распространены свободные браки можно судить по следующим примерам. В Рязанской губернии за последнее десятилетие число записанных в метрические книги браков колеблется между 15 и 25. Самое большее количество падает на 1897 год, именно: в этот год внесено в книги 28 брачных записей (14 записей рождения и 1 запись смерти). Общее количество природных раскольников по официальным данным значится в епархии свыше 15 тысяч. И это ещё одна из губерний, где записи, можно сказать,

популярны среди раскольников. В других местах свободные браки ещё более развиты. Например, Самарское губернское правление получает к концу года обратно из полицейских управлений метрические книги по некоторым уездам совсем без записей: по Самарскому уезду с населением до 7 тысяч душ раскольников с 1882 года внесён всего лишь один брак. Во Владимирской губернии по всем уездам за 1897 год записано 7 браков. Раскольников числится по отчётам до 60 тысяч²⁴².

Чем же объясняется такое повсюдное и почти всеобщее уклонение от записи? Причин тому несколько. Прежде всего исполнение акта об узаконении брака для раскольника не обязательно, а предоставлено его доброй воле записать или не записать брак и родившихся от него детей (*желающий*, говорится в законе, записать брак и проч.). Очевидно, законодатель полагал, что незаконность происхождения потомства и, след., ограничение в правах раскольничьих детей будет само по себе достаточным побуждением для не-фанатиков записывать браки в свои метрики. В то время этот мотив действительно имел значение: 1) так как незаконнорождённые дети подлежали рекрутскому набору без льгот, а 2) не пользовались наследственными правами и проч. В настоящее время лишение гражданских прав раскольников, как следствие свободных браков, не имеет фактического приложения. Дети, происшедшие от незаконных браков, ни по отношению к воинской повинности, ни по отношению к имущественным и наследственным правам ничего не теряют.

Процедура, предшествующая отбытию воинской повинности, такова. Раскольники, состоящие в незаконном браке, о рождении у них детей заявляют волостному правлению или полиции (для горожан). Волостное правление записывает детей со слов их родителей в посемейный список с указанием месяца и года рождения и затем, когда лицо мужского пола достигнет 21 года от роду, вносит в особый список для определения их возраста по наружному виду. Список этот представляется в воинское присутствие, которое вызывает этих лиц и, по определении здесь их возраста, вносит их в призывной список для отбытия воинской повинности. – Легко предвидеть, что определение возраста по наружному виду (уст. о воин. повин. ст. 112 п. 2) может представить для сектантов особое преимущество. Например, по закону (уст. о воин. повин. ст. 45) «льготой по семейному положению не может воспользоваться призываемый к исполнению воинской повинности имеющий брата, достигшего 18-летнего возраста». Следовательно, разность в несколько месяцев, не поддающаяся наружному определению, в таких случаях представляет для раскольников

преимущество, и в их интересах позже или раньше сделать заявление в волости о рождении, сообразно с чем и определяет возраст уездное окружное или городское присутствие. Незаконность происхождения в этом случае не имеет никакого значения. В высочайше утв. мнен. госуд. сов. 1 октября 1875 г. разъяснено, что при назначении льгот по семейному положению, усыновление приемыша до 10-летнего возраста (Уст. о воин. пов. ст. 45 примеч.) считается доказанным в сословиях мещанском и крестьянском, если будет представлено несомненное удостоверение в том, что приёмш, с означенного возраста, числится в семействе по окладным листам или общественным раскладкам. Распоряжение казённой палаты о причислении к семейству служит достаточным доказательством усыновления приёмш и даёт льготу по семейному положению, если само перечисление сделано до 10-летнего возраста (реш. прав. Сената 18 ноября 1874 г. за № 8483). Запись приёмшами своих детей, прижитых от незаконного брака, у раскольников самое обычное явление. Таким образом, по отбытию воинской повинности незаконнорождённое поколение не только не испытывает неудобств своего положения, но может в известных случаях обойти закон.

В общественном быту, в отношении семейственных прав, раскольники также ничего не теряют от того, что браки их незаконны. В этом случае закон 12 марта 1891 года об узаконении и усыновлении детей предоставляет им всё то, что приобретается законным браком. Когда встретится надобность (чаще всего у раскольников из купеческого звания при наследстве), раскольники восстанавливают запись о своём браке, и затем на основан и 1356⁵ и 1460⁴ ст. уст. гражд. судопр. просят окружные суд признать их детей законными. Кроме того, закон оставляет существующие фактически права законного состояния за раскольниковым потомством, в браке рождённом, хотя и не записанном в метрическую книгу (ст. 1356^{1,2,5}, 1460¹⁻⁷ уст. гр. суд.). А для сектантов из крестьян и мещан устройство семейного положения ещё проще. По ст. 155 зак. 12 марта 1891 г., усыновление мещанскими и сельскими обывателями совершается припиской усыновлённого к семейству усыновителя с согласия казённой палаты, причём по разъяснениям Правительствующего Сената в решениях 1 общ. собр. 14 июня 1885 года за № 2999 и Гражд. Касс. Д-та 1872 г. № 775, если с согласия общества сделана приписка к семейству, то приписанный пользуется и наделом общественной крестьянской земли.

Впрочем, раскольники из крестьян не нуждаются даже и в законе 1891 года. Известно, что имущественные правоотношения крестьян

регулируются не законом, а обычаем, гражданский их быт вне положительных определений закона. По ст. 38 общ. полож. о крсст. «в порядке наследования имуществом крестьянам дозволяется руководствоваться местными своими обычаями». В правосознании же крестьянского общества у раскольников нет различия между записанным в метрики и незаписанным браком: право происхождения отождествляется с законностью рождения и не возбуждает споров о наследстве.

Естественно поэтому спросить, следует ли признать нормальным укоренившийся у раскольников обычай свободных браков? На этот вопрос должен быть только один ответ: как в церковном, так и в гражданском отношении тайнобрачие составляет вредное явление.

Недаром Церковь взяла под своё покровительство брачный институт: преданность православию и идеалы христианской жизни воспитываются только в доброй семье, под благотворным влиянием Церкви. В семье, устроенной на иных началах, пропитанных ненавистью к церкви, развивается вместе с враждой к церкви обособленность от общей массы православного населения и сектантская интимная солидарность. Своеобразный семейный уклад, чуждый всякой внешней зависимости, с неограниченной волей главы семьи, служит, по нашему мнению, главной причиной устойчивости нашего расколо-сектантства. Миссионерам часто приходится слышать от молодого раскольникового старообрядческого поколения, что они и не прочь бы присоединиться к православной церкви, да отцы их удерживают. Благодаря независимости в семейных делах, в руках отцов-раскольников могучее средство против попыток детей к переходу в православие: стоит только сыну объявить своё намерение, как ему угрожает лишение права выдела и наследства: как незаконнорождённый, он вполне зависит от произвола родителей.

Примеры свободных браков вредны и для православных. Раскольники, конечно, постоянно входят в соприкосновение с православным населением. Последние видят, как легко и удобно заключаются браки у раскольников: без всяких хлопот и издержек, без всякого разрешения. Где православному приходится писать прошения, выжидать время, часто ехать в губернский город и проч., выполнять все сложные формы при браке, раскольник обходится без этого, часто вступая даже в противозаконный брак (в родстве, при несовершеннолетии, при существовании первого брака и проч.). При чрезвычайной простоте крестьянского семейного быта православным не может не показаться заманчивой та форма брака, какая существует у раскольников. Как легко заключаются раскольничьи браки, также

произвольно расторгаются. Единственным внешним побуждением, сдерживающим грубые страсти, является осуждение людской молвы. Мотив слишком условный при неразвитости низшей среды. Замечено, что случаи уничтожения брака – сожительства у раскольников, особенно у занимающихся отхожим промыслом, очень часты. Таким образом, простому народу прививается начало, ослабляющее нравственную сторону брака, возможность обходиться без его законных форм, открывается широкий простор страстям, всякого рода низменным побуждениям и семейным беспорядкам. А это уже вопрос не только церковный, но и государственный. С этой стороны регламентация раскольниковых браков необходима во имя благоустройства гражданского общежития.

К этому же придём, если сравним требования от брака у православных с требованиями у католиков. В православном браке нарушение семейственных обязанностей карается законом (как, напр., произвольное оставление одним супругом другого, внебрачное сожительство, многобрачие и т. п.). Тогда как для раскольников сделано исключение: их законный брак не имеет юридической определительности – он не обязателен. Им разрешается устраивать семейную жизнь, как им угодно. «Сожительство раскольников вследствие брака, по обряду их вероучения заключённого, не может подлежать уголовному наказанию по ст. 994 улож. о наказ. (реш. Гражд. Касс. Д-та по делу Шашкова 1882 г. № 2). А так как эти браки допущены законом и неправомерны лишь юридически, а не *de facto*, то понятно, что раскольникам лучшего и желать нечего: свободные браки дают им полную независимость от государственных законов в семейных делах и отношениях предоставляют фактически одни права без обязанностей.

Предоставление раскольникам семейственных прав дело справедливости, но дарование раскольниковей семьи; полной автономии, какая у них в настоящее время существует при свободных браках, не может быть ничем оправдываемо²⁴³. Ни в одном благоустроенном государстве, ни одна группа граждан не пользуется такими правами, как наши раскольники. По этому поводу припоминается завет великого святителя московского митрополита Филарета: «Краткому и человеколюбивому правительству, говорит он, свойственна терпимость и снисхождение к заблуждающимся, но без забвения о том, чем оно обязано истине и закону. Сделать положение заблуждающихся более удобным и выгодным, нежели стоящих в истине, значило бы косвенно не благоприятствовать истине, искушать

слабых к переходу в заблуждение». (Собр. мнен. и отз. дополн. т. стр. 234).

За двадцатипятилетний период существования закона о раскольничьих браках с достаточной ясностью обнаружились несовершенства правил 19 апреля. Нужда в пересмотре этих правил назрела. Ещё недавно в периодической светской печати много говорилось о незаконных раскольничьих детях, причём с известною целью пущен был в ход нелепый слух, будто бы в среде местной духовной администрации высказываются намерения чуть ли не относительно отобрания незаконных раскольничьих детей. Тогда как речь идёт только об упорядочении раскольничьего брака. А что это дело необходимости, об этом не может быть серьёзных разногласий, какого бы взгляда на раскол кто не держался.

Д. Андреев

Ивановский Н.И., проф. Внутреннее устройство секты странников или бегунов ²⁴⁴ // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 535–542

III. Управление в обществе бегунов. С. 535–542

Третий вопрос касается управления обществом.

Соответственно статьям Никиты Семенова, управление статейников и в действительности представляет полную иерархическую лестницу. Во главе всех на самой верхней ступени стоит главный наставник общества. Власть его ограничивается только общим собором. Около него имеются два ближайших советника и помощника, – также наставники. Таковыми при жизни Никиты состояли Роман Логгинов и Никита Васильев, – теперь уже умерший.

Соборы по важным делам собирает главный наставник. Но если бы сам он в чём-нибудь провинился и вина его была бы замечена его советниками, тогда собор собирает старейший из них, – второе после него лицо; он и председательствует на соборе. Собор имеет право осудить главного наставника и извергнуть его, оставив жить в келье. Но пока этого не случилось. Обычное пребывание всех трёх означенных наставников находится в пределах Ярославля, но где именно, – неизвестно. Главного наставника берегут, как зеницу ока. О месте его жительства знают только два его советника. О местопребывании последних знают тоже два–три лица. Все свои распоряжения главный наставник передаёт словесно или своим советникам, или через посланных к нему от областных наставников лиц, которых если и привозят к нему, то не объясняют ни дороги, ни места, а чаще он принимает их не в своём доме. Пишет главный наставник очень редко, чтобы через письма полиция не узнала как-нибудь о его местопребывании. Выезжает он из места жительства тоже редко, по особо-важным делам, – большей частью мирить рассорившихся почему-либо частных наставников, да ещё на, так называемые, соборные моления. Эти соборные моления происходят на Пасху, на Троицу и в некоторые другие большие праздники. Местом их бывает дом кого-либо из богатых странноприимцев в самом городе Ярославле, или вблизи его. Любопытно, с какой торжественностью встречают и провожают бегуны своего патриарха. Раз он приезжал в дом одного странноприимца Ярославской губернии для суда. Приехал он в крытом возке; из возка, остановившегося у ворот дома, вынесли на руках, дальше по двору вели под-руки; на дворе стояли собравшиеся встретить его последователи бегунства, держа в руках зажжённые свечи. Впереди шёл хор певчих девушек. При входе в дом они запели псалом – «Вознесу Тя, Боже мой, Царю мой». По входе, все направились в моленную, где по положению обычного начала

перед иконами, прибывшего усадили в особо приготовленное кресло. Скоро все собравшиеся частные наставники стали представлять свои доклады по делам. По окончании докладов, Никите отвели комнату рядом с моленной, где он и пробыл несколько дней, неведомо ни для кого постороннего. В обратный путь проводили ночью, тем же порядком. В другой раз приезжали к нему в Ярославль два рассорившиеся наставника из Казани и по три свидетеля с той и другой стороны. Никита вызвал их для разбора дела и для суда над одним из них. Происходило это лет 12 назад. Старшим наставником в Казани был в то время упомянутый Савва Онисимов. Другой наставник, ему подчинённый, Василий Назаров стал упрекать Савву за его поведение. Поводом к этому послужили подозрительные отношения Саввы к одной женщине и кроме того такие его поступки, которые давали повод думать о его лёгком поведении вообще. Так, в праздники, после службы, он подолгу оставался в женских кельях; весной, во время разлива нередко нанимал для девушек-клирошанок лодки и вместе с ними катался по затопленным лугам, иногда с пением разных кантов, в роде восхваления пустыни, о горько-плачевном настоящем времени и т. п. Всё это вызвало неудовольствия, так что в казанском обществе образовались две враждебные партии, Никите Семенову была принесена жалоба на поступки Саввы. Никита долго не отвечал, вследствие чего вражда усилилась настолько, что обе партии перестали собираться на общие моления. Узнав о такой обострённости, Никита и потребовал Савву на суд, куда и отправились означенные лица, всего 8 человек.

Любопытен и сам суд, о котором передавала одна из свидетельниц, – очевидица всего происходившего. В особо устроенной для суда комнате поставлен был стол, за которым сел Никита и двое ближайших его советников, – первый, как председатель, последние, как члены суда. Обвиняемый, обвинитель (Василий Назаров) и свидетели были размещены в разных комнатах. Первым был позван Василий Назаров. Никита спросил его, в чём он обвиняет Савву. Обвинитель передал упомянутые случаи относительно его нравственности. Никита спросил: «сам ты это видел, или от других слышал?» Обвинитель назвал других из приехавших. Тогда спрошены были каждый из свидетелей отдельно. И спрошенные свидетели также ссылались на других, которых на лицо уже не было. Свидетели по защите тоже говорили со слов других. Получилась, таким образом, общая молва неодинакового свойства. После допроса свидетелей был вызван обвиняемый. Ему Никита сказал: «вот, про тебя говорят, что ты нехорошо себя ведёшь, часто без нужды водишься с молодыми

женщинами». Савва молчал... Тогда Никита сказал: «вот тебе наказание: на три года оставляешься под присмотром других, пополюдно, и издержки на твой счёт. Кроме того, я пошлю с тобой двух людей посмотреть, как у вас живут келейницы». Действительно, вместе с возвратившимся Саввой приехали в Казань два старика Александр Григорьев и Фома Иванов для надзора за его жизнью и для осмотра келий, нет ли в них модных платьев, зеркал и других запрещённых предметов. Узнав о предполагаемом осмотре, келейницы припрятали всё запретное... Ревизия сошла благополучно, и все старшие остались на своих местах. «Смешно теперь вспоминать тот переполох, рассказывает обратившаяся, какой происходил тогда в наших кельях: кто прятал зеркало, кто цветное ситцевое платье, кто какую-нибудь книгу; все ждали осмотра с трепетом, боясь епитимии, в виде положения поклонов в несколько лестовок (лестовка – 100 поклонов), да и старшую подвести под ответственность не хотели. Пришли к нам в келью старцы – ревизоры, все осмотрели, сундучки вскрыли и ушли довольные; Савва усидел на месте, выдержав трёхгодичный присмотр, а после своими трудами по совращению православных ещё более прославился». Однако обвинители его не смирились и ушли из общества статейников к противостатьникам. Таким образом, в пределах Казани, – только не в городе, – образовалось общество последних, и Никита не мог уже на этот раз подавить его.

Никита Семенов умер в глубокой старости, в 1893 году, около Пасхи. По смерти его во всех обществах статейников носили траур и справляли поминки. На погребении Никиты присутствовали не более 5 человек. Похоронили его, в отличие от обычая бегунов, в гробу, в месте никому неизвестном. О его смерти объявили только на третий день, когда совершены были уже похороны. К девятому дню поминовения приехали по три важных лица от каждого ближайшего общества; приняли их в том месте, где умерший жил, и поместили в особом приспособленном, для приёма гостей, доме. Совершено было торжественное поминовение, т. е. панихида и поминальный обед. При этом происходило всеобщее рыдание. К сороковому дню съехались наставники и из дальних мест, были и из Томска. Поминки происходили тем же порядком. Об этих съездах и поминках никому постороннему не было известно; всё происходило под большим секретом.

После Никиты главным наставником избран Роман Логгинов, старик около 70 лет. Кто он по своему происхождению, – неизвестно, живёт он там же, где жил и Никита, и управляет таким же способом, т. е. почти не видя никого. Только прошедшим летом он был в Нижнем-

Тагиле, на происходившем там соборе. – Должно быть собор был по очень важным вопросам, да и за безопасность его, вероятно, не беспокоились, как-нибудь и чем-нибудь обеспечив её.

Упомянутые нами лица составляют высшую администрацию.

За ней следуют наставники областных обществ (своего рода епископы). Всех частных областных обществ у статейников следующие восемь, – по времени их образования: ярославское, казанское, томское (теперь ослабевшее, вследствие преобладания противостатьников), тюменское, тверское, костромское, вологодское и пермское. В состав каждой области входят близ лежащие селения. Каждая область должна иметь не менее 100 странников, без всяких видов. Около областного наставника тоже – два помощника, его ближайшие советники, а вместе наблюдатели за его распоряжениями и поступками. В ряду обязанностей последних заключается и та, чтобы в каких-либо случаях уклонения первого от надлежащего исполнения, возложенных на него обязанностей, доносить главному наставнику, в Ярославль. Помимо же этого каждый из трёх наставников в области исполняет свои специальные обязанности: первый наставник есть собственно распорядитель и правитель, второй – креститель, третий – духовник. Духовник, за нужду, может быть и крестителем, но креститель ни в каком случае духовником быть не может; по нужде исповедуют старшие в келье. При этом исповедуют иногда и женщины и не только женщин, но и мужчин, – в случаях, конечно, крайней нужды, когда из мужчин нет исповедников. Странник, отступивший и потом возвратившийся по исполнению правила, может быть наставником – правителем, но никогда не может быть ни крестителем, ни тем более духовником. Таким образом, с нравственно-церковной точки зрения у бегунов креститель и духовник выше правителя, духовные интересы ставятся выше административных.

Все трое наставников живут в пределах своей области, – большей частью в городах, – но в разных домах, живут в помещениях, наиболее секретных, тщательно охраняемых от глаз полиции. Наставники могут быть подолгу несменяемы; иногда же их переводят на другое место по их просьбам, или по другим причинам, тоже наставниками. В случае доказанной зазорной их жизни, их лишают наставничества, и лишённый таким образом этого звания должен жить в затворе, в келье.

В последнее время учреждена особая должность наблюдателя или благочинного над наставниками нескольких областей. Это своего рода постоянный ревизор, назначаемый из лиц особенно ревностных в распространении бегунства и обязанный посещать порученные ему области. Подчинён он непосредственно только главному наставнику, в

Ярославле и в иерархической лестнице статейников занимает второе место; это – нечто в роде архиепископа. Известный Савва Онисимов и состоит теперь наблюдателем над всеми областями от Казани до Тюмени.

Кроме наставников имеется в каждой области эконо. На экономе лежат все хозяйственные дела; он принимает деньги, ведёт приход и расход, распоряжается одеждой и отоплением, распределяет по кельям общественные съестные припасы и денежную милостыню, составляет по сему отчёты, которые и передаёт крестителю, а последний наставнику-правителю. Для наблюдений за правильностью действий эконома представляются к нему также два лица – свидетели его распоряжений и его советники; экономы подолгу на одном месте не оставляются. Обыкновенно их держат около года и затем переводят в другое общество. Это делается из опасения злоупотреблений, чтобы они не успевали заводить многих знакомых, которые могли бы прикрывать их грешки.

Есть у бегунов, так называемые «игумены» и «игуменьи», которых зовут обыкновенно «крестными». Но они имеют власть и влияние только на маленькие кружки рядовых бегунов, живя вместе с ними. Поэтому и речь о них будет далее. Теперь заметим только, что из них один или одна (игумен или игуменья) называются старшими. Преимущество их перед другими то, что на «соборных» молельнях они отправляют обязанности уставщика и уставщицы. Эти игумены и игуменьи также сменяются, хотя не столь часто. И причина смены их, сравнительно с экономами, – другая. именно та, чтобы поддержать требование странствования.

Кроме означенных должностей существует ещё особая должность иконописцев. Икон писанных, по понятию бегунов, не христианами, они не принимают. Поэтому избирают наученного иконописьменному мастерству послушника, или избранницу из кельи послушницу из наиболее благонадёжных и переводят избранника им в особое помещение.

Иконописцы должны быть непременно перекрещены и без видов, при том никогда не отступившие. Жизнь их должны отличаться особой строгостью, почему к ним приставляют отдельного дядьку-старика, или старуху. Пишущие иконы должны часто исповедоваться. При особо строгих требованиях им и почёт большой, состоящий в том, что во время соборных молений они становятся на особых видных местах. Если бы кто из занимающихся иконописанием почему-либо оказался отступником, то таковой теряет уже своё звание навсегда.

Профес. И. Ивановский

(Продолжение следует).

Ремеров В., свящ. Веро-нравоучение и характер радений хлыстов центральной России // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 542–549

I.

Как известно, в отношении к источнику вероучения хлысты совершенно разнятся от всех остальных сектантов, а также и раскольников.

Все секты опираются на священные книги, иногда выделяя из них некоторые, более для них подходящие, и пользуются текстами Св. Писания для обоснования своего учения. Хлысты в отношении к книгам Св. Писания довольно своеобразны. Они прямо не отрицают их, но также и не основываются на них. Буквой убедить хлыстов трудно. Они ищут „духа“ Писания, по их собственному выражению. Буквальное понимание Св. Писания для них представляется не интересным и даже „невероятным“.

– „Слишком мелко понимаешь“, – говорят они тому, кто понимает слова Писания прямо так, как они писаны.

– „О! он глубок!“, – говорят о том, кто сумеет перетолковать естественный смысл текста как-нибудь по-своему.

Таким образом, хлыстовщина держится исключительно преданием: сохраняет и сберегает в своей общине тот смысл слов Св. Писания, который придали ему её основатели; держится тех правил и того образа жизни, который те показали и установили в их среде, и идёт раз указанным и определённым для них основателями путём. Поэтому хлысты совершенно не знакомы с содержанием Св. Писания. У них нет отличия книг боговдохновенных от неканонических, даже священных от душеполезных. Они пользуются всякой книгой, какая попадётся им под руку, лишь бы в ней было что намекающее на тот образ жизни, какой они ведут. Священные книги они не считают непреложным учением веры, а говорят: „и святые отцы ошибались“ или „они так жили, а нам надо своё приобрести“. О житиях святых говорят: „что нам чужие деньги считать, ты свои наживи“. И даже о библии выражаются: „ты эту книгу сложи, да под себя положи“.

Интересно посмотреть, как они толкуют Слово Божие. Соберутся после собрания человека два–три сектантов и начнут по складам разбирать священную книгу. Они помнят, что происходило на бывшем собрании, помнят странные действия, которых были они очевидцами, но которых сами не понимали, хотя, быть может, были и участниками в них, – и думают найти отгадку им в тексте Писания. Чуть им попадётся

лишь что-нибудь похожее или намекающее на происходившее у них, они сейчас с торопливостью и торжеством останавливаются и радостно восклицают:

– „А! вон оно что! Святой Дух всегда был один и тот-же! Всегда Он действовал одинаково”.

Так набрели они на пляску царя Давида, на глаголение разными языками, на символические действия пророков и проч. Если же встретится что непохожее на их правила, им в помощь приходят изречения апостольские, что „писание духовно востязуется”, и сейчас остроумие начинает работать над тем, каким бы это образом понять духовно материальные предметы: вино, которое мало принимать повелел Ап. Павел или каким угощал Спаситель на браке в Кане Галилейской, – рыбу, которую Он вкушал и давал ученикам (а они не едят) и пр., – или повеление Павла юным вдовицам посягати и чада рождати.

Нужно удивляться изумительному остроумию и находчивости сектантов в составлении разных мест Писания с целью придать ему духовное понимание. С помощью богатой своей фантазии они всему Священному Писанию придали совершенно иной смысл. Исторические события получили смысл каких-то психических актов, происходящих в душе человека; исторические лица – значение каких-то психологических понятий. Христос превратился в их понимании в какого-то „духа”; Пресвятая Богородица – в непорочную и святую жизнь, потому что только непорочная и святая жизнь вселяет в себя Духа Божьего. Выражение „дева” они понимают в смысле души, ещё не обручившейся жениху – „духу”. Когда она примет духа, то в ней родится „Слово Божие” – Христос. „В каждом человеке оно должно говорить, а не то чтоб в книгах было заключено” – прибавляют хлысты. Гонения на Христа хлысты понимают в смысле постоянно бывающих в мире стеснений проявления свободного духа человека.

– А кто же теперь не даёт свободы его проявлению?

– „Да кто же другой, как не те же постоянные гонители Христа – архиереи и священники, – эти книжники, которые ради книжного слова распинают и гонят живое слово Божие... Явись и теперь пророк (человек, в котором живёт и действует непосредственно слово Божие), они тотчас засадят его в каземат. Они видяще не видят, слышаще не слышат. Для них покрывало лежит на законе Божиим. Они не понимают, что Христос нарочно в притчах глаголал, дабы не обратились они и не уразумели. Они привязались к внешности, к букве, а буква убивает, дух же животворит. Они имеют лишь образ благочестия, а силы его отверглись. Для них выгодно держаться и

настаивать на этом внешнем порядке, которые давит свободу человека и не силён удержать от греха и переродить души человека, потому что они этим кормятся и за это их почитают и ублажают. Они не понимают, что все люди – Сыны Божии, что и Писание называет богами тех, к кому было слово Божие”.

„Добиться того, чтобы непосредственно ощущался и слышался в душе голос Божий, – вот задача каждого человека; приобрести Духа – больше ничего не надо. А дух ничем не вяжется, ни к чему не прилеплён, ни в чём не заключён. Он свободно приходит к человеку, откуда хочет и как хочет, и человек не знает, откуда он приходит и куда уходит. Он сам и учит человека, и человек не требует, да кто учит его, потому что тот самый Дух свидетельствует ему и истинно свидетельствует. Приявшие Духа научены самим Богом, Дух же сам и ходатайствует воздыханиями неизглаголанными, вопия: Авва Отче. Он обнаруживается в дарованиях различных”...

„Единственный враг Духа – плоть, которая присно Духу противится. Поэтому надо умертвить деяния плотская. Чтобы ходить Духом, надо распять плоть со страстями и похотями. Таким именно образом и был распят Христос; как личность. Он сам себя распял т. е. Свою плоть. Можно сказать, что Он и воскрес плотью, потому что плоть Его стала такой, которая уже не поддаётся искушению, не требует себе ничего плотского”...

В этом роде идут богословствования хлыстов без конца.

Представить в системе их взгляд на христианское вероучение весьма трудно, потому что приходилось слушать его отрывочно и случайно, когда разговорившийся хлыст нечаянно проговаривался. Насколько я понял сущность хлыстовского лжеучения – оно представляет странную смесь материализма с аскетизмом.

Хлысты страшные материалисты, как показывают наглядно собой вышедшие из их общества. Собственно говоря, они не веруют ничему чудесному, чуду, как оно обыкновенно понимается, в смысле явления, пре-побеждающего обычный порядок природы.

По воззрению хлыстов, природа искони стоит в неизменном виде, никаких перемен в ней не случалось. Что теперь мы видим, то всегда было, и чего теперь не видим, никогда не бывало. И притом хлысты ограничиваются лишь тем, что лежит подле них, под их постоянным взором. Отсюда они отрицают Евангельские и библейские чудеса. Отрицание их весьма просто и незатейливо: „Разве можно ходить по водам? Ну-ка, попробуй!” Точно также – и всё остальное.

– „Разве мыслимо, чтобы человека пригвоздили ко кресту, убили, а он воскрес”, – говорят они о Христе: – „Дай-ка, я проколю тебя –

воскреснешь ты или нет?”

„Немыслимая вещь! Невероятное дело!” – только и слышишь от них, когда рассказываешь о чудесных явлениях в древнее или новейшее время: „всё это басни одни!..” – вот их выражение. Так отнеслись они и к новоявленному Угоднику Св. Феодосию Углицкому.

– „Кабы правду исцелил, так все бы больные давно были здоровы: кто б не пошёл к нему здоровье получить?!”

Свидетельским же показаниям они не верят: „вот когда бы сами увидали”. Да если бы и увидали они какое чудо, то и тогда не поверили: – „ишь какой-нибудь один исцелел! значит не от мощей, а от какой другой причины; если бы от мощей, то они каждого бы исцеляли”

...

Такой материальный взгляд на всё, конечно, ещё более препятствует вере их в таинства, как орудия действий Духа Святого. Они видят в них лишь обряды, символы, подобия действиям прежних апостолов. Отсюда проистекает новый аллегоризм, снова начинает работать хлыстовское остроумие, чтобы объяснить в своём психологическом духе храм, его предметы и его действия. Храм это – человек, престол – сердце и т. д.

Я нашёл у них духоворческий катехизис, которым они и пользуются для такого объяснения. Так как он уже известен в литературе, то я не привожу его, – а равно тех символических значений, которые хлысты усвоят видимым предметам и действиям православного богослужения. Вообще богослужения православного они не чуждаются по подобию первенствующих христиан, которые, хотя имели особую веру и особые собрания, однако же ходили и участвовали вместе с тем и на иудейском богослужении, не отделяя себя от иудеев ни по имени, ни по общности в их обрядах.

Отрицая чудеса, как действия Божии во внешней природе, хлысты не отрицают действия Бога в человеческой душе. Они ограничивают область действий Божеских исключительно душой человека. Мало того, по своему материалистическому понятию, они требуют, чтобы обязательно Бог действовал, и чтобы это Его действие было осязательно и ощутительно человеку.

Стремление к осязательному ощущению Божества и Его действий есть основной пункт их вероучения. Они остановились своим вниманием в догматике христианской на самых трудных вопросах, – о том, что такое благодать, как она действует и каким образом происходит вселение Христа в человека, принятие Духа Св. в сердце и обожествление человека. Но материалистический и грубый взгляд на всё обнаружился и тут в овеществлении благодати, в понимании её как

чего-то осязаемого, радостного, весёлого, приподнятого настроения духа, необычного в другое время. Отсюда их стремление приобрести такое напряжённое состояние разными способами. Посредством целой системы подготовлений песнями, плясками и изнурением плоти, они, наконец, добиваются такого состояния духа, когда рассудок смолкает, перестаёт анализировать и следить за их действиями, и они получают свободу, какую называют свободой чад Божиих т. е. возможность творить в такой момент что угодно, без всяких угрызений совести, стеснений перед другими, не чувствуя стыда, не имея даже сознания того, что делают: в такие моменты им представляется, что уже не они действуют, а кто-то другой в них.

Что бывает с ними в это время и какое душевное состояние переживают они, – понять трудно, но, говорят, бывает так весело, что наше уличное веселье и в малой степени не может сравниться с тем веселием, которое бывает на их собраниях. Они являются как бы другими людьми, потому что в другое время и в другом положении, они и сами бы удивились тем действиям, которые совершали в возбуждённом состоянии: – они как бы пьянеют, так и говорят: „вот оно духовное вино-то, о котором в Писании написано”. Иные признаются, что к этому вину применимо и изречение: „не упивайтесь вином, в нём же есть блуд”. – Излишняя возбуждённость чувства на собраниях производит произвольное излияние семени. Значит, надо бы ограничить несколько безудержность возбуждения. – Но это, может быть, только отдельное мнение, отдельного лица, потому что безудержность и составляет для большинства наибольшую ценность в собраниях.

Кто почувствует, себя способным вопреки рассудку, совести и стеснению перед другими, на произведение разных причудливых действий, – тот считается „переродившимся”. Это перерождение, впрочем, временное, оно ограничивается временем собрания, – в прочее же время, особенно перед посторонними, как-то умеется прятаться и затаиваться. Бывали прежде случаи и публичных обнаружений такого состояния, – как известно об Ермиле Жиркове и других лицах, но редко. По меткому выражению Арсения (бывшего Синодального Миссионера), хлыстовские пророки подобны летучим мышам, которые ночью кажутся птицами по полёту, а днём посмотришь – простая мышь!

Слова „перерождение” и „благодать” не сходят с уст этих сектантов. Готовясь беседовать с ними, так и жди этих слов. И то, и другое они понимают в смысле радостного ощущения, при котором достигается полная свобода духа. Они хвалятся перед

православными, что они что-то „ощущают“, тогда как в православных обрядах ничего не ощущается. Ещё предмет их похвальбы – это то, что их пророки „обличают“ т. е. отгадывают грехи. Наконец, что они „сония видят“. Вера в сновидения сильно развита у хлыстов...

Писанного изложения вероучения хлыстов мы не находили, по, говорят, что у них есть такая книга, из которой что-то вычитывается... Нам попадались брошюры со стихотворениями хлыстовскими, но из них извлечь вероучения весьма трудно; они состоят большей частью из. вздохов о мирской гибели, или охлаждении братских сердец, или из наставлений о спасении... Попадалась также писанная тетрадь – целая поэма о курении табака, но она не творение хлыстов, как показывают книжные обороты. Начало её:

„Ах горестно душе моей томиться,
Что фимиам Мессии лишь курится!
Почто распятый Он, Мариин Сын,
Приемлет днесь почтение один?
Я зрю: хотя уже развратен свет,
Но мне благоуханной жертвы нет!..“ и т. далее.

Это монолог Сатаны, который изобретает курение и нюханье табака, что описывается в начале поэмы. Затем следует увещание табачника:

Опомнись ты, табачник-греховодник,
Ужели наш Бог греху виновник?
В дни мирозданья Творец, Бог всех,
Ничто не сотворил для злых потех;
Хотя ж и произвёл сие творенье,
Ужель на грех и скверно утешенье?..
Далее, немного спустя:
Я верю, табак есть Божие творенье,
Тогда кроши в уху, иль щи и листья, и коренья,
Им посыпай похлёбку вместо перца
Для очищения от кашля, болей сердца.
Коль будешь есть его во щах или с ухой,
То нет греха – проклятие долой,
И не поступит он в такое званье,
А нюхать в нос – бесов очарованье! и т. д.

Из подпольных изданий попадалась книжка: „Сон Богородицы“, без означения цензуры. Больше никаких интересных книг не встречалось.

Окружн. Миссионер (Тамб. губ.) свящ. *В. Ремеров*

К числу наиболее изуверных раскольнических сект относится, как известно, довольно распространённая беспоповщинская секта Федосеевцев. Центром её служит беспоповщинское Преображенское кладбище в Москве построенное в царствование Императрицы Екатерины II известным в истории раскола деятелем – Ильёй Алексеевым Ковылиным. Как и прежде, около Преображенского кладбища сосредоточивается ныне вся религиозная жизнь Федосеевцев; на Преображенское кладбище они обращаются за разрешением всех своих религиозных недоумений и вопросов, возникающих в различных их обществах. – Славное со времени своего основания, оно в царствование Императора Николая I обратило на себя особое внимание правительства; именно – приём в него новых жителей был воспрещён и состоялось решение о передаче этого раскольнического учреждения в ведомство Императорского Человеколюбивого Общества. С тех пор воды утекло много, взгляд на раскол и отношения к раскольникам вообще радикально изменились, а Преображенское кладбище, как мы сказали, и теперь остаётся средоточием религиозной жизни и мысли всех вообще последователей Федосеевской секты, существующих в различных концах России. Но произошло ли у самих федосеевцев за последний период времени какое-нибудь улучшение в области умственного и нравственного просветления, являются ли у них, по крайней мере, попытки освободиться от облегающей их тьмы различных суеверий и предрассудков, выращенных на почве религиозного заблуждения? Ответом на этот вопрос, может отчасти послужить настоящий очерк внутренней жизни федосеевского общества, относящийся к 70–80 годам настоящего столетия.

I.

Упомянутое нами постановление о передаче Преображенского кладбища в ведомство Императорского Человеколюбивого Общества, конечно, сильно опечалило главарей федосеевской секты. С утратой названного учреждения, обыкновенно называемого рьяными федосеевцами „Светопресветлым Сионом“, они потеряли бы один из главных жизненных нервов своей секты. Поэтому, вскоре после того, как состоялось означенное решение, Федосеевцы приняли меры для отдаления, хотя на некоторое время, его осуществления, что им и

удалось. Они добились распоряжения, по которому раскольническое Преображенское кладбище должно перейти в сказанное ведомство лишь тогда, когда принятые ранее на кладбище жители федосеевцы будут похоронены там по обрядам своей секты. Между тем, руководители московского Федосеевского общества немедленно же занялись образованием специального капитала на хлопоты об отмене состоявшегося о Преображенском кладбище решения. К пожертвованиям на этот предмет приглашены были не одни московские, но и провинциальные федосеевцы; из последних особенно щедрыми жертвователями на сказанное дело оказались казанские федосеевцы. Когда же собран был, наконец, нужный для предполагаемых хлопот капитал, федосеевцы не тотчас же приступили к хлопотам. Предварительно они сочли нужным выдвинуть кого-нибудь из своих на более видное положение в обществе, заняв которое он мог бы с большим удобством иметь доступ в те канцелярии, от которых зависела дальнейшая судьба Преображенского кладбища. Под счастливой звездой родившимся оказался один из мелких петербургских торговцев – Ефим Савельев Егоров, теперь уже умерший, а в своё время очень многих заинтересовавший в Петербурге постройкой своих знаменитых „Егоровских бань”; на нём и остановились тогда взоры федосеевцев. И, действительно, г. Егоров не обманул возложенных на него федосеевцами надежд: посредством крупных пожертвований на различные благотворительные учреждения, он быстро стал подниматься по ступеням общественной лестницы, вошёл в сношения со многими лицами из высшего петербургского общества, стал известен некоторым сановным особам, достигнул чина действительного статского советника, а впоследствии, кроме других знаков отличия, имел даже георгиевский крест, хотя в военной службе никогда не состоял. Этому-то федосеевскому „сановнику” и были поручены федосеевцами хлопоты об отмене, состоявшегося в царствование Императора Николая I, о Преображенском кладбище сказанного решения.

Свои хлопоты г. Егоров начал, разумеется, ещё в то время, когда не имел генеральского чина, а был только мануфактур-советником. Хлопоты эти у него продолжались много лет, и только в 1878 году, когда внимание России во всех правительственных органах привлечено было к событиям, происходившим на берегах Дуная, окончились в благоприятном для федосеевцев смысле.

В означенном году г. Егоров сообщил из Петербурга московским федосеевцам, что для Преображенского кладбища министром внутренних дел утверждён новый устав, и что в деле составления

этого устава ему, г. Егорову, выпало даже счастье принять некоторого рода участие. Новым уставом позволялось московским федосеевцам отправлять на Преображенском кладбище соборные богослужения, совершать для прихожан этого кладбища все религиозные требы, содержимые сектой, разрешалось принимать на кладбище, в качестве призреваемых, новых жителей из числа федосеевцев и самому кладбищу присвоено название: „старобрядческого Преображенского богаделенного дома”. Для управления кладбищем и для заведывания хозяйственной его частью тем же уставом требовалось учредить из числа самих федосеевцев „Хозяйственный комитет”, который должен состоять из шести членов и одного попечителя; „попечителем” был уже утверждён сам его превосходительство г. Егоров, а члены комитета должны быть выбраны московским федосеевским обществом посредством закрытой баллотировки. Выбранные члены попечителем представляются для утверждения г. Министру внутренних дел. Кроме того, по новому уставу, требовалось учредить из числа самих же федосеевцев ревизионную комиссию, которая должна быть выбрана обществом же и состоять из троих членов. Члены хозяйственного комитета выбираются пожизненно (?!!), а члены ревизионной комиссии на три года. Таково в общих чертах содержание устава, выхлопотанного г. Егоровым для Преображенского кладбища, которым названное раскольниковое учреждение руководствуется и в настоящее время.

II.

Сообщение г. Егорова о даровании Преображенскому кладбищу права на свободное существование под названием: „старобрядческого Преображенского богаделенного дома”, – радостью наполнило сердца всех вообще московских федосеевцев и в особенности наставников кладбища. Последние поспешили поделиться этой радостью со всеми провинциальными федосеевцами, заповедуя в своих к этим последним письмах отслужить по сему случаю благодарственные молебны. Только одно обстоятельство нарушало несколько радостное настроение московских федосеевских наставников. Дело в том, что по новому уставу кладбища членами хозяйственного комитета могли быть выбраны только те из федосеевцев, которые владели в Москве недвижимой собственностью, а такие состоятельные лица обыкновенно у федосеевцев женятся и потому, как нарушители основных правил секты об обязательном девстве, состоят у них в „отлучении”, нося специальное название „новожёнов”. Допустить к управлению Ковылинской обителью этих новожёнов наставникам кладбища очень не хотелось. Они опасались,

как бы эти „новожёны”, сделавшись официальными управителями „Светопресветлым Сионом”, не стали добиваться потом допущения их на совместное моление с федосеевцами „девственниками”, чем, по понятию федосеевских наставников, может нарушиться содержимое ими „благочестие” в самом корне. И вот чтобы посудить об этом деле, наставники Преображенского кладбища устроили нарочитое собрание, пригласив, для совещания на этом собрании, некоторых московских богачей федосеевцев. В числе приглашённых были и „новожёны”, – но из таких, которые держались в своих понятиях о браке одинакового с наставниками разумения, т. е. признавали свою семейную жизнь делом греховным, требующим великого раскаяния²⁴⁶. Руководителем на этом собрании, в деле „совещания”, был московский купец Н.В. Кочегаров, состоявший до того времени негласным попечителем кладбища. Он доложил собранию, что новый попечитель кладбища, г. Егоров, выборы членов хозяйственного комитета назначил на 13 февраля 1878 года, и что он, г. Егоров, просил Кочегарова озаботиться составлением к тому времени списка лиц, достойных занять означенную должность. По этому поводу и начались у собравшихся федосеевцев рассуждения в таком роде.

– Ну, сударь ты мой, кого бы нам наметить кандидатами в члены комитета? – с таким вопросом обратился Кочегаров к Егору Яковлеву Кареву, великому ревнителю федосеевского безбрачия.

Егор Карев, недавно умерший, принадлежал к числу выдающихся в федосеевском обществе личностей. Поступив на Преображенское кладбище в молодых летах и проживая здесь в качестве призреваемого, он многие годы занимался составлением различных сочинений раскольнического характера, тщательно записывал все выдающиеся события в федосеевском обществе, заносил в свои мемуары даже легендарные сказания старожилов кладбища о чудесах, якобы совершавшихся в Ковылинской обители. На основании этих записей им составлена, между прочим, довольно объёмистая книга под названием: „История Преображенского кладбища”, которая описывает состояние федосеевского общества „николаевского времени” и которая остаётся пока достоянием одних федосеевцев. Этим же Каревым составлен для федосеевцев и знаменитый „устав домашней молитвы”, напечатанный федосеевцами, при содействии одного, принадлежавшего к федосеевскому толку офицера в одной из военных типографий, о чём много раз заявлял г. Гиляров-Платонов в своей газете „Современные Известия” за 1885 год. Кроме того, Карев занимался составлением ответов на различные вопросы, присылаемые на кладбище от посторонних федосеевцев. Поэтому, имя

„убогого Георгия”, как обыкновенно он подписывал свои письма, в подражание, вероятно, убогому Ксеносу-Кабанову, известно было среди федосеевцев и в Казани, и в Самаре, в Астрахани и в Вологде, одним словом во всех вообще местностях, где только существовали последователи федосеевской секты. Московские федосеевцы относились к нему также с особым уважением. Некоторые из последних, признавая Карева, хотя и неосновательно, „знатоком писания”, называли его иногда даже „каноником”. К этому-то Кареву и обратился Кочегаров на собрании с означенным выше вопросом.

– Было бы весьма благопристойно и утешительно, если бы Бог помог выбрать в члены людей, не сопряжённых незаконным браком, – ответил Карев.

– Ныне трудно, сударь ты мой, устроить такое дело, – возразил Кочегаров. Вишь, богачи-то все у нас переженились, а по новому уставу кладбища в члены могут быть выбраны только те из христиан, которые имеют в Москве хорошенький собственный домик.

– Да, по всему заметно, что время к кончику двигается, – плаксивой речью проговорил Карев в ответ на слова Кочегарова. Христианский род быстро оскудевает, ибо все спешат вчиниться в ряды окаянных новожёнов!..

– А ты, сударь ты мой, подожди плач-то иеремиин разводить! – быстро остановил Карева Кочегаров. Теперь надо о деле потолковать. Я, сударь ты мой, полагаю, что большого греха не будет в том, если для удержания во власти христиан нашей обители будут допущены нами в члены комитета новожёны.

– В писании, положим, речено есть: „по нужде и закону пременение бывает”! – ответил Карев.

– Ну, вот, сударь ты мой, и отлично; на этом правиле и обоснуем наши выборы! – с торжественностью проговорил Кочегаров, видимо обрадовавшись тем, что Карев не намерен усматривать „нарушения благочестия” в деле допущения в члены комитета женатых людей.

– Надлежит, однако, необходимо позаботиться о том, чтобы в члены комитета были выбраны токмо те из новожёнов, которые признают своё брачное сопряжение „блудодеянием”, – поспешил заявить Карев.

– Этак, этак, сударь ты мой! – скороговоркой ответил Кочегаров, соглашаясь с Каревым. Всех этих Косичкиных, Жадаевых, Смирновых – отстранить надобно! Сольно, сударь ты мой, они любят уж о браке-то толковать. Каждый раз, как только повстречаешься с ними, они тотчас же и преподносят главизну от писания в роде следующей:

„оженувшись не согрешил, и посягая не согрешила”, а вы-де грехом почитаете допустить женатых людей до совместного моленья.

– Ох, горе, горе, пропащие люди эти новожёны! – с тяжёлым вздохом проговорил Карев. Ведь никогда они – греховодники не подумают о том, в какое время мы живём. Не хотят понять, что теперь не браков время, а время плача и сетования: вот что!..

– А сколько счётом-то должно быть этих членов? – спросил Кочегарова один из наставников, перебивая речь Карева.

– Шесть, сударь ты мой, шесть! – отчеканивая каждое слово, ответил Кочегаров, видимо довольный случаем прекратить разговор с Каревым. По новому уставу требуется выбрать шестерых членов, и непременно с домиками! – продолжал разъяснять Кочегаров наставнику не дальнего ума. Эти члены будут изображать у нас хозяйственный комитет, а седьмой член, значит, „набольший”, над комитетом, будет называться попечителем. „Набольшим-то” теперь уже укоренён начальством сам, его превосходительство Ефим Савельич. Кроме этих шестерых членов нужно будет выбрать ещё троих для ревизионной комиссии.

– Вишь ты, как мудрёно придумано, скоро-то и не поймёшь! – сказал в ответ наставник: – какой „канитет”, какая-то „ремизия” да „коомисия”! Уж нет ли во всём евтом великой ереси?! – серьёзно добавил он.

– А ты, сударь ты мой, не блажи! – заметил наставнику Кочегаров. Ну, так, приступим, братия, к делу, – давайте записывать кандидатов.

К „делу” приступили. После небольших „соображений” и лёгких пререканий, четыре человека были намечены „Дело” дошло до записи серпуховского фабриканта М. М-раева.

– Позвольте, позвольте: Мараев-то, ведь, новожён! – заметил в это время присутствовавший на собрании один из новожёнов – Гаврила Кремнев, до сих пор молчаливо слушавший рассуждения других.

– Он хотя и новожён, но дух-то в нём христианский, вот что дорого! – возразил Кочегаров. Он, сударь ты мой, сам не позволит себе молиться вместе с христианами, да и другим-то новожёнам ни за что не даст потачки в этом деле.

– Та-а-к! – протянул Кремнев. Значит, с христианским-то духом можно и новожёну попасть в члены? В таком разе и я не отказался бы послужить: христианского духа и во мне достаточно.

– Так что же, сударь ты мой, запишем и тебя! – согласился Кочегаров. Ведь ты, сударь ты мой, не признаёшь свою жену законной? – спросил Кочегаров.

– Помилуйте, разве это возможно? – ответил Кремнев. От мудрования христианского я никогда ни на одну йоту не отступал. Женился я, известное дело, по немощи своей греховной плоти, а, чтобы считать свою жену законной, – ни, ни, ни, Боже мой, никогда!

Разговоры и рассуждения в таком роде продолжались очень долго. Наконец, список кандидатов был изготовлен, в который записали и Кремнева. Из неженатых федосеевцев значились в списке, между прочим, Е. Раскаткин и Тимофей Москвин; последних особенно желалось наставникам выбрать в члены комитета. Первого они облюбовали за „христианский образ жизни“, который выражался у Раскаткина в том, что он чаю не пил, колбасу и французских булок не вкушал, в никонианскую-баню не ходил, почитая всё это, согласно федосеевским правилам, великим грехом; при том, он одевался в одну и ту же засаленную деревянным маслом поддёвку с „фантиками“, а от широкоподмётных неуклюжих сапог постоянно разило дёгтем. Второго, т. е. Т. Москвина, прочили наставники в члены комитета за его начитанность в старопечатных книгах. Если бы, например, новожёны вздумали предъявить к наставникам требование о допущении себя к совместному молению, – в этом случае наставники и рассчитывали опереться на члена „грамотея“: он, по их понятию, в состоянии был доказать новожёнам „от писания“ неосновательность такого требования.

– Он, сударь ты мой, поди чай, всю библию, от корки до корки, наизусть знает! – отозвался на собрании об Тимофее Москвине Кочегаров.

Встретилось, однако, очень важное препятствие для выбора в члены комитета сейчас сказанных двоих личностей: ни у которого из них не было тогда в Москве недвижимой собственности. Что бы устранить это препятствие, на собрании решено было зачислить за ними по одному из общественных домов, каких существовало тогда в Москве у федосеевцев не мало.

III.

Возникновение у федосеевцев в Москве общественных домов имеет свою историю; она относится к первым годам второй половины настоящего столетия и вызвана была сказанным выше распоряжением о прекращении приёма для призрения престарелых федосеевцев в Кавылинскую обитель. К тому времени, как выхлопотано было г. Егоровым дозволение вновь принимать на Преображенское кладбище престарелых федосеевцев, таких общественных домов существовало у федосеевцев в Москве более десятка. Они раскинуты были в Грузинском районе и по большой Покровской улице; но более

значительное количество их понастроено было в Преображенской местности и за Преображенской заставой, – вблизи федосеевского „Светопресветлого Сиона”. Дома эти представляли собой негласные федосеевские приюты или богадельни и носили у федосеевцев наименование „Христовых домов”.

Главными инициаторами устройства „Христовых домов” были: наставник Преображенского кладбища Власий Емельянов и Иван Бухарев; деятельное участие в устройстве названных домов принимал также „призренник дома Успения Божия Матери”, т. е. Преображенского кладбища, – Макар Иванов Стукачев писавший тогда в защиту федосеевской секты статьи в „Московских Ведомостях”. Источниками средств на сооружение „Христовых домов” служили, как показывает само их название, исключительно добровольные пожертвования как московских, так и посторонних богачей федосеевцев. Будучи предназначены, по выражению федосеевской летописи, „для призрения страждущего нищетой и недугами человечества”, все сказанные дома, в очень короткое время наполнены были престарелыми и больными людьми, последователями „чудного Феодосия”, ибо „страждущее нищетой и недугами человечество” свозилось в них со всех сторон России. В числе обитателей, наряду с коренными москвичами, постоянно можно было встретить и уроженца горного Кавказа, далёкой Сибири и т. д.; можно было встретить и таких, которые прокоротаив дезертиром всю жизнь в Турецкой Империи, спасаясь там от повинности ратников „николаевского времени”, возвратились, наконец, „по милостивому” манифесту в Россию, чтобы здесь, на своей родной земле, положить свои усталые и изнурённые кости. Последнего рода личности особенно охотно принимались на жительство в „Христовы дома”, так как уклонение от поступления в ряды „воинства антихристового”, составляет, с федосеевской точки зрения, великий богоугодный подвиг.

Тяжёлое, удручающее впечатление производил на свежего человека один поверхностный взгляд на население „Христовых домов” и на условия жизни, в каких оно обитало. Среди свежих и бодрых, среди ветхих и дряхлых неподвижно лежавших старцев всегда можно было встретить здесь довольно мужественного „блаженного” человека, проявлявшего своё юродство в различных видах и формах. В числе „блаженных” находились, разумеется, и спокойного, и довольно буйного характера личности, для усмирения последних употреблялись приставленными служителями всевозможного рода грубые, подчас даже суровые, физические меры. Кроме престарелых и юродивых личностей „Христовы дома” в изобилии наполнены были и молодыми,

обиженными природой, людьми, не исключая и детей. Эта, обитавшая в „Христовых домах” федосеевская молодёжь, представляла собой олицетворение всевозможного рода человеческих недугов: тут были и горбатые, и безногие, и слепые, и страдающие всякого рода наружными и внутренними болезнями, И всё это дряхлое, уродливое, гниющее, заживо разлагающееся скопление полуживых существ, изолировано было от всякой медицинской помощи и размещалось в „Христовых домах” как попало. Рядом с кроватью или, по „христианскому названию», с „койкой” совершенно бодрого старца или здорового молодого слепца помещалась койка какого-нибудь сифилитика, сплошь покрытого по всему телу зловонными язвами и струпиями.

Отличаясь красивой наружностью, „Христовы дома” поражали однако нечистоплотностью своих внутренних помещений. Миллиарды разных паразитов, сверху до низу, наполняли все щели и отверстия небрежно сколоченных из старого ноздреватого дерева кроватей; тучами выползали они на заплёванные и захарканые больными и слепыми людьми, никогда не очищавшиеся стены; густыми массами копошились они и в жёстких мочальных матрацах и безжалостно точили увядающие тела несчастных обитателей. Душный, спёртый воздух, пропитанный специфическими газами и испарениями, наполняя внутреннее пространство помещений, производил одуряющее действие; имевшиеся в некоторых помещениях форточки и заржавленные вентеляции никогда почему-то не открывались. Нельзя было поэтому пробыть здесь свежему человеку и одного часа без опасности для здоровья. Не удивительно поэтому же, хотя совершенно верно, если из этих „Христовых домов”, почти ежедневно отправлялись по два и по три человека в „Светопресветлый Сион”, в соседи к „батюшке Илье Алексеевичу Ковылину”, чтобы там последний раз прозвучал над ними живой голос „вечную память”.

Должно присовокупить, что „Христовы дома” служили, однако, у федосеевцев приютом и убежищем для престарелых и больных людей только лишь до тех пор, пока живы были устроители оных домов и пока живы были главные на эти дома жертвователи; в настоящее же время, если не все, то большая половина из них бесцеремонно, „по христиански”, присвоены в собственность теми из федосеевцев, на чьё имя они доверчиво были записаны устроителями, и очень выгодно эксплуатируются теперь этими счастливыми „собственниками” в свою личную пользу.

Миссионер *Ф. Круглов*
(Окончание следует).

**Из миссионерских дневников и записок // Миссионерское
обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 560–574**

**Слюсарев Д., свящ. Учёный французский невера и
русский отщепенец-штундист. С. 560–571**

В Церковных Ведомостях за прошлый год сообщалось, как один французский писатель Пьер Лоти ездил по святым местам Палестины с целью духовно обновиться, обрести там утраченную им веру, запастись религиозными впечатлениями для возобновления угасшей в нём религиозной жизни. Посетил он Вифлеем, Иерихон, Иордан, Иерусалим – эти священнейшие места для верующих; в последнем он прожил две недели. Что ж, нашёл ли он веру? „Первые впечатления французского писателя, читаем в Церковных Ведомостях, отличаются возвышенностью и чистотой. К сожалению, по самому свойству своего художественного дарования, привыкнув обращать наибольшее внимание на детали, он тотчас же по прибытии в святой город занялся исключительно рассматриванием археологических и художественных его сокровищ, вообще всей внешней обстановки, и светлые минуты религиозного воодушевления, так ярко блеснувшие на первых порах, скоро от него улетели. Житейская суeta, одинаковая на всяком месте земли, как терние в евангельской притче, заглушила молодой росток доброго семени в сердце писателя. Страшась оставить св. землю под таким впечатлением, Лоти пытался насильственно вернуть свои светлые первые моменты религиозного вдохновения, бродил лунной ночью один вокруг стен Иерусалима, простаивал целые часы у алтаря Голгофы, оставался наедине с самим собой глубокой ночью в саду Гефсиманском... Но всё напрасно! И он покинул Иерусалим с настроением ещё более тяжёлым, чем то, какое имел раньше, под влиянием чувства, что утрачивается вера, – потому что прежде была, по крайней мере, надежда обрести Христа в Иерусалиме, а теперь и этой надежды уже более не было”!

Прочли мы эти строки и, грешным делом, подумали: где уж там найти веру, раз она утрачена. Где уж найти Христа в Вифлееме, Иерихоне, при Иордане, в Иерусалиме, если Его нет в сердце! Ведь только *верой* и возможно *вселиться Христу в сердца наши* (Еф.3:17). Что искать царства Божия то тут, то там?! *Царство Божие внутри вас есть. Покайтесь и веруйте в Евангелие* (Мк.1:15). Пьер Лоти принадлежит к числу тех, у которых эстетика заменила религию, которые пробиваются эстетическими чувствами и наслаждениями вместо чувств религиозных. Вот почему при посещении святых мест он набрасывается на художественное, а не на священное, и он живёт здесь эстетическим наслаждением археологических и художественных

сокровищ, впечатлением лунной ночи вокруг стен Иерусалима, а не святыми чувствами умиления, благоговения, страха Божия перед величайшими в мире святынями. Его тянули в Иерусалим и водили им здесь совершенно не религиозные побуждения. Не удивительно поэтому, что ему ничего здесь не помогло: ни ангельское благовестие о рождении Спасителя в Вифлееме, ни глас вопиющего в пустыне о крещении Его в Иордане, ни чудеса на пути к Иерихону, ни весь Иерусалим, наполненный святым учением и великими делами Спасителя; его не вразумили ни мытарь, ни Закхей, ни женщина грешница, Хананеянка, Иаир, отец лунатика – бесноватого юноши, ни жизнь, ни смерть, ни само воскресение Спасителя. Обходя за Спасителем все те места, Лоти, очевидно, пристал к толпе тех иудеев, которым Спаситель сказал: *вы ищите Меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились* (Ин.6:26). Неудивительно поэтому, что он уехал из Иерусалима с чувством утраченной веры: так и *многие из учеников отошли от Христа и уже не ходили с Ним* (Ин.6:66).

На наших глазах недавно был другой подобный пример человека, утратившего веру и также отправившегося искать её в страну далёкую. Разница только та, что это был не учёный невера, а простец, потерявший веру в дебрях сектантства, но искренно искавший её вновь; потому и поиски его увенчались полным успехом. Это некто Тихон Ус, солдат Харьковской губернии, 34 лет. Ещё недавно он был в таком состоянии, что не знал, кому, во что и как верить, как дальше жить; в конце концов он стал просить у Бога смерти, как лучшего для себя выхода из заблуждения и безверия. Но Бог управил путь его к Киевским святыням, у подножия коих Ус и обрёл то драгоценное сокровище, ту жизненную силу, которую безуспешно искал Лоти. Мы передадим дальше поучительную историю Уса по его собственной автобиографии, по устным его сообщениям нам и по непосредственному наблюдению и участию нашему в его обращении. „Я родился в 1865 году в православной вере, рассказывает Ус в автобиографии, – в 1889 г. поступил на военную службу и вышел со службы в 1892 г. православным. Домашние мне объявили, что появилась новая вера. Мне показалось это странным и страшным: какая такая новая вера? Я говорил, что никогда не изменю своей православной вере, в которой родился и в которой отбыл службу царю. Но скоро вышло обратное. В 1893 году мне случилось встретиться с одним человеком соседнего села, я не знал, что это был сектант. Он стал мне говорить; что для спасения нужно возродиться свыше, – надо получить Духа свыше, а для этого нужно чуждаться

своих жён, жить по духу, жену считать сестрой, свиное сало считать идоло-жертвенным; кто поступает в их общество, тот получает Духа и может пророчествовать, тот получает духовную любовь и может жить с женой по духовной любви. Я принял всё это за хорошие наставления и начал постепенно уклоняться от православной церкви. Страшно было сперва! Трудно было удержать руку от крестного знамения; тянуло в церковь. Великим постом 1893 г. я и говел ещё, но... уже без веры, а дальше я не стал скрываться, что пристал к тем людям. Все стали называть меня с женой хлыстами, скопцами; а я верил, что мы – истинно духовные христиане... До молитвенных собраний не допускали меня долго; всё наставляли своему учению и хулению православной церкви. Становилось уже тягостным без службы. Я стал, просить новых своих братьев допустить меня на свою службу и научить „работать Господу“, ибо слышу, что у них совершается „работа Господу“, все „работают“ мужчины и женщины (разумеются хлыстовские радения). Но они говорят мне, что это – великая Божия тайна и тебя нужно сначала приготовить для этого служения Богу. Потом стали поучать меня, что Христос приходил духом; страдал не на кресте, а духом и нас научил жить по духу; так и нас распинают, как Христа. Этих толкований я сильно боялся; мне страшно было Господа Иисуса Христа не признавать во плоти. Я, милостью Божией, вспомнил, что написано: всякий дух, не исповедующий Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста (1Ин.4:3), и предъявил им этот текст; а они говорят мне, что евангелие – для грешников; а мы должны веровать Святому Духу. Я говорю: где этот Дух? они отвечают, что он сходит на пророков; я возражаю, что пророков нет теперь; они уверяют, что у них есть пророки и апостолы, которые пророчествуют на собраниях. А Библии должно верить? Библия это – тряпка, говорят: от этого слова мне стало страшнее, чем прежде”.

Уловив Уса, хлысты держали его больше двух лет на почтительном от себя расстоянии: не посвящали его в самые тайны хлыстовства, всё приготавливали и испытывали. Наконец, он прошёл предварительный искус хлыстовской дисциплины и был допущен в настоящее моленное собрание. Тут он слышит пророчества, видит саму „работу Богу“; но чем чаще посещает, тем больше овладевает им сомнение и он убеждается, что это – собрания бесовские. „Я, – пишет Ус, – твёрдо и достоверно убедился, что это собрания бесовские; на них вместо божественной литургии совершаются танцы с подскоками, верчениями, выкрикиваниями; бьют себя жгутом и ладонями в пятку, рукоплещут и приговаривают:

„Свет наш батюшка, отец,
Собирал своих овец.
Пошли овцы по лугам,
По зелёным по садам”...
Или так:

„... По кругу пошли гулять,
„Бога-царя прославлять;
Тут апостолы стоят.
На них ближние глядят”...²⁴⁷

На собраниях являются пророки и апостолы и начинают пророчествовать невпопад. Один пророк всё обличал девушку соседнего села в разврате; та рассердилась и доказала свою невинность; после этого пророчество прекратилось”.

„Когда я всего этого насмотрелся, то настал переворот в моей жизни. Я не имел больше отрадной минуты; мной постоянно одолевали тоска и мучение. И я перестал скоро ходить на собрания, начал усерднее читать Евангелие и толковать его на разные лады. Но ничего теперь не понимал в нём и чувствовал, что оно стало ещё больше закрыто для меня, чем прежде: до того опутал диавол мой ум. Решаюсь раза три пойти в церковь и то в чужой приход по стыду, но какая-то сила оттягивает от церкви и через силу переступаю порог; к священнику не обращался: как только надумаю пойти, – находит страх”.

В таком тревожном, мучительном состоянии нерешительности и колебания Ус провёл весь девяносто пятый год. Жена его также переходила за ним из одной веры к другой по тому резону, что куда иголка, туда и нитка. – К концу девяносто пятого года Ус совсем было склонился к православной церкви, и решился ходить уже в свой приходский храм. Но, по какой-то странной судьбе, попал в руки штундо-баптиста, который втянул его в новую секту.

„В 1896 году 6 января, – пишет он, – я пошёл уже в свою церковь в Валках к заутрени. После службы, пока до обедни, пошёл посмотреть то место, где готовились к иордани. На дороге попадается мне незнакомый человек и заводит разговор о вере; говорит всё из Евангелия и убеждает верить только Евангелию, а не тем книгам, которые составлены попами для обмана людей; за разговором остановились и не дошли до реки. А он всё говорил и говорил мне из евангелия, что не должно почитать иконы, крест; не должно знаменоваться. Так он задержал меня, пока и обедня отошла, и водосвятие окончилось; на прощание дал маленьких книжечек – собрание стихов. Я пришёл домой, и опять у меня мысль повернулась

назад; говорю жене, она отвечает, что может быть это и так; начинаю исследовать Евангелие ещё больше и, действительно, нахожу стих, что Бог не в рукотворенных храмах живёт и не требует служения рук человеческих; нашёл также, что священник не может уничтожить грехов. Неподалёку от нас жили штундисты; я стал видаться с ними и ещё больше поучаться от них. Раз они зазвали меня на собрание их, где я увидел главного их проповедника. Он прежде всего обратился к новым братьям к таким, как и я, и давал наставления хорошие, – о том, как должно спасаться, удаляться от зла, не пить водки, не ругаться, удаляться от мирских прелестей; потом все они преклонили колена, где кто стоял и, обернувшись, куда пришлось, сложили руки на грудь; главный проповедник прочитал незнакомую молитву за новых братьев; молитва обращалась к Самому Богу, никаких угодников не упоминал. После молитвы проповедник спрашивал нас, кто не понял чего, – и некоторые спрашивали его о кресте. Он утверждал, что рукой спастись невозможно, что Христос вознёс грехи наши на древо; больше же всего убеждал нас удаляться от православной церкви, так как это – языческая церковь.

И вот с этого времени начала мучить меня невыносимая тоска; не было и часу спокойного; я стал мало есть; плохо спать; несколько раз я плакал; снились страшные сны: то Дева Мария будто смотрит на меня сурово, то икона её отвернулась от меня”.

Первые впечатления от штундовых собраний не удовлетворили Уса. „На собраниях штундисты поют сидя, пишет он, обращаются небрежно с словом Божиим. Когда запевали невпопад, смеялись и перекрикивали: „начинай ты Марья, ни ты Олено. нихай начина Ириська”; злословят православных, а сами делают тоже; выхваляют себя святыми; осуждают кошельковый сбор у православных, а сами также собирают деньги в собрании”. И вот Ус, убеждённый уже штундист, но как человек неиспорченный нравственно и богобоязненный, выступает среди новых братьев обличителем пороков их, реформатором слабых сторон собраний и новатором отчасти в самом учении. Он обличает штундистов за самохвальство, за злобные чувства к православным; за мнимую святость; восстаёт против ночных потаённых собраний в лесу, убеждает „свидетельствовать Христову веру явно перед людьми”; вводит благочиние в молитвенных собраниях; доказывает необходимость крещения детей, почитания Богородицы. Братия сначала было сопротивлялись, а потом стали поддаваться. И Ус постепенно входил в силу и делался вожаком не только своих, но и соседних сектантов; его наметили уже поставить, по перекрещении, во пресвитера; сам он был уверен, что стоит на

истинном пути. Но вот опять у него начинаются колебания и сомнения, на которые наводят его некоторые обстоятельства. Во-первых, по словам Уса, перед народной переписью 1897 г. штундовые сёла объезжали какие-то тёмные личности и убеждали их записываться не православными, а баптистами на том-де основании, что вскоре все будут баптистами и баптисты возьмут в свои руки землю и власть; и что кто теперь запишется православным, – тот после уже не будет принят в число баптистов и ничего не получит. Во-вторых, не раз наезжие проповедники поучали в собраниях, что не должно поднимать руку ни на кого. „Я, – говорит Ус, – возражал: а как же в военное время на неприятеля идти? На это отвечали, что не должно совсем воевать и убивать врагов, так как Бог произвёл весь род человеческий от одной крови. Тогда, замечает Ус, я понял, что тут дело идёт не к добру”. В другой раз было большое собрание. Приехал и какой-то господин, прилично одетый, при золотых часах; с ним барыня и ещё какой-то господин. „Наши штундисты, пишет он, оказывали ему большую честь. Я спросил, кто это? – мне ответили, что это – пресвитер и диакон. А зачем же то барыня ездит с ними, говорю?.. Евангелие объяснял он не так, как объясняли мы, а в конце беседы предложил мне принять крещение, но я отказался; милостью Божией я стал разуметь, что это к нам ездят уже не проповедники, а обманщики”. – Но особенно поколебал его следующий случай.

„В 1897 году осенью, продолжает он, не помню какого числа, опять было большое собрание; опять приехало к нам ночью двое чужих проповедников. Один говорил по-русски совсем плохо, всё называл нас не братьями, а „пратие”. Я хорошо понял, что это – не русский человек. Он стал проповедовать известное баптистическое учение. Когда он окончил, то начал говорить другой незнакомец. Этот проповедовал совсем уже иное: говорил, что надо посвящать Господу седьмой день – субботу, а не воскресение; свиного мяса не употреблять; что в воскресение можно работать, что его выдумали священники... По окончании собрания, он оставил нам довольно печатных листиков, доказывающих, что не должно верить воскресному дню. Первый проповедник не опровергал его и не сказал ему ничего напротив. Поэтому, после этих проповедников, у нас сделалось разделение, пошли большие споры и многие штундисты стали праздновать субботу. И сам я, говорит Ус, потерялся и не знал, кому верить; я запутался так, что просил уже Бога, чтобы он послал мне смерть: не мог никак понять, как теперь уж веровать; в православие перестал давно верить, а теперь чувствую, что теряю и ту веру, на какой стоял”. И хотя в видах прекращения соблазна и разделения

решили отобрать у всех и уничтожить субботнические листки, однако Ус на этом не успокоился; он опытом дошёл, что их руководители ведут их не к добру; понял также, что его баптистическая вера не есть истинная, спасительная, какой он искал и какой считал некоторое время. После некоторого успокоения начинается опять колебание и опять мучительное состояние. Это третье „кораблекрушение в вере” заставило Уса ещё сильнее молить день и ночь Бога, чтобы Он Сам или направил его или послал ему смерть.

Усу опять представляется, что, как он ни бежит от православной церкви, а всё-таки она должна быть единая истинная церковь; и вот он опять поворачивается к ней; начинает тайком, робко и боязненно заглядывать в храм, но не оставляет посещать и собраний по долгу руководителя братии. – „Я, говорит он, проверял, чьё собрание лучше – у нас ли или у православных, и где поучение правильнее или назидательнее”. Такое колебательное положение Уса продолжалось втайне до августа 1898 года. За это время раздвоенность в мыслях усилилась и он пришёл к заключению, что до сих пор заблуждался; – как честный человек, в августе 1898 года он и высказал уже открыто братии. В тоже время он подал успенским постом своему приходскому священнику о. Илии следующую записку: „Богоизбранный отец! как на исповеди сознаю свой грех, что отпал от православной церкви; мучат меня злые помыслы; невольно возникает в уме хула на веру православную. Прошу я вас, отче, дайте наставление, как от них избавиться, чтобы не остаться без спасения моей грешной душе; потому что видно из Писания, что грешников ожидают лютые мучения, где червь не умирает и огонь не угаснет; я страшусь этой нестерпимой казни. – И священник, замечает Ус, дал ему наставления, которые подействовали на него хорошо”.

Но после этого Ус продолжал хромать на оба колена до февраля 1899 года.

В феврале сего года приехал к ним харьковский епархиальный миссионер Д. И. Боголюбов и открыл ряд публичных бесед. Вот что пишет Ус об этих беседах: „я ещё был в сильном колебании, когда, милостью Божией, к нам приехал на хутор харьковский миссионер и священник Успенского прихода о. Илья для беседы с нами – штундистами, перед беседой штундистов отделили от православных, в том числе и меня. После молитвы Царю Небесный священник говорил проповедь, я стоял как деревянный, потом начал говорить миссионер, он называл штундистов „сектантами”. Те обиделись, и один высказал, что в священном Писании не написано „сектанты”, на это миссионер ответил: „я хотел обойтись с вами благородно, и назвать вас

сектантами, чтобы не обижать вас, а если так, – то теперь буду называть вас, как написано, *еретиками*. Штундисты не могли ничего ответить. Дальше, сколько не говорил миссионер, штундисты не могли вывести ни одного вопроса до конца, как следует; а только упорно говорили, что им не нужно никакого закона, что у них Христос – закон. Сколько не уговаривали их из Писания, – они ничего из Писания не отвечали; упорно стояли на своём. Из беседы я хорошо понял, что мы заблуждаемся, что это путь не спасительный, гнусный, еретический. В конце беседы роздали книжечки. Милостью Божией, миссионер обратил на меня внимание, дал мне три книжечки – „Берегись штунды”, „О пресвятой Богородице” и „Деревенская глушь”. Тут же я заявил им, что желаю искренно веровать Господу Иисусу Христу; но имею в сердце большое сомнение насчёт православной Церкви, икон и мощей: наши штундисты утверждают, что никаких мощей нет. Миссионер дал мне объяснение; но я всё-таки не верил и заявил, что я поехал бы в Киев, если бы там показали мощи, тогда я уверовал бы. Миссионер одобрил моё намерение и обещал дать письмо в Киев. Попрощавшись, я пошёл домой и с того же дня сел читать те книжечки; прочитал одну, стал размышлять и опять нашёл, что штунда убивает человеческие души. Мне стало страшно; дрожало всё тело; объявил жене и она боялась за душу. На третий день я уже не вытерпел и решил ехать в Киев; пошёл за письмом, и миссионер дал письмо к священнику Слюсареву в Киев; милостью Божией, 16 февраля я выехал”. Теперь Ус окончательно решил порвать связь со штундой. Что же братия? Зная честность Уса и его искренность и веря, что если он колебался, то, значит, разобрал веру настояще и дознал, что дело плохо; братия также приходит в колебание. Первые три дня и ночи проходят в переговорах то с Усом, то между собой, наконец, и ещё многие присоединяются к намерению Уса удостовериться в существовании мощей в Киеве и уполномочивают его с своей стороны добиться там, есть ли, действительно, мощи. „А затем, говорили братия, что ты по приезде скажешь, мы скажем: аминь, – так и будет”. Они собрали и деньги на проезд Усу и слёзно просили об одном – „расследовать настояще и не обманывать их”.

И вот Ус, заручившись письмом, приезжает 17 февраля в Киев, прямо в Лавру. Вот, что пишет он о первом впечатлении от киевских святынь. „В 12 часов ночи на 18 февраля богомольцев разбудили к заутрени. Я пошёл с ними; я больше всего обращал внимание на гробницы, и мне становилось то страшно, то радостно. По Окончании обедни, мы пошли туда, где почивают мощи Павла Тобольского. Когда я увидел его гроб, то стало очень страшно. Враг шептал мне грешному:

не верь в мощи... Осмотрели Лавру и отправились в ту церковь, где Варвара великомученица, потом в собор (Софийский). Тут тоже являлась грешная мысль не верить. Я был в страхе и в трепете. А когда вышли из собора, то двое товарищей тоже объявили сомнение, что мощей должно быть нет. Я говорил, что должно есть, потому, что заверял миссионер, что мне покажут их; а в то же время сам грешный имел в сердце большое неверие”.

Того же 18 февраля Ус обратился ко мне с письмом от Д. И. Боголюбова. Не медля долго, мы отправились вдвоём к о. наместнику Лавры архимандриту Антонию и изложили ему нашу просьбу. Отец наместник разрешил показать св. мощи утром следующего 19 числа; при этом он сделал распоряжение, чтобы нас сопровождал в качестве руководителя по всем местам брат Михаил – монах благоговейный и хорошо осведомлённый в житиях печерских угодников.

Вот что пишет теперь Ус о своём состоянии перед посещением мощей: „Пошёл я искать священника Набережно-Николаевской церкви, которому был пакет, недолго искал; подал пакет и очень боялся, потому что не знал, что там писано про меня. через полчаса мы поехали с этим священником в Лавру. Священник пошёл в келью, а я остался в коридоре и, сам не знаю отчего, был в великом страхе. Когда священник возвратился и объявил, что завтра покажут сами нетленные мощи, то мне так стало страшно, что я с трудом мог говорить с ним и отказывался смотреть мощи, а священник убеждал меня, что это Богу так угодно допустить меня видеть св. мощи, что я как бы неверующий Фома, которому Сам Господь должен был показать свои раны, чтобы он поверил воскресению, иначе он бы и не поверил, и погиб в неверии, так и меня Сам Бог привёл в Киев и удостоил показать св. мощи. Одни почитают их без сомнения по вере, а иные и поверить могут не иначе, как только увидевши мощи своими глазами. Так наставлял меня священник”. Действительно, Ус, по выходе из покоев отца наместника, говоривший до того времени спокойно о мощах, вдруг стал неимоверно бояться и отказываться от своего намерения; до того времени не веровавший стал уверять, что уже не сомневается и верует в мощи, что боится обеспокоить своей просьбой о. наместника; боится, что может быть грешно смотреть их, Бог накажет за это и т. п. Внушением благоговейных предлогов диавол отвлекал человека от святыни и хотел похитить из сердца зародыш веры!

Это было 18 февраля вечером; 19 утром мы опять сошлись в покоех отца наместника и, получив от него благословение, пошли в сопровождении брата Михаила сначала в трапезную церковь. Тут Усу были показаны закрытые в гробницах св. мощи, также открытые

частицы мощей. Далее пошли в великую Успенскую церковь к мощам Павла Тобольского. „Мне так стало страшно, рассказывает он, что я не чувствовал на голове у себя кожи, а когда показали руку св. Павла, то сделалось так страшно, что я не мог двинуться с места; прекратились движения в теле, я совсем одеревенел и уверовал чистой верой и приложился к руке этого угодника и почувствовал облегчение на душе, как будто чешуя осунулась с моих глаз и со всего тела”. К этому нужно добавить ещё следующее. Когда была открыта рука Угодника, то первый приложился к ней иеромонах, открывший её; потом – подошёл я и, приложившись, предложил Усу подойти ближе и присмотреться; между тем кроме множества свечей, горевших у гроба святителя, о. иеромонах осветил ещё особо руку тремя скрученными вместе свечами. Ус, несмотря на наше предложение, не двинулся с места и смотрел как-то тупо. Тогда я почти притянул его ко гробу; теперь он нерешительно наклонился и несколько времени всматривался; отклонился и опять наклонился; казалось, что Ус сам не верил своим очам. Пока он раздумывал, я напомнил ему слова Спасителя: „Поддай персть твой сюда, и посмотри руки Мои; подай руку твою, и вложи в рёбра Мои, и не будь неверующим, но верующим”, – и предложил ему ощупать руку угодника; причём прикоснулся для внушения ему смелости и сам одним пальцем. За мной и Ус прикоснулся и стал ощупывать всю руку. Прошло ещё несколько минут его тупого молчания. Тем временем о. иеромонах сообщал ему кое-что из жизни Павла Тобольского; указал, между прочим, на то, что святитель починает в том самом облачении, в котором был первоначально положен во гроб, между тем как гробов под ним истлело до сего времени четырнадцать. Наконец, Ус волнуемым голосом проговорил: „Можно ли и мне приложиться”? и, положив земной поклон, перекрестившись, приложился к руке святителя, „Теперь я верю, чисто верю; теперь не сомневаюсь, объявил он, обращаясь к нам; Слава Богу! Бог не попустил погибнуть”; и дальше, пока мы стояли перед мощами, он много раз повторял, что рад, что наконец убедился. „Правду вы говорили, обратился он ещё раз к нам, что мне должно уверовать в мощи своими глазами, как тому Фоме, а не по вере”.

Всё это происходило при посторонних свидетелях. Кроме упомянутого о. иеромонаха и брата Михаила, на эту пору случились два приезжих священника; из них один – о. Виноградов, священник харьковского кафедрального собора; другой, не знаю, кто, и двое простых из богомольцев. Как рассказал нам Ус после, это были те самые, с которыми он ходил в Михайловский монастырь и Софийский

собор накануне, которые выражали ему сомнение в существовании мощей. Они, зная, что Усу имеют быть показаны мощи, выждали нас и вошли к Павлу Тобольскому вслед за нами. С ними Ус был уже раз у св. мощей утром 18 февраля; тогда один из них, улучив минуту, ощупал ноги угодника и, по выходе из склепа, объявил: „набиты соломой” (т. е. ноги). Эти слова так подействовали на Уса и подкрепили его сомнение, что он хотел было того же 18 числа уехать обратно. Что те двое – также сомневающиеся, – никто из нас не знал; стояли они себе в стороне и к мощам не прикладывались. Никто из нас не обратил на них внимания; Ус от радости также упустил их из виду. Между тем к нашей беседе с Усом примкнул и о. Виноградов. Он, оказалось, был одно время в Валковском уезде с миссионерской целью и знает те места, откуда Ус. Последний узнал о. Виноградова и сугубо был рад, что видит при таком случае земляка, с которым когда-то полемизировал. Нечего говорить, что все мы были рады вразумлению Уса и вышли от мощей Павла Тобольского с настроением, торжествующим победу над неверием. Сам Ус настолько уже не сомневался, что, когда мы пошли с ним в пещеры, то он просил не затрудняться открытием мощей, дабы не тревожить св. угодников. Тем не менее, чтобы укрепить Уса больше, ему ещё были показаны в ближних пещерах мощи преп. Спиридона просфорника и в дальних – преп. Игнатия, архимандрита Печерского (в обоих случаях открывали правую руку). В пещерах Ус показал себя совсем уже православным богомольцем: останавливаясь перед каждым преподобным, он клал земной поклон, прикладывался к мощам и по местам опускал свою лепту в церковные кружки пожертвований. Начальники пещер, о. Стефан в ближних и о. Исихий в дальних, – наставляли его сообщениями о жизни и чудесах угодников; с руки преп. Игнатия дали ему рукавичку для пользования с молитвой во время болезни. Таким образом, Ус, обойдя пещеры и поклонившись угодникам Божиим, укрепился верой, насколько, конечно, можно было судить по нему, и запасся живыми душеспасительными уроками на новый православный путь жизни.

Из пещер мы (я, брат Михаил и Ус) направились опять к отцу наместнику поведать и ему обращение Уса. О. наместник принял его по-отечески, благословил его св. иконой печерских угодников и богато наставил. Брат Михаил снабдил Уса религиозно-назидательными брошюрками. Последний вышел из келий о. наместника совершенно иным человеком, чем каким был у него накануне, – весёлым и радостно торжествующим. Теперь на обязанности Уса лежало, по приезде домой, уверить в нетлении мощей и других заблуждающихся

братий. Имея в виду искреннюю просьбу не обмануть их, с другой сторон: предвидя, что окажутся и недовольные таким результатом его поездки, которые станут распространять ложные предположения о нём в роде. того, что он не досмотрел настояще, или что его тут обманули, провели и т. п., имея это в виду, Ус просил выдать ему форменное удостоверение в том, что ему, действительно, были показаны мощи, а он видел их при таких-то свидетелях. По его просьбе составлен был акт о вышеупомянутом и выдан ему на руки. Недавно мы получили уведомление от приходского священника Валковской Успенской церкви, что Ус говел на первой неделе великого поста; причём после литургии в субботу упомянутый акт был прочитан в церкви народу. Это оповещение, равно как и само обращение Уса. произвели весьма благоприятное укрепляющее впечатление и уже теперь, как и следовало ожидать, обнаружилось сильное движение среди сектантов к воссоединению. И слава Богу!

Киевский миссион. свящ. *Д. Слюсарев*

Чельцов М. Два эпизода из области полицейского содействия делу миссии. С. 572–574

Как известно, на недавно бывшем в Нижнем-Новгороде миссионерском съезде был, между прочим, поставлен для обсуждения вопрос о том, желательно ли приглашать на публичные собеседования с раскольниками кого-либо из чинов полиции. Разрешён был этот вопрос, как и следовало ожидать, в отрицательном смысле. Слишком уж хорошо теперь дознанно, что от этих помощников пользы для дела миссии нельзя ожидать: раскольников ими не испугаешь, а делу-то, пожалуй, и повредишь. Не имея в виду в настоящий раз выяснять подробно этого, думается, хорошо всем известного положения, я хочу сообщить только бывшее со мной и относящееся к вопросу о помощи от полиции.

Была у меня неподалёку от Царского Села публичная беседа. В качестве слушателя, – не более, – ибо никто его не приглашал, – был и местный полицейский урядник. Ещё перед беседой мы с ним познакомились и даже рассуждали. Во время беседы он был до последней степени ко мне любезен и внимателен: ограждал меня от теснивших со всех сторон слушателей, помогал мне достать из мешка потребную книгу и т. под. Словом – был обязателен, насколько может быть таковым петербургский полисмен. Но... в конце беседы я навлёк относительно себя и своих миссионерских полномочий его блюстительское недоумение...

Мой возражатель-раскольник, по обыкновению, в конце беседы заговорил о кресте, т. е. о перстосложении для крестного знамения, и, назвав его христианским знамением, сопоставил его с государственным знамением – гербом – двуглавым орлом, за изменение или отвержение которого должно грозить виновному наказание. Вывод из сравнения для всех был ясен и внушителен. Заметил это я и задумал воспользоваться приведённым сравнением в свою пользу. Я повёл приблизительно такую речь: „Верно ты сказал, что двуглавый орёл – знамя наше русское; верно и то, что если кто его изменит или отвергнет, тот подлежит наказанию; но знаешь ли ты, когда и почему явилось у нас это знамя, этот герб? Существует он у нас не с начала Русского царства, а со времени великого князя Иоанна III (т. е. с последней четверти XV столетия). Иоанн, женившийся на одной из последней отрасли дома Византийских императоров, по верованию своему и своего народа, восприял от последних и все их права, и привилегии. Для внешнего ознаменования этого

преемственного перехода величия Византии к России он и герб Византийский перенёс в Россию. – Итак, наше государственное знамя, наш герб, введено не кем-либо, а князем, т. е. правительством, – введено для утверждения и закрепления на Руси известных представлений, – известного, для правительства желательного, учения. Допустим теперь, что не *кто-либо*, а правительство наше найдёт, что герб наш, это наше знамя, не отвечает уже потребностям времени и величию России, как государства среди других, и вздумает его изменить на другой – более подходящий к современному состоянию Русского государства. Что-же? поступит ли оно незаконно и можно ли будет в чём-либо укорять его и из-за этого отделяться от него?! Думаю, ни ты, никто другой этого не сделает, а если сделает, то справедливо будет осуждён и наказан правительством. Следовательно, правительство может изменить то, что им установлено, и заменить другим, так точно и церковь в праве поступать с её установлениями”... и т. д.

Эти мои рассуждения показались, кажется, любезному полисмену очень либеральными. Только что кончилась беседа, не успел я свободно вздохнуть, как он подходит ко мне и опять-таки, насколько только возможно, с приятной любезностью просит у меня позволения осведомиться, есть ли у меня какие-либо от моего начальства полномочия для ведения бесед... Такое желание его впервые мне показалось очень странным: о полномочиях поздно было уже спрашивать; но потом, припоминая говорённое мной на беседе, я припомнил и речь свою о возможности изменения государственного знамени-герба, и тут-то понял моего любезного охранителя, понял явившееся у него недоумение и, быть может, волнение и запоздавшее желание ознакомиться с моими полномочиями. – Из показанной моей книжки паспортной им были выписаны подробные сведения о моей личности.

А вот другой случай.

В ожидании приезда на беседу местного священника в одну, на берегу Ладожского озера в лесу заброшенную, деревушку я приютился у одного знакомого своего – православного крестьянина. Подошло сюда человек пять из деревни, между прочим, сельский староста и один раскольник. За чаем раскольник расхвастался передо мной, рассказывая мне, как он преподносил в подарок покойному Государю Императору Александру III пойманного им почти трёхпудового осётра и по приказанию Государя получил 53 руб. Особенно он подчёркивал то, что важные генералы ухаживали за ним, прося его сидеть, когда сами около него стояли. Одно воспоминание о былом приятном,

разумеется, приподняло дух старообрядца, и он, немного погодя, начал горделиво говорить о нас православных, как о еретиках, Мне и вздумалось тут указать непоследовательность старообрядца.

– Итак, по-твоему, мы еретики, переспросил я, с которыми грешно из одной чашки пить и есть?

– Как сами это знаете, ответил он.

– Но ведь и Батюшка наш Царь одной с нами веры; выходит, что и Он тоже еретик. А ты ему осётра – подносил...

– Что вы сказали? Царь – еретик?! Прислушай, староста, обратился он к последнему, что миссионер-то говорит.

– Не я говорю, а по-твоему так выходит: признавая нас еретиками, ты также и о Царе мыслишь, раз Царь нашей веры, которую ты считаешь еретической...

Но мой старообрядец не хотел меня слушать и повторял лишь одно: „Слушай, староста!.. Прислушайтесь и вы – миряне, что-миссионер-то говорит”... Словом, привязался и тянул меня к ответу за его же мысли. Лукавый раскольник только тогда замолк, когда православный староста сельский назвал его дураком и уже сам по-своему разъяснил ему его же путаницу и лукавство. Но будь староста – не из православных; случись это на публичной беседе, да ещё при господине уряднике, – ведь, пожалуй, пришлось бы потом распутываться, кто и что, и в каком смысле говорил... Глядишь, целое негласное дознание получилось-бы...

Нет, не помощники нам чины полиции: и нас они стесняют, и раскольников будоражат, и беседу обращают в полицейское дознание. Поэтому „избави нас Бог от этих друзей”!

М. Чельцов

**Из миссионерской полемики с сектантами и
раскольниками // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–
6. С. 574–591**

**Магнусов С., свящ. Миссионерская беседа с молоканами
«о законных и самозванных учителях и о названии
православных пастырей – отцами». С. 574–580**

Недавно я посетил с миссионерскою целью село Трофну, Пензенской губернии, где проживают в значительном числе молокане. Последние были приглашены на мою беседу в волостное правление, как самое удобное для сего помещение.

По прибытии священника, помолившись Господу Богу, я обратился к собравшимся с обычным приветствием²⁴⁸. Я сказал речь, в которой объяснил, что до сведения епархиального начальства дошло, что некоторые из жителей этого села уклонились из православия в секту именуемых «духовных христиан»; об этом отпавшие письменно заявили, причём высказались, что, принадлежа до сего времени к Греко-Российской Церкви, они будто бы заблуждались, а потому и присоединяются к обществу духовных христиан.

Скорбя о вас, как о заблудших, ныне духовное начальство и повелело мне, как миссионеру, помочь вашему приходскому пастырю, – ибо при двоих свидетелях всяк глагол станет по слову Божию, – в увещании вас. Беседовать мы должны дружелюбно, в духе кротости и терпения, – ибо сказано: *в терпении стяжите души ваши...* Как последователю – ученику Христову и недостойному преемнику апостольского служения, мне непрестанно надлежит памятовать слова Спасителя: «потому-то и узнают все, что вы Мои ученики, когда будете любовь иметь между собою». Напомню и вам, братия о Господе, что всякая вражда и ненависть ослепляют разумные очи. Да и зачем на беседе свариться и кого вам ненавидеть, если и в житейских делах мы часто советуемся с нашими ближними, обсуждаем, семь раз, – по пословице, – примериваем, пока не изберём то или другое решение, то тем больше осторожность и усердие требуются в таком важном деле, как избрание истинного пути ко спасению, как перемена веры отеческой на какую-то новую, как оставление и даже пренебрежение ко всему тому, что было для ваших отцов и братьев, да и для вас так ещё недавно – священно и дорого! О с каким вниманием должны вы, отпадшие, дорогие нам и по крови и отчизне и по Батюшке Государю, братья, отнестись к настоящей беседе о предметах веры. Постараемся же в настоящее время беседовать не из любопытства, а, чтобы общими усилиями прийти к спасительной истине веры, которая одна: «едина вера, едино крещение, един Господь, Отец всех», говорит ап. Павел в послании к Ефесеянам. Так вот, скажите, друзья мои – уклонившиеся,

справедливо ли, что вы от Церкви православной и её законных пастырей пошли вслед учителей непризванных, которые вам и внушили своё новое учение о каком-то духовном христианстве?

– . Нет, нас никто не учил и учителей никаких нам не нужно, а сказано: просите истинного Христа: Он вас научит. Вот мы просили, и Дух вразумил нас, – ответил один из сектантов.

– Вольно тебе, друже, говорить, что *Дух вразумил*, возразил я, но чем это доказать? Ведь этого никто не видал, – свидетелей тому ты тоже не можешь представить: так как же на чём тебе поверить? Да при том так же оправдывают своё суемудрие и другие заблуждающиеся люди-духоборцы, штундисты, и хлысты, и баптисты и друг., утверждая, что и их Дух научил. Неужели Один Дух может научать разным верам? *Едина вера* – вот что прорёк Дух устами св. Павла.

– «Да, свидетелей я точно представить не могу и может статься, что вам и сомнительно мне поверить; так вот, если прямее сказать, то святая библия нас научила, как надо жить по-настоящему и веровать», – пояснил другой молокан, показывая на библию.

– И библия, как книга, сама по себе также научить не может: библия тоже одна, а вер, которые своё лжеучение стараются защитить библией, многое множество...

– Так раскройте, читайте и научитесь...

– Пока согласимся, что кто грамотный, может читать и писание его умудрит во спасение, но ведь, наверно, между вашей братией есть и неграмотные (молокан подтвердил); так тех-то как научила новой вере библия?

– Они просили грамотного, который прочитывал им и рассказывал.

– Ну вот так теперь и сами вы пришли к тому заключению, что прежде чем научиться, нужен чтец, а так как не всякий читающий способен рассказывать, то нужен, значит, чтец-толкователь, или что тоже проповедник-учитель. Вот и несомненны слова апостола: *как услышать без проповедующего (Рим.10:14), как уразумеешь, если кто не объяснит*. Кто же ваш толкователь смысла святой библии?

– Вот мы и избираем честного старца, он нам читает и толкует.

– Нет, одного избрания недостаточно. Слово Божие ясно говорит: *как проповедовать, если не будут посланы (Рим.10:15)? Всякий первосвященник из человеков избираемый для человеков поставляется на служение Богу... Никто **сам собой** не приемлет этой чести, но только призываемый Богом, как и Аарон; так и Христос не **Сам Себе** присвоил славу быть первосвященником; но Тот, кто сказал Ему. Ты Сын, Я ныне родил Тебя. Ты священник во век по чину Мельхиседекову (Евр.5:1–6).* И действительно,

ознакомьтесь с евангельской историей; вы увидите, что Иисус Христос до тридцатилетнего возраста не выступал на дело учительства, хотя известно, что Он ещё 13-ти лет на беседе в храме посрамил иудейских мудрецов и законоучителей. Когда же Он принял от Иоанна водное крещение и в тоже время, через видимое сошествие на Него Св. Духа и словесное засвидетельствование от Бога Отца, получил воочию всех облечение в *великого Архиерея по чину Мельхиседекову*, – тогда только начал открыто проповедовать Божественное учение роду человеческому. Точно также поступали и св. Апостолы: до того времени, пока не получили они после вознесения Христова чувственного облечения, на проповедь не выступали, хотя и избраны, умудрены уже были, ибо им было сказано: «оставайтесь в городе Иерусалиме, доколе облечётесь силой свыше». Получивши же в день св. Пятидесятницы это облечение от Св. Духа, в виде сошедших на них огненных языков, они разошлись тогда на служение Церкви во все концы вселенной, проповедуя евангелие Царствия Божия и уча блюсти всё, что заповедано Божественным Учителем Христом. Так точно поступали и св. отцы, так поступаем и мы, законно поставленные благодатью Св. Духа в таинстве хиротонии или священства, пастыри и учителя Церкви.

– Нет, *учителей* никаких не должно быть, – возразил снова молоканин, – ибо в 23 главе от Матфея Иисус Христос не велел никому называться учителями: *а вы не называйтесь учителями: ибо один у вас учитель Христос: все же вы братья*.

– Да, Спаситель верно не велел называться учителями, но только самовольными, самозванными. Рассмотрим это место внимательно. Иисус Христос ведёт здесь речь против фарисеев. Фарисеи же составляли особую секту иудейскую. В Ветхом Завете закон дан был через Моисея, а Моисей, по повелению Божию, поручил изъяснять закон священникам и левитам, как об этом сказано во второзаконии (Втор.31:9–12, 22–26) и у пророка Малахии: *уста священника должны хранить ведение, и закона ищут от уст его, потому что он вестник Господа Саваофа (Мал.2:7)*. А фарисеи, вопреки этому повелению, сами сели на *Моисеевом седалище*; не будучи священниками и левитами, ключ разумения писания взяли на себя и объявили самовольно себя книжниками, толкователями и учителями закона. Эти-то самозванцы-учители *любят предвозложения на пиршествах и председания в синагогах и приветствия в народных собраниях, чтобы люди их звали: учитель! учитель!* А вы, говорит Христос, *не называйтесь...* Поймите же, что здесь Иисус Христос запретил подражать самозванным учителям-фарисеям. Выдавать и называть

себя, и притом самовольно учителями, конечно, не следует. Законное же учительство в Церкви Христовой через особо-преемственное от Апостолов рукоположение установлено на все времена до скончания века самим Иисусом Христом (Мф.28:18–20; Ин.20:21–31). Так и Ап. Павел говорил: *я поставлен Апостолом и учителем язычников* (1Тим.2:7; 2Тим.1:11), – не самовольно назвался учителем, а поставлен от Христа. Так же были не только избраны, но и особо поставлены апостолами семь диаконов (Деян.6:6). Словом – Он *иных* поставил в церкви Апостолами, и *иных* учителями (2Кор.12:28) – поймите, – не всех, а *иных* только: *все ли Апостолы? все ли пророки? все ли учителя?* И поставил Он одних Апостолами, других пророками, *иных* Евангелистами, *иных* пастырями и учителями к совершению святых, на дело служения, для созидания тела Христова, доколе все придём в единство веры и познание Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова (Еф.4:11–13). Вот их обязанности! Без таких-то пастырей невозможно сделаться истинными христианами; без них не может быть и спасительного тайнодейственного богослужения, не может создаться и тела Христова (Церкви). И должны быть законно поставленные пастыри и учителя до того времени, пока не придём все в единство веры, – в познание Сына Божия, в разум истины... Самозванные же учителя не научат истине, а лжи, не приведут ко спасению; а лишь к гибели. Да, только законных пастырей, а не самозванных, все члены Церкви – миряне и должны слушаться: *слушающий вас, Меня слушает, и отвергающий вас, Меня отвергается* (Лк.10:16), сказал Христос. Итак, законные пастыри те, которые и избраны, и поставлены, и посланы от законной власти Церкви: *меньший от большего благословляется...*

– Ну, положим, что пастыри и учителя законные посланы властью и рукоположены, – ехидно возразил один из молокан, – а вот покажите нам: где повелено в Писании звать их *отцами, батюшками?*

– *И отцом не называйте себе никого на земле: ибо один у вас Отец, Который на небесах,* читаем мы в той же главе Матфея евангелиста²⁴⁹.

– Но ведь это сказано против тех же самозванных учителей-фарисеев, которых Бог не ставил ни учителями, ни духовными отцами, а люди, по их же наущению, звали их отцами. Опять здесь от этого-то самозванства предостерегает всех Господь, но отнюдь не запрещает не употреблять слова *отец* ни в каком случае. Иначе понимать, выходило бы то, что нельзя положительно никого звать отцами – даже и плотских родителей. А с этим и вы не согласитесь, ибо тоже зовёте своих родителей отцами, да и в Писании тому множество примеров.

– Нет, вы всё-таки докажите нам строкой, что повелено звать вот вас отцами-батюшками, – приставал другой молоканин-старик.

– Дело, старче, не в букве, – буква убивает, сказано в Писании, – но изволь: вот св. Апостол Павел, по отношению к коринфянам – своим духовным чадам, называет себя прямо их духовным отцом: *не к постыжению вашему пишу сие, вразумляю вас, как возлюбленных детей моих. Ибо хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов; я родил вас во Христе Иисусе благовествованием* (1Кор.4:14–15).

Сектанты переглянулись, начали искать это место и закладывать, – очевидно, оно для них было неизвестно. Я воспользовался их молчанием и добрым настроением, решил закончить беседу, так как чувствовалась невыносимая духота и усталость.

– Итак, благодарение Богу, – сказал я, – на первый раз в понятиях наших мы, кажется, пришли к соглашению на основании Св. Писания, что пастыри и учителя должны быть рукоположены и уполномочены; таковых и Сам Бог называет и учителями, и пастырями, и благовестниками, – следовательно, и нынешние христиане должны их так же признавать и называть и отцами, и батюшками, ибо если мы за плотское рождение называем плотских родителей отцами-батюшками, то как же не называть духовных отцов, от которых вы, по благодати Божией, получаете духовное возрождение от воды и Духа, которые духовно питают вас благовествованием и святыми тайнами? Самозванные же и не входящие во двор паствы законной дверью не могут быть и называться пастырями, – им название по евангельской притче (Ин.10:1) и по той же 23 гл. (Мф.23:16–33) очень нелестное, – прочитайте её дома, а теперь, за поздним временем, на этом первую беседу и закончим, возблагодаривши Господа Бога за вся благая.

Православные пропели «Достойно», приходский священник сделал отпуст и преподал благословение. Молокане стояли неподвижно, углубившись в себя, как бы молясь духом.

Миссионер-свещ. С. Магнусов

Черкесов В., свящ. Беседа с старообрядцами поповского согласия о признаках истинной Церкви. С. 580–591

После молитвы перед началом собеседования со старообрядцами, *православный миссионер – священник* обратился к слушателям с такими словами: Братия православные христиане и вы, почтенные старообрядцы! В составленном на 1-м и 2-м вселенских соборах Символе веры, в котором изложено всё, во что должны веровать христиане, и без веры во что нельзя получить вечного спасения, мы каждодневно читаем: *верую... во едину* святую, соборную, апостольскую Церковь. *Во едину!* Значит святая Церковь Христова должна быть *одна*; нельзя, поэтому, старообрядческое общество признать истинной церковью, когда наша греко-российская церковь признаётся таковой: или наше общество – есть истинная Церковь, или ваше; иначе быть не может, ибо церковь *едина*...

Старообр. Мы докажем от Писания, что наше общество и есть истинная церковь.

Правосл. Мы с удовольствием послушаем ваших доказательств. Но прежде всего скажите, признаёте ли вы, что Церковь *едина*?

Старообр. Да, мы это признаём.

Правосл. Хорошо! Да иначе и быть не может, други мои. *Едино* тело, *един* дух, пишет апостол, якоже и звани бысте во едином уповании звания вашего: *един* Господь, *едина* вера, *едино* крещение: *един* Бог и Отец всех, иже над всеми и во всех нас (Еф.4:4–6). «Вы *едино* есте о Христе Иисусе», говорит апостол в другом месте (Гал.3:28)²⁵⁰. Сам Спаситель молился к Богу Отцу Своему, глаголя: «Отче Святыи, соблюди их во имя Твое, ихже дал еси Мне, да будут *едино*, якоже и мы (Ин.17:11). Якоже Ты Отче во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в нас будут *едино* (Ин.17:21). Едино есть тело Господа нашего Иисуса Христа, говорит св. Игнатий Богоносец... *едино* же проповедание, и вера *едина*, и крещение *едино* и *едина* Церковь, юже основаша апостоли святии от конец до конец в крови Христовой своими потами и трудами» (посл. 3 Филад. л. 20-й). Св. Иоанн Златоуст говорит: «Церковь Божию нарицает, показуя, яко соединиться ей достоит. Аще бо есть Божия, соединиися, и *едина* есть» (1Кор. бес. 1-я). «*Едина* вера, по свидетельству апостолу, то уже иные все ереси, а не веры» (кн. о вере л. 17-й об.). Церковь... *одна*, говорит св. Киприан, хотя члены её с распространением веры сделались очень многочисленны» (Озер. I, 9 стр.). Истинная Церковь подлинно древняя есть *одна*, говорит Климент Александрийский (Стром. кн. 7-я, гл. 17-я).

«Едина есть соборная Церковь Божия» говорится, наконец, и в великом катехизисе (118 об.). Признав, что Церковь едина, нужно точно и обстоятельно выяснить ещё и то, что такое – Христова Церковь и какие её признаки. Когда мы выясним это, тогда нам легко будет угадать, где она: у нас или у вас?

Старообр. (перебивая). А вот мы вам и покажем, где эта Церковь... Позвольте – не перебивать. Мы с кротостью слушали вас, послушайте молча и нас.

И старообрядец начинает читать из благовестного евангелия с 7 зачала от Матф. Всякие попытки православного остановить это – не имеющее отношения к делу чтение – бесполезны. Старообрядец грозит уйти с беседы. Православные собеседники терпеливо слушают чтение старообрядца. Наконец, прочитав, или вернее сказать прокричав, несколько листов, старообрядец дошёл до объяснения места *аще соль обуяет, чем осолится*. Здесь он начинает возвышать голос: Вот, видите – соль господствующей Церкви, т. е. Никон и его последователи 200 лет назад, по предсказанию Спасителя, и *обуяли*²⁵¹. Старообрядцы, зазрев их, отделились. Они-то и составляют истинную Церковь, неизменно сохраняя все догматы и предания, от св. апостол унаследованные! Я кончил.

Православный. Много ты читал не идущего к нашей беседе. Напрасно ты только забыл наставление Премудрого Сираха: «сократи слово (говорит он), малыми многая изглаголи» (Сир.32:10.). Тоже и св. Златоуст советует: «егда глаголеши и чтеши книги, не тщи борзее исчести до другия главизны, но поразумей, что глаголют словеса та и три кратно обращайся на едины главизны» (Златоустник 78 л.). Да и те слова, ради которых ты собственно читал Благовестное евангелие «аще соль обуяет», ты понял совершенно превратно. Слова эти означают во 1-х необходимость священства в Церкви; во 2-х, Феофилакт, между прочим, в толковании на эти слова говорит: «учитель бо рече – аще возсмердится... извержен будет от сана», т. е., говорит о некоторых учителях, а не о вселенской Церкви, и в 3-х, соль нужно сначала высыпать, т. е. соборно низложить, как это требуют правила (смотри в Кормчей 108 и 12 пр. Корф. соб., лист 173-й, мал. кат. 25 обор. и мн. друг. места), а потом уже попить. А так ли поступили старообрядцы? Да и то ещё спросить вас не лишне: если соль действительно обуяла, то чем же глаголемые старообрядцы могли осоляться? И значит, ссылаясь на это место и толкуя его по-своему, вы говорите против самих себя... Но продолжу речь, прерванную тобой, собеседник. Церковь, я сказал, – да и вы все согласились, – *едина*. Так. Выясним же теперь себе, что такое эта

единая Церковь, ибо сказано: «не спрашивай просто Церковь, но где вселенская Церковь» (Кирил. Иерус.).

Слово «церковь» имеет много различные значения. Церковью называется во 1-х совокупность существ земных и небесных. «Тем создана быша всяческая, яже на небеси и яже на земли, видимая и невидимая... И той есть глава телу Церкви» (Кол.1:16,18). «Тя неизреченно совокупившаго небесным, Христе, земная и едину Церковь совершивша ангелом и человеком непрестанно величаем» (Канон арханг. п. 9, ст. 2-й)²⁵². Это – первое значение, какое имеет слово церковь. 2) Церковью называется частная, областная церковь. Так, в деяниях и апокалипсисе упоминаются церкви: Иерусалимская, Ефесская, Смирнская, Пергамская и др. (Деян.8:1; Откр.2:1;8:12;3:11). 3) Под словом Церковь разумеется и одна церковная *иерархия*. Так, св. Златоуст, толкуя слова Спасителя: «повеждь церкви» (Мф.18:17), говорит: «повеждь церкви», т. е. её «предстоятелям» (Бес. 60 на еванг. Мф.). Тоже говорит и блаженный Феофилакт в Благовестнике (Матф. зач. 75-е. 4) Церковью иногда называются и одни миряне. «Внимайте убо себе и всему стаду, в нем же вас Дух Святой постави епископы пасти Церковь Господа и Бога» (Деян.20:28). «Церковь от собрания верных нас, глаголю, человеков... от веков составися и Церковью наречеся» (Книга о вере, л. 22-й). 5) Церковью называется частный дом. Прочитайте 4-й стих главы 16-й к Римлянам. «Целуют вы о Господе много Акила и Прискила с домашнею их Церковью» (1Кор.16:19). 6) Церковью иногда называется каждый верующий в отдельности: «вы есте церкви Бога жива» (2Кор.6:16). 7) Однажды и Спаситель своё тело назвал Церковью «глаголаше о Церкви тела Своего» (Ин.2:19,21). 8) Даже тело обыкновенного человека называется Церковью; так в молитве «покаяния отверзи» говорится: «церковь ношу телесную». 9) Общество нечестивых также иногда называется Церковью: «возненавидех церковь лукавующих» (Пс.25:5). «Собрание нечестивых обыче такожде нарицатися Церковью», (Вел. катех. 122 об. глава 25). Наконец, 10) видимые храмы называются Церковью (Лк.24:53). Видите, други мои, сколько различных значений имеет слово *церковь*? Теперь скажите, какое же из указанных значений нужно разумеать по вашему мнению, когда в Символе веры мы читаем слова: верую во едину соборную и апостольскую Церковь?

Один из старообрядцев. По моему мнению каждый человек составляет церковь: «Вы есте церкви Бога жива».

Православный. Я уже сказал, что слово церковь имеет много различных значения. Но я спрашиваю не просто о Церкви, а о *вселенской* Церкви, той самой Церкви, о которой говорится в Символе

веры: «верую... во едину, святую, соборную и апостольскую Церковь». – «Подобаше отцем последующе (говорит преп. Максим Грек) ничтоже разумевати паче уставленных, ниже собирати речения от писания о ином и ином глаголанная, насилувати тех ко иному разуму, да волю нашу поставим» (Кир. кн. л. 401 об.). О *иной* церкви, а не о вселенской, говорится в словах «вы есте церкви Бога жива». И это ты поймёшь, если примешь во внимание следующее: 1) в Символе говорится: верую во едину святую... Церковь; а если церковь – человек, то выходит, что я верую в человека. А разве тебе неизвестно, что «надеющийся на себя (а значит и верующий в себя) проклят», как говорит Писание? 2) Церковь «свята», а о церкви тела говорится «церковь ношу телесную, всю оскверненну»²⁵³: Церковь далее 3) соборна; а как это можно приложить к отдельному человеку? и 4) она *едина*, а человек – не один. Не говорю уже о том, что Церковь «апостольская» – признак, совершенно неприменимый ни к отдельному человеку, ни к человеческому телу... Наконец, необходимо ещё напомнить вам следующие слова св. Златоуста: «да чистии и непорочнии тело и кровь Христа от *иереев* восприимем и будем Церковь Бога жива» (Златоустник, л. 81). Видите, за что и когда в переносном смысле человек может именовать себя церковью: только по принятии св. Тайн от иереев, разумеется законно поставленных от законных архиереев, наследников апостольских. А у старообрядцев-беспоповцев вовсе нет иереев; у поповцев же хотя и есть, но это или беглые (и потому не имеющие канонического права преподавать тайны) или поставленные преемниками беглого митрополита Амвросия, принятого старообрядцами в своё общение с нарушением целого ряда канонических, соборных и апостольских правил, за нарушение коих возглашается анафема и соблюдение коих вменяется в обязанность наравне со св. евангелием (Кормч. л. 61 об. пред.).

2-й старообрядец. По моему мнению Церковь, о которой говорится в Символе веры, есть евангельское учение.

Православный. Вот это уже совершенно иное мнение. Но знаете ли вы, что Писание можно и должно толковать «не от своего ума, но якоже божественнии отцы достигоша»?

Но разберём это мнение. Церковь называется *соборной*. А разве это можно приложить к евангельскому учению, к учению Христа Спасителя нашего?!! Далее, Спаситель о Церкви сказал: *созижду*. В то время, когда Спаситель произносил эти слова, евангельское учение уже было дано, и, значит, к нему никак не могло относиться выражение *созижду*. Наконец, Спаситель сказал «повеждь церкви: аще же церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь» (Мф.18:17). Этими

словами, как это видно из многочисленных толкований св. отцов церкви, ей дано Спасителем право суда: а это уже ясно показывает, что здесь речь идёт не об евангельском учении. И ещё: *внимай убо себе, (поучает ап. Павел) и всему стаду, в немже вас Дух Святый постави епископы, пасти церковь Господа и Бога, юже стяжа кровию своею. (Деян.20:28)*. Если церковь есть евангельское учение, как ты думаешь, то каким образом можно его пасти? Итак, вселенская церковь не есть евангельское учение.

Старообр. «Соборная церкви, говорит св. Писание, не стены суть, но правое учение».

Правосл. Но 1) ведь это одно почти и тоже, что «евангельское учение», а я уже доказал, что церковь не есть евангельское учение. Значит, не есть – и правое учение и 2) «Законы же и предания божественных отец (говорит Никон Черногорец) и божественные правила (а значит и правое учение вообще) пребывают неразрушена во веки от *державших* та» (Такт. л. 134-й) Нужны, значит, держащие правое учение, т. е. пастыри и пасомые. 3) Говоря, что церковь есть правое учение, вы умалчиваете о таинствах, даже о крещении? Значит, они, по-вашему, не нужны стали? Значит, можно, по-вашему, и без них спастись? 4) Апостол говорит, что Христос «возлюбил церковь и себе предаде за ню, да освятит ю, очистив банею водною в глаголе, да представит ю себе славному церкви, не имущу скверны или порока... (Еф.5:26,27) Скажите, как всё это может быть приложимо «к правому учению»? И не ясно ли, други мои, что здесь говорится о церкви, состоящей из верующих т. е. из пастырей и пасомых?

Старообр. Церковь есть – добрые дела.

Правосл. Значит таинства не нужны? Значит можно без них спастись? Это первое. Во 2-х, если церковь – «добрые дела», то этим могут оправдываться не только беспоповцы, но даже и еретики, ибо и у них могли быть добрые дела. 3) Говоря, что церковь «добрые дела» вы, старообрядцы, хотя, может быть, и бессознательно, говорите хулу на деятельность Самого Господа Иисуса Христа, на цель Его пришествия на землю. Ибо, если церковь есть «добрые дела», то зачем тогда было Спасителю сходить на землю, страдать, устанавливать таинства и т. п.? А попробуйте приложить к «добрым делам» те признаки, какие должна иметь вселенская церковь: единая, соборная, апостольская? Остаётся согласиться со св. Златоустом, что «аще вера жития кроме ничто же есть, много паче сопротивное» (т. е. житие, или, как вы говорите, добрые дела)²⁵⁴ и с преподоб. Макс. Греком, что «подобаше отцем последующе ничтоже разумевати паче уставленных, ниже собирати речения от писания о *ином* и *ином*

глаголанная, насилувати тех ко иному разуму, да волю нашу поставим» (Кирилл. кн. л. 401 оборот).

Один из старообрядцев. Я докажу от писания, что миряне – одни называются церковью. Что вы нам на это скажете?

Правосл. Верно, я этого не отрицаю. Припомните, я даже сам вам ранее сего сообщал об этом. Но я опять считаю нужным напомнить вам слова св. Кирилла Иерусалимского: «не спрашивай просто: где церковь? но где вселенская церковь?» Но, довольно! Итак, ни одно из ваших определений не подходит под понятие о вселенской церкви. Упомянув о церкви, вы обходите молчанием такую уважаемую вами книгу, как великий катехизис. Здесь точно и ясно определено понятие о вселенской церкви. Прочитаем это...

Старообряд. (запальчиво перебивая) Ты прочитай по своим книгам, а это наши книги. Мы и без вас знаем, что там в них написано!!

Правосл.. Ваше возражение невольно напомнило мне то возражение, какое когда-то сделали иудеи папе Сильвестру в беседе с ним, о чем читаем в чет.-мин. под 2-м генваря: «Иудеи же реша: наше то писание есть, яко наш пророк та словеса написа; тебе же подобает от своих писаний глаголати, а не от наших. (Точь-в-точь тоже самое возражение, какое сделали и вы мне. Что же отвечал Сильвестр и что должен ответить вам на ваше возражение и я?) Сильвестр же отвеча...: подобает убо днесь от тех претися с вами: ибо ваши книги сотворишася нам свои, наши же вам чужди, и лучше будете веровать книгам своим, неже нашим, чесо ради вашими книгами покажем вам истинну, ей же вы противитися: будет же и одоление чудеснейшее и яснейшее, егда вземше оружие из руки сопротивного, темже победим его. Царь же рече: праведен есть сей глагол епископов и невозможно ему прекословити; аще бо от ваших писаний, от иудеи приведут вам свидетельство христиане о Христе своем, то всячески их будет верх; вы же от своих точию истых книг. Сия рекша царю, весь синклит похвали суд той (Жит. 2 генв.). Надеюсь, что теперь и с вашей стороны не последует нового возражения и приступаю к чтению определения вселенской церкви в великом катехизисе на лист. 120 об.

«Церковь Божия есть собрание верных Божиих, иже непоколебимую держать едину православную веру... но останавлиюсь на этих словах. Что означают они?

Старообрядец. Разумеется, означают то, что люди, принадлежащие к церкви, должны принимать всё евангельское учение.

Правосл. Ты сказал верно. Значит, если бы кто-нибудь вопреки слов Христа Спасителя «созижду церковь мою и врата ада не одолеют ей» (Мф. 67 зач.) вздумал бы доказывать возможность этого одоления,

тот пошёл бы явно против Господа Христа и помог бы о себе сказать, что он член вселенской церкви. Но продолжу моё чтение из В. катехизиса. *Церковь Божия* (прочитал я) *есть собрание верных Божиих, иже непоколебимую держат едину православную веру*. Читаю дальше. *И в любви пребывают*. Пребывают ли в любви старообрядцы? Нет, нет! Посмотрите, насколько сект и толков разделились они по своём отделении от православной церкви! А это ясно показывает, что они не могут составлять истинной церкви ибо в писании сказано: *несть Церковь, егда разделяется и не согласуется* (Толк. апост. л. 596-й). О сём уразумеют вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою (Ин.18:35)...

Старообрядец. Не честно, имея бревно в глазу, упрекать ближнего за сучок в глазу его. Врачу исцелился сам! Как вам не совестно упрекать старообрядцев в разделении на секты, когда вы сами завели в своей церкви две церкви: православие и единоверие? Кому неизвестно, какая глубокая разница между тем и другим!

Правосл. Верно, что есть разница, но не «глубокая», состоящая в одних только обрядах; вера же у православных и единоверцев одна и таже, что видно и из самого названия «единоверцы». Если бы они были иной веры, то так бы и назывались: иноверцы. Что же касается различия в обрядах богослужения, то достаточно тебе напомнить пока слова св. Григория Двоеслова, который сказал: в единой вере ничего не вредит св. Церкви разнообразность обыкновений (41 посл. к Леандру). Но продолжу прерванное чтение из великого катехизиса: *Облобызают же* (вернии, составляющие церковь) *учение евангельское непоколебимое* т. е. без всяких кривотолков признают, что церковь – вечная со всем тем устройством, с каким она была при Христе и апостолах, ибо во евангелии Спаситель о сём ясно сказал: *созижду церковь мою и врата ада не одолеют ей, «и иже суть достойни приимати святыя и божественныя тайны»*. А таинств должно быть семь, как это сказано, напр., в великом катехизисе (л. 360 об.), и притом таинства эти должны существовать вечно, так что по словам Симеона Солунского та церковь, которая аще от семи и едину тайну изгубит, несть православная, но еретическая (глава 73-я). А у старообрядцев поповцев почти двести лет не совершалось таинство священства; а у беспоповцев ещё меньше таинств совершается; у тех и у других они совершаются незаконными лицами, – о чём будем особо беседовать, – и значит ни те, ни другие не могут принадлежать к истинной церкви...

Старообрядец. Вы обличаете сами себя. Вот ты сказал, что миряне, составляющие церковь, должны быть «достойни приимати

святыя и божественныя тайны». А у вас так ли? Причастие даёте всем безразлично, молитесь с цыганами и т. п.

Православный. Хотя миряне в церкви и должны быть «достойни приимати святыя и божественныя тайны», но в церкви могут быть и до второго Христова пришествия будут и грешники, для которых собственно и установлено таинство покаяния, долженствующее существовать вечно. Раскройте Толковый апостол л. 686-й об. и прочитайте: «да и тые в церкви ради покою церковнаго претерпим», говорится там. Читайте ещё притчу о неводе (Мф.13:49), о десяти девах (Мф.25:1–13) о званых на вечерю (Мф.22:1–13) о втором пришествии (Лк.17:34–36)²⁵⁵, – видите, святое писание подтверждает справедливость моих слов. Скажу более: 1-й вселен. собор в правиле своём 8-м называет даже еретиками новациан, которые, подобно вам, учили, что церковь должна состоять из одних святых. Помните же, други, что святость церкви зависит не от людей, могущих согрешать, а от основания церкви, которое есть Святой Иисус Христос (Еф.2:20–21). Но продолжу чтение определения вселенской церкви из великого катехизиса: *«И иже суть под единой главой Господом Нашим Иисус Христом, а под правлением совершенных святых от Него поставленных»*. Кто же эти правители? Это епископы, пресвитеры и диаконы.

Старообрядец. Все это у нас и есть. Значит, мы и составляем истинную церковь.

Православный. А всегда ли так было у вас? Были ли у вас епископы по отделении от православной церкви?

Старообрядец. Были. Мы отделились с епис. Павлом Коломенским, потом были у нас, как и теперь есть, священники; есть у нас теперь и епископы. Благодать, яко финикс, процвете!

Православный. Правители, о которых говорится в великом катехизисе, действительно, есть трёхчинная иерархия, которая состоит из епископов, пресвитеров и диаконов. О «святителях и пресвитерах» говорится на обороте 121-го листа того же великого катехизиса. Но иерархия должна состоять ни из одного епископа, с которым отделились вы, старообрядцы, она должна состоять из полноты 3-х чинов: епископского, пресвитерского и диаконского. Это мы вам докажем от Писания. Вот, напр. Игнатий Богоносец, в послании к Филадельфийцам (л. 18-й), епископов, пресвитеров и диаконов называет «вчинёнными волей Бога Отца через Господа Иисуса Христа»; без сих, говорит он, церковь не именуется, несть избрана, ниже собрание святое, ниже сонм преподобных» (3 Тралл.) «иже вне есть, и без епископа и пресвитеров и без диаконов что-либо творит:

таковой оскверняется совестью, и неверного горший есть» (Тралл. л. 3 об.). Во св. благовестном евангелии говорится: «три сия действия наследуема чинов: диаконы очищают оглашением учения; пресвитеры просвещают крещением; архиереи же священные чины поставляют и совершают, еже есть рукоположение; видиши ли чины к действиям, ни вяще, ни менее реку предстоящих»... (Луки глава 19. зач. 95-е). У блаженного Семеона Солунского читаем: «изящные же хиротонии внутрь олтаря, и у священнейшия трапезы, во образ Троицы три, о них же и священный глаголет Дионисий, овая диакона, овая пресвитера, и овая епископа» (рукоп. хлуд. библиот. № 68, кн. 1-я, гл. 156-я) «во алтари хиротонисуемых (говорит далее он же), в *три* чины разделяемых: епископа, пресвитера, и диакона» (кн. 2-я, число 30, лист 322). Св. Златоуст говорит: «когда я исчисляю членов, то именую епископов, пресвитеров и диаконов» (на посл. Корин. зач. 152-е) Дионисий Александрийский говорит: «при церковническом священноначалии *тройческо* есть разделение» (о церк. иер. кн. 3, гл. 5-я, л. 250 об.) «таинственный священноначальник (т. е. епископов) чин... священников... и диаконов» (там же л. 262 –263 об.). О том же Дионисий и в книге о вере сказано: «Божественный Дионисий, во время св. апостолов бывый и апостола Павла ученик сый, все священноначалие церковное на диаконы, священники и епископы... разделял» (кн. о вере л. 64-й). Климент Римский говорит: «первосвященнику своё дано служение, священникам своё назначено место, и на левитов (диаконов) свои возложены должности» (Кор.) св. Ипполит в книге о дарованиях (число 1-е) говорит: «ни епископ да не превозносится пред диаконами или пресвитерами, ни пресвитеры – пред народом: потому что из тех и других состоит тело церкви». Климент Александрийский говорит: «существующие в церкви степени епископов, пресвитеров и диаконов, по моему мнению, суть подобия Ангельского чина». Думаю, что и приведённых свидетельств достаточно для того, чтобы вы видели, что иерархия в церкви должна быть именно трёхчинная. В таком виде она существовала и во времена апостолов, что и вызвало св. Игнатия Богоносца сказать: «епископ председательствует на место Бога, пресвитеры занимают место собора апостолов, и диаконам, сладчайшим мне, служение Иисуса Христа» (пис. муж. апост. изд. П. Преображенского, рус. пер. М. 1868 г. стр. 1389-я).

Но достаточно на настоящий раз! Кто из вас, други мои, захочет беспристрастно отнестись к нашей беседе, тот сознается, что мы достаточно выяснили признаки вселенской церкви; выяснили, что церковь, созданная Господом нашим Иисусом Христом, есть общество

православных христиан, управляемых трёхчинной иерархией и вечно содержащих семь таинств; что эта иерархия непрерывно, преемственно должна существовать в церкви от апостолов до кончины мира т. е. вечно.

Где же эта вселенская церковь? Эта вселенская церковь без сомнения есть греко-российская восточная православная церковь, ибо к ней одной могут быть приложимы объяснённые признаки. В ней непрерывно, преемственно существует трёхчинная иерархия, в ней непрерывно по сие время совершаются все семь таинств, в ней добавлю – «по смерти тело нетленно богоугодников пребывает, вонями благоуханными благоухает, и чудотворят кости мертвые» (Кир. кн. л. 505). Поезжайте в Чернигов и расспросите, сколько чудес было от мощей новоявленного чудотворца Феодосия, сколько старообрядцев, удостоившихся видеть мощи св. угодника, навсегда оставили раскол и присоединились к православной церкви! Да, други, греко-российская восточная церковь есть истинная вселенская церковь, вне которой невозможно получить спасения. Поэтому, нельзя не пожалеть о тех, кои, смежив очи, не хотят видеть истины и блуждают вне ограды церковной, во тьме раскола. Говоря о них, невольно вспоминаются слова Мелетия в книге Кирилловой (л. 483 об.): «Иже оставиша свой сан и чин и отступиша восточныя церкви, в ней же окрещени быша, в нейже воспитани, в нейже научени, в нейже рукоположени, оле неразумия и клятвы, оле дерзости, еюже на свою мать, матерний недостойнии чада дерзнуша, тии убо аще пребудут во отступлении, да будут не только низложени священническаго или святительскаго чина, но и отлучени, и не прощени, и вне церкви Христовы и сами они и последующий им».

Свящ. В. Черкесов

Миссионерство, секты и раскол. (Хроника) //
Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 592–618

Кальнев М. Состояние сектантства и борьба с ним в Херсонской епархии в 1899 году. С. 592–605

Штундисты. Распространение атеистических и социальных воззрений среди сектантов. Нравственная жизнь сектантов. Усиление пропаганды. Оправдательные приговоры и запись браков штундовых. *Хлысты* и штундисты. *Пашковцы.* *Скопцы.* Миссия среди сектантов и её результаты.

В данное время в Херсонской епархии существуют следующие виды сектантства: штундисты, хлысты, штундо-хлысты и скопцы. В минувшем году официально констатирован факт существования и секты штундо-пашковцев. Штундистов в епархии около 5300 с лишним, штундо-хлыстов около 120, хлыстов около 600 и скопцов до 30 человек. Что касается обнаруженных в г. Николаеве пашковцев, то их число пока не велико: всего 8 душ. Таким образом, общее число сектантов в Херсонской епархии более 6 тысяч.

Общее религиозное состояние штундистов Херсонской губ. определяется их отношением к источникам христианского вероучения – к св. Писанию и св. Преданию: от совершенного их отрицания или произвольного толкования зависят все явления религиозной жизни сектантов. „Религиозные убеждения штундистов, пишет в своём отчёте мис. о. Делинский, никаких положительных качеств не имеют; в пылу безотчётного протеста против православной церкви они усвоили крайний дух отрицания не только внешней, обрядовой стороны Православия, что апостол Павел называет в христианском культе „чином и благообразием“, но и внутренней, догматической, имеющей несомненные доказательства в слове Божиим. Благодаря этому, они постепенно дошли до состояния религиозного индифферентизма, для которого никакие доводы св. Писания не убедительны: для них оно потеряло авторитет божественного Откровения”. Действительно, как печальный результат отрицательного отношения к авторитету св. Писания, среди херсонских штундистов в последние годы всё чаще и чаще замечаются случаи проявлений *чисто атеистических идей*.

„Я бью себя словом Божиим, говорит на беседе штундист, с. Сухого-Еланца, Черный, мучаю своё сердце, но вижу, что Библия баламутит”. По заявлению православного жителя родины штунды, д. Основы, М. Котольваса. некоторые из местных штундистов отрицают Божество Иисуса Христа и Его воскресение из мёртвых. Как тяжёлый призрак встаёт предо мною воспоминание о моей беседе с штундистом дер. Торосовой Артемием Хмарским. На вопрос мой,

почему он оставил Православие, Хмарский спокойно ответил: „*потому что никакого Бога нет*. Все учёные говорят, что Бога нет, да и я так думаю, ибо кто Его видел?” Окончив увещание Хмарскому, я спросил его, неужели он не боится гнева Божия, не страшится суда и вечных мук?

– *Нисколько*, отвечает, улыбаясь, сектант; хочу в пекло, бо там тепло.

Вот к какому ожесточению души приводит штунда своих последователей!

Усвоенный штундистами протестантский принцип свободного толкования св. Писания служит главной причиной появления среди них всевозможных, до крайности противоположных, религиозных мнений и толков, вносящих иногда в их среду ожесточённые споры, разногласия и даже разделения. Штундисты некоторых мест в последнее время пытаются изъяснить св. Писание в аллегорическом смысле; есть некоторое основание видеть в этом влияние на их учение хлыстов. Штундист д. Ново-Владимировки П. Грубый толкует всё св. Писание „духовно”. „В своих толкованиях, говорит о нём мис. о. Бартовский, Грубый доходит до таких курьёзов, что иногда сам не может удержаться от смеха”.

По словам мис. о. Соколовского, к концу отчётного года в среде штундистов с. Петроострова уже ясно обозначились две враждебные друг другу партии. Одна партия, во главе с „пресвитером” Меркурием, осталась при прежних религиозных убеждениях, другая же, во главе с К. Магаром, образовала толк, так называемой, духовной штунды, или младо-штундизма, отвергая штундовые обряды, крещения водой взрослых, преломления и брака. Явление это, можно считать очень знаменательным, свидетельствующим о постепенном ещё большем уклонении штундистов от догматов веры Православной. Но самым важным вопросом, взволновавшим в минувшем году жизнь штундистов почти всей Херсонской губернии, является вопрос о праздновании седьмого дня.

Впервые этот вопрос был возбуждён ещё в 1897 г. некоторыми штундистами г. Новомиргорода с чисто материальными, житейскими целями. Более всего кичась перед православными святым хранением воскресного дня, когда во многих местах устраиваются, к соблазну православного люда, базары, сектанты, преимущественно занимающиеся торговлей и промыслами, не могли в тоже время не видеть, что, не ездя на базары, они много теряют в материальном отношении, почему стали проводить учение об обязательном праздновании субботы, а не воскресного дня, празднуемого по

Преданию Церкви. Пример новомиргородских штундистов нашёл, впрочем, на первых порах очень мало подражателей. По в последние два года, и в особенности в минувшем году, под влиянием обильно распространяемых у нас из заграницы на русском языке листиков Гамбургского Трактатного Общества о праздновании субботы и усиленной о том же пропаганды наезжающих в Херсонскую губернию штундистов из Кавказа, где так много жидовствующих, и Киевской губернии, где, как слышно, возник у сектантов тот же вопрос, в некоторых местах Херсонской епархии штундисты стали праздновать субботу, подняв этим целую бурю разногласий и споров в своей общине, внёсших по местам и разделение среди её членов.

Вопрос о субботнем дне волнует теперь до десяти пунктов, заражённых штундизмом. Не желая нарушить единства веры и общения, штундисты, склонные чтить субботу, празднуют и субботу, и воскресенье; другие, боясь ошибиться в этом деле, не празднуют ни того, ни другого дня. Вообще смута среди штундистов из-за вопроса о праздновании седьмого дня ожидается большая не только в Херсонской, но и во многих других, заражённых этим учением, епархиях. В настоящей своей статье я желал бы особенно подчеркнуть это явление в религиозной жизни штундистов, чтобы вовремя обратить на него должное внимание пастырей и миссионеров, так как, с одной стороны, это новшество ещё дальше удаляет от Православия русских сектантов, сближая их с евреями, с другой, – пользуясь указанными религиозными смутами, миссионеры и пастыри могут извлечь для миссии несомненную пользу: видя новые заблуждения в своей общине, более благоразумные из штундистов уже теперь стали задумываться над своим ложным положением. Говоря о спорах из-за субботы, возникших у штундистов с. Петроострова, о. Соколовский замечает: „при виде таких несогласий между главарями секты, часть рядовой штундовой братии охладела к новой вере, более добросовестные примкнули к Православию”. Подобное желательное явление, по моему мнению, ожидается и в других местах, где вопрос о субботе волнует сектантов.

Но вышеуказанное религиозное состояние Херсонской штунды является не только результатом отрицательного отношения к авторитету божественного Откровения, – оно есть в значительной степени прямое следствие грубого *материалистического направления* в жизни сектантов. Штундист Нового Буга Илларион Баранец, три раза успевший побывать в Америке, с особенным удовольствием замечает, что там, за океаном, „люди без веры живут, и благоденствуют”. Жена штундиста д. Натальевки М. Лещенко на беседе миссионера о.

Суржаненко прямо заявила: „вы хотите, чтобы мы снова поступили в вашу веру? Нет, этого не будет! Заграницей всё лучше: откуда немцы толстые и богатые? откуда хорошие плуги, косы, серпы? всё из заграницы; значит, там и вера лучше“. Сектант Шулетицкий заявил на беседе мис. о. Бортовского, что для спасения достаточно верить только в бытие Божие и стараться не делать злого. „Все же установления и обряды, говорил он, есть ни больше ни меньше, как выдумка попов для корысти. Что касается апостолов, установивших в церкви многое из того, что и теперь есть в Православии (таинства, обряды и проч.), то, к сожалению, и они, по словам Шулетицкого, хотя, по-видимому, были и хорошие люди, но, как пастыри, были не чужды корысти“.

Естественно, что вследствие крайнего материалистического направления штундистов самые излюбленные у них вопросы это – *вопросы чисто социальные...* „Что это за христианство у вас, кричит на беседе мис. о. Купневского штундист д. Фурмановки Полонский, что это за законы, когда у одного много, а у другого нет ничего! Бедных людей угнетают до того, что им работать не на чем: *земли не дают...* Разве это христианство? Помощи ни откуда нет, а одно только здырство²⁵⁶ со всех сторон. Вот мы помещику за 10 лет уже 60 тысяч уплатили арендных, а земля всё его, а не наша. Вот какова ваша Церковь!“

Но недовольство материальным положением у наших штундистов идёт дальше, оно ведёт их к *вопросам чисто политического характера*, – к вопросам, касающимся русского государственного строя. Так, штундист д. Новоселовки Маркел Лысенко, по словам мис. о. Соколовского, в личной с ним беседе стал доказывать *незаконность военной службы*, ссылаясь на слова пр. Исаии: „и перекуют мечи свои на орала и копья свои – на серпы: не поднимет народ на народ меча и не будет более учиться воевать“ (Ис.2:4). Один из штундистов – немец обратился к церковному старосте м. Распополя с таким предложением: „давайте, Иван Наумович, хлопотать, чтобы *наши сыны* составляли отдельное войско, дабы они не испортились от дурного влияния других солдат, служащих в *русской армии*“. Такое желание немца-штундиста, но русский штундист д. Основы **Н** выразил тому же Лабунскому следующее желание: „а хорошо было бы, если бы и *Государя*, как *сельских старост*, *выбирали на три года!*“ Вот каковы чаяния наших штундистов, у которых вместе с верой Православной вытравили немцы русское самосознание, любовь к Престолу русскому и родной стране!

Говоря о нравственной жизни штундистов, на основании личных наблюдений, отзывов миссионеров и священников, нахожу возможным сказать, что как раньше, так и в минувшем году *нравственный уровень штундистов был далеко не высок*. Справедливость, конечно, требует сказать, что трезвостью (часто, впрочем, показной) и братской взаимопомощью сектанты превосходят православных, напоминая этими сторонами своей жизни евреев с их кагалным устройством быта; и нужно заметить, что этими двумя положительными качествами штундисты не мало привлекают к себе сочувствие православных. Что же касается отрицательных качеств нравственной жизни штундистов, то в этом отношении сектанты далеко опередили православных: необыкновенное самомнение, грубость, своеволие, неповиновение властям, ханжество, лицемерие, вражда к православным – характеризуют штундистов всех мест епархии.

При указанном религиозно-нравственном состоянии штундизм, к сожалению, отличается необыкновенным стремлением к пропаганде своего лжеучения. В минувшем году пропаганда штунды особенно усилилась, благодаря оправдательным вердиктам судов, оставивших безнаказанными многие случаи пропаганды и кощунств со стороны сектантов. Известные кассационные решения Сената по делам штундистов продолжали волновать их умы и в минувшем году, возбуждая в сектантах дух самоуверенности и нахальства в пропаганде своего лжеучения, благодаря чему произошли совращения в 10 пунктах епархии. Много подняло у нас дух сектантов правительственное распоряжение о записи штундистских браков. Позволю привести целиком донесение об этом священника, говорящего о положении сектантов на родине всей русской штунды, в д. Основе сильно заражённого Распопольского прихода.

„Относительно внутренней жизни штундистов надо сказать, пишет о. Швачко, что в истекшем 1899 году они значительно было присмирели в особенности потому, что им не позволяли устраивать собрания, это сильно подрывало их самонадеянность; видно было, что они как будто притомились вести открытую борьбу с православными. Но вот после такого затишья получается циркуляр Министра Внутренних Дел о записи браков штундистов в особые книги при сельских и волостных правлениях, и штундисты совершенно изменили свою тактику, начав нахально и дерзко вести себя по отношению к православным. Многие из них с нескрываемой радостью говорили: „мы этого ждали 15 лет, вот и получили“. Теперь они не без основания питают надежду, что им разрешат и публичные богомоления. Православные, видя торжество штунды, невольно смущаются: раз

правительство ей покровительствует, значит, она – дело не худое. Не надо забывать, замечает о. Швачко, что штундисты д. Основы составляют $\frac{2}{3}$ её населения и во всём имеют перевес, так что православным ничего иного не остаётся, как быть в единомыслии со штундой. Придётся в конце концов прийти к такому весьма печальному и малоутешительному заключению: штунда в этом районе должна усилиться: православные соблазняются не верой, которой у штундистов нет, а их социальной свободой, вернее – распущенностью”.

Отрадно однако засвидетельствовать тот факт, что во многих местах, благодаря усилиям миссии, соращения отошли в область преданий, хотя сочувствующих сектантскому лжеучению православных можно найти во многих приходах, особенно где штунда недавно появилась и не успела ещё показать себя тем, чем она есть на деле.

Признавая источником своего вероучения непосредственное внутреннее озарение Св. Духом, *местные хлысты* отрицательно относятся к источникам христианского вероучения – св. Писанию и св. Преданию, пользуясь ими лишь для защиты своего лжеучения или для обличения пороков православных; причём меньшинство сектантов отрицает указанные источники вероучения открыто, большинство – старается лицемерно показать свою принадлежность к Православию. Положительное учение херсонских хлыстов состоит в учении о перевоплощениях Божества, о даре пророчеств с их культом безумных радений, отрицательное – в отвержении всего вероучения православной Церкви с её иерархией и таинствами, в особенно настойчивом отрицании христианского брака и употребления в пищу мясного, а в некоторых местах – в отрицании самой загробной жизни.

„Что вы всё читаете из Евангелия, перебивают мнс. о. Делинского николаевские хлысты, оставьте его: оно имело значение, когда жили апостолы, а теперь кто живёт по Евангелию? Оно уже прошло, оно не нужно!“ Николаевский хлыст Евсеев на беседе мис. о. Маевского заявил: „Бог один, Ему не нужно храма, таинства причащения, нет и загробной жизни“. „Евсеев, пишет о. Маевский, отрицает событие распятия Спасителя на кресте. По его понятию никакого распятия не было. Голгофское распятие, о котором с такой подробностью повествует Евангелие, Евсеев толкует в том смысле, что Иисус Христос „распял свои грехи“; „умер“ означает – перестал грешить; „испустил дух“ – сделал последний грех. Воскресение и вознесение Иисуса Христа. Евсеев объясняет в таком же аллегорическом смысле, именно, – что Иисус Христос воскрес от греховной жизни и вознёсся в жизнь праведную. Ни св. креста, ни икон Евсеев не признаёт“. „Кто теперь верит, говорит Никольский хлыст Харченко, что будет загробная

жизнь? Все должны жить одним настоящим: нет будущего; живи воздержанно и умеренно, чтобы не страдать от болезней, никого не обижай, чтобы и тебя оставили в покое, – и ты получишь блаженство здесь, на земле, которым и будешь наслаждаться до гроба“.

В нравственном отношении наши херсонские хлысты стоят гораздо ниже штундистов: скрытность, лукавство, лицемерие, корыстолюбие, кулачество и поголовный разврат характеризуют хлыстов всех мест. Это, действительно, люди „сожжённые в своей совести“ (1Тим.4:2). Исполняя наружно все предписания Церкви, тайные хлысты позволяют себе самые кощунственные отношения к святыне, до кощунства над таинством св. Причащения. Так, напр., жена упомянутого Харченко выбросила в руку принятые ею от православного священника св. Тайны. Отвергая христианский брак и проповедуя супружеское воздержание, херсонские хлысты поголовно предаются разврату, проповедуя, так называемую, „духовную любовь“, доходящую до открытого незаконного сожительства, до мены жёнами и даже до свального греха. Фактов всех этих безобразий среди хлыстов так много, что их нечего и приводить.

Пропаганду своего лжеучения херсонские хлысты ведут очень искусно неуловимыми подпольными путями. И замечательно, что при всём сумасбродстве их учения и жизни пропаганда их имеет успех. По словам разъездного миссионера г. Белова, хлыст с. Полтавки Бортников проповедует о себе, как о Христе, обзаводится „богородицами“ и не без успеха сманивает в свою секту оставшихся без вожаков местных штундистов. С успехом же распространяет хлыстовщину среди штундистов с. Дымовки М. Музипский, совративший за несколько лет до 20 душ тамошних штундистов. Но из Православия, благодарение Богу, совращений в хлыстовщину в минувшем году не было: она увеличивалась лишь на счёт штундизма.

Большинство из совращённых хлыстами штундистов образуют новую смешанную секту, *штундо-хлыстов*, последователи которой, удерживая открыто всё отрицательное учение штундистов, привносят в него культ тайных хлыстовских радений с его пророками, пророчицами и проч. Относительно употребления хмельных напитков и мясной пищи штундо-хлысты пока расходятся: одни от всего этого воздерживаются, другие разрешают себе и то и другое. В смысле отрицательного отношения к Православию я считаю эту секту более других вредной: в ней нахальство пропаганды штундиста соединяется с лукавством и хитростью лживого хлыста. Пока штундо-хлысты существуют только в 10 местах епархии. В минувшем и одну совратилась в эту секту лишь одна женщина.

В минувшем году официально установлено существование в г. Николаеве секты *пашковцев*, которую занёс сюда из Севастополя, 3 года тому назад высланный оттуда за пропаганду, некто Голубев. „В первые два года его жизни в Николаеве, доносит мис. о. Маевский, было слышно, что Голубев пропагандирует свою секту и что он пропагандист до фанатизма; эти два года были сеянием его сектантского лжеучения; в минувшем же году показались молодые, весьма жизненные, побегі его сектантского лжеучения: всего совращено им 7 душ“.

Пашковцы г. Николаева, подобно всем сектантам-неофитам, отличаются необыкновенным фанатизмом и грубостью, что можно сказать особенно о Голубеве. Некоторые из них уже успели побывать и в Петербурге с целью посмотреть, как живёт там „братство Пашкова“, и утвердить себя в новой вере. Сметанин, первый последователь Голубева, прожил с этой целью в Петербурге целый год. Вообще николаевские пашковцы завязали самые живые сношения с петербургскими, от которых они получили венского издания библии, стенные таблицы с выдержками мест св. Писания „об оправдании верой“; оттуда же, без сомнения, из Петербурга они получают и соответствующие целям секты инструкции от её вожаков.

В минувшем году совратилось из Православия в пашковщину 3 души.

Определённые сведения о *скопцах* получены только из двух приходов епархии: из с. Слободзеи, где их 5 мужчин, и из Злынки, где их 6 мужчин и 6 женщин. По слухам, скопцы находятся ещё в с. Арнаутовке, в Николаеве, Херсоне и Одессе. Во всяком случае общее их количество в Херсонской епархии не превышает 30 душ. Пропанды наши скопцы не ведут, держат себя по православному: исполняют все обряды церковные, посещают храм Божий, принимают св. Тайны ежегодно. Но, конечно, состояние этой тайной секты требует более тщательного изучения и наблюдения, что составляет долг прежде всего приходских пастырей.

В каком же состоянии находилась миссия среди сектантов и каковы её результаты за отчётный год?

Борьба со всеми указанными видами сект в Херсонской губ. состояла в мерах, принятых к их ослаблению со стороны епархиальной власти, в противо-сектантской деятельности миссионеров и таковой же деятельности пастырей заражённых приходов.

В виду усилившегося брожения религиозной мысли в г. Николаеве, где существуют все виды сектантства, встречающегося в Херсонской губернии, созванный в сентябре минувшего года епархиальный

миссионерский съезд постановил просить епархиальное начальство открыть особую должность миссионера для г. Николаева и Николаевского благочиния, чтобы этим установить возможность следить на месте в Николаеве за движением сектантства и в особенности за пропагандой многочисленной в городе тайной секты хлыстов. Должность эта открыта.

Благочиннический миссионерский съезд в г. Николаеве возбудил в минувшем году ходатайство о распространении отлучения от св. причастия явных и нераскаянных хлыстов с. Арнаутовки на таковых же хлыстов г. Николаева. Тот же епархиальный миссионерский съезд счёл необходимым ходатайствовать перед преосв. Иустином о распространении этой дисциплинарной меры на явных и нераскаянных хлыстов всей епархии, каковое ходатайство удовлетворено. Эта мера, без сомнения, образумит многих. окончательно не погрязших в хлыстовщине, и предостережёт от увлечения ею нетвёрдых в вере православных.

Должно также упомянуть об утверждённом преосв. Иустином постановлении съезда миссионеров, признавших весьма полезным проектированное мною издание именных икон для снабжения ими крещаемых детей и школьников. Дело это, предпринятое Ильинским Афонским, что в Одессе, Подворьем, уже близко к осуществлению и при поддержке приходских пастырей, может оказать в будущем значительное религиозно-воспитательное влияние на молодое подрастающее поколение, в смысле сближения его с церковью²⁵⁷.

Говоря о специальной миссии среди сектантов, я должен сказать, что, хотя в минувшем году она встречала множество препятствий, но велась энергичнее, чем прежде. За год проведено миссионерами 367 бесед.

Кроме бесед с сектантами миссионеры руководили благочинническими миссионерскими съездами, внёсшими некоторое оживление в приходскую миссию, и во время поездок произносили соответствующие времени и обстоятельствам поучения в храмах.

К концу отчётного года, по моей инициативе, предпринято, при участии местных миссионеров и приходских священников, издание книжек и листов противосектантского содержания, что даст возможность распространить среди православных и сектантов Херсонской епархии такие именно листки и брошюры, какие по своему содержанию более всего могут соответствовать нуждам и запросам местной миссии.

Кроме миссионеров в минувшем году принимали деятельное участие в противосектантской миссии и некоторые из приходских,

исключительно сельских, пастырей: по городам священники не только не ведут бесед с сектантами, но и не знают их, несмотря на то, что именно города служат административными центрами сектантства. Отрадно сказать, что число пастырей, сознающих необходимость вести борьбу с сектантством с каждым годом всё больше увеличивается. В минувшем году мы видим в селе Глудосах достойный подражания пример коллективного участия в борьбе с сектантами священников и учителей церковных школ, выражающийся в регулярных по праздничным и воскресным дням беседах с заблудшими. Пока положительных результатов приходской миссии в Глудосах нет, но на успех её в будущем можно вполне надеяться, если только у участников этого доброго дела не охладее рвение к нему; говорю, если не охладее рвение, потому что в некоторых местах подобное явление замечалось: появлялось или усиливалось в известном приходе сектантство, и священники, при поддержке миссионеров, дружно брались за борьбу с ним, – открывали религиозные чтения для народа, вели беседы с самими сектантами, усиливали церковную проповедь; но, достигнув некоторого успокоения прихода, всё это прекращали, забывая, что враги православия не дремлют. Приведу пример, из которого будет видно, как вообще опасно бросать начатое дело религиозного просвещения народа.

„В с. Еланце, сообщает мис. о. Бортовский, открытых штундистов нет, но брожение в пользу штунды замечается значительное. Лет несколько тому назад в Еланце местными священниками были заведены по домам крестьян частные собеседования по вопросам веры и нравственности. На этих беседах обыкновенно распевались „жажды“ иеромон. Владимира Мусатова, что и привлекало массу слушателей. Но через год священники стали ослабевать в своих стремлениях к просвещению прихожан, наконец, и совсем прекратили собеседования. Между тем народ привык к ним и продолжал собираться, но уже без священников. Всегда находился какой-нибудь грамотей, который с большим удовольствием читал всё, что только попадалось под руку. Скоро на таких собеседованиях появился хлыст Марк Бондаренко, с библией в руках он стал предлагать лучше заниматься чтением её, чем всяких книжонок, часто сомнительного содержания. Народ набросился на библию; стали читать и толковать прочитанное. Марк под шумок стал пропагандировать своё лжеучение и, если не приобрёл пока последователей, то в душах многих поселил разного рода сомнения. О деятельности Марка узнало, хотя не скоро, и духовенство. Марка застали на одном из собраний; он скрылся, но посеянное им зло пустило глубокие корни. Впрочем, Марк не навсегда

оставил Еланец, время от времени он появляется и, устроив собрание, опять исчезает. Священники, чтобы отвлечь народ от самочинных собраний, объявили, что они каждый воскресный день будут устраивать собеседования в двух разных концах села, но собеседования эти вскоре должны были прекратиться по самой простой причине: на них почти никто не являлся. Между тем, вкусив сладость самочинных сборищ, народ продолжал, да и доньше продолжает, их устраивать, при этом сборища устраиваются со всеми предосторожностями, чтобы не накрыла полиция или батюшка. На собраниях читается и по-своему толкуется св. Писание, вследствие чего в народе появилась масса недоуменных вопросов, за разрешением которых одни из прихожан, не потерявшие ещё доверия к духовенству, обращаются к священникам, а другие – к Марку Бондаренко или к штундисту Таганову и им подобным“.

При чтении этого донесения окружного миссионера невольно приходят на память слова приснопамятного Иннокентия, арх. Херсонского, сказавшего как-то: „у нас, у русских, нет тягучести“. Действительно, у нас нет постоянно ровного, всегда настойчивого отношения к начатому нами делу: оно нам скоро надоедает, скоро утомляет нас. А если где, то в деле миссии эта „тягучесть“ особенно нужна, вследствие огромного разнообразия причин и средств совращения в сектантство; почему и дело приходской миссии только там будет иметь успех, где пастырь, начав это дело, никогда не оставит его, а будет всегда помнить о нём и продолжать его, видоизменяя лишь, сообразно религиозным потребностям и условиям приходской жизни, способны миссионерского воздействия на пасомых и сектантов.

Каковы же общие результаты противо-сектантской миссии в Херсонской епархии за 1899 год? Результаты, как сейчас увидим, довольно утешительные.

Прежде всего обращает на себя внимание следующее: в то время как в 1898 г. обнаружено было 9 вновь заражённых сектантством мест, в 1899 г. – только одно. Уже одно это обстоятельство говорит о значительном успехе нашей миссии в минувшем году. Далее, если в 1898 г. совратилось в сектантство 96 душ, то в минувшем – только 42. т. е. вдвое меньше. В частности, совратилось в штунду 38 душ, в пашковщину – 3 и в штундо-хлыстовство – одна женщина. Наконец, число присоединений в минувшем году не меньше, чем в 1898 г.; в последнем присоединилось к православию 126. а в минувшем – 127 душ, именно: штундистов – 118, хлыстов – 8 и один штундо-хлыст. Таким образом, если в 1898 г. число присоединённых превышало число совращённых только на 33 человека, то в минувшем – на 75, т.

е. общий результат миссии в минувшем году во всех отношениях вдвое лучше, чем в 1898 году.

Но в наступившем году после затишья ожидается большая буря: предвидится тяжёлая борьба со штундой. Со всех сторон епархии мною получаются тревожные известия о необыкновенном брожении духа среди сектантов, домогающихся на судах свободы своих собраний и взявшихся открыто за самую смелую повсюду пропаганду своего лжеучения. К несчастью, подобные явления не единичны, а охватили почти всю епархию и проявляются с особенной силой в самых старых центрах штунды, каковы, напр., Основа, Любомирка, Елисаветград, Музыкины хутора и др. В Любомирке, напр., на днях привлекаются за собрания и пропаганду разом до 80 человек, такие же дела имеют рассматриваться в Тираспольском уезде, в Елисаветграде, Херсоне и Николаеве. Словом, повсюду началось сильное нежелательное религиозное брожение сектантов, надежда на подавление которого и предохранение от его губительного влияния на православных возлагается на усиленную деятельность миссионеров и пастырей заражённых приходов.

Херсонский епархиальный миссионер *М. Кальнев*

Собор раскольников лже-архиереев на Кавказе. – Дьячок – литератор-обличитель. – Изгнание писателя из Москвы. – Торговля беглыми попами. – Упившийся настоятель раскольниковой моленной. – Бездна безобразников и нарушителей законов. – Петербургские дела. – История с дьяконами и несправедливость лже-архиерея. – Война раскольников купчих. – Раскольниковы совещания по поводу газетных слухов и постановления о служении просительных молебствий об избавлении от никонианских зол. – Новый лже-епископ Самарский Порфирий.

Как уже сообщалось на страницах „Миссионерского Обозрения“, в конце истекшего года лже-архиепископ старообрядческий Картушин предпринимал поездку по различным местностям, заселённым раскольниками и между прочим посетил Кавказ. Как теперь оказалось, там, на берегах Терека, состоялся даже „собрание раскольников лже-архиереев“, который был как бы подготовительным к великому собору старообрядческих лже-иерархов, предполагаемому в непродолжительном времени (весной 1900 г.) в Царствующем граде Москве.

На Кавказском соборе, кроме „Господина архиепископа; Московского и всея России“ Иоанна Картушина, присутствовали: вновь назначенный лже-епископом Нижегородским, небезызвестный апологет раскола Анисим Васильевич Швецов, под именем „епископа Арсения“, Феодосий Закавказский, Сильвестр Балтский, известный ученик Швецова Усов, отставной Савватиевский секретарь, а ныне раскольниковый миссионер Климент Афиногенович Перетрухин, местные попечители, попы и проч.

Где Швецов, там уж, конечно, не обойдётся без разговоров об изданиях раскольниковых сочинений, составляющих главную статью его дохода – а потому и понятно, что на соборе не мало толковали о необходимости распространения апологетических сочинений раскольниковых писателей и об учреждении книгонош.

Должное внимание было обращено и на необходимость, в видах поднятия в простом народе престижа раскольниковых архиереев, – обставлять их служения возможно торжественнее, со всеми прерогативами и преимуществами, архиерея: орлецами, дикириями и трикириями, двусвечниками и проч. и проч. Поводом к таким разговорам послужили жалобы на раскольниковых архиереев: Иону

Смоленского и Сильвестра Балтского, которые через чур уж „просто“ служат. В особенности первый; саном лже-архиерея он награждён почти уже два года, а всего один раз даже митру при служении у себя в епархии надевал.

– Хорошо тебе рассуждать, возражал Иона Картушину, когда тебя в Москве никто не притесняет, а я как митру надену у себя, когда урядник так и глядит как бы изловить меня? Уж самому-то мне как хочется „по архиерейски-то послужить; из-за того я к тебе и в Москву часто езжу, что очень уж у тебя там вольготно, архиерею ото всех полное почтение и уважение“...

В последнем, скажем от себя, лже-архиерей Иона весьма заблуждается: уважение к своему лже-архиерею в Москве у раскольников весьма сомнительное; даже подчинённые ему попы в своих разговорах называют его не только не по архиерейскому имени Иоанном, а и мирское то его имя Иустина переделали просто в „Устю“.

По приезде Картушина в Москву, после великих и важных соборных дел, ему снова пришлось заняться рассмотрением текущих дел московского раскольниковьего духовенства, полных по обыкновению всяких дрызг и сплетен... А таковых, оказалось, накопилось не мало.

Прежде всего нужно было решить запутанное дело попа Преображенской моленной Исаака, поводом к которому послужило следующее, не лишённое курьёзности, обстоятельство.

Один из дьячков местной моленной И. С. Пучков, давно уже имевший зуб на своего настоятеля за его безобразия, решил, наконец, воспользоваться своими литературными способностями, чтобы вывести наружу все некрасивые деяния попа Исаака. Много ли, мало ли трудился над своим произведением дьячок Пучков, но только в результате его трудов оказалась довольно объёмистая тетрадка с описанием подвигов попа Исаака за последние три года. И каких только чудес не рассказал дьячок Пучков про своего настоятеля! просто верить отказываешься. По словам Преображенского писателя, поп Исаак совсем игнорирует своих бедных прихожан и правит требы только у тех, кто хорошо платит, а у бедных нередко отказывается даже крестить младенцев, и были случаи, что так некрещёные младенцы и помирали; сколько раз поп Исаак в нетрезвом виде служил всенощные, я подчас, начавши службу, от опьянения не мог её докончить; много и других грязных деяний рассказывает Преображенский дьячок о своём попе.

Своё сочинение Пучков преподнёс сперва господам попечителям Преображенской моленной с г. Трофимовым во главе; но так как гг. попечители сами компанию с батюшкой „Исакием“ водили, то из

дьячковского доноса ничего и не вышло. Но Иван Степанович (так зовут Пучкова) не протонулся и, забрав у попечителей своё произведение, представил его на благоусмотрение самого „владыки Усти“. Картушин в награду за разоблачения перевёл было Пучкова в Апухтинскую моленную, но все московские попы возмутились его доносом и потребовали суда над ним. Дело в том, что дьячок Пучков уже не первый раз пользуется доносами, чтобы выставить себя в глазах лже-архиерея. Ещё в 1892 году он насплетничал на попа Авива, что тот якобы рассказывает „всю раскольничью подноготную Никонианским писакам“, и Савватий за такое раскрытие дал ему место в Преображенской моленной. Но теперь Пучкову не повезло. По поводу его поступка состоялось заседание попов на Рижском кладбище, на котором принимал участие и Картушин. Было решено удалить сплетника Пучкова из Москвы и дать ему место в Киеве, где он, как человек книжный, может быть полезен в деле распространения раскольничьих сочинений...

На место Пучкова в Преображенскую моленную Картушин распорядился перевести с Апухтинки дьякона Мельгунова. Хотя и не очень такая мена пришлась по нутру попу Исааку, так как теперь вместо дьячковской доли ему придётся дьяконскую выделить из своего дохода, но грешки, раскрытые Пучковым, заставили его смириться, а то ведь, пожалуй, и под запрещение попадёшь. Дьячок же Пучков, хотя и пострадал за свои литературные занятия, по большинство прихожан Преображенской моленной очень ему благодарны, что он раскрыл глаза раскольничьего лже-архиерея на мелочного и пустого попа Исаака, который до сих пор так важничал своими цветными рясами с шёлковыми отворотами, хотя каждый из прихожан знал, что по паспорту их настоятель значится не больше ни меньше, как запасным рядовым. Известна всем и шаткость его убеждений. Сперва он был беглопоповцем, где приобрёл себе некоторую известность умением доставать для беглопоповцев беглых монахов. Сам Исаак тогда служил простым дьячком в Городце (близ Нижнего Новгорода); когда дела его по продаже беглых попов сделались плохи, он перешёл в Австрийщину, за что Савватий сделал его попом у себя на Апухтинском подворье; но в виду склонности его к алкоголизму и безобразного поведения, чтобы избавиться от него, дал место в Преображенской моленной, где Исаак безобразничает и до днесь.

Не отстают от Преображенского Исаака в безобразиях и другие раскольничьи попы. Так, несколько времени тому назад, в Москву приехал за „миром“ к Картушину раскольничий настоятель окружнической моленной – церкви в деревне Климово, Бронницкого

уезда. Явившись к своему владыке и получив у него „миро“, поп Савва, так звали нашего героя, зашёл к своим приятелям „попрощаться“ перед отъездом. Памятуя, что „вино веселит сердце человека“, поп Савва несколько не соразмерил, запасаясь этим веселием, так что приятели в видах предосторожности проводили попа на вокзал и усадили его в вагон. Здесь „упившегося“ лже-попа разобрало ещё более, и едва тронулся поезд, он начал приставать к пассажирам. Пришлось просить кондуктора унять неугомонного Савву, но это его ещё более раззудило, и он начал браниться не по печатному. Попросили обер-кондуктора. „Кто вы такой будете“? задал обер-кондуктор вопрос буяну.

– Разве не видишь? – священник, отвечал лже-поп Савва.

– Откуда?

– А тебе на что? Я тебя не спрашиваю и ты ко мне не приставай, произнёс Климовский „настоятель“ и снова принялся безобразничать.

Обер-кондуктор пригрозил, что может высадить буяна на ближайшей станции с жандармом, но полагая, что это иерей православный, заметил ему, что не желал бы к унижению духовного лица делать скандал. Тут Савва откровенно признался, что он поп старообрядческий; обер-кондуктор махнул рукой, ушёл, а Савва всё продолжал буянить до тех пор, пока наконец совсем не свалился, так что по прибытии на станцию „Воскресенск“, где ему надлежало слезать, был буквально вынесен из вагона на руках. Домой поп явился без „мира“ и без других каких-то принадлежностей богослужения, которые все растерял где-то дорогой. Картушин подверг до суда соборного попа Савву временному запрещению, к великому горю его прихожан, которым теперь не к кому и на „дух“ идти.

Корреспондент, сообщивший нам этот вполне достоверный факт, задаётся вопросом, почему раскольничьим безобразникам всё сходится с рук, а они ещё так любят себя выставлять гонимыми и притесняемыми?

Почему, пишет корреспондент, поп Савва безнаказанно доехал до станции „Воскресенск“, конечного пункта своего путешествия, хотя в нетрезвом виде сел ещё в Москве и буянил в вагоне всю дорогу – восемьдесят слишком вёрст? – Его спасло то обстоятельство, что он, не взирая на известные законы, носил одежду, исключительно присвоенную духовным лицам православной Церкви и волосы имел настолько длинные, что по внешнему виду казался священником и не одним старообрядцем. Значит, выручила его та дерзость, безнаказанная смелость, с какой раскольничьи попы обходят законы, запрещающие им оказательство их мнимого сана...

„Неужели, говорится далее в корреспонденции, подобное поведение учителей и наставников раскола, не заставляет задуматься старообрядцев и лиц им сочувствующих в истинности их древнего якобы благочестия, в котором, как учат вожаки раскола, спаслись и просияли русские чудотворцы? „По делам их познаете их“, сказал Господь, а дела, подобные деяниям лже-попа Саввы, не показывают ли ясно, что кроме грубого обмана и лицемерного ханжества в обществе старообрядцев нет никакой истины, что в обществе их, ясно и очевидно для младенцев по вере, не сияет так любимое ими древнее благочестие“.

Так рассуждает наш простачок – корреспондент, и с ним нельзя в данном случае не согласиться. Другой факт, который мы сейчас приведём, не менее наглядно подтверждает, что строгое соблюдение старообрядцами устава церковного есть ложь и обман. Факт этот нам рассказывает другой наш корреспондент из села Безводного, Нижегородской губернии. Вот что он пишет.

У нас в Безводном произошёл недавно случай, возмущивший всё православное население, Безводинский богатый раскольник австрийского согласия С. Кренделев, строитель раскольников сита и вообще человек известный своей ревностью к „древнему благочестию“, женил своего шестнадцатилетнего сына, вопреки законам церковным, не позволяющим жениться ранее восемнадцатилетнего возраста. Но этого мало; – ревнитель раскола для того, чтобы женить своего юного сына, совратил в раскол православную девушку, за что, как слышно, уплатил её отцу 1000 рублей серебром. „Исправив“ таким образом невесту, Кренделев сыграл богатую свадьбу. Австрийский лже-поп в дорогом облачении венчал свадьбу в местной Безводинской моленной, при громадном стечении не только раскольников, но и православных, из которых многие были приглашены отцом жениха на сие велие торжество. Венчание происходило по всем правилам. Раскольниковый лже-поп надевал на „брачующихся венцы“, давал им пить красного вина из рюмочки, которую вслед затем тут же разбил молоточком. По окончании венчания новобрачные вместе с гостями на семи парах лошадей, разукрашенных бубенцами и колокольчиками, направились в дом С. В. Кренделева через всё село, где и состоялся „пир на весь мир“.

Православные обитатели села Безводного не мало удивляются той безнаказанной дерзости, с которой раскольники нарушают законы церковные, строгим исполнением которых они так любят кичиться, не стесняются ни духовного, ни светского начальства, публично совершая свои незаконные „требы“...

Желательно, заключает свой рассказ наш корреспондент, чтобы „власть имеющие“ посодействовали прекращению подобных „оказательств“ раскола, соблазняющих простой народ и нередких в нашем селе.

Мы с своей стороны заметим: интересно было бы знать, как посмотрит на противозаконное совершение брака австрийским попом глава нижегородских раскольников той секты, пресловутый ревнитель закона и церковных канонов Арсений Швецов?!

Пока раскольниковы попы творили все вышеуказанные беззакония, их лже-архиепископ Иустин Картушин продолжал заботиться о благоустройстве раскольниковых церковных дел. Петербургские старообрядцы не прекращают жалоб на дьякона с Громовского кладбища, который, как мы уже сообщали, занялся вовсе неподходящими для духовного лица делами: и покупкой, и продажей домов. Теперь петербургский дьякон свои „торговые“ дела ликвидировал и всё петербургское раскольниковое общество этим было удовлетворилось, но кладбищенские попечители обратились всё-таки к Картушину с просьбой прислать им нового дьякона. Раньше чем определить Апухтинского дьякона Мельгунова в Лебедевскую Преображенскую моленную на место литератора Пучкова (смотри выше), Картушин послал было его на пробу в Петербург: не понравится ли сей муж Громовским попечителям.

Вырвавшись после скучного апухтинского прозябания на простор, да ещё в столь великий, полный соблазнов всяческих город, как Петербург, наш Мельгунов так там закрутил, что, убоявшись показаться в столь приятном виде на глаза Громовских попечителей, сел в поезд да опять восвояси и махнул.

За такое легкомысленное поведение Картушин лишил Мельгунова „праздничного дохода“, т. е. не позволил ему служить во время Рождественских праздников, а в Петербург вместо него, неспросив никого, послал дьякона из Карникинской моленной. Попечители этой моленной были чрезвычайно удивлены таким распоряжением лже-владыки, и, не желая оставаться на праздниках без дьякона, в самый сочельник явились к Картушину с просьбой, чтобы он, если уж находит необходимым отослать их дьякона в Петербург, то пусть даст им на праздники другого кого-нибудь.

– Да где же я вам возьму дьякона, когда сейчас нет под рукою? – спросил Картушин.

– Как где? Прикажи, владыка, кому-нибудь из дьяконов Рогожского кладбища у нас на праздниках послужить.

– Нет уж извиняйте, кладбищенским дьяконам я приказывать не могу, там у них хозяева попечители, у них и просите.

Последние слова лже-архиерея Картушина весьма характерны: он хотя именуется „Господином всея России“, и фактически является начальником всего противозаконного раскольничьего духовенства в России, но всё же считается с мнением попечителей Рогожского кладбища и не решается вторгаться в область их управления.

Вот что значит сила-то золотого мешка!

Не менее характерен, хотя совсем с другой стороны, и следующий факт. На запустелом апухтинском подвории месяцев 8 проживал, и почти без всякого вознаграждения правил службу и требы, некий раскольничий поп из Смоленской епархии, по имени Пётр. Нёс он эту службу в надежде вознаградить себя доходами на Рождественских праздниках. Но не тут-то было. Картушин услал лже-попа Петра в город Богородск править службы в моленных известного поставщика раскольничьих лже-попов Арсентия Ивановича Морозова, с которого, как говорят, взятки гладки, а на место Петра на Апухтинку выписал из Гуслиц некоего попа Прохора, который и обобрал праздничный доход на Апухтинке.

Об такой несправедливости раскольничьего лже-архиепископа не мало было разговоров у раскольничьих попов.

Как мы видели выше, раскольники придают большое значение благолепию праздничных богослужений и для них праздник не в праздник, если служба справлена будет неблаголепно. Само собой понятно, что если из-за того, с дьяконом или без дьякона будет служба, столько шуму было, то уж и подавно из за вопроса, о том – у кого на праздники будет служить сам лже-владыка – чуть не целая война поднялась среди московских купчих-богачих раскольников.

Дело в том, что в день св. Василия Великого 1-го января (новый год в этот день старообрядцы, как известно не празднуют), Картушин служил у богатой раскольницы Ныrkовой, в Шелопутинском переулке, в Рогожской. Богатая купчиха очень хороно заплатила „владыке Усте“ в надежде, что он и на Богоявление будет у неё править службу с „орлецами“, „благословением, трехсвечниками и двухсвечниками“ и проч. Но коварный лже-владыка обманул её надежды, уехав на Богоявление служить к известной кирпичной заводчице Пелагее Ивановне Миловановой за Семёновскую заставу. Вот теперь у Ныrkовой с Миловановой и идёт война не менее жаркая, чем у буров с англичанами.

Во время Рождественских праздников для окончательного выяснения виновности Петербургского дьякона Григория Кабанова с

Громовского кладбища, о поступках которого мы говорили, Картушин командировал, в качестве следователей, попа Алексея Новикова из Каринкинской моленной и своего секретаря Алексея Батенкова. Следователи по своём возвращении представили лже-архиепископу обстоятельный доклад, из которого выяснилось, что Громовские попечители уж через чур преувеличивают вину Кабанова, из-за личного к нему нерасположения и, как слышно, Иустин Картушин скоро снимет совсем опалу с дьякона Григория Кабанова.

Всеми вышеизложенными событиями московские раскольники сильно заинтересовались, но ни одно из рассказанных происшествий не наделало в Москве такого переполоха, как то, о котором сейчас мы поведём речь.

Дело обстояло так:

В один прекрасный день, в январе месяце текущего года, московские раскольники прочитали во многих московских газетах, перепечатанное из петербургских, следующее сенсационное сообщение:

„По слухам, при Св. Синоде учреждается комиссия для разработки мероприятий, клонящихся к ограничению распространения старообрядчества, согласно выработанной программе миссионерского съезда в Казани.

Предполагается, между прочим, удалить Московского старообрядческого архиерея из пределов Москвы и воспретить ему именоваться Московским. Мера эта представляется необходимой, чтобы ослабить центр австрийского священства в Москве, так как старообрядчество австрийской иерархии признаётся вредным. Кроме того, проектируется передать Московское Рогожское кладбище старообрядцам беглопоповского толка и поставить открытие старообрядческих молелен в зависимость от разрешения Министра Внутренних Дел“.

Зашевелились, завозились московские раскольники, как муравьи в муравейнике. Начались собрания, заседания, толки, обсуждения, как быть, что предпринять и как беду миновать. Начались сборы в складчину денег на необходимые при хлопотах расходы. Выискались охотники и взять на себя наведение необходимых справок и хлопот на общественный счёт: оно ведь хорошо, не тратя своих денег пожить в своё удовольствие, а выйдет или не выйдет что из этого – там что Бог даст. Да и лестно такое доверие от общества: „я мол представитель всего московского старообрядчества! Вон как громко!“

Самые многочисленные заседания по данному вопросу происходили 16 и 24 января в конторе Рогожского кладбища. Здесь обсуждались

предварительные меры; для окончательного редактирования постановлений более влиятельные в расколе лица удалялись в квартиру кладбищенского попа Елисея.

Лже-владыка Иустин Картушин в результате этих совещаний издал следующее постановление: отслужить во всех московских старообрядческих моленных две торжественные службы с прошениями „о избавлении от грозящей от никониан опасности“ и „об отвращении сих слёз“ Первая из служб должна быть совершена Покрову Пресвятой Богородицы, а вторая св. Николаю Чудотворцу.

Постановление это было приказано держать в великой тайне, дабы не проведали о том никониане, вследствие чего не было рассылается обычных бумаг с постановлениями, а приказано было попам, присутствовавшим на совещание, передать это распоряжение устно, один другому.

Сам Картушин правил эти службы в Апухтинской моленной. Совершены были две службы и во всех остальных московских моленных, а в Михайловской моленной на Шаболовке, близ Данилова монастыря, где была совершена противозаконная хиротония Иустина Картушина во лже-епископа Московского, по его распоряжению вышеназванные моления производились ежедневно, что хоть и не очень-то понравилось местному попу Ивану, но ослушаться Картушина было нельзя, тем более, что поп Иван неоднократно пользовался денежными пособиями от своего лже-архиерея, который особенно благоволил к этой моленной в память своей здесь хиротонии.

Алексей В-ов

* * *

На место недавно умершего лже-епископа Самарского Алексея поставлен Картушиным и К° некто Порфирий. Вновь появившийся лже-епископ Порфирий – в мире мещанин Пётр Моничев. В молодости кузнец, на суконной фабрике купца Кубарева, отличавшийся своей умеренной жизнью, Он. по смерти своих родителей, удалился на жительство в раскольничий Черниговской губер. скит „Полосу“, где, приняв иночество, отдался чтению книг и неукоснительному посещению службы в монастырской часовне. За ревностно фарисейское его направление он был поставлен игуменом „Полосы“ и приобрёл любовное расположение к себе самого лже-епископа Сильвестра. При слабости старика Сильвестра, Порфирий всю власть по управлению монастырём незаметно забрал в свои руки, как хозяйственную, так и внутренне-распорядительную. По поручению Сильвестра он разъезжал в Москву и другие города, замещал его место на соборах в Москве при Швецове. Возвышение же его, надо

сказать, последовало после того, когда Швецов был арестован и содержался в Суражском остроге и затем был выпущен на поруки в Полосу. Находясь в „Полосе“ Швецов проживал с Порфирием в одной кельи, и здесь произошло их сближение. Ещё после первой поездки Порфирия в Москву, в качестве заместителя Сильвестра на соборе, Швецов наметил его в епископы, о чём носились слухи в Клинцах.

В начале 90 годов, когда были украдены деньги у Сильвестра (около 80 тысяч) и затем найдены, – многие раскольничьи заправилы – купцы Степунины, Гусевы, Санонсковы заподозрили Сильвестра в утаивании присылаемых в монастырь пожертвований. Данная же им властям подписка в том, что он – простой монах, а не лже-архиерей, ещё больше восстанавливала против него богачей – раскольников. Посыпались жалобы на него в Духовный Совет. Нет сомнения, что здесь действовал Порфирий с Мельниковыми. Надо сказать, что Сильвестр не благоволил к молодым Мельниковым за их развратный образ жизни, всем в Клинцах известный. На Сильвестра жаловались, что он не служит, дал подписку, что он не епископ, утаивает монастырские присылки, собрал капитал вопреки обету нестяжательности. По осени Порфирий секретно уехал в Москву и здесь будто бы собор назначил его епископом в Самару, а он, не имея права будто бы отказаться, подчинился соборному решению Картушина и принял хиротонию. Весть эта сильно поразила Сильвестра, он не допускал той мысли, чтобы Порфирий не знал раньше о назначении, и был уверен, что он от него скрывал. В сентябре месяце Порфирий вместо Самары явился в Клинцах. Теперь все недоброжелатели открыто заявили, что пора владыке Сильвестру на покой. С этой целью отправили депутацию в Москву, к Картушину. Надо сказать, что в Москве не особенно были довольны Сильвестром за отказ подписать акт уничтожения окружного послания. Он, как ученик покойного Ксеноса, никогда не решится уничтожить его, хотя прежде за такую стойкость многие и прочили ему по смерти Антония Москву.

Вражда против Сильвестра стала открытой. Так, 1 октября, на храмовом празднике, в одну из Клинцовских молелен прибыл Сильвестр для служения молебна и стал облачаться в алтаре; тогда стоящий на клиросе купец Степунин закричал ему через южные двери: „у нас теперь есть новый владыка Порфирий, а не ты; ты поезжай в Митьковку“, (он мещ. пос. Митьковка), так Сильвестр простоял всю службу в алтаре. В это время прибывший из Новозыбкова поп Е. Мельников подошёл взять благословение для служения у Сильвестра, но этот отказал, сказав: „поди, благословляйся у Степунина, к

которому ты приехал“. Несмотря на явную вражду к себе, Сильвестр заявил, что он на покой не пойдёт и что пусть Порфирий остаётся хорепископом у него. В виду такого заявления решено было Порфирия отправить в Самару. В конце декабря, после торжественных проводов, он выбыл из Полосы, взяв предварительно от Сильвестра будто бы своих 10 тысяч. Недавно он писал своим знакомым, что проживает в самой Самаре; хотя недалеко есть и монастырёк, но ему предоставлен в городе дом. Сильвестр же теперь успокоился, стал чаще совершать архиерейские службы.

Порфирий человек слепо преданный обрядности, читавший всё, что вышло в раскольничьей литературе. Для ведения бесед он совершенно не способен, хотя может привести на память целые страницы из книг в защиту свою. Он скорее человек монастыря, чем глава раскола.

Насколько сильно было его влияние на Сильвестра, говорит тот факт, что по его просьбе Сильвестр поставил попом коваля на фабрике прямо из кузницы, ничего не ведущего в грамоте, некоего Анатолия. Его в две недели сделали попом, так что следуемую ему с фабрики заработанную плату выдала контора его родственникам. С удалением Порфирия много ещё придется Сильвестру переносить от богачей Степуниных. Так, например, они назначили, у кого он может быть с крестом на праздниках, ограничили его поездки в Клинцы, заставляют жить больше в Полосе. Можно с уверенностью сказать, что если все эти невзгоды не пресекут его дни, то его всё-таки постараются выжить; а что Порфирию быть в Клинцах, в этом все уверены.

В Черниговском раскольничьем Стародубье много наделала шуму возмутительная выходка известного своими бесчинствами на беседах с православными миссионерами Фёдора Мельникова, редактора пресловутого раскольничьего листка „Слово Правды“, которого, во время оно защищал на суде г. Шарапов, редактор покойного Русского Труда.

Фёдор Мельников на первый день Рождества Христова, с подобными себе спутниками зашёл в единоверческую церковь св. Вонифатия в г. Новозыбкове, в конце всенощной. Забравшись самовольно на клирос и в то время, когда, стоявшие на правом клиросе певцы должны были петь „утверди Боже“ – Мельников неистово запел с своими сотоварищами: „утверди, Боже, веру христианскую, соблюди, Господи, *неблагочестивейшего* (т. е. православного) Царя Нашего Николая Александровича, спаси и помилуй господина, нашего *Преосвященнейшего Сильвестра*, епископа Черниговского и Балтского“, т. е. раскольничьего

окружнического лже-епископа. Кошунственная нахальная выходка всех присутствующих и ошеломила, и возмутила. В дело вникнула полиция, в лице нового Новозыбковского исправника, который сменил, известного по процессу с почтенным проф. Н. И. Субботиным, г. Фальковского, и не любил потворствовать самовластию раскольничьего мира. Тогда Мельников, видя, что дело плохо, бежал вновь в Румынию, где, по всей вероятности, опять продолжит издание ругательного, „Слова Правды“, которое, за выездом его в Россию, прекратило было своё существование... Но перед отъездом на городских столбах Новозыбкова ночью были расклеены афиши, написанные славянским полууставом такого содержания: „посреди нашего древле-благочестивого города надлежит поставить высокий столб и первым на нём повесить миссионера о. Р-на, а вторым – нового исправника“. Думают, что и эта новая скверная проделка того же Мельникова, раскольничьего миссионера – адвоката Швецовской школы.

Иван Чередников

**Дородницын А. Из мира инославия и из жизни
заграничного сектантства // Миссионерское обозрение.
1900 г. № 1–6. С. 619–627**

Католицизм в стране боэров („La Gazette“). – Новый проект генерала Бутса („Army of Salvation“). – Раздоры в среде мормонов Северной Америки („New-York Observer“).

В настоящее время очень много говорят и пишут о боэрах: газеты переполнены сообщениями о перипетиях войны, обагряющей кровью христиан Южную Африку. Много писалось о силе, о военной организации боэров, подробно описывалась местность, где происходят в настоящее время кровавые события, но при всём этом забывалась одна очень важная сторона в жизни боэров – их религия. Мы уверены, что читатели «Миссионерского Обозрения» не откажутся дополнить свои сведения о боэрах сведениями об их религиозной жизни.

Боэры представляют из себя племенную смесь, большую часть которой составляют голландцы, меньшую – французы. В XVII столетии они поселились в Капской Земле. Как ревностные последователи Кальвина, они изгнали из страны католиков-португальцев и объявили католическую религию нетерпимой в их стране. Такое положение вещей продолжалось до начала XIX столетия, когда англичане, вытеснив голландцев, утвердили в Капской Земле своё господство. Немедленно же англичанами были изданы строгие законы против торговли рабами. Значительное число голландцев, недовольных этими законами, которые лишали их очень многих выгод позорной торговли рабами, удалились на север от Капской Земли, под предводительством одного авантюриста-француза, по имени Ретифа (Retif), и утвердились в Земле Наталь. Тогда здесь царствовал Динган (Dingan), страшный вождь зулусов, надменный и воинственный, много раз обагрявший своё копье в крови европейцев. Дингану, слишком ревниво охранявшему свою власть, прибытие в пределы его владений боэров очень не понравилось. Однако он сделал притворный вид и оказал любезность посольству, которое послано было к нему голландцами. Он пригласил Ретифа и его товарищей посетить его крааль (деревню). Польщённые этим приглашением, Ретиф и его товарищи прибыли в крааль и с пышной торжественностью были приняты Динганом. Три дня продолжались торжества, которые разнообразились играми, плясками, военными упражнениями и т. д. Утром на четвёртый день новое торжество, превосходившее своим блеском предыдущие, в последний раз соединило голландцев и

зулусов. Ничего не подозревая, голландцы заняли, приготовленные для них, почётные места. Более 20 тысяч кафров окружили их кольцом. Начались игры; но вдруг, по знаку предводителя, водворилась глубокая тишина. Вслед за этим раздаётся воинственный крик предводителя, приказывавший рубить гостей. Зулусы, вооружённые копьями и кассетами, нападают на голландцев и безжалостно умерщвляют их. Опьянённые бешенством и кровью, зулусы устремляются на главный стан боэров; но предупреждённые вовремя, боэры победоносно отражают их. Кровно оскорблённые вероломным поступком зулусов, боэры переходят в наступление. Разбив в многократных схватках зулусов, боэры овладевают их страной.

Но не долго боэры наслаждались плодами своей победы; англичане, вытеснившие их из Капской Земли, изгнали их и из Наталя. Боэры удалились с Драконовых гор и поселились на обширной равнине, орошаемой р. Оранжевой. Здесь в 1836 г. они основали Оранжевую республику, а в 1853 г. республику Трансвааль.

Во время своих непрестанных странствований с одного места на другое боэры, однако, не потеряли преданности Библии и своим проповедникам. Они по-прежнему ненавидели католицизм и католиков. Долгое время в государстве боэров католики находились вне закона. Они не допускались к занятию каких-либо общественных должностей, не имели права голоса на общественных собраниях. Даже совершение богослужения по их обряду было им воспрещено. Со стороны боэров это было мстью за те преследования, которым подвергались со стороны католиков предки их в Голландии, и память о которых была жива в сознании боэров. Один вид католического священника вызывал в благочестивом боэре чувство презрения и раздражения, которые изливались в целом потоке ругательств... Рассказывают, что первое посещение католическим священником города Почерструмь (Potchestroom) вызвало необыкновенное волнение среди боэров. – «Несчастный, несчастный город, – кричал проповедник гугенотов: в тебя ниспал сатана!» Городской магистрат даже боялся за целостность республики: он пригласил несчастного священника в собрание, заставил прочесть в его присутствии законы страны, и под угрозой изгнания из республики, запретил священнику-миссионеру совершать богослужение.

Открытие богатых золотых приисков, последствием которого был сильный наплыв в страну боэров иностранцев разных национальностей, в значительной степени ослабило религиозный фанатизм боэров. Предубеждение против католиков постепенно

ослабевало по мере того, как в жизнь боэров стали проникать новые понятия и взгляды, принесённые из просвещённой Европы. Впрочем, отсюда далеко ещё было до полных симпатий боэров католичеству. Хорошо было уже и то, что католический священник находил гостеприимство там, где несколько лет тому назад его встречали презрение и ненависть. Несомненно, что такой счастливой перемене помогли католические школы, в которых охотно допускались и дети боэров. Узнав превосходство обучения и воспитания в католических школах, боэры начали предпочтительно отдавать в них своих детей, вступать в близкие сношения с учителями и учительницами, – и прежняя ненависть к католичеству, унаследованная от предков, естественно, стала ослабевать. В настоящее время католики имеют на юге Африки викариат в Натале, в Оранжевой республике и префектуру в Трансваале. Начало католической миссии в Натале относится к 1852 году, когда сюда прибыл отряд католических монахов во главе с г. Алляром (Allard). В начале своей деятельности миссионеры встретили сильное противодействие в лице языческих колдунов и правительственных лиц Англии: последние всегда, так сказать, становились поперёк дороги католическим миссионерам. Особенно много неприятных недоразумений породил вопрос о полигамии у зулусов. Англичане, всегда руководимые практическими расчётами, настаивали на том, чтобы оставить полигамию для туземцев, принимающих христианскую религию. Англиканский епископ, доктор Колензо, даже написал в защиту полигамии у зулусов-христиан особое сочинение. Католические миссионеры, конечно, не могли согласиться с такими практическими взглядами англичан, противоречившими основным христианским истинам; началась борьба, конец которой положило само время...

Успехам миссионеров в Натале, в настоящее время много помогают разные монашеские конгрегации, члены которых весьма преданы интересам миссии и оказывают миссионерам неоценимые услуги. Так, конгрегация Сестёр Св. Семейства («Les Soeurs de la Sainte Familles») имеет свои учреждения в Маритцбурге, и в Дурбане; монахини Доминиканского ордена имеют школы в Оксфорде, в Нью-Кестле и в Зулуланде; монахини Августинского ордена имеют подворья в Дурбане, Маритцбурге, в Экскорте и Ледисмите; в Дурбане «Назаретские сёстры» («Soeurs de Nasarett») имеют дом для призрения стариков и сирот. В скором времени в викариате имеет устроиться новая конгрегация «Дщерей Иисуса» («Filles de Iesus»). Викариат в Оранжевой республике и папская префектура в Трансваале возникли только в 1888 году. До этого времени здесь возможна была

только протестантская миссия, направляемая из Англии. По отзывам католических миссионеров протестантская миссия не имела здесь особенных успехов. Католические писатели любят указывать наследующий факт из этой области: Мозешь (Moses), король базутов (Basutos), в беседе с сыном главного протестантского пастора, заметил по адресу протестантов: «вы 35 лет работаете здесь, а мы всё ещё остаёмся язычниками». В последнее время названный король базутов стал симпатизировать католикам. Проницательный и умный от природы, он с первого взгляда понял ту огромную пользу, которую принесли его подданным католические монахи-миссионеры. Он предоставил своим жёнам полную свободу в деле принятия христианства, и нисколько не был опечален, когда его брат принял католичество. Убеждённый католическими миссионерами в том, что школа есть самое могущественное орудие духовного возрождения людей, он начал всей силой своей власти покровительствовать католическим школам. Этим настроением короля воспользовались «Сёстры Св. Семейства»: они открыли в королевстве Мозеша целый ряд школ и достигли того, что король принял их под своё могущественное покровительство. Король охотно посещает школы и вступает в беседы о воспитании с сёстрами-монахинями. Благодаря этому, успехи католической миссии среди базутов можно считать вполне обеспеченными. Католическая миссия имеет хорошо поставленные школы в Блемфонтене, Кимберлее, Мефкинге, которые располагают в пользу её местное население.

В Трансваале католики имеют школы в Претории и Йоханнесбурге. Следует только опасаться, что настоящая война создаст много новых затруднений для католиков, если победителями из неё выйдут англичане.

* * *

Основная идея нового проекта генерала Бутса следующая: «если вы желаете спасти души тех, которые попираются ногами и третируются, как поддонки общества, надо начать это дело заботой об их материальных нуждах, иначе они уделят вам очень мало внимания, когда вы заговорите с ними о спасении их душ». По словам генерала Бутса, внутренняя трансформация человека должна сопровождаться улучшением его материального положения. Справедливость этого положения тысячу раз была доказана, и армия спасения ни на шаг не удаляется в своей деятельности от этой основной идеи.

Новый проект генерала Бутса всецело подчинён этой высшей цели, которая с самого начала служила базисом армии спасения. Современное общество пропитано лёгким атеизмом. Необходимо

питать организм человека и принять во внимание его временные интересы, чтобы сделать для него более лёгким или, лучше сказать, менее невозможным преодоление деморализующих влияний их среды.

Работая для спасения людей, генерал Бутс убедился, что теперь настало время, так сказать, переплавить современную социальную организацию, чтобы удовлетворить человека, обращающегося с следующими словами молитвы: «не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого». Генерал Бутс делает достойное замечания следующее заявление: «я имею некоторую опытность в данном деле, коему я посвятил себя, для уловления душ массы лишённых материальных благ и умирающих с голода. Вот уже сорок пять лет, как я абсолютно убеждён в том, что массы эти никогда не будут спасены, если материальное их положение не изменится. Все проповедники, миссионеры, раздающие разные трактаты, посещающие больных, и все те, которые занимаются спасением бедных, могут быть в этом уверены. Чтобы эти люди уверовали в Иисуса Христа, чтобы они сделались служителями Божиими, и чтобы они избегли будущих мучений и гнева, надо помочь им выйти из их нищеты, надо поставить их в такое положение, чтобы они имели работу, которая бы их питала, жилища, которые бы их укрывали, а перед собой имели бы иную перспективу, чем перспектива госпиталя или убежища нищих в конце длинного, монотонного и утомительного пути среди истощающих их трудов и подавляющих их забот. Все те, которые работают для Христа, должны соединиться, чтобы осуществить эту идею, только тогда несчастные поднимутся, чтобы благословить их, и они будут спасены; если же люди не захотят это сделать, то эти несчастные бедняки проклянут их и будут на веки потеряны».

Средствами для достижения своих высоких целей генерал Бутс считает: *рабочие дома, ночлежные приюты, земледельческие колоши* и проч.

Рабочие дома Первый шаг в этом направлении состоит в том, чтобы взять человека без хлеба и без работы, и доставить ему пропитание и убежище. Генерал предлагает достигнуть этой цели посредством увеличения числа ночлежных приютов, удвоить число так называемых экономических печей и мастерских, из коих пять функционировали в течение последних двух лет в различных кварталах Лондона. Опыты, произведённые там, показали, что можно доставить человеку питательный ужин и завтрак, затем постель в хорошо отопленной комнате за 4 пенни на человека.

Но что делать в том случае, если этот бродяга, этот оборвыш не имеет и этих 4 пенни? Нужно ли в таком случае отослать голодного

спать под аркой моста? Ни в каком случае; с этими 4 пенни или без них генерал намеревается принять его в своё убежище, с одним лишь условием, что, прежде чем он оттуда уйдёт, он должен отработать так или иначе эти четыре пенни, чтобы таким образом покрыть расходы по пище и ночлегу.

Работы для бедных. Работы для бедных генерал Бутс рассчитывает найти, соединив рабочие дома или мастерские с убежищами и приютами. Там человек, не имеющий ни гроша, будет употребляться для элементарных работ, как, например; колка дров, плетение рогож, шитьё мешков и проч. Труд его будет тщательно оценён и, как только он заработал эти 4 пенни, он свободен и может идти искать работу в ином месте. Поскольку он захочет работать для своей порции и постели, генерал готов доставить ему работу, рассчитывая на то, что немного найдётся таких, которые стали бы работать только из-за пищи и постели, и это будет достаточным основанием к тому, что рабочие дома не будут переполнены индивидуумами, которые могли бы зарабатывать свой хлеб где-нибудь на стороне. При каждом рабочем доме будет устроена контора для найма служащих и рабочих. В настоящее время подённые рабочие находятся без всякой помощи, когда у них не имеется работы, откуда и происходит то, что они находятся в тисках у различного рода эксплуататоров. Так называемые разносчики объявлений: (sandwich), например, получают в Англии лишь 50% заработанной платы, уплачиваемой коммерсантом, предлагающим им свои объявления, а другие 50% посредник кладёт себе в карман, тогда как, если бы это было отдано учреждениям, ведающим рабочими домами, вся заработанная плата становилась бы достоянием бедняков.

Эта система была применена в малом виде в одном приюте армии. Там имеется рабочий дом, где 70–80 человек работает для своих порций в течение известного времени. Контора для приискания работы находится в полном ходу в течение уже нескольких месяцев и, благодаря ей, нашли должности очень многие бедняки, до того времени ночевавшие на мостовых и тротуарах. Были произведены попытки, чтобы достигнуть кооперативной организации разносчиков объявлений, и результаты получились довольно благоприятные.

Спасение душ. Но названное учреждение, по мнению генерала Бутса, должно служить только средством для достижения высшей цели – привлечения ко Христу тех, кто пользуется этими учреждениями армии спасения. – «Улучшение, окружающих человека, обстоятельств, – говорит генерал Бутс, – не изменит его души, и если нет такового изменения душевного, то материальное улучшение не произведёт

продолжительного блага. Поэтому ночлеги, рабочие дома и всё прочее, что желает создать генерал Бутс, составляют лишь вспомогательное средство для достижения высшей цели, состоящей в индивидуальном изменении душ, в приведении их к полному спасению и в убеждении их в необходимости благочестивой жизни. В рабочих домах спасение распространено во всех уголках, атмосфера вся пропитана благочестием в духе армии, и все усилия её направлены к тому, чтобы привести всякого индивидуума, подпавшего под систему армии спасения, под непосредственное влияние офицера армии.

Ферма. Убежища, приюты, ночлеги, рабочие дома, а также рабочие бюро для приискания работы нуждающимся, всё это составляет то, что генерал Бутс называет городской колонией. Когда все эти учреждения будут функционировать, они, несмотря на свою неоспоримую пользу, являются всё же только паллиативными средствами. Надо найти лучшее, а таким средством является устройство фермы армии спасения. Для этой цели генерал Бутс и намеревается приобрести лучшие участки земли: он выберет две или три тысячи гектаров в графстве Кенр или Эссекс, недалеко от железнодорожных линий, ведущих в Лондон. Здесь он намерен осуществить вторую половину своего грандиозного плана. Эти земли должны служить как бы школой, где будут формировать эмигрантов. В то же время они будут служить огромным огородом, который будет доставлять овощи, выручку от продажи которых, генерал Бутс рассчитывает употреблять на усиление средств армии спасения.

Земледельческая колония. После испытания в рабочем доме армии спасения, известное число рабочих выбирается и посылается на ферму, где они устраиваются, как будущие эмигранты, на участках земли Западной Америки. Они должны все свои работы исполнять сами, построить прежде всего себе жилища; им даётся материал, семена, они же засевают поля и огороды для своего собственного потребления. Потребление спиртных напитков не допускается в колонии, и принцип, существующий в городских рабочих домах, применяется к земледельческой колонии, т. е., что люди работают для своего потребления и жилища, ничего более не получая. Маленькая плата уплачивается некоторым рабочим, занимающим посты офицеров-субалтернов; но общее правило такое, что колонист получает взамен своего труда лишь пищу и жилище. Хотя религия должна лежать в основании земледельческой колонии, однако должна в то же время соблюдаться полнейшая веротерпимость. Никого не станут принуждать присутствовать на собраниях армии, но генерал надеется, что сами колонисты по собственным побуждениям будут

посещать религиозные собрания армии. Не допускается никакая работа в воскресные дни во всей колонии.

Колония за океаном. Переходим теперь к третьему и последнему пункту проекта – устройству колонии в английских владениях за океаном. Генерал Бутс осуждает эмиграцию, как она понимается ныне, и утверждает, что для её процветания, необходимо готовить страну для эмигрантов и эмигрантов для страны. Его план состоит в выборе земель в одной из колоний, по преимуществу в Южной Африке, и приготовлении их, для поселения на них эмигрантов. Он отправляет на корабле известное число мужчин и женщин, совершивших уже в земледельческой колонии свои опыты в качестве способных и усердных рабочих. По прибытии в колонию, они поселяются на новой земле. Расходы по их перевозке, по постройке домов, по движимому имуществу, землями и пропитанию в продолжение первых нескольких месяцев записываются в счёт колонистов. Они же выплачивают эту сумму в форме ежегодного поземельного налога. Таким образом, надеется генерал, дело окупит свои расходы.

Братство для спасения падших женщин. Изложив, таким образом, свой проект, который армия спасения имеет применять к безработным, генерал Бутс указывает, что он желает предпринять по отношению к другим факторам социального зла.

Он указывает, что братства армии спасения, которые работают в кварталах нравственного разврата городов, с успехом выходят из борьбы со злом, что доказывает возможность спасти даже тех женщин, которые совсем низко пали. Генерал думает увеличить число этих братств, состоящих из женщин, посвятивших себя этому делу, и устраивать их везде, где имеется центр моральной испорченности. они подают свою помощь и заботятся о несчастных женщинах и приводят к Евангелию падших женщин наших больших городов.

Тюремная бригада. Тюремный проект состоит в применении к Англии методов, которые имели такой чудный успех в колонии «Виктория». В самой демократической английской колонии армия спасения была признана настолько необходимым агентом в деле исправления преступников, что правительство вотировало ей ежегодное вспомоществование. Генерал рассчитывает устроить бригаду под начальством нескольких офицеров у ворот всех тюрем страны. Обязанность этих бригад состоит в том, что они принимают преступника при его освобождении из тюрьмы, доставляют ему работу, всевозможными средствами уничтожают в нём следы, оставленные тюрьмой, возвращают его к социальной жизни, одним словом – содействуют тому, чтобы нужда не привела его снова в тюрьму.

Убежище для пьяниц. Генерал Бутс полагает, что в Великобритании имеется около 250,000 пьяниц, которых нужно рассматривать, как закоренелых пьяниц. В настоящее время «Dalrymple Homes» представляют собой убежище для огромной массы таких людей, содержание коих стоит minimum 15–20 руб. в неделю каждый. Сюда в эти убежища магистрат может доставлять закоренелых пьяниц, но кто желает, может сам добровольно являться для постепенного исцеления от этого зла. Генерал детально излагает свой план и заявляет, что с этим социальным злом надо сильно бороться. Он прибавляет также, что даже самые закоренелые пьяницы выздоравливали в этих убежищах, и приводит несколько случаев из летописей армии спасения.

* * *

Мормоны Северной Америки в настоящее время представляют из себя две группы, одна из них усвоила себе наименование «Широкая церковь» (The Broad Church), другая «Высокая церковь» (High Church). Обе названные, группы сходятся в основных положениях вероучения мормонов: принимают называемую «Книгу Мормонов» (Book of Mormon) и все Откровения, которые были в продолжение ста лет, но разделяются в вопросе о *полигамии*. Broad Church, во главе которой в настоящее время стоит мистер Вудруф (Woodruff) отвергает полигамию, отвращаясь от неё, как от разврата; High Church напротив даёт полигамии весьма широкое применение в жизни своих членов. Глава сей последней мистер Робертс (Roberts), имеющий более десяти жён, является особенно ревностным защитником полигамии. Он смотрит на полигамию, как на могущественное средство распространения мормонизма путём привлечения, благодаря полигамии, в секту молодых людей. Антагонизм между двумя названными группами мормонов достиг своего апогея в самое последнее время, когда мистер Робертс был избран для участия в законодательном собрании представителей Соединённых Штатов. Противники полигамии боятся, чтобы Робертсу не удалось провести вопрос о полигамии в желательном для него смысле в законодательном порядке. С этой целью ими принимаются всевозможные меры к тому, чтобы подорвать авторитет Робертса в общественном мнении и доказать, что полигамия величайшее социальное зло. Пускаются в ход газетные корреспонденции самого циничного характера, какой только может терпеть свободная печать, печатаются и раздаются целыми пудами брошюры против полигамии и т. п. К борьбе с полигамией привлечены католические и протестантские миссионеры: «целые тучи бумажных ядер, по словам корреспондента,

несутся со стороны этих последних в густую толпу полигамистов, но она всё же не редет». Все находятся в напряжённом ожидании, с чем возвратится Робертс из Вашингтона, и тогда борьба примет решительный оборот.

А. Дородницын

**Библиография // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6.
С. 627–640**

Ч-ков С., свящ. [Рец. на:]: «К лучшему будущему» Н. Н. Неплюева. Гл. IV. Братья по любви. Книжки «Недели» апрель 1899 г. С. 627–631

В 4 главе своего сочинения, которая называется «Братья по любви», Н. Н. Н. развивает мысль о необходимости и возможности объединения в братолюбии всех людей без различия веры и образа мыслей. Православные, римско-католики, лютеране, магометане, буддисты, масоны, оккультисты, спириты, неверующие – все должны составить и даже составляют одну семью, если только они проникнуты духом любви и желают послужить торжеству и славе любви. Н. Н. Н. поочерёдно обращается к людям всякого образа мыслей с горячим призывом объединиться в братолюбии. Прежде всего он обращается к тем из христиан различных исповеданий, которые веруют в Бога любовь. Он говорит: «сама вера ваша благословляет любовь вашу, требует от вас любви, вы должны быть устойчивыми в любви до конца... вы не имеете права не признать ближним вашим, братом по духу, всякого представителя любви. Пора нам устыдиться постыдного недомыслия – боязни изменить Богу-любви и Церкви Его, признавая близкими нашими милосердных самарян, к какому бы толку они ни принадлежали, хотя бы даже считали себя неверующими... Все представители любви – милосердные самаряне, всем им мы должны братски протянуть руку на общее дело любви, на Божие дело всеобщего единения и гармонии... Если мы любим, единение в братолюбии – насущная потребность любви нашей.

Поймём же, что потребность эта не только не противоречит требованиям веры нашей, но, напротив, естественно из неё вытекает и не может быть признана изменой ни по отношению к Церкви, к которой мы принадлежим, ни по отношению к букве догмата и обряда, которые признаёт наша церковь».

Затем автор обращается с тем же призывом к не христианам, «верующим в Бога-любви, хотя они и не имеют счастья верить в высшее проявление любви на земле, Христа-Спасителя, принесшего на землю полноту откровения любви Божией».

Наконец, он призывает к единению в братолюбии самих неверующих: «обращаюсь к вам, братья по любви, не имеющие счастья верить в букву бытия живого Бога-любви (какое же это счастье верить в букву?), в букву Христа Его, в букву Откровения Его. Говорю «в букву», потому что, веруя в силу, разумность и конечное торжество любви, вы тем самым верите в дух Бога живого, живого

Христа Его, в дух Откровения Их; вы Божии и Христовы по духу... Вы не верите в бытие Бога живого, тем более не верите ни в какое откровение. Вы так много видели в жизни грубых и глупых суеверий, выдававших себя за веру, так много видели страдающих от ужасных последствий этих суеверий!.. Вы не верите, но вы любите, и любовь заставила вас понять значение, ценность любви для блага человечества... Ищите общения со всеми представителями любви... Соединившись с ними на почве любви, вы тем самым несомненно послужите на дело торжества любви».

* * *

Рассмотрим приведённые нами мысли автора при свете учения Христовой Церкви. Автор призывает всех людей без различия веры и образа мыслей к объединению в братолюбии с целью доставить любви торжество на земле, в человеческой жизни и отношениях! По-видимому – цель прекрасная и возвышенная, – мысль светлая и добрая! Но так ли это на самом деле? Несомненно, все люди – братья между собой и должны любить друг друга, несмотря на различие своих верований и взглядов. Справедливо и то, что многие из людей, принадлежащих к православной Церкви – далеко не оправдывают по своему настроению и по своим поступкам того святого имени, которое они носят; что многие неправославные, нехристиане, неверующие выше нас по своим чувствам, понятиям и поступкам и ближе нас ко Христу и к Царствию Божию...

Однако, остаётся совершенно непонятным, каким образом – и православные, и римско-католики, и лютеране, и магометане, и иудеи, и буддисты, и спириты, и массоны, и неверующие – могут составить «одно стадо, одну семью, одно единоедушное общество? На чём может произойти их объединение? Н. Н. Н. говорит – на любви. Но на любви к чему? Друг ко другу? К миру? К исканию истины? *И только?* Едва ли такая отвлечённая любовь удовлетворит их!

* * *

Если мы обратимся к св. Евангелию, к деяниям и посланиям св. апостолов, к учению Церкви, к примеру первых христиан – мы не найдём там проповеди подобного объединения людей. Там везде указывается иное основание для единения. Основание это – вера в воплотившегося Сына Божия, Господа Иисуса Христа. Вот тот Камень, Который отвергли строители и который должен лечь во главу угла!

Сам Иисус Христос, одоблив *веру* ап. Петра, сказал, что на сём именно камне Он созиждет Церковь Свою и врата ада не одолеют её. Посылая учеников Своих на проповедь, Он говорил им: «идите по

всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасён будет, а кто не будет веровать, осуждён будет».

Апостолы проповедовали, что нет иного имени, которым возможно спастись, кроме имени Иисуса Христа. Книга деяний св. Апостолов есть вообще сплошное повествование о проповеди веры в Единого Бога и в Сына Божия, Искупителя. Ту же самую проповедь читаем мы и в посланиях св. апостолов.

За что умирали св. мученики? За объединение ли в братолюбии всех – и христиан, и иудеев и язычников без различия вер?

Нет, за веру в Распятого, за отвержение идолопоклонства.

За что боролись первые апологеты христианства – св. Афинагор, Иустин, Аристид, Феофил и др.? Против чего они вооружались? Что защищали св. Отцы Церкви эпохи вселенских соборов – св. Афанасий, Василий, Григорий Богослов, Григорий Нисский, Златоуст, Кирилл Александрийский и др.?

Боролись за веру в Иисуса Христа, вооружались против языческого многобожия, языческих пороков, защищали чистоту христианского учения, для чего составили и сам символ веры.

Пример жизни первых христиан должен иметь для нас, конечно, особенное значение. Ведь они были, несомненно, много совершеннее нас в любви, в любви к Богу и к людям.

Найдём ли мы у них то безразличное объединение в братолюбии с людьми всякой веры, всякого образа мыслей, к которому призывает теперь Н. Н. Неплюев? Нет, не найдём. Для первых христиан Христос – был всё. Вера в Него – была единственным основанием их единения. Невозможно и представить себе, чтобы к их обществу мог примкнуть иудей, или язычник, *как бы он ни был добродетелен*, не уверовав предварительно во Христа, не приняв св. крещения.

И так, не отвлечённая, беспредельная любовь, а вера в воплотившегося Сына Божия, любовь к Нему и к Богу – вот единственное основание для объединения людей, завещанное нам Евангелием, примером жизни древних христиан и учением Церкви.

Говоря это, мы нисколько не забываем и не умаляем великого значения любви и знаем, что любовь даже больше веры, но только при вере, а не без неё. Ибо хотя «вера без дел мертва», но «без веры невозможно угодить Богу». Вот почему и к сотнику Корнилию, на которого в одном месте ссылается Н. Н. Н., несмотря на все его добрые дела, был послан ап. Пётр, чтобы научить его истинной вере.

* * *

Укажем теперь последствия, к которым приведёт замена веры в воплотившегося Сына Божия, как истинного основания для взаимного

объединения людей, той отвлечённой любовью, к которой призывает Н. Н. Неплюев.

Предлагаемое им объединение без различия веры и образа мыслей приведёт прежде всего к упадку христианской веры, ибо как может сохраниться живая, сердечная вера в Иисуса Христа в том обществе, в котором, помимо христиан, будут и иудеи, и магометане, и буддисты, и неверующие? Там не только вера не сохранится, но едва ли когда-либо и вспомнят о Христе, как бы много не говорили в тоже время о любви.

Но когда, таким образом, начнёт угасать живая, сердечная вера, то затем неизбежно последует угасание и той самой любви, во имя которой теперь предлагают нам стать выше буквы догмата и обряда.

Любовь питается верой. Только припадая молитвенно к Источнику любви, Богу-Отцу нашему, к Виновнику спасения нашего – Сыну Божию и к Духу Святому, освящающему и очищающему сердца наши в таинствах Церкви, мы почерпаем и возгреваем в себе истинную, чистую, без всякой примеси нечистоты и тщеславия, любовь. Отымите этот источник любви, замутится и остынет сама любовь наша, подобно тому, как засыхают листья и цветы, оторванные от корня. Наша любовь, оторвавшись от веры, погибнет под напором бешеных страстей наших, которым она не в силах будет противостоять, погибнет под давлением нашей собственной пошлости и пошлости окружающей нас жизни.

И тогда наступит на земле такое беспросветное царство тьмы, какого не было и до пришествия Спасителя!

* * *

Сделаем ещё одно замечание, относящееся к этой главе. В одном месте Н. Н. Н. горячо возмущается тем, что некоторые «представители суеверия» решаются утверждать, будто не всякая любовь – хороша, будто есть и «бесовская любовь». По мнению автора «любовь всегда святыня и всё собою освящает, всё очищает до святости». «Сказать «бесовская любовь» – то же, что сказать сухая вода»: это два взаимно исключающие друг друга понятия... Бог есть любовь. Сказать «бесовская любовь», значит, произнести хулу на Духа Святого».

Нам кажется, автор впадает в недоразумение. Конечно, *истинная* любовь всегда святыня. Но всегда ли люди называют любовью *истинную* любовь? Сам автор чуть ли не на той же странице пишет: «часто грубейшее себялюбие называют любовью» ... И так, если люди могут называть любовью «грубейшее себялюбие», а себялюбие есть основная черта бесовского настроения, то отчего же *такую* любовь не

назвать «бесовской любовью»? Пусть автор вспомнит хлыстов и их «духовную любовь». – Разве это не «бесовская любовь»?

Сознавая это, мы должны быть весьма осторожны, как бы, стремясь к объединению в любви, с людьми всякой веры и взглядов независимо от просвещения сердца своего светом истинной веры, и через то оторвавшись от живого, внутреннего молитвенного единения с источником истинной любви – Господом Иисусом Христом, мы вместо любви христианской не запутались бы в сети любви призрачной, воображаемой!

С. С. Ч-ков

Добротин Г. [Рец. на:]: Проф. А. Гусев. Религиозность, как основа нравственности. Против автономистов. Второе, вновь переработанное и значительно дополненное, издание. Казань. 1894 г. 193 стр. Цена 1 р. С. 631–633

Главной задачей всякой человеческой культуры надлежит считать духовное возрождение или нравственное исправление людей. Только под условием нравственного возрождения людей могут водвориться между ними добрые отношения, а жизнь их стать счастливой. Культура, основанная лишь на накоплении положительных знаний и на улучшении государственно-общественных условий жизни, как бы ни была желательна, не способна сама по себе нравственно улучшить людей: так в самих интеллигентных сферах обнаруживаются самые грубые пороки и самые грязные страсти. Нравственное же возрождение людей в свою очередь возможно только в том случае, если они истинно религиозны и, если нравственность их стоит в органической связи с их религиозностью. Настоящий труд автора и вызван потребностью защиты религиозных основ жизни и морали перед постоянными нападками того философского направления, которое не только отрицает значение религии в деле морали, но даже мыслит эту последнюю единственно возможной под условием свободы и независимости от первой. В виду этого цель автора – *полемика*.

Тесная органическая связь между нравственностью и религиозностью оспаривалась и прежде. Ещё в XV в. встречались мыслители, которые склонны были думать, что совершение добрых дел, ради получения вечного блаженства и избежания вечных мучений, отзывается неблагоприятно на человеческой нравственности, и что эта должна утверждаться на независимой от религии основе. Мысль о независимости морали от религии проводилась также поклонниками классической древности в конце XVI в. и, наконец, в систематической форме была развита английскими, немецкими и французскими мыслителями XVII и XVIII вв., напр., Кантом, Фейербахом, Прудоном и др.

С пробуждением интереса к этическим вопросам, пропаганда независимой от религии этики стала развиваться во время новейшее во всех странах запада, а затем и в России с особым упорством и настойчивостью. Что нравственность возможна без религиозности, это для многих современных умов стало чем-то в роде аксиомы. У нас представителями учения о безрелигиозной автономной нравственности выступили в последнее время покойный Кавелин, а затем граф Л.

Толстой. Идеи этих автономистов с особенным усердием пропагандируют наши так называемые либеральные журналы и газеты. Понятно само собой, какие горькие плоды в жизни приносят эти идеи, жадно ловимые и вычитываемые нашим „передовым“ обществом.

Доказать и наглядно показать несостоятельность этих идей, равно как и тех соображений и доводов, какие приводятся автономистами в защиту своей теории, – это такая задача, решение которой сколько благовременно и полезно, столько же и близко задачам миссии среди интеллигентного суемудрствующего общества, которое так живо интересуется этим вопросом. И нужно отдать справедливость почтенному автору в том, что сделанное им критическое рассмотрение главных и частных положений и соображений автономистов, приводимых ими в защиту своего взгляда, отличается замечательной силой суждений, философской глубиной, обстоятельностью и психологической тонкостью.

Так как система автономизма не есть система индивидуальная, но весьма сборная и при том имеющая свою историю, то автор, не имея возможности полемизировать с каждой из философских систем морального автономизма в отдельности, в предисловии к своей книге делает из них резюме всех положений, относящихся к предмету его исследования, а затем в шести главах названной книги последовательно и подробно разбирает и сами воззрения автономистов о безусловной будто бы самостоятельности нравственности и о вреде её тесного союза с религиозностью.

Вообще книга почтенного профессора, хотя по времени издания и не новая, но по предмету своего содержания и по своему назначению имеет живой и непреходящий интерес для пастырей, миссионеров, которым ныне более, чем когда-либо, приходится входить в полемику по пререкаемому вопросу об отношении нравственности к религии, благодаря проникновению идей гр. Толстого и других автономистов в полуинтеллигентные сферы и народную среду. Изложение мудрёных вещей простым, ясным языком составляет достоинство всех вообще научно-популярных сочинений почтенного казанского профессора-апологета, так равно и настоящего его труда.

Г. Добротин

Г. Д. [Рец. на:]: Прот. Климент Фоменко. К тридцатипятилетию священства. Киев, 1899 г. 619 стр. Цена без пересылки 2 руб. С. 633–634

Когда дни нашей жизни уже преполовились²⁵⁸ и близко наступление её вечера, тогда мы особенно склонны бываем жить воспоминаниями о прошлом и подводить итоги нашей минувшей деятельности. И настоящая книга обязана своим появлением в свет желанию автора вновь восстановить перед своим умственным взором и перед взором близких к нему людей и вновь пережить те моменты своей пастырской и литературной деятельности, за истекший тридцатипятилетний многоплодный период служения его в сане священника, которые связаны были с дорогими для него мыслями, идеями, и впечатлениями. В особом „объяснительном слове“, составляющем предисловие к рассматриваемой нами книге, автор о мотивах её составления и существенных чертах её содержания говорит: „*Помянух дни древние...* Благожелательные мне чада духовные и *присные мои* давно и настоятельно побуждали меня собрать воедино те мои труды, которые разновремененно появлялись в печати в разных духовных журналах и „Ведомостях“. Я медлительно ожидал в моей жизни такого события и такого периода, который дал бы мне внушительный повод исполнить эту просьбу дорогих в моей жизни людей. Таким периодом я посчитал XXXV-летие моего священства, исполнившееся 26 июня 1899 г. Бог ведает, что ожидает меня в грядущем... Бог ведает наступающее *число дней моих...* В настоящее время я, великое благодарение Богу, *здрав есмь* и с бодрственной душою берусь за дело составления „Сборника“ из некоторых моих статей и заметок, появлявшихся в печати. Я почёл излишним печатать все мои труды... Печатаю некоторые из моих статей, я *поминаю мои прежние дни* и вторично переживаю их... Дорогие эти минуты“!

Сделав в том же „Слове“ краткий очерк своей пастырской, приходской деятельности, автор в четырёх следующих отделах своего юбилейного сборника знакомит читателя с своими литературными трудами. В первом отделе помещены избранные слова, произнесённые автором в различных, наиболее важных, случаях его пастырства; во втором – археологические и этнографические заметки о христианских памятниках в Крыму; в третьем – путевые заметки автора, дважды посетившего Иерусалим и другие святы места Востока и достопримечательности Запада, и наконец, в четвёртом – рассуждения автора по вопросам церковно-практического характера.

Книга издана изящно и написана чистым Литературным языком и прочтётся не одними почитателями почтенного Киевского священнослужителя, но всеми другими со-пастырями и мирянами с живым интересом и большой душевной пользой.

Г. Д-н

**Чельцов М. [Рец. на:]: Маргаритов С. Секта хлыстов.
Кишинёв. 1899 г. стр. 39. С. 634–636**

К написанию брошюры о секте хлыстов г. Маргаритов побуждался, по его словам, появлением хлыстовства в пределах кишинёвской епархии, в семинарии которой он служит преподавателем. Цель, следовательно, у него, как автора, была чисто практическая: дать духовенству епархии необходимые сведения о борьбе с сектой. В виду этого ему, казалось бы, следовало изложить кратко происхождение и подробно вероучение секты, привести из практики других епархий средства борьбы с нею, указать, что нужно по местным условиям сделать „для обеззараживания сектантского яда“... и спасибо ему за это сказали бы не одни только кишинёвцы. Но автором почти ничего этого не сделано. Хотя он и озаглавил свою брошюру „Секта хлыстов“, на самом же деле он занимается рассмотрением вопроса лишь о причинах и условиях происхождения хлыстовства. Историю секты, её веро- и нравоучение он излагает так кратко (1–8 стр.) и так конспективно, как то нужно было ему для его главного вопроса; а о средствах борьбы с нею он не говорит ничего, кроме разве общих фраз о совершении священниками с сердечным умилением служб божественных.

Что же нового – хорошего даёт он при объяснении и разрешении вопроса о происхождении секты хлыстов? Да опять-таки ничего.

Указавши старые и новые мнения учёных, рассматривавших хлыстовство то как порождение восточной мистики, то как плод западного влияния, г. Маргаритов приходит к выводу, что „появление хлыстовских взглядов“ т. е. секты хлыстов у нас, можно объяснить из наличности местных условий, т. е. русских... Вывод опять не нов: его высказал, да и посильно обосновал Н. Ив. Барсов ещё в 60-х годах.

Интересны да в некотором роде и поучительны у автора методы критики. Что хлыстовство не с запада к нам занесено, он доказывает сим хитроумным вопрошанием: „Есть ли какие-либо факты, указывающие на определённое место и время, где и когда (курсив мой), заимствованы главные основы ереси хлыстов от западных мистиков“ (стр. 13). При такого рода требованиях места и времени, пожалуй, ведь не докажешь, что брошюровка г. Маргаритова есть неудачная переделка статей Н. Ив. Барсова; а на самом-то деле ведь, право, это так. И сам г. Маргаритов, вероятно, не будет от этого отказываться. Места же и времени заимствования низа-что не докажешь.

Из наличности местных, т. е. чисто русских условий, г. Маргаритов старается прежде всего выяснить дуализм в учении хлыстов. Давно уже приписывается хлыстам дуалистическое представление, которое в сущности выражается лишь во взгляде на плоть человеческую, как на злую и постоянно препятствующую человеку в его борьбе за добро. Никаких учений о двух началах, о двух мирских властелинах у них нет. Поэтому, строго говоря, никакого дуализма в их учении нет, а есть только лишь доведённое до крайности воззрение на тело, как влекущее человека к похотям плотским, и нашим исследователям секты хлыстов следовало бы оставить приписывать хлыстам то, чего у них нет.

Дуализм хлыстов автор выводит из древнерусского двоеверия. Но кто не знает, что двоеверие русское и дуализм – совершенно различные понятия и явления, не имеющие между собой точек соприкосновения и тем более никакой генетической связи. Да и незачем ему было толковать о двоеверии, равно как и о влиянии богомилства на дуализм хлыстов. Задача автора сводилась не к тому, чтобы указывать, откуда могли проистекать те или другие влияния на то или другое мировоззрение; задача его была проще: нужно было указать только во взглядах русских время происхождения элементов хлыстовства, – из которых или в следствии которых мог появиться дуализм. А какие были причины к образованию этих взглядов, – это вопрос другой и для исследователя причин и условий происхождения хлыстовства излишний. Между тем все авторы статей, подобных брошюре г. Маргаритова, грешат этим именно недостатком.

Выяснение автором из наличности русских условий учения хлыстов о пред-существовании душ, о душе-переселении, о воплощениях хлыстов довольно правильно и достаточно обосновано. Но нового опять ничего: известно всё из статей проф. Барсова, Ивановского и др.

Остроумно и правдоподобно объяснение автором, почему именно хлыстовство появилось в половине XVII столетия. В этой нашей небольшой заметке затронуты некоторые из вопросов, с которыми, вероятно, не согласятся многие и первый – г. Маргаритов. Желательно было бы услышать от них противное. Всякому суждению такому, выраженному *sine ira et studio*, с охотой будет дано место на страницах „Миссион. Обозр.“; я же с своей стороны постараюсь тогда обосновать свои взгляды.

М. Чельцов

**Павлович М. [Рец. на:]: Проф. прот. Буткевич Т.
Религиозные убеждения декабристов. Харьков. 1900 г. 64
стр. С. 636–637**

О декабристах у нас существует богатая литература. Много написано о их житье-бытье в Сибири, о деятельности их там, о их нравственных взглядах и гуманизме. Но, кажется, их религиозные убеждения до и после ссылки в Сибирь не были ещё предметом литературного раскрытия. Интересный труд этот взял на себя почтенный автор вышеупомянутой брошюры. Ему посчастливилось ознакомиться с стихотворениями, написанными многими из декабристов в Сибири и ещё не известными в печати. В стихах своих эти несчастные изливали свою душу и открывали свои стремления, взгляды и убеждения. Очень многие из стихотворений их – совершенно религиозного содержания. Автором приведено в его брошюре несколько таких стихотворений декабристов – В. К. Кюхельбекера. Бестужева, Рылеева и др.

Оказывается, судя по этим стихотворениям, прежде бывшие неверующие или индифферентные к религии, декабристы в Сибири познали религию, нашли в ней для себя успокоение и утешение и стали потом глубоко и искренно верующими людьми. Поистине, для них в этом отношении Сибирь была не каторгой, а исцеляющей Силоамской купелью, горнилом, очищающим их ум и сердце от дурного и возвышающим к небесному. Познакомив их с горем и несчастьем земными, она указала им на небо и в стремлении к небесному открыла для них источник утешений.

Многие стихотворения их дышат простотой, сердечностью и глубиной религиозного чувства. Знакомство с ними для русской интеллигенции весьма было бы поучительно.

М. Павлович

М. Ч. [Рец. на:]: Раскольнический лжеучитель Швецов перед судом одного из своих собственных епископов. Изд. 2-е Москва стр. 56 ц. 25 коп. С. 637–638

Арсений Швецов, восходящий в раскольническом поповщинском мире от славы к славе, недавно переименованный в лже-епископа Нижегородского, более чем кто-либо из раскольнических деятелей обращает на себя внимание. С начала восьмидесятых годов выступив как апологет поповщины по австрийскому согласию, с девяностых годов он стал в близкие отношения к Московской лже-архиерейской кафедре: то тайно, то явно он стал руководить деятельностью московских заправил на вред православной церкви и на возвышение раскола. Есть все основания верить, что и кипучая разносторонняя деятельность теперешнего лже-архиерея Московского Иоанна Картушина возбуждается, поддерживается и исправляется по преимуществу всё тем же Швецовым. За всей этой его многосторонней работой осталось как-то в тени то, в чём его упрекали, судили и осудили лучшие люди из самих же поповцев, – его еретичество.

Как известно, в своей „истинности старообрядствующей иерархии“ – Швецов развил мысли Белокрыницкого устава о под-временном рождении Сына Божия от Отца. Это его учение самими же старообрядцами было названо еретическим и нашло себе обличителей среди них. Особенным рьяным обличителем выступил покойный лже-архиерей Казанский Пафнутий. Его стараниями в Москве был созван для обличения Швецова целый раскольничий собор, которому Швецов должен был принести повинную, с обещанием больше так не учить. Им же было написано несколько небольших статей в обличение всё того же учения Швецова, напечатанное в 1891 г. в Братском Слове и отдельно. – В виду того, что Швецов не перестал и доселе еретически учить, и в виду известной популярности его в расколе, Н. И. Субботин нашёл полезным издать вторично обличающие Швецова статьи Пафнутия Казанского. Ими он забывшим напоминает, а не знавшим открывает еретичество Швецова через обличение самим поповщинским лже-архиереем. А обличает Пафнутий сильно. Швецова он называет „своей обыденной мудростью силлогистически мудрствующим“, не подтверждающим своих умозаключений „никакой оригинальностью т. е. учением Св. Писания и Св. Отцов; – „по прирождённой вероломной привычке соображающим вкривь и вкось“; уличает его в похищении и сокрытии не нравящегося ему акта какого-то и т. п. Все эти обличения Пафнутием Швецова очень полезно

распространять среди поповцев, как суждения и осуждения одним из них другого. Пусть не верующие нам хоть немного призадумаются над словами одного из своих-же.

В начале брошюры помещена основательная защита, сделанная тем же Пафнутием, от нападок и придирок Швецова на текст нашей одной песни церковной: „на кресте Твое божественное истощание“... и обличение самого Швецова, за название Бога „тончайшим веществом“.

Распространение этой брошюрки в раскольнических приходах весьма желательно.

М. Ч.

Гр-в М. [Рец. на:]: «Земная жизнь Господа нашего Иисуса Христа, в общедоступном изложении». Составил П. Борзаковский. Одесса. 1899 г. С. 638–640

Книга эта представляет собой действительно *общепонятно* изложенный пересказ евангельской истории. Изложению событий земной жизни Спасителя составителем книги предпослано, в виде исторического введения, краткое „вступление“ (стр. 5–8), в общих чертах рисующее постепенное приготовление Богом человечества и народа еврейского к принятию Искупителя – Мессии, а также религиозное и политическое состояние иудеев ко времени пришествия Спасителя. Вводные главы (1–6 гл.), обнимающие собой события до Рождества Спасителя, составлены частью по руководству св. Предания – Четыи-Миней – (1–2 гл.), главным же образом – по Евангелию (3–6 гл.). Заключительные главы (123–124 гл.), служащие естественным завершением евангельской истории, передаются отчасти по книге Деяний (123 гл.). Пересказ евангельских событий в общем ведётся очень обстоятельно и каждая глава, представляя собой вполне законченное целое, даёт ясное понятие о предмете своего рассказа. Но некоторые главы, в виду важного значения описываемых в них событий, следовало бы или разделить на две, (как напр. 11-ю главу – проповедь Иоанна Предтечи и крещение Господа, Иисуса Христа), с более подробным пересказом содержания каждой и с указанием значения крещения Господа; или же, (как напр. 29-ю главу – Тайная вечеря) нужно бы предварить выяснением обстоятельств, среди которых было установлено таинство Евхаристии и их значения, а также пояснением догматического значения таинства, через снесение относящегося к нему обетования Господа о „хлебе животном“, (Ин.6:47–51). Также, следовало бы выделить из 99-й главы в отдельную главу последнюю, прощальную речь Господа (Ин.13:31–38 и гл. 14, 15, 16 и 17 Иоан.). У составителя рассматриваемой нами книги из этой речи приведён лишь короткий отрывок в 8 строк, а между тем эта речь по предмету своего содержания едва ли не превосходит все другие речи Господа, а потому заслуживала бы более полного и обстоятельного пересказа. Поэтому нельзя не пожалеть, что составитель книги опустил такую важную, такую центральную речь Господа.

К важным достоинствам книги следует отнести то, что евангельский рассказ, по местам, у составителя сопровождается разными краткими, объясняющими его, географическими (43, 65, 110,

165, 120 стр.), религиозно-бытовыми (13, 25. 63, 66, 73, 114. 118, 120, 131, 187 стр.), церковно-историческими (25, 43, 45, 95, 120, 154, 204 стр.) и археологическими (206, 208, 214 стр.) подробностями. Кроме сего, евангельский рассказ, по временам, дополняется составителем книги разными, сопутствующими ему, краткими пояснениями смысла евангельского текста, особенно бесед, речей и притч Господа, (стр. 21, 37–40, 44, 81–82, 147–148, 143, 150, 153, 158, 161, 172. 178, 180–181, 187–188, 194, 204. 207, 213, 214, 229), которые, служа логической или исторической связью между теми или иными евангельскими событиями и речами, служат тем самым к лучшему уразумению их. Не задаваясь ни апологетическими, ни полемическими целями, составитель книги стремится представить все евангельские события в стройном, обстоятельном и доступном пониманию *каждого* пересказе, объединив разбросанные эпизоды евангельской истории в одно связное целое. Задачу свою составитель осуществил успешно. Как достойную внимания особенность этой книги в ряду всех подобных, составляет то, что пересказ евангельской истории ведётся почти повсюду словами самого евангельского текста, а весьма нередко даже целые главы (24, 32, 41, 44, 45, 50, 53, 55, 57, 58, 60, 62, 63, 69, 74, 77, 82.98 99, 117, 118) передаются буквально по евангелию; ибо, как справедливо замечает составитель книги, „никакое другое изложение событий земной жизни Господа Иисуса Христа не может быть вернее, доступнее и достойнее великого предмета рассказа“. Благодаря близости к евангельскому тексту в передаче даже самих выражений Евангелия, книга написана прекрасным – живым и сильным языком, а не вялым и растянутым, как большинство подобных переложений, что как нельзя более гармонирует с захватывающим впечатлением самих евангельских событий.

Внешность книги очень прилична: издана она на прекрасной бумаге, шрифт чёткий; снабжена множеством рисунков, иллюстрирующих евангельскую историю, рисунков иногда очень изящных и представляющих собой снимки с картин известных наших художников. Для общедоступного издания несколько высока цена книги – 1 руб. – что может сильно препятствовать её широкому распространению в народе, что, однако, при указанных достоинствах книги, весьма желательно. Издана книга Е. И. Фесенко.

М. Гр-в

Присоединение к Православной Церкви лютеранского пастора. В конце истекшего года, в Тифлисе Высокопреосвященным Экзархом Грузии присоединён к православию лютеранский пастор, настоятель прихода колонии Екатеринфельд, Борчалинского уезда, Тифлисской губернии, *Иван Христофорович Кетуракат*.

Новоприсоединённый, дорогой член нашей Св. Церкви, происходит из литовцев, образование получил в Берлинском миссионерском институте и в Юрьевском университете. Ивану Христофоровичу теперь 45 лет, пастором он состоял около 15 лет, – службу начал в Курляндии. Как литовец по происхождению и верный долгу верноподданической присяги, бывший пастор не разделял пропагаторских пан-протестантских воззрений своих коллег из природных швабов, а также уклонялся от противозаконных воровских действий, по части прозелитизма на счёт православных. Не раз приходилось г. Кетуракату, когда он был пастором в приходе м. Кретингина в Курляндии, отклонять от себя, не смотря на указание начальства, совершение конформации над принадлежащими к Церкви православной детьми от смешанных браков и проч. Недолголюбивала не-покладистого вообще служителя протестантизма и генеральная петербургская консистория. Во время председательствования в ней г. фон-Искуля-Гильдебранта (бывшего затем при министре Ив. Л. Горемыкине товарищем министра, а ныне члена Государственного совета) Кетуракат переведён был в далёкое Закавказье. Здесь протестантизм, по словам Ивана Христофоровича, также не дремлет и воинствует не хуже Остзейского края, поддерживая самые живые сношения с ссыльными сектантами штундистами. Для материальной поддержки русских проповедников среди православного населения протестантства, под видом штунды, баптизма и других сект, находятся в распоряжении пастората особые суммы. Известный миссионер протестантский Бедекер в один из своих объездов сектантских центров Закавказья роздал денег до 20 т.

В новом приходе, где г. Кетуракат пробыл около 4 лет, Иван Христофорович заявил себя неуклонным проводником в жизнь прихода и местной немецкой школы русских начал и врагом швабского сепаратизма, что не нравилось ни прихожанам, ни г. обер-пастору. На конференции пасторов в 1897 г. решено было Ивана Христофоровича перевести на приход за границу, «пока не выветрится у него дух

руссophileства». Главно-начальствующий признал решение конференции недействительным и Иван Христофорович продолжал пасторствовать в Екатеринфельде. Тогда интрига пастората стала возбуждать агитацию в приходе: колонисты недовольны стали на пастора за то, что он литовец, а не природный шваб.

Презирая религиозное политиканство и давно томясь сознанием безблагодатного своего состояния, как священнослужителя протестантской церкви, Иван Христофорович всё более и более убеждался в том, что истина веры и спасение обретаются только в Православной Церкви, и вот пастор решается, наконец, принять православие. Когда намерение его сделалось известным прихожанам, нашлись фанатики, которые предпочли лучше известить пастора, чем допустить присоединение его к ненавистой немцам-колонистам Православной Церкви той страны, которая их не только гостеприимно приютила, но и обогатила. Колония Екатеринфельд – одна из богатейших и благоустроеннейших, – владеет превосходными виноградниками и громадным наделом земли. Между тем, посетив эту колонию в 1897 году, мы встретили среди немцев полное незнание русского языка и отчуждение от общерусской жизни; против этого-то и вёл борьбу честный пастор Кетуракат. Он, вступив на приход, в местной 4-х классной школе встретил такие ответы мальчиков на свои вопросы: «что царь их Вильгельм, столица – Берлин». И это факт. Незадолго перед выездом Кетураката для присоединения, однажды вечером, когда он был в своём огороде, было сделано покушение на И. Х.: кто-то выстрелил в него. Катуракать тайно ночью поспешил выехать в Тифлис из колонии окольной дорогой, так как имел сведения, что на прямой дороге его будет ожидать засада, что так и было. Так велик фанатизм у мнимо-просвещённых последователей свободолюбивого протестантизма! По возвращении домой уже православным, Ивана Христофоровича посетило тяжёлое испытание. Жестоко-сердечные швабы-прихожане истерзали нервы и душу супруги Ивана Христофоровича до такой степени, что она доселе жестоко больна.

Иван Христофорович, верный своему глубокому убеждению, относительно истинности православия, самоотверженно и мужественно покончил счёты с протестантизмом, предпочитая правду веры и спасение всем благам мира: он оставил прекрасно материально обеспеченный приход, дававший ему 900 р. казённого жалования (вот как у нас хорошо устроено иноверное духовенство сравнительно с православным!), 200 р. оклада от прихода, – кроме доходов, а также приходскую квартиру, два виноградника, сено, подводы и проч. Имея жену и двух детей в гимназии,

новоприсоединённый остался решительно без копейки денег, с упованием на милость Бога и помощь новых своих единоверцев православных! В настоящее время бывший пастор прибыл в Петербург на собранные тифлисскими миссионерами противо-сектантскими средства для приискания себе места службы.

Иван Христофорович выделялся в среде своих сослуживцев, как проповедник и апологет. Достойна внимания ваших гомилетов та подготовка к проповедничеству, которую дают своим воспитанникам протестантские богословские школы. В миссионерском институте последние два года каждый ученик должен два раза в неделю приготовить и произнести своего сочинения проповедь на данную профессором тему. Сначала составляется план (диспозиция), который исправляется профессором, затем по этому плану пишется содержание, которое снова исправляется профессором и тогда уже слово заучивается и *произносится с кафедры в класс, обязательно наизусть – без тетради*, – а за кафедрой сидит с тетрадкой в руках другой ученик на случай подсказать запнувшемуся юному проповеднику. Таким образом, не менее ста проповедей каждый ученик в школе приготовит и произнесёт, а на приход каждый поступает уже вполне подготовленным, превосходно выдрессированным оратором. В Юрьевском университете, в качестве экзамена по церковному красноречию, кандидаты на пастора должны сказать проповедь в кирке, где состоит проповедником профессор этой кафедры. На приходе пастор обязан говорить поучения решительно при всякой службе и требе. Если, напр., бывает в день пять свадеб, то обязан сказать каждой чете особую проповедь. И всё-таки Иван Христофорович о религиозности и нравственности своих бывших прихожан, не высокого мнения. Уж больно омирщились, по словам Ивана Христофоровича, швабы и сделались грубые эгоисты и материалисты.

В. С.

* * *

Разрешение брака католическому духовенству. Весной 1899 года в Риме заседал собор южноамериканских епископов, поставивший, между прочим, требование, чтобы был отменён запрет вступления в брак для католических священников. Как сообщает ультрамонтанская «*Bad. Vesb.*», папа внял этому требованию и недавно издал энциклику, отменяющую запрет вступать в брак священникам католических земель Америки. Энциклика была напечатана впервые в чилийской газете «*Tritona*»; вот вкратце её содержание. «В виду того, что безбрачие есть установление

небожественное, а церковное, введено соборами и папами в то время, когда случаи принятия на себя духовного сана были очень многочисленны, в виду того, что в настоящее время, и особенно в латинской Америке, призвание к священству встречается всё реже и реже, что, благодаря этому, многие приходы пустуют и от недостатка в священниках происходит подрыв вере и религии; далее, в виду того, что современная молодёжь, выросшая в материалистической атмосфере, отворачивается от священства именно потому, что с ним связана героическая жертва, обет безбрачия – соблюдение которого требует особой благодати Божией, дающейся лишь избранным, в виду всех этих веских причин, его святейшество, по предварительном совещании с достопочтенными отцами, заседавшими на соборе, даёт священникам латинской Америки привилегию вступать в брак. Тем не менее папа советует всем, кто «может вместить» и впредь хранить целомудрие, находя это состояние более достойным священного сана.

* * *

Новая духовная семинария. Св. Синод постановил учредить в Восточной Сибири новую духовную семинарию, в которой не будет преподаваться латинского языка, а лишь греческий и то в объёме, потребном для понимания текста свящ. книг. Особое внимание будет обращено на преподавание местных инородческих языков и медицины, так чтобы ученики семинарии имели не меньше врачебных сведений, чем какими владеют буддийские ламы.

Миссионерские новости. В одном из последних пред-пасхальных заседаний своих, Св. Синод рассмотрел и сделал соответствующие постановления по миссионерским вопросам, имеющим весьма важное значение для внутренней миссии и расколо-сектантства (по поводу деяний казанского миссионерского съезда), – в том числе вопрос об усилении миссионерства среди пастырства и о повсеместном в епархиях учреждении должностей епархиальных миссионеров, из лиц с высшим богословским образованием, о ведении точной регистрации в церковных документах числа в приходе сектантов и раскольников, о строгом наблюдении и донесениях без замедления епархиальным преосвященным о всех случаях новых уклонений в раскол и секты; о необходимости признания служебных прав за миссионерскою деятельностью, об учреждении Всероссийского миссионерского общества для борьбы с расколом и сектами, о признании некоторых сект (каковы пашковцы, иеговисты и бегуны), в числе особо вредных; о заведении в приходах для борьбы с религиозными лжеучениями миссионерских братств из ревнителей православия, о пользе учреждения по епархиям миссионерских съездов духовенства и др.

Выработку положения о нравах службы и о пенсии епархиальных миссионеров Св. Синод возложил на особую комиссию при канцелярии г. синодального обер-прокурора.

* * *

К вопросу об усилении пенсии православному духовенству. В ответ на запросы в нашу Редакцию, по поводу проникших в печать слухов об усилении пенсии православному духовенству, можем сообщить, что в одном из своих заседаний в истекшую зимнюю сессию Св. Синод в принципе, действительно, решил возбудить ходатайство в установленном порядке об усилении пенсии приходскому православному духовенству и поручил разработать подробности этого назревшего и важного для духовенства вопроса в особой комиссии, при участии представителей других ведомств. Как известно, теперь получают пенсию в 130 р. за 35 лет службы только одни священнослужители, т. е. священники, протоиереи и диаконы, а псаломщики совсем не получают пенсии. По новому проекту предполагается в состав пенсионеров включить и низших членов клира, затем допустить три срока службы, подобно действующему положению о пенсии военного духовенства, затем размер пенсии будет сообразован или с саном иереев и протоиереев, или же с положением сельского и городского духовенства. Относительно размера пенсии говорить что-либо определённое преждевременно: можно полагать, что приблизительно сумма эта за полный срок службы будет священнослужителям в размере несколько ниже 300 р. (младшим по сану или положению) и выше 400 р. (старшим).

* * *

– От известного фанатика-раскольника *Фёдора Ковалева*, на долю которого выпала обязанность закопать в землю живьём в 1897 году несколько семейств сектантов, получено на-днях, – по словам «Юга», – очень интересное письмо. Это – ответ на посланное ему раскольниками письмо с вопросом, справедливо ли известие о том, что он принял православие, а если принял, то почему. В своём пространном письме, написанном с большим воодушевлением, Ковалев подтверждает, что он, действительно, принял православие по убеждению и очень рад, что, наконец, стал жить *настоящей духовной жизнью*.

– *Где разбирать церковные дела?* Один бывший благочинный таврической епархии, при разборе в храме церковно-приходских дел, возбудил против себя неудовольствие прихожан и тем вызвал с их стороны жалобу епархиальному начальству. По поводу этого случая преосвященным, как передаёт «Крым. Вест.», положена следующие

резолуция: «Следовало бы внушить духовенству, чтобы о делах приходских толковые не в церкви, а в ограде церковной или в другом каком месте; иначе всегда могут выходить подобные случаи. Где горячность и прение, там и лишнее слово и бестактичность».

* * *

Загадочное преступление. В Вильне произошёл случай, который наводит на тяжёлые размышления: еврей-парикмахер Блондес имел у себя девушку-христианку единственной служанкой. В ночь на 2 марта, когда она уже заснула, в сообществе с своими близкими евреями, Блондес принялся делать бритвой нарезки на её руках, горле, затылке. Отчаянные крики девушки, проснувшейся под остриём бритвы, произвели в доме переполох и привлекли постороннюю помощь. Все виновные (евреи) арестованы, начато следствие; местные жители нетерпеливо ожидают подробностей этого дела.

Заслуживает внимания совпадение чисел.

Преступление совершено 2 марта, как раз за месяц, т.-е. за тридцать дней (у евреев нет месяца в 31 день) до праздника Пасхи, который приходится у них в нынешнем году 1-го апреля. 2 марта евреи празднуют полу-праздник пурим (Аман), в память избавления евреев от общей гибели, задуманной царедворцем Аманом. Гибель Израиля не состоялась вследствие хитрости одного из сынов его – дяди любимой царской жены еврейки Эсфири – Мардохея. Это самый весёлый праздник евреев; в этот день они особенно стараются возблагодарить Бога и показать себя достойными проявленной Им над ними милости.

* * *

Из «вопросов и ответов» «Церковного Вестника»:

Вопрос. Есть ли законное основание требовать от иноверных российских подданных – татар, евреев и других – наружного оказания уважения к господствующей православной вере, хотя-бы, например, снятия шапок при встрече с религиозными процессиями в преднесении креста и икон?

Ответ. «Законы предусматривают лишь случаи явного неуважения или оскорбления религиозного чествования веры православной со стороны иноверцев и карают таковые; но законов, которые приписывали бы иноверцам оказывать вере православной уважение в том смысле, как это указывается в вопросе, не имеется». Мы же считаем не лишним к изложенному от себя присовокупить, что однако на блюстителях порядка лежит обязанность, чтобы религиозно-православные процессии были ограждены от всего того, что может нарушать благочиние и оскорблять религиозное чувство православных

и возмущать общественную тишину: а наглое поведение иноверцев не редко и служит поводом к беспорядкам.

От редакции.

При настоящей апрельской книжке «Мисс. Обозр.» рассылаются подписчикам, взнёсшим подписную плату в количестве 6 руб., **«Проповеди Миссионерского Обозрения»**, выделенные для удобства пользования проповедническим отделом нашего журнала, в «особое приложение», которое заключает в себе церковные и миссионерские слова и поучения, из них большинство заимствованы из проповедей о. Иоанна Кронштадтского, с благословения этого благоговейно чтимого всей Русью пастыря и несравненного церковного оратора. Брошюра украшена фототипическим портретом о. Иоанна. В следующих своих «особых приложениях» проповедей Редакция, наряду с оригинальными проповедническими трудами своих сотрудников, будет помещать также и образцы других лучших наших церковных проповедников.

Вторая книга *Приложения* к журналу «Миссионерское Обозрение», заключающая в себе отделы святоотеческий, экзегетический и апологический, а также и «для чтения народу», будет разослана при майской книжке.

Контора Редакции усердно просит подписчиков журнала, при взносе долга, а также при заявлении претензий, – *непремьнно* прилагать адрес с бандероли «Миссионерского Обозрения», или же указывать № этого адреса, так как, при несоблюдении этого порядка, часто происходят недоразумения и задержки в исполнении требований подписчиков, а также и ошибочная высылка второго экземпляра журнала.

Гг. подписчиков, получивших ошибочно лишние книги журнала, Контора покорно просит выслать таковые обратно.

Май

Э. Я. Высочайший рескрипт и значение московских царских слов и подвигов благочестия для миссии Церкви в её борьбе с расколом и сектами // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 648–657

Дан на Имя Его Императорского Высочества Московского Генерал-Губернатора, Великого Князя Сергея Александровича.

Ваше Императорское Высочество..

Горячее желание Моё и Государыни Императрицы Александры Феодоровны провести с Детьми Нашими дни Страстной недели, удостоиться приобщения Святых Таин и встретить Праздников Праздник в Москве, среди величайших народных Святых, под сенью многовекового Кремля, милостью Божью осуществилось.

Здесь, где нетленно почивают угодившие Богу Святители, среди гробниц венценосных собирателей и строителей Земли Русской, в колыбели Самодержавия, усиленно возносятся молитвы к Царю царствующих, и тихая радость наполняет душу в общении с притекающими в храмы верными чадами нашей возлюбленной Церкви.

Да услышит Господь эти молитвы, да подкрепит верующих, да удержит колеблющихся, да воссоединит отторгнувшихся и да благословит Российскую Державу, прочно покоящуюся на незыблемой истине Православия, свято хранящего вселенскую правду любви и мира.

В молитвенном единении с Моим народом, Я почерпаю новые силы на служение России для её блага и славы и Мне отрадно именно сегодня выразить Вашему Императорскому Высочеству и через Вас дорогой Мне Москве одушевляющие Меня чувства.

Христос Воскресе!

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою написано: ***Николай.***

Светлый праздник Христова Воскресения прославляется и в церковных песнопениях, и в живом сознании верующих людей, как „праздников праздник“, как „торжество из торжеств“.

Отселе на скрижалях истории отечественной Церкви и в вечной памяти народного предания пасха нынешнего 1900 года будет храниться не только как величавое светло-радостное торжество Церкви, но и как глубоко-знаменательное и в своём роде единственное церковно-государственное событие. Такое особое, своё православно-русское значение нынешнему пасхальному празднику, – на рубеже

нового века, – придали московские царские слова и подвиги благочестия.

Давно, напр., не раздавалось с высоты царского трона таких *благодатных* слов, давно не говорили Русские Самодержцы с Своим народом таким родным, знакомым языком, каким приветствовал Благочестивейший наш Государь, в своём пасхальном вышеприведённом Высочайшем рескрипте, Православную Русь, в лице Августейшего Московского генерал-губернатора и сердца России – первопрестольной Москвы! Да, справедливо заметили „Москов. Ведомости“, что каким-то благодатным благоуханием ароматов тихой ясной весны, какой-то священной песней веет от незабвенных слов Царского рескрипта, полного каким-то новым, но близким Русскому сердцу молитвенным настроением, в котором слышится родная святая старина.

Среди пасхального торжественного, радостного благовеста Кремлёвских колоколов пронеслись по Москве, а за нею и по всей России, Царские слова пасхального привета – *„Христос Воскресе!“*, посланные Царём своему народу из священного Московского Кремля, из „Колыбели Самодержавия“.

Потрясаясь от края до края Святая Православная Русь могучим, благодарным, столь же глубоко верующим кликом:

„Да, Государь! Воистину Христос Воскресе!“

Воистину воскресе! ответила Своему возлюбленному Царю полной грудью, благоговейно осеняясь широким русским крестом, вся многомиллионная Русь Православная, до глубины сердца, умилённая этим, давно неслыханным с Царского Престола, христианским благовествованием.

Воистину воскресе! воскликнула вся Русская Церковь, в лице своих пастырей и пасомых, обмениваясь со своим Царём духовным лобзанием, в сладостном чувстве братского во Христе единения могущественнейшего Царя со скромнейшими даже из Его подданных.

И услышал Царь в этом ответном привете Своего народа все те, недоступные смертному языку, глубокие, таинственные чувства, которыми преисполнились сердца верующих русских людей под впечатлением умилительных подвигов царской веры и благочестия, явленных в страстные дни последней недели, завершившихся знаменательными словами Царского привета.

Все мысли и чувства верующих и непоколебимо-верных чад Церкви жили во все знаменательные московские дни и долго – долго будут жить одной сладостной мыслью: Батюшка-Царь с Царицей-Матушкой, поклонившись всем дорогим русской православной душе

святыням, с дорогими Своими Детками приобщились Святых Таин и встретили Светлый Праздник среди Кремлёвских святынь златоглавой Москвы. Значит, Царю всего дороже то, что дороже всего и всему Русскому народу. Значит, Царь и народ *едины* в своей Православной Вере, в своей любви к церкви.

Да, Царь и народ вняли в эту святую ночь призыву священной песни и „обняли друг друга“ в знак неразрывного своего церковно-государственного единения, – и на радостный привет Царя: „Христос Воскресе!“ – весь Русский народ, все истинно русские люди столь же радостно воскликнули со слезами радости на глазах:

„ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ!“

Мы знаем людей всяких состояний, не исключая и истиннорусских сановников, которые буквально не могли читать пасхального Царского рескрипта без слёз умиления.

Очевидцы поражены той единственной картиной народного религиозного энтузиазма, которая была в том Московском храме, где находчивый пастырь на пасхальной утрени, после возвышенного Слова Иоанна Златоуста, прочитал Царский рескрипт, а равно и теми восторженными кликами народных масс – *воистину воскресе* – всюду в Москве, по пути следования Их Величеств, во время пасхальных дней, – вместо обычного ура... Так чутко опознали дети – народ чувство Своего обожаемого Отца-Царя, и по собственному почину народ откликнулся на него из глубины своей отзывчивой, верующей души, так необычно, – чисто по православному, приветствуя проезжавших Царя и Царицу!

Высочайший рескрипт 9 апреля сколько поднимает дух, пленяет мысль и радует сердца верных сынов Церкви и отечества, столько же и *назидает*, с высоты царского трона, отторгнувшись от единства веры с Царём, наших суемудрствующих *раскольников и сектантов*. В этом последнем отношении значение Высочайшего рескрипта чрезвычайно велико для миссии отечественной Церкви. Не подлежит сомнению, что глубоко вразумительны и действенны должны быть эти золотые слова Царского Священного завета и пламенного желания Монарха в той именно злосчастной тёмной русской среде, которая, коварством и обманом расколо-вождей, отторгнута от родного корня православия, сбита суемудрием главарей с исконного исторического пути жизни и рабски удерживается на пути погибельном. Каждое слово Высочайшего рескрипта, каждый подвиг Царского благочестия в *Московские* незабвенные дни вещает и даёт чувствовать чуткой совести столь ясный отеческий урок назидания всем, не потерявшим слуха и разума, коснеющим в расколе и раздоре с матерью-Церковью,

которая, по неложному свидетельству Самого Царя, *свято хранит вселенскую правду любви и мира, содержит незыблемую истину православия*, на которой прочно покоится наша Российская держава. Чего же ещё нужно, от кого другого ожидать ещё более авторитетного слова убеждения в истине православия нашим отщепенцам? Пусть же поймут раскольники и сектанты, как то чутко поняли православно-верующие люди, что Высочайший рескрипт содержит торжественное, в священный момент пасхального праздника, с высот Московского кремля, – перед лицом не только всей необъятной России, но и всего мира, – засвидетельствование Русским Самодержцем глубины и незыблемой силы тех своих православных убеждений и верований, которые составляют священнейшую основу, залог и оплот силы и славы Российской державы, проявление тех Своих сокровенных чувств и пламенных желаний, которые составляют предмет Его царственных забот и Его горячей молитвы к Царю царствующих!

Пусть *отторгнувшиеся* хоть теперь уразумеют, как дорого сердцу благочестивейших Царя и Царицы родное, святое православие, как священны для Них народные святыни веры, которые находятся в таком поношении у закоснелых раскольников и сектантов упорных, – пусть уразумеют и устыдятся своего душепагубного, вредного для блага и славы Церкви и отчества не русского образа мыслей и оскорбительного для Царя-Отца и его верных православных чад злокозненного поведения, в отношении господствующей Церкви, и поспешат вступить на путь вразумления и соединения в вере православной с своим Царём и со всей православно-русской семьёй, памятуя, что покаяние будет спасительным перед Богом и угодным и дорогим перед Царём, Который в пасхальном привете „дорогой Ему Москве“ молит Господа: *да подкрепит Он верующих, да удержит колеблющихся, да воссоединит отторгнувшихся* ! Такова трогательная Царская молитва, таково пламенное желание Царя. Да будет же эта Царская молитва и Государево желание нашей общерусской православной молитвой! О, если бы Всемогущий и Всеблагий Господь, нежелающий смерти грешника, услышал бы сию пасхальную молитву Царя и, ими же вестъ судьбами, вразумил заблудших оставить своё вековое упорство и недомыслие, и соделаться единоверными с своим православно-верующим Царём и с единокровными сынами православной Церкви, какая бы велия радость была на сердце Благочестивого, глубоко-верующего Государя! И Он, наш обожаемый Отец отчества, – *в молитвенном единении со всей*, без исключения, русской народной семьёй стал бы почерпать и ещё новые и новые силы на служение России для её блага и славы, и сама

бы *благословенная* Российская Держава наша, не разделяясь, как ныне на ся, не ослабляясь во взаимной вражде и борьбе религиозных сект, стала бы ещё прочнее, – без *религиозных подкопов*, ещё непоколебимее, – без нравственных *потрясений*, – *покоиться на незыблемой истине православия!*

В высшей степени важно и отрадно для миссии церкви, что отныне должны рассеяться, – как туман перед блеснувшим своими яркими лучами солнцем, все сомнения и умолкнуть злокозненные наветы врагов православия, смущавшие православный верующий народ и порождавшие вредную смуту в умах расколо-сектантской среды. Не секрет, что злонамеренные и своекорыстные вожди раскола и сект, поддерживаемые враждебными нашим церковно-государственным основам и устоям общественными элементами, с самого начала воцарения Государя Императора Николая Александровича, не переставали распускать в тёмной сектантской массе нелепые и вздорные толки, в роде того, что де Царица на нашей стороне и Царь скоро объявит свободу всяких вероучений. Не далее, как в прошлом году среди штундистов юго-западного края злонамеренные агитаторы этого опасного движения, воспользовавшись лубочной картиной, по поводу Гаагской мирной конференции, изображавшей Государя стоявшим на разбитой пушке и поломанных саблях, – пустили слух, что это Царь объявляет штунду свободной верой и попирает сорванные с Себя кресты (в рукоятке саблей гнусные проповедники увидели изображение креста). Как ни вздорен этот слух, но он породил смуту, и священники должны были изобличать нелепость с церковной кафедры.

Не менее болезненно впечатлительна и раскольничья среда ко всякому вздорному измышлению о якобы покровительственных отношениях высшей правительственной власти к расколу, в ущерб интересам православной церкви. Все эти представления и подношения хлеба-соли депутациями раскольничьими „власть имущим“ служат источником и поводом для раскольничьих верховодов и агитаторов к поддержанию в тёмной народной массе слепой веры к лжеучению своего толка, а также орудием к борьбе и влиянию на другие толки раскола. Так, напр., присвоившие себе своего рода привилегию перед другими толками раскола иметь счастье представлять депутации Высочайшим Особам, *раскольники, приемлющие священство*, пользуются этим обстоятельством в борьбе с беспоповцами и беглопоповцами, доказывая последним преимущество лжеучения своей секты и уверяя о скором своём господстве наравне, если не выше, с православной церковью. Давно

ли представлялась при встрече Их Величеств в Москве старообрядческая депутация от *приемлющих священство*, но по поводу её самым оживлённым и жестоким образом уже идут споры среди раскольников разных согласий и православных единоверцев далёких провинциальных захолустий.

Так, наш корреспондент сообщает из Черниговских посадов раскольников Стародубья, что там главари австрийской секты хвастаются преимуществом в глазах власти своей секты перед другими толками, на что беспоповцы, как равно и миссионеры возражают австрийцам, что старообрядцы, как члены государственной семьи и слуги Царя и отечества *все равны*, – а по религиозному учению и по отношению к господствующей церкви они также одинаково враждебны, с той однако разницей, что австрийская секта наибольшую воздвигает борьбу против господствующей церкви. Старообрядческие депутации допускаются к представлению Его Величеству или членам Царской Фамилии не как представители той или другой секты, как *особой церковной единицы*, будто бы преимуществующей перед другими толками (пред законом все толки раскола равны и только терпимы) и как потому поощряемой или поощаемой Верховной властью, – а как верноподанные жители того или другого града или селения. Если последователи других толков и сект не дерзают *самостоятельными* депутациями заявлять о себе, то это может говорить лишь в пользу их скромности и разумения себя нераздельными членами и полноправными гражданами данной местности, сливающимися в депутациях от местных сословий и учреждений; наоборот, снаряжение особых старообрядческих депутатий, как представителей той или другой секты, обнаруживает собой или вызываемое фанатизмом выделение из общерусской семьи или политиканство религиозное и верноподданническое фарисейство, что де они не яко же прочие.

Таким взглядом нужно объяснять также уже замеченное и имеющее свои последствия в центрах раскольников отсутствие особой старообрядческой депутации при приёме Их Величествами представителей сословий г. Москвы в день христосования.

Да, пора сбросить с приемлющей священство раскольников секты маску лукавства и притворства. Она является ныне из всех толков раскола самой вредной, в смысле противоборства её господствующей Церкви сектой, которая из года в год всё более и более дерзко и настойчиво упрочивает свою незаконную организацию и развивает свою пропаганду на счёт православия и прочих толков раскола. В противность точному разуму закона 3 мая 1883 г. австрийская секта,

производя обман и смуту не только среди раскольников, но и православных, укрепляет свою лже-иерархию, получившую организацию и силу отдельно и независимо от Верховной власти, отрицая непререкаемые права её на участие в назначении церковных иерархов. Секта эта хитро и упорно стремится организовать свою, обособленную от господствующей Церкви и независимую от правительственной власти, *свободную* старообрядческую, народную церковь, крайне враждебную православной, которую представители и защитники австрийской лже-иерархии называют „потерявшей благочестие“, *казённой*, т. е. с Верховной правительственной властью нераздельной и проч.

Для осуществления этой преступной и опасной в церковно-государственном отношении цели австрийская секта пользуется законом недозволенными средствами и способами, до глумления и кощунства над святынями православия включительно.

Словом, теперь у миссионеров и пастырей к числу тех доказательств к опровержению расколо-сектантских лже-мудрований, какими располагает наша полемика – „апологетика“, прибавилось новое, мирное, но могучее свидетельство истины православия и его значения для России, а равно и непреодолимое орудие к изобличению расколо-сектантской неправды и всяких праздных кривотолков, в золотых словах Высочайшего рескрипта и в святом примере царского благочестия, явленного в Московские дни. А кто не знает, какую непререкаемую силу убедительности имеют царские слова, какое могучее обаяние имеет пример Царя-Отца в глазах верноподданных детей – народа!

Может ли, повторяем, не умилиться, не умягчиться и самая закоснелая в заблуждениях душа, – не прильнуть к гортани и самый дерзкий язык хулителя при чтении Высочайшего рескрипта, исполненного благоговейного почитания и живой любви, и преданности Помазанника Божия к православию и его святыням, созерцании умилительных картин царского паломничества ко всем решительно чтимым народом московским святыням, – которые Его Величество называет *величайшими*.

Благоговейно вспоминает Государь благоугодивших Богу святителей, *нетленно* почивающих, которым всем, – не миновав ни одной Московской обители, – Царь и Царица воздали честное поклонение и лобзание, как равно и чудотворным иконам. Неужели не устыдятся своего безусловного отрицания истины *нетления* святых наши иконоборцы – штундисты! Церковь православную – Царь называет *возлюбленной*, чад её *верными*; общение Их Величеств в

молитве с *верными* и притекающими в храмы *наполняет* верующую, любящую благолепие святынь Божиих, – душу Монарха *тихой радостью!*.. Царь уповает на *эти* молитвы *верных чад* Церкви к Царю Царствующих и молитвенно взывает ко Господу: *да услышит Он молящихся Царя и верных чад Церкви, «да подкрепит верующих, да удержит колеблющихся, да воссоединит отторгнувшихся и да благословит Российскую Державу, прочно покоящуюся на незыблемой истине Православия, свято хранящего вселенскую правду любви и мира».*

Трепетно бьётся Русское сердце при этих молитвенных словах: хочется молиться, вместе с Царём, этой, отныне незабвенной, Царской молитвой.

Да будет же эта молитва на веки *нашей общей Русской молитвой.*

Но Государь ещё полнее открывает народу Свою душу, говоря:

„В молитвенном единении с Моим народом почерпая новые силы на служение России для её блага и славы, Мне отрадно именно сегодня выразить Вашему Императорскому Высочеству и через Вас дорогой Мне Москве одушевляющие Меня чувства“.

А какой святой высоко-назидательный пример явили колеблющимся Царь и Царица своим двукратным исполнением в течение истекшей Св. Четырдесятницы христианского долга исповеди и св. причастия! А как трогательна эта картина²⁵⁹ могущественный венценосец, властитель почти полмира, – верный уставам и постановлениям православной церкви, не как протестантский властитель Германии, в роли Pontifex maximus, а как последний из смиренных чад Церкви коленопреклонённый пред Св. Крестом и Евангелием, лежащими на аналое, исповедует свои грехи духовнику, служителю алтаря Господня, возложившему свою священническую десницу на главу Царя.

Или опять сколько назидания всем являет тот, самый знаменательный в московских днях момент, когда неожиданно, как евангельский жених, грядущий в полночи, идут в 3 часа холодной ночи Царь с Царицей в Успенский собор к заутрени с Великой Пятницы на Великую Субботу, для погребения вместе с народом Живодавца, идут без свиты, без блеска, как простые христиане. Царь и Царица всё время коленопреклонённые молятся у гроба Живодавца, делают земной поклон и лобзают Распятого, идут за плащаницей в крестном ходе; возжигает Царь свою угасавшую от ветра свечу от свечи рядом стоящего богомольца крестьянина. Не забыть этой священной для православных и ставшей, столь важной для России ночи; во веки будет жить в сердце народа этот смиренный подвиг благочестия Царя и

Царицы, который отныне глубоко запечатлелся в сердце не одной Москвы, но всего верующего многомиллионного русского народа!

Царские слова рескрипта 9 апреля в Москве розданы были в день Св. Пасхи в количестве 700 т., но рескрипт этот должен быть распространён и расклеен по всем волостям и управам сельским, как зеркало царской веры и упования!

Э. Я.

**В. С. Три документа и несколько слов по вопросу об
общественно-богомоленных собраниях штундовой секты
// Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 657–670**

а) Циркуляр министерства внутренних дел, от 3 сентября 1894 г. за № 24, о признании штунды особо вредной сектой и о воспрещении собраний штунды. С. 657–659

„Комитет министров, подвергнув обсуждению представленные министром внутренних дел объяснения по Высочайшим отметкам, последовавшим во всеподданнейшем отчёте киевского, подольского, Волынского генерал-губернатора за 1889–93 гг., по вопросу о борьбе со штундой и находя, 1) что в законе 3 мая 1883 г. не содержится разграничения сект на более или менее вредные, вследствие чего последователи штунды, признанной особо вредной как Св. Синодом, так и гражданской администрацией, могут рассчитывать на те права и льготы, которые предоставлены обыкновенным раскольникам, само же преследование их деяний на почве означенного закона представляется крайне затруднительным; 2) что молитвенные собрания штундистов, как это выяснено продолжительным наблюдением за развитием штунды в юго-западном крае, внося смуту в жизнь местных приходов, не только способствуют укреплению этих сектантов в их религиозных убеждениях, но и служат самым удобным способом распространения штундистского лжеучения среди православных и, наконец, 3) что, хотя принятыми в последнее время киевским, подольским и Волынском генерал-губернатором особыми мерами, состоящими, между прочим, в запрещении молитвенных собраний последователей секты штунд, достигнуты весьма благоприятные последствия, а между тем такие распоряжения основывались исключительно на полномочиях, предоставленных генерал-лейтенанту графу Игнатьеву, как главному начальнику края, положением об охранении государственного порядка и общественного спокойствия, и едва ли могут быть применяемы в тех местностях, на которые положение это не распространяется, – полагал предоставить министерству внутренних дел, по соглашению с обер-прокурором Св. Синода, объявить секту штунд более вредной, с воспрещением штундистам общественных молитвенных собраний.

Означенное положение Комитета удостоено в 4 день июля сего года Высочайшего утверждения.

По сим основаниям и принимая во внимание, что Государственный Совет, при обсуждении проекта закона 3 мая 1883 г. (журнал соединённых департаментов законов гражданских и духовных дел от 19 марта 1883 г. № 25), определение вопроса о том, к последователям каких именно сект может быть применён означенный закон, предоставил министру внутренних дел, по предварительном о том

соглашении с Св. Синодом, а также имея в виду, что по имеющимся как во вверенном мне министерстве, так и в духовном ведомстве, сведениям, последователи секты штунд, отвергая все церковные обряды и таинства, не только не признают никаких властей и восстают против присяги и военной службы, уподобляя верных защитников престола и отечества разбойникам, но и проповедают социалистические принципы, как, напр.. общее равенство, раздел имущества и т. п., и что учение их подрывает в корне основные начала православной веры и русской народности, я, согласно состоявшемуся и сообщённому мне ныне статс-секретарём Победоносцевым определению Св. Синода, и с своей стороны признаю секту штунд одной из наиболее опасных и вредных в церковном и государственном отношениях.

Сообщая об этом вашему превосходительству, во исполнение вышеприведённого Высочайшего повеления, для надлежащего руководства, считаю необходимым пояснить, что за сим права и льготы, дарованные законом 3 мая 1883 г. раскольникам менее вредных сект, не могут быть применяемы к штундистам и что всякие общественные молитвенные собрания отнюдь не должны быть допускаемы на будущее время под опасением привлечения виновных к строгой судебной ответственности в установленном для сего порядке.

К сему необходимым считаю присовокупить, что о вышеизложенном мною вместе с сим сообщено управляющему министерством юстиции для соответствующих с его стороны распоряжений“.

Подлинное подписал: Министр внутренних дел Статс-секретарь *Дурново*.

Скрепил: Директор *Дурново-Сабуров*.

Верно: За управляющего отделением *Смирнов*.

б) Кассационное решение Сената о том, какие собрания штунды считать недозволенными. С. 659–661

„По указу Его Императорского Величества, Правительствующий Сенат в судебном заседании, выслушав кассационную жалобу кр. Оберемка на приговор Таращанского мирового съезда по обвинению его по 25 ст. уст. о наказ. и принимая во внимание, что по неоднократным разъяснениям Правительствующего Сената 29 ст. уст. о наказ. подлежит применению в случаях неисполнения постановлений административной и полицейской власти, основанных на прямом определённом предписании закона и предъявленных в особом требовании, или опубликованных установленным порядком (реп 1871 г. №№ 276 и 1595. 1873 г. № 450. 1875 г. № 53. 1886 г. № 28 и 1890 г. № 10); что по сему указание кассационной жалобы на неприменимость ст. 29-й о наказ. к лицам, принадлежащим к секте штундистов, обвиняемых в совершении общественных богомолений. не заслуживает уважения, так как циркуляром Министерства Внутр. Дел от 3 сент. 1884 г. за № 24, опубликованным в Киевских Губернских Ведомостях, 3-го декабря того же года и основанным на Высочайше утверждённом в 4-й день июля 1894 года положении Комитета Министров, секта штундистов объявлена из наиболее вредных с воспрещением штундистских общественных молитвенных собраний; что согласно точному смыслу означенного положения Комитета Министров, воспрещающего только такие собрания штундистов, которые имеют характер молитвенных и притом общественных собраний, судебные места, признавая штундистов ответственными по 25 ст. уст. о наказ. за неисполнение распоряжений административной власти, основанных на сем положении, обязаны каждый раз с точностью установить, что собрание штундистов имело значение *молитвенного, т. е. состоящего в свойственных штундизму молитвословиях и обрядах*, которое при том не ограничивалось тесным кругом семьи, а было более или менее *доступно свободному посещению со стороны посторонних лиц*; что по этому, находя обвиняемых по настоящему делу виновными в проступке, предусмотренном 29 ст. улож. о наказ., 3 мировому съезду надлежало с точностью определить: *в каких именно действиях их выразился общественный характер богомоления*, в силу коего пришедшие в дом Оберемка для погребения его дочери и сам он являются участниками *всем доступного и состоящего в свойственных штундизму молитвословиях и обрядах собрания*; что вследствие сего признание

съездом нахождение обвиняемых в числе 5 человек в доме Оберемка для погребения его дочери и перенесения ими тела умершей на кладбище подлежит наказанию по 29 ст. улож. о наказ. *не имеет достаточного основания* ибо съездом не установлено ни совершение *при этом вышеуказанных молитвословий и обрядов, ни публичное оказательство ереси*, каковым в виду перечисления признаков сего оказательства в примечании к 59 ст. уст. о предупр. и пресеч. преступлений, не может быть считаемо простое, без наличности хотя бы одного из сих признаков, отнесение тела умершего на кладбище, и что на основании приведённых соображений в деянии Оберемка не усматривается состава проступка, предусмотренного Высочайше утверждённым положением Комитета Министров 4 июля 1894 года и 28 ст. улож. о наказ.,²⁶⁰ определяем: приговор Таращ. мирового съезда и всё уголовное производство, относительно всех по оному подсудимых, отменить, за силой 1 ст. улож. о наказ. и 1 ст. уст. уголовн. судопроизводства“.

1897 г. 24 мая № 5036.

Циркуляр г. Министра Юстиции на имя Судебных учреждений, апреля 3 дня 1900 года за № 10682. С. 661–663

На основании Высочайше утверждённого 4 июля 1894 года положения Комитета Министров, секта штундистов признана более вредной, с воспрещением последователям этой секты общественных молитвенных собраний, дозволенных раскольникам в силу закона 3 мая 1883 года (собр. узак. и расп. правит. 1883 г, № 51 ст. 469).

При обсуждении вопроса об ответственности штундистов за участие в запрещённых молитвенных собраниях, Правительствующий Сенат, в решениях Уголовного Кассационного Департамента (1896 года по делу Перен, 1897 г. по делу Редичкиных и др. и 1898 г. по делу Оберемка и др), признав правильным привлечение виновных к ответственности по ст. 29 уст. наказ. разъяснил: во 1-х, что применение этого карательного закона может последовать только в отношении обвиняемых, принадлежность которых к штундистской секте установлена судом, и во 2-х, что наказанию по ст. 29 подлежат участники такого собрания, которое имело значение молитвенного, т. е. состоявшего в свойственных штундизму молитвословиях и обрядах,²⁶¹ и может быть признано общественным, если не ограничивалось лишь тесным кругом семьи, а было доступно посещению его посторонними лицами.

Ныне из сообщённых Министерству Юстиции Обер-Прокурором Святейшего Синода сведений усматривается, что последователи русской секты штунды, ранее уже неправильно присваивавшие себе название баптистов, в последнее время, по издании Высочайше утверждённого, 4 июля 1894 года положения Комитета Министров, особенно настойчиво стали именовать себя баптистами, не подходящими под действие вышеуказанного закона, вводя этим путём в заблуждение судебные власти, избегают иногда уголовной ответственности за устройство общественных молитвенных собраний.

Находя, с своей стороны, что признанный положением Комитета Министров 4 июля 1894 года вредный характер учения штунды вызывает необходимость борьбы с нею и на почве уголовной репрессии, считаю необходимым предложить Г. г. Председателям судебных мест принять зависящие меры к тому, чтобы по делам о молитвенных собраниях штундистов, в соответствии с вышеприведёнными разъяснениями Правительствующего Сената, бездоказательные заявления обвиняемых о непринадлежности их к

штундистской секте, в особенности когда они прикрываются именем баптизма, признаваемого нашим законодательством только за последователями немецкой протестантской баптистической секты, не принимались без тщательной проверки в тех пределах и тем способом, как то окажется возможным и необходимым в каждом отдельном случае.

Подлинный подписал Министр Юстиции Статс-Секретарь *Муравьев*.

Скрепил Директор *С. Манухин*.

Борьба со штундой, принимающей в последнее время повсеместно, в районах своего распространения, всё более и более дерзавший и боевой характер, озабочивает не одну только миссию и наше Духовное Ведомство, но и правительственную власть, обязанную, в виду Высочайше признанного в 1894 г. особо вредного характера учения этой секты, принимать в пределах своего ведомства, зависящие меры к пресечению дальнейшего распространения штундового лжеучения, растлевающего не только религиозно, по и социально православное население св. Руси. Так как в настоящее время особенно обострилась борьба эта на почве судебной репрессии, вызванной применением к штундистам Высочайше утверждённого закона 1894 г. 4 июня о воспрещении последователям этой секты общественных богомоленных собраний, причём, в виду упорного неисполнения штундистами означенного закона, против штунды возбуждён и ведётся целый ряд судебных дел, мы сочли полезным напечатать на страницах „Мисс. Обзор.“ в подлиннике относящиеся к данному вопросу вышеприведённые главнейшие документы и в тоже время присоединить к ним и несколько своих руководящих объяснений.

Как известно, штунда, по существу своего учения, секта безобрядовая, отвергающая весь богоустановленный церковный строй и ограничивающая свой культ, главным образом, чтением Библии и сердечной вдохновенной молитвой; в принципе секта эта не признаёт догмата о Церкви, как *обществе верующих*, а учит, что Церковь там, *где два или три собраны во имя Христа (Мф.8:20)*, а потому, изложенное в первом документе распоряжение Высочайшей правительственной власти, санкционированное Монаршей волей, по-видимому, не должно бы ни стеснять свободы совести штундистов, ни составлять лишения для штундистов в удовлетворении их религиозных потребностей. И штундисты, казалось, должны были бы покорно и спокойно отнестись к требованию нового закона. Тем менее можно было ожидать по сему поводу сутяжничества по всем судебным инстанциям от той штунды, которая в своём учении восстаёт против судов и в своём быту, действительно, обходится своим сектантским общинным самосудом. Так оно и было в действительности на первое время, особенно когда штундовые собрания были воспрещены в юго-западном крае на основании положения об усиленной охране, – спокойно выполнялся закон и в первое время после издания закона

1894 г. Штунда в этот период времени притихла, успокоилась, потеряв тот возбуждающий характер, какое оказывали на последователей её общинные собрания, соединённые с нервной экзальтацией, воплем, фанатической проповедью вожаков. Статистика показывает, что в это время число воссоединений значительно увеличилось и случаи соversions уменьшились. Миссия имела возможность более успешно и усиленно воздействовать на массу, трезво и спокойно внимавшую слову убеждения увещателей. Не так отнеслись к новому закону главари и вожаки секты, а особенно либеральный интеллигентный патронат её. В либеральной печати (Вести. Евр., Рус. Вед., Неделя) появилось мнение, что новый, закон 1894 г. об ограничении штунды, относительно богомоленных собраний, якобы незаконен, – ибо не проведён через Государственный Совет, как будто бы Воля Самодержца ныне уже ограничена в выражении своих Высочайших велений через то или другое государственное учреждение? Суть же дела в том, что руководители секты поняли и увидели, что закон 1894 г. пресекает пропаганду и поражает прозелитизм штунды в самую главу, что секта теряет жизненность и силу обаяния в массе, а потому заволновались и принялись за всяческие ухищрения, придумываемые для декретирования нового закона в его практике.

Обращаясь ещё раз к первому документу, необходимо обратить внимание, что в нём указаны ясно основания к изданию закона 4 июня 1894 г., это, во-первых, отсутствие в законе 1883 г. 3 мая разграничения сект на более или менее вредные, а, следовательно, неосновательность присвоения последователями штунды прав и льгот, предоставленных упомянутым законом 1883 г. лишь прочим раскольникам, – как секты новейшей, которой закон 1883 г. не мог иметь в виду, и как признанной особо вредной и Св. Синодом и администрацией, а также трудность преследования деяний штундистов на почве этого закона. А потому едва ли основательно то положение противников закона 1894 г., что будто бы Высочайше утверждённое мнение комитета министров 1894 г. ограничивает или нарушает закон 1883 г., которому приписывается несвойственное значение как бы коренного закона Империи, раз на всегда и притом всем, как уже бывшим, так будущим до скончания века, русским сектам и расколам дарующего изложенные в этом законе права и льготы. Повторяем, что закон 1883 г. писан не для штунды.

Затем, как комитет министров постановляя, так и сам министр, объявляя штунду особо вредной сектой и ограничивая её относительно прав на устройство богомоленных собраний, поступали на точном разуме и основании Высочайше утверждённого постановления

Государственного Совета 19 марта 1883 г. за № 15, коим предоставлено Министру Внутренних Дел, по соглашению с Обер-Прокурором Св. Синода, сообразовать делаемые им относительно раскола распоряжения о признании большей или меньшей вредности той или другой секты и предоставлении проектируемых и вошедших затем в закон 3 мая 1883 г. льгот и прав. Отсюда ясно, что закон 1894 г. и с точки зрения „Вестника Европы“, т. е. относительно формы и истории его происхождения вполне законен.

Затем необходимо установить твёрдо взгляд на *цели и задачи* закона 1894 г., которые в последних процессах адвокатскими кривотолками защитников штундистов совершенно извращаются. – Во 2 пункте первого документа цели эти ясно изложены и не подлежит сомнению, что молитвенные собрания штундистов воспрещены потому, что они *вносят смуту* в жизнь местных приходов, во-вторых, способствуют укреплению в сознании последователей сектантских лжеучений и, в-третьих, *служат самым удобным способом распространения штундистского лжеучения среди православного населения*. В интересах пресечения этих именно вредных проявлений секты и воспрещены общественные собрания, как орудия пропаганды лжеучения. Между тем защитники штунды (Киевский процесс 9 ноября 1899 г.) ищут оснований к воспрещению собраний во второй части циркуляра министра, – в пропаганде социалистических и противоправительственных тенденций и требуют от свидетелей и экспертизы в каждом отдельном случае доказательств наличия этого последнего преступного проявления со стороны штунды. На это следует возразить, что штундисты, слава Богу, не дошли ещё до такой степени политического растления, чтобы *открыто* на общинных собраниях вести подобную пропаганду, да тогда они не были бы *штундистами* в глазах правительства, церкви и закона, а анархистами, – и это была бы не секта, а *противоправительственное сообщество*. Штунда тем и опасна, что она тонко и скрытно, путём религиозного лжеучения своего, *воспитывает* в массе своих последователей вредные социалистические и противоправительственные воззрения.

Вторая часть циркуляра не есть Высочайше утверждённый текст закона 1894 г. – это лишь пояснение к закону, представляющее характеристику штунды в тех крайних и исключительных проявлениях противогосударственной вредности, к которым приходят те или другие последователи этой секты и к которым ведёт лжеучение секты, – как к логическому концу этого движения.

Ухищрения главарей штунды и её защитников против закона 1894 г. имеют свою историю. Сначала они направлены были против, так сказать, редакционной стороны нового закона и ухватились сначала за выражение: *общественные* богомоления. Сектанты стали собираться на богомоления меньшими группами, под разными предлогами, вводя тем в заблуждение и полицейских агентов, относительно цели своих собраний. Иногда и сами сельские должностные лица проявляли усердие не по разуму, привлекая к ответственности за такие сходки, которые не были ни *общественными*, ни *богомоленными*. Таковым, между прочим, было собрание в доме Таращанского штундиста *Оберемка*, которым не преминули воспользоваться адвокаты штунды для кассации и по поводу которого последовало кассационное разъяснение Сената *о том, какие собрания штунды считать недозволенным* (второй документ).

По заключению Казанского миссионерского съезда, этим Сенатским разъяснением вполне ясно, определительно указаны общие признаки, коими должны отличаться общественные богомоленные собрания всякой вообще секты и в частности штундовых, воспрещённых законом 1894 г., и наказуемых по 29 ст. Улож. о наказ. богомолений.

Но говоря о *свойственных штундизму молитвословиях и обрядах*, Сенатское решение не указало в чём же именно они состоят, а наоборот, введением в упомянутое решение примечания к 29 ст., где указаны общие юридические признаки оказательства раскола, – в практике судебных мировых инстанций Сенат породил недоразумения в том отношении, что нередко судьи, не сведущие в сектоведении и следуя букве сенатского решения, ищут в полицейских протоколах и в показаниях свидетелей наличия *этих именно* признаков и, конечно, не находят, а потому оправдывают виновных в устроении собраний. На штундистских общественных собраниях, конечно, таких признаков нет и быть не может, ибо это *примечание* к 29 ст. как исторически, так и по содержанию изложенных признаков – относится всецело и исключительно к *расколу старообрядчества*, а отнюдь не к штунде. Штунда имеет свои особые богослужебные молитвословия и обряды, из которых и состоит богомоленное общественное собрание этой секты.

Затем, выражение Сенатского решения: „более или менее доступно свободному посещению *сторонних лиц*“, иногда судьями понимается так, что сторонние лица, – это православные люди, а не сектанты, и если, присутствия первых на собрании не

устанавливается, то и нет состава преступления, а, следовательно, и виновные оправдываются.

Новым и самым злокозненным и распространённым ухищрением, придуманным руководителями сектантства для обхода закона 1894 г., является самозванное присвоение себе штундистами названия *баптистов*, с домогательством стать под защиту закона 1879 г. о немецких баптистах-колонистах. С этой целью сектанты стали упорно отрицать своё действительное название „штунды“ и многие успевают добывать себе паспорта с незаконной и неверной пометкой „баптистского исповедания“. Эти паспорта обвиняемые, обыкновенно, представляют в суды и даже в Сенат как доказательство того, что они-де не принадлежат к штунде. Ухищрение это более всех других оказалось на руку штундистам и действительно помогает им обходить закон 1879 г. не только в мировых судебных установлениях, но даже и в Сенате. Благодаря чему штундовые процессы о собраниях сделались в мировых судах самыми тяжёлыми для судей, сложными и запутанными, потребовавшими участия при разбирательстве этих дел учёной экспертизы сведущих лиц. Но показания сведущих лиц для совести и усмотрения судей не всегда обязательны и потому оправдательные приговоры продолжаются, а если где постановлялись обвинительные вердикты, то адвокаты штундистов в таких случаях спешат переносить такие дела в кассационный департамент Сената, зная, что там из десяти процессов по преступлениям против веры и Церкви чуть ли не восемь кассируется за нарушением чего-либо из форм и обрядов судопроизводства. А между тем в это время штундисты продолжают усиленно и уже агитационно собираться на недозволенные законом собрания, которые устроят демонстративно, издеваясь над пастырями, миссионерами и над бессильной пресечь это преступное деяние полицией, открыто проповедуют православному населению, что-де это только попы, да полиция их преследуют, а высшее правительство их поддерживает, ибо вера их правая и проч.

Благодаря такому ходу судебных дел о собраниях, казалось, благодетельный для интересов миссии церкви закон 1894 в сущности сделался источником нового возбуждения среди сектантов и поводом к усиленной агитации, крайне вредной для миссии.

Озабочиваясь неуклонным применением карательных законов к преступным деяниям штундистов, министр юстиции, в виду изложенных обстоятельств, признал нужным издать, для руководства подведомых ему судебных установлений, вышеприведённый (*третий*

документ) циркуляр, имеющий самое серьёзное значение для экспертизы нашей.

Циркуляр министра юстиции от 3 апреля – документ чрезвычайно важный. Прежде всего он служит необходимым дополнением к первым двум и вносит ясность и определённую в те стороны настоящего вопроса, которые наиболее подвергались перетолкованиям и зависели от личного усмотрения и разумения судей. Объяснив, что кассационными решениями Сената за Высочайше утверждённым положением комитета министров 4 июля 1894 г. признана непререкаемая сила закона, в силу чего привлечение к уголовной ответственности виновных в устройении запрещённых штундовых собраний по 29 ст. Улож. признаётся правильным, циркуляр указывает на необходимость установления судом принадлежности обвиняемых к штундизму, при этом точно описывает какие именно свойственны штундовому богомоленному собранию обряды и молитвословия и разъясняет затем, что под *посторонними* лицами должно разуметь всякого из участников собрания, кто не принадлежит к кругу данной семьи, где установлено совершение общественного сектантского богомоления.

Особенного внимания и интереса для миссии в деле разоблачения ухищрений штундистов заслуживает в циркуляре решительное, не допускающее кривотолков, заявление г. министра юстиции, что *имя баптизма* признаётся нашим законодательством *только за последователями немецкой протестантской баптистической секты*, а, следовательно, отнюдь не за последователями русской секты, хотя бы и того же названия и даже того же существа учения. Иначе говоря, настоящим циркуляром подтверждается мнение Одесского миссионерского съезда, постановившего, что ни закон, ни наука, ни миссионерская практика не знает *баптизма, как русской секты*. Циркуляр предостерегает судебные установления от принятия бездоказательных заявлений обвиняемых сектантов о непринадлежности их к штундистской секте (каково, напр., предоставление паспортов с отметкой „баптистского исповедания“) и требует от судей в каждом отдельном случае принимать зависящие меры к *тщательной проверке*, этих заявлений в тех пределах и *теми способами, как то окажется возможным и необходимым*.

Способы эти – прежде всего и главным образом *показания* сведущих людей, т. е. *экспертизы*, затем показания сторонних, т. е. не принадлежащих секте свидетелей, но таковые на собраниях штундистов бывают далеко не всегда, – показания самих обвиняемых, но едва ли правосудно будет проверять их через самих же себя, когда

циркуляр заявляет о настойчивом стремлении обвиняемых штундистов неправильно присваивать себе несоответствующее название баптистов (или евангеликов) и тем вводить суд в заблуждение. Остаётся, следовательно, единственно надёжным доказательством – опять-таки экспертиза, на которой, таким образом, лежит высокая и трудная задача помочь правосудию в ограждении закона 1894 г. от того декретирования, которому ныне подвергают его ухищрения сектантов. Поэтому экспертиза должна быть во всеоружии знаний своего дела и отнюдь не выходить за границы предоставляемых ей законом прав, свято блюсти правду и сохранять объективность, не вдаваясь в роль обвинителей, что не редко служит поводом к кассации и к нареканиям на миссионерский институт. Но об этом мы подробно поговорим в особой статье.

В. С.

**Чельцов М. Единоверие за время столетнего
существования его в Русской церкви // Миссионерское
обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 670–688**

I. Единоверие 1800 г. в его отношении к «согласию» конца XVIII столетия.

27 октября текущего 1900 года исполнится ровно сто лет со времени учреждения в Русской церкви, так называемого, „Единоверия“. 27 октября 1800 года Императором Павлом I были утверждены, как основания для желающих соединиться с православной Церковью раскольников, условия московских раскольников с сделанными на них замечаниями митрополита московского Платона. В изданном от этого числа именном указе²⁶² говорилось: „По прошению Московских старообрядцев об устройении в Москве церкви, представление Московского Митрополита Платона, находя сообразным указу Нашему в 12 день марта 1798 года, коим дозволили Мы, по всем Епархиям таковое старообрядческих церквей устройство, повелеваем церковь старообрядцам дать, и впредь позволять устройства на подобном основании“. Условия эти вместе с замечаниями м. Платона или, точнее говоря, пункты условного соединения раскольников с Православною Церковью с этого времени получили значение и наименование *правил Единоверия*, хотя этим именем они не были названы ни в Высочайшем указе, ни в Синодальном представлении их к утверждению Государя. Правилами они и доселе именуются и в официальном языке различных ведомств и учреждений, и в литературе как у православных – духовных и светских писателей, так и у раскольниковых апологетов, и в обычном просторечии, – в обыденном разговорном языке. К ним, как правилам, возводится всё хорошее и всё дурное, кому что желательно видеть в Единоверии, так что мысль об Единоверии является всегда нераздельной с представлением об этих правилах. Что же это за правила и чем определяется такое их значение?

Оставляя до времени речь о самих правилах, о их содержании, тем более что они общеизвестны, остановимся на выяснении их значения. Да и выяснять значение их, как правил и как, следовательно, основания для существования Единоверия, по-видимому, может казаться трудом излишним: раз они – основания, то и значение их через это самое громадно и понятно. Но здесь дело несколько иначе обстоит.

Как известно, издание правил Единоверия 1800 года почти на целых 20 лет предупреждено было существованием того, что потом стало известно под этим именем. Ещё от 11-го марта 1784 года последовало, по ходатайству известного старообрядческого инокa – старообрядца Никодима, Высочайшее повеление на имя митрополита С.-Петербургского Гавриила с разрешением епископу Могилёвскому и Славянскому давать старообрядцам просимое ими благословенное священство, давать им священников по их желанию. С этого времени не одна тысяча старообрядцев воспользовалась этим разрешением и приняла православных священников; – не в одной церкви стало отправляться этими священниками богослужение по старопечатным книгам с соблюдением старинных обрядов. Точно также не в первый раз, не в новость для духовного начальства московскими старообрядцами были выставлены и определённые условия для соединения с Церковью. В первый раз такие условия были представлены через Никодима Стародубскими старообрядцами в апреле 1783 года; с более обширным содержанием и точной формулировкой они были выражены в 1797 году в прошении Нижегородских старообрядцев епископу Нижегородскому Павлу²⁶³. Значит, в 1800 г. они появились уже в третий раз. После этой небольшой исторической справки не только естественным, но прямо-таки неизбежным для обозревателя судеб Единоверия за столетний период существования его является вопрос: если то, что именуется Единоверием, существовало ещё до 1800 г.; если правила 1800 г. были предварены условиями единения от других предыдущих лет, то почему же и каковое значение должно принадлежать правилам именно этого 1800 года и какое их отношение к условным пунктам 1783 и 1797 годов?

Не напрасно приписывают правилам 1800 г. громадное значение как раскольники, так и православные; не без основания и история Единоверия ведётся с этого года. 1) В 1800 г. появляется само название „Единоверие“. Доселе соединившиеся с Церковью старообрядцы не носили, да и не искали никакого, отдельного от православных, своего особого названия. Наименования – „согласие“, „согласники“ – появились уже позже и появились в литературе об Единоверии конца XVIII столетия. По крайней мере в прошениях старообрядцев того времени о даровании им благословенного священства мы не встретили нигде ни одного из этих наименований. В делах, ведённых епархиальными архиереями и св. Синодом по поводу этих просьб, такие согласники именуются просто старообрядцами, а общества их или вернее – храмы – старообрядческими церквами. И

они сами просят о разрешении им старообрядческих церквей для служения в них поставленным от епископа священникам. Таким образом, с 1800 г. согласные с православной Церковью старообрядцы самым именем выделяются из старообрядцев раскольников как уже старообрядцы-единоверцы и объединяются под этим названием в одно особое, самостоятельное общество, выражающее свою тесную связь с православной Церковью держанием с ней *единой веры* и, след., единых, т. е. одних и тех же, общих им, средств спасения.

2) До 1800 г. не было определённых, для всех желающих соединения с Православной Церковью обязательных, правил единения. Стародубские старообрядцы просили одних условий соединения с Церковью и остановились на дарованных им; Нижегородские старообрядцы выставили свои собственные условия и при некотором их ограничении сначала от еп. Нижегородского Павла, а затем от Св. Синода приняли благословенное им священство; другие старообрядцы, как, напр., Казанские и Петербургские, никаких условий не выставляли и не домогались, а просто просили принять их „в соединение с Греко-российской или Восточной Церковью“, при условии сохранения ими древле-печатных книг и до-никоновских обрядов. Таким образом, к 1800 году было уже несколько соединившихся с Православной Церковью старообрядческих обществ в разных епархиях, и все почти эти общества соединялись на своих собственных условиях. Далее, разумеется, так дело не могло же продолжаться; должна же была быть выработанной одна, общая для всех, определённая норма соединения, должны были явиться определённые правила. Не подлежит сомнению, что необходимость в таких правилах сознавала и сама духовная власть, которая и воспользовалась условиями Московских старообрядцев, чтобы им, с сделанными на них митрополитом Платоном замечаниями, придать через Высочайшее утверждение значение правил Единоверия. Появившиеся так в 1800 г. правила стали уже для всех желающих из раскольников соединения с Православной Церковью обязательными условиями. Теперь не старообрядцы выдумывали свои условия, а сами должны были соглашаться или нет на уже определённые правила. Теперь не могло быть единоверческих обществ с разными основаниями соединения их с Православной Церковью, а должно было явиться одно целостно-определённое, самостоятельное старообрядческое единоверческое общество. Теперь, поэтому, Единоверие неизбежно стало мыслиться неразрывно, нераздельно с правилами 1800 г.

Таким образом, прежде не имевшее даже наименования, разрозненное по условиям соединения с Церковью и в будущем

содержащее в себе неизбежную возможность всё более и более разнообразиться в зависимости от условия места, характера лиц и т. п., *теперь с 1800 г. явилось определённое, однообразное по условиям соединения в настоящем и для будущего времени Единоверие с нераздельными от него правилами 1800 г.* В этом заключается значение 1800 г. и условий его для Единоверия; поэтому и история Единоверия начинается собственно с 1800-го же года.

Признавая надлежащее значение за этими правилами Единоверия, некоторые православные писатели утверждают, что не на пользу только для Церкви Православной, не к облегчению только соединения с нею раскольников послужили эти правила; а поэтому издание их – было совсем ненужно. Писатели эти рассуждают, что дело живое, дело единения раскольников, где высказывается личное желание соединяющихся, через правила оформилось, потеряло жизнь и дух личного дела, так что желающий присоединиться обязан стал не рассуждать и разбирать, а прямо-таки только соглашаться с уже данным, известным, хотя, быть может, для него и чуждым; прежде был „договор“, а теперь стало подчинение „казёнщине“²⁶⁴. Ошибочность этих и подобных им рассуждений, по нашему мнению, кроется в нежелании их авторов поглубже вникнуть не только в смысл самого Единоверия, но и произносимых ими фраз. Ни от кого и никакого подчинения правилам Единоверия не требуется; если на практике, когда и было оно, то в результате являлось не Единоверие, а тот же раскол под личиной Единоверия, почему давным-давно признано нежелательным и оставлено. Единоверие-то само именно и требует от каждого старообрядца личного рассуждения и согласия на принятие правил, т. е. требует того же договора только не в унижительной форме купли-продажи: с запрашиванием с одной стороны и с ограничениями с другой, а в естественной форме желания с одной стороны известных условий для соединения и ручательства за сохранность их с другой. Остаётся при этом и дух личной инициативы с принятием или отклонением этих правил, и жизненность самого Единоверия. Правда, теперь нет уже возможности каждому лицу или обществу выставить свои именно условия. Но не в смешную ли игру обратилось бы это в самое ближайшее время?! Не могла же Церковь Православная ныне соглашаться принимать раскольников на одних условиях, завтра – на других!? Конечно, сразу же она поставила бы известные границы этим условиям, сразу же выработала бы известные правила для этих соединений. Вся разница была бы только в том, что правила эти не были бы опубликованы, хотя были бы ведомы всем. К чему бы тогда свелось представление каждым обществом старообрядства своих

условий? Не к одному ли бы бессодержательному утешению?! Да, собственно говоря, ещё до издания правил 1800 г. условия Единоверия были уже выработаны практикой. Уже в 1797 г., при присоединении Нижегородских раскольников, условия соединения их были почти те же, что и правила 1800 г.: тогда они только для одних Нижегородских старообрядцев были даны и не опубликованы, а теперь – для всех и во всеобщее сведение. Поэтому, если бы даже в 1800 г. и не были утверждены правила Единоверия, Св. Синод принятием Московских старообрядцев на почти тождественных с нижегородскими условиях показал бы всем, на что, т. е. на какое соединение он может дать своё благословение. К чему бы после этого свелось представление старообрядческими обществами своих собственных условий?!! Наконец, правила Единоверия 1800 г., как показывает столетняя история их, не были мёртвым, неизменным содержанием. В зависимости от потребностей времени и других условий они развивались и изменялись. След., опять исключали „подчинение казёнщине“.

Вышеприведённое возражение против правил Единоверия 1800 г. и некоторые другие обвинения и нападки на них, лучше всего и легче всего будут обличены в их несостоятельности, когда будет выяснено отношение как условий Московских старообрядцев к условиям других, искавших соединения с Церковью, старообрядцев в 80-х и 90-х годах XVIII столетия, так равно и замечаний на них митрополита Платона к замечаниям на прежние условия со стороны Св. Синода. Как уже сказано было, условия для соединения с Православной Церковью впервые были выставлены иноком Никодимом в прошении в Св. Синод в 1783 г.²⁶⁵, а затем Нижегородскими старообрядцами в прошении их на имя Павла, епископа Нижегородского²⁶⁶. Чтобы нагляднее и яснее было отношение условий 1800 г. к условиям 1783 и 1797 г., мы представим их в следующей сравнительной, параллельной выписке:

Условия московских старообрядцев 1800 г.	Условия Никодима 1783 г.	Условия нижегородских старообрядцев 1797 г.

1) Дабы Святейший Синод разрешил прежде положенные клятвы на двуперстное сложение и другие подобные сему обряды.

См. п. 1 и 2.

См. п. 14.

2) Да соблаговолит Ваше Высокопреосвященство Императорского

3) Прислать в указе Императорского

при1) Избрать нам её священников, которые согласятся от

избрать священников и Величества из великороссийской
 диаконов, кои по Святейшего церкви, или же из своих
 собственному желанию Правительствующего старообрядцев, того
 согласятся быть в Синода звания достойных,
 старообрядчестве, и по поставленному из которых и рукоположить
 желанию прихожан. Если великороссийской по древле-церковным
 же таковых не окажется, породы хоре-обрядам; или же из
 то хиротонисать по епископа (т. е. находящихся ныне у
 прежде печатным сельского или старообрядцев,
 книгам, избранных городского), которому отлучившихся от
 Вашим бы не относительно великороссийской церкви
 Высокопреосвященством до епархиального беспорочно, а
 священников и по архиеере подлежат единственно для
 согласию прихожан. Святейшему содержания древле-
 Также священников, Правительствующему церковных святых
 уклонившихся в Синоду, во брядов священников,
 старообрядчество Слободской которые согласятся с
 доныне, если они Успенский покорением и
 окажутся беспорочны и монастырь. 5) В примирении явиться к
 явятся к Вашему монастыре... епископу, то по
 Высокопреосвященству поставлять ему по рассмотрении, если
 с истинным смирением, собственному будут достойны,
 таковых разрешить и избранию там благословить оных
 благословить отправлять монашествующих священствовать.
 службу Божию и требу мужей благоговейных
 христианские. и искусных в чтении
 Отлучившиеся же писания во
 таковые священники без иеродиаконы и
 воли своего епископа, иеромонахи (тоже и в
 впредь кп. 6). 9)
 старообрядческим Иеромонахов,
 церквам принимаемы не священников и
 будут. диаконов прежде
 сего в рассуждении
 старообрядчества
 церковного
 отлучившихся греко-
 российской церкви,
 которые согласны
 сему себя объявлять
 и по справке явится,

что правильному
запрещению не
подлежат, каковых
из-под наименования
по состоявшемуся в
1776 г. указу²⁶⁷
Святейшего Синода
(светских) мирских
исключить и
позволить им
отправлять всякое по
их званию
священнослужение
церковное.

3) Дабы Святейший⁵⁾ Отправлять²⁾ Оным священникам
Синод и Вашеслужбу Божию, яковское
Высокопреосвященство то: вечерню, утреню, священнослужение и
благословили литургию и прочее обряды исполнять
старообрядческих воследование единственно по древле-
священников службу церковное по церковным до Никонова
Божью, таинства и требы старопечатным патриаршества книгам.
христианские совершать книгам, которые, по
по прежде печатным повелению
книгам приближенные памяти
всероссийских Великого Государя
патриархах: Ермогене, Царя и Великого
Филарете, Иосафе и Князя Алексея
Иосифе, чему следовать Михайловича всея
должны диаконы и России Самодержца
церковнослужители. и по благословению
святейшего
патриарха Иосифа, в
царствующем граде
Москве напечатаны,
не нарушая
положенного в оных
чиносодержания и
двуперстного
сложения, как в
благословении, так и
в крестном себя

знаменовании и
осмогласного пения
Св. Иоанна
Дамаскина и прочего
старообрядчества.

- 4) Церкви для
старообрядцев освятить
Вашему
Высокопреосвященству
по старопечатным
книгам, или по
благословию Вашего
Высокопреосвященства
старообрядческим
священникам, и да будут
антиминсы освященные
при вышеименованных
патриархах, или вновь
освящены быть имеют
Вашим
Высокопреосвященством
по старопечатным
книгам и изображены
так, как показано в
старопечатном
потребнике.
- 4) Которому (т. е. освятить. 5) До
хоре-епископу) освящения
предписать, чтобы постарообрядческой
прибытии в церкви, по неимению у
монастырь старообрядческих
(Успенский) священников запасных
благословил к ново-таинств, в рассуждении
построенной часовни нечаянно и
прирубить алтарь в самонужнейше
имя Пресвятыя потребности оных
Богородицы честного благословить тех
её Успения и священников на коште
освятить церковь по нашему общественном
чино-содержанию съездить к
первенствующей старообрядческим
церкви. монастырям или
церквам, где оные есть,
имеющие таковое
позволенное
священство, и в оных
литургисать, и тем
приобщать.
- 5) Старообрядческих 10) В Успенский 6) Оных священников
священников не монастырь в старообрядческих в
требовать в греко-подначал из прочих общество к соборным
российскую церковь к епархий не молениям в церковь
соборным молениям, как присылать и из великороссийскую не
то: в крестные ходы и вышеписанного требовать, а в
тому подобные, а Успенского государственные
отправлять им по монастыря в другие торжественные и

благословению Вашего епархии невикториальные и тому
 Высокопреосвященства переводить. 8) От подобных дни должны
 в церквах окрестных, поелнку в молитвословия
 старообрядческих оны рассуждении отправлять в своих
 соборные моления: соблазняющихся старообрядческих
 также не принуждать обливательном церквах. И в церкви же
 старообрядцев к крещению, как старообрядческие к
 допущению на общедуховных, так и общему молитвословию
 моления знаменующихся светских, сообщению содержащих на
 тремя персты, браны в молитвенных знаменованиях себя
 бреющих и прочих храмах свободным трёхперстным сложением,
 имеющих несогласия с предписать. 12) Как бреющих браны, и
 древними здешних, так и в прочие имеющих
 обыкновениями, прочих несогласования древним
 выключая Высочайших великороссийских обыкновениям (кроме как
 особ. Старообрядцам, городах, купцов и по случаю произволения
 хотя и незаписным, помещан, имеемых на сие лиц, имеющих
 издавна удалившимся от состоять под пастырской властью высочайших особ)
 сообщества греко-того епископа, к входу иметь не
 российской церкви, брань бород и позволять; напротив
 таковым не возбранять ношению немецкого того, хотя и незаписным
 присоединяться к церкви платья старообрядцам, но
 старообрядческой. принуждать. 11) усердствующим в
 Дозволить в предъсодержании древле-
 желающим церковных обрядов
 соблюдать присоединение к церкви
 старообрядчество старообрядческой не
 церковное, состоять возбранять. 4) Всякое
 под пастырской священнослужение
 имеемого быть при исполнять навсегда в
 старообрядчестве оной (церкви) одним
 епископа. старообрядческим
 священникам с своими
 со-служителями, не
 присовокупляя к себе от
 великороссийской церкви
 других
 церковнослужителей.
 6) Старообрядческим 8) При всех же таковых
 священникам и расположениях оным
 приемлющим священникам и

священство
старообрядцам по
духовным делам быть
под судом и в полном
ведении у Вашего
Высокопреосвященства:
по делам же.
принадлежащим до
старообрядцев,
благovolите чинить
разбирательство и
суждение через
старообрядческих
священников, исключая
таковых дел, кои
требуют законного
следствия: но в чём
надлежит оным
священникам относиться
к Святейшему Синоду и
Вашему
Высокопреосвященству,
на то иметь особого
письмоводителя, с
производением платы
от общества
старообрядцев.

7) Старообрядческие священники да будут снабжены святым миром от Вашего Высокопреосвященства. 7) Таинством св. мира для церквей освящения и крещения младенцев снабдить из Святейшего Синода.

8) Старообрядческих священников не принуждать исповедь иметь, кроме старообрядческих же священников.

приемшим сие
священство
старообрядцам по
духовным деятельности
быть под судом и в
полном ведении своего
архиерея, и по
касательным до
старообрядцев делам да
благословит чинить
разбирательство и
суждение через таковых
же старообрядческих
священников и в чём
принадлежательно
относится в ведении
Святейшему Синоду,
имев при том с
произведением от
общества
старообрядческой платы
особого письмоводителя,
а консистории ни в чём
их не ведать.

3) Оных священников святым миром удовлетворить.

7) Во время святых постов или, когда необходимость позволит оным священникам у священников же не старообрядческих не исповедаться, а между собой; на случай же

9) Благоволите Ваше
Высокопреосвященство
благословлять
старообрядческих
священников и
старообрядцев, слагая
два перста по
обыкновению древле
бывшему в России.

10) Священнодействие
доныне старообрядчестве
старообрядческими
священниками
учинённые, как то:
крещение, перестригать,
бракосочетание, впредь желающих
молитвословие, монашество по силе
монашество (если кзаконов
сему не окажется сопостригать.
стороны светского
правительства
препятствия) и другие
требы христианские да
будут оставлены в
существенной их силе, и
не повторять оные,
разве токмо окажется
каковой-либо из оных
старообрядческих
священников бывших
доныне, самозванец,
или правильно

неимения довольного
самых, старообрядческих
священников из сего
количества, то
благоволил бы
преосвященный епископ
исполнять им оные
исповеди собственно
перед его особой.

9) Оных священников и
всех старообрядцев во
всякое время бытности
их у епископа просят не
иначе, как на
знаменование рукою
сложением по древнему
двуперстным
благословлять.

10) Священнодействия,
учинённые до сего
старообрядческими
священниками, как то:
крещение, монашеское
бракосочетание, не
молитвословие, если не
впострижение, если не
препятствия со
стороны светского
правительства,
бракосочетание и все
прочие действия не
опровергать. И
употребляя на то
архипастырское
подтверждение, над
согласившимися принять
сие вновь требуемое
священство
старообрядцами ничего
не передействовать, а
оставить всё то при них,
как оно есть в своём

изверженный,
священнодействия оные
совершал. Также и
старообрядческие
священники,
определяемые ныне к
старообрядческим
церквам, не
долженствуют
поправлять приемлемые
старообрядцами от
греко-российской церкви
священные тайны, как
то: хиротонию,
крещение,
миропомазание, брак и
проч.; но принимать
оные в действительной
их силе.

11) Если кто из сынов
греко-российской церкви
пожелает приобщиться
Св. Таин от
Старообрядческого
священника, таковому
не возбранять. – Равно-
ж если и старообрядец
пожелает приобщиться
Св. Таин в греко-
российской церкви, не
возбранять оному.

12) Если учинит
старообрядческий
священник преступление
достойное извержения,
таковой
предоставляется суду
Вашего
Высокопреосвященства.
А если ж в таковой вине
окажется, за которую

существе (кроме разве
что окажется
действуемое, от чего
Боже сохрани, от
самоназванцев, или за
правильные вины из
сана изверженных
попов).

11) Священников
старообрядческих,
впадших в вины и по
достойном за то
осуждению, по
исполнению епитимий в
монастыри
великороссийская церкви
не посылать, а
единственно исполнять

только временно должен
понести наказание,
таковой
епитимийствуется при
церквах по рассуждению
Вашего
Высокопреосвященства

13) При
старообрядческих
церквах иметь
троечастные книги. Но во
время святых постов,
если кто из
старообрядцев, по
каким-либо
встретившимся
обстоятельствам, на
исповеди и у причастия
Св. Таин не будет,
таковых ко взысканию с
них штрафных денег не
выписывать и о том
никуда не представлять:
но да судят о том
духовные их отцы по
священным правилам. —
Если же кто по
нерадению, или
пренебрежению, или
другим незаконным
причинам уклоняться
будет от оных святыни,
таковых записывать в
особые книги, и
наказывать епитимией и
другим духовным
исправлением.

им оные при
старообрядческих
монастырях же или
церквах, как равно
подобных сем и от
великороссийские церкви
в старообрядческие
места не посылать же.

12) При церквах
старообрядческих
метрические троечастные
книги иметь; но
старообрядцев во время
святых постов по
каковому-либо иногда
встретившимся
обстоятельствам за
небытие у исповеди и
святых таин причастия
по взысканию штрафных
денег не выписывать, и
куда подлежит о том, не
представлять, поскольку
старообрядцы от того
Высочайшими
узаконениями свободны,
в духовных же росписях
их писать, ибо иногда по
нерадению и слабости
человеческим или
противу воли
священнической за
неисполнение оного, по
древле-церковным чино-
положениям, чтобы
непременно налагаема
была со стороны
епископа епитимия по
его благоизобретению к
назиданию общему, а с
стороны входящих в

церковные
безотрицательно были
бы исполняемы.

14) Если случится быть браку, состоявшемуся одной половине греко-российской церкви, а другой старообрядческой, таковых венчать по общему согласию или в греко-российской или старообрядческой церкви.

15) Священники старообрядческие во всех служениях имеют приносить моление о Высочайшем здравии и благоденствии Его Императорского Величества, супруги Его Императорского Величества, Наследника Его, всей Высочайшей фамилии, и прочих, кои следует, по данной от Святейшего Синода форме.

16) Распри, раздоры и 1) Произнесённые 14) Клятвы, распри и
хулы не с единой бывшими в поношения,
стороны да не слышатся царствующем граде происходившие в
за содержание разных Москве в обрядах между
обрядов и разных книг, царствование великороссийской
употребляемых для государя царя и церковью и
богослужения; и великого князя старообрядствующими,
таковая обостронная Алексея приемшими сие вновь
разность, как не Михайловича всея требуемое
принадлежит до России самодержца, благословенное
сущности веры, то и дав патриаршество священство, с обеих
пребудут старообрядцы Никона и Иосифа сторон прекратя,

и сыново греко-второго патриархов воставить, предать
 российской церкви в 1656 и 1667 гг. молчанию и суду Божию,
 мире, любви и соборами, также впрося при том
 соединении, яко чада 1720 г. всемогущее его все
 единые святыи чинопринятием, святейшество, да
 соборные и клятвы и поречения соединит всех нас в
 апостольские церкви. на двуперстное крайнее к полезному
 сложение и на единомыслие, мир и
 прочее некоторое христосопоподобительную
 древнее греко-любовь, которому сему
 российские церкви расположению и
 содержание, условию нашему как по
 сложением избранию священно-
 святейших церковнослужителей,
 четверопрестольных равно и во всем
 патриархов выше прописанном быть
 разрешить. со обеих сторон
 наблюдаему и
 выполняему навсегда в
 будущее время без
 нарушения.

13) Священно-церковно-
 служители
 старообрядческие при
 твёрдом по чистой
 совести древне-
 церковных святых
 обрядов без нарушения
 наблюдений
 неприличествуемо
 должны придерживаться
 и в ношении платья
 древних греко-
 российской церкви
 священно-
 церковнослужителей
 обрядов же, дабы не
 преподавать последующим
 им старообрядцам, яко
 приобвыкшим уже к
 наблюдению таковых к

каковому-либо ропоту и разбору соблазна.

Из представленного сопоставления условий ясно, что в условиях 1800 г. только три пункта новых сравнительно с выставленными в 1797 году, – это 1) относительно допущения православных к таинству Св. Причащения в единоверческих храмах и единоверцев – в православных, 2) относительно разрешения венчать смешанные браки единоверцев с православными по общему соглашению брачующихся или в греко-российской или единоверческой церкви и 3) о приношении молений о Высочайшем здравии и благоденствии Высочайшей фамилии. Впрочем, последний – третий пункт явился в силу требования его, предъявленного к Нижегородским единоверцам Св. Синодом. – Остальные пункты все заимствованы, иногда даже с буквальной точностью, из условий 1797 года. Очень много общего, особенно касающегося самой сущности Единоверия, его главного содержания, условия 1800 года имеют с условиями инока Никодима 1783 года. – Следоват., условия 1800 года, как в глазах самих старообрядцев, так и для духовной власти не были новостью: они были не только известны им, но уже и обсуждены по делу искания соединения с Церковью нижегородскими старообрядцами. А отсюда само собой понятно, что и замечания м. Платона на условия 1800 г. не могли быть новыми: они неизбежно должны были стоять в тех или иных отношениях к суждениям духовной власти по поводу условий нижегородских старообрядцев. Чтобы в этом убедиться, достаточно только ознакомиться с последними. В виду того, что эти суждения не известны у нас в печати и в виду их важности для рассматриваемого нами вопроса, мы позволим привести их в подлинной выписке из дела Св. Синода.

Св. Синод, дозволяя нижегородским старообрядцам иметь церковь и священников на просимых ими условиях, почёл необходимым «исключить из условий их: 1) прописанное в 6-м пункте присоединение впредь к церкви их незаписанных старообрядцев, усердствующих в содержании древне-церковных обрядов, которого им согласно мнению преосвященного нижегородского не дозволять; 2) относительно требуемого ими в 10-м пункте подтверждения учинённых до сего ими священнодействий, между прочим монашеского пострижения, если не будет препятствия со стороны гражданского правительства, а в 11-м – чтобы священники их, впадшие в вины, ко исполнению епитимии посылаемы были в их же старообрядческие монастыри, объявить им, что поскольку монастырей вновь строить духовным Регламентом запрещено, да и самых монашествующих количество именными

Высочайшими указами ограничено, то покуда не будут они иметь дозволения о устроении у себя особых монастырей и в них содержать монахов, до тех пор нынешних монастырей и монашествующих за действительных признать неможно; когда же им на то дозволение последует, и о том, откуда подлежит, епископу нижегородскому дано будет знать письменно, тогда в принятии в монастыри их желающих из старообрядцев и к пострижению их в монашество, поступлено быть имеет по силе духовного Регламента и в подтверждение оного последовавших именных Высочайших указов, а до того священников их, оказывающихся в преступлениях, подлежащих духовной епитимии, не посылая в монастыри, исправлять ему – преосвященному другими, по рассмотрению своему, средствами; 3) что следует до требования сих просителей в 12-м пункте, чтобы старообрядцев, по каковым-либо иногда встретившимся обстоятельствам не бывших во время постов у исповеди и причастия Св. Таин, ко взысканию за то штрафных денег в будущих при старообрядческих церквах метрических книгах не писать, и, куда надлежит о том, не представлять, по объявляемой ими якобы данной старообрядцам Высочайшими узаконениями от того свободе, то внушить им, что хотя именованным указом 1765 г. сентября 30 дня за небытие у исповеди штраф возложен на тех только жителей, кои в расколе не окажутся, то... (за изменением этого указа и самих обстоятельств)... просители от платежа за небытие ими у исповеди положенного.... штрафа свободны быть не могут и не должны тем паче, что и дозволение им по желанию их иметь у себя особую церковь и своих священников, даётся единственно для того, чтобы они не были удалены от исполнения всех церковных таинств: исповедаться же и причаститься Св. Тайнам, в рассуждении промыслов их могут и кроме постов в другие времена года. Сверх сего 4-е взять с них – просителей письменное обязательство, чтобы во всех отправляемых ими по старопечатным книгам церковных служениях воспоминаемы были, где следует, Высочайшие имена..., равно Св. Синод и епархиальный архиерей, по изданной на то от Св. Синода форме; 5) если же по сему делаемому им снисхождению усмотрено, будет каковое-либо с их стороны злоупотребление, в таком случае епископу нижегородскому рапортовать Синоду немедленно со всеми обстоятельствами, для принятия подлежащих мер»²⁶⁸.

Сопоставляя эти замечания Св. Синода с замечаниями м. Платона, не можем не видеть, что первый их пункт вошёл в замечания м. Платона на пятый пункт условий московских старообрядцев, а третий – почти в буквальном переложении вошёл в замечания м. Платона на 13-й пункт. Второй пункт имел временный случайный

характер, потому в замечаниях м. Платона опущен, а четвёртый – содержится уже в условиях московских старообрядцев. Оставляя в стороне замечания м. Платона на пункты 1–4, 6–9, 12, 14–16, содержащие или простое его согласие на условия или общие рассуждения, перенесённые им опять почти с буквальной точностью из рассуждений Св. Синода по поводу нижегородских старообрядцев²⁶⁹ и всеми единоверцами без всякого прекословия приемлемые, – как новое можем отметить замечание м. Платона на пункт одиннадцатый по вопросу о допущении православных к причащению в единоверческих храмах. Но новым является в условиях московских старообрядцев и сам этот пункт; значит, новизна замечания на него вполне естественна.

Вывод из всех, сделанных нами, сопоставлений, кажется, ясен. *Правила Единоверия 1800 года, объединяя содержащих их старообрядцев в одно самостоятельное общество с определённым наименованием, объединяя через известные, для всех них обязательные, пункты условного соединения их с православной церковью и в виду этого всего имея значение главным образом формальное, в содержание Единоверия, сравнительно с „согласием“ конца XVIII столетия, нового привнесли очень немного..* Внутреннее содержание Единоверия определилось ещё в XVIII столетии, определилось с одной стороны через условия старообрядцев и с другой – через замечания на них и через ограничение их от духовной власти; теперь только содержание это отлилось в отчётливые формулы обязательных пунктов соединения.

При таком, представляющемся для нас единственно верным, взгляде на происхождение и значение правил Единоверия 1800 года, сами собой падают некоторые нападки и нарекания на само Единоверие. 1) Невозможно противопоставлять Единоверие 1800 г. „согласию“ прежних лет и несправедливо видеть в первом условия к процветанию, а в последнем – к жалкому существованию Единоверия. Не в противоположность и, след., отрицание первым последнего, а вполне естественно, генетически выродилось Единоверие из „согласия“. А поэтому, какие условия и к чему, т. е. к процветанию или увяданию, заложены были в первом, такие, естественно, должны были проявиться и во втором. 2) Не совсем согласно с действительностью толкование, соединяющее правила Единоверия с именем м. Платона. Ему, как видели, принадлежит лишь формулировка суждений Св. Синода об условиях возможного соединения старообрядцев с православной Церковью. Сами же правила были постепенно, по мере надобности, выработаны и обсуждены Св. Синодом. Значит,

Единоверие, по крайней мере, 1800 г. не произведение лично м. Платона, не личное его дело. 3) И совершенно несправедливо нареkanie некоторых, преимущественно раскольников, что Единоверие „дано только по Императорскому повелению: „быть по сему“ против желания нашего духовного коллегиума, именуемого Синодом“²⁷⁰. Император в данном случае утверждает лишь то, о чём ходатайствует перед ним Св. Синод, утверждает лишь после этого ходатайства и утверждает лишь на тех основаниях, на которых его находит возможным призвать к бытию Св. Синод.

Для полноты нашего выяснения отношений правил Единоверия 1800 г. к условиям „согласия“ прежних лет считаем делом весьма необходимым уяснить происхождение и истинный смысл единоверцами и раскольниками сильно и часто пререкаемого выражения м. Платона в его „мнении“: „церковь рассудила за благо учинить *снисхождение*“... в другом месте: „церковь ныне творит таковое *снисхождение*“... Для выяснения этого обратимся опять к истории „согласия“ до 1800 года.

Здесь опять открываем, что выражения „о снисхождении“ – не м. Платона и не 1800 года; они принадлежат самим старообрядцам, искавшим „согласия“ с православной Церковью ещё до 1800 года. Эти употребляли их в своих прошениях и в Св. Синод, и к митрополитам Московскому и Петербургскому, и к своим высоким покровителям Потёмкину и Румянцеву, и к другим епархиальным архиереям. Так инок Никодим, подавая в 1783 году м. Платону прошение с приложением известных уже нам 12 пунктов, просил его: „не сблаговолите – ли посредством *такого снисхождения к немощнейшим* (курсив наш) излить на нас низайших высокую свою милость и продолжать на всегда, подражая учителю своему Христу Спасителю... и Того вернейишему ученику Павлу святому *всем вся бывшему во всех* (курсив подлинника) даже и до законопреступных в пользу других терпеливо снисходившему, всех высочайшему по опаству, всех низайшему по снисхождению“... Почти до буквальности тожественное писали в 1784 г., после смерти инока Никодима, монах Иосаф, монах Евдоким и белец Еван Кузнецов в прошении их к м. Гавриилу, прося его принять их как продолжателей дела Никодимова: „благопризри на наше усердие и прошение, читаем между прочим в их прошении, покажи нам *снисхождение* (курсив наш) кое послужить может и к славе святых, соборней апостольской церкви и к пользе многих душ христиан“²⁷¹. О том же снисхождении просили и других мест старообрядцы. Так, Казанские в прошении от 1797 года 22 июня на имя Казанского архиепископа Амвросия писали, что они, „видя

высокомонаршее всемилостивейшее *снисхождение* для старообрядцев в Таврической области и Новгородско -Северской губернии... желают усердно таковой высокомонарщей . *милостью* воспользоваться“...²⁷² О том же просят и Петербургские старообрядцы в прошении на имя м. Гавриила. Упомянув об известном им „*снисхождении*“ Его Императорского Величества к старообрядцам, они пишут, что *таковое снисхождение* (курсив всюду наш) возбуждает их прибегнуть с прошением, дабы и они удостоены были всыновления святыя соборныя церкви...²⁷³ Это же выражение „о снисхождении“ встречаем и в позднейших после 1800 г. прошениях единоверцев. Так единоверцы некоторых стародубских слобод от 30 июля 1802 года писали: „Св. Синод, *снисходительствуя* нам за присоединение наше к святой церкви“²⁷⁴.

Итак, упоминаемое м. Платоном в его мнении выражение о снисхождении к единоверцам заимствовано им у самих же старообрядцев просителей о единоверии. А поэтому, что само собой понятно, и смысл этому выражению нужно придавать не такой, какой кому хочется или кому какой в нём видится, а тот, какой ему придавали и какой в нём разумели сами просители о снисхождении. Эти же, разумеется, прося о снисхождении к ним, просили о принятии их не в неполное или несовершенное какое-либо православие, а в единение с Российской и Греческой Церковью при содержании или старообрядчества, – вот почти подлинныя обозначения просимого ими Единоверия. Следоват., и выражению „о снисхождении“ нужно придавать только его надлежащий смысл, а не навязываемый по желанию; и далее, толкуя его по-своему, нельзя делать на этом основании вывода о Единоверии, как *только* ступени к православию, как только унии или ловушке и т. под. Единоверия с правосл. Церковью добивались просители – старообрядцы полного, целостного, прямого, а не двусмысленного, частичного, – такого, какое существует у всех православных поместных церквей при всём многообразии у них в обрядовых действиях и буквенных выражениях.

М. Чельцов

Темномеров А., свящ. Заблуждения рационалистического сектантства в вопросе о последних судьбах человека ²⁷⁵ //
Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 689–695

II.

Учение о последнем страшном суде Божиим искажается в устах сектантов со стороны его всеобщности. Но их мнению, „верующие“, – так называют они себя, – не будут судимы, по слову Спасителя: *слушающий слово Моё и верующий в пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешёл от смерти в жизнь* (Ин.5:24; 3:18). Мнение это стоит в самой тесной связи с основным пунктом учения всех сектантов – рационалистов – оправданием верой и представляет из себя самый прямой вывод из него. Для полного оправдания человека достаточно только „уверовать“; все его грехи в этом случае прикрываются праведностью Христовой, и эта же праведность даёт ему право на вступление в царство вечной жизни, открывающееся с воскресением плоти. Личные добрые дела не имеют в очах Господа никакой цены и даже могут послужить к осуждению человека, если он через них или за них надеялся наследовать вечное блаженство. Единственным предметом исследования на суде с этой точки зрения мог бы явиться только вопрос, „веровал“ ли человек во Христа во время земной своей жизни или нет, но по отношению к „верующим“ и это оказывается лишним. Спросите любого пашковца, почему он убеждён, что обладает верой, оправдывающей его от всех грехов, – он ответит, что получил удостоверение в этом от Духа Божия: *верующий в Сына Божия имеет свидетельство в себе самом* (Ин.5:10); *Дух (Божий) свидетельствует духу нашему, что мы дети Божи*и (Рим.8:6). Если прибавить к этому, что, по мнению пашковцев, раз уверовавший уже не может уклониться от спасения и погибнуть, то будет вполне понятно, что для таких людей суд представлял бы ничем необъяснимую формальность, потому что, как не нужен он для Всеведущего Господа, так совершенно излишен для самих сектантов, вера которых и принадлежность Христу давно уже будто бы засвидетельствованы для них Св. Духом. Так обычно раскрывают пашковцы своё учение о несудимости святых, и должно думать, что большинства ж них остаётся при этом представлении. Вожаки же секты, встречая в Писании множество мест, говорящих ясно о безусловной всеобщности последнего суда, по необходимости делают несговорчивым собеседникам некоторую уступку, они допускают, что все явятся перед судилищем Христовым, как грешники, так и

праведники, но последние не будут судимы, а будут приняты, так сказать, с особенным почётом, как лица, которые пришли не для того, чтобы выслушать приговор Всеправедного Судии, но чтобы вступить во владение принадлежащими им по праву, как детям Божиим (Рим.8:16–17), благами вечной жизни.

В основе пашковских соображений о свободе „верующих“ от суда лежит, как можно видеть из вышесказанного, мысль, что суд для них совершенно не нужен, так как представлял бы не имеющую смысла формальность, и такой вывод, если признать безусловной истиной учение об оправдании верой, совершенно понятен. Но нам, не разделяющим последнего мнения, позволительно рассмотреть этот важный для христианского упования вопрос независимо от учения об оправдании, руководствуясь исключительно вытекающим из указаний слова Божия понятием о последнем страшном суде.

В круге обычных человеческих отношений суд состоит из двух актов – исследования степени виновности подсудимого и объявления ему судейского приговора. Но для Бога, испытующего сердца (Апок.2:23), перед очами Которого всё обнажено и открыто (Евр.4:13), нет никакой необходимости в судейском расследовании правоты или виновности каждого человека, и потому мы не можем представлять себе суд Божий сопровождающимся какими бы то ни было формальностями, подобно судам человеческим. Однако в Писании мы находим такие места, в которых ясно высказывается мысль, что суд последний будет иметь своей целью выяснение нравственного состояния судимых. В послании к Рим. Апостол Павел говорит, *Бог будет судить тайные (дела) человек чрез Иисуса Христа* (Рим.2:16), тайные не в том, конечно, смысле, что явные дела будут оставлены без внимания, но что всё соделанное человеком, утаённое от людей и, быть может, не сознаваемое им самим до этого времени, будет предметом всеправедного суда. Ещё более определённо выражается тот же Апостол в другом месте: *приидет Господь, Который и осветит сокрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому похвала будет от Бога* (1Кор.4:5). Если обнаружение совокупности человеческих действий, включая сюда не только тайные дела, но и сокровенные намерения сердца, произойдёт, по слову Апостола, в день суда, то отсюда следует несомненный вывод, что до этого времени они останутся необнаруженными. Но для кого? Для Бога они всегда ясны: даже прежде рождения человека Господь предвидит все его действия и поступки. Очевидно, таким образом, что это произойдёт для самих судимых. Человеку, воскресшему и явившемуся на суд, ясно будут представлены не только все самые незначительные

с человеческой точки зрения поступки, мысли и чувствования, но и их нравственная ценность, словом, для него делается ясным его нравственное состояние, которое в настоящей жизни не может быть надлежащим образом ни понято, ни оценено, как им самим, так и другими людьми.

Каким способом представит Господь сознанию каждого всю его нравственную деятельность, определённый ответ на это дают места Писания, где говорится о книгах, в которых записаны все дела людей и по которым будет произведён суд (Дан.7:8; Апок.20:12). Само собой разумеется, что о буквальном понимании указанных книг суда не может быть и речи, так как Богочеловек не нуждается ни в каких записях для производства суда, да и невозможно с другой стороны представить себе столь подробную и столь точную запись всей земной жизни человека, на основании которой можно бы было определить ему безусловно справедливое воздаяние. Отличительная черта книг, – их совершенная точность в изображении жизни каждого отдельного человека, – заставляет признать, что они произведение не ограниченного тварного, существа, а имеют божественное происхождение, хотя с другой стороны мы не можем остановиться на той мысли, что Апостол понимает под ними Божественное всеведение, так как он говорит не об одной книге, а о многих и весьма, определённо отличает их от книги жизни: *и увидел я, говорит он, мёртвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мёртвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими* (Апок.20:12). Если книга жизни действительно озапачает в образной речи Апостола ведение Господа, Который *кого предузнал, тех и предопределил* (Рим.8:29) к вечной жизни, то под книгами мы не можем разуместь ничего другого, как собственную память и совесть человека, которые действием божественного всемогущества будут озарены так, что каждый с изумительной подробностью припомнит весь путь своего нравственного развития и с совершенной точностью сознает нравственное значение каждого малейшего своего поступка, своих мыслей и желаний.

Что действительно одной из задач последнего суда будет выяснение самому человеку его нравственного состояния, в этом убеждают нас те места Писания, по которым Господь, при произнесении Своего приговора, выясняет судимым, почему Он произносит над одними такой, над другими иной приговор. Так, даруя праведникам уготованное им от создания мира царство, Он прибавляет: *ибо Я алкал и вы дали Мне есть; жаждал и вы напоили*

Меня; был странником, и вы приняли Меня... (Мф.25:35). Грешникам же, отсылая их в муку вечную, указывает, что они своим неразумным поведением, лишённым милосердия и любви к меньшей братии, сами приготовили себе такую участь. Нельзя при этом не отметить также той особенности, что Писание всегда представляет Самого Господа приводящим человека к сознанию своей праведности или греховности, научая этим, что просветление человеческой памяти и совести обуславливается не какими-либо естественными причинами, но будет всецело делом всемогущества Божия. Если же это так, то о ком из людей мыслимо сказать, что он не нуждается в суде, так как для него и без того ясна вся его жизнь. Правда, нам приходилось слышать от одного лица из считающих себя свободными от суда такие слова: „когда я уверовал, мне с удивительной ясностью стала представляться моя прежняя жизнь, исполненная пороков. От многих поступков, которых я прежде не считал греховными, я приходил в ужас и много плакал, пока, наконец, мне не было открыто, что эти грехи мои прощены”. Однако мы можем спросить, неужели „уверовавший” в состоянии припомнить из своей жизни решительно все поступки, мысли, желания? Думаем, что едва ли кто из сектантов решится ответить на этот вопрос утвердительно, а между тем всё это, все самые незначительные с человеческой точки зрения свободные действия человека должны быть обнаружены и признаны им, и, если это не может совершиться здесь на земле, то необходимо будет иметь место в загробном мире.

На это можно, конечно, возразить и возражают, что для человека нет никакой необходимости припомнить и оценить все свои поступки, слова, мысли, желания; достаточно только сознать, что вся жизнь до „уверования” представляла один сплошной грех и, осудив себя, обратиться к Господу за оправданием. Однако мы не можем признать, что такое самоосуждение может сделать излишним показание человеку на последнем суде его жизнь во всех малейших подробностях. Если слово Божие говорит нам что предметом суда будут и тайные дела (Рим.2:16), и сокровенные намерения сердца (1Кор.4:5), и даже всякое слово пустое (Мф.12:36), то очевидно, что все они будут обнаружены на суде и умственному взору человека представится весь ход его нравственного развития со всеми его особенностями и подробностями. Это же вытекает и из понятия бесконечной справедливости последнего суда, так как всесовершенная правда Божия требует не только того, чтобы над каждым человеком был произнесен -безусловно справедливый приговор, но также, чтобы и сами люди совершенно ясно сознали такую справедливость

получаемого ими воздаяния. Для последнего же недостаточно, чтобы человек просто только сознал себя принадлежащим к царству вечной жизни или пребывающим в вечной смерти, но необходимо, чтобы ему было открыто, чем именно он приготовил себе такую, а не иную участь.

Наконец, если даже мы допустим, что для „верующего”, т. е., для пащковца возможно сознать на земле все малейшие греховные подробности своей прежней жизни, то это ещё не избавляет его от необходимости явиться на последний суд, так как на нём должны открыться не одни только злые, но и добрые поступки (Еккл.12:14).

В судах человеческих за расследованием правоты или виновности подсудимого следует произнесение над ним приговора и затем уже приведение последнего в исполнение. Но в отношении к суду Божию такое представление не приложимо. Так как Бог есть Дух, то и слово Его не что иное, как движение Его воли; оно *живо и действенно* (Евр.4:12) и называет *несуществующее, как существующее* (Рим.4:17), так что осуждение человека мы должны понимать не в смысле произнесения над ним только словесного приговора, но как действительное предание его вечным и мучениям, – и оправдание, как действительное дарование вечной жизни. Понимая в этом смысле божественный приговор, мы ни на одну минуту не можем допустить мысли, чтобы кто-либо из людей мог обойтись без него, вступая в новую жизнь по воскресении тела. Никто из умерших до восстания тела не получает полноты воздаяния. Совершенное соответствие праведности и блаженства, греховности и мучения делается возможным для человека только по воскресении, когда он вновь является в полном составе своей духовно-телесной природы и начинает жить полной жизнью. Но получение человеком полноты воздаяния требует особенного акта Божественного всемогущества, так как и блаженство и мучения, хотя они являются естественным следствием нравственного состояния человека, тем не менее определяются Самим Богом, как это видно из всех мест Писания, говорящих о воздаянии на суде. Праведник, как бы он ни был совершенен, не без воли Божией получает небесное наследие; также и грешники, хотя они носят в себе зерно будущих мучений, однако только всемогущество Божие делает последние действительными и соответствующими их виновности пред Богом.

Апостол весьма определённо говорит, что обнаружение всех дел человека произойдёт на последнем суде при втором пришествии Господа. Относительно тех, кого страшное Христово пришествие застанет живыми, это совершенно понятно, но об умерших до этого времени, которые предстанут на суд в воскресших телах, мы знаем,

что они уже сразу после своей смерти получают воздаяние и наслаждаются блаженством, или терпят мучения. Хотя то и другое ещё не достигают своей полноты в этот период, тем не менее мы не можем допустить, чтобы души до воскресения тел не сознавали, за что именно они мучаются или блаженствуют. Кроме того, что такая мысль совершенно противна понятию о правде Божией, она опровергается и свидетельством Писания. В притче о богатом и Лазаре Авраам представляется говорящим первому: *чадо! вспомни, что ты получил уже доброе в жизни твоей, а Лазарь злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь* (Лк.16:25), чем очевидно предполагается, что находящийся в пламени богач хорошо понимает сам, что привело его в это страшное место мучений. Если же человеку непосредственно после смерти выясняется его нравственное состояние, что, по верованию православной Церкви, совершается в так называемом, частном суде Божиим, то в чём же тогда будет состоять откровение его жизни на последнем суде? На это возможен только один ответ, – что поступки, слова, мысли и пожелания судимых, известные уже им самим, будут обнаружены перед всеми собравшимися на суд людьми и перед всеми окружающими сшедшего с неба Судию св. Ангелами. И это вполне естественно, так как страшный суд будет высшим и совершенным проявлением правды Божией, а потому и должен совершиться перед лицом всех разумных существ, чтобы все могли видеть и признать его бесконечную справедливость. Как прямое указание слова Божия на такой характер последнего суда, можем привести слова Спасителя: *всякого, кто исповедает Меня пред человеками, и Сын человеческий исповедает пред Ангелами Божиими. А кто отвергнется Меня пред человеками, тот отвержен будет пред Ангелами Божиими* (Лк.12:8–9). По этим словам Господа, признание избранных и отвержение отвергшихся Его совершится перед всеми Ангелами; тем более, следовательно, мы можем утверждать, что оно будет и перед всеми человеками. Но так как здесь должна открыться не только вина неверия, а также и добродетель исповедания Господа, то мы не можем усмотреть и с этой стороны ни малейшего различия в способе совершения суда над верующими и неверующими.

Свящ. А. Темномеров

Ивановский Н. И., проф. Внутреннее устройство секты странников или бегунов // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 696–720

IV. Бытовая сторона рядовых бегунов и воспитание и образование малолетних. С. 696–720

Мы описали администрацию общества бегунов и говорили о должностных лицах. Теперь посмотрим, где и как живут рядовые бегуны.

Последователь бегунства по идее – странник, не знающий ни града, ни веси, ни роду, ни племени, ни отца, ни матери. Но жизнь далеко уклонилась от этих идеальных требований, которые со всей строгой последовательностью проводил основатель бегунства. Постоянное странствование по любезным пустыням воспевается разве только в бегунских песнях ²⁷⁶, да выражается в безвестности погребения. Мы уже видели, что все управители, все должностные лица совсем не – бродячие люди, а осёдлые, более или менее продолжительное время на определённых местах живущие, только в сокрытии, с места же на место переходящие непроизвольно, по одному требованию (принципу) странствования, а по распоряжению властей. По правде, первичная идея бегунства не могла быть и выдержана в смысле необходимого её осуществления каждым членом секты.

В противном случае распалась бы и сама секта, как общество, и все странствующие превратились бы в нестройную бродячую толпу, без всякой сплочённости и организации. – Поэтому не одни только лица должностные, но и все вообще бегуны, самые рядовые, не суть уже те постоянные странники и пришельцы, как предносилось то в воображении основателя секты. Это – люди в тех же городах и селениях живущие, свои области знающие и ведущие им счёт, на разные сословия разделённые, начальствующим и подчинённым имеющие, а только люди нам неизвестные, живущие в сокрытии от нас. Это сокрытие и заменило собой безусловное требование странствования. Последнее удерживается только в некоторой видимости тем и в том, что большинство бегунов; особенно рядовых, не живут, как и мы говорили, по-долго на одних местах. Но и здесь опять есть уклонение от буквального требования в том, что этих рядовых бегунов, перевозят из одной местности в другую, по распоряжению властей, хотя и не против их воли, а нередко и прямо по их просьбе. При этом их не заставляют в точном смысле быть странниками-пешеходами, а пользуются всеми современными способами передвижения: пароходами и железными дорогами, в антихристово время придуманными и в антихристовом царстве

существующими. Далее, едут бегуны, зная, куда их везут, кроме разве малолетних, знают, что там их примут и поместят в безопасных убежищах и занятия дадут, знают, что и там есть и их власти, и их покровители – «Христолюбцы». На самом деле всё это так и бывает, и они могут быть до известной степени спокойны; разве неожиданный визит полиции нарушит это спокойствие, что и называется «гонением». Во время этих-то «гонений» они и успевают скрываться в тайниках, пока не отпрут полиции дверей; последнее же делается всегда с промедлением; в окнах иногда видны огни, заметны даже движущиеся тени, но ворота или входные двери на запоре и их не скоро отпрут. Если почему-либо является опасения повторения нежеланных полицейских посещений, то временных, беспаспортных жильцов устроят в другом убежище, или увозят несколько далее, в другие соседние места.

Размещаются бегуны, в так называемых, кельях. Кельей называется не одна комната, а или несколько комнат в одном доме, или два–три домика на одном дворе. Келейные помещения принадлежат или домохозяину, или снимаются в наём под квартиру кем-либо из «жиловых» на своё, конечно, имя и как бы для своей семьи. Такой домохозяин или квартирант обыкновенно сам с семьёй или родственниками помещается в более видных комнатах. В комнатах более отдалённых, или в пристройках, в глубине двора и поселяются странники, а с ними, или около них, в другой комнате, оглашаемые, т. е. приготовляемые к крещению («видовые»). Из перекрещенных обыкновенно живут не более 5 человек; живут они без всяких видов почему и помещаются ближе к тайникам; оглашаемые, имеющие ещё паспорта, большей частью просроченные, – живут менее секретно. Паспорта находятся в руках у домохозяина, или съёмщика квартиры, и случается, что он их подменяет, называя беспаспортного бегуна чужим именем, значащимся в паспорте, если, конечно, приметы совпадают. И это делает не сам странник, а домохозяин или съёмщик квартиры, так как сам он не иначе может называть себя, как только «рабом Христовым». Случается, что для того, чтобы не отвечать на предлагаемые полицией вопросы о звании и имени, бегун притворяется глухим и немым. Один такой случай был при нас. Захваченный бегун, здоровый мужчина высокого роста, притворился глухонемым, а домохозяин объяснил, что он держит его дворником, почему и ворот полиции долго не отпирали.

Каждая келья имеет своё внутреннее устройство, своё хозяйство, свой домашний обиход, свои моления. В каждой келье имеются старший, или старшая, – игумен или игуменья; они начальствуют в

келье и смотрят за порядком. За тем второе по келье лицо – причётник или причётница, которые заправляют домашними службами. В женских кельях третья. – опытная в хозяйстве, ведёт хозяйство. – В мужских кельях готовят или домохозяева, а где имеется – особый пекарь. – Обязанности по хозяйству могут исполнять и «видовые». Далее идут клирошане и клирошанки и послушники и послушницы, между ними бывают учителя и учительницы малолетних. При кельях имеются привратник или привратница, из видовых. Обязанность их заключается в том, чтобы принимать всех приходящих, расспрашивать, кто за чем пришёл и с кем нужно видаться. О всех посторонних приходящих докладывают игумену или игуменье и от последних зависит, разрешить или не разрешить свидание.

Каждый день в келье совершается обычная дневная служба в особой комнатке, на подобие моленной. На большие праздники сходятся из всех келий на «соборные» моления, куда приносят и книги из некоторых келий. Соборные, т. е. общие моления могут быть и в особых, так называемых, соборных моленных, устраиваемых при некоторых кельях, а иногда они бывают у жилых. Прежде эти соборные моления происходили совместно, мужчин и женщин; теперь совместные моления совсем прекращены, а молятся отдельно мужчины и отдельно женщины. На эти соборные моления допускаются и приходящие, знакомые, но они не молятся, а только слушают богослужение. 14 декабря 1897 года была открыта в доме Коршунова, в Адмиралтейской слободе, небольшая моленная комната, видимо приспособленная для этих «соборных молений». В ней оказалось много богослужебных книг и рукописных сочинений, а также переписка неизвестных лиц. Впоследствии оказалось, что некоторые книги и рукописи принадлежали другим лицам. Ясно, что здесь был какой-то общественный склад вещей и квартира кого-нибудь из видных должностных лиц, с «соборной» моленной.

Пищу в келье готовят и подают, смотря по чину, «истинным христианам» одну, согласно монастырским уставам, молочное, рыбное и овощи, оглашаемым – холодное и только по субботам и праздникам горячую похлёбку, остальные могут есть и мясное. Все троякого рода насельники, вследствие неодинакового рода пищи, при неодинаковом церковном положении, и едят порознь, не сообщаясь между собой и при однообразной пище и питии, и молятся перед вкушением пищи и по окончании также порознь, чтобы не смешаться в молитве. – Обычай этот общий у всех старообрядцев-раскольников.

Все жившие в кельях содержатся на средства общества, кроме детей «жилых» бегунов, посылаемых для обучения. За последних

платят их родители, по условию, или по усердию. – Сами средства на содержание келейных получаются разными путями: а) из сборов в кружки при «соборных» молениях, б) из пожертвований натурой, которые распределяются именно по кельям, (эти пожертвования бывают очень обильны, – мукой, крупой, маслом, рыбой и т. п.), в) в случае же недостачи в содержании, высылается пособие из главной кассы общества. Все означенные средства поступают в распоряжение игумена или игуменьи. Впрочем, некоторая часть из кружечных сборов раздаётся иногда и на руки келейным. Но при этом все, получившие поручные деньги, должны расходовать их осмотрительно и при том не как свои, а только как им вручённые и потому давать отчёт старшему по келье в каждой израсходованной копейке. Расходовать эти деньги можно прежде всего на покупку воска для свечей, потом на бумагу и другие письменные принадлежности, также на рукоделье и т. п., можно и милостыню из них подавать кому-либо из своих, – убогому и хворому; чужим подавать нельзя, разве нищему на улице, с таким понятием, что «сыну довольно, тогда и собаке можно»; можно что-нибудь и на себя купить, например, платок, башмаки, или что другое, – но на это нужно испросить позволение. При том каждая вещь из одежды, хотя бы и на означенные деньги купленная, прямо своей не считается, так что её могут отдать и другому, (на практике, впрочем, этого почти не бывает, разве только в наказание за какой-либо проступок).

Все живущие в кельях и работают также на всё общество. Мужчины пишут книги богослужебного и учительного содержания, а также разные цветники и сочинения своих наставников, и занимаются переплётом книг; книги эти идут и в продажу. Неспособные к этому труду исполняют и другие работы: плотники устраивают тайники, печники работают и исправляют печи в пристано-держательствах. Из келейниц также есть умеющие писать книги и ноты, хотя их немного. В женских кельях большей частью занимаются шитьём одежды, как для женщин, так и для мужчин, особенно для стариков, исполняют рукодельные и другие, свойственные полу, работы. И всё это опять не для себя, а для общества, и кому что отдать, это не дело работниц, этим распоряжаются старшие. Таким образом, в основе лежит здесь полный коммунизм. Правда, есть некоторые вещи, лично принадлежащие келейным; к ним относятся иконы, книги и некоторые картины, но и эти вещи считаются лично принадлежащими только тем из келейных, которые пробыли в келье не менее 10 лет. Кому какие вещи принадлежат, про это знает наставник и эконо́м. В каждой области ведётся особая книга, называемая почему-то

«завещательной» – (вероятно, потому, что многие вещи достаются по завещаниям). В эту книгу областной эконо и записывает принадлежащие каждому вещи. На деле эти вещи, при частых переездах, разбрасываются по разным местам и кельям, – перевозить всё с одного места на другое неудобно, – так что и сами владельцы нередко забывают, где что находится. Правда, областные эконоы и при переездах всякую вещь, увезённую, или привезённую записывают, – но разыскивать её, при помощи этих записей, рядовому страннику затруднительно. Таким образом, и эти вещи с течением времени становятся как бы общественными. При том, если странник почему-либо уходит в мир, делаясь через то отступником, то уходя он не имеет права взять с собой что-либо из своих вещей, – разве только возьмёт незаметно, украдкой. Все оставшиеся после него вещи или отдаются на хранение, или прямо делаются общественными. Это и случилось с обратившейся. Когда она была обнаружена полицией и целый день провела в квартире помощника пристава, то по открытии её местопребывания, придя с ним в свою келью, увидела, что многих вещей из икон и книг уже нет, они куда-то исчезли.

Дела в том, что когда бегунам стало известно, что Евстолия попала в часть (полицейскую), сейчас же распорядились более ценные её вещи увезти из кельи неизвестно куда. В то время она радовалась этому: «ай да – молодцы, успели сделать своё дело», и жалела только о том, что не всё дочиста убрали; но потом, по присоединении, не мало об этом грустила, жаль стало ей некоторых икон и книг... Все эти вещи нужно считать теперь пропавшими. Про одну икону, Воскресение Господне, она и узнала, где она находится (именно у содержателя адресного стола), но открыть её и доказать принадлежность ей, было уже очень мудрено. Счастливый случай помог выручить некоторые из печатных книг. Во время упомянутого осмотра в доме Коршунова, 13 сентября 1897 года, в квартире, занимаемой Нижегородской губернии крестьянином Василием Сибиряковым, в числе прочих вещей были отобраны и некоторые старопечатные книги, которые впоследствии и оказались принадлежащими обратившейся и, по определению епархиального начальства, были ей возвращены. Таким образом, пришлось не о том ей радоваться, что было увезено бегунами и бесследно исчезло, а о том, что найдено при полицейском осмотре в бегунской «соборной» моленной.

Жизнь в келье идёт однообразно и для пылких натур – скучно. Келья закрыта для внешнего мира, посещают её только свои духовные лица, перешедшие большей частью возраст волнений. Духовник посещает каждую келью, мужскую и женскую, по крайней мере раз в

неделю, для духовных бесед; раз в месяц посещают её главный наставник и креститель. Приходящие в женскую келью родные или хорошо знакомые допускаются на свидание при «крестной» и то мужчины только утром, до обеда. Все письма и записки на имя келейниц прочитывает также предварительно «крестная». Выход из келий разрешается игуменьей, причём в провожатые даётся какая-либо старуха. В мужских кельях также строгость, с тем различием, что келейницы видят хотя стариков-мужчин, молодые же парни, которые живут в кельях с малых лет, не видят иногда ни одной женщины, лет до 18–19-ти. Рассказывают, что один такой келейный юноша, когда один раз по выходе из кельи с провожатым стариком, увидел молодую женщину, то пришёл в изумление, что это – за человек такой, – не похожий на других, которых он до того времени только и видел, и не похожий и по одежде, и по сложению, и даже по лицу, какой-то очень уж красивый, точно молоденькой мальчик, и в то же время не похож на мальчика, – увидел и не утерпел, чтобы не спросить провожатого, что это – за человек такой. Провожатый не зная, как объяснить, пригрозил и запретил спрашивать и говорить в келье другим про такое видение.

Под влиянием такой отрешённости разыгрывается фантазия, появляются какие-то необъяснимые помыслы, является неудовлетворённость закрытой жизнью, скука, искание чего-то. Обеспокоенная этим, выросшая в кельях молодёжь и рвётся на простор, просится в другие места, чтобы во время переезда разогнать скуку, посмотреть на мир; при этом и воспеваемые любезные пустыни манят своей неведомой, воображаемой прелестью. Таким образом, желание странствования возникает уже из других источников души и является под влиянием фантастических грёз, а не во имя аскетизма. И вот, прожив полгода, год на одном месте, а то и менее, келейные просятся в другие места, подальше, и просьбы их нельзя оставить без удовлетворения, в силу основного бегунского принципа. Отъезжающим дают отпускную грамоту, удостоверяющую их личность по бегунству, только в царстве бегунов и известную; к грамоте прикладывается их гербовая печать.

При существующих удобствах путешествия едут наши юные странники весёлые и довольные, любясь разнообразием картин, встречаемых на пути. Безотчётные порывы юности утихают; хорошо и спокойно становится на душе; является необычное оживление. Но по приезде на новые места – та же келья, те же старики и старухи, та же замкнутость от мира, то же однообразие. А если уже на самом деле увезут в Томские или Тюменские леса, где, действительно, – настоящая пустыня и ничто не напоминает о мире, то эта пустыня

становится совсем уж не «любезной», и опять тянет хотя поближе к миру и людям. И нужно сказать, что в этих настоящих пустынях держат не долго и только подозрительных, особенно в ком заметят стремление жениться или выйти замуж, – что неизбежно соединяется с отступничеством. Раз бегуны даже насильно увели девушку из дома «жиловых» родителей и не один год держали в непроходимом лесу, приучая её к пустынножительству. Долго плакала и рвалась на свободу невольная затворница, но наконец свыклась. Говорят, что она и теперь жива. Было нечто подобное, может быть, и далеко не один раз.

Но поближе к миру не сознательное и добровольное, а также вынужденное затворничество изыскивает свои лазейки. Укажем тоже живой пример. Молодая, – хотя и не первой молодости, – келейница исполняла в келье роль сиделки около больной своей сестры. Между тем в этой келье понадобилось произвести некоторые столярные работы. Работы эти были поручены одному молодому келейнику-столяру. Обычные предосторожности не были приняты и столяр, и сиделка познакомились. Дальше помогла полиция. Столяр был обнаружен и, так как объявил своё имя, то был препровождён на место родины в Пензу. Там же скоро очутилась и сиделка, ушедшая уже добровольно. Выправили они документы, с отметкой «православные», и повенчались, отступив от бегунства, но в душе не сделали и православными. Подобных примеров далеко не один. Интересно, конечно, знать их действительные дальнейшие отношения и к бегунству, от которого отступили, и к православной церкви, к которой якобы пришли. Но об этом речь будет в своём месте.

В кельях некоторые начинают жить с детского возраста. Детей маленьких лет до 5-ти, бегуны у себя не держат, им трудно следить за ними, охранять их и возить с собой. Обыкновенно, если является у них ребёнок, или незаконный, или оставленный на их попечении после умерших «жиловых» родителей, (перекрещенных перед смертью), то они до известного возраста отдают его на воспитание в подходящую семью, которая держится известных убеждений. В этой семье выдают за своего. Это бывает возможно, так как «жиловые» бегуны своих детей часто не крестят в православной церкви²⁷⁷, а только заявляют о них, когда явится надобность, полиции²⁷⁸, или же, если имеют своих детей, которые умирают перекрещенными и хоронятся поэтому секретно, – выдают этих приёмшей прямо за своих умерших, называя их именем. Из всего этого впоследствии, при изменившихся обстоятельствах, может, конечно, выходить большая путаница, даже в годах, так как приёмный ребёнок мог быть значительно моложе умершего, – но об этом, конечно, не думают. – Люди другого царства

по-другому и рассуждают, а соприкосновенные им и обнаружить всего не захотят, в случае же встретившейся надобности придумают какую-нибудь сказку. – Когда дитя начинает приходить в сознание, его увозят в келью «погостить»; там его обласкают разные старушки, приучат к себе, утешая до времени тем, что отец и мать скоро приедут; при этом познакомят с стариком-дедушкой, который и гостинцы принесёт, и так оставляют в келье навсегда. Таким образом, в пристанодержательствах бегунов являются и дети, только не младенческого возраста, – которым дают воспитание и образование.

Как же их воспитывают и чему учат?

Нет надобности говорить, что воспитывают их в духе секты. Поэтому выдающейся характерной чертой воспитания служит то, чтобы приучить с самых малых лет прежде всего к презрению всего внешнего, мирского. Для этого воображение настраивают разными ужасами этой внешней, мирской нечестивой жизни, а с другой – «любезными» пустынями. Чтобы пустыни эти сделать ещё более любезными, рассказывают из прологов о святых, спасавших души в горах и вертепах и в пропастях земных. И всё это рассказывается восторженно, языком прологов, причём особенное внимание обращается на разные искушения и видения. Эти рассказы до того наэлектризовывают иногда впечатлительные души, что дети 7–8 лет начинают мечтать о совершении какого-либо необычного подвига. Раз одна девушка-малолеток где-то набрала небольших гвоздей и разложила их на своей постели, намереваясь спать на гвоздях, для умерщвления плоти, легла и стала беспокойно ворочаться. Старшие обратили на это внимание и пожурили юную подвижницу.

Далее, воспитываемых приучают к неуклонному исполнению уставов, вследствие чего дети иногда едва не в течение полусуток, – с небольшими перерывами, – по целым ночам выстаивают богослужения, а потом, едва не целые дни спят. – Это естественно обращается в привычку. Иногда подолгу постятся, но после этого угощаются слишком обильной трапезой, от чего наживаются хронические болезни желудка. То, что хорошо и добро в зрелом возрасте, не таково ещё может быть в детстве, при неразвитом сознании, при живости только воображения.

Далее, детей приучают к безусловному послушанию, но при этом никогда не бранят, скажут только: «делай» то или другое и почти всегда делают. Если же дитя чего-либо не сделает, или учинит какую-либо шалость, то на него посмотрят как на взрослого: – пойдут вразумления от прологов и сейчас же – наказание. Наказанием служит иногда запрещение погулять в саду, но обычно поклоны заставляют класть,

количество которых зависят от вины и усмотрения. И вот 6–7 летний ребёнок берёт в руки лестовку, становится перед иконой и кладёт назначенное количество земных поклонов. Наказание назначается старшими в келье – игуменом или игуменьей, строго, серьёзно и степенно. Но со стороны наказуемого требуется, чтобы он принимал наказание с весёлым лицом, кланялся и благодарил за него. Исполнил наказание и делу конец. Бегуны, как и все беспоповцы, в наказании или епитимии видят удовлетворение и очищение греха. К этому приучаются иногда до того, что, придя уже в возраст, соображают, в силах ли вынести полагаемое за известный проступок наказание; если сообразят, что положить, например, 100 поклонов не трудно, то спокойно этот проступок учиняют; если сообразят, что наказание должно последовать тяжкое, – удерживаются. Таким образом нравственное поведение многих сводится к механическим чисто соображениям.

Если не бывает при воспитании брани, то нет у бегунов и ласки, столь нужной детям. Всё делается большей частью машинально, холодно, всё – чуждо сердцу родительскому. Много-много, когда какой-нибудь старик-наставник или «крестная»-игуменья, по голове погладят, да немного улыбнутся. Есть ли это заученный формализм, или привычная холодная степенность, – сказать трудно.

Сверстников или сверстниц по возрасту, перед которыми можно было бы раскрыть детскую душу с её радостями и печалью, в одной келье, – за редкими исключениями, не полагается, по соображениям, впрочем, не педагогическим, а практическим, так как большинство келий малопоместительные и за малолетними детьми присматривать не кому. Так дитя остаётся одно, как скитник или скитница; окружают его люди, не понимающие детских интересов. Вследствие всего сказанного воспитанные в келье дети мужают раньше времени, расстраивая нервную систему. У них развивается замкнутость; каждый из них носится с своими думами и чувствами, которыми поделиться не с кем, но которые, зато впоследствии, особенно под влиянием других условий, могут прорываться целым потоком то неудержимого веселья, или слёз, – смотря по обстоятельствам, – то умной речи, то ночной болтовни, при быстрых сменах одного душевного состояния на другое, то, наконец, резко бросается в глаза та же замкнутость и упорное, молчание. Нам, выше по культуре стоящим, если придётся случай, необходимо иметь это в виду, чтобы и трости надломленной не преломить и льна курящего не угасить.

Обучение детей начинается, как и везде, с грамоты. Грамоте учат по книгам славянским, писать – полууставом. Обучив чтению и письму,

знакомят с порядком богослужения и с крюковым пением, а также с монастырскими уставами. Этим и заканчивается общее первоначальное образование. Грамматика и арифметика находятся в презрении, особенно последняя, как наука нечестивая. За тем уже более способных обучают истории общей и русской до п. Никона, хотя и не полностью, а в обрывках. В частности, знакомят со Спартой и спартанским воспитанием, с мудрыми мужами Афин, с просвещением земли русской святыми Ольгой и Владимиром, с князьями и царями русскими, с Стоглавым собором, с благочестивыми митрополитами и патриархами. После Никона, если о чём и говорят, то тенденциозно, например, – что Пётр I учредил Синод, по примеру Кальвина, что слово Император заключает в себе число имени антихриста 666 (собственно *иператор* – 666), словом – здесь уже всё проникается своими раскольничьими взглядами.

Успехи от такого образования получаются, как и везде, неодинаковы. Более усердные и даровитые в 10–11 лет могут править церковные службы, другие того же возраста читают паремии и апостол, читают на распев, непременно басом. – Можно себе представить такого маленького чтеца или чтицу, произносящих: «Ко евреом послание святого апостола Павла» в самых нижних нотах приветственное: «Братия», а оканчивающих чтение с принятым повышением голоса. Это – что-то наивно надутое, совершенно неестественное, портящее голосовые связки. В то же время они распевают по крюкам ирмосы, тоже в нижнем регистре и при том с растяжением речи, например: «Твоя победитееленная десница» и т. п.

Но обратимся лучше к наглядному ознакомлению. При полицейских осмотрах последнего времени отобрано много бегунских рукописей и картин.

Имеются образцы прежде всего полууставного письма. Письмо – очень чистое, требующее большого навыка и усидчивости... Есть рукописи крюковых нот, ещё более трудные для написания. Любопытно здесь название крюков, которое, – не знаю, существовало ли в древней крюковой системе: «Өита подөвитица», «Өита кобыла», «Өита Vжица» и проч.

Далее, – рисование картин. Картины эти апокалипсического содержания. Вот изображение четвертого зверя, пророком Даниилом виденного: *Се зверь четвертый страшен и ужасен и крепок излиха, зубы же его железни велий, ядый и истопчевая, останки же ногами своими попираше. Рогов десять ему. И се рог другой мал възиде посреде их. И се очи, аки очи человечести в розе том и уста глаголюща великая* (Дан. 7:6–8 Ср. уста глаголюща великая и хульная

Апок.13:5–6). Бегуны поясняют эту картину так: «Зубами своими зверь сей поядает истинных христиан, а ногами топчет их. Две ноги передние суть власти гражданские, две задние – власти церковные. Малый рог – проповедники и миссионеры, глаголющие много хульного против «истинных христиан». Вот другая картина, – чище написанная, в пояснение слов Апокалипсиса: *паде Вавилон град великий*. На картине представлен падший город, в развалинах, а в море плывущая на парусе ладья с людьми; это удалившиеся из Вавилона и плывущие по житейскому, пустынному морю «истинные христиане», т.е. они, бегуны.

Образцом рукоделья, которому обучают девочек, может служить вышитый бисером портрет Государя Императора и Государыни Императрицы, с вышитой же золотом надписью на верху: «Боже, Царя Храни». Этот портрет вышивался присоединившеюся, когда она жила в отдельной келье, хотя была ревностною бегункой. Он поднесён нам в тот вечер, после беседы, когда она публично заявила о своём обращении к православию. Работа эта остановила наше внимание, так как не мирилась, по-видимому, с убеждениями бегунов. Спустя несколько времени по присоединении, мы и высказали своё недоумение и предложили вопрос, – «каким образом бегунка могла вышивать портрет Государя, – должно быть уже в это время она колебалась в учении бегунов»? «Нисколько», – было ответом, – Он ведь не виноват, Он на готовое пришёл, а лицо – высокое, власть имеющее, без власти же жить нельзя. Виноваты Петровские указы: они всё благочестие в конец порушили». – «А как эта надпись явилась: *Боже, Царя Храни*»? – «Это значит: обрати царя в истинную веру; как бы горячо я молилась тогда о Нём!» – Господь устроил обратно, может быть, за это искреннее желание молиться²⁷⁹.

При описанном воспитании, чисто спартанском, – как выразилась однажды обратившаяся, и описанной выучке; у многих развивается склонность к сочинительству, не только в прозе, но и в стихах. Замкнутая душа рвётся вылить свои мысли и чувства на бумагу. Это достигается уже самоучкой, причём вырабатывается и своё образный стиль.

Большинство написанных сочинений чисто полемического содержания, с опровержением мнимых ересей православной церкви. Это – обычная литература во всем расколе, о которой в данном случае и говорит нечего. Но есть и другого рода сочинительство, тоже с полемической окраской, положим, но в коем много и положительного, более любопытного, чем одна полемика по вопросам веры и обряда. В содержании этого рода сочинительства есть своего рода поэзия, где говорит чувство, хотя и превратно настроенное. Здесь и своё

рифмоплётство, но такое рифмоплётство, в которое не должно бросать камнем, не нужно строго, по-нашему, и судить о нём.

Могу ознакомить с двумя–тремя такими произведениями под разными влияниями и при разных уже убеждениях составленными, а потому и резко отличающимися по духу и по содержанию.

Вот стихи бегунского наставника, известного уже нам, Никиты Семенова: на псалом «На реках вавилонских».

«Слёзы ливше о Сионе
И с сердечною тоской
Пел Израиль в Вавилоне,
Пленный, сидя над рекой.
Скучно жить в стране безбожной
Без святого алтаря,
Где кумиры, бог подложный,
Власть надменного царя.
Где святой закон в зазоре,
Нету истины следа.
О, велико наше горе,
Жить с неверными, – беда!
Дни проводим мы в боязни.
Нами трепет овладел,
Ни за что мы терпим казни
И орган наш онемел.

Чувствуется здесь откуда-нибудь заимствование, но люди опытные, профессора словесности, к которым мы обращались, не нашли подходящего. Далее же, несомненно бегунское произведение.

Вот и снова злое время
Над вселенной взяло власть,
Утеснено правых племя,
Терпят кроткие²⁸⁰ напасть.
Пала древняя святыня,
Град духовный разорён
И Сион стал, как пустыня,
Весь закон в нём изменён²⁸¹.
С виду много блеска, славы
И наружной красоты²⁸²,
Но посмотрит на уставы,
Всё фальшивые цветы²⁸³.
Род избранных весь рассеян ²⁸⁴
Сжат железною рукой²⁸⁵
Опорочен и осмеян.

Цену платят за покой²⁸⁶.
Только вспомнишь прежни годы,
Слёзы сронишь не хотя,
Время мира и свободы²⁸⁷,
О прошедших днях грустя,
Когда вера процветала
И любовь жила в сердцах,
Всюду истина сияла,
Был в народе Божий страх.
Воин, раб и царь на троне,
Князь, святитель и купец
Были все в одном законе²⁸⁸
Земледелец и мудрец.
Все одну печать имели
Крест честной, небесный знак ²⁸⁹
И в одной святой купели
Омывали древний мрак²⁹⁰.
Удалясь от мира в горы,
Как пустынные орлы²⁹¹,
Дев и иноков соборы
Пели Вышнему хвалы,
Расширялись наши грани²⁹²,
Как на пир, мы шли на сечь,
Цари наши брали дани,
Сокрушали вражий меч.
В древность, – было, – с поля рати
Устрашённый враг бежал
Действом крестной благодати.
Меч не столь их поражал,
Власть святители имели,
Скажем, – речь и чудеса,
И потом в земле не тлели,
Их, по смерти телеса²⁹³
Ныне люди только знают
Посмеяться старине²⁹⁴,
Звёзды на небе считают²⁹⁵,
Царства видят на луне²⁹⁶.
Видят там леса и горы,
Степи, реки, всякой злак,
Не проникнут лишь их взоры,
Есть ли кофей, да табак²⁹⁷.

Вечно мир земной летает
И вертится день и ночь
И тех прелестник обретаёт,
Кто от церкви отпал прочь» ²⁹⁸.

Не станем теперь делать замечаний по содержанию этого стихотворства, которые можете потом усмотреть в печати. Приведём образцы сочинительства того же пошиба по форме и по стилю, но другого характера, с иными понятиями, составленные под влиянием новых, лучших обстоятельств благодатного возрождения.

Вот выдержки из письма по поводу подозрения об уходе снова в раскол и других нареканий. – Читается с разрешения Его Высокопреосвященства, на имя которого письмо и было написано, а нам владыкой передано. В этом сочинительстве много уже другого рода чувств.

«Преосвященнейший Владыко! С величайшей радостью и неимоверным восторгом так неожиданно я получила Ваше отеческое мне благословение иконой Божией Матери, посланной с моим крестным. Сердечно благодарю Вас, как дочь. Мой дух вострепнулся, и я начинаю говорить яснее, я чувствую, что церковь мне мать и Вы мне отец. Как же мне уходить от такого чадолюбивого отца? Палкой гони, так не пойду»!

«Владыко святой, сжался надо мной несчастной и не лиши меня последней утехи, вспомни счастье детей, находящихся при отце и матери. Я же круглая с роду сирота».

«Я, хорошо понимая, что я ничто другое, как ноль, но и во мне душа. Мне не корысть какая-нибудь нужна, или приобретение, когда я ничем не пощадила для веры; мне правда нужна. Как хотите меня понимайте, гордой и тому подобное. Но гордость ли была у пророка Даниила, когда он был ещё двенадцатилетним мальчиком и разрушил несправедливый суд старцев?»

«Я и смирение чту, и терпение знаю, послушание же постепенно проходила с малолетства, но рассуждение превыше всех добродетелей ставлю. Без рассуждения и доброе дело во зло приходит».

Иллюстрацией такого распределения добродетелей может служить картина, писанная ещё в бегунстве. Картина представляет ветвистое древо, окружённое вокруг разными добродетелями, в виде плодов, которые держат ангелы, с подписями названия добродетелей как друзей человека, и их значения, например: «1-й друг – *правда*, от смерти избавляет», «2-й друг – *чистота*, к Богу человека приводит», «6-й друг – *смирение со благодарением*, – сего и сам сатана

трепещет» ... «8-й друг – *рассуждение*, всех добродетелей превыше и т. д. Древо изображает жизнь человеческую. Под деревом огромный змий с пятью головами. Это – диавол зияющий и иский, кого поглотити». Пять голов означают пять внешних чувств, через которые злой дух действует. Корень дерева подъедают две мыши: белая и чёрная. «Белая мышь означает, что день древо грызёт жизни нашей, сладостью мира сего, ею же услаждаемся». Чёрная мышь – «ночь тоже древо грызёт, убавляючи время». Несколько выше мышей с одной стороны близ корня дерева – зверь с отверстой пастью и острыми когтями. Это – «гонящая ны смерть». По другую сторону – бегущий от змия и от смерти человек. На дереве, около его середины тоже человек ползущий на дерево и протянувший руку и поднявший голову с раскрытым ртом к древесному мёду. Это – человек, проводящий жизнь в сластолюбии.

Кроме сочинительства прозой есть и стихи, составленные в благодарность за оказанные милости.

„Владыке Высокопреосвященнейшему,
Тезоименитому Арсению блаженнейшему
Осмеливаюсь, хотя исполнена безумия,
Составить стихи своим скудоумием”.

„О святой Архиепископе наш,
Обрати внимание и краткий взгляд ваш
И виждь, се текут к Вам чада.
Спешат верные люди всего стада
К доброму пастырю своему,
Прибегая к отеческому покрову твоему.
И в благородном сердце вашем
Есть милость и душам нашим.
Боже правый, услышь и внемли,
Благия мысли архиерею своему вложи!
Истина высокий сан твой да освещает
И правда, как солнце, всех нас да просвещает!
Понеже ангельским зраком сияешь.
Егда крестом церковь осеняешь.
Содрогаются тогда всех людей сердца
И детской их любви к тебе нет конца.
Усердно молитвы тогда к Богу возносят
И многая лета даровати тебе просят”.

Всё это – плоды не нашей ещё науки, не голос таланта обработанного, а непосредственное выражение природного чувства и плод доморощенного самоучительства, в простонародном стиле.

Правда, формы первых стихов гораздо глаже и лучше, но между авторами их слишком большая разница в годах, – между 50–60 и 18 годами.

Высшей наукой у бегунов служит, так называемое, «беседословие». Что это – за наука, как она проходится и каких учащиеся достигают результатов, об этом в следующий раз.

(Продолжение следует)

Профес. Н. Ивановский

**Из миссионерских дневников и записок // Миссионерское
обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 721–744**

**Скворцов В. Памяти Царственной инокини Анастасии,
строительницы Киево-Покровского женского монастыря.
С. 721–735**

Высочайший манифест, данный 13 апреля в Москве, возвестил всем верноподданным о постигшей Царский дом скорби, а всю православно-верующую Русь о невознаградимой утрате, в лице её Императорского Высочества, в Бозе почившей Великой Княгини Александры Петровны, в инокинях – Анастасии. Да, православная Русь понесла *невознаградимую тяжкую утрату!* Блаженно-почившая Княгиня-Инокиня воскресила на Св. Руси, в конце нашего века, тот давно затерянный, но незабвенный, дорогой сердцу русских православных людей дивный образ *Царственного подвижничества*, которым так богата наша древнерусская история и так счастлива наша православная Церковь, имеющая в лице Своих Святых целый сонм прославленных молитвенников из Царственных иноков и инокинь. Знаменательно, что возгорелся этот яркий светоч благочестия и иноческого подвижничества в Царственной семье в эпоху благодатного обновления русской национальной жизни, – в благодетельное царствование Александра III, когда Россия превозмогла сбросить с себя тлетворные духовные путы Запада, и решительно поворотила на свой исконный путь церковно-исторических идеалов национальной жизни и мысли. Достопримечательно, что по крови *немка*, по воспитанию и первоначальному исповеданию *протестантка*, – в Бозе почившая Княгиня-Инокиня так глубоко, так искренно и беззаветно вошла в русский православный дух и жизнь, и в частности – в иноческое, подвижническое, глубоко-одухотворённое житие, – что была *истиннорусским* человеком и строго-православной инокиней. Воистину Божия благодать вседейственна для верующей, любящей души!

В Бозе почившая Великая Княгиня, как смиренная, – не терпела, ни устного, ни письменного выражения даже самого справедливого отзыва и самой скромной оценки того великого значения и несравненной пользы, которую приносили Церкви и страждущему человечеству Покровская обитель, с её строгим уставом, церковным

благолепием и образцовыми во всём, порядками, а равно и благотворительные, врачебные при монастыре учреждения. Всё это великое дело сотворилось и творилось по евангельской заповеди, – *в тиши и безмолвии*, причём сама одна почившая Великая Княгиня была и инициатором, и главным архитектором, и исполнителем своих предназначений и первой, решительно во всём, труженицей. В тиши, ни для кого неведомо, зародилась идея об устройении монастыря и созрел целый план стройной системы учреждений, посвящённых делам веры, благочестия и милосердия. Также незаметно, как бы из под земли, на заброшенном, но чудном уголке старого Киева, – на высоком откосе Вознесенской горы, вплоть заросшем старыми деревьями, (семь десятин), в течение почти одного года вырос целый монастырский городок или, лучше сказать, женская лавра с множеством зданий, с величественным многоглавым храмом (где, между прочим, сделано точное воспроизведение пещеры Гроба Господня); с царскими, для приезда Высочайших особ, палатами, и всё это в чудном великорусском архитектурном стиле, так необычном в древнем Киеве. её Высочество, проживавшая первое время (с 1880 г.) в Киевском царском дворце, а затем в особо нанятом палаццо в аристократической части города (Липки), переехала (в 1889 г.) в новую обитель. Многочисленный штат дворцовой прислуги, разодетой в красные кафтаны и ливреи и нарядные придворные особы сменились теперь смиренными черноризцами, сёстрами-инокинями. Сама Августейшая Строительница заняла скромную, наряду с рядовыми сёстрами, келью в одну комнату, и также вскоре по переезде облеклась в иноческое одеяние, с которым и не расставалась уже до смерти. Словом, совершилось в жизни почившей Великой Княгини *воскресение*, восстание (греч. слово – *ἀναστασία*) к новой подвижнической жизни. Замечательно: будучи перевезена в новое монастырское подворье ещё на тележке, Августейшая Строительница после многих лет болезни, лишившей её способности движения и приковавшей к одру болезни, в обители получила чудесное исцеление, – как везде, среди киевлян в том существует глубокое убеждение, – и стала, по милости Божией, ходить.

Давно все в Киеве были убеждены, что Великая Княгиня имеет монашеское пострижение, но это событие в жизни почившей Великой Княгини покрыто было глубокой тайной, пока не было вскрыто, сейчас же после смерти её Высочества, духовное завещание, хранившееся в ризнице Киево-Софийского собора, откуда узнали, что в инокинях имя её Высочества *Анастасия* (по-русски *воскресение*). Принятие иночества, по-видимому, относится к началу 90-х годов и есть

основание полагать, что пострижение совершено одним из бывших в то время в Киеве Афонских иеромонахов.

Теперь у свежей могилы Царственной инокини неблагоприятно и невозможно изобразить в трогательных и глубоко поучительных подробностях глубокий, величавый образ Августейшей инокини, строительницы Киево-Покровской обители и значение её мощного подвига самоотречения и всецелого посвящения себя делу веры и милосердия. Это – задача и долг будущего времени и истории, которая несомненно обессмертит имя *Великой* – не только по званию и роду, но по духу и деяниям – Княгини-Инокини.

Покровская обитель – юнейшая среди древних Киевских монастырей и не имеет у себя прославленных святынь, но благодаря лишь *священному* в глазах народа подвигу благочестия Августейшей строительницы, – Царской Тётки и Бабушки, – никто из тех сотен тысяч верующих богомольцев, которые ежегодно притекают в Киев на поклонение Угодникам Божиим, не уходит из матери городов русских, не посетив „Княгинина монастыря“ и в этой тихой пристани веры, труда и благочестия всякий обременённый скорбями многими находил покой и облегчение душе своей. Как быстро разнеслась слава о *Княгинине монастыре*, (так известна в народе Покровская обитель) можно судить уже по громадному наплыву решительно со всех сторон России, не исключая и далёкой Сибири, – желавших поступить в сёстры новой обители. Число это в первый же год возросло едва ли не до 400 душ, между тем, как обитель по штату могла принять от 120–150 инокинь.

Жизнь и порядок в обители были организованы по строгому *Студийскому уставу* вся жизнь сестёр новой общежительной обители проходила в молитве, трудах и лишениях. Заселённый теперь пустырь с первого же дня открытия монастыря огласился, ровно в 12 ч. ночи, гармоническим звоном (подобренных по тону системы о. Израилева) колоколов, вещавших Киевлянам об совершении (отдельно от утрени) полунощницы и, несмотря на глубокую полночь, храм всегда полон молящимися. При парадных праздничных торжествах (на Покров) обители именитые гости, привыкшие при гостеприимном дворе её Высочества к царской роскоши в сервировке и столе, теперь, при том же радушии Августейшей хозяйки – инокини, вдруг встречали скудную монастырскую трапезу, без всяких напитков, кушали деревянными ложками и из деревянных чашек!..

Пока тяжкая болезнь не заявила о себе угрожающе (в 1894 г.), Великая Княгиня была постоянной молитвенницей при всех ежедневных службах монастырских, причём нередко сама изволила читать шестопсалмие, часы, канон и проч. Все богомольцы, после

службы, из рук самой „Матушки Великой Княгини“ получали прекрасно подобранные листки религиозно-нравственного чтения, причём, многие удостаивались беседовать с Княгиней-Инокиней, излагая свои нужды и скорби, и всегда находили слово утешения. Тут же в притворе заведена была книжная и иконная лавка.

В этом отношении „Княгинин монастырь“ имел прямое миссионерское просветительное значение для местного, обуреваемого штундовыми веяниями, населения, не говорим уже о том общем – великом значении церковного благолепия и уставности служения в новой обители, и того высокого обаяния на массу достойного подражаемого примера личного подвига благочестия Августейшей Строительницы.

Всеми новыми вопросами Церковной жизни в Бозе почившая Княгиня-Инокия живо интересовалась и чутко отзывалась. Не могло, конечно, не волновать эту, любящую Православие, душу штундовое движение в крае. Одно время, когда борьба с психопатической малеванщиной потребовала несколько фанатичных сектантских пророчиц временно изолировать от возбуждаемой ими массы через помещение в женские монастыри, Великая Княгиня изъявила согласие принять нескольких сектанток к себе в Покровскую обитель. её Высочество изволила лично руководить делом духовно-нравственного воздействия на помещённых к ней сектанток, которое было в миссионерском отношении обставлено в высшей степени поучительно, с величайшим *психологическим* так сказать, тактом. Для наблюдения за сектантками назначены были толковые сёстры, причём им было указано окружить несчастных милосердою любовью и *непритворной*, а вместе и тёплой лаской, довольствоваться пищей и чаем в полном достатке, ни к чему не принуждать и не насиловать совести, как напр., относительно молитвы с крестным знамением, но и отнюдь не допускать кощунственных выходок или насмешек в отношении православных или иноческих обычаев и порядков. В храм насильно не водить, пока сами не попросятся, не выражать ни особого интереса, ни удивления к заблуждениям сектантов и проч. Заходила нередко и сама Великая Княгиня в помещение сектанток и осчастливливала ласково простой беседой; всё это размягчало сердце и раскрывало душу ожесточённых фанатичек. При беседах священников и миссионеров Великая Княгиня сама присутствовала и мы имели счастье не раз слышать лично от её Высочества чрезвычайно веские соображения и указания относительно тона и характера полемики с протестантствующими сектантами, на основании, так сказать, опытного знания ею духа гордого, как говорила Великая Княгиня, протестантизма.

Все помещённые в Покровской обители сектантки через некоторое время успокаивались, сначала из любопытства, потом добровольно и охотно ходили в церковь, прозревали в своё заблуждение и воссоединялись с Церковью, за исключением, впрочем, одной (Матроны), которая пробыла долго и все старания, и самые усердные заботы Августейшей миссионерши ни к чему не привели. Сумасбродная сектантка какой закоренелой прибыла в обитель, такой и отпущена была домой.

Покровская обитель ежегодно расширялась и украшалась новыми постройками монастырских зданий, церквей – (которых теперь 3), школы. В 1894 году, согласно определению св. Синода, Высочайше присоединён к Покровскому монастырю известный исторический Межигорский монастырь, расположенный в 20 верстах от Киева вверх по Днепру, в чрезвычайно живописной местности. Первоначально Межигорский монастырь был мужским. Этот монастырь, изобилующий многими памятниками глубочайшей старины, – ещё времён, по преданию, равноапостольного князя Владимира, до 1894 года был в чрезвычайно запущенном состоянии. С присоединением же к Киево-Покровскому монастырю, Межигорская мужская обитель была переименована в женскую и с этого времени начинается её полное благоустройство и процветание. В Бозе почившая, её Императорское Высочество, Великая Княгиня Александра Петровна любила посещать этот самый живописный уголок из всех окрестностей Киева, На престольные праздники Межигорского монастыря, в день св. апостолов Петра и Певла (29 июня) и в день празднования Преображения Господня (6 августа), сюда пребывает огромная масса народа помочиться вместе с „матушкой княгиней“. Межигорская обитель, между прочим, служила для сирот детей многолюдной монастырской школы дачей в летнее время.

В неусыпных заботах о благолепии своей дорогой Покровской обители, её Высочеством в 1896 г. в присутствии их Величеств заложен соборный храм во имя святителя Николая, который ныне уже окончен вчерне. Эскизный проект этого собора составлен Его Императорским Высочеством Великим Князем Петром Николаевичем, большим любителем архитектуры. Этот собор по своим размерам является в настоящее время самым обширным из всех киевских храмов.

Основывая Покровский монастырь, Августейшая строительница стремилась осуществить в нём древнехристианские идеалы монастырских обителей, служивших просвещению и врачеванию и предназначила новую обитель служению страждущим, создав замечательные во всех отношениях врачебные учреждения, в которых

тысячи больных нашли помощь или исцеление. В память не только счастливо, но и, по отзыву самих врачей, чудесным образом перенесённой в мае, 1892 года трудной операции её Императорское Высочество расширила существовавшую при монастыре больницу, преобразовала её в хирургическую для бесплатного лечения женщин и детей христианских вероисповеданий; для доставления же помощи приходящим больным устроена была бесплатная лечебница с бесплатной выдачей лекарств из монастырской аптеки. Уже в первые годы больница имела свыше 500 больных. В этой больнице 5 августа 1894 года была благополучно совершена Августейшей Строительнице трудная хирургическая операция.

После выздоровления её Императорское Высочество продолжала расширение больницы, деятельность которой с каждым годом возрастала. В 1896 г. монастырь и больница были осчастливлены посещением Их Императорских Величеств. Его Величеству Государю Императору благоугодно было пожаловать на расширение больницы щедрое пожертвование, на которое в течение 1897 и 1898 г. сооружено новое здание больницы Императора Николая II и были сделаны различные улучшения и приспособления. После расширения больница, рассчитанная на 60 мест, может однако вместить одновременно до 100 больных. За первые 4½ года по 1 января 1899 года больница приняла 1,650 больных, в ней сделано 974 операций, а в лечебнице для приходящих оказана помощь 86,443 больным. В настоящее время эти цифры значительно возросли.

Бывший в Киеве съезд врачей, осмотрев врачебные учреждения Покровского монастыря, признал их гордостью не только Киева, но вообще России.

В этом отношении характеристику заслуг в Бозе почившей Великой Княгини мы предоставляем перу известного профессора Сикорского; тёплое слово живого воспоминания его о милосердной княгине-инокине напечатано в „Киевском Слове“.

„13 апреля, в 1 час 20 минут по полуночи, тихо – точно естественным сном – уснула смертью Великая Труженица. Глубокой печалью поражены жители Киева, хотя уже более недели с минуты на минуту ими ожидалась тяжёлая весть.

Великой скорбью отзовётся эта весть и по всем концам обширного отечества, повсюду, до далёкой Сибири и дальнего океана, куда уже давно тысячами исцелённых и богомольцев занесены трогательные рассказы о Великой Княгине, об устроенных Ею благотворительных врачебных учреждениях, о её личной беспримерной деятельности, о её трудах на пользу страждущих.

Имя усопшей Великой Княгини стало близким русскому народу на всем необъятном пространстве русской земли: народ в своём благодарном чувстве назвал Её Матушкой Великой.

Тот, кто даже часто посещал Покровский монастырь и его учреждения, не мог не поражаться той быстротой, с которой расширялось и разрастаясь это ещё так недавно скромное, а ныне обширнейшее в России учреждение, устройство которого было предметом непрерывных, и неусыпных забот усопшей Великой Княгини. Всё, до последнего вбитого гвоздя, до крошечного посаженного деревца, – всё до мельчайших подробностей, совершалось при её ближайшем непосредственном участии. Точно по благодатному мановению росли и ширились основанные Ею учреждения, росли и крепили насаждённые в них новые идеи и новое направление в деле помощи страждущим.

Устроивши Покровский общежительный монастырь, усопшая Великая Княгиня вся отдалась пламенному желанию приспособить созданный Ею монастырь к подаче бесплатной врачебной помощи в больницах и амбулатории. Но для осуществления этой мысли недостаточно было устроить здания и принести материальные жертвы. Необходимо было показать на деле возможность практического осуществления новой мысли, созревшей в её уме и сердце. Для этого понадобилась твёрдая, непреклонная решимость, необходим был не только личный почин, но и личный пример. Этот высокий пример Усопшая явила! Она стала на службу страждущим людям с той любовью и с тем величайшим нравственным и физическим напряжением, которое можно назвать исключительным и беспримерным. Она была для больных – и Сестрой Милосердия, и сиделкой, и матерью, и всё это – так просто, так радостно.

Целые годы Ею проведены среди больных – в полном значении этого слова: Она жила в одной из больничных палат, в постоянном непосредственном соприкосновении с больными, проводила дни и ночи в таких условиях и при такой обстановке, что эту жизнь необходимо признать непрерывным подвигом. Дверь её комнаты не закрывалась для того, чтобы и в ночное время она могла слышать стоны и жалобы больных и идти к ним на помощь. По её собственным словам, тишина и покой будили Её, так как она боялась пропустить минуту необходимой помощи страждущим. Ко всем трудным больным Она вставала по несколько раз в течение ночи и тем нередко лишала себя и того наименьшего отдыха, который необходим для поддержания здоровья и сил. Из её рук больные получали лекарства, из её уст они слышали слова ободрения, утешения и сострадания. Она

присутствовала при всех операциях, деятельно помогая, как опытный помощник своей умелой и твёрдой рукой. Всех больных, которым предстояли тяжёлые операции, Она мыла собственными руками, чтобы обеспечить необходимую чистоту.

Тот, кто знаком с больничной жизнью, кто проводил часы в удручающей обстановке человеческих страданий, тот поймёт величие подвига Усопшей Великой Княгини.

Снизойдя с царственной высоты, заняв самое скромное внешнее положение, усвоив себе самый простой образ жизни, приняв иночество, усопшая Великая Княгиня пожелала быть похороненной без всех знаков внешнего величия, в простом сосновом гробе.

Всё исполняется согласно её воле: в большом храме Покровского монастыря посетитель увидит скромный гроб, скромный наряд, скромную могилу Великой Труженицы.

Когда эта скромная могила скроет от нашего взора её физические черты, – встанет перед нами во всём величии её нравственный облик.

Народной святыней станет её скромная могила, потому что Она сослужила великую службу русскому народу.

Земной поклон принесёт Ей Киев, потому что она создала ему славу, избрав его местом, своей высокой жизни и дел.

Преклонится перед ней русская женщина потому, что в её лице идеализм, милосердие и служение женщины высшему долгу нашли своё полное осуществление. Она явила собой пример Милосердной Сестры русского народа.

Своей жизнью, своими делами, своей близостью к простому народу усопшая Великая Княгиня скрепила русский народ с Царём и Царствующим Домом той новой крепкой нитью, которая соткана из самых возвышенных душевных качеств, из любви и милосердия. Велики её заслуги в этом деле!

Земной поклон Ей от всех живых!

Принесём на её скромную могилу не цветы, не венки, которых она не желала видеть, принесём наши сердца;

Оплачем Её нашими родными, русскими слезами и подумаем все – от великих и до малых мира сего – подумаем все, как воздать ей хотя отчасти наш долг, как увековечить её память“.

Как в жизни, так и в самой смерти блаженнопочившей Великой Княгини много было непостижимого, таинственного и глубоко-промыслительного. Её Высочество скончалась *в один и тот же день, час и даже минуты* с своим Августейшим супругом, Великим Князем Николаем Николаевичем Старшим.

Причиной в обострении болезненного состояния здоровья по-видимому, был суровый аскетизм в питании в течение Великого поста: так непреклонна была воля Княгини-инокини, относительно строгого содержания обетов! 25 марта на Благовещение с Великой Княгиней произошли такие тяжкие желудочно-кишечные страдания, что положение Августейшей больной сразу оказалось опасным. С 26 марта Августейшая больная видимо начала готовиться к смерти, поняв исход своей болезни. Она ежедневно пожелала напутствоваться св. тайнами Тела и Крови Христовой. Страдания были чрезвычайно болезненны. её Высочество пожелала, чтобы над Ней совершенно было преосвященным Сергием с священно-служащими таинство елеосвящения, при этом Августейшая больная просила молиться об облегчении тяжких её страданий и о безболезненной кончине. И Господу угодно было услышать молитву служителей алтаря и ниспослать Свою благодать в таинстве веры. Августейшей страдальце стало гораздо легче: – боли исчезли, явилось светлое, умилённое настроение, отсутствие всего, что называется страхом смерти. Лёжа на постели, в кельи, которая примыкала к больничной церкви, Августейшая больная выслушивала чудное богослужение страстных дней, вместе с Августейшими детьми, которых просила отговорить вместе с ней на страстной неделе. Но в ночь под утро великой пятницы здоровье Августейшей больной стало снова безнадежно плохо: жизнь, казалось, совсем угасала; прочитана была уже отходная, но не убо прииде ещё час её смерти... После отходной молитвы, жизнь как бы снова вернулась к умиравшей Августейшей страдальце и она пожелала отслушать службу Великой пятницы и приложиться к плащанице. Трогательную картину представляло собой обнесение плащаницы детьми – пациентами больницы, вокруг церкви, через келью Великой княгини, где плащаницу, для лобзания её Августейшею больной, дети возложили на голову к устам болящей, её Высочество с благоговейной верой облобызала распятого Господа и воистину язвы ног его омочила слезами умиления!.. В Великую субботу её Высочество приобщилась св. тайн, вместе с Августейшими детьми и выражала заботы о том, всё ли устроено в обычном порядке относительно разговен, иллюминации вокруг церкви в пасхальную ночь и проч. перед вечером Августейшая больная успокоилась крепким сном, по ровно в 11 час. проснулась, громко спросив, *какой теперь час* и затем начала молитвенно благодарить Господа, что Он, Всеблагий и её сподобит услышать сладчайшее *Христос воскрес*... Началась пасхальная утренняя, – пошли крестные ходы вокруг монастырских храмов, – её Высочество лёжа на одре, могла любоваться

разноцветными огнями иллюминации, заботу о которой принял на себя сам Великий князь Николай Николаевич. После утрени, Августейшая больная христосовалась с августейшими родственниками, священнослужителями, старшими инокинями и затем пожелала слушать литургию, чтобы приобщиться и в этот светлый день св. тайн. Воскресый из мертвых оживил силы болящей и сподобил её приобщиться Своего Тела и Крови в сей наречённый и св. день.

Днём на Пасху её Высочество могла ещё принять преосвященных архипастырей. На 2-й день Пасхи снова приобщилась св. тайн. Во вторник светлой седмицы Августейшая страдальца почувствовала день своей кончины и о сём сказала дежурившим при ней сестре-инокине и врачу: *умираю..!* Около 5 ч. дня приказала позвать августейших детей и родных и молча попрощалась с ними, последним живым прощальным лобзанием, и с того момента внутренняя жизнь души, казалось, сосредоточилась внутри себя... Уста замолкли на веки и глаза закрылись! Ни страданий, ни агонии не было, о присутствии жизни говорило одно лишь дыхание безболезненное; в 1 ч. 20 м. Княгиня-инокиня *блаженно опочила...*

В дни своего святого подвига приготовления к переходу. в вечность, Августейшая страдальца с удивительным мужеством и бесстрашием перед глазами смерти делала все распоряжения о своём погребении, могиле, отпевании и даже о поминовении столе... Одета почившая была в иноческое одеяние, лицо закрыто было монашеским порономаном, тело положено было в простой, деревянной, некрашенный гроб, который был приготовлен около десяти лет назад. Гроб был накрыт монашеской мантией. Ни венков, ни речей почившая не пожелала иметь над своим гробом, – для могилы велела вырыть простую яму без сводов, против алтаря храма, рядом с августейшей внучкой – младенцем, дочерью Великого Князя Петра Николаевича.

Отпевание совершено было по иноческому чину, который, вместе с пасхальными песнопениями, растворял общую скорбь живой верой, что так блаженно скончавшаяся в светлый праздник пасхи Новопреставленная раба Божия инокиня Анастасия идёт в светлые обители Отца небесного!

Для восполнения нашего недостающего, слабого слова, в память Великой княгини-инокини, дерзаем привести несколько характерных выдержек из собственноручных *недавних (от 30 ноября, 2 и 26 дек. 1899 г.) писем* её Высочества, говорящих вкратце весьма многое о её любви и преданности к церкви православной, о взглядах на монашество и монастыри и борьбе с сектами и др. Вот эти премудрые поучительные строки.

„Чем более разнообразных статей, тем интереснее журнал²⁹⁹. Мне думается, что рассказы касательно обращённых менее всего влияют... Вообще речи, доводы, возражения штундистов и К° крайне опасны для слушателей, которые чаще всего бывают на их стороне, и охотно внимают новому для толпы лжеучению...

Сила, величие и могущество дорогого Православия непоколебимы, враги не страшны, – мы сами должны лишь вникать в свою клеть и в себе искать причины зла...

Мне думается, что именно теперь пришла настоящая потребность усиленно влиять на лиц, от кого это зависит, чтобы наши монастыри, сохраняя строгие отеческие правила и заповеди, непременно были бы *рассадниками просвещения и благотворения во всех видах*. *Живое монашество – вот знамя*, которое столь дорого моему сердцу и которому я уповаю служить до последнего издыхания... Никакие монашеские обеты и правила не мешают ближнего любить, как самого себя, служить болящим, питать неимущих, призывать сырых и убогих, обучать желающих учиться грамоте, ибо монастыри будут иметь двойную силу и значение, – тому служит живым примером Леснянский монастырь. Монастыри могли бы участвовать и в миссионерском симпатичном деле. – Вся почти Астраханская губерния коснеет в язычестве и ислам их часто вербует, а мы почиваем в бессилии и бездействии... Всё о чём я пишу старо, но и *не нужно новшеств, – напротив, – возвращение, к временам Федора Студита!*.. К прискорбию, мне не довелось беседовать с преосвящ. А-м, чего я очень желала. – Молодые Иерархи очень сочувствуют живому монашеству... Надо влиять на то, чтобы женские обители имели духовное единение и общение между собой... Как бы было полезно пригласить игумений, напр., на Пасху в Киев, – где, поклонившись святыням киевским, – они бы могли обменяться и быть руководимы по назначению Владыки Митрополита, кем найдёт нужным... Усердно прошу, как будет досуг писать мне, – всё, что касается св. Церкви, *люблю её как душу*. Старца очень жаль, он так близок к переходу в вечность, что, казалось бы, что на земле уже нет ему суда, однако ж Господь на пользу его души попустил скорбь. Для монаха скорби суть радости – скорби сокровенная милость Божия!.. Да укрепит Вас Царица Небесная во всех ваших трудах и да поможет действовать на пользу св. Церкви. Желаю вам во всём успеха, силы и мудрости, ибо ваш жизненный путь не лёгкий.

Остаюсь искренно доброжелающая вам по молитвам святителей, Господь вразумит вас бодро и твёрдо идти по намеченному пути“!

Грешная Александра.

Воистину, этот величественный образ Царственной Подвижницы веры и благочестия – пример её беззаветной любви к Богу и ближним, преданности путям Промысла Божия служит благословенным знаменем нашего времени! Сколько отрадного и в жизни своей, и в смерти являет блаженно-почившая Царственная Инокня верным чадам церкви и сколько поучительного, внушительного заблудшим!.. Да будет же мир праху и вечная благодарная память её Высочеству, смиренной инокини Анастасии!

В. Скворцов

**Антоний, еп. Чистопольский. О старообрядцах и о
казанском миссионерском съезде³⁰⁰. С. 735–738**

На сих днях я получил пучок прокламаций подложной печати, выпущенных от имени старообрядцев, но по слогу своему обнаруживающих автора совсем иного, нового покроя, в роде Мельниковых, или того, что издавал «Современные Церковные Вопросы» за границей, или того, кто сочинил известную мне понаслышке брошюру: «Почему старообрядцы не присоединяются к Церкви»? Последняя будто бы посвящена мне, но я её не видел, а потому не могу ничего сказать о ней, но считаю долгом упомянуть о прокламации.

Здесь обвиняется Казанский Миссионерный съезд 1897 года в том, будто он требовал удаления из Москвы главы Австрийского согласия Иоанна Картушина, и других мер. На сие отвечаю, что таковых мер съезд не требовал, а об Иоанне Картушине и не упоминал, ибо в то время последний вовсе и не числился австрийским митрополитом.

Когда наш съезд нигилисты обвиняли в желании отбирать детей у штундистов. и когда защитники съезда, позабывшие об его постановлениях, отвечали совсем иное, чем следовало, мы молчали. Молчали мы о том, что съезд обсуждал доклад миссионеров о том, как православных детей школьного возраста родители, перешедшие в секты, путём насилий и истязаний не допускали продолжать учиться в православных школах и посещать церкви. Относительно этих детей мы постановили ходатайствовать, чтобы их отбирали у родителей-мучителей, по крайней мере в тех случаях, когда имеются у них православные родственники, согласные взять их на воспитание.

В ходатайстве своём мы просили о восстановлении какой-то (кажется) 203-й статьи Св. Законов³⁰¹. В защитники Миссионерского съезда тогда попались такие члены его, которые немного позабыли дело, и вот они усиленно спорили с нашими нигилистами о том, будто съезд не постановил отбирать детей. Нет, постановил и хорошо сделал, что постановил такую разумную и, по-теперешнему выражаясь, гуманную и в лучшем смысле слова либеральную меру.

Хорошо помня лично нами редактируемые постановления, мы тогда не брались спорить с газетными клеветниками, во-первых, памятуя слова Премудрого (Сир.8:4–6): „*Не спорь с человеком дерзким на язык, и не подкладывай дров на огонь его*“; а во-вторых, зная, что эти люди вовсе не интересуются истиной, и упоминают о церковным делах лишь тогда, когда находят случай поглумиться над христианскою

верой и Церковью. Бесполезно убеждать их, ибо давно сказано: *«как лёс возвращается на блевотину свою, так глупый повторяет глупость свою»* (Притч.26:11), и ещё: *«злой порок в человеке – ложь, в устах невежд она всегда. Лучше вор, нежели постоянно говорящий ложь, но оба они последуют гибели»*. (Сир.20:24–25).

Не имея силы опровергать истин веры или разрушать разумных мыслей патриотизма доводами ума, они прибегают к искажениям слов и мыслей противника, к замалчиванию, к вырыванию отдельных выражений и тому подобным низким приёмам, коими они боролись со славянофилами прежними, с Аксаковым и Достоевским.

Итак, не с этими врагами Миссионерского съезда, или лучше – врагами Православия, хотели мы рассуждать, – и не с теми, которые выпустили новую прокламацию от имени старообрядцев. Мы хотим сказать два слова этим последним. Ни одна из тех мер Правительства против раскола, которые перечислены в прокламации (а вероятнее – вымышлены), не принесёт столько зла старообрядцам, как их новые подпольные адвокаты, действующие клеветой и усвоившие себе все приёмы французских и других заморских политических интриганов и не имеющие ничего общего с тем, что есть доброго у любителей русской старины. Эти, нанятые за деньги, писатели, входя в общение с руководителями различных старообрядческих общин, так развратят их, так лишат всякой честной веры их юношей, так уподобят их ум иезуитскому непостоянству в словах и действиях, что прежние русские староверы, хотя и заблуждающиеся, и грубые, но всё-таки твёрдо верующие и благоговеющие перед уставами Церкви, – с ужасом отвергнутой от этих кислых плодов, вырастающих на почве продажной совести, интриг, клевет и двоедушия.

Как друг единоверцев, как любитель церковно-богослужебных уставов, увещаю и старообрядцев чуждых Церкви бояться не тех лиц, коих представляют вашими врагами, даже не миссионеров церковных, а вот этих нового фасона адвокатов, которые будут для вас тем же, что Моавитяне с Валаамом для Израиля. Сами они ни во что не верят кроме денег, а вашу простоту вводят в обман.

Если же вы дорожите стариной, старинными строгими нравами, продолжительными молениями, постами и истовыми поклонами, а в то же время скорбите о своём отрешении от Лозы истинной, от Христа, без Негоже *не можете творити ничесоже* (Ин.15:5), и Церкви, которая не будет одолена адовыми вратами (Мф.16:18); если в то же время опасаетесь совсем слиться с теми, кто следует исправленным книгам, чтобы не омирщиться и не офранцузиться с худшими из нас: то духовная власть дала вам пристанище единоверия, в коем за

последние годы древний обряд Московских святителей, митрополитов и первых патриархов хранится ещё твёрже, чем у «австрийцев» и, конечно, твёрже, чем у беспоповцев или беглопоповцев, потому что при тех святителях не было опущения седми таинств и не было оскудения Церкви в чине архиерейском и иерейском. А приняли бы мы вас в единоверие не с высокомерием, а с любовью: мы бы вам сообщили благодатные дары Христовы, во св. таинствах, а от вас приняли бы твёрдость в стоянии за старинный русский нрав и обычай.

Антоний, епископ Чистопольский

Его-в. Голос из народа, вопиющий против научного лже-мудрования в вопросах веры. (Письмо в Редакцию). С. 738–744

Всепокорнейше вас прошу выслушать несколько вопросов весьма, весьма затрудняющих меня. Надеюсь на вашу благосклонность, я решился смело говорить с вами посредством письма и ничуть не стесняясь излагать в нём моё мнение. Будучи вполне уверен в том, что вы не поставите мне в вину, хотя слова мои, быть может, покажутся вам несколько грубыми или даже дерзкими, а также и понятия мои, быть может, покажутся вам странными, причём предваряю вас в том, что мои понятия ни чуть не помешают быть вам умными, мнимая же дерзость так же нисколько вас не коснётся; впрочем, это не дерзость, но голос вопиющий за подавляемую истину; истине же свойственно говорить за себя смело, но и смелости нужно знать расчёт и меру, т. е. нужно знать, где нужно употреблять смелость, перед кем, когда и сколько. Я же этой меры и расчётов не знаю, а потому прошу вас не судить меня строго, хотя, быть может, и далеко зайду в моих суждениях, так как людям учёным свойственно и очень прилично с охотой выслушать немую просьбу невежд; первым из этих невежд являюсь я, просьба же моя заключается в том именно, чтобы испросить у вас позволения безопасно вопрошать вас и излагать вам моё недоумение так, как я это умею. Поводом к этим вопросам послужило повествование о первобытных людях в книжке г. Острогорского, которое привело меня в недоумение, вследствие чего и появилось у меня в голове множество вопросов. Прочитавши эту историю, я почувствовал, как на сердце моё подул какой-то смрадный, сырой, холодный, могильный ветер. Мне кажется, что это сказка что это бессознательный бред страдающего жестокой горячкой или вопль слепца, запутавшегося в лесу, брошенного вожаком, но что я? Ведь сказки сказывают малолетним детям, больной бредит в бессознательном положении, так неужели же они г. г. учёные-то слепцы, неужели они – слепое орудие других? О нет, этого я не хотел бы допустить. Но, что же это такое, что за трущоба вопросов, из которых я не могу выбраться? Уж не великий ли это переворот готовится в жизни человечества? Или уж не настала ли это крайняя слепота и верх заблуждения? Я знаю, что в школе, какой бы то ни было, ничего бессознательного и бесцельного не бывает, так что же, эта история о первобытных людях тоже имеет в себе что-нибудь сознательное, или имеет какие-нибудь своего рода цели к развитию человека? Но какие

же это цели и какое развитие приносит нам – простецам – эта история, скажите мне, пожалуйста? Мне кажется, что цель этой истории г. Острогорского направлена прямо к тому, чтобы опровергнуть давно существующие священные писмена о происхождении человека и его религии; быть может, я и не так это понял, но без сомнения можно сказать, что история имеет своей целью напечатлеть на сердцах учеников мысль о первобытном появлении людей из лесу; там же в лесу человек сам себе изобрёл и идею о Божестве, которая со временем всё более и более совершенствовалась. Не знаю, чему она намерена научить простых людей и какой плод засеять намерены ведущие нас к познанию такого лже-мудрования? В остаток же выходит то, что о человеке ничего не известно, кроме как странного появления его из лесу; о религии же как будто хорошо известно, что она есть не более, как изобретение человека, побуждаемого чувством благодарности к предметам за их благотворное влияние или из чувства страха. Это без сомнения так, потому что в заключение этой на мой мужицкий взгляд совсем невежественной сказки сказано, что это было во всём мире.

Итак, скажите же мне, пожалуйста, какой мне взгляд иметь на это учение? И с какими чувствами мне относиться к нему? Быть ли мне безмолвным, как бумага, на которой, что хотят, то и пишут! Быть ли мне подобно малому дитяти, которое не имеет ни малейшего понятия в различении вещей, или быть подобным мужу совершеннолетнему, который знает, какой плод положить в сокровищницу и какой бросить в лицо продавцу. Ах! нельзя быть безмолвным, как бумага, так как бумага получила начало своего бытия от рук человеческих, а потому человек, что хочет то и делает: хочет, – кладёт её в самое прекрасное место, хочет же бросает её куда-нибудь в мусор и она ничуть не чувствует своего положения. Хочет человек, – пишет на ней какую-нибудь низкую грязную ложь, или же высочайшую и чистейшую истину, – для неё всё равно, но не такова участь человека. Хорошо бы мне быть подобным малому дитяти во всех отношениях, кроме неопытности в разборе вещей, но то беда, что дитя неосторожно бывает, от чего и часто падает, а иногда охотно берётся за блестящий нож или огонь, от чего бывают страшные обрезы или ожоги, вследствие чего нередко бедные дети помирают через свою неопытность или увлечение блестящими предметами. Итак, нет, лучше быть мужем совершеннолетним и для вас, я думаю, не будет никакого убытка, если я, сорвав плохой плод, нашедши у ваших мудрецов историю, брошу её сочинителю в лицо, пускай она летит к нему прямо и, отпрыгнувшись от него, как от пустого бочонка, полетит по порядку,

клея в лицо кого следует, я же между тем, смиренно подходя к вам, снова вопрошаю: скажите, пожалуйста, с какими целями преподаётся народу раскол – эта сумасбродная басня, показывающая начальную жизнь человека в лесу диким образом и из каких источников взята она? Скажите, пожалуйста, о каких это людях говорится и о каких временах? Если это говорится о людях и временах ещё тех, которые были до Адама, то это показывает то, что свящ. письма Моисея не совершенны или недостоверны, тогда невольно является новый вопрос: откуда же сочинитель этой истории взял письма более совершенные и достоверные, чем Моисеевы, которые объяснили ему те времена отдалённые? Если же он говорит о потомках Адама, то как же он утверждает, что религию придумали люди и как он избежит истины, что Богопоклонение есть божественное откровение, которое первый получил от Бога Адам и того, что первые люди занимались земледелием и скотоводством ещё от времён Адама? Если же он говорит о людях, которые населили землю после потопа, тогда нельзя их называть первобытными людьми, а хотя бы и так, то кто же первее Ноя? но и он приносил Богу жертву и имел виноградник и в нём палатку, это тоже совершенно противоположно истории Острогорского; тут видим мы и семейную жизнь людей и одежды, видим их нравы и даже видим, что они стыдились видеть наготу мужчины, не только что женщины; чистота их нравов превосходит почти нынешние нравы. Так о каких же временах и о каких людях извещает нас этот почтеннейший г. Острогорский? Каким это проницательным взором прозрел он в глубь первобытной истории человечества лучше, чем Боговидец Моисей. По всей вероятности можно думать, что история его основана на его слепых на обычную жизнь людей взглядах: не имея сил взглянуть на свет, он опрометчиво утверждает, что света нет; впрочем, он открыто об этом не утверждает, но как бы таинственно намекает на то, что всё, что известно о происхождении человека есть только догадка, достоверным же считает одно появление людей из лесу; он, как бы молча, говорит так: „я не нахожу о человеке никакого известия прежде того, как отыскал его в лесу, а для происхождения религии лишь одну причину нахожу: чувство человеческой благодарности к разным предметам или чувство страха“. Конечно, у него есть один ответ, что ничего о человеке не знаю прежде того, как вышел он из лесу. Ну, пускай так, но почему автор узнал, что человек стал поклоняться, не иначе как понуждаемый чувством благодарности или страха, а нельзя ли сказать, что у людей обветшавших осталась искра Богопамятования, которая часто воспламеняла их и они, побуждаемые ею, всегда чувствовали Высочайшую десницу, чего ради и искали её:

то в водах, то в шелесте листьев, то в журчании ручейков, то в криках птиц или зверей, а потому перед всем этим и поклонялись и обожали всё это. Ну, мы терпеливо выслушаем, что религия вытекла из чувства человеческой благодарности и страха, а потом со временем усовершенствовалась, но что же учёный мне скажет, если я его спрошу: почему же мир животных не изобрёл себе никакого богообожания? Ведь у них тоже есть чувство благодарности и страха и влияние предметов так же на них действует, как и на человека и притом так же находясь под господством людей, их способность ни чуть ни увеличивается, почему это? Отвечайте мне! Но я знаю, что ответ сочинителя не прыгнет далее того, что человек имеет ум более превосходный, чем ум животных. А я скажу тебе, сочинитель! Если при всём нынешнего времени громадном развитии наук взять самое умное существо, – одно из всего человечества общества, хотя г. Острогорского или Льва Толстого, с его философией, а из мира животных возьмём хотя кошку и испытаем, кто умнее окажется кошка или вы?.. Это можно сделать так: посадить вас всех троих в мешок и отнести в лес, где вы не бывали и окажется то, что кошка скорее найдёт свой дом, чем вы, особенно, если вам на время привязать язык, в котором заключается вся ваша способность. Когда вас вытянули из мешка, у вас у всех была одна цель – отыскать свой дом, но цель кошки осуществилась скорее, чем ваша. Из этого видно, что кошка умней вас, из этого видно, что и животные могут мыслить, рассуждать, вспоминать и обсуждать своё положение; конечно, вы скажите, что кошка находит свой дом с помощью инстинкта, но и кроме этого можно много найти признаков, которые показывают ум животных в некотором отношении даже превосходящий человеческий, а через это и пропала вся догадка умных людей, что человек покорила зверей силой своего оружия, источником которого служит ум человеческий. Ум человеческий плохой руководитель, но есть ум Высочайший, Чистейший, – это Дух, который руководит всем вообще и отдельно по мере той, какой хочет. Это Дух, Который руководит или управляет всей гармонией мира, направляя её пищики³⁰² так, как это нужно, но между тем нужно заметить, что руководитель этот некоторые пищики оставляет, не касаясь их, так как, по грубости своей, они оказались негодными; эти-то самые пищики и издают неопределённые звуки, они, как бы на зло всеобщей гармонии, стараются издать звуки более привлекательные или же хотят перемешать общий строй великой лиры. Это те люди, которые не хотят верить Тайновидцу Моисею, но придумывают свои ошибочные догадки: те, которые, по своему близоручному взгляду, не видят, кроме леса, никакого другого источника

для появления человека и пускай бы сами блуждали эти мнимо-просвещённые мудрецы, но я вижу, что уже слепота их начинает заражать весь народ; необидно, если бы я услышал это где-нибудь между сумасшедшими сектантами, а то ведь в казённой школе просвещения!

Итак, тому ли хотят научить нас, чтобы мы также бредили о появлении человека из лесу, который вырос там подобно грибу? Нет, пусть раньше выучатся не умирать, а тогда мы уже поверим, что религия есть прогресс человечества. Как невозможно не помирать, так же невозможно поверить, что религия выработана людьми. Смотрите же, какое зелье сеете в сердце людей, глядите на зародыши.

Так ли я это понял или нет, но, кажется иначе нельзя понять этого!..

Если же не так, то извините и объясните всю суть.

Автор письма – фабричный крестьянин Московский губернии, самоучка, 30 лет. Подпав под влияние сектантства, он с горечью в сердце заметил, своё колебание в православии и решил, что несчастье это происходит с ним, как и с другими людьми из народной среды, от необразованности, а что, вот, если бы он почитал умные книжки и изучил „науки“, то, наверное, не имел бы сомнений в вере и сумел бы противостоять всякому лжеучению. И вот наш автор принимается за самообразование. Он с жадностью читает книги по каталогу самообразования, ходит в одну из воскресных московских школ: здесь ему, между прочим, преподнесли и ту книгу Острогорского, по поводу которой вырвался из мнимо наболевшей, отравленной ядом учёных мудрований души простеца – читателя, упрёк негодования.

„Хотя бы ради веры нас-то простецов и неучей, господа учёные поосторожнее фантазировали в своих мнимо- научных предположениях, направленных к одному лишь затемнению ясно решённых в божественном откровении вопросов веры, духа и жизни“, справедливо замечал автор.

Крестьянин Его-в

**Из миссионерской полемики с сектантами и
раскольниками // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–
6. С. 744–755**

На другой день³⁰³ знакомые уже нам молокане призвали с собой на беседу пашу пресвитера „с библией под мышкой“, но пришли уже не утром, как обещали, а в полдень; надо думать, что наши со-вопросники обдумывали предыдущую беседу и готовились к настоящей беседе. Изложивши кратко сущность прошедшей беседы, я предложил молоканам избрать предмет для настоящей беседы. Но некоторые из сектантов, не бывшие на вчерашней беседе, просили разъяснить им 23 гл. Евангелия Матф. Пришлось, таким образом, повторить многое снова, причём один из со-вопросников всё настаивал указать, где в Писании повелено священников называть *батюшками*?

Собрат его – молоканин-старик, вчера жестоко споривший из-за этого же, теперь сказал: да что об этом спорить-то? Ведь, если бы они сами приказывали звать их так, то дело бы другое...

– Вот, речь разумная: мы не сами приказывали называть нас батюшками, а Слово Божие приказывает. Ведь вам известно, что „батюшка“ и „отец“ суть одни и те же слова. По слову Божию мы рождаем членов Церкви Христовой в жизнь духовную; нас поэтому и должно называть батюшками. Это наименование вполне согласно с духом учения Христова. Да и странно, что вы, называя себя „духовными христианами“, вступаете в прения из-за мертвящей буквы и забываете о духе животворящем. Название священников „батюшками“ нашей вере не вредит и нашему спасению не препятствует.

– Это верно, но и из пастырей могут быть волки, поедающие стадо, как сказал Христос: *и от вас самих выйдут волки алчные...* проговорил наизусть один из молокан.

– Не *от вас*, а *к вам* войдут лютые волки, не щадящие стада (Деян.20:29). Здесь Апостол (а не Христос) предупреждает пастырей, как духовных стражей стада Христова, что появятся в будущем различные еретики, которые, подобно хищным волкам, прикрываясь овечьей одеждой – будут раздирать последователей Евангелия, – это словесное стадо Христово. Значит эти слова ап. Павла относятся не к пастырям, а к различным сектантам старого и нового времени. Правда, и среди нас пастырей церкви могут быть иногда хищные волки в роде, напр., Ария; ведь среди двенадцати Апостолов был же, которому лучше бы было совсем не родиться (Мф.26:24). Но это не даёт право отрицаться всех пастырей, которые, по обетованию Господню должны быть до окончания века (Мф.28:20; Еф.4:13). Истина эта непреложна,

ибо, если мы (пастыри) не верны, Он пребывает верен, ибо себя отречься не может (2Тим.2:13).

– Да, пастыри истинные должны пасти стадо Божие из усердия, а не из гнусной корысти, – вот что ап. Пётр пишет: *пасите, еже в вас стадо Божие... нияко обладающие причту...* прочитал пресвитер, плохо разбирая слова и запнувшись совсем на последнем.

Православные, подметя замешательство пресвитера, стали просить, чтобы он объяснил это слово. А так как у наставника была славянская библия, то он и вовсе растерялся и, наконец, бессвязно пробормотал; – это *причта* вроде того, что притча Христова, т. е. иносказание... Воспользовавшись столь неудачным толкованием, я заметил, молоканам: вот к каким объяснениям могут приводить вас ваши самовольные учителя, вразумлённые яко бы свыше! Пресвитер окончательно сконфузился и больше уже не читал и не говорил. Выручить его взялся молодой молоканин, вынудивший русскую библию и прочитавший это место по-русски.

– А у Тимофея, прибавил он, ещё лучше сказало, каков должен быть истинный пастырь – почитаем: *верно слово: если кто епископства желает, доброго дела желает. Но епископ должен быть непорочен, одной жены муж... не корыстолюбив... не сребролюбив...* – а мы видим пастырей – таких, которым не дай за свадьбу 8–9 рублей, они готовы тебя год целый водить с венцом.

– Премудрый Сирах говорит: не всякому слову верь (Сир.19:16). Очень ведь много неправды говорят про нас: возможно, что и есть среди священников корыстолюбивые; кто без греха? Ведь, пшеница и плевелы, *по воле Господа, должны расти купно до жатвы*, а вы хотите, помимо воли Господина, истребить эти плевелы, обвиняя огульно всех священников. А я лично вот что скажу вам: обвиняют священников в корыстолюбии обыкновенно такие люди, которые никогда и ничего священникам не платили и не платят, напр. сектанты.

– Но всё же корыстолюбцев в священники ставить не надобно.

– Разбирать – кто достоин священного сана – дело не простых мирян, а епископа, как показывает ап. Павел в своём наставлении Тимофею – епископу Ефесской церкви (Тим.3:1–15). Вы же, рассуждая о достоинствах и не достоинствах священников, являетесь нарушителями слов ап. Павла, на которого сами вы и ссылались. Обязанность мирских людей – повиноваться и слушать своих пастырей (1Пет.5:5; Евр.13:17), а не пересуживать их. Да неужели вы думаете, что священник должен служить даром, не получая ничего за своё служение?

– Да, только из усердия; Сам Христос сказал Апостолам, посылая на проповедь: *даром получили, даром и давайте. Не берите ни злата, ни серебра, ни меди в пояса свои.*

– Рассмотрим, – правильно ли вы рассуждаете и понимаете это место. Если мы станем читать этот стих сначала, то увидим, что Господь Иисус Христос говорит здесь вовсе не о *даре служения*, а о *даре чудотворений*, ибо Он начал так: „больных исцеляйте, прокажённых очищайте, мёртвых воскрешайте. Даром получили, даром давайте“. Дар чудотворений, действительно, даётся не за деньги, а даром – по вере и за веру. И из Апостолов дар этот имели не все.

– Да, кажется, только трое, заметил один из молокан.

– Так вот видите о каком тут *даре* говорится, да притом – дар чудотворений могут иметь как пастыри, так и миряне. А дальше Иисус Христос говорит: не берите – *с собой*, т. е. идя вдаль на проповедь Евангелия. Почему не велит брать? А потому, *что трудящийся достоин награды*, добавил Он. Этими последними словами ясно Господь обязывает одних трудиться, а других платить за труды. Ведь и Сам Он принимал от усердных даяний (Лк.8:3). И так, усердие пастырей необходимо требует взаимного усердия и от пасомых – и последнее должно даже предупреждать первое.

– Ну, хорошо, мы согласны с тем, что брать за требы можно; но только брать нужно – кто сколько даёт.

– Прежде чем приступить к разъяснению этого, я вас спрошу: принимаете ли вы всю Библию, т. е. признаёте ли не только книги Нового Завета, но и книги Ветхого Завета?

– Ну, и отлично. Вот в книге числ в 18 гл. записано, повеление Господне, чтобы священники и левиты брали за своё служение прямо определённое вознаграждение в виде целых жертвенных животных или частей их, начатков плодов, десятин от народа и даже известный выкуп деньгами; сынам Левия, говорит Господь, Я дал в удел десятину из всего того, что у Израиля, за службу их (Числ.18:21). Повеление это остаётся в силе и в новозаветное время, ибо отмены его в Новом Завете мы не видим. Правда, закон христианский – закон свободы, но эту свободу нельзя понимать так, что мы теперь будто бы не обязаны ничем служить духовной власти. Напротив, эта свобода требует от нас любовного повиновения. „*Хотя к свободе призваны вы братия, говорит Апостол, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти, но любовью служите друг другу*“ (Гал.5:13). Итак, ветхозаветное повеление брать за служение жертвеннику остаётся не

только в силе, но на него, как увидите, ссылается в подтверждение того же и Новый Завет.

– Нет, мы что-то этого не находили, а ап. Павел так прямо брать не велит и сам никогда ничего не брал, смело и решительно заявил молоканин, – православные слушатели, как заметил я, с особым вниманием прислушивались к прению по вопросу, очевидно, для них животрепещущему некоторые переглянулись, когда молоканин так смело сослался на ап. Павла.

– А как же он пишет к Галатам: *наставляемый словом делись всяким добром с наставляющим (Гал.6:6)*, спросил я. Иначе сказать, Он повелевает, как и в Ветхом Завете, платить служителям слова Божии *всяким добром*: и пищей, и одеждой, и плодами, и деньгами. И не вина пастырей, что христиане ныне уже не так усердны и милостивы, чтобы делиться с ними всяким добром. Как же им поступать после того?

– Нужно обложить всех одинаково – и будут платить, сказали все сектанты.

– Вот видите, вы уже сейчас другое похожее на истину заговорили. – что значит правильно вникнуть в Писание! Против чего вы раньше так сильно восставали, теперь сами добровольно признаёте законным требованием. Итак, священнику брать вознаграждение за свои труды не только можно, но и законом повелевается. А так как всяким добром никто не платит, то следует, как вы говорите, и обложить (но рассуждать об этом не наше дело) всех одинаковым, как в Ветхом Завете, денежным выкупом. О таком взаимном отношении пастырей с пасомыми ап. Павел очень подробно говорит в послании к коринфянам: *или мы не имеем власти есть и пить? или не имеем власти иметь спутницей сестру, жену, как и прочие апостолы и братия Господни и Кифа? Или один я и Варнава, не имеем власти не работать? Какой воин, служит когда-либо на своём, содержании? Кто, насадив, виноград, не ест плодов его? Кто, пася стадо, не ест молока от стада? По человеческому ли только рассуждению я это говорю? Не то же ли говорит закон? Ибо в Моисеевом законе писано: не заграждай уста вола молотящего (слышите – в подтверждение опять ссылается на Ветхий закон). О волах ли печётся Бог? Или: конечно для нас говорится? Так для нас это написано: ибо кто пашет, должен пахать с надеждой и кто молотит, должен молотить с надеждой получить ожидаемое. Если мы посеяли в вас духовное, велик ли то, если пожнём у вас телесное? Если другие у вас имеют власть, не паче ли мы? Однако мы не пользовались сей властью, но все переносим, дабы не поставить какой преграды*

благовествованию Христову. Разве не знаете, что священнодействующие питаются от святилища? Что служащие жертвеннику берут долю от жертвенника? Так и Господь повелел проповедующим Евангелие жить от благовествования (1Кор.9:4–14).

Одному сектанту очень не понравились вычитанные слова Апостола, на которого они так настойчиво указывали, держась противоположного мнения.

– Э, братцы! Миссионер уж к нам залез: не пускайте его! – воскликнул он в возбуждении, желая, вероятно, тем возбудить и свою братию к шуму и нарушению мирного течения беседы. Но этот им манёвр не удался, – пылкий со-вопросник возбудил лишь общий смех.

– Напрасно ты, друг мой, горячишься! Ведь не моя вина, что Апостол, на которого ты ложно ссылался в данном вопросе, так твёрдо и ясно обличает тебя и тебе подобных. Таким образом, продолжал я, и апостол Павел подтверждает ту же истину, что не только пастырь, но и его семейство должны жить на средства своей паствы. В словах Апостола вы даже слышите как бы сильное сетование на коринфян (и других христиан, не исполняющих закона о платеже) за то, что они не платили ему: *какой воин живёт на своём иждивении? Кто, насадив виноград, не ест от плодов его? Кто, пася стадо, не ест молока от стада?* Пастыри трудятся для своих пасомых, – сеют в них духовное, так велико ли будет, если они за это пожнут от них телесное? – Что же касается того, что ап. Павел не брал с коринфян (да и солунян), то на это были особые причины: между ними были раздоры и споры подобно вашим, так он, чтобы не подать повода ещё к большим раздорам, и чтобы тем не преградить путь к благовествованию. – добровольно отказывался от платы, хотя и имел право, „Или мы не имеем власти есть и пить? Если другие имеют власть, не паче ли мы“? Но с других он брал подаяния.

– Нет этого нигде не писано, мы знаем, ап. Павел ни с кого не брал.

– Так ли? Поищем и на это свидетельства. Вот он сам говорит тем же коринфянам только в другом послании: *другим церквам я причинял издержки, получал от них содержание для служения вам; и будучи у вас, хотя терпел недостаток, никому не докучал. Ибо недостаток мой восполнили братия, пришедшие из Македонии* (2Кор.11:8–9). За такие же издержки и обильные приношения он благодарит и филиппийцев: *я весьма возрадовался во Господе, что вы уже вновь начали заботиться о мне; вы и прежде заботились, но вам не благоприятствовали обстоятельства. Говорю это не потому, что нуждаюсь, ибо я научился быть довольным тем, что у меня*

есть. Умею жить и в изобилии, научился всему и во всём: насыщаться и терпеть голод, – быть и в обилии и в недостатке. Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе. Впрочем, вы хорошо поступили, приняв участие в моей скорби. Вы знаете, филиппийцы, что в начале благовествования, когда я вышел из Македонии, ни одна церковь не оказала мне участия подаянием и принятием, кроме вас одних. Вы и в Фессалоники и раз и два присылали мне на нужду. Говорю это не потому, что я искал даяния, но ищу плода, умножающего в пользу вашу. Я получил всё и избыточествую; я доволен, получив от Епафродита посланное вами, как благовонное курение, жертву приятную, благоугодную Богу. Бог мой да восполнит; всякую нужду вашу по богатству Своему в славе Христом Иисусом (Флп.4:10–19).

Так знайте теперь, что и ап. Павел за своё служение Церкви брал, да иногда даже столько, что мог жить в изобилии и переизбыточествовать.

Итак, из настоящих бесед вы убеждаетесь, что слово Божие на нашей стороне как в вопросе о признании пастырями и учителями только тех, которые уполномочены и рукоположены (а все остальные, подобные вашим не поставленным пресвитерам – самозванцы), так и в вопросе о содержании их на средства пасомых, значит, и нарекания ваши несправедливы.

В заключение, же наших бесед я обращаю ваше внимание вот на какое обстоятельство. Определённой платы за священнические требоисправления не существует; вот поэтому и зовут нас почти всех корыстолюбивыми, ибо почти всем кажется, что мы берём лишнее. Думает так и тот, с кого берут за свадьбу 15–10 руб., равно как и тот, с кого 5– 3 и даже 1 рубль. Одни думают, что священник, взимающий 20–40 коп. за молебен, берёт лишнее (значит – он корыстолюбив), ибо по ихнему довольно бы и 15 коп.; другие думают, что и 15 много, можно бы 10 коп.; третьим и 10 кажется многим, можно бы довольствоваться 5– 3 коп.; есть, наконец, и такие, которым и 3 коп. кажется многим (значит и по их – корыстолюбив), почему бы не даром, как и вы утверждали сначала. Так уж люди привыкли считать всякое взимание лишним, когда приходится добровольно, по совести (и совесть ныне редко у кого чиста!) платить пастырям за труд, тогда как в других такое (если не большее) же внимание считается вполне законным и обязательным. Ведь никто не осудит врача, что он берёт рубли и десятки рублей при лечении больного за написание двух строчек рецепта! Мало осуждают и адвоката, пишущего иногда полу-листовые просьбы в суд за сотни рублей. Никто не обидит инженера,

архитектора, приехавших посмотреть на изломанную машину, или на треснутое здание и требующих значительную плату! Одни только мы терпим почти постоянные упрёки. А на самом деле и не за что нас называть корыстолюбивыми, ибо мы берём за труд столько, сколько установлено обычаем известного прихода; при этом не забывайте, сколько за нашей паствой в долгу без отдачи.

Так вот и судите, – правильны ли те нарекания, которые сыплются на нас пастырей со всех сторон и будут долго ещё сыпаться, пока не упорядочится вопрос о содержании духовенства. А до того времени, друзья мои, в осуждении нас – пастырей будьте милостивы и за усердие наше служите и своим усердием; помните, что всякая жертва ваша нам есть исполнение повеления Божия, а потому она и будет благоприятна и благоугодна Ему, так что Он, всещедрый, по слову ап. Павла, *да исполнит всякую нужду вашу по богатству Своему в славе Христом Иисусом (Флп.4:19).*

Пензенский миссионер Священник С. Магнусов

Картушин К. Беседа с последователем австрийского раскольникового толка о том, почему австрийское лже-священство не принимается Православной Церковью «в сущем сани» ³⁰⁴. С. 750–755

Один старообрядец австрийского толка пришёл ко мне на дом и высказал своё удивление, сожаление и неудовольствие по поводу того, что их духовные лица не признаются всей православной церковью и нашим правительством „в сущем сани“. Удивлялся он тому, что такие учёные люди, каковы представители власти светской и духовной, не могут понять, что происшедшая от не изверженного из сана и не запрещённого митрополита Амвросия иерархия есть законная; сожалел о том, что лучшие люди в старообрядчестве, каковыми являются их духовные, признаны властью, не только не пользуются подобающим почётом, но и преследуются незаслуженным презрением; недоволен был тем, что таким отношением к их духовным особам всему старообрядчеству наносится оскорбление в самом священном чувстве – религиозном. Я счёл нужным разобрать каждую из этих трёх мыслей отдельно.

Миссионер. Чем доказывается законность принимаемого вами священства, личными вашими соображениями или церковными правилами?

Старообрядец. Конечно, церковными правилами! Потому-то и обидно нам, что при принятии митроп. Амвросия тщательно были подобраны и соблюдены все церковные правила, а ставленники его не признаются „в сущем сани“.

Мис. Нет, не все церковные правила были соблюдены вами при чиноприёме Амвросия. Не было соблюдено и даже не было принято к сведению самое главное правило, которое вполне соответствовало положению Амвросия, как вдовствующего святителя.

Стар. Какое?

Мис. Не было соблюдено, напр., 16 правило поместного Антиохийского собора, в котором говорится: „Иже кроме совершенного собора, или самого митрополита на праздный церкви престол наскочит, аще и сам есть празден, от епископии да будет извержен“. Толкование: „Праздного убо епископа, не имущаго епископии, в праздную церковь, не имущую епископа, поставляти от совершенного собора, ту сушу и митрополиту тоя области, се правило повелевает, а не самому о себе престол восхищати, аще и от всех людей града того нудим есть, аще не хочет быти отвержен“.

Стар. Да ведь это правило написано для руководства православным епископам, а Амвросий пришёл к нам от ереси.

Мис. Пусть будет так! Но ведь по переходе-то к вам он, по вашему мнению, сделался православным. Поэтому вышеприведённое правило сделалось и для него обязательным. Так ли?

Стар. Немного не так. Это правило не обязывало Амвросия обращаться к Константинопольскому патриарху с его собором за позволением водвориться в Белой Кринице. Он, как пришедший от ереси, обязан был исполнить *только* те правила, которые написаны в руководство для принятия от ереси приходящих, напр., 8 правило 1 вселенского собора.

Мис. Будем разбирать это правило и применение его учредителями вашей иерархии. 8 правило 1 вселенского собора состоит из двух частей: в первой части говорится о таком действии, через которое обращающийся от ереси делается *членом* церкви, а во второй – о таком действии, через которое *обратившийся* от ереси делается *пастырем* церкви. В толковании 8 правил 1 вселенского собора первое действие оканчивается словами: „*только святым миром помажутся*“. Вот эта часть правила вами над митрополитом Амвросием и была исполнена. После миропомазания он сделался, по вашему мнению, из еретика старообрядцем-мирянином и только. И никто не оспаривает у него этого титула. Но далее во второй части как самого правила, так и толкования на него говорится о том, что если новоприсоединённый будет епископ, то на воле православного епископа остаётся дать ему пресвитерское достоинство или же устроить его „в селе негде епископа“, „епископского же дела никакоже прокоснуться“. Но так как эта вторая самая важная часть правила не была исполнена Амвросием, и паства ему никем не была вручена, то все действия его, совершенные у вас, противозаконны. Следовательно, наши учёные канонисты совершенно правы, когда не признают ваших именуемых епископов „в сущем сане“.

Стар. Это правда, что паства Амвросию никем не была вручена. Но разве нельзя было ему, за неимением епископа, самому принять паству?

Мис. Нет! В 37 главе Кормчей книги повелевается принятых от ереси через миропомазание, как „*потщаливых мирских* человек *поставлять в сан, в нем же беша, или пресвитери, или диаconi, или ино что*“. Отсюда ясно видно, что право на священнодействия и власть пастырская могут быть даны только через рукоположение; а так как Амвросий по миропомазании не был поставлен в сан, „в нем же бе“, то он и остался „потщаливым мирским человеком“. Теперь скажу вам по

поводу вашего заявления и сожаления, что лучшие, по вашему мнению, люди, каковы старообрядческие духовные особы, терпят незаслуженное презрение. Понятие „лучшие люди“ – очень условное и растяжимое. Пусть ваше духовенство набирается из лучших людей: лучших торговцев, лучших ремесленников, лучших земледельцев, но если они, как уже я доказал, принимают на себя другое звание в нарушение церковных правил, то, несмотря на их похвальные личные качества, они заслуживают испытываемое ими иногда презрение. Далее, ваша мысль, что неприятием вашего лже-священства „в сущем сани“ наносится вам обида и даже оскорбление в вашем религиозном чувстве, мне кажется странной. Чтобы вы сказали, если бы все старообрядческие епископы, попы, отцы, наставники, большаки потребовали признания их прав и в каких-то санах. А ведь все эти и лже-епископы ваши, и беглые попы, и беспоповщинские наставники держатся старых книг и старых обрядов!

Стар. Ну, там какие-нибудь странники или бегуны, те и не домогаются этих прав.

Мис. Плохо вы знаете их! Они не домогаются этих прав не потому, что не признают их за собой, а поточу, что считают их глубоко попранными. Нет, друг! Ваше мнимое духовенство, благодаря связям, честолюбию заправил ваших и по другим причинам, „о них же не лететь есть глаголати“, держит голову высоко, местами наравне, а местами и повыше законного православного духовенства.

Стар. Это бывает очень редко и случайно. А закон не даёт им ни почёта, ни свободы от повинностей. Католические ксёндзы, лютеранские пасторы и даже магометанские муллы признаны в своих чинах, освобождены от воинской и других повинностей, а наш архиепископ Московский Иоанн (Картушин) на случай подписи в официальной бумаге должен писаться „отставной казак Иустин Картушин“. На что это похоже? Явная несправедливость.

Мис. Все эти на ваш взгляд печальные явления вполне естественны. Ваших попов высылают на учение или зовут на сбор потому, что не признают законности их священства. Ведь вы согласились со мной, что вторая и самая нужная часть 8 правила I вселенского собора при чиноприёме Амвросия была нарушена. Что же вы волнуетесь?

Стар. Я вспомнил ещё одно доказательство в пользу основательности нашего протеста против незаконного унижения нашего духовенства. Католики погрешают в догматах веры, а магометане и во Христа не веруют, а, между прочим, пользуются

царскими милостями. Мы же, не погрешающие в вере, находимся в унижении.

Мис. Успокойтесь! Я вам сейчас докажу, что царскими милостями пользуются все без различия, а правами пользуются только имеющие их. Вы удивляетесь тому, что более заблуждающиеся в вере признаны в своих чинах, а менее заблуждающиеся не признаны. Но ваше удивление совершенно напрасно! Скажите мне, пожалуйста: ксёндзы, пасторы и муллы считают ли себя наместниками Петра, Алексия и Ионы, Московских чудотворцев, и имеют ли они претензии на Московский Успенский собор?

Стар. Я думаю, что им не до него.

Мис. А ваши владыки ведь не прочь бы первенствовать в первопрестольной?!

Стар. Где уж нам?

Мис. Дело не в возможности, а в желании.

Стар. Желать овладеть Москвой могут и иноверцы.

Мис. Если бы иноверцы овладели Москвой, то они сказали бы тогда: завладели мы гнездом схизматиков или гяуров. А вы что сказали бы в этом случае? Говорите по совести.

Стар. Мы сказали бы тогда: возвратили мы своё отеческое достояние!

Мис. Благодарю за откровенность. Теперь вы можете понять, что инославные и иноверные народы для нас только гости или соседи, гости, правда, неблагодарные и соседи опасные, но не самозванцы. Они законно занимают свои места. Поэтому если бы мне пришлось говорить с турецким султаном или с римским папой, то я обратился бы к первому с словами: „Ваше Величество“, а к другому: „Ваше Святейшество“, отнюдь не желая исполнять указы одного и не ища благословения другого. У меня – слава Богу – есть свой царь и свой святитель! Но если бы, – чего не дай Бог! – где-либо на окраине нашей Империи появился император, подобный Пугачёву, с претензией на престол Романовых, то, „прилипни язык мой гортани моему“, если бы я решился назвать его: „Ваше Величество“! Теперь сами судите: если явится ко мне ваш митрополит, претендующий на Успенский Московский собор, то могу ли я при наличности православного законного святителя обратиться к нему, вашему лже-митрополиту: „Ваше Высокопреосвященство“!

Стар. Очень обидное сравнение.

Мис. Зато оно без натяжек и выходит из положений, вами признанных.

Стар. Вы скажите мне не о самозванстве, а о том, можно ли глубоко заблудившихся в вере признавать, а совсем не погрешающих в вере отрицать. Да вы говорите от писания, а не примерами.

Мис. Хорошо! Слушайте! Кир, царь персидский, был язычник; но вот что говорит о нём Бог через пророка Исаию: „так говорит Господь помазанному моему Киру; я держу тебя за руку, чтобы покорить тебе народы“ (Ис.45:1). Напротив, Авессалом, сын Давида, был благочестивый еврей и даже заговор свой против отца приурочил к жертвоприношению, однако этот богомолец был злейший бунтовщик, а не царь.

Стар. Это пример из гражданской истории, а не из духовной.

Мис. Потерпи немного! В то самое время, в которое Бог назначал Аарона в первосвященника, Аарон допустил идолослужение; но Бог Своего определения не отменил за такое глубокое падение (Исх.28:1,32:5). Наоборот, Кореи, Дафан и Авирон за то, что домогались священства, не будучи призваны к тому Богом, живыми сошли в преисподнюю (Числ.16:33), несмотря на то, что они от веры в истинного Бога не отступали, даже явили усердие служить Ему, но не по воле Его. Вот почему наше православное правительство в рассуждении о законности или незаконности данного лица, именующего себя священником, исследует не то, чья вера правее, т. е. ближе к истине, а то, кто каким, способом получил звание священства. Так как подробный разбор церковных правил показал, что ваши мнимые епископы и попы носят эти имена незаконно, то уже не посетуй на меня, что я являюсь таким беспощадным обличителем подделки под подлинное священство. Ведь правда, по пословице, груба да Богу любя!

Миссионер К. Картушин

Миссионерство, секты и раскол (Хроника) //
Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 755–775

Современное сектантство и борьба с ним в Екатеринославской епархии. *Шелапуты*: статистические сведения; кощунственно-отрицательные воззрения шелапутов на святыни православия, таинства и установления церковные. – Взгляд на брак и семью. – Отношения к общественным обязанностям и присяге. – Санитарное состояние секты. – *Штундисты*: статистика; догматическое учение. – Свободный взгляд на Евангелие и социалистические тенденции. – Прозелитизм секты и организация пропаганды.

Дородницын А. Знаменательные присоединения к православной церкви. С. 755–761

Сектантство Екатеринославской епархии представляет два совершенно противоположных типа религиозных заблуждений – мистический (шелапуты) и рационалистический (штундисты).

Шелапуты. Шелапутство проникло в Екатеринославскую епархию в начале 60-х годов из Полтавской епархии, Донской области и Кавказа, и привилось в 20 приходах епархии, находящихся в пяти уездах, а именно: в Мануиловке, Софиевке (Славяно-сербского уезда), Петровке, Попасном, Ждановке, Афанасьевке (Новомосковского у.), хуторе Водяном, Петропавловке, Доброволье, Хорошем (Павлоградского у.), Батайске, Койсуге, Царь-Даре, Елизаветовке, хуторе Узьяки, Ейском укреплении, Екатериновке (Ростовского у.), Николаевке, Ольговке и Благодатном (Мариупольского у.).

Число шелапутов в епархии простирается до 382, но в виду скрытности этих сектантов число их должно полагать большее. Как по существу веро-право-учения, так и по отношению к православной церкви и местному населению, шелапуты Екатеринославские те же хлысты. Они также сохраняют, по практическим побуждениям, общение с православной церковью, в действительности же содержат совсем не христианские верования. Сведения о вероучении их приходится добывать большей частью от лиц, возвратившихся из шелапутства в лоно православной церкви, так как сами сектанты тайн своего верования не открывают. Достоверно одно, что шелапуты к Церкви православной и к учреждениям её (таинствам, иерархии и богослужению) относятся не только отрицательно, но и крайне враждебно, хотя по практическим побуждениям и посещают храмы довольно часто. Православную Церковь они называют не иначе, как языческой, „Вавилоном“. Вся их догматика основана на учении о перевоплощении Христа и ложном воззрении на озарение Духом Святым каждого верующего. Отсюда у шелапутов – лжехристы и лже-богородицы.

На вопрос миссионеров о побуждениях их к оставлению Церкви и переходу в секту, они, обыкновенно, отвечают, что было время, когда они поклонялись деревянным богам (разумеются св. иконы), теперь наступило другое время, и они познали истину и должны поклоняться живому Богу „Сыну Божию“, т. е. лжехристу шелапутов. Желая обратить православного человека в свою секту, шелапуты говорят: „не должны вы, братия, ходить в церковь, а должна в вас церковь войти.

Не должны зажигать лампы перед иконами, а должны зажигать их в сердце своём. То не церковь, что построена из камней, а языческое капище, а каждый из нас составляет церковь, а все вместе Церковь апостольскую³⁰⁵. Священное Писание шелапуты принимают, по толкуют его иносказательно и отрицают действительность описываемых в Евангелиях событий из жизни Спасителя, придают этим событиям смысл духовно-нравоучительный. Священное же предание заменяют им псалмы, слова и письма лжехристов и лжепророков. По взгляду сектантов, спасение получают одни лишь святые, т. е. шелапуты, остальной мир лежит во грехе. Таинства крещение и причащение они считают излишними, хотя детей своих крестят, а иные относятся к упомянутым таинствам крайне кощунственно. В частности, о таинстве крещения шелапуты выражаются так: „Что это за крещение? Разве то крещение, что в воде выкупают тебя? То крещение, чтобы просветиться Духом Святым“. О таинстве причащения шелапуты рассуждают так: „Какая это святыня: всё равно, что ложку борща съесть, что причаститься“. Один из шелапут высказал, что православные причащаются не Тела и Крови Христовой, а крови бесовской. Точно также считают они для себя не нужными богослужение и обряды православной Церкви, как внешние, а не духовные средства богоугождения. По мнению их, нужно прежде всего создавать в душе своей храм и проявлять упоминаемые в послании к Галатам (5 гл.) дела духа: кто достигает этого, тому внешний храм без надобности. Крестное знамение сектанты употребляют, а равно в домах их имеются и иконы, но в частных разговорах с православными проповедуют, что иконы – идолы, и следует кланяться не дереву и краскам, а живым богам, т. е. шелапутским лжехристам. Церковные праздники они почитают, но у себя дома и по-своему. Что касается постов, то налагая на себя посты особые и вообще стараясь явить себя великими постниками, шелапуты позволяют себе намеренно в Страстную седмицу есть сыр и яйца. Считая душу саму по себе доброй и святой, на тело человека сектанты смотрят, как наместилище греха, которое всякими способами нужно изнурять. Впрочем, по их мнению, душу имеют одни верующие, т. е. шелапуты, а православные довольствуются низшим видом её – „паром“. Определённых правил при изъяснении слова Божия у хлыстов нет: толкуют Писание они по внутреннему духовному озарению и, так как последнее у разных лиц бывает не одинаково, то являются бесконечные разногласия и противоречия. Учение сектантов о Боге, Св. Троице, Иисусе Христе, Св. Духе, воскресении мёртвых, страшном суде, аде, рае, почти неизвестно. Умерших сектанты отпевают в православной Церкви, но

поминок не устраивают, панихид не служат и не подают грамоток на проскомидию.

Брака, в смысле учения православного, сектанты по признают, называя его плотским, греховным; нужен брак духовный, но которому каждый сектант, кроме плотской его жены, должен иметь „духовную“, а каждая сектантка, кроме плотского мужа „духовного“. Особенно тяжело положение православной жены при совратившемся муже: последний, обыкновенно, не хочет кормить своей законной семьи, а отдаёт свободные деньги своей духовной жене. Детей сектанты называют вражеским, чёртовым племенем, „врагу полезным, а не добрым людям“, каковыми только самих себя они считают. Потому они стараются жить так, чтобы детей у них не было, чего в большинстве случаев и достигают. Образованием своих детей мало интересуются и в школы не отдают. Из книг печатанных между ними наибольшей известностью пользуется „Указание пути в Царство Небесное“.

Все государственные и общественные повинности шалопуты выполняют беспрекословно, а также принимают присягу, в душе отрицая её. Сплотившись в тесную общину, сектанты живут обособленно и к православному населению относятся крайне враждебно; теми же чувствами отвечают им и православные.

По причине усиленных пощений, а также ночных радений, соединённых с вредными для здоровья скачками и верчениями, шелапуты не отличаются физическим здоровьем: бледные, измождённые лица, тусклые глаза, вялость движений, ясно свидетельствуют об их неспособности к труду, вследствие чего они не отличаются зажиточностью и в общем бедны.

Штундисты. Секта штундистов появилась в 60-х годах под влиянием пропаганды немцев, последователей нео-баптизма (баптизм тоже)³⁰⁶. Число последователей штундистов в епархии в настоящее время простирается до 773 (взрослых мужчин и женщин).

К вероучению православной Церкви штундисты относятся вполне отрицательно. Из православной догматики остались, в неповреждённости только три догмата: Троичность Лиц Божества, воплощение Сына Божия, Иисуса Христа и догмат об искуплении. Догматы о Св. Духе, о Божественном происхождении церковной иерархии, таинствах, как необходимых орудиях действия в Церкви Св. Духа, о почитании святых и их мощей, о иконах, кресте или вполне ими отрицаются, или искажены до неузнаваемости. Что касается богослужения православной Церкви, то оно совершенно отрицается сектантами, которые сравнивают его с служением Ваалу. Сектанты верят, что есть вечный и истинный Бог Отец, Сын и Св. Дух. Путь к

познанию Бога один – Божественное Откровение писанное и Св. Дух (1Кор.21:14; Ев. Иоан. 14 и 25 гл.). Но и божественное откровение, писанное не всё обязательно для штундистов. Ветхий Завет – это только тень будущих благ, им они пользуются редко в своём вероучении, кроме тех случаев, когда хотят обвинить православных в мнимом идолопоклонстве. Все доказательства правоты своих религиозных воззрений штундисты заимствуют из Нового Завета, экземпляр которого каждый из них носит в кармане. Другого источника вероучения штундисты не хотят знать и о Св. Предании выражаются так: „Это густой тёмный платок, которым попы закрывают очи людям“, и под Св. Преданием понимают слово Божие писанное и переданное, т. е. Новый Завет. Но и в отношениях штундистов к Новому Завету замечается полный произвол. В этом направлении мысль современных штундистов, всё более и более расширяя область своего отрицания, приняла направление крайне опасное для социально-политического строя нашего отечества. Тот, кто наблюдал штунду в начале её истории в 60 и 70 годах, когда всё религиозное содержание её заключалось в благочестивых упражнениях: в чтении Евангелия, в пении духовных стихотворений и молитвенных импровизациях, часто сопровождавшихся вздохами и слезами, в настоящее время удивился бы тому перевороту, какой совершился в отношениях штундистов к Евангелию. Штундист первоначальной формации верил в то, что Христос искупил его, любил Христа, читал Евангелие и плакал; отрицание его сводилось к тому, что он ничего не хотел знать, кроме искупившего его Христа и на все убеждения православного миссионера обыкновенно отвечал: „Я ничего не хочу знать, кроме искупившего меня Христа“. Евангелие для него, действительно, было книгой жизни, по которой он стремился перестроить свою личную жизнь во всем её объёме. Этот период в истории нашей штунды, продолжавшийся очень короткое время, можно назвать периодом пиэтистическим. Отношение современного штундиста к Христу и Евангелию совершенно противоположного характера: современный штундист также много говорит о своей любви ко Христу и очень усердно читает Евангелие, но он любит Христа, но как Бога Искупителя, не как нравственный идеал, не как социально-политического деятеля, как реформатора, он любит не Евангельского Христа, а „своего“, которого создало его воображение, под влиянием впечатлений материальной жизни, предав ему черты социального реформатора. „Мы знаем, что ваше учение самое истинное, заявил нам во время беседы в с. Перещепиной (Ново-московского у.) штундист И. К-ц, но мы не желаем идти за вами; мы не любим вашего

Христа; вы с вашим Христом меняли людей на собак, а мы с нашим Христом желаем быть свободными“. „Освободились от панов, освободимся и от попов“, заявил другой штундист в с. Васильковке (Павлоградского у.). В Евангелии современный штундист ищет не правил нравственной жизни, не „глаголов жизни вечной“, но оправдания своих социальных и общественно-экономических чаяний, он смотрит на Евангелие как на кодекс правил социальной и общественно-экономической жизни, и потому не дух свой устрояет по Евангелию, а приспособляет Евангельские тексты к своим воззрениям, созданным под влиянием условий материальной жизни. Если бы мы пожелали открыть причины этого явления, то мы должны искать их в роковой склонности народного духа искать в Евангелии не Царствия Божия и правды его, а улучшения своей материальной жизни. Это явление наблюдалось всегда, когда Евангелие становилось достоянием народной массы. Догмат для народной массы имеет мало цены: она ищет в Евангелии прежде всего разрешения задач практической жизни и ему она приносит в жертву самые высокие нравственно-догматические истины. Это особенно заметно на примере наших штундистов, в жизнь которых Евангелие не внесло никакого нравственного *улучшения* и которые в Евангелии ищут прежде всего оснований для своих свободолюбивых стремлений в области общественной и социально-экономической жизни. В отношениях к православным пастырям и своим односельчанам штундисты являют себя крайне дерзкими и враждебными. Пастырей называют не иначе, как „господин“, а православных крестьян – слепыми пьяницами и проч. О государственном порядке штундисты рассуждают так: „мы обязаны повиноваться власти, где это не противоречит заповедями Царя царей; но так как заповеди Царя царей штундисты толкуют по своему произволу, то и повиновение властям у них становится также произвольным, доказательством чего *может* служить тот факт, что в прошлый рекрутский набор *многие* штундисты отказались дать присягу на верность службы. Штундисты отличаются необыкновенным усердием к прозелитизму, стараясь при всяком *удобном* случае посеять в православном крестьянине недоверие к святой православной Церкви и чистоте её вероучения, кощунственно при этом смеясь над св. иконами и православным духовенством. Для тех же целей прозелитизма, штунда имеет хитро организованную миссию с точным распределением районов миссионерской деятельности, с определённым жалованием миссионерам и проч., руководимой из Гамбурга заграничными друзьями наших штундистов. Местами для пропаганды штундисты избирают рудники, угольные копи, чугуно-

литейные заводы. Последователей себе штундисты находят главным образом в среде представителей городского и сельского пролетариата, людей не довольных данными условиями жизни, дерзких и не спокойных по характеру, чающих от секты прежде всего улучшения экономического. Кошунственное порицание святыни православной Церкви, недовольство окружающею жизнью воспитывает молодое поколение сектантов в направлении крайне опасном, развращающем ум, волю и сердце. Вообще штунда грозит православной Церкви и государству рождением страшного типа людей без веры, без любви к Церкви, родине и отечеству.

По донесениям миссионерских комитетов штунда в епархии в общем ослабевает, штундисты не проявляют того религиозного пыла, какой они проявляли 10–12 лет тому назад и большинство из них впало в религиозный индифферентизм; это должно сказать главным образом о тех штундистах, которые остаются в штунде более или менее продолжительное время и успели узнать тайны вероучения и религиозно-общественную жизнь штундистов. Новых совращений в штунду в отчётном году не было. Исключение в этом отношении должно быть сделано для сёл: Васильковки (Павлоградского у.) и Дебальдево с хут. Волчанским (Александровского у.). В означенных сёлах штунда, не проявляя признаков ослабления, находится в периоде высокой напряжённости своих религиозных интересов, представляя из себя тесно сплочённую религиозную общину, мало поддающуюся влиянию деятелей миссии. Это явление объясняется тем, что во главе названной общины сектантов стоят лица (крестьянин с. Васильковки, Макарий Гаркуша и крестьянин с. Дебальцево, Павел Евсюк) безрассудно упорные в своих религиозных заблуждениях, дерзкие на публичных собеседованиях и ревностные распространители в местном населении заблуждений своей секты. При этом в истории названной сектантской общины имело место событие, которое значительно содействовало утверждению штундистов в их религиозных заблуждениях: за свои молитвенные собрания, не дозволенные законом, штундисты были оштрафованы земским начальником по 15 руб. каждый, съезд же земских начальников этот штраф отменил и, чем далъ основание штундистам к распространению в местном населении убеждения, что их вера дозволена законом и что только одни священники из своих корыстных расчётов преследуют их. Должно указать на отсутствие единодушия и усердия в деятельности Васильковского миссионерского комитета, как на причину, ослабляющую успехи миссии в с. Васильковке. Единственным средством к ослаблению штунды в названных пунктах остаётся

административная высылка вышеупомянутых вожаков штунды и усиленная, проникнутая единодушием и любовью к делу, деятельность местного миссионерского комитета.

Епарх. миссионер *А. Дородницын*

Знаменательные присоединения к православной церкви. С. 761–768

Люди, мало знакомые с теми весьма трудными и сложными условиями, при которых приходится действовать миссии среди раскола и сектантства, не без предубеждения иногда вопрошают деятелей миссии: а где плоды ваши, сколько душ воссоединили; какая польза от ваших собеседований и проч.? Плоды бесед и других многообразных способов и приёмов миссионерских действий не исчислимы, ибо они неуловимы, не определены для наглядного измерения: *дух идеже хочет дышет*. При этом важность не в *количестве*, воссоединений, а в *нравственных качествах* лиц, воссоединённых: в степени религиозного убеждения в истинах православия, со стороны присоединённых, в силе искренности и мужества духа, с каким новоприсоединённый решается порвать кровную свою связь с той средой, которая могуча своей сплотённостью и силой тяжкого давления на вышедших из этой тьмы к свету православия. Так что иногда один воссоединённый дороже десятков и сотен, ибо он, как корень света и добра может дать зеленеющие побеги. В этом отношении особенного внимания заслуживают присоединения передовых членов расколо-сектантских общин, наставников, уставщиков и проч.

В последнее время Господь благословил миссионерские труды подвизающихся почти одновременно несколькими знаменательными, много обещающими в будущем воссоединениями.

Так, 8 апреля в Кронштадте воссоединён *настоятель* или уставщик беглопоповской общины, станицы К., Донской области, Ф. С. Шмаков, уроженец посада Лужки, Черниговской губернии, – этого главного центра беглопоповской секты. Живой, энергичный, способный и отзывчивый, он всю душу свою отдал интересам своей секты, которой в последние два десятилетия наносит сильный ущерб австрийская поповская секта.

Борьба беглопоповства с австрийской сектой сделалась неравной, когда стала умножаться у последних церковная лже-иерархия, а у первых оскудела, за трудностью добывать беглых попов. Феодор Семёнович, в борьбе „с австрийщиной“ за интересы своей секты, увлёкся заботами „об окормлении“ своей „беглопоповской – церкви“ священством, – всюду „рыскал“, по его выражению, за поисками „попов“, с которыми он потом путешествовал по всем центрам и закоулкам беглопоповщины, исколесив всю Россию. Ф. С. имел свою

подвижную церковь, антиминос времён патриарха Филарета, миростаринное, в котором давно, по его выражению, и духа-то мирного, а не только вещества, не осталось. В душепагубных заботах, о церковных интересах своей секты много содействовала Ф. С-чу его жена, уроженка калужского раскольниковьего центра, – женщина получившая школьное образование.

Зазорное поведение беглых попов и собственная нравственная чуткость этого беглопоповского ходатая давно начала просветлять его ум и тревожить совесть: он всё яснее и яснее видел ложь раскольниковьих заблуждений и свет истины православия. Ф. С. следил и за беседами миссионеров и за текущей литературой полемической. Он ещё мальчиком начал участвовать в полемике и впервые вступил возражать о. Павлу Прусскому. Последний пророчески предсказал оппоненту – мальчугану, положив свою руку на его головку и сказав: молодец, да ты будешь православный.... С о. Павлом до смерти Ш-в поддерживал доброе общение. Особенный нравственный толчок новоприсоединённому дала неудача с последним из „обращённых“ им беглых попов, который оказался, по разведкам, низведённым в причётники, „обливанцем“ хохлом, а между тем несколько лет „окормлял“ благодатью „беглопоповщиискую церковь“, – предводительствуемый Феодором Семёновичем. Жена беглопоповского „настоятеля“ – первой присоединилась к православной церкви и открыла школу для детей раскольников.

Феодор Семёновичи выехал из своей станицы в Москву и Питер ещё без решительного намерения о присоединении, лишь поклониться святыням. Одной из целей поездки его был сбор на нужды беглопоповской церкви, а также и разведки, – нельзя ли добыть священства для беглопоповства на тех условиях, какие были во времена Александра I. Хотелось Ш-ву и посетить о. Иоанна Кронштадтского. Богу угодно было ускорить спасение этого заблудшего, но доброго Своего сына. История присоединения, пережитые чувства и нравственный облик присоединённого весьма характерно обрисовываются в его интересных письмах, переданных Ш-м в распоряжение нашей редакции, которые мы и приводим здесь в подлиннике, исправив только несколько грамматических погрешностей автора.

Прибыв в Кронштадт на Страстной неделе, Ш-в никак не мог добиться видеть о. Иоанна за множеством народа и решил обратиться к ключарю собора с этим письмом.

Всяк бо ищай обретает и толкущему отверзется.

Ваше Высокопреподобие,

Пречестнейший отец Александр!

Ваше звание и высокое служение престолу Божию обязывает Вас врачевать болящих душою, вразумлять неразумных и наставлять на путь истины заблудших. И, подобно блудному сыну, приидох под кров отчий, и глаголю: „Отче, согреших на небо и пред Тобою, сотвори мя яко единого от наемник твоих; и се мню, яко не услыша отец гласа моего, и не облобыза мя. Не дадеши перстня на руку мою, и сапоги на нозе мои, и не закла тельца упитанного, дабы аз меньше иной от рождения моего насытился и возвеселился с рабы отца моего“.

Именем Иисуса Христа прошу терпеливо выслушать меня. Я – рождённый и воспитанный в строгом духе старообрядчества, беглопоповского толка, 11 лет прослужил в качестве дьячка и представителя Московских попечителей; ездил со священником по всей России, где только есть старообрядцы, для исправления их духовных нужд. Имея постоянное сомнение в наших незаконных пастырях, я искал разрешение моих сомнений на беседах с пастырями и миссионерами Православной Церкви; читал много полемических книг и пришёл к убеждению, что наше общество не составляет из себя истинной церкви Христовой, а посему и *безблагодатно*. Убедившись таким образом, я дал обет Господу Иисусу Христу, если удастся мне убедить мою жену принять православие, тогда оставляю вся и всех и пойду поклониться святым местам. Господь, по своему великому милосердию, не оставил моей молитвы и супруга моя октября прошлого 1899 г. была присоединена к Св. Церкви, и мы, с благословения нашего уважаемого благочинного, протоиерея А. П-ва, открыли школу грамоты, в которой обучаются мальчики и девочки старообрядческие в числе 38 человек, так как наш домик очень маленький, только из двух комнат состоящий, то и сие число учеников едва могло помещаться. Мы же всячески себя стесняли, ради сего благого и душеполезного дела. Устроив всё таким образом, я отправился с первыми пароходами по Дону, 23 марта, чтобы выполнить обет мой перед Богом. Побывав в некоторых местах и поклонившись святыням, я был представлен миссионером благочинным о. Иоанном Звездинским Его Высокопреосвященству, Г-ну Московскому Митрополиту, который, как и довлеет доброму пастырю, расспросив меня подробно и одоблив моё намерение, благословил в путь. В С.-Петербурге я также был любезно принят служителями евангельской истины. Получив от Редактора „Миссионерского Обозрения“, к о. Иоанну Кронштадтскому прилагаемое при сём письмо, я радостный, полный глубокого благоговения отправился в Кронштадт, в надежде, что любвеобильный служитель дома Божия о. Иоанн

Сергиев не задержит меня. Но надежды мои не оправдались; и я не только совета и участия не встретил от того, к кому стремился за 2000 вёрст, оставив почти без копейки к великому празднику моё бедное семейство: жену и неприсоединённых ещё двоих малюток детей, но даже и письмо не имею возможности передать по адресу. Прошу Вас, служитель Христов, во имя страданий Господа нашего Иисуса Христа, доложить обо мне о. Иоанну, живущему во Христе, дабы он, не внемля моему усердию, не оскорбил тем Христа, Которому служит. „Приходящих ко мне не изжену вон“, сказал великий Страдалец за мир. Если уже будет обременительно ему самому довершить моё крещение св. миропомазанием, то пусть благословит Вам, батюшку же о. Иоанна прошу во имя Иисуса Христа, быть моим восприемным отцом, и мать восприемную пусть назначит он же. Отрясши прах злочестия старообрядческого и становясь твёрдой ногой на новый и весьма для меня трудный, полный колючего терния путь, я поручаю мою дальнейшую судьбу Богу и молитвам о. Иоанна. Имею непреклонное намерение поступить (если это будет Господу угодно) в миссионерскую школу при Казанской духовной академии, в которой готовят борцы за истину против старообрядчества и сектантства.

Явитесь, батюшка, ангелом ходатаем перед о. Иоанном, чтобы он приходящего с истинным раскаянием к св. матери нашей церкви не отгонял, а принял бы так, как гласит евангельская притча о блудном сыне. Буду ждать Вашего ответа с нетерпением и душевной тревогой“.

Глубоко уважающий Вас,
Многогрешный Фёдор.

Последствием этого письма было присоединение Феодора Семёновича, совершённое в Кронштадтском соборе в Великую Субботу, тогда же он был и приобщён Св. Таин. В Кронштадте Ф. С. встречал и Светлый праздник. Вот как описывает он те впечатления, которые пережил в этот знаменательный в его жизни духовный переворот, в письме к другу, также склонному к принятию православия.

Христос Воскреси!

„Любезному, милому и дорогому другу души и тела моего Г. П. Вам и семейству Вашему, а также любезнейшей из женщин хозяйшке Вашей Н. Т. шлю Вам мой душевный привет и моё искреннейшее почтение и низкий поклон.

Как глубоко благодарен, друг мой, за твоё ко мне письмо, как я рад, что ты встречал Светлый праздник во Св. Церкви Христовой; и как душевно скорблю, что очи твои душевные ещё не просвещены светом Евангельской истины. Не моя грешная молитва, но молитва Святителя Христова Иоанна Кронштадтского, да предстанет пред престолом Царя

Славы, дабы божественная искра коснулась твоего доброго и любознательного сердца, твоей отзывчивой и сострадательной души, твоего светлого взгляда, могущего различать хорошее от плохого, греховное от праведного. Пора, друг мой, нам образумиться! *Силы, которые мы с тобой полагали, служа целям Московских попечителей, пропадали даром*, да как бы ещё не понести тяжкого греха, потому что мы с тобой оба понимали весь недостаток нашей старообрядствующей церкви, однако же продолжали быть преследователями, хотя, впрочем, машинальными, но тем более преступными против Бога, Церкви, против собственной совести, против ума и сердца. О! как тяжело вспоминать прошедшее, и как радостно настоящее! Я поручил себя Промыслу Божию и молитвам о. Иоанна Кронштадтского, ныне моего возлюбленного, восприемного и духовного отца. Нисколько уже не скорблю душой о будущем существовании моего семейства, есть какая-то во мне особая вера в невидимую помощь Божию, поэтому я не могу ничего написать тебе определённого, по отношению моих будущих занятий. Кто я буду? чем буду заниматься? какой удел назначит мне судьба, покажет будущее. Но я твёрдо решил уже более не таиться, но открыто выступить перед лицом всего старообрядческого мира, ничего необинуясь, говорить сущую правду, о всех недостатках и злоупотреблениях нашего духовного кормила. Молю Господа Царя сил, чтобы и тебе быть также светлу душою и радостну сердцем, как чувствую и я себя. Не косни долго сердцем, друг мой, хорошо, если бы ты приехал сюда, сейчас же здесь бы и присоединился, и тогда мы бы опять с тобой были братья духовные, опять наши мысли и дела были бы союзными, – Господи! как всё это было бы хорошо и отрадно, да будет воля Божия на нас! Прощай, друг мой Г. П., ещё раз благодарю за письмо, ибо оно принесло мне истинное наслаждение и радость“.

Феод. Сем. Шмаков.

Да сохранит Господь этот горячий пламень веры и надежды в душе новоприсоединённого возлюбленного брата для блага церкви православной!

17 и 19 марта в Сретенской единоверческой церкви что на Волковом кладбище, состоялось присоединение из раскола австрийской секты к Православию на правах единоверия крестьянина, Рязанской губернии, Кирилла Семенова с семейством и родственниками, всего в количестве *девяти душ*. Чин присоединения совершал местный единоверческий священник о. Иоанн Крючков, неоднократно беседовавший с присоединёнными о предметах веры у них на квартире и у себя на дому. Но главный руководитель в деле

присоединения означенных лиц был брат Кирилла Семенова Феодор, оставивший раскол ещё в ноябре 1890 года. По словам Ф. Семенова, он неопустительно присутствовал на публичных собеседованиях, которые велись в С.-Петербурге о. Крючковым, проф. Ивановским и др., с известным раскольническим апологетом Онисимом Швецовым. Несмотря на всё искусство защитника раскола, который с большим лукавством и ухищрениями защищал свою секту, у Семенова после этих бесед возникло сомнение в законности австрийского лже-священства и хотя он не решился тотчас же порвать связь со своими прежними убеждениями, тем не менее оставался в колеблющемся настроении, отыскивая спасительную истину. На этом пути Семенову, как человеку грамотному и любящему чтение, существенную пользу оказало чтение книжек и брошюр противораскольнического содержания, из которых он почерпал правильные понятия о Христовой церкви и её иерархии. Но были в данном случае и противоположные влияния, в лице противораскольнического наставника К. Ф., который, заметив колеблющееся настроение у своего собрата, прилагал усиленные старания к удержанию Семенова в своей секте. Он читал последнему тетрадки с выдержками из сочинений Онисима Швецова, осуждал в его глазах православную церковь и её пастырей и приходил даже с ним к свящ. Крючкову ратовать за австрийскую лже-иерархию; этим, впрочем, и объясняется, почему Семенов так долго колебался и не решался присоединиться. Но все старания К. Ф. остались безуспешными: семя, брошенное на добрую почву, принесло плод свой и Семенов после долгих сомнений присоединился к Православию. В настоящее время Ф. Семенов, присоединившийся на правила единоверия, посещает усердно и православную церковь, сделавшись её истинным сыном.

23 апреля совершилось светлое торжество присоединения к православной церкви, на правах единоверия, в той местности, где два года назад тьма раскольничья погубила столько жизней ужасной смертью – замурованных, – в с. *Плосском*, Тираспольского уезда, Херсонской губернии. Здесь синодальным миссионером, о. прот. Ксенофонтом Крючковым, совместно с настоятелем Тираспольского собора о. Вижевским и епархиальным миссионером о. Полянским, воссоединён лже-иерей австрийской секты, австрийский подданный Андрей Иванов, с несколькими из своих прихожан почтенных домохозяев. О. Андрей – родом из Белой Криницы, ставленник и любимец лже-архиерея Анастасия Измаильского. Колебание в истине древляго раскольничьего благочестия давно началось у бывшего лже-иерея: сознание своего безблагодатного состояния мучило о. Андрея,

по его словам, при всех трудах и особенно при таинствах: „чувствуешь, что ты мужик в золотых ризах и больше ничего“. Село Плосское имеет до 10 тысяч раскольников населения, все поповцы, делятся на три враждующих друг с другом секты, – каждая имеет своего попа, последние стараются друг друга уличать в ереси и переманивать к себе из чужого стада овец. Как умный от природы и несколько начитанный в полемической литературе человек, о. Андрей давно потерял фанатизм и относился к православию с добрым сердцем. В прошлом году о. Андрей испросил у своего лже-епископа Анастасия разрешение отдать свой дом под церковную школу грамоты.

Торжество воссоединения лже-попа и нескольких членов из видных раскольников семей подняло бурю страстей в этом тёмном месте. О. Андрея и кляли, и грозили, и лже-епископ вызывал его телеграммой, на которую о. Андрей отвечает сыновним призывом старцу подумать о своём лучше спасении и хотя бы при вратах смерти перестать лукавить. О. Андрей не сомневается, что Анастасий лучше других понимает, что истина в православной церкви и давно живёт и недорованное архиерейски совершает с двоящимися мыслями. Да вразумит его Господь!

Заисетский. Современный раскол. С. 768–775

Стародубские раскольники: делёж пожертвованных общественных денег между карманами заправил. – Брань недовольного попом. – Унижение Силивестра Балтского. – Крик на него попечителя и апоплексия с ним. – Известие о беглеце Мельникове и его кутежи. – Погребение самоубийцы. – Екатеринбургский лже-епископ Антоний, как обличитель австрийщины. – Поездка из Екатеринбурга в Белую Креницу.

Самоволие, грубость и дикость в обращениях раскольничьих заправил и богачей с их лже-владыками – поразительны. В прошлой книжке „Мис. Обзор.“ было уже сообщено о нелюбви Стародубских раскольников к их лже-владыке Силивестру Балтскому. До каких размеров доходит эта нелюбовь – свидетельствуют следующие факты.

В начале марта одним ревнителем древнего благочестия прислано было Силивестру 9 тысяч рублей на нужды его скита „Полосы“. Заподозренный уже раньше в утаивании присылаемых денег Силивестр, получив означенную сумму, не пожелал держать её при себе, а отдал деньги на хранение одному почтенному старообрядцу Е. Г. Ковалеву, который и хотел их обратить в процентные бумаги. Некоторым вожакам не понравилось, что деньги находятся не у них, а у Ковалева, откровенно говоря, – человека весьма добросовестного; и они решили деньгам этим дать совершенно другое назначение, а не обращать их в процентные бумаги. Были собраны попечители и на собрании решено было деньги 9 тысяч от Ковалева отобрать и храниться им у того, на имя кого присланы, т. е. у Силивестра. Ковалев беспрекословно возвратил деньги Силивестру, взяв предварительно расписку от попечителей, за подписом Силивестра, в получении обратно денег от него.

Но такое решение вопроса не удовлетворило заправил Стародубского раскола. В виду того, что монастырь „Полоса“ ни в чём не нуждается, а владыке Силивестру деньги не нужны: он-де инок, да и своих много у него денег, – решено было разделить эти 9 тысяч между тремя попечителями М. Г. Балакиным, М. И. Татариновым и Л. Я. Ивановым по три тысячи каждому, что и приведено было здесь же в исполнение. Ковалев, может быть, и запротестовал бы против такой самовольной делёжки денег, присланных Силивестру на нужды монастыря, а не для карманов толстосумов раскольников, но связанный общественными служебными интересами (он председатель сиротского суда на жаловании от общества), он не решился на такой

шаг. Тем менее мог возразить сам Силивестр против такого хищничества. Скажи он что-либо и его сегодня же они удалили бы на покой, а Порфирия, недавно поставленного в Самару, возьмут в Клинцы.

Казалось, что делёж денег остался для всех тайной, но случилось происшествие, которое вывело всё на чистую воду. При одной моленной есть поп, весьма ревнивый к отеческим преданиям. Ожесточённую ведёт он борьбу с своими овцами за ношение немецкого платья и брадобрития. Не раз он устраивал скандалы в моленной, не допуская до целования креста и антидора брадобрицев и табачников. Случилось, что недели через две или три после делёжки попечителями лепты Полосенского скита, поп этот – по имени Стахий – не дал поцеловать креста одному молодому раскольнику по фамилии Баутину, сыну извозчика. Этот молодой человек, – не из числа робких, не мог перенести такого оскорбления от попа и начал его здесь же ругать всячески, называя его и пьяницей, и всевозможными другими эпитетами. Стахий по окончании службы остановил своих прихожан и хотел заставить молодого Баутина попроситься, к чему склонял его и попечитель. Но не тут-то было! Расходившийся Баутин высказал всё, как пьяный Стахий валяется всегда по улицам посада и что он – Баутин отказывался его возить бесплатно, за что этот и мстит ему; – что сынкам попечителей он не замечает, что они и брадобрицы, и табачники, и распутную жизнь ведут, а почтенные отцы их грабят монастырские деньги; что он сам вёз попечителей из Полосы после делёжки и слышал весь разговор их и т. п. Узнав через эту брань о дележе денег, остальные раскольники потребовали от попечителей отчёта в этих деньгах; но добиться они могли лишь немногого: им дали расписки в получении трёх тысяч каждый.

Настоящие попечители ещё скромны в отбирании от Силивестра денег. А, например, попечитель Машковский (ныне умершей) брал от Силивестра для своих фабричных оборотов и по 20 тысяч рублей, и последний не смел даже ему напоминать об них. Помнится, раз служил Силивестр торжественную архиерейскую обедню, а этот Машковский стоял на клиросе. В это время вошли в моленную два приезжих военных. Машковский обернулся с клироса и махнул рукой стоящему среди моленной на амвоне. Силивестру, крикнув ему: поди сюда, владыка. И раззолоченный раскольничий архиерей торопливо пошёл к клиросу выслушивать приказания самодура Машковского, что если военные подойдут под крест, то чтобы он не смел их ограждать, а давал бы целовать крест без ограждения.

В настоящее время заставили Силивестра терпеть поставленного вместо Порфирия игуменом „Полосы“ инок Мартиниана, человека грубого, который беспощадно ругает всех монастырцев площадной бранью, дерётся безразлично, где бы это ни было – в моленной ли или на дворе. Возможно, что ещё заставят Силивестра поставить его попом

Насколько восстановлены наши местные богачи-воротилы против Силивестра за отказ удалиться на покой и уступить место Порфирию, наглядно может свидетельствовать следующий факт. На второй день Пасхи местный богач Н. А. Степунин, по прозвищу „Баклуша“, послал в „Полосу“ лошадей за проживающим там своим шурином, чтобы тот провёл праздник в его доме. Опальный Силивестр, которому запрещено было приезжать в Клинцы для служения на второй день Пасхи обедни (эту обедню всегда Силивестр служил в Клинцевской моленной по-архиерейски торжественно), вздумал воспользоваться случаем и лично принести г. Баклуше поздравление с праздником. Испросив разрешение у этого родственника попечителя доехать с ним до Клинцев, Силивестр вечером прибыл в Клинцы. Но много за это брани пришлось выслушать от Баклуши прежде всего кучеру, „Ты как смел, кричал хозяин, брать с собой Владыку? Тебе приказано привезти Николая Ивановича, а ты будешь там брать всяких бродяг! Я тебя рассчитаю! Верно тебе Владыка дал на водку, а может ты с ним вместе пил в Полосе“! Только лишь заступничество за кучера Николая Ивановича успокоило расхоронившегося Баклушу.

На другой день Силивестр, ничего не подозревая, утром отправился к Степунину, чтобы приветствовать его с праздником. В это время у него были гости и поздравители с праздником. Только лишь вошёл Силивестр в комнату и помолился Богу, как Баклуша вместо ответа на приветствие Силивестра „Христос Воскресе“! закричал: „Ты как это смел приехать в Клинцы без спросу? Тебе кто позволил отлучаться из монастыря без нашего разрешения?“

– Я Николай Андреевич, заговорил Силивестр, приехал исполнить христианский долг к вам, пропеть „Пасху“ в честь Воскресшего Господа, и с вами похристосоваться“. – Как же ты приехал петь Пасху один без монастырского причта? Ты не лги мне, тебе не сидится в монастыре, так ты и бродяжничаешь, тебе пора совсем убраться на покой, а ты всё грабишь; мало ты ещё нагребил монастырских денег! Через тебя мы упустили из Клинцев Владыку Порфирия. Да как это ты смел сегодня утром служить Божественную литургию, не спросясь у нас, а теперь пришёл сюда незванный. – Я пришёл к вам не в гости, Николай Андреич, а пропеть „Пасху“, говорил Силивестр. – Убирайся

вон, без твоего причта я не позволю тебе здесь петь. – Ну, простите Христа ради, Николай Андреевич, я пошлю за своим причтом. – И господин Владыка делает поклон Баклуше. Гости стали упрашивать Степунина извинить Владыке. В это время один из бывших гостей, некто Осокин, подошёл к Силивестру и, поклонясь ему в ноги, попросил у него благословения. И только лишь Силивестр поднял руку благословить Осокина, как его рука задрожала, и он, как пласт, опустился на стул. Прибывший врач нашёл у него лёгкую апоплексию, вследствие нервного потрясения. Поскорей посадили Владыку на лошадь и отвезли в общественный дом близ моленной. Зная, что он имеет порядочную сумму денег, поставили сторожей, чтобы никто не смел приходить к больному старику, боясь дабы он не передал своих денег кому из родственников.

Не смотря на свою болезнь, Силивестр всё-таки послал экстренно наёмных лошадей в „Полосу“ за своим причтом, чтобы хотя этим умиловить „Баклушу“. Приехавший к вечеру Полосенский причт нашёл господина Владыку весьма слабым. Он не только не мог идти петь „Пасху“ к Баклуше, но с трудом даже мог подниматься. Тогда причт его, пользуясь случаем, до безобразия стал пьянствовать к явному соблазну старообрядчества. Видя, что Силивестру стало ещё хуже, попечители, как аргусы, стали стеречь его смерть, не допуская к нему самых ему близких людей и не отпуская его в Полосу. Как слышно, к великому прискорбию г. Баклуши и К°, Силивестру стало немного лучше. Многие старообрядцы, узнав о таком поступке Баклуши, сильно возмущаются. Говорят: „столько лет Владыка служил у нас, нажил деньги монастырю, а стал стар, то теперь и не нужен“, но ничего не могут сделать с Баклушей и К°, которые ждут не дождутся смерти его, чтобы поделить Силивестровы денежки и водворить в Клинцах господина Владыку Порфирия, коего громко здесь титулуют Самарским, Оренбургским и Уфимским.

Как коршун, чувствуя добычу, появился здесь и известный поп Евфимий Мельников, привёзший известие, что его любезный сынок Фёдор благополучно добрался до Румынии и опять будет издавать газету, для чего ему нужно послать малую толику на обзаведение. Конечно, раскольники живо отзовутся на это, и посыплется лепты ревнителей древнего благочестия дерзкому ругателю православия. Будет на что Фёдору погулять и повеселиться, что он весьма любит и за что осуждается даже от своих, как уже через край хватающий.

Не лишним будет привести здесь один, конечно, из многих ему подобных, факт, какие этот „страстотерпец“ – хулитель творит безобразия к явному соблазну ему единомышленным. Года полтора

тому назад Ф. Мельников, снабжённый приличной толикой денег из неиссякаемой раскольничьей суммы, отправился в Москву к своему учителю Швецову, бывшему тогда местоблюстителем Московской кафедры, а затем, как он объяснял сам, в Петербург к С. Ф. Шарапову, которому он вёз якобы какой-то материал. Проводить своё светило собрались в Новозыбков много раскольников из других посадов. Многие поехали проводить его до следующей станции Клинцы. Во время дороги решено было остановиться в Клинцах на ночь. Вся эта пьяная ватага раскольничьих апологетов остановилась в гостинице некоего Керина немца. Здесь явились – водка, карты и мясная скоромная пища (это было в Филипповский-Рождественский пост) и попойка шла до утра. Случайно попали в эту компанию единовец М. И. Д. и один беглопоповец, некто Г. Ф. К-в; вот перед ними-то и стали показывать себя пресловутые защитники раскола. Невозможно перечислить всей брани и дерзкой ругани на всё православие. Возмущённые до глубины души Д. и К-в решили было заявить полиции, к чему побуждало их больше то обстоятельство, что с Мельниковым были несколько чемоданов с книгами, вывезенными из заграницы, и какие-то бумаги, которые он вёз к Шарапову и у которого он, по его словам, будто бы состоял сотрудником в „Русском Труде“. Ночь, опасение могущего произойти судебного дела не позволили, к великому сожалению, исполнить им их мысль. Тогда они решили хотя поколотить безобразников. Но хитрый Мельников, заметив этот манёвр Д. и К., и, хотя было 5 часов утра и до отхода поезда был ещё час, решил с своей компанией уехать на вокзал; бережно и тщательно уложив свои чемоданы и не окончив партии в карты, ушли они из гостиницы, к великому удовольствию содержателя, который трусил за таких господ. Д. и К. последовали за ними на вокзал, но своего намерения не исполнили, жалея и теперь, что не пригласили полиции.

Как свободно живётся и чувствуется раскольникам, свидетельствует следующий факт. Как-то на днях почтальон по ошибке заносит ко мне № газеты „Свет“. Смотрю – адрес: „Иоанну Григорьевичу Юрову – священнику“. Это – австрийский раскольник поп. Расспрашиваю, и оказывается, что так адресуются ему и письма, и вся вообще корреспонденция; следовательно, он так же и в почтовой конторе расписывается.

А вот из другой области фактик. У миллионера Г-ва застрелился сын. Раскольники наскоро собрали собор для обсуждения, как хоронить самоубийцу, который и раньше никогда не говел. Известно, что раскольники нас православных укоряют за то, что св. Православная Церковь не лишает часто этих несчастных

христианского погребения. И вот на этом соборе всемогущая сила Гусевского золота решила погребсти самоубийцу со всем благолепием. Теперь наши православные укоряют их этим.

Ч.

В февральской кн. Мисс. Обозрения была помещена статья о Екатеринбургских австрийцах и их новом лже-епископе Антонии Поромове, поучавшим свою паству не сообщаться с бритоусиками и грозившего за брадобритие страшными прещениями. Это брадобритие некогда служило для самого него сильным препятствием к переходу из беспоповщины в австрийскую поповщину, на которую он смотрел вообще-то не высоко. Весьма любопытно в данном случае письмо, написанное им в бытность его беспоповцем к одному поповцу на приглашение последнего перейти в поповщину и изобличающее последнего.

„Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас. Высокопреподобнейшему во священно-иноцех Антонию!

Благословение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа на нас, всегда ныне и присно и во веки веком, аминь.

Господи, чтося умножиша стужающии ми? мнози восстают на мя. Мнози гляголят души моей, несть спасения ему в Бозе его. Ты же, Господи, заступник мой еси и проч...

Полученное письмо ваше моим родителем, от неизвестного числа и месяца, рассмотрехом внутреннее содержание вашего написания и уведехом, что вы, преподобный отче, изволили тако написати следующее: „Что малодушен?“

– Нет, я боюсь злаго вашего брадобрития, с которым вы и ваша священная власть молитесь купно, ничего не разбирая, а высшая ваша власть ослепла сребролюбием, и не может изbleвати своего злаго смрада и быть чистою, а *лучше не будет, чем злее и зле..* И как вы ещё говорили, что я вспять возвратился, но я с помощью Божией никуда вспять не обратился, но пребываю всегда в Церкви Христове, и никогда не изыду из нея. Спрашивается, – с кого же мы будем снимать образ благочиния? и кому следовать? взирать велит на Начальника вере, и Совершителя Иисуса, а вы начальницы и совершители, почему же впускаете внутрь уду такие проклятыя ереси и всячески соборне не искореняете? и вводите священным властям остригати власы носить, якоже миряном, – сие бесчинно и гнусно, подпупия³⁰⁷ ради женскаго творите сия, о ле чудо! Молю вы Господа ради, простите мя худаго и неискуснаго в слове учения, но что усмотрите недостаточным, исправьте своим смирением, наложите свою резолюцию грамматически.

Тем же убо аз Божией милостью, смиренный черноризец Антоний, уведех убо сам, своими очами, неустроение и соблазн брадобрития в пастве вашей, или митрополии, како можно допустить пса и предотечу антихриста до какой-либо святости, смели ли бы они допустить до такой степени и дать каму либо святая, а сами видят, что брада брита; аще бы Бога боялись, не бы тако сотворили: он пёс един, а сто отвратил. А отец дьякон мне сказал лично, что мы ими живём, нам никак нельзя этого возражать. Следовательно, какие же они оказались пастыри Церкви Христовы, но очевидно не хранители предания Господня, а любосластием мира сего прельстились.

Всех этих разных соблазнов касательно этому, и ещё прочих каких-либо я терпеть не могу, и прочим не желаю. Я следую всегда вечности Церкви Христовой и её преданиям неизменным, яже содержит, и следую благочестивым вселенским патриархам бывшим, даже и до Иосифа, а посем убо сомнительно.

Но я всегда готов бы быти с вами, но опасно, чтобы не опутаться сетью диаволю. Но и я грешный кое-что видывал и читывал с помощью Божией; а у нас хотя и есть кое-какие недостатки, но надеемся на человеколюбие Божие, и в правой Христовой вере касательно религиозного качества. Но все-таки скажу небольшое основание глаголющее от Святого Писания: (Номоканон) Ибо Господь наш Иисус Христос многим апостолом священства неимущим повеле крестити (Номоканон о священниках). Несвященники быша во учителях, по правилу Павла апостола, учитель аще и мирский человек будет, искусен же слову учения, и нравом чист, таковой да учит, будет бо, рече, вси научени Богом (Якоже 16 зач. Деяний утверждает). И аще Филипп не священник сый крести Самарию, еще и евнуха на пути: (Минея Четия, ноября в 5 день). И святой мученик Потий цареву дочь крести (Четия Минея 1 июля). Написано ещё, понеже невозможно быше и в то время обрести иерея, и мнози писании показывают. (Книга священноинока Дорфффея глава 25-я). Тело человеческое целомудренно Церковь Божия есть.

Итак, добрый иерарше, много допущено у вас в молении и литии неразбор, а в Зонаре поищитесь-ка, чего не найдёте ли, идолопоклонниками называет зри. А к церквам Божиим хождение в панталонах срамно и глаголати, и главы зачёсывают по-польски, или немски, весьма странно. Вам это нужно делать собрание епископов, и соборне сии вещи искоренять, и каждому епископу во своей епархии строго священникам заповедывать; а в случае окажутся неисполнители, тогда их подобает предать церковным правилам: так ли честный отче мой. Аз имею любовь нелицемерну ко всем, и

надеюсь на всевышнего Господа и на пречистую Его мать, на всех святых Его. Сердце моё горит и душа трепещет о истине, и всегда пребываю в ней, и всем такожде желаю.

Посем желаю Вам о Христе здравствовать на многа лета, и во священном писании ухищряться и во спасении пребывать. Затем кланяюсь низайший поклон. Смиранный черноризец Антоний Поромов“.

Итак, по мнению Повомова, он всегда пребывал *в истине* будучи единоверцем, затем беспоповцем и наконец – австрийцем. Более смутного воззрения на вещи трудно ожидать даже от заурядного старообрядца.

В минувшую Пасху Антоний архи-лицедействовал в Екатеринбургe, в окрестностях которого, слышно, предполагает основать свою резиденцию.

Перед Пасхой трое местных купцов Гр-в, Мал-в и П-н отправились в Белую Криницу посмотреть австрийского митрополита и погоревать об участи Ф. Мельникова, тщательно скрываеваемой австрийцами от православных. Все эти господа по рождению единоверцы: первый из них уклонился в австрийщину, второй отпал лет 15 назад в стариковщину, а третий состоит единоверцем. Двое купцов – австриец Кал-н и беспоповец Чер-н изобличены в выписке подпольного „Слова Правды“. Последний явился для австрийцев „козлом отпущения“. „Выписывай, – сказали ему, – эту единственную газету и для себя, и для нас“. Затем, когда один из советников – австрияков попался с подпольными изданиями, то первый указал на своего приятеля – беспоповца, как распространителя этого хлама.

Заисетский

**Библиография // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6.
С. 775–782**

Ч-ков С., свящ. [Рец. на:]: «К лучшему будущему» Н. Н. Неплюева. Гл. V. Представители власти тьмы. Книжки «Недели», май 1899 г. С. 775–779

В пятой главе своей статьи, носящей заглавие «Представители власти тьмы», Н. Н. Неплюев самыми мрачными красками изображает религиозное и нравственное состояние современного человечества. Собственно говоря, он не высказывает здесь ничего нового сравнительно с тем, что уже было им сказано в 1-й и 2-й главах, но только подробнее развивает свои прежние мысли. В человечестве он не видит ничего доброго, ничего доброго не видит он и в своём родном народе. За исключением немногих избранных «представителей любви», которых он в предыдущей главе призывает к объединению и к совместной дружной работе на торжество любви, все остальные люди в его глазах являются лишь представителями власти тьмы, суеверия и злобы. Все они не знают Бога-Любовь, все отступили от Него. Выражаясь собственными словами Н. Н. Н-ва, «вера подменена суеверием, привычек любви нет, добро не организовано в жизни. Основа любви, дисциплина любви, логика любви во всех областях жизни подменены греховными основами, призрачной дисциплиной и жестокой логикой страха, и корысти на подкладке живой правды анархии».

«..Их бог не мудрый и не любящий, воля его не неизменное разумное желание высшего блага; их бог зол, капризен и чванлив, воля его изменчива и капризна, повлиять на неё можно угодничеством, дарами, лестью. Любовь, братолюбие – ему не нужны. Самостоятельно понять его волю невозможно. Приходил Христос на землю спасти человечество, но говорил так, что Его никто попятить не может, и завещал то, что никто выполнить не может. Впрочем, всё это не беда: ни понимать Его учения, ни выполнять Его заветов, ни тем более стройно организовать жизнь по вере в Него и невозможно, и не нужно. Спасительна вера в Него и в силу Его искупительной жертвы, спасительно точное выполнение буквы обряда» ...

«Вся религия сводится на то, как бы угодить Богу. Знают это немногие избранные. Высшей добродетелью становится слепое повиновение этим избранным, человечество из рабов Божиих переводится в разряд рабов человеческих» ...

«Религия толпы сводится при этом к настоящей панике перед грозной силой и к корыстному выпрашиванию у неё милостей... Пусть не обманывают нас при этом ни глубокие вздохи, ни слёзы умиления,

всё это всем известные проявления страха и холопской покорности и перед сильными мира сего, даже и тогда, когда за глаза их ненавидят и презирают» ...

Читая эти мрачные строки, чувствуешь, что они внушены не ясным пониманием действительности, какова она есть, а настроением души самого автора, которому всё кругом представляется в мрачном виде.

На самом же деле настроение человечества совсем не так безотраднo, как его изображает Н.Н. Неплюев.

В душе всякого человека, на какой бы низкой ступени религиозного и нравственного развития он ни стоял, всегда существуют два начала – и доброе, и злое. В каждом человеке напечатлён образ Божий, в каждом есть разум и совесть; каждому доступны добрые чувства, способность любить добро, замечать его и отзываться на него. Признать большую половину или даже почти все человечество «представителями власти тьмы» – есть, несомненно, крайнее ослепление и преувеличение.

Что касается в частности русского народа, то и его история, и современная действительность ясно свидетельствуют, что в нём, несомненно, глубоко запечатлён образ Христов и что ему понятны, близки и дороги идеалы христианского совершенства. Н.Н. Неплюев, по-видимому, очень мало справляется с историей, высказывая свои суждения. Если бы он справлялся с нею почаще, она бы ему показала целый ряд деятелей, одушевлённых самым высоким настроением, она бы показала ему великие подвиги, совершённые родным его народом в тяжкие и трудные моменты его исторической жизни. Зачем закрывать на всё это глаза?

Разве, например, св. князь Владимир, великий князь Ярослав Мудрый, преп. Антоний и Феодосий Печерские, Владимир Мономах, св. благ. Александр Невский, св. Пётр митрополит, Алексий, преп. Сергей Радонежский со своими учениками, просветителями самых далёких концов севера, св. Стефан Пермский, Филипп, митрополит московский и другие, которых долго было бы перечислять, разве это не представители света в родном нашем народе? Великий и святой подвиг распространения христианства в России и по её самым далёким окраинам, совершённый такими людьми, как Леонтий и Исаия Ростовские, Трифон Печенгский, Филофей Лещинский, Иннокентий (Вениаминов), борьба за народность и веру с татарами и поляками и подвиги Димитрия Донского, Авраамия Палицына, Троице-Сергиевой лавры, Минина и кн. Пожарского – разве всё это не великие и светлые дела, свидетельствующие о неисчерпаемой, внутренней доброй духовной мощи русского народа? Чьё сердце с умилением и с

духовной радостью и удовлетворением не прочтёт житие и творения свят. Тихона Задонского, или жизнеописание старца Серафима Саровского? Да и в настоящее время разве не найдётся у нас людей, которых вся жизнь является одним чистым подвигом добра и служения Богу? Почти нет того большего и даже малого монастыря, в котором не нашлось бы старца-инока, врачующего душевные недуги приходящих к нему... Да и в обычной, мирской жизни сколько добра, хотя и не громкого, и не кричащего о себе совершается на наших глазах. Надо только не закрывать очей своих, чтобы видеть его.

Как на особенно бьющий в глаза факт, укажем на те бескорыстные самоотверженные труды, которые так многие приняли на себя и понесли во время народного голода в 1892 и 1898 годах.

* * *

Правда, много в нашей жизни и тёмного, но это тёмное зависит вовсе не от того, что мы являемся «представителями власти тьмы», как громко выражается Н. Н. Н., а скорее от немощи нашей, от слабости нашего ума, нашего сердца, нашей воли, и мы сами не только не рады тому дурному, которое бывает в нашей жизни, но, наоборот, бываем рады, когда освобождаемся от него.

Н. Н. Н. считает большинство человечества как бы сознательным противником любви и света. На самом же деле это большинство не только не противится любви и свету, но тянется к нему и всегда рад, когда находит людей, действительно проникнутых любовью и светом, от которых и само может почерпнуть свет и любовь и согреть своё холодное сердце. Никто не рад чёрствости и сухости своего сердца. Каждому хочется отогреть его. Но только мало людей, около которых можно духовно согреться. Когда же они являются, люди тысячами устремляются к ним за утешением и духовным теплом. Таковы-то и были – святые Тихон Задонский, Серафим Саровский, Леонид и Макарий Оптинские и подобные им.

* * *

Нам бы очень хотелось, чтобы наше слабое слово дошло до слуха и сердца Н. Н. Н. и, хотя бы несколько, изменило его мрачное, холодное отношение к человечеству и в частности к своему родному народу! В особенности нам хотелось бы, чтобы он отказался от того жестокого и несправедливого суждения, «будто религия народа сводится к настоящей панике перед грозной силой и к корыстному выпрашиванию у неё милостей» ... и «пусть не обманывают вас при этом ни глубокие вздохи, ни слёзы умиления, всё это всем известные проявления страха и холопской покорности и перед сильными мира сего, даже и тогда, когда за глаза их ненавидят и презирают» ... В этих

грубых словах нам слышится голос гордого барина, далёкого и чуждого народной жизни, непонимающего народной души, её сокровенных святых движений и брезгливо от них отвертывающегося, их презиращего!

* * *

Сделаем ещё несколько частных замечаний на эту главу.

Изображая черты «бога» «представителей власти тьмы», Н. Н. Неплюев пишет: «воля его изменчива... повлиять на неё можно угодничеством, дарами, лестью».

По учению св. Церкви изменчива не только воля «бога», «представителей власти тьмы», но и святая воля истинного христианского Бога. Если мы прочтём книгу пророка Ионы, не говоря уже о житиях некоторых святых, мы увидим, что Господь всегда готов изменить Свои определения в зависимости от изменения воли человеческой: «приблизьтесь к Богу, говорит ап. Иаков, и приблизится к вам» (Иак.4:8). «Когда Я скажу праведнику, что он будет жив, а он понадеется на свою праведность и сделает неправду, то все праведные дела его не помянутся, – и он умрёт от неправды своей, какую сделал. А когда скажу беззаконнику: «ты смертью умрёшь», и он обратится от грехов своих и будет творить суд и правду... то он будет жив, не умрёт». (Иез.33:13–15). Не ясное ли в этих словах пророка указание на изменчивость воли Божией в зависимости от изменения злой воли человеческой? Или вот ещё пример: «В те дни Езекия заболел смертельно. И пришёл к нему пророк Исаия, сын Амосов, и сказал ему: так говорит Господь: сделай заветное для дома твоего, ибо ты умрёшь, не выздоровеешь. Тогда Езекия отворотился лицом к стене и молился Господу, говоря: «О, Господи! Вспомни, что я ходил перед лицом Твоим». И заплакал Езекия сильно. И было слово Господне к Исаии и сказано: пойди и скажи Езекии: так говорит Господь Бог Давида, отца твоего: Я услышал молитву твою, увидел слёзы твои, и вот, Я прибавляю ко дням твоим пятнадцать лет» (Ис.38:1–5). Так Господь изменил Свою Святую волю относительно Езекии в зависимости от его молитвы и слёз.

Далее Н. Н. Н. пишет: «повлиять на неё можно угодничеством, дарами, лестью». Если под «угодничеством» разумеет готовность исполнять волю Божию, под «дарами» – жертвы бескорыстной любви, под «лестью» – славословия благоговейного сердца, – то всем этим можно повлиять и на волю истинного христианского Бога.

«Самостоятельно понять волю его невозможно» ... Так учит и св. церковь, основываясь на словах самого Господа Иисуса и на примере св. апостолов, которые никак не могли самостоятельно понять волю

Божью, пока не озарила их благодать св. Духа, и пока Сам Учитель их не отверз им ум к уразумению Писаний (Ев. Лк.24:45).

«Вся религия (представителей власти тьмы) сводится на то, как бы угодить Богу» ... Но к чему же иному может сводиться наша религиозная жизнь? Обвинение в высшей степени странное! Не потому ли и Церковь называет «угодниками Божиими» святых, что они всю свою жизнь угождали ни кому иному, но именно одному только Богу? И апост. Павел говорит: «без веры невозможно угодить Богу», указывая таким образом на угождение Богу, как на цель нашей жизни. «Как угодить Богу, знают немногие избранные. Высшей добродетелью становится слепое повиновение этим избранным, человечество из рабов Божиих переводится в разряд рабов человеческих» ... Как угодить Богу, знают, конечно, все. Но, несомненно, есть избранные, или особенно одарённые Богом или особенно преуспевшие в духовной жизни, в различении помыслов и душевных состояний, люди, которые могут быть полезными руководителями и наставниками для других, менее опытных или более юных людей. И если мы пользуемся советами и руководством этих опытных в духовной жизни людей, то неужели мы, вследствие этого, из рабов Божиих становимся рабами человеческими? Не наоборот ли? Не потому ли нам и полезно иметь руководителей, чтобы сделаться истинными рабами Божиими, а не оставаться рабами своих страстей?

* * *

Находя, что как верующие, так и неверующие одинаково могут быть или «представителями власти тьмы» или «сынами света», Н.Н. Неплюев в конце главы приходит к тому заключению, что пора уже оставить разделение людей на верующих и не верующих и что лучше разделять их на представителей любви и представителей злобы. «Как между суеверием и неверием представителей злобы разница невелика и плоды, приносимые теми и другими, однородны; так и между верой и неверием сынов света, представителей живой любви, разница тоже очень невелика и плоды их деятельности в жизни будут неизбежно тоже однородными» ...

Таким образом, автор отнимает у веры всякое жизненное значение, сравнительно с неверием; у представителей любви, будут ли они верующими или неверующими, жизнь будет доброй, – а это и всё, что необходимо. Это своё заключение автор с большей обстоятельностью и решительностью высказывает в следующей главе, к изложению и рассмотрению которой мы теперь и обратимся.

Свящ. С. Ч-ков

**Виноградов А., свящ. [Рец. на:]: Сильченков. Новая заповедь. Издание ред. журнала „Вера и Церковь“.
Москва. 1899 г. 8° 26 стр. ц. 20 к. С. 780–781**

Предмет брошюры г. Сильченкова – „новая заповедь“ Христа о любви. Отметив, что заповедь Христа о любви, названная Им новой признаётся таковой общечеловеческим сознанием, г. Сильченков поставляет своей целью выяснить в чём новизна этой заповеди, как относится любовь, заповеданная Христом, к любви, существовавшей несомненно в мире и до Христа? Прежде всего он делает оговорку, что под любовью, о которой намерен он говорить, понимает он любовь нравственную. Эта любовь характеризуется тем, что она *сознательна*, руководится *разумом*, и направляется *нравственным чувством*; как такая она есть не случайно возникающее влечение, но некоторое постоянное, устойчивое настроение, обнимающее всего человека. Постоянным спутником такой любви является духовная радость. Способность истинной нравственной любви, конечно, присуща была и язычникам, но тем не менее полного и цельного проявления этой любви в языческом мире мы не видим. Да его и быть не могло: у язычника не доставало одного твёрдого руководящего начала в жизни, которое придавало бы определённый нравственный характер всей деятельности, поэтому проявления способности к любви чередуются у него с проявлением грубости, деспотизма, злобы; нет, поэтому, в жизни язычника и чистой духовной радости, торжествующей над всеми невзгодами: жизнь его, носит печать пессимизма. Что касается отношения заповеди о любви, данной Христом, к заповеди о любви в Ветхом Завете, поставившейся первой заповедью закона, то и здесь заметна новизна заповеди Христовой о любви перед ветхозаветной. Отцы Церкви разницу между этими заповедями указывают в *степени* или *образе* любви. Самоотверженная любовь в Ветхом Завете была как идеал, а в Новом она является как определённая заповедь.

Впрочем, новизна заповеди Христовой о любви не в одном формальном превосходстве её над понятием о любви в язычестве и в Ветхом Завете; нет, её новизна в том, что Христос, дав эту заповедь, в Себе Самом дал и основное животворное начало безграничной, самоотверженной любви. Личность Богочеловека есть святыня любви христианской и истинно-животворное начало её. А в любви к Богочеловеку „лежит и будет лежать основание и к истинной братской, взаимной любви в человечестве, ибо в ней впервые сама способность любви врождённая человеку, переходит в истинную, совершенную

любовь“. Таков смысл названия Христом Своей заповеди о любви новой. Высокая, нравственная любовь возможна только для учеников и чад Христовых. Истина эта на протяжении 19 веков существования христианства не только не опровергается, но постоянно проясняется более и более перед сознанием человеческим. Прекрасное историческое подтверждение её видим мы, напр., в неудачных попытках императора Юлиана-отступника привязать новую заповедь Христа к языческой морали. – Вот содержание брошюры „Новая Заповедь“.

Рассмотренный труд г. Сильченкова представляет систематическое и логическое обоснованное изъяснение места Ев. Иоанна (Ин.13:34) о новой заповеди. Предмет строго определённый и раскрыт он достаточно полно. Автор не уклоняется в сторону и не затрагивает при решении поставленного себе вопроса предметов посторонних. В этом достоинство брошюры. Посвящённая специально вопросу о сущности и основе христианской любви – одному из важных вопросов в христианском учении, брошюра эта назидательна для читателя и полезна для назидания других: она. даёт пищу для мысли и указывает путь для её самостоятельной работы по данному предмету.

В заключение можно добавить, что книжка г. Сильченкова написана ясно и удобопонятно, но лишь относительно: не для читателя-простеца.

Священник А. *Виноградов*

В-в С. А. [Рец. на:]: Н. П. Степанов. Народные праздники на Святой Руси. СПб. 1900 г. 8° 151 стр. ц. 75 к. С. 781–782

Книжка г. Степанова даёт описание различных обычаев и обрядов, существовавших в давние времена и существующих теперь на обширной Руси, которые приурочиваются к тем или другим церковным и гражданским праздникам в годичном кругу. Описание это не ограничивается одними житейскими народными обычаями и обрядами; в него входят обряды церковные. При всей краткости и сжатости изложения автор в описании тех или иных обычаев и обрядов даёт небезынтересные и исторические справки: указывает последовательный ход развития и изменения этих обычаев в разные эпохи, выясняет возникновение их в связи с историческими событиями и сопоставляет с обычаями и празднествами языческих народов. Смысл и цель книжки так определяют автором: „живая старина“ русских народных обычаев, „хотя и не даёт даже приблизительной картины сельского быта, но всё же представляет глубокий интерес для русского сердца. Загляните чуточку в этот мир народной фантазии, прислушайтесь немножко к рассказам стариков о былом житье-бытье, забудьте на несколько минут современную тяжёлую действительность, исковерканную и изуродованную чуждыми её духу иноземными новшествами, перенесите взором и мыслью к своим родичам, славянам-предками и научитесь у них любить своё родное, свою мать-кормилицу, сыру-землю – вот, в немногих словах, цель настоящего издания“. Соответственно такой цели народные праздники и связанные с ними обычаи рассматриваются в их отношении ко времени года и к обычным деревенским занятиям, приуроченным к этому времени.

Для школьников старшего возраста и вообще для читающего юношества книжка г. Степанова представляет занимательное и интересное чтение.

С. А. В-в

**Известия и заметки // Миссионерское обозрение. 1900 г. №
1–6. С. 782–785**

Холостов Е. Доброе воспоминание гр. Л. Н. Толстого об Оптине. С. 782

Интересное письмо гр. Л.Н. Толстого о самоубийстве напечатано в „Юж. Обозр.“. Признавая самоубийство безнравственным и неразумным действием, гр. Толстой приводит следующий пример. В Оптиной пустыни в продолжение более 30 лет лежал на полу разбитый параличом монах, владевший только левой рукой. Доктора, говорили, что он должен был сильно страдать, но он не только не жаловался на своё положение, но постоянно, крестясь, глядя на иконы, улыбаясь, выражал свою благодарность Богу и радость за ту искру жизни, которая теплилась в нём. Десятки тысяч посетителей бывали у него? и трудно представить себе всё то добро, которое распространилось на мир от этого лишённого всякой возможности деятельности человека. Наверное, этот человек сделал больше добра, чем тысячи и тысячи здоровых людей, воображающих, что они в разных учреждениях служат миру.

Пока есть жизнь в человеке, он может совершенствоваться и служить миру. Но служить миру он может, только совершенствуясь, а совершенствоваться – только служа миру.

Холостов Е. Что удержало в расколе Московского лже-архиепископа Иоанна Картушина? 782

Лет пять–шесть тому назад, я посетил Березовского миссионера (Донской области) К. А. Картушина, проживающего в хут. Полковом (Островской стан.). Родной брат этого миссионера, Иустин Авксентьевич – теперь Иоанн – слывёт лже-архиепископом Московским. В первое по приезду воскресенье мы с Березовским миссионером провели беседу о вечности священства с старообрядцами этого хутора. На другой день утром я просил миссионера пригласить к себе в дом брата Иустина, для домашней беседы. Иустин Авксентьевич прийти не отказался. Все мы трое сели за стол и занялись разговорами сперва о домашних обстоятельствах, потом и о религиозных предметах. Что вас удерживает в старообрядчестве? спросил я Иустина. Недолго думая Иустин встал, подошёл к иконам и расставив широко ноги сложил руку троеперстью и подняв таковую кверху воскликнул – вот смотрите! После этого он стал медленно совершать на себе троеперстием крестное знамение и делая поклон склонил голову так низко, что между расставленных ног своих свободно мог смотреть на нас взад. Проделав такую недостойную сколько-нибудь скромного человека гимнастику, Иустин стал объяснять нам, что в военной службе ему приходилось быть во многих малороссийских губерниях, где он и видел, что малороссы везде так молятся и так кланяются. Быть может, говорил он, и я был бы церковным, но я не могу терпеть троеперстия и хохлов. Так закончил своё объяснение Картушин.

Кто бы мог подумать, что такой, казалось, почтенный старец решился подвинуть не только своё старческое тело и душу, но ещё всуе употребить священный знак троеперстия коим благоговейно ограждаются православные, употребить, говорю, и сам образ креста и молитвенный поклон и всё это для того, чтобы кощунственно только осмеять чад православной церкви да ещё покощунствовать перед образом Спасителя!..

И так из дальнейшей беседы и чисто сердечного сознания лже-архиепископа Иоанна Картушина я вывел заключение, что его удержало в расколе не ненависть к троеперстью и хохлам, а просто его обуял дух фарисея: „Несмы аз яко же прочий человецы“ ([Лк.18:10](#)).

Е. Холостов

М. Ч. Ответ вопрошающему о дозволенных раскольничьих моленных. С. 782–784

Один из подписчиков – священников обратился в редакцию с просьбой: „нельзя ли в журнале напечатать список всех существующих в России моленных (вероятно, раскольничьих), дозволенных правительством, для руководства сельским (да и не одним сельским) священникам“. Он уверен, что работа эта будет нашему журналу по силам...

Не отрицая того, что при больших трудах, при наведении массы справок и при трате многого времени можно было бы удовлетворить желание почтенного пастыря, редакция останавливается в исполнении этого при мысли, будет ли для пастырей от её работы какая-нибудь польза. В дозволенной или недозволенной моленной раскольники служат, пастырю от этого ничуть не легче. Правда, он может начать судебное дело с целью закрытия недозволенной моленной. Но практика судебных решений подобных дел показывает, что из 10 дел 8 верных кончались не в пользу ходатайства священника. В результате получается лишь нежелательное, но в данном случае неизбежное, торжество раскола. Впрочем, всякий, желающий знать о дозволенности или недозволенности к существованию известной моленной, может легко узнать об этом через наведение справки у стариков – прихожан или в делах Консистории. Начинать же дела о закрытии недозволенных моленных рекомендуем с величайшей осторожностью, после тщательного ознакомления с кассационными решениями Сената по этим делам и заручившись необходимыми свидетелями из крестьян. А иначе получится „не дело, а только мука“ и для себя, и для раскольников.

Всякому заинтересованному в данном вопросе и нуждающемуся в разрешении его недоразумений, редакция наша охотно даст необходимые сведения или через письмо, или печатно.

М. Ч.

С-ко М. Трезвый голос из интеллигентного мира. С. 784–785

В „Приложении к Вятским Губ. Ведомостям“ помещено любопытное сообщение приват-доцента Киевского университета П. Никольского, указывающее, какое громадное значение могло бы иметь в деятельности интеллигенции содействие религиозно-просветительным обществам. Убедившись в этом лично во время 6-летнего участия в деятельности Киевского Просветительного Общества, г. Никольский пишет: „я понял какой огромный запрос на знание христианского учения существует в нашем Русском народе. Всегда переполненные до тесноты многочисленные места бесед, которые ведёт Общество, меня воочию убеждают в этом и внушают твёрдую мысль, что светские интеллигентные люди, желающие действительно способствовать настоящему просвещению Русского народа, должны прийти на помощь священникам, чем только они могут, именно в этом направлении. Я понял, что просвещение и воспитание нашего Русского народа должно иметь в основе не эффектные, смешные, или даже хотя бы и поучительные картинки, – не театральные зрелища, в которых всегда, как бы даже ни были они высоки в художественном отношении, остаётся много, по меньшей мере, лёгкого, – не музыкальные вечера с песенками, не танцевальные ассамблеи. Крепкую и надёжную основу в просвещении и воспитании Русского народа может дать только возможно полное раскрытие учения Православной Церкви, которое научает любви, терпению, труду и исполнению долга. А изучение народом величественных и поистине облагораживающих душу церковных песнопений может доставить такое чистое удовольствие, с которым нельзя и сравнивать увеселительные музыкальные вечера и театральные представления“.

С-ко М. Присоединение к православной Церкви. С. 785

Долгом считаем поделиться братской радостью с читателями „Мис. Орозр.“ В великом посту сего 1900 года состоялось присоединение к Церкви врача Николая Еф-ча. Б-ва (служит земским врачом в с. Л-ках Р-ой губ.). Это присоединение давно готовилось: номинально Н. Е. Б. был православным, на деле же *свободомыслящим* в делах веры и церкви философом. Приступил к таинствам исповеди и приобщения «по доверию к церкви» как он сам высказал. Это значит, что Н. Е. уверовав предварительно в церковь, как хранительницу истинного евангельского учения, возвещающего о Боге, святой Троице, о предстоящих (грядущих) великих и страшных событиях Воскресения человечества по глаголу Сына Божия, Суда праведного и мздовоздаяния каждому по делам, яже с телом содела. Уверившись в церкви, Н. Е. уверения в необходимости приступить к таинствам исповеди и приобщения, что и совершил в Гефсиманском скиту у о. Германа. Знающие Н. Е. не могли отчаиваться в его покаянии и предвидели возможность этого обращения: милостивых Бог милует. Н. Е. отличается редким человеколюбием, проявляя его в самоотверженной деятельности сельского врача: в какое бы время ни позвали Н. Е., он ехал, забывая пищу, отдых. Много потрудился Н. Е. и для голодающих в 91–93 годы и в последний неурожай 98 года. Село соседнее с центром филантропической деятельности гр. Л. Н. Толстого в голодные годы. Отличительной чертой характера Н. Е. служит усугублённое сознание нравственного и гражданского долга, а это и есть основной признак душ, способных воспринять верой евангельское учение Господа о том: „кто хочет быть первым, будь всем слуга“.

Воздержный и строгий во всём к себе (если не считать курения табака), добрый семьянин, неутомимый труженик, бескорыстнейший человек, сосредоточенный в себе мыслитель – доктор, Н. Е. Б. стал уразумевать истинность учения св. церкви с тех пор, как начал внимательно читать Библию совместно с творениями святых отцов и подвижников.

Н. Е. человек весьма уважаемый и, конечно, пример его примирения с матерью церковью православной на многих из подобного круга и убеждений людей должен благотворно повлиять. Возблагодарим Господа, скорого на помощь всем, ищущим Его, и помолимся о брате нашем Н. Е., помятуя слова Писания: „брат от брата помогаем, яко град крепок“.

М. С-ко

Июнь

Циркуляр Министерства Внутренних Дел на имя губернаторов и существующие узаконения, и распоряжения по вопросу о присвоении раскольниками и их духовными руководителями недозволенных им законом прав и о допущении преступных действий // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 777–790

(От 30 апреля 1900 г. за № 1).

Высочайше утверждённым 3 мая 1883 г. мнением Государственного Совета определены предоставленные раскольникам права, которые возлагают на последователей его обязанность воздерживаться от всяких действий, соединённых с соблазном для православных или клонящихся к распространению между ними своих заблуждений.

Министерство Внутренних Дел, в циркуляре от 21 июля 1883 г. за № 525, по вопросу о порядке применения на практике указанного закона, между прочим, просило губернаторов, при всяком удобном случае, разъяснять сектантам, в каких именно видах состоялся упомянутый закон, дабы благодетельные намерения правительства не были истолкованы ими в превратном смысле.

Между тем из имеющихся в Министерстве сведений усматривается, что раскольники, принадлежащие к, так называемой, австрийской секте, находясь очевидно в заблуждении относительно истинного характера закона 3 мая 1883 года, не подчиняются установленному порядку: Духовные руководители названной секты, вопреки ст. 10 закона 3 мая 1883 г., именуют себя не принадлежащим им духовным званием, а некоторые из них присваивают себе сан и действия, предоставленные исключительно высшим Иерархам православной церкви; причём люди эти появляются всюду свободно в священническом одеянии, а иногда в церковном облачении, и тем нарушают постановление п. 11 того же закона, воспрещающее публичное оказательство раскола. Для обсуждения своих духовных нужд они устраивают самовольные сборища, именуемые ими соборами, что, как было уже разъяснено циркуляром Министерства от 12 апреля 1890 г. за № 3, должно считаться прямым нарушением закона 1883 г. Независимо сего, названные раскольнические руководители, с целью пропаганды своих заблуждений, организуют тайные братства, назначают в разные места миссионеров и издают

брошюры и трактаты, наполненные клеветой и хулением на православную церковь и её служителей.

Подобные действия руководителей австрийской секты, свидетельствующие о стремлении их к созданию и упрочению особой, независимой от правительственной власти, раскольнической церкви, с своей самочинной иерархией, производят соблазн и смущение среди православных и, как нарушающие законные права и интересы господствующей церкви, ни в каком случае терпимы быть не могут.

Вследствие сего и принимая во внимание, что пределы предоставленных раскольникам прав точно указаны в законе 3 мая 1883 г. и предупреждение случаев уклонения сектантов от исполнения требований этого закона зависит от соответствующих действий и распоряжений органов местной администрации, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство принять надлежащие меры к тому, чтобы раскольники и их духовные руководители отнюдь не присваивали себе не предоставленных им по закону прав и не позволяли себе действий, направленных к нарушению правил закона 3 мая 1883 года.

Подписал: Министр Внутренних Дел **Д. Синягин**. Скрепил: За Директора **Бахтояров**. Верно: Начальник Отделения **Смирнов**.

* * *

От Редакции. Вышеприведённый циркуляр Министра Внутренних Дел, от 30 апреля за № 1, является актом большой государственной важности. Прежде всего он останавливает на себе внимание,, как *твёрдое по тону и открытое по форме волеизъявление Высшей правительственной Власти* по вопросу о нынешнем расколе, – не допускающее ни колебаний, ни перетолкований в понимании относящихся к сектантам требований закона. *Такого* слова власти раскольники ещё никогда не слышали, после издания благодетельного для них закона 3 мая 1883 г., так как, по заведённому издавна во всех ведомствах канцелярскому порядку, все дела и распоряжения по вопросам о расколе и сектах почему-то ведутся по секретному делопроизводству и потому не объявлялись во всеобщее сведение. Между тем, как и заявлено в самом циркуляре, министерские распоряжения о мерах предупреждения случаев уклонения сектантов от требований закона издавались и ранее, притом неоднократно, но о них не слыхала и не знала именно та народная, как сектантская, так и православная среда и само даже общество, которым необходимо это знать, а потому естественно не вполне могут быть ясны и известны народу и обществу взгляды действия правительства, по поводу раскольничьих тех или других беззаконий, ни самые эти их беззакония.

Раскольничья масса, руководимая людьми сколько невежественными, столько же и своекорыстными и наглыми, распаляемая в своей ненависти к православной господствующей церкви и в упорстве подпольной раскольничьей литературой, наполненной клеветой и хулениями на святыни православия, на Св. Синод и нашу иерархию, – невольно и естественно сжилась с безнаказанными нарушениями действующего о расколе закона, возведёнными в систему; хорошо помня о правах новых, она забыла о своих обязанностях, а многие искренно не знают обязанностей, налагаемых на раскол благодетельным законом 3 мая 1883 года, в отношении церкви и государства. В последние годы беззакония раскольников и в частности австрийской секты приняли дерзающий характер открытой борьбы с господствующей церковью.

Давно не слыша отрезвляющего властного слова правительственной власти, по поводу этих своих преступных деяний, но на почве судебной репрессии неуловимых, благодаря судебной казуистике и раскольничьей ловкости в обходе законов, – раскольники укрепились в ложной уверенности, что Царь и всё правительство и законы на их стороне, – признают якобы за расколом все права на господство, а что де только одно духовное ведомство и миссионеры против раскола, но будто бы скоро австрийская лже-иерархия уже будет признана законной, наравне с иерархией господствующей церкви и проч.

В этом ложном убеждении раскольничьей массы относительно своего истинного и правого положения в государстве и в забвении ею основного принципа наших коренных законов, что раскол и секты *лишь терпимое зло, – печальный церковно-государственный недуг*, требующий уврачевания, – и кроется главный тормоз успеха миссии Церкви, в деле вразумления раскольников, – причина мертвенности единоверия, слабого проникновения в тёмную раскольничью, среду света школьной грамотности и проч. А потому давно требовалось осветить в глазах сбитой с толку раскольничьей народной массы истинное отношение и взгляды закона и правительства на современный раскол и на преступное поведение главарей его, – необходимо чаще освежать в памяти народной среды требования закона, долга и обязанностей раскола в отношении Церкви и государства, а равно и уяснять истинные взгляды и намерения правительства относительно примирения раскола с церковью и пресечения его дальнейшего распространения. Тогда, можно надеяться, своеволие, смута и обольщение несбыточными, безумными мечтаниями, порождаемые в умах простецов злонамеренной агитацией

со стороны вредных духовных руководителей раскола, – не будут иметь тех пределов, до которых они разрослись ныне.

В этом первая и главная цель, а вместе и высокое значение министерского циркуляра 30 апреля.

Объявив во всеобщее сведение о преступлениях современного раскола против благодетельного для него закона 3 мая 1883 г. и в частности осудив дерзкое поведение узурпаторской раскольничьей австрийской секты, продолжающей нарушать требования закона, не смотря на неоднократные указания Министерства на необходимость пресечения таких беззаконий, циркуляр нового Министра решительно заявляет, что подобные действия руководителей Австрийского согласия, «свидетельствующие о стремлении их к созданию и упрочению особой, независимой от правительственной власти, раскольнической церкви, со своей самочинной иерархией, производят соблазн и смущение среди православных и, как нарушающие законные права и интересы господствующей Церкви, *ни в каком случае терпимы быть не могут*»

А так как – «предупреждение случаев уклонения сектантов от исполнения требований этого закона *зависит от соответствующих действий и распоряжений органов местной администрации*» – то г. Министр Внутренних Дел и предлагает органам администрации принять надлежащие меры для понуждения сектантов *исполнять требования закона*.

Таким образом, воздействие на местные органы власти, не достаточно твёрдо ограждающие закон от его нарушений и попускающие *нетерпимые* деяния, – составляет вторую цель издания настоящего циркуляра.

По этому поводу „Москов. Вед.“ справедливо замечают, что „давно, – ещё Петром Великим сказано, что „всеу законы писать, если оные не исполнять“. Но редко приходится слышать энергическое требование исполнения закона в отношении всех наших *бунтовщиков против Православной Церкви*. Несмотря на то, что наш государственный закон тесно связывает *Русскую Верховную Власть с Православной Российской Церковью*, и тем придаёт Православной Церкви значение *господствующей*, – мы постоянно видим со всех сторон полную поблажку нарушителям прав Российской Церкви. *Рыхлый дух либерализма и индифферентизма, глубоко въевшийся в наш образованный класс*, отражается здесь самым гибельным образом и на авторитете самого государства. На почве *терпимости*, которую, согласно с духом самой Православной Церкви, государственный закон даёт раскольникам и сектантам, начинается, вследствие поблажек,

вырастать стремление этих раскольников и сектантов к незаконному захвату *господства*. Очевидно, что только власть государственная имеет как *право*, так и *силу* пресекать эти противозаконные стремления, в отношении Государства даже более вредные, более оскорбительные, нежели в отношении Православной Церкви. А между тем именно никакого действия власти в этом направлении нередко совершенно не замечалось“.

„Циркуляр Министра Внутренних Дел от 30 апреля составляет давно желательное, твёрдое напоминание необходимости соблюдения закона не только самими раскольниками, *но и администрацией*, которая не имеет права позволять того, что не дозволено законом, и обязана пресекать всё, пресечение чего вменено ей в обязанность. Дух твёрдой русской государственности, проникающий каждое слово г. Министра, служит ручательством, что напоминание об исполнении закона не останется на этот раз втуне и что новое Управление Министерством Внутренних Дел найдёт средства привести свои законные требования к действительному исполнению“.

„Подрыв закона и пренебрежение к указанному Верховной Властью действию норм закона, не допускаемые в отношениях религиозных, без сомнения, не могут быть допускаемы и ни в каких других отношениях. „Всё законы писать, если их не исполнять“, сказал Пётр, а факты показывают, что не только *всё*, но *едва ли не лучше вовсе не писать закона, нежели допускать его неисполнение*.. Циркуляр 30 апреля является для России предупреждением, что наступает время уничтожения всяких поблажек вредному нарушению требований государственных законов“.

К этим справедливым словам и пожеланиям почтенного Московского органа остаётся добавить одну справку из отзывов митрополита Филарета, сказавшего, что *раскол, и вырос-то на деньгах и обмане*...

Ни в какой сфере церковно-государственной жизни так нравственно не деморализуется народная масса, а власть не падает так низко в глазах местного населения, как при поблажках и попустительствах исполнительных органов в нарушении законов, относящихся к вере и Церкви. Вот почему нельзя не пожелать от всей души, чтобы раздавшееся ныне новое властное слово Высшей Власти было в тоже время и *действенным* по своим последствиям, а не оставалось бы, подобно прежним, правда не объявляемым, как ныне, во всеобщее сведение министерским циркулярам, кимвалом звучащим, мёртвой буквой, неписанным для раскола законом, – иначе для раскольничьей неправды будет новый повод и основание к своему

торжеству на, пути обхода и нарушения существующих законов и распоряжений власти.

Не останавливаясь в настоящий раз на описании беззаконий раскола и в частности австрийской его секты, тем более, что на страницах „Миссионер. Обозрения“ достаточно говорилось о вопиющих фактах дерзкого попрания существующих законов и распоряжений власти, со стороны духовных руководителей раскольничьей среды, мы к сведению миссионеров и пастырей Церкви приведём здесь выписки тех пунктов закона и сепаратных циркулярных министерских распоряжений, которые объявлены (в ссылках) в последнем циркуляре от 3 апреля. Незнание духовенством и миссионерами законов и распоряжений власти, относящихся к расколу, часто вредит делу самой миссии.

Пункты закона 3 мая 1883 г. гласят: 10) – „Уставщики, наставники и другие лица, исполняющие духовные требы у раскольников, не подвергаются за сие преследованию, за исключением тех случаев, когда они окажутся виновными в распространении своих заблуждений между православными или в иных преступных деяниях. За означенными лицами не признаётся духовного сана или звания, причём они считаются, в отношении к правам состояния, принадлежащими к тем сословиям, в которых состоят“.

11) „Последователям раскола воспрещаются всякое публичное оказательство оного и вообще действия, могущие давать повод к соблазну между православными. Публичным оказательством раскола, соблазнительным для православных, признаются: а) крестные ходы и публичные процессии в церковных облачениях; б) публичное ношение икон, за исключением случая, предусмотренного в пункте а статьи 9 настоящего узаконения; в) употребление вне домов, часовен и молитвенных зданий церковного облачения или монашеского и священнослужительского одеяний, и г) раскольничье пение на улицах и площадях“.

Упоминаемый затем в новом циркуляре Министра Внутренних Дел циркуляр Министерства Внутренних Дел на имя губернаторов, от 21 июля 1883 г. за №. 525, имел целью, в видах предупреждения могущих возникнуть в применении на практике закона 3 мая 1883 г. недоразумений, в особенности относительно точного определения предела прав, даруемых раскольникам и образа действий подлежащих административных властей, разъяснить губернаторам те главные основания, которые Правительство имело в виду при издании сего законоположения.

„Цель издания закона 3-го мая, – гласит циркуляр, – заключается в установлении на твёрдых основаниях религиозной и общественной правоспособности раскольников, определявшейся до того времени почти исключительно административными распоряжениями“.

„Стремясь к достижению этой цели, но вместе с тем избегая всего того, что могло бы иметь вид послабления, а тем более покровительства учениям, отклоняющимся от догматов Православной Церкви, настоящие Высочайше утверждённые правила предоставляют последователям сект общегражданские права и удовлетворяют религиозным потребностям этих людей в той степени, в какой то и другое не может нанести вреда господствующей Церкви“.

Переходя за сим к отдельным пунктам закона 3-го мая, Министерство признало нужным преподать губернаторам по некоторым из них необходимые разъяснения, из которых к сведению деятелей миссии отметим следующие:

1) „Пунктом 1-м означенных правил, паспорта на отлучки внутри Империи выдаются раскольникам всех сект, за исключением скопцов, на общем основании. Исключение это сделано в тех видах, – говорится в циркуляре, – что отлучки с постоянного места жительства этих сектаторов, как доказал опыт, большей частью служат средством сокрытия опасной для Церкви и Государства пропаганды“.

„Вообще по предмету выдачи паспортов всем раскольникам, за исключением скопцов, необходимо иметь в виду, что виновные в распространении раскола подвергаются по действующему закону, весьма строгому наказанию. Поэтому лицо, которое навлечёт на себя подозрение в содеянии означенного преступления, подлежит уголовному преследованию, причём, в видах пресечения ему способов уклониться от следствия и суда, может быть лишено свободы передвижения на основании правил уголовного судопроизводства. Независимо сего, Министр Внутренних Дел, в силу принадлежащей ему власти, всегда имеет возможность, и не прибегая к уголовному преследованию, принять соответственные обстоятельствам меры для того, чтобы воспрепятствовать свободному распространению раскольничьих учений. Согласно сему, в случаях замеченного распространения раскольниками своих заблуждений между Православными следует или немедленно возбуждать против таких лиц судебное преследование, или же сообщать вверенному мне Министерству, для принятия соответственных мер“.

2) Пунктом 4-м закона раскольникам дозволяется занимать общественные должности, с утверждения, в указанных законами

случаях, подлежащих Правительственным властям.

„При исполнении сего законоположения, – говорится в циркуляре, – необходимо руководствоваться как местными условиями и обстоятельствами, так равно нравственным характером учения и другими свойствами секты, к которой будет принадлежать избираемое лицо, *отнюдь не допуская утверждения* в должностях, соединённых с властью или влиянием таких лиц, кои замечаются в распространении своих заблуждений между православными“.

3) Пунктом 5-м закона 3 мая 1883 г. раскольникам разрешается „творить общественную молитву, исполнять духовные требы и совершать богослужения по их обрядам, как в домах, так равно и в особо предназначенных для сего зданиях, с тем лишь неременным условием, чтобы ими не были нарушаемы при этом общие правила благочиния и общественного порядка“.

„При разрешении вопроса о совершении раскольниками богомолений по их обрядам, признано необходимым, сказано в циркуляре, во избежание недоразумений и для отличия раскольнических часовен и особо предназначенных для общественного богослужения домов от частных помещений, в которых происходят молитвенные собрания, – присвоить сим часовням и домам наименование *молитвенных зданий*“.

Само собой разумеется, что относительно совершения раскольниками богослужений в существующих ныне и имеющих быть разрешёнными молитвенных зданиях, а также в частных домах их, следует наблюдать, чтобы при этом не было проявляемо, так называемое, публичное оказательство раскола, признаки которого подробно исчислены в п. 11-м Высочайше утверждённых правил; в случае же действительного нарушения раскольниками какого либо из означенных выше признаков, виновные в том должны быть подвергаемы судебному преследованию в установленном для сего порядке“.

4) На основании 6-го и. правил, с разрешения Губернатора, или Начальника области, раскольникам предоставляется исправлять и возобновлять принадлежащие им часовни и другие молитвенные здания, приходящие в ветхость, с тем, чтобы *общий наружный вид исправляемого или возобновляемого строения не был изменяем*.

„При разрешении подобного рода ходатайств, – говорится в циркуляре, – строго наблюдая за исполнением указанного выше требования, не следует возбранять ставить наддверные кресты и иконы над входом в часовню или молитвенный дом, так как помещение креста или иконы над входом в дом, не имеющий вида

православного храма, не может почитаться ни оскорблением религиозного чувства православных, ни средством к соращению их в раскол, ни даже оказательством ереси. Дозволение это, не должно, впрочем, служить *предлогом к украшению входов в часовни или молитвенные дома, на подобие церковной паперти*, иконами или другими священными принадлежностями, или к поставлению лампад и подсвечников, так как в этом отношении разумеется исключительно небольшой крест или икона над дверью“.

5) По 7 и 8 п.п. допускается, с разрешения Министра Внутренних Дел, распечатывание раскольнических молитвенных домов и обращение на сей предмет жилых помещений.

„При доставлении по подобного рода ходатайствам в Министерство Внутренних Дел сведений и заключений, следует пояснить, насколько запечатанная молельня пользуется в среде раскольников особым значением и само распечатывание её признаётся возможным без какого-либо существенного вреда для местного православного населения, какое количество раскольников и Православных проживает в данной местности, где предполагается устройство моленной, существует ли в оной православный храм, а также и другие местные обстоятельства, могущие иметь значение при разрешении таких ходатайств раскольников

В заключении цитируемого циркуляра Министерство предлагает губернаторам для предупреждения превратного истолкования раскольниками благодетельных намерений Правительства, всякий раз, когда представится возможным объяснять им, в каких именно видах состоялся настоящий закон, а также внушать заблуждающимся, что даруемые Правительством облегчения обязывают их ещё с большей готовностью строго повиноваться установленному законом порядку и воздерживаться от всякой вражды к Православной Церкви или порицаний её, а тем более покушений привлечь других к своим заблуждениям“.

Циркуляр подписан Министром
Внутренних Дел *Графом Д. Толстым*
и Директором *В. Заика*

* * *

О принятии мер против оказательства раскола и в частности по поводу ношения священнического одеяния раскольничьими духовными руководителями был издан циркуляр Министерства Внутренних Дел в 1888 г., от 14 того же октября за № 496. В циркуляре этом говорится: „Министерство Внутренних Дел в циркулярных своих предложениях Губернаторам, от 21 июля 1883 г. и 12 октября 1885 г. за

. № № 525 и 854, разъясняя закон 3 мая 1883 г. о даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб, вместе с тем указывало на необходимость строго следить за недопущением публичного оказательства раскола, под которым означенный закон (п. II) понимает: а) крестные ходы и публичные процессии в церковных облачениях; б) публичное ношение икон, за исключением случая предношения оных сопровождаемому на кладбище покойнику; в) употребление вне домов, часовен и молитвенных зданий церковного облачения или монашеского и священнослужительского одеяний и г) раскольничье пение на улицах и площадях. Между тем Обер-Прокурор Святейшего Синода сообщил, что, по заявлению некоторых присутствовавших на состоявшемся, по распоряжению Синода, в Москве, в июне и июле месяцах минувшего года, съезде противо-раскольнических миссионеров, многие раскольнические попы и диаконы являются повсюду, ничем не стесняясь и ничего не опасаясь, с длинными волосами и в одежде, присвоенной исключительно православным духовным лицам, а также позволяют себе особенно в сёлах и деревнях являться публично в священных облачениях, с пением священных песней. Принимая во внимание, что, на основании п. 10 закона 3 мая 1883 года, за раскольническими требоисправителями отнюдь не признаётся духовного сана и что указываемые Московским съездом миссионеров действия означенных лиц заключают в себе признаки публичного оказательства раскола, законом строго воспрещаемого, я считаю необходимым вновь покорнейше просить Ваше Превосходительство принять все зависящие от Вас, Милостивый Государь, меры к тому, чтобы на будущее время со стороны раскольнических требоисправителей отнюдь не были допускаемы таковые противозаконные действия и в случаях замеченных нарушений виновные в том были немедленно предаваемы законной ответственности, в установленном порядке“, Декабря 23 дня 1888 г. Циркуляр подписан Министром Дурново.

По поводу *раскольничьих соборов* был издан циркуляр Министерством Внутренних Дел, от 12 января 1890 г. за № 3; в нём говорится: „Из дошедших до Министерства Внутренних Дел сведений усматривается, что некоторые из коноводов раскола позволяют себе созывать какие-то мнимые соборы, приглашая к участию в оных своих требоисправителей, лже-епископов и лже-попов, а также и проживающих в разных местностях последователей их секты и на этих совещаниях, беспрепятственно занимаясь обсуждением произвольно возбуждаемых ими вопросов, составляют постановления,

направленные к упрочению своих лже-верований, клонящихся нередко к нарушению основных государственных постановлений.

Из числа таких незаконных собраний известен Министерству Федосеевский собор, имевший место в одном городе, в 1883 г., на котором присутствовали беспоповщинские „отцы“, приехавшие по особому вызову из разных мест России. На этом собрании были подтверждены безнравственные уставы этого толка о безбрачии, для всех обязательном. Такие же соборы у беспоповцев происходили в 1884, 1887 и в минувшем годах в трёх городах. Имеются также в Министерстве сведения, что кроме указанных соборов бывали ещё от времени до времени подобные собрания для рассмотрения вопросов, касающихся верований раскольников, принадлежащих к, так называемой, поповщинской секте.

Признавая таковые самопроизвольные действия раскольников незаконными и служащими к соблазну для православных и принимая во внимание: а) что закон 3 мая 1883 г., предоставляя сектаторам известные права в сфере их религиозной жизни, в то же время не признаёт за отправителями у них духовных треб духовного сана или звания, а считает таких лиц в отношении к правам состояния принадлежащими к тем сословиям, в которых они состоят; б) что во всяком случае такие собрания, независимо от несомненного вреда, приносимого ими имеющим важнейшее государственное значение интересам православия, как недозволенные правительством, воспрещены ст. 128 Уст. о пред. и пресеч. прест., изд. 1876 г., и в) что допущение таких незаконных действий сектаторов является в данном случае как бы послаблением расколу, – Министр считает необходимым обратить особое внимание начальников губернии на настоящее обстоятельство и просит предложить всем чинам подведомственной полиции, строго наблюдать, чтобы нигде и ни под каким видом подобных собраний раскольников, именуемых соборами, допускаемо не было и чтобы лица виновные в составлении таких недозволенных сборищ, немедленно привлекались к законной ответственности“.

О результатах губернаторских распоряжений по настоящему предмету, а также о всех случаях, могущих быть обнаруженными стремлений к составлению сборищ раскольников, губернаторы должны сообщать своевременно Министерству.

Циркуляр подписан Министром Внутренних Дел,

Статс-Секретарём *Дурново*.

Директором *В. Заика*.

* * *

Таким образом, как сам закон, так равно и высшая правительственная власть отнюдь *не терпят* со стороны раскола тех деяний, которые вновь осуждены ныне в последнем циркуляре Министерства Вн. Дел, но которые раскольничьи агитаторы выдают тёмной массе за явления якобы им дозволенные, непредосудительные. Если же раскольники, в противность точному разуму законов и вопреки воле и намерению высшей власти продолжают творить свои беззакония, чинить явное своеволие, наглое ослушание власти и безбоязненно нарушение законов, то причиной здесь служат глубокая испорченность среды раскольничьей в государственном и правовом смысле, и её фанатизм и упорство, а также недейственность и недостаточность тех способов и мер пресечения, какими вооружена административная власть, – безрезультатность борьбы с преступлениями раскола по нарушению закона 3 мая на почве судебной репрессии. Но об этом слишком важном и сложным вопросе надеемся поговорить в особой статье.

В. Скворцов

Чельцов М. Единоверие за время столетнего существования его в Русской церкви ³⁰⁸ // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 790–806

II. Правительственных мероприятия касательно церковного устройства в единоверческих обществах. С. 790–806

Правила единоверия 1800 г., как имевшие своей целью формулировать в принципе общие отношения единоверцев к православной церкви, разумеется, не могли предусмотреть всех возможных дальнейших, более мелких недоразумений и вопросов и определить то или иное их разрешение. Это разрешение, естественно, предоставлялось времени, по мере возбуждения самих недоумений и затруднений. К тому же и сами правила недомыслящими или хитромыслящими из старообрядцев могли перетолковываться и пониматься не по разуму самого единоверия, а по хотениям сердец их. Необходимо поэтому должны были возникнуть вопросы к разрешению и из этой причины. Разрешение имеющих появиться таким путём недоумений и затруднений необходимо, конечно, должно было принадлежать Св. Синоду или Епархиальным архиереям, как власти церковной, признанной за таковую самими единоверцами. И, действительно, на протяжении столетней истории единоверия этой церковной властью – одной или вместе с гражданским правительством – издан был не один десяток распоряжений, определений и постановлений касательно единоверия. Оставляя пока в стороне определения, постановления церковных властей, касающиеся внутренней сущности самого единоверия, его отношений к православной церкви, остановимся в этот раз на рассмотрении определений, касающихся благоустройства и организации единоверческих обществ, т. е. внешней стороны единоверия.

Не ошибёмся, кажется, если скажем, что первым по времени, да и по важности, недоуменным предметом был вопрос о единоверческих священниках. В п. 2 правил единоверия избрание их предоставлено епархиальному архиерею „и желанию прихожан“. Вероятно, на основании последних слов и своего расширенного их толкования настоятель Высоковского старообрядческого скита, Костромской епархии, инок Герасим с братией входили 1802 году в Св. Синод с просьбой дозволить им, в случае их присоединения к прав. церкви на правилах единоверия, „избирать настоятеля (скита) самим, священников же из старообрядческой братии их“. Требование это, как несоответствующее п. 2-му правил единоверия и как ограничивающее в пользу самих просителей власть епархиального архиерея, было отклонено как одно из доказательств, „подтверждающее прежнее их

ожесточение, вовсе противное тем основаниям, на коих дозволяется старообрядцам иметь церкви и особенных священников³⁰⁹. Насколько нам известно, подобного требования не возникало потом более ни у единоверцев, ни у желающих присоединиться к прав. церкви раскольников. Чаше возникало другое желание – это, чтобы дозволено было иметь священниками прежде уклонившихся от прав. церкви и бежавших к раскольникам российских священников. Насколько известно, и это желание не удовлетворялось; беглых же попов, по принесении ими раскаяния, обыкновенно, после испытания, определяли на праздные священнические места в православные приходы. И едва ли не единственный был случай, когда м. московский Филарет в 1854 году, с разрешения св. Синода, оставил беглого попа Петра Русанова, по присоединении его к единоверию, при ново-учреждённой на Рогожском кладбище в Москве единоверческой церкви, в качестве уволенного от действительной службы, с правом однако совершать литургии и некоторые требы, по силам, в помощь местному священнику, по желанию прихожан. И это разрешение дано было м. Филаретом едва ли не в виду преклонной старости и близкой смерти П. Русанова³¹⁰. Если не принимались в качестве законных священников беглые попы, то тем более не могли быть признаны за таковых лже-священники австрийской поповщины. Об этом, впрочем, не возникало даже и вопроса. Первые, пожелавшие из них присоединиться в 1865 г. к единоверию, лже-епископы Пафнутий Коломенский и Онуфрий Браиловский, иеромонах Иоасаф, архидиакон Филарет и др. сами же почли за незаконное дело оставить за собой приобретённые ими в поповщинском расколе от Амвросия саны, почему и отказались от них, сохранив лишь монашество, что разрешалось самими правилами 1800 г. (п. 10). Такова была и дальнейшая практика, допускавшая только, согласно словам м. Филарета этим первенцам – единоверцам из австрийской лже-иерархии, возможность искать им после присоединения к единоверию поставления в священные степени³¹¹.

Такая разборчивость духовной власти в определении единоверческих священников с несомненностью показывает, что эти священники в глазах церковной власти были такие же православные священники, как и их собратья в Великороссийской церкви. В силу такого взгляда высшей власти, единоверческое духовенство должно было пользоваться и, действительно, пользовалось всеми правами, принадлежащими Великороссийскому духовенству. А в 1853 году, от 1-го мая, права, приобретаемые вступающими из раскола в единоверческое духовенство, „в видах поощрения раскольников к

присоединению в единоверие“, были распространены и на тех детей духовенства, кои родились в прежнем их звании, исключая детей, находящихся в крепостном состоянии, пока они не будут освобождены их владельцами.³¹² Ещё несколько ранее этого внимание св. Синода было обращено на причётников (или – как чаще их называют – уставщиков) единоверческих церквей. В 1847 году от 15-го марта, согласно заключению св. Синода, причётники единоверческих церквей в посадах Черниговской епархии, из числа прежних уставщиков и начётчиков раскольников, были освобождены от казённых повинностей, общественных раскладов и постоя.

А от 31 октября 1853 года эти привилегии Черниговских единоверческих причётников были распространены на всех причётников, без испрашивания на то каждый раз особого от св. Синода распоряжения.³¹³ После этого единоверческое духовенство стало во всём в его правах уравненным с Великороссийским духовенством.

Наделяя единоверческое духовенство свойственными ему правами, св. Синод в тоже время следил, чтобы ничто из прежде данного ему не нарушалось. Это видно из следующего весьма любопытного дела от 13-го февраля 1853 года.

Генерал-адъютант Кокошкин, член Черниговского секретного совещательного комитета, в представленном по начальству в св. Синод отзыве изъяснил, „что, для более успешного хода дела присоединения раскольников все сношения единоверческих священников с епископами должны быть производимы через гражданские власти, что всего удобнее исполнить при посредстве секретного совещательного комитета, так чтобы наставления, даваемые епископами священникам, исходили из означенного комитета и сами священники в посады были бы выписываемы и определяемы не иначе, как посредством сношения начальника губернии с епархиальным начальством назначаемого священника. При таком порядке, по мнению Кокошкина, влияние епархиального начальства на единоверческих священников в сущности не нарушается; ибо местный епископ состоит членом секретного совещательного комитета“... Св. Синод, обсудив это предложение генерал-адъютанта, нашёл:... „Поставлять священников единоверческих вне зависимости от епархиального архиерея было бы нарушением основных церковных законов об иерархии; а скрывать сию зависимость под внешними формами независимости было бы противным истине, уклонение от которой недостойно ни церкви, ни правительственной власти; само же единоверие получило бы тогда

внешнее свойство раскола, и присоединение к нему раскольников не имело бы значения. Подобная мысль могла бы породить многие затруднения и недоразумения, в делах веры всегда опасные“... В виду этого, предложение генерал-адъютанта Кокошкина не было принято св. Синодом³¹⁴.

Другим весьма важным делом по устройению единоверческих обществ, требовавшим опять распоряжений со стороны церковной власти, было дело по организации единоверческих приходов. В правилах 1800 года на этот счёт ничего не было упомянуто; а существовавшие в то время постановления Св. Синода и Правительствующего Сената, от 10 августа 1722 г., 19 января 1723 г., 8 октября 1778 г. и 16 марта 1795 г. требовали для образования отдельного прихода с его собственной церковью определённое количество дворов, именно: для одноконплектной церкви от 100 до 150, для двухконплектной от 200 до 250 и для трёхконплектной не менее 300 дворов. Вот тут-то и встретилось немалое затруднение. Если бы строго придерживаться этих постановлений о количестве дворов, то образования приходов единоверческих пришлось бы ждать очень долго и с большим вредом для самого распространения единоверия. Но и игнорировать совсем этих постановлений тоже нельзя было, как утверждённых Высочайшей властью. И, действительно, первые годы Св. Синод придерживался этих постановлений. Так, он в 1803 году от 4 сентября отказал старообрядцам разных селений Сычевского уезда, Смоленской губ., в просьбе их об устройении у них отдельной церкви, главным образом потому, что за исключением не природных старообрядцев настоящих, действительных раскольников из них оказалось только 23 обоого пола³¹⁵. Но скоро, впрочем, одно обстоятельство дало возможность церковной власти выйти из этого затруднения и отчасти разрешить его на пользу единоверия.

В 1807 году бывший Пермский епископ Иустин доносил Св. Синоду, что старообрядцы Невьянского Быньговского и Петрокаменского заводов просят об устройении у них единоверческой церкви, причём владелец заводов, коллежский советник, Яковлев соглашается построить таковую церковь каменную собственным своим коштом и на своём же иждивении содержать священника с причтом. Представлена была при этом справка, что священно и церковнослужителям при тамошних православных церквах из господской суммы производится в жалованье: – священникам по 150 руб., диаконам по 100 и причётникам от 36 до 84 руб. в год, сверх получаемых ими доходов за требоисправления. Обсудив всё это, Св.

Синод постановил, что „не может он сам собою сделать никакого удовлетворения выше изъяснённому прошению старообрядцев, при вышеупомянутых заводах находящихся; ибо их всех просителей только 65 человек, что составит только 16 дворов, а потому весьма далеко отстоит от того количества, определённого в указах. Но как владелец оных заводов, Яковлев, обязуется и построить каменную церковь, и содержать весь причт, при ней быть имеющий, на собственном своём иждивении; и как желание старообрядцев устраивать храмы Божии есть довольное сближение, или паче соединение с прав. Церковью“: то и было предоставлено г. обер-прокурору Св. Синода доложить Государю о сём, испрашивая его дозволения „устанавливать старообрядцам однокомплектные церкви, хотя бы число их и не соответствовало положению“, именными указами определённого, если „православные священно и церковно-служители от учреждения единоверческого прихода не потерпят оскудения, и ежели старообрядцы, кроме отведения священно и церковно-служителям земли указанной пропорции, на основании межевой инструкции, и кроме построения надлежащих домов для всего причта, дадут ещё обязательство, в вознаграждение недостатка приходских дворов, производить священно и церковно-служителям денежный оклад, по взаимному их между собой согласию, на законном основании.

Несколько месяцев спустя, г. обер-прокурор объявил Св. Синоду, что по всеподданнейшему его докладу, Государь изъявил своё изволение на постановление Св. Синода об основаниях к устройству однокомплектных церквей³¹⁶. Это утверждённое Высочайшей властью постановление Св. Синода с этого времени стало законом. И на основании его в 1812 году Св. Синод уже отказал в просьбе построить единоверческую церковь старообрядцам некоторых селений Новоладожского уезда, С.-Петербургской губ., которые не согласились „в замен недостатка дворов, в узаконенное для учреждения однокомплектного причта количество, производить, сверх полагаемых ими для священника 300 руб., двум причётникам по 300 руб. в год, также внести в опекунский совет Императорского воспитательного дома, в замен указной пропорции земли, коей они не отводят, достаточную денежную сумму для обращения процентов на содержание их священно и церковно-служителей“³¹⁷.

Кроме вновь устроенных единоверческих церквей немало, конечно, было их, особенно в первое время существования единоверия, перестроенных из раскольнических моленных. Какие на этот счёт существовали распоряжения, т. е. при каких условиях возможны были обращения моленных в единоверческие церкви, –

узнать нам не удалось. По крайней мере до 1834 года мы не встретили распоряжений по данному вопросу. Только в 1834 году от 5 декабря, по поводу ходатайства Пермского епископа, чтобы устройство единоверческих церквей не подвергалось общим правилам, Государь повелел: „в тех случаях, когда раскольники изъявляют намерение присоединиться к православию или единоверию, то дозволить им, с разрешения главного духовного начальства, строить на первый раз церкви, соответственно их желанию, с обращением на сей предмет их часовен“³¹⁸. Это общее постановление было разъяснено частнее в 1837 году по поводу ходатайства Пермского губернатора о передаче раскольнической часовни в деревне Горскиной в ведение единоверцев, согласно Высочайшему повелению 5 декабря 1834 г. Было разъяснено „что дабы, на основании приведённого Высочайшего повеления, обратить часовню в единоверческую церковь, нужно, изъявление общего на то желания принадлежавших к ней раскольников“, а не части, тем более меньшей, как в деревне Горской³¹⁹. Разъяснение это, едва ли всюду и всегда принималось во внимание при возникновении подобных дел. По крайней мере практика, хотя бы обращения московских или стародубских раскольничьих часовен в единоверческие храмы, говорит противное.

Начиная с 30-х годов, когда особенно усилились заботы правительства о распространении единоверия, на построение единоверческих церквей стали выдаваться немалые субсидии из казны³²⁰.

В 1839 г. состоялось постановление, кажется, единственное во всей истории единоверия, о месте для погребения единоверцев. Рижские раскольники обратились, с жалобой на местных единоверцев, что эти погребают своих покойников на их кладбищах. Государь, до сведения которого доведена была жалоба, нашёл, что единоверцы, как сыны греко-российской церкви и имея духовенство от архиерея, могут быть погребаемы на православном кладбище и что равномерно нет причины возбранять погребать их и на раскольническом кладбище, если кто из них перед смертью пожелает, чтобы бренные его останки были преданы земле в одном месте с его родителями и предками. Согласно с этим состоялось и постановление от 17 марта 1839 г. о погребении единоверцев на том или другом кладбище, сообразно с желанием, изъявленным перед смертью умирающим или согласно с просьбой ближайших его родственников³²¹. В настоящее время во многих местностях единоверцы имеют свои собственные кладбища.

Особенно много хлопот и занятий от Св. Синода потребовало дело об устройении единоверческой типографии³²². Возникло это дело в

первый же год учреждения единоверия, возникло в виду почувствовавшейся большой нужды в книгах печати первых пяти патриархов для богослужения в единоверческих церквях. Правда, в первое время эта нужда могла быть и не столь ощутительной: вступавшие в единоверие раскольники в большинстве случаев обращали свои прежние моленные в храмы и, след., пользовались и имевшимися в моленных книгами; к тому же старопечатными книгами снабжало единоверческие храмы и правительство, не редко отбিরавшее в пользу единоверцев книги у раскольников. Но такой порядок был не прочен и не надёжен, да и продолжаться долго не мог. Необходимо должен был возникнуть вопрос о типографии для печатания книг издания первых пяти патриархов. Типографии таковые, правда, кое-где в Стародубе существовали; но после именного указа от 27 июля 1787 года, должны были закрыться. Указом этим книги „богослужебные или к св. писанию, к вере, либо к толкованию закона и святости относящиеся“ повелено было печатать исключительно только в синодальной или в иных типографиях, под ведомством Синода состоящих, с строгим запрещением делать это частным типографиям. На основании этого указа в 1799 году закрыта была, давно уже существовавшая, старообрядческая типография в посаде Клинцах, Мглинского повета, Малороссийской губ., у купца Феодора Кардашева. Тогда-то вот и возникло дело о печатании книг для единоверцев. – Возбудитель его был Петербургский единоверец Никита Феодоров.

Этот Никита Феодоров в марте 1801 года докладывал Г. Генерал-Прокурору Оболянинову „о крайней и необходимой надобности“ в старопечатных книгах после закрытия Клинцовой типографии. Он же, Феодоров, при этом представлял, что, для пресечения этого недостатка, а также и для предупреждения могущих вкрась в употребление развратных книг „не найдено ли будет возможным для Св. Синода, потребное число экземпляров тех книг, совершенно сходных с оригиналами, напечатать в состоящих в ведомстве Св. Синода в С.-Петербурге и Москве типографиях и оными (единоверческие) церкви снабжать“. Это представление Феодорова через Петербургского митрополита Амвросия было передано на обсуждение Св. Синода. Св. Синод, найдя, что печатание в подведомых ему типографиях старопечатных книг полезно для единоверия, потребовал от единоверцев Петербурга и Москвы необходимые для их богослужения книги представить для печати в синодальные типографии; а Московской типографии предписал начать само печатание на казённый счёт имеющихся быть представленными к ней книг, „но не более одного завода каждого наименования“. Делая

это ограничение в количестве печатанных книг, Св. Синод, кажется, хотел узнать, как дорого будет становиться это новое для него типографское дело, чтобы потом можно бы было ему определить ценность каждой книги для продажи. А так как для печатания единоверческих книг должны были потребоваться другие, новые типографские станки, то Св. Синод распорядился, чтобы, по сношении с кем следует, были взяты из закрытой Клинцовой типографии имевшиеся там и доставлены в Москву.

После такого постановления Св. Синода, казалось бы, дело о печатании для единоверческого богослужения потребных книг должно было бы закончиться: вопрос был разрешён. Но на самом-то деле это было только начало длинной истории об открытии особой единоверческой типографии.

Это постановление прежде всего не было утверждено Государем и потребовало вторичного обсуждения дела и уже в Высочайшем, Его Императорского Величества, присутствии. Причины к кассации его – неизвестны; но, судя по результатам вторичного синодального обсуждения, едва ли будет ошибочным предположение, что причиной были единоверцы. Печатание книг в синодальной типографии у них, при их недоверчивом отношении к Православной церкви, естественно могло породить подозрительную мысль о возможности со стороны синодальной типографии изменений в содержании книг; а поэтому и постановление Св. Синода не могло не возбуждать их к протесту. При вторичном обсуждении в Высочайшем присутствии, 22 мая 1801 г., было уже постановлено другое, а именно: „типографии в посаде Клинцовском быть по-прежнему с тем, чтобы печатание ею книг производилось с ведома и дозволения Св. Синода; и для того назначить Св. Синоду с своей стороны надзирателей“. На Св. Синод возложено было озаботиться о самом устройстве типографии. На синодальном докладе о сём последовала, от 2-го июня 1801 г., Высочайшая резолюция: „Быть по сему“. После этого Св. Синоду оставалось приступить к устройению в Клинцах, или где найдёт возможным гражданское начальство, типографии на указанных началах. С этой целью им были затребованы сведения 1) от синодальных библиотек в Москве и Петербурге, какие книги печати первых патриархов, к церковному богослужению относящиеся, имеются у них и 2) от правительствующего Сената о состоянии, в каком в то время находилась Клинцовская старообрядческая типография. В августе были получены в Св. Синоде нужные ему справки и из библиотеки, и из Малороссийского губернского правления. Несмотря на то, что присланные в Св. Синод справки были

благоприятны для учреждения дозволенной типографии – из библиотеки был прислан список имевшихся книг, а из губернского малороссийского присутствия сообщалось, что типография Клинцовская находится под надзором и в ведении Черниговского городничего, – Св. Синодом к устройению типографии пока ничего не было предпринимаяемо и дело как бы замолкало, а единоверцы остались опять без типографии.

Следствием такого положения было то, что старопечатные книги стали печататься в различных потаённых типографиях раскольниковых и привозиться из заграницы, – но те и другие были часто извращены в раскольниковом духе. С одной стороны, такая ненормальность в деле снабжения единоверческих церквей книгами, а с другой – желание иметь типографию у себя, побудило некоторых мест единоверцев обратиться через гражданскую местную их власть в Св. Синод с просьбой о дозволении устроить типографию у них. Так, в апреле 1802 г. хлопотали об этом Московские единоверцы, а в августе того же года с подобной просьбой от имени единоверцев стародубских слобод обратился Зыбковский купец Козин. Но обе просьбы Св. Синодом оставлены без удовлетворения: Св. Синод отказывал, ссылаясь на Высочайшее постановление от 2-го июня 1801 г.

В мае 1803 года дело о типографии снова возникает. Малороссийский Генерал-Губернатор, князь Куракин, представил на Высочайшее усмотрение свои соображения по данному делу. Он предлагал: 1) сделать типографию, дозволенную в посаде Клинцовском, собственностью не частного лица, как было прежде, а целого общества единоверцев, 2) дозволить книги, напечатанные в ней, продавать раскольникам и 3) к цензору от духовенства, в виду недоверия к нему со стороны единоверцев, присоединить цензора гражданского, „для водворения в них надеяния, что уже ничто их стеснять не будет“.

По утверждении этих соображений Государем, Св. Синоду осталось только принять это к сведению и надлежащему распоряжению. Это бы он и сделал, если бы по поводу утверждённых Государем соображений Новороссийского Генерал-Губернатора не последовало особого мнения от Синодального члена, Архиепископа Ярославского, Павла.

Архиепископ Павел, придавая большое значение этим соображениям, находил необходимым выставить на вид: 1) кого разуметь под обществом, собственностью которого должна быть типография? не вообще ли Клинцовское общество и, след., – раскольниковое? 2) через умножение от печати старопечатных книг не

увеличится ли упорство раскольников? 3) а: какие книги первых пяти патриархов могут быть печатаемы в типографии: – богослужебные ли то, что и как явствует из правил 1800 г., или вообще всякие книги, включая сюда различные цветники и челобитные? б: кто будет отвечать за неправильности в печатаемых книгах – случайные и злонамеренные? Обязанности учреждаемых теперь цензоров существенно отличны от обязанностей, предполагавшихся по указу от 2-го июня 1801 г. надзирателей: если первые рассматривают только предлагаемые к печати книги, то вторые следят за тем, чтобы не печаталось никакой неодобренной книги. – Св. Синод, найдя „означенное мнение синодального члена преосвященного Павла, Архиеп. Ярославского, заслуживающим уважения“, в своём заседании 22 июля 1803 года постановил: „сообщив Малороссийскому Генерал-Губернатору о бывших в Св. Синоде суждениях по делу о Клинцовой типографии 1) поставить ему на вид означенные в записке Архиеп. Нила обстоятельства, 2) рекомендовать, чтобы печатание книг производимо было одних только дозволенных и необходимых для отправления богослужения, без малейшей в них перемены; по напечатании представлять по два экземпляра каждой книги в Св. Синод для проверки с прежними; а книги, не принадлежащие к служению в церквях, а относящиеся к каковым-либо повествованиям или толкованиям веры и священного писания, не печатать ни под каким видом, представлять в Св. Синод сами их экземпляры и ожидать на то разрешения“.

Это синодальное предписание Малороссийскому Генерал-Губернатору, как оказывается из дальнейшей переписки его с Св. Синодом, не понравилось ему. И он не только ничего не предпринимал, по крайней мере до половины 1806 г., к открытию типографии, но сначала в 1803 г., по получении Синодального указа, а затем в 1806 году просил снять с него заботу об открытии у него в Клинцах типографии, и открыть таковую в Москве, о чём в то время просили Московские единоверцы. Просьба эта Св. Синодом не была уважена. Между тем, Куракиным, а после него и его заместителем, к устройству типографии ничего не было сделано, и Св. Синоду ничего не было до 1817 г. известно, в каком положении находилось печатание книг для единоверцев.

В этом году Св. Синод из донесения к нему Комитета Министров узнал, что Генерал-Губернатором Куракиным, во исполнение Синодального постановления от 22 июля 1803 г., не сделано ничего, что существуют две раскольниковские типографии (с какого года, – не указано) в посаде Клинцах у купца Карташева и в деревне Махновке, и

что Комитетом Министров постановлено закрыть означенные типографии. После этого Св. Синоду снова пришлось заняться старым и, вероятно, уже позабытым делом об единоверческой типографии. На этот раз его занятия оказались успешными. Это, быть может, потому главным образом, что он решил на этот раз удовлетворить многократной просьбе Московских единоверцев об открытии у них типографии. В Синодальном постановлении от 22-го апреля и 6-го мая 1818 г. читаем: „учредить только одну типографию в Москве на иждивении тамошней церкви прихожан. Быть ей под присмотром имеющих определиться от Синода членов. Книги из неё могут получать и все старообрядцы. Все другие раскольничьи типографии уничтожить, продажу относящихся к богослужению книг запретить, ввоз их из-за границы оградить строжайшими запрещениями, – в противном случае книги сии конфисковать и истреблять“. От 27-го августа это определение Св. Синода было утверждено Высочайшей властью. Во исполнение этого был послан указ митрополиту Московскому Августину с предписанием заняться устройством единоверческой типографии в Москве и представить по сему делу свои соображения. Дано было знать о сём ведением и Сенату с просьбой об уведомлении подлежащих к нему гражданских властей. Но у этих встретилось к приведению постановления Синодального недоразумение, как узнавать подлежащие конфискации и истреблению книги, – о чём и сделан был запрос в Св. Синод. Этот от 29-го ноября 1818 г. указал, что „распознавать таковые ввозимые книги по церковным литерам и не смотря ни на время издания их, ни на иное какое различие подвергать конфискации“. (Указ об этом от 9-го июня 1819 года).

11 октября был получен рапорт м. Московского Серафима с извещением, что Московские единоверцы охотно берут на своё иждивение типографию, что для неё имеется уже дом; – здесь же представлялись от митрополита условия, на коих может быть открыта типография. В Синодальном заседании 12-го января 1820 года рапорт этот был обсуждаем и на основании его были выработаны следующие правила Для Московской единоверческой типографии, на основании которых типография эта и стала работать.

„*Первое* – означенную типографию, как имеющую все потребное к печатанию в готовности, открыть, которой и состоять на иждивении и ответственности прихожан тамошней единоверческой церкви, дозволяя им для внутреннего действия по типографии избрать из себя двух или трёх человек в виде попечителей. *Второе* – при типографии сей быть двум надзирателям из духовных особ, которые избираются епархиальным Преосвященным, а утверждаются Св. Синодом. *Третье*

– прихожане единоверческой церкви или сами, или через попечителей, каждый раз представляют епархиальному Преосвященному оригинал той богослужебной книги, которую намерены напечатать, с показанием предполагаемого количества к изданию экземпляров оной. Преосвященный поручает сей оригинал духовным надзирателям для поверки или сличения с таковыми же, хранящимися в библиотеке Синодальной или типографской; а по такой поверке и сличению того оригинала и представлении оного за своим подписанием Преосвященному, возвращается от него прихожанам или попечителям для напечатания с оного. *Четвёртое* – по наборе с сего оригинала и совершенном исправлении корректурой каждого листа, вносится таковой к одному из духовных надзирателей, который по надлежащей поверке оного с тем оригиналом подписывает и отдаёт к печатанию. *Пятое* – при всякой таковой отпечатанной книге припечатывается, так называемый, выходной лист, сходно с печатаемыми в духовных типографиях; впереди заглавного прежнего листа той книги, но после слов: напечатана сия книга (№ №) в царствующем великом граде Москве – дополнять: в типографии единоверческой церкви в лето сотворения мира (такое-то), от рождества же по плоти Бога Слова (такое-то), индикта (), месяца () с книги напечатанной (тогда-то в таком городе, при таком-то патриархе имя рек), и сей выходной лист имеет быть одной с напечатанной книгой бумаги и одного на ней штемпеле года. *Шестое* – по отпечатании каждой книги

духовные надзиратели удостоверяют, что она во всём с тем рассмотренным оригиналом и с которой печаталась – сходна; то для будущего издания оставлять один экземпляр за их скрепью. шнуром и печатью в типографии, а три экземпляра, кроме того, представлять через них же надзирателей к епархиальному Преосвященному, а сей один из них в Св. Синод, другой в Московского оного контору для хранения в патриаршей библиотеке; а последний оставляет для себя, и сверх того отсылать прямо из типографии по вообще заведённому порядку в библиотеки публичную и Академии наук; а потом таковые книги вступают в продажу. *Седьмое* – не возбраняется прихожанам единоверческой церкви иметь для сей продажи при оной лавку. *Восьмое* – назначение цены книгам для продажи и распоряжение суммой, предоставляется непосредственному заведованию самих прихожан, яко содержателей типографии. *Девятое* – прихожане единов. церкви, яко содержатели помянутой типографии, о всём, что касаться будет по действию её сверх испрашивания дозволения на печатание книг, входят с прошениями к епархиальному Преосвященному, а сей представляет Св. Синоду с мнениями.

Десятое – они же прихожане или попечители, избранные ими, о звании и количестве напечатанных и печатающихся в оной типографии книг представляют по-полугодно Преосвященному ведомость, а он доносит о том Св. Синоду“.

На этих правилах и была, наконец, открыта в Москве, при Троицкой единов. церкви, единов. типография; с ними она существовала без всяких изменений до 80-х годов. В начале же этих годов она была передана в заведование Никольского единов. монастыря, подчинена была ведению начальства его и доходы от неё стали поступать как в пользу самого монастыря, так и тесно связанного с ним Братства св. Петра митрополита.

В 1867 году Св. Синодом была разрешена во Пскове новая старообрядческая типография, согласно ходатайству о ней бывшего раскольника и прусского подданного, а потом единов. священника, Константина Голубева. Ей было поставлено в условия: 1) печатать только такие сочинения, в которых: а) раскрывается история раскола, б) выясняются заблуждения всякого его согласия, в) обнаруживаются сокровенные заблуждения раскольников и нравственные отношения к гражданской жизни и г) представляются из христианской древности разнообразные обычаи в богослужении и в жизни; 2) для надзора над типографией были определены два наблюдателя из духовенства с правом допускать к печатанию сочинения несомнительные³²³. – Как видим, задачи и цели Псковской типографии были другие, чем Московской: они были преимущественно полемические, направленные к печатанию сочинений, вразумляющих раскольников. К выполнению их с 1868 года стал издаваться сборник – журнал „Истина“, имевший широкий круг читателей. Просуществовала типография недолго: в половине 80-х годов она закрылась.

С предоставлением единов.цам права совершать богослужение по старопечатным книгам и по старинным напевам, естественно, было прийти к мысли и об особых единов. школах для обучения детей единов.цев как вообще грамоте, так и особливо чтению и пению церковно-богослужебному.

Такие школы, действительно, и были открываемы кое-где в центрах раскола. Но особое распространение они получили с начала 50-х годов, когда само правительство обратило на них внимание и старалось поощрять их распространение. В это время были открыты единов. школы в Вольске, в Москве, Петербурге, Казани и др. местах. Каких-либо определённых программ для преподавания в таких единов. школах не было тогда выработано; не появились они и теперь. Главное, существенное

отличие этих школ от обычных состоит в том, что изучение Закона Божия в них ведётся по старопечатным книгам с соблюдением всех особенностей, разночтений в молитвах и песнопениях, какие встречаются в тех книгах.

Всеми этими, нами отмеченными, мероприятиями власть духовная старалась как можно лучше поставить единоверие у нас и, упрочив его существование, обеспечить ему успех среди раскольников. С другой стороны – эти же мероприятия ясно свидетельствуют, что в глазах духовной власти единоверие было тем же православием, которому должны были принадлежать права, положение в государстве и привилегии последнего.

М. Чельцов

Дорофеев В. По поводу новой заграничной брошюры о старообрядчестве // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 806–813

Прошлой зимой в Москве усиленно распространялась подпольным путём изданная за границей брошюра, с громким заглавием: „почему старообрядцы не воссоединяются с русской Церковью“. Чьим „иждивением“, тщанием произведена эта книжица в 46 страниц, становится ясным из того, что брошюра отпечатана в той самой „первой типографии Г. М. Пестемалжоглу, в которой печаталась и раскольническая газета „Слово Правды“³²⁴.

Что касается автора брошюры, то хотя он и скрыл своё имя, но характер и смысл изложения, а также буквальное почти повторение в брошюре тех мнений, которые недавно высказывались „по старообрядческому вопросу в некоторых петербургских повременных изданиях“, – даёт достаточное основание к определённым предположениям на этот счёт.

Свойственная этому автору особая манера изложения своих мыслей, лишает читателя брошюры всякой возможности уследить за ходом этих мыслей, повергая его в безысходную пучину отрывочных изветов, сплетен, тенденциозных выдержек из газетных и журнальных статей, не процитированных мнений уважаемых личностей и т. п. Трудно разобраться в этом хаосе многословия, проникнутого яркой враждой к современному управлению Русской церкви.

Вражда автора к русской церкви настолько сильна, что соединение с ней старообрядцев он почитает делом нежелательным. Он хотел бы воссоединить их помимо Русской церкви, но с тем, чтобы потом и её принять в единение с такой церковью, которая, по мечтаниям автора, должна состояться из старообрядцев и автокефальных церквей Православного Востока.

„Старообрядцам, – рекомендует брошюра, следует признать, что ни Константинопольская, ни прочие автокефальные церкви: греческие, сербские, румынские и грузинские – никогда не допускали ввести в их церкви нововведения потому, что в Православной церкви ни патриархи, ни соборы никогда не могли ввести что-нибудь новое, так как там хранителем благочестия всегда была и остаётся само тело Св. Церкви, т. е. сам народ. Православные автокефальные церкви, будучи друг от друга независимы, никогда не могли, по уверению автора, помимо вселенских соборов (?) принять новые (?) обряды и чуть не новые (!?) богослужебные книги“ (стр. 2). Но через две страницы, мы в

той брошюрке читаем другое: „Священный Синод Великой Константинопольской церкви не раз назначал комиссии из учёных лиц для исправления богослужебных книг и сличения их с древнегреческими“. Причём же, спрашивается, в последнем случае и вселенские соборы и народ – тело церкви!.. Выходит, что и в автокефальных церквях Православного Востока по временам производится исправление книг, как велось это и у нас до п. Никона и после него; как и у нас, авторитетность исправленных книг на востоке подтверждается собором поместной церкви.

Преимущество практики восточных церквей в этом отношении автор находит в том обстоятельстве, что „однако там раскола не произошло“; рядом с тем он высказывает удивление: „почему в России потребовалось вдруг с особой поспешностью исправить все церковно-богослужебные книги, а все древние изъять из употребления?“. Ссылаясь на авторитет профессоров Е. Е. Голубинского и Н. Ф. Каптерева, автор силится установить, что исправление книг и обрядов не вызывалось необходимостью. Беря из них отдельные фразы, он игнорирует обличающие его их мысли по этому вопросу.

Церковная реформа, предпринятая п. Никоном, по словам пр. Каптерева „настолько уже была подготовлена ранее его, что если бы вместо Никона патриаршую кафедру занял кто-либо другой, не выдающийся даже особыми личными качествами, то и этот другой, подобно Никону, должен был бы взяться за церковную реформу, как того настоятельно требовали обстоятельства времени³²⁵“. Другой почтенный учёный, ссылкой на которого автор хочет подтвердить свои гадания о происхождении раскола, пишет: „исправление книг, чинов и обрядов, произведённое п. Никоном, было делом вполне законным и совершенно винословным³²⁶“. Со своей стороны г. Каптерев вносит к только что приведённой мысли проф. Голубинского следующее существенное добавление: „несмотря на все протесты поклонников русской церковной старины, реформа Никона была однако признана всей церковью, как законная и правая³²⁷“.

Не согласны эти учёные с автором брошюры и по вопросу о значении обрядов. Проф. Каптерев, напр., говорит: „Православной церкви одной исключительно принадлежат права как устанавливать и освещать своим употреблением те или другие церковные обряды, так и производить в существующих обрядах те перемены, какие, по её мнению, необходимы по требованию известных обстоятельств в видах ограждения и упрочения православия. Обязанность же всякого православного христианина в этом случае состоит в том, чтобы беспрекословно подчиняться водительству церкви, признавать для

себя обязательным и спасительным то, что таким признаёт Святая церковь³²⁸.

Автор брошюры держится, очевидно, совершенно противоположных мнений, признавая, что Русская церковь была святой и непорочной только до исправления церковных книг и обрядов, когда она будто бы находилась в полном единении со всей восточной православной Церковью. Это последнее заявление совершенно расходится с историческими сведениями о времени, непосредственно предшествовавшем возникновению раскола старообрядчества. Само происхождение последнего греческий архимандрит Дионисий объясняет именно временным перерывом в сношениях России с Константинопольской церковью. Будучи свидетелем первых проявлений раскола в Русской церкви, он пишет: „отнележе престаша ходити российские митрополиты в Царьград хиротонисатися ради нужного пути, сиречь ради страха турскаго воинства, зане турки тогда зело страшно ратоваша все страны христианския, того ради и греческие архиереи излишнии не хождяху в Россию, таковыя ради вины начаша быти зде сия прелести о сложении перстов и прилог символа и аллилуия и прочее³²⁹“. Сопоставляя с этим сообщение Олеария (XVII в.), что греки много времени считали русских за раскольников³³⁰, и отзыв греческого митрополита Неофита, побывавшего в Москве в 1628 году и сказавшего: „только де на Москве и веры, что звонят в колокола много, а иного и нет ничего³³¹“. – нельзя не прийти к заключению, что о полном общении Русской церкви с восточными в период, подготовивший появление раскола, не может быть и речи.

Целым рядом исторических исследований, прекрасный свод которых находится в статьях И. Грамогласова³³² ныне установлено, что русские относились к грекам за тот же период не лучше, если не хуже. Сложившееся, благодаря благоприятным историческим условиям, национальное самомнение, при низком в общем уровне просвещения и нравственности³³³ во всех слоях общества, обрекало русский народ на коснение в тесной замкнутости и упорном сопротивлении всякому внешнему воздействию, имевшему целью изменить строй жизни народа в каком бы то ни было отношении. Старообрядцы, которые именуют себя „остальцами древнего церковного благочестия, от православных праотцев исшедшими и научившимися“, являются, по справедливому замечанию проф. Щапова, потомками предков наших XVII века; сами не понимая, они доселе ещё хотят намеренно, упорно болеть той нравственной болезнью, которой болели паши предки невольно, по духу и обстоятельствам времени, и от которой искренно

хотели избавиться все лучшие коренные русские люди, как видно из единодушного, сердечного стремления всех таких людей XVII века³³⁴.

Руководствуемые тем же стремлением, первостоятели русской церкви XVII в., начиная с Филарета Никитича, ищут исцеления недугов современной религиозной жизни и её обновления на началах вселенского православия там же, откуда впервые воссиял в России свет христианской веры, именно в церквях православного востока. Авторитет предстоятеля „матери церквей“ прекращает гонения ревнителей старины против мучеников нашей, „книжной sprawy“, преп. Дионисия с товарищами³³⁵. Священный Синод Вселенской церкви своим деянием 1654 года одобрил начинание п. Никона по объединению чинов и обрядов русской церкви с таковыми же, тогда принятыми в церквях восточных, рекомендуя при том снисхождение к немощным и строгость к раздорникам³³⁶.

Достойно примечания, что личный враг Никона и глава расколо-вождей старец Григорий Неронов сперва покорился авторитету вселенских патриархов, почему и воспользовался первый тем снисхождением, на которое Никон уполномочивался упомянутым соборным деянием. „Обои, де, (книги) добры, все де равно, по коим хочешь, по тем и служишь“, – с такими словами отпустил Неронова патриарх, напутствуя поборника прежнего благочестия своим благословением³³⁷. Все свойства русского человека XVII века, на которые многократно указывали иностранцы, – его неспособность понять и вынести противоречие и логически отвечать на него – скоро однако возобладали у наших расколо-учителей в отношении их к мероприятиям Никона. Противопоставляя этим последним привычную и в их мнении непререкаемую русскую церковную практику, противники Никона стали упрекать его в пристрастии к грекам и малороссиянам³³⁸. При этом забывалось, что греки и прежде уже трудились в России по исправлению и переводу книг, как преп. Максим и представитель александрийского патриарха Иосиф³³⁹, упускалось из виду и то, что п. Никон в отношении к грекам и греческой исправе держался тех самых воззрений, которые проводятся в изданных по благословию п. Иосифа и составленных малороссиянами книгах „о вере“ и „Кирилловой“, ³⁴⁰ столь уважаемых противниками Никонова дела. Неронов с товарищами ставят в вину патриарху то, что он призвал к книжной справе малороссов, между тем как почин в этом направлении принадлежал ещё п. Иосифу, который на нападки за это того же Неронова с товарищами отвечал: „восстали лицемеры, имущий образ благочестия, силы же его отвергшиеся“³⁴¹.

И вот двести пятьдесят лет спустя, в заграничной брошюре по старообрядческому вопросу мы снова читаем, что главную роль в никоновском исправлении играли „киевские латинствовавшие учёные“. Те исторические данные, о которых мы упомянули здесь лишь вкратце, остаются совершенно неведомы автору брошюры: он не знает, или не хочет знать, того значения, какое имели в деле исправления киевские сочинения и киевские учёные ещё до Никона; неизвестно ему, должно быть, и то, как дорого поплатился при преемнике патриарха Никона действительно латинствовавший киевлянин Сильвестр Медведев за свои католические убеждения³⁴².

Киевлян именно автор брошюры обвиняет в том, что они ввели в заблуждение восточных иерархов, присутствовавших на соборе 1667 г. Мнение о том, что для иерархов этих совершенно чуждо было дело нашего раскола, не ново. Недавно ещё г. Милюков в своих очерках по истории русской культуры высказал ту же мысль, повторяя очевидно г. Каптерева³⁴³, сказавшего, что патриархи Паисий и Макарий прислушивались к мнению своего толмача Дионисия о таких русских делах, о которых сами не имели никаких определённых представлений. Едва ли, впрочем, совершенно прав в этом отношении почтенный профессор. Та обрядовая рознь, которая развилась между восточными и русской церквами к половине XVII века, давно отмечалась посещавшими Россию восточными иерархами, а в последние годы патриаршества Иосифа и при начале Никонова правления сделалась предметом оживлённого обмена мыслей между представителями греческого и русского клиров. Из греков не один архимандрит Дионисий знал славянский язык, знал его и митрополит назарейский Гавриил³⁴⁴, равно как и другие лица греческого духовенства, проживавшие подолгу в Валахии и имевшие отсюда постоянные сношения с Киевом. И сожжение московских книг на Афоне и прения Арсения в Терговищах³⁴⁵ не могли не наделать шума на православном востоке, который, вследствие усилившихся в середине XVII века сношений с Москвой, мог иметь очень определённое понятие о положении русских церковных дел, созданном тем предприятием п. Никона, которое одобрил Св. Синод Вселенской церкви. Восточные иерархи, ехавшие судить Никона, также очевидно были хорошо осведомлены о сущности нашего раскола, потому что ещё на пути в Москву, в Симбирске расстригли и засадили в тюрьму протопопа Никифора за то, что он не хотел креститься тремя перстами и употреблять новоисправленные служебники³⁴⁶. Им же принадлежит категорический ответ в утвердительном смысле по вопросу, следует ли раскольников „наказывать градским законом“³⁴⁷. П. Макарий на

обратном пути из Москвы пишет п. Иосафв из Макарьевского Желтоводского монастыря: „в здешней стране много раскольников и противников... вели их смирять и крепким наказанием накапывать“³⁴⁸. Сам же, наконец, г. Каптерев устанавливает руководящую роль восточных иерархов в деле исправления книг и обрядов при п. Никоне, говоря, что только благодаря им (восточным святителям) Никон получил полную уверенность в правоте и полезности всех предпринятых им мер³⁴⁹. Таким образом, заимствованное автором заграничной брошюры мнение о том, что восточные иерархи, подписывая акты 1667 года, не ведали, к чему прилагали руки, – оказывается несостоятельным.

Да и сам автор, несколькими строками ниже, признаёт, что патриарх Никон старался об единении русских обрядов с греческими... Тем непонятнее становятся тогда приведённые нами выше рассуждения автора о книжном исправлении и происхождении нашего раскола. Совершенно неожиданной является тогда и исходная мысль всей брошюры о том, что в настоящее время русская господствующая церковь, если и сохраняет единение с Церковью греческой, то сохраняет его, как и старообрядцы, лишь в догматах, а не в обрядностях.

В. Дорофеев

(Окончание следует).

Тронин В. Секта немоляков (или дыромоляев) в Вятской губернии³⁵⁰ // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 813–818

Секта немоляков или дыромоляев существует в Омутнинском заводе Глазовского уезда.

Название своё, дырбмоляями“ сектанты получили от того, что, „провертевши дыру в углу избы, молятся со словами: „изба моя, стена моя, спаси меня“, отчего и получили от заводских жителей название „дыромоляев или дырников“. Название это, сектанты не любят и считают его для себя крайне обидным и несправедливым, потому, будто бы, что они не провёртывают в стене отверстия для молитвы.

Когда секта немоляков появилась в Омутнинском заводе, сказать с точностью нельзя: обнаружена она была в 1890 году. Распространителем её в Омутнинском заводе был крестьянин Оренбургской губернии, Челябинского уезда, Куртамышевской волости Митрофан Леонтьев Михайлов, а по его ссылке в 1890 г. в отдалённые места Сибири продолжателями его дела явились П. Л. Курбатов и И. Е. Веселухин.

В 1891 г. заражённых сектой было уже семейств до 11-ти.

Секта немоляков явилась на почве беспоповщины. Случаев же совращения православных в эту секту не было, как не было уклонений кого-либо и из прихожан единоверческой Омутнинской церкви.

Православному и единоверцу, действительно, крайне трудно понять секту немоляков: она понятна только беспоповцу. В основе её лежат беспоповские положения, и она есть один из выводов, к которым пришла беспоповщина. Внимание православного секта может привлечь разве только своими воззрениями, касающимися экономического быта.

Немоляки, по их словам, принимают всё Св. Евангелие и старопечатные книги: Толковый Апостол, Катехизис, Маргарит, Благовестное Евангелие и др. Последние они принимают не для того только, как думают некоторые, чтобы удобнее совращать других в свою ересь. Мне думается, что сектанты искренно верят старопечатным книгам, как все беспоповцы. Тоже обстоятельство, что немоляки не принимают из старопечатных книг мест, которые служат к опровержению их учения, только лишь ещё более приближает их к раскольникам: известно, что все раскольники пользуются старопечатными книгами, „огрызую писание“: „не зрят на прочии

свидетельства писания святого, имже бы от умышления своего встягнулися“.

Подобно беспоповцам, немояки учат, что в настоящее время „истинных иереев ни в Риме, ни в Иерусалиме и в граде Москве не обрящещи“; церковь с её иерархией и таинствами они положительно отрицают. Это отрицание отдаёт у сектантов беспоповщиной и в самих выражениях: так, Курбатов называл причастие „змеиной блевотиной“, какое выражение, как известно, особенно распространено среди беспоповцев.

Замечательна одна особенность учения немояков: они не почитают икон, – но не по сектантским основаниями, не по отрицанию иконопочитания, что называется, в принципе, а по основанию беспоповскому – по невозможности, вследствие отрицания беспоповцами существования священства, иметь освящённые иконы. Пётр Курбатов говорил раскольникам беспоповцам, что „если нет у них священства, то все иконы, рисованные после смерти их последнего священника, не облагодатствованные, потому что освящать иконы могут только епископы и священники, а иконы, освящённые стариками и старухами, не имеющими благодати священства, – простые доски и молиться Богу перед ними грешно; что у поповцев тоже не может быть освящённых икон, так как само священство незаконно. Икон же истинно древних много быть никак не может“.

Что дыромоляи не чистые сектанты, а раскольники, это видно из содержания ими того, что относится к обряду. Тот же, отрицавший иконы, Курбатов „крестное знамение признавал и крестился, так называемым, старообрядческим крестом“.

Беспоповщина, находящаяся в основе секты немояков, привела их к отрицанию настоящей жизни, настоящего времени.

Главное положение немояков составляет учение о восьмой тысяче лет. – Они толкуют, что теперь идёт восьмая тысяча лет, в которой должно быть воскресение мёртвых и будущий век; что, следовательно, сектанты живут в будущем веке. Понадобилось такое учение сектантам для того, чтобы как-нибудь оправдать беспоповщинское состояние без священства и таинств. „Мы, говорил Курбатов епархиальному миссионеру, живём уже в будущем веке, поэтому мы не имеем нужды в священстве, которое потребно было до 7-ми тысяч лет; у нас есть Вечный Иерей Господь Иисус Христос, который нас озаряет своим невестественным светом и изливает на нас свою божественную благодать. Не имеем нужды, продолжал Курбатов, и в прочих видимых таинствах и обрядах“.

Признавая себя живущими в 8 веке или иначе в будущей жизни, и отрицая, поэтому, необходимость таинств, сектанты однако учат, что таинства у них есть – только невидимые, духовные.

Однако в учении о церкви и таинствах сектантами указываются такие особенности церкви и таинств, которые должны быть признаны видимыми. „Нет у нас, излагал епархиальному миссионеру своё учение о церкви Курбатов, видимой церкви, но есть невидимая, духовная, которую составляем мы сами“, по Слову Божию: „вы есте Церкви Бога жива“. „Нет у нас, говорил тот же Курбатов, водного крещения, но есть крещение слезами по учению Большого Катехизиса (Бол. Кат. л. 132 об. о крещ.). Нет бескровной жертвы, но есть духовная жертва – самоумерщвление тела и распинание со страстями, которая, по словам Толкового Апостола, есть жертва благоприятная и не требует иерея (Толк. Ап. л. 990). Нет у нас видимого покаяния, но есть невидимое, духовное, выражаемое слезами, по примеру Давидова покаяния: не промолчи, Господи, слёз моих, но прииди на память... не премолчи убо, рече, и не забуди: но сотвори, рече, жертву очную пролитием слез (Марг. сл. 12-е о умилении и слезах)“.

Интересно вскрыть, почему немоляки для оправдания своего безсвященнословного и безтаинственного, – кратко, беспоповщинского состояния, обратились к учению о 8-й тысяче лет? Какую особенность в будущем веке отмечают сектанты? – А ту, что „будущий век есть безтрудный живот“ (Толк. Ап. л. 8). Безтрудный этот живот понимается ими в смысле противоположности его настоящей жизни, как такой, когда люди трудятся, несут повинности, платят подати. „Будущий век, объяснял епархиальному миссионеру Курбатов, есть безтрудный живот, а поэтому в настоящее время нам не следовало бы работать и трудиться, платить подати и разные повинности, но к этому побуждает нас начальство». Курбатов призывает, писал Прокурор Вятского окружного суда, к неповиновению Государю Императору и установленным от него властям. Веселухин также учил не повиноваться властям. Вслед за Курбатовым и Веселухиным и остальные сектанты, доносил Благодичный 2 округа Глазовского уезда, не признают богоустановленной власти и не воздают ей должного почитания.

Вот разгадка странного учения сектантов о 8 веке, сектанты захотели отделаться от властей, повинностей, податей и трудов здешней жизни и создали соответствующее учение.

Т. об., по основному побуждению, определившему направление и характер немоляков, а также по последствиям, поскольку успели они

проявиться, секта немоляков оказывается вредной и в государственном отношении.

Вследствие этой вредности, а также возможности широкого распространения, секта обратила на себя внимание благочинного священника Петра Чемоданова, который принял меры к её уничтожению. Когда о собраниях, устраивавшихся Веселухивым в видах распространения секты, сделалось известным благочинному, он попросил заводоуправление удалить немедленно Веселухина и тем лишить его возможности продолжать распространение секты. Заводоуправление немедленно уволило Веселухина от работ.

Гражданская власть, по собственному почину возбудившая дело о секте, также употребила меры против немоляков. Вятский окружной суд приговором 1892 г. 11 марта определил подсудимых – крестьянина Вятской губернии, Глазовского уезда, Омутнинского завода, П. Л. Курбатова – 45 лет – сослать, лишив всех прав состояния, на поселение в Закавказье, – а крестьянина И. Е. Веселухина – 58 лет – заключить в тюрьму на три месяца.

Веселухин на суде принёс полное раскаяние в своём заблуждении и выразил желание искать истину и в случае обретения её немедленно присоединиться к церкви. Но раскаяние и обещание Веселухина присоединиться были не искренними. Оправданный вердиктом г. присяжных заседателей, может быть, именно вследствие своего раскаяния и обещания присоединиться, Веселухин, получив свободу и поселившись на починке, остался упорным сектантом, весьма далёким от соединения с церковью.

Курбатов после осуждения изъявил согласие присоединиться, в надежде „получить облегчение в наказании или и совсем прощение за своё преступление“. Благочинный Пётр Чемоданов отрицал искренность желания Курбатова присоединиться. Действительно, Курбатов в сентябре 1892 г. отказался от присоединения и был сослан на Кавказ.

После предания суду представителей секты немоляков Курбатова и Веселухина, после постановления заводоуправления не принимать сектантов ни на какие заводские работы. распространение секты остановилось. В секте осталось 3–4 семейства, крайне враждебных к православной церкви.

Миссионер *В. Тронин*

Темномеров А., свящ. Заблуждение рационалистического сектантства в вопросе о последних судьбах человека ³⁵¹ // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 818–827

Если мы обратимся к отдельным местам Писания, имеющим отношение к поставленному нами вопросу о всевозможности последнего суда Божия, то найдём в них полное подтверждение высказанных мыслей. Совершенно ясно говорит Апостол Павел, что *всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить, соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое (2Кор.5:10)*; и в другом месте: *„все мы предстанем на суд Христов (Рим.14:10)*. Особенное внимание должно обратить здесь на силу выражения первого текста: выше он говорит просто „мы“ *воздыхаем, мы благодушествуем (2Кор.5:2–9)*, так как имел в виду одних праведников, которые, по отшествии из тела, водворяются у Господа; переходя же к мысли о всеобщности суда, он употребляет выражение: *всем нам*, как бы желая уничтожить всякие сомнения относительно значения своих слов. „Все мы“, т. е. все, исповедующие имя Христово, и прежде всего праведники, к числу которых принадлежит сам Апостол. Но так как среди явившихся пред Судией будут и такие, которые, живя в теле, делали худое и которые получают соответственное этому воздаяние, то несомненно, что, по мысли Апостола, все христиане явятся на суд, независимо от их нравственного состояния, и явятся с одинаковой целью принять от Судии соответствующее их земной жизни воздаяние.

Ясность и сила приведённых текстов заставляют сектантов прибегать к всевозможным ухищрениям, чтобы ослабить их доказательность. Нам пришлось слышать даже такую фразу от одного из руководителей пашковщины: „ведь Христос то больше Апостола; Вы прочитайте сначала Его слова, а Он прямо говорит, что *верующий не судится*“. Впрочем, нужно думать, что упомянутая фраза сорвалась с языка нашего собеседника в пылу увлечения за неимением более серьёзных возражений, так как пашковцы, при своём глубоком уважении к Писанию, едва ли решатся серьёзно утверждать, что в нём мыслимы ошибки или противоречия. Из других возражений, которым сами они придают более веса, нам пришлось слышать два. Указывают, во-первых, ссылаясь на греческий подлинник, что упоминаемое здесь судилище, пред которое должны явиться все люди, совершенно не то, что престол славы, на который воссядет Судия для совершения последнего суда (Мф.25:31), из чего будто бы следует, что данные

места говорят не о страшном суде и к вопросу о его всеобщности отношения не имеют. Кроме того, само слово „явиться“ во 2Кор.5:10 представляет совершенно неверный перевод соответствующего греческого выражения. Во-вторых, указывают на то, что у Апостола будто бы ничего не говорится о суде над верующими, а только о явлении их пред судилище, так что, хотя и все явятся пред судейским престолом Господа, но из этого не следует, что все будут судимы. Это своё возражение объясняют обыкновенно такого рода примером. „Представьте, говорят, – себе, что мы с Вами были бы вызваны или сами бы пришли к судье вместе с многими ещё другими. Выходит судья; видит нас и ещё нескольких знакомых и обращается к ним: „а пожалуйста“ и проводит к себе в комнаты, а остальных начинает судить. Так будет и при втором пришествии“.

Отвечая на первое возражение сектантов против отношения приведённых текстов к вопросу о страшном суде, мы прежде всего должны заметить, что, как судейский престол Господа, так и престол славы нельзя понимать в буквальном смысле. Этого, вероятно, не будут оспаривать и сами сектанты. Писание часто представляет Бога сидящим на престоле, но не потому, конечно, что бы Он действительно нуждался, или имел вещественное седалище, а желая наглядно представить нам Его царское достоинство, власть и славу. При этом, когда нужно указать на величие царя царствующих, сам престол называется престолом величия (θρόνος μεγαλουργίας Евр. VIII, ч.), или престолом славы (θρόνος δόξης – Мф.25:31 и др.); когда оттеняется Его бесконечное милосердие, Он представляется сидящим на престоле благодати (θρόνος χάριτος – Евр.4:16); наконец, когда говорится о Его судейской деятельности, и престол носит специальное название судейского престола (βῆμα). Поэтому и упоминаемый в описании страшного суда у Евангелиста Матфея престол славы мы с полным правом можем назвать судейским тронem, так как Христос представляется восседающим на нём для суда над народами, и в данном случае решительно утверждаем, что судейское седалище, как седалище Бога, есть вместе и престол Его славы. Такими образом, между сопоставляемыми местами Писания нельзя видеть ни малейшего противоречия; оба они говорят о последнем суде Божиим над человеками, но одно обращает наше внимание на величие и славу сходящего с неба Судии, второе же имеет в виду цель Его пришествия. Только при грубо-чувственном представлении Бога сидящим в разное время на различных вещественных престолах и возможно возражение, которым и сектанты пытаются отклонить отношение 2Кор.5:10 к вопросу о страшном суде.

Что касается неверности русского перевода того же места, то действительно, он недостаточно точно передаёт мысль подлинного текста, только ссылка на последний говорит не в пользу сектантов. Соответствующее слову „явиться“ греческое φαῖνερῶναι – от глагола φαῖνέω – делать видимым, явным, обнаруживать, точнее по-русски должно бы быть передано: быть обнаруженными. Эту мысль и содержись славянский перевод, так как славянское *явитися* не значит „предстать“, а именно „сделаться явным“, „обнаружиться“ (напр. 1Кор.3:13; 1Ин.3:2; 1Кор.14:25 и др.). Правильность такого перевода и понимания будет для нас совершенно ясна, если мы обратим внимание на параллельное рассматриваемому место из 1-го посл. к Кор.: *не судите никак прежде времени, пока не приидет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому похвала будет от Бога* (1Кор.4:5). Словам: *обнаружит сердечные намерения* в подлиннике соответствует выражение: φαῖνερῶσει τὰς βουλάς τῶν καρδιῶν, в котором употреблён тот же глагол φαῖνέω, что и во 2Кор.5:10, с ясным значением: „обнаруживать“. Здесь говорится об обнаружении на суде сердечных намерений, во 2 Кор., – что будем обнаружены мы сами, следовательно, не одни только намерения, а вся совокупность мыслей, желаний и поступков. Но, как мы уже видели, обнаружение Господом жизни каждого составляет один из двух существенных актов божественного суда, соответствующий в судах человеческих выяснению правоты или виновности судимого. Указание на второй акт суда – дарование судимым вечного блаженства, или предание вечному огню, мы видим в первом месте в словах: *тогда каждому похвала будет от Бога*, во втором: *получит каждый...* При этом необходимо отметить, что обнаружение жизни человека на суде Апостол представляет как необходимое условие получения вечного воздаяния, потому что говорит: *нам должно быть обнаруженными*. Для чего? для того, *чтобы каждый получил... доброе или худое..* Если же в отношении к самому Апостолу и всем верующим, которым он пишет, необходимо, чтобы на последнем суде открылась их жизнь и выяснилась степень их нравственного совершенства, то было бы слишком дерзким утверждать, что кто-либо из людей может обойтись без такого расследования его жизни.

Таким образом, ссылка на греческий текст 2Кор.5:10 не оправдывает мнения сектантов ни о свободе верующих от суда, ни даже об особенном положении их на суде, так как способ суда – обнаружение божественным всемогуществом жизни каждого человека – совершенно одинаков, как для верующих, так и для неверующих, как

для праведников, так и для грешников: различен только результат суда для тех и других. Но для вопроса о всеобщности страшного суда разобранное возражение не имеет никакого значения ещё и по той причине, что оно направлено только против одного из двух приведённых нами мест. В другом же, в словах Апостола Рим.14:10: *ты что осуждаешь брата твоего? Все мы предстанем на суд Христов*, – не может быть никакого сомнения ни в верности русского и славянского переводов (πάντες ὑὰρ παραστήσόμεθα τῷ βῆματι τοῦ Χριστοῦ), ни в смысле выражения: *предстанем на суд*, или, как точнее выражено в славянском переводе: *предстанем судищу*. Суднице (по греч. βῆμα) не значит „суд“, не указывает также на место, или здание, в котором он происходит, но так называется судейское место или судейский трон, на который у древних Евреев садился судья во время производства суда. Это может быть очевидным для всякого из двух мест Евангелия о суде над Иисусом Христом: *между тем как сидел он (Пилат) на судейском месте, жена его послала ему сказать (Мф.27:19)... Пилат сел на судилище, на месте называемом Лифостротон, а по-еврейски Говвафа (Ин.19:13)...* Словам: „судейское место“ и „судилище“ в греческом тексте соответствует то же слово βῆμα. Смысл речи Апостола, таким образом, тот, что все христиане должны предстать пред судейским престолом Христа Спасителя, когда Он придёт судить живых и мёртвых; к этим словам и имеет отношение второе из упомянутых нами возражений со стороны сектантов, что „верующие“ только явятся перед Судьёй, но не будут судимы.

На это мы должны заметить, что, как уже сказано было выше, судейский престол Господа есть только образное выражение, с которым мы не можем соединять мысли о каком-либо действительном седалище. Но отсюда следует, что и слова: „все мы предстанем перед судейским престолом Христа“ нельзя изъяснять и понимать в буквальном смысле, так как предстать перед престолом, которого в действительности нет, невозможно. А какая мысль должна заключаться в подобного рода образных выражениях, это должно быть понятно всякому. Для более же наглядного пояснения её припомним место из книги Екклезиаст: *всякое дело Бог приведёт на суд, и всё тайное, хорошо ли оно или худо (Еккл.12:14)*. Что значит: „Бог приведёт на суд всякое дело и всё тайное“, как не то, что все дела человеческие будут предметом суда Божия над человеком. Или в Новом Завете Господь говорит: *когда ты идёшь с соперником своим к начальству: то на дороге постарайся освободиться от него, чтобы он не привёл тебя к судье, а судья не отдал тебя истязателю, а истязатель не вверг*

тебя в темницу (Лк.12:58). И здесь ни слова не говорится о суде, а только о приведении к судье, однако едва ли кто решится отрицать, что в этом выражении заключается мысль о предании суду, так как приведение к судье имеет своим следствием отдавание истязателям и ввержение в темницу. Подобных выражений можно привести много, но мы ограничимся указанием на самые обычные фразы, которые приходилось слышать каждому, и смысл которых понятен без всяких пояснений, напр., „будешь у мирового“, „прогуляешься в Окружной“ и т. под.

Приведённого разбора двух мест из апостола Павла может быть совершенно достаточно для непредубеждённого читателя, чтобы видеть, что, по учению Писания, не только все люди предстанут на суд, но все будут и судимы одинаковым образом. Но мы можем привести и ещё многие места Писания, неопровержимо утверждающие истину всеобщности последнего суда Божия над человеками. Во многих местах Писания мы читаем, что при втором пришествии Господа *каждый* получит от Него воздаяние (Мф.16:27; 1Пет.1:17; Рим.2:6; 1Кор.3:8;4:5; 2Кор.5:10; Еф.6:8; Апок.2:23;22:12), что, как мы видели, необходимо предполагает и суд над каждым. При этом в некоторых из указанных мест можно видеть, что каждый не только грешник, но и праведник подвергнется суду, так как одни из судимых понесут наказание, а другие получать награду. Наиболее ясно в этом отношении последнее место: *и судимы были мёртвые по написанному в книгах... и судим был каждый по делам своим (Апок.20:12–13).* Здесь говорится не о воздаянии только, а прямо о суде. При этом, по словам Апостола, море, смерть и ад отдали для суда мёртвых, которые были в них, а так как во власти смерти находятся решительно все умершие, то в их числе несомненно есть и праведники, и верующие. А что они действительно вместе с прочими будут на суде, видно из того, что здесь будет раскрыта книга жизни, и что не все после суда будут брошены в озеро огненное, но только те, которые окажутся не записанными у Господа в этой книге.

Указание на одинаковый способ совершения последнего суда над всеми людьми можно видеть и в известной речи Спасителя о суде (Мф.25:34–46). Как праведники, так и грешники сначала приводятся к сознанию своего нравственного состояния через указание им их добрых и дурных дел, а затем, как над теми, так и над другими произносится божественный приговор. При этом мы можем усматривать и причину, по которой обнаружение жизни каждого является необходимым условием для полной справедливости суда: она заключается в том, что ни праведники, по своему смирению, ни

грешники, вследствие своего закоснелого упорства, не могут сами прийти к признанию безусловной справедливости произносимого приговора над ними.

Приведём, наконец, ещё одно краткое, но много говорящее замечание Апостола Павла: *каждый из нас за себя даст отчёт Богу* (Рим.14:12). Апостол увещает верующих церкви Римской не осуждать братьев и для этого обращает их мысль к последнему суду. Сказав в ст. 12, что все мы предстанем перед судебским престолом Христовым, он, как бы предвидя возражения сектантов против смысла его слов, повторяет ту же мысль в более определённой и не допускающей никаких перетолкований форме: *каждый из нас за себя даст отчёт Богу*. Под „каждым из нас“ мы прежде всего должны разуместь самого Апостола и членов церкви Римской, к которым написано послание, и едва ли кто скажет, что эта христианская община состояла из людей менее верующих (Рим.1:8), чем наши сектанты. По крайней мере относительно Апостола никто не скажет этого, но если и он предстанет на суд, чтобы дать отчёт Господу о своей земной жизни, то кто же это „верующие“, которые окажутся выше Апостола и будут свободны от суда?

Единственным основанием закрывать глаза перед столь ясным учением слова Божия о всеобщности страшного суда является ложное понимание сектантами двух мест из Евангелия Иоанна: *слушающий слово Моё и верующий в пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешёл от смерти в жизнь* (Ин.5:24); *верующий в Него (Христа) не судится, а не верующий уже осужден, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия* (Ин.3:18). Первое из приведённых мест прямо утверждает, что „верующие“ даже не явятся на суд, во втором говорится только, что они не судятся. Оба эти положения выражены совершенно ясно и подтверждали бы учение сектантов о суде по всем его объёме, если бы они относились к последнему страшному суду. Однако, как внутренний смысл этих слов Спасителя, так и сопоставление их с другими, относящимися сюда местами, доказывают совершенно противное. Дело в том, что слово: „суд“ имеет в Писании не одно значение. Иногда оно означает самое производство суда, но часто значит и „осуждение“ (напр. Мк.3:29; 1Тим.3:6 и мн. др.). Различным значением слова „суд“ и объясняются некоторые кажущиеся противоречия в Писании, где в одном месте Господь говорит, что Он пришёл *не судить, но снасти мир* (Ин.3:17), а в другом: *ныне суд миру сему*. В рассматриваемых соблазняющих сектантов текстах „суд“ и значит именно „осуждение“, а не последний страшный суд над миром. Действительно, мы уже видели столь много

мест, в которых говорится ясно и определённо, что все люди будут одинаково судимы, что нам остаётся предположить одно из двух: или Писание противоречит себе, отрицая в одном месте мысль, которую так настойчиво утверждает в других, или что оно употребляет слово „суд“ в том и другом случае в различных смыслах. Отвергнув первое предположение, как несогласное с мыслью о боговдохновенности и безусловной истинности Писания во всех его частях, мы должны будем остановиться на втором и увидим его безусловную верность. В разобранных выше местах речь идёт несомненно о последнем страшном суде, в двух же последних мы находим достаточно ясные указания на то, что Господь говорит здесь о суде, совершающемся именно: *на суд не приходит, не судится*, тогда как о будущем страшном суде следовало бы сказать: „на суд не придёт“, „не будет судиться“. Далее прибавляется: *но перешёл от смерти в жизнь*. Из этих слов, если бы они были сказаны о последнем суде, следовало бы, что все вообще люди, вступившие здесь на земле в вечную жизнь со Христом, свободны от суда и не явятся на него. Но такая мысль опровергается всеми теми местами, из которых мы видели, что на суде будут и такие люди, которые будут оправданы и получают награду от Господа. Сам Судья называет их благословенными Отца Своего, (Мф.25:34) и никто, конечно, не будет утверждать, что они во время земной своей жизни пребывали в отчуждении от Бога, „не перешли от смерти в жизнь“. Наконец, если мы допустим правильность сектантского объяснения слов Спасителя, то должны будем ограничить объём суда одними только неверующими, но и относительно их тут же читаем, что они уже осуждены, так как не уверовали в Единородного Сына Божия, следовательно, и им незачем являться на суд. Но над кем же в таком случае будет страшный суд? На этот вопрос едва ли сумеют ответить сами сектанты. Мы имеем здесь два совершенно сходных по мысли положения: *верующий не судится и неверующий уже осуждён*, но, если мы не выводим из второго, что все неверующие не предстанут на суд, то не имеем никакого права утверждать и на основании первого, что все верующие будут свободны от последнего страшного суда Божия.

О каком суде говорит Господь в Своих словах: *верующий на суд не приходит и не судится*, можно видеть из Его дальнейшей речи. Суд же состоит в том, что свет пришёл в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы. Ибо всякий делающий злое, ненавидит свет и не идёт к свету, чтобы не облачились дела его, потому что они злы. А поступающий по правде идёт к свету дабы явны были дела его, потому что они в Боге

сделаны. Как только пришёл в мир Свет истинный (Ин.1:9), так и начался для человечества суд. Одни из людей, которые не боялись обнаружения своих дел, пошли к Свету, уверовали в Него и получили от Него вечную жизнь. Наоборот, другие, чьи дела злы, возненавидели Свет и, оставаясь во тьме, осудили сами себя на вечную смерть, так как не уверовали в Единородного Сына Божия. Что касается первых, они не подлежат осуждению за свою прежнюю жизнь. Как блудный сын обращается к отцу, ожидая от него слов укоризны и жестокого наказания, но находит отеческие объятия раскрытыми и входит на пир, устроенный отцом по случаю его возвращения; так и человек, если он с верой обращается к Спасителю, никогда не отталкивается Им (Ин.6:37), но принимается с любовью и всепрощением. С этого момента он перешёл от смерти в жизнь. Господь не судит до Своего второго пришествия даже и тех, кто слышит слово Его и не верует, потому что Он пришёл не судить, но спасти мир (Ин.13:47).

Свящ. А. Темномеров
(Продолжение следует).

II.

Рассматривая всю жизнь с точки зрения свободы, хлысты в глубине души не могут сочувственно относиться к определённом, твёрдо установившемся, веками сложенному строю жизни, – который представляется им чем-то внешним и принудительным. Всё внешнее, принудительное для хлыстов не имеет ценности, никакого достоинства. Они вообще враги всякого стеснения как религиозного, так домашнего и общественного и т. д.

Всякая власть, всякое принудительство им в тягость. Они любят только власть, опирающуюся не на силу принуждения, не на внешние законы, а добровольно подчиняющую себе, единственно лишь силой непроизвольного влияния своей личности, или какими-нибудь особенными выдающимися талантами, поражающими человека. Такой власти они готовы отдаться до самоотвержения, но на существующие власти смотрят холодно, попуская им владеть собой, но не отдавая своей души. Существующая власть противоречит их понятию свободы и их желанию делать всё по-своему, от души. Особенно неприятно относятся хлысты к преследованию гражданскими властями разных оказательств какой-либо секты. Употребление власти в этом деле, по их мнению, совсем незаконно. За дурные дела наказывать – это можно, по преследовать „хороших“ людей за их слова, за веру – прямо грех. Власть – это те же книжники и фарисеи, архиереи и старцы людские, распявшие Христа. По мнению хлыстов, вся вера православная силой держится. Не будь властей, все бы сделались сектантами, а теперь сдерживает страх перед властями.

Не признавая в принципе законности всякого стеснения проявлений свободного человеческого духа, хлысты только внешне принуждены мириться с общественным порядком и установленными правилами жизни. В глубине же души они ненавидят всё это, но так таят свою ненависть, что внешней исправностью превосходят других. Всё, налагаемое общественным уставом, они исполняют в точности и исправности, и в этом отношении исполнительны через чур, так что сами рисуются и хвалятся своей общественной добропорядочностью. Подати у них всегда заплачены, недоимок за ними нет, общественные должности несут старательно. В отношении ко всему этому, – говорят, мы подражаем примеру Спасителя, Который на заявление Петра, что пришёл сборщик податей, заметил ему, что они свободны от дани,

однако не пошёл наперекор власти, а повелел закинуть уду и достать рыбу, внутри которой и найдена была требуемая монета.

Не сочувствуя в душе никакому общему делу, они уклоняются от мирских сходов, мирских вопросов. Прежде у них ещё строже была заповедь об удалении от сходов. „Что там делать?.. Я – не против других... От других не отстанем“... Но, чтобы самим задумать что полезное для общества, поднять и отстоять какой общественный вопрос – этого нет. Впрочем, не бывая сами на сходах, они имеют там своих агентов, которые отстаивают их дела. Благодаря своему богатству, они, можно сказать, держат весь сход в своих руках. Прошлый год они затормозили и приостановили много полезных предприятий для общества. Самое главное, хлысты подстроили мироедов, чтобы отказать земству в подвозке материалов, какие оно хотело дать для устройства земской школы в селе, – и дело построения школы рухнуло. При ремонтировке церкви, они понаделали много препятствий попечительству, возбуждая против его действий общественное мнение. Не давали состояться приговору о неработе в праздничные дни. Препятствовали предложению духовенства о заведении регента. И всегда действовали скрытно, не бывая лично на сходе, через подручных людей. Поднять, возбудить какое дело, особенно против духовенства, – это их первое удовольствие.

В отношениях к православным соседям у хлыстов нет ничего искреннего. Связанные общей жизнью, в одном селе, они, волей и неволей, должны сталкиваться с православными и беседовать с ними. Эти беседы всегда ведутся свысока, говорят как бы с низшими, – и разговор большей частью состоит в насмешках над мирскими обычаями, пьянством и проч. – первая вылазка их против православия. Но эти беседы – ещё снисхождение православным. Более строгие из хлыстов не удостоивают православных даже разговора: таковыми в начале секты были все они, но теперь стали, как видим, уступчивее и мягче. Родственники – хлысты с родственниками – православными разрывают всякую связь: не бывают на крестинах, свадьбах и других семейных праздниках, не бывают даже на погребении – они для них совершенно чужие. „Братья“ – только они, сектанты. Стоящие вне секты – посторонний внешний мир, мало того, мир греховный, во зле лежащий и ненавистный, стоящий из людей пустых „порожних“, не имеющий и думы о душе: „как такая же скотина, всё одно“! Естественно, что при таком понятии о православных, – нечего ждать от них доброго чувства к последним, сострадания, сожаления, помощи... Для них только – укор, выговор

или мягкая, – у лучших из них, – насмешка: беден – оттого что пьянствуешь, праздники не работаешь, прогуливаешь“... и т. д.

Переходя к изображению взглядов сектантов на семейную жизнь, мы должны сказать, что непереносимое требование подчинения младших членов семьи старшим вызывает горячий протест в своевольной душе сектанта – хлыста. Они считают вовсе не Божественным законом установление почитания родителей и старших и эту заповедь – не обязательной.

– Не тот отец, кто родил, а кто к делу пристроил или, кто имение нажил. А это – что за отец? Он вовсе не имел в виду лично тебя, когда зачинал: он творил собственное удовольствие. За что же и почитать его?

Действительно, отношения в семьях между членами их в высшей степени странные: как только и держатся их семьи! Старики добровольно уступают, и молодые забирают в руки власть и всё распоряжение, – или, если уже невозможно, то берут в полные свои руки какой-нибудь отдел хозяйства, в котором они – полные властители, напр., если мельница есть – мельницу, ссыпкой занимаются – ссыпку, участок и проч. Нечего и говорить, что родители лишены всякого влияния на личную жизнь их детей – здесь уже полная их воля. В хозяйстве – ещё можно заставить, ну а здесь уж не прикасайся!

Ещё страннее и непонятнее отношения между супругами, которые почти сплошь да рядом бывают связаны только внешне, тогда как душой разделены. Ведь известно, что у каждого хлыста есть своя „духовница“, духовная жена, – и у каждой хлыстовки – „духовник“, т. е. духовный муж. Редко бывает так, чтобы муж был духовником жены, а жена – его духовницей – это тогда лишь, когда они сойдутся по духу. Но, по большей части, каждый, кроме законной, имеет свою особую жену, и каждая, кроме законного мужа, – своего духовника. Как живут – просто нет возможности попятить, по живут, и живут долго, всю жизнь свою, до самой смерти, и наружу не выплывает ничего, чтобы могло скандализировать их в глазах других. Тут, вероятно, поддерживает их всегдашнее старание не уронить себя во мнении „внешних“, не посрамить себя перед ними, не ударить в грязь и не замарать всё общество. Да и сами „братия“ не позволяют выносить грязный сор из избы на „улицу“. Они употребляют все усилия для умирения и для заглаживания малейших неровностей в жизни отдельного брака. А бывали примеры страшной и злобной ревности супружеской, о которых смутно дошли слухи и до православных.

С внешней же стороны жизнь сектантов – хлыстов привлекательна: они – народ трудолюбивый и предприимчивый, охотный перенять у других всё хорошее. Лениности они не терпят. Хотя имеют работников, но исключительно по необходимости, и сами работают с ними, не покладая рук. Хозяйство всегда в образцовом порядке. Дома – чисто и опрятно. В одежде они любят щегольнуть и не скупятся в деньгах, чтобы нарядиться лучше другого. О наружности своей всегда заботятся: моются, кажется, в десяти водах, обязательно с мылом. А женщины и девушки даже румянятся и белятся. Особенно так тщательно собираются они на свои радения: всегда вымытые, причёсанные, примазанные маслом ли, или помадой, в новых белых коленкорových сорочках и портах являются они туда как на праздник какой.

Относительно характера сектантов – хлыстов надо сказать, что преобладающей чертой его является их *гордость*, – воспитываемая, вероятно, самим вероучением их и подогреваемая ласкательством друг ко другу. Затем не менее же заметной чертой служит *скупость* и жадность. О какой-нибудь помощи и не заикайся. Они и своим братьям помогают не иначе, как за большие проценты, причём берут прямо жидовские проценты рубля по 3–4 в месяц с сотни. Нищих всегда оговаривают, тоже и странников. О злобе хлыстовской существует даже поговорка, что православные злы до кабака, а хлысты по самый гроб, на вечные века. И такая злоба существует между ними самими, – и мы знаем таких из них, которые уже много лет не говорят друг с другом.

Целомудрие – слабо развито. И сами хлысты удивляются и особенно ценят таких, какие не прегрешали. Большинство же, удовлетворяя страсти, прячет лишь концы в воду. Каким образом, достоверно неизвестно: одни говорят, в сношениях с женщинами подражают Онану, другие говорят, что употребляют гандоны, резиновые мешочки, которые покупали в Тамбове у Мешкомаева, третьи утверждают, что женщины научаются от докторов не рождать, или берут снадобья от бабок, чтобы вытравить плод (последних случаев весьма много в Березовке). Бывали и страшные дела умерщвления уже рождённых детей, – дела, которые всплывали наружу, – но хлысты умели загасить своими деньгами. Чтобы полнее потешить себя запрещённым плодом, хлысты развращают православных женщин и девушек, и в этом отношении портят нравы жителей Березовки.

Хотя хлысты и хвалятся своей особой честностью, но на практике она не выдерживает критики. Обмеривание, обвешивание, взятие

большей цены, чем следует – обычное явление и у них, как и у всех торговцев. Нередко бывает и воровство, прорывается и сквернословие. Наконец, заповедь о пище начинает тяготить молодых хлыстов, – вся молодёжь хлыстовская уже кушает чай, употребляет сахар, пожалуй даже красное вино, вообще очень ропщут на „стариков“, что те запретили чай, а „без него нынче нельзя... особенно когда дела с людьми делаешь, никак не обойдёшься“.

Я не сказал о лицемерии, которое само собой попятно.

Из всего сказанного видно, что перерождение, о котором постоянно твердят хлысты и которым хвалятся, на деле не проявляется ничем, – оставляет их такими же, какими были, сообщив лишь некоторый внешний вид добро-поведения, и наделив сердце новыми тяжчайшими грехами – гордостью, злобой и лицемерием – этой духовной троицей, уподобляющей сатанинскому характеру.

В нравственном отношении характер их вообще не представляет ничего привлекательного: одно только неотъемлемо надо признать за ними – твёрдость характера и энергию воли, любовь к деятельности, дух инициативы любви к познанию. Между ними много плотников, прекрасно понимающих механику мельниц и подобных зданий, пчеловодов, мельников, маслобойщиков, скотоводов, ссыпщиков хлеба на станции. Некоторые выписывают и газеты: „Торгово-Промышленную“, „Русский Пчеловодный Вестник“, „Биржевые Ведомости“, – имеют и книжки серьёзного содержания: о пчеловодстве, о строении машин.

Трудолюбие и стремление узнать и перенять, что новое, – завидные черты в сектантах, которые являются причиной их зажиточности и составляют нравственную силу сектантов.

Свящ. Н. Ремеров

(Окончание следует).

**Добротин Г. Церковно-государственные воззрения
митрополита Филарета (Дроздова) на раскол и секты ³⁵³ //**
Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 833–841

Как правительство должно поступать с еретиками и раскольниками? С. 833–841

На этот вопрос Высокопреосвященный м. Филарет отвечает так: «отечески», что это значит? Отцы земные для исправления детей употребляют не одни кроткие увещания, но и другие меры. Отец небесный при всей бесконечной благодати своей обращает на путь истины заблудших большей частью строгими мерами, и грешники нередко начинают исправляться сначала по страху гнева и наказания Божия, а не по усердию и любви к добродетели. Правительство, отечески пекущееся о благе вверенных ему, должно поступать с народом, по своей необразованности не умеющим отличать истины от заблуждения, полезного от вредного, как с малыми детьми, которые редко научаются чему-либо полезному и доброму без понуждения, а после вспоминают о том с благодарностью³⁵⁴. С такой отеческой точки зрения, или с точки зрения терпимости, умеряемой осторожностью «для раскольников собственно в их пользу, нужен один закон, что они не преследуются за мнения их о вере и приватное моление по их обряду, каковой закон в России и существует»³⁵⁵. Таким образом, закон терпит заблуждение раскола, несопровожаемое оказательством или соращением от православия или нарушением гражданского закона. «Доколе решено не выходить из сих пределов, дотоле возможное и должное на него действие есть духовно-нравственное, назидательным словом и примером от духовенства, примером и увещанием от имеющих власть, а также недопущением раскольников до власти над православными, предпочтением православных раскольникам в общественных отношениях, осторожностью против усилия раскольников являться перед властями в виде особого сословия, и входить с ними в приятные отношения преимущественно перед православными. Оказательство раскола, соращение раскольниками православных, нарушение оными существующих законов и правил, дают случай более сильному действию на раскол. Как оставление таких случаев без внимания даёт расколу большую смелость и силу, так, напротив, уничтожение открывшегося оказательства раскола, верное открытие и обличение соратителя, и отнятие у него средств соращения, неослабное действие правосудия на раскольников, нарушивших существующие законы и правила, ослабляя смелость и охоту к подобным действиям, приводят в упадок дух расколоводителей и сам раскол. Чем своевременнее и неослабнее действие власти в таковых случаях, тем

его последствия благонадёжнее³⁵⁶. Должное взыскание за оказательство раскола, за совращение раскольниками православных и за нарушение оными существующих законов и правил, по мысли Филарета, нельзя почитать мучением и гонением по отношению к еретикам и раскольникам. «Если бы не было воспреещения совращать православных в раскол ими соблазнять их оказательством раскола; если бы послушники сего не преследовались законом, то как же бы иначе правительство охраняло веру и верных ей? А если уклонившиеся от законного порядка и содействующие уклонению других ограничиваются законом в правах, злоупотребляемых или для успеха секты на прельщение слабых мирскими выгодами, тут видно одно законное следствие общественного благоустройства: иначе не будет пределов своеволию и прельщению. Наконец, закрытие устроенных тайно скитов и других сектаторских мест и соборщ есть простая потребность всякого благоустроенного государства, в коем подобное самовольство не дозволяется и людям господствующей веры. Без таковых законов, конечно, неприятных расколу (равно всем его сектам и фракциям) «не было бы и покровительства православию и ни малейшего гражданского обуздания преступлений против веры. Но тогда нарушены были бы и сами уставы вселенских соборов, на основании коих в христианской империи оказывается защита православию от ересей»³⁵⁷. Взятие у раскольников некоторых монастырей и обращение их в единоверческие, Филарет оправдывал с иной точки зрения. «Если бы кто возымел мысль винить сие действие правительства, то он должен был бы обвинить многие подобные действия благочестивых защитников православия, напр., он должен был бы обвинять императора Феодосия и святого Григория Богослова за то, что они отняли у ариан главный константинопольский храм, и император ввёл в него Святителя под охранением воинов, как о сём рассказывает сам святой Григорий»³⁵⁸.

Правда, раскольники, а равно и еретики, стараются представить всякое ограничение их действий в виде притеснения и гонения. Но если смотреть со стороны справедливости, то возбуждающее жалобы действие правительства на раскольников является очень далёким от того, что в древние времена называется гонением. «Если при царе Алексее Михайловиче строго поступлено с раскольниками, запершимися в Соловецком монастыре, и при царях Иоанне и Петре с раскольниками, неистовствующими в Кремле и самом дворце: это было укрощение мятежа, а не гонение. Если своевольно и противозаконно построенную раскольническую часовню не позволяет починивать, а только позволяет терпеть до разрушения

силой времени: это не гонение, а снисхождение в том, что незаконное не разрушено тотчас. Если запечатывают часовню за то, что она вопреки существующему запрещению перестроена: это не гонение, а неизбежное охранение закона, чтобы он не был презираем. Если раскольнического священника берут к суду за то, что совратил православного: это не гонение, а защищение господствующей церкви от сделанного на неё нападения и даже снисхождение в том, что беглого не преследовали за побег, а прибегли к правосудию над ним только после нового преступления. Если не дадут раскольникам священников, независимых от духовного начальства, раскольники на сие не могут жаловаться, потому что не имеют никакого права требовать священников от церкви, к которой сами принадлежать не хотят. Если бы у церкви, против её правил, взяты были священники и отданы были на произвол раскольникам, наименование гонения и стеснения здесь были бы более у места, нежели во всех вышеупомянутых случаях; но это было бы не в отношении к расколу, а в отношении к церкви. Можно здесь указать на взятие у раскольников некоторых монастырей и обращение их в единоверческие». Но «если бы кто и из православных самовольно построит монастырь, и без законного дозволения постриг в нём монахов, не уничтожила ли бы сие законная власть, как скоро узнала бы? Неужели только своеволие православных должно прекращать, а своеволие раскольников надлежит оставлять неприкосновенным?»³⁵⁹. Вообще, если по отношению к раскольникам (равно и еретикам) и должна быть допущена терпимость, то с точки зрения Филарета, «Свод Законов назначил приложению сего правила справедливые пределы»³⁶⁰. При таком своём общем направлении, мероприятия правительства для успешного достижения ослабления раскола прежде всего и главным образом должны быть твёрды, постоянны. Раз «принявши известные меры, правительство должно следовать им неуклонно и неослабно, потому что малейшее ослабление их приводит раскольников к убеждению в бессилии и слабости правительства и в их могуществе, посредством происков и денег, делать тщетными предпринимаемые против них меры»³⁶¹. Таким образом, «меры предпринятые и невыдержанные нередко бывают вреднее, нежели когда бы оных совсем не было предпринято»³⁶². Не менее важен для успеха и сам способ приведения в исполнение предпринимаемых мер. Точное исполнение и «точное хранение секрета, где иногда он нужен» – необходимы. Наконец, «тщательное избрание и образование способных орудий и бдительное наблюдение за верностью их

действия» – есть также необходимое условие гражданских мероприятий.

Таков, по взгляду Филарета, должен быть нормальный, чуждый крайностей и вредной терпимости, и несвойственной христианству жестокости общий характер отношений правительства к раскольникам. Однако в частном своём применении к разного рода сектам и фракциям этот общий характер должен разнообразиться сообразно с духом и учением последних и той степенью вреда, которую они приносят церкви и государству. Чем опаснее секта в церковном и государственном отношении, тем строже должны быть предпринимаемые к её искоренению меры. «Если бы внимание правительства одинаково сильно устремлено было на все виды расколов, с изысканием и употреблением решительных укротительных мер, то могло бы открыться обременительное множество и разнообразие дел и распоряжений, которым внимание могло быть развлечено, а от сего могло бы последовать, что не все предпринимаемые меры будут выдержаны.

Посему внимание правительства, между разными родами расколов и сект, нужно разделить по настоящим обстоятельствам так: 1) чтобы за расколами было менее вредности, продолжаем был бдительный надзор против их усиления, а к ослаблению их действовало было с неослабным наблюдением правил, доныне принятых; 2) но, чтобы против сект более вредных и опасных для общественного блага и спокойствия, приняты были более прежних действительные меры, законодательные и распорядительные. Относительно раскола попавшинского главнейшие предметы наблюдения суть: 1) чтобы всякое построение и возобновление молитвенных домов... было или не допущено, или подвергало уничтожению места, ознаменованные неповиновением закону; 2) чтобы раскольникам сего толка изъяснено было местными гражданскими начальствами, что как всякий побег есть преступление против общественного порядка и закона, то и побег священника от своего законного места не можно не почитать преступлением, и что посему государственное правосудие не может попустить навсегда того снисхождения к беглым раскольникам попам, которое до времени (на основании секретных правил 1822 г.) оказываемо было только в надежде вразумления и обращения к порядку; 3) в особенности, чтобы раскольнический священник, совративший в раскол православного, или, что то же, совершивший какое-либо таинство над православным, немедленно лишаем был терпимости, которой дотоле пользовался, и отсылаем был к суду своего законного начальства; 4) чтобы местные начальства отнюдь не

уклонялись от исполнения существующих узаконений против оказательства раскола и против поручения раскольникам начальственных должностей; 5) чтобы совратители православных в раскол, кто бы они ни были, не оставались без ответственности, как нарушители общественного спокойствия и прав господствующего вероисповедания; 6) чтобы раскольники не были свободнее от законов, нежели православные, как, например, чтобы не оставались без ответственности вступающие в брак в несовершеннолетних годах, погребавшие умерших ранее трёх дней от смерти, погребавшие скоропостижно умершие без объявления полиции.

К тем отраслям беспоповщины, в которых приемлется моление за царя и не совсем отвергается брак, можно применить те же правила, какие нужны в отношении к поповщине. Из сект, более вредных и опасных, особенного внимания требует секта молоканская, которая, по духу своеволия и неуважения ко всему чтимому, по времени может угрожать общественному спокойствию, если не поставятся твёрдые преграды её распространению. Средства противодействия сей вредной секте могут состоять частью в приложении к ней с особенной силой существующих узаконений против расколов, частью в новых, особенных мерах, которые бы уменьшали значительность членов сей секты в обществе и влияние на других, и таким образом отнимали способы приобщения и привлечения в секту; как то: всякое оказательство молоканской секты должно быть не только запрещено, но и, по возможности, предотвращаемо надзором, а сделанное немедленно прекращаемо и сопровождается ответственностью нарушителей закона. Молоканские собрания для богослужения и учения секты, как в особых устроенных для того сборных избах, так и в частных домах, не позволительны. Молоканские сборные избы, как скоро будут усмотрены, подлежат сломке, а материал – продаже в пользу приказа общественного призрения. Собрание молокан в частном доме более десяти человек, сверх принадлежащих к семейству того дома, признаётся оказательством секты, и потому непозволительным. Полиция, усмотрев молоканское собрание, в первый раз немедленно распускает оное, а хозяину дома и начальствующему в собрании, изъяснив непозволительность оного, обязывает их подпиской не держать впредь собраний. Принявший к себе в дом молоканское собрание или начальствующий оным, после вышеозначенного личного воспрещения, подвергается семидневному аресту, или употреблению в общественную работу на столько же дней. Замеченный в том же в третий раз подвергается подобному взысканию; с увеличением срока задержания от двух до четырёх недель, смотря

по обстоятельствам. Замеченный в том же в четвёртый раз предаётся суду, как распространитель молоканской секты. Молоканин, проповедующий публично молоканское учение вслух православным, за первое действие сего рода, предаётся суду, как распространитель секты. Молоканин, совративший в свою секту православного, предаётся суду, как распространитель секты, а совращённый препровождается к духовному начальству для вразумления и обращения. Молоканин, преданный суду за одно из вышеозначенных действий, также препровождается к духовному начальству для увещания к обращению; и если обратится к церкви, получает прощение в тех сектаторских действиях, за кои предан был суду. На увещание можно употреблять от одного до трёх месяцев, и, смотря по надобности и для удобства в увещании, увещаемый может быть содержан в сие время в монастыре. Распространитель молоканства, облечённый и не принявший увещания к оставлению своего заблуждения, должен быть удалён из общества, в котором оказался вредным. Дабы лишить секту тех способов усиления и распространения, которые она заимствует из прав и отношений общественных, нужно ограничить сии права и отношения. Молоканин не должен иметь права записываться в купеческие гильдии. (Заградить вход даже в мещанство было бы неудобно в отношении к тем, которые доньше принадлежали уже к городским обществам). Молоканин, принадлежащий к крестьянскому обществу, не должен иметь права перейти в городское (хотя бы и получил свободу от помещика). Молоканин не должен иметь права принимать православных в постоянную зависимость, как то: иметь их в услужении, в учениках по ремеслу, и в работниках по фабрике или другому заведению. Член молоканского семейства, принадлежащий или вновь обратившийся к православию, должен быть принимаем в покровительство начальства против притеснений со стороны неправославных членов семейства. Неотделённый сын молоканина, обратившийся к православию, должен получить право отделённого сына, и, в пособие к первоначальному пропитанию и обзаведению долю из общей собственности семейства, к которому принадлежал. Льгота на время от податей обращающимся от молоканства не представляется вообще удобным к употреблению средством к обращению. Всегда православный платит подати. Чем счастливее тот, кто побывал в молоканстве, чтобы получить свободу на время от податей? Можно предоставить сие только тем, которые, при обращении к церкви, отделяясь от молоканских семейств, не вдруг могут устроить своё хозяйственное состояние и быть в силах платить подати. Тоже можно сказать и о рекрутской повинности. Поощрение

отличиями и почётным званием тех из молокан, которые обратятся и обратят с собой многих, может в некоторых особых случаях употреблено быть, как высочайшая милость; но и сие принять и огласить за общую меру едва ли удобно и полезно³⁶³.

Те же самые меры, какие правительственная власть, по мысли Филарета, должна употреблять по отношению к секте молокан, с равным правом могут быть применяемы и к секте духоборцев, ибо «духоборцы, как известно, одинакового духа с молоканами»³⁶⁴. «К жидовствующим» точно также «можно приложить меры, предполагаемые для молокан, или в то же время, или с некоторой постепенностью, по испытании оных над молоканами». «Относительно скопцов. поскольку оскотители истребляют потомство оскотляемых, то не было ли бы полезно действие оскотителей объявить в законе преступлением, близким к убийству, не столько для того, чтобы увеличить строгость наказания, сколько для того, чтобы показать более низким и презренным преступление?»³⁶⁵.

Законность и пользу охранительных мер относительно еретиков и раскольников м. Филарет оправдывал не одним только фактом признания их вреда в церковном и государственном, а ещё: а) примером других западно-европейских государств, поддерживающих и охраняющих господствующие у себя вероисповедания; б) фактами истории и фактом распространения самого раскола и его еретических сект и фракций, показывающими, что стеснительные меры, выдержанные строго и неуклонно, способны не только остановить успехи того или другого возникшего вероучения, но и вовсе подавить его распространение и, наоборот, меры кротости и снисхождения к нему способны его усилить; в) примером древне-вселенской церкви, которая в лице христиан императоров, св. отцов и соборов вселенских и поместных одобряла репрессивные меры против еретиков и раскольников и, наконец; г) необходимостью избежания тех печальных результатов для церкви и государства, которые воспоследуют, если раскол, со всеми своими разветвлениями, будет признан отдельным в государстве и совершенно свободным в своих внешних обнаружениях вероисповеданием.

Г. Добротин

(Продолжение следует).

**Из миссионерских дневников и записок // Миссионерское
обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 841–863**

Автобиография сектанта Степана Шарипова, насадителя штунды в Нижегородской губернии ³⁶⁶ С. 841–852

1894 г. августа 1 дня берусь я за перо и начинаю проверять ревностно шаткую жизнь мою со дня рождения моего. Родился я 28 октября 1840 года от родителей крестьянского звания православного вероисповедания, в котором и воспитывался я, и отдан был родителями для обучения грамоте читать и писать приходскому дьякону, у которого и кончил курс науки моего образования. Одиннадцати лет в 1851 году я лишился своего родителя и продолжал жить с моей родительницей. Ещё вместе со мной воспитывался мой меньшой брат. Жизнь моя с самого юношества направлена была ко благу, кротости и смирению, вместо юношеских забав полюбил я читать священное писание, а именно: житие святых отцов, которые помещались в месячных четьминеях и вместе с тем, увидя во мне народ такого ревностного мальчика, стали ко мне во время праздничных дней приходить ревностно набожные обоего пола старики и старухи и я им читал житие святых отцов, рассказывал жизнь святых и так далее; я и другие приходившие ко мне просиживали целые ночи, увлекались в эту мёртвую букву, не подозревая её погибельной. А также я принадлежал ревностным слугой нашей приходской видимой церкви, которую я ценил выше всякого достоинства. Село, в котором находилась церковь, от нашей деревни на 3 версты расстояния, я по своей ревности, в праздничные дни завсегда ходил в церковь к утренней службе ещё до колокольного звона. А также после окончательной службы, не давая мне отдыха, сообщался ко мне народ и просили меня, чтобы я им читал слово Божие, и я этому радовался, а на это имел дар истолкования передавать мёртвую букву и стал в возрасте более в познании мёртвой буквы и стал я известным и каким то отдельным мальчиком от общества народа и меня уже узнали не только нашего прихода народ, но и во многих окрестностях прошёл обо мне по моей жизни ревностной слух, и это всё доходило до ушей моих и я ещё более начал ревновать. Но вместе с тем стал показывать себя на делах праведности, стал рассуждать о постах, в которые принимал пищу со умеренностью, а тоже не принимать пищи по целым дням и ещё усвоил себе понедельник, чтобы не есть в него скоромного в знак того, что этот день принадлежит Михаилу Архангелу, который за это меня встретит в будущей жизни; также передавал я и другим и меня многие слушали и поступали также и я дал себе слово, что жить мне надо ещё строже для Бога, мне нужно отделить себя от мира, я

запустил свои волосы до моих плеч. В церкви я становился на одном месте перед иконой всех Скорбящих радости и молился по большей части на коленках усердными воздыханиями и в глазах всего народа. По окончании службы старался воздать каждой иконе отдельное поклонение и потом ожидал высокопочтенного своего пастыря, чтобы с покорностью подойти и просить у него руки благословения и тогда отправлялся к нему в дом, предлагал ему мои услуги, которые он мне поручал, я исполнял с ревностью при полной радости безвозмездно, но не остались мои молитвы тщетными перед иконой всех Скорбящих, а также любовь и почтение к высокопочтенному моему батюшке. Батюшка меня благословил в церкви во время службы быть при алтаре, подавать кадило и зажигать свечи и помогать дьячку петь на левом клиросе. А на правом пели у нас господские певчие и при том же батюшка, видя меня в этом деле ревностным, принял меры и сам стал меня подучать уставу церковному, который я так скоро перенял и к тому же дьячок был стар и по старости рад был мне; я так часто заменял его должность, отправлял службу за дьячка, и у меня на это был особый дар и я был прославлен этим во всей своей стране и так много мне приходилось читать посреди церкви Апостола и в других церквях и я совершал конец яко венец и после службы за это получал вознаграждение с жертвенника просфору, которая в то время для меня была как неоценённый дар, и притом же ревность и усердие моё не ослабевало, а возрастало, стал я посещать близ окрестные монастыри и много там познакомился с прозорливцами разного звания и они меня так хорошо принимали и я этому всему радовался; а также нередко меня посещали на дому монахи и монашенки и разного рода странники, да я в то время и сам был на подобие Семиона странноприимца в очах народа; я стал набожным человеком и так далее продолжалась жизнь моя ревностная, когда в нашу деревню в год два раза по обещанию стариков приносились из церкви иконы и в это время приходило много народу с других деревень и по окончании крестного хода наполнялся дом мой стариками и старухами, вообще набожными людьми, для которых был у меня приготовлен обед, а после обеда продолжалась духовная беседа, пели духовные песни и читали житие святых отцов. Евангелие в то время у меня находилось из церкви толковое, но оно не считалось нужным для чтения и оставалось нечитанным, в то самое время народу обучено было очень мало, даже и моё учение в очах народа становилось высоким, стали ко мне приходить многие и просить меня, что бы я взялся обучать их детей, но я не отказался; в одной из больших деревень сняли для меня дом, в котором я четыре зимы обучал мальчиков и в то время

был у меня заведён устав – каждый вечер читались вечерние молитвы, каноны, акафисты и мальчики хорошо пели, народ сходился много молиться и меня за это полюбили всё окрестное священство, а наш священник, которому я принадлежал, настолько меня любил, что, когда я долго не бываю давал известия, чтобы я пришёл и он часто говорил прихожанам и ставил меня им примером, что я не пропускаю ни одной службы и являюсь из деревни на расстояние 3-х вёрст к заутрени первым. А также передавал обо мне по окрестности господам, которыми я был любим, и все знали, что моя жизнь отдельная от мира, но мне казалось этого недостаточно и мне нужно пойти в монастырь и быть монахом и стал я просить у своей родительницы, чтобы она меня благословила, но родительница не была на это склонна, не давала мне благословения, но видя во мне такое ревностное желание, опасалась, что бы я не ушёл тихонько и знала она твёрдо, что я во всём слушал своего пастыря и просила его, что бы он меня уговаривал, который меня упрасивал, что бы я эту мысль выбросил из головы и я его послушал, остался при матери и должен был вступить в союз супружеской любви, стал заботиться о хозяйстве. И вот в одно прекрасное время один человек, живши несколько лет в Петербурге, и приехал погостить и опять сряжается в Петербург, стал приглашать и меня в Петербург, я изъявил желание отправиться с ним. Родительница меня отпускает, только осталось посоветоваться и попросить благословения у моего дорогого батюшки, и я отправился к нему и сказал ему: батюшка, посоветуешь ли мне ехать в Петербург и благословишь ли меня, изъявил ему согласие своей матери, он благословил меня, но этого благословения мне было недостаточно. Я ещё поехал вёрст за 30 к одному священнику, который считался прозорливым; он меня хорошо знал, я сказал ему: батюшка, благослови меня ехать в Петербург, но он мне ответил Степанушко, я не советовал бы тебе потому, что Петербург город завоёванный и в нём народ избалованный, а ты теперь хорошенький, а там недолго сделаться худым: но я настаиваю на своём, прошу благословения, он хотя и не от полного желания, но благословил. Я с ним простился и поехал с полной радостью, что получил от такого великого подвижника благословение, которое вполне может послужить мне счастьем жить в Петербурге; по приезде от прозорливца срядился ехать в Петербург, мать с плачем благословила меня иконой, на которой были изображены Николай Чудотворец, Тихон Задонский и Митрофаний Воронежский, которую я хранил как неоценённый дар; по приезде в Петербург я отправился прежде всего посетить Святые: Невский монастырь, Казанский собор и др. святыни, пред которыми так усердно

молился с коленопреклонением. Потом поступил я на должность в двор к хорошему хозяину, у которого прислуги так много и я не забыл своё ревностное дело: стал читать и ко мне стали собираться в свободное время слушать, и я понравился им, что так хорошо читаю и рассказываю, но вместе с тем сказал, что нужно бы закупить книг, житие Св. Отец и прислуги сделали сбор и купили Четьминею трёх месячную и так я много приучил народу; каждый вечер занимались чтением, а также каждые праздники посещал Петербургские храмы; проживши 8 лет, отправился на родину. На родине все были ещё живы и гостил на родине 3 месяца, более находился у своего любимого пастыря, который мне был очень рад, потом отправился опять в Петербург. По приезде поступил уже к другому хозяину, потому что тот хозяин дом распродал. По второму разу я в Петербурге жизнь повёл иначе, жил старшим дворником и познакомился с такими товарищами, которые приучили меня ко всему развратному пути, по которому я шёл неправо, стал я заниматься хмельными напитками прежде понемногу, а потом и много, к тому же стали прилагаться и др. пороки и забыл я всю свою прежнюю ревностную жизнь, но не забывал своё родительское благословение, перед которым навсегда теплилась и горела лампада; но вот теперь то такую порочную жизнь привожу на память, в одно прекрасное время вздумалось мне разыскать одного друга, которого я так долго не видал, а раньше мы с ним угощались дружески хмельными напитками. Я и услышал об нём, что он живёт на Выборгской стороне в д. В. А. Пашкова. Я и отправился туда; действительно, он живёт там, встречаюсь с ним и говорю: Ваня, милый, теперь угощай меня, потому что я с тобой так долго не видался, но он сказал мне: милый Стёпа, я не пью ничего. Но я сказал – меня потчуй; он вынимает евангелие и начинает мне читать, я слушать; вся гл. 12-я со ст. 46 до конца, я ему говорю – я, брат сам знаю писания; ещё тебя поучу, но он сказал: это хорошо если ты знаешь, пойдём со мной, у нас есть собраны приезжие старички; я пошёл с ним в квартиру, сидят старичков человека четыре и на столе лежали книги – несколько евангелиев и библии; он им говорит: вот я к вам привёл, это мой знакомый, они меня с радостью приняли и посадили; и начинают мне говорить из евангелия, я им говорю – нам в церкви читают, но они говорят мне, что вы только *знаете церковь лукавную*, о которой мы должны плакать, а не радоваться; они мне предложили прочесть гл. 17-ую–23-ю, я и думаю себе, куда я попался, что то говорят несогласно со словом Божиим, я начал им приводить из других книг мёртвую букву. Но один из них сказал – спасибо тебе, что хотя по мёртвой букве да знаешь писания, с тобой

можно обойтись. Я себе думаю, кабы на меня здание не повалилось, я допустил себе принять такие слова о святых, встаю и иду домой; но попрощался с ними и спросил, откуда они, только помню один сказал, что он с Ростова. Я прихожу домой, начинаю об этом думать, что они мне говорили и вдруг посмотрел – моя лампадочка не теплится, хочу зажечь, но наконец и думаю, что они мне говорили и пошла у меня борьба в моём сердце. Потом так поставил эту лампаду не зажжённой. Это было посреди недели, потом дожидаясь до воскресенья, и направился нарочно на Выборгскую для разъяснения слова Божия; прихожу в дом Пашкова, старичков уже нет; мне сказали, что они уехали по своим местам, тогда был в столовой кухонным мужиком один из верующих, взял меня за руки и пошли в маленький домик, который выходит фасадом на Сампсониевский просп. и посадили меня за стол и дали мне евангелие в руки и из другого начали говорить слова о вере и страданиях Господа Нашего Иисуса Христа. Я тогда с радостью слушал, потому что я за этим пришёл, и сам рассматривал во св. евангелии, которое мне казалось каким-то новым и поучительным; и я это всё принимал с радостью. Потом тут же подошёл Пётр Яковлевич и вместе мне говорили так много из евангелия и потом я отправился таким новым человеком, но тут же вскоре повстречалось со мной новое происшествие – я задумал отказаться от должности своей домовладелицы, у которой я служил; она этим осталась недовольна и я ей был должен сдать всё, что у меня было принято и хранилось под моим надзором; и у меня не оказалось одной железной печки и несколько штук стеклянных банок, которые были действительно мной уничтожены и переданы соседнему дворнику, с которым вместе продали и деньги пропили на вине: но дело пустяшное, а хозяйка мне не желала простить или бы хотя высчитать из моего жалованья; но заявила полиции, о чём и был составлен протокол, который передали мировому судье; и меня вызвали на суд. Мировой судья меня приговорил как за уничтожение чужой собственности в тюремное заключение на 4 месяца, я остался решением недоволен. Подал апелляционную жалобу на мировой съезд, как за неправильное решение, и нанял себе поверенного, когда вызвали меня на суд, тогда я молился перед иконами, так: если есть тут истинный Бог и святые во Святых Его сила и помощь, то вы мне этот раз окажите. Тогда я вас вечно буду почитать и буду для вас ревностным вечно слугой и никогда не буду колебаться, а если же вы меня на этот раз не спасёте и в этом не поможете мне, тогда не буду вас знать и не буду более вам кланяться, а буду знать как мне говорили из евангелия, сказал так Господь: сам ты яви силу, если только ты не помилуешь меня, тогда я

иконам кланяться не буду, а тебя Единого только живого одного любить буду, с тем и отправился на суд. Но хотя я ещё обозначаю, что вещи были уничтожены мной, но у хозяйки не было никакого доказательства, что я уничтожил, потому что подписки у неё не было для хранения вещей, легко мог бы суд меня оправдать, но угодно так было Господу, он сжалился надо мной и таким путём захотел взять меня из рва погибели, из тьмы в чудный свой свет и отвести меня от поклонения чужим и мёртвым богам для поклонения Ему живому, истинному помощнику и заступнику, спасителю и искупителю души моей. Как уже выше было сказано, что у меня был поверенный для ведения этого дела на суде, оказался поляк, и хозяйка моя, которая меня обвиняла – полячка, он с ней сошёлся и вместо защиты он мне сделался помехой, потому что мне и видно было, что он меня сплавлял, но самому говорить нельзя, потому что ему была дана доверенность и мировой съезд приговор утвердил мирового судьи. Это всё так благоугодно Господу. А я хотя и по делом наказан был, но сердце моё нисколько не приняло печаль, но напротив, я был радостен, потому, что тут же мне оказалось, что я познал истинного Господа и сказал себе: теперь я этих мёртвых богов и бездушных ненавижу и с того времени и до сего дня они мне противны и по милости дорогого Господа отбыл я наказание при полной радости и купил себе евангелия и оно мне тогда служило полным утешением и потом я лишён был Петербурга на 3 года, почему я и был отправлен на родину, проживя по второму разу же в Петербурге 12 лет. Но мне не было ничего жалко в Петербурге, как только одного того, что я мало так узнал о истинном Боге и о вере в него.

Приезжая на родину, начинаю прямо не боясь ничего об этих мёртвых богах и бездушных идолах и открыто говорю – да погибнут все, кто поклоняется им, но о любви Господа говорить не мог, потому что я и сам ещё не познал, но родительница моя была уже померши без меня, домашние мои никто не прекословили, кроме снохи, приехал я на родину на самую Пасху, но наш общественный народ, зная меня прежде такого ревностного поклонника этим мёртвым богам, дивились, но никто не возражал против меня, а только удивлялись; когда по обычаю на Пасхе принесли иконы в деревню и ходили с ними домам дошли до нас, я в это время ушёл на двор, чтобы не видеть их бездушных и я тогда смотрел на них с полным презрением и к священнику тогда уже никогда не ходил и мне передавали, так что попадья ему говорила – так отец ты сходил бы к Степанушке и поговорил бы с ним, может быть он и послушал, но священник ей на это ничего не высказал и ни разу у меня не был; я от Пасхи дожид до

Троицы и узнал, что не более вёрст 80 от моего жительства В.А. Пашкова, я и вздумал, что наверно там есть одной со мной веры и пошёл пешком; накануне Троицына дня прихожу туда, мне попался мужичок и я его спрашиваю: скажите, пожалуйста, есть ли в имении Василия Александровича такие люди, которые не кланяются иконам, он мне начал рассказывать, сколько их и как их звать по имени. Сказал – да и я сам к ним похаживаю; я дальше пошёл с радостью и прихожу во двор, спрашиваю таких, то меня прямо направили к ним, я прихожу к одному брату, у него ещё есть другие, я им прямо говорю, что я из Петербурга верующий и был в доме Василия Александровича Пашкова. Меня они так радостно приняли точно ангела с неба и преклонили колена, начали благодарить Господа за моё посещение и я у них прожил двое суток; они меня тут в это время подучили и сказали о любви ко Господу и я это время у них провёл как один час и они мне всё показали, что у них есть редкость у Василия Александровича и когда я от них срядился в путь, они мне напекли лепёшек и яиц и дали в подарок библию и несколько евангелиев и других много брошюр и их радостный приём и братскую ко мне любовь несколько мне придали радости и ревности о Господе Нашем Иисусе Христе и я от них шёл, поя и скача и хваля Бога; и в одном селе на моём пути попадаетеся мне крестный ход, иду мимо и шапки не ломая; из толпы народа одна женщина говорит: как же ты русский, а хуже татарина; потом придя я в свою деревню и начинаю проповедовать живого Господа и укоряя немощь бездушных и мёртвых богов; тогда разнеслась обо мне молва, что я не только что не кланяюсь иконам, но и другим не даю совета для почитания их бездушных; и ещё напоминаю себе в один из праздничных дней из другой деревни, в которой так много сектантов перекрещенцев и эти сектанты пожелали меня к себе для беседы о слове Божиим, я не смотря на моё слабое познание любви Христовой по моей ревности не отказался, взял с собой подаренную мне библию и отправился по назначению ихнему в дом, которые меня там приняли ласково, узнал это народ и нашло так много, что едва могли поместиться. Я решился с ними вести беседы только при таких условиях, что я не принимаю других книг кроме Богодухновенной библии и о которой мы начали беседовать и мне ихний поп предложил: 1-я, что Иисус Лавин поклонился ангелу, но я сказал ему, что он не из-за того поклонился, чтобы следовало, но пришёл в страх вдруг увидя ангела вооружённого с мечом; 2-е, мне предложил и книги Числ, как Моисей вознёс медного змея и народ кланялся ему, по я отвечал ему, что это не было поклонением, а кто с верой воззрит на него и будет исцелён, это служило прообразом Иисуса Христа; потом я им передал

и пс. 113 со ст. 11-го до ст. 17 и перешёл в Новый Завет, из которого передал им деяний гл. 17 и послание к римл., на что они мне из этих книг не могли сделать никаких возражений и начали руководиться другими книгами, которые я не принял и они остались побеждены словом Божиим и мне было так радостно, что Господь ко мне благоволил своей любовью и возвратился в свой дом с великой радостью и просил Господа, чтобы он помог мне возрастать в познании истины. По приезде в Петербург проживя я три месяца, отправился в город Астрахань на пароходе по реке Волге. По приезде в Астрахань мне пало на мысль прежде чем поступить на должность разыскать кого-нибудь из братьев или хотя кого из молокан; потому что я вполне знал, что молокане тоже не кланяются иконам, а потом я от них могу узнать и о братьях, но думаю себе, спрашивать русских невозможно, то я решился об этом обратиться в персидскую лавку и расспросить о молоканах у персиянина, потому что, думаю себе, что персияне иконам не кланяются, они наверно знают о молоканах и направят меня, но к сожалению моему тут со мной могло произойти такое направление, а именно, перс попался такой хитрый и лукавый, который поступил со мной так: когда он меня выслушал и сказал мне: да я знаю где живут молокане, пойдём я тебя сведу к ним и привёл меня в дом, в котором помещалась мастерская ремённой сбрауи; народу сидело, работало много, во в Астрахани народ знает по-персидски и он им передал по-персидски и ушёл; один из них ко мне обращается – садись не бойся, мы молокане, вот один скоро придёт и с тобой будет говорить; я сел и смотрю, что стали перешёптываться и мне это стало подозрительным; я сказал: я зайду другой раз, встаю и хочу уходить; один из мастеровых берёт со стены висевшую ремённую плетть и начинает мне накладывать ей по спине и где попало; я направился бежать к выходной двери, а он за мной и накладывает мне с приговором: вот я тебе покажу как молокан разыскивать, а мы православные, и к тому же шлея была выкрашена и не засохшая, весь я оказался в краске; выбежал на улицу и он вернулся назад, я и думаю – вот перс меня направил, а я стал благодарить Господа, что он мне даровал принять любви ради его побои; и потом разыскал моего хозяина, у которого служил здесь в Петербурге и он поместил меня на должность и я служил у них ещё в Астрахани 8 лет; хозяин рыбопромышленник очень богатый человек и с доброй душой; прислуги в доме было очень много, меня все любили и почитали за молокана, а между тем я разыскал и молокан и ещё духоборцев, которые тоже иконам не кланяются; и к духоборцам я частенько ходил на собрание и они меня приучали, но я с ними по слову Божию не сходил, потом я

отошёл от хозяина и открыл торговлю – мелочную и бакалейную лавочку, в которой торговал два года. Жизнь моя была не сходственна со словом Божиим, а проповедь моя усиливалась о не почитании мёртвых богов. Но сердце моё предвозвещало мне, что мне нужно дополнить мою радость по слову Господа, я и решился уничтожить все торговые принадлежности и ехать прямо в С.-Петербург, не заезжая на родину. Прибыл я в С.-Петербург 1-го октября 1890 г. на Выборгскую сторону в дом В. А. Пашкова и разыскал Петра Яковлевича, через которого узнал о собраниях Петербургской церкви и вся моя цель была как бы лишь достигнуть той цели, чтобы участвовать в братстве и быть членом церкви Христовой, но ещё у меня не доставало очень много для достижения той дорогой цели; я решился прежде всего просить Господа, чтобы он открыл мне, от кого научиться; меня направили к одному из Петербургских братьев, с которым я беседовал о слове Божием, о возрождении и о крещении, и о преломлении и был я направлен так: – покаяние и возрождение необходимо, без крещения можно обойтись. Но мне свидетельствовало слово и моё полное желание, чтобы получить для полного совершенства и исполнения воли Божией, и я был направлен к брату Фасту, которому тоже передал я моё желание о крещении, брат Фаст мне сказал, что непременно по получении возрождения и обновления духом св. озаботится и о крещении, а потом о преломлении хлеба. Я получил это радостное наизидание, стал просить Господа, чтобы он дал мне при сокрушении сердца принести ему покаяние; Господь не замедлил, дал мне скоро сокрушённое сердце, и я целый месяц плакал о грехах, соделанных мной и даже во слезах забывал сам о себе. В одно прекрасное время шёл по улице на Выборгской стороне и во слезах говорю и рассуждаю в слух сам с собой и смотрю: народу так много останавливается и смотрит и я смотрю, но ничего не подозреваю, но потом понял, что народ смотрит на меня и потом далее продолжалось со мной также, но никогда не может забыться мной та дорогая ночь, в которую я получил истинный свет от Господа и моего Спасителя и Икупителя Иисуса Христа; днём я работал так тяжело, пришедши на квартиру, живу в уголке между неверующими; помолиться мне с коленопоклонением было невозможно, я молился лёжа на кровати духом со слезами и просил Господа, чтобы помог он мне ещё более просить о дне возрождения и послал бы в сердце моё благодать духа Христова, и Господь не замедлил принять моё прошение. Перед самым утром я почувствовал в сердце моём переворот, как что-то прошло по моему телу и от сердца что-то от меня отвалилось и я стал, я чувствовал в сердце моём лёгкость и неизреченную радость, я тут же встал и сказал

себе – вот я когда получил .благодать духа Христова и начал благодарить Его за Его великую и богатую милость и с радостью и благодарением провёл и сказал себе: вот когда я вкусил как благ Господь. До этого дня я плавал в житейском море созерцающего океан и приплыл к такому пристанищу и поставлен на твёрдом камени на камне исповедания Иисуса Христа моего Спасителя. Эта счастливая и светлая ночь была для меня в последних числах ноября 1890 г., присоединение к братии и церкви Христовой в 1-х числах января 1891 г.; крещение я получил 14 марта 1891 г.; я получил от Господа крещение, перед которым давал обещание доброй совести умереть для греха, а жить для праведности Иисуса Христа, и служить ему всем сердцем и всей внутренностью моею, воздавать ему благодарение за всю любовь и милость, которую он благословил ко мне бедному грешнику; и когда на мне исполнилась воля Божия и я вполне обрадован, что совлёкся ветхого человека и сказал себе: кто меня теперь отлучит от любви Христовой к римлян. гл. 8-я со ст. 25 до конца. Со дня принятия крещения описываю жизнь мою: вскоре получил от Господа посещение болезни, был я целное лето болен, которую переносил при полной радости, как от руки самого Господа и Господь благословил меня – дал мне здоровье; далее 1892 года ещё Господь посетил меня, взял в загробную жизнь мою супругу, с которой я проживши в супружеской любви 36 лет и я об этом известие принял к сердцу печально; и преклонил колена перед Господом и он помог мне отнять печаль от сердца моего и тут у меня явилось ещё больше любви и ревности к Господу и сказал, что я теперь один и тебе принадлежу, Господь, ты отними от меня все попечения о доме и о детях моих, потому что они у меня в полном возрасте, я их всех кладу к ногам твоим. А также прошу тебя, освободи моё сердце от присутствия земных благ, дабы я не был привязан к ним сердцем, подай мне то, чтобы я мог навсегда надеяться на тебя, где я не буду, ты меня нигде не оставишь и нигде не покинешь, и Господь услышал меня и отнял от моего сердца все эти заботы. Благодарение ему за все его ко мне милости, которые я получил от него. Далее в 1893 году я стал стремиться чтобы по мере веры моей передавать любовь Господа незнающему народу, а именно: продолжал и моё дело в рынке торговлей и в одном из трактиров часто доводилось говорить слово Божие, а также со мной в этом деле участвовал один брат Фаддей Сафронов. Нам в трактир ходить запретили, мы перешли рядом в другой и там стали проповедовать любовь Христа; нас выгнали из этого трактира. 1893 г. 3 ноября я отправился с братом Семёном Алексеевым в один дом к содержателю ломового извоза для

проповеди слова Божия 8 ч. вечера; где я только лишь начал читать евангелие и пришли 2 дворника и городской взяли нас и повели в участок, где мы и представлены были перед лицом пристава, который со мной пожелал вступить в разговор о слове Божиим и я в то время в полном сознании чувствовал особый дар благодати духа св. и я с ним говорил более часа и Господь помог мне передать ему о вере в страдание Иисуса Христа и в чём состоит церковь Христова, о нашем душевном и духовном и о преломлении хлеба и о других многих дивных делах Господа. Последним словом закончил пристав, как наши митрополиты: я указал ему лежавшее на столе евангелие и сказал об этом – смотрите в этой книге и потом нам была объявлена свобода и мы пошли домой, радовались и напоминали Св. апостолов, как они получали побои за имя Иисуса Христа, радовались. Потом в один прекрасный день Господь помог мне на рынке говорить слово Божие всей толпе народа и многие из народа слышали с радостью, а некоторые ожесточились и с разъярёнными сердцами бросились на меня и на мальчика 15-летнего, вот который ходил со мной и били нас всенародно и мы получив столь жестокие побои остались невредимы, и не чувствуя никакой болезни, а также и далее Господь часто помогает передавать любовь Господа незнающему народу; по слову Господа наши дела сеять на доброй земле, сеять и на голой скале, а возрастит Господь; вот теперь в чём состоит жизнь моя радостная – я неразумен – Господь премудрость моя – вразумляет и научает меня, я немощен – Господь в сём помощь моя, я слаб и бессилён, Господь проявляет силу в немощи моей. Враг, диавол ставит преграды на пути моём, но я силой моего Господа разрушаю все преграды из мысли его. Господь моя радость, Господь моя помощь и твердыня во всём, Господь мой помощник и заступник и отец. Господь моя охрана; Господь Пастырь мой, я ни в чём не буду нуждаться.

Сахаров И. Моё знакомство и поездка с лже-епископом Петром и характеристика Бессарабских раскольников. С. 852–863

Давно хотелось мне познакомиться с раскольническим „владыкой“ Петром, лже-епископом Бессарабским и Черниговским. Это моё желание осуществилось, наконец, 30 апреля. Утром этого дня я, прибыв в г. Бендеры, направился во двор старообрядческой часовенной церкви. Меня сопровождали двое городских, взятых мной на всякий случай³⁶⁷. В виду того, что в прежние мои приезды раскольники всячески устранили мою встречу с их „владыкой“ и уверяли меня, будто их „епископ“ выехал из города, я принял некоторые меры, благодаря которым на этот раз наше свидание состоялось. Увидаться с Петром мне пришлось на кухне, „его преосвященства“. Здесь – в углу тесной и грязно содержимой комнаты, под образами, сидели за столом два старца в старообрядческом монашеском одеянии и с сукфьями на голове: один из них – здоровый и плотный, лет 70, – и был „владыка“ Пётр. Я сразу его узнал, так как в день Благовещенья видел его служение в г. Кишинёве, в старообрядческой церкви, находящейся в Часовенном переулке. Другого старца мне также приходилось видеть: он занимает у бендерских раскольников должность привратника при моленной и келейника и стряпухи при особе своего лже-архиерея. В стороне, на скамейке сидели две женщины, как я потом узнал – племянницы Петра, пришедшие его навестить по случаю праздника. На столе стояло блюдо с горячей лапшой; вино почему-то отсутствовало, хотя Пётр – большой любитель выпить; этого не скрывают и сами старообрядцы. Истovo перекрестившись перед образами три раза, я поздоровался со „владыкой“ и заявил ему о своём желании с ним познакомиться. Старик сразу догадался, с кем он имеет дело. „Не хочу я с тобой знакомиться!“ сказал он мне с гневом, и на его лице появилось знакомое мне выражение ненависти, свойственной фанатично настроенным раскольникам. „Зачем ты сюда пришёл? Я тебя не звал!“ продолжал Пётр с возрастающим возбуждением. „Ты приехал сюда гавкать. – ну и гавкай себе на улице, а меня не смей беспокоить!“

– „Напрасно вы на меня гневаетесь!“ мягко возразил я. „Я не сказал вам ни одного слова, которое бы вас могло прогневать. Что же касается моего желания познакомиться с вами, то оно так понятно: странно было бы. Если бы противо-раскольнический миссионер не был

знаком с главой бессарабских старообрядцев-неокружников! Вы выразились, что я приехал сюда „гавкать“. Подумайте сами: можно ли называть „гавканьем“ беседы о вере“!..

– „Нам ваших бесед не надо“! с сердцем ответил Пётр. „Сами вы заблудили, да ещё и наших хотите увлечь за собой. Напрасно ты беспокоишься: ничего здесь не достигнешь!.. А это что за люди“? спросил Пётр, указывая на полицейских. „Зачем ты привёл их с собой? Вы – миссионеры – только и действуете при помощи полиции и вообще всячески нас притесняете“!

– „Ну, на притеснения со стороны полиции вы, кажется, пожаловаться не можете“! возразил я. „Вы, например, свободно разъезжаете по раскольническим весям северной Бессарабии, а, ведь, такие поездки старообрядческих архиереев именуются пропагандой раскола и запрещены законом. Несправедливо вы сетуете и на то, что я явился к вам с городскими. Я уже пробовал ходить сюда один, но оказалось, что в Бендерах это не безопасно. Например, в сентябре месяце прошлого года, уставщик Лукьян Семенов был до того со мной дерзок, что не постеснялся публично выгонять меня из молельни.

– „Уставщик был пьян вином, а ты – пьян умом“! воскликнул Пётр с поразившей меня находчивостью.

– Я ответил: „Кто из нас пьян умом – я или „ваше преосвященство“ – это мы увидим на беседе. Ведь: для того миссионер и приезжает к старообрядцам, чтобы своими беседами содействовать разъяснению вопроса – кто находится в заблуждении – старообрядцы или Церковь Православная“?

– „Знаю, из-за чего ты хлопчешь“! перебил меня лже-епископ: „тебя привлекает жалованье, которое ты получаешь от правительства“.

– „Совершенно напрасно вы упрекаете меня жалованьем“! возразил я. „Если бы я не получал жалованья, мне бы не на что было совершать и свои поездки к старообрядцам. Притом оплачивается не один только миссионерский, но и всякий другой труд. В качестве старообрядческого „епископа“ вы должны знать слова Христа, сказанные Апостолам: „*достойн деятель мзды своя*“. А сами-то вы разве не получаете жалованья? Припомните, сколько денег вы получили от белецких, грубенских и покровских старообрядцев, когда ездили к ним в конце января и в начале февраля месяца прошлого года“?

– „Ну, и ездил“! с задором воскликнул Пётр. „А тебе какое дело? Ты считал, что ли, сколько мне дали старообрядцы“?

– „Это вы сами сосчитали, без моей помощи“! ответил я. „А напомнил я вам об этом для того, чтобы показать вам, что и сами вы

получаете содержание от старообрядцев. Вообще, живётся вам не худо: ваши пасомые дают вам не только деньги, но и дарят вино и при всяком удобном случае угощают сытными обедами“!

– „Ну, будет тебе говорить“! прервал мою речь лже-епископ. „Уходи отсюда: дай мне спокойно пообедать“!

Вслед за его словами на меня обрушился целый поток брани со стороны раскольников. „Не дал пообедать нашему родителю“! (племянницы Петра, именно, так называли своего „владыку“) говорили они с укоризной. Чтобы не мешать трапезе, я на время прекратил беседу и сел на скамейку рядом со старообрядками. Легко было заметить, что мой визит совершенно испортил настроение лже-архиерея: всё остальное время он сосредоточенно молчал, и с его лица уже не сходило выражение крайнего неудовольствия. Кончив обедать, он спешно помолился перед образами и пошёл в свои покои, находящиеся против кухни, на другой стороне коридора. Я последовал, было, за ним, но Пётр сказал мне с сердцем: „оставь ты меня: не нуждаюсь я в твоей беседе“! Войдя в свою образную, он быстро захлопнул дверь и запер комнату изнутри. Когда я отправился домой, следом за мной вышли из „архиерейских покоев“ и племянницы лже-епископа. На церковном дворе они снова осыпали меня укоризнами и перестали браниться только тогда, когда потеряли меня из виду.

В г. Бендерах я провёл четыре дня. Со старообрядцами ежедневно имел публичные беседы; они происходили на открытом воздухе, во дворе раскольнической часовенной церкви. Беседы велись на тему о сложении перст для крестного знамения и о незаконности старообрядческого Белокриницкого священства. Моими возражателями были начётчики: Алексей Вышибаев, Спиридон Новиков, Иван Худяков и некоторые другие старообрядцы. Содержание бесед я передавать не буду. Скажу только, что меня крайне удивила перемена в настроении раскольников: в них не осталось и следа от той ненависти, какая отличала их в прежние мои приезды. На последних моих беседах раскольники вели себя гораздо сдержаннее, чем прежде, слушали меня с большим вниманием и, по окончании бесед, любезно прощались со мной и даже приглашали к себе в гости. Я дважды воспользовался этим приглашением, и мне не пришлось раскаиваться в том, что я навестил старообрядцев: они приняли меня с чисто-русским радушием и гостеприимством, и даже раскольнический лже-иерей Иулиан Гулькин был в числе лиц, принимавших участие в расходах на угощение миссионера. Оказанное мне гостеприимство является тем более ценным для меня, что раскольники проявили

здесь значительное мужество и шли наперекор воле своего „владыки“: лже-епископ Пётр потом признавался мне, что он подвергнул епитимии всех лиц, которые меня принимали. – Перемене отношений ко мне, какую я заметил в бендерских старообрядцах, много содействовало укоренившееся среди раскольников убеждение, что я – бывший старообрядец, присоединившийся к Церкви Православной.

„Это из наших“! убеждённо говорили про меня слушатели моих бесед. Сколько ни пытался я разубедить раскольников, они не придавали веры моим словам. „Напрасно, голубчик, трудишься: что ты „с наших“, – это видно и по твоей наружности и по выговору, и по всем твоим манерам“! говорили мне раскольницы – старушки, с которыми я беседовал о своём происхождении.

В первый же день моего приезда старообрядцы познакомили меня со всеми новостями, какие случились со времени моего последнего приезда в г. Бендеры. Самой интересной для меня новостью было смещение с должности уставщика того самого Лукьяна Семенова, который дерзко обращался со мной на моих бендерских беседах в сентябре месяце 1899 года³⁶⁸. „С тобой наживёшь разных неприятностей“! говорили старообрядцы Семенову на сходке: „миссионер послан от правительства – и с ним нельзя так обращаться“!

Из г. Бендер я выехал 3-го числа мая, в 8 часов вечера, в село Куничное, Сорокского уезда³⁶⁹, куда нужно ехать по железной дороге.

Получив в кассе билет, я оглянулся назад и долго не мог опомниться от удивления: следом за мной протянул к кассиру руку за билетом раскольнический „владыка“ Пётр Бендерский! В некотором отдалении от него стояла группа раскольников, пришедших проводить своего „владыку“. Свиту Петра составляли: лже-иерей Иулиан пономарь раскольнической часовенной церкви, старообрядческий уставщик, церковный староста и некоторые другие почётные лица.

– „Отче, куда это вы направляетесь“? обратился я с вопросом к лже-епископу в то время, как он получил билет и отошёл от кассы.

– „А я еду на праздник в Куреневский монастырь“! ответил мне Пётр, улыбаясь. „9-го мая там бывает большое торжество, и к этому времени в Куреневку стекаются старообрядцы из разных губерний“³⁷⁰.

Любезный топ Петра был для меня тем неожиданнее, что я не считал лже-епископа способным на мирный разговор с миссионером.

– „Скажите мне, почему вы так сурово отнеслись ко мне, когда я сделал вам визит в вашей келье“? снова спросил я лже-архиерея.

– „Ну, я тогда ещё не был с вами знаком, – оттого и осерчал немного“! благодушно ответил мне раскольнический „владыка“: „а

теперь я познакомился с вами, и мы ссориться более не будем“! прибавил он дружелюбным тоном.

Некоторые лица из свиты Петра обратились ко мне с разными вопросами, и разговор сделался общим. Я выразил Петру желание ехать в одном с ним вагоне, и он, хотя и без особенного удовольствия, на это согласился.

Вместе с Петром в Куреневский монастырь ехали – раскольнический диакон, необходимый для участия в архиерейском служении, и ещё один бендерский старообрядец. На Петре был обыкновенный раскольнический костюм, лже-диакон был одет в такую же рясу, какую носит и православное духовенство, а третий старообрядец был в мирском платье. Когда поезд тронулся, „владыка“ обратился ко мне с такой речью: „Скажите, г. миссионер, зачем это вы трудитесь и понапрасну голову людям забиваете? Старообрядцы живут себе спокойно и никого из вас не трогают. Чего же вы от них хотите? Богу они молятся, посты хранят, табак не курят, бороду не бреют и всячески блюдятся от поганых обычаев, которые умножились у вас за последнее время. Зачем же вы ездите развращать их и убеждаете их склониться на вашу „никонианскую“ веру? Скажите, что хорошего в вашей Церкви? Посмотрите вы на своих священников, какую они ведут жизнь? Курят табак, посты не соблюдают, сокращают службу, вымогают за требы“... Я хотел отвечать Петру, но спутники „владыки“ меня перебили и настоятельно потребовали, чтобы я до конца их выслушал. Я предоставил им свободу слова, и они наперерыв стали сообщать мне сведения о разных неблагоприятных поступках знакомых им православных священников. Несколько раз я хотел прервать поток раскольничьего красноречия, но мои собеседники всякий раз перебивали мою речь и лишали меня возможности ответить на приведённые ими обвинения. Замолчали они только по требованию других пассажиров вагона, заявивших, что должно выслушать и ответ миссионера.

– „Я не буду входить в рассмотрение того, – начал я, – насколько справедливы упрёки моих собеседников по адресу православного духовенства. Но пусть будет правдой всё, что они рассказали. Что же отсюда следует? Это значит, что среди православных священников есть лица, имеющие те или другие недостатки. Но, ведь, и Сам Христос сказал, что в Его Церкви вместе с пшеницей будут всегда расти и плевелы. Даже в обществе учеников Христовых нашёлся Иуда предатель. Старообрядцы требуют, чтобы православные священники были вовсе свободны от недостатков. Но мои собеседники забывают, что иерей – такой же человек, как и все другие, и что он подвержен

общим человеческим слабостям. Недостойные священники были даже и во времена наиболее почитаемого старообрядцами святого Златоуста. „Случает бо ся, – говорит св. Златоуст в своих беседах, – начальствующим быти злым и скверным, начинаемым же кротким и смиренным: и людянином убо в благоговении жити, священником же – в лукавстве“ (Беседы св. Златоуста на 14 посланий св. Апостола Павла, л. 602-й). Упрёки старообрядцев имели бы силу в том лишь случае, если бы недостатки священников лишали Церковь православия и препятствовали благодати Св. Духа сходить на верующих в таинствах, совершаемых недостойными священниками. Но от таких мыслей удерживает христиан тот же св. Златоуст в следующих словах: „Не имяше ниже крещение быти, ниже тело Христово, ниже принос онеми, аще бы везде достоинство благодать искаше. Ныне же и недостойными Бог действовати обыче, и ничим же крещения благодать от жития священническаго повреждается, понеже имел бы приемляй умалитися; яко убо аще и не часто бывают сия, бывают обаче. Сия же глаголю, да никто от предстоящих, житие испытуй священническое, соблазнится о совершаемых тайнах: ничто же бо человек в подлежащая вводит, но сие Божия силы дело есть, и Той есть тайно водий“ (там-же). Уважаемая старообрядцами книга „Большой Катехизис“ также говорит, что благодать сходит на верующих и через порочных священников: „благодать Божия множицею и недостойными действуется, яко же и недостойными священники освящаемся“ (л. 15-й об.). В заключение я должен сказать, что, осуждая священников, старообрядцы нарушают следующие слова св. Иоанна Златоуста: „Ты почто осуждаеши брата твоего? Аще брата не подобает осуждати, много паче учителя... Аще убо веры учение имать развращенно, аще и Ангел будет, не повинуйся: аще ли же право учит, – не житию внимай, но глаголом“ (там же, л. 2553-й). А, ведь, ни один православный священник, – прибавил я, – не будет учить, что можно нарушать пост или обижать ближнего“.

Раскольники, после моего ответа, значительно изменили тон: они поняли, что главный их упрёк, после моих разъяснений, потерял свою силу. Что же касается остальных слушателей, то они выражали видимое своё удовольствие, что я не остался в долгу у наветников на православие. О беседе православного миссионера с раскольническим лже-архиереем скоро стало известно во всём поезде, и наш вагон стал наполняться пассажирами из соседних вагонов; в короткое время около нас собралась целая толпа слушателей.

– „Скажите, г. миссионер, – обратился ко мне раскольник в мирском одеянии, – какими церковными правилами дозволено

употреблять на свадьбах музыку и провожать новобрачных от церкви до дому с плясками и пением светских песен“?

– „Церковных правил, разрешающих это, – ответил я, – не существует, но вы напрасно думаете, что обычай употреблять на свадьбах музыку ведёт своё происхождение от патр. Никона. Вы сейчас увидите, что этот обычай был на Руси в употреблении задолго до отделения старообрядцев от Православной Церкви. Раскрыв бывшую при мне книгу „Стоглав“, я прочёл из неё следующее место: „В мирских свадьбах играют глумотворцы и арганники и смехотворцы и гусельники и бесовские песни поют икак к церкви венчаться поедут. Священник со крестом едет, а перед ним со всеми теми играми бесовскими рыщут, а священники им о том не возбраняют, и священником о том достоит запрещати. И о том ответ. К венчанию ко святым церквам скоморохом и глумцом перед свадьбою не ходити и о том священником таким запрещати с великим запрещением, чтобы таковое бесчиние никогда же не именовалось“ (Стоглав Казан. издания, стр. 85-я).

– „Пусть миссионер покажет нам, какими церковными правилами дозволено христианам брить бороду!“ – обратился к слушателям раскольнический лже-епископ.

– „Церковных правил, позволяющих брить бороду, правда, нет, – ответил я, – но, ведь, Православная Церковь никому из христиан и не даёт благословения на острижение брады. Напротив, священники православные побуждают христиан к сохранению брады даже своим собственным примером. Притом, я могу доказать своим собеседникам, что обычай брить бороду появился у русских не со времён патр. Никона, как это обычно утверждают старообрядцы, а был в употреблении гораздо ранее. На обычай брить бороду указывал ещё Стоглавый собор, в следующих словах: „да по грехом слабость и небрежению и нерадение вниде в мир, в нынешнее время нарицаемся хрестьяне, а в тридцать лет и старюе главы бреют и брады и ус и платье и одежи иноверных земель носят, то почему познати хрестьян“ (Стоглав, стр. 34-я). В Служебнике патр. Иосифа также говорится: „И не вем, како и откуда в сицевой народ православия и в кое время в велицей Руси еретический недуг (т. е. брадобритие) привниде“ (Служебник 1646 г., л. 521-й).

– „Видите: Иосиф патриарх называет брадобритие обычаем еретическим!“ – воскликнул раскольнический. „владыко“.

– Я ответил: „Еретическим он назван потому, что это – обычай иноземный, а всех иностранцев русские привыкли считать еретиками. Важно то, что этот обычай имеет давнее происхождение, и

старообрядцы совсем несправедливо приписывают введение его патриарху Никону“.

– „А знаете ли вы, что бранобрите запрещено Стоглавым собором?“ – обратился ко мне с вопросом лже-епископ.

– Я ответил, что это запрещение мне хорошо известно и, раскрыв Стоглав на 77-й странице, прочёл из него нужное место.

– „Ну, а табак? – хором спросили меня мои собеседники. – Что скажете вы в его защиту?“

– Я ответил, что и табак употреблялся в России гораздо ранее патр. Никона, как это видно из следующих слов „Книги о вере“, перепечатанной при патр. Иосифе: при пьянстве и „бесовская табака возниче“ (л. 128-й). „Вообще, я должен сказать, – заключил я свою речь, – что старообрядцы совершенно несправедливо обвиняют Церковь за употребление православными христианами табака и за бранобрите. Церковь никому из христиан разрешения на это не даёт, и православные содержат эти обычаи по собственному своему побуждению, а не по церковному благословению“.

Видя, что поразить меня на догматической почве им не удалось, старообрядческий „владыка“ и остальные двое раскольников снова стали указывать на разные недостатки, замечаемые в православных жителях Бессарабии. Дав им вволю наговориться, я обратился к слушателям с такими словами: „Вы слышали рассказы старообрядцев о недостатках, свойственных православным христианам. Теперь я прошу у вас позволение дать характеристику самих старообрядцев. 28-го числа апреля, следовательно, пять дней тому назад, я представил преосв. Иакову, епископу Кишинёвскому, отчёт о своей деятельности за 1899-й год. В этом отчёте я вот, между прочим, что писал о старообрядцах северной Бессарабии. „Среди старообрядцев моего района замечается сильный разврат, и многие из них очень легко смотрят на внебрачные сожителства; среди единаецких беспоповцев распространён даже гнусный порок мужеложства. Что же касается браков, то они заключаются у раскольников, приемлющих Белокриницкое священство, в такие годы, когда даже сама природа против этого протестует: нередки случаи, когда пожилые мужчины женятся на 13 и даже 12-летних девочках!.. Когда мне привелось быть, в декабре месяце, в деревне Покровке (Сорокского уезда), дом хозяев, у которых я остановился, навещала нередко одна молодая старообрядка, лет шестнадцати на вид, приходившая всегда с ребёнком на руках. Я полагал, что она нянчится с своим маленьким братом. Каково же было моё удивление, когда хозяева сообщили мне, что гостя их уже девятый год находится замужем: она была обвенчана

покровским лже-иереем Ианнуарием по тринадцатому году и в настоящее время уже имеет четверых детей!.. В совершении подобных браков раскольнические лже-иереи не видят ничего противозаконного и даже своих детей венчают в самом нежном возрасте: например, грубенский лже-протопоп Филипп Никитин свою дочь выдал замуж тринадцати лет от роду. – Я должен, далее, отметить, что среди раскольников северной Бессарабии сильно распространён порок пьянства. Многие из раскольников пропивают почти всё из того, что они успевают заработать в течение года. Сами старообрядцы признавались мне, что среди них есть такие отчаянные люди, которые „и одного дня в году не обрящут, когда бы они были трезвы“. Беспробудное пьянство уничтожает в старообрядцах сознание человеческого достоинства, губит их здоровье и бывает нередко причиной того, что они отваживаются на разные преступления, с целью добыть себе деньги на выпивку. Например, среди раскольников села Куничного сильно развито воровство и многие из них сделали себе промысел из конокрадства. Дети самого куничского лже-протопопа Иерофея приобрели репутацию отчаянных конокрадов и целый округ держат в постоянном страхе; один из них не постеснялся обокрасть, даже своего отца³⁷¹. Не удивительно после этого, что многие из куничан подолгу сидят в тюрьмах и вечно скитаются по судам. Наклонностью к воровству и даже к разбою отличаются и беспоповцы-федосеевцы местечка Единец: два года тому назад многие из них были сосланы за разные преступления на каторгу. Любопытно, что на суде высказался против раскольников сам же их наставник, которого судебный следователь просил делать показания по совести: честный и всеми уважаемый старик не захотел покривить душой и рассказал о старообрядцах всё, что ему было известно. Раскольники за это его возненавидели и отказали ему от должности „отца“; но правосудие должно быть благодарно этому человеку, своим показанием много содействовавшему обнаружению правды относительно обвиняемых. Воровство и другие преступления замечаются и среди грубенских раскольников: покойный лже-протопоп Филипп Никитин (ум. в 1899-м году) должен был часто выступать на суде в качестве свидетеля по делу о раскольниках, подозреваемых в совершении разных преступлений. За последнее время в слободе Грубно (Хотинского уезда) стал практиковаться жестокий способ мести. Будучи кем-нибудь недовольны, раскольники забираются ночью в фруктовый сад своего противника и подрубают корни у яблонь и других фруктовых деревьев. Первый такой случай был обнаружен в саду Трефилия Тугарова – лучшего грубенского начётчика. В апреле месяце 1899-го

года, в период цветения фруктовых деревьев, Тугаров стал замечать, что некоторые из лучших яблонь его сада запаздывают цветом и выглядят очень вялыми. Каково же было его горе, когда он увидел, что корни яблонь подрублены какою-то мстительной рукой!.. Величину этой потери легко будет понять, если я скажу, что фруктовые сады, арендуемые у помещика Маразли, составляют единственное достояние грубенских старообрядцев: на продаже фруктов, отправляемых в Одессу и Киев, некоторые из раскольников добывают по триста и даже более рублей в лето. Трефилий Иванович с болью в душе говорил мне, что он менее бы горевал, если бы преступник увёл лошадей из его конюшни: в числе погубленных яблонь было не мало таких, с которых он каждую осень собирал по несколько пудов превосходных яблок. Расследование обнаружило, что виновницей этого преступления была одна старообрядка, которую за год перед этим. Тугаров застал с корзиной в руках в своём малиннике: раскольница придумала способ отомстить ему за то, что он поймал её на месте преступления. Поступок старообрядки скоро нашёл подражателей, и в настоящее время злонамеренное повреждение фруктовых деревьев врага является в Грубно наиболее часто практикуемым способом мести³⁷²». Старообрядческий „владыка“, к удовольствию слушателей был совершенно уничтожен моими словами и даже попытки не сделал что-нибудь возразить мне по поводу характеристики бессарабских раскольников: сообщённые мной факты ему были даже лучше известны, чем мне.

Воспользовавшись молчанием старообрядцев, я обратился к раскольническому лже-епископу с вопросом: „скажите мне, где, по вашему мнению, получил архиерейскую благодать митрополит Амвросий, от которого ведёт своё происхождение старообрядческое Белокриишцкое священство?“

Этот мой вопрос вызвал оживлённое прение, продолжавшееся несколько часов. Но об этом побеседуем в следующей книжке в отделе Миссионерской полемики.

Кишинёв. епарх. миссионер *Иван Сахаров*

**Из миссионерской полемики с сектантами и
раскольниками // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–
6. С. 863–885**

Давыденко В., свящ. Примерная беседа на харьковском миссионерском съезде о молитвенном призывании святых и о поклонении Богу духом и истиной. С. 863–872

По почину казанского всероссийского миссионерского съезда, епархиальные миссионерские съезды стали всё охотнее и охотнее уделять время на миссионерскую полемику и практику – на выработку лучших приёмов и методов прений, на способы удобнейшего решения пререкаемых вопросов. По общему признанию, – это самая благодатная сторона деятельности миссионерских собраний. Примерные беседы происходят между членами съездов и сектантами местными или же между самими членами, из которых одни являются в роли учителей той или другой секты, другие защитниками православного учения веры. Такие беседы происходили, между прочим, и на последнем харьковском миссионерском съезде. Под руководством таких опытных и горячо преданных миссии деятелей, как председатель съезда о. протоиерей, профессор университета, Т. В. Буткевич и епархиальный миссионер Д. И. Боголюбов, примерные беседы харьковского съезда проведены были с несомненной пользой для приходских пастырей и, действительно, *примерно*, а потому мы считаем небезынтересным для своих читателей поместить некоторые из них на страницах нашего журима в той редакции, как они воспроизведены в харьковском епархиальном органе („Листок для харьковской епархии“).

Особенное внимание по полноте и ясности доказательств останавливает на себе беседа о молитвенном призывании святых.

Выслушав православное учение об этом предмете, изложенное в общих и кратких чертах свящ. Александром Смирнским, члены собрания, припоминая из собственной практики возражения штундистов, вступили между собой в следующую беседу.

Учитель штунд. Зачем будем прибегать к посредству святых, если имеем у себя Господа Иисуса, совершившего крестной своей смертью дело нашего спасения: „Един Бог, един и посредник между Богом и человеком, человек Христос Иисус“ (1Тим.2:5).

Учитель прав. Вы указываете на слова ап. Павла, послушайте же, что говорит тот же апостол в другом месте: „молимся всегда за вас“, говорит он Фессалоникийцам (2Фес.1:11). Ясно, что если апостол собственным примером побуждает нас искать ходатайства святых, то вы ложно истолковываете приводимое нами место св. Писания.

Шт. Вы сами указываете на явное противоречие, каковых в Писании много. „Никто не благ, как только один Бог“; свят один Бог и почитание ангелов и святых угодников должно быть отвергнуто.

Пр. В Слове Божием, написанном по вдохновению от Духа Святого, противоречий быть не может. Уразумейте, что говорит апостол. Именуя Иисуса Христа единым посредником и ходатаем, он выражает мысль, что спасти род человеческий от греха, проклятия и смерти мог только один Иисус Христос честной своей кровью, и в этом смысле Он есть *единственный* наш Искупитель. Но это вовсе не отнимает у св. угодников посредничества и ходатайства по заслугам и благодати Самого Христа. Несомненно также и то, что Господь благ, и свят, но славу свою Он дал и святым своим (Ин.17:28), которые именуются через то друзьями Божиими (Ин.15:14). Вот почему и сыны израилены просят у Самуила ходатайства перед Господом (1Цар.7:8) и Моисей имеет дерзновение взывать к Богу: прости им (народу, впавшему в идолопоклонство) грех, а если нет, то изгладь и меня из книги твоей, в которую ты вписал (Исх.32:30).

Шт. Но разве не читали в Писании, что ходатайства Моисея и Самуила бесплодны: „хотя бы перед лицом моё предстали Моисей и Самуил, говорит Господь, душа моя не преклонится к народу“ (Иер.15:1). Иначе, как мог бы Господь сказать: „только лицо Иова приму“ (Иов.42:8).

Пр. Молитва одного Иова принимается из числа трёх друзей его; ходатайство же Моисея и Самуила не принимается Господом по грехам народа. Вообще же много может усиленная молитва праведного (Иак.5:16) и много может молитва матерняя ко благосердию владыки.

Шт. Но ведь все представляемые вами случаи относятся к молитвенному призыванию живых угодников Божиих, ещё не отошедших в загробную жизнь, а вы молитесь преставльшимся.

Пр. Бог Авраама, Исаака, Иакова – Бог не мёртвых, но живых. Между членами церкви небесной и земной существует постоянное взаимодействие (1Кор.12:15–27), основанное на любви, которая никогда не перестаёт (1Кор.13:8). При том же разве не читали, как Саул призывал Самуила уже умершего, или Моисей, молясь Богу о помиловании народа, говорил: „вспомни Авраама, Исаака, Иакова“ (Исх.32:13).

Шт. Примеры для нас не доказательны, ибо Саул волхвованием вызывал Самуила, а во втором случае не прямо говорится о молитвенном призывании святых.

Пр. Тогда читайте притчу о Богаче и Лазаре: „Отче, Аврааме, так молился богач, умилосердись надо мною“ и далее молился за живых своих братьев (Лк.16:19–31).

Шт. Но, то молитва за гробом, а вы, будучи живы, призываете в своих молитвах святых.

Пр. Повторяем, что богач умер для нас, о Господе же все живы. Но св. Писание свидетельствует и о том, что угодники Божии ходатайствуют за участь людей, ещё живущих на земле. Об Иеремии читаем: „это братолюбец, который много молится о народе и святом граде. Иеремия, пророк Божий“ (2Мак.15:14). А пророк Варух, будучи живым, молился об умерших Израиля (Вар.3:4).

Шт. Книг неканонических Ветхого Завета мы не признаём как вымыслов человеческих. „Вымыслы человеческие ненавижу, а закон твой не люблю“, сказано в Писании.

Пр. Вспомните молитву ангела, возносившего молитву перед святого (Тов. 12), вспомните молитву ангела об Иерусалиме (Зах.1:12) или молитву Даниила: не отними от нас милости ради Авраама, Исаака и Иакова (Дан.3:35). В Новом Завете ап. Павел обещает христианам не прекращать своего попечения о них и после смерти (2Пет.1:15). На этом основании и православная церковь всегда находится в надежде получить помилование „молитв ради Пречистых своя матери и всех святых“. Св. Иоанн Богослов в Откровении видел на небеси возношение молитв святых перед престолом Божиим (Откр.5:8;8:3–4). Таковы случаи ходатайства святых за живых и умерших, молитвенного призвания живых и уже отошедших в загробную жизнь, ходатайства святых угодников во плоти и преставльшихся. Что ещё для вас невразумительно?

Шт. Почему же апостол Пётр не принял почитания от Корнилия (Деян.10:25–26).

Пр. По чувству смирения, дабы ликаонские язычники, признавши их за богов, не воздали им божеских почестей.

Шт. Пусть так, но для нас есть и более убедительные случаи: Сам ангел Господень не принял почитания от Иоанна Богослова сказав ему: „Смотри, не делай сего; я сослужитель тебе и братьям твоим – Богу поклонись“ (Откр.19:10).

Пр. Вы не знаете Писания; святые равны ангелам (Лк.20:36; Мф.22:30) и именуемый вами ангел не принял от Иоанна Богослова почтения, как от равного себе, ибо св. евангелист в данную минуту находился во вдохновении Св. Духа, как свящ. писатель.

Шт. Это ваше толкование для нас неубедительно.

Пр. Есть много мест в св. Писании, указывающих на справедливость почитания св. ангелов. Так, Иисус Навин перед ангелом Господним „пал лицом своим на землю и поклонился“ (Иис. [Нав.5:14](#)). Увидя ангела с обнажённым мечом, „пал Давид и старейшины, покрытые вретischem, на лица свои“ ([1Пар.21:16](#)). Сыны пророческие, увидя Елисея, „поклонялись до земли верному рабу и другу Божию“ ([4Цар.2:15](#)). Валаам воздал также должное почтение ангелу ([Числ.12:34](#)). Ангелы же и св. угодники Божии в свою очередь, как указано было выше, принимая от нас молитвенное ходатайство, его возносили к Богу.

Шт. Но разве ангелы всеведущи, что они могут слышать наши молитвы?

Пр. Их всеведение ограничено сравнительно с всеведением Бога, но они настолько многоверущи, что будучи посланниками и слугами Божиими, исполняют Его волю и всегда слышат наши молитвы. Бывшие с Маккавеем молились и два светлых мужа взяли Маккавея под защиту ([2Мак.10:24–30](#); Сн. [2Мак.11:6–10](#)). Ангелы знают об одном кающемся грешнике и радуются о нём ([Лк.15:10](#)).

Шт. Ангелы, как духи бесплотные, обладают большим ведением, а святые угодники?

Пр. Они равны ангелам ([Лк.20:36](#)).

Шт. Они будут равны ангелам после второго пришествия, когда прославит их Господь.

Пр. Нет, они и ныне прославлены, хотя славой неполной. Притча о Богаче и Лазаре не доказывает ли, что святые слышат наши молитвы, не смотря даже на то, что пропасть великая отделяет праведников от грешников, и если Авраам услышал из ада, самого удалённого места от света, то тем более может услышать нас, ещё живущих на земле. Елисей, ещё живя во плоти, знал, что делается в стане царя Сирийского. От одного прикосновения к его костям воскрес умерший ([4Цар. 5–6](#) гл.).

Шт. Никто не благ, как только один Бог и потому прославление святых наравне с Богом оскорбительно для Него.

Пр. Неужели не понимаете смысла христианского чествования святых. Ведь православная церковь, почитая святых ангелов, посылаемых Богом для нашего спасения ([Евр.1:14](#)), и прославляя святых угодников Божиих, как слуг Господних, воздаёт честь Самому Господу, сказавшему апостолам: „кто принимает вас, принимает Меня, а кто принимает Меня, принимает пославшего Меня“ ([Мф.10:40](#)). И хотя благ и свят один только Бог, но славу Он дал и святым своим ([Ин.17:28](#)), которые, как наши ходатаи, именуются друзьями Божиими

(Ин.15:14). Особенную же честь воздаёт церковь Пресвятой Деве Марии, ублажая Её, как честнейшую херувимов и славнейшую без сравнения серафимов. Сама Богоматерь, послужившая тайне спасения, пророчески предсказала свою славу. „Отныне, сказала Она, будут ублажать Меня все роды“ (Лк.1:48). Не сбывается ли ныне на ваших глазах сие пророчество?

Приступите же к горе Сиону и ко граду Бога живого к небесному Иерусалиму и тьмам ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства, и к Ходатаю Нового Завета Иисусу (Евр.12:22–23).

Отвергая почитание ангелов и св. угодников Божиих, штундисты вместе с тем отрицают почитание нетленных их мощей и освящённых ими одежд, усматривая в этом обман со стороны духовенства. Ищущему истины не трудно доказать на основании св. Писания необходимость почитания мощей и останков святых: Пс.15:10; Пс.115:6; Пс.23:21; 4Цар.13:21; 4Цар.2:14; Деян.19:21; Деян.5:15; Деян.2:27–30; Мф.27:62. Сам Иисус Христос не видел тления и преподобным своим, при жизни умертвившим в себе грех, не даст видеть тление – Он начаток умерших³⁷³.

Другим важнейшим вопросом, бывшим предметом беседы харьковского миссионерского собрания духовенства, был вопрос о *поклонении Богу духом и истиной*. Хотя этот вопрос официально был предложен для решения священникам Моисею Петрову и Даниилу Попову, но в обсуждении его приняло участие до 20 священников и в том числе члены миссионерского совета. На основании всех высказанных на беседе суждений, учение Спасителя о поклонении Богу духом и истиной и опровержение заблуждений штунды было изложено в следующем виде.

Учение Господа нашего Иисуса Христа о поклонении Богу духом и истиной излагается в IV главе Евангелия от Иоанна, в беседе его с самарянами.

По евангельскому повествованию надлежало Иисусу Христу проходить через Самарию, и Он, утрудившись от пути, сел у источника Иаковлева, что близ Сихема. В это время подошла к источнику самарянка. Господь попросил у неё дать Ему испить воды и, когда самарянка удивившись просьбе иудея, стала прекословить Спасителю, Он отвечал ей, что даст ей воду живую, напившись которой человек никогда не возжаждет. – *Дай мне этой воды*, сказала самарянка. – *Пойди позови мужа твоего*, ответил ей.

Господь. – *У меня нет мужа*, сказала она, и затем, когда Господь подтвердил ей это слово, открыв перед ней тайну её жизни, продолжала: *вижу, что Ты пророк. Отцы наши поклонялись на этой горе, а вы говорите, что место, где должно поклониться, находится в Иерусалиме*, – другими словами: скажи мне, где нужно кланяться Богу, здесь ли или в Иерусалиме. Отвечая на этот вопрос самарянской женщины. Господь и изрёк своё учение о поклонении Богу духом и истиной. Он сказал: *поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу... Но настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе истины, ибо, таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине*. Вот придёт Мессия, глаголемый Христос, Который возвестит нам всё, сказала самарянка. *Это, Я, Который говорю с тобою*, отвечал ей Господь.

Таковы исторические обстоятельства, при которых изречено Господом учение Его о поклонении Богу духом и истиной.

В чём же состоит это наивысшее истинно-христианское поклонение Богу духом и истиной и как нужно понимать это учение Спасителя?

Решение означенного вопроса имеет весьма важное миссионерское значение в виду искажений, допускаемых мнимо-духовными христианами-штундистами, штундо-баптистами и: духоборцами – в их учении о поклонении Богу духом и истиной. Христианство по своему внутреннему содержанию, говорят сектанты, есть религия духовная, исключая необходимость внешнего богослужебного культа. Сам Иисус Христос, говорят они, будто бы отменил внешнее видимое богочтение, когда в беседе с самарянкой сказал, что отныне все истинные поклонники „должны поклоняться в духе и истине“. Выходя из этого учения, штундисты самым решительным образом отвергают необходимость православных храмов, почитание св. ангелов и св. угодников, почитание св. креста, крестное знамение, иконы, возжжение свечей, каждение фимиамом, и вообще всю внешнюю и обрядовую сторону христианской религии.

Отрицание сектантами богослужебного культа, будто бы вытекающее из понятия о христианской религии, противоречит самому основному понятию о ней. В самом деле, христианская религия, которую исповедуют и сектанты, есть союз Бога с человеком, существом не только духовным, но и телесным. Как существо духовно-телесное, человек не только должен, но и не может иначе воздавать поклонение Господу, как душой и телом. Будучи существом духовно-

телесным, как иначе человек может воздавать хвалу и поклоняться Господу, как не всем своим существом. Соответственно духовно-телесной природе человека ап. Павел даёт христианам и свою заповедь *прославлять Бога и в телах наших и в душах наших, которые суть Божи*и (1Кор.6:20). Правда, Слово Божие учит, что в составе человека душа важнее тела, ибо тело без духа мертво, а потому духовное поклонение должно иметь первостепенное значение. Однако этим нисколько не исключается телесное поклонение, напротив, признавая большую важность за духовной молитвой, св. Писание тем самым признаёт необходимость и внешнего богочтения, как менее важного.

Неоправдываемая с точки зрения понятия о религии, как союзе Бога с человеком, существом духовно-телесным, одна духовная молитва без внешних её обнаружений не находит себе подтверждения и в понятии о человеке. Человек состоит из души и тела; причём обе составные части его существа связаны между собой столь неразрывными узами, что одна обуславливает другую. При таком составе человека и все его действия необходимо проистекают из совокупного соединения душевных состояний и соответствующих им телесных обнаружений. Всякое сердечное чувство, движение мысли и порыв нашей воли находит себе непосредственное отражение в нашем телесном организме. Отсюда вытекает, что сектанты, отвергая внешнее обнаружения молитвы, тем самым отвергают и духовное поклонение, потому что чувственные виды поклонения Богу суть проявления нашего же духа. Будучи же последовательными с своей точки зрения на духовное поклонение Богу, исключаящее необходимость внешних обнаружений, сектанты должны отвергнуть, как средство религиозного общения, и слова человеческого языка, которые в чистейшем своём употреблении не суть сам дух, а только его проявление.

Ещё менее справедливо основывать учение о духовном поклонении на основании вышеприведённой беседы Спасителя с самарянкой. Как видно из этой беседы, самарянка в речи своей с Господом говорила именно о церковно-общественной молитве на горе Гаризин и в храме иерусалимском. Потому и Господь, говоря о том духовном поклонении, которое, по Его словам, должно заменить собой гаризинское и иерусалимское богослужения, употребил то же слово, каким обозначил и богослужения, Им отменяемые. Это слово (προσκύβειν) на языке св. Писания не только здесь, но и в других местах употребляется для обозначения общественного богослужения, соединённого с внешними обрядами и действиями. Так, например, в

книге Деяний апостолов повествуется, как ап. Павел приходил в Иерусалим для поклонения (Деян.24:11). Странно было бы думать, что внутренняя или духовная молитва ап. Павла не обнаруживалась в каких-либо внешних действиях; ибо в той же книге и о том же апостоле повествуется, что он, пришедши в Иерусалим, вошёл в храм и объявил окончание дней очищения, когда за каждого из них должно быть принесено жертвоприношение. В другом месте апостол Павел говорит о самом себе: *свидетель мне Бог, которому служу духом моим в благовествовании Сына Его*. Но о том же апостоле говорится, что, служа Богу духом, своё служение и свою духовную молитву он выражает в внешних действиях. Так, призвавши пресвитеров церкви в Ефес и дав им надлежащие наставления, он преклонил колена и со всеми ими помолился (Деян.20:36).

Если мы вместе с сектантами допустим, что в беседе с самарянкой Спаситель отверг внешнее обрядовое поклонение Богу и узаконил только одно духовное, тогда как же понять, что Он Сам, давший нам образ, *да последуем стопам Его*, во время Своей земной жизни употреблял во время молитвы внешние действия – возводил очи к небу, делал коленопреклонения, падал ниц и т. п. Достаточно припомнить хотя бы одну Его молитву в Гефсиманском саду, когда капли пота, как капли крови, струились по Его божественному лику (Ин.17:1; Мф.26:49; Мк.14:35; Лк.22:41). Ответ на этот вопрос может быть один из трёх: или тот кощунственный ответ, что Сам Спаситель не мог исполнять того закона, который даровал, или же, имея возможность исполнить, самовольно нарушил его, или тот, что сектанты, мудрствуют не по разуму, извращая смысл слов Спасителя. Само собой разумеется, что выбор между предложенными ответами не может быть затруднительным для христианина.

Правда, в нагорной проповеди Господь осудил общественную молитву фарисеев, которые любят молиться в синагогах и даже на углах улиц для того, чтобы показаться пред людьми молящимися и тем удовлетворить своё тщеславие. Но осуждая такую молитву и заповедуя молиться в клети, Господь говорит не о месте молитвы, а о настроении молящихся. „Где бы ты ни молился, как бы так говорил Господь, в храме ли или даже на улице, не думай ни о ком, кроме Бога, Которому молишься, и не о чём, кроме молитвы, не заботься, ни на кого и ни на что не обращай внимания, как будто около тебя никого кроме Всевидящего Бога нет, как и в клети твоей“.

Как бы в обличение лже-умствующихся сектантов в евангельском повествовании мы находим достойный глубокого внимания пример молитвы в лице мытаря и фарисея. По притче Господа гордый

фарисей молился *в себе*, т. е. внутренно, духовно без всяких внешних молитвенных знаков, а мытарь выражал свои молитвенные чувства внешними знаками: *бияше перси своя, глаголя: Боже, милостив буди мне грешному*. И что же? Молитва гордого фарисея, хваставшегося перед Богом своими добродетелями, осуждена Господом, как тщеславное самовосхваление, а молитва мытаря, в своём смирении вызывавшего к Богу о милости к нему, оправдала его; ибо *всяк возносятся*, сказал Господь в заключении притчи, *смирится, смиряяй же себе, вознесется* (Лк.18:14). Отсюда ясно, что по учению Господа, как отсутствие внешних выражений молитвы не служит свидетельством об её истинности, так и наоборот – выражение молитвенных чувств во внешних действиях несколько не говорит против этой истинности. В молитве имеют значение те святые мысли и чувствования, которые и есть по апостолу плоды духа, каковы: *любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал.5, 22–23).

Но как же Иисус Христос в начале Своей речи сказал, что *грядет час, егда ни на горе сей, ни в Иерусалиме поклонятся Отцу*? Он показал этим самарянке, что ни иудейское, ни самарянское богослужение не могут иметь постоянного значения в своём внешнем культе, ибо настанет время, когда и от величественного храма иерусалимского не останется камня на камне, как уже случилось это с храмом гаризинским. Поэтому нельзя возлагать все наши надежды на внешний культ, на внешнее исполнение богослужебной обрядности без духовного служения Богу. Богу надлежит кланяться духом и истиной. Иначе сказать: важны и обряды, но они должны вполне соответствовать духовному содержанию молитвы, для выражения которой они употребляются. И при этом всегда нужно иметь в виду, что одни обряды без личного участия человека и разумного отношения к ним – бездушны, бесполезны и вредны для спасения. Это душевное участие человека в богослужебных обрядах, соединённое с ясным сознанием и живым чувствованием одухотворяющего их содержания, есть необходимое условие их спасительного действия.

Таким образом, Господь Своими словами о поклонении Богу духом и истиной узаконяет такое поклонение Господу, при котором одно внешнее участие в богослужебной молитве, хотя бы то и законоправильное, само по себе не имеет спасительного значения; оно должно быть соединяемо с внутренним, духовным настроением человека, выражающимся в сознании его греховности и сокрушении смиренного сердца, веры в Христово спасение и надежды на него. Одним словом, та молитва законна и правильна, при которой с

законно-правильным внешним поклонением Богу соединяется и внутреннее, соответствующее ему, молитвенное настроение.

Свящ. *В. Давыденко*

Прения окружников с неокружниками в описании окружнического попа. С. 872–885

Окружное послание, в первые годы своего появления возбуждавшее ссоры и раздоры, побуждало как принявших, так и отвергнувших его, заботиться о примирении. С этой целью одно за одним собирались собрания, на коих велись споры, кончавшиеся ничем. Собрания эти были, так сказать, торжественные в присутствии лже-архиереев с той и с другой стороны, и частные – местные. Одно из таких собраний и описывается в предлагаемой статье. Описатель его – известный окружнический поп Ефим Мельников. Как описатель, он выставил себя совершенным победителем над неокружниками, которых представил в самых непривлекательных чертах. Для нас, конечно, важно другое. Описанное собрание представляет для нас интересный образец беседы с неокружниками от лица окружника. Мельников здесь сильно напоминает Швецова в его „Истинности“. Как тот, так и этот, изобличая своих внутренних из старообрядцев же врагов, рассуждает правильно, и почти всюду по православному. Но, как только приходится им себя защищать, они начинают путаться, сбиваться, противоречить или увёртываться от прямых ответов. Напр., так-таки Е. Мельников и не дал в описанном им собрании ответа на вопрос о том, как он думает о греко-российской церкви. Описанной беседой с большой пользой можно воспользоваться не только против неокружников, но и против окружников.

Нижеприведённая беседа представляет собой официальное донесение Е. Мельникова своему архиерею Антонию (Шутову) о проведённой им беседе. Здесь она воспроизводится в точности с того, как она записана в написанной полууставом раскольничей книге, хранящейся в Полосенском ските.

Преосвященнейший Владыко, Антоний!

Извещаем Вам нечто особое, бывшее у нас в городе Новозыбкове октября 20 дня в пятницу утром сего 1872 года от рождения Бога Слова. Этот собор давно начал подготавливаться ко своему составу, был и вынужден таким образом. Отец Лазарь³⁷⁴ вскорости по поставлении его в иерейский сан, когда из Москвы приехал в Городню, принял меры присоединить раздорников³⁷⁵ ко святой церкви. Ему желательно было показать себя истинным пастырем, достойным звания своего. Пустил он свой мягкословесный глас к ним ко умирению церкви святой, но они – надеясь воспользоваться этим случаем и обратить мир в свою пользу, как будет об этом ниже пояснено. При свидании отец Лазарь с

Добрянским попом Григорием³⁷⁶ и Филиппом Русачком просил их помириться со святой церковью. Они обещали помириться, но для мира Церкви объявили быть собору в нашем граде Новозыбкове, что говорят и наши, и ваши тут будут.

Назначили срок через две недели и мы, имевши это в виду, приготовили 30 вопросов к собору. Но их к сроку не было, так что ещё после срока прошло ещё семь недель, и мы уже не надеялись о собрании собора. Како у раздорников в это время было предприятие, это для нас остаётся и доселе неизвестным. По истечении семи недель срока приезжает с Добрянки поп Григорий и отец Пётр Белянкин и Вам известный Филипп Акимыч Русаченок, слывающий за начётчика в своей слободе. В Городне они явились к отцу Лазарю и Василию Григорьевичу Питунову и говорят собирайтесь поедем в Новозыбков на собор. Отец Лазарь и Василий Григорьевич явили соусердием готовность ехать на собор и ехать вместе, но покакому-то намерению они, Добрянцы, не стали ожидать наших. Но приехали в Новозыбков часов несколько вперёд и это их намерение было не без цели; им желалось меня вперёд одного вызвать на беседу. Но меня того дня не было в Новозыбкове, я был в Митьковке по случаю треб. Когда я приехал из Митьковки, меня на первой встречи говорят: попы из Добрянки приехали, за тобой два раза присылали. Я подумал одному идти не подходит. да и поздно ночь темна, и дождь идёт, рассудил лучше оставить до утра. Но в ту ночь за час до рассвета слышу творят под окном молитву отец Лазарь и Василий Григорьевич. Мы отворили им, поликовались с отцом Лазарем. Я в радостном духе сказал им: Бог то Вас принёс, Вы как будто знали приехали. Они улыбнулись и говорят, а что тут такое у Вас.

– Тут я говорю попы приехали из Добрянки, меня требовали на собор, пять раз за мной присылали, но мне небыло случая идти к ним; а теперь вот и Вы приехали, слава Богу, теперь пойдём.

– Они говорят, да у нас с ними общее согласие было ехать сюда, но нас они недождались и поехали вперёд. Мы так и замечали, что они для того и поехали вперёд чтобы с одним тобой поговорить раньше.

Дождавшись утра, с помощью Божией пошли мы к ним в дом к Ивану Алексеевичу Присекину. Поздоровавшись, я им начал говорить. „Вы, отцы, вчера за мной присылали, но мне вчера никак неподходило одному идти, а сегодня к мне приехали отец Лазарь и Василий Григорьевич; вот мы и пришли. Желаем от Вас узнать, зачем Вы приехали и что Вы хотите сделать для блага Церкви“?.. Вот *Григорий* и начал говорить умоляющим голосом: „сколько лет Церковь в раздоре пребывает и люди умирают, и кто будет отвечать за них; так вот мы и

приехали, как бы умирить Церковь Христову“. Я ему ответил: „это хорошее дело Вы выдумали, мы много лет этого ждали и с превеликим удовольствием на это предложение согласны, только желаем узнать, на каком основании сей мир наш будет сделан Вами“. *Григорий*: – „От наших епископов был третий чин издан на Вас, но мы для мира Церкви и без чина можем помириться; есть, положим, и у нас некоторые бунтовщики, которые настаивают по чину принимать, „но мы с ними несогласны, мы даже их и не позвали“. Мы из сих слов ясно поняли, что эта речь Григорья была сказана на Бульбича и Мазича и на солдата Ивана Гомельского, самых злых раздорников и бунтарей. Я на это опять сказал; „мы к миру с великой радостью согласны, но Вы скажите, как же мириться не входя ни в какие разглагольствия, просто помолившись Богу и попроситься; или же что-нибудь нам будете представлять“. Тогда *Григорий* подаёт четвёртку листа бумаги и на ней два вопроса написаны церковными буквами и говорит: „Вам нужно эти вопросы подписать“. Я прочитал эти вопросы, первый был таков: „Российская церковь во единого ли Бога с нами верует или во иного?“ второй вопрос: „сходит ли Дух Святой на еретиков?“ Прочитав эти вопросы я сказал: „если понимать, что благодать Св. Духа сходит на еретиков, то они не еретики, а мы еретики. Благодать Св. Духа только сходит в Церкви православных христиан, в которой мы пребываем, а еретиков оставляет Дух Святой и у них не исходит. А если Вы заставляете подписать Ваши вопросы, то подпись должен быть не односторонний и Вы должны подписать на наших вопросах такого содержания, или на самых Ваших этих вопросах подписом и изъяснит своё мнение“. *Григорий* сказал: „от нас подпису не требуется“. „Почему ж, спросил я, от Вас подпису не требуется?“ – „Потому, говорит *Григорий*, раздор не от нас произошёл, но от Вас, принявших окружное послание“. Этот лживый его отзыв вынуждал меня делать на него возражение и опровержение, но я уважил, потому что нам желалось вызвать их подпись. Я сказал: „Если и так по Вашему, но всётаки требуется не одним нам подписать, но и Вам, для общего согласия. Односторонними, прибавил я, ни на-каких соборах мир не утверждался. Так и теперь, односторонний подпись не может мир утвердить, но если Вы желаете наше мнение видеть на бумаге, то Вы должны и своё мнение изъяснить на бумаге“. *Григорий*: – „нам нельзя подписывать“. Я. – Почему нельзя? *Григорий*. – Потому что Вы нас печатаете в газетах и публикуете везде, читают и поляки, и немцы и этим Вы над нами нож надставляете. Если бы это было за Николаем³⁷⁷ то всем нам идти бы под нож. Я. – Если бы за Николаем, то так, а за Александром иначе. Всякому дозволено своё мнение открывать.

Григорий – Я и теперь под надзором полиции и от 28 октября месяца меня требуют. *Я* – Это у Вас уж давно затвержено, как заучка. Восемь лет, как я помню, она. твердится. Должно-быть ещё за Николаем затвержена и теперь и за Александром ещё не забывается, а, по-моему, пора бы уже её и забыть. *Григорий* – Это Вам теперь свободно, а нам не свободно, за нами и теперь Правительство следит. *Я*. – Если бы правительство следило, то хотябы одного да засадило бы в острог. *Григорий* – А может и посадят! *Я*. – Может-либо – двусмысленный перед нами неизвестное, по мы что видим, о том и говорим. Еслибы Правительство за нами следило, то Давыду бы Антипову³⁷⁸ не уважило бы за то, что как он резко выразился в пяти пунктах, при полном собрании народа. Но Правительства даже не спросило, что такой за Давыд. Из этого видно, что оно смотрит как на Вас, так и на нас всё равно и говорит „раскольники“ и больше ничего. – А всётаки, говорю Вам, нужно подписать свои вопросы. *Григорий* – Мы подписывать не будем, а Вам нужно подписать. *Я*. – Вы наших епископов укоряете за то, что на окружном послании подписались, а сами нас принуждаете к подпису, по мы не отказываемся подписаться, но токмо чтобы Вы прежде подписались. *Григорий* – Вы от нас никакого подпису не дождётесь; мы Вам раз сказали, что подписывать не. будем. *Я*. – Так словесно должны высказать своё мнение. *Григорий* – Вы должны прежде своё высказать. *Я*. – Вы наше мнение будете видеть не на словах точию, но на самом деле, как будет подписом утверждено, а Вы если не хотите подписом изъяснить, то должны словесно изъяснить своё мнение о греко-российской церкви. *Григорий* свободно отверз свои уста и говорит: Мы понимаем, что она, греко-российская церковь, верует во иного Бога. *Я*. – Это можете понимать только Вы, а прочие Ваши иначе. *Григорий* ответил, что все так понимают. Я обратился к попу Петру говоря: отец Пётр и Вы так понимаете, что греко-российская церковь во иного Бога верует? и он ответил на это: „так же понимаю, что во иного Бога верует“. Я обратился и к Филиппу с сим вопросом, который тоже ответил, что греко-российская церковь верует во иного Бога. Тогда я сказал: теперь я хорошо понял, что Вы все трое понимаете о греко-российской церкви, что она верует во иного Бога, теперь, говорю, остаётся только один вопрос доказать нам, и если Вы правильно и от писания нам докажете, то мы мелкости оставим и говорить о них не будем и готовы хоть сейчас присоединиться с Вами во едину мысль. *Григорий* – Что же Вам доказать? *Я* – Вот Вы, отцы, священнодействуете, но скажите, от кого Вы получили благодать хиротонии на священнодействие? *Григорий* видит, что речь идёт о хиротонии, то чтобы не дать ходу беседе, сказал: на что нам говорить

о хиротонии, мы знаем, что хиротония наша истинная и о том не следует Вам и спрашивать. Тогда я сказал: – Почему же Вы не хотите доказать нам о хиротонии, когда мы её так важно почитаем, что если Вы нам о ней докажете, то о мелкостях и говорить даже не будем. Филипп Акимович не понял, куда беседа направилась, и видя, что за одним предметом остаётся дело, поусердствовал ответить, обратясь к Григорию, сказал: отец Григорий, чего же ты не хочешь ему отвечать. – А не надо, – Филипп. – Ну, так я буду отвечать, обратясь ко мне, сказал: говори со мной! Я сказал: – Ну, ты скажи, от кого они получили благодать хиротонии на священнодействие? *Филипп.* – От Антония епископа. *Григорий* сказал: – они оба от Антония, я от епископа Конона. Я обратился к Филиппу и спросил: а епископ Конон и Антоний второй от кого получили благодать хиротонии на священнодействие? *Филипп.* – От митрополита Амвросия. Я – А митрополит Амвросий от кого? *Филипп.* – От Цареградского патриарха в греческой церкви. Я – Значит, митрополит Амвросий принёс нам хиротонию от греческой церкви, которую получил от Цареградского патриарха? *Филипп.* – Да, так точно. Я – Тот Цареградский патриарх, который преподавал нашему митрополиту Амвросию хиротонию на священнодействие в греческой церкви, во единого ли с нами Бога веровал, или во иного? Тут *Филиппу* стало тесно; если сказать согласно своему первому подтверждению, что во иного, – то боится, что опять родится вопрос, какой собор, либо писание дозволило принимать от инобожников хиротонию, а также и крещение. Ответить на этот вопрос нечем было, нет материала такого в книгах. Если же сказать: во единого Бога с нами веровал, то надо стать противу первого своего признания, которое подтвердили в троих и, следовательно, надо своё это учение признать фальшивым, ложным и опровергнуть его и быть противником zde сидящим Добрянским попам, с которыми хотя и во ад готов пойти. Он бросился избегать беседы о Боге и обратился к разговору о ересь, начал обличать ереси в Греческой церкви, хотя, говорит, в Греческой-де церкви ересей меньше, чем в Российской церкви. Я ему сказал, мы не о ересь с тобой имеем беседу, я тебя спрашиваю о Греческой церкви, от которой наш митрополит Амвросий принёс нам хиротонию. Во единого ли с нами Бога она верует и во единого ли с нами Бога он веровал, или веровал во иного? Они на это уже не могли ответить. Я им ещё прибавил: Истина не может быть без ответа, говорю, если иначе без ответа, то это не истина, а ложь. *Григорий* видит, что первая беседа кончилась не в их пользу и во избежание, чтобы не дать ходу второй беседе, встал, подошёл ближе к нам и начал нас уговаривать. „Оставьте об этом говорить, мы не за сим приехали, мы приехали как

бы церковь Христову умирить. Я ему на это: Мы не отказывались от полезного мира для блага Церкви Христовой, но Вы сами вынудили нас своими вопросами поговорить о греческой церкви. *Филипп*. – Мы с Вами более спорим о Российской церкви, которая обливание ввела, а Греческая церковь, от которой митрополит Амвросий к нам пришёл, – не обливает. Тогда я спросил: – а от Российской церкви митрополит Амвросий независим был по Вашему? *Филипп*. – Митрополит Амвросий в Греческой церкви получил хиротонию, а не в Российской. Я. – Напрасно Вы говорите, что митрополит Амвросий независим от Российской церкви. *Филипп*. – Как напрасно? Я – А вот как, скажи ты мне, кто митрополита Амвросия принимал от Греческой церкви и очищал его от ереси? *Филипп*. – Священно-инок Иероним. Я. – А священно-инок Иероним от кого получил хиротонию на священнодействие? *Филипп*. – От архиерея в Российской церкви. Я. – Вот видите, от Российской церкви Амвросий был зависим, а Вы напрасно говорили, что был независим! Теперь скажите Вы мне: тот архиерей, который дал хиротонию нашему попу Иерониму в Российской церкви во единого ли Бога с нами веровал, или во иного? Филиппу опять по-прежнему стало тесно, он стал в затруднении, ибо пополнить ответ было нечем. Поп *Григорий* видит, что Филипп не мог одержать победы, подошедши к нам поближе, начал нас унимать. „Вы, говорит, зачем о еретиках спорите, мы приехали ни за Никониан спорить, а Церковь Христову приехали умирять, а о Российской церкви нам, даже, не следует и понимать. Тогда я спросил: так-то отец Григорий, Вы нас заставляете понимать о российской церкви, от которой наши предки принимали попов, вместе с. хиротонией и крещением целых почти двести лет? Так Вы заставляете нас понимать о тех священниках и священно-иноцах, которые приходили к нам в течение двух веков от Российской церкви и наших предков дедов и прадедов напутствовали во иной век? Так Вы говорите: не надо о них знать, в которого они Бога веровали – во единого ли с нами, или во иного? Напрасна вы говорите; и нам, и Вам непременно нужно знать, что. ваши священники, которых предки наши принимали, все крещены были и рукоположены были в Церкви Великроссийской. Да и сам принятый нами и Вами митрополит Амвросий в Греческой церкви был крещён и поставлен во епископа. По Вашему мудрованию, те первые попы и сам митрополит Амвросий крещены во имя иного Бога и рукоположение хиротонии также от иного Бога приняли. Итак, по вашему собственному убеждению, у Вас и крещение, и хиротония имеют своё начало не от нашего Единого Истинного Бога, а от иного неистинного!.. Так Вы сами сейчас трое признали. С такой Вашей

верой нельзя иметь надежды на спасение! И это Вы напрасно говорите, что не нужно нам понятия иметь о Российской церкви, это Ваше заявление касается основного вопроса, во истинного ли Бога крещены наши первые попы и сам Амвросий, или не в истинного. Если по Вашему понимать, что наши первые попы и Амвросий митрополит не в истинного Бога крещены, но во иного; а также и хиротонию получили не от истинного Бога, а от иного, то надо, по Вашему мудрованию, оставить поповство и идти к беспоповцам. Да и о предках наших надлежит подумать, могут ли они иметь во ином вещи, напутствованные, по Вашему, инобожными хиротонисанными священниками! Потому что инобожная хиротония и крещение не приемлются святой Церковью. А так прежних попов наши предки не покрещивали и не переправляли. Здесь нужно заметить, что те попы приходили к нам с инобожной хиротонией, по Вашему, и крещением. А поскольку они Бога своего и хиротонию, и крещение первое не проклинали, то те попы может быть хотя и переходили к нам, а первого своего Бога и крещения придерживались, поэтому и ставильные грамоты инобожные в них хранились. То не отправили ли они наших предков ко своему Богу неистинному?!! На это *Филипп* сказал: Христос приидёт судить во второе своё и страшное пришествие, тогда Он нас рассудит и Вы узнаете. *Я*. – А веришь ли ты во второе пришествие, что оно будет? *Филипп*. – А ты веришь? *Я*. – От души моей верю и всем говорю, как смерти не минуть, так и страшного судища Христова не минуть; но я у Вас спрашиваю: Вы верите-ли? *Филипп*. – Как же, верим. *Я*. – И думаете предстать к ответу на страшном Суде Божии? *Филипп*. – Как же, думаем. *Я*. – В Григорьевом видении читал, во второе Христово пришествие все народы предстанут на суд и будут поставлены полками, каждая религия сама собой и Христос, праведный Судия, приидет с небес со славой многой, судити все народы от Адама и до скончания мира, верпшь ли ты сему? *Филипп*. – Как же этому не верить, этого не минуть. *Я*. – Наш *Исус Христос* будет судить, сидя на престоле Своея и будет судить вся племена земная и языцы. *Филипп*. – Так точно! *Я*. – Где же *Иисус*, по Вашему, иной Бог, Российской церкви Бог сидеть будет и кого будет судить? *Филипп*. – Един Бог будет всех судить. *Я*. – А Российский Бог, что будет тогда делать? *Филипп* стал в затруднении, если сказать: в реку огненную будет ввержен, т. е. антихрист, то сам хорошо знает, что от антихриста хиротонии и крещения не приемлются; если же сказать – избежит суда тогда их Бог, то избежать того грозного судища Спасова никому невозможно. Где же Он тогда будет, сам не знает! На сие его затруднение я сказал ему: Тогда Вы скажете Богу: Господи! вот хохлы

называли Тебя не Спасителем мира, но равноухим, чудовищным, ничего не значащим. А хохлы скажут: Господи, мы имя Твое называли равноухим, а староверы-раскольники называли Тебя антихристом! Если за равноухого будет прощено, то за антихриста не будет прощено, эта – злейшая хула! *Филипп.* – Я Иисуса антихристом назвать боюсь, а Богом признать совесть не допускает. *Я.* – Если Иисус не Бог и не антихрист, так кто же Он по-твоему? *Филипп* з. – Не знаю! *Я* – Этот твой ответ „не знаю“, спасения и избавления тебе не принесёт. Но всё же ты должен мне ответить, кто Он такой Иисус? *Филипп.* – А ты Иисуса называешь Богом? *Я* – Ты прежде мне должен ответить, тогда и спрашивать. *Филипп.* – Ну, пускай я останусь без ответа, а ты мне скажи? *Я.* – Хорошо, но ты согласен будешь называть Христа Спасителя, так как назвал Его Архангел Гавриил, когда слетел с небесных кругов и пришёл в Назарет благовестить девице зачатие? *Филипп.* – Как же, я на это согласен, а ты знаешь, как он его назвал? *Я* – Я знаю и вот скажу и ты узнаешь. Мария, мать Иисусова, какого роду была: еврейского или русского? *Филипп.* – Еврейского. *Я.* – Архангел Гавриил, когда благовестил Девице зачатие, говорил ей так: родиши Сына и наречеши ему имя Иисус; а так как Мария была рода еврейского, то и выговор этих слов сказан был на еврейском языке. На Еврейском же языке называется Иисус, – Иесва или Иесква; равно как по-нашему Иван или Иоанн, а он один и той-же. *Филипп.* – А сколько тут слов? *Я* говорю в три слога выговаривается. *Филипп.* – А ты докажешь, что так на еврейском языке называется! *Я.* – Пожалуй ко мне в дом, я тебе докажу, что имя Спасителя на 12 языках так называется; а если не хочешь в дом идти, то я отчасти и здесь тебе докажу. *Филипп.* – Ну докажи? *Я* сказал – когда Апостолы получили в день пятидесятнице Духа Святого, причём получили дарования иными странными языками глаголати. Потом пошли на проповедь и рассеялись по всем странам и в какой стране на каком языке говорят, то на таком языке и научили их веровать во Христа, на таком языке имя Спасителя произносили. Пётр Апостол был в Риме и произносил имя Спасителя – Пан Бог Иезус, Апостол Павел в послании ко Евреям писал имя Спасителя – Иесква, Апостол Андрей в России – Иисус; и все Апостолы разноимённо называли имя Спасителя. И на каком бы ты имени Его не назвал, лишь бы ты Его в Бога истинного почитал. А если ты будешь называть Его и Иисусом, но не будешь Его признавать в Бога, то как Арий и осудишься. Вот ведь Ария судили не за изменение имени, а за умаление Божества. А если бы за изменение имени Спасителя была бы страшная ересь, то непременно был бы хотя один собор составлен на тогдашних изменников имени Спасителя. Тогда все они закричали

на меня: ты застаиваешь Великороссийскую церковь, тебе и нужно идти в неё. *Я* – Вы повелевать мне идти в Великороссийскую церковь не имеете права, а защищаю я не Российскую церковь, а самого Христа Спасителя от хулы, а также и хиротонию, которая и в Российской церкви преподавалась, но не от единого, по Вашему мудрованию, Бога. Тогда *поп Григорий* спросил у меня – а как ты понимаешь о Российской церкви? *Я* – обратясь к пришедшему сейчас Ивану Алексеевичу: так понимаем, как если бы у тебя было два сына, один послушный, а другой непослушный; первый в послушании и покорении пребывал и трепетал бы твоих словес, исполнял бы заповеди твои; а второй распутник и непокорник. *Иван Алексеев* возразил громко: он не мой сын – непокорник. Тогда я сказал: по делам он же твой сын; но где же его отец, который его родил? *Ив. Алек.* опять воскликнул: хотя я его и родил, но он не мой сын. *Я.* – В этих словах только твоя жестокость к сыну заключается, а если тот сын обратится опять с покаянием к тебе, якоже блудный сын, примешь ли ты его к себе опять? *Иван Алек.* – Тогда он мой сын опять будет. *Я* – Мы читаем в неделю о блудном сыне притчу от Евангелия, человек некий имел два сына и когда блудный сын пришёл ко отцу, отец не говорил того, что ты не мой сын, но с радостью принял его и сказал: мертв бе и оживе, изгиб бе и обретется; а Вы против Евангелия, не хотите приточному Евангельскому отцу уподобиться.

Засим Василий Григорьевич Питунов прочитал из книги „Просветителя“ 15-е слово о еретиках, которые не веруют во святую Троицу и которые веруют, и спросил к которым еретикам приложим Россию – к первым или вторым. Но Добрянцы вместо ответа начали кричать, кто что вздумает. Между разнообразными криками спрашивает *поп Пётр*: Если образ Спасителя будет древнего изображения, а на нём написано будет Иисус, поклонись ли ты ему? *Я* ему ответил: если я в душе моей признаю, что образ Христа Спасителя, молю Бога, то еслибы написано было Иван или Роман, но я поклонюсь ему, как Спасителю образу, зная, что он не Иван и не Роман, но Спасителев образ. И я у него спросил, а ты поклонись? Нет, *говорит*, не поклонюсь. *Я.* – Вот ты какой! как почитаешь Спасителя, что и образу Его не хочешь поклониться. Но *поп Пётр*: я сотру имя и тогда поклонюсь. *Я* сказал: – а если не дадут стереть? *Пётр* – Если не дадут стирать, то не поклонюсь. *Я* спросил: – Почему же ты не поклонись? *Пётр.* – За то, что переименовано имя Спасителя. *Я* сказал ему, а еслибы твой отец отошёл на ину страну далече и там бы переименовался вместо Петра Филиппом, а тебе бы случилось там быть и видеться с отцом своим переименованным, неужели бы ты не

поклонился своему отцу за изменение имени его? *Пётр*. – Нет, я бы своему отцу поклонился. *Я* сказал ему: Вот то-то, своему отцу и переименованному поклонился-бы, а образу Божию поклониться не хочешь, из этого можно знать, что ты отца своего паче Бога любишь, а Христос говорит, аще кто любит отца или мать свою паче Мене, несть Мене достоин.

Тут пришёл старик Фелилов, поклонился Григорию попу и попросил от него благословения, он его благословил. В это время я спросил: нет ли здесь Кормчей, сказали нет. Так пошлите, пусть принесут. Спросили: на что тебе? *Я* сказал – там статья есть для попов. Они заметили, что я на Григория хочу показать 12-ю статью. Послали – будтобы по кормчую, но не принесли. Между прочим старичок Фелилов начинает читать какую-то грамоту от своего епископа Антония. *Григорий* говорит, что не надо читать, но он усилился прочесть и дочитывается, что будто бы окружное послание похваляет имя Иисус, поливательное крещение и троеперстное сложение. *Я* заметил, что это ложь, говорю: Окружное Послание этого не одобряет, а это лживо писано. *Фелилов* говорит: это пишет епископ. *Я*. – Кто бы не писал, но это враньё. Тут втроём они подскочили ко мне: как так наш епископ лжёт? *Я*. – Да вы сами сознаёте и говорите, что этого не одобряете, в окружном послании, следовательно. Ваши епископы лгут. Тут все закричали, как с ними мириться, когда они так говорят на нашего епископа и окружное послание застаивают, которое раздор произвело в церкви. *Я*. – За окружное послание я не застаиваю, но сказать могу, что в окружном послании сего нет и раздор произвело не окружное послание. А кто-же? – Ваш епископ! – Какой епископ? – Антоний Кинник. Тут *Григорий* подскочил говоря, что это за Кинник? *Я*. – Это фамилия Вашего Антония. А ты кто! воскликнул *Григорий*. *Я* сказал, что фамилия моя Мельников. За этим *Григорий* крикнул громким выразительным голосом: – Третий чин на них и говорить больше нечего! *Я* говорю им: – Вы похвалитесь, многоль Вы своим чином приняли! Поп *Григорий*. – А как ты говоришь, что наш епископ раздор церковный сделал *Я*. – А так говорю, Ваш епископ Антоний поставлен на занятый Московский престол. *Григорий* – А кем он был занят? *Я*. – Нашим Архиепископом Антонием. *Григорий*. – Он самовольно восхитил Московский престол, он был на Владимир поставлен. *Я*. – Это вы напрасно клевете на Архиепископа Антония, что он сам восхитил престол. *Григорий*. – А кто его возводил? *Я*. – Собор епископов, который был в 63 году. *Григорий*. – Тот собор весь был неправильный, там почти все епископы были виновными. *Я* – Кто же там был виновен? *Григорий*. – На Архиепископа Вашего Антония

было 67 вин написано, на епископа Пафнутия Казанского 13 вин, Ануфрий³⁷⁹ тоже был виновен. Я сказал: И одного человека оклеветать великий грех, а каково беззаконие возводить тяжкую клевету на весь собор епископов. Если по-твоему все епископы на соборе были виноваты, то кто-ж их там обвинял? И кто там был с таким правом, чтобы мог епископов обвинять? *Григорий*. – Епископ Афанасий Саратовский³⁸⁰ был прав. Я. – Если он, по-твоему, был прав один только, то как же он мог судить всех епископов? *Григорий*. – А как Российскую церковь судили и кто её судил? Я – С Российской Церковью кто несогласен был, тут уже ни в каких подписях неучаствовал, а епископ Афанасий на соборных грамотах со всеми епископами вместе подписывался, *Григорий*. – А на каких грамотах он подписывался? Я – От собора много разных грамот было разослано, некоторым попам на оставление, некоторым на запрещение, а которым извержение. Каковое извержение и тебе было писано и на оном подписано 6 епископов, а в лице трёх епископов два священника и один священно-диакон. *Григорий*. – А ты почём же все это знаешь? Я – Когда пребывал в Москве 18 недель, то рассматривал течение всех духовных дел и вёл соборные грамоты. Между бумаг гляжу – „Григория – бывшего попа – бумаги“, меня заинтересовало, и я копии снял и вот они у меня теперь есть, не угодно-ль я тебе принесу, их 10 листов всего написано. *Григорий*. – До сих пор и я молчал, а теперь не буду молчать. Я. – Ну, говори, что ты будешь говорить? *Григорий*. – Я Ваш тот собор не принимаю, тот собор был Никонианский. Я сказал ему: если, по-твоему, что собор был никонианский, то на что же ты увольнения просил у никонианского собора и епископов боголюбивыми называл. А когда собор по, твоей просьбе, уволил тебя от священного сана, то по-твоему уже Никонианский стал. *Григорий* сказал: я от епископа Конона принял хиротонию и его одного слушаю, а разбойничий и раздорный Никонианский собор не признаю. Я ему сказал – если ты только епископа Конона признаёшь и слушаешь, то и от епископа Конона я тебе запретительную грамоту исходатайствовал. *Филипп* – мне – да ты ему там наклеюзначал на отца Григория. Я – Не клеюзначал; я только как слышал, так и говорил, а то Григорий по извержении соборном священнодействует, а теперь и сам своими глазами вижу, как он о соборе понимает и вопреки извержения дерзает благословлять, прост сый и наг от хиротонии. *Григорий*. – Чегоже ты мне ту самую грамоту от епископа Конона не передал в руки. Я. – За то, чтобы ты, прочитавши её, не сжёг в печи, а посему я за благорассудил пустить её через руки, чтобы прежде посторонние-то начитались её, тогда бы и к тебе пришла. *Григорий* воскликнул громко:

ну, мы уж если мириться, то на таком основании, чтобы тебя в Новозыбкове не было, да и вовсе попом не быть. Я – Пусть будет и так, ну уж только помириться, я тебе уважу и уступлю; только бы Вы не раздирали Церкви Христовой. Филипп тут закричал на меня – да тебя по Номаканону нужно извергнуть из иерейского сана. Я спросил – почему же меня нужно извергнуть? Филипп. – Да тебе 30 лет нет. Я сказал – ты добре не знаешь, можешь и ошибиться. Филипп. – Я тебя знаю вот какого (показывает рукой) из малолетства. Я. – Это хорошо, что ты меня знаешь с малолетства, что я ни вор, ни бродяга, а к тому ж и в счёте можешь ошибиться, а я тебе покажу, что по 20 лет епископов. Вот Елевферий был поставлен во епископа 20 лет (священ.-муч. 15 декабря), Климент священномученик 20 лет (23 Генваря). Филипп. – То по событию, а не по правилам; по правилу не дозволяется. Я – Так разве ты событий не принимаешь? Филипп. – События не имеют такой силы. Я. – Так если ты события признаёшь без силы, то ты вместе и своего епископа отвергаешь и всё даже своё священство. Филипп. – Как же я отвергаю? Я сказал ему – где правила дозволяют Епископу Епископа одному поставить? Филипп остался без ответа. Я. – Первое Апостольское правило говорит: два или три епископа поставляют епископа, а митрополит Кирилл, когда поставлял Вашего Антония, с кем он его поставлял? Филипп. – Вестимо один поставлял. Я. – Вот видишь, ваше священство на событиях устроено. Между прочим, говорю ещё Филиппу: ты вот старше меня летами, ты должен помнить, как принимали предки наши священников от Великороссийской церкви. Филипп. – Как же, помню я всё это. Я спросил: когда их принимали от российской церкви, проклинали они свои ереси, когда приходили к нам? Филипп. – Как же проклинали. Я. – А Бога своего проклинали первого. Филипп – Какого Бога первого? Я. – Того, которого Вы иным называете, говорите Великороссийская церковь во иного Бога, верует. Значит того, в которого они веровали в российской ещё церкви. Филипп с ответом замедлил. Тут подходит Иван Алексеевич Присякин, видит, что речь идёт о ином Боге, ему желалось своим единомышленникам помочь; говорит: и я понимаю, что Иисус т. е. Российской церкви Бог, есть иной Бог. Я ему на это сказал – если Иисус иной Бог, то и Мать Его должна быть иная. Иван Алексеевич. – Да, и Мать его иная. Я – А как Его Мать звали? Иван Алексеевич остался без ответа и заметно пристыдился. Григорий, довольно разобравши беседы наши, видит, что не в их пользу он подошёл и говорит: видно, вы не будете подписывать вопросы. Я – Вам и самим довольно: мы их подписать не можем. Григорий. – Вам же Архиепископ Антоний приписал в грамоте подписываться. Я ему

говоря: наш Архиепископ Антоний написал не на Ваших умышленных вопросах подписаться, а на мирной грамоте изданной 65 года, на которой они и сами подписаться изволили и мы не противники твоему Архиепископу Антонию. На той давайте хоть и сейчас подпишемся. Вновь же открывать новых пунктов мы не имеем права без власти наших епископов, а если они что с Вами устроят полезное для церкви Христовой, на том и мы согласны.

Тут все встали п, помолясь Богу, разошлись. Изложив сие всё, на усмотрение Вашего Преосвященства посылаю.

Града Новозыбкова иерей *Е. Мельников*

Священно-иерей *Лазарь Городницкай*

Василий Питунов

1872 года 20 октября.

г. Новозыбков

Миссионерство, секты и раскол. (Хроника) //
Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6. С. 885–895

Э. О. Устройство миссионерского дела в Калужской епархии. Современный раскол. С. 885–888

Перетрухин в качестве следователя по делу о еретичестве Швецова. – Отзыв Швецова о Ф. Мельникове. – Ожидания смерти Сильвестра. – Пьянство попов. *Екатеринославские раскольники*: – их количество. Свобода в отправлении религиозных их действий. Угнетение ими православных.

Архипастырь церкви Калужской, Преосвященнейший Епископ Макарий, известен как Владыка-миссионер. Это название себе он стяжал неусыпными своими миссионерскими трудами и заботами по обращению раскольников Оренбургского края, где при нём было организовано до 10 единоверческих приходов. По прибытии на Калужскую кафедру, он не только не прекратил, но, в виду сильного заражения Калужской епархии раскольниками и разного рода сектантами, кажется, ещё усилил эти свои труды и заботы. Не время, да и не место здесь перечислять всё сделанное Владыкой на пользу той и другой епархии. Теперь же хроникёр „Миссионерского Обозрения“ не может не отметить только самых последних по времени проявлений забот преосвященного по вразумлению заблуждающихся в вере наших тёмных братьев.

Справедливо полагая, что дело миссии тогда только пойдёт с желательным успехом, когда православные чада Церкви будут тверды в своём стоянии за неё, преосвященный Владыка при всяком удобном случае и сам лично, и священников побуждает призывать своих пасомых быть сознательными в вере православной, неленостными исполнителями всех требований церковных, быть твёрдыми охранителями чистоты церковного учения и светить светом его среди тёмной раскольниковой массы. Поэтому-то Владыка, часто присутствуя сам на публичных собеседованиях Калужских миссионеров с раскольниками, всегда заканчивает их сердечным, любовным приглашением православных слушателей усвоить лучше всё ими выслушанное на беседе и распространять среди своих собратий. Поэтому-то Владыка и при обозрении им епархии его также неуклонно выясняет деревенским слушателем его, как опасна для них их холодность к выполнению церковных требований и особенно христианского долга исповеди и св. причащения. „Долговременное уклонение от исполнения этого христианского долга, говорил преосвященный, развивает холодность к Богу и ближним и человек постепенно опускается в нравственном отношении и становится

негодным для царства Божия. Заботьтесь о своих пасомых, наставляя он священника, возбуждайте в них жажду к духовному, возвышайте их в меру исполнения возраста Христова"! На доклад одного священника, что многие из его прихожан уходят на отхожие промыслы и таким образом ускользают от пастырского влияния, Архипастырь дал совет непременно напутствовать уходящих на заработки и внимательно следить за приходящими из опасения, не заблудился ли кто и не заразился ли кто из них на стороне сектантскими мнениями. (Кал. Еп. Вед. 1899 г, № 23). Это последнее наставление Преосвященного особенно ценно, и пастыри приходские должны приложить все свои старания к выполнению его. Сильно развивающаяся в пределах Калужской епархии пропаганда штундистов и пашковцев занесена сюда, поддерживается и крепнет именно по причине отхожих промыслов. Для Калужской пропаганды сектантства – два пункта, откуда она рассеивается: Петербург и юг России, т. е. именно те места, куда отправляются калужские крестьяне на заработки.

В самое недавнее время Владыка озаботился наилучшим устройством дела миссии в своей епархии. Это – предмет давних его дум и стараний, наконец, начинает осуществляться. Доселе в Калужской епархии было два епархиальных миссионера; теперь Владыка издал следующее распоряжение.

„И ины овцы имам, яже не суть от двора сего и тые ми подобает привести (Ин.10:16), сказал Верховный Пастыреначальник Господь наш Иисус Христос. Таковых иных овец, блуждающих вне двора – Церкви Христовой множество во вверенной нашему смирению епархии. Разумею старообрядцев разных толков и новых сектантов. Более четырёх лет управляя Калужской епархией, я пришёл к убеждению, что деятельности существующих в настоящее время двух епархиальных миссионеров, при всей их энергии и при всём усердии к делу, недостаточно для успешной борьбы с расколом и сектантством, тем более для окончательной, при Божией помощи, победы над ними. Для этого необходимо призвать многих других деятелей. Предлагаю Консistorии предписать всем оо. благочинным епархии составить после праздника св. пасхи особые, экстренные съезды каждому в своём благочинническом участке и на них, помолясь усердно Господу, избрать из среды своей одного или двух миссионеров и обязать сих последних быть в сношении с епархиальными окружными миссионерами, чтобы пользоваться их опытностью и руководственными советами в своей деятельности. Таковым участковым миссионерам для разъездов их по заражённым расколом, или сектантством приходам, и для вознаграждения за их труды

положить на первых порах от церквей каждого благочиннического округа по 100 руб., по мере же их трудов и успехов эту цифру увеличивать и довести со временем до 300 руб. Эти новые миссионеры участковые о всех выдающихся случаях в их деятельности как об успехах в обращении заблудших, так и препятствиях им в этом св. деле должны доносить, подобно окружным епархиальным миссионерам, мне непосредственно. Надеюсь, что на этот мой Архипастырский призыв отзовутся все пастыри с полным сочувствием и послушанием“.

Этим Архипастырским распоряжением полагается начало новой эре в жизни и деятельности Калужской миссии. И начало это по самому своему характеру должно сослужить большую пользу церкви Калужской. Пастыри приходские теперь ближе ещё станут к миссионерам и ещё ревностнее примутся за нелёгкий труд вразумления заблудших. Дай же Бог!

Э. О.

Современный раскол. С. 888–895

Как известно, прошлой осенью в Москве происходили раскольничьи соборы. С возвращением оттуда Перетрухина в Николаевск, Самарской губ., среди раскольников австрийского толка распространился слух, смутивший многих, – что верховный лже-владыка Иоанн Картушин якобы повелел Перетрухину произвести дознание о Швецове, который, живя в Уральских пределах, в беседах с православными миссионерами якобы опять проповедует еретичество „о подлётном рождении Сына Божия – вместе с веками“. Перетрухин, объявив об этом своим Николаевским австриякам, сам отправился в Уральск к Швецову, где он и прожил около одной недели. Этим слухом особенно сильно возмущён был Николаевский купец – попечитель австрийской молельни А. Смирнов, который по своей кротости и своему смирению везде и всюду говорил: „Ах! какое несчастье, с таким великим человеком – с владыкой Арсением“... Таковая молва среди австрияков была, только лишь в то самое время, когда Перетрухин был в Уральске у Швецова; а когда он оттуда возвратился, то почему-то о еретичестве Швецова у них всё замолкло и затихло. Но вот 9 марта сего текущего года, по окончании наших Николаевских бесед (в Николаевске ведутся беседы ежегодно на 3 недели св. поста в ярмарку) с Перетрухиным, я пригласил и его с миссионерами в свой дом. Здесь он, между прочим, сказал, что „миссионерство – это есть ни больше и ни меньше, как только одна адвокатура; вот адвокат и я“... Но ему было разъяснено, что в православной церкви миссионерство не есть адвокатура; а если и есть миссионеры – адвокаты, то это у раскольников: он, Мельниковы и др.; здесь же между прочим, я спросил Перетрухина: „Климент Афиногенович! Правда ли, что вы в прошлую осень ездили в Уральск для исследования о еретичестве Швецова, который якобы опять начал учить еретичеству „о подлётном рождении Сына Божия вместе с веками? Перетрухин ответил: „Да, владыка Арсений держится того учения, что Сын Божий рождён вместе с веками; об этом с ним очень трудно говорить, ибо он очень и сильно начитан в творениях святых отец, учением которых он своё мнение и основывает. Правда, я просил его, чтобы об этом не говорить в беседах с миссионерами и не издавать книг, но он сильно отстаивал, так что мне пришлось несколько часов молчать и только слушать“.

Так вот судит о Швецове Перетрухин; а Швецов в свою очередь не с похвалой отзываясь о Мельникове Ф., который, по отзыву Швецова, в беседах с православными миссионерами, действительно, ведёт себя

как „нахал“; так об нём он, Швецов, высказался на Черемшане в раскольническом, австрийского толка, монастыре

Свящ. И. З-ев

* * *

Стародубские раскольники в настоящее время сильно заинтересованы болезнью лже-епископа Сильвестра. Все лже-попы, диаконы и уставщики не только Клинцов, но и остальных посадов, перебывали за эти три недели в „Полосе“. Но не христианский долг – „болен-бе и посетисте мене“, привлекал их к разлагающемуся труп, а чаяние поживиться чем-либо; но каждого ожидало разочарование. Попечители Стародубья, как только что заболел Сильвестр „поставили стражу у двери“ кельи и отобрали деньги у Сильвестра, которые и поручили временно одному из попечителей, как слышно – В. А. С-иу. Поэтому каждому из посетителей Сильвестра пришлось ограничиться получением от него на память какой-либо книги. Противная Сильвестру партия теперь вздохнула свободно, и Порфирий Самарский сотнями рассылает свои портреты и письма по Стародубью, подготавливая тем себе почву.

За болезнью „владыки“ вольно живётся его попам. Один из них – Стахий – при пасхальных посещениях своих чад духовных не только сильно пил сам, но заставлял пить и уставщиков, а за их отказы приказывал им отбивать в домах прихожан по 50 поклонов. В Фомино воскресенье вечером пьяный Стахий сильно стал шуметь и ругаться на улице. На этот шум случился тут городской, который и стал уговаривать его, что-де не хорошо так безобразничать на улице и нарушать общественную тишину, но пьяный лже-поп грозно закричал на него: „Как ты смеешь говорить мне, я священная особа, Иерей Божий...“ Подобные праздничные скандалы для раскольничьих лже-попов не новость. Напр., в минувшие Рождественские праздники в пос. Митьковке духовные дети так нагрозили своего попа Мирона, что пришлось его на саночках везти домой. Две дебелых духовных дочери впряглись в санки и помчали батюшку Мирона по посад. Ночной обход полиции, думая, не ворованное ли что везут так поспешно, счёл нужным остановить и сделать осмотр; но видя закутанного с головой пьяного лже-попа, отпустил их с миром.

Ч.

* * *

Раскол Екатеринославской епархии численностью своей достигает до 13,000 душ обоего пола. Но, несмотря на такое, сравнительно незначительное количество, раскол Екатеринославской епархии отличается своей твёрдостью, сохраняя и в религиозной и семейной

жизни без изменения унаследованные от предков обычаи и обряды, считая нарушения их величайшим грехом.

По своим религиозным мнениям раскольники разделяются на: а) беспоповцев, б) поповцев-окружников, в) поповцев-противоокружников и г) беглопоповцев. Беспоповцы проживают в сс. Троицком, Орехове, Ольховатке и Городище, поповцы окружники, в сс. Городище, Ольховатке, Орехове, гг. Ростове и Екатеринославе, поповцы-противоокружники в м. Никополе, с. Городище, Ростове и с. Каменском, беглопоповцы – в г. Ростове.

В каждом из главных пунктов раскольнических поселений имеются молитвенные дома, иногда по внешности своей совершенно ничем не отличающиеся от православных храмов. Такие молитвенные дома раскольники имеют в селе Городище два и в селе Ольховатке – один.

Всех лже-попов-окружников в епархии 7 и противоокружников 3, беглопоповцы „окормляются“ священником, проживающим в г. Новочеркасске, а беспоповцы управляются выборными стариками-наставниками. Оплотом раскола поповщины в екатеринославской епархии является село Городище, в котором проживают три лже-попа-окружника и один – противоокружник. Здесь раскольники, составляя собой почти всё население, живут, как им желательно, безбоязненно и почти всегда безнаказанно нарушая законы о расколе. Достаточно указать тот факт, что в 1897 г. раскольнические лже-попы и лже-диаконы по приглашению схода торжественно освящали в волостном правлении икону и служили молебн. Считаю нужным сообщить здесь, до какой возмутительной степени доходит нахальное бесстыдство раскольнических лже-священников за последнее время, в особенности в нашей местности. Раскольничьи пастыри у нас носят длинные волосы, одеваются в подрясники, носят священнические шляпы и шапки. Но этого мало. Они открыто совершают вокруг своих церквей крестные ходы, собираясь иногда по десяти человек. Ходя по своим прихожанам с молитвой, они переходят из дома в дом в епитрахили, поручах и поясе, не снимая их и на улицах. А один из лже-попов – противоокружник Пётр Потемкин в ноябре месяце торжественно хоронил своего сына с пением от самого молитвенного дома до кладбища. Но и это не всё. Проживающий в с. Городище капитан артиллерии М. Ф. Иванов на днях рассказывал мне, что, проезжая по железной дороге во втором классе, он был свидетелем, как сей Потемкин, одетый в подрясник, расчесав длинные волосы, ходил по вагону и просил „на построение православного храма“!

До 15 октября прошлого года на одной из колоколен раскольнических звонили в колокол, а 20 ноября один лже-поп

проводил по улицам села (от самой моленной до кладбища) покойника с пением и под. Глумление над православием, кощунство над святынями православной церкви составляют обычное явление в жизни села Городища. По донесении приходского священника о. Сергия Шалкинского, ему несколько раз приходилось во время совершения крестного хода и при проводах покойников на кладбище видеть, что раскольники не снимали шапок и фуражек при виде св. икон, а некоторые женщины даже при этом не вставали или же оборачивались к иконам спиной и наклонялись, как это сделала жена раскольнического начётчика Рындина; часто раскольники, проходя мимо единоверческого храма, пели песни, плясали и проч. Ещё большее значение для раскола имеет раскольнический монастырь, находящийся в 8 верстах от с. Городища. В этот монастырь стекаются богомольцы-раскольники почти со всего юга России, в особенности много бывает посетителей 6 августа, в день храмового праздника, когда богослужение совершается с особенной торжественностью несколькими лже-священниками, и происходит крестный ход вокруг молитвенного дома.

Основанный незаконно, монастырь этот каждый год, всё более и более обстраивается новыми зданиями и службами, а прошлым летом построена над колодцем часовня, уставленная внутри иконами, для совершения в ней молебнов с водосвятием; в монастырских горах явилась глубокая пещера, в которой живёт отшельник-пещерник, одевающийся в белую длинную рубаху. Игумен монастыря крестьянин села Ольховатки, Исидор Блинов, человек хитрый и лицемерный, не останавливается ни перед какими сделками, лишь бы это полезно было для его монастыря.

Жизнь православных в с. Городище очень тяжела, так как раскольники, относясь враждебно к православной церкви, ненавидят и православных, называя их хохлами, Мазепами и под. Вся сельская администрация, как то: старшина, староста, полицейские и пр. раскольники и при этом самые грубые, из православных только один, имеет право голоса при выборе сельских властей. Село Городище обособилось в какую-то самостоятельную административную единицу, для которой русские общегосударственные законы не обязательны. Укажу на несколько примеров. Все русские власти обязаны в царские дни присутствовать на молебнах, – городищенские власти считают себя свободными от этого и часто за молебнами совершенно не бывают, а если когда и бывают, то становятся где-нибудь в сторонке, не молятся, под крест не подходят, во время коленопоклонной молитвы на колена не становятся, а когда местный священник по

поводу этого последнего явления сказал несколько слов перед молебном 14 мая, то один из сотских, Александр Колесников, на базарной площади перед многочисленной толпой раскольников стал ругать священника неприличными словами и хотя об этом было сообщено приставу 2 стана Славяно-сербского уезда, но Колесников и до сих пор продолжает служить и хвалиться своей дерзостью. Где, кроме Городища, возможны такие явления, как следующий: провожают рекрутов на царскую службу. Они стоят на площади. Сельский староста Фотеев говорит своё начальническое назидание: „На службе над вами будут смеяться, обзывать староверами, станут заставлять ходить в церковь, уговаривать присоединиться к никонианской церкви и обещать за это унтера, но вы не прельщайтесь, строго храните отцовскую веру, – вот вам моё последнее приказание“.

Этот же староста ходил по селу и читал письмо, наполненное самыми нелепыми сказаниями о провале Облавского монастыря, так что, благодаря усердию старосты, целых два месяца в Городище только и разговор был о Божием наказании никонианцев. Православные в большинстве случаев являются придавленными, находящимися в полной зависимости от раскольников, которые часто говорят: „мы общество, а общество – велика сила – что захотим, то и сделаем“. И, действительно, страшно становится в виду этой силы человеку, придавленному нуждой, каковы все православные с. Городища.

Привожу следующий пример. Летом прошлого года несколько раскольников крестьян села Городища, желая отомстить своему односельчанину православному крестьянину Узлову за его неподатливость (твёрдость в исповедании православия), пришли к нему во двор в то время, когда Узлов огораживал двор новым плетнём, и стали требовать, чтобы плетень был сломан, так .как последний будто бы сделан был не на меже. Узлов отказался исполнить их требование, говоря, что если находят с его -стороны захват общественной земли, то могут на него жаловаться волостному суду или г. земскому начальнику. – „Чего там ещё рассуждать с мазепой? Бей его!“ – закричал один из раскольников. Несколько человек набросились на Узлова и стали наносить ему удары, а другая партия раскольников стала ломать плетень. Покончив с плетнём и избив Узлова, раскольники тотчас же написали заявление в волостной суд, – жалуясь на Узлова, который будто бы оскорбил их. Но особенно враждебно раскольники относятся к бывшим собратьям по заблуждению, присоединившимся к православию. Несколько лет тому назад присоединился к православию крестьянин Феодор Зайцев,

вопреки своему отцу. Отец новоприсоединённого, видя в его поступке поправление родительских прав, пришёл в волостное правление и упросил волостей позвать Феодора, и наказать его негласно розгами. Только вмешательство священника и спасло новоприсоединённого от расправы фанатиков раскола. Другой случай. С год тому назад молодой крестьянин с. Городища, проживающий в Ростове, присоединился к православной церкви и женился на православной девице Анне. Переехав на житье в Городище, молодые поселились в своём собственном доме, в котором жил и отец Григория Иван Талалаев вместе с своей женой. С первых же дней совместной с раскольниками жизни Анна, совершенно не знавшая раскольников, видит, что попала в какой-то другой мрачный мир: над ней смеются, называют её хохлушкой, почти и за человека-то её не считают, ни пить, ни есть вместе с собой не позволяют, молиться она должна тоже после всех. Когда Анна собирается в церковь помолиться, её начинают ругать самыми неприличными словами. В муже она тоже мало находила защиты, так как и он, присоединясь к православию не по убеждению, а из-за невесты, больше сочувствовал расколу, чем православию, и сам в православной церкви ни разу не был. Трудна, невыносимо тяжела была жизнь Анны, но она всё переносила. Когда же свёкор и свекровь заявили ей, что они не позволяют ей имеющегося родиться ребёнка крестить у хохлацкого попа, а понесут к своему, Анна рассказала об этом православным соседкам, а последние приходскому священнику. Священник позвал всё семейство Талалаевых к себе, сделал им увещание, а затем прочитал законы, воспрещающие притеснение православных и соращение их в раскол, а в слышании этих законов предложил расписаться. После этого Анну притеснять стали меньше, но всё-таки жизнь её была тяжела, так как свёкор и свекровь возненавидели её за жалобы хохлацкому попу. Родившегося ребёнка крестили в православной церкви, свекровь Анны так недовольна была этим, что осквернённого ребёнка купала в кипятке, так что бедный малютка очень долго болел, но по милости Божией выздоровел. Так как после увещания священника муж Анны, Григорий, перешёл на сторону жены, то отец его вздумал отомстить ему. Он послал сына в лес срубить несколько деревьев и, когда Григорий привёз деревья и сложил на дворе, он пошёл к уряднику и заявил, что сын сделал незаконную порубку леса... В результате протокол, суд, штраф, и угроза отца в присутствии старшины: „Мы тебе ещё не так покажем твоё православие!“

А. Дородницын

**Библиография // Миссионерское обозрение. 1900 г. № 1–6.
С. 895–907**

Ч-ков С., свящ. [Рец. на:]: «К лучшему будущему». Н. Н. Неплюева гл. VI Животворящий дух и буква мертвящая. «Книжки Недели» июнь 1899 г. С. 895–903

Мы уже видели, как в главе „Братья по любви“ Н.Н. Неплюев призывает всех представителей любви объединиться между собой без различия вероисповеданий и образа мыслей. Мы говорили тогда, что подобное объединение, которое Н. Н. Н. основывает *исключительно на любви, независимо от веры*, противно и духу Евангелия, и примеру первенствующих христиан и учению Церкви и неизбежно приведёт к упадку веры, а затем и к упадку той самой любви, во имя которой оно ныне проповедуется. Но проповедуя тогда объединение в любви независимо от веры Н. Н. Н. всё же не умалял ещё значения самой веры, и в третьей главе „вера, суеверие и неверие“, обращаясь к неверующим, писал напротив, что вера в Бога – Любовь принесёт им великие блага. Тогда, писал он, „весь мир будет озарён для вас сиянием славы любви Его, согрет живым огнём вдохновения нежной любви Его“. „Любовь получит разумный вечный смысл, и дело любви станет единственным разумным делом для вас. Святыня любви станет дорогой реальностью, приобретёт такую нравственную ценность, что изменить любви, продать любовь будет очевидным безумием. Вы получите силу быть последовательными, логичными в любви, любовь изгонит страх сомнений, вы не будете бояться ни разума, ни ощущений, вы всё благословите любовью, потому что будете твёрдо верить, что нет силы больше любви, потому что Бог – Любовь, что ничего не опасно для любви, что ничего она бояться не должна, потому что Бог – Любовь, что её есть царство и сила и слава вовеки“.

И так если вера в Бога – Любовь даёт такую силу, такую опору и такой смысл любви к людям в жизни, то каким же образом Н. Н. Н. в конце пятой главы находит возможным сказать: „между верой и неверием сынов света, представителей живой любви, разница очень невелика и плоды их деятельности в жизни будут неизбежно однородными“. И этими словами отнять у веры всякое значение для нашей православной жизни, для правильности наших отношений с другими людьми?

Ещё решительнее и яснее высказывает он эту мысль в шестой главе, которой он дал заглавие „Животворящий дух и буква мертвящая“.

Он пишет здесь: „Существует ли определённый плод православия, католичества, лютеранства, мусульманства или неверия? Можно ли

сказать, что плоды жизни всех православных людей тождественны или хотя бы только однородны и по самому существу своему отличны от плодов жизни всех католиков, лютеран, мусульман, неверующих и даже язычников? Кому неизвестны, напротив, истые язычники, глубоко убеждённые в неукоснительности своего православия, хотя плод жизни их решительно ничем не отличается от плода жизни многих язычников и очень невыгодно отличается от плода жизни язычников добрых? В букву слов „православие“, „католичество“, „лютеранство“, „мусульманство“, „неверие“ и „язычество“ можно вкладывать самое разнообразное значение, можно и не вкладывая никакого значения прикрываться ею, сообразно с тем оставаясь людьми столь разного настроения, что и плоды жизни будут самые разнообразные.

Любовь и злоба, напротив, дают вполне определённые плоды под каким бы религиозным или философским стягом не стояли представители этих двух противоположных настроений“...

Рассмотрим высказанные в приведённой нами выдержке мысли Н. Н. Неплюева.

Он говорит, что та или другая вера, не производит никаких определённых плодов жизни и, следовательно, не имеет влияния на нравственную жизнь людей. Плоды жизни католиков, православных, лютеран, мусульман, неверующих – одинаковы. В подтверждение этой мысли он приводит то обстоятельство, что есть много православных, которые по плодам своей жизни ничем не отличаются от многих язычников и очень невыгодно отличаются от язычников добрых. Но можно ли считать это доказательством? Несомненно, есть много православных, которые по жизни своей уступают иноверцам, как мы, уже и подтверждали раньше, но разве из этого следует что православие ничем не отличается по влиянию своему да жизнь от католичества, магометанства или неверия? Если среди православных есть много недостойных своего высокого имени, то с другой стороны – разве не православие воспитало Василия Великого, Афанасия Великого, Иоанна Златоуста или Антония и Феодосия Печерских, Сергия Радонежского и Тихона Задонского? Или не православие ли произвело чудную нравственную перемену в преп. Марии Египетской, преп. Пелагии, преп. Евдокии, благ. князе Владимире и многих других святых? А прежде всего – разве не христианство, не Божественная вера в Распятого Сына Божия сделана из жестокого мучителя Савла великого Апостола любви – Павла? Неужели все эти факты и множество других, подобных им, неизвестны автору, утверждающему, что важны не вера или неверие, а одна только любовь. И что истинная вера не даёт никаких особенных плодов в жизни. Говоря, что

христианство по плодам своим не отличается от язычества и неверия, автор лишает всякого смысла проповедь апостолов. Зачем св. апостолам нужно было поднимать невероятные труды подвергаться преследованиям и мучениям за *имя Христово*, за драгоценную для них *веру в распятого Сына Божия*, если и без этой веры можно быть „сыном света“, если она не служит к нравственному обновлению и возрождению души и всей жизни нашей? Вся историческая, мировая задача христианства и Церкви Божией становится ничтожной, если мы признаем, согласно заключению автора, что и без истинной веры, пребывая во тьме язычества или неверия, можно быть истинным „сыном света“,

Неужели, спросим мы снова, не имеют значения и влияния на нашу нравственную жизнь молитвы, сокрушённые припадания к Сыну Божию, освящение себя таинствами – покаяния, причащения и другими? При рассмотрении 4-й гл. статьи Н. Н. Н. мы уже имели случай говорить, какое важное значение имеет истинная вера для сохранения в нас духа истинной любви. Любовь питается верой, как цветы и листья соками идущими от корня. И если на иных членах Христовой Церкви не заметно благотворного влияния истинной веры, которую они исповедуют, то не потому, чтобы их вера не оказывала такого влияния, а потому, что они сами не хотят воспользоваться им, погрязши в тине страстей своих и не тяготясь этой тиной. Для тех же, кто ищет душевного спасения, истинная вера является могучим источником духовной жизни и внутреннего обновления. А потому никак нельзя сравнивать не только веру с неверием и признавать их одинаковыми по жизненным плодам, но нельзя сказать и того, чтобы даже христианские исповедания равным образом влияли на нравственную и общественную жизнь людей, ибо всякая примесь неправды и человеческих вымыслов ослабляет и искажает благодатное действие Богооткровенной истины.

* * *

Дорожа одной любовью и не признавая связи истинной любви с истинной верой, автор проповедует то, от чего теперь уже, к счастью, освобождается современное образованное общество, радостно сознающее великое, животворное, умиротворяющее душу значение истинной веры.

Было время, когда мы не сознавали и не чувствовали всей святости нашей православной народной веры, когда мы надеялись устроить нашу жизнь по указаниям одного естественного разума, или по влечениям одной природной любви нашей. Некоторые, правда, и до сих не разочаровались в этой надежде. Но за то другие, и таких не

мало, и даже среди образованной молодёжи, что особенно важно и дорого, пережив тяжёлый, смутный, мучительный период толстовщины, пашковщины и прочего своеумия и своеволия, выкраивания Евангелия и жизни по мерке своего воспитанного в основах неверия разума – поняли, наконец, что спасение в Церкви, что лишь Церковь сохранила чистоту христианского учения и идеал истинно-святой жизни и обладает средствами к прочному утверждению этого идеала в сердцах и в жизни; поняли, что спасение и счастье в единении с народом, всегда жившим и дорожившим идеалами православной Церкви, его воспитавшей. И вот эта-то часть нашего образованного общества и нашей молодёжи, глубоко в сердце своём утвердившая искреннюю веру в Сына Божия, Господа Иисуса Христа и в Его святое Евангелие, открытой душой воспринимающая обильную пищу от трапезы Церкви, почерпающая душевную силу и бодрость от примера истинных христиан, прославляемых Церковью и от творений Отцов и учителей Церкви, а также от всего богослужебно-бытового строя Церкви – составляющая радостную надежду того будущего России, когда все слои её общества сольются в одном общем церковно-народном настроении – она своим настроением доказывает совершенную ошибочность утверждения Н. Н. Н., будто вера и в частности православная вера не даёт каких-либо особых и ощутительных плодов в жизни. И в настоящее время не к тому должно стремиться, чтобы угашать укрепляющееся радостное сознание святости и ценности истинной веры и пренебрегать верой ради отвлечённой любви, а, наоборот, к тому, чтобы всё более и более утверждаться в вере, всё сознательнее и обильнее усваивать себе духовную пищу, предлагаемую Церковью и постепенно восходить до того идеала веры и жизни, который нам завещан первыми веками христианства и о котором сказано: „у множества же уверовавших было одно сердце и одна душа“ (Деян.4:32).

Вот истинный идеал будущего, а не отвлечённая любовь при безразличном отношении и к христианству, и к магометанству, и к язычеству, и к неверию!

* * *

В той же шестой главе Н.Н. Неплюев снова возвращается к высказанной им в четвёртой главе мысли, что все представители любви должны объединиться между собой, каковы бы ни были их верования и воззрения. Если бы люди привыкли различать друг друга по признакам любви и злобы, всем представителям любви легко было бы объединиться между собой, но благодаря тому, что люди привыкли различать друг друга по вере, создалась масса нелепых

предубеждений и предрассудков, разделяющих людей самой доброй воли и мешающих им почувствовать себя братьями. Необходимо стать выше этих предрассудков. „Не буду говорить, пишет Н. Н. Н., о разных фракциях спиритуалистических групп и подгрупп, спиритах, оккультистах и других, доказывая обязанность соединиться с представителями живой любви из их среды и возможность сделать это, ни мало не изменяя своему стягу, доказывая, что недоброжелательное отношение к ним покоится тоже на нежелании понять их и ту правду, которой они служат“... Помимо этих групп существуют три великие ветви христианства – православие, католичество и лютеранство – и Н. Н. Н. считает необходимым подробнее остановиться на существующем между ними разъединении и доказать, что оно утверждается на самых пустых и злостных предубеждениях.

„Враги церкви католической с величайшим осуждением и глумлением относятся к догмату папской непогрешимости... На деле, есть ли церковь, много ли философских фракций, не признающих и не требующих признания непогрешимости своего единоличного или коллективного папы? Догмат папской непогрешимости, действительно, противоречит и христианской логике, и христианской свободе, но вне католичества без этого догмата всегда и соблюдается логика веры и уважается христианская свобода? Кто мог бы основательно сказать: благодарю Тебя Господи, что я не как католик сей? Если догмат папской непогрешимости не мешает католику быть представителем живой любви и искать единения в братолюбии, может ли быть общение с ним изменой Христу и духовной свободе, раз он согласен на общение с вами, не требуя от вас ни стать католиком, ни признать догмат папской непогрешимости?

Что касается другого нового догмата римско-католической церкви о непорочном зачатии Богородицы, то, по мнению Н. Н. Н., этот догмат „ровно никакого жизненного значения не имеет и никакого зла в жизнь внести не может“, – а потому и не должен мешать братскому единению с католиками.

Точно также несправедливы и существующие предубеждения против лютеран. „Лютеран обвиняют в непочитании Богородицы и святых“. Но „ни один христианин не может не отнестись к Матери Христа Спасителя с чувством искренней любви и благоговейного уважения. Так относятся к ней и все представители живой любви из лютеран... Это и есть живой дух почитания Богоматери... Тоже можно сказать и о почитании святых. Духовного почитания того, что в них святыня, сознательно благоговейного отношения к духовным светочам

человечества в лютеранах и протестантах во всяком случае не менее, чем у других христиан“...

Показавши, что нет достаточных оснований для разъединения между людьми из-за вопросов веры, Н. Н. Н. ужасается крайней непоследовательности людей: „Вы считаете себя вправе, пишет он, не боясь греха, быть в общении с теми, кто на словах признаёт букву бытия Божия, не только не веря в царство, силу и славу любви, но даже издеваясь над любовью, громко признавая само желание стройной организации жизни, труда и отношений на основе братолюбия за наивную утопию и вредный социализм. Ведь он, признавая букву бытия Божия, не только отрицает, но даже кощунственно глумится над Духом Его, хулит Духа Святого. И вы имеете с ним общение в храме вашем, вместе с ним приступаете к таинствам, называете его братом по вере?!

С другой стороны, вы боязливо сторонитесь от общения с теми, кто не верит в букву бытия Божия, глубоко веруя всей силой любви к творению Его, в разумный смысл любви, в конечное торжество любви, а, следовательно, и в царство, силу и славу Бога нашего. Ведь он любит, и любовь его делает его родным по духу Богу – Любовь, а вы боитесь оскверниться общением с ним, но считая за осквернение общение с теми, кто верит в букву бытия Божия, не веря во святая святых духа Его“!

* * *

Рассмотрим высказанные Н. Н. Н. мысли при свете учения Христовой Церкви. Не будем повторять снова, что предлагаемое им объединение в братолюбии с любящими спиритами и оккультистами не имеет для себя никакого основания в Евангелии, противно примеру первых христиан и отменяет истинную веру, как первоначальное и единственно твёрдое основание истинно-христианского союза.

Но спросим только, удовлетворит ли подобное объединение кого бы то ни было? Как известно, христианство не есть только система учения. Оно есть жизнь. Выражаясь словами Еп. Феофана „вера христианская – есть образ восстановления падшего человека в силу смерти Богочеловека благодатью Духа Святого“. Св. Церковь, в которой совершается восстановление нашего падшего естества, представляет совокупность таинственных и благодатных условий для сего восстановления. Всё это близко и дорого сердцу каждого христианина. Дорог ему его Господь и Спаситель, дорого св. Евангелие, дорога многострадальная история Церкви, дорого единение в молитве с братьями по вере и со святыми и особенно дорого совместное причащение Тела и Крови Господней. Дорога, наконец, вся

бытовая сторона церковной жизни от молитвы родильнице в первый день по рождении младенца до погребальных стихир св. Иоанна Дамаскина и поминовения усопших. Теперь, спрашивается, какое единение может быть во всём этом, самом дорогом, важном и святом для живых членов Церкви Христовой, с спиритами, магометанами, иудеями, буддистами, неверующими? Очевидно, никакой. Нам необходимо отвергнуть всю нашу церковную жизнь, или посчитать её чем-то внешним формальным и отыскать иное высшее основание для единения с людьми иной веры, иных понятий, более удовлетворяющее и наполняющее душу, нежели наша церковная жизнь. Тот же самый, конечно, психологический процесс потребуется и от иудеев, и от мусульман, и от буддистов даже от неверующих... И тогда только составитсЯ новое общество ни христиан, ни иудеев, ни магометан, ни неверующих, – а что-то среднее между ними, которое, несомненно, выработает себе свои формы жизни, свои обряды, свои предания... Но разве это желательно и необходимо? Разве это удовлетворит кого бы то ни было, кроме немногих исключительных людей? Разве и без того мало всяких сект и толков?

* * *

Далее, Н. Н. Н. находит, что нет достаточных оснований для разъединения между православными, католиками и лютеранами. Не в этой краткой статье, конечно, разбирать вековой и чрезвычайно серьёзный вопрос о существующем между церквями разделении. Всеобщее единение желательно каждому искреннему члену Христовой Церкви. Но возможно ли этого единения достигнуть тем способом, которым достигает его Н. Н. Н? Он не разъясняет существующих недоразумений не приводит к примирению, и единомыслию, а лишь старается убедить нас, что и при существующем разномыслии, нам можно быть братьями и представлять из себя единое стадо, что поводы к разногласиям столь неважны, что об них не стоит и думать. Едва ли таким отношением к разделяющим церкви вопросам можно достигнуть объединения всех! Слишком уж оно поверхностно, легко, не соответствует важности дела! Мы все молимся о единении и примирении! Но только тогда, когда эта молитва станет всеобщим сознательным настроением, когда она приведёт нас к искреннему и внимательному пересмотру наших разногласий и заставит ошибающихся из нас сознать свои ошибки и признать правоту других, только тогда возможно будет прочное и невозмутимое единство церквей!

* * *

Н. Н. Неплюев говорит, что мы не в праве обвинять римско-католическую церковь в установлении нового догмата непогрешимости папы на том основании, что у нас самих есть единоличный или коллективный папа, а также потому, что и у нас не всегда действует логика веры и уважается христианская свобода... Но нам кажется, нужно различать злоупотребления отдельных лиц от ложного учения всей Церкви... Пусть Н. Н. Н. докажет, что восточная церковь действительно признала единоличного или коллективного папу! Надеемся, не вселенские же соборы автор понимает под коллективным папой? Если он это докажет, тогда, очевидно, восточная церковь не имеет права обвинять римско-католическую в провозглашении догмата, противного духу христианства, и должна сама, покаяться в своём лжеучении.

Но если он этого не докажет, тогда при всякой попытке серьёзного единения между церквами неизбежно возникнет вопрос о том, как же быть с римско-католическим учением о непогрешимости папы? Далее – о догмате непорочного зачатия Пресв. Богородицы Н. Н. Н. коротко говорит, что он „ровно никакого жизненного значения не имеет и никакого зла в жизнь внести не может“... а потому и разъединяться из-за него не стоит. Здесь не место выяснять значение этого догмата римско-католической церкви, но можно ли сказать, что в вопросах догматического характера может быть что-либо неважное? Может ли слабый человеческий ум судить Божественные откровения и признавать их важными или неважными? Если догмат непорочного зачатия есть Божественное Откровение – то он несомненно имеет самое важное значение! А если он вымысел человеческий, то он не должен затемнять чистоты и святости Божественной истины!

Столь же не серьёзное, поверхностное отношение к делу находим мы и в суждениях Н. Н. Н. о разногласии восточной церкви с лютеранами. Неужели нас с лютеранами разъединяет только непочитание ими Божией Матери и святых, о чём одном говорит Н. Н. Н.

Но и по этому вопросу его доводы крайне поверхностны.

Он уверяет, что все представители живой любви среди лютеран относятся к Божией матери и святым с чувством искренней любви и благоговейного уважения; с величайшей осторожностью и оговорками он свидетельствует, что „духовного почитания того, что в них святыня, сознательно благоговейного отношения к духовным светочам человечества в лютеранах и протестантах во всяком случае не менее, чем у других христиан“. Но пусть Н. Н. Н. скажет нам, считают ли лютеране Пресвятую Богородицу – Усердной Заступницей и

Ходатайницей рода человеческого перед Богом? Обращаются ли они к святым, как к ходатаям и молитвенникам нашим у Престола Божия?

Тогда мы согласимся признать, что между отношением к Божией Матери и святым православной Церкви и лютеран нет существенного различия...

* * *

Остановимся ещё на заключительных словах автора.

Он возмущается тем, что мы находимся в единении с людьми, лишь на словах признающими букву бытия Божия, а на деле ведущими порочную жизнь и вместе с ними молимся в одном храме и приступаем к св. таинствам, а между тем боимся вступить в общение с людьми, живущими любовью, но неверующими или принадлежащими к другому вероисповеданию. И так, по его мнению, нам необходимо прервать общение с порочными единоверцами и вступить в таковое с добродетельными иноверцами и даже неверующими. Что касается последнего, то мы уже не раз имели случай указывать, что такое единение исключительно в любви, не основанное на единстве веры – невозможно, непрочное, нежелательно не может удовлетворить и успокоить душу. Чтобы оно было возможно и желательно, необходимо, чтобы эти добродетельные неверующие или иноверцы сделались бы сначала нашими единоверцами.

Что же касается единения в молитве и в таинствах с порочными членами Церкви, то как известно, в нашей Церкви есть по этому поводу определённые правила и порядки. Идеал церковного единения? тот, чтобы все с чистым сердцем и достойно приступали к молитвам и таинствам. Но кто может сказать о себе, что он совершает это достойно? Духовнику предоставлена власть не допускать недостойных к общению в таинстве св. причащения. Правда, порядки первенствующей Церкви были в этом отношении строже наших, но тогда и христианское настроение верующих было выше нашего. С другой же стороны, преследуя недостойных, легко впасть в крайности монтанизма. А потому поддерживая общение со всеми братьями *по вере*, нам следует заботиться не столько о том, чтобы отмечать и отлучать недостойных, сколько о том, чтобы примером собственной жизни не подавать никому повод к соблазну и поддерживать, в братьях по вере христианское настроение!

Свящ. С. Ч-ков

Гр-в М. [Рец. на:]: «Из истории Гомилетики. Гомилетика в новое время, после реформации Лютера». Профессора киевской духовной академии Василия Певницкого. Киев. 1899 г. Цена. 2 рубля. С. 903–905

Предлагаемая вниманию интересующихся областью практических богословских наук названная книга известного киевского профессора В.А. Певницкого служит продолжением сочинения, вышедшего в 1895 году под заглавием: „Из истории Гомилетики. Средневековые гомилетики“ и представляет собой результат трёхлетнего труда по изучению классических сочинений наиболее выдающихся протестантских и католических гомилетов Германии и Франции 16, 17, 18 и 19 веков. И количество времени, положенное автором на этот предмет, и само имя автора – выдающегося оратора, знатока гомилетической литературы – и широкий круг, подлежавших его исследованию гомилетических сочинений лучших немецких и французских гомилетов – всё это свидетельствует о том, что задача, положенная автором в основу своего труда – „через обозрение прежних, наиболее замечательных опытов изложения гомилетики, уяснить значение этой науки и ознакомить с её разработкой лиц, интересующихся вообще богословской наукой, но, вследствие малого знакомства с гомилетикой, отрицающих её научное значение и пренебрежительно относящихся к ней“, – выполнена им со всей возможной полнотой и учёной добросовестностью.

Ясное, хотя и очень краткое понятие об этом может дать уже один простой перечень отдельных статей, вошедших в состав этого труда, представляющих собой, каждая, последовательное изложение гомилетической системы того или иного выдающегося немецкого или французского, протестантского или католического, гомилета с критическими попутными замечаниями нашего автора. Так им рассмотрены: гомилетические правила Лютера и Меланхтона, гомилетика Герарда Гиперия – творца научной гомилетики, гомилетическая теория Шпенера, гомилетика знаменитого Мосгейма, французская гомилетика из эпохи блестящего развития французской проповеди (гомилетическое руководство Блеза Жибера), Фенелонова „разговоры о красноречии“, „теория красноречия“... Шотта, „красноречие – добродетель, или основные черты систематической риторики“. Франуа Теремина, „теория религиозной речи“ Шлейермахера – родоначальника современной протестантской гомилетики, гомилетика Александра Швейцера, „теория духовного

красноречия“ Юнгемана и, наконец, „гомилетика или теория проповеди“ Вине. В этом своём труде наш автор представляет результаты научной теоретической обработки гомилетики, каковая обработка почти всецело принадлежит новому времени. Для ознакомления с наукой о проповедничестве, как оно понималось и как было поставлено у немецких и французских гомилетов, автор, как мы видели из вышеприведённого перечня рассмотренных им гомилетических трудов, избрал наиболее характерные и содержательные гомилетики, принадлежащие наиболее авторитетным в этой области лицам, гомилетики, выдающиеся из ряда других своими достоинствами и потому имевшие более сильное влияние на последующих деятелей в области гомилетики. – В виду высокой и важной жизненно-практической задачи гомилетики, необходимость ближе ознакомиться с её историей, – ясны для всякого, даже и предубеждённо относящегося к этой науке. Книга почтенного профессора Киевской духовной академии, название которой мы выше выписали, представляет собой именно историю гомилетики в новое время – время её наибольшего расцвета и развития и при том в лучших образцах гомилетической науки. Посему труд г. Певницкого, знакомящий русское, интересующееся богословской наукой и в частности – наукой церковного проповедничества – общество с трудами наиболее выдающихся представителей этой науки на западе, давших ей научную обработку и более плодотворное жизненно-практическое значение, является весьма ценным вкладом в нашу, довольно скудную научную гомилетическую литературу и весьма желанным приобретением именно для настоящего времени, когда, в виду усилившихся требований, предъявляемых к церковному красноречию, нашим образованным проповедникам-священникам и преподавателям духовных семинарий необходимо ближе ознакомиться с историей этой, практически-важной, науки на Западе, где она столь пышно расцвела. чтобы быть в состоянии ответить на те запросы, какие предъявляются к ней в её теоретической постановке и практическом применении самой жизнью.

М. Гр-в

Гр. М. [Рец. на:]: Страхов С.И. свящ. «О вере, как первой христианской добродетели» – Москва. 1900 года. С. 905–907

Побуждением для автора к написанию этого сочинения, явившегося первоначально в качестве публичного богословского чтения в г. Москве, служило во 1-х желание его „выразить свой взгляд на психическую природу веры и выработать понятие о христианской собственно вере и во 2-х – желание ответить на очень распространённое мнение, что нравственная необходимость принадлежит только любви, но не вере, и что, при существовании любви, можно и не веровать“. В виду этих двух целей, автор во 1-х – рассматривает веру со стороны её психической природы и во 2-х – показывает её нравственную необходимость с точки зрения христианского учения и её отношение к высшей христианской добродетели – любви. Раскрывши в первой главе психологию веры христианской, как первой „богословской“ добродетели, автор приходит к заключению глубоко-верному, но недостаточно им обоснованному, что „вера христианская, как познание *истины*, является высшей ступенью знания, совершеннейшим видом его. что она, при этом, есть знание „*аксиоматическое*“, соединённое с неизменной уверенностью в том, что оно соответствует действительности“. (4–5, 6–7 стр.) Затем, здесь же им представляются отличия этой веры, как *христианского* знания, от всех других видов знания, отличия по содержанию (=вера христианская есть знание *духовное* по своему предмету) и по методу исследования и усвоения (=вера христианская есть знание *духовное*, рациональное, идеалистическое по своему преимущественному методу), что, впрочем, не исключает иногда и внешне опытного, эмпирического, исследования некоторых предметов веры (8–13 стр.) Во второй главе приводятся догматические основания и доказательства необходимости веры, как субъективной добродетели христианина, заключающиеся в учении Христа Спасителя, Иоанна Предтечи и Апостолов и вытекающие из самого понятия „спасения души“ (с психологической стороны его), как всестороннее развитие и усовершенствование души человеческой; строится при таком понимании этого термина и необходимость веры для нашего спасения, как необходимость усовершенствования ума, необходимость *спасения ума*, которое состоит в освобождении ума от ложных знаний и в усвоении им истины, данной нам в божественном Откровении (22 стр.). Здесь же им выясняется необходимость веры, как „нервовозбудителя“,

первоосновы той духовной жизни, которая должна отличать человека-христианина (25 стр.)

Раскрывая вопрос с положительной стороны, автор считается и с противоположными мнениями. Так, он разбирает мнение, отводящее веру исключительно в область чувства (14–16 стр.), унижающее значение веры и ограничивающее христианство одной только любовью (30–32 стр.) и др. В виду широкого распространения всяких отрицательных взглядов на религию, которыми особенно болеет переживаемое нами время, указанная отзывчивость автора на отрицательные течения религиозно-философской мысли заслуживает полного сочувствия и внимания.

Но отдавая должное достоинствам сочинения, нельзя умолчать и о некоторых недостатках его. Так, к недостаткам формы изложения должно отнести слишком частое употребление длинных периодов, а равно не вполне точную, как нам кажется, терминологию автора в определении веры в её отношении к религии. По его определению – религиозное знание, называемое верой, „есть знание аксиомагическое“ (4 стр.). Между тем, религиозное знание, будучи действительно таковым по своей природе, не всегда является с признаком аксиоматичности при воздействии его на религиозное сознание человека. Поэтому-то религиозная вера (христианская) и не всегда может быть названа в строгом смысле знанием „аксиоматическим“, иначе, – будучи таковым, т. е. истиной вполне и для всех в одинаковой мере самоочевидной, она действовала бы на религиозное сознание каждого с принудительностью, свойственной всем аксиоматическим положениям. Да и со стороны предмета своего содержания, – вера, во всей полноте входящих в её область предметов, хотя и может быть названа „знанием аксиоматическим“, по только условно, – при условии доверия к Откровению.

В заключении своего рассуждения (37–43 стр.) автор обращает, во 1-х, внимание читателей на продолжающуюся и в наши дни борьбу неверия с верой и, во 2-х, выражает твёрдую и пламенную уверенность в конечной победе веры над неверием как во всём человечестве, так и в отдельной человеческой душе. Свою прекрасную монографию автор заканчивает победным возгласом, взятым из одной церковной песни: „мужайся, Христова Церковь, и державствуй всуе борющимися!“ к коему присоединится всякое истинно христианское сердце.

М. Гр-в

**Известия и заметки // Миссионерское обозрение. 1900 г. №
1–6. С. 907–910**

В августе месяце текущего года выпущен из военной службы солдат Евдоким Васильев Кочнев, служивший в одном из местных батальонов, квартирующих в г. Пензе. Он крестьянин деревни Зиновьевки, Саранского у., Пензенской губ., откуда и взят был на службу, но на 2-й же год его службы родители его и родственники переселились в деревню Раевку, Серганской волости, Орского у., Оренбургской губ. Туда-то и направился теперь Кочнев, отбыв срок военной службы.

Кочнев служил в батальоне в числе нестроевых лиц – он был в швальне³⁸¹, портным. Вероятно, благодаря этого рода службе, он имел возможность часто отлучаться из казарм, и вести пропаганду своего учения.

Кочнева я узнал года 2 назад, встретившись у одного своего знакомого. Последний – торговец – букинист. Шатаясь по базару под видом продажи сшитой им жилетки, брюк, или перепродавая старье, Кочнев вступал в собеседование с покупателем и толковал ему своё учение. У Кочнева всегда было в кармане: евангелие с подчёркнутыми местами, штундовый катехизис, на основании которых он вёл свои диспуты. Познакомившись с моим приятелем. Кочнев точно также пустился в трактат своего учения, находя его согласным слову Божию, правильным и единственно спасительным. Само собой разумеется, что православие Кочнев ставил ни во что, хулил св. таинства, ругал священников, церковь уподоблял к капищу идолопоклонников и т. д. Фанатик он великий, хотя начитанностью не обладает. Когда я застал его у знакомого, он тотчас начал собираться и торопиться уйти в казармы. Его задержали и мне пришлось вступить с ним в собеседование. Кочнев, по обычаю сектантов, раздражался, кипятился, говорил грубо, дерзко нарочно стараясь оскорбить меня, как священника. Раза 3–4 я опять встречал его у знакомого и снова вступал с ним в пререкание по вопросам: о иконопочитании, о крещении младенцев, о причащении и т. далее. Видя, что его беседы не имеют никакого успеха на моего знакомого, Кочнев бросил ходить к нему и более не появлялся к нему ни в дом, ни в лавку, на базар. Заметив это, я в свою очередь стал следить за ним, добыл у него, разумеется через людей, – „Голос веры“, – „Катехизис баптистов“, которые заклеены его собственной печатью. Стал я выходить на базар (в Пензе базар бывает 2 раза в неделю) и следить за его продажей разных вещей. И точно: продажа эта была только как

предлог, а основная цель его действий пропаганда своей секты. Как только предъявится покупатель, разговор идёт не долго, жилетка остаётся в стороне, а на сцену выступают религиозные вопросы. Я подхожу, разговор обрывается и жилетка снова предлагается в продажу. Я усилил своё миссионерское наблюдение, дозор за Кочневым, стал ходить за ним чуть не по пятам, останавливался при его покупателях, заводил с ним полемический разговор, когда их не было. Кочнев догадался или же я просто надоел ему, только он перестал являться на базарный рынок и прекратил свою торговлю.

Кочнев – не богатый крестьянин, нигде не был, кроме своей губернии, но какая же у него была обширная переписка с своими сектантами! Его, бедного солдата, знали в Тифлисе. Самаре, Саратове, Казани, Петербурге и даже за границей. Ему высылали деньги для его содержания, сектантские сочинения, печатанные то в Одессе, то в Новороссийске, то в Румынии, сообщали о делах своего общества и движении сектантской пропаганды. Прошлый год он встречал проездом из Тифлиса в Москву своего миссионера, какого-то Васильева, который был послан по какому-то важному делу; приезжал к нему лжеучитель из Самары, Оренбурга и, очевидно, давал ему какие-нибудь наставления. Вообще насколько я следил за ним, я заметил, что сектанты так тесно связаны один за другим, что представляют собой как бы одно семейство. Мы – миссионеры православной церкви не имеем такого тесного общения между собой, какое имеют сектанты. Каждый из них знает, что и где делается, и как делаются и кем именно. – „Вот, говорил Кочнев, в Саратове был хороший наш человек, член судебной палаты, Прокопий Адрианович Устинович³⁸². Он издавал в защиту нашей веры журнал „Братская Помощь“. Въезелись на него попы и его перевели в Вильну“. №№ этого журнала у Кочнева были. Указывал Кочнев на какого-то Перка, в Самаре, заведующего складом книг священного писания от Британского библейского общества. Говорил о, что все книгоноши этого общества – баптисты и только для маскировки они держат 2–3 лица православных, но и они не строго держатся православия. В Саратове тоже сидит в своём роде Перк у этого общества. Таким образом, из рассказов Кочнева видно, что „Британское библейское общество“, наряду с распространением слова Божия сеет через своих книгонош и разных Перков и сектантство в народе. 2–3 книгонош я знаю лично, как жестоких врагов св. церкви. Интересно: кто следит у нас за этими книгоношами и просматривает в складе их книги? А это необходимо. Ходит книгоноша – баптист с книгами, вступает в общение с народом в селе, городе и никому дела нет до него. Как хотите, а книгоноша –

сектант лицо не желательное, и вредное православию. Ужели нельзя потребовать от этого общества, чтобы оно содержало книгоношами лиц православного вероисповедания и по рекомендации епархиального начальства? Иначе ведь это очаг сектантства, и выходит, что мы в одно и тоже время и сектантство сеем и миссию против него ведём. Да и нужны ли ныне такие общества, как Британское, когда теперь всюду в епархиях существуют Братства, книжные; склады, – действуют книгоноши синодальных типографий?

Когда Кочнев поступил в военную службу, ему объявили, что он может читать и держать при себе только такие книги, которые будут одобрены военным начальством. Кочнев предъявил свои книги, которых у него оказалось 2: „Голос веры“ и „Догматическое богословие Макария митрополита“. И что же? „Догматическое богословие“ ему запрещено иметь, а сектантский „Голос веры“ оставлен и на нём какой-то штабс-капитан расписался. Эту-то книгу я и имею. Таким образом, православное отнято, а сектантское оставлено. Сам Кочнев не мало смеялся над этим и говорил: „вот как ваше начальство знает книги“. Казалось бы, что в этих случаях должен бы быть принят во внимание голос военного священника, а не офицера.

Полагаю, что Кочнев не замедлит проявить свою сектантскую деятельность и на новом месте своей жизни, в деревне Раевке. Как в Пензе старался он пропагандировать своё учение, хотя и безуспешно, так и там. Здесь в минувшем году, он совершал даже 2 поездки, одну на Пасху и другую на Троицу. Ездил он к сектантам: в деревню Малиновку, Мокшанского у., и с. Ромоданово, Саранского у.

На отъезде из Пензы Кочнев зашёл к моему знакомому и сказал: какой вы хороший человек, а слушаете попа. Разве можно с ними водить дружбу? „Почему же“? спросил он его. – „Да они первые губители народа! Всё писание они извратили. Не советовал бы я вам принимать попов и питаться написанной ими водичкой... Читайте сами слово Божие и только одно его, а остальные все книги бросьте в печку. На них и тратиться излишне.

– А как же сам то ты покупаешь учение своих наставников? – возразил знакомый. „У нас учение идёт по слову Божию, а ваши представляют вам сказания разных соборов, Златоуста и др. попов и архиереев. К чему их слушать? Мало ли что они написали“?

– Вот что, брат, скажу тебе: ты Фрею веришь и другим грешникам, а я верю св. Иоанну Златоусту, на котором сугубо почивала благодать св. Духа. Нужно сказать, что Фрей – это паломник к св. местам Иерусалима, который, закончив своё путешествие, издал книгу. Кочневу тотчас написали сектанты, что книга г. Фрей написана в духе

их веры и рекомендовали ему приобрести её. Кочнев бегал по пензенским книжным магазинам, отыскивая эту книгу, но не нашёл её в продаже. И вот он прибегнул к знакомому с просьбой выписать для него эту книгу. Книга была выписана из Риги, где живёт сам автор, и вручена Кочневу. Поэтому то знакомый и указал ему на Фрея. Это показывает, как внимательно следят сектанты за выходящей литературой, которая в их духе.

Пензенский епархиал. миссионер священник Константин Попов

Примечания

¹ - Иссоп (Исх.12:22; Пс.1:9) – растение, часто упоминаемое в Библии... Все вещи, окропляемые этой водой или жертвенной кровью посредством иссопа, очищались. Таким образом, иссоп служил символом очищения... – Редакция Азбуки веры.

² - Из речи преподавателя Астраханской семинарии К. Всехсвятского в годичном собрании местного братства.

³ - В. Кипарисов. О церковной дисциплине, стр. 97, 104.

⁴ - Злат. о священстве 111, 5.

⁵ - Е. М «Над Евангелием» 59.

⁶ - Служение священника в качестве духовного руководителя прихожан. стр. 140–142

⁷ - В. Певницкий. 142.

⁸ - Шёлепы мн. устар. – верёвочные или личные кнуты с короткими рукоятками. Ш. употреблялись преимущественно среди духовенства, как наказание по приговорам духовных судов и как дисциплинарное взыскание. В XVII в. битьё Ш. разделялось на простое и нещадное и иногда производилось публично... – Редакция Азбуки веры.

⁹ - О священстве 2. и 4.

¹⁰ - Сообщение об этом деле и экспертиза напечатана в «Мисс. Обоз.», за 1897 год.

¹¹ - Головкин, ст. 88–89.

¹² - Там же стр. 105–106.

¹³ - Буквальные выдержки из имеющегося у нас письма Картушина.

¹⁴ - Буквальные выдержки из снятой нами точной копии «подлинника» «благочиннической инструкции», присланной Картушиным на Дон.

¹⁵ - «Миссионер. Обозрение», как орган святого дела миссии, поставляет себе долгом стоять всегда и во всём вне всякой партийности в мнениях, сохранять объективность в суждениях и отзывах, не скрывать правды и не щадить лжи, а также – высоко уважать свободу обсуждения всех вопросов, относящихся к области миссии. Настоящую статью печатаем по принципу: *audiat eam altera pars* (Следует выслушать и другую (или противную) сторону.). Ред.

¹⁶ - Редакция, по личному усмотрению, расширила задачи статьи и выводы автора, имевшего в виду действительно район одной губернии, а потому и обвинение оппонента берёт на свой счёт. Ред.

¹⁷ - Редакция, по закону, не вправе раскрывать фамилии авторов статей, неподписанных ими, или обозначенных инициалами. Но долгом считаем объяснить почтенному возражателю, что эта догадка его, а равно и некоторые дальнейшие выводы, на ней построенные, более чем рискованны, Ред.

¹⁸ - Сошлюсь на свой личный опыт. Лет двадцать назад мне пришлось, по поручению Казанского губернского земства, производить подворную перепись некоторых волостей Мамадышского уезда, населённых татарами; при этом я выяснил, путём подворного тщательного обследования, что в местности, которая по средним выводам считалась самой бедной в губернии, половина населения вполне обеспечена. (Труды статистической экспедиции Казанского губернского земства. Казань 1883г.) Авт. – Значительно позднее, путём местного исследования, я фактически установил, что из 31 вотской деревни, находящихся в Казанской губернии и считавшихся, вообще, отпадающими в магометанство, около трети твёрдо преданы христианству; об остальных двух третях тоже не пришлось повторить общего установившегося суждения, так как в большинстве тех деревень оказались как лица, преданные христианству, так и равнодушные к нему и враждебные. (Инородческое население Казанской губернии. Казань 1898 года).

¹⁹ - Можем уверить возражателя, что автор нашей статьи ближайшим и непосредственным образом осведомлён о положении инородческого дела в епархии и несколько лет находится к этому вопросу в особом административном положении. Ред.

²⁰ - Автор нигде не цитирует источника своих сведений о благоустройстве чувашских приходов, про которые он говорит, но и не утверждает, что приходы эти известны ему лично. Подобные утверждения, впрочем, имеют цену лишь в статье, подписанной полным именем автора.

²¹ - Не смеем спорить с возражателем: может быть он подобный неправославный взгляд у кого-либо и где-либо и усмотрел, но только не в суждениях автора разбираемой статьи. Миссия Церкви среди инородцев, образование последних – действительно два дела особых. Миссия – веропроповедничество, апостольство, – а не учение; на миссию мирянам должно иметь посланничество от тех, кому вручены благодатные ключи Царствия Божия «как проповеси, аще не послан», говорит Апостол (Рим. X), Неправославно суживать понятие церкви до иерархического только института; противопоставлять Церковь мирянам, – это папизм; но с другой стороны, нельзя и смешивать

правлящую и учащую Церковь с мирянами – пастырей с пасомыми – это уже будет немецкий лютеранизм или русский штундизм. Разъяснять догматы, усыновлять обряды, канонизировать святых – неотъемлемое право иерархии Церкви, – «освящённого собора», а отнюдь не мирян. Ред.

²² - Вот денежный отчёт комиссии за последний год: Приход. Остаток к 4 октября 1898 г. 3.079 р. 89 к. Поступило: от Миссионерского Общества 5.500 р., за проданные книги 4.459 р. 79 к., пожертвовано на усиление средств комиссии 71 р. 50 к. Итого 13.111 р. 14 к. Расход. Уплачено: в типографии 8.031г. 21 к., за брошюровку 1.291 р. 04 к. сотрудникам (не членам) комиссии (киргизам, башкирам, черемисам якутам и проч.) 2160 р, канцелярские расходы 355 р 80 к-, пересылка книг 347 р 50 к., покупки книг и мелочные расходы 202 р. 47 к., одному из членов комиссии 200 р. Итого 12.588 р. 02 к.

²³ - Сүторма – суета, беспорядок (Даль, 4, 365); вологод. говорить пустое, вздорить, попусту толковать... – Редакция Азбуки веры.

²⁴ - Per pedes apostolorum. – «Апостольскими стопами», поговорка, означающая отправление в путь пешком, подобно апостолам. – Редакция Азбуки веры.

²⁵ - Осенью истекшего года Бог, по молитве о. Иоанна, исцелил от тяжкой болезни ног лично мне знакомую вдову Надежду Алексеевну С-ву, живущую в Смольном. Благословляя о. Иоанн сказал: «ножки, ножки, скоро заходят!» и ноги действительно через день–два заходили.

²⁶ - Всем известны Московские противо-раскольничьи беседы, заведённые ещё митрополитом Иоанникием, которые вот уже 25 лет как привлекают тысячи москвичей, алчущих и жаждущих вразумления и обличения раскольничьего суемудрия. – Беседы эти возглавляли всегда викарные епископы, полемическая же часть их велась сначала под главным руководством приснопамятного о. Павла Прусского, а в последние годы о. Иоанна Виноградова, известного маститого деятеля Московской противо-раскольничьей миссии. Московские беседы всё время ютились в нанятых залах Халатова, Кононова и др. В залах этих было и тесно, и неудобно. Почтенный о. Иоанн Виноградов давно лелеял благую мысль устроить своё помещение для собеседований и вот Бог помог. При живом содействии церковного старосты храма св. Сергия, что в Рогожской, где настоятельствует о. Иоанн, Г.И. Коноедова и священника той же церкви о. В. Ф. Соболева, ныне созиждено в ограде упомянутой церкви великолепное в два света (Двусветный зал – помещение с высотой стен в два этажа, не разделённых внутренними перекрытиями. При наличии двух ярусов

оконных проёмов такой зал именуют двусветным... – Редакция Азбуки веры), обширное каменное здание, стоившее до 50 т. р. Зал рассчитан на тысячу слушателей, имеются хоры устроена образцовая вентиляция, кафедра и огромный помост для собеседников. Словом, московская миссионерская аудитория, устроенная по частной инициативе почтенного протоиерея миссионера, на частные пожертвования, – служит отрадным рукотворным памятником и свидетелем неусыпных забот и успеха миссионерского дела. – 4 ноября состоялось освящение этого здания, которое совершал сам владыка митрополит, в сослужении викарного епископа Парфения, трёх архимандритов и многочисленного духовенства. – За братской трапезой, в которой изволил принять участие сам высокопреосвященный митрополит Владимир, вспомнаны были здравствующие ныне архипастыри-руководители Московских противораскольничьих бесед, епископ Могилевский Мисаил, Костромской Виссарион, Полоцкий Тихон, а также и другие деятели миссии, и борцы против раскола. По случаю радостного торжества почтенных московских ратоборцев против раскола, в лице о. Иоанна Виноградова и других, приветствовали и телеграммами, и письмами. – Особенно душевно выразил свои думы и чувства Н.И. Ивановский, один из последних ветеранов академической науки расколоведения и неустанный практический деятель миссии. Письмо это, как имеющее общее миссионерское значение, печатаем на страницах нашего журнала. Ред.

²⁷ - умный поймёт. – Редакция Азбуки веры.

²⁸ - пенсионной – Редакция Азбуки веры.

²⁹ - См. «Забытые люди», «Мисс. Обзор.» 1897 г. июнь, кн. 1.

³⁰ - В последнее время, как слышно, этот срок сокращён до 3 лет.

³¹ - Печатаемая настоящая весьма интересное и поучительное, собеседование с благословения епископа Сергия, руководителя бесед, как оно изложено было в местной газете «Киевлянин», мы позволяем себе сделать некоторые добавления и пояснения, так чтобы наши читатели воспользовались беседой на данную тему, как вполне готовой и критически оценённой.

³² - В подобных случаях полезно сектантам разъяснить слова ап. Петра: будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчёта в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением (1Пет.3:15). Полезно также нарисовать при этом образ человека, который любит слушать наставление; такого человека восхваляет и Слово Божие (см. напр., Притч.10:17;12:1;13:1; Ин.8:47). Ред.

³³ - При беседе о почитании святых угодников нужно перед заблуждающимися точно и определённо формулировать, главным образом, следующие два тезиса: 1) святые угодники ходатайствуют за нас и здесь на земле, и там на небе, и 2) поэтому мы должны святых угодников ублажать, прославлять, почитать. Сначала обосновать Словом Божиим первый тезис и беседовать о нём с неправомыслящими, а затем переходить ко второму. К сожалению, в предлагаемой беседе понятия «ходатайство святых» и «почитание их» не вполне определительно разграничены, а потому беседа производит на слушателя или читателя то впечатление, что беседующие как будто друг друга не вполне понимали. Ред.

³⁴ - Из возражения штундистов этого не видно, и миссионер в данном случае заходит вперёд, предупреждая со-вопросника. Если же признавалось нужным обосновать молитвенное обращение к Пресвятой Богородице словами: «спаси нас», то, следовало бы кроме 1Тим.4:16, привести ещё следующие места Св. Писания: Иак.5:20; Рим.11:14 и 1Кор.9:22. Напрасно миссионер оставил без внимания замечание сектантов, что Матерь Божия «грешна и потому не может якобы ходатайствовать за нас». Для обличения этого суемудрия, выраженного притом в общей форме, достаточно хотя бы на первый раз привести с надлежащим разъяснением Исх.32:7–14. где говорится о молитвенном ходатайстве Моисея за грешный народ еврейский. Ред.

³⁵ - От штундистского со-вопросника следовало бы тут же потребовать оснований из Слова Божия в том, что они не имеют нужды в ходатайстве святых. Методика полемики не рекомендует православному собеседнику подыскивать мнимый фундамент из Св. Писания для мудрований заблуждающихся. Ред.

³⁶ - Никогда по следует ведущему беседу миссионеру читать лично самому указываемые сектантами места Священного Писания. Этим он себя ставит в служебное в отношении сектантов положение перед глазами тысячной массы православных слушателей. Лучше всего, чтобы сами штундисты читали нужные им тексты. Это чтение само характеризует их с невыгодной стороны, вызывает внимание к читаемому со стороны прочих сектантов и тем устраняет перешёптывание и вообще агитацию среди сектантов, которые происходят во время чтения знакомых им мест православными собеседниками. Ред.

³⁷ - В дополнение к ссылке на посл. к Евреям, основываясь на Сир.44:1–2, Прем.2:14–20, 3:1,9,5:15–16; Пс.1:2 – 2, – Пс.36:29–31, 111:6,33:20–21, 15:10; 4Цар.13:20–21; Деян.5:15 и друг., – полезно

также перед заблуждающимися указывать общие характерные признаки угодников Божиих, которых Сам Господь прославляет некоторыми особенными знаменами и при их жизни, и после смерти. Канонизуя святых угодников, т. е. причисляя их к сонму своих чтимых небесных заступников перед Богом, Церковь Христова в этом случае ошибиться не может, так как в ней присутствует Дух Святой, наставляющий её на всякую истину. Ред.

³⁸ - Кроме приведённого места из еван. Луки (Лк.1:48) весьма нелишне также приводить из еван. Лк.1:28,41–43, 2:51, где говорится о почитании Царицы Небесной Самим Господом Христом, Архангелом Гавриилом и Праведной Елизаветой. Штундисты возразили, что «ублажать не значит молиться». Как из этого возражения, так и из дальнейших словопрений видно, что сектанты не имеют полного и определённого понятия о том, что такое молитва. В подобных случаях следует это понятие разъяснять сектантам, тогда и приведённое возражение сектантов уничтожится само-собой. Ред.

³⁹ - Вопрос и ответ, думается, переданы в печати не совсем точно. Ред.

⁴⁰ - Кажется, лучше было бы миссионеру по требованию заблуждающихся не читать приведённого места из 1-й гл. книги пр. Исаии, которое совсем не относится к предмету беседы. Штундисты прочитанное им место из книги пр. Исаии всецело относят к православным праздникам и внешним обрядам нашего богослужения; прося прочесть это место, со-вопросники, по-видимому, просто желали оказать нужное для них впечатление на собравшихся слушателей из православных. Совершенно достаточно было бы ещё раз указать штундистам на приведённое место: «очи Господни обращены к праведным и уши Его к молитве их» (1Пет.3:12); и спросить, как же они осмеливаются вопреки столь ясному свидетельству Слова Божия говорить, что молитвы святых не имеют места или значения? Или: Слово Божие учит, что «много может усиленная молитва праведного»; мыслимое ли дело после этого утверждать, что молитве за нас святых в деле нашего спасения нет места? Ред.

⁴¹ - Таковую отрицательную аргументацию после того, как миссионер приводил положительные свидетельства Бож. Откровения, миссионерская методика считает пускать в дело не совсем удобным; этим миссионер просто показал, что приведённые им ранее места малоосновательны... Да и кроме того, ловкий штундист всегда, можно опасаться, скажет на этот довод, что ведь «отсутствие запрещения

делать то или другое не даёт ещё нам права делать, именно, это» ... Ред.

⁴² - Ниже у миссионера возникает с сектантами спор о неканонических мигах, а теперь он защищает своё право пользования при беседе ветхозаветными писаниями: все эти эпизодические отступления нарушают общий последовательный ход беседы и отвлекают внимание слушателей от главного предмета речи. Необходимо было с штундистами заранее условиться относительно пользования каноническими и неканоническими книгами ветхого завета.

⁴³ - Кроме Авраама и Иова следует ещё указывать также на Давида (2Цар.2:11, 17), Самуила (1Цар.8–9) и приводить текст из книги Иова (Иов.5:1), свидетельствующий, что почитание святых и призвание их в молитвах существовало ещё во времена патриархальные ср. также Дан.3:35. Штундисты твердят, что эти праведники «были живые». На это полезно указывать им, что «Бог Сам не Бог мёртвых, но живых, ибо у Него все живы» (Лк.20:38). Поэтому и повеление Его обращаться к праведникам, живущим на земле, с просьбой о ходатайстве перед Богом должно иметь вечное и непреложное значение даже и в том случае, если праведники отошли уже в иную блаженную жизнь. Ведь прославляли же молитвенно (ублажали) в Апостольской Церкви св. страстотерпцев (Иак.5:11)?

⁴⁴ - Вопрос о неканонических книгах С. Писания, поднятый сектантами, в сущности оставлен без надлежащего ответа в настоящем случае. В подобных случаях полезно ставить на вид штундистам элементарное понятие о неканонических книгах, что «эти книги – добрые, назидательные, священные» ... и что паремии из книги Премудрости Соломоновой постоянно читаются в Православной Церкви. На замечание сектантов о книге Товита должно сослаться на Рим. 15, или на 2Тим.3:16. Ссылка на «Откровение» со стороны киевского полемиста едва ли удобна и доказательна; она дала, лишь штундисту повод лишний раз к нападению на Церковь Христову. И вынудила преосвящ, председателя поспешить перевести беседу с этого окольного пути на прямую дорогу, – на прежнюю тему о молитвенном ходатайстве святых. Ред.

⁴⁵ - Это наставление включает собственно не повеление просить молитв святых, а повеление почитать их. Ред.

⁴⁶ - Очевидно, что в печати допущен пропуск, иначе совсем нельзя понять, почему миссионер завёл здесь речь о Предании. Ред.

⁴⁷ - Тексты Св. Писания преосвященным были приведены в изложении их содержания.

⁴⁸ - Рамо – ср. рамена мн. плечо, плеко, уступ от шеи, округлый спуск и часть руки до локтя; плечевая кость, особ. головка её, в связи с лопаткой и ключицей. – Редакция Азбуки веры.

⁴⁹ - Как известно, духовенство Юго-Западного края после польского мятежа, по ходатайству генерал-губернатора Вибикова, первое в России начало получать жалование: от казны: священники в размере 300 р, – причётники – 80 р.

⁵⁰ - Вот те приходы, кои осчастливлены новогоднею милостью Высшей Церковной власти. Васильковского уезда: Троцкое, Ромашки, Спендовка. Звенигородского уезда: Павловка, Репки, Окнино, Песчаное. Сквирского: Турбовка, Лучин Капустинцы. Таращанского: Керданы, Крутые Горбы, Плосское, Кпидановка, Попружна, Чаплынка, Житники, Литвиновка, Шуляки. Умайского – Кищенцы. Чигиринского: Топиловка, Мордва, Ребедайловка.

⁵¹ - На помещённой ниже группе иерархов изображены слева в первом ряду (сидящие) 1) Владимир, Еп. Нижегородский, 2) Иустин, Архиепископ Херсонский, 3) Владимир, Митрополит Московский, 4) Иоанникий, Митрополит Киевский, 5) Модест, Архиепископ Волынский, 6) Димитрий, Архиепископ Тверской, 7) Анастасий, Еп. Воронежский. Во втором ряду (слева же) 1) Иоанникий, Еп. Архангельский, 2) Пётр, Еп. Смоленский, 3) Сильвестр, Еп. Каневский, первый викарий Киевской митрополии, б. ректор Киевск. академии, 4) Ириней Еп. Подольский (Орда) 5) Мисаил, Еп. Могилевский, 6) Гурий, Еп. Самарский, 7) Иаков, Еп. Кишинёвский, 8) Иоанн, Еп. Саратовский, 9) Питирим, Еп. Тульский. В третьем ряду (слева же) 1) Михаил, Еп. Ковенский, 2) Иоанникий. Еп. Углицкий, викарий Ярославской епархии, 3) Борис, Еп. Ямбургский, ректор С.-Петербургской академии, 4) Сергей, Еп. Уманский, второй викарий Киевской митрополии, б) Димитрий, (Ковальницкий) Еп. Чигиринский, ректор Киевской академии, 7) Антоний, (Храповицкий) Еп. Чистопольский, ректор Казанской академии. 7) Серафим, Еп. Острожский, викарий Волынской епархии 8) Кирион, Еп. Алавердский, викарий Грузинского экзархата.

⁵² - Подробные сведения об этом будут помещены в одной из ближайших книжек журнала.

⁵³ - Здесь, очевидно, Толстой разумеет почитание святых и их изображений – иконы.

⁵⁴ - О мёртвых – либо ничего, либо хорошо. – Редакция Азбуки веры.

55 - М. Сент. 26 д. жит. Св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богос. лист 111 на обор.

56 - Ноябрь. 16 д. жит. и стр. Св. Аиост. и Еванг. Матфея лист 96 на об.

57 - Июл. 23 д. страд. его лист 155 и ва обор.

58 - Жит. Его 12 октомир. л. 84.

59 - Мая 11 д. страд. Его, лист. 74.

60 - Апрель. 26 д. Его страд. л. 113 на сбор. и 114.

61 - Декемвр. 15 д. Страд. священномуч. Елеиферия лист. 100.

62 - Декемвр. 12 д. жит. Св. Спиридона, епископа Тримифутск. л.

81.

63 - Марта 22 д. страд. Св. священномуч. Василия – л. 103.

64 - Июл. 8 д. страд. его, лист. 47 на обор.

65 - Мф.11:28.

66 - Июл. 6 д. страд. св. мученик Марта и пр. лист. 34.

67 - Октяб. 29 д. жит. преп. о. и. Аврамия затв. л. 108 на обор., 109 и на об.

68 - Март. 6 д. Страд. преподобномуч. Коноиа – л. 44 и на обор.

69 - Июн. 17 д. лист. 115 и на обор.

70 - Июл. 15 д. житие Его, лист. 109 на обор.

71 - Апр. 26 д. жит. Его, л. 115 и 116.

72 - Толков. на Псал. 34. Август. Евсевия Церков. Истор. Кн. IV, гл.

23. Акт. Мучен. Руннерта, 7, 1.

73 - Христ. Чт. 1830 г. 3. XXXVIII, стр. 40.

74 - Евсрков. истор. о Мучен. Палест. гл. Цеев ч.VIII.

75 - Пом- Фавст. февр. 6 д.

76 - Свид. Климент. Алекс, в Стран. к VII, стр. 722 и оригинал. в кн. о молитв. гл. 10.

77 - Аполог. 11, стр. 58; Разгов. с Триф. стр. 251, 325 и 353.

78 - Кн. 1 о призыв. язычн. гл. 4.

79 - Книж.: Примеры благочестия среди соблазнов или поведение древних христиан в отношении к язычникам. Соч. Архим. Макария 1858 г. Стр. 83, 84, 85, 86, 87 и 88.

80 - Свид. Св. Златоуст. в бесед. из на Св. Матф.

81 - Аполог. 11.

82 - Речь 16 о слове Господ. на Ев. Матф.

83 - Разгов. с Трифон. иуд. стр. 2 4.

⁸⁴ - Кн. о постоянстве гл. 23.

⁸⁵ - Толк. на Псалом 57.

⁸⁶ - Ныне Павлов проживает в Брайле, где издаёт на немецком языке листок сектантский. Ред.

⁸⁷ - Это обвинение автором о. Рождественского не вполне верно. В своих заключительных выводах почтенный исследователь пришёл к решительному заключению, что штундизм нельзя смешивать с баптизмом. Вот что говорит о. Рождественский на 284 стр. своего исследования «Южно-Рус. Штундизм»: «Штундизм по существу своего учения крайне несостоятелен. Штундисты не восприняли полностью ни одного из тех сектантских учений, с которыми они приходили в соприкосновение. Материал для своего учения они брали преимущественно у бессарабских сектантов и у баптистов; связать же его сколько-нибудь логически они не могли. Штундизм напрасно смешивают с баптизмом, отмеченные (на стр. 104–107, 143, 175–176, 201, 205) факты стоят в резком противоречии с мнением о тождестве штундизма с баптизмом. Штундизм нельзя смешивать с баптизмом. Так решительно выражается почтенный исследователь по настоящему вопросу в последних своих выводах. Ред.

⁸⁸ - Уважая свободу суждений Редакция оставляет на страницах своего журнала отмеченные рискованные выражения автора настоящей статьи, но считает вынужденным объяснить, что все лучшие специалисты сектоведения считают термин «штундо-баптизм» – весьма удачным и совершенно отвечающим существу дела. Он определительно показывает на существование той фракции в штунде, которая подпала несомненному влиянию немецкого баптизма, но и не перестала быть юридически, и по существу своему той же штундой, причём влияние баптизма более внешнее, культовое, второстепенное, а не догматическое. Основной догмат об оправдании одной личной верой в искупительные заслуги Христа, как у духовной (безобрядовой) штунды, так и у штундистов-перекрещенцев (баптистов), остаётся один и тот же. А в этом вся суть. Термин этот совсем не означает отождествления штундизма с баптизмом. Ред.

⁸⁹ - И это не вполне точно: название «штундо-баптизм» установилось не за всей вообще штундой, а только за одной её фракцией, т. е. за тем сектантским толком, – который заимствовал у баптизма обряды водного в реке крещения взрослых и чаши (преломления), а также устройство миссии и иерархического института. Но ведь есть ещё и другой толк штунды, отвергающий водное

крещение и преломление, – так называемая духовная штунда или чаплинская, иначе ещё и младо-штундизм.

⁹⁰ - Вред происходит не оттого, что всероссийский съезд дал первому толку штунды название «штундо-баптизма», а с одной стороны от неточности редакции закона 1894 г., требующего разъяснения, какие под штундой разумеются толки этой секты, на которые должно распространяться действие упомянутого закона, а также от кассационного решения Сената (по делу Крючкова), истолкованного донскими штундистами в пользу признания Правительствующим Сенатом особой от штундизма секты русского баптизма. Ред.

⁹¹ - И опять мы не можем согласиться с таким мнением нашего уважаемого сотрудника. Терминология: младо-штундизм и старо-штундизм вошла в литературное употребление с лёгкой руки архиепископа херсонского Никанора. Но она уже потому неудачна, что тот толк, который окрещён названием младо-штундизм, в истории происхождения секты является как старшая фракция штунды, а старо-штундизм есть уже позднейший толк той же секты или младший. Иначе говоря, штунда в русском населении сначала появилась в форме пиетического и протестантствующего движения, заявившего себя решительным отрицанием всякой обрядности, провозглашением полной свободы от всего, что напоминало церковность, полного братского равенства между последователями, исключавшего в общинах церковно-должностных лиц, – словом, на первых порах штунда явилась настоящей церковной анархией, сектанты называли себя духовными, и фракция эта доселе удержала название среди сектантов «духовной штунды». Влияние на это движение баптизма немецкого явилось позже и тогда начал организоваться другой толк, то, что названо старо-штундизм или Косяковский толк штунды. Затем термин Косяковский толк и Чаплинский тоже сами по себе ничего не выражают: киевские штундисты – и чаплинцы и косяковцы – не первые пионеры этого учения. Первым очагом штунды в той и другой её фракции является Херсонская епархия, откуда уже значительно позже перекинулась штунда в киевские пределы. Название косяковская (штундо-баптизм) и чаплинская штунда (духовная) установлено впервые Ушинским, получившим первое письменное вероизложение этих толков секты в упомянутых сёлах. – Таким образом, прежняя терминология, которую автор наш считает «весьма удачной», совершенно случайная и ничего существенного в этой секте и не определяет, и не выражает, вот почему коллегия специалистов 2 и 3 всероссийских миссионерских съездов и остановилась на нынешней

номенклатуре: «штундо-баптизм» и «духовная штунда». Термины эти весьма скоро усвоены были всей нашей и миссией, и литературой противо-сектантской, что само собой говорит в пользу действующей номенклатуры. Ред,

⁹² - Смотр. нашу статью по этому вопросу в Православ. Обозрении за 1891 г. в № 3 под заглавием: «Южнорусский Штундизм». (Несколько слов по поводу исследования свящ. Ар. Рождественского: Южнорусский штундизм).

⁹³ - К изложенным соображениям автора необходимо также присовокупить ещё и то весьма важное основание по вопросу о неприменимости закона 27 марта 1879 года к русской штунде, что сектанты наши самовольно присвоили себе наименование баптистов. Как буквальный текст означенного закона 1879 г., так и суждения, происходившие при рассмотрении в Государственном Совете представления по сему предмету Министра Внутренних Дел, не оставляют сомнения в том, что закон 1879 года имеет в виду только протестантскую секту, именуемую баптизмом, и под действие его подходят лица, на законном основании принадлежащие к этой секте, т. е. родившиеся в баптизме, или перешедшие в него с соблюдением установленного законом порядка (уст. пред. прес. ст. 82) из лютеранства или иных неправославных исповеданий.. Конечно, возможны также случаи совращения в баптизм православных и раскольников, в смысле принятия догмы и обрядов этой немецкой секты, но самовольный переход из православия в какое-либо иное вероучение, являясь деянием не только воспрещённым, но и преступным, никогда не может создать законной принадлежности к сему вероучению совратившегося в оное лица (реп прав. Сената по делу Лециуса 1891 г. № 10), а потому представляется бесспорным, что льготами, предоставленными законом 27 марта 1879 года, немцам-колонистам не могут пользоваться русские люди, мнимо или хотя бы и действительно перешедшие из православия в баптизм вне тех условий, при которых такой переход допускается законом. Ред.

⁹⁴ - Брошюра эта заключает в себе небольшое вступление и три главы. В 1-й главе (4–18 стр.) автор сжато, в самых существенных чертах, без излишних, мало идущих к делу подробностей, излагает историю возникновения и развития штундизма с краткой характеристикой его, как секты, – именно – рассматривается тот период, когда штундизм в своём развитии был предоставлен исключительно самому себе. Во 2-й главе (19–40 стр.) трактуется об общении баптизма со штундой в порядке исторического развития секты; иначе сказать – рассматривается вопрос о влиянии баптизма на

штундизм в смысле усвоения этим последним некоторых баптистических основоположений и довольно подробно анализируется учение штунды, как самостоятельной секты, и устанавливается развитие в основных пунктах между штундой и баптизмом, как двумя различными сектами и по началу своего происхождения, и по догматическим особенностям. 3-я глава, как заключительная, представляет собой результат всего исследования, изложенный автором, в виде параллелизма, в семи кратких и ясных положениях, весьма удачно устанавливающих различие между штундой и баптизмом. Добытые автором результаты заслуживают полного к себе внимания, почему мы и выписываем их дословно. И это тем удобнее сделать, что они изложены кратко и сжато, и немного потребуют для себя места:

⁹⁵ - Собр. мнений и отзыв. по церк. госуд. вопр. V, ч. 2-я, 555 стр.

⁹⁶ - Собрание мн. и отзывов, т. V, ч. 2-ая, стр. 556.

⁹⁷ - Государственное учение Филарета митрополита московского, 2-е изд. Москва, 1885 г., 42 стр.

⁹⁸ - Собр. мн. и отз., Т. V; Ч. 2-я, 605, 555 стр.

⁹⁹ - Там же, IV т., 29 стр.

¹⁰⁰ - Там же, V т., 1-я ч., 238, 251 стр.; ч. 2-я. 601 стр.

¹⁰¹ - Собр. мн. и отз., т. V, ч. 1-я, 495 стр.; ср. ч. 2-я, 556 стр. и письма к высоч. особам, ч. 1-я, 3-я стр.

¹⁰² - Собр. мн. и отз., т. V, ч. 1-я, стр. 362; ср. письма к высоч. особам, ч. I, стр. 3-я.

¹⁰³ - Собр. мн. и отз. V, I, 362 стр.

¹⁰⁴ - Собр. мн. и отз. V, I, 362 стр.

¹⁰⁵ - Госуд. уч. Филарета, 126 стр.; см. о том же в письмах к Высоч. особам, ч. I, 11 стр.

¹⁰⁶ - Собр. мн. и отз., III т., 296, 293 стр.

¹⁰⁷ - Там же, IV, 330 стр.

¹⁰⁸ - Святитель здесь имеет в виду распоряжение кавказского комитета, дозволившего в 1860 году инославным миссионерам обращать в своё исповедание язычников, проживающих на Кавказе.

¹⁰⁹ - Гернгутеры – представители протестантского движения, отличавшиеся молитвенной жизнью и общинным характером проживания, потомки богемских или моравских братьев, появились в Германии в XVIII веке. ... – Редакция Азбуки веры.

¹¹⁰ - Собр. мн. и отз., IV, 557–558 стр.

¹¹¹ - Там же, III, 216, ср. 293 стр.

- 112 - Там же, III, 251 стр.
- 113 - Там же, т. V, ч. 2-я. 594 стр.
- 114 - Там же. стр., 742.
- 115 - Собр. мн. и отз., IV т., стр. 330–331.
- 116 - Там же, V т., 2 ч., 742 стр.
- 117 - Там же, IV, 469 стр.
- 118 - Письма к архиеп. тверек. Алексею, 268–269 стр.
- 119 - Собр. мн. и отз., IV т., 297 стр.
- 120 - Там же, 297 стр.
- 121 - Там же, 159 стр.
- 122 - Собр. мн. и отз. II, 373 стр.; III, 63 стр.
- 123 - Там же, V, 289 стр.
- 124 - Собр. мн. и отз. II, 410–411 стр.
- 125 - Там же, IV т., 299 стр.
- 126 - Собр. мн. и отз., т. долол., 463 стр.
- 127 - Там же. 463. 465 стр.
- 128 - Собр. мн. и отз., Т. V, 579, 441 стр.; Т. IV, 21 стр.
- 129 - Там же, IV т., 298 стр.
- 130 - Собр. мн. и отз. IV, 299 стр.
- 131 - Там же, II, 516 стр.
- 132 - Письма Филарета к Игнатию Камчатскому.
- 133 - Собр. мн. и отз. т. V 579 стр.
- 134 - Собр. мн. и отз., IV т. 299 стр.
- 135 - Собр. мн. и отз., IV, 230 стр.
- 136 - Собр. мн. и отз., VI, 512–513; V, 924–925 стр.
- 137 - Собр. мн. и отз., V, 598 стр.
- 138 - Собр. мн. и отз., IV т., 328 стр.
- 139 - Собр. мн. и отз., IV Т., 330–331:556, 89 стр.
- 140 - Собр. мн. и отз., V, 742, 417 стр., дополн. 7. 466 стр.
- 141 - Собр. мн. и отз., IV, 281, 297–298 стр.
- 142 - Там же, 299 стр.
- 143 - Собр. мн. и отз., IV т., 10 стр.
- 144 - Собр. мн. и отз. III, 254 стр., тоже, III, 107–109; IV т. 40–41 стр.
- 145 - Собр. мн. и отз. III т. 288 стр. 231 стр.
- 146 - Собр. мн. и отз. V т., ч. 1-я, 69–70 стр.
- 147 - Собр. мн. и возр., III т., 107–108: V т., 555 стр.

¹⁴⁸ - Собр. мн. и отз., IV т., 327–3 стр. 82.

¹⁴⁹ - Разница получалась так: Юлианский год на 11 мин. 14 с. длиннее астрономического, что в течение 128 лет образует целые сутки, что к 1582 г., когда был введён григорианский год, возросло до 10 суток, а к 1900 г. уже до 13 суток.

¹⁵⁰ - Маленькая неправда о нас, будто бы мы учим, что одного причащения, – достойно оно будет или недостойно воспринято, – достаточно для спасения. Неправда допускается ради оправдания неимения у беспоповцев св. причащения.

¹⁵¹ - Вруцелето (от др.-рус. «в руце лето» – год в руке) – метод устного счёта для определения дней недели по числу месяца в году с помощью пальцев рук и специальных таблиц. – Редакция Азбуки веры.

¹⁵² - Епáкта (греч. ἑπáκτῃ, лат. ерастае, ἑπáκτῃ ἡμέρῃ – добавочные дни), также эпакта или эпакт – возраст Луны на определённую дату солнечного календаря. Часто возраст Луны на 1 января... Епакты используются для перевода дат из лунно-солнечного календаря в даты солнечного календаря и обратно... – Редакция Азбуки веры.

¹⁵³ - Подробности см. в книге проф. Беляева А. о безбожии и антихристе. т. I. стр. 290–309.

¹⁵⁴ - Акты Зап. Руси 3-ий т. 138.

¹⁵⁵ - См. «Мисс. Обзор.», 1900 г. Январь.

¹⁵⁶ - Окружнический архиерей оказывается невежественнее и фанатичнее неокружнического попа. Поповцы одной деревушки Петербургской епархии долго не хотели допустить у себя открытия школы грамоты, не смотря на все просьбы приходского православного священника. Наконец, надумали они обратиться за советом к своему попу Кузьме (противоокружнику с Лиговки). Этот им ответил, что ныне без школы обойтись нельзя и что только дураки против неё, а что никонианский священник школу открывает, то что же из этого? Только бы он не курил, не лил, и вёл бы жизнь хорошую. После этого раскольники допустили у себя школу; священник их приходский отвечал условиям Кузьмы. Редакция.

¹⁵⁷ - Вот содержание этого письма в буквальной его точности:
„Ваше Преосвященство, Возлюбленный о Христе брат и юзник Христов, Епископ Силуан. Мир и благословение Божие да умножатся в Вас богато. Слышавши Ваше искушение, почли как собственно нашим – оно и действительно наше, потому что мы все братья о Христе. Я очень болю о том, что вас подобное искушение постигло, по утешающего в человецех несть; Архиепископ к подобным идеям мертв,

Духовный Совет торжествует что его соперники страждут и им несть до того дела, дабы только безумная воля взяла верх. Я приезжал на Кавказ по поручению архиепископа Савватия для исследования о мощах, которые в вашей епархии обретены в станице Алхан-Юрт, об которых вам бы следовало более беспокоиться и точней справки взять. – Вы подумайте хорошенько, что на этих неизвестных трупах освящаются церкви и сотни антиминов в запас освящены, – я не могу понять, как это от вашей проницательности ускользнуло такой важнейший акт. – Действительно, неизвестные трупья лежали в склепе без всякого признака христианства, вдруг признать за Савория царя Перского, детей Даду, Гаведая и Каздои. Эти мученики, как пострадали, вот уже 1200 лет, – не имея на это никаких данных, ни чудес, ни исторических свидетельств; нужно было бы отцу Стефану, этому отчаянному священнику, сфабриковать таковое странное дело. Прошу и умоляю Ваше Преосвященство обратить на это серьёзное внимание, расследовать это дело в самом тщательном и безукоризненном порядке. Нам и Вам жить ещё немного осталось, – а, пожалуй, этот вопрос по смерти вашей останется нетронутым и так далее будут церкви старообрядческие освящаться вместо мученических – на трупах не крещённых черкес, неотложно возьмитесь и возьмитесь с юношеским духом это нечестие исторгнуть от Церквей Божиих, ещё эта зараза ни весь наш район старообрядческого мира охватила. – Прося ваших святых молитв – искренно уважающий вас Анастасий Епископ Измаила. 25 августа». От редакции. В виду незнакомства многих наших читателей с письмом этим, да и вообще за недостаточной известностью его, даём ему место.

¹⁵⁸ - В селе Ивановском Казанского уезда, последователи бегунского учения даже требуют, чтобы священник крестил их детей. Но восприемниками ставят таких же заражённых учением бегунов, и ко св. причащению ребёнка не приносят.

¹⁵⁹ - Одо́нок – вологодск. одёнок, или одонки, одёнки мн. оденье перм. осадки или остатки, гуща на дне, подонки. | Оденюк, яросл. сиб. оденье перм. остатки сена от стога или нижний слой сена соломы в кладу. | тамб. скирд, стог, зарод... – Редакция Азбуки веры.

¹⁶⁰ - Миссион. обзор. 1899 янв. и апр. Наши две экспертизы

¹⁶¹ - Буквы К. С. значат «Книга с неба», т. е. Апокалипсис св. Иоанна богослова.

¹⁶² - Жаль, что о Магомете нет указания.

¹⁶³ - Любопытно, думает ли умереть Марья Ручьева.

¹⁶⁴ - Хлыстовский пророк XVII в.; об убийстве и воскресении его бредят хлысты. См. наше Руководство по истор. обыч. раск. ч. 3, стр. 223. Изд. 5-е.

¹⁶⁵ - И нашёл ли?

¹⁶⁶ - Откуда это известно?

¹⁶⁷ - Не стригольников, а жидовствующих.

¹⁶⁸ - Где об этом писано?

¹⁶⁹ - Ильин, основатель секты еговиетов.

¹⁷⁰ - Об этом еговисты могли узнать из наших статей.

¹⁷¹ - Господа Иегову никто же хулит, кроме еговистов.

¹⁷² - Наше Руков. по ист. раскол. ч. 1, стр. 120, изд. 5-е. Казань.

¹⁷³ - Историч.. свед. о возникнов. и устройств. монаст. Пермь. 1894 г. стр. 15.

¹⁷⁴ - Там же, стр. 5.

¹⁷⁵ - Никифоровский. «К истории Славяно-Беловодской иерархии». Самара 1891 г.

¹⁷⁶ - И справедливо, – так как Аркадий утверждал, что он посвящён древне благочестивым патриархом, конечно, несуществующим.

¹⁷⁷ - Хороши – единоверцы!

¹⁷⁸ - Историч. сведен. стр. 11 и 22.

¹⁷⁹ - Из отчёта о состоян. обители.

¹⁸⁰ - Там же.

¹⁸¹ - Миссионер. Обзор. январь 1899 г.

¹⁸² - Будет напечатано в одной из следующих книжек журнала. Ред.

¹⁸³ - В противоположном смысле высказались только В.М.

Скворцов, епархиальный миссионер и священник Пеньковский и присутствовавший в качестве ревнителя на собрании сотрудник Мис. Обзор. Михаил С-ко. Высокопреосвященный Антоний, при докладе ещё постановлений собрания епархиальным миссионером, высказал своё высокоавторитетное мнение в пользу особого мнения меньшинства.

¹⁸⁴ - Подручник – 1. небольшой квадратный коврик (тонкая подушка) для рук и головы при совершении земных поклонов у старообрядцев. 2. – (ὑποχεῖρος) подвластный, подчинённый. Синонимы: паладин, подручный, подсобник, помощник, пособник, приспешник, сподручник, сручник... – Редакция Азбуки веры.

¹⁸⁵ - Примеч. Этого в Библии не находится.

¹⁸⁶ - Такого правила Св. Апостол в Кормчей нет.

¹⁸⁷ - 11-е правило 6 вселен. Собора гласит об опресноках иудейских, а не о бороде.

¹⁸⁸ - Это клевета на патр. Никона. Закона церковного брить бороду в православной Церкви нет, да и всё православное духовенство бород не бреет.

¹⁸⁹ - Ломовой извозчик. ломовик (устар., разг.) – 1) кучер наёмного экипажа, предназначенного для перевозки тяжестей; 2) наёмный экипаж (с кучером), предназначенный для перевозки тяжестей. – Редакция Азбуки веры.

¹⁹⁰ - Империа́л – двойная скамья на крыше вагона трамвая, конки или автобуса. Обычно представлял собой длинную двойную скамью, на которой пассажиры сидели спинами друг к другу, а лицами – к двум противоположным сторонам улицы... – Редакция Азбуки веры.

¹⁹¹ - Том дополнительный 1887 г. стр. 377–390.

¹⁹² - Вельсиев. IV, 294.

¹⁹³ - Газета «Свет», 1899 г. № 39.

¹⁹⁴ - Разделившееся на ся – разделившееся само в себе (Мф.12:25) – Редакция Азбуки веры.

¹⁹⁵ - Дело о. Никите Семенове. Архив Министерства Вн. Дел по секретной части № 121.

¹⁹⁶ - Она-то и приходила несколько раз в академию к обратившейся Елизавете. См. «Мои письма» ... в «Мис. Обзор.» ноябрь и декабрь 1899 года.

¹⁹⁷ - Печать бывает большая и малая.

¹⁹⁸ - Под эсхатологией обычно понимают учение о смерти человека и его последующей судьбе, а также о кончине мира с сопутствующими ей событиями.

¹⁹⁹ - Протестантская секта, имеющей своих последователей в Екатеринославской, Херсонской и Киевской епархиях. (См. Мисс. Об. 1897 г. авг., кн. 1-я стр. 648–657), а в последнее время распространяется и в Петербурге бердянским книгопродавцем Перком. Кроме признания первого воскресения (психопаннихитство) и о совершенном уничтожении грешников после воскресения и суда.

²⁰⁰ - «Молокане одни ожидают тысячелетнего царства, (а, следовательно, и первого воскресения), другие напротив». отчёт Астраханского Кирилло-Меф. братства за 4-й (1888– 1889) год существования, стр. 139. «Баптисты несколько раз высказывали, что для всех праведников назначена одна степень блаженства, а для грешников одна степень мучения». Там же, стр. 156.

²⁰¹ - Беседа 2-я в неделю св. Пасхи; сл. и бес. на разн. сл. (1865 г.), т. II, стр. 161–162.

²⁰² - Ещё о дух. воскр. говорится Ин.5:25; Рим.6:4; Еф.5:14; Кол.3:1 и др.

²⁰³ - Не можем не привести здесь слов блаж. Августина: «Если бы независимо от того царствования, о котором Христос скажет в конце: приидите, благоеловеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие (Мф.25:34), святые Его... не царствовали уже с Ним ныне некоторым иным, хотя и далеко не равным образом; то Церковь Его, конечно, не называлась бы уже теперь Его царством иди царством небесным». О граде Бож. кн. 20 гл IX.

²⁰⁴ - Чтобы показать, каким образом возможен переход человека от смерти к смерти, припомним подобное же выражение Писания: от славы в славу (2Кор.3:18).

²⁰⁵ - См. Миссион. Обзор. 1900 г. февраль стр. 206–218.

²⁰⁶ - Собр. мн. и отз. III т., 92 стр.

²⁰⁷ - Собр. мн. и отз. III, 109 стр.; IV, 40–41 стр.

²⁰⁸ - Собр. мн. и отз., дополн. том, 379–383.

²⁰⁹ - Там же, 92 стр.

²¹⁰ - Собр. мн. и отз., III т., 93 стр.

²¹¹ - Собр. мн. и отз. IV т., 267 стр.

²¹² - Собр. мн. и отз. IV т., 297 стр.

²¹³ - Там же IV т. 514 стр.

²¹⁴ - Собр. мн. и отз. II т., 264 стр.

²¹⁵ - II т., 442–443 стр. письма митрополита Филарета к Гавриилу 29 стр.

²¹⁶ - См. жури, мннист. просв. 1835 г., ноябрь. Обзор. иноязычных в России газет и журналов, ст. 3 Педагогия.

²¹⁷ - Собр. мн. и отз., дополн. том, 229 стр.

²¹⁸ - Прпб. к твор. Св. Отцов 37 ч. 330–331 стр.

²¹⁹ - Собр. мн. и отз., II т, 22–21 стр.

²²⁰ - Псм. Высоч. Особ. 1, 26 стр.

²²¹ - Собр. мн. и отз. II т., 444 стр.

²²² - Там же, IV. 229–230.

²²³ - Собр. мн. и отз. II т. 70 стр.

²²⁴ - См. Миссион. Обзор. 1900 г. февраль стр. 226–237.

²²⁵ - Было доложено миссионерскому собранию в с. Котлах, Ямбургск. уезди, Петерб. губ.

²²⁶ - Редакции известны случаи в той же Петербургской епархии, только в Царскосельск. у., когда народ был недоволен введением фонаря и картин при религиозно-нравственных чтениях, основываясь на том, что к делу серьезному, душеспасительному незачем присоединять картины. Ред.

²²⁷ - В отсканированном варианте книги текст отсутствует. – Редакция Азбуки веры

²²⁸ - Вероятно, у детокрещенцев Захарьевцев с. Астраханки Таврической губ.

²²⁹ - Сомнительно, чтобы староверы так мягкосердечны и доверчивы были?

²³⁰ - «Миссионер. Обзорен.». февраль стр. 283–295.

²³¹ - Шибеница – ж. южн. зап. пск. рель, дыба, виселица, глаголь, костыль – столб либо два с перекладиной, для казни вешаемых преступников... Виселицы бывают: Г-образные (глаголь), Т-образные (костыль – редкое наименование и использование) и П-образные (наиболее часто встречающиеся) ... – Редакция Азбуки веры.

²³² - У Серёжи Антипова есть мамино.

²³³ - См. хронику за июль–авг. 1899 г. «Мис. Обзор.».

²³⁴ - См. хронику за май 1899 г. «Мис. Обзор.».

²³⁵ - Считаю не лишним заметить, что позже о. Фудель читал твой доклад в Московском Обществе любителей духовного просвещения и, в противоположность многолюдному петербургскому собранию, в Москве состоялось слишком немногочисленное собрание.

²³⁶ - Шэле́п – -а; м. (устар.) Плеть, нагайка. кнут, бич... употреблялись преимущественно среди духовенства, как наказание по приговорам духовных судов ... – Редакция Азбуки веры.

²³⁷ - Духоборы любят самых почтенных лиц своих, обыкновенно, величать ласкательными именами.

²³⁸ - См. «Миссион. Обзор.» февраль стр. 335

²³⁹ - Ра́ло или ора́ло (праслав. ordlo от пра-индоевропейского корня, ср. греч. ἄροτρον) – стар. церк. соха; примитивное земледельческое орудие, близкое к плугу, ныне: лемех, лемеш, сошник... – Редакция Азбуки веры.

²⁴⁰ - То же посредством того же. – Редакция Азбуки веры.

²⁴¹ - Не можем в подтверждение жизненности затрагиваемого автором вопроса не привести такую характерную справку. На суде, по делу распространения лжеучения штунды в Н-й губернии, защитник обвиняемых спрашивает приходского священника, вызванного в суд, в

качестве свидетеля: приходил ли к вам совращённый N для беседы просить разрешения мучивших его сомнений о предметах веры? – Да, приходил однажды, но я в беседе ему отказал, так как не имел времени, ибо в это время составлял рапорт его преосвященству о появлении секты, – ответил пастырь! Комментарии излишни – *Sapienti sat.* – На том же суде выяснилось, что когда вожак, прибывший из Питера, невозбранно проповедовал более года в одной захолустной деревеньке, приказал всем обольщённым выносить из хат иконы, то к сему же пастырю являлся один из колебавшихся с скорбным заявлением о сём и просил от Слова Божия опровергнуть злохуления главаря. Пастырь не подготовлен был к этому трудному полемическому вопросу, не удовлетворил надлежаще со-вопросника и тот пришёл и совершенно искренно заявил своим, что да, иконы надо выносить, и вынесли семь семейств. Между тем священник-старец примерной жизни и любимый приходом, но ни о какой штунде не слыхивал и допустил искре разгореться в большой пожар. Ред.

²⁴² - К сожалению, епархиальными управлениями в большинстве случаев забыт указ Св. Синода (от 29 февраля 1856 г. за № 102), предоставляющий им право требовать от гражданской власти сведений о родившихся и умерших раскольниках, о числе их браков. Более подробная статистика была бы поучительна.

²⁴³ - Правда, по установившейся практике «вступление в брак обратившегося в православие раскольника, после прежнего сожительства с лицом, принадлежащим к расколу, если об этом не записано в полицейскую метрическую книгу, не признаётся вступлением в новый брак, при существовании прежнего» (Реш. Граж. Касс. Д-та 1882 г. № 2; срав. Реш. того же Д-та за 1894 г. по делу Парфенова). Но видимая польза этого облегчения для перехода в православие во много раз перевешивается тем вредом, какой заключается для православных в свободных раскольничьих браках. При том же перед лицом Церкви имеет значение искреннее и глубокое побуждение души обращающегося, а не расчёт житейского удобства или выгоды.

²⁴⁴ - См. «Миссион, Обозрен.». 1900 г. март стр. 360–376.

²⁴⁵ - Составлено по личным наблюдениям.

²⁴⁶ - „Новожёны” у федосеевцев делятся на два разряда: одни – считающие семейную жизнь грехом, а другие – законной. Хотя те и другие наставниками не допускаются до совместного моления, но первые всё-таки признаются „христианами”, а последние считаются окончательно погибшими людьми. От новожёнов, особенно последнего

разряда, по правилам федосеевской секты, не должны быть принимаемы на кладбище никакие пожертвования; но так как эти пожертвования охотно там принимаются от тех и других новожёнов, то остроумные из наставников придумали говорить в своё оправдание: „деньги от новожёнов мы принимаем для покупки дров, употребляемых для топки печей; а огнём всякая новожёнческая нечисть истребится”.

²⁴⁷ - Ус не описывает полностью хлыстовских собраний и говорил о них весьма мало и неохотно.

²⁴⁸ - По правилам миссии первое слово на миссионерской беседе к собравшимся должно принадлежать приходскому священнику; как первому и главному миссионеру в данной местности. Это правило имеет своё важное значение и очень жаль, что оно забывается. Ред.

²⁴⁹ - Очевидно, молоканин предложил это обычное у сектантов возражение с целью отвлечь внимание слушателей от главного вопроса беседы. О. миссионеру, прежде чем отвечать на новое возражение, нужно было добиться от слушателей-молокан решительного ответа: согласны ли они с изложенными доводами? Ред.

²⁵⁰ - Сравн. Рим.12:5; Еф.1:10.

²⁵¹ - Для этого места старообрядец собственно и книгу раскрывал.

²⁵² - Сравн. Еф.1:10.

²⁵³ - Молитва «покаяния отверзи».

²⁵⁴ - Бес. I. Злат. V на 1 Тим. стр. 2409.

²⁵⁵ - Ср. 2Тим.2:20.

²⁵⁶ - Здырство, здирство (мало-росс.) – грабёж, лихоимство, вымогательство... – Редакция Азбуки веры.

²⁵⁷ - Издание именных икон для дела приходской миссии настолько важно, что я поговорю о нём особо на страницах „Мис. Обозр.“.

²⁵⁸ - Переполо́вить – црк. переполовинить, разделить, разрезать пополам, достигать середины, половины чего-либо... – Редакция Азбуки веры.

²⁵⁹ - См. прилож. апрель–июнь.

²⁶⁰ - Примечание к ст. 29 уст. о предупреждении и пресечении преступлений: „публичным оказательством раскола признаётся: 1) крестные ходы и публичные процессии в церковных облачениях; 2) публичное ношение икон; 3) употребление вне домов, часовен и молитвенных зданий, церковного облачения или монашеского и священнослужительского одеяния; и 4) раскольничье пение на улицах и площадях“.

²⁶¹ - Таковыми молитвословиями и обрядами, свойственными, обыкновенно, всем видам общественных богомоленных собраний штунды, по заключению Духовного Ведомства, служат: а) общее пение особо избранных библейских стихов и гимнов богослужебных книг секты: „Голоса веры“, „духовных стихотворений“, „Приношения Христиан“ и др.; б) чтение кем-либо из членов собрания, с проповедническим толкованием в духе лжеучения секты, избранных мест-Св. Писания, а также в) коленопреклонённая молитва, с произнесением импровизированных, вдохновенных молитвословий, без употребления крестного знамения.

²⁶² - П. С. З. т. XXVI, № 19621.

²⁶³ - В просмотренных нами делах Архива, Св. Синода о разрешении Единоверия в г. Казани, в г. Петербурге и др., никаких условий соединения просителями не выдвигалось; в прошениях своих эти лишь ходатайствовали о даровании им священников, с благословением служить последним по старопечатным книгам.

²⁶⁴ - См. напр. подобные рассуждения в Ц. Общ. Вестн. за 1883 г., № 56.

²⁶⁵ - Пр. Обзор. 1867 г. т. 22.

²⁶⁶ - Архив Св. Синода. Дело 1797 г. № 494 л. 3 и 4.

²⁶⁷ - Указ Святейшего Синода от 22 января и 22 июня о непризнании в духовном чине попов, бежавших к раскольникам.

²⁶⁸ - Архив Св. Синода. Дело 1797 г. за 494 л. 15 об.–17.

²⁶⁹ - См. там же л. 13–15.

²⁷⁰ - Из частного письма одного раскольника, бывшего единове́рца.

²⁷¹ - Искание старообрядцами архиерейства... Прав. Обзор. 1867 г. т. 22 стр. 519, 535. О том же просят они в других прошениях см., напр., стр., 506, 507, 508, 524, 530 и др.

²⁷² - Архив Св. Синода Дело 1797 г. – № 493 л. 1.

²⁷³ - Там же. Дело 1798 г. 620 л. 1

²⁷⁴ - Там же. Дело 1801 г. № 954, л. 85.

²⁷⁵ - См. Мис. Обзор. Март 376–390.

²⁷⁶ - В приложениях помещаем одну из употребительных песней, очень интересную во многих отношениях.

²⁷⁷ - Это обстоятельство с особенной ясностью обнаружено лет 10 назад в деревнях Старом и Новом Мазикове, Царевококшайского уезда.

²⁷⁸ - Это особенно удобно для тех «жиловых» бегунов, которые прокрываются именем других раскольничьих толков.

²⁷⁹ - Молиться об обращении царя явление не новое. Ещё Аввакум даже молитву составил об обращении царя Алексея Михайловича. Молитва его начиналась словами молитвы на освящение воды в день Богоявления: «Ты еси Бог наш, иже водою и духом обновивый обветшавшее грехом естество наше, Ты еси Бог наш, иже морем свободивый от работы Фараони Моисеем род еврейский. Ты еси Бог наш, разразивый камень в пустыни и потекоша воды, и потоцы наводнившая, и жаждущия люди Своя насытивый. Ты еси Бог наш, иже водою и огнем при Илии пременивый Израиля от прелести Бааловы. Сам и ныне, Владыко, премени от прелести царя Алексея бедного от новаго злодея Никона с дьяволом и даждь ему очищение и освящение и душевное прозрение. Устави смущение души его, яко воды морския, колеблющиеся ветры зельными. Приими жертву его слезную паче, нежели Авелеву. Приклони ухо Твое к молению нашему и возглаголи благая в сердца наша, отец наших и братии о нем к Тебе, Богу и Спасу всех, яко милостив еси и щедр Боже наш и Тебе славу воссылаем в Троице славимому Богу» (Сочин. Аввакум. т. VIII, 42). – Была молитва, более на заговор похожая, и о царе Петре I, составленная неизвестной крестьянкой Еленой Ефимовой: «Услышь, святая соборная церковь со всем Херувимским престолом и с Евангелием и сколько в том евангелии святых слов, – все вспомните о нашем царе Петре Алексеевиче. Услышь, святая соборная, апостольская церковь, со всеми местными иконами и с честными мелкими образами, со всеми с апостольскими книгами и с паникадилами, и с местными свечами, и со святыми пеленами, и с честными ризами, с каменными стенами и железными плитами и со всякими плодоносными деревьями. О молю и прекрасное солнце, возмолись Царю Небесному о царе Петре Алексеевиче! О млад светел месяц со звёздами! о небо с облаками! О грозные тучи с буйными ветрами и вихрями! О птицы небесные и поднебесные! О синее море с реками и с мелкими источниками, и с мелкими озёрами! Возмолитесь царю Небесному и о царе Петре Алексеевиче. И рыбы морские и скоты польские, и звери дубровные, и поля, и вся земнородные возмолитесь к Царю Небесному о царе Петре Алексеевиче» (Сборн. Есинова II, 193).

²⁸⁰ - Едва ли кроткие, а более упорные поносители всего священного, готовые под влиянием невежественного фанатизма, и в брак вступить с антихристом, а по невозможности, бегущие от страха, идеже не бе страх.

²⁸¹ - Какой же закон?... А внешнеобрядовые действия и молитвенные выражения искони веков изменялись.

282 - Не в этом, конечно, дело. Есть по сему и бедности много, которой составитель стихов не приметил.

283 - Какие же это уставы. Ведь они – одни и те же, что и прежде. А что встречается несоблюдение уставов, то и это не теперь только, по и прежде было. Зачем же говорить поэтому о падении древней святыни ... Если же и пала она, то у наших всех беспоповцев, у которых уставы богослужения древние действительно не блюдутся, по неимению законных совершителей.

284 - Сами захотели рассеяться.

285 - Никто не сжимает, исполняй только гражданские требования. Посмотри на других беспоповцев, – живут они очень спокойно и свободно. Зачем же лгать?..

286 - Никакой особой цены не платят. Разве взятки дают? – Это не хорошо.

287 - Не знает автор, какая была тогда свобода. Хулителей церкви, по уложению царя Алексея Михайловича, патриархом Иосифом подписанному, повелено сжигать. Ещё ранее еретиков жидовствующих в Новгороде привязывали к конским хвостам и влачили по городу. А теперь и бегуны живут в нашем царстве и много-много, полиция, обнаружив их, в место жительства отправит. Видится, что хорошо там, где нас нет.

288 - Без сомнения, – в законе евангельском! Зачем же теперь говорить, что он уже перешёл и к исполнению невозможен? – Ведь евангелие вечно. Небо и земля мимо идут, слова же Мои, говорил Христос Спаситель, не мимоидут.

289 - Разве теперь его нет. Разве четырёхконечный крест не „Господень крест? (кормч. гл. ...

290 - Зачем же теперь бегуны крещённых через погружение во имя Св. Троицы крестят в другой купели?..

291 - Мало похожи на наших бегунов, попрятавшихся в тайниках.

292 - И теперь милостью Божьей, расширяются границы Русского царства.

293 - А теперь разве нет уже этого? недавний пример св. Феодосия – на лицо.

294 - Далеко не все.

295 - Что ж тут худого? Господь открыл такую науку, которая существует целые тысячелетия.

296 - Не видят.

297 - Растительности тоже не видят.

²⁹⁸ - Подумать нужно, кто отпал от церкви Христовой прочь: – не все ли беспоповцы, не имеющие преемников апостольского служения и лишённые благодатных таинств, пребывающие в церкви умалённой, без хлеба жизни и без крови Завета, без печати дара Духа Святого, без грехов отпущения.

²⁹⁹ - Интересуясь миссионерской литературой и находя её очень скудной и мало применимой к практическим целям миссии, её Высочество изволила выразить живое сочувствие предприятию нашему издавать противо-сектантский журнал „Миссион. Обзор.“; тотчас по получении известия о разрешении нового издания, незабвенная матушка Великая Княгиня изволила своей лёгкою рукой сделать почин в подписке на журнал, взнесши подписную плату на несколько экземпляров. И почин её Высочества, действительно, оказался благим и лёгким.

³⁰⁰ - Письмо к издателю «Московских Ведомостей». В предупреждение кривотолков и недоразумений по поводу сего внушительного письма почтенного председателя Казанского миссионерского съезда, приводим в подлиннике журнал заседания, посвящённого данному вопросу „Заседание шестое, 28 июля 1897 г. съезд обсуждал вопросы о мерах внешнего воздействия на раскольников и сектантов, в видах пресечения им пропаганды своих лжеучений. При обсуждении настоящего вопроса сообщениями членов съезда установлено, что раскол и сектантство увеличивают свои ряды а) путём насильственного совращения своих детей, рождённых до отпадения и крещённых в церкви, б) через неисполнение данных раскольниками и сектантами по закону при заключении смешанных браков обязательств, относительно воспитания детей в духе православной веры и по обрядам церкви. Так, наприм., сектанты штундисты обыкновенно детей не крестят, а крещённых не приводят к обрядам и таинствам церкви, чем и совращают последних. По сообщению миссионеров, в некоторых сектах и толках (напр. хлысты) браки предпочтительно заключаются с православными чадами церкви в целях пропаганды своего лжеучения и увеличения числа последователей, причём сектанты мужья православных жён и отцы детей безнаказанно пользуются неограниченным правом насильственной пропаганды в среде семейной, употребляя для сего жестокие меры наказания, в отношении стойких в православной вере членов семьи. Постановили: I) В виду безнаказанных действий последователей раскола и сектантства по совращению своих семейств и по воспитанию детей, крещённых в церкви в духе секты: 1) возбудить перед Свят. Синодом ходатайство о восстановлении ст. 200 улож. о

наказ. и о распространении действия ст. 190 на расколы и сектантство, 2) признать желательными образование в епархиях с раскольническим и сектантским населением особых миссионерских фондов для воспопобления обращающимся в православие, а также устройство в епархиях приютов со школами для призрения сирот и детей раскольников и сектантов, кои по закону должны быть воспитываемы православными родственниками отпавших. Ред.

³⁰¹ - 209. Ред.

³⁰² - Пйщик – 1. Дудочка для подманивания птиц (охот.). 2. Пластишка для извлечения звуков в мундштуке деревянных духовых инструментов (муз.); 3. Приспособление в виде двух пластинок для изменения голоса актёра (спец.) . . . – Редакция Азбуки веры.

³⁰³ - Мисс. Обозр. апрель стр. 574.

³⁰⁴ - Автор этой беседы – брат Московского старообрядческого лже-архиерея Иоанна Картушина, – состоит Донским окружным миссионером и ревностно обличает австрийское лже-священство. Ред.

³⁰⁵ - Из показания Евграфа Соколова, возвратившегося в православие.

³⁰⁶ - Штундисты находятся в следующих пунктах епархии: Камиссаровке (Верхнеднепровского уезда), Васильковке (Павлоградского у.), хуторе Волчанском, Дебальцеве, Ново-Николаевке, род- Александровске (Александровского у.), Криничеватой, Ново-Александровке, Васильевке. Башмачке (Екатеринославского у), г. Ростове-Карповке (Мариупольского у.), д. Орловой, Ново-Бахмутовке (Бахмутского у.) и Николаевке (Славяно-сербского у.).

³⁰⁷ - Подпупие (-ье), я, ср. под пупом, пупком находящийся. Подпупье ср. подпупок м. место пониже пупа. – Редакция Азбуки веры.

³⁰⁸ - См. Мис. Обозр. Май.

³⁰⁹ - Собрание постанови. по части раскола. СПб. 1860 г. кн. II стр. 11–16.

³¹⁰ - Собр. мн. и отзыв. м. Филарета, т. дополнит. стр. 406–409.

³¹¹ - Брат. Слово. 1890 г. т. П, стр. 43–46.

³¹² - Собрание пост, по ч. раск. СПб. 1858 г. стр. 588.

³¹³ - Там же. стр. 470, 609;

³¹⁴ - Собр. пост, по ч. раск. СПб. 1860 г. кн. II. стр. 519 и дал.

³¹⁵ - Собрание пост, по ч. раск. СПб. 1860 г. кн. II, стр. 27–30.

³¹⁶ - Там же. Стр. 60–66.

³¹⁷ - Там же. Стр. 95.

³¹⁸ - Собр. пост, по ч. раск. СПб. 1858 г. Стр. 169.

³¹⁹ - Там же. Стр. 266. Дома частных лиц, в коих помещались единоверческие церкви, освобождены были от всякого казённого постоя (в 1846 г.) и от денежного сбора на квартирную повинность (в 1843 г.). Там же. Стр. 217–218, 428–429.

³²⁰ - Варадинов. История М. В. Д. т.8, стр. 83L Собр. пост. поч. раск. 1858 г. Стр. 266. На казённый счёт ремонтировали единомер. церкви (собр. пост. 1860 г. стр. 820).

³²¹ - Собр. пост. поч. раск. СПб. 1858 г. Стр. 332–333.

³²² - Составлено на основания дела за № 954 от 1801, хранящегося в архиве Св. Синода.

³²³ - Записка... о действиях и распоряжениях дух. начальства по отношению к расколу. СПб. 1874 г. стр. 284–285, 291.

³²⁴ - В последнем отчёте Обер Прокурора. Св. Синода об этом раскольничьем журнале, говорится (стр. 137), что в нём доказывается необходимость упразднения или реорганизации церковного управления в Российской церкви, полного разъединения церкви и государства, епархиальной, общинной, приходской свободы выбора епископов, общинно-бытового управления делами церкви; высказывается также множество и других требований, клонящихся к перевороту всего существующего строя нашей общественной жизни и церковно-государственных отношений“.

³²⁵ - Правосл. Обзорение 1888 г., янв. стр. 52.

³²⁶ - Е. Е. Голубинский. К нашей полемике со старообрядцами. М. 1896 г. стр. 49 и Богослов. Вестник 1893 г., авг. стр. 322.

³²⁷ - Характер отношении России к Прав. Востоку XVI–XVII ст. М. 1885 стр. 346.

³²⁸ - Правосл. Обзорение 1887 г., февр. стр. 363. Ср. ст. Е. Е. Голубинского Богосл. Вестник 1893 г., стр. 323–324.

³²⁹ - Сочинение против раскола Иверского архимандрита грека Дионисия. М. 1888 г., стр. 60.

³³⁰ - Каптерев. Характ. отн. стр. 332.

³³¹ - Там же стр. 331.

³³² - О сущности и причинах русского раскола. Сергиев Посад 1895 г. Русский раскол и вселенское православие 1898 г.

³³³ - Шапов. Русский раскол. Казань 1859 г., гл. II. Ср. Каптерев. Характ., отн. 331 и сл. его же Патр. Никон Прав. Обозр. 1887 г., апрель 787 и сил.

³³⁴ - Шапов. Цит. соч. стр. 216.

³³⁵ - Макарий. Ист. рус. церкви тт. X–XI.

- 336 - Тоже т. XII стр. 178 и сил.
- 337 - Там же стр. 218.
- 338 - Там же стр. 215. Макарий ист. рус. церкви стр. 162.
- 339 - Каптеров. Прав. Обзор. 1887 г., янв. 152.
- 340 - Там же стр. 180.
- 341 - У Качтерева. Прав. Обзор. 1887 г., стр. 831.
- 342 - С. А. Белокуров. Сильвестра Медведева „Известие истинное“. М. 1885 г., XXII.
- 343 - Милюков. СПб. 1897 г., стр. 48. Каптерев. Соч. изв. арх. Дионисия. стр. 9.
- 344 - Белокуров. Арсений Суханов. М. 1891 г., стр. 247.
- 345 - Там же, стр. 201–206:211–227.
- 346 - Макарий Ист. русской церкви, т. XII, стр. 531.
- 347 - Там же, стр. 776.
- 348 - Соловьев. Ист. России, т. XI, стр. 345.
- 349 - Прав. Обзор. 1888 г., янв., стр. 60.
- 350 - Статья составлена на основании „Дела о распространении в Омутнинском заводе, Глазовского уезда, секты называемой в просторечии дыромолярами“ (по архиву Вят. Дух. Консistorии № 997 по 1-му ст. № 580).
- 351 - См. Миссион. Обзор. Май.
- 352 - См. Мис. Обзор. Апрель.
- 353 - «Миссионерск. Обзор.» март, 390–397.
- 354 - Собр. мн. и отз. IV т., 300 стр.
- 355 - Там же, III т. 293
- 356 - Собр. мн. и отз. III т. 129 стр.
- 357 - Собр. мн. и отз. II т. дополнит., 465 стр. 292–273; V т. 2-я ч. 605 стр.
- 358 - Собр. мн. и отз. 292–293 стр.
- 359 - Собр. мн. и отз. III т. 292 стр.
- 360 - Там же, 293 стр.
- 361 - Собр. мн. и отз. IV т. 300 стр.
- 362 - Там же IV, 318 стр.
- 363 - Собр. мн. и отз., II т., 369–372 стр.
- 364 - Собр. мн. и отз. III т, 92 стр.
- 365 - Собр. мн. и отз. II т., 372 стр.

³⁶⁶ - Помещаемая на страницах нашего журнала автобиография одного из выдающихся и типичных распространителей новейшего сектантства представляет собой весьма ценный и интересный документ во многих отношениях, особенно для характеристики психологии главарей сектантов. На скорбную историю совращения Степана же похоже большинство случаев отпадений наших простолудинов. Заслуживает внимания и описание способов распространения лжеучения в столице и деревнях. Описывает сектант свою жизнь собственноручно безыскусно и вполне откровенно. Ред.

³⁶⁷ - Позволяем себе высказать сожаление, что молодой миссионер не заменил эту стражу просто ревнителями – спутниками. Ред.

³⁶⁸ - Эти беседы описаны мной в статье, напечатанной в декабрьских №№ „Кишинёв. Епарх. Ведомостей“ за 1899 год, под таким заглавием: „Как ведут себя на беседах с миссионером бендерские старообрядцы“.

³⁶⁹ - Село „Куничное“ – гласный раскольнический пункт моего района и уже по самому количеству своих жителей является, вместе с слободой Грубно, средоточием раскола в северной Бессарабии. Сами куничане с гордостью называют своё селение „старообрядческой лаврой“. Жителей в Куничном более двух тысяч человек обоёго пола. Все они – неокружники прихода Петра, лже-епископа Бессарабского и Черниговского; священствует у них уважаемый старообрядцами престарелый лже-протопоп Иерофей Макаренков.

³⁷⁰ - Куреневский раскольнический монастырь находится в Подольской губернии, в 15 верстах от станции „Попелюхи“ Киево-Одесской железной дороги. Относительно Куреневского монастыря вот что сказано в отчёте Г. Синодального Обер-Прокурора за 1896 и 1897 годы („Церков. Ведомости“ 1900 г., № 3, стр. 21): „Некоторые из раскольнических монастырей, по своему влиянию на раскол, выделяются из ряда других. Таков Куреневский раскольнический (мужской и женский) монастырь, находящийся в Ольгопольском уезде, Подольской губернии. Снабжая всю Россию раскольническими архиереями противо-окружнического толка, монастырь этот рассылает по своему югу своих монахов и монахинь, как агентов для поддержания и распространения раскола“. Но словам куничского лже-протопопа Иерофея Макаренкова, с которым я имел беседу 5-го числа мая, в Куреневку собирается на Николин день до четырёх тысяч раскольников. Из старообрядческих „владык“ сюда к этому времени приезжают: Пётр Бессарабский и Черниговский, Кирилл Одесский и

Михаил Черниговский; что же касается лже-иереев, то их собирается из разных губерний иногда более двадцати человек. Мой собеседник, кунический лже-протопоп Иерофей, вечером 6-го мая, также уехал в Куреневский монастырь, в котором он ежегодно бывает в это время.

³⁷¹ - Лже-протопоп Иерофей не столько сожалел об украденных деньгах, сколько о том, что вор по неосторожности опрокинул кувшин с миром, стоявший под лавкой. „Откуда мы теперь достанем миро?!“ с горечью говорил Иерофей своим пасомым, после одного из своих служений в часовенной церкви. Я отмечаю эту подробность потому, что она прекрасно характеризует небрежное отношение раскольников к своей мнимой святыне.

³⁷² - Сделанная мной характеристика бессарабских раскольников нисколько не страдает преувеличением. Отмеченная мной склонность старообрядцев к воровству и мести находит для себя объяснение в том обстоятельстве, что главные раскольниковские пункты северной Бессарабии населены преступными выходцами из России, бежавшими сюда ещё в то время, когда Бессарабия находилась под турецким владычеством. В более позднее время население здешних раскольниковских слобод увеличилось людьми, которые бежали в Бессарабию из внутренних губерний, спасаясь от кары закона за содеянные преступления или от рекрутской повинности. И в настоящее время в селе Куничном, да и в других раскольниковских селениях северной Бессарабии, находят себе приют люди с самым сомнительным прошлым, вынужденные менять своё имя для того, чтобы личность их не была обнаружена. Таким образом, склонность к совершению преступлений является врождённым качеством бессарабских старообрядцев. Не удивительно после этого, что в селе Куничном, напр., не только воровство, но даже и убийство – обычное явление. Всего замечательнее, что судебным властям редко удаётся обнаружить виновных. Всякий раз, когда в Куничное приезжает судебный следователь совершать дознание по какому-нибудь делу, раскольники, заранее сговорившись, дают ему неправильные показания и намеренно выгораживают виновных, стараясь направить следствие на ложный путь. Показать правду никто из раскольников не решается, из опасения жестокой мести со стороны своих единомыслителей.

³⁷³ - Из „Веры и Раз.“ кн. 9.

³⁷⁴ - Окружнический поп. Ред.

³⁷⁵ - Т. е. неокружников. Ред.

³⁷⁶ - Известный противник окружного послания, первый восстал против него; недавно, как слышно, присоединился к окружникам. Ред.

³⁷⁷ - Т. е. если бы жили в царствование Николая I...

³⁷⁸ - Давыд Антипов, Гусяк, грубый, дерзкий и невежественный защитник неокружников и приятель не менее грубого и невежественного лже-архиерея Софрония. Ред.

³⁷⁹ - Т. е. Онуфрий, наместник Белокриницкого митрополита, а потом, по присоединении к Православной Церкви, инок Никольского единоверческого монастыря. Ред.

³⁸⁰ - Афанасий – человек суровой жизни – в 1861 г. был избран на Московскую раскольничью кафедру, но предъявил такие строгие к раскольникам требования, что первые же избиратели отказались от него. Ред.

³⁸¹ - Швáльня – ж. Устар. Портняжная мастерская... – Редакция Азбуки веры.

³⁸² - Минувшим летом скончался за границей в Германии. Знал я этого Устиновича хорошо. Покойный бывал и у меня. Скажу: это был христианин, но не православный. Он верил во Христа, читал евангелие, но к посланиям св. апостолов относился критически. У него не было церкви, иерархии. Лютеранство, молокане, штунда и пр, – это была любимая его братия. Когда о. Матюшннский доказал, что журнал г. П. А. Устимовича служит в пользу сектантов, я удивился, когда последний стал отрицать это своё направление и защищался мундиром судьи. Воистину апостола, сказал: „всяк человек ложь“. Да простит Господь усопшему его вольные и невольные заблуждения.